
This is a reproduction of a library book that was digitized by Google as part of an ongoing effort to preserve the information in books and make it universally accessible.

Google™ books

<https://books.google.com>

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 07855748 9

*QCA

C

СОВРЕМЕНИКЪ

1862

№ III МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА
(На Невскомъ, домъ Лихачева № 38)

.. — ВЗГЛЯДЪ НА РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ. Часть вторая. М. А. ФИЛИПОВА.	5
I. — ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Романъ. Часть первая. Н. СТАНИЦКАГО.	41
II. — ЖУРНАЛИСТИКА ВО ФРАНЦИИ ВО ВРЕМЕНА КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ. П. П. ПЕКАРСКАГО.	177
IV. — ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ БАРБЬЕ И ГЮГО. — 1) Минотавръ. — 2) «Ночь чернымъ покровомъ лежала кругомъ». — 3) Совѣсть. — 4) Маргаритка. — 5) «Земля кремнистая, холодная, скупая». Стихотв. С. ДУРОВА.	213
V. — ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. (Фантазія).	221
VI. — ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ П. Л. В. П—Л—ВА.	243
VII. — ИЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАСТАВНИКА СЕМИНАРИИ.	277
VIII. — Изъ стихотворенія: «ДЕРЕВНЯ». Ф. Н. ВЕРГА.	289
IX. — ЖИТЕЙСКІЯ СЦЕНЫ. СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА. Сцены А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.	293
X. — ОТЧИЗНА. Стихотв. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.	321
XI. — ИЗЪ БАРБЬЕ. Стихотв. П. М. КОВАЛЕВСКАГО.	323

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — КАПРЕРА. ЛЕОНА БРАНДИ.	1
XIII. — САМОЗВАННЫЕ СТАРЪЙШИНЫ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.	47
XIV. — ПО ДѢЛУ О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ЦЕНСУРЫ. (Письмо въ редакцію). Н. — ЕНА.	59
XV. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — АСМОДЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. (Отцы и дѣти. Романъ И. Тургенева. «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 2). М. А. АНТОНОВИЧА.	65
XVI. — НОВЫЯ КНИГИ: Естественное Право, или Философія Права. Ф. А. Шиллинга. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Капустина (115). — Ясная Поляна. Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый гр. Л. Н. Толстымъ. — Ясная Поляна. Книжки для дѣтей. Книжки 1-я и 2-я.	122
XVII. — ФРАНЦУЗСКІЕ ЗАКОНЫ ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.	141
XVIII. — ПОЛИТИКА. (Съверо-американская война. — Дѣло въ англійскомъ парламентѣ о деревянныхъ корабляхъ и каменныхъ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ.—Прусскія дѣла). 177	177

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОСТЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ТОМЪ ХСII

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

1862.

СОВРЕМЕНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

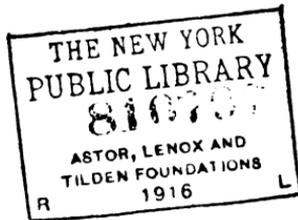
ТОМЪ XII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, марта 20 дня 1862 года.

Цензоръ: *Θ. Еленевъ.*

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ.

Часть вторая (*).

«Мы одно любимъ, одного желаемъ:
любимъ отечество; желаемъ ему благо-
денствія еще болѣе, нежели славы!»

КАРАМЗИНЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ первой части настоящаго моего сочиненія, я обѣщался *скорѣ* печатать вторую его часть; но не исполнилъ своего обѣщанія. Причины были слѣдующія: еще въ сочиненіи моемъ «Взглядъ на русское судоустройство и судопроизводство», я объявилъ свою программу: я тогда объяснялъ, что я не пишу исключительно ни теорію, ни исторію судоустройства и судопроизводства, а излагаю только тѣ юридическія философскія истины, которыя вытекаютъ изъ сущности настоящаго нашего русскаго общества. Вотъ почему я и обратилъ тогда вниманіе

(*) Первая часть «Взгляда на русскіе гражданскіе законы» напечатана во 2-мъ и 3-мъ №№ «Современника» 1861 года.

не столько на теоретическое или историческое значеніе каждаго юридическаго факта, какъ на современное его значеніе, и если я касался законодательныхъ вопросовъ съ этихъ двухъ сторонъ, то единственно для того только, чтобы уяснить предметъ и показать его настоящее положеніе. Какъ принято было мое сочиненіе обществомъ — не мнѣ судить: одно только «Русское Слово» упрекнуло меня въ томъ, «что мое сочиненіе неучено». Такъ какъ я не имѣю претензіи на ученость и, по остроумному выраженію «Одесскаго Вѣстника», пишу въ угодность *массы*, то я нисколько не исправился послѣ профессорскихъ увѣщаній г. Лохвицкаго, и прислушавшись къ насущнымъ потребностямъ нашего общества, приступилъ въ печатанію первой части другаго своего сочиненія: «Взглядъ на русскіе гражданскіе законы». Это послѣднее носило на себѣ тотъ же характеръ, какъ и первое: оно написано было для презрѣнной толпы, поэтому безъ ученыхъ цитатъ и историческихъ изысканій, извлекло права и обязанности, вытекающія изъ союза семейственнаго въ томъ видѣ, какъ того требуетъ настоящее наше общество. По отпечатаніи этого сочиненія я ожидалъ, что отвѣтитъ общество и литература на предложенные мною вопросы, для того, чтобы судить: справедливо или нѣтъ мое направленіе и долженъ ли я продолжать начатое мною дѣло. Консерваторы не преминули высказаться рѣзко на мой счетъ въ нѣкоторыхъ журналахъ; тѣмъ дѣло и кончилось... Изъ этого я заключилъ, что я, вѣроятно, иду прямымъ путемъ и что мнѣ нужно продолжать свой трудъ... Но при этомъ смѣю завѣрить консерваторовъ, что никакой скрежетъ зубовой, никакія тенденціи, съ выписками изъ ученыхъ авторитетовъ, не помогутъ имъ выиграть дѣло: общество слишкомъ далеко шагнуло впередъ, чтобы его можно было погрузить въ прежнюю летаргію. Рѣка, прорывши плотину, — неупержима въ своемъ теченіи. Намъ трудно было высказаться, заявить наши нужды, наши насущныя потребности; но высказавшись, мы не отречемся отъ своихъ убѣжденій, мы не пойдемъ назадъ во имя вашихъ реторическихъ возгласовъ. Во имя братства и любви, мы пойдемъ впередъ, не оглядываясь въ наше печальное, бесплодное прошедшее, которое было однимъ сцѣпленіемъ горя и страданій... Какое намъ дѣло: внесено ли было данное общественное начало монголами, или бюрократіею... Намъ только извѣстно одно, что наше прошедшее было куда какъ небластительно!...

Желая всею силою моей души возрожденія общества, я развилъ въ первой части настоящаго моего сочиненія, нѣсколько гуманныхъ началъ: вотъ почему я и не придавалъ моему труду ученаго характера, не занялся историческими изслѣдованіями и не дѣлалъ ссылки на западныя учрежденія... Я поставилъ всѣ вопросы нашей семейной жизни въ тотъ видъ, какъ они находятся въ

настоящее время, сообразно съ нашимъ умственнымъ развитіемъ. То же самое буду я дѣлать и съ остальными частями нашего гражданскаго права, и если коснусь исторіи, то только для уясненія вопроса. Какое намъ дѣло, сказалъ я ужъ разъ въ «Современникѣ», что *правезъ* быть нѣкогда въ модѣ или что *мьстничество* было закономъ и обычаемъ... Здѣсь дѣло не въ существованіи факта, а въ томъ: хорошъ ли онъ или нѣтъ. Вотъ почему я принимаю главнымъ юридическимъ началомъ не преданія, не обычай, а любовь и правду.... Если законъ противорѣчитъ здравому смыслу, или сущности современнаго общества, или природѣ человѣка, то какъ бы онъ ни вкоренился въ обществѣ, онъ долженъ быть замѣненъ болѣе рациональнымъ началомъ: иначе не будетъ и прогресса, иначе внуки будутъ жить ошибками своихъ дѣдовъ, между тѣмъ какъ прошедшая жизнь народа, какъ и отдѣльнаго человѣка, должна быть его школою и горниломъ, въ которомъ должны перегорѣть всѣ его ошибки и забужденія... Что же касается до меня, то скажу словами Руссо: «j'aurais voulu vivre et mourir libre, c'est-à-dire tellement soumis aux lois, que moi ni personne n'eut pû secouer l'honorable joug, ce joug salutaire et doux, que les têtes les plus fières portent d'autant plus docilement, qu'elles sont faites pour n'en porter aucun autre» (*)... Долгъ каждаго честнаго гражданина мыслить подобно Руссо; но подчиняясь совершенно существующему закону, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не высказать тѣхъ началъ, которыя по нашему мнѣнію могутъ составить краеугольный камень нашего общественнаго блага; мы не можемъ не заявить тѣхъ нуждъ, къ которымъ мы присмотрѣлись въ обществѣ; не можемъ пощадить ошибокъ нашихъ отцовъ и выставлять ихъ за непреложный законъ... Прошли ужъ невозвратно тѣ приторно-саентиментальныя времена, когда мы ублажались смрадомъ и копотью нашихъ домашнихъ очаговъ; исчезъ въ насъ и квасной патріотизмъ.... Рѣчь идетъ теперь о томъ, чтобы обсудить нашъ русскій законъ и возвысить его на ту степень, на какой находятся теперь наши нравственныя и философскія убѣжденія. Словомъ, я домогаюсь основательной критики закона, анализа нашихъ общественныхъ нуждъ и потребностей: этими путями мы только и можемъ достигнуть правды и законовъ, главный элементъ которыхъ будетъ народный духъ, народный умъ, народная жизнь.

(*) См. Oeuvres complètes de Rousseau. Paris. 1820. p. 32 Discours sur l'origine et les fondemens de l'inegalité parmi les hommes.

ГЛАВА I.

О ПОРЯДКѢ ПРИОБРѢТЕНІЯ И УКРѢПЛЕНІЯ ПРАВЪ НА ИМУЩЕСТВО.

1) *Право собственности.*

Существуетъ старинное понятіе, что земля со всѣмъ царствомъ животныхъ, растеній и ископаемыхъ создана для человѣка. Наука же опредѣляетъ, что земля со всѣми ея обитателями, растительностью и ископаемыми—есть одно цѣлое, другъ-друга обуславливающее. При такомъ началѣ естественно исчезаетъ и понятіе, что все находящееся на землѣ есть собственность человѣка, или, другими словами, что онъ имѣетъ естественное, верховное право господствовать надъ всѣмъ, все употреблять для своихъ благъ и всѣмъ распоряжаться по своему произволу. Но какими же путями дошелъ онъ до настоящаго фактическаго своего состоянія—господства и владѣнія землею?... Человѣкъ обладаетъ разумомъ и даромъ слова. Эти двѣ силы дали ему возможность — съ одной стороны изыскать способы и мѣры противустоять противъ враждебныхъ ему стихій и животныхъ; съ другой стороны — соединиться въ общество и совокупными силами стремиться къ обладанію землею. Разумъ открылъ человѣку все превосходство его надъ остальнымъ царствомъ животныхъ, сдѣлалъ его непобѣдимымъ и подчинилъ ему всѣхъ ихъ; а посредствомъ дара слова, соединившись въ общества, — онъ упрочилъ свой бытъ относительно враждебныхъ, грубыхъ силъ, заключающихся въ самой природѣ человѣка. Но и самъ человѣкъ все-таки есть животное, съ его грубымъ инстинктомъ—побороть все слабое и употребить его на поддержаніе своего собственнаго существованія. Вслѣдствіе этого, первобытный человѣкъ и сталъ изыскивать мѣры защищаться отъ хищничества другихъ животныхъ и побѣждать звѣрей, для употребленія ихъ на поддержаніе собственной своей жизни. А размножившись и распавшись на семейства и племена, люди стали враждовать другъ противъ друга, вслѣдствіе болѣе или менѣе выгоднаго положенія мѣстопребыванія тѣхъ и другихъ. Руководимые грубыми животными инстинктами преобладанія слабого надъ сильнымъ, — они до тѣхъ поръ враждовали между собою, пока разумъ и опытъ не убѣдили ихъ соединиться въ общества и принять извѣстныя условія, для сохраненія мира и спокойствія между собою. Понятіе о «моемъ» и «твоемъ», — не могло не возникнуть изъ такихъ отношеній: мы видимъ, что каждое животное защищаетъ свое гнѣздышко или логовище. Воробей и

ласточка, свивши гнѣздо, будутъ драться до смерти и уступать его только послѣ большихъ усилій другой птичкѣ; собака, нашедшая кость, безъ бою не отдаетъ ее сопернику. Такъ было и съ человѣкомъ: занявъ семью, или племенемъ, данное мѣсто, привыкнувъ къ нему и найдя въ немъ всѣ удобства для своей жизни, онъ сталъ дорожить имъ и, по неразвитости своей, не будучи въ состояніи отдѣлать себя отъ окружающей его природы, — онъ сталъ глядѣть на свое мѣстожителство, какъ на нѣчто слитое съ нимъ: вотъ почему онъ такъ горячо отстаиваетъ свое мѣстожителство отъ нашествія другихъ племенъ. Кромѣ этого, у него нашлись еще и другіе предметы, изысканныя имъ для удовлетворенія своихъ нуждъ, какъ-то: домашній скотъ, одежда, оружія и т. д.; всѣ эти предметы, созданныя его руками или будучи слѣдствіемъ его изысканій, терпѣнія и труда, стали разсматриваться имъ, какъ предметы нераздѣльные съ его личностью. И естественно: человѣкъ, сражавшійся съ звѣремъ и жертвовавшій своею жизнію, чтобы сдѣлать себѣ одежду изъ его кожи, имѣлъ основаніе считать себя болѣе въ правѣ, нежели другой, носить эту одежду; или употребляя большія усилія и труды на сооруженіе себѣ жилища, соорудитель долженъ былъ считать себя исключительнымъ обладателемъ построеннаго имъ двора и хижины. Поэтому мы полагаемъ, что *de facto* собственность недвижимая и движимая установилась одновременно, какъ только человѣкъ появился на землѣ. Отвергать это, значить — отрицать въ немъ обще-животный инстинктъ: защищать свое логовище и свою пищу. Такимъ образомъ, корень преобладанія человѣка надъ прочими животными заключался настолько же въ его животномъ инстинктѣ, насколько въ его разумномъ началѣ, и оно является какъ бы закономъ природы: человѣкъ становится царемъ земли.

Это обладаніе фактически установилось и сдѣлалось закономъ человечества, и мы признаемъ за нимъ это право. Благо человѣческаго рода обусловливается его преобладаніемъ надъ прочими животными; но вопросъ: улучшается ли этимъ бытъ и другихъ животныхъ? Еще Руссо сказалъ: что все въ природѣ выходитъ изъ рукъ Творца совершеннымъ и что къ чему ни коснется человѣкъ, онъ все передѣлываетъ и перекраиваетъ на свой ладъ. И дѣйствительно, возьмите домашнихъ животныхъ и птицъ и сравните ихъ съ первобытными ихъ племенами и вы убѣдитесь, до какой степени обезображена въ нихъ природа. Въ какой уголъ земли ни появится человѣкъ, онъ начинаетъ истреблять звѣрей, птицъ на разныя свои нужды и потребности и часто до того доводитъ свое хищничество, что съ лица земли исчезаютъ цѣлыя породы. И замѣчательно, чѣмъ болѣе развивается человечество, чѣмъ болѣе оно совершенствуется въ открытіяхъ и наукахъ, чѣмъ дальше

на землѣ онѣ разбрасываетъ свои поселенія, тѣмъ хуже становится быть другихъ животныхъ на землѣ и вѣроятно же всего, что современемъ исчезнутъ многія ихъ породы. Поэтому мы вправѣ сказать, что развитіе человѣчества ни сколько не приноситъ блага остальному царству животныхъ; напротивъ того, оно служитъ ему страшнымъ смертоноснымъ бичемъ. Если человѣчество, въ теченіе тысячелѣтій приучило свой организмъ къ тому, чтобы употреблять въ пищу животныхъ и если его благо зависитъ отъ помощи, оказываемой ему, въ его трудахъ, многими домашними животными, то можно допустить это право, только какъ необходимое зло. Но при этомъ нельзя не сказать слѣдующаго: если для счастья человѣка, какъ необходимое зло, можно допустить, чтобы онѣ обращалъ животныхъ въ свою собственность, то вмѣстѣ съ тѣмъ нравственное чувство наше требуетъ, чтобы мы обходились съ животными по возможности справедливо, безъ жестокостей, и не обременяли ихъ трудомъ, несообразнымъ съ ихъ силами. Какъ часто случается намъ видѣть, что извозчикъ нагружитъ на повозку пудовъ 60 и бьетъ безпощадно свою клячу, заставляя ее тянуть тяжесть, которая не по силамъ ей. Изнеможенные отъ дурнаго корма и тяжелой работы, часто подобныя лошади издыхаютъ подъ ударами. Или, не возмутительно ли видѣть, какъ нерѣдко, по деревнямъ, водятъ цыганс и крестьяне медвѣдей, ослѣпленныхъ, съ рылами проколотыми насквозь желѣзомъ, и заставляютъ ихъ палякою выплясывать. Или что переносятъ обезьяны и собачки савояра, который съ шарманкою бродитъ съ ними и заставляетъ ихъ представлять разныя комедіи.... Справедливы и милосердны законодательства, назначающія штрафъ за подобное жестокое обращеніе съ животными: если наша природа такова, что мы должны употреблять на свои нужды и потребности животныхъ, то этимъ еще не дано намъ право ихъ мучить безъ нужды. Корыстолюбіе заставляетъ извозчика плохо кормить коня, а много имъ работать; лѣность и не любовь къ серьезному труду побуждаютъ цыгана и савояра употреблять мученія медвѣдя и обезьяны въ потѣху толпы, для того, чтобы бросили имъ копѣйку; а такія побужденія должны обратить вниманіе законодательства на уничтоженіе подобнаго зла, немогущаго принести человѣчеству никакой существенной пользы. Наше законодательство позаботилось только относительно охоты: оно запретило истреблять дичь въ то время, когда она вскармливаетъ своихъ дѣтенышей; но желательно бы было, чтобы запрещено было жестокое обращеніе съ животными и истребленіе ихъ безъ существенной надобности. Дѣло это давно поднято въ Европѣ, но не рѣшено еще всѣми законодательствами. У насъ же въ Россіи возбуждено столѣ-

ко гуманнѣхъ вопросовъ, что я считалъ не излишнимъ сказать нѣсколько словъ въ пользу и неразумныхъ животныхъ.

И такъ вопросъ рѣшенъ, что животныя по теоріи не могутъ составлять собственности человѣка, такъ какъ это противно закону справедливости; тѣмъ болѣе нельзя признать этого права за человѣкомъ надъ равнымъ себѣ. Natura создаетъ всѣхъ людей одинаково полноправными и свободными, то есть достойными вкушать тѣ блага, которыя назначила имъ; потому всякое человѣческое учрежденіе, противное этому — есть нарушеніе правды, есть отступленіе отъ естественнаго закона. Многіе противники этой идеи основаніемъ своего ученія принимаютъ то начало, что человѣкъ не можетъ господствовать надъ себѣ равнымъ, т. е. надъ тождественною съ нимъ расою, и что негры, составляя отдѣльное племя, не могутъ подходить къ этому правилу.

Выше я доказалъ, что человѣкъ не имѣетъ, по естественному закону, права обладать какимъ бы то ни было живымъ существомъ; тѣмъ болѣе нельзя за нимъ признать этого права относительно людей, хотя бы они и принадлежали къ другой расѣ. И почему — вопросъ — бѣлая раса должна непремѣнно преобладать надъ черной? Защитники рабства послѣдней основываются на томъ, что бѣлые нравственно и умственно развитѣе черныхъ; но аболиціонисты доказали, что и негры, если имъ даютъ надлежащее образованіе, по развитію нисколько не уступаютъ бѣлымъ людямъ. Но допустимъ даже противное этому, все-таки черная раса развѣ виновна въ томъ, что жизнь этого племени сложилась не при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находились бѣлые люди? Послѣдніе также не всѣ стоятъ на одинаковой степени развитія; слѣд., по теоріи защитниковъ рабства, развитый человѣкъ вообще имѣетъ право господствовать надъ необразованнымъ?.. Положимъ, что я лично стою въ своемъ умственномъ развитіи высоко и мнѣ усвоивается право обладать надъ неразвитымъ существомъ; но кто можетъ поручиться, что мои потомки не будутъ стоять ниже своихъ рабовъ, по своимъ умственнымъ способностямъ?.. Никакіе политическіе принципы и государственныя причины не могутъ оправдать учрежденія рабства и торгоа людьми.

Человѣкъ не можетъ стать собственностью; остается рѣшить вопросъ: что же можетъ ею сдѣлаться?

Выше я ужъ сказалъ, что человѣкъ, сдѣлавъ что нибудь собственнымъ своимъ трудомъ и усиліями, имѣетъ исключительное право пользоваться дѣломъ рукъ своихъ. Этотъ принципъ не противорѣчитъ естественному закону: если природа дала мнѣ столько силы и терпѣнія, положимъ, посѣять десятину ржи, убрать и смолотить ее, — то я избытки мои могу промѣнять другому на такой предметъ, который не

нуженъ этому лицу, и вещь, пріобрѣтенная мною, безспорно должна быть моя. То же самое должно сказать и о жилищѣ: если я устроилъ свое мѣстопробываніе, употребилъ на это многіе хлопоты и труды, то я имѣю исключительное право жить въ немъ. На этомъ началѣ было основано въ древнія времена занятіе извѣстныхъ земель племенами и народами: данное племя, занявши извѣстный клочокъ земли, вначалѣ кочевало на немъ, занимаясь охотой; потомъ оно устроивало поселенія, чтобы защититься отъ стихій, хищныхъ звѣрей и нападений другихъ племенъ. Естественно, что употребивъ большія усилія на постройку поселеній и привыкнувъ въ данной мѣстности, люди стали глядѣть на занятую ими землю, какъ на свою принадлежность, такъ какъ они видѣли въ ней источникъ своего существованія. Даже въ настоящее время нашъ крестьянинъ не можетъ отдѣлится отъ земли; мы и не осуждаемъ его за это: земля его кормитъ и поитъ, въ ней заключается вся будущность его семьи; наконецъ умирая, онъ уноситъ туда всѣ свои горести и печали. *Сыра земля* есть его *мать-кормилица* и утѣшительница всѣхъ его скорбей. Первобытный человѣкъ не отдѣляетъ себя ни отъ природы, ни отъ земли, оттого-то онъ такъ привязанъ къ своей родной почвѣ, оттого-то такъ сильно развита въ немъ тоска по родинѣ: простой человѣкъ никогда не можетъ сдѣлаться космополитомъ... Загляните въ военные госпитали и вы увидите, что почти половина въ чахоточномъ отдѣленіи страдаютъ тоскою по родинѣ; этотъ бичъ похищаетъ ежегодно не одну жертву! Въ нашемъ сводѣ военныхъ постановленій даже есть инструкція, какъ въ подобномъ случаѣ поступать начальникамъ... Но это трогательное чувство есть дѣло одной привычки, и не есть законъ природы. Исторія представляетъ намъ множество примѣровъ передвиженія на землѣ цѣлыхъ народовъ. Это явленіе доказываетъ намъ только то, что осѣдность есть фактъ послѣдующій, что оно обуславливается уже извѣстною степенью развитости людей; первоначальный же типъ человѣка, когда всего ближе онъ подходилъ къ законамъ природы, есть типъ кочующій. Поэтому и мы привычку народовъ и отдѣльныхъ людей къ данной мѣстности не можемъ признать за законъ природы, а признаемъ право даннаго народа надъ извѣстною мѣстностью только какъ политическій принципъ, обуславливающий благо человечества. Общества могутъ тогда только процвѣтать, когда они живутъ между собою въ согласіи; а его бы не было, если бы кочевья и поселенія разныхъ обществъ не приняли опредѣленный видъ.

Здѣсь—я имѣю право жить, а ты—*тамъ*; я не переступлю *твоей* границы, а ты—*моей*. Только это правило и могло водворить согласіе племенъ, могло дать имъ окрѣпнуть въ своей осѣдности и заняться мирно промыслами и изобрѣтеніями. Поэтому принадлежность клочка

земли данному народу—есть принципъ, отъ котораго зависитъ благо всего человѣчества; оттого онъ и не можетъ противорѣчить естественному закону. То же самое явленіе мы находимъ и въ отношеніяхъ отдѣльныхъ личностей: для прекращенія вражды и хищничества между членами одного и того же общества съ древнѣйшихъ временъ установилась собственность недвижимая.—Я уже сказалъ, что отвергать существованіе собственности съ того времени, какъ только человѣкъ появился на землѣ, значитъ—отвергать то, что онъ инстинктивно защищалъ свое логовище, пищу и оружіе. Право недвижимой собственности вытекало непосредственно изъ права занятія земель: племя или семья занимала пустое мѣсто или отнимала его отъ слабѣйшаго племени, и раздѣляла его между своими членами поровну, если земля была не велика; если же она была обширна, то каждый могъ занимать себѣ мѣсто по своему праву и вкусу. Но въ извѣстной чертѣ вся земля считалась собственностью цѣлаго племени. Отдѣльные же его члены считали своею собственностью занятые имъ логовища, пастбища и лѣса. Слѣдственно началомъ недвижимой общественной собственности было занятіе земель, или, другими словами—право сильнаго, а началомъ частной недвижимой собственности—необходимость политическая;—безъ признанія этого права члены даннаго племени постоянно враждовали бы за земли, пастбища, уголья. «Земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣтъ»,—велѣли славяне сказать варяго-руссамъ. Что же—вопросъ—могло быть ядромъ раздора у нихъ? Ужъ, вѣроятно, ни политическіе, ни гражданскіе, ни религіозные принципы: славяне были тогда грубы и невѣжественны. Въ это время могли ихъ занимать только матеріальныя нужды или, другими словами, ядромъ ихъ беспорядковъ могла быть только собственность. Вотъ почему во всѣхъ первобытныхъ законодательствахъ, также какъ и въ нашемъ, первыя элементы его суть: 1) опредѣленіе мѣръ для защиты жизни людей и 2) мѣры, ограждающія собственность.

Собственность такимъ образомъ становится политическимъ принципомъ народовъ, какъ только въ нихъ проявляется сознаніе, что миръ можетъ повести ихъ къ гражданственности и прогрессу,—и право собственности, если можно такъ выразиться, принимаетъ характеръ укротителя грубыхъ животныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ. Признавая въ подобномъ смыслѣ собственность базисомъ обществѣнности, отъ котораго зависитъ благо и прогрессъ человѣчества, мы однако же не можемъ считать его крайнею цѣлью жизни. Естественное положеніе человѣка, подобно прочимъ животнымъ, есть забота только о насущномъ. *Кто хочетъ быть совершеннымъ, да раздастъ свое имущество нищимъ...* Въ этой идеѣ заключается великая добродѣтель: жить не только для одного себя, но и для другихъ; дѣ-

литься своими избытками съ братьями своими. Слѣдовательно собственность, по естественному закону, заключается въ томъ только, что необходимо для поддержанія нашего существованія на землѣ; а истинное значеніе человѣка состоитъ въ поддержаніи нравственной и физической жизни подобныхъ намъ существъ. Въ подобномъ состояніи, можетъ быть, и будутъ когда нибудь человѣческія общества, если въ нихъ смягчится эгоизмъ; тогда они поймутъ, что нынѣшніе обычаи и условія гражданственности неравномѣрно распредѣляютъ между людьми земныя блага, такъ что не всегда достойные пользуются плодами цивилизаціи... Рожденіе человѣка отъ Ивана или Петра дѣлаетъ его или богатымъ или нищимъ; въ первомъ случаѣ онъ утопаетъ въ богатствѣ, во второмъ—онъ можетъ умереть съ голоду гдѣ нибудь на смрадномъ чердакѣ. Эта случайность есть слѣдствіе несовершенства общественнаго быта людей; но будетъ ли когда нибудь лучше? Вотъ вопросъ, котораго рѣшить невозможно. Еще въ древнія времена были попытки уравниенія благъ между людьми, и до настоящаго времени рѣшеніе его считается утопіею. Когда же это осуществится?... Быть можетъ—никогда. Прогрессъ человѣчества въ нравственномъ развитіи идетъ чрезвычайно медленно, и должно полагать, что это законъ природы. Мы можемъ сказать, что право собственности, споспѣшествуя прогрессу человѣчества, есть хотя *первообразная форма* гражданственности, но она можетъ повести насъ къ другимъ болѣе совершеннымъ общественнымъ формамъ. Поэтому, не признавая собственности крайнею цѣлью нашей жизни, мы этимъ вовсе не хотимъ ея уничтоженія, — мы въ этомъ случаѣ хотимъ только сказать, что совершенство человѣка заключается въ томъ только, чтобы заботиться о поддержаніи нравственной и физической своей жизни и о возможно-равномѣрномъ распредѣленіи благъ между людьми. Эта непреложная правда не можетъ конечно имѣть примѣненія при настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни, и при тѣхъ грубыхъ животныхъ началахъ, которыя еще господствуютъ въ человѣкѣ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что эта идея — утопія... Мало ли: братство, любовь и равенство и теперь еще не находятъ полнаго отголоска въ человѣческихъ сердцахъ, но изъ этого нельзя придти къ заключенію, что эти элементы—утопія... Пройдутъ вѣка, пройдутъ, можетъ быть, тысячелѣтія, и истина возьметъ свое: что намъ кажется дико, бессмысленно, противорѣчиво нашей природѣ и общественному быту, то будетъ людямъ очень просто и естественно... Зерно, прежде нежели преобразовывается въ стебелекъ, цвѣтокъ и плодъ,—сгниваетъ въ землѣ. То же самое бываетъ съ каждой идеею: прежде нежели она прививается къ человѣчеству, она подвергается поруганіямъ и насмѣшкамъ; но жизненность ея беретъ верхъ: она въ

началѣ заставляетъ челоѳчество подумать объ ней, а потомъ овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Разумѣется, это творится иногда въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Нужно прежде, чтобы челоѳчество подготовилось нравственно къ воспринятію вѣковыхъ началъ равенства и любви; нужно прежде, чтобы нашъ общественный бытъ мало-помалу приблизился къ своему совершенству.

Долгъ же нашъ—по возможности приближать нашъ общественный бытъ къ своему идеалу; а потому, мы бросимъ краткій взглядъ на экономическую жизнь нашего народа. Нашъ крестьянинъ не отдѣляетъ себя отъ земли: она его мать-кормилица, которая его поитъ, кормитъ и одѣваетъ. Вотъ почему, —когда возникъ нашъ знаменитый крестьянскій вопросъ, крестьянъ сильно озаботила мысль—какъ они будутъ освобождены: съ землею, или безъ земли? Вопросъ разрѣшенъ въ ихъ пользу, —помѣщики и правительство, зная народное желаніе, опредѣлили способы пріобрѣтенія и пользованія крестьянами ихъ усадьбамъ и землею. Навтомъ великомъ началѣ будущность нашего народа обезпечена: большинство населенія имѣетъ свой пріютъ, свои способы къ самобытному существованію. Но не имѣетъ ли той же потребности и остальная масса народонаселенія? По нашему мнѣнію, весь народъ имѣетъ нужду бытъ обезпеченнымъ, и лучшаго инаго обезпеченія, какъ земля, не можетъ бытъ. Но какъ осуществить эту идею? — Это вопросъ не юридическій, а политической экономіи.

Остается намъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ — могутъ ли произведенія литературы, искусствъ и художествъ сдѣлаться собственностью. 1) Многие говорятъ, что литературной собственности не можетъ бытъ, такъ какъ мысль есть достояніе общее. Въ оправданіе этой идеи ссылаются на общественную пользу: если допустить контрафакцію, говорятъ ея защитники, то она понизитъ значительно цѣнность книгъ, а низкая цѣна книгъ — есть первое условіе народнаго образованія. Ни одно изъ европейскихъ законодательствъ не приняло этого принципа. Что мысль есть достояніе общее, — въ томъ никто не споритъ; но матеріальное ея выраженіе, въ формѣ сочиненія, есть трудъ, который есть собственность челоѳка, какъ и каждый другой трудъ. Литературный трудъ есть самъ по себѣ великая заслуга: онъ вноситъ въ общество новыя идеи, новыя формы ихъ выраженія и есть главный рычагъ всей нравственной и политической жизни народовъ. Одна ужъ эта заслуга стоитъ, чтобы литераторы и ученые получали вознагражденіе за свой трудъ. Такъ понимаютъ всѣ законодательства литературную собственность. Но здѣсь рождаются новыя вопросы: есть ли данное сочиненіе достояніе одного сочинителя или и его наслѣдниковъ? И если послѣдніе имѣютъ на данное сочиненіе извѣстное право, то до какого колѣна оно можетъ про-

стираться?... Во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, если какое нибудь имущество не отчуждается даннымъ родомъ, то оно можетъ переходить изъ колѣна въ колѣно въ данномъ родѣ, пока имущество не сдѣлается выморочнымъ. При этомъ рождается вопросъ: если вообще имущество, которое есть выраженіе грубой матеріальной силы, служащей, по большей части, удовлетворенію нуждъ и потребностей отдѣльныхъ личностей, имѣетъ такой характеръ, то литературный или ученый трудъ, который иногда удовлетворяетъ потребностямъ не только отдѣльнаго общества или народа, но даже цѣлаго человѣчества, — не можетъ ли имѣть подобный же характеръ?... Иногда мысль человѣка можетъ быть плодотворна для всего человѣчества, а между тѣмъ форма выраженія ея не можетъ удовлетворить ея автора... Между тѣмъ одна уже заслуга его достойна того, чтобы человѣчество предоставило ему и его потомству пользоваться плодами его же трудовъ. Очень часто случается, что небольшое сочиненіе поглощаетъ всю жизнь человѣка; для своихъ изслѣдованій онъ посвящаетъ иногда многіе годы и плодомъ его трудовъ бываетъ одно какое нибудь сочиненіе. Изъ любви къ наукѣ и человѣчеству онъ забылъ о своей семьѣ, принесъ своими трудами огромную пользу человѣчеству и за это — дѣти его должны пойти по міру, потомство его должно ѣсть обглоданныя кости. Намъ кажется, что если законодательства допускаютъ вообще переходъ имущества къ потомству, то литературный и ученый трудъ тѣмъ скорѣе долженъ подлежать этому правилу, во вниманіе къ тѣмъ заслугамъ, которыя принесъ ихъ авторъ обществу. Это же самое мы можемъ сказать о музыкальной и о художественной собственности. 2) Но ничего подобнаго мы не можемъ сказать — о собственности относительно изобрѣтеній въ области механики, химіи и разныхъ отраслей фабричнаго производства. Мысль литературная, ученая, музыкальная и художественная немедленно съ выходомъ въ свѣтъ становится общимъ достояніемъ. Совсе не то бываетъ съ изобрѣтеніемъ въ сферѣ фабричнаго и ремесленнаго производства: здѣсь мысль требуетъ практическаго примѣненія и проявляется ужъ въ прикладномъ видѣ. Вотъ почему, если бы, въ сферѣ ремесленнаго и фабричнаго производства, изобрѣтенія сдѣлать потомственнымъ достояніемъ изобрѣтателя, то промышленность проявилась бы у насъ въ видѣ потомственныхъ монополій. А этого не можетъ допустить политическая экономія. Вслѣдствіе этого, всѣ законодательства въ области ремесла и фабричнаго производства допускаютъ только привилегіи на изобрѣтенія, на опредѣленное число лѣтъ, послѣ чего изобрѣтенія становятся общимъ достояніемъ человѣчества. Здѣсь привилегія служитъ справедливымъ возмездіемъ изобрѣтателю за трудъ и расходы, понесенные имъ при опытахъ, и за пользу, принесенную имъ обществу.

Затѣмъ рассмотримъ вопросъ: какъ наше законодательство опредѣляетъ право собственности?

«Кто быть», говоритъ законъ, «первымъ пріобрѣтателемъ имущества, получилъ власть, въ порядкѣ гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ *вѣчно* и потомственно, доколѣ не передастъ ее другому или кому власть сія отъ перваго пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣетъ на сіе имущество *право собственности*»^{*)}).

Такое опредѣленіе права собственности мы находимъ слишкомъ обширнымъ, отчего и затемняется его смыслъ.

1) Что значитъ: быть *первымъ* пріобрѣтателемъ?... Можно быть пріобрѣтателемъ вещи, которая прошла тысячи рукъ. Вѣроятно законъ хотѣлъ этимъ выразить: когда въ данномъ родѣ одинъ изъ членовъ его *первый* пріобрѣлъ известное имущество? Но по этому толкованію не должно бы признавать за кѣмъ либо права собственности, когда онъ пріобрѣлъ имущество *отъ родственника*.

2) Законъ перефразировалъ одну и ту же мысль въ двухъ выраженіяхъ: «получилъ власть въ порядкѣ законами установленномъ» — кажется ясно; къ чему же прибавлять: «исключительно и независимо отъ лица посторонняго, владѣть, пользоваться и распоряжаться онымъ»? Коль скоро объяснено, что гражданскіе законы опредѣляютъ степень и предѣлы власти, то лишнимъ оказывается остальная фраза. И дѣйствительно, она противорѣчитъ первой: по ссылкѣ первой фразы на гражданскій законъ — оказывается, что собственность можетъ быть полная и ограниченная; а вторая фраза опредѣляетъ только собственность полную. Окончательно же законъ затемняется словами: «*вѣчно* и потомственно». Слово: «*вѣчно*», — не имѣетъ здѣсь никакого смысла: нѣтъ ничего вѣчнаго на землѣ, тѣмъ болѣе не можетъ быть такимъ ни имущество, ни самое право на это имущество; со смертію человека оно пресѣкается. Слово: «*потомственно*», — также совершенно лишнее: я могу имѣть право собственности на имущество, но безъ права распоряжаться имъ потомственно: сюда относится пожизненное владѣніе имуществомъ, владѣніе заповѣдными имѣніями, майоратами и даже родовою недвижимостью. Послѣднимъ я могу распоряжаться неограничено только за жизнь мою; но завѣщать и дарить его дальнимъ родственникамъ или чужеродцамъ, когда у меня есть нисходящіе, я не могу. Здѣсь право потомственной передачи ограничено. Наконецъ, почему сказано въ законѣ, что собственнику дается

(*) Т. X. К. I. ст. 420.
Т. XСII. Отд. I.

власть *исключительно и независимо от постороннего участия* и т. д.; не лучше ли бы было сказать, вмѣсто всей этой длинной фразы: «непосредственно». Но при этомъ не должно забывать, что *владѣніе* часто бываетъ *общее*, гдѣ нѣсколько данныхъ лицъ имѣютъ право собственности на известное имущество, — слѣдовательно собственность бываетъ и посредственная.

3) Вторая же часть періода, начинающаяся словами: «или кому власть сія» и т. д., — совершенно неумѣстна. Само собою разумѣется, что если законъ признаетъ за мною какое нибудь гражданское право, то оно остается при мнѣ до тѣхъ поръ, пока я добровольно отъ него не откажусь въ чью нибудь пользу. Но кромѣ этого, вторая часть періода сама по себѣ не имѣетъ яснаго смысла: что законъ хотѣлъ выразить словами: «законныя *передачи и укрѣпленія*»? Развѣ эти два слова не синонимы: передача имущества или укрѣпленіе имущества за другимъ — кажется одно и то же?

Вотъ почему мы находимъ, что право собственности, согласно нашимъ гражданскимъ правамъ, приличнѣе всего было бы опредѣлить слѣдующимъ образомъ: «право собственности есть власть даннаго лица, въ предѣлахъ опредѣленныхъ закономъ, владѣть, пользоваться и распоряжаться даннымъ имуществомъ; причемъ совокупляются въ собственникѣ или всѣ эти права или часть ихъ, или всѣ они ограничены.» Къ этому опредѣленію могутъ подойти всѣ виды и роды собственности: такъ заповѣдными имѣніями и майоратами нельзя распоряжаться, и въ собственникѣ сохраняется одно лишь право владѣнія и пользованія; родовымъ имуществомъ можно распоряжаться только за жизнь, а не на случай смерти. Въ общей нераздѣльной собственности всѣ моменты собственности: владѣніе, пользованіе и распоряженіе ограничены. Въ пожизненномъ владѣніи соединяется владѣніе и пользованіе, безъ распоряженія. Полная же собственность появляется у насъ только относительно благопріобрѣтеннаго недвижимаго и движимаго имущества. Здѣсь собственникъ неограниченъ въ своемъ распоряженіи ни за жизнь, ни на случай смерти. По этимъ даннымъ я и нахожу неправильнымъ опредѣленіе нашимъ закономъ полной собственности: «право собственности, говоритъ законъ, есть *полное*, когда въ предѣлахъ закономъ установленныхъ, владѣніе, пользованіе и распоряженіе соединяются съ укрѣпленіемъ имущества въ одномъ лицѣ или въ одномъ сословіи лицъ, безъ всякаго посторонняго участія.» (*) Законъ такимъ образомъ считаетъ собственность ограниченою только въ томъ случаѣ, когда въ одномъ имуществѣ имѣютъ участіе нѣсколько лицъ. Напримѣръ: я могу владѣть имуществомъ, а

(*) Т. X. К. 1, ст. 423.

право распоряжаться имъ—можетъ принадлежать моему отцу; но въ заповѣдныхъ имуществахъ и майоратахъ нѣтъ другаго лица; здѣсь просто законъ запрещаетъ мнѣ продавать ихъ: куда же отнести эти имущества? Теперь въ родовыхъ имуществахъ ограничено только право распоряженія на случай смерти... Поэтому мы находимъ правильнѣе выбросить изъ закона слова: «безъ посторонняго участія»; тогда онъ будетъ опредѣлительнѣе.

Б) Яснѣе въ законѣ опредѣлено право неполной собственности, хотя и оно имѣетъ свои недостатки; законъ говоритъ: «право собственности бываетъ *неполнымъ*, когда оно ограничивается въ пользованіи, владѣніи, или распоряженіи *другими посторонними*, такъ же *неполными* на то же самое имущество *правами*, каковы суть: 1) право участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества; 2) право угодій въ чужомъ имуществѣ.» (*) Законъ этотъ оказался на практикѣ не совсѣмъ опредѣлительнъ. Слова: «*другими посторонними*, также *неполными* на то же самое имущество *правами*»—были неясны и къ нимъ не могли подойти всѣ данные случаи: такъ родовымъ имуществомъ можно неограниченно распоряжаться, т. е. закладывать, продавать; но дарить и завѣщать его дальнимъ родственникамъ, помимо нисходящихъ, запрещено; поэтому юридически нельзя сказать, что бы *de facto* существовало право данныхъ наследниковъ на известное родовое имущество. Наследники не въ правѣ требовать выдѣла изъ него какой либо части отъ того лица, которому они считаются наследниками и имъ запрещено дѣлать долги на счетъ будущаго, ожидаемаго наследства. Вотъ почему права наследниковъ родоваго имущества нисколько не ограничиваютъ его владѣльца—не только въ пользованіи, владѣніи, но даже въ распоряженіи. Если владѣлецъ желаетъ, чтобы родовое его имущество не перешло къ наследникамъ, а къ чужеродцу, онъ продаетъ имущество и вырученными деньгами распоряжается по своему произволу. Въ родовомъ имуществѣ собственникъ ограничивается: 1) *за жизнью* только формальною: ему запрещено дарить его чужеродцу; но вмѣсто дарственной, онъ можетъ соверпить купчую. 2) на случай же смерти онъ дѣйствительно ограниченъ. По этимъ причинамъ наследники даннаго родоваго имущества, не включая въ себѣ ни одного момента права собственности: ни пользованія, ни владѣнія, ни распоряженія, и за жизнью собственника, не ограничивая его ничѣмъ,—не могутъ и считаться лицами, могущими своими правами ограничивать собственника, и на дѣлѣ они должны считаться не имѣющими никакихъ правъ на его имущество. Въ заповѣдныхъ имуществахъ и майоратахъ также не постороннія лица ограничиваютъ права

(*) Т. X. К. 1, ст. 492.

собственника, а самъ законъ: собственники такихъ имуществъ могутъ не имѣть вовсе наследниковъ, и между тѣмъ они не въ правѣ завѣщать его кому либо или продавать его. Правда, въ законѣ сказано, что эти имущества не подлежатъ ни отчужденію, ни раздѣлу, потому что составляютъ собственность цѣлаго рода; но мы считаемъ это фразой. Весь родъ имѣетъ на это имущество только идеальное право; а всякое идеальное право я считаю миеомъ... Мало-ли; я имѣю также идеальное право, за подвиги, сдѣлаться фельдмаршаломъ; но 1) нужно прежде совершить подвиги; 2) сохранить въ это время жизнь свою; 3) быть оцѣненнымъ современниками и дѣйствительно сдѣлаться фельдмаршаломъ... Вслѣдствіе этого мы опредѣляемъ неполную собственность слѣдующимъ образомъ: «право собственности бываетъ неполнымъ, когда ограничиваются закономъ или извѣстнымъ лицомъ моменты его: пользованіе, владѣніе и распоряженіе, — или всѣ вмѣстѣ, или большая ихъ часть, или одинъ изъ нихъ.»

В) Ст. 424 и 425 исчисляютъ подробно всѣ формы пользованія недвижимымъ имуществомъ: намъ кажется такое исчисленіе совершенно излишнимъ.

Г) Ст. 426—429 исчисляютъ права лицъ по береговому праву; разрѣшая специально этотъ предметъ, онѣ приносятъ большую пользу. Такъ какъ я мало практиковалъ по этому предмету, то я предоставляю специалистамъ, *межевикамъ и инженерамъ*, разрѣшить: въ какой мѣрѣ справедливы и практичны эти узаконенія. Я же долгомъ своимъ считаю заявить предъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ иногда нарушается береговое право, вслѣдствіе ложнаго пониманія нашими административными мѣстами правъ поземельныхъ.

Дѣло заключается вотъ въ чемъ.

Когда Одесса стала возникать и формироваться въ городъ, высшее начальство, по высочайшему повелѣнію, распорядилось — о раздѣлѣ земель въ собственность всѣмъ желающимъ для устройства дачъ и разведенія садовъ. Переселенцы охотно стали разбирать земли, и одесскіе лиманы (*) вскорѣ окружились дачами и садами; такъ что, въ настоящее время, большая часть береговъ лимана заселена.

По коренному береговому праву, лиманы сдѣлались собственностью тѣхъ владѣльцевъ, которые заселили его берега, Одесская же городская дума разсуждаетъ иначе: такъ какъ большая часть лимановъ находится *въ городской чертѣ*, то она поэтому считаетъ и лиманы собственностью не частныхъ владѣльцевъ, заселяющихъ ихъ берега, а собственностью своею.... Такой юридическій способъ разрѣшенія вопросовъ очень оригиналенъ: городъ можетъ также сказать, что такъ

(*) Лиманы суть озера, образовавшіяся отъ морскихъ заливовъ.

какъ въ его чертѣ всѣ городскія постройки, то поэтому и всѣ онѣ составляютъ его собственность.... Никто невиновать въ томъ, что когда городская дума отводила дачи на берегахъ лимановъ, она не знала о существованіи закона: что озера, лежащія между частными землями, суть собственность ихъ владѣльцевъ. Когда раздавались частнымъ лицамъ берега лимана, то существовало уже береговое право; поэтому, вѣстѣ съ правомъ собственности на эти берега, переселенцамъ передавалось и это право. Тамъ должна была разсуждать дума, когда возникъ въ ней вопросъ: кому принадлежать лиманы. Но она поступила нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно иначе.

Составилась компанія, которая хлопотала у правительства, чтобы оно разрѣшило ей *добываніе соли* изъ лимановъ, во вниманіе къ тому, что наши бессарабскія соляныя озера отошли къ Молдавіи и Валахіи. Правительство затребовало свѣдѣнія: кому принадлежать лиманы, и дума объявила ихъ своею собственностью. Правительство утвердило компанію и она уже дѣйствуетъ нѣсколько лѣтъ. Но тутъ возникъ новый вопросъ: добываніе соли требуетъ, чтобы берега лимана были въ ея распоряженіи... Но одесская дума не любитъ задумываться при разрѣшеніи какихъ бы то ни было юридическихъ вопросовъ: она объявила, что всѣ обсохшіе берега — городская собственность, и очертивъ лиманы не въ томъ видѣ, какъ они теперь существуютъ, а какъ они были въ первоначальномъ видѣ, отдала всѣ берега въ распоряженіе компаніи...

Спрашивается: къ чему могутъ повести подобныя самовольныя дѣйствія?

Дѣло можетъ окончиться слѣдующимъ образомъ: въ одно прекрасное утро, частные владѣльцы объявятъ процессъ компаніи и отберутъ отъ нея не только лиманы, но и всѣ обзаведенія и всѣ ея доходы; а компанія взъщдетъ съ города всѣ свои убытки, могущіе простираться на милліоны.

Въ настоящее время городское управленіе Одессы преобразовано, а потому мы даемъ его управленію благоразумный совѣтъ: уладить это дѣло заблаговременно, посредствомъ третейскаго суда, миромъ; или вознаграждать частныхъ владѣльцевъ за захватъ ихъ собственности, или предоставить имъ всѣ выгоды отъ компаніи, разрабатывающей соль.

Д) «Кладъ (сокрытое въ землѣ сокровище) принадлежитъ владѣльцу земли и безъ позволенія его не только частными лицами, но и мѣстнымъ начальствомъ отыскиваемъ быть не можетъ (*).

(* Ст. 430. т. X. Кв. I

А если *случайно* кѣмъ либо отыскивается кладъ? Вы скажете: тогда должно этотъ вопросъ отнести къ *находкѣ*. Но правило находки заключается въ томъ, что если хозяинъ найденной вещи не отыскивается, то вещь отдается въ собственность тому, кто ее нашелъ. *Кладъ* не имѣетъ хозяина, а потому онъ долженъ отойти къ тому, кто его нашелъ. Но въ подобномъ случаѣ нарушится коренной законъ, что владѣльцу земли принадлежитъ все, что находится на ея поверхности и въ ея нѣдрахъ. Вотъ почему мы находимъ рациональнѣе законъ Полтавской и Черниговской губернии, который говоритъ: «когда кладъ отысканъ кѣмъ либо *случайно* на чужой землѣ, то изъ найденнаго *одна половина* отдается тому, въ чьей землѣ кладъ отысканъ, а другая поступаетъ къ отыскавшему кладъ».

Е) «Приплоды и приращенія животныхъ принадлежатъ ихъ хозяину» (*).

Еще бы было иначе. Наши дѣды могли еще сомнѣваться въ этой аксіомѣ (законъ этотъ взятъ изъ уложенія Алексѣя Михайловича); но мы по крайней мѣрѣ хоть въ этомъ отношеніи совершеннолѣтніи. Спросите крестьянина: кому принадлежитъ приплодъ отъ его коровы или кобылы?.. И онъ поглядитъ на васъ, какъ на сумасшедшаго... Къ чему же обременять Сводъ Законовъ такими излишними постановленіями.

«Но, продолжаетъ законъ, если самецъ и самка принадлежатъ разнымъ хозяевамъ: то въ семъ случаѣ кому принадлежитъ самка, тому принадлежитъ и приплодъ ея».

Послѣ слова: «но» — мы подумали: ну, вотъ пойдутъ ограниченія, какъ это обыкновенно случается съ нашимъ закономъ, послѣ общаго правила; а вышло вовсе не такъ: законъ повторилъ голько то, что сказалъ прежде. И слава Богу, что хоть въ этомъ случаѣ восторжествовалъ византійскій принципъ: *mater semper certa est...* Я помню, что одинъ почтенный мой профессоръ, разбирая этотъ законъ, указывалъ не только на мудрость законодателя, но и на основательное мнѣніе имъ римскаго права. «Если бы не византійскій принципъ, то какъ рѣшили бы вы этотъ вопросъ?» — воскликнулъ тогда торжественно почтенный профессоръ. Признаться, я тогда же хотѣлъ замѣтить, что наши предки едва ли соглашались съ византійскимъ принципомъ; они имѣли столько здраваго смысла въ головѣ, что могли пережевать простую мысль, что нельзя безусловно сказать: чья самка, тому и приплодъ ея. И одно только несовершенство нашей юриспруденціи и скотоводства могло породить этотъ законъ: безъ всякихъ околнчностей, тонкостей, онъ порѣшалъ всѣ безконечные споры по этимъ

(*) Ст. 431. Т. X, кн. I.

предметамъ. А потому этотъ законъ былъ въ то время великимъ общественнымъ началомъ. При несовершенствѣ до-петровскаго общества, можно было удовольствоваться такимъ положеніемъ закона; но въ настоящее время каждый законодательный принципъ, кромѣ общественной пользы, долженъ быть разуменъ и справедливъ по самой сущности своей. Законъ съ подобнымъ лишь характеромъ и можетъ принести истинную пользу.

«Въ случаѣ же спора о животныхъ, находящихся въ чужомъ владѣніи, пришлодъ принадлежитъ законному владѣльцу тогда только, когда онъ подадъ жалобу въ теченіе года, со дня завладѣнія тѣми животными (*)».

Этотъ законъ, можетъ быть, былъ яснѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ; но давность времени затемнила его. У насъ существуютъ въ настоящее время двѣ формы: 1) *объявленіе*, когда неизвѣстно куда дѣлось животное, или когда животное уворовано; 2) *формальный искъ о завладѣніи*. Рождается по этому вопросъ: съ какого времени считать годовой срокъ—со дня ли подачи *объявленія*, или—*исковой прошения*?.. Но вѣдь при пропажѣ, или воровствѣ животного подаются *объявленія*. Значитъ, законъ простирается только на случай *завладѣнія*.

2) *О правѣ участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества (*)*.

«Право посторонняго участія въ выгодахъ имущества (?) есть или *общее*, или *частное*. Оно есть общее, когда участіе въ выгодахъ имущества устанавливается въ пользу всѣхъ (лицъ?) безъ изыятія; оно есть частное, когда участіе устанавливается единственно и исключительно въ пользу кого либо изъ частныхъ владѣльцевъ».

а) *Право участія общаго*.

1) «Право прохода и проѣзда по большимъ дорогамъ и по воднымъ сообщеніямъ составляетъ общее пользованіе всѣхъ безъ изыятія. Владѣльцы земель, чрезъ которыя большія дороги пролегаютъ, не должны препятствовать никакимъ образомъ проходу и проѣзду по онымъ».

Въ этомъ законѣ, во-первыхъ, слова: «составляетъ общее пользованіе всѣхъ безъ изыятія»—могутъ быть правильнѣ замѣнены словами: «принадлежитъ всѣмъ безъ исключенія»; во-вторыхъ, вторая его часть, начинающаяся словами: «владѣльцы земель», — перефразировываетъ только первую его часть, а потому она можетъ быть выброшена.

(*) См. выше цитату.

(*) Т. X. Кн. I, ст. 433 — 434.

2) «Для подножного корма прогоняемого скота, владѣльцамъ дачь, прилегающихъ къ большой дорогѣ, запрещается скашивать и вытравлять траву, растущую на пространствахъ *мѣрной дорожкѣ*; а дабы прогоняемый скотъ не могъ причинить порчи ихъ полямъ и потравить хлѣбу, то обязаны они свои дачи въ тѣхъ мѣстахъ отъ дороги огородить, или обрыть канавами.»

Законъ этотъ совершенно непрактиченъ:

А) Владѣльцамъ дачь запрещается вытравлять траву, растущую по дорогамъ. Но вопросъ: что же можетъ расти на дорогѣ, кромѣ негодныхъ, колючихъ злаковъ или такъ-называемыхъ *бурьяновъ*?

Б) Владѣльцы дачь *обязываются* по большимъ дорогамъ окапывать свои поля, по обѣимъ сторонамъ, для того чтобы прогоняемый скотъ не могъ портить ихъ хлѣбовъ. Но дѣло въ томъ: если владѣлецъ самъ не заботится о себѣ, то какое дѣло до этого правительству? Притомъ, неужели законъ полагаетъ, что помѣщикъ будетъ отъ прогоняемого скота имѣть больше убытковъ, нежели отъ копки и ремонта самого рва?.. Само собою разумѣется, если у кого нибудь находится нѣсколько десятковъ саженой рва, тогъ для собственной своей пользы могъ бы еще исполнить требованіе закона; но если у кого либо десятки верстъ большихъ дорогъ, то для него законъ рѣшительно становится непрактиченъ. Къ тому же законъ требуетъ, чтобы копка рвовъ происходила единственно для того, чтобы скотъ, который будетъ пастись на дорогѣ, не портилъ хлѣбовъ и луговъ. Но а) скотъ никогда не пасется на дорогахъ, а всегда или на толокѣ (*) или на лугахъ и степяхъ; б) послѣдующая затѣмъ 436 ст. закона требуетъ, чтобы всѣ поля на версту по обѣ стороны большой дороги отъ Троицына дня были открыты, — значитъ, по обѣимъ сторонамъ на большой дорогѣ ничего нельзя сѣять, такъ какъ хлѣбъ созреваетъ послѣ Троицына дня. Къ чему же служить могутъ помѣщику канавы? в) Намъ кажется, что если ужь даны такія привилегіи гуртовщикамъ и подорожникамъ, то законъ могъ бы возложить на нихъ, по крайней мѣрѣ, обязанность стеречь, чтобы скотъ ихъ не дѣлалъ потравы.

3) «Для довольства проѣзжающихъ и прогоннаго скота, луга по дорогамъ не должны быть запираемы ранѣ Троицына дня, а отпираемы по большимъ дорогамъ на версту; а по проселочнымъ противъ сего вполонину, не позже 1-го сентября; равномерно дозволяется и на прочіе луга и пустоши, по скошеніи травы, а на пашенныя земли, по снятіи съ оныхъ хлѣба, пускать скотъ для довольства кормить *безъ пламы*».

(*) Толока существуетъ въ трехъ-польномъ хозяйствѣ.

Законъ этотъ взятъ изъ уложенія Алексѣя Михайловича (*), а потому повторенъ Екатериною II въ 1765 и 1766 годахъ. Этотъ законъ считался въ свое время рациональнымъ въ политико-экономическомъ отношеніи. При его возстановленіи сельская промышленность была у насъ слабо развита: поземельная собственность, по малочисленности народонаселенія, состояла изъ большихъ имѣній; скотоводство было въ младенествѣ. Вотъ почему для облегченія передвиженія транспортовъ по дорогамъ и для удешевленія цѣнности скота и облегченія его доставки изъ Украйны въ сѣверныя губерніи и, въ особенности, въ обѣ столицы, законодательство считало необходимымъ дать извѣстныя привилегіи проѣзжающимъ и гуртовщикамъ. Эти привилегіи не могли тогда разорить землевладѣльца: поземельная собственность заключалась по большей части въ большихъ имѣніяхъ.

Въ настоящее же время видъ Россіи измѣнился: дороги улучшены, проведены шоссе, устроены каналы, народонаселеніе увеличилось и прежнія пустыни заселились; самая поземельная собственность раздробилась. Сельское хозяйство приняло рациональныя формы: посѣвы хлѣбовъ увеличились, введено травосѣяніе. Скотоводство усилилось, не только какъ сѣбстной продуктъ, но и какъ сельско-хозяйственная сила и какъ предметъ промышленности, и оно составляетъ въ настоящее время важную статью отпускной заграничной нашей торговли. Отъ этого положенія дѣла цѣнность скота въ Россіи вовсе не зависитъ оттого, что при его передвиженіи гуртовщики бесплатно пользуются кормомъ, а отъ большаго или меньшаго его запроса за границею и внутри страны. При этомъ играютъ важную роль скотскіе падежи, хлѣбные урожан и другія случайности. Такъ, два года тому назадъ, въ Бессарабіи, по случаю истребленія саранчею всѣхъ хлѣбовъ и травъ, цѣна на скоть упала больше, нежели на 50%. То же самое явленіе мы видѣли въ Крыму, когда въ прошломъ году началась татарская эмиграція: корова, стоявшая 20 р., продавалась за 4 р. Въ западныхъ же губерніяхъ и въ сѣверныхъ частяхъ Новороссійскаго края, по случаю падежей, ужъ нѣсколько лѣтъ стоитъ довольно высокая цѣна на скоть.

Поэтому, наука и законодательство должны изыскивать болѣе существенныя начала, которыя дали бы надлежащее развитіе скотоводству; только увеличеніе скотоводства можетъ понизить у насъ цѣны на скоть. Между тѣмъ въ южной Россіи мы видимъ явленіе совершенно противное: ежегодно скотоводство падаетъ въ хозяйствахъ. Причиной тому одни частые падежи: чума и лихорадка—бичи, которые поглощаютъ у хозяевъ 50% ихъ рабочаго скота. И при этомъ замѣча-

(*) Улож. 1649 г., глава VII., ст. 4.

тѣльнѣе всего то, что чѣмъ молочнѣе скотъ и чѣмъ болѣе развиты въ немъ мясныя части, тѣмъ сильнѣе онъ страдаетъ отъ этихъ болѣзней.

Такимъ образомъ, въ нашихъ южныхъ хозяйствахъ весь лучший скотъ перевелся. Но какъ отвратите вы эти падежи?... Само собою разумѣется, что наука и практика указываютъ намъ слѣдующія средства: 1) хорошее содержаніе и уходъ и 2) рациональная медицинская помощь.

По нашему мнѣнію, эти двѣ мѣры другъ-друга обуславливаютъ и выбросьте одну изъ нихъ, другая окажется недействительною.... У насъ же ветеринаровъ очень мало и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ вовсе нѣтъ, какъ, напримѣръ, въ моемъ уѣздѣ. Чтожь остается дѣлать сельскому хозяину во время падежей?... Самому изучить ветеринарное дѣло. Но въ состояніи ли это сдѣлать каждый помѣщикъ?... Ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что животныхъ можно лечить въ ихъ болѣзняхъ какимъ нибудь универсальнымъ лекарствомъ. Такое понятіе ложно; я убѣдился опытами, что въ животныхъ, какъ и въ человѣкѣ, каждая болѣзнь имѣетъ свой индивидуальный характеръ, который зависитъ отъ темперамента самаго животнаго. Кроме того, на него вліяютъ еще климатъ и множество другихъ причинъ. Какъ же послѣ этого можно безъ основательныхъ ветеринарныхъ познаній браться лечить животное?... А между тѣмъ у насъ укоренилось понятіе, что достаточно вычитать изъ ветеринарной книги лекарство, чтобы его примѣнить къ дѣлу. Вотъ почему у насъ такъ мало ветеринаровъ. Каждый хозяинъ имѣетъ у себя справочную ветеринарную книгу и считаетъ себя отличнымъ скотскимъ врачомъ.... Есть еще такіе господа, которые вычитаютъ въ какой нибудь статейкѣ земледѣльческой газеты и вольно-экономическаго общества, что вотъ такой-то помѣщикъ костромской лечилъ свой скотъ съ успѣхомъ отъ чумы такимъ-то лекарствомъ. Вотъ и они начинаютъ дуть свой скотъ тѣмъ же самымъ средствомъ. А того эти господа забываютъ, во 1-хъ, что можетъ быть полезно для животнаго въ Костромѣ, то можетъ быть вредно для вола въ Одессѣ; 2) что можетъ быть, у автора статейки скотъ не имѣлъ той болѣзни, о которой онъ писалъ; 3) что есть господа, которые готовы выдумать новый способъ леченія и распубликовать его, лишь бы имѣть удовольствіе видѣть свою фамилію въ печати. Такое плачевное положеніе ветеринарной науки въ нашемъ отечествѣ есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ упадка въ настоящее время скотоводства въ нашей Южной Россіи: скотъ гибнетъ — и нѣтъ людей, которые бы посвятили себя леченію животныхъ.

Отъ этого занятіе скотоводствомъ становится у насъ дѣломъ

очень рискованнымъ и никто не хочетъ затратить капитала на улучшение породы своего скота. Для уничтоженія этихъ неудобствъ и препятствій, мѣшающихъ развитію скотоводства, я полагаю единственную существенную мѣру — *взаимное страхованіе скота*. Мѣра эта, по моему мнѣнію: 1) дастъ надлежащее развитіе скотоводству и сдѣластъ этотъ промыселъ нерискованнымъ; 2) принявши правильный видъ, скотоводство увеличится и, сдѣлавшись серьезнымъ промысломъ, оно вызоветъ частныхъ лицъ содержать у себя ветеринаровъ; 3) улучшение содержанія животныхъ сдѣлается болѣе возможнымъ, такъ какъ промыселъ будетъ вѣренъ, то съ хорошимъ содержаніемъ скота увеличивается и доходъ съ него. Въ настоящее же время нельзя дѣлать ни цѣнныхъ построекъ для скота, ни затрачивать большаго капитала на его содержаніе: первый падежъ — и весь капиталъ пропалъ; 4) сельскіе хозяева стануть затрачивать капиталы свои на скотоводство, и увеличивши его, будутъ въ состояніи улучшить его содержаніе и самую породу. Что это непременно такъ будетъ, мы и не сомнѣваемся по слѣдующимъ причинамъ: съ уничтоженіемъ обязательнаго крестьянскаго труда занятіе помѣщиковъ хлѣбопашествомъ безъ скотоводства сдѣлается едва ли возможнымъ. Крестьяне, освободившись отъ обязательнаго труда, скорѣе увеличатъ свои собственные посѣвы, нежели пойдутъ на поденную полевою работу. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ это явленіе во всѣхъ свободныхъ сельскихъ обществахъ. Вотъ почему я полагаю, что съ уничтоженіемъ обязательнаго труда, едва ли понизится заработная плата. Напротивъ того, если помѣщики оставятъ свои посѣвы въ прежнихъ размѣрахъ, то она должна сильно повыситься. Съ сильнымъ же повышеніемъ задѣльной платы, хлѣбопашество въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ оно находится въ настоящее время, сдѣлается невозможнымъ для помѣщиковъ. Поэтому большая часть ихъ вынуждена будетъ обратить часть своей нхоти въ луга. Какой же доходъ принесутъ они ему, когда скотоводство такъ рискованно? Наконецъ самъ крестьянинъ обезпеченъ ли въ своемъ быту, когда все его имущество заключается въ рабочемъ скотѣ, который погибаетъ отъ первой заразы? Вотъ почему, для цѣлаго народа, взаимное застрахованіе скота будетъ дѣломъ въ высшей степени благотворнымъ. Правда, у насъ существуетъ въ настоящее время акціонерная компанія страхованія скота, но она иначе не принимаетъ застраховку, какъ на цѣлый уѣздъ. Мы полагаемъ, что эта компанія никогда не сдѣлается полезною всему народонаселенію Россіи: 1) трудно согласоватьъ цѣлому уѣзду, по одному и тому же предмету; 2) процентъ, назначаемый ею, слишкомъ великъ. Но мы нисколько не обвиняемъ ее за это: компанія, для правильнаго веденія своего дѣла, иначе не можетъ принимать страхованіе, какъ

на цѣлый уѣздъ; въ противномъ случаѣ она вынуждена была бы держать агентовъ своихъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застраховано *одно* животное. Большой же процентъ она вынуждена брать потому, что дѣло ся довольно рисковано: одновременно можетъ быть застраховка одной только губерніи или полосы, а падежъ можетъ захватить всю эту мѣстность. Другое дѣло будетъ при взаимномъ застрахованіи скота въ цѣломъ государствѣ: Россія представляетъ такую огромную площадь, съ столькими отбѣнками породъ животныхъ, что зараза никакъ не можетъ постигнуть ее одновременно во всей площади. Наконецъ возможно, чтобъ погибъ скотъ одного уѣзда, нежели цѣлаго государства. Несмотря однакожь на всю рискованность дѣла существующей акціонерной компаніи, страховка приноситъ ей отъ 6% до 8% дивиденда на одинъ рубль. Изъ этого заключить должно, что застраховка скота по цѣломъ государству принесетъ самые блистательные результаты: а) она дастъ возможность помѣщикамъ заняться рациональнымъ скотоводствомъ; б) обезпечить быть крестьянина; в) дать возможность народу — изъ образующагося капитала организовать хорошія ветеринарныя школы и развести случныя конюшни лошадей, скота, овецъ и свиней, въ каждой волости или участкѣ мирового посредника.

При такомъ же огромномъ развитіи страховки скота, страховой процентъ съ оцѣнки его можетъ простираться не больше какъ на 1% со 100. Скажите, что значить крестьянину уплачивать въ годъ, за пару рабочихъ лошадей, стоящихъ 80 руб. — 80 копѣекъ?... А за пару быковъ въ 50 руб. — 50 копѣекъ?... И за такую небольшую плату крестьянинъ будетъ обезпеченъ въ своей рабочей силѣ или, другими словами, почти во всемъ своемъ достояніи. Само собою разумѣется, еще лучше бы было, еслибы учредить взаимное страхованіе усадебъ и урожая хлѣбовъ; но пока дайте намъ страхованіе усадебъ и скота. Кровь и рабочая сила — все достояніе народа, и съ обезпеченіемъ его въ этихъ двухъ существенныхъ его потребностяхъ обезпечится его бытъ и упрочится его благосостояніе...

Здѣсь неумѣстно распространяться болѣе объ этомъ предметѣ (*), такъ какъ онъ входитъ въ область политической экономіи; и потому скажу лишь, что только во взаимномъ обязательномъ страхованіи скота въ цѣлой имперіи, я вижу возможность улучшить наше скотоводство и удешевить его цѣнность. Въ статьѣ же 436 т. X, я вижу нарушеніе правъ частной собственности. Законъ этотъ повелѣваетъ на

(*) Я по этому предмету распубликовываю особо представленіе моему мировому посреднику Владимирскому уѣзда, 2-го участка.

версту, въ обѣ стороны дороги, открывать поля съ Троицына дня. Но 1) уборка хлѣбовъ начинается только съ этого времени; 2) сѣнокосы хотя и окончены къ этому времени, но не всегда сѣно уже сложено въ скирдахъ; 3) при травосѣяніи бываетъ два и три укоса въ лѣто—и сѣнокосъ продолжается вплоть во все лѣто; 4) по большимъ дорогамъ есть множество имѣній, пространство земель которыхъ мѣнѣе одной версты; по смыслу же закона выходитъ, что они должны открыть всѣ свои земли *безвозмездно* для пастбища проѣзжающихъ и гуртовщиковъ съ Троицына дня, или другими словами: что они не должны получать никакихъ доходовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ мы находимъ, что законъ этотъ не только не имѣетъ никакихъ политико-экономическихъ основаній, но и не рационаленъ; а потому желательно бы было, чтобы онъ былъ отмѣненъ болѣе благоразумными и основательными государственными мѣрами.

Мы полагаемъ, что этотъ законъ могъ бы съ пользою быть измененъ слѣдующимъ постановленіемъ: «землевладѣльцы обязуются, по таксѣ, обозначенной особо въ каждой мѣстности, позволять проѣзжающимъ и гуртовщикамъ выпасать скотъ и лошадей: 1) на толокахъ, 2) степяхъ и лугахъ, когда съ нихъ снята трава, 3) на пахоти, когда съ поля убранъ хлѣбъ.» Мѣра эта не будетъ нарушеніемъ правъ собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ облегченіемъ для промышленниковъ скота при передвиженіи ихъ съ мѣста на мѣсто.

б) Право участія частного (*).

1) «Владѣлецъ земель и покосовъ, *сверху рѣки* лежащихъ, имѣетъ право требовать, 1) чтобы сосѣдъ запрудами не поднималъ рѣчной воды и оною не потоплялъ его луговъ, пашней и не останавливалъ дѣйствія его мельницы; 2) чтобы хозяинъ противоположнаго берега рѣки не примыкалъ плотины къ его берегу безъ его согласія».

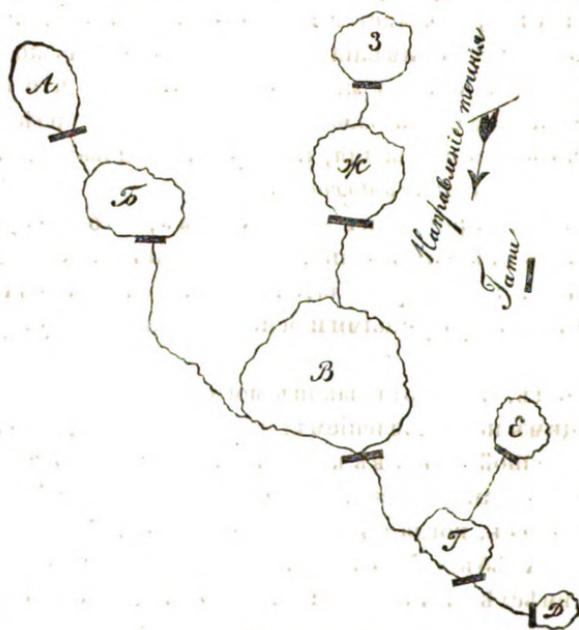
Я нахожу этотъ законъ вполне справедливымъ; но, къ сожалѣнію, онъ одностороненъ: онъ обезпечиваетъ только владѣльцевъ, имѣющихъ имѣнія *сверху рѣки*, а владѣльцевъ *по ея теченію* оставляетъ безъ вниманія. А между тѣмъ практика указываетъ намъ, что владѣнія, лежащія *снизу*, по теченію рѣкъ и ключей, могутъ подвергнуться многимъ неудобствамъ отъ дѣйствій владѣній, лежащихъ *вверхъ* противъ теченія.

а) Запрудами владѣльцы по теченію часто лишаются поемныхъ

(*) Ст. 442—451, т. X, кн. 1, изд. 1837 г.

луговъ и рыболовни; мельницы же ихъ останавливаются и поля ихъ находятся въ опасности.

б) Гати ихъ не обезпечены, такъ напримѣръ:

Такая система прудовъ существуетъ въ большей части Россіи. Теченіе, положимъ, идетъ сверху отъ А и З. Теперь возьмите: какія части должны быть въ В, Г и Д для того, чтобы удержать всю воду, когда прорываются гати въ А, Б, Ж и З. Поэтому, одно изъ двухъ: 1) или должно быть запрещено, чтобы владѣльцы, лежащіе вверхъ по теченію, задерживали у себя воду; 2) или если она имъ необходима, то они, желая ее задержать, должны строить прочныя гати.

У насъ же дѣлается совсѣмъ иначе: верхній владѣлецъ дѣлаетъ гать изъ хворосту и навоза. Она достаточна для задержанія ему водоя. Во время же полноводія она накопляетъ за собою большую массу воды и потомъ, прорванная разомъ огромною массою воды, является во внизъ лежащій прудъ. Но согласитесь, если это дѣлается въ одинъ и тотъ же часъ съ нѣсколькими такими гатами, то прудамъ, лежащимъ по теченію, приходится очень плохо.... Убытки, въ подобномъ случаѣ, бываютъ огромны: съ уничтоженіемъ пруда сопряжена потеря стойкости мельницы и гати, доходъ съ мельницы, остановка завода и фабрики и потеря всей рыболовни, которая простирается иногда на нѣсколько сотъ руб. сер. въ годъ. А между тѣмъ

вѣтъ закона, который бы ограждалъ эту собственность отъ нарушенія ея дѣйствіями другаго лица. Правда, по общему духу закона, нельзя предпринимать такого дѣйствія, которое можетъ причинить вредъ другому лицу; вотъ почему въ практикѣ владѣльцы, лежащіе по теченію рѣки, очень часто ведутъ процессы съ своими сосѣдями, имѣющими гати вверхъ теченія рѣки, и судебныя мѣста иногда опредѣляютъ первымъ вознагражденіе за убытки. Но законодательство должно бы было также и съ своей стороны опредѣлять взаимныя обязанности тѣхъ и другихъ владѣльцевъ болѣе точно.

2) «Хозяинъ дома можетъ требовать: 1) чтобы сосѣдъ не пристроивалъ поварни и печи къ стѣнѣ его дома; 2) не лилъ воды и не сметалъ сора на домъ или дворъ его; 3) не дѣлалъ ската кровли своей на дворъ его, но обращалъ оный на свою сторону; 4) не дѣлалъ оконъ и дверей въ брандамурѣ, отдѣляющемъ кровли смежныхъ зданій».

Мы находимъ весь законъ справедливымъ, за исключеніемъ его, третьяго пункта.

Въ старину, когда не было въ обычаѣ устраивать желѣзныя крыши и водосточныя трубы, тогда законъ этотъ имѣлъ смыслъ; нынѣ же онъ стѣсняетъ только строителей домовъ и уродуетъ архитектуру флигелей. Вотъ почему мы находимъ совершенно справедливымъ, чтобы законъ сказалъ: «скать кровли на чужой дворъ можно дѣлать безъ позволенія его владѣльца; но съ тѣмъ, что должны быть устроены водосточныя трубы, для проведенія воды въ свой дворъ». Но можетъ быть многіе возражать, что запрещается дѣлать скать кровли на чужой дворъ для безопасности отъ пожара. Но мы смѣемъ возразить слѣдующее: такъ какъ право это обоюдное, то обѣ стороны уравновѣшены. 1) Если горитъ данный домъ, то сосѣдній домъ въ опасности вовсе не отъ того, что кровля горящаго дома имѣетъ къ нему скать, а зависитъ отъ большей или меньшей его близости къ пожару. Еще въ тѣхъ городахъ, гдѣ постройки каменные, требованіе закона, чтобы кровли домовъ не имѣли ската на чужой дворъ, имѣетъ кое-какое значеніе; но гдѣ постройки деревянныя, тамъ онъ не можетъ принести рѣшительно никакой пользы. 2) Наконецъ мы должны сказать, что если законъ этотъ имѣетъ въ виду безопасность отъ пожара, то онъ долженъ быть *полицейскою мѣрою*; вслѣдствіе чего должно бы было быть запрещено дѣлать вообще скать на чужой дворъ, хотя бы владѣлецъ послѣдняго былъ на это согласенъ... Но какъ я выше сказалъ: весь этотъ законъ не имѣетъ рациональныхъ основаній.

3) Ст. 446 и 447 говорятъ о правахъ лицъ, строящихъ домъ на *самой межѣ* или *не на самой межѣ*. Въ первомъ случаѣ нельзя безъ формальнаго разрѣшенія сосѣда выводить окна на его дворъ; во-вто-

ромъ, можно это дѣлать безъ его разрѣшенія, но сосѣду не воспрещается обратно — закрыть эти окна своею постройкою.

Мы находимъ этотъ законъ совершенно справедливымъ, но не вполне яснымъ. Что значать выраженія: *на самой межѣ*, или *не на самой межѣ*? Если законъ подразумѣваетъ подъ межею *линію*, то, при ошибкѣ какого нибудь домовладѣльца на одинъ вершокъ, онъ можетъ нажить себѣ процессъ. Не лучше ли бы было опредѣлить размѣръ самой межи; при чемъ законъ долженъ выговорить, что первая статья закона должна относиться къ тому случаю, когда строящій домъ отступаетъ отъ *линіи* своей границы положимъ на полг-аршина; а вторая статья должна относиться къ тѣмъ случаямъ, гдѣ постройка отстоитъ отъ этой *линіи* на меньшее разстояніе.

4) «Владѣлецъ, пользующійся землями и промыслами въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, имѣетъ право *проходить* и *проѣзжать* по онымъ» (*).

Еще бы было иначе! если бы не было этого права, то въ чемъ же заключалось бы пользование?... Неужели законъ долженъ также выговорить, что пользующійся землями и промыслами, въ казенныхъ и частныхъ дачахъ, имѣетъ право *дышать тамъ воздухомъ*?... Такія излишнія подробности въ опредѣленіи права увеличиваютъ только бабастъ статей Свода Законовъ; самому же дѣлу вредятъ тѣмъ, что законъ не можетъ исчислить всѣхъ данныхъ случаевъ и чрезъ это размножаются только поводы къ процессамъ.

5) «Буде чрезъ измѣненіе (**) теченія большихъ и малыхъ рѣкъ или рѣчекъ, служившихъ границею владѣнія, которая либо сторона *лишится* *вовсе* водопоя, то назначить къ тѣмъ рѣкамъ дороги».

Мы вполне согласны съ этимъ закономъ; но не можемъ не замѣтить: а) онъ подразумѣваетъ только одинъ случай: когда владѣлецъ *лишается* *вовсе* водопоя. Мы же находимъ, что рѣченка можетъ понадобиться владѣльцу не только для водопоя, но для орошенія полей, рыболовни, какъ движущая сила и, наконецъ, какъ предметъ необходимый для фабричнаго и заводскаго производства. Къ тому же слово: *вовсе* дѣлаетъ законъ совершенно неопредѣленнымъ: у меня могутъ быть водопы, достаточные для водопоя небольшого количества скота, а мнѣ нуженъ болѣе обширный водопой; законъ же видитъ только одинъ случай: когда *вовсе* нѣтъ водопоя; б) намъ кажется, что было бы также справедливо, кромѣ разрѣшенія — проводить дороги къ рѣчкамъ, измѣнившимся теченіе, разрѣшить: устраивать шлюзы и ка-

(*) Т. X, ст. 448, кн. I.

(**) Тамъ же, ст. 451.

налы бывшимъ ихъ владѣльцамъ съ тѣмъ, 1) чтобы эти шлюзы и каналы не затопляли чужихъ полей; 2) что сосѣдніе владѣльцы должны отвести по три сажени земли, въ ширину, на этотъ каналъ, за определенное, по оцѣнкѣ, вознагражденіе со стороны строителя канала; 3) что владѣлецъ этого канала обязанъ построить черезъ него прочныя мосты въ три сажени шириною, для того, чтобы сосѣдямъ не прекратить сообщенія между ихъ постройками.

5) *О правѣ угодій въ чужихъ имуществѣхъ.*

Угодья въ чужихъ имуществѣхъ могутъ состоять въ пользованіи лѣсами по праву въѣзда и въ пользованіи звѣриными и другими промыслами (*).

а) *О въѣздахъ въ лѣса.*

1) «Право въѣзда въ лѣса состоитъ въ пользованіи даннымъ лицомъ или обществомъ (**) строевымъ и дровянымъ лѣсомъ изъ чужихъ дачъ.»

2) «Праву въѣзда подлежатъ какъ частныя, такъ и казенныя лѣса, гдѣ оно было прежде установлено и законно укрѣплено и впоследствии выдѣлами или другими сдѣлками не уничтожено.» Я нахожу, что вся фраза, начиная отъ словъ: «гдѣ оно было...», можетъ быть измѣнена словами: «гдѣ оно законно еще не уничтожено.»

3) «Право въѣзда въ частныя лѣса ограничивается только домашними нуждами владѣльца и его селенія въ строевомъ и дровяномъ лѣсѣ». Законъ этотъ неопредѣленъ: домашнія нужды могутъ принимать самыя обширныя размѣры: я могу построить заводъ, фабрику и отнести ихъ къ домашнимъ моимъ нуждамъ. Наконецъ, самыя постройки могутъ принять огромныя размѣры. Правительство наше усмотрѣло эти неудобства въ казенныхъ дачахъ, и повелѣло уничтожить въ нихъ право въѣзда, выдѣливъ одновременно помѣщикамъ и крестьянскимъ обществамъ, пользовавшимся этимъ правомъ, определенныя участки. Это право должно бы распространить и на частныя лѣсныя дачи.

4) Не выговорено въ законѣ, что владѣлецъ лѣсной дачи, въ которой существуетъ для постороннихъ лицъ право въѣзда, имѣетъ также съ своей стороны право рубить лѣсъ, и въ какой пропорціи. Вотъ

(*) Ст. 452—465, т. X, к. 1.

(**) Этихъ словъ нѣтъ въ законѣ.

почему ст. 459 и 460, т. X., устанавливающія: «что право въѣзда уничтожается вырубкою лѣса»,—дѣлаютъ право вездѣ мѣломъ, коль скоро владѣлецъ вырубилъ лѣсъ. Въ законѣ только сказано, что владѣлецъ не вправе продавать этотъ лѣсъ на рубку постороннимъ. Но во 1-хъ) можно вырубить лѣсъ на собственные нужды; 2) право въѣзда можетъ принадлежать многимъ лицамъ, и я могу избрать одного изъ нихъ и продать ему весь лѣсъ на срубъ: это ужъ не будетъ продажа *постороннему лицу*.

5) «Владѣльцы, въ дачахъ коихъ лѣса въѣздіе состоятъ, отнюдь не должны допускать или давать новые въѣзды и продавать лѣсъ на срубку людямъ постороннимъ».

Не есть ли это нарушение правъ собственности?... У меня можетъ быть селеніе изъ 100 душъ и 100 тыс. десятинъ лѣсу. Чтобы удовлетворить нужды этихъ ста душъ, я лишаясь права пользоваться своимъ громаднымъ имуществомъ. Но возразите вы: я могу выдѣлить крестьянамъ извѣстное количество лѣса, а остальное обратить въ свою пользу. Это было бы такъ, еслибы законъ опредѣлилъ, что я могу односторонне и непосредственно на каждого въѣзжаго хозяина отвести извѣстное количество десятинъ земли; но если я непосредственно сдѣлать этого не могу, то имущество мое въ рукахъ лицъ, пользующихся правомъ въѣзда.

б) О звѣриныхъ и другихъ промыслахъ (*).

1) «Бортныя ухажья, бобровыя гоны, звѣриная, птичья и рыбная ловля и другіе промыслы, *въ прежнія времена въ чужихъ дачахъ владѣльцамъ приуроченныя, остаются въ ихъ пользованіи тамъ, гдѣ оныя еще существуютъ, и съ тѣми ограниченіями, кои опредѣляются актами, на право сіе данными, и правилами государственнаго межеванія.*»

Законъ этотъ возникъ 25-го мая 1766 года или, другими словами, право охоты и промысла въ чужихъ дачахъ, существовавшее какъ частное право, посредствомъ актовъ и обычая, получило при выходѣ закона обязательную силу права. На этомъ основаніи мы находимъ его удовлетворительнымъ какъ указъ, а въ Сводѣ Законовъ онъ долженъ былъ принять совершенно иной видъ. Законъ долженъ простирается не только на прошедшее, но и на будущее и на настоящее время; вотъ почему я полагаю, что приличнѣе было бы сказать: охота и промыслы въ чужихъ дачахъ могутъ принадлежать другимъ лицамъ, если это право укрѣплено за ними законнымъ образомъ—или актомъ, или, по обычаю, земскою давностью.

(*) Ст. 463—466, т. X, к. 1.

2) «При измѣнившемся теченіи большихъ рѣкъ, когда рѣка войдетъ въ одну которую либо сторону обоними берегами, т. е. всѣмъ теченіемъ своимъ,—если береговой владѣлецъ, независимо отъ водопоя, пользовался особенными отъ рѣки выгодами, какъ то: *рыбными ловлями, перевозами и другими*, и если право на пользованіе сими выгодами предоставлено было ему по писцовымъ книгамъ и жалованнымъ грамотамъ: въ такомъ случаѣ, на основаніи статьи 513, остаются тѣ рыбныя ловли и перевозки въ его владѣніи, какъ были и при прежнемъ теченіи рѣки; если же таковыми выгодами пользовался онъ только по праву береговому, то съ уничтоженіемъ береговъ отъ перемѣны рѣкою своего теченія, оставая берегового владѣльца при правѣ, предшествовавши 426 и 451 статьями опредѣленномъ, другаго вознагражденія ему не предоставляется.» Такъ какъ этотъ законъ ссылается на три статьи того же тома, то мы считаемъ необходимымъ, для уясненія его, выписать ихъ въ порядкѣ ссылки:

Ст. 513-я: «владѣніе, когда оно соединено въ одномъ лицѣ съ правомъ собственности, есть существенная часть самаго сего права, и когда оно утверждается на жалованныхъ грамотахъ и другихъ законныхъ укрѣпленіяхъ, тогда именуется владѣніемъ вотчиннымъ, владѣніемъ вѣчнымъ и потомственнымъ.»

Ст. 426-я: «по силѣ сего права (*т. е. права полной собственности*), владѣльцу земли предоставляется пользоваться обсохшею землею, оставшеюся отъ уклоненія воды, равно какъ и растущимъ на оной лѣсомъ и тальникомъ противъ его дачь, въ томъ пространствѣ широты, какое значится на выданномъ ему планѣ и межевой книгѣ по берегу рѣки.»

Ст. 415-я: «буде чрезъ измѣненіе теченія большихъ и малыхъ рѣкъ или рѣчекъ, служившихъ границею владѣнія, которая либо сторона лишится вовсе водопоя, то назначать къ тѣмъ рѣкамъ дороги.»

Всѣ эти статьи перенутиваютъ юридическія понятія о правѣ собственности; изъ нихъ видно, что законъ признаетъ *береговое право*, но самое понятіе это не опредѣляется въ точности, потому что законъ признаетъ еще какое-то другое право, основанное на жалованныхъ грамотахъ и писцовыхъ книгахъ.... Что такое есть гражданское право? Признаніе закономъ известной власти даннаго лица въ его имуществѣ; поэтому береговое право есть власть берегового владѣльца исключительно пользоваться выгодами, доставляемыми берегами рѣки или озера, или моря. На чемъ же укрѣпляется это право? На всѣхъ возможныхъ актахъ укрѣпленія. Закому все равно: владѣю ли я землею по купчей, по духовной, по дарственной, по жалованной грамотѣ, по писцовымъ книгамъ, или, просто, по давности владѣнія. Форма укрѣпленія не можетъ здѣсь играть никакой роли,—она не можетъ

сдѣлать права ни крѣпче, ни слабѣе. Въ правѣ крѣпка его сущность, а не форма; всѣ ея виды, признанные закономъ, имѣютъ одинаковую юридическую силу. Но хлопочетъ ли самъ законъ только о формѣ? Ст. 464 указываетъ лишь на писцовыя книги и жалованныя грамоты; но ст. 513 ссылается ужъ и на *другіе акты укрѣпленія*. О чемъ же хлопочетъ законъ?... Не о томъ ли, чтобы въ послѣднихъ непремѣнно выговорено было, что берега данной рѣки исключительно принадлежатъ извѣстному владѣльцу?... Но вопросъ, что сильнѣе: береговое ли право, устанавливаемое закономъ, или воля частныхъ лицъ?... Какъ хотите, а здѣсь не знаешь, чего держаться: береговаго ли права или, другими словами, гражданскаго закона, или же содержанія частныхъ актовъ укрѣпленія. Притомъ мы должны спросить: къ чему законъ сослался на ст. 513? Ссылки, вмѣсто разъясненія, только затемнили законъ и перепутали всѣ юридическія понятія береговаго права. По этимъ причинамъ я нахожу, что береговое право должно было бы быть опредѣлено слѣдующимъ образомъ:

а) Береговое право есть власть даннаго владѣльца берега пользоваться непосредственно всѣми выгодами, какія представляютъ ему воды, прилегающія къ его землѣ.

б) Воды рѣки, или озера, если берега ихъ принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ, состоятъ въ пользованіи обоихъ владѣльцевъ, такъ что каждый изъ нихъ вправе пользоваться непосредственно всѣми выгодами водъ отъ своего берега до середины рѣки, или озера.

в) Воды моря состоятъ въ исключительномъ пользованіи владѣльцевъ береговъ только на одну версту отъ берега.

г) При измѣненіи теченія рѣкъ, владѣлецъ того берега, который обсохъ, долженъ вознаградить владѣльца другаго берега за занятое у него водами пространство земли; а послѣдній сохраняетъ не только право водопоя, но и право промысла, перевоза и устройства пристани.

Эти правила мы находимъ болѣе справедливыми, и если только береговое право признается закономъ, то оно должно быть безусловно, и законъ не долженъ обращать вниманія на то—на чемъ оно основано: на законѣ ли, или на актахъ укрѣпленія. Право во всѣхъ своихъ моментахъ и законныхъ формахъ одинаково крѣпко, и пользующійся береговымъ правомъ не можетъ его лишиться чрезъ то только, что рѣка уклонилась отъ своего теченія. Въ этомъ случаѣ владѣлецъ и такъ понесъ ужъ большой убытокъ чрезъ уклоненіе воды, очень часто чрезъ это останавливается дѣйствіе заводовъ, фабрикъ, мельницъ. Онъ поэтому ужъ и такъ разорился; а тутъ еще законъ лишаетъ его пристани, рыбной ловли, переправы и многихъ другихъ выгодъ, которыя часто составляютъ главныя статьи его дохода. Мы находимъ это въ

высшей степени несправедливымъ и полагаемъ, что законъ этотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться въ своей силѣ.

3) «Въ казенныхъ лѣсахъ плоды и сѣмена деревьевъ и кустарниковъ, также трава и другія естественныя произведенія (?), произрастающія какъ въ самыхъ лѣсахъ, такъ и на ихъ полянахъ, если они не отданы на оброкъ, или изъ общаго употребленія особеннымъ какимъ либо запрещеніемъ не изъяты, состоятъ въ свободномъ пользованіи *жселающимъ*, только съ соблюденіемъ правилъ о неповрежденіи самаго лѣса, въ уставѣ лѣсномъ опредѣленныхъ.»

Прочитавши этотъ законъ, подумаешь: какія иногда гуманныя вещи сочиняются въ кабинетахъ, и сочинитель ихъ воображаетъ себѣ, что онъ осчастливилъ отечество, чуть-чуть не спасъ народъ отъ пролетариата... И въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ у насъ бѣдствовать смертный, когда онъ можетъ отправиться въ казенный лѣсъ—косить себѣ сколько ему угодно травы, охотиться на дикаго звѣря, рвать на продажу плоды?... Картина поистинѣ умилительная въ кабинетѣ, но не въ самомъ лѣсу,—тамъ каждый *жселающій* встрѣчаетъ лѣсную стражу, которая отберетъ у васъ ружье, когда вы охотитесь, конфискуетъ у васъ все, если поймаетъ васъ косящаго траву, или собирающаго плоды и другія естественныя произведенія... Это злоупотребленіе власти, скажете вы,—когда законъ разрѣшаетъ *жселающимъ* эти дѣйствія... Но дѣло въ томъ, что лѣсная стража объявляетъ вамъ, что всѣ естественныя произведенія отданы въ оброчное содержаніе; и откуда вы знаете, что онъ говоритъ ложь? Въ лѣсъ не ходятъ юристы, а простые мужики, при одномъ грозномъ восклицаніи стражи, опускаютъ руку въ карманъ и достаютъ кошелекъ, не входя въ это время ни въ какіе юридическіе диспуты съ сторожемъ. Но сторожъ еще милостивъ, если ссылается только на оброчное содержаніе; хуже еще бываетъ для *жселающаго*, когда онъ обвинитъ его въ порчѣ лѣса,—тогда крестьянинъ не окупится и 10-ю рублями. Такія дашныя побуждаютъ насъ сказать, что законъ этотъ лишній въ Сводѣ Законовъ по своей непрактичности, и остается одно изъ двухъ — или уничтожить его, или измѣнить его настолько, чтобы цѣль закона могла быть достигнута. Измѣненіе, по моему мнѣнію, должно заключаться въ слѣдующемъ:

а) Крестьянамъ, приходящимъ въ лѣсъ на работу, должно быть разрѣшено, для варенія себѣ пицци, на починку орудій, на устройство палашей, рубить тальникъ и тростникъ и другія кустарничныя деревья, равно мелкій лѣсъ, негодный къ постройкамъ.

б) Лѣсное начальство должно только наблюдать за порядкомъ и точнымъ исполненіемъ этихъ правилъ и принимать мѣры для избѣжанія лѣсныхъ пожаровъ.

д) Для наблюдёнія же за тѣмъ, чтобы права крестьянъ не были нарушены, крестьянскія общества должны командировать отъ себя въ лѣсъ благонадежнаго крестьянина, который обязанъ доносить о всѣхъ замѣченныхъ безпорядкахъ мировымъ посредникамъ, къ участку которыхъ принадлежитъ тотъ крестьянинъ, который нарушилъ порядокъ, или который обиженъ.

4) Теперь обращаюсь къ анализу законовъ о звѣринныхъ и другихъ промыслахъ, существующихъ въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской. Изъ всего сказаннаго мною объ общихъ законахъ имперіи по этому предмету открывается, что они неточны и неясны; здѣсь же я долженъ сказать, что ихъ слѣдовало бы пополнить постановленіями Литовскаго статута, дѣйствующаго въ Малороссійскихъ губерніяхъ. Послѣдній хотя и имѣетъ свои недостатки и вдается въ излишнія подробности, но за то онъ опредѣляетъ довольно ясно то право, которое составляетъ его предметъ. Постановленія Литовскаго статута заключаются въ слѣдующемъ :

1) «Кто имѣетъ право на бортныя ухажья въ чужомъ лѣсу, тотъ съ симъ вмѣстѣ имѣетъ и право входа въ тотъ лѣсъ, но при семъ не позволено ему имѣть съ собою другихъ орудій, *кроме топора и лѣмки, конии обдѣлываются борти.*»

Какое кому дѣло съ какими орудіями я вхожу въ лѣсъ? Лишь бы я не бралъ оттуда того, чего мнѣ не слѣдуетъ.

б) «Ему позволено въ томъ лѣсу драть лыки и лубья для лѣстницъ и на другія необходимыя для того промысла потребности, но лишь столько, сколько можно снести на себѣ, а не увезти на возу.»

Это слишкомъ неопредѣленно: не лучше ли бы было опредѣлить количество матеріала, какой я могу употреблять на свои потребности?... А законъ, вмѣсто этого, запрещаетъ мнѣ употреблять возъ, лошадей и воловъ на работахъ и чрезъ это заставляетъ меня производить нѣсколько дней такую работу, которую я могъ бы при рабочей силѣ произвести въ нѣсколько часовъ.

в) «Когда бортное дерево безъ пчелъ или съ пчелами *упадетъ*, то хозяинъ бортя воленъ взять себѣ только одинъ улей, а верхнюю часть и корень того дерева долженъ оставить на мѣстѣ хозяину лѣса.»

Развѣ дерево никуда негодное должно непременно упасть? Если оно крѣпко на корню, то на немъ могутъ сгнить всѣ сучья и пеньки, а оно послѣ того можетъ еще стоять сотню лѣтъ, если дерево изъ породы дубовъ или грушевое. Намъ кажется, что бортное дерево должно принадлежать хозяину бортя: здѣсь вступаетъ въ силу общій законъ давности владѣнія. Хозяину бортя принадлежитъ исключительное и непосредственное право владѣнія и пользованія деревомъ, или, другими словами, ему принадлежатъ фактически всѣ права собственности

на дерево; поэтому совершенно справедливо будетъ, если это право будетъ укрѣвлено закономъ.

г) «Кто имѣеть озеро въ чужомъ лѣсу, тотъ можетъ входить въ тотъ лѣсъ только съ неводомъ.» «Въ зимнее время ему дозволяется рубить въ томъ лѣсу деревья для топки будокъ своихъ и дѣланія копытъ на рыбу.»

А если берега этого озера обсохнутъ и владѣлецъ озера на обсохшихъ берегахъ пожелаетъ воздвигнуть постройку? Неужели онъ не имѣеть на то права?.. При этомъ рождается новый юридическій вопросъ: берега озера принадлежать одному владѣльцу, а озеро другому. Кому, въ подобномъ случаѣ, должны принадлежать обсохшіе берега? Я нахожу, что они должны принадлежать владѣльцу озера. По береговому праву, обсохшая земля рѣки и озера потому принадлежать владѣльцу берега, что самыя воды, прилегающія къ берегамъ, составляютъ собственность. Но тамъ, гдѣ воды принадлежать другому лицу, въ тѣхъ случаяхъ и обсохшіе берега принадлежать этому послѣднему. При этомъ правѣ, приведенный мною законъ Литовскаго статута есть не только стѣсненіе правъ собственности, но въ высшей степени несправедливъ: почему я могу входить въ лѣсъ только съ неводомъ? Лишь бы я не вредилъ лѣсу, а то кому какое дѣло—что за орудіе со мною. Наконецъ я спрашиваю: почему владѣльцу такого озера разрѣшено только зимою рубить лѣсъ на свои нужды? Рубка лѣса можетъ, безъ вреда для лѣса, производиться: на сѣверѣ—съ 1-го октября по 1 апрѣля; а въ средней Россіи—съ 15 октября по 15 марта. Въ остальное время года владѣлецъ лѣса можетъ запретить рубку.

д) «Кто имѣеть пажити въ чужомъ лѣсу, тотъ пользуется оними по прежнимъ межамъ, ничего не захватывая вновь; когда старыя луга его заростуть, то онъ можетъ ихъ расчищать и для того ходить въ лѣсъ съ топоромъ и косою.»

Я не понимаю, къ чему эта статья говоритъ о захватѣ новыхъ пажитей; самовольное завладѣніе чужой собственности вообще запрещено закономъ, и это запрещеніе простирается на всѣ данные случаи; поэтому нечего повторять его въ частномъ законѣ. Но это еще ничего: статутъ позволяетъ владѣльцамъ такихъ пажитей, когда они заростуть (чѣмъ?—неизвѣстно), входить въ лѣсъ съ топоромъ и косою, для ихъ расчистки. Если пажити заросли сорными травами, то можно косою ихъ скосить; но все таки безъ грабель и вилъ вы не соберете травы, и безъ воза не свезете ее. Если же они заросли кустарникомъ и деревьями, то нужно ихъ срубить, свезти съ полей и вырвать корни; а тутъ съ однимъ топоромъ и косою ничего не сдѣлаешь.

е) «Владѣлецъ лѣса, въ коемъ будутъ чужія озера, сѣнокосы и

бортн , не можетъ препятствовать тѣмъ, коиъ принадлежать озеру, бнокосы и бортн *входить* въ его лѣсъ.»

Еще бы было иначе! Эта подробность доходить до оригинально—сти.... Но замѣтите, вездѣ говорится о *входѣ* въ лѣсъ; а *въѣзжать* въ него верхомъ или на возѣ запрещено.

ж) «Пользующіеся, по праву угодій, входомъ въ чужіе лѣса, не могутъ изъ нихъ брать деревья на постройки, и входя въ лѣсъ не должны имѣть при себѣ *ни собакъ, ни рогатокъ или оружія*, чѣмъ могли бы вредить звѣрю.»

Изъ опасенія, что я могу повредить звѣрю, отнимаютъ у меня всякую возможность даже защищаться, въ случаѣ нападенія на меня хищнаго звѣря.... Мнѣ кажется, что каждому человѣку должно быть предоставлено избирать средства къ своей защитѣ, и отнимая у меня это право, отнимаютъ отъ меня и право угодій въ чужихъ лѣсахъ. Кто же захочетъ войти туда, когда запрещено брать оружіе и собакъ для защиты своей отъ волковъ и мѣдведей?

з) «Помѣщичьи крестьяне одного селенія не вправе отчуждать свои бортныя угодыя крестьянамъ другихъ селеній, безъ особеннаго дозволенія на то господъ своихъ.»

Я ужъ выше объяснялъ, что право на бортн есть полное право собственности; поэтому съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, крестьянамъ должно быть предоставлено неограниченное право распоряжаться своими бортнями. Въ противномъ этому, мы не находимъ никакой существенной пользы для помѣщиковъ, такъ какъ сборы меду съ подобныхъ бортней новымъ положеніемъ о вольно-обязанныхъ крестьянахъ отмѣняются, какъ вообще и каждый другой натуральный оброкъ. Кромѣ этого, мы должны еще замѣтить, что разныя селенія могутъ принадлежать однимъ и тѣмъ же владѣльцамъ: неужели есть какая нибудь разумная причина запрещать для такихъ крестьянъ переходъ бортней отъ одного къ другому?

Ж. ФЕДЕНКОВЪ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ полдень жаркаго, лѣтняго дня, въ селѣ Григорьевкѣ, въ барскомъ саду, въ густой аллеѣ изъ акаціи, укрывалось отъ зноя небольшое дамское общество. На первомъ шагѣ двѣ пожилыя дамы бесѣдовали о составленіи разныхъ цѣлебныхъ декоктовъ. Наружностью дамы очень рѣзко отличались другъ отъ друга. Одна имѣла болѣзненное лицо, ясно говорившее о долгихъ физическихъ и душевныхъ ея страданіяхъ, но, несмотря на то, сохранившее какую-то особенную привлекательность, которая невольно заставляла смотрящаго на него подумать, какъ красиво и пріятно было это лицо въ ту пору, когда здоровье и счастье оваряли его. За то ея собесѣдница представляла совершенный контрастъ: она точно за двоекъ дышала избыткомъ здоровья и спокойствія, избыткомъ, придававшимъ ея лицу то тупоумное, животное выраженіе, которымъ всегда отличаются люди съ ограниченнымъ умомъ и воловьими нервами. Для такихъ людей нѣтъ другихъ огорченій, кромѣ матеріальныхъ; и если жизнь доставляетъ имъ всѣ средства къ тому, чтобы сытно ѣсть и ничего не дѣлать, — они до самой гробовой

доски крѣпки и духомъ и тѣломъ. Дама съ болѣзненнымъ лицомъ сидѣла въ креслѣ; одѣта она была очень незатѣйливо и сверхъ того закутана въ теплый платокъ, какъ будто въ осенній день. Собесѣдница ея помѣщалась на скамейкѣ; костюмъ ея состоялъ изъ смятой кисейной блузы, разстегнутой у горла, чепца на головѣ не было; въ рукѣ она держала носовой платокъ, которымъ махала на себя, томительно дыша отъ жара.

Поодаль отъ пожилыхъ дамъ, на табуреткѣ, возлѣ кресель, сидѣла молоденькая дѣвушка съ книгой въ рукахъ; ея живые голубые глаза были полны какой-то тревожной тоски и она поминутно отрывала ихъ отъ книги и задумчиво смотрѣла въ даль.

— Соня! о чемъ ты все задумываешься? спросила болѣзненная дама дѣвушку. Соня пугливо опустила глаза сначала въ книгу, потомъ закрыла ее и встала.

— Мама, я пойду къ рѣкѣ; здѣсь очень душно, проговорила она, и медленно пошла по аллеѣ; а полная дама, прекративъ разговоръ о декоктахъ, слѣдила глазами за ней.

— А знаете ли что, Анна Антоновна: ваша-то Софья Григорьевна скучаетъ.... проговорила, со вздохомъ, полная дама. — Право, все одна, да едва.... Теперь ея такіе годы, что нужно ей веселье; чай, пора и женишка... невѣста, совсѣмъ невѣста стала она у васъ.

Эти замѣчанія неприятно подѣйствовали на Анну Антоновну, и она не безъ нѣкотораго удивленія и досады отвѣчала:

— Что вы, Вѣра Карповна! какая Соня невѣста? давно-ли я съ ней играла въ куклы?.. И о чемъ ей скучать? — (Последнія слова Анна Антоновна произнесла какъ бы спрашивая сама себя).

— Эхъ, матушка! какъ же ей не скучать! — Пока дочь играетъ въ куклы — матери покойно; а какъ придетъ пора заужь выходить, такъ никакими игрушками, никакими материнскими ласками не развеселишь ихъ... Вамъ бы взять для нея хоть какую-нибудь компаньонку. Вънѣ у Дурдиныхъ прекрасная дѣвушка живетъ: полковничья дочь, а совсѣмъ не гордая. Дурдина сама мнѣ говорила, что ни заставъ — все дѣлаетъ.

— Нѣтъ; я никогда не находила приличнымъ — брать въ домъ компаньонку, для забавы моей дочери. Она сама теперь понимаетъ, что ей надо заняться посерьезнѣе чтеніемъ, музыкой; тогда будетъ ли ей время скучать.

— Господи! Анна Антоновна! скорбный голосом возразила гостья: — что вы из своей дочери учительницу, или монахиню хотите сделать? Да возможно ли девушке не думать об удовольствиях? Как вам угодно, хоть заучите вашу дочь, а от суженного вам не уберечь ее, не уберечь!

— Дочь свою я никогда не думала делать монахиней, но и ребенком не хочу ее выдать замужь.

— Да как же это всё-то выходить замужь в ее года? Да я сама, о ее пору, двоих детей имела.... Ребенок!...

— То верно были времена, Вѣра Карповна, а теперь другія. Я не хочу, чтобъ моя дочь вышла замужь, не понимъ, какъ слѣдуетъ, въ чемъ состоятъ ея обязанности, какъ жены и матери. Дѣвушку очень легко увлечь всякому, — но что же выходитъ изъ этихъ раннихъ браковъ? — горе на всю жизнь!... Нѣтъ, я не думаю, чтобъ моя дочь вышла замужь, какъ ни-попало, и за кого бы то ни было. Я отдамъ ее человѣку, про котораго буду знать хорошо, что онъ составитъ ея счастье; да и самой Сонѣ надо еще узнать жизнь, людей, чтобъ быть хорошей женой честнаго человѣка. Дѣвушки часто выходятъ замужь съ глупыми понятіями о семейномъ счастье, и потому дѣлаютъ несчастными даже такихъ мужей, которые достойны иной участи.

Анна Антоновна говорила съ большимъ жаромъ; видно было, что она много думала и много тревожилась о будущности своей дочери.

— Что тамъ ни говорите, но все отъ судьбы будетъ зависѣть! замѣтила Вѣра Карповна. — Придетъ она, тамъ тутъ ничего не подѣлаешь.... Развѣ мы видимъ, что ли, какъ вдругъ явится какой нибудь неожиданный, негаданный человѣкъ; — на, вотъ тебѣ твой мужъ! тутъ твоя и судьба вся! — Я вонъ своего Семена Петровича и въ глаза не видѣла, а пріѣхалъ въ гости раза два-три, смотрю — и подъ вѣнецъ иду! И слава Богу, прожили хорошо, даромъ что не судили да не ржали другъ про дружку! Разумѣется, мудроно было меня и не полюбить: характеръ у меня прекрасный, ну, молода была, красива, — что же еще и пужно мужу?

Вѣра Карповна простодушно восхваляла себя и навѣрно долго бы еще распространялась насчетъ своего прекраснаго характера, если бы Анна Антоновна не замѣтила ей съ легкой улыбкой:

— Очень можетъ быть, что вы обязаны семейнымъ счастьемъ

вашему характеру, но это все-таки не можетъ убѣдить меня, что надо слѣпо отдаваться случайностямъ. Неужели вы не видывали страшныхъ послѣдствій отъ браковъ на-авось? И развѣ вы также не знаете, какъ легко смотритъ мужчина на свои семейныя обязанности, какъ у насъ все устроено къ удобству его разврата? Вы думаете, что чувствительный человѣкъ способенъ любить долго какую-бы-то ни было женщину?... Нѣтъ, онъ скорѣе всего наругается надъ искренней любовью своей жены, исковеркаетъ ея жизнь до безобразія и броситъ ее для какой-нибудь продажной женщины!..

Все это Анна Антоновна говорила съ такою горячностью, съ такимъ ужасомъ, что невольно наводила каждыя на мысль, что и она испытала подобныя страданія въ своей жизни. Потомъ, какъ бы опомнясь, она вздохнула тяжело и продолжала:

— Пусть Соня скучаетъ, плачетъ, но я ни за что не стану подвергать ее случайному браку. Когда она придетъ въ сознаніе, будетъ не дѣтски смотрѣть на жизнь и людей — тогда я смѣло дамъ ей свободу жить въ обществѣ; а пока пусть лучше поучится...

Вѣра Карповна слушала Анну Антоновну какъ-то снисходительно, т. е. въ родѣ того: «говори, что хочешь, а меня не убѣдишь».

— Все, можетъ быть, оно и такъ, наконецъ вымолвила она:— я вѣдь книжекъ-то мало читаю; но все же молодость не станетъ разсуждать по вашему. Да вѣдь мужчины-то, за что же и влюбляются въ насъ, какъ не за то, что мы молоды да глупы. Вѣдь старыхъ да умныхъ они обѣгаютъ.— Да, будете потомъ нянчиться съ своей дочерью, какъ сдѣлается она старой невѣстой, наставительно прибавила Вѣра Карповна.

— Плохое счастье для той женщины, которую полюбить за одну только молодость, или красоту: такая любовь такъ же скоро исчезаетъ, какъ и наша молодость.

— Ну, потому за то привычка останется.

— Да вѣдь это эгоистическое чувство,—оно не можетъ составить счастья.

— Эхъ, Анна Антоновна! если все намъ такъ разбирать, то и жить на свѣтѣ будетъ невозможно. Право!... Разумомъ тутъ ничего не сдѣлаешь; коли Господь пошлетъ счастье—благодари Создателя; а не пошлетъ—терпи; противъ этого женщина не

слѣдъ идти. Что дѣлать! наше такое женское дѣло! Иной разъ и мы сами виноваты во всемъ... Я вамъ говорю, вѣрно такъ!—Ну, наприимѣръ, выйдемъ мы замужъ и дадимъ волюшку своему муженьку: на, батюшка, гуляй, какъ хочется, дѣлай, что вздумается,—точно онъ холостой какой. Извѣстно, дѣло мужское, привычное гулять...—Нѣтъ-съ, по моему, надо сразу осадить его, чтобы онъ соблюдалъ законъ. Вѣдь и пословица даже есть на это: «сновадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломятъ».—Мой-то, вы думаете, не пробовалъ на холостыя тамъ пирушки ходить, пить вино, да играть въ карты и всякимъ мерзостямъ предаваться?... Все было, матушка.... Но я круто повернула дѣло съ перваго же раза. Подкараулила, когда онъ изъ должности да не домой, а въ другое мѣсто пошелъ—и пнать за нимъ, да и начала распекать—и его-то, да и холостыхъ-то товарищей: зачѣмъ женатаго человѣка завлекаютъ къ себѣ; да потомъ за руку его, да вонъ.... а дома-то, при всей роднѣ, ну его опять распекать.... Вотъ, эдакъ-то и отучила его отъ холостыхъ-то замашекъ; а то долго ли! Я вѣдь знаю, дай я теперь ему волю, такъ онъ какъ-разъ свихнется.

— Хорошо, что вашъ мужъ послушный; ну, а если бы онъ васъ же распекъ за то, что вы вздумали слѣдить за нимъ?

— Да какъ бы это онъ посмѣлъ?

— А вотъ такъ: сказала-бы, что знать ничего не хочетъ, а будетъ нарочно уходить изъ дому; и потомъ васъ же бы упрекалъ въ своемъ несчастьи.

— Какъ же это возможно! онъ виновать, да онъ же бы смѣлъ меня распекать!

— Такъ и бываетъ всегда, что виноватѣйшій-то и считаетъ себя правымъ.

— Срамить, срамить такого мужа!

— Что же изъ этого? Ну, онъ бросить васъ.

— Богъ съ вами! вы ужъ всѣхъ мужчинъ злодѣями считаете.

— Нѣтъ, возразила Анна Антоновна:—вы очень ошибаетесь. Я знаю, что есть отличные мужья и отцы; но согласитесь, что такіе люди рѣдки, а больше, напротивъ, дурныхъ мужей и отцовъ.

— Правда-то, правда! Но все же выходитъ по моему, что коли Богъ пошлетъ хорошаго жениха Софьѣ Григорьевнѣ, то и надо выдать замужъ скорѣе.... Я вчера была у вашего сосѣда, къ нему пріѣхалъ старикъ родственникъ, съ сыномъ,—прекрасный

молодой человекъ! Батюшка-то мнѣ и говорить, что женить его хочетъ скорѣе, чтобы онъ остепенился и занялся хозяйствомъ.

Анна Антоновна мрачно слушала гостью, и съ досадою возразила:

— Ужь вы не за роль ли свахи взялись?

— А почему бы мнѣ и не желать счастья вашей Софьѣ Григорьевнѣ? Я ее дитятей знала. И прямо скажу вамъ, что старикъ именно хочетъ сватать вашу дочь, онъ много хорошаго слышалъ о ней. Онъ на дняхъ хотѣлъ прѣхать съ сыномъ къ вамъ въ гости.

При этомъ извѣстїи ужасъ изобразился на лицѣ Анны Антоновны.

— Пожалуйста, предупредите ихъ, что я вовсе не желаю выдавать свою дочь замужъ. И, пожалуйста, въ другой разъ, Вѣра Карповна, не говорите мнѣ подобныхъ вещей: это дико и неприятно мнѣ!

Анна Антоновна вытерла платкомъ свое блѣдное лицо, покрывшееся крупными каплями пота и сбросила съ плечь теплый платокъ, — она дышала такъ трудно, какъ дышать только послѣ самой скорой ходьбы.

— Вспомните меня, Анна Антоновна! не управитесь вамъ съ такимъ огнемъ, какъ ваша дочь! замѣтила пророческимъ голосомъ Вѣра Карповна. — Посмотрите-ка ей въ глаза, такъ искры и сыплются: а такую дѣвушку не уберечь матери, — какъ вамъ угодно, а не уберечь.... Долго ли ее заполнить мужчиной? — Какъ это можно!... Я ужь, слава Богу, трехъ замужъ выдала, знаю, — да еще какъ знаю, что не успѣешь подумать, не влюбила ли твоя дочь, — глядь, ужь у нихъ и дѣло слажено, только благослови мать. — Какое тутъ разузнаванье, какъ придетъ къ вамъ сама Софья Григорьевна, да въ слезахъ будетъ просить, чтобы ее скорѣе повѣнчали?... Вонъ, у меня Катя увидѣла офицера на вечерѣ, потанцовала съ нимъ разовъ съ пять — и пошла бредить.... Стали это мы разузнавать стороною, что онъ за человекъ; ну, и оказался, какъ слѣдуетъ быть армейскому офицеру — голъ, какъ соколъ. Мы отказъ ему, а дѣвка-то съ ума сходить. Побились, погоревали, да и благословили. Что станешь дѣлать! Весело, что ли, какъ цѣлый день слезы да оханье. Что же бы вы думали, — послѣ вѣдь мнѣ призналась, что, какъ мы отказали ему отъ дому, она изволила по ночамъ изъ окна лазить въ садъ, да тамъ и амурилась съ нимъ. Ну, хорошо, что на честнаго человека напала!...

Ахъ, нѣтъ, не усмотришь за этими дѣвушками, когда онѣ станутъ блажить о женихахъ!

— Значитъ, вы согласны со мной, что молодой дѣвухѣ не слѣдуетъ встрѣчаться съ кѣмъ ни-попало, опрометчиво замѣтила Анна Антоновна.

Вѣра Карповна обидѣлась и язвительно отвѣчала:

— Разумѣется, нашъ зять вамъ не годился бы. Но мы люди прѣстые, помнимъ пословицу: «по одежкѣ протягивай ножки».... Моя Катя, извѣстно, не богатая была невѣста и не-Богъ-знаетъ какая ученая; но она полюбила человѣка добраго—и слава Богу, очень счастлива; и если бы не дѣти,—все двойни да двойни,—то жила бы въ достаткѣ. Ну, мы кое-что ей удѣлили отъ себя, а у мужа хотя пока и нѣтъ ничего, за то, Богъ дастъ, тетка умретъ, такъ получить сто душъ.—Да что въ богатствѣ? И чрезъ золото слезы льются, Анна Антоновна!

Потомъ немолчавъ, гостя встала и прибавила:

— Пойду, выкупаюсь да полежу. Смерть! такъ жаръ истомилъ.

— Анна Антоновна по уходѣ гостя долго осталась въ какомъ-то раздумьи, и ея лице, съ каждой минутой, омрачалось все болѣе и болѣе.

Анна Антоновна была владѣтельницаю 500 душъ; уже нѣсколько лѣтъ она безвыѣздно жила съ единственной дочерью въ своемъ имѣннѣ, жила уединенно, не принимая почти никого изъ сосѣдей; и если кто нибудь, по особенной любви къ развѣздамъ, иногда и заворачивалъ къ ней, то она не считала обязанностью отплачивать визита. Большинство сосѣдей, разумѣется, скоро поняло нежеланіе Анны Антоновны вести съ ними знакомство, и оставило ее въ покоѣ; одна только Вѣра Карповна, знавшая Анну Антоновну еще въ дѣвушкахъ, постоянно надоѣдала ей своими посѣщеніями. Супругъ Анны Антоновны не жилъ въ деревнѣ; а только лѣтомъ, и то на короткое время, навѣщалъ свое семейство. На распросы подростшей дочери, почему онѣ не живутъ вмѣстѣ съ отцомъ, мать всегда отвѣчала одно и то же, что отецъ занятъ службою въ Петербургѣ и что, кромѣ того, климатъ деревни вреденъ ему, а климатъ Петербурга—ей. Дочь вѣрила этому объясненію, потому что какъ только помнила себя, всегда видѣла свою мать больною. Но Анна Антоновна, разумѣется, обманывала свою дочь; ея супругъ собственно былъ занятъ въ Петербургѣ не службой, а находился въ услуженіи у одной изъ дорогихъ

столичныхъ лоретокъ, которая сначала обобрала его, какъ только могла, а потомъ, въ видѣ милости, держала при себѣ, заставляя хлопотать по дому, или гулять съ ея дѣтьми, называвшими его нѣжнымъ именемъ папá,—что впрочемъ не мѣшало имъ величать этимъ именемъ и еще какого-то стараго генерала, отъ котораго лоретка получала деньги на содержаніе дѣтей. Супругъ Анны Антоновны велъ, кромѣ того, игру и всѣ выигрыши свои долженъ былъ отдавать на содержаніе дома лоретки; для той же цѣли нерѣдко бралъ деньги у жены,—однимъ словомъ, для своей возлюбленной былъ довольно важнымъ подспорьемъ. Нельзя сказать, чтобы эти жертвы приносили ему много радостей,—о, далеко нѣтъ! Онъ разирыцалъ до того унижительную роль въ домѣ этой молодой женщины, что долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ роскошныя подарки, которыми щедро осыпали ее временные ея посѣтители. Лоретка, впрочемъ, и не церемонилась съ супругомъ Анны Антоновны; она, напримѣръ, безъ всякихъ разсужденій, выпроваживала его изъ своего дома, если оказывалось нужнымъ обратъ до ниточки какого-нибудь хвастливаго мотыгу. Но и этимъ снисхожденіемъ онъ не избавлялся отъ наглыхъ упрековъ и капризовъ модной лоретки, которая царила въ обществѣ, утопая въ роскоши.

Если бы супруга Анны Антоновны увидѣлъ, въ его семейной жизни съ лореткой, какой нибудь наивный господинъ, то вѣроятно заключилъ бы, что вся его снисходительность, услужливость и всѣ его попеченія о хозяйствѣ въ домѣ и дѣтяхъ,—что все это происходитъ отъ мягкосердечности, отъ слабости характера и сильной привязанности къ недостойной женщинѣ; даже, можетъ быть, попенялъ бы на злую судьбу, которая такому доброму человѣку и съ такими семейными наклонностями не дала счастья встрѣтить порядочную женщину. Но каково же было бы удивленіе этого наивнаго господина, если бы онъ узналъ, что оплакиваемый имъ попечительный отецъ наполовину чужихъ дѣтей—родную свою дочь знать не хочетъ! что этотъ самый услужливый и снисходительный содержатель публичной женщины былъ безстыдно грубъ и жестокосердъ съ своей женой—женщиной честной, образованной и искренно любившей его! что когда-то онъ—супругъ Анны Антоновны—умѣлъ такъ краснорѣчиво описывать предъ ней свою любовь и свои страданія, что неопытная дѣвушка, несмотря на предостереженія людей, желавшихъ ей счастья, слѣпо довѣрилась и отдалась этому эгоисту и развратнику!...

Да и можно ли было обращать какое нибудь вниманіе на совѣты и предостереженія добрыхъ людей, когда влюбленный былъ—вольющенная кротость; и если грубость иногда и проглядывала къ его дѣйствіяхъ, то это, какъ догадывались, была ревность, — а вѣдь ревность—то и есть любовь, какъ доказываютъ всѣ влюбленные эгоисты, чтобъ оправдаться чѣмъ—нибудь въ своихъ дурныхъ поступкахъ въ то время, когда власть ихъ надъ женщиной еще колеблется;—впослѣдствіи ихъ грубость, разумѣется, уже ничѣмъ не прикрывается.

Анна Антоновна почувствовала весь эгоизмъ своего супруга вскорѣ послѣ свадьбы, какъ только онъ получилъ полную власть надъ ней. Она, разумѣется, сначала старалась всѣми средствами оправдать любимаго ею человѣка, уступала ему, и дошла наконецъ до совершенно-рабской зависимости, а онъ, пользуясь ея уступками. — до самаго наглаго своеволія. И какъ только чувственная любовь исчезла въ эгоистѣ, то страданія бѣдной женщины удесятирились. Ея супругъ снова повелъ жизнь холостаго человѣка. Анна Антоновна выносила все, думая, что наконецъ онъ очнется, пойметъ, какъ возмутительно унижать такимъ образомъ женщину и кромѣ того уже мать. Она не догадывалась, что эгоистическія натуры неспособны ни къ какимъ привязанностямъ, если ими не руководитъ чувственная страсть, для удовлетворенія которой онѣ могутъ, пожалуй, на время прикинуться порядочными людьми, но какъ только эта страсть миновалась, онѣ снова начинаютъ питать непримиримую вражду къ тѣмъ, кто ждетъ отъ нихъ человѣческихъ чувствъ. Такіе люди не станутъ сдерживать свои наклонности ни для кого, и для нихъ прежнія связи невыносимы; они попираютъ всѣ обязанности честнаго человѣка и съ равнодушіемъ смотрятъ на страданія близкихъ, — точно и не они ихъ причиной.... Своеволіе подобныхъ людей только и обуздываютъ такія же женщины, имѣющія въ рукахъ какія-то таинственныя орудія, способныя размягчать ихъ, какъ воскъ, и лѣпить изъ нихъ — что пожелаютъ. Къ несчастью, эгоисты всегда только подъ конецъ своей жизни отыскиваютъ такихъ женщинъ, вѣроятно, уставъ уже мучить и своевольничать надъ несчастными порядочными женщинами. Вотъ почему вѣтъ примѣра, чтобъ честныя натуры были въ силахъ вынести борьбу съ эгоистами; жизнь несчастныхъ разбивается, какъ корабль о подводныя скалы, и ихъ гибель неизбежна. Вотъ почему, съ другой стороны, такъ блаженствуютъ и царятъ въ

Т. XII. Отд. I.

обществѣ корыстолюбивыя и развратныя женщины; — онѣ одиѣ свободно дышать и презираютъ власть мужчинъ: онѣ всегда веселы, нарядны, и въ то же время любимы и уважаемы мужчинами, болѣе чѣмъ самыя достойныя изъ женщинъ! И знаете почему? Потому что такихъ женщинъ никто не смѣетъ оскорбить; потому что лоретка или лицемѣрная барыня всегда найдутъ себѣ защиту въ обществѣ, которое дѣлаетъ ихъ, покровительствуетъ имъ и гордится ими, какъ самой лучшей стороной своей моральной цивилизаціи!... Ревность мужчины, — такая страшная вещь для всякой честной женщины, — не смѣетъ коснуться продажныхъ женщинъ: нагло обманывая мужчинъ, онѣ, напротивъ, требуютъ еще отъ нихъ рыцарской вѣжливости. Какъ часто, на примѣръ, случается видѣть, даже въ публичныхъ собраніяхъ, что какой нибудь супругъ цѣлый спектакль сидитъ къ своей женѣ спиной, слова ей не скажетъ, — а пойдетъ въ ложу къ лореткѣ, тамъ сейчасъ начинаетъ блистать самою утонченною вѣжливостью и любезностью. Значитъ, какъ всецѣльны развратныя женщины въ цивилизованномъ обществѣ! И это общество еще такъ возмутительно жестоко караетъ бѣдныхъ женщинъ, соблазненныхъ и брошенныхъ низкими развратниками, которыхъ оставляютъ въ покоѣ даже и тогда, если ихъ жертва отъ стыда, горя или страха, а чаще по неопытности — дѣлается невольной преступницей! — Позоръ и наказаніе — все обрушивается на одну женщину, которую часто такъ воспитываютъ, что она не имѣетъ и понятія о страшныхъ послѣдствіяхъ любви. И развѣ дѣвушекъ не увѣряютъ, что дѣти родятся въ кочнѣхъ капусты, или что ихъ сестру въ корзиночкѣ принесли къ ихъ мамашѣ? Вотъ эта-та ту-поумная щепетильность и облегчаетъ развратникамъ доступъ къ ихъ жертвамъ....

Что же вы можете ждать бѣдныхъ, честныхъ женщинъ, въ жизни? Вы развѣ не видите, какъ нагло покровительствуется сознательный развратъ и какъ позорно наказываютъ вашъ проступокъ, вынужденный страхомъ и стыдомъ, а также и неопытностью! И не ждите ничего пока отъ эмансипаціи женщинъ! — Это процовѣдываніе такъ же бесплодно, какъ и состраданіе къ чело-вѣчеству, о которомъ такъ давно и много толкуютъ. И развѣ вы не видите, что женщина увлекавшаяся эмансипаціею и отдававшаяся мужчинѣ безъ всякихъ гражданскихъ условій, — развѣ она не гибнетъ также въ унижительномъ рабствѣ — и въ придачу еще опозоренная! Повѣрьте, при развратѣ общества, вамъ дадутъ настоя-

ко свободы, чтобъ безъ всякихъ жертвъ со стороны мужчинъ, вы служили бы минутнымъ прихотямъ, а потомъ — также безъ всякихъ жертвъ — легко было бы и развязаться съ вами. Если бы еще все горе и поворотъ палъ за свободу вашихъ чувствъ, на васъ однихъ, честныя женщины! Но вспомните, что ваша безкорыстная любовь можетъ вредить беззащитнымъ вашимъ дѣтямъ, къ которымъ общество безпощадно. Во имя материнской любви, каждая порядочная женщина пусть отречется отъ подобной эмансипаціи и приметъ только свободу, безъ вреда своимъ дѣтямъ. Пока сами мужчины не сдѣлаются нравственнѣе — никакая эмансипація женщинъ невозможна. — Рабы не могутъ сдѣлать свободными рабынь! А если настанетъ именно нравственный прогрессъ въ человѣчествѣ, то женщина, безъ всякихъ толковъ и споровъ, займетъ равное положеніе съ мужчиной. И отъ этого, повѣрьте, нисколько не пострадаютъ семейныя отношенія матерей къ дѣтямъ.... Но, долго-долго еще придется тебѣ, любящая и честная женщина, лить слезы стыда и отчаянья; много еще бѣдняжекъ зачахнетъ отъ грубаго деспотизма, общественнаго лицемерства и разврата. Многія еще страдалицы—матери нождертвуютъ своей молодостью и красотой, чтобы выкормить свое дитя честными и тяжкими трудами, въ то время, когда ихъ соблазнитель будутъ очень краснорѣчиво проповѣдывать противъ общественныхъ несправедливостей и горячо отстаивать свободу женщинъ! — Да, еще безконечно-долго придется вамъ, бѣдняжки младенцы, брошенные отцами и матерями, умирать тысячами!... Да и что за жизнь ваша, если вы и останетесь въ живыхъ? Со дня рожденія, вы отчуждены отъ общества, обречены на полное сиротство, нищету, трудъ и развратъ! Встрѣчаясь съ своею матерью или сестрой, — вы не узнаете ихъ, а онѣ не узнаютъ васъ! Сколько страшныхъ оскорбленій вы вытерпите отъ своего роднаго отца, или брата, живя въ нищетѣ, и даже можете служить для нихъ же жертвой, если попадете въ домъ разврата. Господи! какому страшному преступленію подвергаютъ людей нравственныя условія общества! И неужели эти страдалицы не дождутся никогда отъ цивилизованнаго общества лучшей участи? Неужели бездушнымъ эгоистамъ, для ихъ спокойствія, нужно столько слезъ, столько страданій невинныхъ дѣтей и несчастныхъ женщинъ? — Гордитесь же вы прогрессомъ въ человѣчествѣ! Такъ неужели онъ состоитъ въ томъ, чтобы, время отъ времени, дѣлать вы-

обществѣ корыстолюбивыя и развратныя женщины; — онѣ одиѣ свободно дышать и презираютъ власть мужчинъ: онѣ всегда веселы, нарядны, и въ то же время любимы и уважаемы мужчинами, болѣе чѣмъ самыя достойныя изъ женщинъ! И знаете почему? Потому что такихъ женщинъ никто не смѣетъ оскорбить; потому что лоретка или лицемерная барыня всегда найдутъ себѣ защиту въ обществѣ, которое желѣетъ ихъ, покровительствуетъ имъ и гордится ими, какъ самой лучшей стороной своей моральной цивилизаціи!... Ревность мужчины, — такая страшная вещь для всякой честной женщины, — не смѣетъ коснуться продажныхъ женщинъ: нагло обманывая мужчинъ, онѣ, напротивъ, требуютъ еще отъ нихъ рыцарской вѣжливости. Какъ часто, напримеръ, случается видѣть, даже въ публичныхъ собраніяхъ, что какойнибудь супругъ цѣлый спектакль сидитъ къ своей женѣ спиной, слова ей не скажетъ, — а пойдетъ въ ложу къ лореткѣ, тамъ сейчасъ начинаетъ блистать самою утонченною вѣжливостью и любезностью. Значитъ, какъ всецѣльны развратныя женщины въ цивилизованномъ обществѣ! И это общество еще такъ возмутительно жестоко караетъ бѣдныхъ женщинъ, соблазненныхъ и брошенныхъ низкими развратниками, которыхъ оставляютъ въ покоѣ даже и тогда, если ихъ жертва отъ стыда, горя или страха, а чаще по неопытности — дѣлается невольной преступницей! — Позоръ и наказаніе — все обрушивается на одну женщину, которую часто такъ воспитываютъ, что она не имѣетъ и понятія о страшныхъ послѣдствіяхъ любви. И развѣ дѣвушекъ не увѣряютъ, что дѣти родятся въ кочнѣ капусты, или что ихъ сестру въ корзиночкѣ принесли къ ихъ мамашѣ? Вотъ эта-та тупоумная щепетильность и облегчаетъ развратникамъ доступъ къ ихъ жертвамъ....

Что же вы можете ждать бѣдныя, честныя женщины, въ жизни? Вы развѣ не видите, какъ нагло покровительствуется сознательный развратъ и какъ позорно наказываютъ вашъ проступокъ, вынужденный страхомъ и стыдомъ, а также и неопытностью! И не ждите ничего пока отъ эмансипаціи женщинъ! — Это проповѣдываніе такъ же бесплодно, какъ и состраданіе къ челоѣчеству, о которомъ такъ давно и много толкуютъ. И развѣ вы не видите, что женщина увлекавшаяся эмансипаціею и отдававшаяся мужчинѣ безъ всякихъ гражданскихъ условій, — развѣ она не гибнетъ также въ унижительномъ рабствѣ — и въ придачу еще опозоренная! Повѣрьте, при развратѣ общества, вамъ даютъ настоль-

ко свободы, чтобъ безъ всякихъ жертвъ со стороны мужчинъ, вы служили бы минутнымъ прихотямъ, а потомъ — также безъ всякихъ жертвъ — легко было бы и развязаться съ вами. Если бы еще все горе и позоръ палъ за свободу вашихъ чувствъ, на васъ однихъ, честныя женщины! Но вспомните, что ваша безкорыстная любовь можетъ вредить беззащитнымъ вашимъ дѣтямъ, къ которымъ общество безпощадно. Во имя материнской любви, каждая порядочная женщина пусть отречется отъ подобной эмансипаціи и приметъ только свободу, безъ вреда своимъ дѣтямъ. Пока сами мужчины не сдѣлаются нравственнѣе — никакая эмансипація женщинъ невозможна. — Рабы не могутъ сдѣлать свободными рабынь! А если настанетъ именно нравственный прогрессъ въ человѣчествѣ, то женщина, безъ всякихъ толковъ и споровъ, займетъ равное положеніе съ мужчиной. И отъ этого, повѣрьте, нисколько не пострадаютъ семейныя отношенія матерей къ дѣтямъ.... Но, долго-долго еще придется тебѣ, любящая и честная женщина, лить слезы стыда и отчаянья; много еще бѣдняжекъ зачахнетъ отъ грубаго деспотизма, общественнаго лицемерства и разврата. Многія еще страдалицы—матери пожертвуютъ своею молодостью и красотой, чтобы выкормить свое дитя честными и тяжкими трудами, въ то время, когда ихъ соблазнитель будутъ очень краснорѣчиво проповѣдывать противъ общественныхъ несправедливостей и горячо отстаивать свободу женщинъ! — Да, еще безконечно-долго придется вамъ, бѣдняжки младенцы, брошенные отцами и матерями, умирать тысячами!... Да и что за жизнь ваша, если вы и останетесь въ живыхъ? Со дня рожденія, вы отчуждены отъ общества, обречены на полное сиротство, нищету, трудъ и развратъ! Встрѣчаясь съ своею матерью или сестрой, — вы не узнаете ихъ, а онѣ не узнаютъ васъ! Сколько страшныхъ оскорбленій вы вытерпите отъ своего роднаго отца, или брата, живя въ нищетѣ, и даже можете служить для нихъ же жертвой, если попадете въ домъ разврата. Господи! какому страшному преступленію подвергаютъ людей нравственныя условія общества! И неужели эти страдалицы не дождутся никогда отъ цивилизованнаго общества лучшей участи? Неужели бездушнымъ эгоистамъ, для ихъ спокойствія, нужно столько слезъ, столько страданій невинныхъ дѣтей и несчастныхъ женщинъ?— Гордитесь же вы прогрессомъ въ человѣчествѣ! Такъ неужели онъ состоитъ въ томъ, чтобы, время отъ времени, дѣлать вы-

ставки упитанныхъ животныхъ, тропическихъ растений и искусственныхъ грибовъ?! Неужели хоть изъ хвастовства, и во имя того же восхищающаго васъ прогресса, вы не перестанете клеймить невинныхъ дѣтей позоромъ ихъ родителей?!—Общество рассчитывало, вѣроятно, на обязанности и инстинктивное чувство отцовъ и матерей; но развѣ оно не убѣдилось, что этотъ безчеловѣчный расчетъ давно не удался — и страдаютъ отъ него одни невинные, дѣти и честныя женщины.

Вѣра Карповна замѣтила Аннѣ Антоновнѣ, что она смотритъ на всѣхъ мужчинъ, какъ на злодѣевъ. И чтобъ не приписали мнѣ такого же взгляда, я долженъ оговориться, что я пишу этотъ романъ для юношей, которые вступаютъ только въ общество, а потому, по неопытности, часто увлекаются рутинными, вредными понятіями о многихъ вещахъ, — тѣмъ болѣе вредными, что эти понятія усвоены большинствомъ. Мое убѣжденіе непоколебимо, что честный мужчина согласится со мной, что въ сію минуту участь женщины всегда въ рукахъ того, кто пріобрѣлъ ея любовь. Живя съ честнымъ человѣкомъ, женщина не нуждается ни въ какихъ законныхъ правахъ, она подъ защитой его; но чуть она очутилась въ рукахъ эгоиста, она — жертва его прихотей и раба общественныхъ условій. Чтобъ окончательно оградить себя отъ нареканія пристрастнаго защитника женщинъ, я долженъ сказать, что знаю слишкомъ много также страшныхъ семейныхъ драмъ, гдѣ страдаютъ жестоко отцы во имя любви къ дѣтямъ. Какъ на зло, честнымъ людямъ выпадаетъ жребій встрѣтиться съ женщинами корыстолюбивыми, пошлыми, для которыхъ замужество есть средство жить праздно, свободно и тяготѣть своей властью надъ честнымъ человѣкомъ, на котораго она смотритъ, какъ на раба, и понукать его день и ночь работать, чтобъ на эти деньги ублажать свою ненасытную эгоистическую особу. Если мужъ не въ силахъ доставать ей много денегъ, а также не пойдетъ противъ своихъ честныхъ убѣжденій, она будетъ терзать его всю жизнь, или броситъ его, найдя богатаго содержателя. И все это честные люди, все это вамъ, бѣднымъ, надо выносить на своихъ плечахъ, чтобъ легче было жить грязнымъ, развратнымъ эгоистамъ, которые готовы побить камнями каждаго отца, если онъ захочетъ воспитать свою дочь не куклой, а матерью будущихъ гражданъ.

Супругъ Анны Антоновны, по праву сильнаго, распоряжался полною властью ея имѣніемъ и деньгами, а потому встрѣтись съ модной лореткой, онъ безъ церемоніи сорилъ деньгами жены, —

и чуть не пустил ее съ дочерью по міру; за то у лоретки оказалась прибыль въ капиталѣ и во множествѣ дорогихъ вещей. Долгъ матери такъ былъ силенъ въ Аннѣ Антоновнѣ, что она, забитая, какъ жена и женщина, возстала, какъ мать, и уѣхала съ дочерью въ деревню, уничтоживъ данную ею мужу довѣренность. Разумѣется, бѣдной женщинѣ надо было перенести самыя страшныя и унижительныя сцены взбѣшеннаго супруга, видѣвшаго, что ему помѣшали окончателно обокрасть дочь и ея мать. Впрочемъ, дѣла такъ были плохи, что въ 15 лѣтъ самой умѣренной жизни Анны Антоновны, ея имѣніе едва пришло въ прежнее состояніе и стало давать доходы;—прежніе сборы съ него шли на уплату долговъ.

Воспитаніемъ своей сиротки—дочери Анна Антоновна занялась сама. Она случайно была очень хорошо образована, что рѣдко бываетъ съ нашими женщинами, потому что общество считаетъ это вреднымъ и лишнимъ, какъ плантаторы считаютъ опаснымъ для своихъ негровъ всякое попомноженіе къ развитію въ нихъ сознанія человѣческихъ правъ.

Супругъ Анны Антоновны, однако, не желалъ лишиться роли главы семейства; онъ являлся, время отъ времени, къ жепѣ въ деревню (особенно когда проигрывался), требовалъ у ней денегъ и дѣлалъ ей по этому случаю сцены. Мать всѣми средствами старалась скрыть все это отъ дочери, такъ что, выростая, дѣвушка пребывала въ полной увѣренности, что ея родитель приноситъ жертву для своей жены, живя въ Петербургѣ одинъ, для того, чтобы давать средства къ жизни своему семейству. Да и родитель, являясь на короткое время, былъ всегда очень любезенъ съ дочерью и старался расположить ее въ свою пользу. Ему очень легко было дурачить ее своими родительскими чувствами, потому что Анна Антоновна, ведя уединенную жизнь, развила въ своей дочери идеальныя взгляды на вещи и безпредѣльную вѣру въ слова людей. Выстрадавшая мать безъ ужаса не могла подумать о томъ, что на каждомъ шагу она должна пугать свою дочь страшными и безобразными явленіями дѣйствительной жизни. Въ этомъ—то и заключаются всѣ пытки для тѣхъ людей, которые не могутъ жить безъ иллюзій, несмотря ни на какія печальныя доказательства о вредѣ ихъ. Мать все думала, что съ годами, ея супругъ почувствуетъ, наконецъ, свое поведеніе и хоть для взрослой дочери сдѣлается отцомъ. Но какъ ни скрывала она отъ любимаго дѣтища о семейномъ разладѣ — дочь стала догадываться,

ставки убитанныхъ животныхъ, тропическихъ растений и искусственныхъ грибовъ?! Неужели хоть изъ хвастовства, и во имя того же восхищающаго васъ прогресса, вы не перестанете клеймить невинныхъ дѣтей позоромъ ихъ родителей?!—Общество рассчитывало, вѣроятно, на обязанности и инстинктивное чувство отцовъ и матерей; но развѣ оно не убѣдилось, что этотъ безчеловѣчный расчетъ давно не удался — и страдаютъ отъ него одни невинные, дѣти и честныя женщины.

Вѣра Карповна замѣтила Аннѣ Антоновнѣ, что она смотритъ на всѣхъ мужчинъ, какъ на злодѣевъ. И чтобъ не приписали мнѣ такого же взгляда, я долженъ оговориться, что я пишу этотъ романъ для юношей, которые вступаютъ только въ общество, а потому, по неопытности, часто увлекаются рутинными, вредными понятіями о многихъ вещахъ, — тѣмъ болѣе вредными, что эти понятія усвоены большинствомъ. Мое убѣжденіе непоколебимо, что честный мужчина согласится со мной, что въ сію минуту участь женщины всегда въ рукахъ того, кто приобрѣлъ ея любовь. Живя съ честнымъ человѣкомъ, женщина не нуждается ни въ какихъ законныхъ правахъ, она подъ защитой его; но чуть она очутилась въ рукахъ эгоиста, она — жертва его прихотей и раба общественныхъ условій. Чобъ окончательно оградить себя отъ нареканія пристрастнаго защитника женщинъ, я долженъ сказать, что знаю слишкомъ много также страшныхъ семейныхъ драмъ, гдѣ страдаютъ жестоко отцы во имя любви къ дѣтямъ. Какъ на зло, честнымъ людямъ выпадаетъ жребій встрѣтиться съ женщинами корыстолюбивыми, пошлыми, для которыхъ замужество есть средство жить праздно, свободно и тяготѣть своей властью надъ честнымъ человѣкомъ, на котораго она смотритъ, какъ на раба, и понукать его день и ночь работать, чтобъ на эти деньги ублажать свою ненасытную эгоистическую особу. Если мужъ не въ силахъ доставать ей много денегъ, а также не пойдетъ противъ своихъ честныхъ убѣжденій, она будетъ терзать его всю жизнь, или броситъ его, найдя богатаго содержателя. И все это честные люди, все это вамъ, бѣднымъ, надо выносить на своихъ плечахъ, чтобъ легче было жить грязнымъ, развратнымъ эгоистамъ, которые готовы побить камнями каждаго отца, если онъ захочетъ воспитать свою дочь не куклой, а матерью будущихъ гражданъ.

Супругъ Анны Антоновны, по праву сильнаго, распоряжался полною властью ея имѣніемъ и деньгами, а потому встрѣтятся съ модной лореткой, онъ безъ церемоніи сорилъ деньгами жены, —

и чуть не пустилъ ее съ дочерью по міру; за то у лоретки оказалась прибыль въ капиталѣ и во множествѣ дорогихъ вещей. Долгъ матери такъ былъ силенъ въ Аннѣ Антоновнѣ, что она, забитая, какъ жена и женщина, возстала, какъ мать, и уѣхала съ дочерью въ деревню, уничтоживъ данную ею мужу довѣренность. Разумѣется, бѣдной женщинѣ надо было перенести самыя страшныя и унижительныя сцены взбѣшеннаго супруга, видѣвшаго, что ему помѣшали окончательно обокрасть дочь и ея мать. Впрочемъ, дѣла такъ были плохи, что въ 15 лѣтъ самой умѣренной жизни Анны Антоновны, ея имѣніе едва пришло въ прежнее состояніе и стало давать доходы;—прежніе сборы съ него шли на уплату долговъ.

Воспитаніемъ своей сиротки-дочери Анна Антоновна занялась сама. Она случайно была очень хорошо образована, что рѣдко бываетъ съ нашими женщинами, потому что общество считаетъ это вреднымъ и лишнимъ, какъ плантаторы считаютъ опаснымъ для своихъ негровъ всякое поощреніе къ развитію въ нихъ сознанія человѣческихъ правъ.

Супругъ Анны Антоновны, однако, не желалъ лишиться роли главы семейства; онъ являлся, время отъ времени, къ женѣ въ деревню (особенно когда проигрывался), требовалъ у ней денегъ и дѣлалъ ей по этому случаю сцены. Мать всѣми средствами старалась скрыть все это отъ дочери, такъ что, выростая, дѣвушка пребывала въ полной увѣренности, что ея родитель приноситъ жертву для своей жены, живя въ Петербургѣ одинъ, для того, чтобы давать средства къ жизни своему семейству. Да и родитель, являясь на короткое время, былъ всегда очень любезенъ съ дочерью и старался расположить ее въ свою пользу. Ему очень легко было дурачить ее своими родительскими чувствами, потому что Анна Антоновна, ведя уединенную жизнь, развила въ своей дочери идеальный взглядъ на вещи и безпредѣльную вѣру въ слова людей. Выстрадавшая мать безъ ужаса не могла подумать о томъ, что на каждомъ шагу она должна пугать свою дочь страшными и безобразными явленіями дѣйствительной жизни. Въ этомъ—то и заключаются всѣ пытки для тѣхъ людей, которые не могутъ жить безъ иллюзій, несмотря ни на какія печальныя доказательства о вредѣ ихъ. Мать все думала, что съ годами, ея супругъ почувствуетъ, наконецъ, свое поведеніе и хоть для взрослой дочери сдѣлается отцомъ. Но какъ ни скрывала она отъ любимого дѣтища о семейномъ разладѣ — дочь стала догадываться,

припоминая, какъ, еще въ ея дѣтствѣ, мать мучилась и страдала въ одиночествѣ. Дѣвушкѣ пришла мысль—примирить родителей; для этого она тихонько написала къ отцу самое нѣжное письмо и просила его скорѣе пріѣхать въ деревню. Тотъ отвѣчалъ ей очень чувствительнымъ письмомъ, въ которомъ не устыдился однако набросить тѣнь на свою жену, увѣряя, будто бы она была всему причиной; что онъ и такъ уже очень много испыталъ отъ нея униженій, и что потому—пусть она первая сдѣлаетъ шагъ къ полному примиренію. Вслѣдствіе этой переписки, дѣвушка стала задумчива и тревожна; она какъ бы стыдилась, что обманывала свою мать, и не знала, какъ бы упросить ее написать къ отцу о пріѣздѣ его въ деревню. Мать сейчасъ замѣтила перемену въ дочери; но ей и въ голову не приходило, что дочь задумала устроить примиреніе ея съ мужемъ. Напротивъ, пророчества Вѣры Карповны встревожили ее до крайности, потому что до самой этой минуты она все еще воображала свою дочь ребенкомъ и по возможности удаляла отъ себя мучительную мысль о томъ, что ея дочь также можетъ выдти замужъ и также быть несчастною въ выборѣ человѣка, какъ и она.

— Господи! за что же мнѣ посылаешь ты одни вѣчныя страданія! воскликнула, заплакавъ, Анна Антоновна.

Многіе мужчины убѣждены, что женскія, какъ и дѣтскія слезы—вода. Вѣроятно вслѣдствіе этого веселаго убѣжденія, такъ много проливаютъ слезъ тѣ и другія.

Много плакала Анна Антоновна только отъ одной мысли о разлукѣ съ дочерью. И какъ у всѣхъ любящихъ уло бываетъ чутко при появленіи любимаго существа, такъ было и съ ней: заслышавъ шаги дочери, она поспѣшно вытерла глаза, и за улыбкой хотѣла скрыть слѣды слезъ. Но взглянувъ на дочь, Анна Антоновна невольно пришла въ ужасъ. — «Нѣтъ! это не ребенокъ уже, подумала она: — это дѣвушка: значитъ, близко, можетъ быть, уже и страшный часъ ея замужества...» Эти мысли какъ молнія мелькнули въ головѣ бѣдной матери и повергли ее въ такое отчаянне, что она встрѣтила дочь не привычнымъ радостнымъ привѣтствіемъ, а только пристально и пугливо устремляла на нее свои глаза.

Дѣвушка была поражена такой странной встрѣчей.

— Что это ты, какъ будто встревожена чѣмъ-то? робко спросила она мать.

— Я беспокоилась о тебѣ, отвѣчала Анна Антоновна, цалуя дочь.

— Ты вѣчно всего боишься за меня! Точно я все еще маленькая дѣвочка, прибавила дѣвушка, и не подозрѣвала, какъ неудачно это прибавленіе.

— Не смотри легко на мои безпокойства о тебѣ, Соня, — они мучительны! съ упрекомъ замѣтила Анна Антоновна, и подумала тоскливо: — «и она сознала, что наступаетъ время покинуть мой домъ».

Этотъ строгій тонъ такъ былъ страненъ въ разговорѣ матери, что дѣвушка, покраснѣвъ, потупила голову.

Анна Антоновна раздражалась всѣмъ въ эту минуту; ей показалось, что дочь обидѣлась — и сказала съ горячностью:

— Съ недавнихъ поръ, я замѣчаю въ тебѣ большую перемену. Тебѣ скучно, ты, можетъ быть, желаешь вести пошлую и праздную жизнь деревенскихъ барышень? можетъ быть, даже хочешь скорѣе записаться въ число невѣстъ?..

Анна Антоновна едва могла высказать свой выговоръ дочери; такое волненіе овладѣло ею.

Дѣвушка заплакала. Слезы дочери вразумили болѣзненную мать и она, забывъ все, горячо обняла ее и умоляющимъ голосомъ прошептала:

— Ради Бога, не плачь! — Вѣрь мнѣ, что успѣешь еще жить, какъ живутъ всѣ барышни, прыгая на балахъ, какъ маріонетки. Ты не знаешь, какъ опасно неопытной дѣвушкѣ вступать въ общество, въ которомъ очень много ты можешь встрѣтить дурнаго. И мать, взявъ дочь за руку, съ чувствомъ прибавила: — Соня, будь откровенна со мной, какъ ты была всегда. Говори же мнѣ все, все, что у тебя на сердцѣ, — даже то, что хоть на минуту придетъ тебѣ въ голову. Неужели, сдѣлавшись взрослой, ты захочешь имѣть тайны отъ меня? Тебя что-то тревожитъ?..

Дѣвушка стояла, какъ преступница. Но мать ясно видѣла, что она дѣйствительно имѣла какую-то тайну.

— Говори же! нетерпѣливо прибавила она.

Съ минуту длилось тягостное молчаніе: мать томилась въ тоскливомъ ожиданіи, а дочь — въ нерѣшимости.

— Почему ты не пишешь отцу, чтобъ онъ вхалъ къ намъ? наконецъ робко выговорила Софья Григорьевна.

Этотъ вопросъ такъ былъ неожиданъ для Анны Антоновны,

что она съ минуту не могла опомниться отъ удивленія. Лицо ея сдѣлалось мрачно и печально.

— Твой отецъ вѣроятно занятъ, если не ѣдетъ сюда, отвѣчала она, стараясь дать какой нибудь отвѣтъ.

— А ты развѣ не можешь написать къ нему? нерѣшительно задала дѣвушка другой вопросъ.

Анна Антоновна страшно поблѣднѣла и дрожащимъ голосомъ спросила дочь:

— Неужели ты такъ скучаешь объ отцѣ? съ усиленіемъ говорила она и вдругъ, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

Дочь перепугалась и тоже заплакала, спрятавъ свое лицо въ колѣни матери, которая тяжко опустила свои худыя руки на ея голову.

— Не плачь, онъ пріѣдетъ къ тебѣ, уговаривала Анна Антоновна дѣвушку.

Софья Григорьевна радостно поцаловала мать, которая, желая казаться спокойной, вытерла слезы и наконецъ сказала:

— Поди, вели принести мнѣ стаканъ воды, да и сама выпей: ты встревожилась.

Дочь немедленно исполнила приказаніе и ушла.

Между тѣмъ Анна Антоновна предалась глубокому отчаянью.—Высказанная Софьей любовь къ отцу, рисовала ей страшную перспективу въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что Анна Антоновна наконецъ убѣдилась, что отъ мужа нечего ждать никакихъ перемѣнъ къ лучшему.

Этотъ разговоръ такъ сильно подѣйствовалъ на нервную женщину, что она почувствовала хроническую сильную боль въ боку и принуждена была лечь въ постель.

По этому случаю, Вѣрѣ Карповнѣ пришлось обѣдать въ обществѣ одной молодой хозяйки, почему она не вытерпѣла, чтобы не поболтать о семейныхъ дѣлахъ и объ отношеніяхъ ея матери къ отцу и обратно.

— Бѣдненькая вы, моя барышня! Мамаша—то у васъ хвора, а папаша и знать не хочетъ, что у него дочь невѣста и что ей надо повеселиться... горевала Вѣра Карповна.

Софья Григорьевна вспыхнула отъ такихъ соболѣзнованій гостыи.

— Мой отецъ очень занятъ службой въ Петербургѣ, гордо отвѣчала она ей.

— Экая какая тамъ у него служба, что свою единственную

дочь бросает! Слава Богу, не молодъ, пора бы дурь-то выкинуть изъ головы. Не хорошо! не хорошо!... Ну, не ладилъ съ молоду — такъ и быть; а подъ старость-то хоть для дочери себѣ блюдалъ бы законъ....

— Намъ отецъ часто пишетъ, замѣтила Софья Григорьевна.

— Большая прибыль отъ его писемъ!... Дѣвушкѣ въ эдакіе года сидѣть точно въ тюрьмѣ! Кажется, достатокъ есть: и беды бы могли для невѣсты-дочери дѣлать. Эдакъ кто увидитъ васъ? А поѣзжай вы въ собраніе, такъ куча жениховъ прибѣгутъ къ такой красавицѣ.

— Я не хочу замужъ, съ досадою возразила дѣвушка.

— Какъ это вы можете знать? Все же веселитесь, пока въ дѣвушкахъ; а то вотъ какъ ваша мамаша въ дѣвушкахъ была, — все со своими книжками сидѣла, да все учителя къ ней ѣздили, — а что проку? Выбрала себѣ жениха самаго бѣднаго. Какіе красавцы да богачи были! — Думала, невзрачный да бѣдный, такъ лучше будетъ любить. И какъ вышла замужъ — заперлась въ четырехъ стѣнахъ, и все угодить хотѣла своему муженьку, а онъ, извѣстно, и сталъ блажить; да и всякій сталъ бы тоже дѣлать, когда волю такую дади. — «Тотъ не хорошъ.... этотъ влюбленъ въ тебя!... не хочу, чтобъ ты туда ѣхала или сюда....» Она все и исполняла. Ну, что же вышло подъ конецъ? — Муженекъ зачалъ гулять да гулять, а тамъ и прощай совѣтъ! И вѣдь все гордость, — хотѣла скрыть отъ всѣхъ: одна съ нимъ управиться. — Эхъ! шила въ мѣшкѣ не утайшь!.. Бывало, жалость смотрѣть-то на нее было, — вы еще маленькія тогда были, — какъ это она убивалась здѣсь одна-то одинѣшенька! А былъ одинъ прекрасный и богатый человекъ, который очень ее любилъ еще въ дѣвушкахъ. Онъ это какъ узналъ, что ваша мамаша одна пріѣхала съ вами на житье въ деревню, прискакалъ къ ней — и какъ молилъ ее ѣхать съ нимъ за границу. Нѣтъ! выпроводила его навсегда изъ дому!... Вѣрно очень понравилось плакать-то. Трудно, очень трудно знать, какая судьба будетъ дѣвушкѣ... заключила наконецъ Вѣра Карповна.

Софья Григорьевна въ первый разъ въ жизни слышала подобный разговоръ, да еще о своихъ родителяхъ. Какаѣ-то сумятица сдѣлалась въ ея головѣ, и ей стало такъ страшно, что она подъ предлогомъ, будто бы навѣстить больную мать, ушла изъ за стола и не приходила болѣе, потому что была не въ силахъ

не только слушать гостью, но даже и видѣть ее, — такое отвращеніе почувствовала она къ той, которая такъ не въ пору раскрыла передъ ней страшную семейную тайну. Впрочемъ, это не ослабило ея желанія примирить своихъ родителей; напротивъ, она еще больше ломала себѣ голову, какъ бы все это скорѣе устронть и навсегда прекратить раздоръ.

Бѣдное дитя, къ чему ты будешь ломать свою горячую головку, къ чему будешь томить свое мягкое сердце? — Тебѣ ли быть примирительницей рабы съ властелиномъ! Нѣтъ, дитя мое, лютыхъ звѣрей усмиряютъ не беззащитныя дѣти, а желѣзные кольца, продѣтыя въ ихъ ноздри: только тогда они безсильны проявлять свою звѣрскую силу надъ слабыми.

Въ эту ночь долго не спали и мать и дочь, обѣ онѣ писали письма къ одному и тому же человѣку. Боже! сколько нѣжности и любви изливала юная и довѣрчивая душа дѣвушки, въ письмѣ своемъ къ отцу, и сколько было подавлено стонъ и слезъ въ письмѣ ея матери, — письмѣ отъ покинутой и униженной женщины, которая должна была только изъ любви къ дочери приглашать своего мужа къ себѣ въ домъ.

А тотъ, кому посвящались эти изліянія, и который обязанъ былъ употребить всѣ средства, чтобы составить счастье писавшихъ къ нему, для котораго легко было даже теперь воскресить забитую душу женщины, протянувъ ей руку искренняго примиренія и сказавъ два слова участія, — онъ, напротивъ, всю эту ночь проводилъ самымъ позорнымъ образомъ!.. Проигравшись, онъ сидѣлъ, на развѣтѣ, въ модномъ петербургскомъ ресторанѣ, послѣ ужина и продолжительной попойки, въ обществѣ полунъавой молодежи и публичныхъ дорогихъ женщинъ. Всѣ были отуманены виномъ и развратно хохотали надъ циническими куплетами, которые пѣла одна изъ французенокъ, стоя на столѣ. Одинъ онъ сидѣлъ мраченъ, потому что, кромѣ проигрыша, его любовница, въ то же время, съ наглостью оказывала ласки молодому человѣку, — одному изъ тѣхъ, которые подобно лореткамъ-женщинамъ, обирающимъ богатыхъ мотовъ, обираютъ въ свою очередь богатыхъ женщинъ и даромъ получаютъ ласки отъ тѣхъ изъ продажныхъ, которымъ иногда приходится блажь — бездѣльно расточать ихъ...

Ахъ вы, бѣдныя женщины! Злая судьба связала васъ съ такими человѣкомъ!..

Черезъ мѣсяць послѣ этой ночи, въ той же крытой аллеѣ, въ

томъ же саду, мать и дочь сидѣли въ обществѣ двухъ мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, пожилой господинъ, съ сигарой во рту, полулежалъ на скамейкѣ и, время отъ времени, прихлебывалъ кофе, стоящій возлѣ на столикѣ. На другомъ концѣ скамейки сидѣлъ молодой человѣкъ, съ книгой въ рукахъ, и громко читалъ, что однако не мѣшало таки ему непрерывно поглядывать на Софью Григорьевну, сидѣвшую на складномъ стулѣ возлѣ матери, съ работою въ рукахъ. Въ лицѣ дѣвушки произошла въ это время большая переменна; оно было одушевлено, глаза сверкали какимъ-то особеннымъ блескомъ и тоже очень часто останавливались на тещѣ; но, встрѣтивъ его взглядъ, Софья Григорьевна вспыхивала, пугливо опускала рѣсницы и машинально вертѣла свою работу въ рукахъ.

Анна Антоновна тоже не походила на себя; ея глаза ни на минуту не оставались покойны: при взглядѣ на пожилаго господина, въ нихъ отчетливо выражался гнѣвъ; если же они обращались на молодаго человѣка, то дѣлались суровы, но въ ту же секунду перебѣгая на дочь, они загорались какой-то тяжелой, мучительной тревогой.

Пожилой господинъ былъ супругъ Анны Антоновны, прибывшій съ недѣлю тому назадъ въ деревню, вмѣстѣ съ господиномъ, котораго онъ случайно встрѣтилъ въ Петербургѣ; и такъ какъ имъ обонимъ лежала одна и та же дорога, то они и поѣхали вмѣстѣ. Разумѣется, ни одинъ изъ порядочныхъ отцовъ не привезъ бы молодаго человѣка въ домъ, гдѣ есть взрослая дочь, послѣ трехъ дней развратнаго кутежа, въ которомъ отецъ самъ былъ участникомъ. Но супругъ Анны Антоновны считалъ скучными обязанности честнаго человѣка, въ отношеніи къ своей женѣ и дочери. Живя въ развратѣ, онъ уже потерялъ всякое сознаніе долга. Да онъ, признаться, и не думалъ ни о чемъ и ни о комъ, заботясь только о себѣ, да о томъ, какъ бы повеселѣе провести день. Но когда онъ увидѣлъ, какъ перепугалась Анна Антоновна при появленіи молодаго человѣка въ своемъ домѣ, то, на зло ей, уговорилъ гостя погостить у него и всѣми средствами старался сблизить съ нимъ свою застѣчивую дочь. Гость немедленно пустилъ въ ходъ всевозможныя средства, чтобъ пріобрѣсть особенное вниманіе дѣвушки, въ чемъ, разумѣется, успѣлъ очень скоро.

Софья Григорьевна ничего не понимала, что съ ней дѣлается; но ей такъ было весело, такъ все ожило вокругъ нея, что она заводилась какъ будто въ чаду.

Прошли еще двѣ недѣли, а гость и не упоминалъ о своемъ отъѣздѣ. И гдѣ ему было думать оставлять красивую, невинную дѣвушку, которая такъ довѣрчиво и искренно ринулась на встрѣчу его любви.

Несчастливая мать, видя опасность, угрожающую ея дѣтищу, пришла въ безумное состояніе: она цѣлыя ночи плакала, ходила по комнатѣ, все обдумывая, какъ бы помѣшать гостю говорить на слѣдующій день наединѣ съ ея дочерью. Но Григорій Андреевичъ—отецъ Софьи Григорьевны, былъ изобрѣтателемъ на этотъ счетъ и искусно препятствовалъ своей женѣ нарушать бесѣды молодыхъ людей.—Анна Антоновна пріѣзжала часто, полуживая отъ усталости, съ дальней прогулки—но и тутъ не могла лечь въ постель, потому что не хотѣла оставить молодыхъ людей, усѣвшихся вдвоемъ за роялемъ, разыгрывать въ четыре руки, по желанію Григорья Андреевича, какую нибудь пьесу. Глядя на мертвую блѣдность лица Анны Антоновны, происходившую отъ физическихъ и душевныхъ мукъ, кто бы рѣшился тѣшиться надъ нею?—Но ея супругъ былъ на столько хладнокровенъ, что лицемерно заботился о ея здоровьи и уговаривалъ ее идти въ постель, зная, какія страданія приносятъ ей его слова.

Страшно! за что инымъ людямъ, въ ихъ жизни, такъ много ниспосылается счастья, а другимъ—однѣ только тяжелыя пытки. — А вѣдь Анна Антоновна легко могла бы избавиться отъ нихъ; потому что ей стоило только очерствѣть душой, жить безъ сильныхъ привязанностей и наслаждаться плодами эгоистической жизни—и тогда бы вмѣсто страшныхъ мукъ, которыя она, какъ мать, теперь испытывала, она была бы счастлива и довольна тѣмъ, что представляется возможность сбить съ рукъ взрослою дочь за богатаго жениха,—но она почему-то не пошла этой дорогой.—Да и чѣмъ было возмущаться Аннѣ Антоновнѣ? Развѣ тѣмъ, что молодой человекъ говорилъ съ ея дочерью все о поэзіи и объ идеальныхъ предметахъ; или тѣмъ, что онъ, по цѣлымъ ночамъ, игралъ въ карты и пилъ множество вина съ ея мужемъ; или тѣмъ, наконецъ, что онъ вздыхалъ, какъ страстно влюбленный въ присутствіи барышни, и въ то же время искалъ случая соблазнить молоденькую и хорошенькую горничную этой же самой барышни?.. Но вѣдь на всѣ эти мелочи не стоитъ обращать вниманія пожилой женщинѣ: вѣдь это дѣлается всѣми мужчинами; значитъ, строго смотрѣть на это нельзя.

Теперь Анна Антоновна сознала вполне страшную ошибку,

сдѣланную ею въ воспитаніи своей дочери, отъ которой она скрывала дѣйствительную жизнь. Разумѣется, положеніе матери становится тяжело, когда ей приходится быть палачемъ всѣхъ юныхъ, идеальныхъ вѣрованій и надеждъ на жизнь, — когда ей приходится осквернить сердце еще чистаго существа и быть его руководителемъ и истолкователемъ для него всѣхъ ужасовъ этого — дѣйствительной жизни. Анна Антоновна сама находила, что было бы гораздо лучше, если бы ея дочь теоретически ознакомилась съ развратомъ общества, съ его лицемѣрствомъ и эгоизмомъ, чѣмъ переиспытала все это на практикѣ, рискуя самой попасть въ этотъ грязный потокъ дѣйствительной жизни, который умчить ее и обезобразить въ водоворотѣ всевозможныхъ пороковъ.

Однако, я ничего не сказалъ ни о наружности Григорья Андреевича, ни о его гостѣ. Признаюсь, я не мастеръ списывать паспортныя примѣты моихъ героевъ и героинь. Пожалуй, можно описать каждую морщинку на лицѣ Григорья Андреевича, — но что толку, если для читателя онъ все-таки останется выпѣвшимъ дагеротипнымъ портретомъ? Но такъ и быть: скажу кратко о ихъ наружности. Григорій Андреевичъ и смолоду не былъ красивъ, а одинокая жизнь, развратъ и праздность, разумѣется, не могли украсить его въ пожилые года. Недовольство и суровость выражало это некрасивое лицо, хотя онъ умѣлъ, въ случаѣ нужды, смягчать его выраженіе. Григорій Андреевичъ, какъ и Вѣра Карповна, воображалъ, что онъ самый деликатный и уступчивый человѣкъ, и потому слишкомъ горячо возмущался тѣмъ, что его жена сдѣлала скандалъ, уѣхавъ отъ него съ дочерью, а главное—уничтоживъ довѣренность.

Наружность Петра Васильевича, — такъ звали гостя, — нельзя сказать, чтобы была видная, но за то въ его фигурѣ не замѣтно было никакихъ угловатостей и никакой рѣзкости въ лицѣ. Если была въ немъ красота, то это — мягкость въ словахъ, въ голосѣ и въ манерахъ; онъ постоянно говорилъ о поэзіи, о величійи человѣческихъ достоинствъ и простодушно гордился тѣмъ, что имѣеть человѣчный образъ мыслей о многихъ вещахъ, считающихся предосудительными въ лицемѣрномъ и невѣжественномъ обществѣ. Впрочемъ, эта слабость—гордиться человѣчнымъ образомъ мысли, очень развита въ современномъ обществѣ, потому-то во всемъ и идетъ такой разладъ.... Такъ, напримѣръ, какойнибудь господинъ всю жизнь гордо либеральничаетъ въ столицѣ, а въ своей деревнѣ дѣлается плантаторомъ. Какойнибудь демо-

кратъ толкуеть, въ своемъ кружкѣ, о своихъ демократическихъ убѣжденіяхъ, а чуть столкнулся съ высокими господами, то плачетъ отъ умиленія, если кто нибудь изъ нихъ дружески кивнетъ ему головой, на прогулкѣ, когда онъ, съ обнаженной головой, чуть не до земли ему поклонится. И вѣдь, посмотрите, послѣ всего этого, они все-таки гордятся, что имѣютъ благородный образъ мыслей, и имъ, несчастнымъ, никогда не придетъ въ голову спросить самихъ себя: «какое же я имѣю право гордиться тѣмъ, что есть принадлежность человѣка? И какъ же долженъ быть я пошлъ, если еще поступаю предательски съ своими благородными убѣжденіями!» Но, какъ видно, это никому изъ нихъ не приходитъ въ голову, а потому-то такъ страшно плодятся въ обществѣ люди, съ благороднымъ образомъ мыслей и съ низкими поступками. А обществу того надо:—упивайся, сколько хочешь, благородствомъ своихъ словъ, только пачкайся, какъ и всѣ, въ грязной, тупоумной рутинѣ!...

Петръ Васильевичъ былъ любитель всѣхъ изящныхъ искусствъ и про него можно было сказать:

То академикъ, то герой....

. . . . .

Въ сердцѣ Софьи Григорьевны уже тлѣла искра любви, и близка была минута—разгорѣтся этой искрѣ сильнымъ огнемъ, который до такой степени охватываетъ дѣтскую душу, что она дѣлается и глуха и нѣма ко всему остальному, ее окружающему.

Во время чтенія, Григорій Андреевичъ позевывалъ и замѣтно томился праздностью, и вдругъ прервавъ гостя, сказалъ ему:

— Полноте, Петръ Васильевичъ, читать: поѣдемте лучше гулять, и, обратясь къ дочери, онъ прибавилъ шутливымъ тономъ:—ну-съ, а вы Софья Григорьевна, пойдите-ка приготовляться къ прогулкѣ, да захватите ваты для ушей, мѣховой салопъ, ну, однимъ словомъ, все, что нужно для успокоенія вашей маменьки.—Идите же!

Анна Антоновна, строгимъ взглядомъ, удержала на мѣстѣ дочь, хотѣвшую было встать и радостно исполнить приказаніе отца.

— Соня и такъ устала отъ вчерашней, безконечной вашей прогулки, сказала мать:—она не привыкла къ такому образу жизни.

— Иди лучше изъ себѣ и займись чѣмъ нибудь, прибавила Анна Антоновна, обращаясь къ опечалившейся дочери.

Гость прекратилъ чтеніе и съ такимъ грустнымъ участіемъ смотрѣлъ на дѣвушку, точно она, Богъ-знаетъ, какое притѣсненіе испытывала отъ матери.

— Полно, Аннета! Неужели моя дочь будетъ—синій чулокъ?... Что можетъ быть скучнѣе для взрослой дѣвушки и даже вреднѣе—какъ сидѣть все за книгой, какъ старухѣ. Дайте ей маленькую свободу, хоть пока я здѣсь. — Одѣвайся же скорѣе, нѣжно прибавилъ отецъ, обращаясь къ дочери.

Анна Антоновна измѣнилась въ лицѣ и дрожащимъ голосомъ отвѣчала мужу:

— Отложите вашу прогулку; мнѣ нужно съ вами переговорить объ одномъ серьезномъ дѣлѣ.

Гость поспѣшно всталъ и пошелъ изъ аллеи; Софья Григорьевна стояла въ нерѣшимости; мать велѣла ей идти къ себѣ въ комнату.

Когда мужъ и жена остались одни, то довольно долго молчали. Анна Антоновна была сильно взволнована и замѣтно собиралась съ силами, чтобъ спокойнѣе начать разговоръ. Григорій Андреевичъ глядѣлъ на жену съ извѣстною улыбочкой и наконецъ дерзко спросилъ ее:

— Что же вы не говорите? Я хочу ѣхать гулять!

Анна Антоновна встрепенулась.

— Я считаю неблагоприятнымъ, сказала она:—далѣе терпѣть присутствіе вашего гостя: я его не знаю и не желаю знать коротко. Прошу васъ сдѣлать ему намекъ, что его посѣщеніе слишкомъ продолжительно и что я утомилась имъ.

— Анна Антоновна! грозно прервалъ ее супругъ:—я не позволю вамъ оскорблять меня и моихъ друзей. Я не намѣренъ потакать вашимъ капризамъ.... Довольно я уже ихъ видѣлъ отъ васъ, еще ожесточеннѣе крикнулъ онъ.—Однажды навсегда объявляю вамъ, что я и слушать васъ не хочу!

Эти грубые слова, этотъ оскорбительный и ослобленный крикъ—такъ пришибли Анну Антоновну, что она едва слышно, умоляющимъ голосомъ, отвѣчала:

— Я прошу васъ не отрывать отъ меня мое дитя. Пожалѣйте меня, хоть разъ въ жизни! Развѣ вы не видите, что вся моя жизнь—въ ней? Она ребенокъ, увлечь ея дѣтскую голову и чистое сердце такъ легко.... Дайте ей окрѣпнуть, сдѣлаться жен-

щимой, тогда возьмите ее отъ меня. Только не теперь.... Прощайте меня!

И Анна Антоновна сложила свои исхудалыя руки на груди, покорно склонила голову—и слезы рѣкой лились по ея блѣдному лицу.

Мстительная натура Григорья Андреевича торжествовала, — но и торжество не смягчило его.

— Я все это предвидѣлъ! насмѣшливо сказалъ онъ. — Что же, кричите, плачьте, рвите на себѣ волосы, падайте въ обморокъ.... Я, видите, заранее знаю программу вашихъ дѣйствій. Но я не такой дуракъ, какъ былъ прежде, — слава Богу! — Хнычете и жалуетесь на то, что я вашъ убійца.... — Это я долженъ былъ бы упрекать васъ, что вы загубили мои лучшіе годы: отъ однихъ вашихъ слезъ да истерикъ, всякій бѣжалъ бы изъ дому. Вы всю жизнь хотите казаться несчастной: то хныкали, что мужъ дурень, теперь вотъ дочь виновата!

— Замолчите! неожиданно и повелительно прервала Анна Антоновна своего мужа.

Въ продолженіе всего длиннаго его монолога она сидѣла какъ убитая, но при имени дочери гордо подняла голову и твердо сказала:

— Считайте меня чѣмъ хотите, унижайте меня, какъ жену, какъ угодно, — но не смѣйте касаться меня, какъ матери! Не вамъ дѣлать мнѣ упреки, если я не выполняю, какъ слѣдуетъ, своихъ обязанностей къ дочери! я люблю ее и желаю ей счастья.

— Отлично любите! хотите сдѣлать изъ нея вашу сидѣлку; а я—отецъ, и не смѣй защищать свою дочь!

— Такъ вы только сегодня сознали свои обязанности отца? А сколько лѣтъ вы знать не хотѣли, что у васъ есть дочь? Вы ли заботились о томъ, чтобы вскормить ее, воспитать?

— По вашему же капризу, я принужденъ былъ удалиться отъ дочери.

— Я была бы ей не мать, если бы не сдѣлала этого. Какъ вели вы себя и какъ ведете?

— Скажите, какое преступленіе я сдѣлалъ противъ васъ, что осмѣлился полюбить другую женщину, а не остался возлѣ васъ — слушать ваши упреки и слезы. — Благодарю!

— Развѣ я плакала, когда вы прикидывались влюбленнымъ въ меня. Я вѣрила вамъ, вашей любви, и потому не могла перенести всѣ ваши унижительные поступки со мной.... Если бы вы

время сказали мнѣ, что равнобили меня, не требуя наждѣи день новыхъ и новыхъ жертвъ отъ меня, я не упрекала бы васъ. Но вы нагло обманывали до послѣдней минуты, и въ довершеніе все-го хотѣли пустить меня съ дочерью по-миру.

— Прощу васъ прекратить подобный разговоръ. Вы вѣчно были злонамѣнны и корыстолюбивы: все это вы скрывали подъ именемъ нѣжной матери.

И Григорій Андреевичъ, произнесъ это, повернувшись спиной къ Аннѣ Антоновнѣ, потому что она вскрикнула отъ такой клеветы и, вся дрожа, встала съ кресель и съ уничтожающимъ презрѣніемъ произнесла:

— Вы ко всему сдѣлались еще гнуснымъ клеветникомъ! Я требую, чтобы вы оставили мой домъ!

Григорій Андреевичъ нагло разсмѣялся и, бросивъ грозномысленный взглядъ на жену, пошелъ медленно по аллеѣ, продолжая насильственно смѣяться.

Анна Антоновна зажала уши и почти въ безпамятствѣ утала къ кресло. Долго она находилась въ этомъ жалкомъ положеніи, потомъ, очнувшись, поспѣшно встала и, рыдая, пошла по аллеѣ, шептывая про себя: «дитя мое, дитя мое!»

Мать хотѣла на груди дочери выплакать свое горе, подѣлиться имъ съ близкимъ къ сердцу существомъ и ей одной открыть все, что столько лѣтъ она скрывала отъ нея. Но Софья она не нашла: отецъ увезъ ее на прогулку, сказавъ, что мать дала ей позволеніе.

Анна Антоновна совершенно забывала отъ отчаянія и нетерпѣливаго ожиданія скорѣе видѣть дочь. Чего только не приходило въ голову несчастной матери? И что ей дочь въ объятіяхъ гостя, и что она даетъ ему клятву быть его женой... Но кромѣ этихъ страховъ, бѣдную женщину особенно мучило то, что она сдѣлала непростительный промахъ, въ отношеніи къ своему судругу, пригласивъ его къ деревню.

Наконецъ послышался лошадиный топотъ, и Анна Антоновна бросилась навстрѣчу къ дочери, которая тоже бѣжала къ ней, въ какомъ-то восторженномъ сіяніи счастья. Руки ея были полны цѣтовъ, на головѣ также надѣтъ былъ вѣнокъ. — Эти двѣ женщины представляли теперь точно живое изображеніе: одна — всю прелесть и радость счастливой стороны жизни, другая — всё мучительное страданіе и тяжкія слезы мрачной ея стороны.

Мать такъ крикнула прижала къ груди свою дочь, точно она свидѣлась съ ней послѣ долгой разлуки.

Анна Антоновна совершенно обезсиѣла отъ сильныхъ волненій, потрясшихъ ея болѣзненную натуру; она хотѣла говорить; но не могла, и прижавъ къ плечу дочери, тяжело стонала.

Софья Григорьевна довела мать до постели и уложила ее. Анна Антоновна долго держала ея руки, и наконецъ послѣ судорожнаго молчанія, выговорила съ трудомъ:

— Ты не бросишь свою мать?

Дѣвушка вздрогнула и припала къ матери, которая тоскливо, какъ бы въ бреду, продолжала говорить:

— Дитя мое, ты одна—одна можешь успокоить меня, безъ тебя я жить не буду!... Прости, прости меня!... я.... я обманывала тебя... твоя мать лгала тебѣ столько лѣтъ, что твой отецъ.... Анна Антоновна не докончила фразы и, прижавъ къ груди дочери, горько зарыдала.

Софья Григорьевна тоже плакала, придерживая голову своей несчастной матери и только старалась утѣшить и успокоить ее ласковыми словами.

Анна Антоновна, какъ послушное дитя, умолкла. Дочь бережно положила ея голову на подушки и долго бояливо смотрѣла на мать, которая лежала съ закрытыми глазами, почти недвижимая, и походила скорѣе на мертвую, чѣмъ на живую. Кровать и полъ были усыпаны цвѣтами, только что принесенными Софьей Григорьевной съ веселой прогулки.

Дѣвушка не смѣла потревожить свою мать, которая не выпускала ея руки; и судорожно замерла ея рука, въ этомъ положеніи.

Въ первый разъ дочь не всей душой была предана своей больной матери; въ первый разъ не всѣ ея помыслы были о ней. Какъ-то незольно передъ Софьей Григорьевной мелькнулъ образъ гостя, и она живо ощутила пожатіе его руки: и вотъ радостно, радостно застучало ея сердце отъ его причесательнаго взгляда. Но тотчасъ же влюбленная дѣвушка жалостно смотритъ на мать: лицо ея онечачилось отъ страдальческаго вида Анны Антоновны; но мало-по-малу улыбка счастья опять мелькнула: щеки вспыхнули, дыханіе ускорилось—и дѣвужкѣ кажется, что она не у постели чужой матери, а въ гостиной рани; ей слышатся ея голоса, умоляющій произнести: любить ли она его?... А этотъ

жаркій, жаркій поцалуи, а эти радостныя слезы, показавшіяся на его глазахъ, когда она выговорила: «люблю»....

«Боже! Сколько счастья, сколько счастья на свѣтѣ!» думаетъ любящая: «однимъ этимъ ощущеніемъ, какое я испытала сегодня, мнѣ кажется, всю жизнь можно быть радостной. Бѣдная моя мать! Она вѣрно не испытала подобнаго счастья въ жизни, иначе могла ли бы она такъ часто плакать».

Софья Григорьевна такъ замечается, что и не замѣтила пристальнаго взгляда своей матери. Увидѣвъ его, она покраснѣла, смутилась и горячими губами коснулась блѣдныхъ, сухихъ губъ матери.

— Сними эти вѣты съ головы, раздражительно произнесла Анна Антоновна.

Дѣвушка не безъ огорченія повиновалась и положила вѣнокъ на столикъ, подлѣ матери.

— Иди обѣдать! сухо и отрывисто выговорила Анна Антоновна. — Я спать хочу, оставь меня одну.

Софья Григорьевна ушла въ какомъ-то недоумѣніи, потому что мать никогда не говорила съ ней такимъ тономъ.

По уходѣ дочери изъ комнаты, Анна Антоновна гнѣвно сбросила вѣнокъ со стола и, ломая себѣ руки, въ дикомъ отчаяніи вскрикнула: — Господи! что будетъ со мной? Все, все кончено! думала несчастная. — Отняли отъ меня мое дѣтище, — всю отраду моей жизни! И кому она принесетъ и себя и меня въ жертву? — Что, если человѣку, который не нуждается въ любви? — На что она подобнымъ людямъ? — развѣ они могутъ существовать безъ разврата? — Нѣтъ, я все, все выскажу бѣдной моей дочери; не скрою отъ нея униженій, какія я вытерпѣла, вѣрникъ свою судьбу такому же человѣку!..

Но тутъ Анна Антоновна невольно вспомнила, какое дѣйствіе могутъ имѣть всѣ подобныя предостереженія, если одно слово любимаго человѣка поселитъ въ довѣрчивомъ сердцѣ непоколебимую вѣру въ его искреннюю любовь, въ его обѣщаніе — быть преданнымъ и любящимъ ее человѣкомъ на всю жизнь.

Однако мать все-таки рѣшилась на смѣлый шагъ. Она рассуждала, что ея дочери будетъ легче перенести временное горе и слезы, чѣмъ всю жизнь изнывать отъ одиночества и всевозможныхъ оскорбленій. — Она никакъ не хотѣла допустить, чтобъ Петръ Васильевичъ могъ сдѣлать ея дочь счастливою.

«Нѣтъ, это невозможно», думала она. — «Если бы онъ былъ спо-

собезъ къ истинной любви, онъ не сталъ бы такъ дерзко и глупо поспѣшно вызывать на любовь неопытную дѣвушку.—Разумѣется, чѣмъ онъ рискуеть? Онъ всегда свободенъ: маругаться надъ всѣми семейными своими обязанностями. Видъ все противъ насъ безсильныхъ!»

И откуда взялась сила у больной. Она встала съ постели, и едва держась на ногахъ, но одушевляемая мыслью, что дѣло идетъ о счастья цѣлой жизни ея дочери—бодро вошла въ столовую. Появленіе ея болѣзненной фигуры произвело неприятное впечатаніе на сидѣвшихъ за обѣдою; даже дочь, всегда такъ радостно привѣтствовавшая мать, когда она вставала съ постели, даже и она теперь скорѣ испугалась, чѣмъ обрадовалась появленію Анны Антоновны. Мать все замѣтила, и это придало ей еще болѣе рѣшимости! Она очень ясно дала почувствовать гостю, что желаетъ, чтобъ онъ оставилъ ея домъ! Разумѣется, послѣ этой сцены все общество разошлось по своимъ комнатамъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ Анна Антоновна, потрясенная рѣшимостью, сидѣла въ своей комнатѣ, едва давая отчетъ себѣ въ своемъ поступкѣ, къ ней явился Григорій Андреевичъ, подный какого-то величаваго презрѣнія.

Испугъ охватилъ Анну Антоновну и она поспѣшно сказала мужу:

— Оставьте меня въ покоѣ; я не могу говорить съ вами; я знаю, вы пришли опять за тѣмъ, чтобы оскорблять меня... Что я вамъ сдѣлала? За что вы меня мучите?

Григорій Андреевичъ съ презрительной улыбкой выслушалъ раздраженную женщину и отвѣчалъ съ чувствомъ собственного достоинства:

— Успокойтесь, — я сегодня же оставляю вашъ домъ, и оставляю навсегда! Слышите—навсегда! Никакія ваши мольбы и слезы не въ силахъ меня заставить перешагнуть вашъ порогъ; точно также я не допущу васъ и къ себѣ. Если вы силою ворветесь ко мнѣ—я васъ вытолкну вонъ! Послѣднія слова Григорій Андреевичъ уже не говорилъ, а кричалъ.

Анна Антоновна какъ-то странно посмотрѣла на него и наконецъ въ недоумѣніи, спросила:

— Къ чему вы все это говорите? И какъ могло вамъ придти въ голову, что я перешагну порогъ вашего дома, когда я знаю, что тамъ могу встрѣтить вашихъ публичныхъ подругъ? И развѣ

а въ продолженіе столькихъ лѣтъ беспокоила васъ когда нибудь своимъ присутствіемъ?

— Увидимъ, увидимъ! злобѣющимъ голосомъ воскликнулъ Григорій Андреевичъ, и принявъ болѣе спокойный видъ, повелительно и грубо продолжалъ:—прошу васъ приготовить все къ отъѣду вашей дочери: я ее беру съ собою!

Анна Антоновна дико улыбнулась, услышавъ такое приказаніе и съ гнѣвомъ отвѣчала:

— Какія нелѣпыя угрозы вы придумываете! Вы воображали, что я сумасшедшая и могу повѣрить имъ!—Оставьте меня: я не могу говорить съ вами.

— Мнѣ рѣшительно все равно, милостивая государыня, чтобы вы ни говорили теперь; но я считаю свою обязанностью удалить отъ васъ дочь, которую вы хотите замучить своими капризами и эгоизмомъ. Да, я увезу Соню — и вы можете кричать сколько вамъ угодно!

— Вы этого не посмѣете сдѣлать, и не имѣете на это никакого права, гордо замѣтила Анна Антоновна.

— Вы должны знать законы.... И я, по праву отца, увезу и увезу отъ васъ мою дочь! неистово закричалъ Григорій Андреевичъ.

— Нѣтъ, подобныхъ законовъ не можетъ существовать! съ какимъ-то страшнымъ спокойствіемъ отвѣчала мать.—Не только люди, но даже зѣври не могли бы придумать такую несправедливость, чтобы отнять у матери дочь, которую она воспитала, пока ее отецъ развратничалъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ вздумалъ предъявлять свои права. Это все до того дико и нагло, что я удивляюсь, какъ вы могли явиться ко мнѣ съ подобными угрозами.

Григорій Андреевичъ былъ раздраженъ этими словами въ высшей степени и, ударивъ изо всей силы кулакомъ по столу, ужасающимъ голосомъ закричалъ:

— А! я вижу, что вамъ хочется скандаловъ! Извольте, извольте! Только, что же вы выиграете? Я! я имѣю право на дочь, а не мать! Слышите? — отецъ, отецъ имѣетъ право!

И Григорій Андреевичъ — этотъ мягкосердечный господинъ въ обращеніи съ наглой лореткой, держалъ теперь кулаки надъ головой несчастной женщины... Анна Антоновна дико вскрикнула, а Григорій Андреевичъ, опустивъ свои руки и направляясь къ двери, произнесъ:

— Не дозволю дочери даже проститься съ вами!

Анна Антоновна ринулась къ нему съ раздрающимъ воплемъ и схватила за руку; но онъ съ звѣрскою злобою отбросилъ ее отъ себя, и даже не повернулъ головы, когда несчастная безъ чувствъ упала на полъ.

Чѣмъ объяснить эту страшную злобу, эту жестокость многихъ мужчинъ къ честнымъ женщинамъ? А вотъ чѣмъ! Ихъ черствыя души не могутъ выносить самопожертвованій и чистыхъ привязанностей, — это для нихъ живой укоръ. И вотому-то Григорій Андреевичъ непремѣнно увезъ бы дочь изъ дома матери, зная, какъ убило бы это несчастную женщину, если бы не сама Софья Григорьевна возстала противъ этого. Она была до глубины души потрясена несчастнымъ страдальческимъ положеніемъ матери, когда прибѣжала на ея дикіе истерическіе крики. Анна Антоновна совершенно обезумѣла отъ горя и кидалась всѣмъ людямъ въ ноги, умоляя ихъ скрыть ея дочь. У всѣхъ сердце надрывалось, смотря на несчастную, такъ что дочь дала обѣщаніе не видѣть и даже не думать о Петрѣ Васильевичѣ.

Отецъ былъ неприятно пораженъ, съ одной стороны — отказомъ дочери ѣхать съ нимъ, а съ другой — новымъ открытіемъ, что она тоже способна на глушныя жертвы, для спокойствія близкихъ ей людей.

Честные люди никогда не могутъ мстить особеннаго зла къ своимъ личнымъ врагамъ: въ ихъ сердцахъ всегда отыщется состраданіе; а у людей самолюбивыхъ нѣтъ пощады никому. И потому Григорій Андреевичъ рѣшился дѣйствовать окольными путями, чтобъ все-таки отнять у несчастной женщины ея дочь...

Часто физическая сила нашего организма бываетъ самымъ жестокимъ нашимъ бичемъ. — Смерть могла бы избавить Анну Антоновну отъ многихъ новыхъ и жестокихъ страданій; но она не являлась, и чрезъ то заставляла больную переиспытать много физическихъ, невыносимыхъ мукъ. Къ счастью еще ея нервная система до того ослабѣла, что больная едва-едва припоминала послѣднюю сцену. Но ея дочь была возлѣ нея постоянно, и такъ заботливо ухаживала за матерью, такъ ласкалась къ ней, что, по отъѣздѣ гостя, Григорій Андреевичъ не упоминалъ даже о правахъ своихъ. Чего же нужно было болѣе для спокойствія больной? И она, дѣйствительно, рада цѣлрваться; но та-

ное успокоеніе продолжалось слишкомъ не долго; Софья Григорьевна стала часто являться къ матери съ заплаканными глазами, сдѣлалась задумчива и даже сильно похудѣла.

«Что же дѣлать? думала мать: — она скучаетъ, что такъ быстро исчезло ея минутное счастье. Но не грусти, дитя мое, еще у тебя много жизни впереди! Дай Богъ, чтобъ только ты встрѣтила и полюбила честнаго человѣка».

И Анна Антоновна дала себѣ слово, поемному начать, въ разговорахъ, знакомить свою дочь съ дѣйствительной жизнью...

Въ одинъ вечеръ, Софья Григорьевна какъ-то особенно была печальна и тревожна, а прощаясь съ матерью, она расплакалась чуть не до истерки. Разумѣется, Анна Антоновна была сильно встревожена этимъ и не могла заснуть; ей все казалось, что она слышитъ рыданія своей дочери. Наконецъ она встала и тихонько пошла въ ея комнату, чтобъ посмотреть, точно ли она плачетъ? Отворивъ дверь въ комнату дочери, она какъ вкопаная остановилась на порогѣ: комната была освѣщена свѣчой, оставшейся на столѣ у пустой кровати.

— Гдѣ же она? спросила себя сама мать, оледенѣвъ отъ ужаса. Сердце ея замерло, и тотъ же настойчивый вопросъ повторился снова.

— Гдѣ она?

Какъ молнія, промелькнула въ ея головѣ мысль, что ея дочь украдкой отъ нея бесѣдуетъ съ отцомъ; можетъ быть, онъ уговариваетъ ее ѣхать съ нимъ? Эта страшная мысль вывела ее изъ неподвижности, и она направилась къ кабинету Григорья Андреевича. Но проходя мимо залы, Анна Антоновна какъ-то бессознательно бросилась въ полураскрытую дверь на террасу, побѣжала по саду, не обращая вниманія на то, что она была въ одномъ ночномъ туалетѣ. Чья-то тѣни шли къ ней навстрѣчу и страстный шопотъ долеталъ до ея ушей. Несчастная мать тотчасъ узнала голосъ дочери: силы ей иссякли, и она схватилась за дерево, чтобъ устоять на ногахъ, но тотчасъ же, оглушенная точно громомъ, опустилась на сырую траву, прислонивъ свою пылающую голову къ дереву. Анна Антоновна не чувствовала холодной осенней ночи; напротивъ, мучительный огонь жегъ ее, она хотѣла кричать, но у ней не хватало голоса, хотѣла схватить за платье дочь, когда та прошла мимо съ Петромъ Васильевичемъ, но руки были безсильны; одинъ только слухъ, какъ бы нарочно, не былъ парализированъ и она ясно слышала и ви-

ническія шуточки Григорья Андреевича, сожѣтовавшаго влюбленнымъ разойтись по домамъ, и звонкій, прещальный поцалуей...

Но вотъ данно ужь нѣтъ страстнаго шопота, не слышно поцалуевъ, и не видно мельканія тѣней въ саду: все смолкло, даже потухъ огонь въ окнѣ кабинета Григорья Андреевича, — а мать все еще, прислонивъ голову къ дереву, полусидитъ на холодной землѣ, и ей все еще чудится, что чьи-то тѣни бродятъ около нея и что она слышитъ ихъ шопотъ...

Разсвѣтъ испугалъ Анну Антоновну; она легко повѣрила бы, что все это былъ удушающій кошмаръ, если бы она была уже въ постели. Но зачѣмъ она въ такое время въ саду, и въ одной кофтѣ? Что же она должна дѣлать теперь? Гдѣ же ея дочь?.. Всѣ эти вопросы разрывали ея голову; она ничего не могла сообразить, и сознавала ясно одно, что нѣтъ болѣе у ней жизни, что тяжелая тоска давитъ все ея тѣло, что въ душѣ она ощущаетъ какую-то страшную пустоту.

Машинально добрела Анна Антоновна до своей комнаты и сѣла въ кресло, въ какомъ-то шучительномъ забьтѣи; по временамъ она вздрагивала всѣмъ тѣломъ, но не мѣняла неподвижнаго своего положенія. Дочь не выходила у ней изъ головы. То ей казалось, что она дитей сидитъ на ея колѣняхъ и Анна Антоновна укачиваетъ ее, и крѣпко прижимаетъ ее къ своей груди; то крѣпко цалуетъ и уговариваетъ не плакать о сломанной игрушкѣ... Но вдругъ — темный садъ, — и она видитъ дочь въ объятіяхъ мужчины... Въ эти минуты, Анна Антоновна вздрагивала точно отъ электрическаго удара.

Когда мать пришла въ себя, то ни одного упрека не сдѣлала мысленно своей дочери; но за то сколько проклятій излила она на своего мужа и гостя, которые, какъ воры и убійцы, похитили у нея ея сокровище и израненную теперь пустили жить. Что она будетъ дѣлать теперь, — она, столько лѣтъ встававшая и ложившаяся въ заботахъ о дорогомъ для нея существѣ, въ которомъ заключалось все ея счастье, вся ея жизнь? Ее увезутъ, можетъ быть, вооружать противъ нея... и кто же?...

Анна Антоновна очень вѣрно разсудила, что ея дочь невиновата. Всему виною былъ отецъ: онъ увѣрилъ Софью Григорьевну, что она загубила несчастнаго Петра Васильевича, что мать ея, по болѣзни своей, не влюбила его, но что все это пройдетъ — и сама Анна Антоновна будетъ рада, увидѣвъ, что у нея такой отличнѣйшій зять. Влюбленная дѣвушка однако все еще боролась. Но

когда Петръ Васильевичъ началъ ее осаждать своими длинными и страстными посланіями, черезъ милого родителя, или когда онъ описывалъ ей патетически свое отчаянне — она не въ силахъ уже была бороться. Сначала въ своихъ отвѣтахъ только утѣшала его, а потомъ и сама заговорила о своихъ страданіяхъ. Но Григорью Андреевичу было мало, что влюбленные переписываются; онъ устроилъ для нихъ свиданіе, а тамъ хотѣлъ устроить и побѣгъ дочери отъ матери. Вѣроятно, ему и удалось бы это, потому что, какъ видѣлъ читатель, дѣвушка сознавала, что она идетъ противъ матери, но не могла противиться любви. Сами посудите, какъ же и не восторжествовать любви, когда Петръ Васильевичъ, въ своихъ письмахъ, увѣрялъ, что не можетъ жить безъ Софьи Григорьевны. «Если вы не протянете мнѣ вашей спасительной руки», писалъ онъ въ одномъ письмѣ, «то вы сдѣлаетесь убійцей всѣхъ высокихъ стремленій человѣка, — человѣка, который весь преданъ добру и пользѣ общества! Поддержите меня, въ тяжелой разлукѣ, хоть слабой надеждой о взаимности нашихъ страданій; и это уже придастъ мнѣ энергіи идти по избранному мною пути. Я буду, во имя нашей любви и страданій, разливать живительный свѣтъ на грубыя души и очищать ихъ, развивая въ нихъ любовь къ искусству; буду наставлять заблудшихъ и облегчать страждущихъ.... Это крестовые походы девятнадцатаго вѣка! Я также долженъ буду сражаться съ невѣжественными предрассудками, также долженъ буду проповѣдывать святое чувство любви къ искусству и человѣчеству.... Я знаю, что такой путь труденъ, что надо сбросить съ себя все матеріальное, но въ этомъ укрѣпить меня моя любовь — этотъ святой огонь, который зажегся теперь въ моей душѣ. Его давно жаждала моя душа и потому она не рѣшалась идти такъ смѣло противъ невѣжественной массы, которая коснѣетъ въ мелочахъ обыденной жизни и для которой непонятны чистыя и высокія наслажденія искусства, героизма и славы! Моей душѣ нужна была та свѣжая поэзія души, какую вы носите въ самой себѣ. Ваше чудное явленіе въ моей страдальческой жизни сдѣлало меня другимъ человѣкомъ: я почувствовалъ, какъ грязь жизни спала съ меня и божественное слово «люблю» придадо мнѣ новую силу. Нѣтъ! мы теперь не можемъ жить другъ безъ друга, безъ нашей взаимной поэзіи. Ты моя, и на вѣкъ!» и прочее.

Я нахожу этотъ отрывокъ изъ переписки достаточнымъ, какъ образчикъ краснорѣчія влюбленнаго Петра Васильевича, кото-

рому Софья Григорьевна безусловно вѣрила, какъ она нѣкогда вѣрила. бывши ребенкомъ, волшебнымъ сказкамъ, которыя ей рассказывала ей няня. Разказы о чудесномъ такъ плѣняли ее, что мать должна была долго и настойчиво разувѣрять, что въ дѣйствительной жизни вовсе не существуетъ людей, въ видѣ звѣря для рыбы, что нѣтъ ни мертвой, ни живой воды, и нѣтъ такой волшебной палочки, по взмаху которой воздвигались бы дворцы, а всѣ люди при этомъ рабодѣшно преклонялись бы предъ владѣтелемъ палочки; что точно также нѣтъ стоголавыхъ чудовищъ, которыхъ бы ни огонь, ни сталь и никакая сила человѣческая не могла уничтожить.

Но я такъ думаю, что Анна Антоновна скорѣе ошибалась, разувѣряя ребенка въ томъ, что всѣ сказочныя нелѣпости не существуютъ въ дѣйствительной жизни. Неужели читатель не встрѣчалъ въ своей жизни людей, которые только носятъ человѣческій образъ, а по всѣмъ своимъ наклонностямъ — дикіе звѣри? Мало ли мы видимъ людей, нѣмыхъ, какъ рыба, при видѣ какихъ угодно ужасовъ, совершающихся предъ ихъ глазами, особенно если эти ужасы совершаются сильными надъ слабыми? Мало ли, въ то же время, пресмыкающихся гадинъ въ обществѣ, такихъ, которыя наносятъ ему неизлечимыя раны? И развѣ нѣтъ стоголавыхъ чудовищъ, которыхъ нельзя истребить ни огнемъ, ни мечемъ? А насчетъ существованія живой и мертвой воды въ дѣйствительной жизни, кто можетъ усомниться, когда видитъ предъ собою челоуѣка, одержимаго безсмысленнымъ честолюбіемъ. Какъ, на примѣръ, этотъ челоуѣкъ оживаетъ, если къ празднику на его груди загорится звѣзда или обовѣтъ ее лента; и какъ онъ же заживо умираетъ, если ничего не получить. Тщеславіе въ обществѣ — это та же живая и мертвая вода, что и въ сказкахъ. Нѣтъ, мой читатель, всего нелѣпаго и чудовищнаго не перечтешь въ дѣйствительной жизни! Да развѣ деньги не волшебная палочка? Взгляните на отъявленныхъ плутовъ, разбогатѣвшихъ подъ покровительствомъ общественныхъ пороковъ! Развѣ они, какъ бы волшебствомъ, не воздвигаютъ себѣ дворцовъ, развѣ въ ихъ старческія объятія не бросаются красавицы, а на ихъ роскошныя обѣды, подобно саранчѣ, не слетаются обжоры, даже съ дипломами ученыхъ мужей и патентованныхъ либераловъ и демократовъ? Да, ученые мужи и патентованные либералы, вѣдь, сознайтесь, что не будь у этихъ плутовъ дворцовъ и роскошныхъ обѣдовъ, вы бы, съ вашими строгими убѣжденіями, возмутились

отъ одной дѣрзости ихъ, если бы они протянули вамъ гордо руку и пригласили бы васъ на роскошный обѣдъ. Какъ страшно вы уничтожили бы ихъ своимъ презрѣниемъ, во имя своихъ строгихъ, честныхъ убѣжденій! Вамъ пока еще вѣрять—такъ кушайте скорѣе заморскія блюда, какими васъ хвастливо угощаютъ плуты; а то, чего добраго, въ молодомъ поколѣннн отыщутся здоровые и воздержные люди, для которыхъ, какъ вы ни либеральничайте, какъ ни лицемѣрите и какъ ни гордитесь и ни запасайтесь дипломами и патентами истинно честныхъ людей, служащихъ для общаго блага, — но вамъ они не повѣрятъ! Разумѣется, вы будете сильны передъ ними, за васъ будетъ общественное мнѣнн растлѣнныхъ какъ вы же людей; въ честь васъ будутъ даваться обѣды, проносятся хвалебныя рѣчи, со слезами умиленн, о гражданскихъ заслугахъ и о величн добродѣтелей вашихъ! Что же такое для васъ тогда слова честныхъ и не патентованныхъ людей? Какое вамъ дѣло, что они будутъ считать васъ торгашами честныхъ человѣческихъ убѣжденн; что вы для нихъ омерзительнѣе и въ тысячу разъ вреднѣе, чѣмъ цыганъ съ своими удловками и словами, обманывающн лошадью бѣднаго мужика; что вы гораздо болѣе достойны кары, чѣмъ отъявленный плутъ, угощающн васъ на краденныя деньги, потому что эти плуты, подобно мухаморамъ, ярко снютъ своею порочностью и неопытнн глазъ отличить его, какъ ядовитый паростъ въ обществѣ. А вы, господа, вы свою продажность души прикрываете честными убѣжденнми и къ вамъ довѣрчиво идетъ пылкн юноша поучиться тому, какъ надо твердо отстаивать честныя убѣжденн, какъ строго нужно слѣдить за своими слабостями и страшиться вреднаго тщеславн. И чему же вы научаете юношу?—торговать честью, приносить все въ жертву пустому тщеславню, карать пороки на словахъ, а на дѣлѣ принимать участн въ нихъ, съ иезуитскою осмотрительностью, чтобъ сухимъ выдти изъ воды! Вы Иуды предатели! Вамъ мало показалось зла человѣчеству отъ процвѣтанн торговли, вы завели биржу либераловъ и демократовъ, гдѣ идетъ торгъ честными убѣжденнми, посредствомъ которыхъ ловкн торгашн обогащаются популярностью и дѣлаются либеральными Ротшильдами, и такъ же эксплуатируютъ бѣднымъ человѣчествомъ, какъ банкиры и фабриканты на своихъ биржахъ!...

Много выстрадала мукъ Анна Антоновна, обдумывая, какъ ей поступить. Она созналась, что борьба ей не по силамъ и по-

тому рѣшилась видѣть Петра Васильевича прежде дочери. Петръ Васильевичъ ночевалъ въ кабинетѣ Григорья Андреевича и потому явился очень скоро къ Аннѣ Антоновнѣ, которая, казалось, приготовила себя хорошо къ этому свиданію; но это было выше ея силъ, и отчаянный гнѣвъ дышалъ въ каждой чертѣ ея измученнаго лица. Будь въ эту минуту ножъ въ ея рукахъ, она бы этотъ ножъ вонзила въ него, — столько накипѣло въ ней злобы противъ этого человѣка!

Петръ Васильевичъ находился въ затруднительномъ положеніи: онъ чувствовалъ весь страшный и отчаянный гнѣвъ обманутой матери.

Анна Антоновна немного оправилась и молча указала молодому человѣку на кресло, произнесла едва слышнымъ голосомъ:

— Вы, я думаю, догадываетесь, о чемъ я хочу говорить съ вами?... Я все знаю; теперь все кончено! чуть не съ воплемъ выговорила она послѣднюю фразу, и долго сидѣла съ закрытыми глазами, какъ бы потерявъ силы говорить. Вздохнувъ тяжело, она продолжала: — участь моей дочери въ вашихъ рукахъ! Но если въ васъ есть капля жалости, если вы хоть на видъ честный человѣкъ, то оставьте ее на время, можетъ быть она пойметъ сама, что этотъ бракъ убьетъ меня.

Анна Антоновна уже молила теперь молодого человѣка.

— Я люблю вашу дочь самой чистой любовью, и вѣрьте мнѣ, что я сдѣлаю ее счастливой, печально отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Замолчите! съ отвращеніемъ произнесла Анна Антоновна. Честная любовь не рѣшилась бы на обманъ: она бы не въ силахъ была наругаться надъ несчастной матерью.

— Вы предубѣждены противъ меня, и хотя я сознаюсь, что поступилъ... Но Анна Антоновна не дала ему докончить фразу.

— Я предубѣждена противъ васъ? съ гнѣвомъ спросила она. Тотъ, кто внесъ въ мой домъ страшное горе, кто заставилъ плакать мою дочь, обманулъ мать... Нѣтъ, я не могу выразить словами, что за чувство питаю къ вамъ! Вы самый страшный палачъ мой!

И Анна Антоновна въ ужасѣ закрыла лицо руками.

Петръ Васильевичъ поблѣднѣлъ и, вставъ, съ достоинствомъ произнесъ:

— Вашу дочь я люблю искренно, и увѣряю въ себѣ, что

могу сдѣлать ее счастливой; время докажетъ вамъ, что вы жестоко ошибались во мнѣ.

— Вы хотите уговорить ее бѣжать изъ моего дома!... Въ ужасѣ воскликнула Анна Антоновна. — Нѣтъ! поспѣшно прибавила она: — этотъ поступокъ оградитъ ее жизнь. Я... я согласна! идите къ ея отцу, и скорѣе свадьбу!

Лицо Анны Антоновны было мертвенно-блѣдно, но оно вскинуло, когда будущій зять хотѣлъ подаловать у ней руку; она проворно уклонилась отъ него, точно отъ страшнаго гада.

Петръ Васильевичъ вышелъ изъ комнаты, смущенный.

Анна Антоновна, по его уходѣ, впала въ какое-то мрачно-убитое спокойствіе; всѣ черты ея лица казались безжизненны, а глаза стояли открытыми и неподвижными, — только при видѣ дочери она нѣсколько ожила. Долго мать и дочь сжимали другъ друга въ объятіяхъ и много лилось горькихъ, отчаянныхъ слезъ. Въ этихъ словахъ было выражено все: дочь просила вмигъ себя прощенья; а мать какъ бы называла всѣ свои накопившіяся муки. — Дочь, слезами радости, благодарила мать за ея согласіе; а мать, слезами тоски и отчаянія, выражала свое благословеніе дорогому дѣтнику. Наконецъ Анна Антоновна какъ будто онемѣла.

— Не плачь такъ, сказала она Софѣ Григорьевнѣ: — я хочу, чтобъ ты была весела!

— А ты? Ты не будешь плакать? спросила невеста.

— Дай мнѣ успокоиться!

— Ты будешь его любить? красива спросила дочь.

— Если онъ искренно любитъ тебя и сдѣлаетъ тебя счастливой, то какъ же я могу не любить такого человѣка?

— Такъ ты любишь его? Онъ меня очень любитъ! радостно воскликнула дѣвушка.

Но мать не раздѣляла радости своей дочери, и боясь, чтобъ не выказывать свое отвращеніе къ Петру Васильевичу, она послала дочь къ отцу, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ.

«Я не хочу, чтобъ я была причиной ея слезъ теперь; можетъ быть, это самое счастливое время въ ея жизни», — разсуждала мать, и покорилась безропотно, какъ только могутъ это дѣлать люди съ сильными привязанностями, для счастья и спокойствія любимаго существа. Только одинъ любящій души способенъ на такія жертвы.

Женихъ эгоистически выказывалъ свою любовь къ Софѣ

Григорьевичъ; онъ, напримѣръ, требовалъ, чтобы она постоянно была возлѣ него, такъ что мать испытывала уже полное свое-одиночество. Григорій Андреевичъ, при всемъ этомъ, разыгрывалъ роль заботливаго отца; созывалъ гостей на обѣды, дѣлалъ иллюминацію и приобрѣлъ наконецъ всеобщее расположеніе сосѣдей и уваженіе въ губерніи; такъ что многие винили теперь Анну Антоновну, упрекая ее въ томъ, что она жила врозь съ такимъ пріятнымъ и гостепріимнымъ человѣкомъ и прекраснымъ отцомъ.—Вѣра Карповна сіяла отъ радости, видя что ея пророчества сбылись; и поздравляя Анну Антоновну, съ гордостью сказала ей:

— А что, я вамъ говорила—не уберечь вамъ вашей дочери! И она немедленно приступила къ распросамъ о количествѣ душъ у жениха, о родныхъ, и даже разузнала, какое женихъ отъ дѣдушки долженъ получить огромное наследство. Сама она горюдо болѣе Анны Антоновны, Вѣра Карповна и вѣрить не хотѣла, чтобы та отъ незнанія не удовлетворила ея любовнательности относительно жениха.

— Какая это мать! Ей, кажется, все равно—хоть бы за нищаго выходила ея дочь! И что это за болѣзнь у ней, что не можетъ она выдти изъ своей комнаты, на такихъ радостяхъ? Просто, притудница! Ужь на что у меня прекрасный характеръ—и я ей въ тягость!

Анна Антоновна дѣйствительно не выходила изъ своей комнаты, но не выходила по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она не могла видѣть всѣхъ этихъ цинически-любопытныхъ гостей, а во-вторыхъ, безъ истерическихъ рыданій она не могла видѣть свое дитя, сконфуженное въ толпѣ гостей, или раболѣпиво-покорное своему жениху, который безцеремонно въжизывалъ свое самовластіе, обнаруживавшееся пока въ мелочахъ: требовалъ, чтобы она шла съ нимъ гулять, когда невеста желала сидѣть съ матерью, или чтобы играла ему сонаты Бетговена и т. п. Трудно передать всѣ его выходки, возмущавшія сильнѣе всего мать. Часто, сидя въ своей комнатѣ, она зажимала себѣ уши и сгараала отъ негодованія, слыша безумно-дикіе крики и тосты, въ честь жениха и невесты, раздававшіеся за обѣдомъ. Анна Антоновна сѣвшила свадьбой, страшаась сама за себя, чтобы наконецъ не высказать дочери все свое отвращеніе къ ея будущему мужу; а съ другой стороны, чтобы скорѣе прекратить безсмысленное и неложное по-ложеніе дочери-невесты. Но Григорій Андреевичъ желалъ блес-

нуть баломъ, потому что ни мать, ни дочь не хотѣли видѣть постороннихъ лицъ въ тяжкій день вѣнчанья и ихъ разлуки. (Петръ Васильевичъ увозилъ жену къ своимъ роднымъ, послѣ вѣнца). На слѣдующій настала роковой день. Анна Антоновна потеряла сознание, она шептала, безъ слезъ исполняла всѣ обряды, какіе ей говорили, и къ общему удивленію, равнодушно отпустила въ коридоръ дочь, и такъ же равнодушно встрѣтила ее по прѣздѣ изъ церкви. Григорій Андреевичъ какъ-то торжественно выполнялъ всѣ предписанія въ этотъ день; онъ какъ будто хотѣлъ доказать жнзнь днзюмъ, какъ свято чтить онъ всѣ церковныя постановленія брака, и даже всѣ мелочи, которыя его касаются.

Какъ ни отлагала дочь минуту прощанья, во надо было приступитъ къ ней, потому что супругъ торонилъ отъѣздомъ. Анна Антоновна вся задрожала, когда ея дочь съ рыданіемъ бросилась къ ней на шюю, произошло: «Прощай!» Страшная мука выразилась въ ея лицѣ: она видимо силсилась сказать что-то, но вдругъ отбѣжала и только мучительно-дно металась.

Петръ Васильевичъ, по праву мужа, отгашилъ свою рыдающую и испуганную жену отъ матери, уговаривая ее, что все пройдетъ. Мать въ дикомъ отчаяніи хотѣла было броситься за дочерью, но сильныя руки Григорія Андреевича удержали ее въ креслахъ.

— Кончите наконецъ эти сцены! сказалъ мужъ строго. — Соня утомлена, прибавилъ онъ.

Анна Антоновна бросилась ему въ ноги и умоляющими жестами просила его пустить ее къ дочери; но Григорій Андреевичъ холодно и съ какой-то звѣрскою радостью отбѣчалъ ей:

— Вы ей теперь не нужны: у ней есть мужъ.

При этихъ словахъ бѣдная мать произительно вскрикнула и упала замертво. Григорій Андреевичъ, какъ пѣкшій родитель, похалъ между тѣмъ провожать дочь.

Страданія несчастной матери были такъ велики, что докторъ, присутствовавшій при больной, говорилъ потомъ въ своемъ семействѣ, что смерть, даже помѣнательство были бы благомъ для бѣдной, истерзанной женщины. Но Анна Антоновна, послѣ продолжительной болѣзни, встала съ постели въ здоровомъ разсудкѣ, вѣроятно для того, чтобъ испытывать весь ужасъ своего одиночества. Она переселилась въ комнату дочери, и нѣлые дни съ пошкней гловон сдѣлаа у постели, на которой были разбросаны игрушки и остатки дѣтскаго туалета ея дочери: тетрадки пер-

выхъ ея уроковъ, крошечные башмачки, чепчикъ, рубашечка и проч.

Прислуга иногда тихонько заглядывала въ комнату, думая, что барыня ихъ помѣшалась, потому что она ни съ кѣмъ ничего не говорила и не отходила отъ постели дочери. Горничная Анны Антоновны только именовъ барышни заставляла ее иногда выпить чашку чаю или бульону. Но и это дѣлала Анна Антоновна съ отвращеніемъ, изъ желанія, чтобы скорѣе оставили ее къ покой.

Осень, какъ нарочно, была дождливая, небо постоянно сѣрое, природа вся умерла, такъ что и счастливые люди, въ такіе дни, чувствуютъ какую-то тревожную тоску. Но Анна Антоновна ко всему была равнодушна:—къ вою вѣтра, къ шуму осенняго дождя, и къ этой мертвой тишинѣ, окружившей ее теперь, въ отсутствіи дочери. Даже письма, которыя получала она отъ дочери—и тѣ не выводили ее изъ обычнаго убито-задумчиваго состоянія. Читая письма дочери, она только недовѣрчиво качала головой. Та, напримѣръ, увѣряла ее, что она вполнѣ счастлива; а эта машинально и коротко отвѣчала, что она здорова и довольна, если ея дитя счастливо. И точно Анна Антоновна, для счастья дочери, готова была на всевозможныя жертвы. Но въ жизни, по большей части случается такъ, что тѣ, которые готовы на все, чтобы сдѣлать счастливымъ близкое существо, они-то и не могутъ доставить имъ счастья; а другимъ, которымъ такъ легко было бы несчастливить ихъ,—не хотятъ для этого сдѣлать шагу....

Въ одно утро, вдругъ Анна Антоновна вышла не только изъ комнаты дочери, но даже изъ дому.

Дворня пришла въ волненіе и рѣшилась слѣдить за своею барыней, ожидая, что она задумала что-нибудь страшное. Не мало дивилась прислуга, увидѣвъ, что Анна Антоновна пошла въ деревню и вошла въ первую крестьянскую избу, и оставалась тамъ довольно долго, потомъ переселилась въ другую, за гѣмъ въ третью, и такъ обошла всю деревню; а вернувшись домой, созвала отцовъ и матерей, которыхъ дѣти отданы были въ ученье, и спрашивала ихъ, кто изъ нихъ желаетъ, чтобы дѣти возвратились домой, обѣщая исполнить желаніе всякаго.

Въ этотъ же вечеръ, она написала дочери слѣдующее письмо:

«Соня, безъ тебя я долго оставалась въ бездѣйственномъ состояніи и до того углубилась къ разнаго рода размышленію, что сама не знаю какъ, но я очнулась отъ долгаго и странно бессознательнаго, эгоистическаго своего одурѣнія. Теперь для меня

уже невопратно, какъ могутъ люди жить и умирать, съ спокойной совѣстью, когда вся ихъ жизнь доставляетъ столько слезъ и страданій другимъ. Что же за безобразное положеніе такихъ людей?—Это безчеловѣчное спокойствіе и увѣренность въ чистоту своей совѣсти передается имъ изъ рода въ родъ; это полное равнодушіе къ страданіямъ окружающихъ ихъ людей, обязанныхъ жертвовать имъ всѣми радостями жизни и всѣми ея удобствами! Какое превратное понятіе мы имѣемъ о всемъ! Мы презираемъ вора, наказываемъ его, а сами всю жизнь обворовываемъ бѣдняковъ и не только беремъ ихъ трудовой грошъ, добытый ими потѣ лица, но даже воруемъ ихъ дѣтей! Я не могу понять, какъ я жила столько лѣтъ, и ни разу угрызненіе совѣсти не встревожило меня, что я причиной столько страданій и зла. Я не могу утѣшать себя тѣмъ, что не я одна такъ дѣлала, что это зло не отъ насъ зависитъ,—отъ этого не будетъ легче, а лучше надо сдѣлать что нибудь, чтобъ доказать свое раскаяніе. Вѣришь ли ты,—вчера сама увидѣла, что у бѣдняковъ нѣтъ теплой одежды, нѣтъ хлѣба, нѣтъ даже молока въ груди измученныхъ въ работѣ матерей, чтобъ выкормить дѣтей своихъ.... И все, все это я обираю отъ нихъ; мнѣ одной все это было нужно! — Нѣтъ, довольно я дѣлала зла, пожалуй и безсознательно, но все же дѣлала. Ты, мое дитя, безкорыстна; на счетъ тебя я совершенно спокойна. Твой мужъ можетъ упрекнуть меня въ обманѣ, но увѣрь его, что я не въ силахъ долѣе выносить даже мысли, что я распоряжаюсь участіемъ людей и обираю плоды ихъ трудовъ. Если онъ человѣкъ честный и сострадательный,—умоли его не мѣшать мнѣ выполнить мою обязанность и очистить, хоть сколько нибудь, свою совѣсть. Мнѣ страшно будетъ теперь умирать, если я не искупаю, хоть тѣмъ нибудь жертвѣ, какія я требовала отъ людей. Мнѣ стыдно; у меня не повернется языкъ требовать отъ этихъ, по моей милости, нищихъ еще новыхъ жертвъ! Вы богаты,—на что вамъ еще денегъ? Обо мнѣ не заботьтесь, я не умру съ голоду. Я убѣждена, что у этихъ бѣдныхъ столько доброты, что они простятъ все своему врагу и доставятъ ему средства къ жизни. Разумѣется, жить такъ я не буду. Свой домъ я превращу въ больницу и дѣтскую школу. Безъ тебя это наполнить мою жизнь. Совѣсть моя будетъ облегчена немного уже тѣмъ, что я не даромъ буду ѣсть хлѣбъ.

«Ахъ, мое дитя! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ ты раздѣлила со мной мои труды о тѣхъ, кто выкормилъ тебя. Этимъ ты из-

бавилась бы навсегда отъ страшныхъ угрозеній совѣста. Но я боюсь, чтобъ ты не пострадала за это; впрочемъ, дитя мое, пострадать за доброе дѣло не такъ странно, какъ страдать отъ униженія, по прихоти эгоиста. — Мое рѣшеніе твердо! Пусть весь свѣтъ считаетъ мой поступокъ безчестнымъ, въ отношеніи твоего мужа, который зналъ, что мое имѣніе принадлежитъ тебѣ; но сердце мое твердитъ мнѣ, что это честно! А здравый смыслъ доказываетъ мнѣ ясно, что это моя обязанность!... Прощай! Целую и благословляю тебя. — Мнѣ стало легче, когда я должна выполнить свое покаяніе предъ сотнями людей, и можетъ быть даже устроить ихъ жизнь къ лучшему. Всѣ земли, принадлежащія мнѣ, будутъ принадлежать обществу; изъ нихъ часть будетъ цѣли на больницу и школу, другая часть — на уплату податей, а остатки будутъ составлять капиталъ, безъ котораго нельзя обходиться сотнямъ людей. Мало ли что можетъ случиться: пожаръ, голодъ, имъ будетъ чѣмъ извернуться.... Ты не можешь вообразить, что дѣлается въ моей головѣ, сколько плановъ роится въ ней! Господи! Хоть одинъ бы мнѣ осуществить!»

Анна Антоновна почувствовала въ себѣ столько энергій для осуществленія своего плана, что дѣятельность ея изумила всѣхъ. Она толковала съ крестьянами, вникала въ хозяйство, пересматривала конторскія книги, дѣлала смѣты на содержаніе больницы и школы и проч. и проч. Вся деревня вдругъ почувствовала одушевленіе; дворня, вѣчно полуспящая отъ праздности, тоже оживилась: чистила, мыла — все, точно къ свѣтлому празднику. Всѣ радостно встрѣчали Анну Антоновну, когда она шла по деревнѣ осматривать поля. Странно, — Анна Антоновна никому слова не сказала о своемъ намѣреніи, но всѣ поняли его и благословили ее. Разумѣется, это сдѣлалось извѣстно между сосѣдами и быстро разнеслось по всей губерніи — и къ ней даже явился депутатъ отъ помѣщиковъ съ требованіями пояснить слухи, дошедшія до нихъ. Анна Антоновна была очень удивлена вмѣшательствомъ ихъ; но это однако не ослабило ея энергій — и она спѣшила скорѣе покончить дѣло, чтобъ разомъ прекратить всякіе толки.

Вѣра Карповна явилась уговаривать Анну Антоновну — не вооружать сосѣдей противъ себя и не подавать дурнаго примѣра людямъ.

— Нельзя такъ, Анна Антоновна, всю жизнь дѣлать, что вздумаете. Надо и о другихъ подумать! Вѣдь вы ужасы готовите намъ всѣмъ, вѣдь теперь о васъ только всѣ и толкуютъ, да на

вась угазываютъ намъ. Вотъ, говорятъ, какая добрая барыня! вонъ, что она для своихъ-то крестьянъ дѣлаетъ! Да съ ними теперь же сладить по вашей милости!

— Я ни въ чьи дѣла не вмѣшиваюсь; такъ почему же и по какому праву другіе хотятъ вмѣшиваться въ мои? очень спокойно отвѣчала Анна Антоновна.

— Ахъ, Господи! Да отъ того, что вы все дѣлаете не такъ, какъ другіе! воскликнула въ сердцахъ Вѣра Карповна, и опять пророческимъ голосомъ заговорила:—Анна Антоновна, помните ли, я вамъ говорила, что вы не убережете вашу дочь? а теперь я вамъ скажу, что вась не допустятъ сдѣлать такой безбожный поступокъ. Какъ вамъ угодно, но все, что вы задумали,—неосторожно и противузаконно.—Анна Антоновна вспылила и попросила гостью оставить ее въ покоѣ. Вѣра Карповна, разумѣется, страшно обидѣлась этимъ и, объѣгая сосѣдей, рассказывала ужасы про Анну Антоновну: увѣряла, что она, какъ простая баба, ходитъ въ нагольномъ тулупѣ, что вся ея дворня буйствуетъ, что домъ почти весь расхищенъ и проч. и проч. Всему этому вѣрили и толковали объ этомъ въ цѣлой губерніи; даже явились еще болѣе замѣчательныя и въ тоже время гнусныя нелѣпности: увѣряли, что Анна Антоновна спилась, что она и прежде пила, потому-то и убѣгала общества, а что когда осталась одна, то дворовые споили ее окончательно и теперь дѣлаютъ что хотятъ. Другіе, между тѣмъ, за достовѣрное выдавали, что она всю жизнь была корыстолюбива и что дочь потому не хотѣла выдавать замужъ, что надо было дать приданое. Что эта послѣдняя сдѣлка ея съ мужиками ведетъ къ тому, чтобы дочь не получила ничего, а сама она будетъ при деньгахъ.

— Вотъ вамъ и книжки, вотъ вамъ и образованная дама! ораторствовала Вѣра Карповна.—Вотъ до чего дошла! Ахъ, бѣдный Григорій Андреевичъ! Теперь понятно, онъ съ пьяницей жить не могъ. А подите, какъ вѣдь умѣла разыгрывать роль несчастной жены! Слава Богу, что отецъ дочь-то выдалъ замужъ, а то что бы было съ ней теперь? И знаете, намъ надо всѣмъ помогать Григорію Андреевичу въ его несчастьи.

Всѣ гости, какіе находились у предводителя, рѣшили, что дѣйствительно надо помогать въ несчастіи Григорію Андреевичу.

Анна Антоновна собиралась ѣхать сама въ губернской городъ, чтобы окончить дѣло,—какъ вдругъ получила письмо отъ мелка-

го губернскаго чиновника, который иногда хлопоталъ о ея дѣлахъ. Чиновникъ писалъ слѣдующее:

«Въ городъ прибылъ Григорій Андреевичъ и подалъ бумагу, съ подписью вашей дочери, что вы давно страдаете припадками затмѣнія разсудка. На этомъ основаніи, ваше намѣреніе отпустить на волю крестьянъ просить остановить. Завтра къ вамъ придетъ докторъ,—свидѣтельствовать васъ. Примите мѣры!»

Анна Антоновна была потрясена этимъ извѣстіемъ. Она не повѣрила, чтобъ ея дочь была предательницей въ такомъ низкомъ дѣлѣ, и не могла постичь одного, что она такое сдѣлала, что всю жизнь ее преслѣдуетъ любимый ею нѣкогда человекъ. Отчего никто и никогда не вмѣшивался прежде въ ея несчастное положеніе, а теперь всѣ вдругъ возстали на нее? Дѣло легко разгадать... Печальна участь всѣхъ тѣхъ, не только женщинъ, но и мужчинъ, которые не захотятъ идти по грязной колѣѣ общественной жизни. А чтобъ укрыться отъ чужаго произвола, надо лицемѣрить или исполнять премудрое изреченіе: «око за око»,—тогда только тебя никто не тронетъ; но безъ этихъ условій лучше и не жить на свѣтѣ.

Возмущенная до глубины души новымъ своимъ несчастіемъ, Анна Антоновна такъ писала къ дочери:

«Спѣши ко мнѣ, мое дитя; ты можешь еще спасти свою мать отъ страшныхъ пытокъ униженія и горя. Твое присутствіе возлѣ меня опровергнетъ страшныя клеветы и не дастъ погубить меня злымъ людямъ. Если же твой мужъ тебя не отпуститъ ко мнѣ.... Но неужели онъ будетъ такъ безчеловѣченъ, что сдѣлаетъ это въ то время, когда дочь должна спасти мать? Но, впрочемъ; чего не бываетъ съ людьми! Если онъ воспротивится твоему отъѣзду, немедленно пришли съ посланнымъ моимъ письмо, въ которомъ ты отрекаешься отъ своей подписи; потому что ты, несчастная, вѣроятно знаешь, что подписала страшный приговоръ своей матери. Меня никто не въ силахъ увѣрить, чтобы ты могла подписать эту бумагу, зная ея содержаніе. Даже не повѣрю тебѣ самой, если бы ты увѣряла меня. Такъ этотъ поступокъ противуестественъ въ дочери, которую любила мать. Ради Бога, не медли; я чувствую себя такъ дурно, мнѣ такъ страшно!... Скорѣе, ради Бога, скорѣе пріѣзжай! видѣть тебя мнѣ до того хочется, что я еще сильнѣе чувствую тоску. Мнѣ было бы легче, если бы я могла высказать тебѣ все-все, что давитъ меня. Мнѣ очень не хорошо.» На этомъ словѣ и остановилась Анна Антоновна, прижавъ

ничкомъ къ столу. Смерть нахоицеъ явилась къ ней, но какъ-то не кстати. Сколько разъ она молила о смерти, но она не пришла, а пришла именно въ ту минуту, когда бѣдная женщина не хотѣла умирать: ей прежде хотѣлось выполнить то, что требовала ея совѣсть, и въ послѣдній разъ обнять свое дорогое дѣтище.

Приутствие Григорья Андреевича въ губерискомъ городѣ оказалось кстати. Онъ немедленно явился въ деревню и сталъ распорядиться въ ней, какъ полный хозяинъ, зная очень хорошо, что дочь его не воспрепятствуетъ ему ни въ чемъ.

Вмѣсто неоконченнаго письма матери къ дочери, отецъ послалъ свое письмо къ зятю, чтобъ онъ осторожише извѣстилъ свою жену о смерти Анны Антоновны и немедленно заставилъ ее выдать ему полную довѣренность на имѣнне, такъ-какъ она главная наследница родового имѣннiя послѣ покойницы.

Докторъ, вмѣсто свидѣтельства о здоровомъ состояннн ума Анны Антоновны, долженъ былъ анатомировать ее и нашелъ, что она умерла отъ прилива крови къ сердцу. Похоронный обѣдъ былъ очень пышенъ, всѣ ѣли съ обжорствомъ и хвалили вдовца, за его умѣнне угощать и за его дворянскій образъ мыслей.

Вѣра Карповна сімла, точно Сивила какая нибудь и, кушая заливное на похоронномъ обѣдѣ, съ увлеченіемъ говорила:

— Я ей всегда все заранѣе предсказывала, но она на своемъ хотѣла постоять. Вотъ, Богъ и не потерялъ ее беззаконныхъ дѣлъ! Такой тяжелый нравъ имѣла покойница.... Ужь на что у меня прекрасный характеръ, — и то я не могла вынести ея поступковъ, и такъ вѣдь ей прямо въ лицо и сказала: если вы хотите знаться съ дворянами, то не такъ поступайте, иначе моя нога у васъ не будетъ. — И сдержала бы слово.... тутъ лгуныя, съ прекраснымъ характеромъ, подавилась косточкой и потому только прекратила свою гнусную клевету. Впрочемъ не она одна клеветала и засловила честную женщину. Грязныхъ людей всюду много, особенно на похоронныхъ обѣдахъ; но вѣдь тутъ были и люди, не раздѣлявшіе этого мнѣнiя о покойницѣ, но они, по обыкновенію, молчали — и разумѣется только потому, что поступили бы противъ свѣтскаго приличiя, если бы вступились за умершую.... А тутъ еще злѣйшій врагъ покойницы такъ любезно угощаетъ и потчуетъ ихъ!

Впрочемъ, какое можетъ имѣть значеніе, для памяти порядочнаго человека — слова людей на похоронныхъ обѣдахъ, даже самыя блестящія рѣчи о добродѣтеляхъ умершаго? Развѣ

мало их провозносятъ на богатыхъ похоронныхъ обѣдахъ отъявленныхъ мерзавцевъ?...

Самая лучшая награда честной женщины выражена была въ простыхъ и краткихъ словахъ ея крестьянъ, скаванныхъ ими по возвращеніи съ похоронъ:

«Добрая была барыня, кабы Господь далъ ей жизни, — много бы добра всѣмъ намъ сдѣлала».

Вся деревня искренно жалѣла о ней, потому что съ ней умерли лучшія надежды, такъ неожиданно возродившіяся въ ихъ пришибленныхъ головахъ и также неожиданно-страшно уничтоженные въ одну минуту; точно все это была одна ядовитая насѣвка влаго духа, желавшаго дать имъ почувствовать, послѣ минутной радости, еще сильнѣе всю тяжесть безвыходнаго ихъ положенія. Управление Григорья Андреевича деревня знала очень хорошо и прежде, а потому и ждала, молча, своей участи.

ГЛАВА III.

Случалось ли моему читателю встрѣчаться когда нибудь съ такъ-называемыми художническими натурами? Впрочемъ, лучше, на всякій случай, я поясню, какъ высоко назначеніе этихъ людей въ цивилизованномъ обществѣ. Художническая натура, видите ли, также рѣзко отличается отъ простыхъ натуръ, какъ, напримѣръ, солнце отличается отъ прочихъ свѣтилъ: какъ безъ его лучей не могло бы существовать многого прекраснаго въ природѣ, такъ и безъ художническихъ натуръ цивилизація не могла бы проявлять многихъ усладительныхъ для души человѣческой вещей и многихъ геройскихъ подвиговъ для общественной пользы; потому что однѣ только художническія природы денно и ночно развиваютъ въ себѣ благородныя наклонности ко всему высоко-прекрасному, какъ въ физической, такъ и въ интеллектуальной сферѣ. Высочайшій и безпристрастный анализъ своего внутренняго содержанія и своихъ дѣйствій, утонченная деликатность чувствъ, — все это сохраняетъ въ себѣ художническая натура, въ такой дѣйственной чистотѣ, какъ, напримѣръ, спиртъ, предохраняющій отъ порчи тѣлесныя вещества, сберегаетъ какой нибудь органическій препаратъ. Потому, материализмъ человѣческаго организма побужденъ художническими натурами; и имъ только потребна, какъ рыбѣ вода, одна духовная жизнь, испол-

истина идеализма, искусства и гуманности. И въ самомъ дѣлѣ, кому какъ не художническимъ натурамъ цивилизованное общество обидано хоть тѣмъ, что либералы, въ самыхъ мялщныхъ видахъ, кладутся въ немъ какъ несокъ морской. Кто, кромѣ художнической натуры, способенъ каянить безошадно безнравственность общества и въ то же время ждать быть членомъ этого общества. И сознайтесь, что одні только эти художническія натуры, съ титуломъ отчаяннаго демократа, могутъ быть допускаемы въ дамскіе свѣтскіе салоны, и быть приглашаемы на пышные великосвѣтскіе балы. Надѣюсь, что послѣ этихъ заслугъ обществу, художническія натуры имѣютъ полное право требовать отъ него благодарнѣйшаго удивленія и поклоненія ихъ замѣчательнымъ личностямъ. Впрочемъ, надо отдать честь современному цивилизованному обществу, что оно стало цѣнить этихъ людей и всѣми средствами проявлять свое къ нимъ уваженіе. Даже свѣтскія дамы, во время поста, когда нѣтъ баловъ и оперы, приглашаютъ ихъ на свои вечера; такъ что теперь можно надѣяться, что ученые блохи и собачки не могутъ уже занимать свѣтское общество.

— Не льзое ли это доказательство общественнаго прогресса, двигателя котораго и есть художническія натуры? Пожалуй, найдутся такіе господа, которые готовы будутъ отвергать заслуги описанныхъ мною натуръ! Но это зависть въ нихъ говорить, — увѣряю васъ, что зависть! Вотъ эти-то завистники и поговариваютъ, что стыдно—де людямъ гордиться тѣмъ, что они не воруютъ изъ кармановъ платковъ, не бьютъ, кого можно бить безнаказанно, и не проповѣдуютъ дикостей; что все это превратилось въ какія-то заслуги только въ настоящемъ обществѣ, гдѣ кто кого сильнѣе да ловчѣе, тотъ того и душитъ да обворовываетъ. Развѣ, говорятъ, неизвѣстно, что человѣкъ можетъ не красть платковъ изъ кармановъ у прохожихъ, а всю жизнь вырывать изъ рукъ голодныхъ послѣдній кусокъ хлѣба? Или, что можно пальцемъ не тронуть человѣка, но избить его оскорбительными словами, обращеніемъ и изуродовать клеветою? Нѣтъ ничего легче (толкуютъ тѣ же завистники) прослать гуманизаторовъ, проповѣдывать всю жизнь нравственно-человѣческія убѣжденія и въ то же время погрязать въ развратѣ и въ продажности этихъ же самыхъ убѣждений. Положимъ, что человѣкъ строго выполняетъ даже на дѣлѣ свой благородный образъ мыслей, всю жизнь трудится для общественной пользы, — какая же тутъ естественная заслуга? Чѣмъ тутъ особенно гордиться раз-

витому человѣку, когда онъ знаетъ, что такъ и должно поступать? Неужели онъ имѣетъ право требовать себя награды за что отъ общества, искать и добиваться шумныхъ рукоплесканий, ищанья на рукахъ, обѣдовъ, гдѣ надо плакать отъ умиленія, слова будутъ высчитывать всѣ добродѣтели и доблести, которыми онъ себя украсилъ? Всѣмъ извѣстно (продолжаютъ ораторствовать завистники), что въ школахъ дѣти смѣются надъ тѣми въ своихъ товарищей, которые лѣзутъ на показъ учителямъ, добиваясь награды за прилежаніе и похвалы за нравственное свое поведеніе? — Нѣтъ, развитому человѣку, съ истинно-честными стремленіями — приносить посылно пользу обществу, — антипатична всякая публичная эффектная награда; ея могутъ желать только тѣ, кому нужно качаніемъ на рукахъ и шумными рукоплесканіями затупить внутренній голосъ, говорящій, что онъ все это дѣлаетъ изъ корысти, для прославленія своей личности и тѣмъ только усиливаетъ растлѣніе въ обществѣ. Надо, говорятъ они, отрезвить молодое поколѣніе отъ одуряющей суетной славы и мелочной жажды популярности, которая, подобно чумѣ, заражаетъ людей и превращаетъ ихъ въ спекулянтовъ и торгашей истиннаго развитія человѣчества. Вѣдь эти олимпийскіе современные боги совершенно затормозили нравственный прогрессъ, который, подобно колесу въ клѣткѣ бѣлки, вертится быстро, а впередъ не двигается. Нельзя считать общественнымъ прогрессомъ, что если, напримѣръ, въ Лондонѣ, — въ вертепѣ безобразнаго уличнаго разврата — упадетъ пьяный богачъ, то полицменъ охраняетъ его также заботливо, какъ мать охраняетъ спящаго своего младенца, и проспавшійся богачъ найдетъ цѣлыми все свои брильянты и золото. Посмотрите, какъ этотъ же самый полицменъ стащитъ съ бѣдняка, больного работника, послѣднее его платье, для уплаты налога, прикрытаго государственною законностью, будто бы во имя блага подданныхъ. Развѣ не ясно, какъ день, что меньшинство старается умышленно держать одну часть массы въ невѣжествѣ и тяжеломъ трудѣ — и голодомъ вынуждать ихъ быть рабами, а другую часть въ тоже время старается развращать морально и физически! И послѣ этого, являются еще такіе люди, которые морочатъ голодную массу, увѣряя, что заботятся о ея бѣдственномъ положеніи, и съ каждымъ днемъ придумываютъ все новыя средства къ тому, чтобы въ обществѣ никакъ не могло родиться и жить здоровое поколѣніе и тѣломъ и духомъ, неспособное гордиться ни извѣщеніемъ.

спасень, ни воспаривши выставками, ни изобрѣтеніемъ пушекъ, убивающихъ однимъ выстрѣломъ цѣлую тысячу людей. Здоровое и тѣломъ и душою молодѣніе потребовало бы не попугаевъ, красавецъ, сѣрыхъ и смуглыхъ, которые кричатъ въ зоологическіе садахъ, припрѣлленную пѣвцу къ своимъ мѣстамъ, — штъ, это молодѣніе потребовало бы разумнаго прогресса, въ силу котораго не удовлетворилось бы желаніемъ власть заплаты на дрявое, гнилое платье, а, напротивъ, позаботилось бы посылать хорошей шовъ, выткать крѣпкое полотно и скротъ прочную, здоровую общественную и государственную одежду....»

Вотъ какъ разсуждаютъ завистники! Но, слава Богу, что эти пессимистовъ никто не слушаетъ въ цивилизованномъ обществѣ; развѣ какой нибудь самоучка-юноша, сидящій на чердакѣ, подумаетъ:

Ай носыма, звать, она сильна,
Что лавъ на слона!

И когда же эти люди вздумали отвергать общественный прогрессъ!—Въ то же время, когда всѣ наши великіе умы рѣшили, что Россія сдѣлала гигантскій шагъ на пути развитія, и если будетъ такъ шагать впередъ, то одряхлѣвшей Европѣ придетъ конецъ, потому что мощныя силы нашего любезнаго отечества уничтожатъ всѣ сгнившія національности... То-то наступитъ золотое времячко для художническихъ натуръ! Тогда свѣтскія дамы — даже и не въ посту — будутъ приглашать ихъ въ свои роскошныя салоны; а ужъ въ публику и не показывайтесь, господа: васъ закачаютъ до смерти признательныя сердца! Впрочемъ, тогда вѣроятно соорудится великолѣпный пантеонъ для такихъ людей и ихъ будутъ, по большимъ праздникамъ, сажать въ нишахъ и ставить передъ ними пылающіе жертвенники, а толпѣ въ это время предоставляется воскурять имъ омміамъ, между тѣмъ какъ юныя дѣвы и дѣти будутъ осыпая ихъ цвѣтами...

Я замечтался однако о золотомъ времени! Но пока еще наступитъ эта заслуженная оцѣнка художническихъ натуръ, пусть онѣ сами прославляютъ свои геройскіе подвиги, а общество пусть только урывками канаетъ ихъ на рукахъ, рукоплещетъ и задаетъ въ честь ихъ, объѣды, на которыхъ льются отрадныя слезы и говорятся блистательныя рѣчи. Это все такъ приятно, такъ трогательно, что въ то время, какъ я пишу эти строки, самъ не знаю

огнего — не слезы такъ вотъ рѣшей и льются, какъ дождикъ, у жены зрителя къ «Ревизорѣ»...

Петръ Васильевичъ, супругъ моей героини, снѣло могъ причислять себя къ художническимъ натурамъ. Обстановка всей его жизни способствовала ему развивать въ себѣ всѣ тѣ прекрасныя залоговѣ, которыми отличаются подобныя люди. Онъ былъ единственная отрасль стариннаго дворянскаго рода, записаннаго въ бархатной книгѣ, имѣлъ родителей съ барскимъ взглядомъ на жизнь. Дѣтство и юность свою Петръ Васильевичъ провелъ безмятежно въ привольи барской деревенской жизни, посреди вреданной многочисленной дворни и покорныхъ мужиковъ. Дворянскія умственныя способности Петра Васильевича блистательно развивали иностранныя гувернантки, гувернеры, дорогіе русскіе учителя, съ участіемъ крѣпостныхъ дядекъ, музыкантовъ и живописцевъ. Въ университетѣ Петръ Васильевичъ окончательно украсилъ свою художническую натуру многосторонними познаніями, что способствовало ему быстрыми шагами идти по пути развитія какъ нравственнаго, такъ и умственнаго. Много приобрѣлъ себѣ Петръ Васильевичъ преданныхъ друзей на университетскихъ скамьяхъ. Впрочемъ, его нельзя было не полюбить за его барскую, поэтическую душу, за его необычайную мягкость характера. Эти исчисленныя качества вѣдь исключительно принадлежатъ только людямъ, какъ Петръ Васильевичъ; въ другихъ сословіяхъ ребенокъ постоянно видитъ трудъ, самъ готовится къ тому же и тѣмъ, разумѣется, заглушитъ въ себѣ поэтическія стремленія; а обязательный трудъ убиваетъ въ немъ возвышенный взглядъ на жизнь. Петръ Васильевичъ если и помышлялъ о дѣятельности, то въ возвышенномъ смыслѣ. Ему никто не могъ помѣшать въ избраніи рода дѣятельности, потому что, по окончаніи имъ университетскаго курса, его родители умерли и ихъ барскій взглядъ на художническія наклонности сына не могъ быть вреднымъ. Петръ Васильевичъ такъ много и прекрасно говорилъ объ обязанностяхъ челоуѣка—быть дѣятельнымъ членомъ общества, что его слова почти равнялись дѣлу. Если онъ и велъ, повидимому, праздную жизнь, то она не могла приносить вреда ему, потому что художническая натура, подобно химическому аппарату, вырабатываетъ самый чистый спиртъ изъ всего въ жизни, который ярко горитъ, разливая свѣтъ и теплоту вокругъ себя.

Петръ Васильевичъ повезъ молодую свою жену къ богатому,

старому своему дѣдушкѣ; послѣ котораго онъ былъ наслѣдникомъ между другими родственниками. Не подумайте, читатель, что тутъ скрывался мелкій расчетъ. Нѣтъ! Петръ Васильевичъ везъ Софью Григорьевну къ богатому дѣдушкѣ съ высокими дѣлами. Вотъ, читайте его письмо къ одному дальнему его родственнику, проживавшему тамъ же: «Да, торжествуй, Федоръ, крѣстѣ со мной! Вы угадали все! Наконецъ я живу полной жизнью, потому что люблю и любимъ чистымъ поэтическимъ сердцемъ. Я совершенно счастливъ; что нашелъ существо, которое отовалось на мой призывъ и рѣшилось идти рука объ руку со мной по трудному пути моей жизни. Любовь придала мнѣ мощь, и я уяснилъ отчетливо свое назначеніе. Теперь всѣ мои колебанія въ выборѣ дѣятельности, моя апатія, однимъ словомъ— все матеріальное спало съ меня, и я весь проникся одними духовными стремленіями. Міръ обновился для меня, природа получила въ моихъ глазахъ еще болѣе поэзіи, потому что я не одинъ люблю роскошнымъ закатомъ солнца, звѣзднымъ чуднымъ небомъ. Гете, Шиллеръ—неразлучны съ нами: Казалось, я ихъ изучилъ хорошо, но читая съ ней, я все болѣе и болѣе открываю гениальности въ этихъ поэтахъ. Бетговенъ, Моцартъ также понятны мною теперь вполне, потому что ея музыкальная натура передаетъ мнѣ этихъ композиторовъ въ совершенствѣ. У ней артистическая душа и я повезу ее въ Италію: тамъ мы обойдемъ эту сторону пѣшкомъ, какъ артисты, изучимъ съ ней музыку.... Для меня стало ясно, что надо сдѣлать искусство насущнымъ хлѣбомъ толпы, чтобъ грубый матеріализмъ палъ ницъ предъ духовной жизнью. Счастье свое я искупилъ тяжелыми страданіями и борьбой съ деспотизмомъ родительской власти. Любовь побѣдила, и я скоро женюсь. Мать сомнѣвалась, сдѣлаю ли я ея дочь счастливой: вотъ причина ея сопротивленія нашей любви. Насилу она поняла, что мы уже на столько развиты, на столько уважаемъ женщинъ, что изъ своихъ женъ не дѣлаемъ рабынь, или игрушку, а смотримъ на женщину, какъ на разумное существо, равное намъ. Разумѣется, назначеніе женщины — любовь, наше же, болѣе суровое — карать пороки и направлять массу къ развитію духовныхъ началъ въ ней. Я спѣшу скорѣе вывезти ее изъ пошлой среды, въ которой она родилась. Женственная возмущенная душа Надежды Кондратьевны протянетъ ей руку и своимъ благотворнымъ вліяніемъ разовьетъ въ ней женственность и сочувствіе ко всему высокому и прекрасному.... Я убѣж-

дочь, что эти женщины горячо полюбят друг друга и тѣмъ укрѣпятъ нашу союзъ. Вы всѣ необходимы мнѣ, безъ васъ я не могу быть вполне счастливъ. Я хочу, чтобы вы раздѣлили со мной мою радость, какъ дѣлили мою скорбь. Прощайте! Скоро, скоро я обниму васъ всѣхъ.»

Въ этомъ же письмѣ была вложена маленькая записочка:

«Федоръ, ты могъ бы жестоко меня оскорбить, если бы совесть моя не была чиста. Сспособенъ ли я имѣть гусарскій взглядъ на женщину? Кто бы она ни была, но ея любовь возбуждаетъ ее въ моихъ глазахъ. Скажи Катѣ, что я останусь навсегда ея другомъ. Деньги вышлю ей немедленно. Нѣтъ, я неспособенъ поступать дурно, и тѣмъ болѣе съ женщиной! Я понимаю, твои симпатическая натура была потрясена скорбью женщины, и ты потому былъ такъ суровъ со мной. Я понялъ это и не только не сержусь, но горжусь твоимъ возвышеннымъ сердцемъ, которое всегда на сторонѣ страждущаго и слабого.»

Точно Федоръ Федоровичъ считался за самаго симпатичнаго человѣка. Его жизнь исключительно была посвящена искусству и онъ наслаждался имъ, какъ никто, и свои наслажденія такъ умѣлъ передавать другимъ, что грубые новѣжды закладывали души и ѣхали смотрѣть на Мадонну Рафаэля.

Федоръ Федоровичъ не былъ очень старъ лѣтами, но вѣроятно изученіе искусствъ преждевременно состарило его, такъ что Софья Григорьевна, при взглядѣ на него, сочла его уже за старичка, но она жестоко ошиблась. Федоръ Федоровичъ былъ еще съ пылкой душой; еслибы она заглянула въ его письма, въ которыхъ онъ описывалъ свою послѣднюю любовь, то она подивилась бы. Федоръ Федоровичъ обладалъ удивительнымъ качествомъ—это писать письма съ литературной отдѣлкой. Сколько въ нихъ было тончайшаго анализа женской любви, своихъ мельчайшихъ ощущеній въ самыхъ страстныхъ минуты! Эти письма читались всѣми, и любовь его той женщины дѣлалась общимъ достояніемъ. Если Федоръ Федоровичъ продолжительно не могъ никого любить, то это вина вѣроятно женщинъ,—онъ самъ объявлялъ объ этомъ такъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Петру Васильевичу:

«Въ насъ слишкомъ много потребности измѣннаго, мы не можемъ вывести ни малѣйшаго диссонанса съ нашимъ поэтическимъ взглядомъ на любовь. Намъ коробитъ одна фальшивая нота въ исполненіи сонаты Бетховена; такъ и въ женщинѣ — одно

нелепное слово, одинъ жестъ наноситъ смертельный ударъ любви къ ней. Мы требовательны потому, что наша любовь не одна чувственная, но и духовная въ то же время. Надо намъ только вслѣдствіе то, чѣмъ должна быть женщина въ нашихъ глазахъ, и наша любовь будетъ продолжительна. Не мы непостоянны, это не вина нашего чувства, — запретивъ, это въ насъ достоинство, что наше сердце неспособно погрязнуть въ животныхъ отношеніяхъ къ тому существу, которое владѣло имъ, пока незія любви не испарилась въ женщинѣ.»

Евдоргъ Евдоровичъ былъ достаточный человѣкъ, могъ какіе-нибудь питать надежды на часть наслѣдства отъ богатаго родственника. Но, разумѣется, онъ объ этомъ и не думалъ, а проживалъ лѣтомъ въ деревнѣ у старика, для поправленія своего здоровья, изъ любви къ сельской жизни. Надежда Кондратьевна, которой поручалъ Петръ Васильевичъ свою жену, вдовствовала уже девятнадцать лѣтъ. По лѣтамъ и по наружности она была нежидкая женщина, но по пылкому сочувствію своего сердца она могла бы поспорить даже съ самой молодой женщиной. Всѣ, кто были знакомы съ ней, всѣ питали къ ней глубокое уваженіе за ея необыкновенную женственность. Надежда Кондратьевна объясняла такъ свою женственность:

— Мы обязаны, во имя женственности нашей, сочувствовать горячо всему прекрасному и жить одними самопожертвованіями; только свято исполняя наше назначеніе, мы достойны будемъ стать на равную степень съ мужчинами.

Лишившись мужа, Надежда Кондратьевна посвятила себя материнскимъ обязанностямъ. Она очень хорошо и трогательно всегда говорила объ этомъ предметѣ и отдавала должную благодарность Сергѣю Игнатьевичу, проживавшему въ ея домѣ со смерти ея супруга.

Вотъ что говорила вдова объ этомъ господинѣ:

— Сергѣй Игнатьевичъ — это благороднѣйшая душа. Она спасъ меня отъ той страшной апатіи, въ которую я впадала, послѣ жестокаго удара судьбы. Я бы не вынесла одна всѣхъ моихъ страданій; но силой своего благороднѣйшаго сердца онъ вырвалъ меня изъ апатіи и указалъ на святые мои обязанности, какъ матери. Для этого онъ принесъ въ жертву всю свою карьеру и былъ моимъ руководителемъ въ моихъ трудныхъ обязанностяхъ — воспитать будущихъ членовъ общества. Такія жертвы надо прѣнзять высоко!... И я свою благодарность стараюсь выразить сочувст-

вѣемъ къ его занятіямъ, — теплымъ словомъ согрѣвъ его дружелюбную жизнь.

Наде отдавъ справедливость, что Надежда Кондратьевна, spite выполнила на дѣлѣ свою признательность къ Сергію Игнатьевичу, — такъ что грубая дворня прозвала его дармоѣдомъ. А бывший камердинеръ супруга Надежды Кондратьевны до того былъ золъ, что даже осмѣлился упрекать мѣжную мать, что раззорила имѣніе своихъ дѣтей, ублажая дармоѣда. Когда же Надежда Кондратьевна рассказывала о занятіяхъ Сергія Игнатьевича и страшилась за его здоровье, — злобный лакей ворчалъ въ передній:

— Да, очень-то этотъ дармоѣдъ будетъ убиваться въ работѣ, — спать или курить у себя въ кабинетѣ! Меньше бы пить шампанскаго да обжирался, голова бы не болѣла, да и спрото-во не разорялъ бы.

Однако, что я дѣлаю! — передаю грубое воззрѣніе лакея на жизнь благороднѣйшихъ людей. Поспѣшу лучше къ опозданно встрѣчи Софьи Григорьевны, всѣми этими лицами.

Несмотря на дождь и темноту, всѣ доѣхали настрѣгу молодымъ. За нѣсколько верстъ отъ села, оба экипажи столкнулись; объятія, поцалуи, восклицанія и обоюдная рекомендація происходили среди поля, въ тощкой грязи и подъ предвѣснымъ дождемъ. Обѣ женщины, столько наслышавшись похвалъ другъ другу, горѣли нетерпѣніемъ — убѣдиться, гармонируетъ ли наружность съ душевными качествами. Пока ѣхали они, дамы посадили вмѣстѣ, въ каретѣ, а кавалеры сѣли особо. — Надежда Кондратьевна развернула предъ молодой всю свою сердечную теплоту; сжимая крѣпко ея руки, женственная натура, какъ сладкій ручей, безостановочно журчалъ всю дорогу.

— Благодарю, благодарю васъ, Софи! — начала Надежда Кондратьевна: — что вы избрали нашего Пьера. Мы васъ всѣ горячо полюбимъ за это, вы намъ дороги теперь не по устамъ крови, а какъ новый членъ нашего маленькаго кружка, который — не есть случайность, а разумное соединеніе людей, съ одинаковымъ образомъ мыслей, съ одинаковыми интересами въ жизни. Вы никогда не расклетесь въ выборѣ вашего сердца, потому что вы будете руководимы достойнѣйшимъ человекомъ и окружены замѣчательными личностями. Когда вы покороче узнаете Федора Федоровича, вы будете благоговѣть передъ его симпатичной натурой. Онъ вамъ много можетъ доставить сладкихъ минутъ въ жи-

его, его пониманіе искусства, его образованіе, его задушевныя слѣды встывать вамъ любить его братски.... Сергій Игнатьевичъ такіе во многомъ можетъ быть вамъ полезенъ; его обширныя понятія, его благороднѣйшее сердце, его вѣрный взглядъ на высокое значеніе женщины въ наше время—уделить вамъ ваши высокія обязанности, въ жизни женщины.

Все въ этомъ родѣ вела свою рѣчь Надежда Кондратьевна съ молодой, которая чувствовала безотчетный страхъ при одной мысли, что должна будетъ жить среди такихъ рѣдкостей, сознавая искренне свое ничтожество предъ ними.

Наконецъ обѣ женщины могли удовлетворить своему нетерпѣливому желанію—видѣть другъ друга въ лицо,—и Софья Григорьевна окончательно оробѣла при видѣ пожилато, но красивато лица Надежды Кондратьевны.

«Я думала, она похожа на мою мать», мысленно разсуждала молодая, разглядывая маленькіе глаза женственной природы и, къ ужасу, отирывая въ нихъ что-то холодное и злос, не смотря на вѣжливую улыбку, на горячія пожатія рукъ и сладкія рѣчи. Сергій Игнатьевичъ показался молодой вовсе не особенно привлекательнымъ, а Федоръ Федоровичъ удивлялъ ее.—«Такой старій, а еще влюбляется», подумала молодая. Петръ Васильевичъ былъ сильно растроганъ,—онъ держалъ слѣдующую рѣчь къ родственникамъ:

— Полюбите ее, какъ любите меня, руководите ея чистымъ сердцемъ и мы всѣ вмѣстѣ составимъ одно цѣлое, прекрасное семейство, въ которомъ я буду черпать запасъ своихъ силъ; впрочемъ, я и теперь готовъ съ улыбкой принять мученичeskій вѣнецъ за свое убѣжденіе, потому что испыталъ все высокое счастье любви и дружбы.

Эта рѣчь имѣла потрясающее дѣйствіе,—долгія и горячія объятія, даже слезы послѣдовали за ней.

Красивая наружность молодой очень понравилась Федору Федоровичу и Сергію Игнатьевичу, которые долго въ одну ночь бесѣдовали о ней.

— Милая, милая!... Я къ ней чувствую аттракцію, сладкимъ голосомъ говорили Федоръ Федоровичъ.

— А я такъ просто чувствую зависть къ Петру Васильевичу, потому что—откровенно сказать—онъ не можетъ вполне наслаждаться такою женщиной; онъ привыкъ къ дамамъ совершенно другаго сорта, возражалъ Сергій Игнатьевичъ.

— Правда, она слишкомъ неопытна и молода для этого. — Она напоминаетъ мнѣ юную вакханку, которая только-что смутно почувствовала, что за ея спиною въ ея крови, и эта стыдливая красна какъ свѣжа въ ней. — Милая, желственная личность!

На эту тему долго продолжался интимный разговоръ.

Первые дни все шло какъ по маслу, — Надежда Кондратьевна была неотлучно при молодыхъ и посвящала Софью Григорьевну въ свои страданія, въ свои самопожертвованія, и являлась во всемъ блескѣ своихъ добродѣтелей. Федоръ Федоровичъ все сильнѣе чувствовалъ къ молодой нѣжную аттракцію. Сергій Игнатьевичъ былъ также очень любезенъ съ молодой. Но странно, — Софья Григорьевна все-таки чувствовала себя между этими людьми точно заблудившейся въ лѣсу, и не разъ сердце ея билось нугливо, и безотчетное желаніе было — бѣжать отъ нихъ. Насторожить слухъ и зрѣніе, она напряженно прислушивалась ко всему, во все пристально всматривалась; точно ждала чего-то необыкновеннаго. Для Софьи Григорьевны была такъ нова ихъ жизнь, полная поэзии, безконечные анализы своихъ душевныхъ, высокихъ ощущеній, толки объ искусствѣ, о мировыхъ вопросахъ. Въ такихъ бесѣдахъ она невольно чувствовала себя неравной и ея самолюбіе должно было страдать.

Прошло нѣсколько недѣль, съ пріѣзда молодыхъ. Надежда Кондратьевна, сидя въ своей гостиной, задушевно бесѣдовала съ своими пріятелями:

— Нѣтъ, Федоръ Федоровичъ, мой слабый, женскій умъ отказывается разгадать ее.

— Что тутъ и разгадывать — пустая натуралка! раздражительно отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ.

— Бываютъ личности безъ всякаго внутренняго содержанія, произнесъ глубокомысленно Сергій Игнатьевичъ, покуривая сигару.

— Просто дрянь, дрянь! болѣе озабочаясь, твердилъ Федоръ Федоровичъ.

— Боже мой, какъ все это ужасно! въ отчаяннѣйшій воскликнула Надежда Кондратьевна. — Нашъ Пьеръ впалъ въ душевную апатію; онъ, вѣрно, начинаетъ понимать, что его прекрасная душа не нашла отголоска въ ея матеріальной натурѣ. Но что будетъ съ нимъ, если онъ увидитъ ясно, что она старается стать между нами и имъ, что она всѣмъ нашимъ усиліямъ развить ее — приписываетъ что-то страшное. Это убить его!

— Что же дѣлать, милѣйшая Надежда Кондратьевна! нельзя же, чтобъ пошлая натурошка взяла надъ нимъ власть. Она много воображаетъ о себѣ! Ей надо доказать, что въ ней нѣтъ н-во-лосъ женственности, и человѣкъ развитый не можетъ имѣть къ ней аттракціи. Да-съ, нельзя, нельзя!

Одору Одоровича; въ эту минуту, нельзя было узнать; вся она сигура выражала злобу.

— Да, весь трагизмъ нашей жизни происходитъ оттого, что въ нее врываются чуждыя нашимъ убѣжденіямъ личности и хотятъ подчинить насъ своему пошлomu влиянію, — съ неприступной важною возразилъ Сергій Игнатьевичъ.

Надежда Кондратьевна съ мольбой обратилась къ обоимъ:

— Ради Бога, берегите вы его въ скорби!

— Будьте покойны, добрѣйшая Надежда Кондратьевна, утѣшительно сказалъ Федоръ Федоровичъ. — Мы только покажемъ ему, что онъ долженъ въ энергической борьбѣ искать себѣ свободы и не поддаваться вредному влиянію.

— Въ борьбѣ человѣкъ крѣпнетъ духомъ, подхватилъ Сергій Игнатьевичъ.

— Да и способенъ ли Петръ Васильевичъ впасть въ филистерскій кретинизмъ? задалъ вопросъ Федоръ Федоровичъ.

— Разумѣется, его поэтическая душа неспособна на это, отвѣчала Надежда Кондратьевна.

— Индиферентизмъ гибеленъ во всемъ, замѣтилъ Сергій Игнатьевичъ. — Мы обязаны вызвать его изъ этой инерціи.

— Да, необходимо, необходимо показать ему, — что она такъ оная окрылся воскликнулъ Федоръ Федоровичъ и, обратясь къ Надеждѣ Кондратьевнѣ, продолжалъ: — вы должны уже дѣйствовать. Головь женщины будетъ важенъ для него въ этомъ дѣлѣ.

— Для счастья Пьера, я готова на всякую жертву, въ слезахъ отвѣчала Надежда Кондратьевна.

Много было причинъ, почему Софья Григорьевна вооружила противъ себя замѣчательныя личности. Первая и главная ошибка молодой состояла въ томъ, что она была неопытна, слишкомъ увлекалась своими личными впечатлѣніями и неблагоуразумно высказывала ихъ. Влюбленной женщинѣ показалось, что Надежда Кондратьевна будто бы хочетъ оспоривать у ней любовь Петра Васильевича и для этого иѣшаетъ имъ быть вмѣстѣ: не только весь день, но и часть ночи Петръ Васильевичъ

проводилъ на ея половинѣ, бесѣдуя въ ихъ обществѣ. — Ни прогулокъ, ни чтеній болѣе не составлялось у молодыхъ; если садились читать, по долговому настоянію Софьи Григорьевны, то являлись записки отъ Надежды Кондратьевны, и Петръ Васильевичъ озабоченно спѣшилъ на ея половину и тамъ погрязалъ до разсвѣта. Съ каждымъ днемъ Софья Григорьевна увѣряла себя, что имѣеть неопровержимыя доказательства въ недоброжелательствѣ къ ней Надежды Кондратьевны, что Надежда Кондратьевна способна питать злобу къ людямъ, при всѣхъ своихъ разсказахъ о сострадательномъ своемъ сердцѣ, что добрая женщина неспособна была бы такъ презрительно обходиться съ двумя бѣдными женщинами, проживавшими въ домѣ старика; особенно возмущали Софью Григорьевну преслѣдованія ея умной и предоброй разливательницы чая, участь которой была печальна и вызывала сочувствіе, а вовсе не презрѣніе къ ея сиротству, бѣдности и загнанности. Но Софья Григорьевна не ограничивалась неприязнью къ одной Надеждѣ Кондратьевнѣ; ей былъ противенъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ съ своей аттракціею, въ которой будто бы скрывалось явное волокитство. Софью Григорьевну возмущало такое предательство, и она не скрывала своего отвращенія къ нему. О Сергѣѣ Игнатьевичѣ она не могла сказать въ точности, что въ немъ дурно, но находила страннымъ его поведеніе съ ней; онъ совершенно измѣнялъ свое обращеніе въ присутствіи Надежды Кондратьевны, которая не скрывала досады, когда находила его бесѣдующаго съ ней. Однимъ словомъ, Софья Григорьевна открывала въ каждомъ что нибудь дурное и убѣждалась, что во всѣхъ нихъ гибель пороковъ. Она старалась скрывать отъ Петра Васильевича свои открытія, потому что сама пугалась ихъ; но замѣтивъ, что Надежда Кондратьевна всѣми силами старается колоть ее своими превосходными качествами, развитіемъ ума и познаніями, оспоривать у ней любимаго человека, она рѣшилась открыть все Петру Васильевичу и была поражена, что онъ былъ уже предупрежденъ насчетъ ея неприязненныхъ чувствъ ко всѣмъ.

Надежда Кондратьевна, какъ развитая женщина, съ женственнымъ тактомъ, приступила съ объясненіями къ Петру Васильевичу, о враждебности его жены къ ней слѣдующимъ образомъ:

— Она еще дитя, Пьеръ, задушевнымъ тономъ говорила Надежда Кондратьевна. — Намъ надо много трудиться надъ ея

развѣтѣмъ, чтобъ заставить ее сочувствовать всему, что ты носишь высокога въ своей груди и отъ чего ты такъ глубоко страдаешь. Софи, какъ дитя, перетолковываетъ это все охлажденіемъ къ себѣ и не понимаетъ, что надо согрѣть страдальца женственныиъ теплымъ участіемъ. Я, Пьеръ, свято исполняю свой долгъ; несмотря ни на что, буду выполнять его всегда. Твое счастье и горе близки моему сердцу. Я вижу все, что дѣлается въ твоей нѣжной и любящей душѣ. Я боюсь одного, что всѣ мы сдѣлали ошибку и вдругъ слишкомъ много требовали отъ нея. Намъ надо было помнить ея дѣтскій еще взглядъ на жизнь и людей; снисходить къ ея извинительнымъ слабостямъ, а потому она не поняла насъ. Пьеръ! воскликнула умоляющимъ голосомъ Надежда Кондратьевна, схвативъ руку Петра Васильевича, хотѣвшаго что-то возразить на это: — умоляю тебя, не подумай, чтобъ я была настолько мелочна, чтобъ отъ ея холодности и непониманія меня, мое рвеніе развить ее уменьшилось бы во мнѣ. Нѣтъ! я, — мы всѣ сильнѣе будемъ трудиться надъ ея развѣтѣмъ и побѣдимъ въ ней недоувѣріе, запавшее въ ея дѣтскую душу отъ грубаго вліянія невѣжественныхъ и завистливыхъ натуръ. Ты только не огорчайся и не безпокойся; мы не дадимъ восторжествовать низкимъ разсчетамъ и охранимъ твое счастье!...

Сергѣй Игнатьевичъ тоже говорилъ Петру Васильевичу о его женѣ:

— Въ Софѣ Григорьевнѣ надо развивать болѣе женственности и удалять ее отъ пошлыхъ личностей; а она постоянно въ ихъ обществѣ и дичится женщины, какихъ мало. Ты, братецъ, заставь ее уважать такую замѣчательную женщину, а не сложи руки смотрѣть на все. У насъ не восточный взглядъ на женщину; ты не для гарема женился: намъ нужна женская душа, которая бы сочувствовала намъ во всѣхъ нашихъ интересахъ.

Федоръ Федоровичъ въ другомъ родѣ говорилъ съ Петромъ Васильевичемъ:

— Нѣтъ, любовь — это тонкое чувство въ человѣкѣ, оно требуетъ полной независимости. Одни французенки понимаютъ, какъ слѣдуетъ, всю поэзію аттракціи мужчинъ къ женщинамъ. Ни одна любовь не оставила во мнѣ такого пріятнаго впечатлѣнія, какъ моя Леокади. Она сама смѣялась надъ всѣми пошлостями и говорила, что развѣ можетъ человѣкъ отвѣчать завтра за свою любовь. Я прожилъ съ ней три мѣсяца, уѣхалъ въ Италію, вернулся въ Парижъ, и мы встрѣтились какъ друзья. Я

проводилъ у ней блаженные вечера; она жила тогда съ музыкантомъ-нѣмцемъ, и я упивался его игрой Бетговенскихъ сонатъ.... Вотъ гдѣ настоящая поэзія любви, а не въ пошлыхъ, филистерскихъ условіяхъ, которыя невыносимы развитому мужчинѣ.

Мнѣ тоже кажется, что Федоръ Федоровичъ совершенно правъ насчетъ поэзіи любви. Въ самомъ дѣлѣ, что это за любовь, которая налагаетъ на людей какія-то нелѣпыя обязанности? То ли дѣло, свобода чувствъ! Пожили вмѣстѣ и покойно разошлись.... Подумайте-ка, читательницы, что наконецъ вамъ пора отбросить всѣ ваши скучныя претензіи на какія-то обязанности въ любви и понять, что вы дѣлаете своими жертвами бѣдныхъ мужчинъ.... Я знаю, вы сейчасъ заплачете и скажете: «какъ! какая же это любовь?» — Самая поэтическая, потому что свободная. — «А дѣти?» спросите вы. — Ну вотъ, я такъ и зналъ, что вы заговорите о дѣтяхъ. Какое же это препятствіе къ свободной любви? Слава Богу, Руссо, кажется, можетъ служить для васъ авторитетомъ, высказавъ, въ своей Элоизѣ свое понятіе о любви, а въ своемъ Эмилѣ — возвышенный взглядъ на воспитаніе дѣтей и на важность его для общества; между тѣмъ, своихъ, всѣхъ восемь человекъ, дѣтей отослалъ въ воспитательный домъ, и въ глаза никогда не видалъ бѣдняжекъ. Надѣюсь, что вамъ нечего возразить противъ такого довода. Пора и пора, повторяю я, перестать, во имя какихъ-то ложныхъ обязанностей, носять на свободу бѣдныхъ мужчинъ и мѣшать имъ — какъ можно чаще обновлять свои пламенные сердца новыми чувствами. Женщина, лишшающая мужчину такихъ законныхъ правъ, достойна всеобщаго порицанія, и по дѣломъ наказана, если бываетъ несчастна въ жизни.

Петръ Васильевичъ жестоко оскорбилъ жену тѣмъ, что всѣ ея страданія и жалобы приписалъ дѣтству и непониманію окружающихъ ее лицъ. Молодые погорячились; Софья Григорьевна плакала и доказывала, что они виноваты во всемъ; но Петръ Васильевичъ и слушать не хотѣлъ и устроилъ трогательное примиреніе, послѣ котораго Надежда Кондратьевна приняла съ молодой высокопарный тонъ и оскорбляла ее своими искренними софтвами.

— Вы, Софи, говорила она молодой: — должны гордиться, что живете среди людей, у которыхъ такой возвышенный взглядъ на женщину, а потому вамъ надо стараться стать на одну ступень съ нами, по развитію ума и сердца. Тѣрь и мы

всѣ не можемъ уважать тѣхъ, кто не раздѣляетъ нашего образа мыслей на жизнь. Всякая любовь исчезаетъ отъ неравенства образованія....

Все въ такомъ родѣ давались совѣты молодой; даже Федоръ Федоровичъ не стѣснялся, говоря съ ней: у него голосъ сдѣлался злобень, вся прежняя сладость въ немъ пропала.

— Чтобъ судить-сь, надо сперва поучиться; да-сь, читать и много испытать, возражалъ онъ на каждомъ шагу Софья Григорьевнѣ. — Вѣдь нельзя же воображать о себѣ такъ много, что можешь судить о серьезныхъ вещахъ, не имѣя о нихъ никакого понятія. Поучитесь, да, — поучитесь сначала!...

То же самое было, когда дѣло шло о музыкѣ.

— Нельзя-сь, это смѣшно! Разыгрывать сонаты Бетгоvena, когда надо еще гаммы играть. Да и знаете ли, что одного механизма не достаточно для игры, — надо имѣть развитой музыкальный вкусъ, чтобъ была недюжинная натура. А то лучше играть кадрилички.

Софья Григорьевна совершенно бросила музыку, потому что не желала выслушивать совѣты и замѣчанія Федора Федоровича, и вообще избѣгала бывать на половинѣ Надежды Кондратьевны. Какъ видите, нерадостно жилось Софья Григорьевнѣ.

ГЛАВА IV.

Въ нижнемъ этажѣ дома, какъ разъ подъ половиной, которую занимала Софья Григорьевна, находилась комната, въ которой уже нѣсколько лѣтъ не выставляли зимнихъ рамъ, и воздухъ не проходилъ въ нее; двери въ нее были обиты войлокомъ и сукномъ, какъ будто выходили прямо въ сѣни; полъ былъ обитъ сукномъ и устланъ еще коврами, такъ что надо было имѣть большую привычку, чтобы ходить по немъ не спотыкаясь. Въ этой закуоренной комнатѣ воздухъ пропитанъ былъ лекарственнымъ запахомъ, и всюду видѣлись различные аптечные пузырьки и коробочки. Двѣ банки съ пиявками красовались на окнахъ; большой стеклянный шкафъ былъ уставленъ недопитымъ лекарствомъ и пустыми стеклянками.

Въ огромномъ креслѣ, обложенный подушками, сидѣлъ старикъ, въ двухъ халатахъ: одинъ ватный, шелковый, другой — бѣлый, кацифасный; на головѣ старика былъ надѣтъ бѣлый, вя-

занный колпакъ; ноги, обутыя въ плисовые сапоги, лежали на скамейкѣ и были покрыты какимъ-то теплымъ одѣломъ.

Лицо старика было длинно и желто, сверхъ того, дрябло, и покрыто крупными морщинами, подбородокъ острый; носъ формою походилъ на клювъ хищной птицы, а губы—то какъ бы жевали, то складывались въ неприятную, злобную улыбку; маленькіе глаза, съ какимъ-то желтымъ блескомъ, такъ и сверкали изъ-подъ ключевъ полусѣдыхъ бровей и невольно поражали противорѣчіемъ съ аптечной обстановкой комнаты и съ натянутымъ болѣзненно-плачевнымъ выраженіемъ лица, которое однако то и дѣло измѣнялось въ самое ехидное.

Старикъ держалъ свои желтыя и сморщенные руки на ручкахъ кресель, и быстро каталъ и мялъ пальцами восковые шарикъ, — видно было, что онъ въ этомъ упражнялся очень много. За раскрытымъ бюро сидѣла дѣвушка, въ бѣдномъ и изношенномъ платьѣ, съ перомъ въ рукѣ; передъ ней лежала огромная, конторская старая книга. Лицо дѣвушки было низко опущено надъ книгой, а коротенькіе волосы скрывали ея впалыя щеки и лобъ, уже съ начертанными слегка морщинами, хотя дѣвушкѣ было не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ. Во всей ея худощавой фигурѣ видно было какое-то утомленіе, и лицо было полно выраженія загнанности; черныя, большіе и красивые глаза были опущены въ книгу, и слезы такъ и стучали о ея желтыя, толстыя листы, и гдѣ падали эти слезы, тамъ бумага коробилась, какъ бы припухала. Одна, худая, маленькая ея рука была судорожно прижата къ груди, а въ другой — она держала перо, готовое для писанія.

Старикъ тихимъ, но шипящимъ и злобнымъ голосомъ началъ:

— Да-съ, мы хотимъ быть барыней! У насъ въ головѣ все романы да рыцари. — Гдѣ же такой особѣ ходить за больнымъ!... Пишите, сударыня! повелительнымъ тономъ прибавилъ онъ: «языкъ по краямъ былъ бѣлъ, сухость во рту».... Число-то выставте! У васъ въ головѣ одни женихи, вамъ хочется двоюродника подцѣпить, для этого вы готовы на все. Ну, да дѣлайте, что хотите; не только стригите себѣ голову, но хоть, какъ турка, выбрейтесь.... «Десять капель принято въ семь часовъ, а въ десять — двѣ пилюли».... Голосъ старика всегда принималъ болѣзненное выраженіе, какъ только рѣчь шла о его здоровьи, — что впрочемъ дѣлалось каждое утро и каждый вечеръ.

— Вы забыли русскую поговорку?— «бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ». Да-съ.... Прошу не сморкаться, а писать хорошенько.... «Аппетиту никакого, выпита чашечка чаю, да потомъ черезъ силу выпита еще чашка бульону и съѣдено два яйца въ сметку....» Охъ! ай! застоналъ старикъ.

Дѣвушка быстро подошла къ креслу и недовѣрчиво смотрѣла, какъ старикъ охалъ и метался; но вдругъ онъ прекратилъ свое оханье и уставилъ на нее глаза.

— А, а, а! — вы изволите плакать?... Васъ тиранятъ, вамъ не даютъ бѣгать по лѣсамъ? грозно допрашивалъ старикъ и, выдвинувъ ящикъ, у маленькаго столика, съ лекарствами, стоявшаго возлѣ него, подаль дѣвущкѣ засаленный пакетъ и патетично, но грозно произнесъ:

— Возьмите, сударыня, тутъ деньги вамъ на дорогу; поѣжайте съ Богомъ, куда вамъ угодно. Я вижу, что мой домъ вамъ тягостенъ, и я не могу видѣть вашихъ слезъ.

Дѣвушка глотала слезы и стояла блѣдная и неподвижная, точно статуя скорби.

Старикъ плачевно заохалъ и, принявъ болѣзненную позу, слабымъ голосомъ спросилъ ее:

— Вы убить меня хотите, измучить вашей неблагодарностью? О, Господи, Господи!

— Простите! съ трудомъ выговорила дѣвушка.

— Вы прощенья просите; но вѣдь вы увѣрены, что такъ и вадю поступать съ больнымъ человѣкомъ, съ вашимъ благодѣтелемъ: пусть его скорѣе умираетъ! — Да, вы желаете моей смерти. — Вы думаете, вотъ-то я какъ славно зажила! Но ошибаетесь, сударыня. Я вамъ ничего не оставляю. Если у меня есть кое-какія крохи, — я ихъ долженъ отдать своимъ законнымъ наследникамъ, которые меня любятъ, берегутъ и уважаютъ.

Старикъ говорилъ это довольно смиренно, и только его пальцы еще быстрѣе прежняго катали шарики.

— Я никогда не думала объ этомъ, съ легкой краской проговорила дѣвушка.

— Конечно, что деньги суета! Шалашъ да любовь — вотъ вамъ что нужно. — Оно такъ слѣдуетъ; всѣ героини въ вашихъ романахъ такъ рассуждаютъ....

И вдругъ, сбросивъ съ себя болѣзненный видъ, старикъ злобно продолжалъ:

— Въ романахъ такъ можно рассуждать, а вамъ, сударыня,

нельзя, вамъ надо ѣсть, вамъ нужно платье — Давно ли я вамъ сшилъ, а вотъ теперь вы ужъ засылаете просить другое. Вы думаете, что васъ вездѣ будутъ кормить также даромъ, какъ въ моемъ домѣ. Вѣдь вы что дѣлаете? чай разольете, но это безъ васъ сѣмѣютъ сдѣлать.

Дѣвушка слушала старика покорно, и только ручьи слезъ тихо катились по ея лицу.

— Извольте идти; я найду себѣ, кто мнѣ запишетъ въ журналъ, что слѣдуетъ. Позовите ко мнѣ вашего друга. Я вотъ поразкажу ей, что вы за другъ.

Дѣйствіе этихъ словъ было страшное: дѣвушка помертвѣла, ухватилась за спинку кресель, и изъ ея груди вылетѣлъ вопль.

Старикъ ожилъ, его желтые, злые глаза забѣгали, и онъ какъ бы упиваясь отчаяньемъ дѣвушки, угрожающимъ голосомъ продолжалъ:

— Вы провести меня хотѣли? — Нѣтъ-съ, Олимпиада Федоровна, я хоть и старъ и боленъ, но вамъ меня не перехитрить. Я все, все вижу!... Да мнѣ что, — я вамъ не запрещалъ и не запрещаю; гуляйте по ночамъ, съ кѣмъ угодно; пишите любовныя письма, кому угодно, продолжайте всѣ ваши шашни!

Дѣвушка опустила на колѣни и, закрывъ лицо руками, со стономъ, умоляющимъ голосомъ произнесла:

— Я все, все буду исполнять, только не говорите ей ничего!

Старикъ, ухмыляясь, жевалъ губами и мялъ шарики.

— Я отъ васъ развѣ что требую особеннаго? сказалъ онъ. — Я прошу только, чтобы вы были заботливы и внимательны къ еле-дышащему человѣку.

— Простите! раздирающимъ голосомъ опять выговорила дѣвушка.

— Извольте встать! Я буду, пожалуй, остороженъ въ разговорѣ съ ней; но и вы извольте быть внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ!

Бѣдняжка прижала руку старика къ своимъ губамъ, оставивъ на ней капли своихъ слезъ; весь ея организмъ явно изнемогалъ отъ тяжкаго отчаянья.

Старикъ бодро всталъ съ кресель и, ловко шагая по коврамъ, наставительно произнесъ:

— Вамъ надо всегда помнить, что Надежда Кондратьевна и другія — дворянки; имъ не надо чужаго хлѣба, у нихъ свой есть; а вамъ съ нихъ примѣръ нельзя брать!... Позовите ко мнѣ

ошечку-то нашу; да вы бы хоть изъ дружбы къ ней предупредили ее, что Надежда Кондратьевна мягко стелеть, да жестко спать!...

Но надо замѣтить, что старикъ самъ старался всѣми средствами вооружать противъ Софьи Григорьевны всѣхъ, кого могъ. Чтобы возбудить зависть въ другихъ родственникахъ, онъ выложилъ на видъ черновое завѣщаніе, гербовую бумагу и дѣлалъ ясные намеки, что желаетъ сдѣлать главной своей наслѣдницей новую свою внучку. На зло Надеждѣ Кондратьевнѣ, онъ былъ нѣженъ и внимателенъ къ Софьѣ Григорьевнѣ, требовалъ ее въ свою комнату по нѣскольку разъ въ день, а вдова допускалась только утромъ, цаловать его ручку. Федору Федоровичу дозволялось не вначе входить къ нему, какъ по востребованію его самого, а Сергѣй Игнатьевичъ удостоивался лицезрѣнія старика только въ двухъ случаяхъ: когда онъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ.

Софья Григорьевна до такой степени была предупреждена противъ вдовы, что считала за лицемѣрство съ ея стороны цаловать руки у старика, смиренно выслушивать всѣ его оскорбительныя колкости, лѣстить ему, а за глаза бранить его. Но каждый благоразумный читатель пойметъ, что и Петра Васильевича, и Федора Федоровича учили родители цаловать руку у богатаго родственника, и это, разумѣется, исполнялось ими безъ всякихъ расчетовъ, а по привычкѣ дѣтства. Софья Григорьевна, не смотря на совѣтъ всѣхъ и примѣры, не цаловала руки у дѣдушки, даже съ отвращеніемъ выносила его поцалуи. Впрочемъ, этотъ почтенный дѣдушка — была такая гнусная личность, что ей повастоящему надо было вмѣстѣ съ гадами, скрываться гдѣнибудь въ подземельи, но ужь никакъ не жить при дневномъ свѣтѣ и пользоваться уваженіемъ людей независимыхъ и образованныхъ. Дѣдушка былъ воспитанъ въ строгомъ смыслѣ слова — побарски; съ раннихъ лѣтъ, онъ до безобразія былъ извращенъ звѣрскимъ деспотизмомъ родителя. Много слезъ и мукъ вытерпѣли отъ родителя и сына честные и беззащитные люди. Дѣдушка, какъ богачъ, велъ постоянно праздную и развратную жизнь. Его лицемѣрство и эгоизмъ доходили до ужасающихъ размѣровъ: онъ мучилъ и притѣснялъ съ какимъ-то страстнымъ наслажденіемъ. Въ жизни своей онъ не имѣлъ никакой привязанности, хотя притворствомъ своимъ завлекалъ не одну женщину, которая приносила въ жертву ему свою честь, за что онъ платилъ ей звѣрскими оскорбленіями. Къ старости, дѣдушка

весь погрузился въ заботы о своей гнусной особѣ и только думалъ, какъ бы ему продлить свою жизнь. — Живя постоянно, безвыходно въ своей комнатѣ, онъ развлекалъ себя слезами и страданіями окружающихъ и ему подвластныхъ людей. Скрыжничество въ немъ доходило тоже до безобразія, такъ что онъ самъ велъ счетъ каждому кусочку сахара въ домѣ и тиранилъ бѣдную старушку, которая съ давнихъ лѣтъ завѣдывала его хозяйствомъ. А потому, весь домъ былъ пораженъ, когда дѣдушка дошелъ до такой степени нѣжности къ новой внучкѣ, что выписалъ для нея конфетъ изъ Москвы. Но для Софьи Григорьевны въ тысячу разъ пріятнѣе было бы, если бы дѣдушка питалъ къ ней холодность; она всякій разъ испытывала пытку, бесѣдуя съ нимъ и подвергаясь его фамиллярнымъ ласкамъ, которыя стали мучить ее, и выходила изъ его комнаты точно изъ подземелья на чистый воздухъ. Она не могла надивиться, — зачѣмъ Петръ Васильевичъ жилъ въ этомъ домѣ, гдѣ все дѣлалось въ тихомолку, потому что боялись капризнаго деспота. Можно ли было свободно дышать тамъ, гдѣ до того развито было шпионство между дворней, что даже шефъ инквизиціи позавидовалъ бы дѣдушкѣ, такъ глубоко развратившему людей. Сидя безвыходно въ своей комнатѣ, по дикой блажи, дѣдушка зналъ за то все, что дѣлается въ его деревнѣ, въ его дворнѣ и въ домѣ. Особенно его интересовало, что дѣлается и говорится на половинѣ Надежды Кондратьевны, а потому каждое слово, каждая бутылка вина, выпитая за ужиномъ у ней, все было ему извѣстно. Очень понятно, что и новая внучка не была избавлена отъ подобнаго шпионства, и онъ, что называется, ловилъ рыбу въ мутной водѣ, упиваясь слезами и отчаяньемъ молодой женщины, противъ которой составилось чуть не ополченіе. — Какъ-то особенно не хотѣлось идти къ дѣдушкѣ Софьѣ Григорьевнѣ, когда разливательница чая передала ей его приказаніе. Молодая была озабочена наканунѣ быстрымъ, неожиданнымъ и таинственнымъ отъѣздомъ своего мужа; ея сердце чуяло что-то недоброе и предчувствіе ея подтвердилось словами Сергѣя Игнатьевича, котораго она встрѣтила въ саду, возвращаясь изъ лѣсу съ разливательницей чая, куда она ходила собирать грибы. Сергѣй Игнатьевичъ торопливо и тихонько ей сказалъ, чтобъ она въ 11 часовъ вечера вышла въ садъ, тогда онъ сообщитъ ей причину быстрого отъѣзда ея мужа и прибавилъ, что онъ дѣлаетъ это изъ участія къ ней и это должно остаться страшной тайной между ними. Софья Григорьевна

не хотѣла было идти къ дѣдушкѣ, но разливательница чая упростила ее, сказавъ ей, что дѣдушка долго ее бранилъ, что она заповѣдала вести его журналъ утромъ, и навѣрно обвинить ее въ непослушаніи своей внучки.

Софья Григорьевна съ перваго взгляда почувствовала къ бѣдной дѣвушкѣ какое-то влеченіе и искренно сострадала ея печальному положенію. Простота, умъ и отсутствіе всякой фразы ей были очень дороги въ это время.

Когда вошла молодая въ комнату, дѣдушка успѣлъ уже лечь въ постель и болѣзненно охалъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ прихода внучки, такъ что та, постоявъ съ минуту, сказала: «я позову къ вамъ Марью Васильевну,—вамъ нехорошо?...»

— Это вы?... выговорилъ слабымъ голосомъ старикъ.— Вотъ ужъ спасибо, что пришли навѣстить больнаго вашего дѣдушку.

На слова «дѣдушка» старикъ всегда дѣлалъ особенное удареніе, потому что новая внучка не называла его этимъ именемъ, даже послѣ полученнаго выговора отъ мужа.

— Ну, здравствуйте, моя милая внучка! продолжалъ старикъ, протягивая къ ней тонкія губы.

Молодая стояла недвижно.

— Здравствуйте же! Мы съ вами еще не видались сегодня, повторилъ дѣдушка.

Нечего было дѣлать,—молодая нерѣшительно приблизилась, но все еще не близко къ кровати; старикъ схватилъ ее за руку, которая невольно было отдернулась, и успѣлъ удержать ее; перебирая пальцы этой руки и жуя губами, онъ пристально-ехидно смотрѣлъ на внучку и спросилъ:

— Вы что-то грустны; не обидѣлъ ли васъ кто въ моемъ домѣ?

— Нѣтъ.... я устала, мы ходили за грибами, торопливо отъѣхала Софья Григорьевна, боясь, чтобы старикъ не вздумалъ еще помучить бѣдную дѣвушку.

— То-то! Я не потерплю, чтобъ васъ смѣлъ ктонибудь обидѣть. Я знаю, на васъ зубы точатъ, косятся.... Ихъ всѣхъ страхъ забираетъ, что я васъ полюбилъ и могу сдѣлать одну васъ своей наслѣдницей, потому что Петръ Васильевичъ способенъ протранжирить все свое состояніе.... Къ чему это вы не дворянскимъ дѣломъ занимаетесь? — вдругъ измѣнилъ разговоръ старикъ, замѣтивъ, что его слова о наслѣдствѣ не произвели никакой радости на задумчивомъ лицѣ хорошенькой внучки, ко-

торая каждую минуту томительно-тревожно силилась угадать, что за тайну может сказать ей Сергѣй Игнатьевичъ.

— Вы слышите меня! — Зачѣмъ вы сами собираете грибы? послали бы дѣвчонокъ, мало ли у меня ихъ дармоѣдничаютъ!

— Миѣ доставляетъ удовольствіе самой собирать грибы.

— Это васъ научаютъ все. — Ну, однодворцу какому нибудь оно понятно, собирать грибы можно: дома-то этимъ они, чай, только и питаются; а дворянкѣ русской, право, неприлично!... Ну вотъ вы и разсердились на меня!... Полноте, поцалуйте своего дѣдушку.

И старикъ чмокнулъ внучку въ щеку.

— Что, вамъ непріятны мои ласки? замѣтилъ дѣдушка, видя, что внучку покорило отъ его поцалуя. — Ну, да за то я васъ однихъ ласкаю, и не цалую въ то же время другихъ. Старикъ уже давно дѣлалъ своей внучкѣ подобные намеки, и она постоянно оставляла ихъ безъ вниманія; но на этотъ разъ она вздрогнула и ощутила испугъ и тоску въ сердцѣ.

Злые, желтые глаза старика заискрились изъ-подъ сѣдыхъ ключевъ бровей; губы то жевали, то ядовито ухмылялись; одной рукою онъ мялъ восковой шарикъ, а въ другой держалъ пальцы похолодѣвшей руки своей внучки.

— Вы вѣрно грустите, безъ вашего супруга? спросилъ дѣдушка.

— Да!

— Вы его очень любите?

— Да! отвѣчала Софья Григорьевна, стараясь высвободить свою руку; но старикъ держалъ ее крѣпко и тянулъ къ себѣ.

— Сядьте возлѣ меня, потолкуемъ о вашемъ муженькѣ и о его мотовствѣ. Я васъ люблю, моя миленькая!

И старикъ сильно притянулъ къ себѣ внучку, такъ что она, въ испугѣ, уперлась рукой въ его грудь, чтобъ не коснуться своимъ лицомъ его лица. Старикъ вдругъ схватился за грудь и началъ насильственно кашлять и охать, и эта мимическая сцена продолжалась нѣсколько минутъ.

— Что это вы все боитесь? Съѣмъ что ли я васъ? — О! я знаю, это все наговоры на меня: она это вамъ все жалуется! А я вотъ ее выгоню вонъ; тогда и посмотрю, кто будетъ ее держать въ домѣ только за то, что чай разольетъ.

— На васъ миѣ никто не жаловался, и она ни въ чемъ не виновата, возразила Софья Григорьевна, садясь возлѣ кровати.

— Заступайтесь; заступайтесь за нее.... узнаете еще, что она за смиренница!... Ну, потолкуемъ же о дѣлахъ!... Хотите, я вамъ дамъ полезный совѣтъ?

И дѣдушка погладилъ по темени внучку, потомъ его рука перешла на затылокъ.

— Вамъ надо держать вашего муженька въ ежовыхъ рукавицахъ, а не то вы за нимъ не услѣдите. Онъ, видите ли, любить всѣхъ, какъ своихъ братьевъ; а ужъ какой сердобольный до се-стерь! И старикъ засмѣялся.

Софья Григорьевна вырвала свою руку и съ гнѣвомъ отвѣчала ему:

— Онъ меня любить, и я никому не повѣрю, что бы ни выдумали на него!

Старикъ привсталъ съ постели; его лицо исказилось злобой, онъ быстро закаталъ шариками и принялся жевать губами, какъ бы выжидая, когда молодая немного успокоится.

— А я никому не позволю дѣлать мнѣ дерзости! зашипѣлъ дѣдушка.—Я вамъ желаю добра. Вашъ мужъ соритъ деньгами, въ надеждѣ, что я оставлю ему наслѣдство, а я ему гроша не оставлю: все Надеждѣ Кондратьевнѣ откажу. Она любитъ меня, и никогда не смѣетъ говорить мнѣ дерзости!

Старикъ съ удивленіемъ глядѣлъ на Софью Григорьевну, не замѣчая въ ней никакого испуга, при извѣщеніи, что онъ лишаетъ ее наслѣдства.

— Вы не вѣрите мнѣ? спросилъ онъ.

— Очень вѣрю. Я думаю, мой мужъ и не рассчитываетъ на ваше наслѣдство.

— А-а-а! такъ для васъ деньги тоже суета! Ну, да мы увидимъ, — много еще времени впереди! Узнаете всему цѣну, и поймете, что я вамъ добра желалъ. Вы теперь молоды, но вотъ какъ морщинки появятся, тогда увидите, что всѣ ваши вздыхатели, разыгрывающіе рыцарей и готовые за вашъ поцалуй умереть,—что всѣ они исчезнутъ, какъ комары въ осеннюю пору.... Я хоть и старъ, а люблю васъ больше ихъ; довѣрившись мнѣ, вы всю жизнь проживете припѣваючи. Я ужъ всякой развратницѣ не стану деньги давать, какъ другіе, для которыхъ все равно, хоть по міру пустить законную жену. — Будьте умненькая, не огорчайте меня; что вамъ стѣять поласкать старика? Право, старики еще честиѣе: молодой-то разомъ ласкаетъ трехъ-четырехъ, и всѣхъ обманываетъ, а ужъ старикъ такого предательства не

сдѣлаетъ. Право, вы все о цвѣточкахъ, да о рыцаряхъ думаете; вѣтъ, надо о серьёзныхъ вещахъ думать и пользоваться хорошимъ случаемъ, чтобъ обезпечить себя. Тамъ мужъ пусть себѣ будь хоть какой хочешь богачъ, а свои денежки имѣть не мѣшаетъ! На деньги, миленькая моя, все достанешь—и любаго раскрасавца, и вообще уваженіе.

Софья Григорьевна, хотя и не понимала еще вполнѣ старика, но была до того возмущена его совѣтами, что встала и хотѣла уйти.

— Куда же вы?... писать, что ли, письма къ своему мужу?— И, полноте! Да, я думаю, ему теперь не до вашихъ писемъ!

Молодая женщина заплакала. Ей стало ужасно горько и страшно отъ всѣхъ этихъ намековъ старика.

«Вѣрно что нибудь да есть же, если всѣ такъ говорить», въ отчаяньи думала она.

Дѣдушка всталъ съ постели и подошелъ къ ней съ ласками.

— Оставьте меня! Пустите! рыдая, воскликнула она.

— Что это? Какъ не стыдно вамъ такой скандалъ дѣлать — кричать на меня, какъ на лакея?— Выголову потеряли, съ вашимъ вѣтренникомъ, въ сердцахъ сказалъ старикъ и, бросая самые злые взгляды на внуку, сильно позвонилъ и приказалъ немедленно позвать Марью Васильевну; а потомъ шепнулъ еще какое-то приказаніе уже на ухо лакею. По уходѣ лакея, старикъ принялся ходить по комнатѣ, какъ-то особенно весело поглядывая на Софью Григорьевну, сидѣвшую у окна. Ея глаза, увлажненные слезами, были напряженно устремлены въ даль, точно она хотѣла проникнуть все разстояніе, раздѣлявшее ее съ мужемъ, и узнать, что онъ дѣлаетъ безъ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла старушка, съ добрымъ, но до того убитымъ лицомъ, что глядя на нее, вы какъ будто видѣли передъ собою одинъ только остовъ. Спокойствіе въ этомъ старческомъ лицѣ производило тяжелое впечатлѣніе.

— Дайте ей воды, да капель какихъ нибудь. Вы вѣдь должны знать, что нужно, чтобъ привести въ себя женщину, вѣдь вы тоже мастерица плакать были и падать въ истерикѣ!...

Этими словами старикъ встрѣтилъ вошедшую въ комнату Марью Васильевну. Старушка тотчасъ приблизилась къ молодой, съ участіемъ взглянула ей въ лицо и, молча, наливъ стаканъ воды, подала ей.

— Благодарю васъ! прошептала Софья Григорьевна, выпивъ стаканъ воды, и хотѣла сама поставить его на мѣсто.

— Что за церемоніи? Я думаю, столбовой дворянкѣ можетъ услужить купчиха! замѣтилъ старикъ. — Что же имъ и дѣлать у меня въ домѣ? Носковъ даже не свяжутъ!

— Вы знаете, что я стала слѣпа, а то бы взяла вамъ, какъ прежде, отвѣчала равнодушно старушка.

— Да, отъ слезъ, отъ слезъ потеряла зрѣніе! Скажите на-милость, какая горькая участь! язвительно улыбаясь, подхватилъ старикъ.

— Что ужъ вамъ, батюшка, говорить о моихъ слезахъ! прошептала Марья Васильевна, съ какой-то необычайной живостью, и указывая на молодую, прибавила:

— Вотъ о чьихъ слезахъ надо теперь горевать!

Старикъ молча указалъ ей на дверь, и Марья Васильевна вышла съ тупой покорностью изъ комнаты. Молодая хотѣла идти за ней, но дѣдушка насмѣшливо — вѣжливимъ тономъ удержалъ ее.

— Посидите у окошечка еще съ минуту, сказалъ онъ. — Я желаю этого! повелительно прибавилъ старикъ.

Софья Григорьевна была совершенно обезоружена этимъ приказаніемъ и сѣла у окна; а старикъ, рассказывая по комнатѣ, поминутно поглядывалъ на дворъ.

— Вотъ, дѣлай добро людямъ! твердилъ онъ:— всегда такъ, меня же язвить эта злая женщина. Вотъ и васъ подучили меня обижать. Неужто я хочу жену противъ мужа вооружить? Вотъ гдѣ какъ вы стараетесь толковать мои слова. Нѣтъ-съ, я, какъ родственникъ вашъ, требую, чтобъ вы уважали своего законнаго мужа, а главное—были бы покорны ему, потому что онъ глава; и въ священномъ писаніи сказано: «жена да повинуется своему мужу....»

Дѣдушка быстро подошелъ къ Софьѣ Григорьевнѣ и, указывая въ окно, задрожалъ отъ радости, поочередно смотря, то на внуку, то на молодую женщину, стоявшую на колѣняхъ на дворѣ, и сидившуюся поставить годоваго ребенка тоже на колѣни. Стриженные волосы, затрапезное платье, а главное—взволнованное и отчаянное выраженіе лица женщины,—все это до того испугало молодую, что она какъ-то дико вопросительно смотрѣла то въ окно, то на дѣдушку.

—Я, въ своемъ домѣ, не терплю разврата! ворчалъ старикъ.—

Три года я платилъ за нее большія деньги въ магазины; просто барыней явилась сюда,—и вотъ—съ какого поведенія оказалась... сыномъ обзавелась, да въ шелковыхъ платьяхъ вздумала ходить!—Ну, теперь спесь-то спадеть, какъ изъ швей-бѣлоручки да въ прачки попала!

— Зачѣмъ все это? Велите, ради Бога, ей встать! воскликнула умоляющимъ голосомъ Софья Григорьевна.

Дѣдушка махнулъ женщиной рукою, та встала и пошла.

— Вотъ, видите, какъ мнѣ всѣ платять за мое добро! замѣтилъ старикъ.

— Простите ее!

— Вамъ этого очень хочется?

— Я вамъ буду очень, очень благодарна. Простите ее, пожалуйста!

— Вотъ вѣдь какія вы! Когда я вамъ понадобился—вы ласково заговорили; а то даже смотрѣть мнѣ въ глаза не хотѣли. Что будешь дѣлать? Я васъ балую; чего только вы дѣлаю для васъ!

— Такъ вы ее простили? радостно произнесла Софья Григорьевна, и въ первый разъ взглянула на дѣдушку, безъ отвращенія.

— Хорошо, хорошо! Только вы вотъ хотите, чтобъ я, на старости лѣтъ, потакалъ разврату у себя дома... Охъ, грѣшить вы меня заставляете!

Старикъ повзвонилъ.

— Приведи ее! сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ нѣсколько времени дверь распахнулась и остриженная женщина переступила порогъ и попрежнему стала на колѣни. Ея лицо было блѣдно, какъ полотно, и судорожно подергивалось; глаза были опущены въ землю. Красивый ребенокъ беззаботно оглядывалъ комнату и находившіяся въ ней лица, но въ то же время, какъ бы инстинктивно, сжималъ ручонками шею матери.

— Поди, подалуй ручку у барыни: она такая добрая, упростила меня простить тебя. Смотри только, помни, что это супруга Петра Васильевича.... да,—его жена!...

Старикъ какъ-то особенно налегалъ на эти слова. Услышавъ ихъ, женщина, стоявшая на колѣняхъ, какъ-то особенно сверкнула глазами, взглянувъ на Софью Григорьевну, и точно обожгла ее; потомъ опять опустила ихъ, причемъ лицо ея покрылось баг-

ровыми пятнами, а грудь страшно подымалась отъ тяжелого, стѣсненнаго дыханія. Все это не могло ускользнуть отъ вниманія старика, и его желтые глаза быстро перебѣгали отъ одной женщины къ другой; тонкія губы совершенно замерли въ ехидной улыбкѣ, а пальцы проворно катали восковые шарики, — вѣрнѣйшій признакъ того, что онъ очень доволенъ и веселъ.

— Лизавета, что же ты не цалуешь руку у супруги Петра Васильевича? замѣтилъ старикъ. — Что-о-о? На колѣняхъ приползи! шипѣлъ старикъ, замѣтивъ сопротивленіе его приказанію.

Софья Григорьевна поспѣшно подошла къ Лизаветѣ, которая, какъ бы испугавшись, прижала судорожно къ своей груди сына и привстала съ колѣнъ. Молодая поцаловала ребенка.

— Что вы, что вы? съ притворнымъ ужасомъ воскликнулъ дѣдушка, и обратясь къ Лизаветѣ, крикнулъ на нее:

— Дура дерзкая! что ты тычешь барынѣ своего щенка-то! Ты что вскочила съ колѣнъ? Я тебѣ говорю, смотри, не вадумай зазнаваться; помни, что это супруга Петра Васильевича — твоя барыня: что она ни прикажетъ, все должна дѣлать!... Дайте ей поцаловать вашу руку — не капризничайте! обратясь къ внучкѣ, прибавилъ строго старикъ.

Софья Григорьевна покраснѣла, когда блѣдныя, дрожащія губы коснулись ея руки и вздрогнула отъ ощущенія слезъ, упавшихъ на нее.

Лизавету во все это время душили рыданія и страшная мука изображалась на ея лицѣ.

— Оставь ребенка и иди вонъ! сказалъ сурово дѣдушка.

При этихъ словахъ женщина, какъ тигрица, взглянула на Софью Григорьевну.

— Не отнимайте у нея ребенка!

— Что это вы сегодня, какъ мною понукаете?... замѣтилъ дѣдушка. — Держи его къ свѣту! прибавилъ онъ сурово, обращаясь къ Лизаветѣ, и потомъ, повернувшись къ внучкѣ, многозначительнымъ тономъ произнесъ, по французски:

— Вглядитесь хорошенько, на кого онъ похожъ?

При этихъ словахъ Софья Григорьевна почувствовала темноту въ глазахъ; каждая жилка задрожала въ ней, и она вскрикнула, выбѣжала вонъ изъ комнаты, не обращая вниманія ни на грозное приказаніе дѣдушки остаться, ни на удивленіе Надежды Кондратьевны, стоявшей въ залѣ, возлѣ дверей, ведущихъ въ комнату дѣдушки.

Прибѣжавъ къ себѣ, Софья Григорьевна предалась полному отчаянію: она рыдала и металась, какъ сумасшедшая. Горничная, испугавшись такого состоянія своей барыни, побѣжала за Марьей Васильевной. Увидя старушку, Софья Григорьевна бросилась къ ней на грудь.

— Принесите мнѣ ребенка! рыдая, упрашивала она.

— Ужь успѣли! Экіе злые лъйки! печально произнесла старушка, и ласково прибавила:—не мучте такъ себя! и на что онъ вамъ!... Богъ съ нимъ! Младенецъ чѣмъ виноветь! Да и она-то ужь намучилась за то, что молода, да глуховата была! Долго-ли пропасть бѣдной дѣвушкѣ!

Старушка была очень встревожена.

—Такъ это все правда! тяжело простонала Софья Григорьевна, какъ бы все еще не вѣря себѣ и думая, что чужое подтвержденіе могло теперь значить что нибудь.

— Дорогая моя, не плачте такъ! Будьте разсудительнѣе: безъ этого горя ужь нельзя обойтись всякой женщинѣ. Мужчины всѣ такіе, моя родная; еще не велико горе, если все это прежнее, когда онъ васъ не зналъ!... А все это Надежда Кондратьевна намутила... Разузнала, чутьемъ точно, сейчасъ дѣдушкѣ и передала.... Ужь сколько слезъ-то, слезъ-то бѣдная пролила!—Дѣло теперь прошлое, моя голубушка, Петръ Васильевичъ васъ любить. Что дѣлать, простите ему его грѣхъ! Вѣдь кого любишь, того и милуешь. Что дѣлать!

— Зачѣмъ онъ увѣрялъ меня, что одну только меня любилъ? всхлипывая, замѣтила Софья Григорьевна.

— Господи! не убивайтесь такъ! въ горѣ воскликнула старушка.—Всѣ они такъ говорятъ. У нихъ все такъ: что увидали красивое, то и подай, а старое ужь и забыто! Къ чему вамъ такъ кручиниться? вѣдь онъ призналъ васъ своей женой предъ алтаремъ, при свидѣтеляхъ, стало быть отречься отъ васъ не можетъ никогда: на всю жизнь, вы теперь оба связаны. Значить, надо быть и снисходительной.

Старушка посадила Софью Григорьевну, продолжавшую плакать, и помѣстившись возлѣ нея, молча слушала рыданія молодой, и вдругъ, качая головой, какъ бы сама съ собой стала разсуждать:

— Да, вотъ если бы въ молодости-то да знать, сколько горя, да слезъ, да сраму должна женщина испытать, только за то, что полюбить на всю жизнь человѣка. Господи! грѣшно, но я бы лучше наложила на себя руки!...

— А вы, кѣрно, тоже были обмануты? замѣтила Софья Григорьевна.

Старушка дрожащей рукой протерла по своимъ угасшимъ глазамъ и тяжело вздохнула.

— Я, моя голубушка, много испытала всего, отвѣчала она: — и скажу вамъ одно, что упаси Господи женщину отъ такой любви, гдѣ она для любимаго человѣка, превращается въ собаку, которую хоть пинцами гони вонъ, а она все вьетъ у дверей. — И за что? за что? — за то, что она тебя любить, что ей тяжело жить безъ тебя!

Старушка говорила это все съ такимъ стономъ, какъ будто передъ ней стоялъ человѣкъ, сгубившій ея жизнь.

— Убей лучше, чѣмъ такъ мучить человѣка! Куда я пойду, проживъ столько лѣтъ съ тобой, въ слезахъ, да въ горѣ? За что меня гнать? Если бы я была твоя жена, тогда вѣдь не выгналъ бы меня изъ своего дома. А то куда я дѣнусь, гдѣ у меня есть пристанище? Ты же отнял у меня отца и мать!... Да опять, еслибъ я не любила его; а то вѣдь видить: какъ ни обижаетъ, какъ ни мучитъ, а приласкаетъ — я опять все забыла, все простила, и не вѣрится, чтобъ онъ былъ дурной человѣкъ, — а все думаешь: это я дурная женщина, оттого онъ такъ не хорошо и обращается со мной.... И все-то ждешь, вотъ-де онъ наконецъ пойметъ, что я люблю его, что жить не въ силахъ безъ него. — Вотъ такъ молодость-то и проходитъ, а послѣ-то что ужъ станетъ дѣлать женщина, если въ хорошее-то время слезы ея нисколько не дѣйствовали на человѣка? Ему нужно моложе, красивѣе тебя: вишь, говорить, у тебя глаза-то отъ слезъ стали какіе тусклые! Иди вонъ, ты мнѣ не нужна теперь, — прочь! Умри на моихъ глазахъ, мнѣ не жаль тебя!

Говоря эти слова, старушка была въ забытьи: она жестикулировала руками и била себя въ грудь.

— Марья Васильевна! въ ужасѣ произнесла Софья Григорьевна, схватившись въ испугъ за ея платье.

Старушка даже оглядѣлась и, тяжело вздохнувъ, спросила:

— Что же это я говорила?... Ахъ, да! вотъ увидела ваше горе и свое-то припомнилось.

— Вы были очень несчастливы, Марья Васильевна? съ чувствомъ спросила ее Софья Григорьевна.

— Давно, давно это было, моя голубушка; и сама не знаю, какъ это такъ въ голову-то пришло мнѣ старое-то вспомнить. Я

про это въ жизни своей не говорила никому ничего. Что это я напугала васъ?... Вы что-то говорили мнѣ?

Старушка смиллась припомнить.

— Я просила васъ, чтобъ вы принесли мнѣ ребенка.

— Да, да! махнувъ рукой, воскликнула старушка и печально продолжала: — ребенка! хорошо! только надо тихонько сдѣлать это, а то дѣдушкѣ скажутъ, да и отъ той надо скрыть. — Ахъ, ужъ, Надежда Кондратьевна! тебѣ бы съ дѣдушкой слезь однихъ надо, слезь!... Не хорошо, скажутъ, я мужа и жену смущаю! — Ей и то досадно, что вы не гордая и съ нами говорите. Довольно зла-то она надѣлала, — посовѣстилась бы!

Старушка сдѣлалась мрачна. Софья Григорьевна, съ своимъ дѣтскимъ взглядомъ и чистой душой, многого еще не понимала въ этой дѣйствительной, грязной жизни; она еще не могла вообразить, что за свинцовую тяжесть она оставляетъ на душѣ человѣка, у котораго совѣсть не изсякла еще въ эгоистической самоувѣренности. Но она инстинктомъ поняла, что должно быть много страданій и горя въ жизни придется ей испытать, и что начало уже сдѣлано. Она не могла надивиться, для чего мать такъ уберегала ее отъ знакомства съ этой мрачной стороной дѣйствительной жизни. — «Вотъ почему она боялась заводить знакомства и такъ была убита, когда я разсталась съ ней», думала Софья Григорьевна. Но дочь рѣшилась скрыть отъ матери все, зная, какъ страшно на нее должно подѣйствовать ея несчастье. При свиданіи, она выплачетъ съ ней все свое горе.

Обѣ женщины сидѣли, погруженныя въ нерадостныя размышленія. Старушка встрепенулась, какъ бы ее что-то поразило, и пугливо сказала Софѣ Григорьевнѣ:

— Я вамъ принесу его! Но помните, что онъ младенецъ; не дѣлайте ему, ничего дурнаго, онъ невиноватъ, да и она тоже! Что вы хотите сдѣлать съ ребенкомъ?

— Неужели вы думаете, что я имъ зла желаю? съ упрекомъ замѣтила Софья Григорьевна. — Я только хочу посмотреть на несчастнаго. Я знаю, я видѣла, что она очень несчастна.

— Да, моя родная. Несчастливая, несчастная! Охъ, какія несчастныя! твердила старушка, выходя изъ комнаты.

Въ ожиданіи новаго прихода Марьи Васильевны, Софья Григорьевна сидѣла въ тяжеломъ размышленіи обо всемъ, что съ

ной прошепало послѣ разлуки ея съ матерью; и ей такъ захотѣлось опять побыть воедѣ нея.

Шорохъ за дверью и дѣтскій лепетъ вывели молодую изъ размышленія; она въ волненіи устала глаза на ребенка, котораго, лаская и заигрывая, несла къ ней Марья Васильевна.

— Смиѣйся, смиѣйся, пока глупъ и не понимаешь ничего! — Ну, вотъ вамъ! прибавила она, подавая ребенка молодой.

Непріязненное чувство овладѣло на минуту Софьей Григорьевной: она вслыхнула и робко протянула руки. Ребенокъ бросился къ ней и уцѣпился за ея браслетъ, произнося гортанные звуки.

Софья Григорьевна горько заплакала и, подавая назадъ ребенка Марья Васильевна, сказала, задыхаясь отъ волненія:

— Возьмите, возьмите его! Но ребенокъ не хотѣлъ оставить браслета и, крѣпко уцѣпившись за него, запищалъ, когда старушка хотѣла его взять къ себѣ.

— Ну, что пищешь, глупый, понравилась она тебѣ? спросила Марья Васильевна.

— Оставьте его! сказала молодая, прижала ребенка къ себѣ, поцаловала его въ голову и залилась слезами, твердя: «бѣдный, бѣдный!»

Марья Васильевна тоже вытирала слезы; она съ какою-то благодарностью глядѣла на молодую, видя, что оскорбленное сердце не поддавалось дурному чувству и что доброта вала вверхъ.

Но присутствовала и еще одна свидѣтельница этого добраго чувства въ молодой. Мать ребенка, прильнувшая къ щекѣ двери, какъ въ лихорадкѣ дрожала отъ сильныхъ ощущеній: сердце ея разрывалось отъ безконечнаго горя, страха, униженія и ревности, но при видѣ ласкъ, оказываемыхъ ея ребенку, рѣки слезъ, какъ весеннія воды, унесли всѣ непріязненныя чувства, и кромѣ благодарности въ душѣ ея не осталось ничего. Тяжкій стонъ вырвался изъ груди матери, и она раскрыла дверь и кинулась въ ноги молодой, упавъ лицомъ на полъ.

Софья Григорьевна дико вскрикнула и смотрѣла вопросительно на Марью Васильевну:

— Не можь безъ нея, матушка, смиѣявшись, замѣтила старушка: — да и она-то, дура, боялась: голову совсѣмъ потеряла въ это время. Живаетъ, встань, что глѣ надѣлала! Ахъ, Господи! дайте воды скорѣе! въ ужасѣ сказала старушка, ощущывая руки

Лизаветы, и положивъ ее голову къ себѣ на колѣни, прибавила: — очнись, глупая! чего ты надѣлала, вѣдь ты погубила себя! Оборони Боже, если узнаетъ — всѣмъ, всѣмъ будетъ бѣда! Голубушка, воды!

Софья Григорьевна подала воды и одеколону, и вмѣстѣ со старушкой принялась хлопотать около лежавшей безъ чувствъ женщины.

На сколько возмущаетъ жестокое равнодушіе взрослыхъ къ страданіямъ ближняго, на столько вызываетъ состраданіе это же равнодушіе въ младенцѣ; такъ что Софья Григорьевна искренно прижала ребенка къ своей груди и такъ же искренно смотрѣла на бѣдную его мать.

Лизавета открыла глаза.

— Ишь какая она добрая, проси, чтобъ не оставила сына, шепнула ей Марья Васильевна.

Лизавета такъ была слаба, что только могла протянуть свою руку и указать на младенца.

— Это что? раздался въ эту же минуту голосъ въ дверяхъ, и какъ оглушительный ударъ грома потрясъ всѣхъ. Въ одно мгновеніе всѣ три женщины встали на ноги и въ такомъ положеніи замерли неподвижно, какъ статуи.

— Что это за сцены? повторила Надежда Кондратьевна, входя въ комнату, и обратясь къ молодой, она язвительно выговорила по французски: — такихъ вещей нельзя дѣлать! Это очень огорчить Пьера!

При имени мужа, Софья Григорьевна вся вспыхнула и въ волненіи отвѣчала:

— Опъ не имѣетъ никакого права сердиться на меня за то, что я ласкаю этого ребенка.

Надежда Кондратьевна пожала плечами, и указывая на Лизавету, съ убійственнымъ презрѣніемъ, спросила уже по русски:

— А зачѣмъ она здѣсь?

— Вѣдь она мать этого ребенка, выговорила старушка.

— Я не съ вами говорю, дерзко отвѣчала ей Надежда Кондратьевна и, обратясь къ молодой, продолжала:

— Вы могли бы погребовать ребенка къ себѣ; но зачѣмъ она тутъ! — Иди вотъ сейчасъ! крикнула она Лизаветѣ. — Вотъ на какія штуки ты пустилась! Поди, дѣдушка тебѣ проунитъ! — Если вы когда, снова обратилась вдова къ Софьѣ Григорьевнѣ: —

чтоб дѣлунка вамъ отдалъ этого ребенка, я буду просить его; но не думаю, чтобъ это было....

Лизавета быстро шикнула ребенка изъ рукъ Софьи Григорьевны и грозно сказала:

— Когда убьете меня, только тогда я выпущу его изъ своихъ рукъ!

И она носоглавно вышла изъ комнаты, бросивъ на полъ браслетъ, которымъ игралъ ея сынъ.

— Что ты, онагла, что ли! въ испугѣ кричала ей вслѣдъ старушка.

— Извольте идти и вы отсюда! Вамъ тоже достанется за такія вещи! грозя Марья Васильевнѣ, пронесла по-барски Надежда Кондратьевна и, сѣвъ на диванъ, продолжала своимъ тошнивымъ обычнымъ голосомъ: — сядьте, Софи, и не влячьте, а выслушайте меня....

Софья Григорьевна такъ была потрясена всѣми происшествіями и, какъ дитя, такъ перепугалась разныхъ своихъ поступковъ, что молча сѣла вождѣ Надежды Кондратьевны и готовилась слушать ее.

— Вы слишкомъ еще молоды и неопытны, начала вдова. — Много вы превратно понимаете, а потому вамъ никакъ нельзя полагаться на свои силы и на свои чувства. Васъ хотятъ возстановить противъ вашихъ священныхъ обязанностей. Вы знаете ли, кто эта женщина? Знаете ли, что она, развратная, хитрая и дерзкая, рассчитывала на благородство Пьера и до того завлекла его, что надѣялась принять къ нему чужаго ребенка.

— Нѣтъ, у него его волосы, его глаза, зарывавъ, произнесла молодая.

— Вотъ что значитъ настроенное воображеніе! Повѣрьте, что мы знаемъ, какую распутную жизнь вела эта Лизавета. И если бы мы не спасли Пьера, онъ былъ бы ея жертвой. О, Софи! Вы не цѣните своего мужа такъ, какъ онъ заслуживаетъ этого; вы гѣрите вслѣдъ пустой бабѣ и развратницѣ и думаете выѣсть съ нею, что она мѣшаетъ нечестно поступить. Это больно! Вы воображаете, какъ поразитъ его такое оскорбленіе.... Ну, даже положимъ, что онъ выйдетъ своимъ съ этой женщиной; но вѣдь онъ не зналъ, что она распутная, притомъ онъ и вѣкъ не зналъ тогда. Развѣ возможно быть такой требовательной, чтобъ дѣлать преступленіе изъ досады? Нѣтъ, Софи, женственная наша натура создана для любви и снисковденія. Покорность въ стра-

даніяхъ — вотъ гдѣ мы можемъ доказать нашу любовь. Если бы не эти козни противъ насъ, я бы васъ приготовила во всемо этому осторожно, растолковала бы вамъ многое и въ то же время оберегла бы васъ отъ многого, и ужь никакъ не допустила бы, чтобы подобная распутная женщина нанесла вамъ такое оскорбленіе. Чтобъ спасти васъ отъ этихъ козней, которыя вамъ разставили, я вамъ рѣшаюсь все сказать. Вы, я знаю, боитесь той, о которой вамъ, собственно говоря, нечего и думать, потому что она глупа и ея положеніе не можетъ вредить вашему счастью. Знаете ли, если вы должны бояться, такъ это М-ле Олимпіада... Она возмечтала сдѣлаться женой Пьера, для этого она привела въ дѣйствіе всю свою изобрѣтательность. Она принялась страстно-влюбленной въ него, вѣшалась ему на шею и преслѣдовала его до безстыдства своей любовью. Пьеръ, по инстинкту своего характера, сожалѣлъ о ней, сострадалъ къ ея любви и часто плакалъ о томъ, что онъ невольно сдѣлался причиною ея страданій, но онъ не могъ любить ее; его благородная душа чувствовала, что въ этой любви скрывается гнусный расчетъ. Если онъ былъ къ ней внимателенъ, то изъ одного желанія — развить эту дикую натуру, облагородить ее. Разумѣется, какъ только Пьеръ уяснилъ себѣ, что онъ не можетъ никогда полюбить ее, несмотря на все свое желаніе не причинять горя женщинамъ, онъ удалился отъ нея. Тогда она преслѣдовала его нисѣмнми. А когда узнала, что онъ женился, то такія выкидывала штуки, что приводила меня въ отчаянье. Она два дня пропадала; гдѣ она была, неизвѣстно. Потомъ съѣла мушку, желая отравиться, но мушка была старая: она, разумѣется, это знала, ей только нужно было сдѣлать видъ, что она ищетъ смерти. Теперь она, видя вашу неопытность, хочетъ васъ вооружить съ своей сообщницей противъ него, чтобъ опять предложить ему свою любовь. Вотъ кого вы должны избѣгать и бояться; она старается дать видъ, что посвятила себя на жертву своей несчастной страсти къ нему, что интересуется всѣми его высокими стремленіями, даже своей дружбой къ вамъ хочетъ ему доказать, какъ безоглядно глубока въ ней любовь къ нему. Самое вѣрное средство охранить его отъ всѣхъ ея хитростей и себя отъ ея мщанія, — это стараться удалиться отъ нея, а Пьеру показать, что вы такъ же его любите, какъ же готовы для него на всѣ жертвы. Если вы видите, что онъ болѣе все это время грустенъ и невнимателенъ къ вамъ, то его осматривайте великіе вопросы, а ваши дѣтскія мысли не соизвождайте

ему.... Ахъ, Софи! старайтесь его помять и убѣгайте всѣхъ этихъ грубыхъ и литрыхъ женщинъ. Эта старуха чему можете васъ научить? Вы знаете, что она бѣжала изъ дому своего отца и матери, что она убила ихъ своимъ дурнымъ поведеніемъ. Она тоже рассчитывала заставить дѣдушку жениться на ней. Но вы знаете, что дѣдушка очень гордъ: онъ ни за что не захотѣлъ бы итти женою женщину, неравную его положенію въ обществѣ, — онъ не те, что доврчивый и нѣжный нашъ Пьеръ. Она, говорятъ, была очень красива, ну дѣдушка и сдѣлалъ ее своей любовницей, а она удовольствовалась этой низкой ролью и дошла до того даже, что жила въ дружбѣ съ другой его любовницей, которую дѣдушка вывезъ откуда-то и поселилъ въ своей деревнѣ.

Въ продолженіе этой длинной рѣчи, молодая сидѣла, какъ столбенѣлая. Столько новыхъ мрачныхъ вещей она слышала, столько ей предстало впереди борьбы и горя, что она была сражена, слыша такая новости.

— Софи! я вамъ искренно предана! Послушайте меня, убѣгайте этихъ грязныхъ женщинъ.

И Надежда Кондратьевна поцаловала молодую, которая при этомъ какъ-то пугливо вздрогнула.

— Вы, кажется, ничѣмъ не можете увѣряться въ моей къ вамъ дружбѣ.... Какъ вамъ угодно! обиженнымъ тономъ прибавила она, и съ величавымъ достоинствомъ вышла изъ комнаты.

Софья Григорьевна повѣрила всему, что говорила ей Надежда Кондратьевна, но только не ея дружбѣ.

— Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! ломаю руки, въ отчаяніи, воскликнула она. — Никого нѣтъ во мнѣ, кто бы хоть со-вѣтъ далъ; всѣ только зла мнѣ желаютъ! И истерическія рыданія раздались въ комнатѣ.

Молодая не вышла къ столу въ этотъ день, и все плакала и думала о своемъ печальномъ положеніи.

Марья Васильевна угѣворила Олимпиаду Федоровну пойти посидѣть съ ней, поразвлечь ее.

— Она бѣдна этакъ захвораетъ еще: Ты поди, Анна, поболтай съ ней о чемъ нибудь веселомъ.

— Ахъ, Марья Васильевна, мнѣ самой не до веселыхъ разговоровъ! отвѣчала Олимпиада Федоровна.

— Что отъ, Господи, всѣ расплакались! Иди—самой будетъ легче, какъ поразболтаешься съ ней.

Прибѣжавъ къ себѣ, Софья Григорьевна предалась полному отчаянію: она рыдала и металась, какъ сумасшедшая. Горничная, испугавшись такого состоянія своей барыни, побѣжала за Марьей Васильевной. Увидя старушку, Софья Григорьевна бросилась къ ней на грудь.

— Принесите мнѣ ребенка! рыдая, упрасивала она.

— Ужь успѣли! Экіе злые языки! печально произнесла старушка, и ласково прибавила:— не мучьте такъ себя! и на что онъ вамъ!... Богъ съ нимъ! Младенецъ чѣмъ виновенъ! Да и она-то ужь намучилась за то, что молода, да глуповата была! Долго-ли пропасть бѣдной дѣвушкѣ!

Старушка была очень встревожена.

— Такъ это все правда! тяжело простонала Софья Григорьевна, какъ бы все еще не вѣря себѣ и думая, что чужое подтвержденіе могло теперь значить что нибудь.

— Дорогая моя, не плачьте такъ! Будьте разсудительнѣе: безъ этого горя ужь нельзя обойтись всякой женщиной. Мужчины всѣ такіе, моя родная; еще не велико горе, если все это прежнее, когда онъ васъ не зналъ!... А все это Надежда Кондратьевна намутила... Разузнала, чутьемъ точно, сейчасъ дѣдушкѣ и передала... Ужь сколько слезъ-то, слезъ-то бѣдная пролила!— теперь прошлое, моя голубушка, Петръ Васильевичъ вѣдь вабить. Что дѣлать, простите ему его грѣхъ!... того и милуешь. Что дѣлать!

— Зачѣмъ онъ увѣрялъ меня, что одну... мен... всхлипывая, замѣтила Софья Григорьевна.

— Господи! не убивайтесь такъ!... рушка.— Всѣ они такъ говорятъ. У... красивое, то и подай, а старое у... кручиниться? вѣдь онъ признал... ремъ, при свидѣтеляхъ, стало... никогда: на всю жизнь, вы те... быть и снисходительной.

Старушка посадила Софью... кать, и помѣстившись возгѣ... и вдругъ, качая головой, ка...

— Да, вотъ если бы... да слезъ, да сраму долж... полюбить на всю жизнь... ше наложила на себя...

— А вы, вѣрно, тоже были обмануты? зашѣтила Софья Григорьевна.

Старушка дрожавшей рукой провела по своимъ угасшимъ глазамъ и тяжело вздохнула.

— Я, моя голубушка, много испытала всего, отвѣчала она:— и скажу вамъ одно, что упаси Господи женщину отъ такой любви, гдѣ она для любимаго человѣка, превращается въ собаку, которую хоть пинками гони вонъ, а она все востъ у дверей.—И за что? за что?—за то, что она тебя любитъ, что ей тяжело жить безъ тебя!

Старушка говорила это все съ такимъ стономъ, какъ будто передъ ней стоялъ человѣкъ, сгубившій ея жизнь.

— Убей лучше, чѣмъ такъ мучить человѣка! Куда я пойду, проживъ столько лѣтъ съ тобой, въ слезахъ, да въ горѣ? За что меня гнать? Если бы я была твоя жена, тогда вѣдь не выгнали бы меня изъ своего дома. А то куда я дѣнусь, гдѣ у меня есть пристанище? Ты же отнял у меня отца и мать!... Да опять, еслибъ я не любила его; а то вѣдь видить: какъ ни обижаетъ, какъ ни мучить, а приласкаетъ — я опять все забыла, все простила, и не вѣрится, чтобъ онъ былъ дурной человѣкъ, — а все вѣшь: это я дурная женщина, оттого онъ такъ не хорошо и вѣшается со мной.... И все-то ждешь, вотъ-де онъ наконецъ скажетъ, что я люблю его, что жить не въ силахъ безъ него. — Какъ можно такъ жить-то и проходить, а послѣ-то что ужъ старушка плакать, если въ хорошее-то время слезы ея не лили на человѣка? Ему нужно моложе, красивее, у тебя глаза-то отъ слезъ стали какіе темные! Ты мнѣ не нужна теперь, — прочь! Умри на покой, не жаль тебя!

И вотъ, когда старушка была въ забытьи: она жестикулировала себя въ грудь.

Сколько вѣвн! въ ужасѣ п... С... Григорьевна! въ испугѣ за ея пла... оглядѣлась и, тяжело... я говорила?... Ахъ, да... в... мнилось.

Вотъ несчаст... Марья... е Софья Григорьевна... вно это было, ...бушка; ...голову-то при... роет-

Разливательница чая сильно нуждавшаяся, чтобы кто нибудь сказалъ ей ласковое слово и принялъ участіе въ ея тяжелой участи, сначала не хотѣла идти; но, узнавъ, что у Софьи Григорьевны долге сидѣла Надежда Кондратьевна, рѣшилась отправиться, думая рассказать ей все, что накипѣло въ ея сердцѣ. Но рѣшимость тотчасъ оставила дѣвушку, какъ только она подошла къ двери; долго она стояла — то блѣднѣя, то краснѣя, и наконецъ, собравъ всѣ свои силы, распахнула дверь и въ смущеніи остановилась на порогѣ.

При видѣ дѣвушки, Софья Григорьевна смяла въ руцѣ смоченный слезами платокъ и явно желала скрыть свое горе. Нѣсколько секундъ обѣ женщины не могли говорить; одна стояла блѣдная, съ опущенными глазами и поникшей головой, какъ преступница; другая пристально смотрѣла на нее, яркая краска разлилась по ея лицу и гнѣвъ дышалъ въ ея глазахъ.

— Не хотите ли чаю? дрожащимъ голосомъ спросила дѣвушка.

— Нѣтъ, благодарю! отрывисто отвѣчала молодая.

Молчаніе продолжилось съ минутой.

— Луна такъ свѣтла; вамъ бы пойдти погулять, свежа проговорила дѣвушка.

— Я не хочу гулять!

Дѣвушка уже повернулась, чтобы уйти, но вдругъ, въ какой-то отчаянной рѣшимости двинулась впередъ и умоляющимъ голосомъ произнесла:

— Софья Григорьевна!... Я давно хотѣла вамъ все рассказать... Надежда...

Софья Григорьевна пристала съ своего мѣста и, задыхалась, неспѣшно прервала дѣвушку.

— Нѣтъ, не надо: я ничего не хочу слышать!

И она зажала себѣ уши. Дѣвушка закрыла лицо руками и зарыдала. Молодая тоже плакала, сѣвъ въ изнеможеніи на прежнее мѣсто. Нѣкоторое время въ комнатѣ были слышны только одни рыданія, потомъ отрывистыя слова.

— Что я такое дурное сдѣлала? спрашивала Олимпиада Федоровна.

— Ради Бога, не мучьте меня!

— Они давно грозили мнѣ этимъ; мнѣ досадно было, что вы тоже не унимаете меня. Ахъ, если бы вы знали, что я терплю! раздражающимъ воплемъ воскликнула дѣвушка.

Истинное горе всегда проникает въ испорченное сердце, Софья Григорьевна тронулась и инстинктъ подсказалъ ей, что хитрость и лицемеріе не могли бы такъ страдать.

— Я знаю, всё здѣсь алье.... но.... вы его любите; плача вскрикнула Софья Григорьевна.

— Что же значитъ моя любовь для него? Я ни красива, ни образованна. Я поняла потомъ ужь, что все это отъ скуки происходило въ немъ. Приѣхалъ осенью, дожди, дѣдушка боленъ, велья уѣхать....

— Онъ все же говорилъ, что любить васъ; вы думали, что онъ женится на васъ? Говорилъ онъ это вамъ?

Дѣвушка убитымъ голосомъ отвѣчала:

— Мнѣ ни разу въ голову даже не пришло, что онъ женится на мнѣ и я никогда его не спрашивала объ этомъ. Я и такъ была счастлива! Къ чему ему было обманывать меня; я такъ вѣрила каждому его слову, такъ его полюбила, что для его счастья, не думая минуты, отдала бы цѣлую жизнь! Всегда моя жизнь была не сладка, а теперь!... Я очень хотѣла бы умереть поскорѣе, — теперь мнѣ невыносимо-тяжко мое униженное положеніе въ домѣ, даже хуже, чѣмъ прежде. Все равно, я зачехну же здѣсь отъ однихъ язвительныхъ словъ дѣдушки! Прочтите сами, вотъ наша переписка, и дѣвушка вынула изъ кармана пачку писемъ и положила ихъ на колѣни Софьѣ Григорьевнѣ. — Ради Бога, прочтите, повторила она: — можете вы убѣдиться, что я не такъ виновата, какъ вамъ насаждали на меня.

— Нѣтъ, я не буду ихъ читать, — возьмите назадъ, отдавая письма дѣвушкѣ, произнесла Софья Григорьевна.

— Сожгите ихъ сами! Я хочу только убѣдить васъ, что я ничего дурнаго ему не желаю да и вамъ также.

Лицо дѣвушки выражало столько страданія, столько искренности, что Софья Григорьевна почувствовала облегченіе, видя такое искреннее расположеніе къ себѣ.

— Не будемъ болѣе говорить объ этомъ! сказала она, и желая измѣнить разговоръ, спросила дѣвушку: — Правда ли, что Марья Васильевна ѣздила отъ отца и матери изъ любви къ дѣдушкѣ?

— Вамъ, значитъ, успѣла все рассказать Надежда Кондратьевна. Что это за женщина! Марья Васильевна — предобрая, это я лучше всѣхъ знаю. Другая бы ненавидѣла меня, какъ это всѣ дѣлаютъ, а она одна думаетъ обо мнѣ, ласкаетъ меня. Эта

женщина никому не сдѣлала зла; если она и бѣжала отъ отца съ матерью, то виноватъ онъ. Зачѣмъ онъ заставилъ ее въ него влюбиться; зачѣмъ два года преслѣдовалъ своей любовью, а потомъ и бросилъ? Она бѣжала къ нему, чтобъ скрыть свой стыдъ! А онъ не женился на ней, хотя держалъ взаперти, пока она была молода, а потомъ, какъ постарѣла, взялъ другую — мушкетера.

— Зачѣмъ же она осталась въ его домѣ?

— Куда же было ей идти? — больная, безъ гроша денегъ? И шутка ли десять лѣтъ прожить съ такимъ мучителемъ. Разумѣется, и любила его. Дѣти все не жили, да и хорошо, что умирали: онъ терпѣть не можетъ дѣтей. У этого человѣка въѣзго сердца — камень. Ужъ хороша жизнь тому, кто рѣшается броситься въ прудъ, кто доходитъ до сумасшествія съ горя!... Я знаю, кажется, пугаю? спросила дѣвушка, замѣтя, что молодая въ ужасѣ слушала ее. — Я пошлю къ вамъ Марью Васильевну, она разскажетъ вамъ сама о своей жизни. Прощайте!

Олимпиада Федоровна медленно вышла изъ комнаты, въ ожиданіи, что молодая протянеть ей руку, какъ она это дѣлала всегда на прощаньи. Но Софья Григорьевна, погруженная въ мрачную дѣйствительность жизни, не могла угадать, чѣмъ бы могла она облегчить бѣдную дѣвушку.

Черезъ нѣсколько времени пришла Марья Васильевна и нашла ее опять въ слезахъ.

— Господи! вы все еще до сихъ поръ плачете! грустно воскликнула старушка.

— Ахъ, Марья Васильевна, сколько ихъ онъ сдѣлалъ несчастными! отвѣчала Софья Григорьевна съ искренней скорбью.

— Но, моя голубушка, не оплечете вы ить! Его грѣхъ — пусть онъ и плачетъ, а вамъ что убиваться-то! Вотъ га тебѣ пришла отъ васъ, реветъ, какъ сумасшедшая, что вы сердитесь на нее. Что тутъ будешь дѣлать? Не сердитесь на нее, она жалкая, право, жалкая!...

— Божусь вамъ, что я не сержусь на нее: я знаю, какъ страшно быть одинокой.... У ней нѣтъ рѣшительно никого родныхъ, кто бы взялъ ее отсюда, кто бы защитилъ ее?

— Кто же имѣетъ право взять ее отъ отца?

— Кто же ея отецъ? въ недоумѣніи спросила молодая.

— Какъ кто? я думала, что вы знаете. Вашъ дѣдушка.

— Ея родной отецъ!... остодбенѣвъ, воскликнула Софья Григорьевна, и тихо опять повторила: — онъ ея отецъ!

— Да, не жалкая ли она? Лучше бы все это выносить отъ тушихъ, а то одна кровь, а все унижаютъ!... Она дѣвушка добрая, честная, и все въ сердцу принимаетъ, — просто мука глядѣть на нее! Выпейте-ка хоть чайку, вѣдь сегодня не обѣдали.

— Я ничего не хочу, мнѣ страшно; вы не уходите отъ меня, хватая руку старушки проговорила блѣдная и дрожащая Соеся Григорьевна.

— Да полноте, чего это вы испугались! Все пройдетъ, все вуетьки! Что онъ тамъ прежде ни дѣлалъ, лишь бы теперь между вами былъ совѣтъ да любовь. Ну, хотите чайку?

Старушка всѣми силами старалась придать своему лицу и голосу веселость.

— Зачѣмъ онъ скрывалъ отъ меня, что любилъ другихъ? Все въ томъ же отчаяньи твердила молодая, которую эти мысли тревожили какъ страшное привидѣніе.

— Никто изъ нихъ объ этомъ не говоритъ своимъ невѣстамъ, — это ужь такъ заведено. Да и что вы бы поняли: — лишь какая молоденькая, къ чему торопились идти замужъ?

— Я его полюбила.

— Полюбила! а много ль видѣли вы другихъ? Въ эти годы, извѣстно, кто первый станетъ тебя увѣрять, что любить, того мы и полюбимъ, да и думаемъ, что онъ также первую меня любить. Впрочемъ, ужь это все равно, и изъ хорошихъ да выберешь самаго дурнаго, а потомъ всю жизнь и мучишься... Не горюйте много, мужчины—у, какъ не любить, когда женщина не весела: будь самая дурная, только смѣйся. Я дуваю, чортъ ладона такъ не непавидитъ, какъ они женскихъ слезъ, — а кто станетъ плакать отъ счастья? Пойдемте-ка завтра къ иконѣ, погуляете, помолитесь явленной, чтобъ она послала вамъ опомойствіе. Много богомольцевъ приходитъ туда издалека; а являясь она вскорѣ послѣ смерти отца вашего дѣдушки. Да, это вѣрно за спасеніе душъ всѣхъ мучениковъ она явилась на этомъ мѣстѣ.

— Какихъ мучениковъ? Что жетуть сраженіе, что ли, было?

— Нѣтъ, сраженія никакого не было, а стоялъ домъ отца дѣдушки, да сгорѣлъ. Вотъ ужь былъ человекъ! до сихъ норъ не только вся деревня, но и вся губернія помнить. Женился онъ въ семьдесятъ лѣтъ, нодъ руки держали у вѣнда-то; ноги у него давно уже болѣли—подагра что ли была, только его все въ креслѣ возили. Да и невѣсту-то блѣдную тоже поддерживали, — въ обморокѣ, слышь, была все время.

— Вѣрно ее насильно выдали?

— Нѣтъ, и того лучше сдѣлать.... Былъ онъ такой развратникъ, что у него полонъ домъ былъ женщинъ, какъ у турки. Такъ и того мало, — увидалъ красавицу, молоденькую, но бѣдную дѣвушку; родители ея были однако тоже помѣщики, только очень бѣдные. Какъ быть? инакъ нельзя достать денегами. Вотъ онъ и придумалъ штуку. Камердинеру своему далъ карету, прислугу, денегъ и велѣлъ ему называться своимъ именемъ, да и послалъ свататься. Камердинеръ былъ молодчина, да ловкій, такъ что дѣвушка влюбилась въ него, воуъ и назначили свадьбу. Привезли невѣсту въ церковь; церковь не освѣщена; невѣстно, родителей невѣсты не было, а гостей—то ея вывели еще на дорогѣ, такъ что въ церкви только и остались одни провожатые жениха. Ну, невѣсту поставили, она стоитъ, опустивъ глаза, — только какъ глянула искоса на жениха, какъ вскрикнетъ — и упала безъ чувствъ; ее, разумѣется, подхватили, да и обвинчали со старикомъ, потомъ посадили въ карету, да и увезли въ женихову деревню.

— Что же отецъ, мать?

— Что имъ было дѣлать, маленькимъ людямъ, противъ эдакого богача? Да еще такъ дѣла—то велѣ, что имѣлъ, слышь, отъ нихъ письма, что они согласны на этотъ бракъ.

— Да вѣдь были же свидѣтели, что онъ обманулъ ихъ?

— А на что же деньги, какъ не на то, чтобы заставить всѣхъ молчать! а если кто и станетъ говорить правду, того за деньги не послушаютъ. Кабы не деньги, такъ никто бы не сталъ душу свою-продавать. А какъ деньгами—то можетъ все себя достать человекъ—вотъ всѣ и сходятъ съ ума и какъ лютые зѣври грызутся изъ-за этихъ денегъ.... Вотъ, отъ нея—то вашъ дѣдушка и родился, а мать такъ и а зачахла и умерла вскорѣ. А его, видите ли, воспитывала тетка;—говорять, такая же была тиранка, какъ и братъ.

— Развѣ можно все дѣлать, если богатъ? наввно спросила Софья Григорьевна.

— Еще бы, лишь бы охота была. Гдѣ же бѣдному человеку пушки около дому разставлять, а у отца вашего дѣдушки онѣ стояли, да еще заряженные: въ его именины всегда палили изъ пушекъ. Однажды онъ сидѣлъ на террасѣ, пушки выпалили разъ, другой, а въ третій терраса и провалилась: гости, онъ самъ съ креслами—всѣ полетѣли. Но ничего, даже не ушибся. И все

такъ. Рѣку, бывало, переѣзжалъ въ каретѣ: запрягутъ, говорятъ, пугомъ лошадей и пустятъ въ бродъ, гдѣ не такъ вода высока, а люди идутъ по горло въ водѣ около кареты. Разъ пришло много воды, что ли, только чуть было онъ не утонулъ. До-сталось же тогда всѣмъ! Вся деревня отъ шала до велика трое сутокъ черпала воду изъ рѣки и таскала ее въ прудъ, что въ саду былъ.... А забавы его были по праздникамъ какія? Созоветь всѣхъ дѣтей и бросаетъ пряники и калачи въ воду, чтобъ оттуда ихъ брали. А на счетъ бабъ и дѣвушекъ просто извергъ былъ. Разъ встрѣтилъ молодуху съ ребенкомъ и сталъ увиваться около; она укачиваетъ ребенка и не хочетъ слушать его балаясъ; онъ ослылся, выхватилъ ребенка у ней изъ рукъ, да о землю!... На всю жизнь сдѣлалъ зайкой человѣка.... А умеръ, говорятъ, тихо, покойно, кушалъ и спалъ отлично; послѣ обѣда всталъ, вышелъ его на террасу, солнышко такое яркое было, цвѣты кругомъ, деревья, птички пѣли, а онъ сидитъ, закрывши глаза, думаютъ — задремалъ опять, а онъ ужъ и не дышитъ.... Что это я вамъ на ночь-то о покойникахъ заговорила, да все печальное!...

— Нынче день такой для меня; я его никогда въ жизни не забуду: страшнѣе этого дня не можетъ быть ни въ чьей жизни, замѣтила съ увѣренностью Софья Григорьевна.

— Все это такъ кажется.... Что еще вашей горе! замѣтила старушка:— вотъ когда оно страшно, когда душу-то щемитъ отъ угрызенія, силъ нѣтъ прекратить свои дни. Вотъ это страшно!

— Вы меня пугаете. Неужели можетъ быть еще что нибудь ужаснѣе того, что было сегодня со мной?

— Я глупости говорю. Чего вамъ бояться? Вы молоды, красивы, васъ любятъ.

Вздохъ сомнѣнія вырвался изъ груди Софьи Григорьевны.

— Не вздыхайте такъ тяжело! старайтесь, какъ другія, веселиться. Вотъ посмотрите на Надежду Кондратьевну: кто скажетъ, что у ней взрослый сынъ сумасшедшій и что она всему причиной?

— У ней есть сынъ и сумасшедшій? Она ивъ этого не говорила, съ удивленіемъ замѣтила Софья Григорьевна.

— Этого она не успѣла вамъ рассказать, а другихъ очернить нашла время! У-у! дурная женщина! Сынъ-то у ней такой прекрасный мальчикъ, не въ нее уродился: онъ очень любилъ свою несчастную сестру, ея смерть и убила его. Покойница-то была дѣвочка забитая, матери боялась пуще огня. Приказала ей идти

замужъ за Сергѣя Игнатьевича. Она не хотѣла, стали ее неволить: бѣдненькая нарочно на морозѣ стояла въ легкихъ банникахъ и померла воспаленіемъ въ легкихъ. Ужь что же это за мать, коли хотѣла родную дочь загубить, чтобы удержать въ своемъ домѣ, да воалѣ себя развратника. Въ тихомолку развратничаетъ теперь — перестала искать невѣсть....

— Что же дѣдушка не вступился!

Софья Григорьевна не вѣрила своимъ ушамъ, ей казались невозможными подобныя вещи.

— Вы вѣдь много гуляете, продолжала старушка:—за садомъ была баня, ее огородили заборомъ, онъ тамъ и живетъ одинъ одиноконекъ: такой грустный, больной, все книги читаетъ. А они говорятъ—сумасшедшій... Какое это сумасшествіе—просто горе. Ни за что не хочется видѣть ни мать, ни отца.

— Какого отца?—вѣдь онъ умеръ.

— Ну, Богъ одинъ расудитъ ихъ!—только люди всѣ говорятъ, что онъ сынъ Сергѣя Игнатьевича; что покойникъ былъ долго опасно боленъ, а сынъ—то родился черезъ 8 мѣсяцевъ уже послѣ смерти.—Это—то и убило бѣдненькаго. Онъ какъ узналъ о задуманной свадьбѣ сестры, просто походилъ на сумасшедшаго, а какъ умерла его сестра, отъ которой онъ не отходилъ, мать было хотѣла увезти его домой—но онъ не поѣхалъ; вотъ дѣдушка ему и далъ уголь, а самъ никогда о немъ не вспомнить, только при Надеждѣ Кондратьевнѣ о немъ и говорить, чтобы явить ее.... Что это, у васъ лихорадка?

— Да, мнѣ холодно! едва выговорила Софья Григорьевна.

Послѣ всего, что она слышала, силы совершенно измѣнили ей. Ей стало такъ страшно, какъ будто вдругъ толкнули ее на самый край мрачной пропасти и она чувствуетъ, что ноги ея скользятъ, земля осыпается и нѣтъ средствъ устоять. Въ головѣ ея все перепуталось, и она поминутно спрашивала себя: «какъ же это мужъ цалуетъ ручку у Надежды Кондратьевны и говоритъ, что она святая женщина? Какъ же можетъ Сергѣй Игнатьевичъ быть покосенъ? Какъ же это отецъ мучитъ своихъ дѣтей—что это все? Боже мой! неужели я должна тутъ жить?»...

Марья Васильевна хлопотала въ это время около поданнаго самовара и, заваривая чай, продолжала свой разговоръ:

— Вотъ вѣдь и васъ—то не влюбила изъ ревности. Она его ко всѣмъ ревнуетъ, просто смѣхъ иногда глядѣть на нихъ, право!

— Марья Васильевна! вдругъ произнесла молодая.

— Что, родная?

— Онъ обѣщался мнѣ сказать, зачѣмъ мой мужъ уѣхалъ такъ поспѣшно. Я пойду въ садъ, онъ ждетъ меня.

И Софья Григорьевна, точно въ бреду, вскочила съ своего мѣста, но старушка удержала ее за руку.

— Ахъ, онъ развратникъ этакой! Ради Христа, не ходите, матушка! Да они васъ очернятъ на всю жизнь. И что онъ скажетъ вамъ?—все пустяки....

— Нѣтъ! я хочу все, все знать, вырываясь, сказала молодая.

Она не помнила что дѣлала, что говорила, и, высвободившись изъ рукъ старушки, бросилась къ двери.

— Не ходите! я все знаю и все скажу, зачѣмъ онъ уѣхалъ, крикнула ей вслѣдъ старушка.

— Вы обманете меня, вы не знаете.

— Знаю, все знаю, и клянусь вамъ памятью моихъ младенцевъ, все скажу! чего же вамъ?—Только не ходите къ нему; можетъ, они васъ погубить хотятъ; отъ нихъ всего можно ждать. Надежда Кондратьевна боится, чтобъ дѣдушка вамъ не оставилъ всѣхъ денегъ, вотъ она и мутитъ васъ съ мужемъ, выживать хочетъ васъ, злодѣйка! всѣ они въ заговорѣ съ ней. Вѣдь всѣ они желали, чтобъ Петръ Васильевичъ никогда не женился, и отдалъ всю часть Надеждѣ Кондратьевнѣ; она его съ раннихъ лѣтъ и къ вину-то приучила: все шампанское да шампанское бывало ему подавали, а Федоръ Федоровичъ другія услуги ему дѣлалъ! Сгубили, они и его сгубили, гдѣ мальчишку вразумить, а они толкали его на дурное.

Лицо старушки было блѣдно; она дрожала.

Софья Григорьевна бросилась къ ней, ломая руки и сгара я мучительнымъ нетерпѣніемъ узнать подробности о поѣздкѣ мужа; но Марья Васильевна медлила поднести ей ядъ и, запинаясь, сказала:

— Онъ уѣхалъ.... ему надо было.... потому.... она пріѣхала сюда вчера вечеромъ....

— Кто еще?! воскликнула въ негодованіи молодая:—скорѣе говорите, кто, кто она?

— Голубушка, успокойтесь! это нехорошая женщина.... она для всякаго за деньги.... Вѣдь она была любовницей и Федора Федоровича; тотъ-то, чтобъ сбыть ее съ рукъ, и свелъ ее съ Петромъ Васильевичемъ; Федоръ Федоровичъ опять сдружился. Это ихъ шуточки, это они вызвали ее. Я вѣдь знаю, что они на все го-

товы. Ему надо же было все уладить, отвезти ее назадъ... Право, это все пустяки: онъ ей денегъ дастъ, она и уѣдетъ.

Софья Григорьевна рванула съ своей груди цѣпочку, на которой висѣлъ медальонъ Петра Васильевича, бросила его на полъ и, упавъ на грудь Марьи Васильевны, раздирающимъ голосомъ воскликнула:

— Поѣдемте къ нему! я хочу его видѣть и сказать ему въ глаза, что онъ... Вопли, вырвавшіеся изъ груди ея, помѣшали до- сказать фразу и она упала безъ чувствъ.

Вотъ какимъ путемъ женщины доходятъ до истерикъ, а доктора приписываютъ разстройство ихъ нервъ корсетамъ и другимъ мелочнымъ вліяніямъ жизни.

— Къ чему вы все ей рассказали? Она и такъ, бѣдная, слишкомъ много горя узнала сегодня, говорила въ слезахъ Олимпиада Григорьевна, позванная на помощь перепугавшейся Марьей Васильевной, поддерживая растрепанную голову молодой, закинутую судорожно назадъ,

— Несчастная! говорила старушка:— дорого будетъ стоить тебѣ твоя любовь, если ты такъ все къ сердцу принимаешь.

Софью Григорьевну положили на диванъ и, судя по уходу за ней обѣихъ женщинъ, ясно было видно, что онѣ по опыту знаютъ, какъ надо въ такія минуты обходиться съ больной. Онѣ молча и печально смотрѣли на молодую. Всѣ три женщины одинаково были теперь несчастливны. Одна, на склонѣ лѣтъ, доживала несчастье своей молодости въ одиночествѣ и физическихъ страданіяхъ; другая—въ полной порѣ жизни, уже съ отвращеніемъ встрѣчала новый день, который не принесетъ ей никакихъ радостей, кромѣ униженія и страданій; а третья—еще полная юности,—была уже поражена страшной дѣйствительностью жизни. И всѣ эти три существа были недурныя женщины, любили безкорыстно, могли быть хорошими женами и матерями для честныхъ людей. Зачѣмъ же онѣ обречены на одно только горе и слезы?... Зачѣмъ онѣ такъ унижены, между тѣмъ какъ лицемерство и преступленіе окружены уваженіемъ и спокойствіемъ? Въ этихъ случаяхъ, у меня умъ за разумъ заходитъ.

— Чувствуетъ-ли Петръ Григорьевичъ, сколько слезъ пролито сегодня изъ-за него? шепотомъ замѣтила Олимпиада Федоровна.

— Да, чувствуютъ они!—Смѣхъ распутной заглушитъ всѣ ваши слезы, отвѣчала сердито и мрачно Марья Васильевна.

— Я никогда бы не могла себя вообразить, чтобъ онъ, на видъ такой добрый, такъ много говорящій о любви, такъ возмущающійся всякимъ дурнымъ поступкомъ,—чтобы онъ могъ самъ дѣлать такое зло.... Если у него были всюду любовницы, зачѣмъ онъ женился?

— Очень много думаютъ объ этомъ! Лишь бы имъ только было весело.

— Марья Васильевна, я его больше не могу любить, но потому произнесла дѣвушка, послѣ нѣкотораго молчанія: — онъ дурной человекъ, даромъ что говорить о себѣ много хорошаго.

— Глупая! для насъ было бы менѣе горя, если бы мы могли любить только хорошихъ людей. То-то наше и горе, что какъ полюбишь, то какой злодѣй ни на есть, а своего сердца не отрвешь; разсудкомъ и понимаешь, что онъ не стоитъ слезинки одной, что стыдно такого любить, ажь-нѣтъ, любишь, да еще какъ любишь-то!...

Легкое движеніе больной заставило замолчать говорившихъ и онѣ свободно вздохнули, когда она нѣсколько привстала.

— Что это? Неужели я заснула? схватясь за распущенные свои волосы, вопросительно произнесла она.

— Хотите чаю? спросила старушка.

Олимпиада Федоровна отошла отъ Софьи Григорьевны, боясь потревожить ее, и стояла печально у стола.

— Нѣтъ-ли письма отъ Петра Васильевича? спросила Софья Григорьевна.

— Я вотъ пойду узнаю, отвѣчала старушка и тихо прибавила дѣвущкѣ:—видите, и она также, какъ всѣ, о немъ о первомъ заговорила.

— Олимпиада Федоровна! слабымъ голосомъ окликнула больная дѣвущку.

— Вотъ мы теперь одинаково обѣ несчастны! произнесла убійственнымъ голосомъ Софья Григорьевна.

Старушка вернулась въ ту же минуту съ письмомъ въ рукѣ.

Софья Григорьевна радостно схватила его и, дрожа, прочла нѣсколько разъ; слезы, улыбка—все было вмѣстѣ на ея лицѣ, и она, пряча письмо на грудь, довольнымъ голосомъ сказала:

— Онъ завтра будетъ!

И Софья Григорьевна бросила суровый взглядъ на дѣвущку, такъ что та поняла, что непріязнь къ ней опять вернулась, и поспѣшила уйти.

— Онъ меня любитъ, Марья Васильевна, съ самодовольствиемъ сказала Софья Григорьевна:—какъ онъ скучаетъ и тревожится обо мнѣ!

Дѣйствительно, письмо Петра Васильевича было полно самыхъ нѣжныхъ фразъ.

— Вѣдь онъ не виноватъ, что они научили ее пріѣхать.... Я должна забыть все старое.

— Да, все забыть, отвѣчала машинально старушка.

— Я не покажу ему вида, что я знаю о нихъ. Этакъ легче будетъ ему; а то его будетъ мучить, что я все знаю.—Надо вѣдь такъ сдѣлать—все простить!

Старушка внутренно сердилась и думала:

— Всегда такъ: она боится его огорчить; а онъ и не подумалъ о томъ, сколько онъ ей горя доставить, привезши ее сюда....—Пейте-ка чай-то! вы, я думаю, голоднешоньки, громко сказала она.

— Я сыта.

— Вѣрно слезами, тихо пробормотала старушка, и все-таки заставила ее выпить чашку чаю, а потомъ уложила въ постель.

Софья Григорьевна желала заснуть скорѣе, чтобы сократить длинное время, которое оставалось до радостной минуты свиданія съ мужемъ. Она чувствовала, что выстрадавшая ея любовь стала ей еще дороже и что страшно потерять ее теперь.

Счастливы еще тотъ человѣкъ, кто, засыпая послѣ слезъ и страданія, можетъ нетерпѣливо ждать разсвѣта другаго дня. Въ этомъ случаѣ, Олимпиада Ѳедоровна была самая несчастная женщина. Послѣ горькихъ слезъ и послѣ всѣхъ униженій, она съ тяжкимъ чувствомъ думала о другомъ днѣ, убѣжденная заранѣе, что онъ не принесетъ ей ничего кромѣ новаго горя. А Лизавета—она безъ лихорадочной дрожи не могла и подумать о разсвѣтѣ дня. Она всю ночь, не смыкая глазъ, сидѣла, держа на колѣняхъ спящаго своего сына, и проливала потоки слезъ, думая о его участи. Она рѣшилась даже отдать его подъ полное покровительство Софьи Григорьевны и твердо вынести разлуку съ нимъ, чтобы только спасти его отъ участи всѣхъ подобныхъ ему дѣтей въ домѣ.

Марья Васильевна, ложась въ постель, давно уже потеряла привычку думать о себѣ: она скорбѣла о трехъ бѣдныхъ измученныхъ женщинахъ и живо сочувствовала каждой, потому что чувства и положеніе ихъ были хорошо знакомы ей. Не смотря на

старость и болѣзнь, давно-прежнее горе отчетливо вѣзало въ ея сердцѣ, и стоило ей видѣть подобныя страданія въ другихъ, — какъ все ея тяжелое прошедшее, подобно глубокой ранѣ, снова раскрывалось и причиняло сильную боль ея израненному сердцу.

— Пошли имъ Господь силы вынести все ихъ горе, не отягчая совѣсти угрызениемъ... И что это за странность: сама всю жизнь проплакала, да и теперь одиѣ слезы да слезы вижу? думала старушка и никакъ не могла объяснить себѣ этой странности. А это очень просто. Такая участь постигаетъ равно и мужчину и женщину, если въ нихъ не потеряно состраданіе къ чужому горю, и если они способны любить искренно и привязываться сильно.

Для Софьи Григорьевны встрѣча другаго дня не могла быть радостна и покойна. Лизавета явилась къ ней въ комнату, молча подала ей своего сына на руки и, упавъ ей въ ноги, раздирающимъ душу голосомъ молила взять у дѣдушки ребенка.

— Дѣлайте, что хотите съ нимъ, только чтобъ не оставался онъ въ ихъ рукахъ.

— Хорошо, я все сдѣлаю, только встаньте, идите и успокойтесь, говорила сконфуженная и растроганная Софья Григорьевна и поцаловала ребенка, желая чѣмъ нибудь выразить искреннее свое намѣреніе покровительствовать бѣдной женщинѣ.

— Благодарю васъ! рыдая, сказала мать. Если у васъ будутъ дѣти, вы поймете мое горе и извините меня за то, что я надѣлала вчера: тогда я не помнила себя. Всю ночь я думала только о немъ и вотъ теперь пришла къ вамъ.

— Я сейчасъ же пойду къ дѣдушкѣ и буду просить о васъ, сказала Софья Григорьевна.

— Только о немъ, о немъ! прижавъ судорожно къ сердцу ребенка, воскликнула мать.

— Я васъ не разлучу съ нимъ! Я васъ отошлю къ моей матери—она такая добрая, и вамъ будетъ жить покойно у нея: для меня она сдѣлаетъ все и будетъ воспитывать его, какъ моего сына.

Лизавета вскрикнула и кинулась обнимать Софью Григорьевну, съ какимъ-то радостнымъ изступлениемъ.

— Господи, а я такъ боялась васъ! Сережа, ангелъ мой, слышишь—ты не будешь расти здѣсь! тебя не отдадутъ въ сол-

даты!—И мать цаловала то сына, то его будущую покровительницу.

Послѣ самой искренней благодарности, несчастная женщина въ первый разъ отъ чистаго сердца весело улыбнулась своему сыну.

— Пойдемъ, постираемъ еще немного, радостно сказала она: а тамъ ты у меня не будешь больше валяться на мокромъ полу, будешь чистенькій... Сдѣлай ручку. Вотъ такъ!—И Лизавета медлила выходить изъ комнаты: ей почему-то сдѣлалось такъ весело и легко въ присутствіи своей покровительницы.

Софья Григорьевна торопилась одѣваться, чтобъ идти къ дѣдушкѣ. Она рѣшилась вынести всѣ его отвратительныя ласки, чтобы только достигнуть своей цѣли и услатъ поскорѣе къ своей матери Лизавету и ребенка. И не мало дивилась неопытная женщина, размышляя, почему люди дѣлаютъ зло ближнему, когда, напротивъ, такъ легко и весело становится на душѣ, если чувство состраданія возьметъ верхъ надъ эгоизмомъ.

Да, безобразно, — дико равнодушіе и вражда въ людяхъ другъ къ другу. На всемъ земномъ шарѣ образованныя общества устроили изъ себя нѣчто въ родѣ ортопедическихъ институтовъ, гдѣ, съ большимъ искусствомъ, еще съ дѣтства уничтожаютъ въ человѣкѣ все хорошее, именно то, что отличаетъ его отъ хищнаго звѣря. Этимъ хищничествомъ до того всѣ пропитались, что понимаютъ братство только на акціяхъ, гдѣ соединенными силами нѣсколькихъ капиталовъ производятся громадныя операціи, дающія возможность пользоваться въ образованномъ обществѣ всѣми его удобствами, выработанными цивилизаціею. Каждый ребенокъ образованнаго класса понимаетъ, что работай хоть 24 часа въ сутки, безъ привилегій на хищничество, не только не можешь пользоваться удобствами въ жизни, но даже чистымъ воздухомъ, свѣжей водой и здоровой пищею. Въ одинъ только кабакъ дверь безпрепятственно и широко отворена бѣдняку — труженнику, и здѣсь грубая рука блюстителя порядка не схватитъ его за горло, чтобъ оттолкнуть прочь, какъ это дѣлаютъ съ нимъ всюду. Образованные люди не слышатъ стоновъ голодныхъ своихъ братьевъ; ихъ вѣроятно заглушаютъ мелодическіе звуки итальянской оперы, а газовое освѣщеніе до того испортило ихъ зрѣніе, что они какъ будто не видятъ, какой развратъ и какія притѣсненія творятся вокругъ.

Дѣдушка принялъ Софью Григорьевну въ постель и притво-

рился больнымъ; онъ даже насильственно кашлялъ и при появленіи ввучки, слабымъ голосомъ сазалъ:

— Ахъ, это вы! хорошо, что пришли: я ужь хотѣлъ просить васъ, какъ родственницу, прикрикнуть на всѣхъ, потому что о больномъ человѣкѣ никто не хочетъ и позаботиться. Вчера я чуть не умеръ, и никого дозваться не могъ; а если и придетъ кто изъ нихъ, то всѣ точно ошалѣлы. Это такое безчувствіе, что право горько видѣть!

Молодая поняла, что старику извѣстно все, что происходило вчера въ ея комнатѣ, и потому она рѣшилась возможно скорѣе приступить къ дѣлу.

— Я къ вамъ съ просьбой, робко сказала она.

— Съ просьбой! скорчивъ удивленную мину, воскликнулъ старикъ...—А! догадываюсь. Вѣрно и васъ они вывели наконецъ изъ терпѣнія, и вы желаете, чтобы я ихъ распекъ? Но гдѣ мнѣ, больному старику? Впрочемъ, я все сдѣлаю, чтобы васъ защитить и заставить уважать!

— Я и не думала ни на кого жаловаться, замѣтила Софья Григорьевна.

— Такъ какая же ваша просьба? — А! вѣрно вы желаете, чтобы я опять выписалъ вамъ конфетъ? Извольте! Я скорѣе себѣ откажу во всемъ, но вашу прихоть исполню; только вы ужь сами напишите, какихъ желаете.

— Моя просьба очень серьезна. — Я прошу васъ ничего не сказывать моему мужу и отпустить, какъ можно скорѣе, Лизавету съ ея сыномъ къ моей матери.

— Что такое? Вы хотите меня ввутать въ какую-то исторію противъ Петра Васильевича?—Нѣтъ-съ, я такихъ вещей не сдѣлаю... Возьмите ее къ себѣ въ услуженіе, держите при себѣ, чтобы она не развратичала, — но болѣе ничего не могу, не могу!

— Я ни за что не возьму ее къ себѣ! теряя все свое благоразумное спокойствіе, отвѣчала молодая.

— Это почему?

— Потому что это было бы низко съ моей стороны, съ горчностью произнесла Софья Григорьевна.

— Что?... прешетавъ, грозно и протяжно выговорилъ старикъ.—Такъ я нивости заставляю васъ дѣлать... Каково? Ай да ввучка! И вы ннѣ право такъ и рѣшились это сказать? Извини-

те, сударыня, — я въ жизнь свою ничего подобнаго самъ не дѣлалъ, и другихъ не заставляю дѣлать!

Дѣдушка прожизнесъ это съ такой смѣлой увѣренностью, что какъ ни была испугана внучка, но ее поразило то, какъ человѣкъ, всю жизнь мучившій, давившій всѣхъ окружающихъ его, теперь рѣшается еще прославлять свое благородство.

Глаза у старика сверкали такъ, какъ вѣрно давно уже не сверкали. Онъ судорожно мядъ восковые шарики и, шипя, грозно продолжалъ:

— О, я вижу, что васъ слезами да наказами хороше вооружили противъ меня! Но мнѣ все равно! Я никому не дозволяю распорядиться въ моемъ домѣ и говорить мнѣ дерзости. Теперь скажу вамъ однажды навсегда, чтобы вы ко мнѣ не смѣли адресоваться съ подобными просьбами... Стыдно образованной и молодой дамѣ заниматься всѣми этими низкими дрязгами!

— Вы сами вчера сказали мнѣ о ребенкѣ! съ негодованіемъ и отвращеніемъ отвѣчала Софья Григорьевна.

— Что вы?... Вы хотите мнѣ дѣлать сцены изъ-за этого щенка?... Я не привыкъ къ этому, сударыня! Извольте идти вонъ отсюда!

Софья Григорьевна чуть не упала въ обморокъ отъ страха; она въ жизнь свою ничего подобнаго не испытывала и, едва передвигая ноги, блѣдная, дрожащая, выпшла изъ комнаты старика, который ее злости тотчасъ созвалъ весь домъ въ свою комнату и разбранилъ всѣхъ самымъ унижительнымъ образомъ, грозя каждому въ порошокъ истолочь и языкъ подрѣзать. Давно никто не помнилъ, чтобъ онъ былъ такъ сердитъ. Суматоха слѣдствовала страшная во всемъ домѣ; послали верховаго за докторомъ и вся домашняя аптека была перевернута вверхъ дномъ отыскиваньемъ разныхъ усноконтельныхъ порошковъ и капель.

ГЛАВА V.

День прошелъ мучительно, тревожно и тоскливо для молодой: она сидѣла одна въ своей комнатѣ и боялась даже выдти въ садъ. Злое лицо старика, какъ тѣнь, преслѣдовало ее; страхъ, что она много принесла горя своимъ участьемъ къ бѣдной женщннѣ, а еще болѣе боязнь, что Петръ Васильевичъ можетъ оскор-

биться ея внимательствомъ—мучила ее. Словомъ, и сегодня не легче вчерашняго было у ней на душѣ.

Вечеромъ, старая отъ нетерпѣливаго ожиданія видѣть скорѣе своего мужа и рассказать ему все самой, она преодолѣла всякій страхъ и пошла одна, тихонько, на проѣзжую дорогу встрѣчать Петра Васильевича....

Софья Григорьевна торопливо шла по дорогѣ между безконечными полями, полная ожиданіемъ, что вотъ, вотъ раздастся стукъ колесъ,—и она уже не будетъ одна. Луна поднялась уже довольно высоко и ярко освѣтила окрестность; вокругъ господствовала совершенная тишина, такъ что можно было видѣть и слышать довольно далеко, — но все нѣтъ желаннаго звука, а ноги уже отказываются идти, и глаза пугливо смотрятъ по сторонамъ и невольно останавливаются на чернѣющемъ вдали лѣсѣ.

— Нѣтъ, я лучше буду его здѣсь ждать, потому что въ лѣсу еще страшнѣе, разсудила Софья Григорьевна, и въ изнеможеніи прислонилась къ тощей березѣ, одиноко торчавшей при дорогѣ. — Пускорѣе бы уѣхать изъ этого страшнаго дома.... Что было бы съ моею матерью, если бы она видѣла меня въ эту минуту? Господи! какъ я желала бы теперь быть въ своей комнатѣ, близъ нея. Да, надо мнѣ было узнать злыхъ людей, чтобъ понять, какъ добра моя мать. Ахъ, бѣдная! она тоже много страдала, и можетъ быть такъ же, какъ я, стояла въ полѣ, ожидая своего мужа. Но что это онъ не ѣдетъ? — Ахъ, какъ тяжело и страшно!

И бѣдная женщина закрыла глаза и прислонила голову къ дереву. Но вдругъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ и дико уставила глаза на появившагося передъ ней молодаго человѣка, тоже не менѣе дико смотрѣвшаго на нее. Софья Григорьевна хотѣла было бѣжать, но не могла; кричать — тоже не было силъ: она чувствовала, какъ застывала въ ней кровь отъ испуга.

— Вы одни здѣсь? пріятнымъ голосомъ спросилъ ее молодой человѣкъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я жду своего мужа, отвѣчала она дрожащимъ голосомъ, нѣсколько успокоясь при видѣ грустнаго и добраго лица молодаго человѣка; она скоро догадалась, что это, вѣроятно, и есть сумасшедшій.

— Такъ это вы жена Петра Васильевича? Какъ же васъ пустили одну, ночью? Вы вѣдь очень далеко отъ дому. Я за вами давно слѣдилъ. Я думалъ, что это Олимпіада Федоровна.

— Я все знала.... думала, встрѣчу его. Я....

Стукъ колесъ вдали прервалъ ее и она пустилась радостно бѣжать впередъ.

— Это онъ, навѣрно онъ! твердила она.

— Ну, а если это не онъ? догоняя ее, спросилъ молодой человекъ.

Софья Григорьевна приостановилась на секунду, и потомъ снова побѣжала.

— Это онъ! возразила она съ увѣренностью.

Но шаги ея стали медленнѣе и наконецъ она совершенно остановилась.

— Что съ вами? съ участиемъ спросилъ молодой человекъ.

Софья Григорьевна перевела духъ и опять побѣжала, и когда телега обрисовалась ясно (скакалъ подгулявшій ямщикъ), она остановилась, и тяжкій вздохъ вылетѣлъ изъ ея груди.

— Что же, вы будете здѣсь ждать его? Можетъ быть онъ прійдетъ поздно ночью, или совсѣмъ не прійдетъ? сказалъ ей молодой человекъ.

— Нѣтъ, онъ писалъ мнѣ, что непременно будетъ: мнѣ нужно сказать ему такъ много.

— Давно онъ уѣхалъ?

— Вотъ ужъ теперь ровно двое сутокъ.

Софья Григорьевна произнесла это такимъ тономъ, точно, Богъ знаетъ, сколько лѣтъ прошло съ минуты ихъ разлуки; и потомъ прибавила, сама не зная зачѣмъ:

— Мнѣ страшно вернуться безъ него въ этотъ домъ! Неужели онъ не прійдетъ сегодня?—и Софья Григорьевна горько заплакала.

— Не плачьте! Неужели вамъ такъ тяжело жить тамъ? съ участиемъ спросилъ ее молодой человекъ.

— Да.

— Зачѣмъ же онъ васъ оставилъ одинъкъ?

— Я вчера только все узнала....

Горе, потребность высказаться и довѣрие, какое внушала наружность молодаго человека, не заставили молодую долго обдумывать свои слова; но она однако покраснѣла отъ своей откровенности.

— Вы устали, взволнованы; посидимъ здѣсь.

И молодой человекъ снялъ съ себя пальто и равостлалъ его на травѣ.

Дѣйствительно, Софья Григорьевна такъ устала, такъ была

опечалена, что провинилась молча. Онъ сѣлъ возлѣ нея, пристально вглядываясь въ молодое лицо, которое отъ ходьбы и сильныхъ ощущеній было такъ одушевлено, такъ красиво. Свѣтъ луны, безконечное пространство вокругъ, тишина ночи, — все это придавало группѣ что-то идеальное; оба были молоды, красивы; у обоихъ глаза были полны дѣтской чистоты, хотя тяжесть дѣйствительной жизни не разъ отуманивала ихъ слезой.

Молодой человѣкъ съ какимъ-то восторженнымъ благоговѣннѣмъ глядѣлъ на Софью Григорьевну, когда она рассказывала ему о своей матери и о своей жизни у дѣдушки.

Бываетъ и не въ молодости, что встрѣтишь человѣка, которому самъ не понимаешь, какъ выразишь всю свою жизнь, все свое горе, тогда какъ те и другое скрываешь тщательно отъ людей, знакомыхъ уже нѣсколько лѣтъ. Когда страдавшая душа хочетъ высказаться, одного искренняго слова достаточно для того, чтобъ вызвать взаимное довѣрiе людей.

Такъ случилось и съ молодыми людьми. Пройдя нѣсколько верстъ вмѣстѣ, они совершенно подружились, и имъ это не казалось страннымъ, — напротивъ, они разсуждали между собою точно давно знакомые люди. Молодой человѣкъ видимо не желалъ разстаться съ Софьей Григорьевной.

— Неужели я васъ скоро не увижу? спросилъ онъ ее.

— Гдѣ же мы можемъ видѣться?

— Если бы я только могъ выносить присутствiе лицъ, живущихъ въ домѣ, я бы пришелъ къ вамъ.

— Я когданибудь сама приду посмотреть на ваши цвѣты, которые, говорятъ, вы такъ любите.

— Придите! съ какимъ-то дѣтскимъ восторгомъ вскрикнулъ молодой человѣкъ. — Знаете ли?... я возьму въ деревнѣ лошадь и поѣду въ городъ, и если онъ не прiѣдетъ сегодня, то вы хоть завтра поутру будете покойны, зная, что онъ здоровъ, и въ то же время зная причину, задержавшую его въ городѣ.

— Но вѣдь эго далеко, надо цѣлую ночь ѣхать, — говорятъ, верстъ тридцать! замѣтила Софья Григорьевна, а у самой лицо пресіяло.

— А хоть бы и сто!... Завтра ждите меня съ извѣстiемъ о немъ; если же встрѣчу его на дорогѣ, то предупрежду, чтобъ онъ прiѣде всѣхъ видѣлъ васъ и не слушалъ бы никого.

На другой день, утромъ, Софья Григорьевна послала за Марьей Васильевной, чтобъ узнать отъ нея о возвращенiи молодого

человѣка, желая устроить съ нимъ тайкомъ свиданіе и распросить о мужѣ; но тревожно-мрачное лицо старушки совершенно перепугало ее и она поблѣднѣла, боясь даже выговорить слово. Ей вообразилось, что съ ея мужемъ, въ дорогѣ, случилось какое нибудь несчастье. Въ мигъ нарисовалось въ ея воображеніи, что онъ лежитъ гдѣ нибудь въ деревнѣ, разбитый лошадыми.

— Что съ вами? силясь улыбнуться, выговорила испуганная старушка: — что это вы, какъ странно на меня смотрите?

— Что случилось съ нимъ, говорите! Его разбила лошадь?

— Богъ съ вами! Да какъ это вамъ такіа венца въ голову приходить?

— Отчего же вы такъ встревожены?

— Да я всю ночь не спала; съ дѣдушкой все возилась, а тутъ къ Сереженькѣ меня позвали: онъ боленъ.

— Такъ онъ не былъ въ городѣ? — А я такъ понадѣялась на него! съ досадою отвѣчала Софья Григорьевна.

— Вотъ это не хорошо! Онъ для васъ столько верстъ проскакалъ, какъ угорѣлый, а вы... Старушка разгорячилась и потомъ вдругъ замолчала.

— Значить, онъ былъ въ городѣ, видѣлъ его? торопливо спросила молодая.

На лицѣ старушки изобразилось замѣшательство.

— Да для чего это вы все такъ къ сердцу принимаете?—Ну, придетъ завтра, рѣзко отвѣчала старушка.

— Почему же завтра?... Нѣтъ, вы скрываете отъ меня. Я пойду къ нему, онъ все мнѣ расскажетъ!

— Боже ты мой! да придите вы въ настоящій видъ!... все онъ, да онъ.... Что рваться-то такъ?... Полноте, еще за пустую блажь сочтутъ всѣ ваши слезы и тревоги.

— Марья Васильевна, голубушка, скажите мнѣ все! умоляющимъ и слезнымъ голосомъ воскликнула молодая.

— Да вѣдь я вамъ сказала, что вашъ муженекъ обѣщался завтра быть здѣсь, что онъ здоровехонекъ, — чего же еще? Не спрашивайте, — слова не скажу больше! разгорячась прибавила старушка и ушла изъ комнаты.

«Онъ мнѣ все расскажетъ, онъ ненавидитъ ложь», подумала Софья Григорьевна и пошла въ садъ, чтобъ пробраться къ молодому человѣку; но Сергій Игнатьевичъ вдругъ явился передъ ней, точно изъ-подъ земли.

— А, вотъ вы какія! съ упрекомъ сказалъ онъ. — Я васъ два дня прождалъ здѣсь. Отчего вы не пришли?

— Потому что я не хочу знать вашихъ секретовъ.

— Да это секреты вашего мужа.

— Онъ завтра будетъ здѣсь. И Софья Григорьевна старалась сдѣлать видъ, что она совершенно покойна и увѣрена въ своемъ мужѣ.

— Нѣтъ, онъ не будетъ завтра. Хотите держать пари?

Софья Григорьевна измѣнилась въ лицѣ.

— Неужели вы думаете, что я вамъ буду вѣрить больше, чѣмъ Петру Васильевичу? гордо возразила она.

— Полноте! — Вамъ ли скрыть, что у васъ дѣлается на душѣ? Вы такъ молоды....

— Ахъ, какъ мнѣ всѣ надоѣди здѣсь, съ моею молодостью! въ отчаяніи замѣтила Софья Григорьевна и пошла домой, отложивъ до вечера свое посѣщеніе.

Сергій Игнатьевичъ слѣдовалъ за ней, продолжая говорить:

— Оттого, что вы молоды, я въ васъ и принимаю участіе. Я хочу васъ научить, какъ надо жить, и какъ надо установить ваши супружескія отношенія, — сдѣлать васъ самостоятельной. Я всегда на сторонѣ женщины, потому что мы развращены, въ этомъ ужъ надо сознаться; а женщина....

— Перестаньте! — Вы хотите, чтобъ я не вѣрила Петру Васильевичу? Я ему вѣрю, и буду вѣрить, разгорячась отвѣчала Софья Григорьевна.

— Вѣрите — вамъ же хуже! Вы его будете ждать завтра, а онъ будетъ жить себѣ въ городѣ.

Софья Григорьевна убѣжала отъ Сергія Игнатьевича, и бѣдная женщина снова плакала въ своей комнатѣ до истерики.

Сергій Игнатьевичъ говорилъ правду, что Петръ Васильевичъ не прійдетъ завтра, потому что, по совѣщанію друзей, Петру Васильевичу было послано письмо, въ которомъ требовали, чтобъ онъ, для будущаго счастья всей своей супружеской жизни, не тѣхалъ бы скоро къ женѣ, чтобъ имъ можно было, въ это время, вразумить заблудшую душу. Отъ него не скрыли, что его жена видѣлась съ Лизаветой, поссорилась съ дѣдушкой и оскорбила Надежду Кондратьевну. Особенно Федоръ Федоровичъ доказывалъ своему другу, что надо уничтожить самонадѣянность въ его женѣ и прекратить дерзости, которыя она дѣлаетъ всѣмъ. Письмо оканчивалось припискою: « въ ней нѣтъ женственности, а ее-то

и надо развить въ ней всѣми силами; иначе она замучитъ тебя! Кланяйся Катѣ. Право, эти блудницы умѣютъ любить горячѣе всякихъ другихъ женщинъ».

Вечеромъ Софья Григорьевна, никѣмъ не замѣченная, прошла къ дощичку молодого человѣка, но оробѣла, когда хотѣла пройти въ полуоткрытую комнату. Заглянувъ въ нее, она увидѣла небольшое пространство около дома, вплоть покрытое цвѣтами. Лунное освѣщеніе ярко разливалось надъ пахучимъ цвѣтникомъ и рельефно обрисовывало задумчивую, печальную фигуру молодого человѣка, стоявшаго у дверей своего маленькаго домика. Но молодой человѣкъ точно инстинктомъ почувствовалъ присутствіе Софьи Григорьевны, и его глаза обратились къ калиткѣ. Замѣтивъ тамъ что-то бѣлое, онъ кинулся къ ней, и радостный крикъ вырвался изъ его груди. Какъ дитя, онъ протянулъ ей свои руки и ввелъ въ свой садикъ.

— Я васъ ждалъ, и потому не заперъ калитки. Какая вы добренькая! прибавилъ молодой человѣкъ, усаживая дорогую гостью на скамейку.

— Какъ много цвѣтовъ у васъ! замѣтила молодая, почувствовавъ вдругъ, что она поступила противъ приличія, прійдя къ молодому человѣку.

— Однако я не могу долго у васъ оставаться, потому что меня могутъ хватиться.

— Да, вы правы! грустно произнесъ молодой человѣкъ. Намъ надо отъ всѣхъ скрывать наше знакомство, потому что эти люди имѣютъ даръ отравлять все своимъ языкомъ... Приходите рано утромъ.

— Хорошо!... Но я васъ хотѣла спросить.... вы вѣдь не скажете мнѣ неправду?

— Никогда!

— Вы видѣли Петра Васильевича? спросила она дрожащимъ голосомъ.

Лицо молодого человѣка вдругъ поблѣднѣло, и онъ печально склонилъ голову и опустилъ глаза.

— Да! отвѣчалъ онъ.

— Онъ здоровъ?

— Здоровъ.

— Правда-ли, что онъ не прійдетъ завтра, что.... (Рыданія заглушили слова Софьи Григорьевны)—правда ли, что онъ обманываетъ меня?..

— Правда! тихо и съ мучительной тоской выговорилъ молодой человѣкъ и вдругъ истерически зарыдалъ.

Софья Григорьевна уже знала по опыту, что дѣлать въ этомъ случаѣ, но не менѣе того, она очень встревожилась и горько плакала уже изъ участія къ страданіямъ молодаго человѣка, который, уходя въ комнату, сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Приходите завтра утромъ.—Софья Григорьевна вернулась домой еще печальнѣе и тоскливѣе; но она ожила, найдя письмо отъ мужа, который извѣщалъ ее, что онъ не пріѣдетъ къ ней завтра, и просилъ, чтобъ она не беспокоилась: «ты знаешь, Софи, что человѣкъ обязанъ сострадать горю ближняго, а тѣмъ болѣе, если этому горю онъ былъ случайной причиною. Жестоко было бы съ твоей стороны, еслибъ ты, изъ пустаго и недостойнаго чувства ревности, помѣшала мнѣ снасти падшую женщину и указать ей истинный путь къ жизни. Ты такъ добра и такъ развита, что будешь сама радоваться со мной, если намъ удастся воскресить заблудшую душу. Да, мой дорогой другъ, ты теперь вступишь къ новую жизнь и объективно должна смотрѣть на вещи; этимъ только ты достигнешь міроваго взгляда на жизнь и будешь способна сама проявлять симпатію къ высокимъ искусствамъ и сочувствіе къ страждущему человечеству. — Твоя женственная натура будетъ и меня охранять отъ всего ложнаго, за что, разумѣется, я буду благословлять тебя. И такъ съ Богомъ, впередъ! Не раскаявайся только, если на своемъ трудномъ поприщѣ ты получишь много страданій, много горя — это мученичскій вѣнецъ всѣхъ достойныхъ людей на землѣ. Утѣшай себя тѣмъ, что истина наконецъ восторжествуетъ надъ всѣмъ ложнымъ. Вспомниай чаще, съ какимъ смиреніемъ Онъ несъ свой мученичскій вѣнецъ. — Я страдаю оттого, что далеко отъ тебя, и не могу видѣть твоего ангельскаго лица и поцаловать твои глазки, въ которыхъ столько любви и довѣрія! Да, вѣрь мнѣ, вѣрь, что я, во имя нашей любви, неспособенъ сдѣлать ничего дурнаго! Можетъ быть, въ моемъ прошедшемъ были минуты ложныхъ увлеченій, но, вѣрь мнѣ, я глубоко страдаю за нихъ. Разумная наша любовь связала насъ духовно, а не матеріально; а потому я убѣжденъ, что ты залечишь мои раны теплымъ участіемъ къ моимъ страданіямъ.... Я думаю, тотчасъ по моемъ возвращеніи къ тебѣ, собратъся и ѣхать поскорѣе въ Италію. Да, видѣть эту страну мнѣ необходимо. Я уже предчувствую, что она придастъ мнѣ мощныя силы и тогда я съумѣю проявить свою дѣятельность

не въ пустякахъ, а въ чемъ нибудь очень полезномъ для чело-
вѣчества. Духовное развитіе въ человѣкѣ тѣмъ и велико, что оно
дастъ глубокое сознаніе своихъ силъ; — а эти силы, этоть внут-
ренній міръ, приводятъ въ движеніе всѣ лучшія струны сердца
человѣка и заставляютъ его забывать свое эгонистическое я!...
Ахъ, Софя! вѣрь моей горячей къ тебѣ любви и не смотри аб-
страктно на любящаго человѣка! — Я неспособенъ любить
женщину виоловину. Я весь преданъ ей, и такъ высоко ставлю
это святое чувство, что въ моемъ сердцѣ не остается мѣста для
мелочнаго страха, заставляющаго опасаться, чтобы наши отно-
шенія могли когда нибудь пострадать отъ какихъ нибудь люд-
скихъ козней и случайныхъ встрѣчъ въ моемъ безсильномъ про-
шедшемъ существованіи!»

Письмо это, кромѣ выписанныхъ мною, заключало еще мно-
жество страшныхъ нѣжностей.

Софья Григорьевна была имъ совершенно сбита съ толку;
теперь она ничего уже не могла понять. А Лизавета, а Олимпиа-
да Федоровна и эта заблудшая душа, о которой онъ упоминаетъ
въ письмѣ — что же это все значить?... Но онъ пишетъ, чтобъ
ему вѣрить, что онъ никогда ничего дурнаго не дѣлалъ? — И
любящее сердце старалось оправдать любимаго человѣка; оно
вѣрило ему и простило все его прошедшее и даже рѣшилось тер-
пѣливо ждать возвращенія своего кумира и тѣмъ доказать всю
силу своей любви.

Молодой человѣкъ видѣлся съ Петромъ Васильевичемъ и со-
вершенно уничтожилъ его силою своею безхитростнаго, нрав-
ственнаго взгляда на всѣ поступки мужа съ довѣрчивой и любя-
щей женой. — Молодой человѣкъ былъ до глубины души возму-
щенъ, найдя Петра Васильевича въ обществѣ женщины, которая
своей наглою наружностью скорѣе наводила ужасъ, и никакъ
нельзя было надѣяться, чтобъ она имѣла расположеніе бесѣдо-
вать съ Петромъ Васильевичемъ приблизительно о чемъ нибудь,
кромѣ разврата. Петръ Васильевичъ оправдывался передъ маль-
чикомъ, расхныкался, и на утро написалъ къ женѣ письмо, въ
чистосердечной увѣренности, что онъ жертва своего мягкаго ха-
рактера и сострадательнаго сердца, и что онъ ничего дурнаго не
сдѣлалъ, потому что самоувѣренность глубоко вкоренилась въ
немъ съ малолѣтства отъ привитаго сознанія, что онъ не можетъ
поступать безчестно. А факты? — спросятъ меня читатели; но
развѣ нельзя фактъ иллюминировать заманчивыми красками. О Ли-

заветъ онъ забылъ, потому что много прежде и послѣ нея имѣлъ короткихъ сношеній съ подобными женщинами. На Олимпиаду Федоровну онъ смотрѣлъ глазами Надежды Кондратьевны, которая увѣрила его въ гнусномъ расчетѣ бѣдной, самолюбивой дѣвушки. А въ пріѣздѣ Кати онъ дѣйствительно невиновать. Одобренный Федоръ Федоровичъ изволилъ выписать ее и потребовать отъ него доказательствъ въ дружбѣ къ ней, обѣщанной имъ въ письмѣ къ Федору Федоровичу, извѣщавшемъ въ то же время о женитбѣ.

Софья Григорьевна не пошла на другое утро къ молодому человѣку, изъ страха, чтобъ онъ не поколебалъ ея рѣшимости слѣпо вѣрить въ любовь своего мужа и въ благородства его души. А молодой человѣкъ нетерпѣливо ждалъ ее, и пришелъ въ отчаянїе, думая, что она разсердилась на него за правду, высказанную имъ о ея мужѣ.

Вечеромъ Марья Васильевна пришла къ молодой въ комнату и строго сказала ей:

— Что это вы надѣлали?—Для чего это вы были у него?

Молодая вся всныхнула, но молчала, какъ пойманный въ шалости ребенокъ.

— Если обѣщались придти, то зачѣмъ обманули его? Знаете, что онъ бѣдный, какъ больное дитя!... Нехорошо,—право, нехорошо! сердито замѣтила Марья Васильевна.

— Я боялась, чтобы не узнали, выговорила въ свое оправданіе Софья Григорьевна.

— Надо было подумать объ этомъ пораньше! Захотѣлось узнать все—и побѣжали, точно радость какую узнавать... Право, вы надѣлали теперь хлопотъ намъ: поди, ладь съ нимъ теперь! Ахъ ты, несчастный мой!

Старушка была очень озабочена и огорчена, потому что она быстро сообразила, что свиданіе затворника съ молодой, красивой женщиной не пройдетъ ему даромъ. Оно такъ и вышло. — Молодой человѣкъ только и думалъ, что о Софѣ Григорьевнѣ. — Будь еще она счастлива, можетъ быть,—она не произвела бы на него такого сильнаго впечатлѣнія; но эти слезы напомнили ему сестру, ея страданія — и онъ даже находилъ большое сходство между ними, такъ что ему хотѣлось видѣть Софью Григорьевну уже по одному воспоминанію о любимой, несчастной своей сестрѣ.... Онъ до того разжалобилъ старушку своими слезами и воспоминаніями объ умершей, и такъ упрасивалъ ее, чтобъ она

оговорила Софью Григорьевну придти къ нему, что Марья Васильевна принуждена была дѣйствительно просить молодую навѣстить страдальца. Софья Григорьевна пошла къ нему вечеромъ. Радость его при встрѣчѣ съ ней была сильная: онъ не зналъ, куда усадить свою дорогую гостью. Софья Григорьевна обошла всѣ уголки въ домикѣ молодаго человѣка и пересмотрѣла всѣ его книги и ноты. Они, какъ дѣти, долго болтали и смѣялись; ихъ взгляды такъ были чисты, ихъ разговоръ такъ искрененъ, что невольно думалось: вотъ что нужно для супружескаго счастья, — нужно, чтобъ равно обоихъ пугала грязь жизни, а не такъ, какъ это бываетъ всегда: однимъ процитанъ развратомъ, безстрашенъ ко всякимъ низостямъ и равнодушенъ ко всякому горю и страданію ближняго, другой — слабая, неопытная женщина. Съ своею горячностью и чистотою чувствъ, она увлечена имъ въ грязь жизни, гдѣ онъ, огрубѣлый въ развратѣ и погрязшій въ равнодушіи, не заботится даже предупредить ее, что впереди ихъ ждутъ грязныя ямы и острые камни, по которымъ онъ потащитъ ее. Для него скучны ея слезы и стоны, и когда она, шрапенная, молитъ его свернуть на другую дорогу, онъ совершенно бросаетъ ее, потому что ему надоѣло наконецъ возиться съ измученной женщиной; а потомъ онъ еще, съ наглостью, оправдываетъ свой эгоизмъ: видя, если, убитая горемъ и одиночествомъ, несчастная женщина упадетъ въ глубокую, грязную яму общественаго разврата, — онъ увѣряетъ, что не онъ всему причиной.

Софья Григорьевна также находила большое удовольствіе видѣться и говорить съ молодымъ человѣкомъ. Его худое, блѣдное лицо всегда было такъ приятно, и онъ всегда такъ дѣтски былъ радъ ея приходу. Они читали вмѣстѣ и даже иногда, какъ дѣти, бѣгали по саду, стараясь каждый сдѣлать возможно большее число круговъ. Послѣ этой бѣготни, они, безъ всякой натянутости, вели серьезный разговоръ объ умершей сестрѣ молодаго человѣка, о страданіяхъ бѣдныхъ двухъ женщинъ и оканчивали всегда надеждою, что добро восторжествуетъ наконецъ надъ зломъ, — въ это они дѣтски вѣровали.

Свиданія молодыхъ людей не могли долго оставаться въ тайнѣ, при такомъ множествѣ шпионовъ въ домѣ. Надежда Комратьевна пришла въ отчаянье, узнавъ, что ея сынъ сталъ нарушать свое затворничество и гулять даже днемъ по саду. Несчаст-

ная мать бросилась къ дѣдушкѣ, который давно все зналъ, и умоляла его запретить эти свиданія.

— Что вы, Надежда Кондратьевна! У ней есть мужъ, пусть онъ въ это вмѣшивается, а я-то что тутъ, да и она не такая, чтобъ стала меня слушаться.... Я боюсь ея, право, боюсь съ тѣхъ поръ, какъ она меня чуть не прибила въ сердцахъ.

Старикъ говорилъ забытымъ голосомъ, а лицо озарено было удовольствіемъ, и онъ быстро каталъ шарики, смотря на непритворное огорченіе своей родственницы.

— Но это можетъ убить Пьера; онъ такъ любитъ ее—вѣтренницу, замѣтила Надежда Кондратьевна.

— Что вы!... Не мучьте меня такими словами, жалобно воскликнула дѣдушка.—Да, да, онъ точно сильно ее любитъ!... Ахъ, бѣдный Петръ Васильевичъ! жаль, но что же тутъ сдѣлаешь?

— Она въ вашемъ домѣ, дѣдушка. Я надѣюсь, вы, какъ хозяинъ дома и родственникъ Петра Васильевича, имѣете полное право требовать и даже заставить ее уважать вашъ домъ и васъ самихъ.

— Кто же нынѣ уважаетъ старшихъ и слушаетъ ихъ совѣтовъ, Надежда Кондратьевна?—Вѣкъ ужъ вѣрно такой, что дѣти стали умнѣ своихъ отцовъ и матерей: учить хотятъ ихъ, какъ надо жить. Какое уваженіе нынче?... Охъ, Надежда Кондратьевна! произнесъ старикъ болѣзненнымъ голосомъ, схватясь за грудь:—вы меня разстроили этой исторіей!... Я было думалъ, что все идетъ хорошо: потерплю, думаю, отъ нея,—что дѣлать!—догадается, что старика больнаго грѣхъ обижать, что онъ никому не мѣшаетъ, потому что изъ комнаты своей не выходитъ.... Нѣтъ, вы ужъ сами какъ нибудь распорядитесь; да вѣдь вы, какъ мать, имѣете полное право требовать повиновенья отъ своего сына. Урезоньте его; ну, а если сами не хотите его видѣть, — у васъ есть другъ вамъ преданный, который былъ бы зятемъ вашимъ, если бы ваша дочь осталась жива. Пошлите его къ сыну, чтобъ онъ вразумилъ молодаго человѣка и доказалъ ему, какъ безчестно, низко и преступно заводить интриги съ замужней женщиной. — Старикъ чуть не задыхался отъ своего краснорѣчія, а его внука—отъ злости; но это однако не помѣшало ей, уходя, поцаловать дѣдушкину ручку съ почтительной нѣжностью.

Нечего было дѣлать,—оставалось вызвать скорѣе Петра Васильевича и этимъ прекратить свиданія сумасшедшаго съ молодой. Послали нарочнаго въ городъ. Приѣздъ мужа безконечно об-

радовала Софью Григорьевну. Она въ первыя минуты радости, плача и ласкаясь, все рассказала ему, осторожно касаясь тѣхъ страшныхъ предметовъ, которые могли бы оскорбить или заставить покраснѣть ея мужа. Петръ Васильевичъ такъ же изъвивалъ радость при свиданіи съ женой; но не прошло дня, какъ его радость замѣнилась озабоченнымъ видомъ и онъ потребовалъ, чтобы его жена просила прощенья у дѣдушки и у Надежды Кондратьевны.

Софья Григорьевна сначала спорила и горячилась, но Петръ Васильевичъ требовалъ настоятельно и даже повелъ самъ ее къ дѣдушкѣ, который по этому случаю рѣшился измучить ее своими ласками, зная, что при мужѣ она не можетъ вернуться отъ него скоро.

— Вы ужь, Петръ Васильевичъ, не уѣзжайте больше, а то она очень скучаетъ о васъ и сердится на всѣхъ насъ, говорил старикъ, глядя по шеѣ Софью Григорьевну, — отчего она чувствовала, какъ бы прикосновеніе лягушки къ своему тѣлу. — Разумѣется, молодость не понимаетъ, что вы заботитесь о ней же, хлопчете, чтобы достатокъ былъ, да чтобы семейное счастье не нарушалось ни чѣмъ... Вы ужь простите имъ ихъ слезки, вѣдь дѣтскія, право дѣтскія! А вотъ какъ вы съ ней поживете на свѣтѣ, то она не заплачетъ больше, увидѣвъ, что муженекъ разѣзжается по своимъ дѣламъ, — тогда она будетъ разсудительнѣе. — Вѣдь такъ? заглядывая и смѣясь въ лицо своей внучкѣ, спросилъ ее старикъ.

Надежда Кондратьевна съ друзьями окончательно овладѣла Петромъ Васильевичемъ послѣ его пріѣзда, и такъ жалобно смотрѣла на него, будто онъ дѣйствительно былъ какой-то мученикъ. Въ разговорахъ она съ этихъ поръ иначе не называла его какъ — нашъ страдалецъ. Ухаживанье за нимъ она усилила: ужины на ея половинѣ происходили каждый день, и во время ихъ Надежда Кондратьевна заводила уже такія рѣчи:

— Пьеръ, дай мнѣ облегчить мою душу и высказать мои мученья! Я знаю, ты поймешь меня и оцѣнишь, какими чувствами я руковожусь.... Ты несправедливъ къ самому себѣ; оттого и мы всѣ страдаемъ жестоко, потому что любимъ тебя и гордимся твоей благородной натурой. Ты жертва своего мягкаго характера, своего деликатнаго сердца. Ты переходишь границы — и этимъ вредишь своей жизни. Я не могу болѣе бороться съ хитрыми и низ-

кими женщинами, которые опутали ее. — Ради Бога, спаси ее, спаси себя!

— Да, да, ты тамъ что ни говори, а у тебя широкая натура, — натура, которая не можетъ выносить узкую рамку филистерской жизни! Ты самъ не знаешь своего призванія, — вотъ въ этомъ-то и заключается твое несчастье! замѣтилъ Федоръ Федоровичъ.

— Не губи себя! воскликнула трагически Надежда Кондратьевна.

— Зарывать свои таланты въ такой пошлой жизни—это зло: оно подобно злу, причиняемому скупцомъ, зарывающимъ свои капиталы! То и другое—достояніе общества, съ важностью произвесь Сергѣй Игнатьевичъ.

— Такъ, такъ! прекрасная, вѣрная мысль, —сжимая руку Сергѣя Игнатьевича, сказалъ Федоръ Федоровичъ и продолжалъ:

— Мы не затѣмъ сознали наше развитіе и наши силы, чтобы жертвовать ими капризу одной личности. Нѣтъ, мы должны все это употребить на пользу человѣчества.

— Превосходно! именно такъ!—въ восторгѣ воскликнулъ Сергѣй Игнатьевичъ и, въ свою очередь, тоже пожалъ руку Федору Федоровичу.

Надежда Кондратьевна умиленно смотрѣла на обоихъ.

— Пьеръ, жалобно произнесла она: — иеужели ты не чувствуешь, сколько глубины и сознанія въ этихъ людяхъ? (она указала на своихъ друзей): —и ты хочешь, чтобъ она загородила тебѣ дорогу къ ихъ дружбѣ, чтобы она своимъ матеріализмомъ убила въ тебѣ твое духовное развитіе и твои художническія потребности? Нѣтъ, Пьеръ,—это ужасно!

— Печально, печально! поддакивали ей друзья.

Петръ Васильевичъ всегда молчалъ, когда говорили ему о женѣ. Впрочемъ, что же ему оставалось дѣлать, какъ не молчать: его родственники всегда такъ много говорили противъ нея, да не мало и дѣйствовали.

Софья Григорьевна съ ужасомъ видѣла, что ея мужъ становился къ ней холоднѣе съ каждымъ днемъ, а ея враги дѣлались болѣе дерзкими—месть ихъ она замѣчала во всемъ. Но Софья Григорьевна однако оправдывала мужа и всю вину сваливала на Надежду Кондратьевну и ея сообщниковъ. Ей и въ голову не приходила мысль, что какой же порядочный человѣкъ допустилъ бы преслѣдовать трѣмъ одну неопытную женщину и не поспѣшилъ бы удалить ее отъ неравной борьбы.

Наступило дождливое, холодное, осеннее время, съ темными, длинными вечерами и съ грустнымъ видомъ умирающей природы. Садикъ затворника съ каждымъ днемъ рѣдѣлъ, цвѣты блекли; но онъ ничего не замѣчалъ, хотя постоянно ходилъ въ немъ съ ранняго утра до поздней ночи, въ глубокой задумчивости, или въ лихорадочномъ волненіи. Онъ ко всему сдѣлался равнодушенъ: одна мысль занимала его, —это видѣть Софью Григорьевну и слышать ея голосъ — и онъ утѣшенъ за все. Несчастный полюбилъ ее всею силою своего теплаго сердца, хотя даже самъ не замѣчалъ этого. Онъ чувствовалъ, что для него нѣтъ выше радости, какъ видѣть ее возлѣ себя. Но ни словомъ, ни пожатіемъ руки не намекнулъ онъ молодой о своей любви; а Софья Григорьевна, вся погруженная въ свое унижительное страданіе, далека была даже отъ мысли о любви затворника, а если и видѣла его радость или горе, то приписывала ихъ нервному, болѣзненному его настроенію, — вотъ почему грубый намекъ Федора Федоровича, что она, на зло Надеждѣ Кондратьевнѣ, влюбила въ себя сумасшедшаго, — сравилъ ее какъ громомъ. Она еще не знала, что Федоръ Федоровичъ рассказывалъ всѣмъ, будто онъ засталъ ее, въ саду, въ объятіяхъ сумасшедшаго. Впрочемъ, въ этой грязной лжи онъ сознался впослѣдствіи по дружбѣ Сергѣю Игнатьевичу и оправдывалъ себя тѣмъ, что она оскорбила его пренебреженіемъ къ его аттракціи.

Возмущенная до глубины души, Софья Григорьевна въ слезахъ бросилась къ мужу, который очень апатично принялъ сдѣланное ей оскорбленіе и сказалъ убійственнымъ капризнымъ тономъ:

— Ахъ, Софи, дѣлай, что хочешь, только избавь меня отъ сценъ.

— Пьеръ, Пьеръ! воскликнула въ безумномъ отчаяннн Софья Григорьевна.— Неужели ты меня не любишь, неужели ты считаешь меня способною завлекать больного человѣка, почти ребенка?

— Я ничего не думаю, только оставь меня въ покоѣ.

— Значить, тебѣ все равно, еслибъ я полюбила другаго? всплывъ, спросила Софья Григорьевна, сама не зная—какъ ей пришло въ голову спросить объ этомъ.

Супругъ скорчалъ страдательную мину и молча вынулъ изъ комнаты, не смотря на вопли своей жены, для которой одного

ласковаго взгляда и слова достаточно было бы для того, чтобы залечить глубокую рану и избавить ее от тяжких страданій.

Софья Григорьевна истерически рыдала, упавъ на диванъ. Она была подавлена оскорбленіемъ и горемъ, какъ вдругъ, неожиданно, къ ней явилась въ комнату Надежда Кондратьевна.

— Софи, торжественно произнесла она:—я давно со страхомъ ждала всего того, что сейчасъ совершилось! Пьеръ убитъ, узнавъ все. Онъ теперь лежитъ безъ чувствъ: горе потрясло его страдальческую душу!

— Въ чемъ вы хотите меня винить?—Онъ долженъ знать, что все это ложь, въ негодованіи отвѣчала оскорбленная женщина.

— Эта нѣжная, мягкая душа никого винить не можетъ, она только скорбитъ. Пьеръ, какъ мученикъ, несетъ свои страданія безропотно.

— Но ему стыдно вѣрить клеветамъ и самому оскорблять меня! Пусть другіе оскорбляютъ,—я ихъ презираю! произнесла Софья Григорьевна, вся дрожа и рыдая.

Надежда Кондратьевна приняла гордый видъ и отвѣчала на это:

— Я много сносила отъ васъ дерзостей, Софья Григорьевна, и только дружба къ Пьеру могла заставить меня дѣлать это; но вы перешли границы... Я васъ предупреждаю, что вы слишкомъ понадѣялись на себя. Пьеръ понялъ и васъ и мою дружбу, и поверьте, что ее вамъ не удастся побѣдить никакими хитростями.

— Вы грозите мнѣ еще сильнѣе вооружить моего мужа противъ меня? Какъ это благородно! Впрочемъ, что я удивляюсь! если вы уморили свою дочь, то что значитъ вамъ губить другихъ?...

Слова Софьи Григорьевны дышали презрѣніемъ.

Надежда Кондратьевна вся затряслась, хотя всѣми силами старалась сохранить свое достоинство и показать, что она всемогуща передъ своимъ противникомъ.

— Неприлично, неприлично образованной женщинѣ слушать наушничество по переднимъ. Прощайте! я пришла было съ добрымъ чувствомъ и совѣтами, но ваши дерзости оттолкнули меня. Помните, что у васъ нѣтъ болѣе мужа!

Съ этой угрозой она вышла; а придя на свою половину, стала плакать и описала весьма драматически сцену, какую ей сдѣлала молодая. Друзья ея пришли въ негодованіе.

— Да, мы переживаемъ тяжкую и грустную минуту въ на-

шей жизни, твердила вдова. — Намъ надо общимъ голосомъ рѣшить, что намъ дѣлать? Будемъ безкорыстны! Я боюсь дѣйствовать одна, потому что могу руководиться личнымъ своимъ оскорбленнымъ чувствомъ. Какъ поступить намъ? быть равнодушными зрителями, или спасти его? Первое будетъ безчестно съ нашей стороны, потому что здѣсь мы допускаемъ гибель такого прекраснаго и любимаго нами человѣка; остается второе.... но какъ нанести ему ударъ—сказавъ, что она недостойна его?

Слушатели одобрительно кивали головами, и Надежда Кондратьевна продолжала:

— Я все еще надѣюсь, что въ ея сердцѣ не найдемъ ли мы хоть тѣни привязанности къ нему, и подъ этимъ-то благотворнымъ лучемъ мы и будемъ дѣйствовать на нее. Я не хочу вѣрить, чтобъ онъ могъ полюбить, не отыскавъ въ душѣ ея отвѣта своей художнической натурѣ.... Во всякомъ случаѣ, надо хоть на время увезти нашего страдальца дальше отъ нея—высвободить его изъ-подъ ея матеріальнаго и холоднаго вліянія.

— Да, надо! замѣтили въ одинъ голосъ слушатели.

— Отбросимъ свое я и отдадимся всей душой чувству дружбы! Идите къ Пьеру, уговорите его ѣхать отсюда скорѣе; пусть онъ развлечется, а то я боюсь за его здоровье,—въ изнеможеніи договорила Надежда Кондратьевна.

Депутация отправилась уговаривать Петра Васильевича уѣхать въ городъ на нѣсколько дней и описала въ страшныхъ краскахъ кокетство его жены съ сумасшедшимъ и оскорбленіе, какое она сдѣлала бѣдной Надеждѣ Кондратьевнѣ; такъ что Петръ Васильевичъ, слушая ихъ, расплакался и далъ слово ѣхать немедленно, не простаясь даже съ женой.

— Что нашъ страдалецъ? такимъ вопросомъ встрѣтила вернувшуюся депутацию Надежда Кондратьевна.

— Все устроили! радостно отвѣчалъ Сергѣй Игнатьевичъ.

— Славный урокъ ей будетъ! весело подхватилъ Федоръ Федоровичъ.

— Боже мой! чѣмъ все это можетъ окончиться? воскликнула съ притворнымъ ужасомъ Надежда Кондратьевна.

— Очень просто.... Ему надо совѣтовать ѣхать одному за границу! отвѣчалъ Федоръ Федоровичъ.

Съ приходомъ Петра Васильевича родственники прекратили свое совѣщаніе, и торжественное молчаніе длилось довольно долго: всѣ какъ будто были убиты какимъ-то страшнымъ горемъ.

Надежда Кондратьевна плакала.

Петръ Васильевичъ подошелъ къ ней, подаловаль у ней руку и слезнымъ голосомъ произнесъ:

— Простите ее, простите!

— Пьеръ! я ей все прощаю, чтобы только успокоить тебя, воскликнула Надежда Кондратьевна.

А Федоръ Федоровичъ сказалъ Петру Васильевичу, указывая торжественно на Надежду Кондратьевну:

— Такихъ женщинъ мало на свѣтѣ, мой любезный! вотъ, тебѣ надо было выбрать такую женственную натуру. Отправляйся же отсюда скорѣе, для своего и ея спокойствія, — и онъ указалъ на плачущую женщину, какихъ мало на свѣтѣ. — Надо подумать, мой милый, и о ней; она измучилась! да, измучилась!

— Прошу, Пьеръ, тебя объ одномъ: береги себя, не предавайся отчаянью, опять выговорила, рыдая, Надежда Кондратьевна.

— Мы достигнемъ нашей цѣли, — ты найдешь ее усмирившейся, прибавилъ одобрительно Федоръ Федоровичъ. — Я это говорю тебѣ прямо, потому что мы, наконецъ, должны быть откровенны другъ съ другомъ; намъ надо дѣлиться нашими радостями и нашимъ горемъ. А ты все хочешь одинъ страдать. Ты можешь еще встрѣтить женщину, которая оцѣнитъ тебя.

— Я усталъ любить, моя жизнь окончена, я потерялъ вѣру въ счастье! трагически произнесъ Петръ Васильевичъ.

— Вздоръ, вздоръ! ты только жертва своей глупой деликатности и губишь себя. Нельзя, нельзя этого дѣлать. Ты ужь тамъ сердись на меня или нѣтъ, а я всегда выскажу: она создана не для такихъ натуръ, какъ ты. Ты никогда не можешь быть счастливъ съ ней.

— Я погибну отъ одной этой мысли!

— А развѣ ты въ трудѣ не можешь воскресить себя? сказалъ Сергѣй Игнатьевичъ.

— Трудъ!... но я не свободенъ: моя судьба связана съ другой судьбой; господа, я никогда не рѣшусь быть палачемъ чужой жизни.

— А мы не допустимъ тебя быть палачемъ самого себя. Не допустимъ! вспыхивъ, закричалъ Федоръ Федоровичъ.

— Пьеръ, послушайся голоса искренней дружбы, сбрось съ

себя апатию и прояви энергію своей прекрасной души! умоляющимъ голосомъ воскликнула Надежда Кондратьевна.

Петръ Васильевичъ сталъ передъ ней на колѣни, какъ бы кающійся, и сжимая ея руки, произнесъ въ волненіи:

— Я чувствую всю вашу ко мнѣ дружбу и участие и глубоко тронуть, но передъ святой дружбой женщины я благоговѣю. Да, вы правы всѣ! Я долженъ принести въ жертву все для того, чтобъ не заглушить въ себѣ высокихъ потребностей своей жизни. Я найду энергію, я буду дѣятеленъ. Только вы поддержите меня!

— О! я была увѣрена, что твоя художническая натура останется побѣдительницей надъ эгоистическимъ чувствомъ, радостно сказала Надежда Кондратьевна и обняла Петра Васильевича, который сначала обнялъ ее, а потомъ и всѣхъ.

— Что? мы правы, что ты дремалъ въ апатіи? замѣтилъ Сергій Игнатьевичъ, обнимая страдальца.

— Право!... Легко, милѣйшій, становится, когда сбросишь съ себя мелочныя чувства.

— У тебя это только одно недоувѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ, надо упорно стремиться достигъ божественной истины, какъ въ искусствѣ, такъ и въ жизни, — безъ этого не побороть въ себѣ эгоизма! Надо гордиться своими страданіями, потому что это чистилище нашихъ душъ, симпатичнымъ тономъ заговорилъ Федоръ Федоровичъ.

Разговоръ принялъ самую глубокомысленную форму, клонившуюся къ превознесенію величія художественныхъ натуръ и къ разъясненію превосходства ихъ надъ простыми.

Софья Григорьевна, какъ ни боролась, какъ ни старалась выдержать характеръ и гордо вынести унижительное свое положеніе, но любовь взяла верхъ, и она написала записку мужу, въ которой просила у него прощенья и умоляла придти къ ней. Записку эту она послала съ горничной, и нетерпѣливо ждала ея возвращенія. Заслышавъ шаги на лѣстницѣ, она выбѣжала изъ комнаты и столкнулась съ Олимпиадой Федоровной, которая возвратила ей записку и объявила печально:

— Онъ уѣхалъ съ Федоромъ Федоровичемъ.

Софья Григорьевна выхватила изъ рукъ дѣвушки записку, разорвала ее въ клочки и внѣ себя, въ отчаяніи, сказала ей:

— Васъ прислали порадоваться моему горю?

— Клянусь, я изъ участя.... оробѣвъ начала было дѣвушка; но ее съ гнѣвомъ прервала Софья Григорьевна:

— Господи! меня мучать, оскорбляютъ—и все изъ участя.... Оставьте меня въ покоѣ!

Софья Григорьевна бросилась въ свою комнату и заперлась на ключъ. Два дня она не выходила оттуда, плача безпрерывно, день и ночь. Совершенно обезумѣвъ отъ слезъ и горя, она писала письма къ матери, въ которыхъ описывала ей свое несчастье, но тотчасъ же рвала ихъ; писала письма къ мужу — и съ ними поступала точно также.

ГЛАВА VI.

Затворникъ въ это время находился не въ лучшемъ состояніи: онъ бродилъ около дома, въ надеждѣ увидѣть хоть въ окно Софью Григорьевну. Олимпиада Федоровна замѣтила его, выбѣжала къ нему и рассказала о положеніи несчастной женщины, противъ которой всѣ въ заговорѣ, и объявила, что Петра Васильевича увезли въ городъ.

Молодой человѣкъ, выслушавъ все это, ни слова не сказалъ въ отвѣтъ и пошелъ къ дверямъ дѣдушкиной комнаты; прислуга сначала не хотѣла было его пускать, но онъ силою вошелъ. Дѣдушка на первыхъ порахъ перепугался, но потомъ скрывъ свой испугъ и проговорилъ ласково—болѣзненнымъ голосомъ:

— Здравствуй, Сережа! давно бы ты навѣстилъ старика. Садись!

Впрочемъ старикъ успѣлъ сообразить, что сумасшедшій не только безвреденъ, а, напротивъ, еще доставитъ ему новый случай помучить своихъ внучекъ.

— Я пришелъ къ вамъ по дѣлу, холодно отвѣчалъ молодой человѣкъ на привѣтствіе дѣдушки.

— Я вотъ все боленъ, Сережа; все меня разстраиваютъ разными домашними исторіями. Не хотятъ даже дать умереть—то мнѣ покойно.... Пусть ужъ бы послѣ моей смерти грызлись за наслѣдство, а то я еще живъ....

— Полноте, что вы все о себѣ только толкуете, прервалъ его внучекъ. — Вы бы лучше защитили бѣдную женщину, которую замучили на вашихъ глазахъ.

— Боже мой! Что это ты, Сереженька, какіе ужасы говоришь!

И какъ это ты знаешь, когда не живешь здѣсь? спросилъ дѣдушка.—Про кого это ты говоришь?

— Не притворяйтесь, вы все знаете!

— Сергѣй! Ты право ужъ разучился съ людьми говорить, — подавляя свою злобу, замѣтилъ дѣдушка.

— Я вѣдь сумасшедшій,—льстить вамъ не буду; деньги ваши презираю: онѣ нужны людямъ въ здоровомъ умѣ.

— Ты сядь, что стоишь? замѣтилъ кратко дѣдушка внучку.

— Перестаньте со мной хитрить, и скажите мнѣ откровенно: вы хотите ее защитить, или дадите волю имъ загубить еще человѣка? спросилъ повелительнымъ тономъ молодой человѣкъ.

— О какихъ это ужасахъ говоришь? Да кого же, мой дружечекъ, я долженъ защитить?

— Отбросьте, говорю вамъ, лицемерство хоть съ сумасшедшимъ! Вы хотите меня взбѣсить. Но я не выйду отсюда, пока не добьюсь отъ васъ отвѣта, что вы защитите ее. Не прикадывайтесь, что вы не знаете ничего, и что не имѣете силы. Ваши деньги для нихъ страшная угроза.

— Что съ тобой будешь дѣлать! И развѣ ты не знаешь, что меня всѣ стараются обмануть, что никто меня не любитъ.

— За что васъ любить? да и любите ли вы сами хоть когонибудь? А если васъ обманываютъ, то вы сами всегда всѣхъ обманывали.... Не сердитесь и не удивляйтесь, что я вамъ говорю правду въ глаза! Надо же было хоть комунибудь вамъ все это высказать.

Старикъ потерялся. Лицо его было искажено злобой, но въ то же время какая та робость овладѣла имъ. Въ первый разъ въ своей жизни онъ выслушивалъ такую правду. Дѣдушка старался утѣшить себя хоть тѣмъ, что молодой человѣкъ говоритъ это потому, что онъ сумасшедшій, и, отбросивъ свой болѣзненный видъ, твердо отвѣчалъ:

— Я тебѣ прощаю все только потому, что у тебя тутъ не въ порядкѣ. И дѣдушка указалъ на свой лобъ. — Изволь! и я буду откровененъ съ тобой.... Ты любишь ее?

Молодой человѣкъ содрогнулся; онъ самъ себѣ не задавалъ этого вопроса, а тутъ вдругъ донрашиваетъ его старикъ, къ которому онъ съ дѣтства чувствовалъ страхъ и отталкивающее чувство. Но онъ отвѣчалъ искренно:

— Я не знаю, какое во мнѣ чувство къ ней. Но я одно съединкомъ хорошо сознаю, что для ея счастья и спокойствія я сейчасъ

пойду на страшную смерть! И если ее будут обижать, то я могу превратиться въ самага дикаго звѣря: для ея защиты я не пашажу никого.

Молодой человекъ говорилъ это просто, но его лицо выражало такую искреннюю готовность на всевозможныя пожертвованія, что старикъ дико смотрѣлъ на внука и, разумѣется, ничего не понималъ; а въ его головѣ блеснула неселая мысль воспользоваться влюбленнымъ сумасшедшимъ и произвести скандалъ, чтобы переволокнуть всѣхъ, а себѣ доставить безконечную пищу язвить и тиранить многихъ.

Дѣдушка опять съ лицемѣрною кротостью сказалъ, качая головой:

— Ахъ, Сережа, Сережа, что это у тебя какія страшныя все мысли!... Изволь! Я тебѣ докажу, что я вовсе не то, что ты вообразилъ себѣ. Я согласенъ, что они ее, бѣдную, обижаютъ! Ну, если ты ее такъ любишь, — то увези, увези: я буду сквозь пальцы глядѣть на васъ.

Внукъ съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на дѣдушку и повелительно произнесъ:

— Не касайтесь своимъ цинизмомъ моихъ чувствъ! Лучше добрымъ дѣломъ искупите хоть часть того зла, какое вы надѣлали въ продолженіе всей своей жизни. И дайте мнѣ скорѣе отвѣтъ: хотите или нѣтъ защитить ее? — Пишите ему, чтобъ онъ вернулся къ женѣ.

— Хорошо! только ты уйди; я чувствую себя дурно, — сухо отвѣтилъ дѣдушка, испугавшись выраженія лица молодаго человека.

— Сегодня же я перейду въ свою прежнюю комнату, чтобъ видѣть, какъ кто нибудь осмѣлится ее обижать.

Съ этими словами молодой человекъ вышелъ отъ дѣдушки. Старикъ призвалъ Олимпиаду Федоровну и Марью Васильевну и разыгралъ роль сраженнаго печально благороднаго старика, въ домѣ котораго завелись любовныя интриги. Онъ отвелъ свою злобу надъ несчастными, браня и язвя ихъ за то, что онѣ не предупредили его о свиданіяхъ сумасшедшаго съ молодой внучкой, и потребовалъ, чтобъ обѣ женщины доносили ему все, что будутъ дѣлать и говорить молодые люди.

— Ишь голубки какіе! — Я вотъ коршуна-то спущу на нихъ! Надежда Кондратьевна какъ разъ сверметъ имъ шею. — А васъ, васъ я проучу, проучу! Будете скрывать отъ меня всѣ пашни въ

моемъ домѣ, — шипѣлъ старикъ, и часа два пыталъ въ своей комнатѣ двухъ своихъ жертвъ.

Отъ дѣдушки молодой человѣкъ пришелъ въ комнату Софьи Григорьевны, которая до того перепугалась при появленіи его въ дверяхъ, что не могла даже слова выговорить и только дико смотрѣла на него своими опухшими отъ слезъ глазами.

— Уйдите, ради Бога уйдите! — наконецъ, ономнившись, закричала она.

— Я пришелъ васъ защитить, отвѣчалъ ей молодой человѣкъ. — Не бойтесь ничего! Я сейчасъ былъ у дѣдушки — и онъ далъ мнѣ обѣщаніе прекратить всѣ гнусныя заговоры противъ васъ.... Клянусь вамъ, что я хочу одного вашего счастья! продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Скажите мнѣ, какъ вы бы откровенно сказали вашей матери: вы любите еще его, и счастье ваше въ немъ?

— Да! утвердительно отвѣчала Софья Григорьевна.

Молодой человѣкъ утѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Вы увидите, что я заставлю всѣхъ, пресмыкающихся и ползающихъ около васъ гадовъ спрятаться по своимъ мрачнымъ норамъ. Не плачьте больше, онъ скоро будетъ возлѣ васъ!

И молодой человѣкъ вышелъ.

Надежда Кондратьевна и Сергѣй Игнатьевичъ дрожали отъ страха, узнавъ, что сумасшедшій занялъ свою прежнюю комнату и не смѣли выдти съ своей половины. Дѣдушка потребовалъ Надежду Кондратьевну къ себѣ и сдѣлалъ ей сцену. Онъ, разумѣется, притворился, что ничего не зналъ о ссорѣ между молодыми и что Петръ Васильевичъ уѣхалъ.

— Помилуйте! да вы изъ моего дома Богъ знаетъ что дѣлаете: онъ превратился въ какое-то гнѣздо разврата и раздора! Въѣдъ черезъ нѣсколько времени, чего добраго — и до преступленій дойдетъ дѣло! Вы вѣдь знаете, въ какомъ положеніи вашъ сынъ. Долго ли сумасшедшему броситься на меня съ ножомъ, если ему покажется, будто бы я неласково обошелся съ его возлюбленной. — Подите, уговорите его опять идти въ свой уголь, или пошлите для этого вашего друга. Право, что же онъ послѣ этого за другъ, если видитъ, что сынъ непочтителенъ къ матери и не можетъ молодаго человѣка заставить оказывать должное уваженіе и послушаніе родителямъ. Вѣдь вы мать Сережѣ; если онъ не уважаетъ васъ, что же онъ ва человѣкъ послѣ этого? — Идите.... Я и слышать ничего не хочу! Вы должны повидаться

съ вашими Сережей, а Софьѣ Григорьевнѣ объяснить, какъ грязно и преступно, при живомъ мужѣ, заводить интриги; такую женщину никто никогда не будетъ уважать.

Послѣ этого объясненія со старой внучкой, дѣдушка призвалъ разливательницу чая и заставилъ ее писать, подъ его диктовку, письмо къ Петру Васильевичу.

— Ну-съ, готовы, что ли? спрашивалъ строго старикъ, катая шарикъ. — Дѣвическую-то вашу стыдливость отбросьте въ сторону; да пишите поразборчивѣе. — Помните, что это, сударыня, вы пишете не къ своему любовнику, а къ вѣтреному мужу, чтобъ заставить его вернуться къ женѣ; чтобъ доказать ему, что съ женщинами благороднаго происхожденія нельзя такъ поступать, потому что Софья Григорьевна не вѣшалась ему на шею, какъ другія, не ходила на свиданья по лѣсамъ. — Что же вы не пишете?...

Олимпиада Федоровна бросила перо и, закрывъ лицо руками, произнесла:

— Я не могу!

— Это что? ужъ не истерики ли? У ней истерики! Каково-съ! Какъ будто мы тоже дворянки!... Нѣтъ-съ, пишете!... Я васъ на этомъ мѣстѣ ведѣлю проморю, если вы будете еще ломаться. — Почему не хотите писать, скажите резонъ? — а?

Дѣвушка судорожно сжимала лицо и подавляла стоны.

— А-а-а! вамъ тоже не хочется, чтобы онъ вернулся къ женѣ?—шпиля, выговорилъ старикъ.

Дѣвушка вздрѣгнула, схватила дрожащею рукою перо, а другою торопливо вытирала слезы. Дѣдушка ухмылялся и медленно началъ диктовать письмо къ Петру Васильевичу, въ которомъ каждая угроза была пропитана оскорбленіемъ для несчастной дѣвушки....

Петръ Васильевичъ немедленно вернулся въ деревню и получилъ приказаніе къ первому явиться къ дѣдушкѣ, который призвалъ въ свою комнату и Софью Григорьевну, неанавшую о возвращеніи мужа, и думалъ разыграть роль примирителя, помучивъ предварительно обоихъ супруговъ. Софья Григорьевна, увидавъ своего мужа, бросилась къ нему на грудь и разрыдалась. Петръ Васильевичъ тоже прослезился, и увелъ свою жену; а дѣдушка озлился, видя, что ему не удался задуманный планъ.

Сынъ Надежды Кондратьевны во все это время искалъ случая встрѣтиться съ Петромъ Васильевичемъ, который умышленно

избѣгалъ этого, такъ что молодой человѣкъ явился къ нему въ комнату наконецъ самъ и былъ встрѣченъ сначала привѣтливо; но пріятная улыбка скоро слетѣла съ лица Петра Васильевича, при слѣдующихъ словахъ гостя:

— Петръ Васильевичъ, вы избѣгали меня, да я и самъ бы убѣждалъ отъ васъ далеко, если бы дѣло касалось лично меня. Но дѣло идетъ о беззащитной женщинѣ, и я считаю низостью смотрѣть хладнокровно на всѣ гнусныя притѣсненія, клевету и злобу, которыми мучать несчастную!... Вы считаете себя честными людьми, даже чѣмъ-то выше, и гордо держите свою голову передъ всѣми, по вашему мнѣнію, обыкновенными смертными. Какъ же никто изъ васъ не устыдился той вопіющей несправедливости, какую вы дѣлаете съ бѣдной женщиной, вся вина которой состоитъ только въ томъ, что она честно смотритъ на жизнь и на свои чувства къ любимому человѣку. Вы думаете оправдать себя тѣмъ, что она не понимаетъ васъ и вашихъ великихъ человѣческихъ интересовъ, — но развѣ за это можно мучить и притѣснять ее? — Вы, которые такъ возстаете противъ притѣсненій — на словахъ — какъ же вы не поняли своего безчестнаго поступка, махая всѣ вмѣстѣ на беззащитную женщину, на слабого почти ребенка? — Если бы она не была такъ чиста и такъ свято не смотрѣла бы на свою любовь, то она съ ужасомъ бѣжала бы отъ васъ, потому что вы дошли до безстыдства! Вы дѣлаете мерзости, и въ тоже время хвалитесь величіемъ своей души и своими поступками. Прежде вы, общими силами, загубили сестру; теперь вамъ хочется новыхъ жертвъ, — но я вамъ помѣшаю на этотъ разъ!

Петра Васильевича коробило страшно, но онъ утѣшалъ себя, какъ дѣдушка, тѣмъ, что это сумасшедшій! И чтобъ обезоружить молодаго человѣка, онъ отвѣчалъ ему на это тѣмъ кающимся тономъ, который всегда производилъ удивительный эффектъ и доставлялъ столько услады его самолюбию, когда пускался въ ходъ въ кружкѣ друзей.

— Сережа! ты слишкомъ чистъ, чтобъ судить о людяхъ. — Мы, живя въ дѣйствительной жизни, волей или неволей терпимъ наружную чистоту нашихъ дѣйствій. Но это не касается нашей души. Вѣрь мнѣ, что я самъ глубоко страдаю, видя ее несчастной, и даже готовъ всѣмъ жертвовать, чтобы только меня не мучила моя совѣсть. Я достигну, наконецъ, что она пойметъ меня!... — Но все прошедшее было необходимо! Никто не мо-

жегъ даже подозрѣвать, какой я былъ мученикъ во все это время! Я долженъ былъ молча выносить....

— Перестаньте фразировать и рисоваться передо мной! превращайте его молодой человекъ:—я выросъ посреди того и другого, и знаю, какіе вы мастера корчить изъ себя мучениковъ вашихъ благородныхъ убѣжденій, которыя, впрочемъ, у васъ только на языкѣ и никогда не идутъ въ параллель съ вашими дѣйствіями. — Я тогда повѣрю въ ваше раскаяніе, когда она перестанетъ плакать и будетъ счастлива. И, подумайте, какъ легко вамъ это сдѣлать, пока она еще вѣритъ въ васъ и любитъ васъ. — Какъ вы страшно развращены, если за такую чистую любовь заплатили ей низостями.

— Я вижу, что ты окончательно рехнулся! запальчиво сказалъ Петръ Васильевичъ и ушелъ отъ сумашедшаго, въ страшномъ гнѣвѣ.

Защищая Софью Григорьевну, молодой человекъ этимъ только усилилъ ея страданія, потому что Надежда Кондратьевна и ея сообщники еще сильнѣе стали доказывать Петру Васильевичу, что такая женщина не достойна быть любимой ниъ, человеконъ благороднымъ и нѣжнымъ. Они по прежнему твердили, что онъ страдалецъ, что онъ жертва своего мягкаго характера и явно доказывали, что для своего и жены счастья онъ долженъ навсегда разстаться съ нею. По этому случаю, Петръ Васильевичъ уже не церемонился болѣе съ Софьей Григорьевной. — Катя, тайкомъ отъ дѣдушки, укрывалась въ комнатѣ Федора Федоровича, куда каждый вечеръ являлся Петръ Васильевичъ и пиръ горой шелъ до разсвѣта.

Федоръ Федоровичъ называлъ эти ночи вакханальскими и поэтически доказывалъ, что эти наслажденія необходимы для страстныхъ натуръ.

— Ну, что это за женщина, если она рыба? На что намъ картофельныхъ чувствъ? Намъ, братъ, надо вакханокъ; у насъ съ тобой, слава-Богу, не узкій взглядъ: мы уважаемъ женщину, кто бы она ни была, только была бы женщина, а не плаксивая деспотка!... твердилъ Петру Васильевичу Федоръ Федоровичъ.

Дѣдушка, узнавъ о прїѣздѣ публичной женщины, нѣсколько дней молчалъ, онъ все обдумывалъ, какъ бы ему надѣлать болѣе скандалу и потомъ остаться въ сторонѣ. Наконецъ придумалъ: позвалъ къ себѣ сумашедшаго и умирающимъ голосомъ сказалъ ему:

избѣгалъ этого, такъ что молодой человѣкъ явился къ нему въ комнату наконецъ самъ и былъ встрѣченъ сначала привѣтливо; но пріятная улыбка скоро слетѣла съ лица Петра Васильевича, при слѣдующихъ словахъ гостя:

— Петръ Васильевичъ, вы избѣгали меня, да я и самъ бы убѣжалъ отъ васъ далеко, если бы дѣло касалось лично меня. Но дѣло идетъ о беззащитной женщинѣ, и я считаю низостью смотрѣть хладнокровно на всѣ гнусныя притѣсненія, клевету и злобу, которыми мучать несчастную!... Вы считаете себя честными людьми, даже чѣмъ-то выше, и гордо держите свою голову передъ всѣми, по вашему мнѣнію, обыкновенными смертными. Какъ же никто изъ васъ не устыдился той вопіющей несправедливости, какую вы дѣлаете съ бѣдной женщиной, вся вина которой состоитъ только въ томъ, что она честно смотритъ на жизнь и на свои чувства къ любимому человѣку. Вы думаете оправдать себя тѣмъ, что она не понимаетъ васъ и вашихъ великихъ человѣческихъ интересовъ, — но развѣ за это можно мучить и притѣснять ее? — Вы, которые такъ возстаете противъ притѣсненій — на словахъ — какъ же вы не поняли своего безчестнаго поступка, махая всѣ вмѣстѣ на беззащитную женщину, на слабого почти ребенка? — Если бы она не была такъ чиста и такъ свято не смотрѣла бы на свою любовь, то она съ ужасомъ бѣжала бы отъ васъ, потому что вы дошли до безстыдства! Вы дѣлаете мерзости, и въ тоже время хвалитесь величіемъ своей души и своими поступками. Прежде вы, общими силами, загубили сестру; теперь вамъ хочется новыхъ жертвъ, — но я вамъ помѣшаю на этотъ разъ!

Петра Васильевича коробило страшно, но онъ утѣшалъ себя, какъ дѣдушка, тѣмъ, что это сумасшедшій! И чтобъ обезоружить молодаго человѣка, онъ отвѣчалъ ему на это тѣмъ кающимся тономъ, который всегда производилъ удивительный эффектъ и доставлялъ столько услады его самолюбию, когда пускался въ ходъ въ кружкѣ друзей.

— Сережа! ты слишкомъ чистъ, чтобъ судить о людяхъ. — Мы, живя въ дѣйствительной жизни, волей или неволей терпимъ наружную чистоту нашихъ дѣйствій. Но это не касается нашей души. Вѣрь мнѣ, что я самъ глубоко страдаю, видя ее несчастной, и даже готовъ всѣмъ жертвовать, чтобы только меня не мучила моя совѣсть. Я достигну, наконецъ, что она пойметъ меня!... — Но все прошедшее было неизбежно! Никто не мо-

жегъ даже подозрѣвать, какой я былъ мученикъ во все это время! Я долженъ былъ молча выносить....

— Перестаньте фразировать и рисоваться передо мной! прервалъ его молодой человѣкъ: — я выросъ посреди того и другого, и знаю, какіе вы мастера корчить изъ себя мучениковъ вашихъ благородныхъ убѣжденій, которыя, впрочемъ, у васъ только на языкѣ и никогда не идутъ въ параллель съ вашими дѣйствіями. — Я тогда повѣрю въ ваше раскаяніе, когда она перестанетъ плакать и будетъ счастлива. И, подумайте, какъ легко вамъ это сдѣлать, пока она еще вѣритъ въ васъ и любитъ васъ. — Какъ вы страшно развращены, если за такую чистую любовь заплатили ей низостями.

— Я вижу, что ты окончательно рехнулся! запальчиво сказалъ Петръ Васильевичъ и ушелъ отъ сумасшедшаго, въ страшномъ гнѣвѣ.

Защищая Софью Григорьевну, молодой человѣкъ этимъ только усилилъ ея страданія, потому что Надежда Кондратьевна и ея сообщники еще сильнѣе стали доказывать Петру Васильевичу, что такая женщина не достойна быть любимой ниъ, человѣкомъ благороднымъ и нѣжнымъ. Они по прежнему твердили, что онъ страдалецъ, что онъ жертва своего мягкаго характера и явно доказывали, что для своего и жены счастья онъ долженъ навсегда разстаться съ нею. По этому случаю, Петръ Васильевичъ уже не церемонился болѣе съ Софьей Григорьевной. — Катя, тайно отъ дѣдушки, укрывалась въ комнатѣ Федора Федоровича, куда каждый вечеръ являлся Петръ Васильевичъ и пиръ горой шелъ до разсвѣта.

Федоръ Федоровичъ называлъ эти ночи вакханальскими и поэтически доказывалъ, что эти наслажденія необходимы для страстныхъ натуръ.

— Ну, что это за женщина, если она рыба? На что намъ картофельныхъ чувствъ? Намъ, братъ, надо вакханокъ; у насъ съ тобой, слава-Богу, не узкій взглядъ: мы уважаемъ женщину, кто бы она ни была, только была бы женщина, а не плаксивая деспотка!... твердилъ Петру Васильевичу Федоръ Федоровичъ.

Дѣдушка, узнавъ о пріѣздѣ публичной женщины, нѣсколько дней молчалъ, онъ все обдумывалъ, какъ бы ему надѣлать болѣе скандалу и потомъ остаться въ сторонѣ. Наконецъ придумалъ: позвалъ къ себѣ сумасшедшаго и умирающимъ голосомъ сказалъ ему:

избѣгалъ этого, такъ что молодой человѣкъ явился къ нему въ комнату наконецъ самъ и былъ встрѣченъ сначала пріятливо; но пріятная улыбка скоро слетѣла съ лица Петра Васильевича, при слѣдующихъ словахъ гостя:

— Петръ Васильевичъ, вы избѣгали меня, да я и самъ бы убѣжалъ отъ васъ далеко, если бы дѣло касалось лично меня. Но дѣло идетъ о беззащитной женщинѣ, и я считаю низостью смотрѣть хладнокровно на всѣ гнусныя притѣсненія, клевету и злобу, которыми мучаютъ несчастную!... Вы считаете себя честными людьми, даже тѣмъ—то выше, и гордо держите свою голову передъ всѣми, по вашему мнѣнію, обыкновенными смертными. Какъ же никто изъ васъ не устыдился той вопіющей несправедливости, какую вы дѣлаете съ бѣдной женщиной, вся вина которой состоитъ только въ томъ, что она честно смотритъ на жизнь и на свои чувства къ любимому человѣку. Вы думаете оправдать себя тѣмъ, что она не понимаетъ васъ и вашихъ великихъ человѣческихъ интересовъ, — но развѣ за это можно мучить и притѣснять ее? — Вы, которые такъ возстаете противъ притѣсненій — на словахъ — какъ же вы не поняли своего безчестнаго поступка, махая всѣмъ вмѣстѣ на беззащитную женщину, на слабого почти ребенка? — Если бы она не была такъ чиста и такъ свято не смотрѣла бы на свою любовь, то она съ ужасомъ бѣжала бы отъ васъ, потому что вы дошли до безстыдства! Вы дѣлаете мерзости, и въ тоже время хвалитесь величіемъ своей души и своими поступками. Прежде вы, общими силами, загубили сестру; теперь вамъ хочется новыхъ жертвъ, — но я вамъ помѣшаю на этотъ разъ!

Петра Васильевича коробило страшно, но онъ утѣшалъ себя, какъ дѣдушка, тѣмъ, что это сумасшедшій! И чтобъ обезоружить молодаго человѣка, онъ отвѣчалъ ему на это тѣмъ нающимъ тономъ, который всегда производилъ удивительный эффектъ и доставлялъ столько услады его самолюбию, когда пускался въ ходъ въ кружкѣ друзей.

— Сережа! ты слишкомъ чистъ, чтобъ судить о людяхъ. — Мы, живя въ дѣйствительной жизни, волей или неволей твердимъ наружную чистоту нашихъ дѣйствій. Не это не касается нашей души. Вѣрь мнѣ, что я самъ глубоко страдаю, видя ее несчастной, и даже готовъ всѣмъ жертвовать, чтобы только меня не мучила моя совѣсть. Я достигну, наконецъ, что она пойметъ меня!... — Но все прошедшее было ненабѣжно! Никто не мо-

жегъ даже подозрѣвать, какой я былъ мученикъ во все это время! Я долженъ былъ молча выносить....

— Перестаньте фразировать и рисоваться передо мной! превратъ его молодой человекъ:—я выросъ среди того и другого, и знаю, какіе вы мастера корчить изъ себя мучениковъ вашихъ благородныхъ убѣжденій, которыя, впрочемъ, у васъ только на языкѣ и никогда не идутъ въ параллель съ вашими дѣйствіями. — Я тогда повѣрю въ ваше раскаяніе, когда она перестанетъ плакать и будетъ счастлива. И, подумайте, какъ легко вамъ это сдѣлать, пока она еще вѣритъ въ васъ и любитъ васъ. — Какъ вы страшно развращены, если за такую чистую любовь заплатили ей низостями.

— Я вижу, что ты окончательно рехнулся! запальчиво сказалъ Петръ Васильевичъ и ушелъ отъ сумасшедшаго, въ страшномъ гнѣвѣ.

Защищая Софью Григорьевну, молодой человекъ этииъ только усилялъ ея страданія, потому что Надежда Кондратьевна и ея сообщники еще сильнѣе стали доказывать Петру Васильевичу, что такая женщина не достойна быть любимой ниъ, человекомъ благороднымъ и нѣжнымъ. Они по прежнему твердили, что онъ страдалецъ, что онъ жертва своего мягкаго характера и явно доказывали, что для своего и жены счастья онъ долженъ навсегда разстаться съ нею. По этому случаю, Петръ Васильевичъ уже не церемонился болѣе съ Софьей Григорьевной. — Катя, тайкомъ отъ дѣдушки, укрывалась въ комнатѣ Федора Федоровича, куда каждый вечеръ являлся Петръ Васильевичъ и пиръ горой шелъ до разсвѣта.

Федоръ Федоровичъ называлъ эти ночи вакханальными и поэтически доказывалъ, что эти наслажденія необходимы для страстныхъ натуръ.

— Ну, что это за женщина, если она рыба? На что намъ картофельныхъ чувствъ? Намъ, брать, надо вакханокъ; у насъ съ тобой, слава-Богу, не узкій взглядъ: мы уважаемъ женщину, кто бы она ни была, только была бы женщина, а не плаксивая деспотка!... твердилъ Петру Васильевичу Федоръ Федоровичъ.

Дѣдушка, узнавъ о пріѣздѣ публичной женщины, нѣсколько дней молчалъ, онъ все обдумывалъ, какъ бы ему надѣлать болѣе скандалу и потомъ остаться въ сторонѣ. Наконецъ придумалъ: позвалъ къ себѣ сумасшедшаго и умирающимъ голосомъ сказалъ ему:

— Сережа, прошу тебя, хоть ты хорошенько вступишь за бѣдную Софью Григорьевну, Ужь я не прошу тебя защищать бѣднаго своего дѣдушку, и запретить по крайней мѣрѣ приносить въ его домъ публичныхъ женщинъ.... Я, напримѣръ, сейчасъ узналъ, что всякую ночь пиръ горой идетъ у Петра Васильевича съ его прекрасной любовницей, которая укрывается въ комнатахъ Федора Федоровича. — Ну, что это такое? — Вѣдь онъ, мадо того, что оскорбляетъ свою жену, — онъ можетъ даже погубить ея здоровье!...

Молодой человекъ, какъ бомба, явился на пирушку. Федоръ Федоровичъ такъ перепугался при видѣ сумасшедшаго, что спрятался за дверь.

Молодой человекъ совершенно не помнилъ себя отъ гнѣва; а Петръ Васильевичъ, выпившій въ этотъ вечеръ достаточное количество вина, тоже вѣроятно не помнилъ, что онъ отвѣчалъ выпившему молодому человеку.

— Что ты пристаешь ко мнѣ? твердилъ Петръ Васильевичъ на упрекъ молодого человека. — Возьми ее, она надоѣла мнѣ своими слезами и жалобами. Мнѣ нужны ладшія женщины, — онѣ понимаютъ мои страданія! Возьми ее, а драться я не стану съ тобой въ-за нея.

— Я васъ убью за эти слова, если вы не отрезвитесь къ разсвѣту и не придете сами въ дѣсь! Я вижу ясно, что вы неисправимый развратникъ.

Негодование и отчаяніе довели до безумія молодого человека; онъ только повторялъ: «убью, убью его и этимъ спасу ее!»

Федоръ Федоровичъ прибѣжалъ къ Надеждѣ Кондратьевнѣ и въ ужасѣ рассказывалъ все, требуя скорѣе себѣ лошадей, и на всѣ уговоры слобно и въ страхѣ отвѣчалъ:

— Благодарю-съ! долго ли сумасшедшему всѣмъ горло перерѣзати! Пусть Петръ Васильевичъ самъ раздѣляется; мы ему говорили, чтобъ онъ не давалъ воли своей женѣ, Ну, теперь пусть и шлется съ ней.

Надежда Кондратьевна прибѣжала къ Софьѣ Григорьевнѣ и рыдала, уже искренно, воскликнула:

— Спасите, спасите Пьера! — и едва могла связно рассказать о томъ, что случилось.

— Софи! идите, уговорите Сережу, чтобъ онъ опомнился, чтобъ не проливалъ крови! закончила, рыдая, Надежда Кондратьевна.

Разумѣется, Софья Григорьевна тотчасъ бросилась въ комнату молодого человѣка, который писалъ въ эту минуту. При ея появленіи онъ вскочилъ въ испугъ и съ отчаяньемъ произнесъ:

— Не пощадили васъ—все рассказали!

— Я все, все знаю, зарыдавъ, отвѣчала Софья Григорьевна.

— И она еще плачетъ о немъ! Ахъ, бѣдная, бѣдная! тяжело выговорилъ молодой человѣкъ.

— Онъ невиновать!

— Онъ невиновать?! въ ужасѣ спросилъ молодой человѣкъ вѣдливо смотря на рыдающую Софью Григорьевну: — если вы вѣрите, что я неспособенъ солгать вамъ, то знайте, что онъ васъ.... не любить! съ трудомъ выговорилъ молодой человѣкъ, не рѣшаясь однако сказать все.

— Это онъ только для нихъ говорить; но онъ не можетъ этого чувствовать!

— Ради Бога, замолчите! не заставляйте меня сказать все о немъ. Повторяю вамъ, что вы унижаете себя, когда плачете и жалѣете о немъ! Онъ, мало того, что васъ мучитъ, — онъ готовъ васъ погубить! И на что вы надѣетесь? Неужели вы думаете, что вы способны его исправить? Онъ погибъ, и его существованіе только сдѣлаетъ всю вашу жизнь адомъ. Мое рѣшеніе непоколебимо! Неужели вы думаете, что я безъ отвращенія не могу даже подумать о пролитіи крови? Но когда я вижу, что проливается кровь слабыхъ жертвъ, когда на моихъ глазахъ вы уже не первая ихъ жертва—я былъ бы низкій человѣкъ, если бы не пошелъ на защиту бѣдной и слабой женщины. Я видѣлъ, какъ чахла моя сестра изъ-за ихъ гнусныхъ и самовластныхъ воступковъ, прикрытыхъ фразами. Меня слушать они не хотятъ и будутъ васъ мучить и наконецъ замучать, если вы не поддадитесь ихъ лживому взгляду, проповѣдующему, что человѣку достаточно говорить о челоуѣколюбіи, чтобъ имѣть право безкаказанно дѣлать все, что придумаютъ его распущенность и эгоизмъ. Я самъ готовъ бы былъ отказаться отъ роли палача, еслибы видѣлъ какойнибудь благопріятный исходъ, — но его нѣтъ! Онъ васъ погубитъ своимъ развратомъ! Что же тогда съ вами будетъ, когда совѣсть на каждомъ шагу будетъ упрекать васъ?... Подите, спросите его сами, но я не могу вамъ высказать того, что онъ мнѣ сказалъ и за что я рѣшился убить его. Знайте еще, что вы не первая его жертва; посмотрите, что онъ сдѣлалъ съ бѣдной дѣвушкой Олимпіадой Григорьевной.

Софья Григорьевна бросилась къ мужу, который ничкомъ лежалъ на диванѣ, въ комнатѣ Федора Федоровича.

— Пьеръ, Пьеръ! въ ужасѣ воскликнула Софья Григорьевна, вообразивъ, что онъ уже мертвъ; она приподняла его голову и быстро, пугливо опустила, когда Петръ Васильевичъ пробормоталъ:

— Оставь меня! я хочу спать! Иди къ нему: я тебя уступаю.

Софья Григорьевна отскочила отъ мужа, какъ ужаленная змѣей, и дико смотрѣла на всѣхъ присутствующихъ. Ея взглядъ выразилъ столько потрясающаго отчаянья и стыда, что всѣ ея враги потупили глаза. Имъ вдругъ сдѣлалось неловко глядѣть на эту женщину; а она, потерявъ всякую способность мыслить и дѣйствовать, спросила ихъ въ тупомъ отчаяньи:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Софи! докажите, что вы любящее и доброе существо: спасите ихъ обоихъ! Все, все въ вашихъ рукахъ, плача сказала Надежда Кондратьевна.

— Я его просила.

— Умоляйте еще; онъ не звѣрь, онъ пощадитъ васъ!

И Надежда Кондратьевна сама повела молодую къ двери сына.

Софья Григорьевна медленно и машинально вошла въ комнату къ молодому человѣку, который, по выраженію ея фигуры, догадался, что она услышала свой унижительный приговоръ отъ мужа, съ ужасомъ закрылъ лицо руками и не сдѣлалъ, а упалъ на диванъ, возлѣ котораго стоялъ.

Софья Григорьевна сѣла возлѣ; оба долго молчали, наконецъ она сказала едва слышнымъ голосомъ:

— Я пришла просить у васъ пощады! Пожалѣйте меня, какъ пожалѣла бы меня моя мать! Устройте такъ, чтобъ я съ нимъ сейчасъ же уѣхала отсюда!

— Какъ! Вы еще можете любить его? съ ужасомъ спросилъ молодой человѣкъ, смотря на Софью Григорьевну и быстро прибавилъ:—Нѣтъ! Этого не можетъ быть!

Софья Григорьевна, не глядя на молодаго человѣка, отвѣчала ему глухимъ голосомъ:

— Да, я все еще.... люблю его.... Я не буду свидѣтельницей крови. Даю вамъ слово, что брошусь въ воду, въ окно, не буду, не хочу видѣть этого.

Молодой человекъ упалъ передъ ней на колѣни и съ ужасомъ отвѣчалъ ей:

— Чтобъ я былъ вашимъ убійцею? О! нѣтъ, никогда! Я готовъ даже вынести какое хотите униженіе. Говорите, я все сдѣлаю, только успокойтесь. Ради Бога только не думайте о самоубійствѣ! Неужели и вы, какъ моя бѣдная сестра, рѣшитесь убить себя?

Софья Григорьевна свободно вздохнула, что для нея было необходимо, потому что она чувствовала, какъ ея сердце замерло отъ первыхъ словъ Надежды Кондратьевны и дыханіе все стѣснялось и стѣснялось, такъ что ей казалось—вотъ, вотъ она задохнется.

— Я никогда, никогда не забуду васъ! вставалъ, сказала Софья Григорьевна.

Молодой человекъ ухватился за ея платье, какъ пугливое дитя, и умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Дайте мнѣ слово, что вы обратитесь ко мнѣ, если вамъ нужна будетъ помощь. Я буду благодарна — буду только то дѣлать, что вы велите.

— Я это сдѣлала бы и безъ вашей просьбы, отвѣчала Софья Григорьевна.

— Вы будете извѣщать меня о себѣ? Только бы мнѣ знать, гдѣ вы, что съ вами, весь дрожа продолжалъ молодой человекъ, потому что страшная мысль о разлукѣ съ нею поразила его.

— Я сама буду желать знать, что съ вами, и прошу васъ беречь себя для меня, потому что вы мнѣ такъ же близки, какъ моя мать. Поѣзжайте къ ней, она васъ успокоитъ. Я приѣду къ ней скоро. Только не говорите ей ничего; она очень больна и очень меня любитъ, — это убьетъ ее; она такъ не хотѣла этого брака, вѣрно ея сердце все предчувствовало. Прощайте! я вамъ буду писать скоро.

Софья Григорьевна поцаловала въ лобъ молодаго человека, который схватилъ ея руки и замеръ губами на нихъ. Тихо, тихо вывободила свои руки Софья Григорьевна, точно мать, уложивъ спящее свое дитя въ колыбель; онъ также не сопротивлялся; въ его блѣдномъ лицѣ выражалось спокойствіе и счастье отъ прощальнаго поцалуя, отъ прикосновенія къ ея рукѣ; онъ глядѣлъ пристально на нее, пока она медленно уходила и нѣсколько разъ оборачивалась, улыбаясь ему и какъ бы стараясь показать ему этой улыбкой, что, несмотря на страшную для него минуту раз-

луки, мысли ея всегда остаются съ нимъ. Молодой человекъ неподвижно еще оставался въ этомъ восторженномъ положеніи, но вдругъ закашлялся и кровь хлынула у него изъ горла. Онъ приналь головой къ дивану, у котораго стоялъ, и остался почти безъ чувствъ въ этомъ печальномъ положеніи.

Всю ночь въ домѣ никто не спалъ, даже дѣдушка два раза звонилъ, чтобъ узнать, какъ идетъ дѣло. Марья Васильевна и Олимпиада Федоровна не ложились въ постель: онѣ сидѣли въ своей комнатѣ, безъ огня, и въ мучительной неизвѣстности пылливо смотрѣли на освѣщенные окна Надежды Кондратьевны.

— Господи! чѣмъ все это кончится? замѣчала Олимпиада Федоровна въ отчаяньи: — давно ли она пріѣхала сюда счастливая, веселая, а теперь!...

— Точно стая вороповъ бросились они на бѣдную, договорила старушка.

— Я боюсь за Серезу, Марья Васильевна. Еслибъ вы видѣли, что у него за лицо было во все это время, — ну, такое, что, право, я въ жизнь подобныхъ не видывала. Должно быть, когда мучили христіанъ и пускали ихъ къ звѣрямъ, такъ вотъ развѣ у нихъ были такія лица: точно онъ приготовился къ смерти.

— Что же мудренаго — и умереть, какъ она уѣдетъ отсюда; гдѣ же ему все вынести, у него съ дѣтства всегда душа-то была не какъ у всѣхъ. Какъ онъ сначала любилъ мать! а бѣдняжку сестру какъ любилъ! Бывало, придетъ ко мнѣ, бѣдненькій, и все просить, чтобъ я говорила ему объ его отцѣ. Бывало, рассказываетъ ему, какой онъ былъ добрый, и онъ, бѣдненькій, радуется! Дитятей еще былъ, а часто мнѣ говорилъ: еслибы, говорить, я былъ дѣдушка, я бы, говорить, всѣхъ крестьянъ отпустилъ на волю. — А чѣмъ же бы ты жилъ? бывало спросишь его. — Какъ чѣмъ? — Ну, да, гдѣ бы ты взялъ денегъ? — Работалъ бы! — Да вѣдь вонъ мужички день и ночь работаютъ, а у нихъ и чернаго хлѣба подь-часъ нѣтъ?... Ребенокъ въ слезы.... Недаромъ я испугалась, когда узнала, что онъ ее увидалъ; такая красивая, а онъ все одинъ да одинъ.... долго ли влюбиться ему! Господи! хоть бы только этого-то бы не случилось, что онъ задумалъ.

Радость двухъ забытыхъ женщинъ была самая искренняя, когда онѣ узнали, что дано приказаніе готовить дорожную карету для молодыхъ, и что Софья Григорьевна стала укладывать съ горничной свои и мужнины вещи.

Утромъ молодые пришли проститься съ дѣдушкой. Онъ раз-

ахался ихъ внезапному отъѣзду, точно ничего не зналъ, и все добивался причины, почему внуки хотятъ ѣхать непременно сегодня и почему не сказали о своемъ намѣреніи раньше.

— Это все вы! грозя ласково молодой, сказалъ старикъ. — Знаете, что вашъ супругъ души въ васъ не слышитъ, вотъ вы его и увозите отсюда. Ну, да это впрочемъ всегда такъ: у молодой да у хорошенькой жены муженекъ всегда подъ башмакомъ!... Ей—богу, не понимаю все—таки, куда такъ спѣшить?— Ну, Богъ съ вами! не забывайте старика; можетъ и не увижу васъ больше, очень ужъ слабъ становлюсь!

И дѣдушка простился со внучками, какъ умирающіи уже человѣкъ; но только было они пошли къ двери, какъ онъ вернулъ ихъ.

— Ахъ, Петръ Васильевичъ! сказалъ онъ:—миѣ, знаете, пришла человѣколюбивая мысль. Право, ее надо выполнить. Въ страданіяхъ ближнихъ надо принимать участие, а къ тому жъ узы крови.... Это долгъ нашъ и его мы должны выполнить. Впрочемъ, что же вамъ—то я говорю о долгѣ и о человѣколюбіи? вы вѣдь съ Надеждой Кондратьевной такъ прекрасно сами говорите о состраданіи и долгѣ въ человѣкѣ.—Я отъ старости да отъ болѣзни не умѣю говорить такъ хорошо, но все равно: вы вѣдь всегда готовы помочь ближнему. Такъ—съ вотъ что,—взяли бы вы съ собой Сережу, показали бы за границей всѣмъ знаменитымъ врачамъ, можетъ быть, они и помогли бы ему, бѣдняжкѣ. Жаль, молодой такой!... Что же—съ? Если что до денегъ, то я во всемъ откажу себѣ, а дамъ, дамъ на это денегъ.—Надо, надо ему помочь! Что же—съ?

Дѣдушка каталъ восковые шарики и, ехидно улыбаясь, смотрѣлъ на своихъ внучатъ.

Петръ Васильевичъ мрачно отвѣчалъ ему:

— Я не берусь возиться съ сумасшедшимъ, я ѣду для серьезныхъ занятій.

— Ну, конечно, если вы ѣдете для вашихъ трудныхъ занятій,—точно гдѣ вамъ возиться съ сумасшедшимъ. Жаль!... Ну хорошо, вамъ будетъ некогда; но ваша супруга, она такая добрая была, не боялась его,—она, можетъ, по человѣколюбію и ходила бы за нимъ. И вѣдь онъ такой тихій, его сумасшествіе, право, неопасное....

Петръ Васильевичъ былъ взбѣшенъ, но скрылъ это; онъ по-

благодарилъ дѣдушку за гостепрїимство и простился съ нимъ, а старикъ все твердилъ свое:

— Эхъ жаль, что вы не берете Серезу съ собой; право, жаль!

Софья Григорьевна только отѣхавъ далеко отъ дому, вспомнила, что ей подали утромъ письмо отъ матери,—это письмо было именно то, въ которомъ Анна Антоновна писала о своемъ намѣренїи освободить крестьянъ.—Она прочла машинально и подала его мужу, который хотя, по прочтенїи письма, и отвѣчалъ гордо, что ему до этого нѣтъ никакого дѣла, но по прїѣздѣ въ Петербургъ отдалъ его Григорью Андреевичу, который мигомъ полетѣлъ въ деревню жены, чтобъ остановить помѣшанную женщину привести въ исполненїе свои безумные планы. По требованїю отца, Софья Григорьевна подписала просьбу, которая и была причиной смерти Анны Антоновны. Но дочь и не воображала, чтобы отецъ могъ ее заставить подписать подобное гнусное обвиненїе на такую нѣжную и добрую мать, къ которой она даже рѣшилась было вернуться, потому что убѣждалась съ каждымъ часомъ, что Петръ Васильевичъ ее не любитъ болѣе и тяготится ею. Да и ей самой мучительно тяжело было выносить свое униженїе.

ГЛАВА VII.

Съ отѣздомъ молодыхъ изъ деревни, дѣдушка скучалъ, потому что его шпионы часто являлись къ нему съ убитымъ видомъ, объявляя, что въ домѣ нѣтъ никакихъ новостей. Старикъ за то отводилъ душу на Олимпїадѣ Ѳедоровнѣ, которая ходила, какъ испитая, потому что дѣлѣя ночи проводила безъ сна, сидя у больнаго молодаго человѣка, въ его прежнемъ жилищѣ, куда онъ немедленно ушелъ, какъ только узналъ, что Софья Григорьевна уѣхала. По просьбѣ молодой, Олимпїада Ѳедоровна пришла къ нему, чтобъ передать прощальный поклонъ и благодарность отъ нея, но нашла его въ совершенно разслабленномъ положенїи отъ сильной потери крови. Онъ едва добрелъ до своего жилища, и болѣе уже не вставалъ съ постели: злая чахотка быстро разрушала его. На всѣ мольбы Олимпїады Ѳедоровны, просить у дѣдушки доктора, онъ не согласился и только говорилъ о ней, все о ней! По ночамъ онъ былъ въ бреду и все-таки бредъ его былъ только о Софьѣ Григорьевнѣ.

Марья Васильевна вооружилась героической смѣлостью и отправилась къ дѣдушкѣ просить, чтобы онъ позвалъ доктора къ большому внуку. Только-что она вошла въ комнату, старикъ скорчилъ испуганную мину и закричалъ:

— Горить! вѣрно пожаръ въ домѣ!—Онъ догадался, о чемъ будетъ его просить Марья Васильевна и почему объ онѣ давно ходять съ заплаканными глазами, какъ убитыя. Не слушая старушку, дѣдушка звонилъ изо всѣхъ силъ, а сбѣжавшимся и оторопѣвшимъ людямъ продолжалъ кричать:

— Горимъ! спасайте все скорѣе!

— Федоръ Семенычъ, что это съ вами, гдѣ пожаръ? оторопѣвъ, говорила Марья Васильевна, думая, не сошелъ ли онъ съ ума; потому что какъ долго ни жила она съ нимъ, какъ ни знакома была со всѣми его притворствами, но никакъ не могла привыкнуть въ мысли, чтобы каждое слово старика было ложь.

— Какъ! вскрикнулъ пораженнымъ голосомъ старикъ.—Зачѣмъ же это вы вошли ко мнѣ съ такимъ престраннымъ и отчаяннымъ лицомъ! Пугать меня вздумали, чтобы я скорѣе умеръ, а вы бы здѣсь стали бражничать!... А! вотъ вамъ чего хочется!

— Я пришлю вамъ сказать о бѣдномъ Сережѣ, заплакавъ, отвѣчала на это Марья Васильевна.

— Что, повѣсился? Зарѣзался? Ахъ, Господи! Или не убили ли еще кого?—Я это почувствовалъ и говорилъ, что нельзя держать сумасшедшаго въ домѣ,—опять заговорилъ про старое дѣдушка и началъ охать и метаться.

— Федоръ Семенычъ, пожалѣйте его! пошлите за докторомъ! Онъ очень боленъ, но не хочетъ васъ просить объ этомъ,—умоляла старушка.

— Вы-то что хнычете и кричите; что вы такое—мать, родственница ему?—вдругъ, отбросивъ лицемѣрный испугъ, грозно заговорилъ старикъ.—Мало что—ли я видѣлъ вашихъ слезъ? Идите вонъ и не смѣйте ко мнѣ являться съ подобными просьбами! Онъ хоть и сумасшедшій, а все же умнѣ васъ и знаетъ, что доктора ему разума не вложить.

Старушка замолкла и только взоромъ умоляла его.

— Вамъ жаль даже сумасшедшаго щенка, продолжалъ дѣдушка:—только вотъ у васъ нѣтъ никогда жалости ко мнѣ!... Не смѣть мнѣ и слова о немъ произносить! А матери велите увезти его изъ моего дома, если онъ опасно боленъ. Чтобы я и знать не зналъ о немъ! чтобы не смѣли ко мнѣ показываться въ траурѣ,

если онъ умретъ, и чтобы мнѣ ничего не говорили! Идите и не смѣйте плакать при мнѣ! Одиѣ только дуры могутъ печалиться, видя, что сумасшедшій умираетъ. Помните же вы объ, что я знать ничего не хочу, не хочу и не хочу!

Старушка перестала плакать; ея лицо вдругъ измѣнилось и она такъ дико смотрѣла на старика, какъ будто она его въ первый разъ видитъ. Потомъ съ отвращеніемъ она отвернулась отъ него и вышла изъ комнаты, никому не сказавъ ни слова о приказаніи старика, а, напротивъ, еще удвоила уходъ за больнымъ, который, чувствуя приближеніе смерти, сталъ молить объихъ женщинъ перевести его въ комнату Софьи Григорьевны, говоря, что ему тамъ будетъ спокойнѣе и легче, и что непременно выздоровѣетъ.

— Тамъ я буду окруженъ, по крайней мѣрѣ, хоть тѣми вещами, до которыхъ она касалась, буду смотрѣть на тѣ стѣны, въ которыхъ она бѣдная такъ страдала! говорилъ въ лихорадочномъ жару больной, и такъ метался, такъ тосковалъ, что Марья Васильевна, смотря на него, невольно спросила Олимпиаду Федоровну:

— Неужели и въ этомъ отказать умирающему! Нѣтъ! Пусть онъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ, что придумаетъ его ненавистная, злая душа, но я одна все беру на себя, — слышишь, Липа? я одна буду отвѣчать ему за все.... Вотъ у его постели дай мнѣ слово, что не будешь меня выгораживать и защищать! — настаивала старушка, обращаясь къ дѣвушкѣ. — И чего мнѣ его бояться?... Довольно! Тридцать пять лѣтъ я терпѣла отъ него всѣ его тиранства. Пора, пора и мнѣ, хоть передъ моею смертию, поступить противъ его воли. Пусть его кончитъ со мной такимъ же зломъ и униженіемъ, съ какого началъ.

Дѣвушка никогда еще не видала старушку въ такомъ волненіи и такой смѣлой.

Когда всѣ давно уже спали въ домѣ, даже сторожъ дремалъ, продрогнувъ до костей отъ ночной сырости и холода, тогда странное шествіе появилось въ обнаженномъ саду, усталомъ увядшими листьями: двѣ блѣдныя женщины медленно двигались, почти неся на рукахъ укутанный скелетъ.

Радость умирающаго была такъ велика и потрясающа въ ту минуту, когда онъ очутился въ комнатѣ Софьи Григорьевны, что объ женщины плакали на-взрыдъ, смотря, какъ онъ цаловалъ

каждую вещь, до которой прикасалась любимая нить женщины, и какъ благодарилъ ихъ за то, что доставили ему это счастье.

— Какъ мнѣ легко здѣсь!... Гдѣ-то она? — далеко! Какъ я желаю ей счастья! Еслибъ я могъ, я бы пѣшкомъ пошелъ къ ней, я бы никому не далъ ее обидѣть! Она была бы покойна, я бы велъ себя хорошо. Я не хочу, чтобъ хотя одна слезинка выпала изъ глазъ ея изъ-за меня! — День и ночь онъ все говорилъ о ней въ бреду и въ сознаниіи; онъ не могъ забыть ее.

Но надо было обманывать шпионовъ и Марья Васильевна носила въ пустой домъ пищу и питье, чтобъ только не потревожили умирающаго.

— Не плачь, не печаль его, — твердила она Олимпіадѣ Федоровнѣ: — скоро, все скоро кончится!

Когда умирающій сталъ совершенно забываться, и смерть, что называется, сторожила его, Марья Васильевна выбрала удобную, спокойную минуту и сказала ему:

— Сереженька! ты не хочешь ли видѣть кого нибудь изъ своихъ?

— Никого, кромѣ ея, но она далеко уѣхала теперь, — отвѣчалъ больной.

— Можетъ сказать что нибудь велишь своей матери, ему?

— Вы моя мать, а вотъ моя сестра, указывая на Олимпіаду Федоровну, отвѣчалъ онъ съ трудомъ.

Старушка болѣе не докучала: она видѣла, какъ онъ послѣ этого страдалъ и метался.

— Пусть его умретъ попокойнѣе. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, что они для него?

Молодой человѣкъ умеръ, склонивши голову на грудь къ Олимпіадѣ Федоровнѣ и произнося имя любимой женщины; онъ даже рванулъ какъ-то, точно увидалъ ее возлѣ своей кровати.

Дѣвушка въ нѣмомъ ужасѣ и съ любопытствомъ видѣла, какъ прервалась въ немъ послѣдняя нить жизни.

«И я умру въ чахоткѣ, и также буду страдать, думала она въ это время. — Но мнѣ некого будетъ благословлять, какъ онъ это дѣлалъ, некого вспоминать такъ горячо. И на чихъ-то рукавъ я покончу жизнь?»

Смерть молодаго человѣка притупила въ забытыхъ женщинахъ всякій страхъ. Онѣ плакали, хлопотали о похоронахъ, какъ будто бы наказаніе грознаго ихъ властелина не должно было

обрушиться на ихъ головы. Олимпиада Федоровна положила покойнику на грудь полученное на его имя письмо отъ Софьи Григорьевны.

— Миѣ показалось, Марья Васильевна, что онъ улыбнулся, когда я положила ему на грудь письмо, сказала Олимпиада Федоровна, сидя ночью у его гроба.

— Хоть бы пораньше пришло, тогда онъ, мой бѣдненькій, умеръ бы навѣрное безъ мукъ. — Точно спитъ — такое же доброе лицо.... Слава-богу, что хоть не мучится теперь.

И старушка, рыдая, припала къ холодной щекѣ покойника.

— Полноте, лучше подите отдохните, вѣдь вы сколько ночей не спали? плача, говорила дѣвушка.

— Сереженька! я тебя любила, какъ своего сына. Зачѣмъ я, никому ненужная, не умерла прежде тебя. — И развѣ безъ тебя мало мучениковъ на свѣтѣ? ломая руки, твердила старушка.

Олимпиада Федоровна силою отрывала ее отъ покойника, а въ другой разъ и ее точно также оттаскивали отъ гроба, возлѣ котораго она плакала и металась.

Никто не рѣшался сказать старику, что происходило надъ его головой; даже шефъ шпионовъ не зналъ, какъ приступить къ разсказу о такомъ неслыханномъ своеволии женщины. Докторъ, явившійся изъ города, взялъ на себя это важное дѣло, и то только тогда, когда покойника похоронили.

Старикъ сначала не повѣрилъ, чтобъ Марья Васильевна могла дойти до такой дерзкой смѣлости и непослушанія, потомъ пришелъ въ неописанную ярость, такъ что докторъ принужденъ бы сказать ему:

— Вамъ вредно такъ сердиться.

Старикъ велѣлъ позвать Марью Васильевну. Она въ это время только-что вернулась съ могилы и съ полнымъ равнодушіемъ вошла въ комнату.

— Кто смѣлъ не исполнить моей воли? съ такимъ вопросомъ, весь дрожа отъ гнѣва и стиснувъ кулаки, кинулся къ ней старикъ.

— Я! отвѣчала твердо Марья Васильевна и смотрѣла прямо ему въ глаза: — я его перенесла на верхъ, я его похоронила и я же буду носить это черное платье по немъ.... И впередъ вамъ говорю, что я больше не буду слушать вашихъ безчеловѣчныхъ приказаній. Довольно, довольно!

— Вонь из моего дома! — Эй! вытолкайте ее вонь! закричал старикъ лавочникъ.

Марья Васильевна вся затряслась и побѣжала изъ комнаты, дико закричавъ:

— Злодѣй!

Докторъ отпихивалъ старика каплями и оттиралъ спиртами, а Марья Васильевна въ это время лежала безъ движенія у дверей своей комнаты. — Два дня она еще слабо дышала послѣ удара, но потомъ и совсѣмъ охладѣла.

Олимпиада Федоровна, сраженная двумя потерянн равномъ, шла въ какое-то одерѣженіе и хлопотала около покойницы безъ слезъ. Да и гдѣ ужъ ей было ваять ихъ? она ихъ всѣ выплакала. Надежда ея, что старикъ дастъ умереть Марьѣ Васильевнѣ въ ея комнатѣ, не сбылась, потому что полуживую старушку вынесли изъ дома, чтобъ не было въ немъ покойника.

При жизни своей Марья Васильевна видѣла одно униженіе; но она питала отвращеніе ко ялу, а потому сама не дѣлала вреда никому, и скорѣе, при всемъ своемъ униженіи и незначительности въ домѣ, дѣлала добро для дворовыхъ и крестьянъ, да и то тайкомъ, съ разными хитростями. И только съ ея смертію всѣ поняли, какая это была добрая и въ то же время страшно-несчастливая женщина. Вся деревня выкавала изъ ней свое единственное состраданіе и уваженіе, и проводила ея гробъ до могилы.

Эти надорванные гудуны, эти лапти, эти нелицемѣрные лица, съ печатью труда и голода, несшія гробъ человѣка изъ чуждаго изъ класса, — вотъ чего, вотъ какой награды можетъ пожелать себѣ всякій честный человѣкъ! Ни рѣчей, ни обѣда, — ничего не ждали сопровождавшіе гробъ; они только продрогли и промекли, и вернулись въ свои гнилые избы не безъ страха, что имъ достанется за это искреннее желаніе: почитать несчастную женщину благодарностью за все то, что она сдѣлала для нихъ въ своей жизни...

Знаю. — Въ домѣ старика совершенно пусто; но онъ не унываетъ и по прежнему мучить и пилить Олимпиаду Федоровну, которая, утромъ и вечеромъ сидя за журналомъ, уже не плачетъ больше, что бы ни говорилъ старикъ и какъ бы ни язвилъ онъ это самое близкое ему существо. Въ отвѣтъ на всѣ его замѣчанія слышится только сухой и частый камель дѣвушки.

— Камляйте!... еще!... Да, у всѣхъ героннъ вашихъ романовъ, у всѣхъ вѣдь дѣлается чахотка отъ любви. Но все это вы

можете разыгрывать въ своей комнатѣ, а здѣсь не смѣть надѣдать мнѣ своимъ кашлемъ.... Вѣдь все надрисово. Не понимаете вы его на эту удочку: онъ не дуракъ, чтобы позвѣрить; будто вы это отъ любви къ нему страдаете.

Въ этомъ родѣ шипѣлъ старикъ, между диктовкой о состояніи аппетита, сна и пр.

Кто видѣлъ, какъ чахла дѣвушка, какъ горѣли ея глаза и какое молчаливое страданіе выражали они, — тотъ содрогнулся бы отъ одного слова старика, которому это даже замѣтилъ его докторъ — человекъ вовсе не изъ породы чувствительныхъ.

— А вѣдь надо бы полечить вамъ ее, сказалъ ему докторъ.

— Что же, пропишите рецептъ, отвѣчалъ старикъ. — Да что, она молода еще! Вы вотъ обо мнѣ-то подумайте: слабость, апатія и нѣтъ, сна также.

— Ее бы послать за границу, въ теплый климатъ; а здѣсь что лечить? — толковалъ докторъ.

— Что же, развѣ тамъ не умираютъ люди?

— Вездѣ умираютъ.

— Ну, значитъ, это пустая трата денегъ.

— Можеть быть, она...

— Нѣтъ, докторъ, — зло перебилъ его старикъ: — вы лучше обо мнѣ-то позаботьтесь. Вотъ я, можеть, и двухъ дней не проживу.

Но старикъ ошибался. Онъ пережилъ свою дочь, и еще долго, долго, нѣсколько лѣтъ диктовалъ о состояніи своего здоровья заступившему ея мѣсто мальчику, одѣтому козачкомъ.

Какъ цѣпная собака, этотъ козачекъ неотлучно находился въ комнатѣ старика или — стоялъ у стѣны на вытяжкѣ, или сидѣлъ на громадной книгѣ. — Это былъ сынъ Лизаветы, которую старикъ услалъ въ дальнюю свою деревню за баловство мальчика, — несчастная тамъ и умерла. Мальчикъ появился въ комнатѣ старика послѣ смерти его дочери, съ которой онъ также не простился. — Какъ только она слегла, то онъ ужъ и не упоминалъ о ней; появивши, что ей не встать. Старикъ тѣшился надъ бѣднѣмъ мальчикомъ безобразно: всякій день ему приготавливали въ коробкѣ пауковъ, и дѣвушка тихонько выпускала ихъ на мальчика, который страшно боялся этихъ насѣкомыхъ, плакалъ, дрожалъ и умолялъ снять съ него паука, но старикъ притворялся, что онъ тоже боится, и такимъ образомъ доводилъ ребенка до истерика. Если старикъ подмѣчалъ, что мальчику было что нибудь неприятно, — онъ непременно заставлялъ его это сдѣлать или съѣсть.

Мальчикъ, напримѣръ, не могъ взять въ ротъ ораруту, а старикъ силою его кормилъ и тѣшилъ, какъ ребенокъ давился. Но все это кончилось, какъ только мальчикъ подростъ: онъ понялъ, что надо хитрить и дошелъ до того, что приводилъ въ умиленіе старика своимъ лицемерствомъ. Наконецъ мальчикъ увидалъ своего прадедушку умирающимъ. Всѣ родственники съѣхались, когда узнали, что старикъ не можетъ вынести своей болѣзни. Онъ никого не хотѣлъ видѣть и всякій день только спрашивалъ у доктора:

— Ну что — слетѣлись вороны; я думаю, каркаютъ ужъ? — Гоните всѣхъ вонъ! Скажите имъ, что я вотъ ему все оставляю.

Старикъ указывалъ на мальчика, стоящаго у дверей, который высовывалъ ему украдкой языкъ за эту милость. Старикъ вѣрить не хотѣлъ, чтобъ его нельзя было вылечить за деньги, хотя и чувствовалъ, что слабѣетъ съ каждымъ днемъ и уже не въ силахъ не только катать восковые шарики, но даже и держать ихъ въ своихъ слабыхъ рукахъ.

— Что, я очень опасенъ? — разъ спросилъ онъ доктора. Миѣ надо знать это, чтобы распорядиться.

— Богъ милостивъ! отвѣчалъ уклончиво докторъ.

— Говорите прямо! прикрикнулъ старикъ.

— Да, болѣзнь у васъ опасная.

— Ну такъ что же вы не созываете консилиумъ? — Сейчасъ же вышлите самыхъ знаменитыхъ столичныхъ докторовъ. Я всѣмъ имъ дорого заплачу. Скорѣе! вы все изъ жадности не хотите, чтобъ были другіе доктора! — Да, я всѣхъ щедро награжу, только спасайте меня!

Старикъ захныкалъ.

— Надо быть покойнымъ при вашей болѣзни, замѣтилъ докторъ.

— Какъ вы глупы!.. Я безъ васъ знаю, что надо быть покойнымъ, и былъ имъ всегда, когда чувствовалъ себя хорошо. Но теперь дѣло идетъ о жизни, а вы изъ жадности не хотите пригласить докторовъ.

— Что же дѣлать, — всѣ страдаютъ.

— Миѣ-то какое дѣло до всѣхъ! Мало ли что! — вонъ мои мужики весь вѣкъ ѣдятъ мякину, такъ и миѣ ее ѣсть? — Нѣтъ, посылайте скорѣе за докторами.

Врачъ обѣщалъ умирающему, чтобъ его успокоить, исполнить его желаніе.

Одно наказаніе испытывалъ старикъ передъ смертью за всѣ свои безобразно-злые поступки въ жизни, — это то, что онъ не терялъ памяти и сознавалъ приближеніе смерти, которой всегда такъ боялся даже и здоровый. Онъ плакалъ и молилъ доктора спасти его, обѣщая озолотить. Но умирая, онъ все таки не могъ не дать послѣдняго приказанія въ томъ же родѣ, какія онъ давалъ во всю свою жизнь: написать жалобу губернатору на доктора, что онъ умышленно залечилъ его. А уже испуская дыханіе, онъ выкинулъ слѣдующую шутку.

Измученный мальчикъ обыкновенно засыпалъ стоя, и потомъ уже, скользя по стѣнѣ, тихо опускался на коверъ, гдѣ и спалъ. Но умирающій, не желая, чтобы ребенокъ спалъ, — велѣлъ привязать его къ спинкѣ стула и поставить противъ себя.

Старикъ умеръ, окруженный чужими и равнодушными лицами; одни только полусонные глаза привязаннаго мальчика могли бы глядѣть на него съ участіемъ, но и тѣ сердито и равнодушно уставились на умирающаго, потому что потребность сна пересиливала все.

Всѣ наслѣдники были поражены при раскрытіи завѣщанія покойнаго. Онъ никогда не былъ набоженъ, а отказалъ два милліона на постройку церкви въ ближайшемъ монастырѣ, гдѣ и велѣлъ положить свое тѣло. Такъ что Надежда Кондратьевна за столько лѣтъ лжи, притворства и безпокойства, была награждена только двумя стами душъ, которыя она считала ни во что, потому что привыкла думать, что получить все наслѣдство отъ дѣдушки.

Н. СТАНИЦКІЙ.

ЖУРНАЛИСТИКА ВО ФРАНЦІИ

ВО ВРЕМЕНА КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРІИ.

Въ «Современникѣ» прошлаго года были помѣщены двѣ статьи о французской журналистикѣ, гдѣ обзоръ былъ доведенъ до 1789 г., когда Мирабо, въ своемъ журналѣ, сдѣлалъ рѣшительную попытку къ уничтоженію преградъ, которыя съ такою настойчивостью тяготѣли до того времени надъ всею французскою прессою. Въ настоящее время, трудъ Гатэна «Histoire de la presse en France», давшій намъ возможность познакомиться читателей «Современника» съ болѣе крупными событіями изъ исторіи французской журналистики, оконченъ. Почти половина этого труда (состоящаго изъ восьми объемистыхъ томовъ) посвящена журналистикѣ во Франціи съ 1789 до 1800 года, т. е. до провозглашенія Наполеона первымъ консуломъ. Для насъ, русскихъ, впрочемъ, такое вниманіе французскаго изслѣдователя къ журналамъ, являвшимся въ продолженіе всего какихъ нибудь одиннадцати — двѣнадцати лѣтъ, не имѣетъ никакого смысла, и читатели, если только они знакомы съ французскою исторіею той эпохи, поймутъ безъ дальнихъ разсужденій, почему здѣсь, совершенно вопреки Гатэну, мы проходимъ почти молчаніемъ его увѣсистые три съ половиною тома и спѣшимъ перейти снова къ тѣмъ временамъ, когда французская пресса, послѣ кратковременнаго періода неограниченной свободы,

впала въ положеніе, гораздо горше, чѣмъ то, въ которомъ находилась предъ 1789 годомъ.

Въ прежнихъ статьяхъ мы уже говорили, какимъ образомъ Мирабо первый началъ открытую борьбу на журнальномъ поприщѣ; но нѣсколько прежде его, во Франціи стали показываться въ обращеніи неизвѣстно откуда бравшіеся и какъ существовавшіе періодическіе листки. Это были передовые застрѣльщики той громадной фаланги, которая все болѣе и болѣе приближалась къ Франціи. Въ подобныхъ изданіяхъ обсуживались безъ обиняковъ самыя жгучіе общественныя вопросы и являлось стремленіе руководить общественнымъ мнѣніемъ, о чемъ, разумѣется, и не смѣли думать журналы, издававшіеся обычнымъ путемъ. Нельзя не удивляться нынѣ той смѣлности, съ которою составители летучихъ листковъ выбрали минуту обратиться къ публикѣ съ своими интимными разсужденіями. Это было наканунѣ собранія сословія государства, а между тѣмъ общественное мнѣніе во Франціи, лишенное до той поры всякой самостоятельности, дѣйствительно нуждалось въ указаніяхъ и совѣтахъ. Современное общество, ни по воспитанію своему, ни по окружавшей его обстановкѣ, съ которою—какъ ни была она плоха—сжился всякій съ самыхъ пеленокъ, не имѣло силъ стать въ уровень съ событіями, приготавливавшимися во Франціи.

Таковъ былъ «Герольдъ народа, подъ защитою отечества», появившійся въ Парижѣ около 1789 г. Само собою разумѣется, что указаній о времени выхода и мѣста печатанія этого листка не отыщешь въ немъ кропотливѣйшій изъ библіографовъ; но потомъ пришла и такая пора, когда пѣкій Мангури открылъ свое скромное имя, ставилъ себя въ заслугу изданію «Герольда» и называлъ себя отцомъ свободныхъ французскихъ журналистовъ. Мангури всѣ статьи свои писалъ отъ лица клуба, будто бы съ давняго времени затѣявшаго искорененіе сословныхъ привилегій и утвержденіе власти короля и народа на разумныхъ началахъ. Въ программу изданія входили: «конституція—немедленное созваніе выборныхъ отъ сословія; публичное право для Франціи и права областей и городовъ; законодательство—суды высшіе и низшіе—гласное судопроизводство; свобода—извлеченіе изъ замѣчательнѣйшихъ брошюръ и памфлетовъ; интриги открытыя и потаенныя; господствующее мнѣніе; мнѣнія единичныя или постыдныя. Духъ изданія: любовь отца семейства, который совѣтуетъ своимъ дѣтямъ, но не поддается опека честолубцевъ и сумазбродовъ. Горе тѣмъ, которые, прикрываясь именемъ или тогою, епископскою

вантією или кирасою, софизмомъ или декламацією, будутъ питать надежду, что ихъ не разоблачатъ! Клубъ постарается указывать ихъ; если они выкажутъ стремленія къ тиранніи»....

При одинаковыхъ съ «Герольдомъ» условіяхъ и обстановкѣ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1788 г. выходилъ «Стражъ народа», предназначавшійся для людей всѣхъ званій: ученыхъ, артистовъ, купцовъ, ремесленниковъ и имѣвшій цѣлью борьбу съ аристократією за среднее сословіе и пачала революціи. Говорятъ, что Вольней былъ однимъ изъ его редакторовъ.

«Друзья и граждане», говорилъ «Стражъ», «знайте, что я, по милости Божіей, имѣю порядочное состояніе и могу существовать, какъ подобаетъ благородному, то есть ничего не дѣлая. Но такъ какъ каждый изъ васъ трудится, то я, по совѣсти, считаю себя обязаннымъ также взяться за работу. Вотъ почему, въ то время, какъ одинъ пахать мое поле, другой печеть хлѣбъ, стряпаетъ у меня на кухнѣ, тотъ приготовляетъ ткани, этотъ издалека привозитъ мнѣ кофе и сахаръ, я раздумывалъ о средствахъ, какъ бы мнѣ быть полезнымъ, и, вспомнивъ, что въ настоящее время много неблагонамѣренныхъ, рѣшился принять на себя ремесло стража, чтобы кричать: берегись! и кто идетъ?...»

Съ 1789 г. французская пресса не встрѣчала болѣе никакихъ преградъ: всѣ мнѣнія могли высказываться, каждая партія получила право выступать на журнальную сцену. Тогда назначеніе журнала во Франціи совершенно измѣнилось: до сихъ поръ тамъ можно было найти длинныя разглагольствованія о хорошей и дурной погодѣ, выходы и доносцы на собратій по ремеслу, любимыхъ публикою, любопытныя замѣтки о томъ, что какой нибудь счастливецъ нарочно ѣздилъ, чтобы отвѣсить три низкихъ поклона какой нибудь особѣ; наконецъ, что главнѣе всего, французскій журналъ до 1789 года славился своимъ упорнымъ молчаніемъ о событіяхъ, которыя обращали на себя вниманіе общества, и умѣніемъ распространяться въ то же время о такихъ предметахъ, которыми заниматься не приходило даже никому въ голову. Съ 1789 г., напротивъ, каждое періодическое изданіе сосредоточивало исключительное вниманіе на современные вопросы и на способы разрѣшенія ихъ.

Само собою разумѣется, что новыи порядокъ вещей во Франціи не могъ истребить приверженцевъ стараго. Послѣдніе, по личнымъ расчетамъ, въ сладкомъ упованіи возвратить то, чего такъ быстро и неожиданно они лишились, перешли въ оппозицію: роялисты напали на общія идеи, защищая сословныя привилегіи и выгоды немногихъ въ ущербъ большинству. Отсюда возникла отрицательная полемика,

сущность которой только и состояла или въ прославленіи прошедшаго, или же въ безразличной хулѣ какой бы то ни было идеи, если она только была новая, разрушавшая старые распорядки. Въ такой полемикѣ роялисты могли только раздражаться насмѣшками, а это было нетрудно въ тогдашней Франціи. Новыя идеи рождали новыя нравы, странные и причудливые. Извѣстно, что тѣхъ, кто проводить новыя идеи, можно дѣлать смѣшными въ глазахъ не только врага, но и безстрастнаго зрителя, готоваго считать непростительнымъ все, что не похоже на то, съ чѣмъ сроднился онъ съ дѣтства.

Достойно замѣчанія, что журналовъ, взявшихъ на себя защиту прежнихъ распорядковъ, было очень немного. Эту многочисленность они хотѣли вознаградить необуздаиностью и особенно яростью. По отзыву Гатэна, который въ своемъ трудѣ обо всѣхъ партіяхъ говоритъ чрезвычайно безразлично, — роялистскіе журналы первые начали на своихъ страницахъ угрожать всѣмъ своимъ противникамъ тысячами смертей и всѣми ужасами, и тѣмъ основали умы съ жестокостями и возбуждали мысль о мщеніи. «Другъ короля» и «Дѣянія апостольскія» — эти два органа роялистскихъ убѣжденій — только и проповѣдовали о мѣрахъ насилія; прямо требовали шестисотъ головъ значительнѣйшихъ изъ либераловъ и конфискаціи ихъ имущества; указывали иноземнымъ арміямъ, въ какихъ мѣстахъ онѣ могли удобнѣе вторгнуться во Францію; наконецъ, громко требовали, по ихъ собственному выраженію, возрожденія Франціи при помощи кровавой бани. Характеристично также, что Actes des apôtres защищали религію, что имъ не помѣшало однако избрать своимъ эпиграфомъ стихъ изъ извѣстной по своей безнравственности и цинизму поэмы Вольтера *La pucelle d'Orléans*, и нерѣдко цитировали ее, какъ самое превосходное и неопровержимое твореніе. Вся роялистская журналистика отличалась совершеннымъ отсутствіемъ серьезныхъ убѣжденій и особенно неукротимостью, заставлявшею ее говорить о новомъ порядкѣ не иначе, какъ съ пѣною у рта и сарказмами. Но эти сарказмы не подтвердили французской пословицы, что насмѣшка убиваетъ. Насмѣшка, какъ и насиліе, можетъ только устрашать слабыхъ, добить то, что отживаетъ, доканать того, что уже обратилось въ бѣгство; но не въ ея власти остановить людей непоколебимыхъ, съ твердостью идущихъ на завоеваніе будущаго, которое они давно провидѣли. Такихъ людей насмѣшка только подбиваетъ, раздражаетъ, дѣлаетъ безжалостными, если побѣда остается на ихъ сторонѣ, — что дѣйствительно и случилось во Франціи послѣ 10 августа 1792 года. Изъ многочисленныхъ образчиковъ роялистской полемики приведемъ здѣсь одинъ, по которому можно судить объ остальныхъ. Виконтъ Матье-де-Монморанж, представитель самой знатнѣйшей фе-

илии во Франціи, однажды, въ конституціонномъ собраніи подаль голосъ вмѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу закона объ уничтоженіи ливрен. Въ Actes des arôtres тотчасъ же помѣстили такой анекдотъ: «говорятъ, что госпожа де М... часто забавлялась въ своей лакейской изученіемъ правъ челоуѣка (droits de l'homme), и что она особенно любила брать уроки у одного лакея, имѣвшаго превосходное сложеніе по французски выходитъ двусмысленность изъ выраженія *excellente constitution*) и находившагося при маленькомъ Матѣ... Удивительно ли, что послѣдній подаль голосъ объ уничтоженіи ливрен? Такой поступокъ ему внушенъ сыновнимъ почтеніемъ.»

10 августа 1792 года, демократическая партія явилась во Франціи въ главѣ правленія: роялистскіе журналы исчезли, а редакторы ихъ или эмигрировали, или погибли на эшафотѣ. Господство демократической журналистики продолжалось до арестованія Робеспьера 9 термидора (27 іюля 1794 года). Съ этой минуты правленіе во Франціи перешло въ руки буржуазіи, а она, въ эгоистическихъ видахъ удержанія за собою преимуществъ, которыя доставила ей революція, одинаково преслѣдовала и роялистовъ, и демократовъ. Масса журналовъ разныхъ оттѣнковъ была запрещена во времена директоріи, и такимъ образомъ Бонапарту была облегчена возможность окончательно раздѣлаться съ свободою мысли и слова во Франціи.

Наполеонъ не любилъ журналистики не потому, чтобы не понималъ блеска, придаваемого народу процвѣтаніемъ его литературы, но онъ просто не допускалъ независимости мысли, не терпѣлъ ни спора, ни противорѣчія. По его убѣжденію, всѣ писатели и мыслители были ничто иное, какъ идеологи, — другими словами, пустые мечтатели, всегда готовые обратиться въ антагонистовъ его деспотизма и, потому именно, не заслуживавшіе никакой пощады и снисхожденія. «Вы очень коротки съ литераторами и учеными, — писалъ онъ къ брату свосму Іосифу, когда этотъ былъ неаполитанскимъ королемъ: — это кокетки, съ которыми иногда можно обмѣниваться любезностями, но ихъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ брать себѣ въ жены или министры....»

Въ особенности журналы возбуждали въ Наполеонѣ сильнѣйшую антипатію и, должно прибавить, чисто изъ личной мести: съ самыхъ первыхъ шаговъ его на политическомъ поприщѣ, между восторженными кликами похвалъ, ему часто приходилось слышать неподкупные приговоры суровыхъ журналистовъ—республиканцевъ, или клеветы и насмѣшки писателей-роялистовъ, получавшихъ за то деньги отъ эмигрантовъ и англійскаго правительства.

Когда Наполеонъ не имѣлъ еще достаточно силъ, чтобы разомъ

покончить съ антипатичною ему журналистикою, онъ придумалъ бороться съ нею ея же собственнымъ оружіемъ: подъ его наитіемъ издавались «Курьеръ итальянской арміи», «Египетскій курьеръ» и, наконецъ, «Египетская декада, журналъ литературный и политико-экономическій». Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этихъ изданіяхъ не было и намековъ на всудачи или ошибки: все, что ни предпринималъ Бонапарте, все, что ни совершалъ онъ—было неподобно и заслуживало однѣхъ похвалъ.

Едва Наполеонъ достигъ званія перваго консула, — прежде всего поспѣшилъ отмстить журналистамъ. Постановленіемъ 17 января 1800 года водворилось во Франціи царство молчанія, и средства къ тому были употреблены самыя простыя и незамысловатыя: распорядились лишь о запрещеніи всѣхъ политическихъ журналовъ, за исключеніемъ тринадцати, надежныхъ и безвредныхъ для консула; кромѣ того, на будущее время строго запрещалось предпринимать вновь какое бы то ни было періодическое изданіе. Обрѣзанная такимъ образомъ журналистика не могла имѣть никакого значенія и, слѣдовательно, не представляла опасности: журналы не смѣли произнести ни единого слова, которое могло бы не понравиться первому консулу, а то, что онъ хотѣлъ сдѣлать извѣстнымъ, имъ невозможно было не сказать. Но и такое положеніе журналовъ казалось еще Наполеону неблагонадежнымъ: ему хотѣлось имѣть въ своемъ распоряженіи, кромѣ открыто-официальнаго «Монитера», журналъ, въ которомъ бы проводилась мысль, конечно согласная съ его видами. Дѣлать это официально путемъ Наполеону казалось неприличнымъ, да и бесполезнымъ, такъ какъ читателямъ ничего бы ни стоило примѣтить всѣ западни и ловушки, при помощи которыхъ первому консулу хотѣлось заискивать расположеніе публики. Притомъ же въ официальномъ органѣ неприлично было бы съ достоинствомъ правительства—открыто поддѣлываться подъ современныя требованія, съ цѣлью поддержать и, если возможно, распространить путемъ нравственнаго растлѣнія правительственное значеніе и личные интересы власть имѣющихъ.

Обстоятельство, что Наполеонъ призналъ за благо имѣть свой полуофициальный органъ во французской журналистикѣ, должно было утѣшить тогдашнихъ угнетенныхъ редакторовъ и журналистовъ: всеильный первый консулъ и его клеветы всегда показывали видъ, что пренебрегали «какими-то газетчиками, какими-то бумагомарателями», и при всякомъ удобномъ случаѣ старались и на словахъ, и на дѣлѣ выражать къ нимъ глубочайшее пренебреженіе... и что же? Тотъ же Наполеонъ беретъ за ремесло этихъ «какихъ-то газетчиковъ, какихъ-то бумагомарателей», дѣлаетъ болѣе — старается посредствомъ журнала заискать себѣ расположеніе у публики, при-

влечь ее на свою сторону, не ссылками и арестами, а ловкими статейками, искуснымъ подборомъ того, что безъ опасенія можно было передать такъ-называемой благодѣтельной гласности, и еще болѣе искуснымъ умолчаніемъ о томъ, что простяки-читатели еще не должны были знать, а тѣмъ паче, о чемъ они ни подъ какимъ видомъ не смѣли разсуждать.

Бонапарте избралъ «Парижскій бюллетень» своимъ органомъ въ журналистикѣ. Гладко написанное и, повидимому, даже съ либеральными тенденціями объявленіе объ изданіи этого журнала напечатали и распространяли повсюду; оно даже разослано было по провинціямъ въ проспектамъ, которымъ обстоятельно разъяснялось, въ чемъ заключалась цѣль предпринимаемаго журнала, упоминалось также и о томъ, что правительство издаетъ его съ благою цѣлью отучить публику отъ зловредныхъ толковъ, распространяемыхъ несмотря ни на какую бдительность блюстителей порядка и благочинія прочими французскими журналами.

Объявленіе вообще дышетъ благонамѣренностью, пропитано ароматомъ благодушія, — все для того, чтобы елевно подѣйствовать на душу простосердечнаго подписчика. Тамъ говорилось, что Франція наслаждается глубокимъ миромъ (въ то время, когда даже уличные мальчишки знали о безпрестанныхъ арестахъ въ Парижѣ, о волненіяхъ воселяягъ по департаментамъ и т. п.); что обширныя и либеральныя (sic!) преобразованія, предпріятыя мудрымъ правительствомъ, обѣщаютъ процвѣтаніе страны, возрожденіе кредита (хотя на дѣлѣ было всеобщее безденежье и совершенный упадокъ государственныхъ бумагъ, извѣстныхъ подъ именемъ мандатъ, а налоги и подати все увеличивались); что для достиженія всѣхъ задуманныхъ и предприятій необходимо, чтобы общественное мнѣніе не было введено въ заблужденіе (другими словами, чтобы общественное мнѣніе заткнуло уши для дурнаго, и единственно вѣрило тому, что было пріятно и льстило первому консулу); что всѣ законодательныя и административныя акты должны быть истолковываемы въ надлежащемъ смыслѣ (то есть увѣрять себя, что всѣ распоряженія прекрасны, достигаютъ своей цѣли и нисколько необременительны, хотя бы даже на дѣлѣ это было и не такъ); что событія въ столицѣ, подробности о нихъ, съ жадностью читаемыя въ провинціяхъ, не должны быть искажаемы злоумышленностью и неблагонамѣренностью (читай: журналистами), которыя суть ничто иное, какъ остатки презрѣнныхъ кружковъ, разсѣяющихся при всякомъ удобномъ случаѣ безпокойства, раздоръ, волненія. «Проникнутые этими истинами, кончаетъ благонамѣренное объявленіе благонамѣреннаго «Парижскаго Бюллетеня», мы думаемъ, что людямъ, искренно любящимъ свое отечество, (т. е. Бонапарте и

его клеветовъ) слѣдуетъ соединиться въ одинъ кружокъ, чтобы доставлять своимъ согражданамъ въ журналѣ свѣдѣнія, необходимыя для достиженія цѣли, которая указана нами и къ которой стремятся помыслы всѣхъ французовъ, достойныхъ этого славнаго дѣла.»

Первые редакторы «Бюлетеня» остались неизвѣстными: ихъ иѣдали и перемѣняли много разъ, никакъ не добившись успѣха журнала въ публикѣ, несмотря на сильное покровительство свыше, совершенно обезпечивавшее матеріальное существованіе изданія. Оно уже приготавливалось къ своей кончинѣ, какъ Бонапарте приказалъ предложить Фьеве (Fiévée) редакторство злосчастнаго «Бюлетеня».

Одаренный нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ и особеннымъ даромъ наблюдательности, Фьева былъ въ то же время однимъ изъ тѣхъ литераторовъ — проходимцевъ, которые готовы писать что угодно, участвовать въ какихъ угодно изданіяхъ, кадить первому встрѣчному, кидать грязью въ кого укажутъ — лишь бы только была за это плата, лишь бы только была несомнѣнная надежда на полученіе денегъ. Фьева былъ сначала республиканецъ, но это не приносило никакого дохода, — онъ вступилъ въ сношенія съ роялистами, что уже было повыгоднѣе. Когда же Бонапарте сталъ въ силѣ, Фьева расцѣль, что онъ можетъ платить ему подороже роялистовъ, и вотъ онъ принялъ предложеніе перваго консула ѣхать на его счетъ въ Англію и оттуда, разумѣется все за деньги же, посылать во французскій журналъ «Меркурій» бранныя письма противъ англomanіи и всей такъ называемой философіи XVIII столѣтія. Все это такъ понравилось Бонапарте, что онъ, по возвращеніи Фьева изъ Англіи, принялъ его очень ласково и предложилъ, чтобы онъ и въ Парижѣ продолжалъ съ нимъ переписку, въ которой бы, нисколько не стѣсняясь, сообщалъ свои сужденія и впечатлѣнія о современныхъ событіяхъ и лицахъ. Наполеонъ, слѣдовательно, сознавалъ всѣ выгоды независимой прессы, но этими выгодами хотѣлъ пользоваться одинъ, почему и требовалъ отъ Фьева свободнаго отъ всѣхъ стѣсненій журнала; только онъ, оставаясь въ рукописи, долженъ былъ сохраняться въ тайнѣ между издателемъ его и единственнымъ подписчикомъ, для котораго редактировался. Когда эти письма предавали печати, то изъ нихъ исключалось все, что могъ написать о современныхъ событіяхъ человекъ не глупый и талантливый, не опасался меча Дамоклеса, который постоянно грозилъ его сотоварищамъ по журналистикѣ, имѣвшимъ несчастіе писать для простой публики, а не для Бонапарте. Послѣдній получалъ голую истину, а публика должна была довольствоваться поддѣлкою. Наполеонъ, какъ всемогущій эгоистъ, пользовался всѣми выгодами журналистики, а недостатки ея охотно предоставлялъ Франціи. Ему нужно было, чтобы Фьева относился къ нему, какъ къ публикѣ, а

той послѣдней говорилъ только то, что говорить обыкновенно вблизи трона.

Этому-то Фьеве Бонапарте, какъ сказано выше, приказалъ предложить редакторство «Парижскаго Бюлетеня». Нашъ литераторъ былъ человѣкъ не глупый, а главное смѣшленный и практическій на всѣ руки, а потому, несмотря на всю свою готовность угождать и брать за то деньги, посигѣшилъ чистосердечно высказать, что полуофициальные журналы, издаваемые подъ наитіемъ тѣхъ или другихъ властей, не стоятъ издерживаемой на нихъ бумаги, что конечно правительство имѣетъ право публично защищать и проводить свои взгляды, но читатель, съ своей стороны, имѣетъ право, также неоспоримое, желать, чтобы правительство не стѣсняло на каждомъ шагу его личныхъ, ему принадлежащихъ убѣжденій. Вотъ, впрочемъ, отрывокъ изъ самаго отзыва Фьеве:

«Г. де-Лавалеттъ сообщилъ мнѣ замѣтку перваго консула, который выразилъ желаніе, чтобы я принялъ на себя должность главнаго редактора журнала, подъ заглавіемъ «Парижскій Бюлетень». Желаніе перваго консула я считалъ бы для себя приказаніемъ, если было бы достаточно одной моей воли отыскать возможность для выполненія требуемаго отъ меня,—но небо не создало меня такимъ. Чтобы выполнить съ толкомъ и дѣйствительно выгоднымъ образомъ требуемое отъ меня, мнѣ необходимо быть убѣжденнымъ въ полезности его. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего бесполезнѣе этихъ полуофициальныхъ журналовъ: они только и могутъ существовать поддѣржкой правительства, и не проходитъ мѣсяца послѣ ихъ возникновенія, какъ всякій уже знаетъ, кто ихъ издаетъ, зачѣмъ и для кого? Тогда принимаются за чтеніе ихъ вовсе не для того, чтобы почерпнуть образъ мыслей или какія нибудь убѣжденія, а просто изъ любопытства знать взглядъ правительства; какъ же скоро замѣтятъ, что послѣднее претендуетъ на управленіе общественнымъ мнѣніемъ, то умы возстаютъ противъ такихъ поцолзновеній и переходятъ легко къ образу мыслей, совершенно противоположному тому, какое навязываетъ правительство. И здѣсь есть правда....

«Мнѣ кажется, если судить по опыту, что всѣ журналы, вспомоществуемые правительствомъ, имѣютъ въ виду только три предмета: во-первыхъ деньги, которыя они получаютъ; во-вторыхъ значеніе, которое они себѣ приобрѣтаютъ, и въ-третьихъ, большую легкость безпокоить другіе журналы, пользующіеся успѣхомъ. Что же видимъ во дѣлѣ?

«Хотя правительство оказывало существенное покровительство «Парижскому Бюлетеню», однако онъ не имѣлъ большаго успѣха.

Передавая его изъ рукъ въ руки, съ нимъ однако ничего не могли сдѣлать; теперь его предлагаютъ мнѣ, а я извѣстенъ тѣмъ, что по своимъ убѣжденіямъ совершенно расхожусь съ людьми, редактировавшими этотъ журналъ прежде. Итакъ, къ чему же послужили деньги, истраченныя на изданіе и поддержку его?

«Редакторы этого журнала, отвѣтственные предъ правительствомъ въ обѣщанномъ, но не осуществленномъ успѣхѣ, не имѣли добросовѣстности признать свою неспособность и, разумѣется, сваливали всю вину на общественное мнѣніе и журналы, любимые публикою. Такимъ образомъ, они указали правительству враговъ тамъ, гдѣ ихъ не было и стали во враждебное отношеніе ко всѣмъ прочимъ журналамъ. Странный, поистинѣ, способъ управлять мнѣніями и располагать ихъ въ свою пользу!

«Другое неудобство, — очень важное уже потому, что представляетъ непреодолимое препятствіе для успѣха—заключается въ томъ, что всякій журналъ, не имѣющій успѣха, ничтоженъ, кто бы его ни поддерживалъ!

«Какъ только періодическое изданіе предпринимается и оплачивается правительствомъ, мѣста редакторовъ испрашиваются также, какъ испрашиваются мѣста чиновниковъ.... даются они почти также.

«И зачѣмъ настаивать на продолженіи «Парижскаго Бюллетеня»? Пусть онъ прекратится. При помощи его, желаютъ имѣть вліяніе на публику, но, прежде всего, ему необходимъ успѣхъ. Чтобы мнѣ достигнуть его, требуется время, а оно все пройдетъ даромъ для дѣла, которому долженъ служить журналъ. Развѣ правительство серьезно убѣждено, что журналы не находятся въ его распоряженіи, а собственники ихъ въ состояніи бороться съ нимъ? Развѣ могутъ послѣдніе отказать въ помѣщеніи статей «сообщенныхъ», если только эти статьи хорошо составлены, и, главное, если онѣ написаны въ томъ направленіи, котораго держится журналъ, — условіа, безъ которыхъ никакая статья не произведетъ впечатлѣнія. Когда стремишься къ соединенію партій, то можно обо всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ говорить одно и то же и роялистамъ, и якобинцамъ; только не нужно говорить однимъ и тѣмъ же тономъ, такъ какъ каждая партія усваиваетъ себѣ отличные отъ другихъ формы и приемы, къ которымъ должна примѣняться самая мысль для того, чтобы быть туда допущенною.

«Если дѣло идетъ о войнѣ, то, конечно, ею не прельстишь роялистовъ, угрожая тронамъ или оскорбляя королей; но на нихъ произведешь впечатлѣніе мыслями о славѣ, историческими воспоминаніями. Я не знаю, какъ говорить съ якобинцами, но первый консулъ

идеть вокруг себя людей, которымъ это извѣстно, и при помощи ихъ, онъ будетъ располагать «Монитеромъ», «Защитниками отечества» и даже «Парижскимъ журналомъ», склоняющимся къ этой сторонѣ, потому что его увлекаетъ идеологія. Я отвѣчаю за «Меркурій», «Journal des Débats» и газету Франціи, которые никогда не откажутъ въ помѣщеніи статьи, написанной мною. Такимъ образомъ, не составляя общества изъ людей, не имѣющихъ между собою ничего общаго, не рискуя возбудить отвращеніе, которое неминуемо проявляется ко всѣмъ писателямъ, состоящимъ на жалованьи у правительства и общающимся за то подкупать общественное мнѣніе, такимъ способомъ легко будетъ пользоваться главными журналами для управленія общественнымъ мнѣніемъ. Если этотъ способъ употреблять только для разъясненія читателямъ вопросовъ, тогда онъ будетъ имѣть успѣхъ; но если, напротивъ, имъ станешь злоупотреблять, если посылать въ журналы такія статьи, отъ которыхъ извѣстные редакторы, для поддержанія своего достоинства, принуждены будутъ отказываться въ обществѣ, то все будетъ бесполезно, и придется опять попасть въ руки интригановъ.

«Будетъ всегда чрезвычайно трудно служить правительству въ журналахъ, потому что не знаешь, чего хочетъ правительство и какими средствами хочетъ достигнуть желаемого? Нѣтъ ничего легче для англичанина писать въ духѣ партіи: тамъ уже мнѣнія обрисовались и основныя начала не подвергаются спорамъ. Что не возбуждаетъ спора въ нашей бѣдной Франціи? У насъ республика, но на дѣлѣ это неправда; мы толкуемъ объ освобожденіи — но и это ложь; говорить, что хотятъ покончить со всеобщей безурядицею — опять ложь!... Никто не скажетъ первому консулу своей задушевной мысли, а я думаю, что и онъ никому не повѣряетъ своей, что весьма затруднительно, когда приходится высказывать направленіе правительства. Однако, есть одно обстоятельство внѣ всякаго спора, это—что Франція всегда останется Франціей, и ничего нѣтъ болѣе возможнаго и продолжительнаго, какъ то, что мы французы. Въ этомъ особенно смыслѣ надобно управлять общественнымъ мнѣніемъ: остальное придетъ со временемъ...»

Чтеніе такихъ предложеній возбуждаетъ странное—чтобъ не сказать болѣе—чувство. Въ нихъ, кромѣ іезуитизма, поражаетъ хладнокровно разсчитанный плащъ на униженіе и позоръ журналистики, и онъ предложенъ человѣкомъ, не служившимъ ни въ полиціи, ни въ какомъ либо негласномъ вѣдомствѣ, но писателемъ, посвятившимъ себя литературѣ — слѣдовательно, на честное и открытое служеніе обществу. Простительно заблуждаться, извинительно быть фанатикомъ по убѣжденію, но не можетъ быть и слова оправданія такимъ

людямъ, которые, подобно Фьеве, забывая назначеніе честнаго писателя, рѣшаются, изъ-за денегъ и почестей, указывать на средства, какъ прививать къ цѣлому обществу, помощію погаенныхъ козней, хитросплетенныхъ обмановъ, прикрытыхъ личиною благонамѣренности, тотъ образъ мыслей, который былъ бы угоденъ одному чело-вѣку и помогалъ бы его личнымъ видамъ. Мы скоро увидимъ, что въ тогдашней Франціи подавались проэкты касательно журналистики еще почище того, который предлагалъ Фьеве. Какъ бы то ни было, Бонапарте нашелъ, что предложеніе послѣдняго вполне заслуживаетъ вниманія: «Парижскій Бюллетень» прекратился, но за то въ современныхъ журналахъ стали часто являться статьи, извѣстныя подъ названіемъ communiqué (сообщено) и которыхъ успѣхъ такъ краснорѣчиво описывалъ почтенный прихлебатель изъ литераторовъ перваго консула (*). Впрочемъ, къ радости людей, уважающихъ литературу и общественное мнѣніе, должно сказать, что какъ ни ловко, какъ ни предательски совѣтовалъ Фьеве подкупать общественное мнѣніе, однако подобныя совѣты были и будутъ всегда напрасны. Можно ввести въ обманъ одного, двухъ, десятокъ, сотню, если хотите—тысячу чело-вѣкъ, но нѣтъ возможности долго хитрить съ цѣлымъ обществомъ. Это совершенно оправдалось и во времена перваго консула: масса читателей въ отношеніи всѣхъ возможныхъ communiqués удивительно чутка, и ей не многого труда стоитъ отличить принадлежащее самой редакціи журнала отъ того, что ей навязывается насильно и чему она вынуждена покоряться вслѣдствіе печальной необходимости, которая разъясняется русскою пословицею: «плетью обуха не перешибешь!»

Въ продолженіе всего времени господства Наполеона надъ Франціею, его не переставали занимать журналы. Какъ ни слабо было вліяніе ихъ на общественное мнѣніе, какъ ни загнаны были немногіе редакторы, уцѣлѣвшіе при помощи угодничества, лести и прочихъ тому подобныхъ униженій, — Наполеонъ, распорядившійся царствами, наводившій паническій страхъ на всю Европу, все-таки никакъ не могъ сладить съ презираемыми имъ писаками, — а презираютъ вѣдь только ничтожество, безсиліе!

Если дѣятельность французской прессы въ описываемую эпоху мало представляетъ чертъ, достойныхъ занять мѣсто въ исторіи, то

(*) По возвращеніи Людовика XVIII, Фьеве сталъ роялистомъ, писалъ къ королю литературныя письма, въ которыхъ бранилъ революцію и имперію, а Наполеона не иначе звалъ, какъ Бонапартомъ.

важнѣе того довольно назидательно изученіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ французскія періодическія изданія дошли въ короткое время до жалкаго состоянія. Въ этомъ случаѣ не мало помогаетъ знакомство съ тогдашними мѣрами и вообще взглядомъ правительства на прессу и права ея. Для примѣра, сообщаемъ здѣсь одинъ случай изъ исторіи газеты, существующей донинѣ и пользующейся до сихъ поръ большимъ почетомъ не только у французскихъ, но и у всѣхъ вообще европейскихъ доктринеровъ—«Journal des débats».

Журналъ этотъ началъ издаваться, подъ заглавіемъ «Journal des débats et des décrets», въ достопримѣчательный для французской исторіи 1789 годъ, Бодуэномъ, который, какъ указываетъ самое заглавіе изданія, помѣщалъ въ немъ отчеты о законодательныхъ преніяхъ и правительственныя распоряженія. Въ этихъ размѣрахъ журналъ существовалъ безъ шума лѣтъ около десяти, когда Бертанъ съ братомъ купилъ его у основателя за 20 тыс. франковъ. Фуше, тогдашній министръ полиціи, говорилъ не разъ, что эта покупка была сдѣлана при пособіи англичанъ, бывшихъ тогда отъявленными врагами Франціи.

Бертанъ былъ сначала усерднымъ поклонникомъ началъ революціи, потомъ, когда вѣтеръ переѣхался, онъ призналъ за благо перейти къ роялистамъ и въ то же время порой прислуживался Бонапарту. По возвращеніи Бурбоновъ, онъ уже былъ яркимъ роялистомъ и восхищался печатно униженіемъ своей отчизны послѣ сраженія при Ватерлоо, когда союзныя войска нахлынули на Францію. Чрезвычайно сметливый и способный къ журнальному дѣлу, Бертанъ умѣлъ пріобрѣтать талантливыхъ сотрудниковъ, поощрялъ молодые таланты и не скупился на вознагражденіе за статьи.

Сверхъ того—и это главное—онъ искусно, хотя и не совсѣмъ честно, поддѣлывался въ своемъ журналѣ къ настроенію современнаго общества, для котораго обыкновенно предназначаются большіе журналы. Это общество—среднее, наиболѣе образованное сословіе въ государствѣ—успѣло уже воспользоваться нѣкоторыми выгодами переворота и ему было уже мало нужды, что выигрывала цѣлая нація при дальнѣйшемъ развитіи только еще выработывавшихся началъ; притомъ же рождалось естественное опасеніе потерять то, что въ пользу зажиточнаго меньшинства завоевано было страданіями и бѣдствіями всего народа. Въ такомъ опасеніи и по эгоистическимъ разсчетамъ, среднее сословіе—всегдашній врагъ какихъ бы то ни было потрясеній, мѣшающихъ ему пользоваться покойно пріобрѣтенными на счетъ другихъ классовъ народа благами,—желало потушить революцію, на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы только ему было тепло и привольно. Наполеонъ, по своему деспотизму и энергіи, казалось, былъ въ состояніи доставить покой, котораго такъ жаждала

буржуазія, и она охотно уступила ему всю власть. Въ сущности, однако, новый властитель и не думалъ о покоѣ; честолюбивые его замыслы росли съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ среднее сословіе все болѣе и болѣе склонялось къ прежнему порядку, господствовавшему до революціи. «Journal des débats», подъ руководствомъ Бертэя, явился представителемъ такой тенденціи, а буржуазія, въ благодарность за то, поддерживала журналъ, и у него было больше всѣхъ подписчиковъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, которыя не замедлила потомъ испытать Франція отъ подобной эгоистической тенденціи; скажемъ только, что «Journal des débats» о томъ нисколько не заботился: для него на первомъ планѣ было число подписчиковъ и сохраненіе матеріальныхъ выгодъ, которыя они ему доставляли. Впослѣдствіи времени, «Journal des débats» отличался умѣреннымъ либерализмомъ, который такъ дешево достается каждому, кто, ничега не жалѣя терять на дѣлѣ, любитъ однако послѣ вкуснаго обѣда, съ подобными себѣ мудрецами, «потолковать о бѣдномъ братѣ, погорячиться о добрѣ». Такой дешевый либерализмъ въ настоящее время распространенъ во всѣхъ уголкахъ Европы, гдѣ есть зажиточные люди, начинающіе тупѣть въ заботахъ и дрязгахъ ежедневной жизни. Онъ можетъ казаться блестящимъ и даже увлекать въ гостиныхъ, на кафедрѣ, и въ передовыхъ статьяхъ журнала, такъ какъ разговоры въ гостиной, разглагольствованія на кафедрѣ и въ журналѣ еще далеки до дѣйствительности; но за то, если какой нибудь наивный чудакъ, повѣривъ на слово медоточивому либералу, захочетъ примѣнить къ дѣлу хотя бы сотую частицу его громкихъ и возвышенныхъ фразъ... о, тогда навѣрное тотъ же либераль въ мигъ забудетъ и о бѣдномъ братѣ, и о добрѣ, и первый громче всѣхъ подниметъ гвалтъ, съ пѣною у рта начнетъ доказывать о невозможности скачковъ въ исторіи, о необходимости преемственности событій—и Богъ знаетъ, чего не приберетъ тогда дешевый либерализмъ! Только достоверно, что поднимая часто гвалтъ изъ пустяковъ, онъ уже оставляетъ въ сторонѣ фразы, съ помощію которыхъ драпировался иногда не безъ искусства, и спѣшить явиться тою же отсталостью, гнилью и застоємъ, которые такъ недавно еще краснорѣчиво клеймилъ послѣ обѣда.

Либеральничая обветшалымъ прошлымъ, Бертэнь въ то же время старался превозносить при всякомъ удобномъ случаѣ Наполеона (*). Но

(*) Въ особенности отличался на этомъ поприщѣ главный фельетонистъ Бертэя—Жофруа, такъ что благодарные французы тотчасъ же сложили четверостишіе, задѣвшее и фельетониста, а съ нимъ кстаті уже и сенатъ, этотъ раболѣп-

этими «*Journal des débats*» не ускользалъ отъ подозрительнаго вниманія его, и онъ поручилъ Редереру (сначала барону, а потомъ графу, во времена имперіи) представить свое мнѣніе о журналѣ. Редереръ составилъ пространную записку, которую можно считать образцовымъ въ своемъ родѣ литературнымъ доносомъ. По ней можно судить, какіе были мастера французы, еще во времена Наполеона I, составлять политическіе доносы, и какіе это были образованные и тонкіе сыщики! И все-таки, имѣя такихъ драгоценныхъ людей, императоръ былъ не въ силахъ совладать съ общественнымъ мнѣніемъ, и все-таки наконецъ палъ даже гораздо хуже тѣхъ, которые и не обладали толпою выдрессированныхъ доносчиковъ, какіе были въ его распоряженіи.

Вотъ эта записка Редерера :

«Гражданинъ, первый консулъ! Согласно желанію вашему, я съ особеннымъ вниманіемъ прочиталъ всѣ нумера «*Journal des débats*» и «*Публициста*» за нынѣшній годъ и даже просмотрѣлъ многія сочиненія, заслужившія одобренія перваго изъ этихъ журналовъ и потому самому возбудившихъ мои подозрѣнія, какъ-то «*Духъ исторіи*» — Феррана; «*Людовикъ XII, лишенный престола прежде, чѣмъ сдѣлался королемъ*» — Пруаяра; «*Сокращеніе древней исторіи*» и проч.

«*Journal des débats*» и «*Публицистъ*» весьма несходны между собою: цѣли ихъ кажутся противоположными. «*Journal des débats*» имѣетъ опредѣленный характеръ, у «*Публициста*» — только отгѣнки. Первый разсчитываетъ на страсти, второй — только на любопытство; у перваго отъ десяти до двѣнадцати тысячъ подписчиковъ, у втораго — не выше четырехъ тысячъ. Слѣдовательно, гражданинъ первый консулъ, мнѣ кажется, что «*Journal des débats*» долженъ болѣе заслуживать ваше вниманіе.

«Направленіе «*Journal des débats*», направленіе, которое я отличаю отъ намѣреній его издателей, по моему мнѣнію, слѣдующее :

«Вести открытую войну противъ революціи; вести ее безъ всякаго различія людей, началъ, дѣйствій, постановленій, послѣдствій; вести ее при всякомъ удобномъ случаѣ необузданно и безъ всякой умѣренности.

«Вести открытую войну противъ философіи XVIII вѣка, выстав-

ный и безмолвный исполнитель велѣній Наполеона. Это четверостишіе помѣщаемъ здѣсь безъ перевода:

Si l'empereur faisait un p.
Geoffroy dirait qu'il sent la rose,
Et le senat aspirerait
A l'honneur de prouver la chose.

лать ее виновницею революціи и всѣхъ крайностей, которыя послѣдняя повлекла за собою.

«Вести открытую войну противъ математическихъ и физическихъ наукъ; представлять успѣхи ихъ, какъ бѣдствіе для XVIII вѣка, обвинять ихъ въ развращеніи нравственности, въ изсушеніи душъ, ведущемъ къ атеизму.

«Вести открытую войну противъ литературы XVIII вѣка, потому что она тогда соединялась съ философіею; ругать не только Дидро, д'Аламбера, Руссо, Мабли, какъ писателей, послѣ обвиненія ихъ, какъ философовъ, но даже Вольтера, Монтескьё и самаго Массильона. Однимъ словомъ—уничтожить весь XVIII вѣкъ изъ ненависти къ революціи, которую онъ произвелъ, впрочемъ не включая сюда Людовика XVI и его семейство, расточая при всякомъ удобномъ случаѣ похвалы ему, хваля всѣ книги, которыя его хвалятъ, и возбуждая, на сколько возможно, воспоминанія о катастрофѣ, окончившей его жизнь.

«Въ журналѣ безпрестанно оплакиваются: настоящее положеніе Франціи, развращеніе нравовъ, бѣдствія, претерпѣваемыя добрыми людьми,—это настоящая сатира XIX вѣка.

«Однако, отъ времени до времени тамъ попадаются похвалы первому консулу, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не встрѣтишь одобренія администраціи, чиновника гражданскаго или военнаго; похвалы первому консулу всегда расточаются за льготы, предоставляемыя имъ духовенству, за намѣренія, ему приписываемыя, касательно возстановленія старинныхъ учреждений и разрушенія новыхъ. Впрочемъ — упорное молчаніе о томъ, что дѣлаетъ прекраснаго и великаго первый консулъ; упорное молчаніе объ удачныхъ результатахъ его трудовъ. (Въ продолженіе года встрѣчаются шесть статей, въ которыхъ есть апологіи правительству или администраціи; но эти статьи, весьма рѣдкія, слишкомъ несогласны съ обычнымъ тономъ журнала, и—или подписаны именами литераторовъ, о которыхъ извѣстно, что они не постоянные сотрудники журнала, (такъ двѣ статьи о финансахъ подписаны Фьеве, третья—Мерсаномъ), или же отмѣчены словомъ «сообщено», что для догадливыхъ читателей равняется возраженію, или по крайней мѣрѣ предупреденію со стороны обычныхъ сотрудниковъ журнала).

«Journal des débats» безпрестанно обращаетъ вниманіе и вызываетъ уваженіе къ вѣку Людовика XIV. Въ немъ одномъ находятъ онъ великихъ писателей, великихъ правителей, великихъ военачальниковъ, знаменитыхъ іерарховъ, великаго короля. Всего болѣе заслуживаетъ восторга журнала конецъ этого вѣка,—минута, когда духовенство достигло величайшаго вліянія: такъ хваля Расина и Мольера, онъ возстаетъ противъ театра, объявляетъ его противнымъ нрав-

ственности и тѣмъ ослабляетъ литературную славу середины XVIII-го вѣка.

«Я не знаю, имѣютъ ли сотрудники или редакторы этого журнала политическую цѣль и дѣйствуютъ ли систематически, но послѣдствіе, выводимое недовольными изъ чтенія этого журнала, есть то, что для счастья общества необходимо подчинить будущее Франціи принципамъ конца царствованія Людовика XIV, — это значитъ неограниченная власть государя надъ своими подданными, и духовенства надъ государемъ; это значитъ, надобно прибѣгнуть къ Бурбонамъ, чтобы возродить царство Бурбона; это значитъ, что на ваше правительство, гражданинъ первый консуль, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на мудрое и великодушное *interim*, подготовляющее счастливымъ возвратъ тѣхъ, которыхъ называютъ законными наследниками трона.

«Неудовольствіе, испытываемое при чтеніи *Journal des débats* лицами, преданными правительству, предпочтеніе, отдаваемое ему всѣми недовольными, достаточно свидѣтельствуютъ о вредномъ направленіи его. Впрочемъ, не нужно много вниманія, чтобы замѣтить въ журналѣ это направленіе. Легко замѣтить, гражданинъ первый консуль, что безпрерывныя выходы противъ всей революціи направлены въ тоже время и противъ людей, которые имѣютъ честь способствовать исполненію вашихъ предначертаній, и противъ принциповъ, которые поддерживаютъ вашу власть, и противъ самаго источника, изъ котораго эта власть истекаетъ. Легко замѣтить, что униженіе XVIII вѣка и всегдашнее прославленіе предшествовавшего ему значитъ угроза людямъ, которыхъ XVIII вѣкъ завѣщалъ настоящему и которые нынѣ имѣютъ честь занимать значительныя должности; это значитъ знать начала равенства, сдѣлавшія сильнымъ наше оружіе, и понятія о верховной власти, которыя содѣлали священными вещи права; это значитъ — призывать, требовать принциповъ и людей, которые бы продолжали бывшихъ при Людовикѣ XIV людей изъ стариннаго дворянства, стариннаго духовенства и стариннаго правительства.

«Легко замѣтить, что чествованіе праха короля единственно потому, что онъ наследовалъ другимъ многимъ королямъ, значитъ готовить вочести претенденту, у котораго такія же заслуги; что оплакивать публично Людовика XVI значитъ призывать Людовика XVIII, точно такъ же, какъ оплакивать Карла I значило призывать Карла II, и противиться судьбамъ Карла Великаго, оплакивая въ его царствованіе послѣдняго изъ Хильдериковъ. Однимъ словомъ, легко замѣтить, что хвалить исключительно одного перваго консула, умалчивать о приближенныхъ и пособникахъ его, припоминая безпрестанно славу и могущество Людовика XIV и заслуги Людовика XVI

— это значитъ дѣлать то же, что не проминулъ бы дѣлать самъ претендентъ, когда бы издавалъ журналъ въ Парижѣ, въ расчетахъ — на великодушнаго перваго консула, отъ намѣреніемъ — ли повредить, всѣмъ людямъ, обязаннымъ республикѣ, — во всякомъ случаѣ въ увѣренности, что обнажая пьедесталъ, на который вознесенъ первый консулъ, явственнѣе указывается Англіи одна голова, которую слѣдуетъ поразить, чтобы разрушить все.

«Тѣмъ не менѣе однако, я обязанъ сказать, что есть благонамѣренные люди, которымъ дѣло представляется въ иномъ свѣтѣ: въ глазахъ ихъ воспоминанія о правленіи, составившемъ силу Людовика XIV, есть только средство помочь вашему. Я встрѣчалъ такихъ людей, которые чистосердечно увѣрены, что писатели, возстающіе противъ XVIII вѣка и направленія, порожденнаго имъ, только борются за настоящее правительство, и что у нихъ нѣтъ другой цѣли, кромѣ предохраненія отъ анархіи, проявившейся въ послѣдніе годы этого вѣка, и врученія правительству власти, которую имѣлъ въ своихъ рукахъ Людовикъ XIV.

«Заблужденіе благонамѣренныхъ людей, думающихъ благосклонно о «Journal des débats», можетъ быть раздѣляютъ и сотрудники его, и это оправдываетъ ихъ, почему я и отличаю направленіе журнала отъ намѣреній сотрудниковъ его, впечатлѣніе, имъ производимое, — отъ видовъ, въ которыхъ онъ издается.

«Я скажу болѣе въ оправданіе этихъ сотрудниковъ, и скажу по совѣсти, оправдывая ихъ личности и обвиняя ихъ статьи, вслѣдствіе стараясь при томъ удержаться какъ отъ благопріятнаго для нихъ предубѣжденія, такъ и отъ слишкомъ услужливаго великодушія. Итакъ, я допускаю возможность, что «Journal des débats» слѣдуетъ постоянно одному направленію, враждебному правительству, безъ всякой со стороны издателей его преднамѣренности, безъ связанной системы, безъ преступной стачки или цѣли. Въ моихъ глазахъ, вещь очень возможная, что единственная цѣль, къ которой они стремятся, заключается въ возможно большемъ приобрѣтеніи подписчиковъ, и что они предпочли тонъ, который себѣ усвоили, языкъ, которымъ говорятъ, доктрину, которую проповѣдуютъ, — чисто изъ денежныхъ расчетовъ, какъ болѣе дѣйствительное средство увеличить ходячку на свой журналъ. Я, впрочемъ, имѣлъ случай замѣтить, что журналистамъ весьма плохо удается управлять мнѣніями публики, и что, напротивъ, для нихъ вся тайна усилія заключается въ томъ, чтобы прислушиваться къ этому мнѣнію и слѣдовать ему. Стало быть, я предполагаю, что «Journal des débats» издается болѣе во вкусъ читателей, чѣмъ его редактора, и что онъ болѣе зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, нежели управляетъ имъ самъ.

«Я не хочу вывести отсюда заключения, гражданствъ первый консуль, чтобы всѣ подписчики «Journal des débats» были недовольные, и чтобы, — если у него одного столько подписчиковъ, сколько есть у всѣхъ прочихъ журналовъ, вслѣдствіе азатыхъ, — это доказывало враждебность общественнаго мнѣнія правительству. Позвольте мнѣ присовокупить здѣсь нѣсколько замѣчаній — ядовъ личной моей опытности; — они могутъ пригодиться вамъ для установленія понятій о наблюдениіахъ за періодическими изданіями.

«Читателей всякаго рода журналовъ должно распределять на нѣсколько разрядовъ. Многочисленный нѣтъ нихъ составляютъ люди правды: одни — любопытные и болтуны — желаютъ знать новости, чтобы потомъ ихъ рассказывать; другіе, только любопытные, чтобы понимать тѣхъ, которые рассказываютъ, или просто, чтобы знать только новости. Journal des débats имѣетъ лучшихъ корреспондентовъ и сотрудниковъ, чѣмъ другіе журналы, а потому у него и много читателей изъ этого разряда — они ничтожны.

«Второй разрядъ читателей — это люди, соединяющіе съ любопытствомъ въ которое эгоизмъ, насмѣшливость, вольнодумство, — это, можетъ быть, отличительныя черты французскаго характера. Такихъ людей очень много, но они не опасны, по крайней мѣрѣ въ спокойныя времена. Для нихъ-то, по ловкому выраженію Лафонтена, —

Tout faiseur du journal doit tribut au malin.

(Всякій издатель журнала обязанъ платить дань эгоизму).

«Обыкновенно являющія похвалы власти и чрезвычайно быстро устаютъ отъ картинъ счастья, которое отъ этой власти происходитъ. Причиной ли тому духъ независимости, или это слѣдствіе тайной зависти къ знатымъ и къ тѣмъ, которыхъ они дѣлаютъ счастливыми? Или это бываетъ отъ физическаго расположенія, отъ котораго зависитъ душевное настроеніе по утрамъ, когда обыкновенно происходитъ чтеніе газетъ? Или же, наконецъ, это возбуждается отъ сознанія обыкновенной слабости, которая опасается въ правительствѣ, слишкомъ увѣренномъ въ счастье общества, и небрежности и презрѣнія, свойственныхъ людямъ, которые вознесены счастьемъ? Я не знаю, которыя изъ этихъ причинъ болѣе преобладаютъ, только дѣйствіе не подлежитъ сомнѣнію.

«Достойна вниманія также истина, что вообще общество не любитъ похвалъ правительству, даже и въ такомъ случаѣ, когда бы оно само хотѣло хвалить его, потому ли, что раздражается похвалою, которую само хотѣло высказать, но было предупреждено агентами правительства, и тѣмъ самымъ общество дѣлалось какъ бы рабскимъ вѣдомъ, тогда какъ равнотывало отдать справедливость свободно и,

можетъ быть, безболзненно; потому имъ, что общество опасается показать себя подкупленнымъ, повторыя похвалы, считающіяся небезкорыстными, такъ какъ легко обвиняютъ журналиста-хвалителя въ торгавль похвалами и болѣе всего боится, что онъ въ одно и то же время и подкупленъ, и подкупаетъ другихъ.

«Ежедневный опытъ доказываетъ, что единственный способъ служить правительству въ журналѣ—заключается не въ соплетеніи похвалъ, а въ томъ, чтобы самихъ читателей наводить на нихъ, сообщая будто случайно анекдоты, событія, которые не могутъ возбуждать подозрѣній, пріятно останавливаютъ на себѣ вниманіе, и даютъ самимъ читателямъ возможность дѣлать изъ нихъ выводы; показывая, какъ сто власти и ея дѣйствій, дѣятельность главы государства, передавая въкоторыя изреченія его, упоминая кстати нѣкоторыя подробности: обыкновенная черта изъ частной жизни, простое слово изъ слышаннаго разговора, сообщенные будто мимоходомъ, въ глазахъ французовъ лучше всякихъ комментарій, лучше всевозможныхъ хвалебныхъ статей законамъ и правительству, лучше цѣлыхъ томовъ разсужденій. Публика не читаетъ болѣе газетныхъ диссертаций въ пользу правительства, не обращаетъ вниманія на отчеты сановниковъ, точно такъ же, какъ въ старину не читала длинныхъ вступленій къ указамъ; но она съ жадностью бросается на мелочныя подробности изъ жизни государя, котораго знать личныя качества для нея интересно.

«Единственный способъ, говорю я, служить въ журналѣ правительству и сохранить въ то же время расположеніе того многочисленнаго класса читателей, которыхъ я называю независимыми, и даже нѣсколько враждебными правительству, это сообщать, не хваля главу правительства, разные случаи и анекдоты, которые бы дѣлали ему честь, при чемъ ихъ можно приправлять критическою оцѣнкою дѣйствій правительства. Но, чтобы это средство имѣло успѣхъ, необходимы три условія, которыя весьма трудно соединить: получать точныя и вѣрныя данныя (здѣсь, кажется, Редереръ ошибается, потому что съ его точки зрѣнія на журналы, не нужно ни точности, ни вѣрности въ подобныхъ извѣстіяхъ, а только известную степень фантазіи и находчивости въ сочинителѣ «разныхъ случаевъ и анекдотовъ», о которыхъ говорится выше); во-вторыхъ, владѣть особеннымъ тактомъ (вотъ это совершенно справедливо—дѣйствительно сочинитель подобныхъ статейкъ долженъ имѣть особенный отъ другихъ писателей тактъ) ловко выбирать событія и талантъ живо изображать ихъ; въ-третьихъ, быть безпрестанно занятымъ исключительно мыслію о вашей славѣ, прочности вашихъ трудовъ, преемственности въ вашемъ семействѣ. Я полагаю, что Journal des débats не соединяетъ въ себѣ этихъ трехъ условій, почему и слѣдуетъ другому, болѣе легкому пу-

ти. Онъ вѣсь хвалитъ, но односторонне, а его молчаніе о томъ, что дѣлается хорошаго въ администраціи, его настойчивость давить настоящею тяжестью вѣка Людовика XIV, удовлетворяють духу злословія и порицанія втораго разряда читателей, которые, повторяю, нисколько не вредны, не опасны. Ихъ привлекаетъ къ себѣ этотъ журналъ болѣе, нежели другіе.

«Третій и послѣдній разрядъ читателей журналовъ есть недовольные, которые въ чтеніи ихъ ищутъ пищи ненависти и надеждъ на испроверженіе существующаго порядка. Почти всѣхъ такихъ *Journal des débats* привлекаетъ къ себѣ по издоженнымъ мною причинамъ. Для нихъ—то заключается въ немъ ядъ; они одни находятъ его тамъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ считаю обязанностью замѣтить, что доставляя пищу ихъ недовольству, онъ однако не возбуждаетъ и не разжигаетъ; а скорѣе поддерживаетъ смутное желаніе и тщетныя надежды другаго порядка вещей, чѣмъ недовольство противъ нынѣ существующаго; его манера льстить надеждамъ преимущественно состоитъ въ томъ, чтобы не дать этимъ надеждамъ угаснуть совершенно, что вмѣстѣ нѣкоторое значеніе, такъ какъ не требуется многого для поддержанія надеждъ въ партіи. Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы журналъ проповѣдывалъ бунтъ и возстаніе, и его можно только упрекнуть въ томъ, что онъ журналъ партіи, безъ сомнѣнія многочисленной, но разрозненной, безъ связи и дѣятельности. Она даже свои желанія держать въ запасѣ для минуты, въ которую, вѣроятно, послѣдователи ея не испытаютъ печальной радости.

«Выводы изъ этихъ замѣчаній просты: если изъ двѣнадцати тысячъ подписчиковъ, которыхъ имѣетъ «*Journal des débats*», четыре тысячи обыкновенныхъ любопытныхъ, не ищущихъ и не понимающихъ въ немъ ничего, кромѣ новостей, то четыре тысячи, сверхъ удовлетворенія своего любопытства, находятъ пищу невинному злословію и, наконецъ, только четыре тысячи почерпаютъ изъ него ложныя идеи и ложныя надежды. Я полагаю, что было бы чрезвычайно неудобно и нисколько невыгодно вовсе запретить этотъ журналъ. Запрещеніе раздражитъ двѣнадцать тысячъ лицъ, изъ которыхъ восемь не догадаются о причинѣ того, но раздраженіе послѣднихъ ободритъ толки тѣхъ, которые будутъ искать ее въ злонамѣренномъ удовольствіи, испытываемомъ ими при чтеніи журнала. Да и притомъ, они не будутъ отъ того менѣе преданы своему дѣлу, а правительство утратитъ возможность знать, при помощи реестра подписчиковъ журнала, число и имена ихъ.

«Впрочемъ, значительное количество подписчиковъ «*Journal des débats*» есть обстоятельство, изъ котораго правительство можетъ извлечь огромную для себя пользу, такъ какъ оно доставитъ ему воз-

возможность, безъ вѣдома самихъ злонамѣренныхъ, склонить ихъ къ государственнымъ интересамъ. Въ этихъ видахъ необходимо, чтобы издатель и редакторъ этого журнала были выбраны самимъ правительствомъ, получали бы отъ него жалованье и въ то же время имѣли бы выгоды собственно отъ журнала; но онѣ должны были быть менѣе значительны, чѣмъ жалованье. Въ распоряженіи этого-то лица будетъ внутренняя цензура всего, входящаго въ журналъ; онъ станетъ вычеркивать и переправлять все, что не согласуется съ правительственными видами; будетъ составлять и печатать небольшія статейки, выгодныя для правительства и въ то же время согласныя съ тономъ журнала, такъ чтобы онѣ могли считаться за написанныя обычными его сотрудниками. Однимъ словомъ, редакторъ отъ правительства будетъ поступать такъ, что журналъ произведетъ иное впечатлѣніе на читателей, а послѣдніе не замѣтятъ перемѣны и не будутъ подозревать посторонняго вліянія. Не должно терять ни одного подписчика, но стремиться къ исправленію или смягченію мыслей у злонамѣренныхъ. Такой цензоръ въ обществѣ сотрудниковъ журнала будетъ то же, что комиссаръ отъ правительства во всякомъ общественномъ спектаклѣ....»

Что подобныя совѣты принималъ Наполеонъ къ руководству и осуществлялъ ихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тому служить лучшимъ доказательствомъ многосложное и, повидному, глубоко обдуманное устройство управленія по части цензуры. Въ вѣдѣніи министерства полиціи находилось бюро общественнаго мнѣнія (чувствуемъ сами, что не совсѣмъ точно передаемъ ухищренное названіе французской архи-бюрократіи—bureau de l'esprit public), котораго назначеніе состояло въ завѣдываніи парижскими журналами. Комитетъ, составленный изъ главныхъ редакторовъ значительнѣйшихъ французскихъ журналовъ, занимался составленіемъ статей, для разъясненія дѣйствій и политики императора, риторическими похвалами побѣдъ, о которыхъ официально извѣщалось въ бюллетеняхъ великой арміи, а въ минуты спокойствія — поученіемъ, развлеченіемъ, если угодно даже забавою читающей публики. Къ этому бюро принадлежала также коммиссія для разсмотрѣнія театральныхъ пьесъ, составленная изъ трехъ писателей.

Министерство полиціи имѣло высшій надзоръ надъ типографіями и книгопродавцами, но общее завѣдываніе ими лежало на министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависѣли журналы департаментскіе и цензура. Ценсурная коммиссія состояла изъ восьми членовъ.

Во Франціи не считаются подлежащими такъ называемой «канцелярской тайнѣ» секретныя инструкціи временъ первой имперіи. Благо-

дзя такому обычаю, мы увидимъ, какая обширная регламентація возникла при Бонапарте касательно тогдашней журналистики. Регламентация эта имѣла въ виду три отдѣла: *вліяніе* (influence), *надзоръ* (la surveillance) и *спаданіе* (la régression).

Въ отдѣлъ *вліянія* входило между прочимъ: направленіе, внушаемое главнымъ редакторомъ парижскихъ журналовъ отъ министра полиціи; такое же направленіе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ департаментскимъ журналамъ; редакция «Монитера», возложенная на министра-государственнаго секретаря; статьи, составившіяся въ собственномъ кабинетѣ императора; переводы иностранныхъ журналовъ; отбѣты «Монитера», сообщаемые изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, отъ государственнаго секретаря или изъ кабинета, смотря по важности той или другой статьи, появившейся за границей. Въ «Монитерѣ», время первой имперіи, часто попадаются статьи, диктованныя императоромъ о рреніяхъ англійскаго парламента и королевскихъ рѣчахъ, которыя разбирались, не пропуская ни одного пункта. Опроверженіе же англійскихъ журналовъ долгое время составляло спеціальность Баррера, который и получалъ за то жалованье изъ собственныхъ суммъ императора. Прежде полученія въ распоряженіе свое «Парижскаго журнала», Жэ, по порученію министра полиціи, составлялъ подробныя замеченія изъ англійскихъ журналовъ, которыя каждое утро представлялись императору.

Между способами, относившимися къ отдѣлу *вліянія* встрѣчаются еще: изданіе во всеобщую извѣстность правительственныхъ распоряженій въ оффиціальной или полуоффиціальной формѣ; раздача мѣстъ извѣстнымъ писателямъ по разнымъ вѣдомствамъ, не столько для обезпеченія ихъ положенія, сколько для удержанія ихъ отъ оппозиціи, злословія и т. п.

Въ отдѣлъ *надзора* требовались ежедневныя донесенія о засѣданіяхъ ученыхъ, литературныхъ, промышленныхъ и увеселительныхъ (!) обществъ; о проповѣдяхъ, произносимыхъ по церквамъ; о публичныхъ курсахъ общественнаго преподаванія; о театрахъ, зрѣлищахъ, рѣдкостяхъ; при чемъ слѣдовало доводить до свѣдѣнія обо всѣхъ намекахъ, встрѣчаемыхъ въ пьесахъ, о большемъ или меньшемъ стеченіи зрителей; прекращеніе на время или совершенное закрытіе представленій; о судебныхъ засѣданіяхъ; впечатлѣніе, производимое на публику судебными приговорами; о разговорахъ въ гостинныхъ, частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, на празднествахъ и церемоніяхъ; о значительныхъ на публику сочиненіяхъ, относившихся къ области възвышеннаго (des ouvrages d'élévation); о журналахъ, составѣ ихъ редакцій, числѣ подписчиковъ, ихъ вліяніи, или впечатлѣніи, производимомъ статьею или обнародованнымъ документомъ по вѣдѣнной политикѣ, от-

четы о работах литературныхъ, ученыхъ, учебныхъ и прочее, и прочее, и прочее.

Припомнимъ еще здѣсь, что основными законами имперіи установлена была, сверхъ всего этого, въ самомъ сенатѣ особая коммиссія изъ семи членовъ; обязанностью ея было наблюдение за свободой (?) книгопечатанія, и называлась она: *Commission senatoriale de la liberté de la presse*. Зная теперь вышеприведенныя секретныя учрежденія, легко понять всю смѣшную сторону подобной коммиссіи, но въ тѣ времена отдѣлы *свѣдѣній, надзора и стѣсненія* составляли негласный комитетъ, едва ли и извѣстный большинству публики, а потому въ сенаторской коммиссіи видѣли сначала гарантіи для журналистики; но подобный взглядъ долженъ былъ быстро измѣниться. Это была участь широкаго произвола: онъ не въ состояніи удержаться въ предѣлахъ, которые бы желалъ положить самъ для себя, потому что вокругъ него есть только пассивныя орудія, на столько закаленные въ повиновеніи, что не смѣютъ даже дозволить себѣ мысли, не испросивъ на то предварительнаго разрѣшенія на то.

Теперь, конечно, будетъ любопытно узнать, какихъ результатовъ достигла затѣйливая администрація для завѣдыванія общественнымъ мнѣніемъ во Франціи? Это мы узнаемъ изъ письма къ Наполеону того же самого Фьева, который лѣтъ за восемь передъ тѣмъ давалъ милые совѣты, какъ при посредствѣ правительственныхъ *communiqués* превращать роялистскіе и демократическіе журналы въ бонапартистскіе. Вотъ что писалъ онъ въ 1809 году:

«Никогда государь не имѣлъ такой настоятельной потребности знать общественное мнѣніе, какъ въ настоящую минуту; никогда также и писатель не имѣлъ нужды въ неустрашимости, чтобы высказать это мнѣніе. Повсемѣстная система лжи укоренилась такъ сильно, что если кто нибудь захотѣлъ бы уклониться отъ нея, то его сочли бы за брызгу, который свое личное настроеніе принимаетъ за настоящее выраженіе общественнаго мнѣнія. Лгать передъ цѣлымъ обществомъ можетъ быть политическимъ средствомъ; но лгать тогда, когда напротивъ громко высказывается всеобщая недовѣрчивость — это уже обманывать самого себя и лишать власть самой существенной ея принадлежности.

«Во время неувѣстности объ исходѣ послѣдней войны, общественное мнѣніе возстало противъ всего, что ни предпринимало правительство, точно также, какъ не давало ни малѣйшей вѣры ничему, что говорилось только оффиціальнымъ путемъ. Должно ли удивляться тому, когда по милости разныхъ предосторожностей должны вылезти до того, что журналы теперь находятъ слишкомъ глупыми даже эти»

тели изъ низшихъ классовъ народа?... Всѣ газеты теперь на одномъ мѣ, потому что всемогущая рука полиціи одинаково даетъ себя чувствовать всѣмъ, потому что насаждаетъ страхъ равно на всѣхъ, кто сотрудничаетъ въ журналахъ... Уже такъ много хлопотали наугадъ императора дурно истолковываемыми не только статьями, но и выраженіями, что теперь направленіе журналовъ въ рѣшительномъ противорѣчіи съ общественнымъ мнѣніемъ: то, что нынѣ печатаютъ, служитъ только предупрежденіемъ, чему не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ вѣрить; и чтобы знать, что думаютъ обо всемъ французы, достаточно собрать факты, на которые стараются не наводить ихъ мыслей. Еще недавно, желавшихъ знать новости только для новостей было весьма ограниченное количество; теперь же — это всеобщая манія. Можно рассказывать и распускать что угодно, и будутъ вѣрить, лишь бы это противорѣчило оффиціальнымъ новостямъ; можно себѣ позволить всевозможныя разсужденія, ихъ будутъ слушать, лишь бы они не согласовались съ печатными разсужденіями. Обо всемъ печатномъ говорятъ съ насмѣшками, разбираютъ съ ироніею—все это надобно переносить, потому что кого винить, когда таково направленіе всего общества! Однажды Мирабо провозгласилъ съ трибуны: я презираю исторію! А какой-то депутатъ ему отвѣтилъ: «она вамъ отплатитъ тѣмъ же!» То же самое случилось съ публикою и журналами: они взаимно презираютъ другъ друга,... Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ управляютъ журналистами, общественное мнѣніе возстало противъ нихъ и предоставлено самому себѣ,—положеніе болѣе опасное, нежели обыкновенно думаютъ. Огорчаясь, что управленіе (!) общественнымъ мнѣніемъ ввѣрено такимъ людямъ, которые болѣе всего опасались его, почему только и старались о томъ, чтобы душиить его, я впередъ видѣлъ, что имъ удастся убить это мнѣніе въ книгахъ и журналахъ, но что они не въ состояніи будутъ понять, что тѣмъ самымъ оно скорѣе будетъ расположено къ возстанію противъ правительства»....

Наполеону казалось недостаточнымъ сковать мысль въ собственныхъ владѣніяхъ, ему хотѣлось задушить ее и въ остальной Европѣ. Во все продолженіе своего могущества, императоръ не переставалъ озабочиваться нападками противъ него иностранной журналистики. Онъ хлопоталъ то посредствомъ своихъ дипломатовъ, любившихъ, какъ извѣстно, брать на себя должности полицейскихъ сыщиковъ, то при помощи судебной расправы доканать враждебныхъ ему иностранныхъ журналистовъ. Особенно его раздражали нѣсколько французскихъ писателей, которые укрывались за границу, чтобы оттуда безопаснѣе нападать не только на его лицо и правительство, но и на всю Францію. Такие журналы, какъ и слѣдовало ожидать, служили складочнымъ мѣстомъ для всего, что не пропускали въ тогдашнихъ французскихъ

журналахъ, и потому самому пользовались огромнымъ успѣхомъ. Замѣчательно то обстоятельство, что во время гоненій журналистики во Франціи при короляхъ, тѣ, которые не вынесли подобныя гоненія, удалялись въ Лондонъ, непременно принимались тамъ за издавіе журнала и начинали такимъ образомъ громить деспотизмъ и насиліе. Съ 1789 года старымъ порядкамъ во Франціи не везло, и защитники ихъ, прежде сами всемогущіе распорядители гоненій, должны были искать спасенія въ томъ же Лондонѣ, гдѣ недавно еще затѣванные враги ихъ пользовались гостеприимствомъ.

Лондонскіе журналы роялистовъ, въ сравненіи съ тѣми, которые издавались тамъ до 1789 г., были ничтожны именно по тѣмъ же причинамъ, о которыхъ было сказано въ началѣ настоящей статьи. Здѣсь мы упомянемъ только объ одномъ такомъ журналѣ, подъ заглавіемъ: «L'Ambigu — разныя разности, жестокія и забавныя, журналъ въ нѣкоторомъ родѣ египетскій». На заглавномъ листѣ его была виньетка: сфинксъ, котораго бюстъ представлялъ Бонапарте въ консульскомъ мундирѣ съ фантастическою короною на головѣ; внизу подпись: «найденъ въ гробницахъ египетскихъ царей и вновь изданъ Коксомъ сыномъ и Бейлемъ, Great Queen street, приходъ св. Жилы въ Лондонѣ». Въ № 5 журнала сфинксъ изображенъ обезглавленнымъ и вотъ какъ объяснялось такое изображеніе: «мы думали, начиная первый номеръ журнала, что чудакъ-спаситель Франціи велитъ сенату провозгласить себя королемъ или императоромъ галловъ въ ту минуту, когда сдѣлается извѣстнымъ результатъ подачи голосовъ въ пользу пожизненнаго консульства, и, въ ожиданіи этого, мы уже возложили на голову его корону особеннаго рода. Однако наша корона отринута съ презрѣніемъ. Разсерженные, мы хотѣли ее уничтожить, но какъ эта корона не отдѣлялась отъ головы нашего чудака, то отъ удара первой отвалилась вторая, и съ нѣкотораго времени мы представляемъ только трупъ, изуродованный съ головы до ногъ и за который намъ самимъ стыдно».

Въ такомъ родѣ велась почти вся полемика роялистовъ противъ новаго порядка вещей во Франціи. Часто они не стыдились звать объ убійствѣ ненавистнаго для нихъ Бонапарте. Послѣдній выходилъ изъ себя отъ такихъ выходокъ и однажды даже рѣшился прибѣгнуть къ защитѣ англійской юстиціи, позвавъ къ суду редактора «Ambigu». Пельтье, за подущеніе на убійство перваго сановника французской республики.

Процессъ этотъ въ свое время надѣлалъ много шума. Отвѣтомъ былъ французскій эмигрантъ, писатель, который, владѣющій рѣдкими, жаль тѣмъ, что издавалъ ярыи, въ роялистскомъ вкусѣ, жур-

шалъ. Источкомъ явился генералъ итальянской арміи, тогдашній побѣдитель Египта, первый консулъ французской республики, впоследствии императоръ французовъ, король итальянскій, протекторъ рейнской конфедерации.

Защиту Пельтье выхлопоталъ себѣ, какъ особенное одолженіе, сэръ Джемсъ Макинтошъ, извѣстный уже и тогда своей брошюрою «Vindiciae Gallicanae», или апологія французской революціи и ея англійскихъ почитателей.

Макинтошъ былъ тогда во всемъ блескѣ молодости и таланта, и для него казалось въ высшей степени лестнымъ вызвать на судъ англійскихъ присяжныхъ побѣдителя Европы и здѣсь повторить ему, въ силу права защиты, то же самое, на что тотъ жаловался.

Выше было уже замѣчено, что первый консулъ не выносилъ свободы прессы не только во Франціи, которой былъ полномасштабнымъ распорядителемъ, но и въ другихъ государствахъ. По ходу событій можно было предвидѣть, что онъ хотѣлъ постепенно подчинить себѣ всю Европу и ввести всюду свое правленіе и начала, которымъ слѣдовалъ, такъ что подъ-конецъ въ цѣлой Европѣ не было бы болѣе свободы слова. Хотя между Франціею и Англіею былъ въ описываемое время заключенъ миръ, однако никто не вѣрилъ въ его прочность. Несмотря на непоколебимую убѣренность англичанъ въ свой островъ, въ свои корабли, въ свои законы, свободу, оружіе, несмотря на все это, англичане не могли не чувствовать опасеній при ожиданіи предстоявшей имъ борьбы. Этимъ—то опасеніемъ рѣшился воспользоваться Макинтошъ и доказывалъ, что побѣды Бонапарту угрожаютъ свободѣ всей Европы, что въ прежнія времена небольшія владѣнія, державшіяся терпимостью—Женева, Швейцарія, Голландія давали убѣжище свободѣ мысли и слова, но нынѣ онѣ лишены этого права; теперь свободна только одна Англія.

«Эти слабыя государства, говорилъ Макинтошъ, эти памятники правосудія Европы, приюты мира, промышленности, литературы, трибуны общественнаго мнѣнія, убѣжища невинныхъ изгнанниковъ и гонимой правды—погибли вмѣстѣ съ своими старинными присяжными, которые были единственными хранителями ихъ. Они погибли въ этомъ ужасномъ потрясеніи, которое коснулось самыхъ отдаленныхъ земель, они уничтожены, они исчезли навсегда.

«Единственное убѣжище свободныхъ преній еще остается неприкосновеннымъ; есть еще небольшой уголокъ въ Европѣ, гдѣ человѣкъ можетъ свободно высказывать свои мнѣнія о важнѣйшихъ общественныхъ вопросахъ, можетъ смѣло предать во всеобщую извѣстность приговоръ о дѣлахъ самыхъ надменныхъ и могущественныхъ

деспотовъ. Англійская журналистика еще свободна; она охраняема свободною конституціею, защищаемою намъ отъ нашихъ предковъ, она защищается рукою и сердцемъ каждаго англичанина, и я, не колеблясь, скажу, что если она должна пасть, она падетъ только подъ развалинами британской имперіи. Милостивые государи! это важное обстоятельство: всѣ прочія убѣжища свободы погибли; наше древнее зданіе, сооруженное мудростью и добродѣтелями нашихъ отцовъ, еще цѣло: оно цѣло и, по милости Бога, твердо, крѣпко; но цѣло одно и со всѣхъ сторонъ окружено развалинами. Въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, повторяю, я смотрю на нынѣшнее засѣданіе, какъ на начало долгой борьбы между величайшимъ въ свѣтѣ могуществомъ и единственною свободною прессою во всей Европѣ, и я увѣренъ, что вы сами себя считаете за передовое войско свободы, которому приходится выдержать первую битву свободы слова съ страшнѣйшимъ изъ враговъ, когда либо встрѣченныиъ ею....

«Передъ судилище, въ которомъ мы теперь, Кромвель призывалъ два раза автора сатиры на его тираннію, котораго хотѣлъ обвинить и наказать, какъ пасквильанта; и въ этомъ же судилищѣ, почти въ виду знамена, обрызганнаго кровью короля, при блескѣ штыковъ, жгившихъ съ оскорбленіями парламентъ, два суда присяжныхъ оправдали безстрашнаго сатирика... Даже тогда, милостивые государи, когда всякій законъ, когда всякая свобода были повергнуты въ прахъ полъ ногами военного разбойника; даже тогда, когда наша несчастная страна, торжествующая извнѣ, но рабыня у себя дома, надѣялась видѣть въ будущемъ только нескончаемый рядъ тирановъ; даже тогда непообѣдимый духъ англійской свободы жилъ въ сердцахъ англійскихъ присяжныхъ. Этотъ духъ, — ииѣ Богъ свидѣтель въ томъ, — не угасть, и если какой нибудь новѣйшій тиранъ, въ упоеніи отъ своей наглости, надѣялся бы устраничь судъ англійскихъ присяжныхъ, то онъ ему отвѣтитъ: «наши предки презирали штыки Кромвеля, мы не боимся твоихъ! *Contempsi Catilinae gladios, non pertimescam tuos.*»

«Если намъ суждено странное наказаніе — пережить наше отечество; если, по несповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, это единственное убѣжище правды и свободы, это мудрое созданіе добродѣтели и мудрости человѣческой должно пасть подъ развалинами, что — и я говорю это безъ лаціональнаго предубѣжденія — будетъ самымъ опаснымъ ударомъ для цивилизаціи, то по крайней мѣрѣ вынесемъ въ наше печальное изгнаніе утѣшеніе, что мы не нарушили правъ гостеприимства, не оттолкнули отъ алтара умоляющаго о защитѣ — вольной жертвы своего прямодушія и совѣсти...»

Какъ ни блестяща была рѣчь Макинтона, какъ ни велико было предубѣжденіе англичанъ противъ всемогущаго распорядителя судьбы

Франціи, судъ присяжныхъ однако объявилъ Пельтье виновнымъ и приговорилъ его къ уплатѣ незначительной пени и издержекъ процесса. Немедленно въ пользу обвиненнаго составили подписку, число подписчиковъ на «Ambigu», вслѣдствіе произведеннаго имъ скандала, умножились, а изданіе въ свѣтъ отчета о ходѣ самого процесса съ лихою вознаградило Пельтье и неслыханно разъярило Бонапарта, который собственно для себя велѣлъ перевести рѣчь Макинтоша.

Наполеонъ, до конца своей политической карьеры, оставался вѣренъ предубѣжденію противъ писателей и мыслителей. Изъ мемуаровъ гр. Бенью узнаемъ, что онъ еще въ половинѣ 1813 года приходилъ въ ярость отъ «стаи глупцовъ», которые въ глубинѣ души вздыхали о свободѣ прессы, о свободѣ трибуны и вѣрили въ могущество общественнаго мнѣнія. «Если такъ, вскричалъ императоръ, то узнайте мое послѣднее слово: до тѣхъ поръ, пока эта шпага при мнѣ, у васъ не будетъ свободы, о которой вы вздыхаете!»

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ этого разговора, императоръ палъ, покинутый большинствомъ, отринутый остальными. Было ли это разрушающее дѣйствіе прессы, подкопавшейся подъ его популярность и подготовившей его паденіе? Разумѣется, нѣтъ; напротивъ, можно съ основательностью предполагать, что свобода прессы не допустила бы тѣхъ промаховъ, которые ускорили это паденіе. «Если бы, говорить Тьеръ, была хоть нѣкоторая свобода мнѣній въ государственномъ совѣтѣ и журналахъ, тогда бы ослѣпленный завоеватель не погубилъ въ Испаніи, Россіи и Германіи милліона французовъ, нашихъ границъ и самого себя...»

Тотчасъ же послѣ паденія Наполеона, явился знаменитый декретъ, который сенатъ начиналъ слѣдующими словами: «принимая въ уваженіе, что свобода прессы, учрежденная и освященная, какъ одно изъ правъ народа, постоянно подвергалась насильственной ценсурѣ Наполеона Бонапарте, и что въ то же время онъ всегда прибѣгалъ къ типографскому станку, чтобы наполнять Францію и Европу искаженными извѣстіями, ложными началами, ученіемъ въ пользу деспотизма, оскорбленіями иностранныхъ правительствъ» и т. д.

Никто не будетъ спорить въ справедливости этого упрека, но высказывать его тому самому сенату, въ которомъ была учреждена, какъ видно выше, комиссія съ цѣлью защиты прессы, въ которой, по низкокломничеству того же сената, оставалась безъ всякаго дѣйствія, — было безстыдствомъ, равнявшимся только съ раболѣпиемъ сената предъ Наполеономъ во времена его могущества. Сенатъ осмѣлился возвысить голосъ только въ ту минуту, когда властитель его уже палъ и, стало бытъ, не могъ быть опасенъ. 1-го апрѣля 1814 г.,

Парижъ и Франція узнали изъ всѣхъ возможныхъ периодическихъ изданій, что войска союзниковъ совершили торжественный въездъ въ Парижъ, и что дѣйствительно не представляли никогда такого блистательнаго и искренняго примѣра восторга. Что было причиною единодушнаго восхищенія всѣхъ безъ исключенія французскихъ журналовъ въ тѣ печальныя для Франціи дни?

Извѣстно, что союзники, тогдашніе властители Парижа, колебались между выборомъ трехъ путей: или заключенія мира съ Наполеономъ, или учрежденія регентства, или наконецъ — призванія Бурбоновъ. Между тѣмъ, какъ роялистская партія была въ изо всѣхъ силъ, чтобы доставить успѣхъ «доброму», по ея выраженію, дѣлу, одинъ вандейскій офицеръ, маркизь де-ла-Гранжъ, человекъ хитрый и проворливый, принялъ относительно журналовъ мѣры, которыя отчасти помогли на первое время роялистамъ. Знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ доставило ему возможность сойтись со многими нѣмцами изъ арміи союзниковъ и, при помощи ихъ, выхлопотать отъ генерала Сакена, военнаго губернатора Парижа, приказаніе отдать всѣ издававшіеся тамъ журналы подъ надзоръ одного безвѣстнаго, но совершенно преданнаго роялиста, именемъ Морена. Какъ только послѣдній занялъ, по новому своему званію, мѣсто въ полицейской префектурѣ, то отправился по редакціямъ всѣхъ журналовъ и возстановилъ тамъ прежнихъ редакторовъ и собственниковъ, смѣщенныхъ или изгнанныхъ при Наполеонѣ. Эти лица, изъ благодарности, облыбались печатать, что народонаселеніе Парижа приняло бѣлую кокарду и что армія союзниковъ была встрѣчаема безчисленными криками: «да здравствуетъ король! да здравствуютъ Бурбоны!» Такой маневръ съ политическою гласностью былъ произведенъ въ продолженіе одной ночи и послѣдовавшее отъ того превращеніе было столько же внезапно, сколько и успѣшно. 30 марта всѣ новости въ парижскихъ журналахъ были сообщаемы въ духѣ имперіи, каждая строчка дышала неподдѣльною и горячею привязанностью къ императору и его правительству; 31 марта нѣкоторые изъ журналовъ не выходили, другіе ограничили сообщеніемъ только литературныхъ и театральныхъ новостей; но за то 1 апрѣля, тѣ же самыя журналы въ одинъ голосъ уже предавали анафемѣ имперію; отзывались объ императорѣ не иначе, какъ о тиранѣ, похитителѣ власти, конномъ Робеспьеррѣ (Robespierre à cheval), тиранѣ въ образѣ человѣческомъ; восхищались благодѣлными явленіями иеземцевъ; всѣми силами, наконецъ, зывали о возведеніи въ возращеніи Бурбоновъ. Не удовольствовавшись ругательствами надъ побѣжденнымъ, журналы восхваляли добродѣтели и подвиги союзныхъ государей и умиллись разными трогательными словами, будто бы ими произносимыми, а на дѣлѣ сочиненными изобрѣ-

итальянскими и другими въ обществѣ журнальскихъ редакцій. Въ это грустное для Франціи дни журналистскій пролетаріатъ была только свобода глумленія и удивленія низшаго класса.

Президенты, бывшіе павлашцыя на революціяхъ имперіи, по необходимости вынуждено было, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, хвстаться передъ народомъ, усталымъ отъ войны и деспотизма, миромъ и свободою. 1 апрѣля сенатъ рѣшилъ, что временное правительство должно провѣсть конституцію. Свобода книгопечатанія, какъ основное начало ея, — подтверждена была безъ всякихъ ограниченій 6 апрѣля; но на слѣдующій день неожиданно послѣдовало распоряженіе профессуры полиціи о надзорѣ за всевозможными публикаціями, брошюрами и листками; кромѣ того, всѣ журналы снова подвергнуты были ценсурѣ. Въ предѣлы настоящей статьи не входитъ обзоръ французской журналистики времени реставраціи, а потому замѣтимъ только, что въ промежутокъ времени отъ востановленія Бурбоновъ до возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, во Франціи происходила упорная борьба, выражавшаяся со стороны роялистскаго правительства искреннимъ желаніемъ потушить всякую гласность и ослабить журналистику; со стороны же послѣдней стремленіе завоевать собѣ свободу мысли и слова, пользуясь пятнадцатилѣтнимъ Бурбоновъ при возвращеніи ихъ во Францію, не даромъ и тамъ немало еще пережившую одну изъ величайшихъ переворотовъ въ мировой исторіи.

Въ то время, когда роялисты продолжали съ удивительнымъ усердіемъ и ослѣпленіемъ для нихъ же нетою влеченною работою франціи, вдругъ во Франціи разнесся слухъ о возвращеніи Наполеона. Понятно, какое впечатлѣніе могла произвести подобная новость; тѣмъ не менѣе однако роялисты не показывали страха, напротивъ, притворились беззащитными, даже обрадованными: «это будетъ, говорили они, потѣшная штука. Что говоримъ мы? Счастливѣе событіе, потому что познатель власти предастъ самъ себя и дастъ средства закончить съ нимъ свидѣнія навсегда...» Роялистскіе журналы непрерывно осыпали насмѣлками «пресарынаго фонтенблосаго вонтеля, труса 1814 г.» Особенно «Journal des débats» отличался на этомъ поприщѣ и, кажется, прибралъ всѣ имѣніея во французскомъ языкѣ брачные эпитеты для оскорбленія и осмѣянія Наполеона. Однако крики задержанія и подкупныхъ газетчиковъ не мѣшали послѣднему быстро приближаться къ Парижу. Промахи Бурбоновъ, дикія требованія, снова возродившіеся изъ воли педла дворянства и духовенства, заставили широкъ забыть недавнее негодованіе на деспота. Намеги уже смотрѣли, не какъ на тирани-завоевателя, предавшаго бойнѣ цѣль и поколѣнія, но какъ на защитника существенныхъ выгодъ, освященныхъ революціею, — его

принимали, какъ освободителя. Но въ самомъ Парижѣ извѣстія приближенія Наполеона возбуждали разные чувства. Бонапартисты дѣятельно работали надъ возстановленіемъ имперіи; къ нимъ приставилась горсть республиканцевъ въ надеждѣ воспользоваться себѣглыми дѣлами свободы. Напротивъ, конституціонисты явились жаркими противниками мысли о конечномъ низверженіи Наполеона. По отзывамъ самихъ французовъ, конституціонная партія въ 1815 г. жертвовала самыми драгоценными интересами страны; послѣ Ватерлоо она стыдилась униженія своего отечества, и, не имѣя ни патриотизма, ни твердости, вся отдалась подъ вліяніе иноземнаго вторженія.

Конечно, конституціонная партія не могла питать довѣрчивости къ Наполеону, но въ то же время она не обращала вниманія на тотъ рѣшительный переворотъ, который произошелъ во Франціи послѣ 18 марта 1814 года. Пятнадцать лѣтъ тяжелаго деспотизма и одиннадцать мѣсяцевъ свободнаго правленія возродили во Франціи такіа чувства и дали такое направленіе умамъ, что 1 марта 1815 г. никому уже не приходило въ голову, чтобы возможенъ былъ возвратъ къ неограниченному правленію. Чтобы завоевать Францію, также какъ и сохранить ее, неизбѣжно слѣдовало даровать прежде всего свободу. Наполеонъ въ Каннѣ, Людовикъ XVIII въ Парижѣ, должны были подчиниться этой настоятельной потребности времени. Приближаясь къ Парижу, императоръ во всѣхъ своихъ рѣчахъ только и толковалъ о неизмѣнной рѣшимости сдѣлать Францію свободною и счастливою. Конституціонисты не внимали такимъ обѣщаніямъ и «Journal des débats» продолжалъ свои нападки на имперію въ прежнемъ тонѣ. 20 марта 1815 г., находивъ тамъ одну изъ самыхъ жестокихъ выходовъ противъ Наполеона:

«Здѣсь нѣтъ возможности ошибаться: Франція не хочетъ Бонапарте, и это чувство несомнѣнно — оно выразилось повсемѣстно и самымъ явнымъ образомъ. Даже возвращеніе къ низости пресѣчено, потому что и эта низость не будетъ пощажена тигромъ, который не давалъ пощадъ никогда и который только и можетъ царствовать при кровопролитіяхъ.... Парижъ будетъ свидѣтелемъ гоненій, болѣе ужасныхъ, чѣмъ во времена террора, и скоро покажетъ страшный день вандеяера, когда Бонапарте громилъ беззащитныхъ гражданъ на городскихъ улицахъ и площадяхъ: школа, достойная тирана!...»

Тамъ говорилъ «Journal des débats» 20-го марта, а на другой день т. е. 21-го, тамъ же было намечтано:

«Фамилія Бурбоновъ покинула Парижъ нынѣшнею ночью; еще не знаютъ, какую дорогу избрала она. Сегодня столица представляетъ зрѣлище безопасности и радости. Бульвары устланы безчисленными толпами — всѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи прибытія арміи и возвра-

...его ей герол. Съ быстротою молніи императоръ проѣхалъ двѣ
...де, повсюду встрѣчаемый народомъ населеніемъ, объятый востор-
...и почтениемъ, вѣрно исполненнымъ настоящимъ счастьемъ и увѣ-
...рностью въ то, которое его ожидаетъ....»

Едва только Наполеонъ возвратилъ потерянное, какъ со всѣхъ сто-
...съ съ единодушною настойчивостію начали проявляться желанія
...представительнаго правленія, свободы книгопечатанія и личности.
...всѣ адреса, всѣ рѣчи къ императору были наполнены выраженіями
...нѣхъ желаній. Императоръ не заставилъ долго ждать исполненія ихъ.
...5 марта послѣдовало повелѣніе, въ силу котораго упразднилось глав-
...ное управление типографіями, книжною торговлею и ценсурою. Прав-
...на, что другими декретами оставлены въ дѣйствіи, впредь до новыхъ
...испорченій, законы и постановленія о типографіицахъ и книго-
...продавцахъ и зависимость парижскихъ журналовъ попрежнему отъ
...министра полиціи, а провинціальныхъ отъ префектовъ; однако эти
...ограниченія, оправдываемыя обстоятельствами, имѣли характеръ чи-
...сто переходный. Вообще же полиція пользовалась своею властью умѣ-
...ренно, что подтверждали и самыя непріязненные императорскому
...правленію журналы. Не смотря однако на это, журналы были теперь
...даже болѣе, чѣмъ осторожны, и это происходило скорѣе отъ трусо-
...сти и привычки пресмыкаться предъ силою, чѣмъ отъ желанія пока-
...зывать себя достойными свободы, которая была имъ предоставлена. По
...возвращеніи Наполеона, этою свободою пользовались только для вос-
...хваленія имперіи и императора, для брани роялистовъ.

Поставленный лицомъ къ лицу со всевозможными затрудненіями,
...съ которыми надобно было бороться, Наполеонъ могъ колебаться въ
...выборѣ двухъ путей—или диктатуры, или уступки. Колебаніе это не
...могло быть продолжительнымъ: императоръ скоро понялъ, что при
...тогдашнемъ его положеніи возможны были только уступки, и вотъ
...онъ рѣшается на поступокъ, на который рѣшиться могъ только такой
...человѣкъ, какъ Наполеонъ. Для указаній и совѣтовъ онъ призываетъ
...того самаго Бенжамена Констана, который за мѣсяць передъ тѣмъ,
...въ бравной филиппикѣ, заявлялъ всей Франціи, а слѣдовательно и
...Европѣ, объ императорѣ, какъ о чудовищѣ, замаранномъ всѣми воз-
...можными преступленіями; говорилъ о немъ, какъ объ Аттилѣ, Чин-
...гисъ-ханѣ, употреблявшемъ цивилизацію, какъ средство для органи-
...заціи постоянныхъ побоищъ и разрушенія. И этотъ же самый Бенжа-
...менъ Констанъ, возбуждавшій презрѣніе къ подлымъ рабамъ, кото-
...рые въ своемъ глубокомъ униженіи соглашались на возвратъ къ
...страшному яму.—Бенжаменъ Констанъ принялъ предложеніе Напо-
...леона. Гизо, какъ человѣку компетентному въ дѣлахъ, гдѣ рѣчь идетъ

о политических проширствахъ, извѣстныхъ подъ болѣе пристойнымъ именемъ соображеній или комбинацій, Гизо можно повѣрить, когда онъ говоритъ, что съ обѣихъ сторонъ не думали серьезно о томъ, что предполагали и впередъ знали, что все должно было рѣшиться на другомъ полѣ.

Бенжаменъ Констанъ впослѣдствіи оставилъ въ своихъ запискахъ извѣстіе о первомъ свиданіи своемъ съ Наполеономъ. Послѣдній, въ разговорѣ съ нимъ, не скрывая своего отвращенія къ свободной конституціи, выказалъ однако себя рѣшившимся на нее. «Мнѣ хотѣлось, говорилъ онъ, міровой имперіи, и чтобы сохранить ее себѣ была необходима безграничная власть. Можетъ, для управленія одною Франціею лучше будетъ конституція... Подумайте, что кажется вамъ возможнымъ, сообщите мнѣ ваши мысли: публичныя пренія, свободное избраніе, отвѣтственные министры, свобода книгопечатанія — я хочу всего этого... особенно свободы книгопечатанія, — душивить ее было бы бессмысленно, я убѣдился въ этомъ...»

Свобода книгопечатанія дѣйствительно была узаконена 64-ю статьею такъ-называемаго Acte additionnel: «каждый гражданинъ, сказано тамъ, имѣетъ право подъ своимъ именемъ печатать и передавать во всеобщее извѣстіе свои мысли, безъ всякой предварительной цензуры, но съ отвѣтственностью по законамъ, послѣ изданія въ свѣтъ сочиненія, предъ судомъ присяжныхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда бы преступленіе влекло за собою лишь исправительное наказаніе.»

Наполеонъ, представляя Acte additionnel, повторилъ то, что говорилъ Бенжамену Констану: «мы имѣли цѣлью устроить огромную европейскую федерацію, которую находили сообразною съ духомъ времени и благоприятною успѣхамъ просвѣщенія. Чтобы придать ей всю полноту, все пространство и всю прочность, къ которымъ система эта была способна, мы откладывали устройство многихъ внутреннихъ учреждений, имѣющихъ преимущественною цѣлью охраненіе свободы гражданъ. Отнынѣ намѣреніе наше состоитъ единственно въ томъ, чтобы возвысить процвѣтаніе Франціи утвержденіемъ общественной свободы...»

Acte additionnel былъ принятъ съ предубѣжденіемъ и въ литературѣ возбудилъ живыя пренія. Что же касается до журналовъ, то по милости официальныхъ редакторовъ, къ нимъ приставленныхъ, достоинство новой конституціи и учрежденіе императорства — осталось почти безъ противорѣчій.

«Журналъ имперіи» — такое названіе носилъ «Journal des débats» во времена владычества Наполеона — посвятилъ дополнительному Акту,

мѣ статей, въ которыхъ опровергались всѣ нападкы противъ него и доказывалось превосходство его передъ Хартією. давною Людовикою XVIII. Признавая основательность нѣкоторыхъ возраженій, журналъ находилъ въ цѣломъ Актѣ истинныя начала представительнаго правленія. Кромѣ того, по мнѣнію «Journal de l'Émigré», дѣло шло не о томъ, будетъ ли болѣе или менѣе либеральна конституція, но будетъ ли Франція принадлежать себѣ самой и сохранить ли право имѣть конституцію.

«Угрожаютъ», говорилось тамъ, «нападеніемъ на насъ, потому что мы желаемъ имѣть свое собственное правительство, потому что мы не желаемъ подвергать опасности приобрѣтенное и освященное двадцатью пятью годами, потому что въ главѣ насъ человекъ, бывшій во всѣ времена представителемъ интересовъ революціи и который, будучи наученъ опытомъ, вынѣ даже по своему положенію есть подпора всѣхъ принциповъ свободы. Угрожаютъ нападеніемъ на насъ, потому что мы желаемъ спасти крестьянина отъ барщины, протестанта отъ религіознаго фанатизма, покупателя государственныхъ имуществъ отъ похищенія, прессу отъ цензуры, гражданина отъ самовластнаго распоряженія его личностью, армію отъ обидъ и нищеты, плесеевъ отъ поруганія знатныхъ, — однимъ словомъ, эту безчисленную толпу, принимавшую участіе въ нашей долгой борьбѣ и пользовавшуюся ею, отъ гоненій медленныхъ и расчитанныхъ. Насъ обманывали, чтобы унижить, и унижали, чтобы поражать насъ же»....

7 іюня, открывая палаты, Наполеонъ еще разъ — и послѣдній — повторилъ о своихъ либеральныхъ намѣреніяхъ: «я стремлюсь, говорилъ онъ, къ тому, чтобы видѣть Францію наслаждающеюся всею возможною свободою.... Свобода книгопечатанія нераздѣльна съ настоящею конституціею, и въ ней ничего невозможно измѣнить, не поколебавъ всей нашей политической системы. Но, — такъ какъ говоря о подобныхъ предметахъ невозможно обойтись безъ но, — необходимы предупредительные законы, особенно при нынѣшнемъ положеніи націи. Я поручаю вашему вниманію обсужденіе этого важнаго предмета»....

Что бы вышло изъ всего этого? Наполеонъ сохранилъ ли бы свое либеральное расположеніе, сдержалъ ли бы всѣ данныя имъ обѣщанія? Удалась ли бы эта попытка правительства, состоявшаго изъ императора и палаты, имѣвшихъ значительныя права? Отвѣтовъ на это нѣтъ, потому что недовѣріе Европы и самой Франціи, наконецъ пораженіе при Ватерлоо низвергнули въ прахъ и палаты, и императора. Отъ ста дней остался въ исторіи одинъ знаменательный урокъ потомству: зрѣлище человека, который всячески стѣснялъ свободу вообще

и свободу прессы въ особенности, и наконецъ, въ дни бѣдъ и превратностей, былъ вынужденъ прибѣгнуть къ этой же самой свободѣ и искать спасенія въ возбужденіи общественнаго мнѣнія, котораго наибѣйшее проявленіе онъ такъ старательно душилъ во времена, когда счастье было за него.

И. НЕКАРСКІЙ.

ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ БАРБЬЕ И ГЮГО.

1.

МИНОТАВРЪ.

(ИЗЪ ОГЮСТА БАРБЬЕ).

Въ путь, дѣти, въ путь!... Идемте!... Днемъ, какъ ночью,
Во всякій часъ, за всякую подачку,
Намъ надобно любовью промышлять;
Намъ надобно будить въ прохожихъ похоть,
Чтобъ имъ за грошъ сбывать уста и душу...

Молва идетъ, что нѣкогда въ странѣ
Прекрасной — звѣрь чудовищный явился,
Рыкающій, какъ быкъ желѣзной грудью;
Онъ каждый годъ, для ласкъ своихъ кровавыхъ,
Бралъ пятьдесятъ созданій — самыхъ чистыхъ
Дѣвицъ... Увы, число огромно, Боже!
Но звѣрь другой, покрытый рыжей шерстью,
Нашъ Минотавръ, нашъ быкъ туземный — Лондонъ,
Въ своей алчбѣ глетворнаго разврата,

И день и ночь по тротуарамъ рыщеть;
 Его любви позорной, каждагодно,
 Не пятьдесятъ бываетъ надо жертвъ, —
 Онъ тысячи, обжора, заѣдаетъ
 И лучшихъ тѣлъ и лучшихъ душъ на свѣтѣ....
 Увы, одни растутъ въ пуху и шелкѣ,
 Ихъ радостей источникъ — добродѣтель.
 А я, на свѣтѣ исторгнувшись изъ чрева
 Плодливой матери, попала въ руки
 Къ оборванной и грязной нищетѣ...
 О, нищета — совѣтчица дурная,
 Безжалостная!... сколько ты,
 Подъ кровлею убогаго жилища,
 Сбираешь жертвъ пороку!... На меня
 Ты кинулась не вдругъ, а дождалась
 Моей весны.... Когда жъ румянецъ свѣжій
 Зарѣлъ въ щекахъ и кудри золотыя
 Разсыпались по дѣвственнымъ плечамъ,
 Ты тотчасъ же мой уголь указала
 Тому, чей глазъ, косою и кровожадный,
 Искалъ себѣ добычи сладострастья...
 А я была богата... У богатыхъ
 Есть также богъ, который безпощадно
 Своей ногою серебряной ихъ давитъ:
 Приличіе — оно, холоднымъ глазомъ
 Нашло меня своей достойной жертвой,
 И кинуло въ объятія челоуѣка
 Бездушнаго. А я уже любила...
 О той любви узнали, только поздно...
 Отъ этого я пала глубоко,
 Безвыходно. Нѣтъ слезъ такихъ, нѣтъ силы,
 Которая бъ извлечь меня могла
 Изъ пропасти. Ступивши въ грязь порока,
 Нога скользить и выбиться не можетъ.
 Да, горе намъ, несчастнымъ магдалинамъ!
 По городамъ, отъ вѣка христіанскимъ,
 Не много есть такихъ людей отважныхъ,
 Которые бы намъ не побоялись
 Подать руки, чтобъ слезы съ глазъ стереть...
 Я, сестры, я не грязнымъ сластолюбьемъ

Доведена до участи моей.

Иное зло — съ лицомъ безстыднымъ самки,

Исчадіе гордыни и тщеславья,

Чудовище, которое у насъ

Различныя личины принимая.

Влечетъ, что день, семейство за семействомъ

Отъ родины, Богъ-вѣсть въ какія страны,

Суля имъ блескъ, въ замѣнъ того, что есть,

А иногда въ замѣнъ и самой чести.

Отецъ мой палъ, погнавшись за корыстью;

Онъ увидалъ въ одинъ прекрасный день,

Какъ все его богатство, словно пѣна

Морской волной, разметано. Съ нуждой

Я не была знакома. Трудъ тяжелый,

Дающій хлѣбъ, облитый нашимъ потомъ,

Казался мнѣ невыносимо-страшенъ...—

И я, сходя съ ступени на ступень,

Изнѣженная жертва!—пала въ пропасть

Бездонную... Стенайте, плачьте, сестры!

Но какъ бы стонъ и плачъ вашъ ни былъ горекъ,

Какъ ни была бъ печаль ѣдка, — увы! —

Моя печаль, мой плачъ — живѣе вашихъ.

У васъ они текутъ не изъ святаго

Источника любви, какъ у меня.

О, для чего любовь я испытала!

Зачѣмъ злодѣй, которому всецѣло

Я отдала неопытное сердце,

Увлекъ меня изъ—подъ отцовской кровли,

И не сдержавъ обѣщаннаго слова,

Пустилъ меня по свѣту мыкать горе?

Агарѣ былъ въ пустыню посланъ ангелъ

Спасти ея ребенка. Я жъ одна

Безъ ангела-хранителя, невольно,

Закрывъ глаза, пошла на преступленье,

Чтобъ какъ нибудь спасти свое дитя...

А между тѣмъ намъ говорятъ: «ступайте,

Распутницы!...» И жены, наши сестры,

На улицѣ встрѣчаясь съ нами, — съ иррикомъ

Бѣгутъ отъ насъ. Мы имъ тревожимъ мысли,

Внушаемъ страхъ! Но, въ свой чередъ, и мы —
 Всей силою души ихъ ненавидимъ.
 Ахъ! намъ, порой, такъ горько, что при всѣхъ
 Хотѣлось бы вцѣпиться имъ въ лицо,
 И разорвать въ клочки на лицахъ кожу....
 Вѣдь знаемъ мы, что ихъ священный ужасъ —
 Ничто, какъ страхъ — упасть во мнѣньи свѣта
 И потерять въ немъ прежнее значенье;
 Страхъ этотъ мать семейства дочерямъ
 Передаетъ едва ль не съ первой юбкой.

Но для чего въ проклятіяхъ и стонахъ
 Искать себѣ отмщенья? Эти камни
 Посыпятся на насъ же. У мужчинъ
 На привязи, въ презрѣніи у женщинъ,
 Что ни скажи — мы будемъ все неправы
 И участи своей не перемѣнимъ....
 Нѣтъ, лучше намъ, безропотно, на свѣтѣ,
 Роль тяжкую изчерпать до конца;
 По вечерамъ, въ блистающихъ театрахъ,
 Сгонять тоску съ усталого лица;
 Пить джинъ, вино, чтобъ ихъ хмѣльною влагой
 Жизнь возбуждать въ своемъ измятомъ тѣлѣ
 И забывать о страшномъ ремеслѣ,
 Которое страшнѣе мукъ кромѣшныхъ....
 Но если жизнь для насъ, несчастныхъ, — тѣнь,
 Земля — тюрьма; такъ смерть за то намъ легче:
 Въ труппахъ насъ она не мучитъ долго,
 А захвативъ рукой, кой-какъ, безъ шума,
 Бросаетъ всѣхъ въ одну и ту же яму.
 О, смерть! твой видъ и впалые глаза,
 Какъ ни были бь ужасны людямъ, — мы
 Твоей руки костлявой не боимся:
 Объятія твои намъ будутъ сладки,
 Затѣмъ, что въ мигъ, когда въ насъ жизнь потухнетъ,
 Какъ коршуны далеко разлетятся
 Всѣ горести, точившія намъ сердце,
 И тысячи другихъ бичей, чьи когти
 Въ клочки гнильи съ насъ обрывали тѣло.

Въ путь, сестры, въ путь! Идемте.... днемъ, какъ ночью,
 За мѣдный грошъ любовью промышлять....
 Таковъ нашъ долгъ: мы призваны судьбою
 Оградой быть семействъ и честныхъ женщинъ!...

2.

(изъ в. гюго).

Ночь чернымъ покровомъ лежала кругомъ;
 Я съ Германомъ по лѣсу мчался верхомъ,
 Куда и зачѣмъ? Мы не знали....
 На небѣ скользила гряда облаковъ,
 А звѣзды, пробившись сквозь вѣтви деревъ,
 Какъ яркія птички мелькали....

Я полонъ былъ грусти. А Германъ, душой
 Въ-конецъ истомленный житейской грозой
 И вѣрить не будучи въ силы:
 «Какъ жаль», мнѣ сказалъ онъ: — «несчастныхъ людей,
 Стоящихъ у входа могильныхъ дверей!...»
 А я: — жаль мнѣ тѣхъ, что въ могилахъ....

Глядитъ мой товарищъ впередъ, я — назадъ.
 Насъ быстро кони ретивые мчатъ.
 Вотъ звонъ раздался на разсвѣтѣ....
 И Германъ въ порывѣ раздумій своихъ,
 Твердитъ: — «я жалѣю страдалцевъ живыхъ!»
 — Мнѣ жаль тѣхъ, кого нѣтъ на свѣтѣ.

Кудрявыя вѣтви о чемъ-то шумятъ;
 Ручьи безпрестанно про что-то журчатъ;
 Кустарники шепчутъ привольно....
 — «Увы», молвилъ Германъ: — «живые не спятъ,
 Они вѣчно плачутъ, весь вѣкъ сторожатъ....»
 — Увы, есть и спящихъ довольно....

— «Жизнь — горе!...» мнѣ Германъ опять говоритъ: —
 Тотъ счастливъ, кто умеръ. Онъ мирно лежитъ
 Въ своемъ безъисходномъ жилищѣ....

Надъ нимъ гармонично шумитъ свѣжій лѣсъ;
И яркія звѣзды съ далекихъ небесъ
Бросають лучи на кладбище....»

— Оставь, говорю я: — не трать праздныхъ словъ,
Надъ темною тайной безмолвныхъ гробовъ....

Усопшіе, можетъ быть, дышать
Къ намъ прежней любовью. Въ землѣ, наконецъ,
И другъ твой, и братъ твой, и мать, и отецъ —
Сквозь сонъ, они, вѣрно, насъ слышатъ....

3.

СОВѢСТЬ.

(изъ огюста барбье).

О, Богъ мой, сколько здѣсь губительныхъ путей,
По коимъ каждый день идетъ толпа людей!
Какое множество страдальцевъ безпріютныхъ,
Безъ свѣта, безъ тепла и въ нуждахъ поминутныхъ;
Какая тьма существъ, терзаемыхъ судьбой,
Отъ колыбельныхъ дней до двери гробовой —
Всѣхъ жертвъ не перечестъ!... и видѣть ихъ такъ больно,
Что съ устъ срывается проклятіе невольню.
Но между тѣмъ, порой, задерживаешь стонъ,
Внезапно будучи глубоко пораженъ
Тѣмъ страннымъ зрѣлищемъ, — что мученики эти,
Стада невольниковъ, запутанныя въ сѣти,
Милльоны голышей, лишеныя всѣхъ благъ,
Не отступаютъ прочь отъ долга ни на шагъ.
О, совѣсть свѣтлая! — источникъ чувствъ небесныхъ.
Исторгнувшая насъ изъ ряда безсловесныхъ!
Не даромъ ты судьбой положена намъ въ грудь;
Ты въ этомъ омутѣ, конечно, что-нибудь —
Не призракъ суетный людскаго произвола,
Не слово праздное, придуманное школой —
О нѣтъ, стократно нѣтъ! Для этой тьмы людей,
Нѣмыхъ, затерянныхъ среди земныхъ путей,

Для этихъ паревъ, для атомовъ ничтожныхъ, —
 Въ замѣнъ всѣхъ благъ земныхъ и радостей возможныхъ,
 Ты, совѣсть, — только ты, изъ-за всегдашнихъ тучъ,
 Бросаешь имъ живой и благотворный лучъ....

4.

МАРГАРИТКА.

(изъ в. гюго).

Въ долину вечерній игралъ вѣтерокъ....
 Роскошное солнце — небесный цвѣтокъ,
 Мѣшая разлиться таинственной мглѣ,
 На западѣ тихо склонялось къ землѣ.
 А туть, недалеко, надъ ветхой стѣной,
 Поросшей крапивой и сорной травой,
 Взошла маргаритка, въ нарядѣ простомъ,
 Въ вѣнкѣ бѣлоснѣжно-лучистомъ своемъ,
 И глядя, какъ солнце горитъ въ небесахъ,
 Шептала: «я такъ же, какъ солнце, въ лучахъ!...»

5.

(изъ в. гюго).

Земля кремнистая, холодная, скупая,
 Гдѣ потъ и кровь свою обильно проливая,
 Изъ одного куска насущнаго, весь вѣкъ,
 Въ трудахъ и горестяхъ томится человекъ;
 Гдѣ человекъ и самъ черствѣетъ, словно камень;
 И гдѣ, изъ городовъ замѣтно со-дня-на-день
 Бѣжитъ все лучшее, что только въ мѣрѣ есть:
 Свобода, Правда, Любовь, Покой и Честь;
 Гдѣ гордость — общій богъ; гдѣ заступомъ могильнымъ,
 Слѣпая смерть грозитъ и сильнымъ и безсильнымъ;
 Гдѣ высота — тамъ мракъ; гдѣ золото — тамъ все
 Вертится передъ нимъ какъ будто колесо;

Въ лѣсахъ—свирѣпый волкъ; въ селеняхъ—лютыи голодъ;
Здѣсь зной тропическій, а тамъ полярный холодъ;
Среди взволнованныхъ грозой морскихъ зыбей,
Вездѣ виднѣются обломки кораблей,
А на поляхъ кругомъ мятежь толпы голодной,
Иль зарево войны кровавой и безплодной;
Пожарища и стонъ повсюду въ городахъ....

И это, это все — звѣзда на небесахъ!

С. ДУРОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

(ФАНТАЗИЯ).

До изобрѣтенія книгопечатанія, т. е. пока единственнымъ средствомъ распространенія сочиненій служила переписка ихъ, — не существовало и авторскаго права. Напротивъ, переписка была не только свободна, но ей покровительствовали законодательными мѣрами. Случилось иначе, когда явилось книгопечатаніе. Легкость и дешевизна, съ какой можно было увеличивать число экземпляровъ, и быстрое увеличеніе запроса на книги придали новое значеніе писателямъ. Литература стала средствомъ денежнаго выигрыша, получила меркантильный характеръ, и авторы начали или издавать сами свои сочиненія, чисто въ коммерческихъ видахъ, или же продавали сочиненія особымъ издателямъ.

Но скоро и авторамъ и издателямъ стала грозить опасность. Явилось третье лицо, находившее выгоднымъ заняться перепечаткой, конкурировать съ издателемъ. Издатель, платя автору за трудъ, рискуя капиталомъ, не зная навѣрно, пойдетъ ли изданіе и какія дастъ выгоды. Перепечатчикъ же, не рискуя ничѣмъ, только выжидалъ, и если видѣлъ, что запросъ на сочиненіе хорошъ, перепечатывалъ его и пускалъ въ продажу.

Обычай перепечатки распространился очень быстро, и люди, ко-

которые могли страдать отъ него, старались, разумѣется, принять всѣ мѣры, чтобы защитить себя отъ такой опасной конкуренціи. И Мартынь Лютеръ, въ числѣ прочихъ, возставалъ противъ перепечатчиковъ и, прикрываясь текстами изъ посланій апостола Павла и авторитетомъ Соломона, называлъ ихъ, т. е. перепечатчиковъ, безъ всякой церемоніи ворами и разбойниками.

Все это однако не помогало. Нѣмцы чувствовали, что кромѣ ругательства нужно придумать что нибудь другое, болѣе дѣйствительное, и остановились на мысли искать защиты въ законѣ. Начались справки въ римскомъ правѣ — нѣмцамъ нуженъ былъ юридическій авторитетъ, — но оказалось, что римляне не знали книгопечатанія, и перепечатки у нихъ не существовало. Когда ни уголовное, ни гражданское римское право не дало отвѣта, обратились къ каноническому праву, къ обычаю, къ тому, что на русскомъ административномъ языкѣ называется «бывшими примѣрами», но нигдѣ не находили разрѣшенія этого вопроса. Причина неудачи понятна: — искали отвѣта тамъ, гдѣ его и нельзя было найти, потому что новые интересы, которые хотѣли защищать, явились вслѣдствіе новыхъ, небывалыхъ прежде условий, созданныхъ новымъ изобрѣтеніемъ.

Тогда придумали привилегіи, т. е. стали защищать литературные интересы исключеніями, такъ какъ существующее право ничѣмъ ихъ не защищало.

Подобныя привилегіи появляются въ Европѣ уже во второй половинѣ пятнадцатаго столѣтія, и прежде всего въ Венеціанской республикѣ. Привилегіи давались только на извѣстныя сочиненія, и только эти сочиненія и нельзя было перепечатывать. Нарушеніе запрещенія наказывалось конфискаціей книгъ и денежными взысканіями.

Привилегіи однако не могли удовлетворить ни издателей, ни авторовъ, потому что имѣли характеръ частныхъ, исключительныхъ постановленій; въ нихъ не видѣли юридическаго права, имѣвшаго общее значеніе. Только съ XVIII столѣтія явились такого рода постановленія. Произвольное, исключительное покровительство правительствъ кончилось, и создано юридическое понятіе объ авторскомъ правѣ, принятое положительнымъ законодательствомъ.

Съ этихъ поръ литература юридически стала на экономическую почву и начала принимать болѣе и болѣе характеръ коммерческаго предпріятія, отрѣшившись вполнѣ отъ прежнихъ началъ. До изобрѣтенія книгопечатанія правительства хлопотали о томъ, чтобы распространять сочиненія и поощряли для этого переписку; съ книгопечатаніемъ, напротивъ, стали принимать мѣры, чтобы сочиненія, имѣющія успѣхъ, не шли особенно быстро въ публику.

Разумѣется, мѣры эти устанавливались не съ тѣмъ, чтобы мѣшать распространенію образованія, — ихъ вызвали коммерческіе расчеты авторовъ и издателей; разумѣется, правительства и люди, хлопотавшіе охраненіемъ авторскаго и издательскаго права, и не предвидѣли, къ чему приведетъ все это, въ чемъ заключается безнравственная сторона дѣла, въ защиту котораго они дѣйствовали; но они и не могли ничего предвидѣть; — они хотѣли защитить свои денежныя интересы, и достигли этого; а интересы болѣе высокіе и не входили въ ихъ соображенія.

Но и признаніе авторскаго права не обошлось совсѣмъ безъ споровъ; у него, кромѣ защитниковъ, были и противники. Защитниковъ было разумѣется, гораздо больше, потому что на все дѣло смотрѣли съ точки зрѣнія собственности; на его сторонѣ была вся такъ-называемая экономическая и юридическая наука и всѣ представители нѣмецкой философіи: Кантъ, Фихте, Гегель. Послѣдніе двое рассуждали такъ: издатель, сдѣлавъ условіе съ авторомъ, приобретаетъ этимъ право на известнаго рода пользованіе собственностью автора, т. е. мыслями, облеченными въ известную форму. Онъ имѣетъ право, если онъ хочет и можетъ, продавать не мысли автора и ихъ форму, а возможность ихъ усвоивать, вызванную печатаніемъ. Цѣлая масса писателей и ученыхъ отстаивала право литературной собственности и только немногіе голоса слышались съ противной стороны. Вопросъ даже ставился такимъ образомъ: можетъ ли мысль быть рыночнымъ товаромъ? Обвиняли авторовъ, что они берутъ плату за свои сочиненія и тѣмъ возмущаютъ дѣву книгъ. Наконецъ доказывали, что перепечатка есть естественное право всякаго покупателя книги; что перепечатанные экземпляры — свободная собственность того, кто ихъ перепечаталъ, и было бы несправедливо ставить книгопродавцевъ и издателей внѣ той конкуренціи, которой подлежатъ вообще всѣ промышленники.

Споры эти повели къ тому, что стала чувствоваться все болѣе и болѣе необходимость разрѣшить вопросъ. Эту задачу взяли на себя правительства и разрѣшили ее изданіемъ ряда постановленій, обеспечивающихъ литературную собственность.

Но обезпеченіе литературной собственности въ предѣлахъ одной какой нибудь державы было еще недостаточно. Въ Германіи, гдѣ существуетъ одинъ общій языкъ, а между тѣмъ страна разбита на множество мелкихъ государствъ, литературная собственность не обезпечивалась еще вполне отдѣльными постановленіями, имѣвшими значеніе въ предѣлахъ того государства, которое ихъ издавало для себя. Съ уничтоженіемъ таможенныхъ границъ въ Германскомъ союзѣ, явилась необходимость издать и общія для всего Союза правила. Но и эти правила оказались неполными, когда съ развитіемъ языкознанія расши-

рились литературныя и художественныя сношенія между разными народами. вмѣстѣ съ этимъ ослабѣло значеніе національныхъ и территоріальныхъ границъ, и право, имѣвшее значеніе для каждой страны въ ея собственныхъ предѣлахъ, пришлось признать наконецъ и общенароднымъ правомъ. Такъ сложились, наконецъ, существующія въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ постановленія о литературной собственности.

Правила эти развивались вполне послѣдовательно изъ того начала, которое купцы признавали вполне справедливымъ. Но было ли начало это справедливо? Точно ли экономическія соображенія, въ томъ видѣ, какъ ихъ привыкли понимать люди прежняго ученаго закала, могли служить основаніемъ при разрѣшеніи вопроса? Да и разрѣшенъ ли вопросъ? Неужели слѣдуетъ признать его разрѣшеніемъ тысячи правительственныхъ постановленій, когда ни одно изъ нихъ не можетъ выдержать возраженій? Не въ томъ дѣло, чтобы издать законъ, а въ томъ, чтобы онъ разрѣшалъ вопросъ. Всѣ же издаваемые правила разрѣшали дѣло односторонне, — съ точки зрѣнія тѣхъ экономическихъ принциповъ, которые примѣнимы къ литературѣ и къ искусству, только при тѣхъ экономическихъ и общественныхъ понятіяхъ, удовлетворительность которыхъ признается все болѣе и болѣе.

Основная мысль законодательства о литературной собственности заключается въ томъ, что перепечатка есть посягательство на чужую собственность и должна быть преслѣдуема. Но въ чемъ опасность отъ перепечатки и кому грозитъ она? Можетъ ли авторъ сказать, что мысль, изложенная имъ въ своемъ сочиненіи, есть его личная собственность? Только люди очень самолюбивые и недостаточно слѣдившіе за процессомъ мышленія могутъ въ каждой своей мысли видѣть свою исключительную собственность. Ошибка эта происходитъ оттого, что они берутъ на вѣру выраженіе разговорнаго языка, по которому каждой мысли дается свой хозяинъ. Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то легко придти къ убѣжденію, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, какъ нѣтъ хозяина у воздуха, и что рѣшительно несправедливо говорить, что «такая-то» мысль принадлежитъ «такому-то», а «такая-то» — «такому». Процессъ мышленія есть органическая принадлежность человѣка, какъ дыханіе и зрѣніе. Человѣкъ, у котораго здоровые глаза, не можетъ смотрѣть на предметы безъ того, чтобы ихъ не видѣть. Не видитъ только слѣпой. Но вѣдь у слѣпаго и нѣтъ глазъ, потому что нельзя считать глазами нѣчто похожее на нихъ, не обладающее способностью видѣть. То же и съ мыслью. Человѣкъ мыслитъ потому, что ему нельзя иначе, что это есть жизнь. Какъ только перестаетъ процессъ мышленія, кончается и жизнь. Но человѣкъ мыслитъ такъ или иначе, потому что получаетъ извнѣ тѣ или другія впе-

чатлѣнія. Впечатлѣнія эти зависятъ не отъ него, а отъ тѣхъ предметовъ, которые онъ встрѣчаетъ и отъ качествъ своей впечатлительности. Разумѣется, существуютъ люди такого сорта, которые совершенно равнодушны ко всему, которыхъ не возмущаютъ ни людскія страданія, ни даже убійства; но тотъ сортъ слабо-впечатлительныхъ людей въ дѣлѣ общаго мышленія играютъ роль тоже весьма важную — они служатъ проводниками впечатлѣній; они возбуждаютъ въ другихъ тотъ или другой процессъ мышленія. Слѣдовательно производятъ мысль предметы или явленія, которыя производятъ впечатлѣнiе. Но нельзя находиться внѣ всякихъ впечатлѣнiй, потому что внѣ ихъ найдется только мертвое тѣло; поэтому и передача мыслей тоже органическая потребность. Пока человекъ живетъ въ обществѣ, онъ не можетъ жить такъ, чтобы впечатлѣнiя его не сообщались никому: и радость и горе, и холодъ и голодъ, и довольство и недовольство не живутъ въ немъ безъ передачи этихъ впечатлѣнiй другимъ людямъ. Живая мысль въ настоящемъ, человекъ думаетъ такъ или иначе потому, что до него въ дѣлѣ мысли было уже сдѣлано кое-что. Человекъ получаетъ умственное наслѣдство, отъ котораго зависитъ его настоящий характеръ и сила его умственной дѣятельности. Человекъ думаетъ теперь такъ, а не иначе не только потому, что вся дѣятельность его вращается въ известной сферѣ, производящей на человека известное впечатлѣнiе; но и потому, что пережитая людьми, прошедшая умственная жизнь выработала въ жизни известныя условія, подготовила ту сферу, которая въ настоящее время производитъ на человека известное впечатлѣнiе. Какъ въ такой зависимости мысли одного человека отъ мысли другаго человека — указать, кто кованъ той или другой мысли? Кому первому принадлежитъ мысль, хоть бы того правильнаго пониманiя общественныхъ вопросовъ и отношенiй, какое служитъ основой новой теорiи общественной науки? Перваго тутъ нѣтъ, потому что всѣ, кто былъ заинтересованъ вопросомъ, разбирали его вмѣстѣ. Кому было неловко, тѣ и работали; все это были отдѣльныя желанiя и чувствованiя; они жили, высказывались, обобщались. Явился грамотный человекъ между этими людьми: послушалъ, собралъ, понялъ, слилъ въ одно, нанечаталъ и говоритъ, что это мысль его и проситъ за нее денегъ. Можетъ ли такой авторъ сказать, что мысль принадлежитъ дѣйствительно и исключительно только ему? Развѣ не живыя, не люди внушили ему ее? И нѣмецкiе философы понимали это вѣроятно точно такъ же, когда говорили, что продается не мысль и форма, а возможность усвоивать ее, вызванная печатанiемъ. Если въ этомъ дѣлѣ такую роль играетъ печатанiе, то въ такомъ случаѣ награда слѣдуетъ не автору, а Гуттенбергу; а какъ Гуттенберга нѣтъ въ живыхъ, то и давать ее некому. Если же рѣчь о

возможности усвоиванія разсматривать отдѣльно отъ печатанія, то вѣдъ и устная рѣчь представляетъ ту же возможность; все чтеніе лекцій основано на этой возможности. А какъ за лекціи берутъ деньги, то отчего же не брать денегъ за всякій разговоръ, за всякую мысль, которая покажется кому либо его собственной. Развивая теорію возможности усвоенія мыслей, не трудно придти къ тому, что люди не должны говорить ни одного слова даромъ, потому что всякій разговоръ есть рядъ новыхъ мыслей.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія права собственности на мысль, защитники должны были придти къ тому, что нарушеніе авторскаго права должно принадлежать къ одному изъ видовъ кражи. Хотѣли видѣть въ этомъ «поддѣлку». Но поддѣлка предполагаетъ замѣну одного другимъ, скрытіе истины. Какое же скрытіе истины въ томъ, что является перепечатка? Тутъ никто не обмануть, и имя, и мысли и способъ ихъ изложенія совершенно одинаковы въ обоихъ изданіяхъ. Другое дѣло, если будетъ сохранена фирма издателя, выходящаго въ сношеніе съ авторомъ, т. е. на перепечатанномъ сочиненіи будетъ показанъ первый издатель и даже его типографія. Но и тутъ нѣтъ еще никакой поддѣлки, потому что сочиненіе перепечатано вполнѣ вѣрно, а указано невѣрно только имя издателя, до котораго въ сущности читателю нѣтъ никакого дѣла. Значить, тутъ не поддѣлка, а только невѣрное показаніе имени лица, играющаго въ дѣлѣ написаніе важную роль.

Другіе хотѣли видѣть въ этомъ дѣлѣ обманъ, потому что перепечатчикъ занимается тихонько, скрывается отъ автора и его издателя, а нѣкоторые говорили, что перепечатка—кража. Но и это невѣрно. Кражей называется пользованіе чужой вещью, а книга, съ которой дѣлалась перепечатка, не была украдена. Она могла быть добыта честнымъ путемъ и за тѣмъ уже перепечатана. Что же тутъ украдено? Если же думать, что украдена мысль, то это еще менѣе вѣрно. Мысль не имѣетъ матеріальной формы; украденъ же можетъ быть только предметъ матеріальный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки. Видѣть въ этомъ посягательство на духовную собственность менѣе всего вѣрно. Что значитъ духовная собственность? Какъ можно вторгнуться въ предѣлы чужаго міросозерцанія? Чѣмъ опредѣляются границы сферы умственной дѣятельности каждаго человѣка? Границы этихъ нѣтъ и невозможно опредѣлить ихъ никакими инструкціями и законодательствами, какъ невозможно сказать, кому именно принадлежитъ извѣстная мысль, потому что она принадлежитъ всѣмъ, потому что въ разработкѣ ея принимали участіе не одинъ, а множество людей.

Отъ того, что невозможно опредѣлить принадлежности мысли тому или другому лицу, что въ ней нельзя видѣть личной собственности,

слѣдовало бы очевидно придти къ заключенію, что по этому предмету не слѣдует издавать никакихъ постановленій; что если совершенно не разъяснена сущность вопроса, то нельзя издавать и ясныхъ постановленій; а неясныя постановленія не въ состояніи защитить никого. Но случилось не такъ, и вотъ почему существующія постановленія въ сущности не охраняютъ ни авторскаго права, ни права издателей, а еще хуже: — что литературную собственность поставили въ тѣсныя предѣлы меркантильныхъ соображеній, сдѣлали изъ нея собственность, какъ хлѣбъ, говядину или масло, и самый вызовъ людей на литературную дѣятельность получилъ тотъ же характеръ: при стремленіи добывать деньги литературой, она становится ремесломъ.

Чтобы имѣть возможность издавать постановленія, нужно было, разумѣется, опредѣлить, о чемъ слѣдуетъ говорить въ нихъ и что защищать. Первый вопросъ—о чемъ? Отвѣтъ казался ясенъ:—о литературной собственности. Но что такое литература, что составляетъ предметъ ея? Разумѣется, всѣ тѣ произведенія, которыя назначены составлять литературу какого-либо народа, т. е. совокупность всѣхъ умственныхъ произведеній, выражаемыхъ словомъ и служащихъ не для матеріальнаго употребленія, а для общаго обмѣна мыслей и представленій. Законодатели видѣли, очевидно, въ литературѣ ту свободную нравственную силу, которая не зная никакихъ ограниченій, выражаетъ собой и имѣетъ съ тѣмъ служить для прогрессивнаго движенія чело-вѣчества.

Видѣвъ съ литературой признали необходимымъ защитить и артистическія произведенія. На и тутъ опять вопросъ: что слѣдуетъ признать произведеніями искусства? Нѣкоторые говорили, что ими слѣдуетъ считать все то, что удовлетворяетъ болѣе или менѣе эстетическому чувству, или тѣ произведенія искусства, которыя признаются такими въ торговлѣ. Но ни то, ни другое опредѣленіе не имѣетъ точнаго смысла, хотя для практики представляетъ удовлетворительную новидимую точность. Первое слишкомъ смутно потому, что неопредѣлены предѣлы эстетическаго чувства, что при настоящемъ состояніи знаній едва ли и возможно. Что значитъ удовлетворять болѣе или менѣе? Смотря на вопросъ такъ, приходится сводить его къ личному эстетическому чувству cadaго; а въ такомъ случаѣ въ каждой вещи могутъ найтись такія качества, которыя удовлетворяютъ чьему нибудь эстетическому чувству. Если же предметами искусства считать все то, что удовлетворяетъ вобщемъ эстетическому чувству, то поэтому могутъ удовлетворять и другія вещи, не считаемыя обыкновенно предметами искусства. Если же положиться на разграниченіе, дѣлаемое торговлей, то нужно отъвку произведеній предоставить произволу торговцевъ. Разумѣется, между художественными произведеніями литературы и

произведениями искусства установить повидимому границы не трудно; принято понимать, что литературныя произведения выражаются письменными знаками, а произведения искусства, смотря по ихъ роду—красками, пластикой или музыкальными нотами. Но трудность вопроса не столько въ этомъ, сколько въ томъ, какъ въ самихъ произведенияхъ искусства разграничить искусство, требующее защиты авторской собственности отъ ремесла? Куда принадлежать поэтическія произведения—къ искусству или къ литературѣ? Куда принадлежать рисунки ученаго содержанія? На нихъ можно смотрѣть и какъ на произведения искусства, и какъ на предметъ литературы.

Кромѣ трудности подобнаго разграниченія предметовъ искусства отъ предметовъ неискусства и самый вопросъ о «духовной» собственности не выдерживаетъ никакого разбора. Законодательства Европы остановились на той мысли, что авторское право прикидывается къ такимъ предметамъ литературы и искусства, которые служатъ представленіемъ личнаго духовнаго творчества. Но вѣдь такое творчество не есть нѣчто отрѣшенное отъ земли и отъ жизни. Люди творятъ потому, что въ своихъ житейскихъ отношеніяхъ наталкиваются на предметы и явленія, которые, производя въ нихъ извѣстные впечатлѣнія, побуждаютъ ихъ изъ готовыхъ матеріаловъ дѣлать новыя комбинаціи. Архитекторъ, составляющій чертежъ какого нибудь зданія, беретъ готовыя отдѣльныя части, и располагая ихъ какъ нибудь иначе, создаетъ какъ бы новый фасадъ, хотя въ сущности тутъ нѣтъ ничего новаго; тутъ только новая перестановка отдѣльныхъ старыхъ архитектурныхъ мыслей. Насколько авторъ такого новаго чертежа можетъ гордиться своей творческой способностью и своимъ авторскимъ правомъ? Въ чемъ дѣйствительная новизна его мыслей? Какимъ средствомъ, анализируя свою такъ-называемую творческую способность, архитекторъ, скульпторъ, художникъ опредѣлили бы, что принадлежитъ собственно и исключительно имъ и что создано въ нихъ другими? Архитекторъ вышелъ архитекторомъ потому, что онъ изучилъ предметы искусства. Онъ видѣлъ и греческую и арабскую постройку; знакомъ и съ мавританскимъ стилемъ, и пожалуй, съ постройками Вавилона. Неужели всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого знакомства, не значили ничего въ его архитектурномъ развитіи? Разумѣется, значили. Всѣ эти чужія мысли и сдѣлали изъ него архитектора. Гдѣ же провести черту между чужимъ и своимъ? Какъ сказать, что вотъ такая-то мысль пришла отсюда, другая отсюда, а вотъ это собственная архитектора? Или на мысли можно смотрѣть какъ на разнородныя хлѣбныя зерна, насыпанныя въ одинъ общій мѣшокъ, такъ что безъ всякаго труда можно рассортировать или отдѣлать овесъ отъ ячменя и пше- ницу отъ ржи.

То же самое примѣняется вполне и къ скульпторамъ и къ живописцамъ. Скульпторъ изучаетъ свое дѣло на тѣхъ произведеніяхъ искусства, которыя онъ встрѣчаетъ и во дворцахъ, и на публичныхъ галлѣяхъ, и въ собраніяхъ скульптурныхъ произведеній. Нельзя сказать, чтобы его личное участіе въ томъ, что называется творчествомъ, ничего не значило. Процессъ мысли существуетъ и въ скульпторѣ и въ живописцѣ; но вѣдь процессъ мысли участвуетъ и во всякомъ промышленномъ производствѣ и въ ремеслахъ. И тѣ производства, которыя удовлетворяютъ чувству изящнаго, должны быть сдѣланы со вкусомъ, то есть нравиться. И въ ремесленныхъ производствахъ есть творчество. По мѣрѣ развитія образованія и цивилизаціи, по мѣрѣ накопленія такихъ произведеній и предметовъ, которые относятся къ области изящнаго, развивается все больше и больше вкусъ во всѣхъ фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ. Для тѣхъ вещей, которыя выходили изъ мастерской Бенвенуто Челлини или Бернара Паллиси, требуется нынче гораздо меньше усилій человѣческаго духа, чѣмъ требовалось прежде. Ремесла перестали быть представленіемъ чего-то грубаго, неравнчаго. И на что требовались прежде какіе-то герои и исключительныя личности, то дѣлается теперь мастерами, вовсе не претендующими на гениальность. Довольно взглянуть на мелочныя издѣлія парижской промышленности, на изящную бронзу, фарфоръ, деревянныя издѣлія, чтобы понять, какъ уровень вкуса сталъ шире и какъ невозможно провести теперь границу между художественными и не художественными произведеніями, между творчествомъ артиста и творчествомъ ремесленника. Если бы въ тѣхъ людяхъ, кто имѣетъ слабость считать себя великими художниками, было меньше самолюбія и меньше презрѣнія къ тѣмъ, кого они считаютъ ниже себя и ремесленниками, они бы увидѣли, что требуя защиты своего авторскаго права, они требуютъ и несправедливаго и невозможнаго. Это привилегія, неимѣющая никакого разумнаго основанія и невозможная въ практическомъ примѣненіи настолько, чтобы она не встрѣчала противорѣчій и чтобы могла быть устранена вполне несправедливость. Если же противорѣчія и несправедливость существуютъ, то очевидно, что правило невѣрно и законъ не достигаетъ своей цѣли; а въ такомъ случаѣ лучше ему и не существовать.

Художническое произведеніе, какъ продуктъ личнаго творчества, законъ защищаетъ отъ воспроизведенія его или копій, потому что авторъ считаетъ себя исключительнымъ воплотителемъ мысли и потому, что эта вещь даетъ ему выгоды. Во всемъ этомъ денежная прибыль стоитъ на первомъ планѣ, и законъ, защищая авторство, защищаетъ въ сущности денежныя интересы автора. Какимъ же образомъ можетъ законъ защитить авторское право, когда нѣтъ границъ

въ результатахъ личной дѣятельности каждаго, считающаго себя художникомъ? Телегу, или вообще всякій экипажъ, можетъ дѣлать всякій, авторство въ этихъ дѣлахъ не признается, потому что телега не считается произведеніемъ искусства. Но вотъ какой нибудь тележникъ—скульпторъ вздумалъ украсить свое произведеніе и отдѣлать ее, какъ нѣкогда Бенвенуто Челлини отдѣлывалъ латы. Здѣсь является уже авторство, потому что человекъ боится, что другой, воспользовавшись его мыслью и рисункомъ, сдѣлаетъ точно такую же телегу и уменьшитъ прибыль перваго. Но авторство будетъ только въ такомъ случаѣ справедливо, когда другая вещь будетъ сдѣлана вполне, какъ первая. Если же она будетъ имѣть подобное сходство, значитъ она копія, то есть неподлинная вещь, а если она неподлинная вещь, то кто бы ее ни дѣлалъ, она по понятіямъ художника не имѣетъ уже цѣны оригинала, да и самъ оригиналъ, какъ вещь воспроизведенная въ нѣсколькихъ копіяхъ, можетъ цѣниться не потому, что бы онъ по мысли или по отдѣлкѣ былъ выше, а только потому, что онъ сдѣланъ первымъ. Это достоинство, разумѣется, небольшое; — если есть десять статуй, одна какъ другая, сдѣланныхъ десятию разными художниками, то для цѣнителя эстетическихъ наслажденій рѣшительно все равно какая изъ нихъ первая или послѣдняя, если впечатлѣніе, производимое ими, совершенно одинаково.

Но тутъ является и еще замѣчаніе: справедливо ли толковать объ авторскомъ правѣ тому, чьи произведенія такъ легко воспроизводятся всякимъ художникомъ? Не перейдутъ ли такіа произведенія искусства въ область производства экипажей, фарфоровой и стеклянной посуды? Какая цѣль давать такимъ издѣліямъ характеръ монополій и защищать ихъ привилегіями? Не проще ли, чтобы художественное произведеніе защищало само себя отъ всякой контрафакціи силой своего содержанія и невозможностію ея поддѣлки или копирования? Рафаэль не просилъ привилегіи на смиктинскую мадонну, и не нуждался въ защитѣ своего авторскаго права. Пусть копируютъ, если есть люди настолько сильные. Пусть копія не отличается ничѣмъ отъ оригинала. Но такихъ копистовъ не было, а если и явились, такъ что же—неужели Рафаэль не остался бы Рафаэлемъ? Вотъ почему Рафаэль не просилъ привилегій и не нуждался въ нихъ; а вопросъ о монополіи подняли жалкіе и безталанные люди, неумѣвшіе найти защиты въ своей собственной силѣ и потому только обратившіеся къ полицейской защитѣ правительствъ.

Но и защита правительственной власти не ведетъ тутъ ни къ чему. Законъ защищаетъ художественную собственность, а собственность эта сама ускользаетъ отъ его защиты. Возьмемъ въ примѣръ хоть какую нибудь картину или опять телегу, украшенную удивитель-

тельной рѣзбой. Съ такой картины или телеги снята не копія, а то же картина, съ нѣкоторыми измѣненіями отъ оригинала въ размѣрѣ, или съ самыми незначительными измѣненіями въ фигурахъ и въ расположеніи ихъ. Можно ли такую вещь считать контрафакціей? Нѣтъ, потому что она не контрафакція и не копія; а что-то другое, и въ произведеніи ея участвовалъ тоже творческій духъ мастера, какъ и въ первой картинѣ, или телегѣ, участвовалъ духъ творчества автора. Разница вся только въ томъ, что въ первомъ случаѣ авторъ набирался мыслями, вглядываясь въ другія картины и въ жизнь, т. е. пользовался предварительными трудами многихъ; а во второмъ случаѣ, мастеръ пользовался только однимъ источникомъ. Значитъ, вся разница сводится къ обилію основныхъ источниковъ. Творчество же тутъ ничего не значитъ, потому что и первый и второй художникъ тратили относительно равное количество силы. Совершенно тоже, какъ со стороны слова нѣтъ никакой заслуги, что онъ можетъ свезти больше тяжести, чѣмъ лошадь. Въ чемъ же тутъ защита, когда сила защищаетъ себя сама? Не этого мало. Какъ доказать юридически, что новая телега съ измѣненными украшеніями есть посягательство на чужую духовную собственность, когда эти телеги представляютъ нѣкоторую разницу; ни однокъ судъ въ мірѣ не обвинитъ въ кражѣ мысли мастера, сдѣлавшаго другую телегу. И чтобы такое обвиненіе не могло состояться, совершенно достаточно сдѣлать самыя незначительныя измѣненія противъ оригинала. Измѣненія же эти сдѣлать легко. А въ такомъ случаѣ авторское право художниковъ защищать закономъ невозможно, и защищать невозможно не только потому, что всегда можно доказать, что вещь, измѣненная въ производствѣ противъ той, которая вызвала на работу, не есть контрафакція; но еще и потому, что нѣтъ возможности слѣдить за подобной поддѣлкой.

Въ Австріи, напримѣръ, оригинальное произведеніе законъ различаетъ отъ копій. Но если художникъ задумаетъ дѣлать самъ копіи съ своихъ произведеній, то на основаніи авторскаго права онъ можетъ не допустить, чтобы копіи дѣлались кѣмъ либо другимъ, кромѣ его. Но что значитъ не допустить? Русскій художникъ, купивъ копію или даже оригиналъ и привезя его въ Россію, можетъ пустить въ продажу десятки новыхъ копій. Кто же вступится за авторское право австріяца? Самъ онъ не можетъ, потому что не знаетъ объ этомъ; а убытокъ ему очевиденъ: лучше бы ему самому достать деньги за десятки копій, проданныхъ въ Россіи, чѣмъ предоставить эту выгоду русскому художнику. Слѣдовательно, чтобы защитить авторское право, недостаточно издать законъ, а нужно, чтобы была возможность исполнять его и дѣйствительно защищать всѣхъ людей, считающихъ себя авторами чего нибудь. Для этого и были придуманы международныя до-

говору, чтобы авторы одного государства не могли вредить авторам другого государства. Но и эти договоры не достигают своей цели. Чтобы они достигали ее, нужно правительствам иметь особых чиновников или ревизоровъ. А уж если дѣло пойдетъ этимъ, впрочемъ исполнѣ послѣдовательнымъ путемъ, то, очевидно, придется учредить во-первыхъ надзоры за ревизорами, чтобы они изъ корысти не путовали; да не обойдешься и безъ учрежденія въ каждомъ государствѣ особаго министерства авторской собственности. Что же выйдетъ изъ этого хорошаго? Прибавится только чиновниковъ, которыхъ вездѣ и безъ того уже слишкомъ много, увеличатся расходы, дадутся поводы къ злоупотребленіямъ и только увеличится административная путаница, отъ которой и теперь люди видятъ мало хорошаго.

Нѣмецкія законодательства, приводя въ систему мысли людей, хлопотавшихъ о защитѣ авторскаго права, только специализировали и подбирали частные случаи, не разрѣшивъ общаго вопроса. Поэтому они и говорятъ, что само собой разумѣется, что тамъ, гдѣ предметъ «внѣшней природы» сдѣланъ «безъ духовнаго творчества», но единственно «ручной ловкостью», не можетъ быть и рѣчи объ авторскомъ правѣ, напримѣръ, при отливкѣ черепа. Но тутъ примѣръ плохо сходится съ опредѣленіемъ; а опредѣленіе совершенно неудовлетворительно. Ручная ловкость не существуетъ безъ творчества; невозможно заниматься никакимъ такъ-называемымъ механическимъ трудомъ безъ участія мысли, и одной ручной ловкостью нельзя воспроизводить предметы внѣшней природы. Разумѣется, отливка черепа не требуетъ особенныхъ способностей; но чтобы выбрать черепъ для отливки, нужно руководствоваться извѣстной идеей, чтобы черепъ по чему нибудь отвѣчалъ той мысли, которая заставила выбрать именно этотъ, а не другой черепъ. Тутъ вопросъ о мысли. А какъ по праву литературной и вообще авторской собственности, у каждой мысли есть свой хозяинъ, и хозяинъ можетъ отстаивать свою собственность, то за что же устранить отъ этого права человѣка, имѣющаго полное основаніе сказать, что мысль объ отливкѣ именно такого-то черепа принадлежитъ ему и у него для этого были именно такія основанія и соображенія, составляющія тоже его исключительную собственность.

Какъ нельзя защитить художественное авторское право, въ той же степени нельзя защитить и литературную собственность. Положимъ, за Пушкинымъ или Гоголемъ явилась цѣлая толпа писателей; которые, усвоивъ ихъ манеру и воззрѣніе, начали писать иначе, чѣмъ писали прежде. Вліяніе Пушкина и Гоголя могло быть даже такъ велико, что нѣкоторые изъ послѣдователей ихъ даже копировали иногда своихъ учителей. Могутъ ли Пушкинъ и Гоголь, начавъ въ судѣ процессъ въ защиту своего авторскаго права, назвать подражателей во-

и потребовать отъ нихъ уплаты известнаго процента съ суммы, полученной ими за такія подражательныя сочиненія? Нѣтъ. А по отношенію о литературной собственности могутъ, потому что подражатели въ сущности пользовались чужими мыслями и ушли въ область чужаго міросозерцанія; они пользуются доходомъ съ чужой почвы. Несмотря на вѣрность такого вывода, ни Пушкинъ не рѣшился бы начать процессъ съ своими подражателями, ни Байронъ съ Пушкинскимъ. Отчего же процессъ такой былъ бы невозможенъ? Только потому, что въ дѣлѣ мысли нѣтъ отдѣльныхъ полосъ, какъ при личномъ землевладѣніи; никто не разработываетъ свою полосу отдѣльно, а всѣ трудятся вмѣстѣ. Взять же сочиненія Пушкина или Гоголя цѣликомъ какому нибудь Иванову или Вольфсону и выдать ихъ за свои нельзя, какъ нельзя кому нибудь назваться Рафаэлемъ или Ньютономъ, потому что такое самозванство не поведетъ ни къ чему и не доставитъ ни копѣйки барыша.

Но такое самозванство не существовало никогда, да и не могло бы существовать. Слѣдовательно объ немъ напрасно и разсуждать закону. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда законъ повидимому могъ бы защитить авторовъ, то невозможность опредѣлить всѣ возможные случаи кажущагося посягательства на чужую собственность прямо возмываетъ невозможность закона вступаться въ это дѣло. Напримеръ, исполнѣ перепечатать чужое сочиненіе нельзя, но сдѣлать изъ него извлеченіе, сокращеніе, перепечатать цѣликомъ отдѣльныя мѣста можно. Сокращенія, если только нѣкоторыя мѣста выпущены, а все остальное перепечатано слово въ слово, не допускаются. Но что значить нѣкоторыя мѣста? Если опредѣлить ихъ въ дробяхъ, т. е. сказать — нельзя перепечатать треть или половину, то и такая кажущаяся точность въ сущности не ведетъ ни къ чему. Ловкій человѣкъ сумѣетъ эту треть разбить такимъ образомъ по частямъ, что никакимъ циркулемъ не узнаешь, точно ли это вѣрная треть; ну, а если нѣсколько меньше? Значить можно? Нельзя только ровно треть или ровно половину? Но кто же не видитъ, что такое понятіе о дробяхъ, какъ точныхъ математическихъ величинахъ, совсѣмъ непримѣнимо къ книгамъ.

Не дозволяя перепечатки, законъ дозволяетъ извлеченія. Извлеченіе или болѣе короткое и доступное изложеніе ученаго сочиненія, чѣмъ это сдѣлано самимъ авторомъ, развѣ не будетъ въ сущности посягательствомъ на авторскую собственность? Развѣ оно не будетъ конкурировать съ первымъ изданіемъ? Не только будетъ, но и можетъ быть лучше первоначальнаго изложенія предмета, пожалуй и рисунки въ немъ будутъ тѣ же самыя, развѣ нѣсколько измѣненныя, и несмотря на то законъ, зная, что отъ этого терпитъ первое изданіе, все

таки не запретить извлеченія, потому что ему пришлось бы идти противъ того принципа, который послужилъ ему основаніемъ для защиты авторскаго и издательскаго права. Пожалуй, можно возставать противъ такихъ изданій, называть ихъ безсовѣстными спекуляціями, и все-таки нѣтъ основанія остановить ихъ или начать процессъ о нарушеніи литературной собственности, — а въ этой спекуляціи есть «личное духовное творчество».

Въ одномъ только случаѣ законодательства западной Европы не признаютъ авторскаго и издательскаго права—въ разныхъ правительственныхъ постановленіяхъ и въ законахъ. Эти вещи, по мнѣнію правительствъ, не принадлежатъ къ сферѣ литературныхъ произведеній. Но отчего же нѣтъ? Развѣ литературныя и ученые произведенія должны пользоваться меньшею гласностью? Или они приносятъ меньшую пользу? Могутъ быть изъ нихъ и такія, польза и значеніе которыхъ выше и больше значенія и пользы любого закона. Но авторское и издательское право не мѣрится важною и пользою сочиненій; законъ защищаетъ это право въ соображеніяхъ чисто меркантильныхъ, коммерческихъ. А если такъ, то зачѣмъ же не охранять и издательскаго права того лица, которое стало перепечатывать законы? Вѣдь и оно рискуетъ своимъ капиталомъ? На это отвѣчаютъ тѣмъ, что законы и постановленія должны имѣть возможно большую гласность. А развѣ дѣйствительно замѣчательныя и полезныя литературныя произведенія не должны пользоваться ей? Какъ же согласить такое противорѣчіе? Противорѣчіе это и не согласено законодательствами западной Европы. Только великое герцогство Гессенъ оказалось послѣдовательнымъ, запретивъ перепечатку законовъ, инструкцій и вообще всѣхъ постановленій правительства. Запрещеніе это сдѣлано не изъ политическихъ, а чисто въ коммерческихъ цѣляхъ, потому что не дозволяется голая перепечатка изданій правительства; всякое же изданіе съ замѣчаніями и комментаріями дозволено.

Постановленія, существующія для охраненія литературной и ученой собственности, не охраняютъ, и бессильны охранить ее. Если законъ хочетъ имѣть дѣло только съ мыслью и установить понятіе, что каждый человекъ есть хозяинъ своихъ собственныхъ мыслей, то это вѣрно потому, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, ее нельзя прослѣдить въ ея послѣдовательномъ ходѣ; нельзя сказать, кто именно и насколько способствовалъ ея развитію, потому что всѣ работаютъ вмѣстѣ. Мысль есть вещество недѣлимое, ее нельзя ни втиснуть въ рамки, ни запереть, ни остановить на подорогѣ, ни удержать заставами и границами. Но вѣдь законодательства и имѣютъ дѣло не съ мыслью, а съ литературными и художественными произведеніями; они хотятъ, чтобы не было подрывовъ издателямъ и авторамъ, что-

бы таланты были поощряемы, и чтобы люди, живущіе своимъ талантомъ, не терпѣли нужды отъ спекуляціи и конкуренціи. Всѣ эти нагѣренія очень похвальны; но, къ сожалѣнію, они не достигаютъ своей цѣли.

Возможность обойти законъ и конкурировать съ издателемъ, или авторомъ, не навлекая на себя преслѣдованія, всегда была и будетъ. Законъ можетъ преслѣдовать только то, что наименѣе нуждается въ преслѣдованіи. Напримѣръ, если кто нибудь назовется Гоголемъ или Пушкинымъ, когда онъ ни то, ни другое. Но будто бы стоитъ преслѣдовать такое самозванство? Да и возможно ли оно? Кого имъ обвинишь, какого издателя? Въ остальныхъ случаяхъ законъ обойти всегда можно, потому что онъ регламентируетъ то, что не подлежитъ никакой регламентаціи. Но этого мало. Существующая система защиты вноситъ развратъ въ литературные нравы. Установивъ все литературное дѣло на коммерческомъ основаніи, литературная промышленность преслѣдуетъ только однѣ денежные выгоды, гонится за большими барышами. Торгаши-издатели покупаютъ и продаютъ только тотъ товаръ, на который существуетъ большой запросъ. А отъ этого за скандальное сочиненіе въ родѣ «Улики высклѣхъ мужинъ и женщинъ»—они заплатятъ дороже, чѣмъ за сочиненіе дѣйствительно полезное, какого нибудь ученаго содержанія, если на него не можетъ быть большого запроса. При такомъ порядкѣ вещей, дѣйствительный ученый трудъ, по предмету, положимъ, химіи, физики, математики, даже исторіи, не найдетъ себѣ издателя, если нельзя рассчитывать на немедленный, сильный сбытъ. И такія вещи не издаются промышленниками-издателями, для которыхъ тотъ товаръ и выше, который выгоднѣе. По этой логикѣ всѣ мысли Ньютона, открытія и изысканія Лавуазье, и вообще всѣ ученые труды современныхъ людей, работавшихъ науку, какъ недоступныя и неинтересныя для большинства, не значатъ ничего предъ романомъ какого нибудь Поль-де-Кока, если романъ этотъ даетъ больше выгодъ. А что романы и рассказы заманчиваго содержанія подъ заманчивымъ заглавіемъ имѣютъ большой кругъ читателей, чѣмъ сочиненія другаго, болѣе полезнаго содержанія, но жещѣ веселія,—это фактъ неоспоримый. Значитъ, вся коммерческая ловкость книгопродавцевъ-издателей заключается въ томъ, чтобы, угадавъ вкусъ и наклонности грамотнаго большинства, предлагать ему для чтенія только то, что можетъ льстить его чувствамъ. Что же не отличается этими качествами, издавать того нѣтъ расчета. Кому же, значитъ, покровительствуетъ система покровительства издателей? Дѣйствительному, умственному и нравственному прогрессу, дѣйствительной литературѣ и развитію науки? Нѣтъ. Она по-

кровительство изданію только пустыхъ и безнравственныхъ книжонокъ; а людей мысли и науки оставляетъ умирать съ голоду. Книгопродавческая издательская дѣятельность никогда не играла, и по существу своему не могла играть той полезной роли; какую предполагали въ ей правительства, когда вздумали защитить ее правомъ монополіи. И чего хотѣли достигнуть этимъ? Обеспечить вѣрный барышъ капиталисту, употребившему свои деньги не на хорошее дѣло? Да стоитъ ли защищать такое дѣло? Гдѣ тѣ случаи изъ книгопродавческой дѣятельности, когда бы они действительно помогли серьезному дѣлу науки? Взятся ли бы ктонибудь изъ нашихъ издателей напечатать какоенибудь серьезное и вполнѣ замѣчательное въ научномъ смыслѣ сочиненіе по математикѣ или по химіи, если невозможно рассчитывать на его популярность? Нѣтъ. Вотъ почему и существовали, и существуютъ меценаты, дававшіе кусокъ насущнаго хлѣба тѣмъ ученымъ, которые своими полезными, но непопулярными сочиненіями не могли добыть себѣ средства для существованія. Вотъ почему нынче подобныя сочиненія издаются учеными обществами, и для чего главнѣйше и существуютъ они. Изданія ученыхъ обществъ — прямой протестъ противъ издателей-спекуляторовъ. Это доказательство, что отъ издателей вовсе нѣтъ и нельзя ожидать той пользы, которую они сами приписываютъ себѣ. И если бы литературная спекуляція давала обезпеченіе тѣмъ людямъ, которые входятъ въ сношеніе съ издателями, — но и этого нѣтъ. Рассчитывая на большій барышъ, издатели платятъ скупю, они только плодятъ литературный пролетаріатъ и заманиваютъ на жалкую литературную работу тѣхъ, кто безъ приманки денежной корысти, безъ прѣмій обогаченія отдѣльныхъ лицъ, посвятившихъ себя литературѣ, занялся бы другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ и, можетъ быть, болѣе хлѣбнымъ. Все зло въ этомъ случаѣ именно въ томъ, что литература сдѣлалась торговлей, что за нее смотрятъ, какъ за средство существованія; и изъ чисто денежныхъ соображеній люди стали готовы писать все, только бы имъ платили деньги. И если бы расчеты на обезпеченіе литературой были вѣрны; но этого нѣтъ въ дѣйствительности. Многіе ли могутъ существовать исключительно литературнымъ трудомъ? — два, три, въ крайнемъ случаѣ четыре постоянныхъ сотрудника при каждомъ журналѣ. Много ли всѣхъ журналовъ, которые могли бы обезпечить существованіе и своихъ постоянныхъ сотрудниковъ въ такой степени, чтобы имъ не приходилось заниматься другимъ дѣломъ? Журналовъ десять, не болѣе. Допустивъ даже, что двадцать, и считая по четыре постоянныхъ сотрудника на каждый, окажется максимумъ въ восемьдесятъ человекъ. Да и

обмеченіе этихъ сотрудниковъ тоже не особенно блистательно, несмотря на то, что каждый изъ нихъ пишетъ изъ всѣхъ силъ, и больше того, что онъ пишетъ, — писать уже не въ состояніи. А сколько пишется вздоръ только потому, что и за вздоръ платятъ деньги, и что невозможно всю книжку, или номеръ газеты наполнить исключительно умными вещами и талантливыми литературными произведеніями!

Но что же вынуждаетъ на литературную дѣятельность, — неужели исключительно денежные соображенія? Что заставляетъ юношу писать стихи, повѣсти, статьи публицистскаго содержанія? Не денегъ онъ хочетъ; денежные соображенія являются уже послѣ; они признакъ извѣстной литературной зрѣлости писателя и вмѣстѣ съ тѣмъ его нравственной порчи. Юноша пишетъ, но чего — онъ и самъ не знаетъ; —ему кажется, что онъ хочетъ славы, извѣстности; да, хочетъ онъ и этого; а говоря проще, ему нужна общественная дѣятельность. Вотъ почему всякій человѣкъ, чувствующій въ себѣ нѣкоторую силу, способность, а главное ищущій общественной дѣятельности, при извѣстномъ литературномъ талантѣ дѣлается писателемъ. Онъ дѣлается имъ потому, что только этимъ путемъ, при существующихъ вообще въ Европѣ учрежденіяхъ, и можетъ выразиться общественная дѣятельность. Тамъ, гдѣ эта дѣятельность можетъ выразиться непосредственно, прямымъ, личнымъ участіемъ каждаго въ общественныхъ дѣлахъ — людямъ незачѣмъ писать статей и статейекъ. Они заявляютъ свои мысли другимъ путемъ или съ трибуны, или непосредственными распоряженіями и дѣйствіями. Вотъ почему ни Наполеонъ, ни лордъ Пальмерстонъ, ни даже прусскій король не участвуютъ ни въ какой газетѣ и не пишутъ никакихъ передовыхъ статей для журналовъ. А тотъ же Пальмерстонъ, поставленный въ другія условія, легко могъ сдѣлаться литераторомъ и публицистомъ. Журналистика есть средство для публичнаго заявленія мыслей и мнѣній, которыя не могутъ быть заявлены другимъ путемъ. Еслибы человѣкъ могъ всѣ свои мысли, касающіяся общественныхъ дѣлъ, заявлять въ общественную, или въ народныхъ собраніяхъ, ему бы незачѣмъ дѣлать изъ нихъ журнальныхъ статей. Вмѣсто того, чтобы писать, онъ бы говорилъ; а если мысли эти должны быть извѣстны всѣмъ, неприимавшимъ участія въ собраніи, ихъ бы записалъ стенографъ. Иначе слава, трудъ общественнаго дѣятеля раздвоился: нынче онъ и думаетъ, и записываетъ самъ свои мысли; а тогда стенографъ избавилъ бы его отъ механическаго труда, и публицистъ только бы говорилъ, а писали бы за него другіе.

Вступивъ на поприще общественной дѣятельности и находя въ ней средства для своего существованія, человѣкъ, разумѣется, знаетъ

бы, чего отъ него требуютъ люди и при исполненіи имъ какихъ именно условій люди будутъ считать его полезнымъ. Не для пустословія выбрали его люди; не для того, чтобы онъ говорилъ много о томъ, о чемъ и говорить не стоитъ; а чтобы онъ говорилъ дѣло и дѣлалъ дѣло. Не по размѣру рѣчей будетъ даваться ему и жалованье; длинныхъ и скучныхъ рѣчей и слушать не станутъ; значитъ, основнымъ побужденіемъ оратора будетъ сказать, какъ можно короче, какъ можно умнѣе и какъ можно убѣдительно. То есть, въ своихъ рѣчахъ онъ будетъ стремиться именно къ достиженію тѣхъ цѣлей, совокупность которыхъ даетъ такую цѣну литературнымъ произведеніямъ, считается творчествомъ, талантомъ, и чѣмъ, къ несчастью, заставляютъ пренебрегать тѣ жалкія условія экономическаго положенія, въ которомъ живутъ литераторы, выдающіе въ литературѣ кусокъ насущнаго хлѣба и получающіе плату по аршинамъ исписанной ими бумаги.

Меркантильный характеръ литературнаго дѣла не обнаруживаетъ вреднаго вліянія только на таланты гениальныхъ и сильно-даровитыхъ людей. Но много ли такихъ писателей? Затѣмъ всѣ остальные, пишущіе изъ-за денегъ, истощаютъ только свои послѣднія силы, распуская ихъ въ многословіи и изобиліи писанія. Въмѣсто двухъ дѣйствительно хорошихъ вещей, человѣкъ, сдѣлавшій изъ литературы промыселъ, напишетъ двадцать плохихъ. Число книгъ увеличивается страшно, а качество литературныхъ произведеній въ той же степени падаетъ. Даже самый языкъ портится отъ этого и пропадаетъ его сила, короткость, мѣткость, и является какой-то заразой общая манера идти въ фразу, въ длинноту рѣчи и хлопотать не столько о содержаніи, сколько о формѣ. Нынче всѣ и всадѣ пишутъ длинно, потому что это выгодно, чѣмъ писать коротко. Нынче не только для журналовъ, но и ученые сочиненія пишутъ съ плеча, потому что чѣмъ больше человѣкъ напишетъ, тѣмъ больше онъ достанетъ денегъ. Вотъ почему написано много, а читать почти нечего.

Выходъ изъ этого литературнаго разврата одинъ:—нужно, чтобы литература не служила кускомъ насущнаго хлѣба. Пусть человѣкъ добывается его другимъ путемъ.

И въ теоріи и въ практикѣ вопросъ этотъ вовсе не такъ труденъ для разрѣшенія. Разумѣется, наша рѣчь не о полномъ провѣтѣ образованія; мы только намѣтимъ, въ какомъ направленіи можно бы идти, чтобы выдти изъ того жалкаго положенія, въ которое поставлена литература понятіемъ о литературной собственности и денежнымъ характеромъ всего дѣла.

Въ томъ, что называется литературой, слѣдуетъ различать три

рода произведений: публицистика, изящныя произведения, то есть беллетристика и поэзія, и науки или ученныя сочиненія. Все это может существовать отлично помимо тенерешныхъ меркантильныхъ расчетовъ. Кто изъ литераторовъ не знаетъ, что имѣть ничего мучительнѣе и труднѣе, какъ писать исключительно для того, чтобы имѣть средства для жизни. Какого бы рода вещь ни приходилось писать, нужно для этого извѣстное расположеніе духа. Ни одинъ изъ извѣстныхъ беллетристовъ не пишетъ сплошь, заурядъ, каждый день. Всѣ они работаютъ съ промежутками. Даже въ работѣ публицистовъ есть отдыхъ. И у нихъ дѣлается одна, двѣ блестящія статьи, за тѣмъ рядъ статей самыхъ обыкновенныхъ, казенныхъ — это отдыхъ, и чрезъ извѣстный промежутокъ новая блестящая статья. Такихъ писателей, у которыхъ каждый мѣсяць является что нибудь дѣйствительно замѣчательное, называютъ гениями; а генимъ рѣдки. Но и для гениа нуженъ отдыхъ. Люди со средствами, въ тѣ промежутки времени, когда чувствуютъ, что сказать имъ нечего, не пишутъ ничего и пабираются новыхъ впечатлѣній; люди же, для которыхъ литературный трудъ есть кусокъ хлѣба, или которые находятся на литературной службѣ, пишутъ и въ эти промежутки времени. Писатели, находящіеся въ такомъ положеніи, знаютъ очень хорошо, въ какой степени трудъ этого рода неприятенъ и какъ тяжелъ самый механизмъ писанья. Литературный трудъ этого рода такъ же тяжелъ, такъ же разстроиваетъ здоровье и сокращаетъ жизнь, какъ разстроиваетъ фабричнаго рабочаго его фабричная работа. Но неужели жизнь людей должна быть устроена такъ, чтобы трудъ служилъ мученіемъ, чтобы онъ убивалъ въ человѣкѣ силы, доводилъ его до чахотки и сводилъ въ могилу ранѣе, доставивъ человѣку мало минутъ наслажденія, или даже и совсѣмъ ихъ не доставивъ? Если же это существуетъ въ жизни такъ, то существуетъ совсѣмъ не потому, чтобы умственная дѣятельность человѣка не могла проявиться иначе, а потому что самый трудъ организовался такимъ страннымъ и безотраднымъ способомъ. Что же нужно для этого? Нужно, чтобы не существовало людей, посвятившихъ себя исключительно литературному труду и незнающихъ другаго занятія, кромѣ вѣчнаго писанья статей и повѣстей. При небольшихъ измѣненіяхъ общественныхъ условій, умственная дѣятельность могла бы получить совсѣмъ другую организацію и вотъ какимъ образомъ.

Чѣмъ заняты публицисты? Онѣ разработываютъ текущіе общественные вопросы, и разработываютъ ихъ въ печати, потому что не существуетъ другаго способа заявленія своихъ мыслей, для разрѣшенія разныхъ споровъ и недоразумѣній. Существующій способъ, разу-

мѣется, и неудобенъ, и медленъ, и недѣйствителенъ. Общественное мнѣніе вырабатывается при этомъ тоже медленно; во многихъ случаяхъ оно смотритъ безучастно на спорные литературные вопросы и нерѣдко въ журналистикѣ являются толки и споры, если не вполне чуждые жизни, то по крайней мѣрѣ второстепенной или даже третьестепенной важности; вотъ почему, по отношенію къ жизни, на литературу во многихъ случаяхъ смотрятъ, какъ на теорію и умозрѣніе. Упрекъ этотъ, если и не вполне, но все-таки справедливъ. Какъ же связать публицистику съ жизнью? Нужно, чтобы литературные дѣтели находились въ средѣ жизни и сами жили тѣми интересами, о которыхъ они говорятъ.

Если мы представимъ себѣ общественную жизнь, развитую вполне изъ началъ самоуправленія, то, разумѣется, и связать литературу съ жизнью будетъ очень легко. Люди съ стремленіями и съ способностями къ общественной дѣятельности, то есть, какъ разъ тѣ, которые кидаются нынче въ публицистику, пойдутъ въ общественную службу. Каждый такой человекъ найдетъ себѣ мѣсто въ какомъ нибудь центрѣ самоуправленія; въ большемъ или меньшемъ, смотря по своимъ способностямъ и по важности разрѣшаемыхъ вопросовъ. На этомъ поприщѣ, и живя интересами своего мѣста и общими интересами страны, избранный человекъ вмѣсто того, чтобы сдѣлаться публицистомъ, какъ это нынче, будетъ ораторомъ. Положеніе политическое научить его быть и краснорѣчивымъ, и убѣдительнымъ, научить развить свой талантъ, и дать силу и послѣдовательность мыслямъ, которая, при нынѣшнихъ условіяхъ литературнаго развитія писателей, замѣчается очень у немногихъ. Высказывая убѣжденія, касающіяся общественныхъ вопросовъ устно, оратору писать ихъ незачѣмъ, а продавать некому. Рѣчь будетъ записана стенографомъ, и если она имѣетъ важный общественный интересъ, то и будетъ напечатана въ мѣстной газетѣ, издаваемой, разумѣется, на общественный счетъ.

Такимъ образомъ человекъ съ способностями и склонностью къ общественной дѣятельности, тотъ, кто дѣлается нынче литераторомъ-публицистомъ, — превратится въ оратора; онъ вступитъ на свою истинную дорогу и перестанетъ быть литературнымъ рабочимъ. Не литература будетъ давать ему средства для существованія, и, разумѣется, онъ станетъ говорить лучше, чѣмъ онъ пишетъ теперь.

Такое измѣненіе въ положеніи публициста измѣнитъ и характеръ журналистики. Нынѣшняя журналистика, установившись разъ въ извѣстныхъ формахъ, какъ будто бы хочетъ поглотить въ себѣ всю ли-

тературу, всю нашу умственную дѣятельность. Чего нѣтъ въ нашихъ журналахъ!—и науки, и искусства, и политика, и новости—рѣшительно все! И обо всемъ говорится очень легко; во всемъ видна спѣшная, какъ бы недоконченная работа. А между тѣмъ сочиненіе, печатаніе и чтеніе отдѣльныхъ сочиненій развито слабо. Мы учимся всему изъ журнальныхъ статей; а на чтеніе дѣльныхъ и серьезныхъ книгъ обращаемъ самое слабое вниманіе, да и не любимъ заниматься такимъ чтеніемъ. Отъ этого знаніе большинства лишено послѣдовательности и отличается какой-то урывочностію и отсутствіемъ связи. Въ этомъ много виновата наша журналистика, и сама отличающаяся такимъ же характеромъ. Съ развитіемъ общественной жизни на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ, журналистика будетъ отмѣчать исключительно только явленія общественной и частной жизни, представляющія общественный интересъ, и вопросы политическаго характера. Беллетристика и наука отъ нея отпадутъ; литературныя произведенія этого рода будутъ появляться уже въ видѣ отдѣльныхъ книгъ.

Теперь, когда каждый журналъ ищетъ и проситъ вездѣ повѣстей и романовъ, когда за эту изящную литературу платится гораздо дороже, чѣмъ за серьезныя сочиненія, — быть беллетристомъ, даже и при маленькомъ талантѣ, очень выгодно; а сколько есть и совершенно безталантныхъ людей, которые, не менѣе того, все-таки пишутъ, и находятъ журналы, въ которыхъ печатаютъ ихъ произведенія? Стоитъ только журналистикѣ заняться исключительно текущими вопросами общественнаго значенія, оставивъ повѣсти и романы являться въ видѣ отдѣльныхъ сочиненій, чтобы все безталанное перестало появляться въ публику. При томъ порядкѣ жизни, при которомъ писатели перестанутъ смотрѣть на литературу, какъ на кормилицу, все неувѣренное въ своихъ силахъ, поищетъ себѣ занятій прочныхъ, нелитературныхъ, и только тотъ станетъ писать, въ комъ есть дѣйствительный талантъ и вдохновеніе; а такихъ не много. Все же прочее безталанное, но вынѣ пишущее, тогда замолчитъ, и грамотные люди, разумѣется, выиграютъ, потому что плохія издѣлія исчезнутъ и будетъ появляться только дѣйствительно хорошее.

Что же касается до ученыхъ сочиненій, то это дѣло школъ, ученыхъ обществъ, академій и университетовъ. Кто оказался способнымъ къ дѣлу воспитанія, или въ разработкѣ науки, тотъ найдетъ себѣ мѣсто между учеными, посвятившими себя общественной службѣ. Академіи и ученые общества, находясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, разумѣется, станутъ заниматься своимъ дѣломъ и не получать даромъ общественныхъ денегъ. За всѣ же сочиненія, напе-

чатанныя на общественный счет, можетъ быть дана и общественная награда.

Этимъ средствомъ трудъ и талантъ не пропадутъ даромъ, они найдутъ себѣ вознагражденіе; а отстанетъ только литературное торгашество и люди безталанные, которые обратившись къ другимъ постояннымъ занятіямъ, окажутся тамъ вѣроятно болѣе даровитыми людьми.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

Авторъ этихъ записокъ, насколько могу судить, принадлежалъ къ разряду неудавшихся ученыхъ, которыхъ у насъ на Руси довольно. Покойника считали чудакомъ, довольно ученымъ, но вовсе непрактичнымъ человѣкомъ. Онъ былъ большой ипохондрикъ, любилъ уединеніе.

П. П.

Декабрь. 1861 года.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Такъ-называемыя записки (мемуары) ведутся съ разными цѣлями. Одни пишутъ ихъ для себя по потребности высказаться, часто изо дня въ день. Другіе составляютъ мемуары, имѣя въ виду своихъ родныхъ, свое семейное потомство. Многіе назначаютъ свои записки для печати, большею частію послѣ смерти. Всѣ виды записокъ по своему содержанію могутъ быть раздѣлены на два разряда. Въ однихъ болѣе или менѣе вѣрно изображается личность автора: она на первомъ планѣ, а все остальное, общество, природа — только обстановка. Въ другихъ мемуарахъ, напротивъ, обрисовывается общество, а самъ писатель въ тѣни, иногда совсѣмъ за кулисами. Мои записки веду я не

для своего семейства, не для печати, а такъ, по какому-то безотчетному влеченію. Моя личность, мое я въ нихъ ровно ничего не значатъ: я въ нихъ нѣчто въ родѣ неизбѣжной нити, необходимаго средоточія, около котораго держится содержаніе. Подробнаго изложенія всякаго рода происшествій и анекдотовъ въ моихъ запискахъ не ищите. Мемуары, которые веду, — отрывочная рапсодическая исторія не событій, не факта, а исторія мысли о человеческой жизни, общественной и личной, въ ея прошлой и настоящей дѣйствительности, равно какъ въ ея возможности или, какъ говорятъ ученые, въ ея принципѣ. Мои записки, говорю я, отрывочная исторія мысли о человѣкѣ въ общественномъ и нравственномъ, но отнюдь не философія въ смыслѣ метафизики. Метафизику, наравнѣ съ мифологіей, я считаю бредомъ на-яву, заблужденіемъ ума лѣниваго, празднаго, не вскормленнаго здоровой пищей трудового знанія. Метафизику и ея умозрительность, наравнѣ съ мифологіей и ея односторонне-художественнымъ приѣмомъ творчества, я отвергаю. Для меня имѣетъ цѣну одно положительное знаніе, основанное на опытномъ изученіи. Прошу также замѣтить, что груды фактовъ безъ мысли для вашего покорнаго слуги не представляютъ умственнаго капитала, какъ возъ на удачу собранныхъ растений не составляетъ гербарія, тѣмъ менѣе ботаники. Важно въ живой наукѣ не количество данныхъ, а выводы, вытекающіе изъ этихъ данныхъ. Вся сила въ томъ, чтобъ твердо знать существенныя данныя и, на основаніи главныхъ фактовъ, умѣть сдѣлать правильные выводы и неотразимо-вѣрныя заключенія. Взглядъ мой особенный, можетъ быть нѣсколько странный. Ручаюсь за одно: въ немъ нѣтъ педантизма и ученаго тщеславія. Хвастать цитатами, обширною начитанностію я не намѣренъ.... Чего добраго! передъ смертію, пожалуй, не успѣю сжечь моего маранья, и его вздумаетъ кто нибудь прочесть.—Благосклонныя читательницы и читатели! Такъ какъ я могу имѣть несчастіе попасть въ ваши руки, то прошу не гнѣваться. Знайте, что я писалъ не для васъ, не для критики, а для собственнаго удовольствія. Я отмѣчалъ не все, что происходило въ обществѣ и что со мною совершалось, на проказъ любопытныхъ. Я записывалъ для себя на память *замышляемый*, по моему мнѣнію, *ходъ мыслей о человѣкѣ*, происходившій въ обихъ переднихъ полушаріяхъ моего мозга и въ чужихъ головахъ, не называя по именамъ лицъ, которымъ эти головы принадлежали. Мои замѣтки, само собою разумѣется, вышли отрывочны, неподаны, монотонны, исполнены неточностей, предположеній и софизмовъ. И все это по самой простой причинѣ: истину такъ же трудно уловить, какъ насыпать соли воробью на дысь. Мало ли народожъ и умниковъ хлопотало о дознаніи правды, а развѣ правда димъ далась? Далась ли истина нашему поколѣнію, — также положительно не знаю.

Иные ученые чудаки полагаютъ, что узнали ее. Проникнутые этимъ пріятнымъ убѣжденіемъ, они уподобляются сумасшедшему. Я не исключаю себя изъ ихъ числа, потому что имѣю слабость принимать за непереложную правду то, что, можетъ стать, впоследствии окажется совершеннойшей нелѣпостію. Несокрушимая увѣренность въ дѣйствительности того, что, пожалуй, не болѣе не менѣе какъ умственный оптический призракъ, миражъ, даетъ мнѣ силу вести записки. Еслибъ мои внѣшнія чувства и мой внутренній мозговой органъ не достаточно меня обманывали и я бы какъ нибудь смекнулъ, что мнимая истина одно восхитительное обольщеніе, — этихъ замѣтокъ, конечно, вовсе не существовало бы. Долго собирался я ихъ написать, и все откладывалъ, мучимый духомъ сомнѣнія. По всей вѣроятности, я не рѣшился бы никогда передать бумагѣ всего того, что выработала моя мысль среди житейскаго тревоженія и кратковременныхъ случайныхъ научныхъ занятій, еслибъ не пришло мнѣ въ голову вести записокъ о всемъ замѣчательномъ, что приходилось подъ-часъ мнѣ слышать объ обществѣ и о человѣкѣ, что случалось мнѣ прочесть или самому обдумать. Не правда ли, форма мемуаровъ очень удобна? Записываешь себѣ ходъ своего и чужаго мышленія, иногда короче, иногда пространнѣе, не выдавая ни того ни другаго за что-то вѣрное и законченное. Такъ молъ я сознавалъ истину, такъ молъ постигали ее другіе, — въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Къ непритязательной лѣтописи мысли нельзя не быть снисходительнымъ. Какъ и разочаруешься впоследствии въ томъ, что считалъ прежде правдой, — бѣда велика! И человѣческое заблужденіе поучительно.... Собственныя же и чужія бредни отраднo перебирать, убѣждался при этомъ въ несостоятельности современнаго знанія, въ полной увѣренности, что марашь бумагу для собственнаго удовольствія, а не на потѣху ближнихъ, всегда склонныхъ откапывать въ собратѣ слабости и недостатки.... Очень бы мнѣ не хотѣлось быть предметомъ язвительнаго анализа възыскательныхъ читательницъ и читателей. Авось, мои мемуары успѣю во время уничтожить. Если же какъ нибудь печально удѣлятся, то прошу тѣхъ, которые вздумаютъ ихъ, на бѣду себѣ, читать, — помнить пословицу: «всѣ покойники хороши», равносильную римскому изреченію: «De mortuis aut bene, aut nihil!» Полагаю, что это почтенное изреченіе было извѣстно каждому въ нѣжный возрастъ дѣтства, когда онъ былъ еще школьникомъ.

3 августа 1861 г.

Оставивъ въ 1860 году службу, я промѣнялъ провинцію на Петербургъ. Теперь живу въ столицѣ или, какъ говорится въ нѣкоторыхъ повѣстьяхъ, въ сѣверной Пальмирѣ.... Сегодня 3-е августа....

Послѣ утреннихъ занятій я имѣю обыкновеніе въ хорошую погоду прогуливаться передъ обѣдомъ.

Мнѣ вздумалось отправиться въ Лѣтній садъ. Лѣтній садъ отлично извѣстенъ столичнымъ жителямъ, особенно нянькамъ. Находившись вдоволь, я усѣлся на скамейкѣ, передъ памятникомъ Крылова. Вокругъ монумента рѣзвились дѣти; на скамьяхъ сидѣли гувернантки и няньки. Гувернантки читали книги, няньки вязали чулки, разговаривая между собою. Я съ особеннымъ удовольствіемъ глядѣлъ на игру мальчиковъ и дѣвочекъ, и не замѣтилъ какъ ко мнѣ подошелъ знакомый, служившій учителемъ въ одномъ учебномъ заведеніи. Мы были съ нимъ товарищами по воспитанію.

— Что ты такъ задумался? молвилъ онъ, ударивъ меня по плечу.

— Ты меня испугалъ! сказалъ я, смѣясь. — Откуда это?

— Изъ училища, отвѣчалъ онъ. Только что кончились классы.

— Полагаю, что преподаваніе русской литературы тебѣ порядочно надоѣло. Небось, чай радъ радехонекъ, что отдѣлался?

— Нисколько. Я люблю свое занятіе.

— Тѣмъ лучше для тебя! сказалъ я.

Учитель сѣлъ на скамейку подлѣ меня. Мы разговорились. По-толковавъ о томъ, о семъ, о своихъ дѣлахъ, о всякихъ житейскихъ дрязгахъ, о новостяхъ дня и проч., мы принялись перебирать дѣла давно минувшихъ дней... и незамѣтно перешли къ тѣмъ счастливымъ временамъ, когда учились вмѣстѣ въ гимназій.

— Намъ очень дурно учили и вовсе не воспитывали, замѣтилъ я.

— Ты правъ! Ученье наше было истиннымъ мученьемъ. Многому дѣльному и полезному, напр. естественнымъ наукамъ, насъ не обучали вовсе въ нашихъ латинскихъ школахъ. Учили, правда, физикѣ, но и то вовсе неудовлетворительно. Математику преподавали плохо. За то тиранили латынью и греческимъ языкомъ, какъ будто бы готовя насъ въ записные филологи. Я удивляюсь, какъ еще не посвятили насъ въ таинства санскритскаго нарѣчія...

— Но вѣдь и за границей, перебилъ я, напр. въ Германіи, въ Англіи, во всѣхъ гимназіяхъ и разныхъ другихъ училищахъ процвѣтаетъ преподаваніе древнихъ классическихъ языковъ. Они, — полагаютъ многіе настытые педагоги, — развиваютъ.

— Всякое занятіе развиваетъ! За границей не все хорошо. Не забудь, что въ Германіи и другихъ странахъ, рядомъ съ латинскими, такъ-называемыми гуманными школами, существуютъ и реальныя. Пускай себѣ въ латинскія школы идутъ достаточные люди; а для большинства, для бѣдняковъ нуженъ кусокъ хлѣба, потребно реальное обученіе. Для бѣдняковъ необходимы: естествознаніе, физика,

химія, технологія, механика, архитектура и т. п. Богатый можетъ, пожалуй, учиться и китайскому языку, а бѣдняку приходится по одежке протягивать ножки.

— По твоему выходитъ, что литература, исторія, даже географія также бесполезныя науки, замѣтилъ я моему другу.

— Я этого не говорю: литература, исторія, географія необходимы для всякаго образованнаго человѣка; эти предметы дѣйствительно развиваютъ умъ и дѣлаютъ человѣка лучше.

— А развѣ древніе языки не развиваютъ, не усовершенствуютъ человѣка?

— Я ужъ тебѣ говорилъ, что всякое умственное занятіе развиваетъ: и санскритскій языкъ можетъ содѣйствовать развитію, возражь мой товарищъ дѣтства, не на шутку горячась.

— Какъ же можно сравнивать санскритскую литературу съ греческой и римской? Маститые педагоги твердятъ намъ, что въ твореніяхъ Гомера, Оукидида, Виргилія и Саллюстія юноши могутъ почерпать примѣры добродѣтели и гражданской доблести!...

— А я такъ думаю, вопреки маститымъ педагогамъ, что отъ рабовладѣльческихъ грековъ и римлянъ, считавшихъ другіе народы варварами, не стоящими названія человѣка, нашимъ дѣтямъ нечему учиться. Намъ не къ лицу подражать героямъ допотопнаго историческаго періода.

— Ты очень рѣзокъ въ своихъ сужденіяхъ, мой милый.

— Таковъ мой образъ мыслей по этому предмету. Ежели онъ тебѣ не нравится, оставайся при своихъ греко-римскихъ понятіяхъ.

— Не сердись, другъ мой.... И такъ, говоришь ты, насъ очень дурно обучали въ гимназіи.

— Прескверно! Для чего, скажи, не учили насъ, какъ слѣдуетъ, новѣйшимъ языкамъ? Къ чему насъ мучили риторикой и пѣнкой? Развѣ можно сдѣлать когонибудь ораторомъ или поэтомъ? Какой напр. ты поэтъ?

Я засмѣлся.

— Не хочешь ли пройтись по саду? спросилъ я моего друга.

— Охотно!

Мы встали и вышли молча въ большую аллею сада.

— А какъ насъ воспитывали въ гимназіи? продолжалъ учитель.

— Слажи лучше, что насъ вовсе не воспитывали.

— Насилу-то догадался! Во все продолженіе гимназическаго курса мы всѣ вообще, и пансіонеры въ особенности, изощрялись въ искусствѣ обманывать начальство, издѣваться надъ учителями и лѣннись-

ся. Намъ за то сѣкли немилосердо и унижали такимъ образомъ наше достоинство. Мы теряли уваженіе къ себѣ и другимъ, а черезъ то невольно становились безнравственными. Приучившись обманывать начальниковъ, мы обманывали и другъ-друга, знакомыхъ, родственниковъ, родителей. Позволяя себѣ издѣваться надъ учителями, мы потомъ стали обращать все на свѣтѣ въ шутовство, безъ малѣйшаго разбора. Сроднившись съ лѣнностію, многіе изъ насъ оказались впоследствии лежебоками, дармоѣдами, безсовѣстными расточителями и развратниками!... Что жъ касается до закрытыхъ заведеній, и пансіоновъ, то объ нихъ и говорить не стоитъ! все это — колоссальная лѣньность, и только!...

Я вздохнулъ, припоминая мрачную пору моего дѣтства и отрочества.

Храня глубокое молчаніе, повернули мы въ одну изъ боковыхъ аллей.

— А университетъ? а студенческая жизнь наша? сказалъ я наконецъ, желая вывести моего друга изъ угрюмаго настроенія. Учитель повеселѣлъ.

— Университетъ! воскликнулъ онъ.—Сколько прелести въ этомъ звукѣ!...

И я улынулся при этомъ восклицаніи. Оно какъ-то магически подѣйствовало на меня.

— Однакожъ признайся, пріятель, что и въ университетѣ не все было ладно.

— Конечно! Были у насъ бездарные, отстаые профессора.... Мы, говоря вообще, не многому научились, не сдѣлались записными учеными, зато просвѣтлѣли, очнулись нравственно, благодаря нѣкоторымъ даровитымъ и благороднымъ наставникамъ. На тебя и меня имѣлъ сверхъ того благодѣтельное вліяніе кругъ славныхъ товарищей. Помнишь, какъ мы сходились вмѣстѣ и за стаканомъ чая, за трубкой и сигарой толковали о наукѣ, объ университетѣ, профессорахъ, объ обществѣ и дѣлахъ нашихъ. Все это раскрыло намъ глаза на житейскій омутъ, дало намъ твердыя нравственныя правила для жизни, образовало изъ насъ людей чести!...

— Совершенно справедливо! воскликнулъ я, чувствуя, что къ моему сердцу приливаетъ струя восторга. Я симпатично взялъ моего друга подъ руку и продолжалъ идти съ нимъ по аллѣ. Отъ избытка чувствъ мы не могли говорить. Воспоминаніе о студенческой жизни расшевелило насъ не на шутку, несмотря на то, что со времени нашего выпуска прошло лѣтъ съ пятнадцать и мы успѣли порядкомъ загрязниться среди житейскихъ тревоженій.

— Однако ужь 3 часа слишкомъ! молвилъ товарищъ моего дѣтства и юности. — Мнѣ пора домой: старушка-мать ждетъ меня къ обѣду. Прощай!

Мой пріятель посѣщилъ домой. Я вспомнилъ, что и для меня наступилъ обѣденный часъ.

Въ гостинницѣ, гдѣ обыкновенно обѣдаю, я встрѣтился съ однимъ старымъ, хорошимъ знакомымъ, зажиточнымъ малороссійскимъ помѣщикомъ, весьма образованнымъ человѣкомъ. Онъ ѣхалъ за границу и просилъ меня проводить его на слѣдующій день утромъ. Я почелъ долгомъ исполнить желаніе моего пріятеля. Передъ отъѣздомъ, помѣщикъ далъ мнѣ слово отъ времени до времени писать ко мнѣ о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ.

13 августа 1860 г.

Въ пятомъ часу послѣ обѣда я зашелъ въ книжный магазинъ, чтобъ справиться о цѣнахъ нѣкоторыхъ вновь изданныхъ книгъ.

Собравъ нужныя свѣдѣнія, мнѣ вздумалось прочесть послѣдній номеръ «Московскихъ Вѣдомостей», случайно попавшійся мнѣ на глаза.

Я взялъ съ прилавка этотъ номеръ и, чтобъ удобнѣе его прочесть, присѣлъ на диванъ, стоявшій въ сторонѣ.

Въ магазинъ то-и-дѣло являлись покупатели. Большая часть изъ нихъ, получивъ требуемую книгу, немедленно уходила. Нѣкоторые изъ этихъ господъ, любители чтенія по преимуществу, встрѣтившись съ знакомыми, вступали съ ними въ разговоръ. Я, не хотя, могъ слышать явственно все, что говорилось въ магазинѣ.

— Хотѣлъ купить повѣсти Тургенева, говорилъ какой-то господинъ другому, — да на мою бѣду въ магазинѣ нѣтъ болѣе ни одного экземпляра.

— Романы и повѣсти, отвѣчалъ другой господинъ: — жадно читаются всѣми, мужчинами и дамами, учеными и неучеными, образованными и полуобразованными — отъ нечего дѣлать. Они всѣмъ доступны какъ по содержанію, такъ и по формѣ, а потому и расходятся быстро и при томъ въ большомъ количествѣ.

— Ваша правда! не надобно также упускать изъ виду, что у насъ довольно много даровитыхъ дѣятелей по части изящной литературы, поэтовъ, особенно романистовъ и сочинителей повѣстей; беллетристика у насъ процвѣтаетъ. Конечно, ея произведенія не доступны для народа, для массъ, по безграмотности и неразвитости этихъ массъ. Наша беллетристика своего рода художественное лакомство,

назначенное для счастливицевъ міра сего, для такъ-называемыхъ образованныхъ.

— Дѣйствительно, для народа у насъ почти ничего нѣтъ, ни повѣстей, ни учебниковъ. Между тѣмъ наступили многозначительныя времена. Народу приходится учиться, а популярныхъ сочиненій недостаетъ. Вѣдь нельзя же назвать народными книгами всякаго рода компиляціи, плодъ корыстныхъ, чисто спекулятивныхъ стремленій.

— Да и людей-то нѣтъ для составленія народныхъ книгъ.

— И то правда!

— Вы сказали, что повѣсти и романы жадно читаются публикою. Какъ полагаете, какія еще литературныя произведенія, сверхъ того, расходятся?

— Я думаю—учебники для школьниковъ всякаго рода. Приобрѣтеніе ихъ обязательно. Какъ ни плохи учебники, а все-таки покупаются.

— А ученые сочиненія для самоназиданія образованныхъ людей расходятся или нѣтъ?

— Публика читаетъ довольно усердно переводы ученыхъ сочиненій, надѣлавшихъ много шума за границей. Она интересуется ими, точно такъ же, какъ интересуется знаменитыми оперными пѣвицами и танцовщицами. Оригинальныя же ученые произведенія отечественныхъ писателей публика не читаетъ.

— А сочиненія по части русской исторіи?

— Отечественной исторіей образованный классъ интересуется.

— А книги по другимъ отраслямъ знанія?

— Ихъ читаютъ спеціалисты. А ежели объ нихъ хорошо отзываются въ журналахъ и сверхъ того онѣ популярно и изящно написаны, то начнутъ читать и другіе,—разумѣется, мужчины.

— А дамы?

— Барыни читаютъ романы, повѣсти,—вообще произведенія журнальной боллетристики и всякую чепуху.

— Почему бы это?

— Станный вопросъ! Отъ того, что ихъ воспитаніе совершенно превратное. Закрытыя заведенія и гувернантки дѣлаютъ изъ нихъ пустѣйшихъ куколъ, лѣнивыхъ эцикурсекъ, эгоистокъ безъ малѣйшаго сознанія своихъ главнѣйшихъ обязанностей, своего гражданскаго долга, безъ всякаго стремленія къ высшему знанію....

— Вы ненавистникъ женщинъ! Такъ жестоко отзываясь о нихъ....

— Ни чуть не бывало! Я ихъ вижу какъ онѣ есть, конечно, не въ розовомъ цвѣтѣ. Потому я говорю не о женщинахъ вообще, какою бы

она могла быть и такою мы ее отчасти видимъ въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, хотя въ послѣдней, замѣчу мимоходомъ, прекрасный полъ имѣеть привычку держать мужчинъ подъ башмакомъ.

— Вамъ непременно хочется обратить нашихъ барынь и барышень въ синіе чулки.

— Ошибаетесь! Я желалъ бы только, чтобъ наши дамы были нѣсколько посовѣреннѣе.

— Вы къ нимъ черезъ-чуръ строги.

— Можетъ быть!

— Вы сказали, что русскія оригинальныя ученныя сочиненія почти не читаются, особенно дамами. А если они помѣщены въ какомъ нибудь періодическомъ изданіи?

— Тогда, разумѣется, прочтутъ ихъ скорѣе. Вообще наша публика болѣе всего возится съ журналами. У насъ ихъ довольно много, можетъ статья, болѣе чѣмъ слѣдуетъ по запросу на нихъ. Литературная дѣятельность наша по преимуществу сосредоточена въ періодическихъ изданіяхъ.

— Журналовъ у насъ достаточно, а что вы скажете о ихъ направленіи?

— Въ большей части журналовъ нашихъ нѣтъ никакого направленія. Многіе изъ нихъ въ сущности не журналы, а сборники всячины....

Тутъ зашла рѣчь о разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ частности. Господинъ съ критическимъ направленіемъ язвительно отзывался то о томъ, то о другомъ журналѣ; его собесѣдникъ, напротивъ, отстаивалъ ихъ честь и достоинство. Потомъ разговоръ умолкъ.

«Ушли!» думалъ я, и погрузился въ чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей».

Между тѣмъ одинъ за другимъ приходили покупатели. Я отъ времени до времени прислушивался къ ихъ требованіямъ, и слова неизвѣстнаго взыскательнаго критика для меня отчасти подтверждались.

Явилась служанка какой-то абонированной барыни и, положивъ на прилавкѣ связку прочитанныхъ книгъ, потребовала слѣдующій номеръ одного журнала и какой-то новый романъ. Забѣжалъ офицеръ и купилъ переводъ Микололя. Зашла молодая дама, просила показать ей новѣйшія дѣтскія книги, перебрала одну за другой и, вздохнувъ, ушла, повидимому, съ досадою, не купивъ ни одной изъ нихъ.

Независтнаго женщинъ выходилъ на повѣрку несовсѣмъ правъ. Между дамами образованнаго круга, какъ видно, есть и такія, которыя, не довѣряя слѣпо пансіонамъ, иностраннымъ гувернерамъ и гу-

вернанткамъ, сами занимаются воспитаніемъ и обученіемъ. Такихъ однакожь пока не много.

Наконецъ зашли въ магазинъ молодой человекъ съ молодой дѣвушкой и потребовали лучшія азбуки. Отложивъ въ сторону нѣсколько экземпляровъ разныхъ азбукъ и большую коробку картонныхъ подвижныхъ буквъ, они учтиво просили прикащика, чтобъ имъ показалъ новѣйшія книги, приспособленныя къ обученію народа.

— Вы, вѣроятно, занимаетесь преподаваніемъ въ какой нибудь воскресной школѣ? спросилъ ихъ прикащикъ магазина.

— Мы съ сестрой, отвѣчалъ молодой человекъ:—учимъ въ одной жейской воскресной школѣ.

Прикащикъ положилъ на прилавокъ нѣсколько книжекъ.

— Какъ хорошо, молвила молодая дѣвица:—что нѣкоторые изъ нихъ по естествознанію и съ политажами. Жаль только, что до сихъ поръ какъ-то все не умѣютъ приспособиться къ народу. Хоть бы наши профессора занялись составленіемъ книгъ для народа!...

Опять, думалъ я, пошелъ толкъ о книгахъ для народнаго чтенія. Народная литература, видно по всему, начинаетъ дѣлаться современнымъ вопросомъ....

— Вы, должно быть, посѣщаете университетскія лекціи? спросилъ дѣвушку прикащикъ.

— Я вольная слушательница университета, отвѣчала она.

Разговоръ прекратился. Я поднялъ голову: покупателей не было болѣе въ магазинѣ. Скоро, думалъ я, во всѣхъ городахъ нашего отечества возникнутъ народныя школы, за городскими школами устроятся сельскія. Народъ выучится читать; потребуются народныя книги. А кто ихъ станетъ писать?...

Между тѣмъ наступали сумерки. Пришло время возвратиться подъ сѣнь пенатовъ. Раскланявшись молча съ хозяиномъ и прикащиками магазина, я вышелъ на улицу и пустился пѣшкомъ по Литейной, гдѣ квартировалъ.

4-го сентября 1860 года.

Было 10 часовъ утра. Пишущій эти строки сидѣлъ въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и размышлялъ о вчерашнемъ днѣ.

Наканунъ я былъ на литературномъ вечерѣ у одного хорошаго знакомаго, образованнаго помѣщика средняго состоянія, добраго, пожилаго холостяка.

Этотъ господинъ находитъ службу для себя неудобною и занимается собственными дѣлами, не мѣшаясь въ чужія. Онъ живетъ въ Галерной.

Мой пріятель помѣщикъ—охотникъ до литературныхъ вечеровъ. Порою собираются у него пріятели, что нибудь читаютъ, разбираютъ прочитанное; толкуютъ о новостяхъ литературы, политики и о всякой вслѣдствіи.

Послѣдній литературный вечеръ, хотя не особенно веселый, показался однакожь мнѣ довольно замѣчательнымъ. Оттого не мѣшааетъ мнѣ записать все происходившее на этомъ вечерѣ. Я веду мемуары не для другихъ, а такъ, по безотчетной потребности; я вижу въ нихъ достопримѣчательности мысли, а не дѣлъ. Характеръ моихъ записокъ опредѣляется особымъ складомъ моей личности. Иного мало интересуетъ оригинальная бесѣда, не лишенная ума, преніе, размышленія о какомъ нибудь вопросѣ. Мнѣ дѣла нѣтъ до другихъ; я пишу для собственнаго удовольствія, сухо, небрежно; говорю о томъ, о другомъ отрывочно, иногда слишкомъ кратко, а подъ часъ слишкомъ подробно.

Вчерашній вечеръ, говорю я, показался мнѣ довольно замѣчательнымъ. На немъ, кромѣ хозяина и вашего покорнаго слуги, было нѣсколько общихъ знакомыхъ, получившихъ, какъ говорится, высшее образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ были товарищи по университету и лицее. Всѣхъ ихъ я болѣе или менѣе знаю. Я ненавижу сплетни, а потому въ своихъ отрывочныхъ мемуарахъ положилъ себѣ за правило—никого не называть, никого не подвергать такъ называемому филологическому анализу, однимъ словомъ, никого не затрогивать. По своему обыкновенію не назову я по именамъ гостей, бывшихъ на литературномъ вечерѣ. Скажу только, что на немъ было нѣсколько дилеттантовъ, два специалиста (одинъ—по исторіи, другой—по географіи) и дальній родственникъ хозяина, студентъ историко-филологическаго факультета четвертаго курса.

Мы сидѣли въ кабинетѣ хозяина и болтали о разныхъ разностяхъ, пуская клубы табачнаго дыма. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали пріѣзда моего пріятеля, учителя исторіи въ одной изъ столичныхъ гимназій, который обѣщалъ намъ прочесть только-что написанное имъ разсужденіе «О судьбахъ исторіографіи», готовясь держать экзаменъ на степень доктора.

— Пора бы нашему ученому явиться! сказалъ хозяинъ.

— Что нибудь задержало, замѣтилъ я.

Раздался звонокъ.

— Легокъ на поминѣ! воскликнулъ одинъ изъ гостей.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ кабинетъ учитель.

— Извините, господа, сказалъ онъ:—опоздалъ немного.

— Я, признаться, думалъ: ужъ незанемогли ли вы? перебилъ хозяинъ.—Очень радъ, что мое предположеніе не сбылось.

Тѣмъ временемъ, зажгли лампы и, по распоряженію хозяйки, стали разносить чай.

Послѣ чая помѣщикъ пригласилъ насъ въ гостиную.

Обратясь къ учителю, онъ просилъ его начать чтеніе трактата.

Учитель сѣлъ на диванъ подлѣ хозяина, противъ большаго стола. Гости усѣлись вокругъ, кто на креслахъ, кто на стульяхъ.

Будущій докторъ вынулъ изъ кармана сложенную тетрадь, разогнулъ ее и принялся читать.

Мы слушали съ большимъ вниманіемъ.

Авторъ диссертациа «О судьбахъ исторіографіи», насколько помню, началъ съ объясненія значенія *историческихъ мифовъ*, баснословныхъ историческихъ устныхъ сказаній, сохранившихся въ языческихъ религіяхъ и древнѣйшихъ народныхъ эпосахъ.

За тѣмъ онъ перешелъ къ произведеніямъ *письменнаго историческаго искусства*.

Далѣе слѣдовалъ разборъ замѣчательнѣйшихъ *философій исторіи*, отъ Платона до Гегеля включительно. Авторъ трактата прощески называлъ философію исторіи *исторической метафизикой*.

Онъ съ особеннымъ вниманіемъ разбиралъ философію исторіи Гегеля, въ связи съ замысловатой системой этого остроумнаго, но крайнѣ туманнаго мыслителя.

Во время чтенія объ идеологическихъ подвигахъ новѣйшей философіи на попріцѣ исторіи, многіе изъ присутствующихъ зѣвали. Глядя на сладкую зѣвоту насупотивъ меня сидѣвшаго студента, я и невольно зѣвнулъ.

Между тѣмъ подали десертъ и чтеніе на время прервалось.

— Мнѣ кажется, сказалъ одинъ изъ гостей, большой почитатель нѣмецкой философіи, — что почтенный авторъ нѣсколько безцеремонно обращается съ философіей, какъ бы въ насмѣшку называя ее «метафизикой».

— Въ философіи сликомъ много мечтательнаго, вымышленнаго, а потому я и обозначаю ее особеннымъ терминомъ, въ отличіе отъ опытнаго, положительнаго знанія, отвѣчалъ преподаватель исторіи, закрывая свою тетрадь.

— Неужели вы такихъ же мыслей и о философіи Гегеля?

— И о Гегелѣ я думаю точно такъ же. Съ вашего позволенія я считаю *абсолютную идею Гегеля*, будто бы объективно раскрывающуюся въ природѣ и субъективно въ человѣкѣ, пустымъ призракомъ, метафизическимъ привидѣніемъ. Дѣло въ томъ, что философы выдумываютъ болѣе или менѣе остроумныя предположенія и при помощи

нхъ хотѣтъ объяснить все на свѣтъ. По этому самому эти объясненія ничего и не объясняютъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ одинъ гость, звагокъ политической экономіи, — что всѣ такъ называемыя философіи исторіи—просто на просто идеологическія басни въ родѣ сказочныхъ еогоній, космогоній и эпопей.

— Научное баснословіе, называемое философіей, перебилъ учитель, по способу постиженія своего предмета выше міеологіи, конечно; одною ступенью, не болѣе. Между тѣмъ какъ міеологія — прихотливое созданіе разстроенной фантазіи; философія или, какъ я ее называю, метафизика есть произвольная выдумка безпорядочной мысли.

— Bravo! вскричалъ хозяинъ. — Очень зло и смѣшно; не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Отъ предмета чтенія разговоръ перешелъ къ новостямъ дня. Нѣкоторые изъ гостей, покинувъ свои мѣста, расхаживали взадъ и впередъ по комнатѣ. Другіе удалились въ кабинетъ, толковали о частныхъ дѣлахъ и сообщали другъ другу городскія сплетни.

Учитель исторіи стоялъ у окна. Погода была ясная; на небѣ виднѣлась луна. Любитель философіи подошелъ къ учителю.

— Неужели за этими небесами, за этою луною, въ необъятномъ пространствѣ вселенной, наполненной населенными мірами, нѣтъ разумнаго духовнаго начала, абсолютнаго принципа?

Учитель проищически посмотрѣлъ на него и не отвѣчалъ ни слова.

Я стоялъ позади ихъ и также молчалъ.

Когда пробило полчаса 9-го, хозяинъ обратился съ просьбою къ учителю исторіи, прося его продолжать чтеніе.

Шумная бесѣда замолкла; всѣ опять усѣлись; учитель началъ читать:

Строго говоря, исторической науки въ смыслѣ положительной теоріи, основанной на обширномъ опытѣ, не существовало ни въ древности, ни въ Средніе вѣка. Религіозныя войны, XVI и XVII вѣковъ, равно какъ богословско-полемическій характеръ этой эпохи, содѣйствовали развитію филологіи и гуманизма, философіи, права и естествознанія, не произвели правильнаго возрѣнія на одну изъ самыхъ важныхъ наукъ, — исторію. Хотя дѣлали своды источниковъ, сочиняли компендія (въ родѣ мекантонова), но безъ строгой критики и разумнаго плана....

Такъ излагалъ учитель. Для многихъ подобныя вещи могли бы показаться вовсе не любовными, но я записываю не для другихъ, а для себя; отмѣчаю то, что собственно меня интересуетъ.

Историческая положительная наука въ настоящемъ смыслѣ этого слова, продолжалъ чтеть, обязана своимъ существованіемъ Вольтеру. Правда, еще лордъ Болингброкъ хотѣлъ, чтобъ исторія изъ нестройнаго сборника фактовъ сдѣлалась государственной наукой, учительницей политическихъ дѣятелей и администраторовъ. Но то было только заявленіемъ требованія на необходимость полной науки, а не самая наука съ своимъ принципомъ, планомъ, методомъ и сильнымъ исполненіемъ. Весьма вѣроятно, что Болингброкъ, подобно Локку, имѣлъ вліяніе на Вольтера. Болингброкъ могъ возбудить геній Вольтера, тѣмъ не менѣ послѣдній, по справедливости, долженъ почитаться отцомъ общесравнительной положительной исторической науки. Въ своемъ «Опытѣ о нравахъ» (*Essai sur les moeurs*) Вольтеръ впервые попытался представить образчикъ *исторіи цивилизаціи* (культуры), т. е. внутренней народной жизни, устранивъ на задній планъ такъ называемую политическую исторію съ ея придворными интригами, нескончаемыми войнами и замиреніями. Авторъ «Опыта о нравахъ», первый указалъ во введеніи къ своему труду на важность вліянія вѣшной природы на человѣка и на значеніе общесравнительнаго метода въ исторіи. Знаменитое сочиненіе Вольтера проложило дорогу къ безпредразсудочному, трезвому пониманію какъ исторіи общества, такъ и человѣка. Знаменитый философъ, свѣтило XVIII вѣка, въ своемъ «Essai», какъ и въ другихъ произведеніяхъ, всѣми силами старался «разубѣдить людей въ басняхъ, которыми ихъ убаюкивали». Книга Вольтера имѣла огромное вліяніе на даровитѣйшихъ историковъ XVIII столѣтія, до Французской революціи.

Передавая содержаніе читаннаго на литературномъ вечерѣ трактата, я говорю подробнѣе о тѣхъ предметахъ, которые въ немъ были разобраны обстоятельно, и въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, на что указывалось мимоходомъ. Такъ дѣлаю я и далѣе.

Французская революція, произведенная въ интересѣ просвѣщенія и благосостоянія народовъ, задѣвъ за живое существенные государственные вопросы, дала всей общественной дѣятельности XIX-го вѣка направленіе политическое. Историческая наука, послѣ Французской революціи, временно была отвлечена отъ настроенія, даннаго ей Вольтеромъ. Въмѣсто того, чтобъ обратиться на разработку всѣхъ сторонъ цивилизаціи, всѣхъ видовъ развитія, какъ общества, такъ и человѣка, она исключительно занялась одной частію, однимъ отдѣломъ, именно политической жизнью и государственными учрежденіями народовъ, упустивъ изъ вниманія ихъ общественный бытъ съ его нравами, обычаями, ихъ успѣхи въ дѣлѣ промышленности, искусствъ, наукъ, ихъ зависимость отъ природы и ихъ вліяніе на природу пу-

тея открытій и техническихъ изобрѣтеній. Программа, предложенная Вольтеромъ, была на время забыта....

— Я никакъ не подозрѣвалъ, что ершейскій философъ имѣеть такое громадное значеніе въ исторической наукѣ, сказалъ любитель гѣмецкой философіи.—Это очень оригинально!

— Такой взглядъ на Вольтера очень похожъ на правду, перебилъ политико-экономъ.

Вдругъ кто-то позвонилъ въ передней. Черезъ нѣсколько минутъ яшелъ слуга и подалъ хозяину записку. По этому случаю прерванное чтеніе не возобновлялось.

Распечатать записку, хозяинъ подошелъ къ лампѣ, чтобъ лучше разобрать ее. По мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, на лицѣ его все явственнѣе и явственнѣе отражалось внутреннее безпокойство.

— Не случилось ли у васъ чего нибудь непріятнаго? спросилъ я.

— Извините меня, господа! сказалъ хозяинъ.—Моя двоюродная сестра опасно занемогла, послали за докторомъ, поскакали и за мной. Просить немедленно явиться къ больной. Разсужденіе мы можемъ дочитать и послѣ. Если позволите, я дамъ вамъ знать, когда удобно у меня собраться снова. Я увѣренъ, что авторъ разсужденія не откажетъ вамъ дочитать свое сочиненіе въ другой разъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ учитель.

Мы распростились съ хозяиномъ и разбрелись въ разныя стороны.

9-го сентября 1860 г.

Оказалось, что недугъ двоюродной сестры хозяина былъ вовсе не такъ опасенъ, какъ думали. Больная стала поправляться.

Не прошло недѣли, какъ мы опять собрались у нашего амфи-триона.

Какъ прежде, мы сидѣли въ гостиной вокругъ стола въ ожиданіи продолженія прерваннаго чтенія.

— Вы помните, господа, сказалъ учитель исторіи, развертывая тетрадь, — что мы остановились на объясненіи исторической теоріи Вольтера, и ея вліянія на современниковъ этого гениальнаго писателя. Послѣ взрыва французской революціи историческая наука въ смыслѣ систематическаго изложенія хода цивилизаціи была надолго забыта.

Современъ французской революціи, продолжалъ чтець, историческая наука сдѣлалась чисто политической. Представители политической исторіи во Франціи, Англии и Германіи, согласно съ своимъ личнымъ настроеніемъ, послѣдовали двумъ направленіямъ—*консервативному* и *прогрессивному*.

Впослѣдствіи однакожь историческая наука, какъ общесравнитель-

ное систематическое изображеніе цивилизаціи (культуры), снова воскресла, послѣ долговременнаго отклоненія въ сторону, въ міръ политическихъ тревоженій; историческій идеалъ, данный Вольтеромъ XVIII вѣку, ожилъ. Исторіей цивилизаціи занялись: во Франціи Гизо и др., въ Германіи Клеммъ и его послѣдователи.

— О Гизо лучше бы не упоминать, сказалъ студентъ.

— Въ Гизо надобно строго отдѣлять ученаго отъ государственнаго человѣка, замѣтилъ чиновникъ по особымъ порученіямъ, основательно образованный юристъ.

— Ваша правда! перебилъ хозяинъ. — Несмотря на свою отсталость, Гизо человѣкъ почтенный, съ огромнымъ историческимъ талантомъ. Можно съ пользой и удовольствіемъ читать сочиненія Гизо, нисколько не раздѣляя его убѣжденій. Извините, что мы васъ прервали, молвилъ онъ, обращаясь къ чтецу.

Вмѣстѣ съ возстановленіемъ значенія исторической науки, какъ систематическаго изложенія развитія цивилизаціи (сказано было въ трактатѣ), право, политическая экономія, археологія, литература и географія приняли историческое направленіе. Карлъ Риттеръ пересоздалъ географію, внеся въ нее элементъ цивилизаціи. Вслѣдствіе этого историческая наука въ общесравнительномъ землѣвѣдѣніи Риттера сдѣлала шагъ впередъ. Хотя Вольтеръ и указывалъ важность вліянія природы на человѣка, несмотря на то, со временъ Вольтера до Риттера, историческая наука не обращала почти никакого вниманія на это вліяніе, тѣмъ менѣе на дѣйствія человѣка на природу, изслѣдуя и излагая развитіе общества и личности, почти безъ всякаго отношенія ихъ къ окружающей средѣ. Тѣсную связь этой среды съ судьбами человѣчества превосходно объяснилъ Риттеръ. Такимъ образомъ обнаруживаніемъ «Введенія въ общесравнительное землѣвѣдѣніе» (Einleitung in die allgemeine vergleichende Erdkunde) совершилъ въ самой исторической наукѣ коренной переворотъ. Объясняя измѣненіе человѣка подъ вліяніемъ природы и измѣненіе природы подъ вліяніемъ человѣка, Риттеръ впалъ въ односторонность, противоположную той, въ которую вдавались историки культуры. Какъ тѣ забывали природу для человѣка, такъ онъ не обратилъ должнаго вниманія на внутреннюю жизнь человѣческихъ обществъ и развитіе личности, сосредоточившись на природѣ: въ исторической наукѣ, съ точки зрѣнія Риттера, человѣкъ исчезъ среди необъятныхъ водныхъ пустынь и обширныхъ горизонтальныхъ и отвѣсныхъ протяженій материковъ, подъ могущественнымъ гнетомъ климатовъ и неотразимымъ вліяніемъ трехъ царствъ природы.

— Если не ошибаюсь, Риттеръ правъ, обусловливая во всѣхъ отношеніяхъ развитіе человѣка вліяніемъ внешней природы, замѣ-

тилъ одинъ изъ гостей, учитель географіи и сослуживецъ автора разсужденія «О судьбахъ исторіографіи»....

— До известной степени, отвѣчалъ чтецъ, паливая изъ графина воды въ стаканъ. — Какъ природа измѣняетъ человѣка, такъ въ свою очередь и человѣкъ измѣняетъ природу. Несмотря на свою зависимость отъ внѣшнихъ вліяній, человѣкъ все-таки остается царемъ своей планеты.

Затѣмъ онъ вынулъ стаканъ воды и снова принялся читать.

Направленіе, данное исторической наукѣ Вольтеромъ и Риттеромъ, получило дальнѣйшее развитіе въ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи» (History of civilisation in England) Бокля. Считая исторію естественной наукой, Бокль, подобно Риттеру, имѣетъ задачей объяснить измѣненіе человѣка подъ вліяніемъ природы и измѣненіе природы подъ вліяніемъ человѣка. Но при этомъ англійскій ученый обозначаетъ предѣлы вліянія природы, выдѣляя такимъ образомъ для человѣка законную долю дѣятельности. Историческая теорія Бокля, дополняющая старое ученіе Вольтера (насколько она изложена во введеніи къ исторіи культуры въ Англіи), представляетъ собою новую ступень въ развитіи науки. По мнѣнію этого изслѣдователя, отличающагося многосторонней и обширной ученостію, во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Европы, природа господствуетъ надъ человѣкомъ, возбуждая въ немъ дѣятельность фантазіи и сковывая силу мышленія, вслѣдствіе чего во всѣхъ этихъ странахъ варварство и одни начатки образованности. Въ Европѣ, напротивъ, съ половины XIV столѣтія, благодаря изобрѣтенію пороха, пароваго двигателя и открытіи въ области политической экономіи, человѣкъ сталъ властвовать надъ природой, умъ надъ фантазіей, черезъ что былъ возвѣщенъ міру періодъ истинной цивилизаціи. Поэтому познаніе законовъ вліянія природы на человѣка важно при изученіи исторіи странъ и народовъ не-европейскихъ, а познаніе законовъ развитія человѣка имѣетъ особенное значеніе для Европы и ея исторіи. Такъ какъ между европейскими народами англійскій народъ самый разносторонній и совершенный, то на немъ, въ разныя эпохи его жизни, всего удобнѣе объяснять историческіе законы. При этомъ, отвергая методъ умозрительный, метафизическій, Бокль признаетъ дѣйствительнымъ одинъ опытный, положительный общесравнительный историческій методъ. Таковъ взглядъ Бокля, возносящій историческую науку на новую ступень совершенства.

— Весьма основательный взглядъ! воскликнулъ студентъ.

— Этого взгляда однакожь не было бы, еслибъ не существовало риттерова общесравнительнаго землевѣдѣнія, замѣтилъ учитель географіи.

— Вы слишкомъ пристрастны къ вашему идолу, отвѣчалъ чтецъ. — По моему мнѣнію въ области опытной, строго-научной исторіи имѣютъ одинакое значеніе Вольтеръ, Риттеръ и Бокль, причемъ разумѣется не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Вольтеръ писалъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, а Риттеръ и Бокль наши современники.

— Вы намъ очень хорошо объяснили заслуги этихъ ученыхъ, молвилъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— Совершенно справедливо! подхватилъ хозяинъ. — Я понимаю теперь все ихъ величіе въ наукѣ. Вольтеръ заложилъ краеугольный камень настоящей положительной исторической науки и внесъ въ нее элементъ цивилизаціи; Риттеръ ввелъ въ науку элементъ природы; Бокль, только что начинающій свою ученую дѣятельность, съ точностію опредѣлилъ взаимное отношеніе обоихъ элементовъ, природы и цивилизаціи.

— Я нахожу, что англійскій ученый, стараясь опредѣлить взаимное отношеніе природы и цивилизаціи, слѣлалъ огромную ошибку, иронически замѣтилъ учитель географіи. — Господство человѣка надъ природой, ума надъ фантазіей начинается не въ половинѣ XIV вѣка, а гораздо ранѣе, именно въ языческія времена, въ прибрежныхъ южныхъ странахъ сѣвернаго полушарія. При этомъ цивилизація распространялась отъ востока къ западу въ двухъ сѣверныхъ материкахъ (въ рѣчныхъ областяхъ Азіи и въ странахъ внутреннихъ морей Европы), чтобъ потомъ, перешагнувъ въ новѣйшее время въ Америку, распространяться во всѣ части свѣта, не только въ материковомъ, но и въ водномъ полушаріи. Такъ учить Риттеръ. Онъ правъ, а Бокль ошибается.

— То, что вы называете цивилизаціей, въ сущности полуварварство, сказалъ учитель исторіи. — Безъ огнестрѣльнаго оружія, компаса, книгопечатанія, естествознанія, политической экономіи, пароваго двигателя, электрическаго телеграфа и проч. не могло бы быть эмансипаціи человѣка отъ природы, ума отъ фантазіи; однимъ словомъ, невозможна бы была культура.

— Ошибаетесь! возразилъ приверженецъ Риттера. — Умѣнье дѣлать сперва мѣдныя, а потомъ желѣзные оружія, прирученіе животныхъ и связанное съ нимъ скотоводство, потомъ садоводство, огородничество, хлѣбопашество, далѣе ремесла, сооружавшія для людей жилища съ ихъ принадлежностями и убранствомъ, ремесла, доставлявшія людямъ одежду, воздвигавшія храмы, кумиры, памятники, лодки, суда для рѣчнаго и морскаго береговаго плаванія; наконецъ живой обмѣнъ произведеній древней промышленности путемъ внутренней и внѣшней торговли, развѣ все это не побѣда человѣка надъ

природой? А наука халдейскихъ, египетскихъ, индѣйскихъ жрецовъ, а философія грековъ, наука александрійцевъ, римлянъ, арабовъ — развѣ это не эманципация ума отъ фантазіи, развѣ это не цивилизация? Если вамъ угодно эту культуру называть полуварварствомъ, то и наша цивилизация далеко не совершенна, особенно въ государственномъ и общественномъ отношеніяхъ, слѣдовательно тоже полуварварство или полуобразованность, что одно и то же.

— Я съ вами вполне согласенъ! вскричалъ любитель археологій и классическаго міра. — Греки и римляне не даромъ называли другіе народы варварами, потому что считали себя образованными. Бокль самъ не выше ихъ по образованію, потому что всѣхъ не-европейцевъ (древнихъ египтянъ, индѣйцевъ, финикянъ) клеймитъ несправедливо именемъ варваровъ.

— Можетъ быть, перебилъ политико-экономъ: — Бокль называетъ грековъ, римлянъ и другихъ язычниковъ варварами потому, что всѣ они только однихъ себя считали людьми и находили естественнымъ имѣть рабовъ.

— Но вѣдь и въ Европѣ крѣпостное состояніе не такъ давно отменено, возразилъ чиновникъ по особымъ порученіямъ: — въ Англіи, на островѣ, крѣпостное состояніе исчезло, благодаря вліянію католическаго духовенства, въ XV вѣкѣ, а въ англійскихъ колоніяхъ только въ XIX столѣтіи; на европейскомъ материкѣ крѣпостное состояніе стало выводиться послѣ французской революціи; въ Америкѣ до сихъ поръ рабство не упразднено. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что вопреки ученію христіанства о братствѣ и равенствѣ, каждый европейскій народъ, особенно англійскій, почитаетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ выше и лучше другихъ. Къ этому присовокуплю, что наперекоръ христіанской морали и новѣйшей наукѣ, высшія аристократическія сословія во всѣхъ европейскихъ государствахъ смотрятъ на низшіе рабочіе сельскіе и городскіе классы, какъ на людей низшей породы и худшаго достоинства. Развѣ все это не правда?

— Мнѣ кажется, сказалъ я, — что до сихъ поръ люди не достигли цивилизации и находятся въ переходномъ состояніи отъ варварства къ настоящей культурѣ. До сихъ поръ всѣ люди могутъ считаться полуобразованными, а истинная образованность въ будущемъ, далеко не близкомъ.

— Согласенъ съ вами, сказалъ мнѣ хозяинъ: — что до половины XIV вѣка люди были полу-варварами, но съ этого времени?...

— Съ этого времени, возразилъ я: — начался переходъ отъ полуварварства къ образованности, благодаря научнымъ открытіямъ и

Тѣмъ временемъ, зажгли лампы и, по распоряженію хозяина, стали разносить чай.

Послѣ чая помѣщикъ пригласилъ насъ въ гостиную.

Обратясь къ учителю, онъ просилъ его начать чтеніе трактата:

Учитель сѣлъ на диванъ подлѣ хозяина, противъ большого стола. Гости усѣлись вокругъ, кто на креслахъ, кто на стульяхъ.

Будущій докторъ вынулъ изъ кармана сложенную тетрадь, разогнулъ ее и принялся читать.

Мы слушали съ большимъ вниманіемъ.

Авторъ диссертациі «О судьбахъ историографіи», насколько помню, началъ съ объясненія значенія *историческихъ мифовъ*, баснословныхъ историческихъ устныхъ сказаній, сохранившихся въ языческихъ религіяхъ и древнѣйшихъ народныхъ эпосахъ.

За тѣмъ онъ перешелъ къ произведеніямъ *письменнаго историческаго искусства*.

Далѣе слѣдовалъ разборъ замѣчательнѣйшихъ *философій исторіи*, отъ Платона до Гегеля включительно. Авторъ трактата проницательно называлъ философію исторіи *исторической метафизикой*.

Онъ съ особеннымъ вниманіемъ разбиралъ философію Гегеля, въ связи съ замысловатой системой этого остроумнаго, но туманнаго мыслителя.

Во время чтенія объ идеологическихъ философій на поприщѣ исторіи, многіе изъ насъ говорили: «Глядя на сладкую зѣвоту насупротивъ метафизики, невольно зѣвнуть».

Между тѣмъ подали десертъ и чай.

— Мнѣ кажется, сказалъ одинъ изъ насъ, — что почти вся нѣмецкая философія, — что почти вся философія обращается съ философіей, какъ съ метафизикой».

— Въ философіи слишкомъ много метафизики, потому что я и обозначаю ее метафизикой, потому что я опытный, положительный философъ, закрывая свою тетрадь.

— Неужели вы такихъ мнений?

— И о Гегелѣ я думаю, что онъ считаетъ абсолютную идею, которая существуетъ въ природѣ и ея истинная сущность метафизическимъ призракомъ, мѣшающимъ мывають болѣе или мѣнѣе

нѣ хотѣтъ объяснить все на свѣтъ. По этому самому эти объясненія ничего и не объясняютъ.

— Мнѣ кажется, замѣтилъ одинъ гость, знатокъ политической экономіи, — что всѣ такъ называемыя философіи исторіи—просто на просто идеологическія басни въ родѣ сказочныхъ геогоній, космогоній и эпопей.

— Научное баснословіе, называемое философіей, перебилъ учитель, по способу постиженія своего предмета выше мифологіи, конечно, одною ступенью, не болѣе. Между тѣмъ какъ мифологія — прихотливое созданіе разстроенной фантазіи; философія или, какъ я ее называю, метафизика есть произвольная выдумка безпорядочной мысли.

— Bravo! вскричалъ хозяинъ.—Очень зло и смѣшно; не въ бровь, а прямо въ глазъ.

Отъ предмета чтенія разговоръ перешелъ къ новостямъ дня. Нѣкоторые изъ гостей, покинувъ свои мѣста, расхаживали взадъ и впередъ по комнатѣ. Другіе удалились въ кабинетъ, толковали о частныхъ дѣлахъ и сообщали другъ другу городскія сплетни.

Учитель исторіи стоялъ у окна. Погода была ясная; на небѣ видна луна. Любитель философіи подошелъ къ учителю.

— Ужели за этими небесами, за этою луною, въ необъятномъ пространствѣ вселенной, наполненной населенными мірами, нѣтъ радужнаго луча, абсолютнаго принципа?

— Учитель взглянулъ на него и не отвѣчалъ ни слова.

— Учитель молчалъ и также молчалъ.

— В девять часовъ вечера 9-го, хозяинъ обратился съ просьбою къ учителю, чтобы онъ продолжалъ чтеніе.

— Учитель молчалъ, всѣ опять усѣлись; учитель началъ читать.

— Учитель началъ читать.

— Исторической науки въ смыслѣ положительной теоріи, обширномъ опытѣ, не существовало ни въ древности, ни въ средніе вѣка.

— Религіозныя войны XVI и XVII вѣковъ имѣли истинно-полемическій характеръ, этой эпохи, содѣйствовавшей рожденію философіи, права и естественнаго права.

— Учитель началъ читать.

техническимъ изобрѣтеніямъ, повлекшимъ за собою умственную и вещественную эмансипацію.

— Послѣ нашего диспута, заключилъ хозяинъ: — въ итогѣ оказывается слѣдующее. Въ до-историческое время, въ глубочайшей древности природа властвовала надъ человѣкомъ, фантазія надъ умомъ, короче сказать, было дикое состояніе или варварство. Въ поясъ береговыхъ земель, на рубежѣ воднаго и материковаго полушарій, а потомъ на средиземно-морскомъ прибрежьи, люди мало-по-малу успѣли овладѣть, сперва минеральнымъ царствомъ, потомъ животнымъ, наконецъ растительнымъ; родились — скотоводство, земледѣліе, ремесла; закипѣла торговля; умъ постепенно сталъ освобождаться отъ фантастическихъ привидѣній путемъ развитія наукъ, — однимъ словомъ, начался переходъ отъ дикости, варварства къ цивилизаціи, продолжающійся и доселѣ. Съ половины XIV вѣка выходъ изъ варварства въ цивилизацію идетъ успѣшнѣе, благодаря научнымъ открытіямъ (особенно въ области естественныхъ наукъ), также техническимъ изобрѣтеніямъ. Несмотря на то, люди до сихъ поръ весьма несовершенны и просвѣщеніе массъ — равно какъ ихъ счастье — въ отдаленномъ будущемъ....

— Вы опредѣлили, сказалъ я хозяину, смѣясь: — истинное отношеніе природы и человѣка въ исторіи.

— Да, да! вскричали другіе: — вы ухитрились поймать истину.

— Полноте, господа, говорилъ хозяинъ, иронически улыбаясь: — вѣдь я скептикъ, имѣю слабость во всемъ сомнѣваться. Куда мнѣ до истины! Однако мы заболтались. Скоро ужинъ, и врядъ ли нашъ почтенный пріятель успеетъ дочитать свое разсужденіе. Попросимъ его лучше передать намъ въ нѣсколькихъ словахъ конецъ любопытнаго трактата.

— Извольте, обязательно отвѣчалъ учитель исторіи. — У меня далѣе оцѣниваются методы изслѣдованія, выработанные исторической наукой, *словесный* (*литературный* — по содержанію памятникъ, и *филологическій* или *лингвистическій*, *гриммовъ*), *археологическій* — по монументальнымъ остаткамъ, *этнографическій* — по образу жизни современныхъ народовъ, особенно дикихъ, равно какъ невѣжественныхъ классовъ общества, далѣе *статистическій* — по способу Кетлэ и *естественно-географическій* — по способу Риттера. Я полагаю, что каждый изъ насъ въ меньшей или большей степени имѣетъ понятіе объ этихъ методахъ.

— А потомъ что у васъ изложено? спросилъ студентъ.

— Потомъ у меня въ разсужденіи слѣдуетъ краткій обзоръ судебъ русской исторіографіи.

— У васъ, должно быть, продолжалъ студентъ: — при изложеніи

развитія отечественной исторіографіи, разсматриваются тѣ же роды и виды, какъ и въ обзорѣннѣи хода общей исторіографіи.

— Отгадали! улыбаясь отиѣчалъ учитель: — потому что основной законъ развитія историческаго вѣдѣнія одинъ и тотъ же у всѣхъ народовъ.

— Значитъ у васъ сперва разсматривается *словяно-русскій историческій мифъ*?

— Такъ точно. — Я его впрочемъ мало знаю, а потому о немъ слишкомъ не распространился.

— Далѣе, полагаю, слѣдуетъ въ вашемъ трактатѣ *оцѣнка русскаго историческаго искусства*. Позвольте узнать его виды.

— Сперва въ удѣльновѣчевомъ періодѣ — виды *простые, временникъ, сказаніе или повесть* (то есть легенда), *житіе, паломникъ* (то есть путешествіе, преимущественно къ святымъ мѣстамъ, особенно въ Іерусалимъ), также одинъ видъ *сложный* (въ составъ котораго входили простые типы) *лѣтопись* (первообразомъ которой сочиненіе преподобнаго Нестора). Далѣе—въ московскомъ періодѣ, кромѣ означенныхъ прежнихъ типовъ, новые виды историческаго искусства *простой* типъ, *записки* (напримѣръ, Курбскаго, Котошихина), *сложные типы лѣтописнаго свода и компендіума (сокращенія)*. Были *механическіе* лѣтописные своды (напримѣръ, Никонова лѣтопись), *систематическіе* лѣтописные своды (напримѣръ, «Степенная книга», «Царственный лѣтописецъ» и «Царственная книга»), *критическіе* лѣтописные своды, начинающіеся не ранѣе XVIII вѣка (напримѣръ, Русская исторія Татищева, Русская исторія князя Щербатова, «Исторія государства російскаго» Карамзина, какъ всѣмъ извѣстно, весьма художественная и т. п.). Были на Руси и компендіумы (напримѣръ, учебники по части всеобщей исторіи—такъ-называемые «Хронографы» и новѣйшія руководства; по-русской исторіи—«СинOPSISъ» Иннокентія Гизеля, «Ядро російской исторіи» Манкіева, секретаря князя Хилкова, учебникъ Ломоносова и многія руководства настоящаго столѣтія.

— Неужели была у насъ и доморощенная *историческая метафизика*? спросилъ студентъ.

— Нѣтъ, самостоятельной русской *метафизической исторіи* у насъ не существовало, потому что не было, по нашей относительной неразвитости.... не было на Руси....

— Догадываюсь, подхватилъ студентъ, — не было философіи....

— И хорошо, что не было! замѣтилъ политико-экономъ.

— У насъ настоящая самостоятельная наука русской исторіи явление недавнее, продолжалъ учитель. — На нашихъ глазахъ развились

двѣ теоріи русской исторіи, одна другой противоположныя: *теорія государственнаго объединенія* и *теорія федеративная*....

— Я держусь ученія государственной централизаціи, сказалъ чиновникъ по особымъ порученіямъ.

— А я послѣдователь теоріи федеративной, перебилъ студентъ.

— То и другое мнѣ представляется крайностію, молвилъ хозяинъ, любившій все примирять. — Вѣдь и въ Англии была централизація; она существовала тамъ безъ большихъ злоупотребленій, принесла и приноситъ доселѣ извѣстную пользу. Политическая централизація при административномъ разьединеніи и въ конституціонномъ государствѣ — вещь хорошая: она даетъ крѣпость правительству....

Былъ часъ. Слуга доложилъ, что ужинъ готовъ. Всѣ вышли изъ гостиной въ столовую и усѣлись за столъ. Утомленные напряженнымъ вниманіемъ и преніемъ, гости рады-радехоньки были отдохнуть. Ъли, пили, острили. Когда подали шампанское, пили за здоровье хозяина. Потомъ были предложены два тоста, одинъ въ честь автора трактата «О судьбахъ исторіографіи», другой — за здравіе всѣхъ.

Вскорѣ послѣ ужина, пожелавъ хозяину «спокойной ночи», всѣ разбрелись и разъѣхались.

Черезъ полчаса я былъ дома. Улегшись въ постель, пишущій эти строки немедленно заснулъ, и спалъ, какъ убитый, до 9 часовъ слѣдующаго утра.

20 сентября 1860 г.

На дняхъ я познакомился съ однимъ весьма оригинальнымъ господиномъ. Онъ лѣтъ двадцать тому назадъ окончилъ курсъ въ петербургскомъ университетѣ, горячо любитъ естественныя науки и интересуется ими доселѣ, насколько ему позволяетъ время, свободное отъ службы. Мой новый знакомый порядочно рисуетъ и занимается фотографіей. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ хлопочетъ о примѣненіи волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ къ популярному обученію. У него своя мастерская, въ которой онъ усердно трудится надъ усовершенствованіемъ волшебнаго фонаря въ интересѣ преподаванія. Разговорившись со мною объ этомъ предметѣ, любитель туманныхъ картинъ сообщилъ мнѣ, что у него уже сдѣлана большая коллекція рисунковъ по разнымъ отраслямъ естествознанія. Особенно остался онъ доволенъ геологическими рисунками, которые приглашалъ посмотреть.

Вчера я получилъ записку отъ любителя туманныхъ картинъ, въ которой онъ меня проситъ къ себѣ сегодня на вечеръ. Онъ намѣревается объяснить главнѣйшіе выводы геологической науки для ближайшихъ своихъ знакомыхъ, которые его о томъ не разъ просили.

Придется къ нему отправиться вечеромъ. Онъ живетъ въ Коломнѣ, въ собственномъ домѣ, недалеко отъ Покрова.

22 сентября, 1860 г.

Вчера въ 7 часовъ вечера я былъ уже въ Коломнѣ. У любителя туманныхъ картинъ собралось маленькое общество. Въ гостиной, кромѣ хозяина, его жены, шестнадцатилѣтняго сына—гимназиста, и четырнадцатилѣтней дочери, были ихъ знакомые: архитекторъ съ сестрой, молодой дѣвницей, живописецъ, докторъ съ двоюроднымъ братомъ, студентомъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета, нѣсколько чиновниковъ, сослуживцевъ хозяина (изъ числа окончившихъ курсъ въ университетѣ), да мои два пріятеля, учитель исторіи и учитель географіи. Всѣ были въ веселомъ настроеніи духа, шутили, смѣлялись и рассказывали другъ-другу разные новости.

Проведя около часа въ пріятной бесѣдѣ, наконецъ просили хозяина начать обѣщанное геологическое представленіе съ надлежащимъ объясненіемъ.

Хозяинъ пригласилъ насъ въ залу, гдѣ прямо противъ одной изъ продольныхъ стѣнъ бѣлаго цвѣта установленъ былъ должнымъ образомъ волшебный фонарь значительнаго размѣра. За аппаратомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, стояли въ два ряда стулья, на которые мы и усѣлись. Немедленно былъ зажженъ водородный газъ; свѣчи, какъ слѣдуетъ, вынесли. Мы очутились въ таинственномъ полумракѣ. Черезъ нѣсколько минутъ открылось передъ нами въ маломъ размѣрѣ любопытное зрѣлище міротворенія. На бѣлой плоскости стѣны, одні картины смѣнялись другими; хозяинъ въ нѣсколькихъ словахъ толковалъ ихъ значеніе. Такимъ образомъ для насъ становилась понятнымъ ходъ развитія вселенной вообще и нашей планеты въ особенности. Мы хранили глубокое молчаніе; смотрѣли во всѣ глаза и внимательно слушали.

Намъ представилась сперва первозданная міровая матерія, въ видѣ тончайшаго свѣтоноснаго газа, изъ котораго въ безграничномъ пространствѣ вселенной, постепенно, въ теченіе вѣчности, въ силу закона тяготѣнія, присущаго дѣйствительнымъ атомамъ матеріи, путемъ сгущенія образуется все безконечное число небесныхъ тѣлъ—для того, чтобъ послѣ болѣе или менѣе долгой жизни, разрушиться и изъ своихъ развалинъ произвести новое бытіе, новымъ тѣла съ тѣмъ же назначеніемъ. Итакъ, говорю я, свѣтилась первозданная до крайности разрѣженная міровая матерія.

Вотъ изъ первобытнаго міроваго вещества, въ силу закона тяготѣнія, путемъ сгущенія, стали образовываться туманные пятна, эти

группы первоначальныхъ звѣздъ, изъ которыхъ тѣмъ же самымъ процессомъ постепенно созидались и созидаются многочисленныя солнечныя системы. Въ числѣ туманныхъ пятенъ находилось и то, въ предѣлахъ котораго долженъ былъ загорѣться, вслѣдствіе сжатія первоначальнаго газа, тотъ исполинскій сфероидъ, изъ котораго выдѣлялись впоследствии времени всѣ большія и малыя тѣла нашей солнечной системы, какъ центральныя, такъ и периферическія.

Вотъ появился передъ нами и самъ громадный, расплавленный, огненный сфероидъ (у полюсовъ сжатый шаръ), котораго средоточіе находилось въ центрѣ нашего солнца, а поверхность лежала далеко за предѣлами нашей планеты Нептуна. Этотъ исполинскій огненный, расплавленный шаръ, съ ужаснѣйшею скоростію (*) вращался вокругъ своей оси.

Далѣе мы видѣли, какъ центробѣжная сила, возбужденная вращательнымъ движеніемъ сфероида, одолевъ его центростремительную силу (**), стала, у экватора сфероида, отдѣлять огненные кольца. Кольца эти, вращаясь быстро около сфероида, лопались и превращались въ меньшіе огненные сфероиды или планеты, которыя, вертятся вокругъ своихъ осей, сверхъ того описывали круговой, эклиптическій путь (эклиптику) около главнаго центрального горящаго шара (солнца). По тѣмъ же причинамъ отъ расплавленныхъ планетъ отдѣлялись кольца (изъ котораго одно до сихъ поръ видно въ телескопъ около Сатурна); планетныя движущіяся огненные кольца, въ свою очередь, разрывались и дѣлались спутниками, которые, вращаясь, около своихъ осей, вмѣстѣ съ тѣмъ описывали круговыя эклиптическія пути вокругъ своихъ планетъ. Все это происходило въ дѣйствительности, въ теченіе долгаго, предолгаго времени, въ продолженіе многихъ милліоновъ лѣтъ.

Вслѣдъ за образованіемъ нашей солнечной системы, стало передъ нами во-очію совершаться чудное развитіе земли — отъ самаго ея зарожденія до настоящаго періода.

Сперва предстала передъ нами земля—раскаленною отъ самаго средоточія до крайнихъ предѣловъ поверхности, вся въ парахъ. Потомъ стала она постепенно остывать въ своей наружной части, подобно великому другому расплавленному на огнѣ тѣлу. Вмѣстѣ съ охлажденіемъ земли начала образовываться ея внѣшняя оболочка, ея кора.

Мы видѣли, какъ мало-по-малу возникъ нижній первоначальный кристаллическій пластъ земной коры, преимущественно состоящій изъ

(*) Скорость вращенія увеличивается съ уменьшеніемъ діаметра.

(**) Эта сила дѣйствовала слабо на очень отдаленныя части сфероида; — егдо, центробѣжная сила легко могла получить перевѣсъ.

гранита, Надъ этимъ раскаленнымъ кристаллическимъ пластомъ носился густой горячій паръ. Изъ верхнихъ, болѣе холодныхъ слоевъ пара, отдѣлялась вода, которая падая обращалась въ кинятокъ, вслѣдствіе каденнаго состоянія земной первоначальной коры снова превращавшійся въ горячій паръ. При этомъ, какъ извѣстно, въ дѣйствительности происходилъ ужаснѣйшій шумъ, блистала непрестанно молнія и раздавались оглушительные удары грома. Когда первозданный кристаллическій пластъ усялъ, въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ, охладиться, изъ паровъ стало осаждаться на поверхность этого пласта капельно-жидкое вещество — вода. Начался долговременный процессъ накопленія осадочныхъ пластовъ первичнаго, вторичнаго и третичнаго образованія.

Въ первичный періодъ передъ нами явилась земная кора, отовсюду покрытая воднымъ безбрежнымъ океаномъ, одѣтымъ снаружи знойной воздушной оболочкой, насыщенной густыми парами, пропускавшими теплотворныхъ, свѣтоносныхъ солнечныхъ лучей на водную поверхность земли. Въ кислыхъ, теплыхъ водахъ первобытнаго безбрежнаго океана, надъ которыми царил непроницаемая тьма, среди вѣчной ночи, подъ шумъ непрестаннаго проливнаго теплаго дождя, впервые зародилась органическая жизнь. Мы видѣли безцвѣтныя водоросли древнѣйшей поры земнаго бытія; мы видѣли первозданныхъ моллюсковъ и гигантскихъ хищныхъ рыбъ первичнаго періода. Въ дѣйствительности эта жизнь развивалась въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ.

Слѣдовали потомъ чудеса вторичнаго осадочнаго періода. Среди глубокой, еще продолжавшейся ночи, подъ ударами частаго теплаго лишня, изъ дна все еще теплыхъ и кислыхъ водъ тамъ и сямъ поднимались острова. На выдвинувшихся островахъ произрасли односѣмеводольныя растенія, исполинскіе папоротники и гигантскія пальмы, во прежнему безцвѣтныя по причинѣ отсутствія солнечнаго свѣта, заслоненнаго густыми парами тогдашней жаркой дождливой атмосферы. Послѣ долгаго безмолвія на землѣ послышался впервые шелестъ растеній, и шумъ производимый ползающими на берегу водъ по одиночнмъ островамъ колоссальными, хищными земноводными и гадами, также огромными летучими ящерами. Ихтиозавры и плесіозавры этой эпохи лакомились огромными черепаками и лягушками (лабиринтодонгами). Одновременно съ тѣмъ продолжали плавать въ водахъ колоссальныя хищныя рыбы. Органическая природа вторичнаго періода рясочала на землѣ свои богатства въ теченіе многихъ и многихъ милліоновъ лѣтъ. Въ послѣднія времена этой долговѣчной поры вулканическая сила, заключенная во внутренности земной, въ разныхъ мѣстахъ прорвала еще недостаточно толстую кору нашей планеты, не

разъ и прежде того разсѣдавшуюся въ разныхъ мѣстахъ отъ дѣйствія центрального огня. Слѣдствіемъ страшнаго огненнаго катаклизма было — съ одной стороны пониженіе возвышенностей, а съ другой поднятіе кверху низменнаго морскаго дна. Этотъ насильственный переворотъ повлекъ за собою гибель огромнаго количества животныхъ и истребилъ почти всю тогдашнюю растительность... Волшебный фонарь посвящалъ насъ во всѣ тайны долговременнаго планетнаго періода, о которомъ рѣчь.

Послѣ страшнаго катаклизма глаза наши съ особеннымъ удовольствіемъ успокоились на картинахъ послѣдняго, третичнаго періода земной жизни. Послѣднія наслоенія земной коры образовались путемъ наносовъ (аллювіевъ) и наводненій или иѣстныхъ потоковъ (делувіевъ). Въ соленыхъ волнахъ новыхъ океановъ и морей, равно какъ и въ прѣсныхъ рѣчныхъ водахъ суши, зародились рыбы жамъ современныя. Въ водномъ и материковомъ полушаріяхъ, во всѣхъ частяхъ свѣта, постепенно выступившихъ изъ океаническихъ вѣдръ, произрасли двусѣменодольныя растенія. Въ охлажденномъ воздухѣ третичной эпохи, очищенномъ отъ паровъ, весело заиграли лучи солнца, началась правильная смѣна дней и ночей и обозначились климаты разныхъ широтъ нашей планеты. Явился цѣлый міръ разноцвѣтныхъ насѣкомыхъ и двуногихъ пернатыхъ. За птицами слѣдовали полуптицы и полувѣбри (въ родѣ новголландскаго утконоса). Во всѣхъ пяти частяхъ свѣта показали млекопитающія: четвероногія (травоядныя и плотоядныя), четырехрукія обезьяны, наконецъ двурукій разумный говорящій на всевозможныхъ языкахъ человѣкъ всѣхъ пяти широтъ: негръ, малаецъ, монголъ, американецъ и человѣкъ кавказской расы. Передъ нами постепенно развернулась въ живыхъ картинахъ природа всѣхъ частей свѣта: флора, фауна и человѣкъ Австраліи, Америки, Африки, Азии и Европы. Въ заключеніе зрѣніща явились одинъ за другимъ сперва дикарь первобытныхъ лѣсовъ, потомъ его противоположность — образованный европеецъ, окруженный всѣми дарами юной цивилизаціи.

Всѣ присутствовавшіе, какъ бы сговорившись, принялись усердно рукоплескать.

— Bravo! воскликнулъ студентъ.

— Bravo, bravo! повторили мы всѣ въ одинъ голосъ.

Водородный газъ потухъ. Воцарилась на нѣсколько минутъ совершенная темнота.

— Мы теперь въ періодъ рыбъ, не то папоротниковъ и пальмъ! сказалъ кто-то смѣясь.

— Какъ бы не съѣли насъ зубастые пссіозавры! замѣтилъ другой.

Внесли свѣчи, и очутившись опять въ свѣтѣ третичнаго періода,

мы въ шутку поздравляли другъ друга со спасеніемъ жизни. Потомъ всѣ усердно благодарили хозяина за доставленное удовольствіе.

Изъ залы мы опять возвратились въ гостиную, гдѣ насъ ожидала легкая закуска à la fourchette. Жена хозяина принялась насъ съ любезностію угощать.

— Для меня несовсѣмъ ясно, сказала 14-ти лѣтняя дочь хозяина, очень умная дѣвочка:—почему нѣсколько милліоновъ лѣтъ тому назадъ загорѣлся тотъ большущій шаръ, отъ котораго отскочили потомъ кольца и планеты.

— Это я тебѣ сейчасъ растолкую! съ важностію отвѣчалъ ей братъ, 16-ти лѣтній гимназистъ. Я на дняхъ вычиталъ въ одномъ журналѣ, что, ежели въ воздушномъ огнивѣ движеніемъ поршня, къ оконечности котораго привязанъ трутъ, сжать сильно воздухъ, воздухъ такъ разгорячится, что зажжетъ трутъ.

— А что такое воздушное огниво? спросила сестра гимназиста.

— Я это тебѣ послѣ разкажу, молвилъ 16-тилѣтній мудрецъ.

— А почему огненный шаръ сжался у полюсовъ?

— Какая ты странная! сказалъ гимназистъ. Когда пузырь, наполненный водою, быстро вертять на его оси, онъ сплюсчивается у полюсовъ. Это показывалъ намъ на опытѣ учитель физики.

Мы слушали разговоръ, посматривая другъ на друга, улыбаясь.

— Для меня непонятно, почему первобытный огненный шаръ имѣлъ круглый видъ, сказала сестра архитектора, молодая дѣвица.

— Небесныя тѣла, находясь въ жидкомъ состояніи, вслѣдствіе свободнаго дѣйствія тяготѣнія атомовъ другъ на друга, шарообразны какъ шарообразна капля росы, какъ шаровидна капля какой бы то ни было жидкости, объяснилъ докторъ.

— Неправда ли, спросилъ я архитектора: — форма круга и шара, самая совершенная изъ всѣхъ пространственныхъ формъ?

— Совершенно справедливо! отвѣчалъ архитекторъ. Это доказываетъ и исторія зодчества: древній античeskій міръ зналъ только углообразный строй наклонный—на востокъ, отвѣсный—въ Греціи; напротивъ въ римско-христіанскомъ мірѣ возникъ строй дугообразный и явился куполь.

— И овальная голова человѣческая, въ противоположность головамъ животныхъ, по своей формѣ ближе всего подходитъ къ шару или, точнѣе, къ сферонду, замѣтилъ живописецъ. Круглая линія изящѣйшая изъ всѣхъ линій.

— Миѣ не совсѣмъ понятно, почему, послѣ образованія кристаллической земной оболочки, произошли осадочныя пласты на нашей планетѣ, сказала жена хозяина.

— Если капнуть слюной на горячій утюгъ, отвѣчалъ докторъ,

то, послѣ испаренія слюны, остается на поверхности утюга осадокъ солянаго свойства. Во-первыхъ, въ первобытныя времена вода выдѣлила изъ себя осадки всякаго рода; во вторыхъ, та же вода стирала разныя вещества съ первобытныхъ вулканическихъ породъ.

— Интересно также знать, вслѣдствіе какихъ причинъ первоначальный постепенно охлаждавшійся кипятокъ долженъ былъ имѣть кислый, а не соленый вкусъ, растенія же первичнаго и вторичнаго периодовъ были безцвѣтны, сказалъ одинъ чиновникъ, сослуживецъ хозяина.

— Первобытная вода должна была имѣть кислый вкусъ по причинѣ большаго количества содержавшагося въ ней кислорода; чтожь касается до первоначальныхъ растеній, то они не могли имѣть зеленаго цвѣта за отсутствіемъ солнечныхъ лучей, въ первоначальныя времена заслоненныхъ атмосферой, до крайности насыщенной парами, объяснилъ докторъ.

— Поразительна логическая простота міротворенія! воскликнулъ другой чиновникъ. Какъ все естественно развивалось во вселенной! Какъ послѣдовательно усовершенствовались растительныя и животныя организмы на нашей планетѣ, въ теченіе всѣхъ трехъ периодовъ ея жизни! Въ царствѣ растительномъ сперва появились водоросли, затѣмъ—односѣменодольныя растенія, папоротники и пальмы, въ заключеніе—современныя намъ двусѣменодольныя растенія; въ царствѣ животномъ вначалѣ зародились молюски, рыбы, потомъ призваны были къ жизни земноводныя и гады (летучіе и пресмыкающіеся), наконецъ въ очищенномъ воздухѣ стали летать насѣкомыя и птицы, а по землѣ бѣгать млекопитающія, пока не появился человѣкъ, совершеннѣйшее изъ всѣхъ твореній. При видѣ дивной картины развитія органической жизни невольно рождается вопросъ: какъ обнаружился въ природѣ самозарожденіе и перерожденіе организмовъ?

— Какъ происходило самозарожденіе и перерожденіе—до сихъ поръ не объяснено; но что то и другое послѣдовательно имѣло мѣсто—въ томъ нельзя сомнѣваться, молвилъ съ отвѣтъ хозяинъ. Однакожь, господа, вы что-то мало кушаете и вовсе ничего не пьете!

— Мы заговорились совсѣмъ по поводу вашего представленія, замѣтилъ я:—вы сами въ томъ виноваты!

— Любопытно знать, когда появился на землѣ человѣкъ, до происхожденія климатовъ, или же послѣ ихъ возникновенія, спросилъ третій чиновникъ, также сослуживецъ хозяина.

— Послѣ образованія климатическихъ разностей, отвѣчалъ хозяинъ.

— А какъ давно обозначились климаты?

— Болѣе милліона лѣтъ тому назадъ?

— А давно ли существуетъ человѣкъ?

— Давно, очень давно; онъ живетъ на землѣ гораздо долѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ; цивилизація же человѣческаго рода, напротивъ, очень недавняя. Человѣкъ гораздо старѣе своей цивилизаціи; онъ въ теченіе многихъ тысячелѣтій находился въ дикомъ состояніи.

— Тогда двурукій смертный очень близко подходилъ къ обезьянѣ, которая въ карриатурѣ на него весьма похожа, перебилъ хозяинъ учителя географіи.

Все общество засмѣялось; дочка хозяина громко захохотала.

— А правда ли, что негры безсмысленнѣе монголовъ, а послѣдніе глупѣе европейцевъ, благодаря большей узости лицеваго угла? спросилъ одинъ изъ сослуживцевъ хозяина.

— Способности, дарованія людей дѣйствительно увеличиваются вмѣстѣ съ расширеніемъ лицеваго угла; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ люди не были между собою равны нравственно, отвѣчалъ учитель исторіи.

— А изъ этого прямо вытекаетъ, перебилъ студентъ, что сѣвероамериканскіе плантаторы не имѣютъ никакого права имѣть черныхъ невольниковъ.

— Еслибъ умудрилось разводять въ надлежащемъ количествѣ шлопокъ въ другихъ странахъ свѣта, то, силою торговаго соперничества, невольничество немедленно бы уничтожилось въ Америкѣ, заикнулся учитель географіи. Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что и въ Европѣ вѣрнѣе остояніе пало вслѣдствіе хозяйственныхъ причинъ: тому особенно содѣйствовало усовершенствованіе машинъ и техническихъ средствъ производства вообще.

— И мануфактурно-торговое направленіе англійскаго народа, перебилъ учитель географіи. Экономическія причины имѣютъ большее значеніе въ исторіи. Я плохо вѣрю въ нравственность человѣческихъ обществъ, какими они намъ представляются въ исторіи и въ настоящее время въ такъ называемыхъ образованныхъ государствахъ; цивилизація еще очень молода, какъ объяснилъ недавно намъ почтенный хозяинъ. Люди прозябаютъ на свѣтѣ не малое число тысячелѣтій, несмотря на то у нихъ, какъ говорится, до сихъ поръ молоко на губахъ не обсохло и они еще порядочные варвары.

— Родъ человѣческій еще очень юнъ, въ сравненіи съ долговѣчностью планеты, на которой живетъ, молвилъ одинъ изъ сослуживцевъ хозяина.

Послѣ закуски разговоръ перемѣнился. Стали толковать о политикѣ. Сынъ хозяина съ сестрою отошли въ сторону и помѣстились

у печки; къ нимъ присосѣдился и студентъ. Я съѣлъ, недалеко отъ молодыхъ людей и невольно сталъ прислушиваться къ болтовнѣ молодого поколѣнія. Всѣ трое разсуждали о предметѣ бывшей лекціи. Она ихъ повидимому очень интересовала. Шла рѣчь о міроизданіи.

— Не правда ли, наша планета очень стара, говорилъ гимназистъ.

— Нашей землѣ болѣе 350 милліоновъ лѣтъ, отвѣчалъ, улыбаясь, студентъ.

— Неужели земля такая старуха? воскликнула сестра гимназиста, открывъ большіе глаза.

— Какъ видишь! перебилъ ея братъ. Если землѣ болѣе 350 милліоновъ лѣтъ, то слѣдуетъ допустить, что солнечная система еще старѣе земли.

Потомъ зашла рѣчь о природѣ планетъ солнечной системы.

— Очень любопытно знать, что дѣлается на другихъ планетахъ? выдвигъ гимназистъ.

— Объ этомъ мало знаютъ, сказалъ студентъ. Планеты въ основныхъ чертахъ походятъ на нашу землю. Подобно ей, онѣ вращаются вокругъ нихъ общаго центра, солнца, и сверхъ того около своихъ осей, къ которымъ, какъ и нашъ земной шаръ, нѣсколько наклонены. Подобно землѣ планеты имѣютъ атмосферу. Телескопъ открываетъ на Марсѣ и Юпитерѣ, кромѣ смѣны дней и ночей, смѣну временъ года и климатическія полосы; сверхъ того на Юпитерѣ, подъ его экваторомъ, тропическіе дожди. О лунѣ извѣстно, что она не имѣетъ атмосферы.

— И такъ на планетахъ, перебилъ гимназистъ, день смѣняется ночью, существуютъ времена года и атмосфера, т. е., воздухъ и воздушныя теченія или вѣтры. Вы упомянули, что на Юпитерѣ идутъ тропическіе дожди: тоже самое явленіе можетъ имѣть мѣсто и на другихъ планетахъ. Ясно, что на нихъ есть вода, водныя теченія, идетъ въ свое время дождь, градъ, снѣгъ. Папа намъ объяснилъ, что планеты произошли путемъ сгущенія воспламененія и охлажденія. Если, вслѣдствіе охлажденія, образовалась, въ теченіе милліоновъ лѣтъ, земная кора, то очевидно, что по тѣмъ же самымъ причинамъ и на другихъ планетахъ сложилась и продолжаетъ слагаться подобная кора, состоящая изъ минеральныхъ веществъ. Можетъ быть твердая поверхность иныхъ планетъ отовсюду покрыта океаномъ, на иныхъ же успѣла обнаружиться суша въ видѣ острововъ и материковъ. А если на планетахъ существуетъ вода и атмосфера, то необходимо допустить, что въ ихъ водахъ плаваютъ рыбы, а въ очистившемся отъ паровъ воздухѣ летаютъ насѣкомыя и птицы. Если на нѣкоторыхъ планетахъ изъ волнъ выдвинулись острова и материкъ во всѣхъ

из кометическихъ полосахъ, то нельзя не принять, что на этихъ островахъ и материкахъ обитаютъ земноводные и гады, обьязуютъ млекопитающа. Но вотъ вопросъ: живутъ ли на нихъ люди?

— Объ этомъ ничего неизвѣстно, отвѣчалъ студентъ. — Когда усовершенствуютъ телескопа, астрономическую фотографію и микроскопа, то, чаго добраго, увидаютъ поближе природу планетныхъ поверхностей.

— Но развѣ, нигдѣ въ виду исторію образованія земли, особенно ея коры, по сходству нельзя дѣлать вѣроятныя заключенія о природѣ ея? спросилъ сынъ хозяина.

— Касательно этого предмета дѣйствительно можно кое-что сообразить, сказалъ студентъ: — впрочемъ очень мало. Весьма вѣроятно, что на планетахъ большаго объема, также на ближайшихъ къ солнцу и плотнѣйшаго состава, геологическій процессъ долженъ совершаться медленно, и имъ приходится долго переживать послѣдовательные періоды развитія; напротивъ, на планетахъ меньшаго размѣра, также на болѣе отдаленныхъ отъ солнца и менѣе плотныхъ, тотъ же самый геологическій процессъ, по необходимости, происходитъ и происходитъ быстрее, и имъ предстоитъ переживать послѣдовательные періоды гораздо скорѣе. Впрочемъ все это одиѣ гипотезы! Физическая астрономія до сихъ поръ очень бѣдна положительными данными....

— А что вы скажете о лунѣ? спросилъ гимназистъ.

— На ней нѣтъ атмосферы: слѣдовательно нѣтъ растительной и животной жизни, это мертвое небесное тѣло, трупъ.

— А вотъ еще вопросъ: зарождаются ли новыя солнечныя системы въ настоящее время? спросилъ гимназистъ.

— Если солнечныя системы возникали прежде, то почему имъ не зарождаются и теперь? На нашихъ глазахъ отъ кометы Бэлы начала отдѣляться другая, новая комета. Хотя сильныя телескопы и разлагаютъ туманныя пятна на кучи звѣздъ, несмотря на то существуютъ такія туманныя пятна, которыя до сихъ поръ тѣ же сильныя телескопы не успѣли раздѣлить на купы звѣздъ. А такъ-называемые планетные туманы, открываемые телескопами въ отдаленнѣйшихъ пространствахъ, неразложимые на звѣзды, развѣ не первобытное мировое вещество, изъ котораго, силою закона тяготѣнія, путемъ стущенія должны образоваться новыя небесныя тѣла?

— Вы назвали сейчасъ комету Бэлы, молвила дѣвочка: — пана намъ не объяснилъ, какъ произошли кометы.

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ ничего объ этомъ не сказалъ, перебилъ студентъ. — Кометы загадочныя тѣла. Можетъ быть онѣ образова-

лись и образуются десалъ изъ тончайшаго газа, отдѣляющагося отъ крайней поверхности огненныхъ, расплавленныхъ звѣздныхъ средъ — до времени отдѣленія отъ этихъ звѣздныхъ средъ кометъ и планетъ съ ихъ спутниками... Впрочемъ, это одно мнѣ кажется быть, несомнѣтельное предположеніе... О кометахъ почти ничего утвердительно сказано, одно — что онѣ состоятъ изъ вещества до того тонкаго, что въ этомъ тончайшемъ веществѣ лучи солнечные не преломляются.

— А что такое аэролиты? спросилъ гимназистъ.

— Нѣкоторые ученые полагаютъ, что аэролиты, эти падающіе съ неба камни — ни болѣе, ни менѣе какъ обломки разрушившихся небесныхъ тѣлъ.

— Это обстоятельство какъ нельзя болѣе подтверждаетъ мысль о гибели міровъ, замѣтилъ гимназистъ.

— Конечно! сказалъ студентъ, и, доидиувъ свое мѣсто, подошелъ къ столу, за которымъ сидѣли гости, ведя оживленную бесѣду. Сынъ хозяина съ сестрой послѣдовали за студентомъ. Я также приблизился къ столу и усѣлся въ креслахъ подлѣ живописца.

Разговоръ отъ подпитки, незамѣтно перешелъ къ бывшей лекціи и туманнымъ картинамъ. Разсуждали о важности plasticaческаго нагляднаго метода въ приложеніи къ преподаванію.

— Волшебный фонарь съ его туманными картинами отличное пособіе при изложеніи всякой естественной науки, говорилъ живописецъ:—хорошо бы его приложить и къ объясненію исторіи искусствъ, архитектуры, скульптуры, живописи.

— Его съ успѣхомъ можно бы приспособить къ преподаванію механики и технологіи, молвилъ студентъ.

— Также къ преподаванію землѣвѣдѣнія, перебилъ учитель географіи.

— И къ изложенію исторіи въ ея археологической части, при объясненіи древнихъ построекъ, мебели, утвари, экипажей, костюма и пр., прибавилъ учитель исторіи.

— Къ преподаванію сравнительной географіи легко бы приспособить кругосвѣтную панораму, діораму и стереоскопъ, замѣтилъ живописецъ. Стереоскопъ особенно удобенъ по причинѣ своего небольшого размѣра и дешевизны: географическіе стереоскопы слѣдовало бы завести во всѣхъ школахъ. Не трудно бы попытаться примѣнить къ популярному преподаванію и транспарантъ: его можно бы сдѣлать, для большаго удобства, подвижнымъ.

— Очень счастливая мысль, сказалъ кто-то.

Затѣмъ зашла рѣчь о другихъ средствахъ нагляднаго обученія: о музеяхъ, моделяхъ, восковыхъ этнографическихъ и историческихъ

искусствъ, о дарственныхъ и продажныхъ всякаго рода, товаровъ и дѣтскихъ учебныхъ игрушкахъ.

— «Хорошо бы было!» сказалъ въ это время одинъ изъ мастеровъ, мастеровъ и портняжъ солдатиковъ дѣлалъ систематическія ботаническія, геологическія, этнографическія, историческія и другія коллекціи подъ руководствомъ съ толькою университетальнаго и армянскаго обучающихся; молвилъ хозяинъ.

— Твоя правда! сказала жена хозяина: — дѣти при покупке учебныхъ игрушекъ преобрѣли бы: игру много обидѣли. Сверхъ того первоначальныя впечатлѣнія были бы самыя благоприятныя: они дали бы честное, дѣльное направленіе молодому поколѣнію.

— Продавцы игрушекъ мало о томъ думаютъ, замѣтила сестра архитектора. — Зайдите въ любую игрушечную лавку: кромѣ пустѣвшихъ игрушекъ, вы тамъ ровно ничего не найдете.

— Совершенно справедливо! отвѣчала жена хозяина.

Между тѣмъ на столовыхъ часахъ ударило два.

— Какъ мы долго у васъ засидѣлись! молвилъ архитекторъ.

Съ этими словами онъ и его сестра встали, готовясь проститься съ любезными хозяевами. Мы всѣ послѣдовали ихъ примѣру и раскланялись.

Черезъ нѣсколько минутъ я былъ уже на улицѣ. Ночь была тихая. Мнѣ пришлось нѣкоторое время идти съ живописцемъ. Подъ впечатлѣніемъ недавняго разговора онъ успѣлъ сообразить очень много оригинальнаго.

— Наглядное обученіе могло бы быть особенно полезно для народа, сказалъ живописецъ.

— Я съ вами совершенно согласенъ, отвѣчалъ я.

— Мнѣ кажется, продолжалъ онъ: — что и многимъ народнымъ увеселеніямъ не трудно бы дать нравственно-поучительное направленіе. Такъ напр. балаганныя представленія, игры цирка, паясовъ легко бы употребить съ цѣлью нравственнаго назиданія народа, осмѣивая на-появалъ разные общественныя пороки и слабости.

— И театрамъ нашимъ не мѣшало бы дать такое же назначеніе, прибавилъ я.

— Правда, перебилъ живописецъ: — наши трагедіи, драмы, комедіи, водевили, фарсы отчасти имѣютъ нравственно-поучительное значеніе; но этого мало! Въ театральныя представленія слѣдовало бы внести побольше порядка, побольше моральнаго и научнаго элемента, побольше живости и оригинальности. Такъ напр. легко бы объяснять народу отечественную старину при помощи историческихъ драмъ: великій Шекспиръ подалъ тому примѣръ.

— Но гдѣ же драматурги, способные выполнить подобную задачу? спросилъ я.

— Авось когда нибудь явятся! молвилъ мой спутникъ, смѣясь. — Въ ожиданіи гениальныхъ писателей, театральная дирекція могла бы устраивать по крайней мѣрѣ хотя живыя историческія картины.....

— Вашими бы устами да медъ пить! отвѣчалъ я. — Однако прощайте: вамъ на Васильевскій островъ; а мнѣ на Литейную.

Мы расстались. Я на извозникѣ возвратился домой. Мнѣ было несказанно пріятно отдохнуть послѣ долгихъ разсужденій и всякаго рода преній послѣдняго вечера.

ОЗЪ НАБЛЮДЕНІЙ НАСТАВНИКА СЕМИНАРІИ.

«Тебя не мать родила, тебя сплелъ
портной...»

ШЕКСПИРЪ.

I.

При вопросѣ о преобразованіи духовныхъ семинарій не мѣшаетъ имѣть въ виду то обстоятельство, что въ семинаріяхъ число предметовъ преподаванія оказывается теперь вдвое большимъ противъ числа преподавателей. Уже литературой по этому вопросу было обращено вниманіе на *универсальное* положеніе семинарскихъ наставниковъ въ отношеніи къ семинарскимъ кафедрамъ, на случайное опредѣленіе ихъ къ предметамъ преподаванія и на происходящее отсюда частое перемѣщеніе ихъ съ одного предмета на другой, а также и неимѣнность ихъ какъ специалистовъ. Но возможна еще другого сорта казуистика въ томъ же родѣ, только уже совершенно отъ другой причины. При множествѣ предметовъ и при большомъ числѣ наставниковъ каждому изъ послѣднихъ приходится теперь преподавать отъ двухъ до пяти и болѣе предметовъ. Одна только кафедра догматическаго богословія составляетъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе.... Но если взять во вниманіе, что наставники семинарій должны преподавать въ продолженіе каждаго двухъ лѣтъ по *нѣскольку наукъ*, — то спрашивается, какъ можетъ наставникъ справляться съ ними такъ, чтобы каждая изъ нихъ была изучена имъ основательно и преподаана ученикамъ не въ одномъ *общемъ и сухомъ видѣ* (схоластически)? Скажутъ, что для этого достаточно времени — два года? Но надо замѣ-

тить, что на долю этихъ двухъ лѣтъ не одна только эта задача выпадаетъ. Вслѣдствіе пичтожности оклада семинарскаго, каждый наставникъ, кромѣ прямыхъ своихъ предметовъ, всегда почти занимаетъ еще другую какую нибудь побочную должность при семинаріи, какъ-то: помощника инспектора, бібліотекаря, секретаря, эконома, и наконецъ преподавателя французскаго, нѣмецкаго или еврейскаго языка, — должность, важная для него тѣмъ, что она доставляетъ ему нѣкоторую прибавку въ жалованьѣ. Итакъ, для соединяющаго двѣ должности—прямую и побочную—можетъ ли быть достаточно двухъ лѣтъ на изученіе предмета, если такимъ образомъ обязанности усложняются? Если наставникъ семинаріи занимаетъ даже не болѣе трехъ классовъ въ недѣлю по своему прямому предмету (пропорція наименьшая въ семинаріи, за исключеніемъ ректорской и инспекторской кафедръ), — то при двухъ должностяхъ и это не большое облегченіе для него, потому что въ промежуткахъ онъ постоянно долженъ исполнять не относящіяся къ его предмету дѣла. Мы укажемъ для примѣра на наставника гомилетики, обличительнаго богословія и раскола. У него обыкновенно только три класса въ недѣлю по прямому предмету. Но не смотря на то, — сколько еще наставникъ гомилетики долженъ перечитать еженедѣльно очередныхъ проповѣдей своихъ питомцевъ, сколько «расположеній» (*) выправить, а предварительно еще выдумать для каждаго ученика тѣму!... Представьте же, что этотъ наставникъ соединяетъ еще должность или секретаря правленія, или бібліотекаря, или эконома, или наконецъ преподаетъ еще какой нибудь языкъ.... Достаточно ли онъ имѣетъ времени для того, чтобы сказать что нибудь ученикамъ помимо голословныхъ учебниковъ, по части проповѣдническаго и обличительнаго ученія церкви, и для того вчитаться самому въ литературу отеческую, — не говоря уже о томъ, что для надлежащаго преподаванія хоть одного изъ этихъ предметовъ, особенно Раскола, требовалось бы столько же времени, сколько полагается на нихъ вмѣстѣ?... Достаточно ли, спрашивается, онъ имѣетъ времени, чтобы не ограничиваться однимъ *ставленіемъ учениковъ на ходули*, какъ это приходится дѣлать теперь?...

Но есть наставники, которые, кромѣ побочныхъ должностей, читаютъ по четыре и по пяти наукъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (напр. преподаватель библейской, церковной всеобщей, церковной русской исторіи, каноники и обрядословія) и имѣютъ при этомъ классы въ недѣлю не менѣе шести—семи. Одни изъ нихъ нерѣдко преподаютъ такіе обширные предметы, что много было бы съ нихъ и одного, какъ на примѣръ историческіе предметы (такъ важныя, замѣтимъ, въ дѣлѣ

(*) «Расположеніемъ» называется планъ (прозѣтъ) проповѣди, предварительно представляемый на разсмотрѣніе.

моментарнаго образованія юношества, что лучше бы для расширенія ихъ сократить такіе предметы, какъ даже самая догматика, а тѣмъ болѣе такіе, какъ реворина, логика и т. п.), — между тѣмъ какъ они вынуждены читать таковыхъ по нѣскольку (напр. преподаватель всеобщей и русской гражданской исторіи нѣрѣдко долженъ читать еще или катехизисъ Петра Могилы или же богослужебныя книги). Другіе, преподавая тоже по два и по три предмета (какъ наставникъ логики, психологіи и патристики или наставникъ словесности и латинскаго языка), обязаны сверхъ того читать еще чрезъ каждыя десять дней по крайней мѣрѣ по пятидесяти ученическихъ сочиненій... Говоримъ опять, достаточно ли для каждаго изъ этихъ наставниковъ времени — изучать всѣ свои три, четыре и даже пять предметовъ? Достаточно ли для того, чтобы, какъ говорятъ сами наставники, *за-ржаются* (*) для ежедневныхъ выстрѣловъ въ классѣ?...

Впрочемъ, все это мы сказали въ видѣ прелюдіи къ тому, какъ желательнее было бы дожидаться переменъ къ лучшему въ этомъ отношеніи. Но какой перемены? Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ въ послѣднее время завелась мѣра — уничтожать параллельныя классы и уничтожить притомъ съ тѣмъ, чтобы изъ двухъ наставниковъ оставался только одинъ. Само собою разумѣется, что эта мѣра очень полезна и похвальна въ экономическомъ отношеніи. Но полезна ли она также и въ отношеніи учебномъ? Едва ли.

Мы знаемъ одинъ примѣръ, что два параллельныя наставника — преподаватели гражданской всеобщей и русской исторіи — просили соединить нѣтъ параллельныя классы съ тѣмъ, чтобы вмѣсто преподаванія двухъ предметовъ въ каждомъ отдѣленіи порознь оба они имѣли только по одному предмету и читали его для обоихъ отдѣленій. Но это имъ не удалось. Другіе два наставника пробовали также просить, чтобы соединивъ ихъ параллельныя классы по логикѣ, психологіи и патристикѣ, подѣлили между ними самыя предметы: или такъ, чтобы одинъ читалъ логику и психологію, а другой патристику, или такъ, чтобы одинъ логику, другой психологію, а потомъ оба нѣсть патристику, раздѣливши ее для этого на особыя части, или же, наконецъ, такъ, чтобы самую логику подѣлили на двухъ наставниковъ — одному теоретическую часть, другому практическую и проч.

Это фактъ. Мы думаемъ, что подобная мѣра соединенія параллельныхъ классовъ, — мѣра, требующая не уменьшенія числа наставниковъ, а даже увеличенія, — вполне разумна и была бы дѣйствительно по-

(*) Думаемъ, что никто изъ умныхъ и добрыхъ людей не станетъ смѣяться отъ сердца надъ такимъ траги-комическимъ выраженіемъ...

лезна въ учебномъ отношеніи. Соединивъ два параллельные класса въ одинъ, два наставника вмѣсто положенныхъ шести классовъ въ недѣлю получили бы только по три, что давало бы больше времени для приготовленія къ классу и возможности для изученія самой науки. Конечно, тутъ еще далеко до существеннаго облегченія, возможнаго въ этомъ случаѣ только при многихъ и многихъ другихъ еще условіяхъ. Но пока это будетъ — почему бы не уважить подобнаго требованія? По тому ли, что подѣлъ учениковъ на отдѣленія даетъ наставнику возможность узнавать ихъ скорѣе и наблюдать легче за ихъ исправностію? Но если такъ, то зачѣмъ же въ богословскомъ классѣ семинаріи, гдѣ собственно и производится теперь операція уничтоженія параллельности, не уважено такое обстоятельство? Или въ богословскомъ классѣ одному наставнику, напр. догматикѣ, легче слѣдить за развитіемъ соединенныхъ двухъ отдѣленій, чѣмъ, положимъ, это же самое дѣлать двумъ наставникамъ философіи или словесности?... Преподавателемъ догматическаго богословія въ соединенныхъ отдѣленіяхъ богословскаго класса бываетъ обыкновенно одинъ ректоръ. Онъ имѣетъ всего два класса въ недѣлю. Очевидно, матеріальный трудъ его легче. Но почему бы не облегчить такимъ образомъ матеріальнаго труда и для другихъ наставниковъ, у которыхъ по шести и по семи классовъ въ недѣлю? Или же важенъ собственно трудъ матеріальный въ этомъ случаѣ — чтобы ходить какъ можно чаще въ классъ?!..

Можетъ быть нѣкоторымъ покажется, что только трудъ частаго хожденія въ классъ можетъ быть полезнымъ трудомъ со стороны наставниковъ семинаріи, что безъ этого наставникамъ нечего будетъ дѣлать, что это будетъ поблажка для лѣности, если не заставить ихъ ходить въ классъ какъ можно чаще и читать предметовъ какъ можно больше.... Но мы сдѣлаемъ тотъ общій выводъ, что при множествѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, множествѣ, превышающемъ число предметовъ преподаванія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — необходимо одно изъ двухъ: или увеличить число наставниковъ сообразно числу предметовъ, или же, положивъ на каждого изъ нихъ по нѣсколькимъ предметамъ, дать имъ гораздо болѣе времени на занятіе этими предметами. Если въ первомъ случаѣ можно было бы сократить время курсовъ, какъ въ гимназіяхъ, то тогда только можно было бы умножить и число классовъ недѣльныхъ безвредно. И дѣйствительно, такая мѣра была бы полезнѣе въ учебномъ отношеніи, потому что процессъ выстанія изъ головы изученнаго, не увеличивался бы промежутками и длиннотою, необходимыми въ курсахъ двухгодичныхъ.... Но если за отсутствіемъ такой мѣры прибѣгаютъ къ другой — соединенію параллельныхъ классовъ, то это

соединеніе выгодно было бы въ учебномъ отношеніи развѣ только тогда, когда это веле быг не къ умсншенію числа параллельныхъ наставниковъ; какъ теперь; или же не къ поддержанію параллельности классовъ ради самой этой параллельности, какъ это нѣкоторые дѣлають, — а къ уменьшенію числа предметовъ у каждаго изъ этихъ наставниковъ, необходимому для улучшенія преподаванія семинарскаго и успѣховъ семинарскаго образованія.

II.

Какъ ни мала сумма, ассигнуемая на поддержаніе семинарскихъ библіотекъ, но все же можно на нее выписывать то, что существенно необходимо для образованія. Вопросъ только въ томъ, что собственно считать существеннымъ для образованія семинаристовъ? Напримѣръ, существеннѣ ли для этого образованія сочиненія Гоголя и Пушкина, или же «Логика» Корощева и «Психологія» Киждзе?... На взглядъ современной педагогикі развѣвають только тѣ книги, которыя дають пищу не одному разуму, но и чувству, воображенію, или, короче говоря, всей душѣ. Зачѣмъ же предпочтеніе оказывается такимъ отвлеченностямъ, какъ философія формальныхъ логикъ и психологія? Неужели они больше дадутъ пищи для души, чѣмъ сочиненія Гоголя, и будутъ доступнѣе для молодыхъ понятій, чѣмъ послѣднія?... Что подобное предпочтеніе дѣйствительно дѣлается — это доказывается тѣмъ фактомъ, что въ любой семинарской библіотекѣ вы не найдете, напр., «Мертвыхъ Душъ», а «Логика» Корощева и «Психологію» Киждзе—вездѣ. Мы были свидѣтелями, какъ одинъ ректоръ выписывалъ книги разомъ на 60 рублей для семинарии. И что же? Тамъ были «Проплеи», «Чтенія Московскаго Общества Древностей», соч. Кленке, Киждзе, Корощева, Райковскаго, Гугеля и проч. и проч., но ни одного тома сочиненій Вѣлинскаго, или Гоголя, или Пушкина и т. п. Зачѣмъ же, спрашивается, дѣлають такое несправедливое предпочтеніе? И не отсюда ли происходитъ то печальное явленіе, призываемое всѣми, что семинаристы получаютъ образованіе въ самомъ сухомъ и схоластическомъ видѣ?...

III.

Предыдущее обстоятельство показываетъ, что все зло въ семинарияхъ происходитъ отъ недостатка въ нихъ педагогическихъ сочиненій изъ наставниковъ. И дѣйствительно, теперь ректоръ одинъ ду-

масть за всѣхъ, одинъ дѣйствуетъ и распоряжается, «яко власть имѣющій», а наставники по необходимости должны оставаться внѣ всякой живой связи съ нимъ по части образованія и воспитанія юности. Хорошо, если ректоръ — человѣкъ умный и несвоенравный. Онъ не захочетъ сбѣгать изъ себя палки, которой сланетъ подгонять всѣхъ и каждаго. Но что, если случится иначе? Не поставитъ ли онъ себѣ цѣлю угнетать паставниковъ, имѣющихъ свое собственное мнѣніе о воспитаніи, можетъ быть потому собственное, что оно не довольствуется рамками уже отжившихъ и старыхъ порядковъ, обыкновенно поддерживаемыхъ ректорами на основаніи ихъ автократическаго положенія?... Мы видѣли уже, до чего доводитъ ректора его независимость при выпискѣ книгъ для поддержанія семинарской бібліотеки. Этотъ примѣръ доказываетъ, что ректоръ готовъ сдѣлать какой угодно ущербъ образованію семинаристовъ, лишь бы только не посоветоваться съ наставниками въ выборѣ книгъ и не поступиться такимъ образомъ своею властію предъ ними. Теперь мы обратимся къ другому примѣру—когда ректоръ является составителемъ общаго и окончательнаго списка, по которому, надо замѣтить, рѣшается участь цѣлыхъ десятковъ семинаристовъ, обыкновенно исключаемыхъ каждый годъ изъ семинаріи. Мы, можетъ быть, увидимъ причину того, почему нѣтъ ничего легче въ семинаріи, какъ подвергнуться исключенію....

Ректоръ составляетъ общій разрядной списокъ, самъ, безъ участія наставниковъ. Какъ же онъ составляетъ его? Такъ—какъ списки каждаго класса порознь бывають составлены уже предварительно наставниками, то ректоръ, составляя общій списокъ, долженъ повидимому руководствоваться первымъ,—иначе къ чему бы обязывать и подавать ихъ. Но ректоръ составляетъ, еще самъ списокъ, какъ мы сказали. Онъ долженъ дѣлать это на основаніи своего права, долженъ т. е. *самъ* составить списокъ, не смотря на составленные прежде. Не спрашивайте, отчего такое недовѣріе къ спискамъ наставниковъ. Не спрашивайте также, для какихъ цѣлей ректоръ составляетъ ихъ и могутъ ли быть у ректора, по началамъ и условіямъ педагогич., нѣмъ цѣли, кромѣ тѣхъ, которыя имѣють въ виду съ нимъ, и всѣ наставники.... Ректоръ составляетъ общій списокъ потому, что онъ имѣетъ власть и офицію составлять его. Если бы нужно было для какихъ нибудь побочныхъ цѣлей составленіе такого списка, то это составленіе прилично было бы раздѣлить опять—таки между всѣми наставниками, чтобы дѣло не принимало фальшиваго оборота и не теряло своей важности въ глазахъ учениковъ. Но ректоръ составляетъ списокъ безъ участія наставниковъ.... Итакъ, значить, для проявленія власти необходимо составлять ректору новый списокъ и притомъ отличный

отъ списковъ наставническихъ (иначе зачѣмъ бы и составлять его!).

Не трудно видѣть, что происходитъ отсюда. Ректоръ оцѣниваетъ вновь учениковъ—по личнымъ своимъ взглядамъ или отношеніямъ къ нимъ. Правда, предполагается, что ректоръ оцѣниваетъ по экзаменамъ, экзаменнымъ сочиненіямъ и нравственности. Но какова эта оцѣнка? Положимъ, ректоръ хочетъ оцѣнить учениковъ по экзаменамъ. Но такъ—какъ экзамены въ семинаріяхъ производятся только для формы, а не комитетнымъ образомъ, гдѣ ученикъ испытывается по-предметно и при участіи и голосѣ свидѣтелей (ассистентовъ); такъ—какъ семинаристъ на своихъ экзаменахъ долженъ говорить одну только заучку, а свободно своихъ знаній высказать не имѣетъ ни права, ни случая,—то экзаменъ даетъ пищу только для субъективныхъ заключеній ректора объ ученикѣ. Оцѣнка наставническая, представляемая въ частныхъ спискахъ, оцѣнка, очевидно, наиболѣе основанная на знакомствѣ съ познаніями и способностями учениковъ,—эта оцѣнка устраняется въ этомъ случаѣ ректоромъ въ силу принципа его власти на самостоятельное составленіе списка по даннымъ одного экзамена. Что касается до *экзаменныхъ задачъ*, то онѣ ровно ничего не говорятъ ректору объ ученикахъ, потому что читаютъ эти «задачи» тоже наставники, а не ректоръ, и онъ долженъ или вѣрить въ этомъ случаѣ или не вѣрить, или же просто оставлять ихъ безъ всякаго вниманія. Большею частью дѣйствительно онѣ и оставляются безъ вниманія и задаются для того только, чтобы, если кто не подастъ, того лишитъ казеннаго содержанія, не пустить на праздникъ, что называется «не дать билета», и вообще какъ нибудь придраться... Наконецъ, *нравственность*. Но тутъ—то ректору и представляются всевозможныя новоды ставить учениковъ въ списокъ по личнымъ отношеніямъ, а не по истиннымъ нравственнымъ достоинствамъ. Странно было бы думать, что ректоръ можетъ больше наставника знать о нравственности воспитанниковъ. Истинныя нравственныя достоинства и недостатки послѣднихъ, во всякомъ случаѣ, болѣе извѣстны наставникамъ, чѣмъ полиціи семинарской, на свидѣтельствѣ которой опирается ректоръ и которая слагается изъ инспектора, помощниковъ его, наивысшаго изъ *неделей* университетскихъ, наконецъ старшихъ и доносчиковъ или шпионовъ инспекторскихъ. Конечно, никто не станетъ оспаривать, что и полиція семинарская кое-что можетъ открывать касательно нравственности воспитанниковъ. Но дѣло въ томъ, что она знаетъ объ этой нравственности шодъ условіемъ своей власти и слѣдовательно не всегда безпристрастно. Довольно уже того къ ея несостоятельности въ этомъ отношеніи, что она не можетъ судить о виновномъ, входя въ его положеніе, — какъ это можетъ дѣлать одинъ

только наставникъ, не обязанный формально къ надзору за нравственностью учениковъ и свободно изучающій ихъ. Одинъ, наиболѣе безпристрастный судья объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ учениковъ — это наставникъ, потому что онъ есть свидѣтель о нравственныхъ качествахъ, а не о поступкахъ, которые сами по себѣ могутъ производить субъективное впечатлѣніе на официальныхъ зрителей. Наставникъ не останавливается надъ *объективомъ* поступка, но ограничивается выводомъ одного только качества. Онъ не можетъ имѣть поводовъ перетолковывать поступокъ такъ или иначе и на основаніи этого приписывать произвольныя нравственныя качества. Напротивъ, какъ свободный зритель поступковъ, онъ имѣетъ большіе поводы къ тому, чтобы чувствовать состраданіе и не обвинять только, но и оправдывать, входя съ положеніе виновнаго, — тогда какъ при оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ ученика полиціей семинарской не можетъ быть ни одного голоса въ защиту его.... Но этотъ свидѣтель, какъ мы сказали, устраняется при окончательной и общей оцѣнкѣ учениковъ. Не остается ли вслѣдствіе этого полнаго простора одному только *личному сужденію* объ ученикахъ, — кто бы его ни произносилъ, хотя бы то ректоръ, инспекторъ или другой какой авторитетъ, который считался бы даже самымъ благонамѣреннымъ и совѣстливымъ?

IV.

Замѣтимъ кстати о значеніи ректоровъ—монаховъ какъ педагоговъ. Это фактъ, что дѣла воспитанія духовнаго юношества въ семинаріяхъ доселѣ не ввѣряютъ никому почти, кромѣ монаховъ, развѣ въ крайнихъ случаяхъ замѣняемыхъ протоіереями. И ректоръ, и инспекторъ всегда должны быть монахи.... Вопросъ только въ томъ, имѣютъ ли монахи призваніе быть педагогами? Способны ли они въ этомъ отношеніи другихъ наставниковъ семинарін? Кажется, что нѣтъ, и сказать, что монахъ способенъ и призванъ къ воспитанію было бы также невѣрно, какъ сказать, что монахъ призванъ управлять міромъ или государствомъ. Обыкновенно думаютъ, что монахи суть наилучшіе христіане, и что какъ наилучшіе въ этомъ отношеніи — они будутъ такими и въ области педагогій. Но что касается до христіанства, то оно, въ педагогическомъ отношеніи, есть только принципъ борьбы съ природой, вносимый въ воспитаніе, а не самый способъ или даже искусство. Воспитаніе есть такое искусство, которое необходимо еще прежде самаго христіанства на педагогической поприщѣ, для того, чтобы самое христіанство привить подлежащимъ образомъ къ сознанію и чувству. Къ чему же, спрашивается, знато-

къ педагогѣ не предпочесть знатокамъ христіанства тамъ, гдѣ дѣло собственно насажденія христіанства въ сердцахъ дитомцевъ можетъ принадлежать не ректору или инспектору какому нибудь, а простому преподавателю закона Божія?

Но обратимся къ монаху-педагогу. Сосредоточенный вниманіемъ на своихъ, всемірныхъ обязанностяхъ, монахъ-педагогъ хотѣлъ бы видѣть подобныхъ себѣ людей и въ воспитанникахъ. Онъ пишетъ послѣднимъ инструкцію поведенія, по которой могла бы развиться самая прекрасная и художественная нравственность — нравственность мнѣта. И когда же? Въ періодъ воспитанія. Спрашивается, можетъ ли дитомецъ, дитя или юноша, понять прелесть нравственности отшельника? Способенъ ли онъ слѣдовать ея образу, въ инструкціи начертанному, безъ того, чтобы начертанный не вынужденъ былъ прибѣгать къ перу и усложнять ее по мѣрѣ неспособности воспитанника выполнить инструкцію?.. Вотъ, почему въ семинаріяхъ столько строгостей, исключеній, а въ училищахъ уѣздныхъ съченіе розгамъ, достигшее высшей степени развитія. И тѣ, которые сѣкутъ, — или монашествующее начальство, или же тѣ, которые воспитаны подъ его надзоромъ и допущены къ училищной службѣ какъ самые благонадежные, по его жиѣнію. Предписывая инструкціи, и наказывая тѣхъ, которые не выполняютъ ихъ, духовные педагоги какъ будто хотятъ, чтобы воспитанники сами воспитывались по ихъ приказанію. Они чуждаются средствъ воспитанія, свойственныхъ жизни и развитію или даже принятыхъ жиѣнію для педагогическихъ цѣлей. А главное, они не хотятъ знать, что чѣмъ цѣль воспитанія строже и выше, тѣмъ малѣйшая невыдержанность со стороны способности воспитателей и средствъ воспитанія неизвинительнѣе....

V.

Въ семинаріяхъ преподается психологія. Почему бы не замѣнить ее хоть физиологіей? Польза физиологіи несомнѣнна. Что же касается до психологіи, то она или бесполезна, или вредна въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ теперь въ семинаріяхъ. Кто не знаетъ, напримеръ, что у человѣка есть душа, мысль, память, воображеніе, характеръ, страсть, возрастъ, темпераментъ?... А между тѣмъ психологія семинарская (она же пока и всероссійская) въ томъ только и заключается, что исчисляеть способности и качества души. Вы думаете, она даетъ познаніе о томъ, что такое *душа* или *ея жиѣнь*? Нѣтъ, она даетъ одни только формальные и голословныя опредѣленія души и особенно ея безсмертія. Зачѣмъ же писать науку о томъ, чего знать

нельзя и во что можно только вбросить? Или и образъ мыслей долженъ быть заученнымъ, взятымъ на-прокатъ въ школь?...

Спросите любого ректора семинаріи, не фанатика только: откуда лучше можетъ ученикъ узнать въ школь душу и ея свойства — изъ психологіи, или романовъ, исторіи и физиологіи? Вамъ сознается, если захотятъ; что изъ романовъ, а не изъ психологіи. Это и есть собственное убѣжденіе. Итакъ, почему же не замѣнить психологіи тѣмъ, что лучше ведетъ къ той же самой цѣли? Но, положимъ, каждый связать въ этомъ отношеніи «существующимъ порядкомъ дѣла». Зачѣмъ же не давать свободы до крайней мѣры самимъ воспитанникамъ читать то, что имъ полезно? Зачѣмъ, напримѣръ, преслѣдовать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Бѣлинскаго? Почему, наконецъ, не вѣдомостествовать наставникамъ выписываніемъ книгъ, при помощи которыхъ они могли бы преподавать психологію реальную, прагматическую, психологію, такъ сказать, по типамъ поэзии и исторіи, по даннымъ физиологической стороны человека?... Не стыдно ли быть такъ неослѣдовательными въ своихъ убѣжденіяхъ, по которымъ и романы, и физиологія, и Пушкинъ, и Гоголь полезнѣе всѣхъ психологій съ томиками?...

VI.

Но, положимъ, для психологіи и Пушкинъ, и Гоголь и проч. суть такой побочный матеріалъ, воспользоваться которымъ можно различно и воспользовался бы искусно развѣ наставникъ, при своихъ лекціяхъ. По крайней мѣрѣ тутъ инициатива пользы, какъ результата, лежитъ не въ самомъ Пушкинѣ, Гоголѣ, физиологіи и проч.... Отчего бы не замѣнить хотя изученіе семинарскихъ реторикъ изученіемъ художественныхъ произведеній? Если бы вмѣсто уроковъ изъ реторики задавали ученикамъ выучивать по страничкѣ, положимъ, хоть изъ Лермонтова, — какимъ бы жизненнымъ и разумнымъ языкомъ говорили и писали тогда семинаристы, «изражающіеся» теперь напыщенно, сухо и схоластически! Если сравнить семинариста съ гимназистомъ, то послѣдній однимъ уже тѣмъ стоитъ несравненно выше перваго, что изучалъ дѣдушку Крылова, не говоря само собой о другихъ.... Во всякомъ случаѣ, если гдѣ реальное знаніе важно, если «Прописи», «Записки Общества Исторіи и Древностей», и проч. и проч. важны для преподавателя исторіи, если исторія, физиологія и поэзія нужны для психолога, то сколько важнѣе и необходимѣе въ семинаріяхъ реальное изученіе словесности?...

VII.

Доселѣ не обращено было надлежащаго вниманія на учебное значеніе такъ-называемыхъ семинарскихъ «задачекъ». Эти задачи положительнo вредны для развитія молодыхъ людей, потому что они кѣшаются завѣшаться изученіемъ наукъ, чтеніемъ книгъ и проч., отнимая только время собою. Семинаристу въ классѣ приходится глго думать только о задачкахъ, да о зазубриваніи уроковъ. Не успѣваетъ семинаристъ написать одну задачу, какъ задача уже и лежитъ на шеѣ другая.... Почему бы не сократить числа этихъ задачекъ, если ужъ нельзя ихъ уничтожить совсѣмъ? Или, почему бы не предоставлять полной свободы писать то, что кто знаетъ или что хочетъ? Развѣ не могла бы пробудиться потребность у семинариста записать иногда замѣчательную лекцію наставника или собственную счастливую мысль, или что нибудь вычитанное и заинтересовавшее собою? Это былъ бы по крайней мѣрѣ естественный способъ научиться писать. Кто учился бы по нему, тотъ въ состояніи былъ бы написать хорошо и что нибудь заказное, въ родѣ, напримѣръ, проповѣди. Грамматическая правильность и такъ называемый въ реторикахъ слогъ не можетъ быть усвоенъ вполне посредствомъ однихъ искусственныхъ мѣръ: и тому и другому можно только напрактиковаться чтеніемъ и свободнымъ изложеніемъ мыслей и знаній на бумагу. Что же касается до стремленія научить посредствомъ задачекъ размышлять, то ничего нѣтъ вреднѣе этого въ періодъ воспитанія: дитя можетъ размышлять только тогда, когда разговариваетъ или дѣйствуетъ, а юноша пожалуй еще тогда, когда приобрѣтаетъ знанія и вступаетъ въ жизнь. Освобдите ихъ отъ задачекъ и предоставьте ихъ жизни, — будьте увѣрены, что мысль ихъ разовьется здоровымъ и нисколько неповрежденнымъ теоріями и рефлексіями образомъ....

Это же самое зло мѣшаетъ изученію наукъ и въ академіяхъ, потому что академіи, такъ какъ въ нихъ нѣтъ факультетовъ, суть тѣ же семинаріи только въ распиренномъ видѣ. Тамъ задачи да хожденіе на всѣ предметы безъ исключенія мѣшаютъ выбору спеціальнаго занятія. Вотъ почему лучшіе студенты оказываются худшими въ академіяхъ, подобно какъ лучшіе семинаристы въ семинаріяхъ. По крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые захотятъ что нибудь изучить основательно и потому вынуждены бываютъ заботиться о формальной исправности, — становятся въ глазахъ начальства худшими. Чтобы быть лучшимъ, нужно всегда и на всѣ предметы ходить въ классъ, нужно подавать всѣ задачи. Но тому, кто поставляетъ себѣ цѣлю изучить хоть одну

науку, но основательно, отписываніе задачекъ, да хожденіе въ классъ на всѣ предметы могутъ быть только помѣхой.

VIII.

Чтобы быть исправнымъ ученикомъ семинаріи, для этого нужно еще каждодневное зубреніе уроковъ. Когда люди желали бы послушать чтонибудь въ классѣ отъ наставника, — они должны ограничиться скудными положеніями учебника и выдаваніемъ своихъ уроковъ наставникамъ.

Замѣчательно-жалко подожженіе наставника, опутаннаго механизмомъ семинарскаго образованія. Съ одной стороны, онъ обязанъ въ классѣ не столько преподавать, сколько спрашивать заучку и объяснять ее. Съ другой стороны, онъ долженъ обыкновенно прочитать въ теченіе курса три или четыре науки, обремененный притомъ какоюнибудь побочною должностію, чтеніемъ ученическихъ сочиненій, ежедневнымъ хожденіемъ въ классъ.... Слѣдствіемъ такимъ образомъ съ своими объясненіями за заучкой учениковъ и помогаемый на каждомъ шагу механизмомъ своей службы и программы, — что можетъ приготовить онъ къ своему преподаванію, со стороны фактическихъ и конкретныхъ свѣдѣній, не заключающихся въ учебникѣ? Остается, значитъ, читать *общо*, то есть, объяснить слова учебника. Вообразите же, при этомъ, что наставникъ не специалистъ, потому что въ академіи онъ не слушалъ факультета. Вообразите также, что бѣднѣе семинарскихъ библіотекъ ничего не можетъ быть въ мірѣ, если смотреть на нихъ со стороны *качества*, а не количества книгъ; что скуднѣе жалованья семинарскаго наставника ничего представить себѣ нельзя въ подобномъ родѣ.... Что скажетъ онъ своимъ питомцамъ? Откуда почерпнетъ свои лекціи? Какъ сдѣлается специалистомъ, — когда его должность требуетъ отъ него только матеріальнаго труда хожденія въ классъ, несенія побочныхъ должностей, прохожденія нѣсколькихъ наукъ въ курсъ?... Правда, отъ него и не требуютъ обыкновенно ничего больше: лишь бы механизмъ образованія былъ исполненъ. Но не безбожно ли — съ *цѣлію* ограничивать образованіе духовнаго юношества одними только задачками, заучиваніемъ уроковъ, объясненіемъ словъ учебника и прохожденіемъ сколько можно большаго числа наукъ, условленнаго коллективной программой семинаріи?...

ДЕРЕВНЯ.

И. И. —ской.

.... Отъ этихъ пошлыхъ и пустыхъ,
Что въ душныхъ тюрьмахъ городскихъ —
Въ домахъ высокихъ, улицахъ пыльных,
Какъ въ склепахъ давящихъ, могильныхъ,
Кишатъ, торгуя, говоря,
Дѣла ужасныя твоя,
Для денегъ, прихоти и моды,
Гдѣ нѣтъ здоровья и свободы,
Гдѣ на себя, на цѣлый свѣтъ
Клевещутъ пошло, безразсечно
И повторяютъ безотчетно,
Безъ мысли, затхлый, книжный бредъ,
Устами Бога призывають....
Но нѣтъ! Они его не знаютъ, —
Въ сердцахъ безстрастныхъ Бога нѣтъ!

Иди туда; гдѣ дышется волюнѣ,
Гдѣ роши зеленѣе и свѣжѣе,
Гдѣ честный трудъ, съ зарей и до зари;
Въ поту лица свой скудный хлѣбъ собираетъ,
Гдѣ простота и вѣра обитаетъ;
Иди туда — не рясъ, не говори
Тамъ про свои знамена и побѣды,

Не прерывай безхитростной бесѣды
 Людей простыхъ. Скорѣй, скорѣй забудь
 Всѣхъ заученныхъ фразъ потокъ менужный!
 Иди туда унылый и недужный,
 И исцѣлись! Израненная грудь
 Найдеть себѣ опять успокоенье....

Вонь у рѣки, гляди, лежитъ селенье,
 Вотъ колокольчикъ зазвучалъ за герой....
 А ужъ на сѣромъ небѣ просіяло
 И потухаетъ вѣснецъ молодой,
 И раннимъ дымомъ пахнетъ.... Утро встало....

Средь росистыхъ вѣтвей,
 Какъ поетъ соловей!.....
 Какъ заря въ синей дали сверкаетъ!
 Сердце полно любви,
 Жаръ кипучій въ крови
 И въ восторгѣ душа замираетъ....

Золотятся листы,
 Потонули кусты
 Въ облакахъ золотого тумана....
 Какъ свѣтло! Погляди:
 Какъ горить впереди—
 Подымается солнышко рано!

Засверкала роса,
 Зазвучали лѣса
 И рѣка задымилася паромъ;
 Лугъ блеститъ подь лучомъ
 И полнеба кругомъ
 Загорается тихимъ пожаромъ....

Глубоки, сини небеса,
 Заволотилася крышъ солома,
 Дымокъ чернѣясь поднимается
 Изъ трубъ кирпичныхъ. Точно дома
 Я здѣсь опять. Какъ будто внове....

Увидѣлъ ты въ дѣтствѣ любовь
 Мелкѣ работавшо хранила
 Ты въ шилахъ, добрыхъ, дорогихъ,
 О комъ всегда среди чужихъ
 Миѣ вспоминалъ о радно было.
 Какъ будто плача, и признавъ
 Къ корнямъ знакомой, старой ели
 И весь въ слезахъ, смущень, не зналъ,
 Какъ сердцемъ радостнымъ страдалъ,
 Чтò — кровь или слезы въ немъ кипѣли?...

Вотъ стадо скрылося изъ глазъ,
 Вотъ, по дорогѣ пыль взбивая,
 Чуть видный, на гору въѣзжая,
 Тащится тройкой тарантасъ.
 Кто это ѣдетъ? Сердце бьется....
 Несносно тихо онъ плетется!
 Гостей ли жданныхъ Богъ даетъ?
 Не убѣжать ли отъ воротъ?
 Ну, вдругъ она!...

Густую прядь волосъ
 Хорошенькою ручкой поправляя,
 Расскажетъ миѣ, какъ дома ей жилосьъ,
 Какъ ѣхали. Пойдетъ не умолкая
 Нашъ разговоръ веселый и простой,
 И слышенъ смѣхъ порывисто живой
 Въ томъ уголку, гдѣ мы съ ней приютились,
 Гдѣ, все забывъ, мы съ ней заговорились...
 Но вотъ затихъ шумливый разговоръ,
 Блестить графинъ, гремятъ ножи, приборъ
 И сѣли мы.

Какой румянецъ чистый!
 Какъ милъ загаръ ея щеки пушистой —
 Прозрачный слѣдъ июльскихъ, жаркихъ дней,
 Какъ просто все и неподдѣльно въ ней!

Пока еще не умеръ сердцемъ ты,
 Не размѣнялъ сердечныхъ впечатлѣній
 На пошлыя слова ходячихъ миѣній;

Пока любви и пламенной мечты
 Набором словъ насмѣшливо холодныхъ.
 Не осуждалъ презрительно въ другомъ,
 Ты имъ не вѣрь, что нѣтъ людей врозномъ,
 Что тьмой покрытъ нашъ мiръ и пусть, и бѣденъ,
 И язвой зла источенъ и изъбденъ...
 Они мертвы, они душой бѣдны
 И пустотой скучающей болжны!

О. ВЕРГЪ.

ЖИТЕЙСКІЯ СЦЕНЫ.

СЧАСТЛИВАЯ ЧЕТА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Афанасій Петровичъ Битюковъ, помѣщикъ, 45 лѣтъ. Толстъ, блѣкуръ, лицо красное, глаза мутные, голосъ пискливый. Человѣкъ недалкій, но мягкаго сердца, и большой охотникъ до женскаго полу.

Надежда Степановна, жена его, 24 лѣтъ. Воспитывалась въ пансіонѣ; читаетъ французскіе романы. На мужа глядитъ свысока. Недурна собой.

Мадамъ Штаркъ, вдова, 32 лѣтъ, ея интимный другъ. Полная, красная дама. Провинціальная пѣвица. Въ манерахъ много апломбу. Одна изъ тѣхъ барынь, по мнѣнію которыхъ эмансипація женщины состоитъ въ томъ, чтобы курить папирсы, вѣтъ нивиданское и вообще вести себя беззаботливо. Одѣвается щегольски.

Шагалевъ, отецъ дурнаго типа.

Глафира Андреевна Пичонкина, пожилая дѣвица; съ длинными зубами и вѣчными флюсомъ. Изъ побирושекъ дворянскаго происхожденія.

Иринархъ, дворецкій Битюковыхъ, 40 лѣтъ, здоровый, широкоплечій человекъ.

Арина Фоминишна, ключница и надзирательница за горничными, 30 лѣтъ. Барское добро считаетъ своимъ. Потакаетъ шашнямъ барина и беретъ взятки съ горничныхъ, за разныя льготы.

Саша, 17 лѣтъ, хорошенькая дѣвушка; себя на умъ. Прикидывается скромницей.

Авдотья, бой-дѣвка, совершенно испорченная жизнью въ барскомъ домѣ; тоже недурна, 20 лѣтъ.

Феклуша, жирное, антипатическое существо; глаза заплели жирою.

Катерина, смиренная, но тѣлою погудившая.

Лакей.

Кухарка.

Горничныя
Битюковыхъ.

Дѣйствіе въ губерскомъ городѣ.

СЦЕНА I.

Гостинная Битюковыхъ. Мебель обита полинялымъ, малиновымъ штофомъ. Драпировки на окнахъ тоже значительно потерты. Передъ диваномъ овальный столъ; на немъ лампа. Надежда Степановна сидитъ на диванѣ, поджавши подъ себя ноги. Афанасій Петровичъ противъ нея, развалился въ креслахъ. Сумерки.

АФНАСИЙ ПЕТРОВИЧЪ (зѣвая): Не велѣтъ ли огню подать, машеръ?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Ну, вотъ еще! Что мы, не знаемъ, что ли, другъ—друга?

АФНАСИЙ ПЕТРОВИЧЪ. Не то, что не знаемъ, а все веселѣе, какъ будто, при огнѣ—то (Опять зѣваетъ).

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Что это вы, какъ зѣваете; я думаю, на улицѣ слышно? Хоть бы занялись чѣмъ; какъ не надоѣсть, право, сложа руки сидѣть.

АФНАСИЙ ПЕТРОВИЧЪ. Да чѣмъ же мнѣ, машеръ, заниматься.... Службы у меня нѣтъ; до книжечки я не остоиникъ. Лошадей продали; прежде хоть на конюшню бывало отъ скуки сходишь; а теперь что?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Стыдился бы говорить—то. Мужичина себѣ занятія найти не можетъ. Ну въ деревню бы поѣхали; хозяйство бы привести въ порядокъ старались.... Я думаю, тамъ все, Богъ—знаетъ, какъ идетъ.

АФНАСИЙ ПЕТРОВИЧЪ. Да что теперь о хозяйствѣ—то радѣть.... охоты никакой нѣтъ.... еще, пожалуй, сохрани Богъ, бѣду себѣ наживешь. Этотъ народъ проклятый такъ волкомъ и смотритъ.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Вы и прежде—то не очень радѣли....

АФНАСИЙ ПЕТРОВИЧЪ. Я не понимаю, машеръ, что ты такъ на меня наседаешь.... Вѣдь ты и сама никогда....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Я другое дѣло, я женщина!... Если бы вы что нибудь читали, такъ не стали бы такъ рассуждать. Вамъ хочется, чтобы жена ваша сама на кухню бѣгала, да грибы солила, или старостинныя счета перѣбрала? Вы неспособны

почать, что женщину въ наше время должны занимать высшіе интересы.... Что все къ тому идетъ, чтобы расширить кругъ ея дѣятельности, чтобы.... Да что съ вами говорить! Вамъ все, какъ къ стѣнѣ горохъ. Съ вами отуѣбещь совсѣмъ....

Афанасій Петровичъ. Я развѣ принуждаю тебя, маляръ? Я только такъ къ слову,....

Надежда Степановна. Еще бы вы принуждали! Это мило! Мы, кажется, въ XIX вѣкѣ живемъ.... (Входитъ лакей).

Лакей. Мадамъ Штаркъ пріѣхали-съ.

Надежда Степановна (вскликая съ дивана). Ахъ, какъ я рада.... Проси, проси, да огня скорѣй,.... Лампу заправить въ згль.

Лакей. Слушаю-съ.

(Уходитъ).

ТѢ ЖЕ ВЪ МАРЬѢ ПАРВЛОВНѢ ШТАРКЪ.

Надежда Степановна (идетъ къ ней навстрѣчу). Шеръ, Марья Павловна! Какой сюрпризъ! Откуда это вы?....

М-м-м Штаркъ. Идъ дому, деп анге, изъ дому! Нарочно къ вамъ пріѣхала; навидите, что въ такой часъ. Но сколько я имѣю интереснаго вамъ сообщить! Вы себя представить не можете....

(Увидя Афанасія Петровича) Ахъ! я васъ и не замѣтила, Афанасій Петровичъ! Bon jour! (Протягиваетъ ему руку) Вы какъ-то притаились въ потьмахъ....

Афанасій Петровичъ (отходя съ мѣста). Мы сумерничали съ Наденькой.... Она очень любитъ безъ огня сидѣть.

М-м-м Штаркъ. Ахъ и дѣло—ужасъ, какъ люблю! Entre chien et lion, это моя любимая дора! Знаете, къ мечтательности какой-то располагаетъ. Сидишь, эдакъ у окна, и думаешь, думаешь; Богъ—знаетъ, о чемъ думаешь; и прошедшее все тутъ припоминается.... (Вздыхаетъ) Еще я люблю, когда въ это время, въ соседней комнатѣ, на фортепіанахъ играютъ.... Музыка—это, моя страсть! Да и кто же, впрочемъ, можетъ не любить музыки!...

Надежда Степановна (показывая на мужа). Да вотъ онъ не любитъ....

М-м-м Штаркъ (съ досадой). Ахъ, неужели вы не любите?... Не вѣрю, не вѣрю.... Вы человекъ съ такой нѣжной душой....

Афанасій Петровичъ. Я не то, чтобы совсѣмъ не лю-

билъ-сь, а такъ, знаете.... Отчего же иногда и не послушать.... Но только особеннаго пристрастiя не имѣю.... Плохо понимаю и что-то музыку эту!...

М-ме Штаркъ (съ яростю): Ахъ, Афанасiй Петровичъ! Въ жизни такъ много вещей, которыя мы не понимаемъ, но любимъ....

Афанасiй Петровичъ. Это, конечно-сь. Однакоже вы хотѣли что-то такое интересное Надежкѣ сообщить. Такъ я, можетъ, лишнiй буду-сь. Я къ себѣ на верхъ покурить пойду.

М-ме Штаркъ. Развѣ вамъ это здѣсь не дозволяется?

Надежда Степановна. Ахъ снѣге ашiе, — вы не знаете, какую онъ гадость курить! Еслибы онъ курилъ папирсы или сигары, какъ всѣ порядочные люди, а то сосетъ себѣ трубку; у меня отъ этого сквернаго Жукова — всегда головокруженiе дѣлается. Я рѣшительно не могу сносить его.

М-ме Штаркъ. Фи, какой вы старовѣръ!

Афанасiй Петровичъ. Что дѣлать-сь, привычка.

М-ме Штаркъ. Отъ дурныхъ привычекъ отвыкать надо....

Афанасiй Петровичъ. Да и дорогонько — курить сигары-то-сь. Вы изволите знать, какiя времена нынче.

М-ме Штаркъ (вздыхая). Да, это правда! Вотъ и мнѣ изъ имѣнья за четыре мѣсяца оброкъ выслали; а за два подождать просятъ. Но вѣдь я знаю, что такое значить это — подождать.... Можно умереть съ голоду, пока они надумаются прислать оставшее. Вамъ еще ничего, вы мужчина и можете найти средства; а каково женщинѣ, безъ опоры, безъ покровителя.

Надежда Степановна. Какой онъ мужчина!... Имъ всякiй помыкаеть, кому только не лѣнь.

Афанасiй Петровичъ (обижаясь). Я не знаю, мащеръ, почему ты это такъ говоришь. Мнѣ даже это странно очень!.. Кто жь мной помыкать можетъ?

Надежда Степановна. Да всѣ... и люди, и всѣ, всѣ рѣшительно.

Афанасiй Петровичъ. Ну ужъ это ты слишкомъ... чтобы люди мной помыкать смѣли....

Надежда Степановна. Ну, ну, хорошо. Никто не помыкаеть.... Только ступай къ себѣ на верхъ, и не мѣшай намъ.

Афанасiй Петровичъ (уходя въ дверь). Помыкать! Чортъ знаетъ, что это такое.... При постороннихъ помыкать....

(Лакей вноситъ свѣчи и уходитъ).

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА И М-МЕ ШТАРКЪ.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Сидитезъ сюда, сѣдѣтезъ анге, на дѣшезъ или шель! (закрыла, садѣсь, сидѣтезъ анге).

М-МЕ ШТАРКЪ. Мерси; дайте мнѣ шапирокку. Я свои зна была.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (подать ей шапирокку)! Скажите, чтожь такое интересное....

М-МЕ ШТАРКЪ. Много, много!... Ayez patience! (Закрываетъ шапирокку). Вчера былъ у меня онъ....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (покраснѣвъ). Ну что же, что?

М-МЕ ШТАРКЪ. Приходить ко мнѣ, блѣдный, взволнованный, губы дрожать, шевелюра вся въ беспорядкѣ.... (что къ нему необыкновенно идетъ, entre nous soit dit). Я даже испугалась!... Что съ вами случилось, говорю, мосье Шагаевъ? Онъ, ничего не отвѣчая, бросается на стулъ и закрываетъ себѣ обѣими руками лицо.... Ну, совершенно, какъ это описываютъ въ романахъ. Я, признаюсь, не думала, чтобы этотъ человекъ могъ такъ сильно чувствовать!

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Притворство! Хорошій актеръ — ничего больше.

М-МЕ ШТАРКЪ. Нѣтъ, mon ange, нѣтъ! Не говорите. Я ужъ на своемъ вѣку посмотрѣлась на эти вещи.... Такъ не притворяются.... И наконецъ, когда онъ открылъ лицо, оно было совсемъ мокрое отъ слезъ! Что же вы скажете, что и это было притворство?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (молчитъ, потупясь).

М-МЕ ШТАРКЪ. На, силу, я его заставида говорить, И первыя слова, которыя онъ сказалъ, были: «М-ме Штаркъ! Она не любить меня! Она любить другаго!» Но сколько въ его голосѣ было отчаяннѣя, прощанге!... Безвыходнаго, страшнаго, отчаяннѣя! Вы на меня не сердитесь только; но я въ эту минуту пожалѣла въ душѣ, зачѣмъ это меня никто такъ не любить!

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (улыбалась). Ужъ будто никто?

М-МЕ ШТАРКЪ. Чтожь вы думаете, mon ange, что любовь ко мнѣ Вольдемара можетъ сравниться съ такой привязанностью! Помните! Я знала очень хороша Вольдемара. Онъ вѣтренъ, но постояненъ; онъ былъ со мной — онъ является мнѣ въ вѣчной любви, онъ готовъ для меня пожертвовать всемъ, а уйдетъ и вся

страсть его испарилась! Я даже подозреваю, что онъ не прочь завести интрижку на сторонѣ; хоть бы, напримѣръ, съ этой противной Гусковой, съ этой птичьей эммономіей... Другая бы, на моемъ мѣстѣ, видя все его продѣлки, давно съ нимъ расклялась, а я не могу, по слабости своего характера. Бываютъ минуты, что я готова выпарапать ему глаза, прогнать его; чувствую, что вся жолчь во мнѣ подымается, но какъ только увижусь съ нимъ — все пропало! Это даже глупо, ей-богу. Видь эдакъ мужичины нами дорожить не будутъ.... У васъ, топ анге, гораздо больше характера, нежели у меня. Вы способны—таки порядкомъ помучить человѣка.... у васъ есть выдержка.... У меня ея никогда не было. (Вздыхаетъ).

Надежда Степановна. Вы меня не знаете хорошенько.... если я привяжусь къ кому нибудь, я буду слабѣ васъ....

М-ме Штаркъ. Но только какъ онъ хорошъ, этотъ Шаггаевъ! Это именно идеалъ мужчины! Въ немъ есть какая-то сила, которая невольно къ себѣ приковываетъ.... Онъ напоминаетъ немножко Инсарова.... Однакожь я вамъ не все рассказала. Какъ я ни старалась его утѣшить и доказать ему, что вы вовсе не любите Насѣкица, и что если вы съ нимъ, на послѣднемъ балѣ въ собраньи, танцовали двѣ кадрили и мазурку, то это еще ровно ничего не значить, — все было напрасно. Наконецъ онъ всталъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ: завтра подаю просьбу о переводѣ моемъ на Кавказъ. Моя жизнь здѣсь никому не нужна — я это вижу. Можетъ быть она тамъ понадобится.... Разумѣется, я выслушала это нѣсколько недовѣрчиво.... Думаю себѣ, положимъ, что ты любишь сильно, но перейди на Кавказъ у тебя едва ли хватитъ рѣшимости.... Это только порывъ! Представьте же себѣ мое удивленіе, когда я вдругъ сегодня услышала отъ губернаторши, что онъ дѣйствительно подалъ просьбу, какъ ни удерживала его губернаторъ.

Надежда Степановна. Что вы говорите! Неужели, въ самомъ дѣлѣ?

М-ме Штаркъ. Справьтесь сами, коли не вѣрите! Ну ужъ тутъ вы меня повините, я рѣшилась дѣйствовать безъ вашего спросу, самостоятельно. Какъ только вернулась отъ губернаторши, тотчасъ послала за Шаггаевымъ, и заставила его дать настоящее слово, что если мнѣ удастся помирить васъ съ нимъ, то онъ возьметъ свою просьбу назадъ. А между тѣмъ упрасила правитель-ства губернаторской канцеляріи удерживать эту просьбу до слѣ-

дущей потты... Ну что, хорошо я съѣла или нѣтъ? Браните меня, коли можете. Я ко всему приготовилась...

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (повеселѣвъ, жметъ руку М-ме Штаркъ).
Сдѣло, Марья Павловна, какая вы умница!

М-ме Штаркъ. Такъ, значить, вы довольны?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (красиво и стыдливо улыбаясь). Довольна....

М-ме Штаркъ. Ну, теперь слушайте же, что онъ придумалъ.... Сегодня вечеромъ, на первой станціи отсюда, въ Грязнухъ, онъ приготовилъ чай и ужинъ съ шампанскимъ.... Въ восемь часовъ у моего крыльца будетъ стоять тройка, — мы съдемъ съ вами въ широкія пошевни, и помчимся....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Какъ, вдвоемъ?

М-ме Штаркъ. Ха, ха, ха! Чего же вы испугались!... Что, насъ съѣдятъ, обидятъ?.... Разбойники на насъ нападутъ! Или вы боитесь нашей мутноводской публики? А еще стоите за эмансипацію!...

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Конечно, я не боюсь ея....

М-ме Штаркъ. Такъ не Афанасія же Петровича вы боитесь! Это ужь еще смѣшнѣе. Впрочемъ успокойтесь, моя скромная поборница эмансипаціи: съ нами будетъ кавалеръ.... и такой, что ни одинъ злой языкъ не заподозритъ насъ въ чемъ нибудь непозволительномъ.... Отгадайте, кто?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Кто же?

М-ме Штаркъ. Ну кто всѣхъ меньше въ Мутноводскѣ опасенъ для женскаго сердца?

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Неужели Кисляевъ?

М-ме Штаркъ. Именно.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Но вѣдь съ нимъ будетъ скука!

М-ме Штаркъ. Не безпокойтесь.... Я берусь занимать его. Онъ ко мнѣ неравнодушенъ, и не отстанетъ отъ меня ни на шагъ.... Вы видите, что я для васъ, мой анге, обрекаю себя на жертву....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Но я боюсь, чтобъ онъ не сталъ болтать....

М-ме Штаркъ. Во-первыхъ, онъ занкается, стало быть, къ болтовнѣ неспособенъ. Во-вторыхъ, онъ въ полномъ восторгѣ, что у него тайна.... Онъ смерть любитъ тайны.... Въ-третьихъ, я могу сдѣлать изъ него все, что хочу. Теперь, намется, вы мо-

жете быть спокойнѣе? Афанасію Петровичу вы, разумѣется, скажете, что ѣдете ко мнѣ, а куда мы потомъ отправимся, ему до этого нѣтъ никакого дѣла. При томъ же, у него вѣроятно есть свои развлечения, до которыхъ намъ съ вами нѣтъ дѣла. Онь, кажется, не прочь покутить въ холостой компаніи....

Надежда Степановна. Богъ его знаетъ, что онъ любить.... Кажется, только Жукова курить.

М-ме Штаркъ. А надо правду сказать, что хотя вашъ почтенный супругъ и добрый человекъ, но съ нимъ должно быть ужасно скучно....

Надежда Степановна. Ужь не говорите, сѣге аше.... Просидѣть съ нимъ вдвоемъ вечеръ — это наказаніе.... Никакого разговора поддержать не умѣетъ. Вѣдь ничего ровно не читаетъ, кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей»; да и тамъ, кажется, одни объявленія.... И все, что ни скажетъ.... все это такъ пошло выходить, тривиально, знаете.... Я даже часто краснѣю за него....

М-ме Штаркъ. Вы вообще имѣете обыкновеніе краснѣть.... отъ этого нужно отвыкать, сгег анге.... Это институтская привычка.

Надежда Степановна. Я и сама не рада ей.... да что жъ мнѣ дѣлать, никакъ не могу! Вотъ намедни за обѣдомъ, у Халдѣевой, заговорили про Шагаева, я чувствую, что щеки у меня такъ и горять; я ужъ поскорѣй закашлялась....

М-ме Штаркъ. Ну, да это, разумѣется, единственный исходъ въ этомъ случаѣ. Вотъ ужъ Афанасію Петровичъ, кажется, никогда не покраснѣетъ.... а? Ха, ха, ха!

Надежда Степановна. Ужь онъ и безъ того красенъ.

М-ме Штаркъ. А знаете, мнѣ жаль иногда бываетъ этихъ людей; у которыхъ нѣтъ никакихъ душевныхъ потребностей.... которымъ совершенно чужда поэтическая сторона жизни.... Вѣдь это ужасно думать только о своемъ желудкѣ.... Впрочемъ и то сказать, они не сознаютъ всей униженности этого состоянія!.....

Надежда Степановна. Конечно не сознаютъ. Имъ что! А какво окружающимъ?

М-ме Штаркъ. Да, окружающимъ тяжело. Но однакъ, тѣмъ анге, я не советѣю оправдывать и ваше пренебреженіе къ нему.... Вы могли бы имѣть на него вліяніе; могли бы стараться

развить его. Вы такъ хорошо понимаете призваніе женщины... Помните Эмею, въ Мопра... какъ она перевоспитала своего дикаря?... А вѣдь Афанасій Петровичъ ужь не дикарь.

Надежда Степановна. Ахъ, сѣге ашіе, онъ хуже дикаря, — вѣрите мнѣ.... въ немъ все чувства такъ загубили, такъ ошощились.... Я ужь пробовала дѣйствовать на него. Разъ начала ему читать вслухъ романъ, помните, который мы съ вами такъ восхищались Фанни, Фейдо.... Что же вы думаете, — стала гвѣять, сонѣть и наконецъ захрапѣть! Какъ онъ храпитъ, та сѣге, еслибъ вы только знали! Ночью я даже разъ испугалась, со мной тутъ истерика не сдѣлалась. Ужь должна была разбудить его.... Ахъ, какъ я понимаю это чувство, которое испытывала мадамъ де-Бовари, когда глядѣла на толстую, широкую спину своего мужа.... Вы не можете себѣ представить, что за фигура у Афанасія Петровича сзади.... Вы никогда не замѣчали? Затылокъ толстый, толстый.... и не знаю, зачѣмъ онъ его всегда подбриваетъ....

М-мѣ Штаркъ. Да, въ его особѣ есть что-то буржуазное, прозаическое. Скажите, cher ange, какъ это случилось, что вы вышли за него замужъ?

Надежда Степановна. Я была тогда совершеннымъ ребенкомъ.... Мнѣ хотѣлось поскорѣй сдѣлаться независимой, жить своимъ домомъ, выѣзжать въ свѣтъ.... рари и пашап были такіе домосѣды. Притомъ же состояніе у нихъ было очень маленькое. Я даже одѣться не могла прилично. Если меня вывозили на балъ, то въ поношенномъ платьѣ, изъ старомодной матеріи, залежавшейся у пашап въ сундукѣ. За обѣдомъ считали каждый кусокъ; бывало, если носовой платокъ потеряешь, такъ плакать тебя дѣлалъ три дня.... Жизнь моя была самая несносная. Вся эта обстановка мнѣ такъ наконецъ опротивѣла, что я рада была выйдти за кого нибудь. Афанасій Петровичъ подвернулся первый. О немъ кричали, что онъ богачъ.... Ну я и вышла.

М-мѣ Штаркъ. Обыкновенная исторія со всѣми нами, неопытными дѣвушками! Но куда же дѣвалось его состояніе.... Развѣ вы сначала жили на такую широкую ногу?

Надежда Степановна. Конечно, сначала онъ старался угождать мнѣ, дѣлалъ вечера, балы, выписывалъ мнѣ наряды; но все-таки на это нельзя прожить состоянія.... Какъ онъ тамъ

ни увѣрай меня, а я очень хорошо понимаю, что оно прожито по его небрежности. Онъ рѣшительно ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ. Староста, бурмистръ, всѣ его обманываютъ....

М-ме Штаркъ. Ахъ, кетати, сбер анге, о деревнѣ. У Шагаева, въ Укабинской губернии, которая отсюда что-то очень близко, есть имѣнье; говорятъ, совершенная Швейцарія; онъ кочетъ на лѣто пригласить туда васъ съ мужемъ, меня и Вольдемара.... Вотъ будетъ весело! онъ обѣщаль устраивать намъ фейерверки, иллюминации, катающа на лодкахъ... Афанасій Петровичъ будетъ охотиться и ловить рыбу — и не стѣснить васъ. Вы должны непремѣнно настоять на томъ, чтобы онъ принялъ предложеніе Шагаева.

Надежда Степановна. Еще бы не принять! Въ городѣ оставаться невозможно, задохнешься отъ жару.... а въ нашу деревню ѣхать — съ тоски умрешь; домъ — какія-то развалины, мѣстоположеніе дикое, ни парна нѣтъ, ничего. Сосѣди все въ родѣ самого Афанасія Петровича.... Нѣтъ, ужъ покорно благодарю! Но я воображаю, какое впечатлѣніе произведетъ на здѣшнюю публику наша поѣздка въ имѣнье Шагаева!

М-ме Штаркъ. Что жъ! Дураки потолкуютъ, покричатъ нѣсколько дней, тѣмъ дѣло и кончится. А мы все-таки проведемъ лѣто весело, насладимся жизнью вполне.... Намъ первымъ будетъ принадлежать честь — эмансипации отъ ига мутноводскихъ рудинеровъ! Вся бѣда въ томъ, что ни у кого не достаеъ духу на смѣлый шагъ. Инициатива главная вещь! Однакожъ, шоп анге, вамъ пора одѣваться. Шесть часовъ. Я подожду васъ здѣсь. Какой это у васъ романъ?

Надежда Степановна. Les amours de Paris, Февраля. Пр-интересно. Почитайте покуда. (Уходитъ. М-ме Штаркъ садится въ кресла и перелистываетъ романъ). Ну, ужъ если бы только не слабость моя къ Вольдемару, не уступила бы я этой разинѣ Шагаева, ... (Помолчавъ). Желала бы я знать, привезетъ ли онъ нынче браслетъ, который обѣщаль мнѣ, если я помирю его съ ней? Очень хорошенькій браслетъ. Губернаторша три раза пріѣзжала торговать его, да не уступила. Воображаю, какъ она взбѣсится, когда увидитъ его на мнѣ! И всего пріятнѣе то, что онъ достанется мнѣ даромъ. Ужасно люблю держать пари съ мужчинами! Проиграешь — не платишь, а выиграешь — берешь.

(Продолжаетъ читать).

СЦЕНА II.

Дѣвчѣ. Въ простѣнкѣ между окнами столъ; Оклуша и Катерина сидятъ за нимъ и шьютъ шелковое платье. Посреди комнаты на двухъ стульяхъ, поставленныхъ спинками одинъ противъ другаго, доска для гладенья. Авдотья гладитъ на ней крахмаленную юбку. Слѣва у окна зашнурована въ пальцахъ воротничокъ. Арина Ооминишна стоитъ у вѣтки и грѣется. Она въ большомъ платкѣ, и въ старушечьемъ чепцѣ съ оборками. Всѣ горничныя одѣты довольно небрежно. Только у Слѣва замѣтна талія, и волосы гладко причесаны. На всѣхъ ситцевыя платья и косынки. Оклуша отличается особенной полнотой.

Арина Ооминишна (подходя къ Оклушѣ и Катеринѣ). Ну, скорѣй, скорѣй... дожидается барыня-то. Проваландались нынче день-то—теперь и гонять во всѣ лопатки. А вотъ, какъ надѣвешь она да затрещать швы-то, такъ и зададутъ вамъ есесру.

Оклуша. Не затрещать, небось.

Авдотья. И что это ей больно приспичило это самое шитье надѣвать теперича. Мало, что ли, у ней другихъ въ шкапу-то виситъ? Муаръ—антижовое зеленое надѣла бы, ади бы пудесуа лиловое. Одинъ только капризъ, ничего больше.... Ужь эти мнѣ господа, прости Господи....

Ооминишна. Ну, да.... Тебя не спросились, видишь. А ты должна дѣлать, а не разсуждать. Ишь языкъ—отъ у тебя больно длиненъ.

Авдотья. Такъ что жь, — ужь и не сказать ничего!... Не святая она какая нибудь, не Варвара великомученица. За это языкъ не отсеожеть.

Ооминишна. Ой дѣвка! — шустрая ты говорить-то, какъ я посмотрю на тебя! Своебышница! А ты вспомни, что Агашкѣ за грубость-то противу господъ было? Вотъ и тебя въ деревню сошлютъ, гусей пасти. Накланяешься тамъ унравительницѣ. Она, ве то что я, потачки тебѣ не дастъ.

Авдотья. Да что вы мнѣ Агашкой-то въ глаза тычите.... Агашка дѣвчонкой была въ ту пору, — только что изъ яйца въ-

лупилась; а я слава Богу не первый годъ въ барскомъ домѣ живу. Опять же, коли на то пошло, совсѣмъ она не за грубость попала въ гусятницы. Другая за ней вина была. Косу—то ей не даромъ остригли.

Өоминишна. Ну.... ну.... свою береги! Вишь она у тебя длинна больно. Азартная, право азартная. (Отходитъ опять къ речкѣ).

Өеклуша (тихо). Охота тебѣ съ ней лаяться....

Авдотья. Да что же она, какъ банный листъ пристаешь.... Вотось я ее, что ли?

Өеклуша. Не пустить ужь.... смотри!

Авдотья. Ну какъ же не пустить! Я ей свой фунтъ чаю отвалида—значить, и кончено.

(Голосъ барыни: «долго ли мнѣ еще ждать, Өоминишна! Что ты ихъ не поучаешь!»)

Өоминишна. Слышите! Ахъ поскудницы! Все изъ—за васъ выговоры—то принимай!... (Катеринѣ) Ты еще тутъ возись съ юбкой!

КАТЕРИНА (береть въ ротъ воды изъ чашки, вспрыскиваетъ юбку и потомъ быстро гладитъ). У меня готово—съ!

Өеклуша. И у насъ поспѣло.

Өоминишна. Ну иди одѣвай, Өекла. (Авдотья и Катеринѣ). А вы — маршъ свѣтить. (Горничныя тоже суетятся, захватывая принадлежность туалета).

САША. Мнѣ тоже идти прикажете, Арина Өоминишна?

Өоминишна. Нѣтъ, ты здѣсь побудь, Сашенька. Тебѣ воротничокъ безпремѣнно къ завтраму кончить нужно. И безъ тебя обойдется.

Авдотья (взглядывая на Сашу жеско). Ишь ты лиса Патрикѣевна! «Прикажете!» (дразнить Сашу) Смирнствомъ взять хочеть.

(Өеклуша и Катерина ѣзряются со свѣху, потомъ всѣ три уходятъ къ барыни).

Өоминишна. Ну, Сашенька, я къ себѣ схожу. У меня самоварчикъ давно кипитъ. Небось ушелъ ужь.... Если барыня—маче чайникъ—за чѣмъ нибудь кликнетъ, ты, голубушка, прибѣги за мной.

САША. Слушаю—съ; прибѣгу.

Өоминишна. То-то. Ты вѣдь у меня умница.... Не этимъ халдамъ чета (Гладитъ ее по головѣ, и потомъ уходитъ, взглядывая на дверь, ведущую въ корридоръ, и покашливаетъ).

САША (прерываетъ работу и сидитъ надъ пальцами пригорюнившись). Заступница пресвятая, Владычица Казанская! Кабы этотъ сонъ, что мнѣ нынче привидѣлся — да наяву со мной приключился. Вотъ ужь подлинно радость—то бы была.... Кажется, и не знала бы какую свѣчку поставила. Да гдѣ чай? Рѣдко, слышь, сны—то хорошіе сбываются. Все напротивъ выходитъ. Вотъ Надежда Арефьевская рассказывала, снилось ей тоже, что будто ее купецъ за себя взялъ и барыней она стала; а на дѣлѣ—то совсѣмъ не то вышло — за скотника угодила.... (Помолчавъ) Господи, какъ свѣчка—то нагорѣла, а я и не вижу (снимаетъ со свѣчки). Молодецъ мой Петруша, красавецъ; изъ себя видный... усики колечкомъ... просто — картинка писаная.... И насчетъ разговоры тоже. Все это у него такъ складно выходитъ... Не то, что какъ вонъ другіе.... Хоть бы теперича Капитона нашего взять, или повара арефьевскаго Микиту. Царя—то въ головѣ нѣтъ, а туда же шутить дѣзуютъ.... Ахальство одно и выходитъ; — слушать мерзко. Вотъ только деньгами—то ужь очень нуждается Петруша.... Извѣстное дѣло, велико ли писарское жалованье!... Погоди, говорить, Сашенька, скоплю денежекъ, безпремѣнно тебя на волю выкуплю. — А скоро ли ихъ скопишь—то? Мало—то барыня не возьметъ... Меньше какъ со ста рублями и не суйся. (Слышитъ скрипъ двери, ведущей въ корридоръ; Саша слегка вздрагиваетъ, оглядывается, и снова принимается за работу. Афанасій Петровичъ крадется къ Сашѣ на цыпочкахъ).

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (шопотомъ). Саша, а Саша!...

САША. Чего изволите—съ?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Куда всѣ разошлись?

САША. Барыню одѣваютъ—съ.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Развѣ ѣдетъ?

САША. Ъдутъ—съ, съ гостьей.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (махнувъ рукой). Ну и ладно!.. А Оо-
мнѣшница?

САША. Чай пошла пить.... (Лукаво улыбаясь) Позвать прикажите?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну вотъ еще выдумала.... на кой мнѣ ее.... Что это ты работаешь, Сашенька? (Нагибается къ ней).

САША. Воротничокъ—съ.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Какая шейка бѣленькая! (Цалуетъ ее въ шею).

Саша. Ахъ, что это вы, сударь! Какъ вамъ не стыдно! Ну сохрани Богъ, кто нибудь выйдетъ....

Афанасій Петровичъ. Никто не выйдетъ; всѣ заняты....
Поцалуй меня, Саша! (Обнимаетъ ее).

Саша (отбиваясь). Позвольте!

Афанасій Петровичъ. Ну что жъ за бѣда такая — поцаловать? Вѣдь отъ этого съ тобой ничего не сдѣлается?

Саша. Тамъ что жъ, что не сдѣлается, — а все-таки не годится....

Афанасій Петровичъ. Ну вотъ вздоръ. (Цалуетъ ее опять).

Саша (съ неудовольствіемъ). Ахъ! ей-богу, какіе вы. Я уйду. (Порывается встать; Афанасій Петровичъ удерживаетъ ее).

Афанасій Петровичъ. Сиди, сиди, сиди.... Я не стану. Я самъ съ тобой посижу. (Садится напротивъ Саша на стулъ). Послушай, Саша... я хотѣлъ поговорить съ тобой не шутя....

Саша. Говорите. Что такое?

Афанасій Петровичъ. Полюби меня, Саша.

Саша (продолжая вышпивать). Какъ же я буду любить васъ — у васъ супруга есть!

Афанасій Петровичъ. Ну такъ что жъ... супруга само по себѣ.

Саша. Грѣшно. За это Богъ накажетъ....

Афанасій Петровичъ. Ну, ужъ это на моей душѣ грѣхъ будетъ.

Саша. Ишь вы какіе! Нѣтъ, съ нашей сестры больше взыщется.... вы мужчины....

Афанасій Петровичъ. Ну полно, Саша, что за вздоръ такой! Ты скажи просто, я тебѣ не нравлюсь....

Саша. Чѣмъ же вы можете мнѣ не нравиться?

Афанасій Петровичъ. Ужъ я не знаю, только я вижу....

(Изъ спальни отворяется дверь, входитъ Оеклуша и, выдвинувъ ящикъ коммоды, чего-то ищетъ въ немъ; Афанасій Петровичъ мгновенно вскакиваетъ и исчезаетъ въ корридоръ).

Оеклуша. Ты не знаешь ли, Саша, гдѣ шемизетка лежитъ, что недавно отъ мадамы принесли?

Саша. Въ верхнемъ ящикѣ.

(Оеклуша, отыскавъ шемизетку, уходитъ. Афанасій Петровичъ опять появляется и садится на прежнее мѣсто).

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Тамъ что же, Сашенька, не хочешь любить меня?...

САША. Ахъ, перестаньте — ей-богу! Ну еслибъ Ѳеклуша увидала... вѣдь мнѣ бы тогда просто-преходу не было!

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, не сердись, Саша. Я уйду сейчасъ. Ты мнѣ скажи только...

САША. Да что сказать-то вамъ?

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Скажи, хочешь ли быть моею...

САША. Я и то ваша — крѣпостная...

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А тогда вольная будешь...

САША (приметливо на него смотритъ, какъ бы раздумывая о чемъ-то).

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Что ты такъ на меня смотришь?

САША (вздохнувъ). Ничего-съ.

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А я знаю что. Ты не вѣришь мнѣ?

САША. Разумѣется, не вѣрю.

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Отчего?

САША. Какъ вы можете меня отпустить? Барыня не согласится.

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ужь это мое дѣло.... Я захочу, такъ согласится.

САША. Не можетъ этого быть никакъ, чтобъ они согласились. Тутъ есть и постарше меня, да и гѣхъ не пускають. Вотъ кабы я деньги за себя внести имѣла состояніе, ну, тогда такъ!

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну что жъ.... я тебѣ денегъ дамъ.

САША. А барыня спроситъ—откуда взяла...

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Да ей что за дѣло? Она и спрашивать не станетъ.

САША. А неравно спроситъ....

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, что нибудь выдумаемъ....

САША (помолчавъ). Развѣ вотъ что. Скажите, что ко мнѣ женихъ сватается и меня выкупить хочетъ.

АФНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А въ самомъ дѣлѣ, вѣдь отлично придумала! Отлично, право. Такъ и сдѣлаемъ. Такъ по рукамъ, Саша! Какъ уѣдетъ барыня, ты зайди ко мнѣ на верхъ, мы объ этомъ хорошенечко потолкуемъ.

САША. Что это вы, какъ можно! Домашніе увидятъ.... еще какъ нибудь до барыни дойдетъ.... Вотъ погодите, вольная буду, на квартиру переѣду. Тогда—другое дѣло.

А ФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Ну, ладно. Мы это все духомъ обдѣлаемъ.... Теперь поцаловать—то можно, а?

(Сама оглядывается и протаскиваетъ къ нему губы. Онъ съ жаромъ цалуетъ ее и лезетъ на выщепыть уколать).

САША (одна). А ну какъ я въ самомъ дѣлѣ вольная буду? Вотъ онъ, сонъ—то, что значить! Ай да баринъ! Да какъ бы не поспутился.... раздумаетъ еще, пожалуй, за ночь—то. Отпусти меня только — я тебѣ носъ—то утру! Только ты меня и видѣлъ! Сейчасъ съ Петрушкой повѣнчаемся и заживемъ лихо! Наде еще съ нимъ на этотъ счетъ переговорить. А то онъ, пожалуй, ясное что нибудь подумаетъ.... Подумаетъ — я и въ самомъ дѣлѣ съ баринномъ.... Какъ же! дожидайся! Нѣтъ, нашей сестрѣ съгосподами связываться не подобаетъ....

(Входитъ Ѳомишишна).

ѲОМИШИШНА. Что, барыня не звала?

САША. Нѣтъ—съ.

ѲОМИШИШНА (сажая противъ Саши). Полно шить—то — успѣшь.... Покалякаемъ.

САША. Да вѣдь къ завтраму кончить нужно,—сами знаете, Арина Ѳомишишна.

ѲОМИШИШНА. Знаю, знаю.... Ну, завтра пораньше встанешь.

САША. А и то, пожалуй, что завтра успѣю.

ѲОМИШИШНА. Что это, Сашенька, на тебя баринъ все посматриваетъ?... а? Не запримѣтила ты? Я—такъ на этотъ счетъ ужась какъ замѣчательна. Видно, по сердцу ты ему больно пришла.

САША. Какъ же это можно, Арина Ѳомишишна, вѣдь онъ женатый—съ!

ѲОМИШИШНА. Э, мать моя! Господа этого не разбираютъ.... Покойникъ напоянка—то его, слышала я, тоже куда былъ до дѣвокъ охочь. А ужъ на что у него жена красавица была.

(Сама свѣтса).

ѲОМИШИШНА. Ты смотри, счастья своего не упусти: потому, онъ можетъ все тебѣ предоставить.... и отпускную тебѣ выправить можетъ.... и возвеличить тебя надъ всѣми нами. Господская воля—одно слово. Ты пойми это!

САША. Хорошо, если отпускную дастъ, Арина Ѳомишишна; а такъ я на его обѣщанія не польщусь....

Омнишна. Дастъ, дастъ, безпремѣнно дастъ. Ужь въ томъ не сумлѣвайся. Я тебѣ, Сашенька, по секрету скажу; только чуръ изъ избы сору не выносить.... Онъ самъ мнѣ вчера все объяснилъ.... И ужь такъ-то онъ тебя любитъ, такъ любить.... и-и-и! Все кажется, радъ ддя тебя сдѣлать. И мнѣ, старухѣ, съ три короба всякаго добра насулилъ, коли я тебѣ насчетъ его словечко замолвлю,

Саша. Да можетъ, Арина Омнишна, это все только разговоръ одинъ?

Омнишна. Ни, ни!... какъ можно, чтобъ разговоръ одинъ былъ!... Жена-то, видишь, слова ласковаго не вымолвить, все только огрызается на него.... Близко-то его и не подпускаеть къ себѣ.... А вѣдь онъ тоже не старикъ какой..., Ищъ какой румяный да плотный.... Ну, и обидно ему это.... Она тамъ въ тѣлгрѣ да въ собраньи амурится себѣ съ разными кавалерами, а ему-то время провести и не съ кѣмъ.... Тссъ!...

(Дверь спальни отворяется, горничныя выходятъ оттуда. Саша опять принимается за работу).

Авдотья. Ну, слава тебѣ Господи! Укатила! Теперь, значитъ, мы вольные козаки до поздней ночи! Погуляемъ ладно. Экое, подумаешь, житье господамъ! Умирать не надобно. Знай себѣ каждый день по гостямъ ѣзди.... А ужь ѣздить-то, дѣвыньки, ѣздить-то какъ сладко!...

Омнишна. Ну, чего брешешь-то попустому?... Твоему ли холопскому разуму о господахъ судить. Эхъ, дѣвка! глаза бы мои на тебя не глядѣли.

Авдотья. Что жь, рази ужь мы не люди?... и рта не розинь про господъ.

(Отыскиваетъ большой платокъ и надѣваетъ на голову).

Омнишна. Ты куда это, подстѣга Сидоровна, собираешься?

Авдотья. А такъ, кое-куда по близости нужно сбѣгать.... Катя, поидемъ что ли вмѣстѣ?

Катерина. Отпустите, Арина Омнишна....

Феклуша. Ужь и меня тоже-съ.

Омнишна. Все бы вамъ только хвосты трепать! Ну, ступайте.... да смотрите—къ двѣнадцати часамъ дома быть.... неравно барыня рано воротится.

Авдотья. Ну, какъ же, воротится!... Не бойсь, ближе свѣту не будетъ.

Өомишишна. Ты все знаешь, подикась она тебѣ сказывала? Авдотья. Да когда жь это видано, чтобъ она рано воротилась. А хоть бы и случился грѣхъ такой, такъ, чай, Александра Кузьминшина раздѣть-то ее можетъ... не барышня... такого же холопскаго роду, какъ и мы грѣшныя. Али бѣлая рученьки наколоть боится?

Өомишишна. Чего лаешься-то, дурица? Дѣвка сидитъ себѣ смиренхонько, никого не трогаетъ, чего жь ты къ ней лѣзешь?

Авдотья. Кто къ ней лѣзетъ!... Пойдемъ, Катя... (Уходитъ тихо Катеринѣ). Ужь я разыщу кто у этой Сашки-тихони любовникъ... Ужь накрою ее!...

Катерина. Ну, чего выдумала.

Авдотья. А ты думаешь она такъ живетъ? Эти смиренницы-то самыя что ни на есть удалыя и бываютъ. Ты смотри имъ въ глаза-то.

(Уходитъ).

Өеклуша. Подождите меня, дѣвушки, и я сейчасъ.

Авдотья (въ дверяхъ). Ну, и одна същешь дорогу... намъ не въ ту сторону.

(Өеклуша, наивнувъ капавейку, уходитъ вслѣдъ имъ).

Өомишишна. Мокрохвостыя! Право, мокрохвостыя...

(Входитъ Иринархъ).

Иринархъ. А я къ вамъ побесѣдовать шелъ-съ. (Ухмыляясь). Хошь бы водочки поднесли, Арина Өомишишна. Больно ужь хорошу водку намеднись баринъ купилъ. Я какъ-то на языкъ попробовалъ капельку.

Өомишишна. Баринъ-то съ ними уѣхалъ, что ли?

Иринархъ. Нѣтъ, самъ по себѣ. Полагать надо, къ откупщику въ карты играть отправился. Что жь, водочки-то поднесете, Арина Өомишишна?...

Өомишишна. Ну, ну, пойдемъ; такъ и быть—поднесу.... Охъ, ужь вы мнѣ!

Иринархъ. Да что вы, Арина Өомишишна, барскаго добра жалѣете? Нешто у нихъ мало?... Ужь вы бы и огурчиковъ соленькихъ на закусочку достали.

Өомишишна (умильно на него взглядывая). Видишь, чего захотѣлъ, и огурчиковъ ему дай. (Къ Сашѣ) Мы пойдемъ, Сашенька.... Ты смотри, какъ отработашь, свѣчки не забудь потушить. А то вчера Өеклушка толсторылая чуть пожару не надѣлала.

(Уходитъ. Иринархъ слѣдуетъ за ней).

САША. Придетъ ли Петруша сегодня? Онъ, чай, не знаетъ, что барыня со двора уѣхала. (Встаетъ изъ-за паломъ). Ухъ, устада! (Цогибывается). Теперь бы соснуть маленечко.... А какъ Петруша поступится, да я не услышу.

(Раздается слабый стукъ въ окно. Саша быстро подбѣгаетъ къ окну и смотритъ; потомъ тушитъ свѣчку и отворяетъ дверь въ сѣни).

САША. Это ты Петруша?

Мужской голосъ. Я, Сашенька.... Встрѣтилъ дѣвушекъ вашихъ на улицѣ, такъ смѣкнулъ, что барыни, значитъ, нѣтъ....

САША. Никого нѣтъ. Входи, Петрушенька.

Мужской голосъ. А старушенца?

САША. Съ дворецкими въ своемъ чуланѣ водочку попиваютъ.

(Впускаетъ и запираетъ дверь въ сѣни на ключокъ).

С Ц Е Н А Ш.

Два мѣсяца спустя. Комнатка въ подвальномъ этажѣ, съ русской печью. Въ углу кровать, отгороженная ширмами; у стѣны шкапъ съ чайной посудой; диванъ обитый замасленнымъ ситцемъ; передъ диваномъ овальный столъ, подъ красное дерево.—Въ простѣнкѣ между окнами висятъ двѣ картины изъ моднаго журнала, вѣшанныя въ черненькія рамки; и литографія, изображающая цѣломудренную Сусанну, на которую изъ-за кустовъ выглядываютъ два старца.—Кухарка, безаубая старуха лѣтъ 60-ти, стоитъ у печки и что-то мѣшаетъ въ горшкѣ. Входитъ Афанасій Петровичъ, закутанный въ шинель, и въ фуражкѣ, надвинутой на лобъ. Лицо его едва можно разглядѣть.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Что Александра Кузьминишна дома?

КУХАРКА (продолжая мѣшать). Нѣту—ти.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Гдѣ же она?

КУХАРКА. Къ шабрѣнкѣ (*), на верхъ пошла.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Значитъ скоро придетъ....

КУХАРКА. А не знаю, скоро ли. Должно, что скоро.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А мужъ ея—со службы поздно приходитъ?...

КУХАРКА. Нонече не будетъ совсѣмъ. Дежурить.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (улыбается самодовольно). Я подожду Александру Кузьминишну. (Сбрасываетъ съ себя шинель и кладетъ ее

(*) Къ сосѣдѣ.

на кровать за ширмы). Ну ужь нынче я отъ нея добьюсь толку. Со-драда съ меня деньги, да и знать не хочетъ. Какъ, полудила води-ную, такъ и улинула. Что жь я, въ самомъ дѣлѣ, для писаря это-го паршиваго еѣ выкупилъ, что ли?... Эта подлая тварь Фоминишна непремѣнно знала, что у ней есть любовникъ, и все отъ меня скрыла. Что за народъ меракій! Ни за грошъ господъ сво-ихъ продать готовы. А еще я ей, старой вѣдьмѣ, платокъ купилъ. (Слышенъ голосъ Саши, за дверью: «зайдите хоть на минуточку, Глафира Андре-вна! Не погнушайтесь!»)

А ФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (испуганный). Батюшки мои! Никакъ она сюда Печонкину тащить! Сохрани Богъ, —эта сплетница меня здѣсь застанетъ: по всему городу раззвонитъ и до Наденьки дойдетъ, пожалуй. (Вынимаетъ изъ жилета мѣдные деньги и суетъ ихъ про-ворво въ руку кухаркѣ). На, тебѣ, голубушка. Я за ширмы спрячусь... Ты не говори, смотри.... (Исчезаетъ за ширмами. Кухарка въ недоумѣніи смотритъ на него, разинувъ ротъ).

Входятъ Саша и Глафира Андревна.

САША. Ну хоть на одну минуточку, Глафира Андревна! По-томъ вмѣстѣ выйдемъ. Я мужу на дежурство обѣдъ, привнесу...

ГЛАФИРА АНДРЕВНА. Ну, на минуточку, пожалуй.... Онъ гдѣ, мужъ-то твой, служить, въ штабу что ли?

САША. Въ штабу, Глафира Андревна. Чѣмъ подчивать при-кажете? Самоварчикъ не поставить ли?

ГЛАФИРА АНДРЕВНА. Нѣтъ, не надо, милая, зачѣмъ само-варчикъ. Я сейчасъ только отъ кофію. Генеральша Бранда-хлыстова всегда для меня кофіи нарочно варить....

САША. Ну вина бѣленькаго рюмочку выкушайте. У насъ— не простое вѣдь—мушкательное.

ГЛАФИРА АНДРЕВНА. Развѣ—что мушкательнаго рюмочку; это, пожалуй, можно.

САША. Сю секунду-съ. (Идетъ въ шкафъ и достаетъ оттуда вино).

ГЛАФИРА АНДРЕВНА (отпивъ глотокъ). А сама-то что жь?

САША. Нѣтъ-съ, у меня отъ него голова больно кружится.

ГЛАФИРА АНДРЕВНА. Ну какъ знаешь. Не надивлюсь я, Александра, какъ это тебя господа на волю пустили. Или ужь денегъ-то твой женихъ за тебя не поскупился внести?

САША (смѣясь). Ничего не вносилъ.

ГЛАФИРА АНДРЕВНА. Ну? Такъ неужто даромъ? Не такіе они, кажется, люди. Не знаю какъ онъ, а она хоть бы когда ни-будь старое платьишко подарила. Ужъ я и такъ и сядъ подгова-

рвалась—нѣтъ; сидитъ какъ идолъ. Точно не понимаетъ. А у самой и чай, полѣгъ шкафы навѣшаны. Видно, что не высокаго роду! Вотъ княгиня Широкооротова—нѣсяду не проходитъ, чтобы чѣмъ нибудь меня не наградила. То мантилью, то чепчикъ. А намедни, такъ совѣтъ новое муаръ—антиковое платье прислала. Два раза всего и надѣвала—то. Къ губернаторшѣ на вечеръ, да въ театръ. Потому—деликатная дама; не въ диковишку ей все это.... А твоя—то еще можетъ быть и не изъ благороднаго дому взята. Не вижу я что—то въ ней ничего такого.... дворянскаго.

Саша. Это точно, что она благодѣтельницавать не любить—съ, для себя такъ ничего не жалѣетъ. Въ свое удовольствіе живетъ.

Глафира Андревна. Чѣмъ же ты ей такъ угодила?

Саша. Тутъ совѣтъ особенное дѣло вышло, Глафира Андревна.

Глафира Андревна. Какое же такое дѣло? Расскажи, милая!

Саша (смѣясь). Совѣстно и рассказывать....

Глафира Андревна (тоже улыбаясь). Чего совѣститься—то?... Видно, грѣшки какія за ней знавала.... къ милому дружкѣ записочку тайкомъ отъ супруга носила.... Простовать онъ сердешный! Къ тыкъвѣ приравнять его больше можно, нежели къ мужчигѣ! Давно ужъ я слышала, что жена отъ него погуливаетъ. И даже какую исторію мнѣ за вѣрное рассказывали: будто она съ Шагаевымъ за городъ куда—то ѣздила и напошлѣ онъ ее тамъ шинпанскимъ чуть не до пьяна.... а назадъ—то ужъ они поутру рано пріѣхали.... Масей Фаденчъ самъ своими глазами ихъ и видѣлъ.... Онъ по своему докторскому званію—къ роженицѣ къ одной тогда отправлялся.

Саша. Это все очень можетъ быть, Глафира Андревна; мудренаго тутъ нѣту—съ. Ну, а только, что я ея дѣламъ никакимъ причастна.... Тутъ опять другое.

Глафира Андревна. Другое? Такъ неужели жъ баринъ что нибудь?... Да гдѣ ему чай! Не можетъ этого быть.

Саша (смѣясь). Онъ самый—съ.

Глафира Андревна. Что ты, дѣвка? Ну, не ждала я отъ него такой рыси!

Саша. Да вы не подумайте, чтобы у насъ съ нимъ что нибудь эдакое вышло. Этого нѣтъ—съ. А только онъ началъ ко мнѣ приставать—съ; ну, я и говорю ему: я, молъ, этими дѣлами не занимаюсь.... отпустите на волю,—тогда такъ... Онъ помялся помялся, да и внесъ за меня деньги, а барыню увѣрилъ, что же-

нихъ ко мнѣ сватается. Та и согласилась. А это я же его научила сказать такъ. Потому, барыня безпремѣнно доискиваться бы стала, откудова я деньги взяла.

Глафира Андревна. Молодецъ—дѣвка! Люблю. Ай, ай, ай (мечаетъ головой), нинь дѣла какія! Ну, а послѣ-то какъ же, милдая?

Саша. Послѣ-то? Взяла вольную — да въ тотъ же день на квартиру и съѣхала. А черезъ недѣлю съ Петрушенькой обвѣчалась. Онъ ужь про это, про все зналъ.

Глафира Андревна. Небось злится баринъ-то?

Саша. Какъ чай не злиться! Да мнѣ теперь что — наплевать! А если онъ сюда придти вздумаетъ, такъ Петруша ему всѣ ноги поломаешь.

Глафира Андревна. А какъ безъ него придетъ?

Саша. Да безъ него-то я почти-что всегда у сосѣдей сижу! у Марѣи Никитишны. Шить платья ей помогаю.

Глафира Андревна (подымаясь съ мѣста). Ну что же — не правду я говорила, что тыква, какъ есть тыква!

(Саша смѣется).

Глафира Андревна. Ну прощай, душенька, за угощенье тебѣ спасибо!..

Саша. Да я съ вами выйду, Глафира Андревна... Повремените секундочку. (Кухарь) Обѣдъ готовъ?

Кухарка. Готовъ.

(Саша беретъ два судка съ кушаньемъ, завязываетъ въ платочекъ и выходитъ вмѣстѣ съ Глафирой Андревной. Кухарка ихъ провожаетъ).

Афанасій Петровичъ (выходитъ изъ-за ширинъ, озадаченный, съ вѣщальной овиономіей). Что же это такое?.. Господи! посрамленъ, на весь городъ посрамленъ!.. Съ Шагаевымъ за городъ ѣздил! Докторъ самъ видѣлъ. Значить, правда!.. Это въ благодарность мнѣ за то, что я ее безъ рубашки за себя взялъ!.. Вотъ эти книжки-то иностраннныя-то... вотъ онѣ! И хоть бы дѣлала-то это все скромно, тихо... а то соблазнъ—на весь городъ.... И эта сквернавка Сашка туда же! на волю ее выпустилъ, а она вотъ что!... Ноги мнѣ поломать хотятъ! Да понимаетъ ли этотъ писаришка плюгавый, что я дворянинъ, столбовой дворянинъ!... что его за меня плетями выпорютъ, въ Сибирь, на каторгу сошлютъ... Все, все раззвонить Глафира по городу. Теперь глазъ никуда показать нельзя будетъ... (Сквозь слезы) Господи! чѣмъ прогнѣвалъ тебя! за что крестъ такой посылаешь....

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Будуаръ мадамъ Штаркъ. Щегольская мебель, розовыя шторы, овалъ-ное зеркало въ серебряной рамѣ; ковры, много зелени и кѣстовъ.

МАДАМЪ ШТАРКЪ и ШАГАЕВЪ.

МАДАМЪ ШТАРКЪ сидитъ на диванѣ; рядомъ съ ней развалился ШАГАЕВЪ, высокій, красивый брюнетъ, съ нѣсколькими измятыми чертами лица, носящими слѣды кутежей. Онъ въ пиджакѣ; во рту папироска; манеры искусственно небрежныя).

ШАГАЕВЪ. А я думаю Вольдемаръ—то твой наслаждается съ своей молодой супругой... Въ меду плаваетъ... Славная должно быть эта пора—чортъ возьми!—медовый мѣсяцъ, а? Какъ ты думаешь? Вѣдь ты испытала, когда вышла за своего покойника?

М-ме ШТАРКЪ. Ахъ, отстань пожалуйста, съ своими вопросами!

ШАГАЕВЪ. А! видно разбередилъ сердечную рану:

И какъ—то весело и больно —

Тревожить изъясн старыя раны....

Все еще не можешь забыть коварнаго Вольдемара? И въ самомъ дѣлѣ ужасный человекъ! ужасный! Но видно эта Полинъка Охлопова не уступитъ тебѣ въ умѣннх помонить сердца, не смотри на то, что только еще вступаетъ на свѣтское поприще.... на арену жизни, какъ говорятъ писатели, а? Въ недѣлю такъ опутала Вольдемара, что заставила его сдѣлать предложеніе! Удивляюсь я этимъ дуракамъ, которые рѣшаются жениться въ двадцать пять лѣтъ! Вѣдь узы гименя—преподлая вещь! Ты согласишься со мной?

М-ме ШТАРКЪ. Я согласна только въ одномъ, что ты сегодня болтаешь, какъ вѣтряная мельница.

ШАГАЕВЪ. Ну такъ что жъ? Это означаетъ, что я счастливъ! Вѣдь у насъ съ тобой тоже медовый мѣсяцъ? Если вы прикажете мнѣ изображать изъ себя момуса, бога молчанія, —я буду изображать онаго; ибо нѣтъ жертвы, которую бы я не въ состояніи былъ принести для васъ, моя царица, моя богиня, мое сокровище!.. (Обищаетъ ее).

М-ме ШТАРКЪ. Воображаю, какъ вы способны на жертвы! Не знаю только, за что я тебя полюбила?

Шагаевъ. А за что Вольдемара любила?

М-ме Штаркъ. Вольдемаръ былъ у ногъ моихъ. Онъ дѣлалъ все, чего бы я ни захотѣла. Онъ старался угадывать всѣ мои желанія, удовлетворять всѣмъ моимъ прихотямъ. Ужь конечно его нельзя сравнить съ тобой!...

Шагаевъ. И не сравнивай... Не то я обижусь, потому что не могу терпѣть этой телячьей физиономіи...

М-ме Штаркъ. Ужь если у кого телячья физиономія, такъ это у твоей бывшей пассіи, Надежды Степановны!

Шагаевъ. Это ты говоришь изъ зависти!

М-ме Штаркъ. Скажите, пожалуйста! Коли она такая красивица, зачѣмъ же вы ее оставили?

Шагаевъ. Глупа, душа моя, понимаешь ли ты, глупа, какъ сапогъ... и ревнуетъ! А я все могу сносить, кромѣ этого отвратительнаго, скучнѣйшаго порока.

М-ме Штаркъ. Какъ же это ты такъ долго не замѣчалъ, что она глупа?...

Шагаевъ. Хорошенькое-то личико именно и соблазнилъ меня. А я всегда замѣчалъ... Что дѣлать, слабъ человекъ!

М-ме Штаркъ. Воображаю, какъ она теперь бѣлится! И вѣрно вымещаетъ все на своемъ супругѣ. *C'est sa bête de somme*. Такъ и жду, что она явится ко мнѣ—просить моего совѣта. Сдѣлаетъ плаксивую мину—и скажетъ: *imaginez vous*, онъ не былъ у меня цѣлую недѣлю!

Шагаевъ. Она бомбардируетъ меня записками. Не успеешь глаза продрать, какъ ужъ несутъ чувствительное посланіе. Вотъ ужъ шесть дней, какъ у меня ничѣмъ другимъ—печей не растапливаютъ....

М-ме Штаркъ (хочетъ).

Шагаевъ (привлекая ее къ себѣ). Ужасно люблю, когда ты смѣешься. У тебя презаразительный смѣхъ!.. Но еще больше, когда ты мнѣ протягиваешь свои хорошенькія губки.

Лобзай меня, твои лобзанья

Мнѣ слаще мирра и вина....

(Цалуетъ ее въ лицо, нѣсколько разъ. Въ эту минуту портъера раздвигается и Надежда Степановна показывается на порогѣ: Шагаевъ и М-ме Штаркъ сперва озадачены появленіемъ, но потомъ приходятъ въ себя, и остаются на своихъ мѣстахъ. Надежда Степановна слѣдитъ, и не знаетъ, что ей дѣлать—уйти или вѣтъ.)

М-ме ШТАРКЪ (разсвѣло). Что вы стоите какъ призракъ! Садитесь; мой анге.

ШАГАЕВЪ (всталъ). Извините мою недогодливость. Вамъ нужно придвинуть стулъ.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (дрожащимъ голосомъ). Не безпокойтесь. Имъ здѣсь нечего дѣлать. Я не привыкла мѣшать нѣжнымъ сценамъ. (Повертывается, чтобъ идти).

ШАГАЕВЪ. Вы напрасно.... Мы нѣжничить больше не будемъ. Ужъ кончили.

М-ме ШТАРКЪ (заливается хохотомъ).

(Надежда Степановна молча уходитъ. — Шагаевъ и М-ме Штаркъ—принимаются хохотать вмѣстѣ).

М-ме ШТАРКЪ. Однакожь эти люди выводятъ меня изъ терпѣнья! Никогда нѣтъ ихъ въ передней.

ШАГАЕВЪ. Что жъ за бѣда? Эта дама узнала только днемъ раньше то, что ей пришлось бы и безъ того узнать.

СЦЕНА V.

Въ тотъ же день, вечеромъ, у Битюковыхъ. Надежда Степановна сидитъ въ гостиной, въ своей обыкновенной позѣ; подлѣ нея Глафира Андреевна что-то шептываетъ ей.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Ну что вы? Неужели?

ГЛАФИРА АНДРЕЕВНА. Клянусь истиннымъ Богомъ.... Отъ нея самой, отъ негодной слышала....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Это мило! Признаюсь.... Такъ онъ меня за одно съ горничной дѣвкой обманывалъ?

ГЛАФИРА АНДРЕЕВНА. Да онъ что, моя красавица... Онъ мужчина, съ него взыскивать нельзя.... А мужчины, известное дѣло, противу соблазну никакъ устоять не могутъ....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Но въ его лѣта, душенька Глафира Андреевна! И съ кѣмъ же, съ горничной дѣвкой,—фи!

ГЛАФИРА АНДРЕЕВНА. Да разѣ они это разбираютъ, красавица моя! Имъ бы любая была, а то все равно.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Впрочемъ, кому жъ онъ можетъ понравиться, кромѣ дворовой дѣвки! Съ его фигурой, съ его манерами. Вѣдь это ужъ я должна поневолѣ терпѣть.... Но какова же эта дѣвчонка мерзкая!...

ГЛАФИРА АНДРЕЕВНА. Безстыжая, красавица моя, сомнѣю какъ есть безстыжая. Такъ—таки и похваляеюся, мадула, говорить, и барина и барыню....

(Входитъ Афанасій Петровичъ. Лицо его краснѣе обыкновеннаго, волосы нѣсколько взбиты; видно, что онъ хватилъ рюмочку, для бодрости. При видѣ его Глафира Андреевна тотчасъ подымается со своего мѣста).

ГЛАФИРА АНДРЕЕВНА. Ну прощайте, моя красавица, обѣщалась я нынче вечеромъ къ Карпачевымъ зайдти. Они ужъ два раза за мной присылали.—За мантилью, мой ангелъ; чувствительно благодарна. (Цалуетъ ее въ плечо, и уходитъ съ мантильей на рукахъ. Афанасій Петровичъ очень сухо съ ней кланяется).

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА И МУЖЪ.

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (кряхтитъ нѣсколько разъ, и никакъ не собирается съ духомъ начать разговоръ).

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (иронически на него смотритъ). Скажите мнѣ, пожалуйста, что вы все кряхтите?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Это вамъ непріятно—съ? Что дѣлать—съ! Я тоже очень многое принужденъ переносить, что мнѣ непріятно....

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (передразнивая мужа). Что жъ такое именно—съ, любопытно узнать?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Что—съ? Вамъ угодно знать—съ? (Хорохорясь) Да хоть бы ваши отношенія къ господину Шагаеву.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (вспыхнувъ). Какія отношенія?.. Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Такъ и смѣю—съ, потому что я кажется мужъ, а не кто иной.... Вы изволите говорить, что мной помыкать можно, такъ я вамъ докажу, что нельзя—съ.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Да вы что—пьяны?

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Нѣтъ, не пьянъ—съ, а я не потерплю, чтобы вы незаконныя связи съ молодыми людьми заводили.... Вотъ что,—да—съ!

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА (вскочивъ съ мѣста). Что? Незаконныя связи (васильственно хохочетъ),—это мило!... Послушайте, вы проснитесь подите!

АФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Мнѣ нечего спать.... Я довольно спалъ—съ, пора проснуться. Весь городъ говоритъ.

НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА. Плюю я на вашу городъ, слыши-

те ли? Да охъ шоръ я думала, что вы только глушы, но по крайней мѣрѣ, добрый человекъ; а теперь вижу, что вы грубиянъ, мужикъ, не имѣющій понятія, что такое деликатныя чувства, и какъ нужно обращаться съ порядочной женщиной.... Подите вы!... Можете съ дворовыми дѣвками кричать, а не со мной. Еслибъ я даже и увлеклась къмъ, такъ мнѣ было бы извинительно, нѣтъ такого мужа....

Афанасій Петровичъ (перобстала ее). Ну да, разумѣется! Все идетъ къ тому, чтобы расширять кругъ дѣятельности женщинъ—такъ кажется вы изволите говорить;—ну вотъ вы и расширили вашу дѣятельность, завели амуры.

Надежда Степановна (презрительно). Какъ это умно сказано! Такъ ужъ ежели на то пошло.... я имѣла полное право завести амуры, какъ вы прелестно выражаетесь — потому что вы ихъ заводите, вы слышите ли? Вы внесли деньги за Сашку и увѣрили, что это женихъ за нее вносить.... Что остается дѣлать женѣ, у которой мужъ соблазняетъ горничныхъ дѣвокъ? Отвѣчайте мнѣ?

Афанасій Петровичъ (стоитъ озадаченный).

Надежда Степановна. Ну что жъ, отвѣчайте? Я васъ спрашиваю? Или я неправду сказала?... Эхъ вы! туда же волокитствомъ заниматься.... Да вы бы посмотрѣли на себя въ зеркало: ну, можете ли вы даже дѣвкѣ-то понравиться?.. Вотъ она васъ съ носомъ и оставила. И прекрасно сдѣлала! Впередъ умнѣе будете. Жалкій вы человекъ—вотъ я вамъ что скажу. На васъ и сердиться-то нельзя. Можно только презирать васъ и смѣяться надъ вами. Я думаю, вся дѣвичья теперь надъ вами тѣшится. Могу признаться! наградилъ меня Богъ домашнимъ счастьемъ! И съ эдакимъ существомъ прожить—вѣкъ! (Быстро уходитъ къ себѣ въ спальню и захлопываетъ ему надъ-носомъ дверь).

Афанасій Петровичъ (стоитъ нѣсколько минутъ на мѣстѣ, ерошаетъ волосы, потомъ опускается въ кресла). И кто это ей сфискалилъ?... вѣрно Глафира клыкастая! Не даромъ мантилью утащила, жидовка. (Помолчавъ) А можетъ, въ самомъ дѣлѣ, про Шагаева-то сплетни одни.... Мало ли здѣсь что врутъ!... Напрасно я только ее разобидѣлъ.... Ну, да и она хороша; въ долгу не осталась: дуракъ, да дуракъ—только и словъ.... (Входитъ Авдотья и ищетъ что-то).

Афанасій Петровичъ. Тебѣ что?

Авдотья. Да платокъ носовой барыня здѣсь оставила....

(Афанасій Петровичъ смотритъ на нее пристально, она улыбается. Потомъ, сыскавъ на диванѣ платокъ, уходитъ).

А ФАНАСІЙ ПЕТРОВИЧЪ (смотря ей вслѣдъ). Продувная должна быть! Не приударить ли развѣ за ней? Она, кажется, податливѣе Сашки-то будетъ. Только ужъ теперь меня на вольную не поддѣвнуй! Нѣтъ! Шалишь! Сперва полюби — а потомъ ужъ и вольную.... И такъ, не пойдти ли соснуть.... что-то глаза слипаются. (Зѣваетъ; потомъ встаетъ съ мѣста и направляется къ себѣ на верхъ).

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ОТЧИЗНА.

Природа скудная родимой стороны
Ты дорогá душѣ моей печальной ;
Когда-то въ дни моей умчавшейся весны
Манилъ меня чужбины берегъ дальный....

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ все блестящія картины.
Я вижу сводъ небесъ, прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины....

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей
И розы мнѣ киваютъ молчаливо....

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ оболещеній,
Еще не помышлялъ.... И легкомысленъ я,
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда,
И скорбь меня неожиданно колотила....
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
 О сторонѣ волшебной и далекой....
 И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту
 Незримую для суетнаго ока....

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
 Просторъ степей, безмолвно величавый,
 Весеннею порой — широкихъ рѣкъ разливъ,
 Тайственно шумящія дубравы.

Святая тишина убогихъ деревень,
 Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
 Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій,
 Надъ нимъ взошелъ великій день свободы.

Васъ понялъ я тогда! И сердцу такъ близка
 Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой —
 Звучала ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
 Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
 Но ты мила красой своей суровой
 Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
 Чей духъ носилъ гнетущія оковы....

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

(ИЗЪ БАРЕБЪ).

«Нагнись, нагнись живѣй, подставь, ребята, спину!
 «А вы, какъ слѣдуетъ, ребята, палачамъ,
 «Стегайте не щадя по бедрамъ, по плечамъ
 «Товарищей своихъ, забывшихъ дисциплину!»
 И молча, человекъ — сынъ неба — спину гнетъ,
 Подобье Божіе — какъ безсловесный скотъ!
 И плеть жестокая, пространство разсѣкая,
 На плечи синія ложится.... Боль глухая
 По кожѣ дрогнувшей бѣжитъ, и кровь видна,
 Которую пролить должна бы честь одна.

Ужели не знаешь ты, о Альбіонъ надменный,
 Что пытки мысль одна есть ужасъ для вселенной?
 Что уголья давно погасли на кострахъ
 И по вѣтру вѣковъ разсѣяны какъ прахъ.
 Ужели плети свистъ изъ тѣхъ краевъ позорныхъ,
 Гдѣ истязуютъ плоть рабовъ нагихъ и черныхъ,
 Доходить для того къ тебѣ изъ-за морей,
 Чтобъ ты карала такъ родныхъ своихъ дѣтей,
 Забывъ и ихъ любовь, и преданность сыновню,
 Которую они своею платятъ кровью?

Пора, пора тебѣ, всеильный Альбіонъ,
 Безчеловѣчный твой перемѣнить законъ,
 И старческимъ твоимъ не внемля учрежденьямъ
 Блюсти — иначе міръ тебя побьетъ каменемъ —

Чтобъ вѣрный стражъ твоихъ и городовъ, и сель,
 Поддержка твоего незыблемаго трона,
 Отъ вражескихъ мечей стѣна и оборона,
 Солдатъ твой не былъ битъ, какъ упряжной твой волъ,
 Иль какъ гонимое на бойню палкою стадо,
 Которое скорѣй все перерѣзать надо.

И. КОВАЛЕВСКИЙ.

С. П. П.

Чтобъ вѣрный стражъ твоихъ и городовъ, и сель,
 Поддержка твоего незыблемаго трона,
 Отъ вражескихъ мечей стѣна и оборона,
 Солдатъ твой не былъ битъ, какъ упряжной твой волъ,
 Иль какъ гонимое на бойню палкою стадо,
 Которое скорѣй все перерѣзать надо.

Чтобъ вѣрный стражъ твоихъ и городовъ, и сель,
 Поддержка твоего незыблемаго трона,
 Отъ вражескихъ мечей стѣна и оборона,
 Солдатъ твой не былъ битъ, какъ упряжной твой волъ,
 Иль какъ гонимое на бойню палкою стадо,
 Которое скорѣй все перерѣзать надо.

Чтобъ вѣрный стражъ твоихъ и городовъ, и сель,
 Поддержка твоего незыблемаго трона,
 Отъ вражескихъ мечей стѣна и оборона,
 Солдатъ твой не былъ битъ, какъ упряжной твой волъ,
 Иль какъ гонимое на бойню палкою стадо,
 Которое скорѣй все перерѣзать надо.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б А Н Р Е Р А .

Въ Италіи много есть мѣстъ, пользующихся всемірною извѣстностію по связаннымъ съ ними историческимъ воспоминаніямъ, и манящихъ къ себѣ путешественниковъ со всехъ концовъ свѣта. Сами же итальянцы о нихъ обыкновенно вовсе и не думаютъ, за исключеніемъ развѣ классическихъ *чичероне*, для которыхъ эти географическія знаменитости хлѣбъ насущный. Еслибы Италія въ настоящее время могла забыть и все свое блестящее прошлое, можетъ быть, для нея было бы лучше; оно черезъ-чуръ тяжелый для нихъ теперь грузъ. Вообще прошедшее хорошо бы предоставить изнемогшимъ уже старикамъ, у которыхъ въ настоящемъ — подагра и ревматизмъ, въ будущемъ — гробъ: пусть бы разказывали его дѣтямъ, у которыхъ ничего нѣтъ въ настоящемъ, а въ будущемъ — все.

Многіе здѣсь и слѣдуютъ моему глубокомысленному совѣту, не дожидаясь даже, чтобы я далъ имъ его. Эти-то и относятся всего смѣлѣе къ будущему, всего дѣятельнѣе въ настоящемъ; а настоящее здѣсь стоитъ того, чтобы ему отдались вполне, забывая прошлое, хотя бы въ немъ было много истинно великаго, дорогаго сердцу каждаго.

Съ этой стороны прошедшее Италіи представляетъ большія выгоды.
Т. ХСII. Отд. II.

ды: къ нему не нужно относиться враждебно, да этого и нельзя бы было сдѣлать; во-первыхъ потому, что всякое прошлое дорого людямъ уже по одному тому, что оно прошло безвозвратно; и во-вторыхъ потому, что итальянское прошлое дѣйствительно прекрасно, величаво, какъ античный барельефъ. Его и слѣдуетъ сдать въ музей на удивленіе иностранцамъ, на гордость потомкамъ и на пр. Даже и сторожъ этому музею представляется отличный въ лицѣ Массимо д'Азеліо, инвалида итальянской литературы; онъ съ особенной любовью ежедневно сметалъ бы пыль съ этихъ драгоценныхъ памятниковъ, и продавалъ бы у воротъ Форестьерамъ свои многотомные романы, до того уже успѣвшіе извѣстнать въ книжныхъ лавкахъ, что не поразили бы ничьимъ глазомъ даже среди египетскихъ мумій.

Только новыи министръ Раттацци, если онъ дѣйствительно преданъ благу Италіи, долженъ бы настрого запретить своимъ соотечественникамъ входъ этого музея. Я не думаю впрочемъ, чтобы и безъ этого запрещенія, то, что есть въ Италіи живаго, стало бы толпиться въ его залахъ; у нихъ подъ рукою слишкомъ много другихъ знаменитостей, имѣющихъ за себя всѣ прелести цивилизаций и жизни, которыя не уложились бы ни въ какомъ археологическомъ собраніи.

Въ ихъ числѣ, конечно, главное мѣсто занимаетъ Капрера, маленькій пустынный островокъ, въ проливѣ св. Бонифачіо, между Сардиніей и Корсикой, о существованіи котораго какихъ нибудь 20 лѣтъ тому назадъ едва ли кто зналъ въ Италіи, за исключеніемъ сардинскихъ рыбаковъ. Теперь глаза всѣхъ обращены на нее, вся Италія у нея ждетъ рѣшенія своей участи. Все, что есть въ Италіи счастливо думающаго, горлаго преданнаго благу родины, отправляется на поклоненіе въ Капреру, какъ праведники въ Мекку; самые иностранцы посѣщаютъ ее далеко не съ тѣмъ чувствомъ холоднаго любопытства, съ которымъ они посѣщаютъ остатки древнихъ амфитеатровъ и храмовъ.

Островъ этотъ представляетъ не только то замѣнительнаго, что на немъ жилъ Гарибальди, — въ такомъ случаѣ Palazzo Angli въ Неаполѣ могла бы оспаривать его права на знаменитость. Но на Капрерѣ Гарибальди дома; на ней все носитъ на себѣ слѣды его рукъ, его трудовъ; тамъ вездѣ и на все онъ положилъ свой, особенный отпечатокъ, и Капрера долго будетъ полна его именемъ, послѣ того, какъ онъ оставитъ ее.

Мѣстность этого острова дика, а все дикое, теперь очень живописно: скалы моря, густая зелень деревъ, насаженныхъ руками самого Гарибальди — все тоже, что и на всѣхъ другихъ итальянскихъ островахъ Средиземнаго моря. Что именно заставляетъ каждаго, вступающаго во владѣнія Гарибальди, чувствовать себя среди совершенно по-

вой для него живая? — Природа растительности слициномъ хорошо знакома: всѣмъ и каждому, нѣтъ ни одного куста, имѣющаго хотя сколько нибудь экзотическій видъ; стада воловъ пасутся на небольшомъ лугѣ, съ совершенно такой же тупой и хорошо всѣмъ извѣстной экономіей, какъ и сеговаринци нѣтъ въ малороссійскихъ степяхъ; домики владѣльца, бывшія, каменныя, въ одинъ этажъ, архитектуры совершенно общей всѣмъ небогатымъ италянскимъ загороднымъ домамъ и вилламъ....

Именемъ Гарибальди зовла Италия, передъ нимъ преклоняются всѣ партіи, даже самыя враждебныя по политическимъ видамъ и цѣлямъ; онъ нумиръ и герцогаго пролетарія столицы, и бѣднаго хлѣбопашца какого нибудь заколустая горной Тосканы, до котораго только оно одно и жило нво всей итальянской революціи. Гарибальди, какъ политическаго дѣателя, цѣлваго въ своихъ убѣжденіяхъ и преданнаго имъ со страстной горячностью, какъ смѣлаго и гениальнаго партизана, знаетъ не только одна Италия. Но какъ человека здѣсь не знаютъ его почти никто, потому что мало кому въ голову приходило, что Гарибальди тоже человекъ, что онъ не весь живетъ въ своихъ американскихъ побѣдахъ и геройскихъ подвигахъ двухъ послѣднихъ итальянскихъ движеній. Гарибальди такъ мало жилъ лично жизнью частнаго человека, что въ Италиі думаютъ, будто у него нѣтъ и не было нигода потребности въ ней. А между тѣмъ многое въ немъ заставляетъ предполагать, что онъ приносилъ тяжелыя жертвы своимъ убѣжденіямъ, когда рѣшился проводить всю свою жизнь то на военныхъ корабляхъ, то на поляхъ сраженія.

Еще почти ребенкомъ онъ бросилъ домъ, и семью, и принялъ дѣлительное участіе въ первомъ унитарномъ предпріятіи Мадонни, въ то время, когда Карлъ Альбертъ не смѣлъ еще произнести слово народности и поддерживалъ дружескія сношенія съ Австріей, противъ которой потомъ онъ хотѣлъ драться, въ качествѣ простаго солдата, въ войсѣ своего сына.

Это первое вступленіе Гарибальди на поприще политической дѣятельности окончилось очень неудачно и для Италиі, и для него самого. Съ тѣхъ поръ онъ долженъ былъ искать себѣ средствъ къ жизни за границею. Надъ нимъ почти постоянно висѣла самая страшная нищета; чтобы избѣгнуть ея, онъ долженъ былъ то давать уроки математики въ Марсели, то торговать свѣчами въ Нью-Йоркѣ.

Его жизнь извѣстна всѣмъ, и я не имѣю въ виду писать его біографію. Замѣчу только, что во время самыхъ блестящихъ успѣховъ своихъ въ Америкѣ, какъ и прежде, онъ постоянно думалъ только о томъ, чтобы употребить все свои способности и силы на пользу Италиі. Едва дошла до него вѣсть о первыхъ событіяхъ 1847 г., онъ во-

преки всему оставилъ свою адмиральскую должность, забывъ всѣ личныя соображенія и расчеты, и отправился въ Пьемонтъ, гдѣ былъ принятъ очень неохотно въ дѣйствующую армію съ чиномъ полковника.

Въ 1849 г., спасшись почти чудомъ отъ печальной участи друга своего Беми (разстрѣленного австрійца), онъ опять очутился безъ средствъ къ существованію и провелъ почти 10 лѣтъ, то въ фабрикаціи салыныхъ свѣчей, то въ плаваніи по морю съ коммерческими судами и пароходами. И надъ нимъ постоянно тяготѣло одно, что главное его дѣло еще не сдѣлано.

Наконецъ, по занятіи Капуи итальянскими войсками (въ ноябрѣ 1860 г.), наступилъ для итальянскаго движенія тотъ періодъ, въ который всякаго рода «мошки да букашки» выползаютъ изъ щелей, въ которыя они было попрятались на время грозы. Не желая быть зрителемъ этого необходимаго, но очень печальнаго эпилога къ своей блистательной драмѣ, сдѣлавъ Италію, присоединивъ къ скипетру Виктора-Эммануила болѣе 10 милл. гражданъ, чувствуя вѣсть съ тѣмъ, что для Италіи необходимъ отдыхъ, по крайней мѣрѣ на время, Гарибальди рѣшился воспользоваться сообразно съ собственными наклонностями предоставившейся ему свободой. Не требуя себѣ ничего въ награду за свои подвиги, кромѣ только того, чтобы позабыли его до тѣхъ поръ, пока онъ снова станетъ нуженъ для Италіи, онъ отправился въ маленькое свое имѣніе на Капрерѣ.

Тамъ онъ въ первый разъ послѣ очень долгаго времени очутился среди небольшого кружка близкихъ ему людей, среди тихой, спокойной жизни, и съ полною возможностью предаться занятіямъ, къ которымъ болѣе всего склоненъ по натурѣ.

Гарибальди слишкомъ молодымъ вырвался изъ всякаго общества и никогда потомъ въ немъ не жилъ, а потому онъ совершенно чуждъ обычаевъ его и предразсудковъ. Это единственный можетъ быть въ наше время человекъ безъ профессіи, въ полномъ смыслѣ этого слова, не принадлежащій ни къ одному изъ существующихъ социальныхъ подраздѣленій или сословій. Во всей его жизни у него было одно только близкое дѣло, почти ремесло — онъ сдѣлалъ Италію — все остальное служило ему въ видѣ необходимаго — не для развлечения, а для пропитанія себя и своего маленькаго семейства, препровожденія времени. Еслибы Гарибальди отправился во Францію, у него могъ бы быть очень интересный разговоръ съ сержантомъ пограничной стражи, такъ какъ на всѣ вопросы, которые этотъ по обязанности службы предложилъ бы ему, у него былъ бы только одинъ отвѣтъ: я Гарибальди, — и кто знаетъ, удовлетворился ли бы имъ блюститель внутренняго благосостоянія имперіи. Затѣмъ у Гарибальди

нѣтъ даже національности, такъ какъ со времени присоединенія Ниццы къ Франціи, онъ уже болѣе не итальянецъ, но быть французомъ до сихъ поръ не изъявилъ ни малѣйшаго желанія.

Итальяское правительство приняло впрочемъ на этотъ разъ необходимыя предосторожности и прислало ему патентъ на чинъ генерала и дипломъ кавалера Савойскаго креста, съ пенсіономъ въ 1,200 франковъ въ годъ (300 р. с.). Не знаю, будетъ ли Гарibaldi носить крестъ, но отъ пенсіона онъ уже отказался, какъ и ото всѣхъ предложенныхъ ему правительствомъ вспомошествованій. На Капрерѣ онъ не нуждается ни въ документахъ, ни въ деньгахъ. Доходъ его очень ограниченъ и достается ему не легко, но его потребности еще ограничениѣе—онъ живетъ, какъ достаточный крестьянинъ, оказываетъ охотно гостепрѣимство своимъ многочисленнымъ посѣтителемъ, но не стѣсняется для нихъ ни въ чемъ, ни въ занятіяхъ своихъ, ни въ образѣ жизни.

Только благодаря своимъ необыкновеннымъ способностямъ, Гарibaldi могъ среди всякаго рода тревогъ и тревоженій своего прошлаго пріобрѣсти то блестящее образованіе, которое въ немъ изумляетъ до преимуществу англичанъ, ожидающихъ встрѣтить въ немъ только грубаго и храбраго гварильяса, — на дѣлѣ онъ совершенно иное. Въ немъ нѣтъ той лачитавности, которую въ обществѣ привыкли встрѣчать силою да рядомъ; онъ и теперь очень мало читаетъ, а прежде не имѣлъ даже возможности проводить много времени въ этомъ занятіи. Но однако всѣ замѣчательные мыслители послѣднихъ вѣковъ ему очень хорошо знакомы; онъ ничего не бралъ изъ нихъ прямо, размышляя много, и до всѣхъ своихъ убѣжденій дошелъ самъ. У него и нѣтъ никакой опредѣленной теоріи въ жизни, потому что онъ къ теоріямъ вовсе неспособенъ; то, что онъ разъ созналъ, онъ тотчасъ же прилагаетъ къ практикѣ. Убѣжденный, что человекъ, не работающій самъ, не имѣетъ права пользоваться никакими доходами, онъ самъ обрабатываетъ свою землю, прибѣгая къ помощи наемныхъ работниковъ только тамъ, гдѣ труда его собственныхъ рукъ недостаточно. На Капрерѣ у него живетъ нѣсколько человекъ крестьянъ, съ которыми онъ заключилъ совершенно новыя для Италіи условія.

Онъ встаетъ съ разсвѣтомъ, отправляется вмѣстѣ съ своими работниками въ поле; около полудня онъ отправляется на охоту, затѣмъ обѣдаетъ, потомъ спитъ нѣсколько часовъ, къ вечеру опять отправляется въ поле, и только по заходѣ солнца возвращается домой, и это единственное время, которое онъ удѣляетъ своимъ друзьямъ и посѣтителемъ.

Первое время его пребывания на Капрерѣ въ домашнихъ занятіяхъ ему помогала дочь его, Терезита, вышедшая недавно замужъ за одно-

го изъ бывшихъ его офицеровъ. Она теперь въ Миланѣ и отецъ остался одинъ на Капрерѣ, гдѣ, за ея отсутствіемъ, обѣдъ ему приготовляетъ единственный его прислужникъ, живущій на правахъ домашняго друга. Обѣдъ у него не очень роскошный, но приготовленный чисто и хорошо; состоитъ по большей части изъ овощей, насаженныхъ рукою самого хозяина, и изъ дичины.

Этотъ его образъ жизни возбудилъ удивленіе въ цѣлой Италіи, и можетъ быть, даже не въ одной только Италіи; многимъ казался онъ слишкомъ неестественнымъ: одни желали видѣть въ немъ протестъ противъ неблагодарности правительства, другіе — желаніе отличиться во всемъ отъ большинства смертныхъ. Оба эти предположенія очень оскорбительны для капрерскаго помѣщика, но понять такіе характеры, какъ его, способенъ не всякій, а Гарибальди пужно знать не только по имени, для того, чтобы видѣть, что онъ ведетъ этотъ образъ жизни единственно потому, что всякій другой былъ бы ему въ тягость. Прибавьте, что во всемъ этомъ есть черта, очень рѣдко встрѣчающаяся въ Италіи, а именно, любовь къ сельскимъ занятіямъ, къ земляной работѣ.

Италію, конечно, нельзя назвать странною земледѣльческою, а между тѣмъ въ ней — въ особенности въ южныхъ провинціяхъ и въ Нижней Тосканѣ — земледѣльчество играетъ слишкомъ важную роль въ жизни народонаселенія. Земледѣльческія классы не только не пользуются здѣсь никакимъ уваженіемъ, но даже полнымъ презрѣніемъ со стороны горожанъ. Контадинъ — земледѣлецъ — здѣсь ругательное слово. Классы эти дѣйствительно здѣсь находятся въ состояніи самаго грубаго невѣжества, а всего болѣе въ Тосканѣ, и поражаютъ противорѣчіемъ всему ихъ окружающему.

Въ исторіи Италіи сельское народонаселеніе не играло никакой роли, или по крайней мѣрѣ играло очень пассивную роль. Во время борьбы муниципальностей, оно держалось совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ событій и принимало съ одинаковымъ праждебнымъ равнодушіемъ всѣ возникавшіе политическіе и административные перевороты. Въ это время успѣла уже до такой степени вкорениться здѣсь ненависть между городскимъ и сельскимъ сословіями, что позже, когда наступило время борьбы Италіи съ иностранными правительствами, сельское народонаселеніе только изъ ненависти къ горожанамъ держало настоянно сторону этихъ послѣднихъ. Оно и теперь еще въ неаполитанскихъ провинціяхъ составляетъ послѣднюю опору тамошнихъ Бурбоновъ. Въ Тосканѣ, гдѣ сословіе это слишкомъ задавлено и собственною тяжелою участію и въ особенности развито тамъ муниципальною жизнью, оно не имѣетъ никакой силы, а потому и не имѣетъ вовсе никакого значенія въ настоящемъ движеніи.

Когда въ 1859 году приступлено было здѣсь ко всеобщей подачѣ гонимовъ въ пользу присоединенія къ Пьемонту, контадины выказали такое полное равнодушіе, что ихъ должны были обмануть для того, чтобы склонить на сторону прогресса. Имъ обѣщали уничтоженіе нѣкоторыхъ податей и налоговъ, въ особенности для нихъ обременительныхъ, предоставленіе имъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ на землю, на которой застанетъ ихъ осѣдлыми новое положеніе. Все-го этого конечно не случилось. Итальянскій статутъ, то есть, пока еще пьемонтскій статутъ короля Карла Альберта, имѣющій пока силу во всемъ итальянскомъ королевствѣ, относится къ контадинамъ тоже не очень благосклонно. Правда, вмѣстѣ съ ними онъ оставилъ за цесомъ и большую половину низшаго городского народонаселенія, то есть всѣхъ, не платящихъ въ годъ 40 франковъ податей; но положенія этихъ двухъ классовъ слишкомъ различны, и то, что легко выносить городской работникъ, который здѣсь даже вовсе и не сокрушается о непредоставленіи ему правъ избирательства, то для контадина слишкомъ тяжело, и во многихъ случаяхъ можетъ показаться даже явною несправедливостью. Въ Тосканѣ, напримѣръ, самый бѣднѣйшій земледѣлецъ, осѣдлый на помѣщичьей землѣ, платитъ въ годъ болѣе 70 франковъ въ государственную казну, но подать эта занисывается не отъ его имени, а отъ имени помѣщика, вслѣдствіе чего избирательный ценсъ на него не распространяется.

Кромѣ того, итальянскій статутъ достаточно вознаграждаетъ городскихъ работниковъ за все, предоставляя имъ право собираться гдѣ и какъ имъ угодно, образовывать всякаго рода общества, комитеты и ассоціаціи. Закономъ это право не отнято и у сельскихъ жителей, но тѣ не имѣютъ ни малѣйшей возможности имъ воспользоваться, такъ какъ живутъ обыкновенно отдѣльными семействами, и собираются только по воскресеньямъ въ церкви или на городскомъ базарѣ.

Мнѣ случилось нынѣшнею зимою провести около мѣсяца на маленькой виллѣ въ сьенскихъ холмахъ, которые считаются плодороднѣйшимъ мѣстомъ всей Средней Италіи. Я скоро свелъ дружбу съ тамошнимъ контадиномъ. Это былъ человекъ глѣтъ 25, худой и блѣдный, съ фizioноміей хорошо мнѣ знакомой по рисунку этрусскихъ вазъ. Онъ скоро посвятилъ меня во многія изъ тайнъ земледѣльческаго быта въ Италіи. Я скоро увидѣлъ, что и мой Тоно и всѣ его товарищи очень холодно принимали послѣднія славныя событія отечества, хотя и на реакцію особенно склонны не были. Меня въ особенности интересовало узнать, какое именно участіе принимали они въ послѣдней мирной тосканской революціи. Вотъ что сообщалъ мнѣ на этотъ разъ мой пріятель:

— Мы ровно ничего не знали о томъ, что дѣлалось во Флоренціи. Работы было столько, что рукъ нельзя было счесть; я даже изъ собственныхъ денегъ нанялъ двухъ батраковъ («*prigionali*» — сельскіе пролетаріи, существующіе только въ Тосканѣ). Хозяинъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ:

— Ты грамотный, Тоно? спрашиваетъ.

— Нѣтъ, говорю, гдѣ намъ грамотѣ учиться....

— Ну такъ хочешь, говорить, я тебѣ листъ прочту?

— Читайте, говорю, милости просимъ. — Вотъ онъ и сталъ читать, а потомъ вдругъ и говоритъ:

— Слышишь, говорить, Тоно, нужно, чтобы ты подписалъ....

— Да какъ же я подпишу, вѣдь я писать не умѣю, да и не знаю совсѣмъ, что тамъ такое писать нужно.

— Это ничего, говорить, я за тебя напишу, а ты только дай 5 *полонез* (70 к. с.).

— Кому, какіе?... 5 *половъ* — шутка, а гдѣ ихъ возьмешь, говорю, вѣдь вотъ вчера еще заплатилъ батракамъ, масло еще не продалъ и за вино не получилъ еще ни копѣйки пока....

— Все, говорить, вздоръ, я, говорить, ихъ за тебя отдамъ, а тебѣ запишу это въ счетъ.

— Ну послѣ этого уже мнѣ и сказать ничего не приходилось. А зачѣмъ, говорю я, позвольте спросить, берете вы у меня эти 5 *половъ*?

— Да ты, говорить, не слышалъ развѣ, что мы не хотимъ Леопольда, а будетъ на мѣсто его у насъ одинъ король теперь на всю Италію — Викторъ Эммануилъ, знаешь?

— Одинъ на всю Италію — шутка! Ну, спрашиваю, а намъ лучше будетъ оттого, что одинъ будетъ король на всю Италію?

— Лучше, говорить, Тоно, и куда лучше, и такого неслыхать, что и....

— Ну, далъ я ему *половъ*. Далъ онъ мнѣ бумажку какую-то и говоритъ:

— Въ воскресенье тебя потребуютъ въ городъ (Сьену), тамъ долженъ ты будешь голосъ свой подавать, такъ ты эту бумажку и положишь, куда скажутъ.

— А за кого, говорю, эта бумажка?

— За Викторъ Эммануила, говорить, глупый. Нечто ты за Леопольда хочешь?

— Нѣтъ ужъ, чего, говорю, за Леопольда, ужъ коли лучше за Викторъ Эммануила, такъ за него ужъ и класть, да и денегъ 5 *половъ* вы у меня на это уже взяли.

— Такъ вотъ оно дѣло и было, прибавилъ Тоно: — только того,

что обещали мнѣ козлинъ, ничего и не вышло: за землю платимъ тоже, что и прежде, да и ноголовная подать (testatcio) съ нашей сеньи та же.

— Стало быть вы всеъ недовольны новыиъ?

— Недовольны? Съ чего же намъ быть недовольныиъ, соль дешевле стала и много....

— Ну, а если бы опять Леопольдъ вернулся?

— Пусть его: — намъ ништо, что тотъ, что другой.

— Ну да который же для васъ лучше?

— Да кто жь его знаетъ. Попы говорятъ, Леопольдъ былъ лучше, и грѣхъ, говорятъ, сдѣлали мы. Я самъ, какъ рассказали мнѣ, что онъ, сердечный, на старости лѣтъ да къ tedesкамъ ѣхать долженъ—да же заплакалъ. Гдѣ ужъ ему, думаю, старику, съ tedesками жить. А вотъ въ городѣ всеъ говорятъ: не слѣдъ ему было у насъ оставаться, лучше-де Викторъ-Эммануиль. А намъ, что тотъ, что другой — оба хороши: обоимъ добра желаемъ.

— Такъ изъ чего же вы все дѣлю надѣлали?

— Какъ изъ-за чего? сказалъ мнѣ г. Дезидеріо, хозяинъ:—нужно такъ, ну, стало быть и нужно. Да въ городѣ всеъ хотѣли, такъ и безъ насъ бы сдѣлали; изъ-за чего же намъ имъ перечить—все равно по своему бы сдѣлали. Намъ вотъ только въ городѣ когда что продавать надо, такъ и сами мы радуемся.

— Чего же, вѣдь *габашу* вы платите по прежнему? (Въ Италіи осталося обыкновеніе, какъ и во Франціи во многихъ городахъ, брать у входа въ городъ пошлину съ мелкихъ продуктовъ; подать эта лежитъ, конечно, на покупателейъ, то есть на городскихъ же жителей, и называется *gabella*).

— Габашу платимъ по прежнему, отвѣчалъ Тоне: — за те ужъ, какъ занялишь ее, такъ и отправляешья прямо на базаръ: никто ничего ужъ больше не проситъ и даромъ товару никому не даемъ, да и полицейскіе вѣжливые такіе стали. Намъ бы ничего, довольны бы были, прибавилъ Тоне послѣ минуты раздумья: — только вотъ попы страдаютъ—говорятъ: Богъ за это накажетъ. Гдѣ-то, въ Неаполѣ, что ли, тоже герцога выгнали, —такъ тамъ уже, говорятъ, 3 деревни огнемъ попалило. Боимся, чтобы и намъ того же не было, —городу ничего, а намъ какъ бы не досталося.

Итакъ, всеъ итальянскія деревни остались въ стороиѣ отъ прогресса и сами не понимаютъ, отчего они сдѣлали всю эту довольно дорого стоившую имъ революцію. Они, по прежнему, остались въ рукахъ католическаго духовенства, которое выбивается изъ силъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ оружіе противъ новаго правительства. Въ Тосканѣ врядъ ли имъ это удастся: здѣшнее сельское все народонаселеніе

слишкомъ равнодушно ко всему, выходящему изъ предѣловъ его ежедневныхъ занятій и насущныхъ барышей. Въ большей части случаевъ они и не замѣчаютъ переменъ—у нихъ прибавилось только одно дорогое имя, и имя это — Гарибальди; — за него они готовы всегда и во всякомъ случаѣ, готовы опять идти съ нимъ куда угодно, хотя они вообще не охотники до походовъ. Въ чемъ же секретъ этой привязанности? Чѣмъ вызвана въ нихъ она?

Итальянское правительство въ настоящее время не имѣетъ возможности заняться улучшеніемъ крестьянскаго быта; да надежды мало, чтобы оно когда нибудь занялось имъ, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока классъ этотъ не будетъ имѣть своихъ представителей въ парламентъ. Но какимъ образомъ ни одно изъ учредившихся здѣсь въ послѣднее время патріотическихъ обществъ не подумало объ этомъ? Это тоже загадка.

А надежды мало на то, чтобы крестьяне скоро взяли сами инициативу въ собственномъ дѣлѣ, — вѣдь мало того, что законъ даетъ имъ на это право, коли возможности нѣтъ.

Между тѣмъ вопросъ о крестьянахъ въ Италіи—вопросъ чисто мѣстный: есть цѣлыя провинціи, въ которыхъ сословіе это вовсе не существуетъ; а слѣдовательно, конституціонное правительство имѣетъ полное право имъ не заниматься. Если существующія городскія комитеты и общества итальянскаго единства имъ не займутся, положеніе бѣдныхъ хлѣбопашцевъ надолго останется въ томъ же жалкомъ видѣ. А до сихъ поръ только одинъ голосъ поднялся въ цѣлой Италіи въ ихъ пользу, только одинъ человекъ назвалъ себя ихъ братомъ, и назвалъ не неосновательно: онъ понимаетъ ихъ нужды, то важное значеніе, которое они должны имѣть въ будущей внутренней жизни возрожденной Италіи; человекъ этотъ Гарибальди — Богъ знаетъ какимъ инстинктомъ понявшій ихъ темную жизнь, остающуюся загадкой для всей муниципальной Италіи, въ которой она возбуждаетъ только вражду и презрѣніе.

Въ этой-то симпатіи, которая существуетъ между Гарибальди и земледѣльческими классами итальянскаго народонаселенія, съ которыми онъ никогда не жилъ, съ которыми встрѣчался только на полѣ сраженія — разгадка этой непонятной привязанности, которую нашелъ онъ въ нихъ, не сдѣлавъ для нихъ въ сущности ничего, не улучшивъ нисколько ихъ быта.

14-10 (2-10) марта.

Время бы возвратиться и на Капреру. Теперь маленькій домикъ Гарибальди на время опустѣлъ — владѣлецъ его въ Генуѣ.

Имѣлъ ли Гарибальди въ виду, отправляясь на Капреру, отчуж-

дѣла совсѣмъ ось политическаго движенія Италіи, до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время докончить, съ оружіемъ въ рукахъ, такъ бюрократическаго начатое нѣ дѣло — я не думаю. Онъ и желать этого не могъ, а если бы и желалъ, то обстоятельства, конечно, никогда не позволили бы ему это сдѣлать.

Какъ бы то ни было, оставивъ почти Италію, сложивъ съ себя всѣ чины и форменныя отличія, распустивъ свое войско, Гарибальди остался все же тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, то есть главою и центромъ итальянскаго движенія, выступившаго теперь въ совершенно иной формѣ своего развитія.

Италія въ теченіе едва ли не 50 лѣтъ приготовлялась къ тому, что въ ней случилось въ 1860 году. Тѣмъ не менѣе новая перемѣна застала ее почти врасплохъ, какъ это обыкновенно случается. Предпріятіе было слишкомъ трудно, а потому понятно, что въ теченіе всего этого долгаго періода ее занимала почти исключительно внѣшняя форма.

Развитіе гражданственности въ ней было слишкомъ затруднено въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Для большинства оно и осталось на той степени, на какой захватило его новое вторженіе варваровъ, т. е. соединенныхъ гвельфовъ и гибеллиновъ, папской и императорской партій—Климента VIII и Карла V, въ послѣдней половинѣ XVI вѣка. Удержаться на этой степени было тоже нелегко, такъ какъ побѣдители стремились всѣми силами прогнать его назадъ.

Это однакоже не помѣшало умамъ болѣе смѣлымъ идти впередъ, тѣмъ быстрее, можетъ быть, чѣмъ сильнѣе было встрѣчаемое ими противодѣйствіе. Только слабые поддались гоненію.

Слѣдствіемъ всего этого было то, что когда Италіи представилась наконецъ возможность устроить свой внутренній бытъ согласно собственнымъ стремленіямъ и понятіямъ, въ ней возникло множество партій, изъ которыхъ очень многія слишкомъ враждебны одна другой и готовы снова покориться иностранцамъ, лишь бы не видѣть торжества своихъ противниковъ. Въ 48 году именно это-то и случилось.

Мысль объ итальянскомъ единствѣ наперекоръ всему очень упорно держалась въ итальянскихъ головахъ во всякое время; но приведеніе ея въ исполненіе было такъ затруднено, что для большинства она существовала въ видѣ отвлеченія, философской доктрины, религіи.

Когда съ паденіемъ Наполеона I разрушились и послѣднія надежды Италіи на независимость, иностранныя правительства прочнѣе чѣмъ когда либо утвердились въ Италіи — отчаяніе было повсемѣстное, всѣ почти поддались тяжелому гнету, немногіе отважились на оппозицію, и оппозиція эта была слѣпая и мелочная. А глубокіе мы-

слители держались всторонѣ, въ глуши своихъ кабинетовъ, а часто и тюремъ, и рѣшали абстрактную сторону вопроса.

Мадзини первый изъ нихъ поднялъ голосъ за итальянскую народность. Онъ хотѣлъ не только политическаго, но и социальнаго переворота, который еще немногіе понимали въ то время. Не знаю, вполнѣ ли сочувствовали его теоріямъ соотечественники, но онъ былъ одинъ — и все, что тогда было въ Италіи смѣлаго и любящаго свое отечество, приняло его сторону. Генуэзцы, по старой памяти очень враждебно относившіеся къ сардинскому правительству, которое тогда еще не отличалось отъ австрійско-итальянскихъ правительствъ, составили главную силу Мадзини, но и въ остальной Италіи онъ имѣлъ преданныхъ прозелитовъ.

Когда король Карлъ Альбертъ объявилъ войну Австріи, большинство Италіи склонилось на его сторону; за Мадзини остались только тѣ, которые хотѣли болѣе радикальнаго переворота. Между этими партіями тогда же началась упорная вражда.

Въ 1848 г. обѣ онѣ проиграли, но Гарибальди съ волонтерами поддерживалъ еще мадзиніевскій триумvirатъ, въ то время, когда Карлъ Альбертъ уступилъ уже Радецкому.

Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось въ Италіи. Отношенія ея къ новому сардинскому королю стали гораздо лучше, чѣмъ были прежде; Мадзини много потерялъ послѣ неудачъ 1849 г., къ тому же онъ хотѣлъ слишкомъ труднаго. У него оставалась еще партія, но толпа политическихъ послѣдователей, т. е. большая часть собратьевъ прежней «Молодой Италіи» нашли, что новому дѣлу нужны новыя начала, что радикализмъ вреденъ въ Италіи.

Едва Викторъ-Эммануилъ началъ снова военныя дѣйствія противъ Австріи, партія эта, — изъ мадзиніевской, ставшая партіею народнаго движенія, — присоединилась къ нему и стала оказывать ему содѣйствіе всѣми силами, въ лицѣ новаго предводителя своего — Гарибальди.

Зная, съ которымъ Гарибальди высадился въ Сицилію, его тогдашняя программа: «Italia una col Vit. Em.» — были знамя и программа всей партіи движенія. Споръ о формахъ и теоріяхъ былъ отброшенъ, и *умѣренные* только въ слѣпой ярости своей противъ оппозиціи осъзнаютъ ихъ упреками въ радикализмъ, мадзинизмъ и всякихъ ужасахъ...

Волонтеры Гарибальди были организованы и вооружены старыми и насчетъ политическихъ комитетовъ, составленныхъ изъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи движенія. Насчетъ настоящей ея программы не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что она неоднократно, гласно провозглашала Гарибальди своимъ единствен-

ныиъ главою и предводителемъ. До тѣхъ поръ, пока тянулось военныя дѣйствія въ Южной Италіи, между большинствомъ и партією движенія царствовало крѣпкое согласіе.

Но едва Викторъ-Эмануэль сталъ королемъ Италіи de facto, едва представлялась возможность мира и спокойствія, едва не стало въ Неаполь Бурбонскихъ войскъ—тогчасъ же поднялась внутренняя, отчаянная борьба между большинствомъ и крайней лѣвой стороною. Изъ этого не слѣдуетъ, впрочемъ, заключать, чтобы послѣдняя хотя на волюсь извѣстила свою программу; она по прежнему хочетъ единства Италіи воцѣ скипетромъ конституціонныхъ королей Савойскаго дома — для нея это уже вопросъ рѣшенный; остается только, чтобы при этой извѣстной формѣ Италія добилаcь той высшей степени внутренняго развитія, на которую она только способна стать. Пользуясь съ одной стороны предоставленнымъ по закону правомъ всѣмъ гражданамъ строгаго контроля надъ министерствомъ, она вовсе не считаетъ своею обязанностию соглашаться заранѣе со всѣми его распоряженіями и дѣйствіями. Министерству предстоитъ въ Италіи въ настоящее время слишкомъ трудная задача и ему нужно законное содѣйствіе націи; министерская оппозиція въ конституціонныхъ государствахъ — фактъ неизбѣжный и даже какъ бы требуется самимъ статутомъ.

Кромѣ того, въ Италіи правительство—я не говорю о централизованномъ министерствѣ барона Рикасоли, оно уже и унало—береть на себя разрѣшеніе только главныхъ вопросовъ, касающихся цѣлой страны; вопросы болѣе частныя, вопросы мѣстные, сословныя и личныя оно оставляетъ своимъ подданнымъ, давая имъ только общую норму. Наконецъ министерство, одинъ изъ главныхъ правительственныхъ органовъ, слишкомъ зависить отъ случайностей, отъ личнаго своего состава; въ парламентѣ не всѣ сословія имѣютъ своихъ представителей, а министерство избирается парламентомъ, слѣдовательно по необходимости дѣйствуетъ въ видахъ и выгодахъ своихъ избирателей. Такимъ образомъ, бытъ низшихъ классовъ народонаселенія можетъ очень пострадать отъ этого устройства, еслибы и они не имѣли своихъ представителей, своего какъ бы особеннаго парламента. Неудовольствія легко могли бы въ немъ возникнуть противъ правительства, которое все же остается отъ него на нѣкоторомъ отдаленіи. Все это могло бы обратится во вредъ обѣихъ сторонъ, а въ особенности въ Италіи, гдѣ настоящее правительство нуждается въ дружномъ содѣйствіи всего народонаселенія, а оно здѣсь не прибѣгаетъ къ щедрымъ подачкамъ, которыми неаполитанскіе Бурбоны привязывали къ себѣ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которыхъ они оставляли внѣ покровительства законовъ.

Всего этого мнѣ кажется достаточнымъ для того, чтобы пока-

зать не только всю законность существования въ Италіи такъ называемой партіи движенія, но даже ту пользу, которую изъ ней можно извлечь правительство. Вся задача въ томъ, чтобы правительство могло довѣрить этой партіи въ томъ, что она не выйдетъ изъ законныхъ предѣловъ, или чтобы оно достаточно вѣрило въ свои собственныя силы на тотъ разъ; что еслибы партія эта перереагировала свои стремленія и дѣла, оно могло бы удержаться въ должныхъ предѣлахъ. Въ первомъ достаточно поручено служить нима теперешняго вождя партіи движенія — Гарибальди; во второмъ, слова Рикасоли, сказанныя имъ не за долго передъ отставкою въ засѣданіи парламента.

Почему старое министерство враждебно относилось къ этой партіи и почему всѣ новыя будутъ относиться къ ней точно также? — вопросы, не требующіе особенныхъ разъясненій.

Почему большинство или партія умѣренныхъ яростно кричитъ противъ той же несчастной оппозиціи? тоже понять не трудно, въ особенности, сообразивъ еще то, что итальянскіе умеренные, находящіеся, что руками союзниковъ легче сдѣлать трудное дѣло, чѣмъ своими собственными, боятся, чтобы иностранныя государства, на содѣйствіе которыхъ они рассчитываютъ, не припили въ иномъ смыслѣ подвиги этой партіи, что легко, конечно, можетъ случиться, такъ какъ эти союзники привыкли считать Италію за гнѣздо всякаго рода отчаянныхъ революціонеровъ, дакъ тому же они слишкомъ издали смотрятъ на дѣло, а издали все кажется въ преувеличенномъ видѣ, какъ увѣряетъ Макиавелли...

Партія движенія очень распространена во всѣхъ итальянскихъ провинціяхъ, всего меньше однакоже въ Пьемонтѣ и въ Тосканѣ, гдѣ со времени паденія Рикасоли образовалась въ видѣ отдѣла бывшей министерской, или правительственной, Рикасолиевской партіи, своего рода оппозиція, но только противъ существующаго теперь министерства Ратацци; партія эта стремится къ тому, чтобы вызвать новый кризисъ, въ надеждѣ устроить новый кабинетъ, болѣе сообразный съ ея наклонностями. Я упоминаю о ней мелькомъ и перехожу къ той оппозиціи, или партіи движенія, главной квартирой которой Капрера, и которая имѣетъ въ виду прежде всего устройство внутренняго благосостоянія тѣхъ классовъ народонаселенія, о которыхъ обыкновенно мало думаетъ и министерство и парламентъ, а которые тѣмъ не менѣе играютъ важную роль въ судьбахъ страны. Конечно, и ея члены не чужды личныхъ побужденій, но корысть не играетъ здѣсь никакой роли и замѣняется честолюбіемъ — обидѣнъ не невыгодный по моему мнѣнію.

Внутренній составъ этой партіи разнообразенъ; говорить о немъ

нужно очень много, или ничего вовсе — я выбираю последнее, чтобы больше на досугъ сказать въскользю слово о средствахъ, которыми она добивается своей цѣли.

Средства эти главнымъ образомъ тѣ политическіе комитеты и общества, о которыхъ я упоминалъ уже не разъ. Ассоціаціи эти существуютъ во всѣхъ большихъ и маленькихъ итальянскихъ городахъ, во влияніе ихъ на положеніе дѣлъ своихъ участковъ очень различно и зависятъ вполне отъ ихъ личнаго состава. Цѣль ихъ — стремиться къ внутреннему единству Италіи всѣми зависящими отъ нихъ средствами, и тѣми по преимуществу, которыми почему бы те ни было не можетъ воспользоваться правительство.

По самому существенному характеру своему общества эти едва ли способны быть централизованными; единственная, существующая между ними связь — общія основныя мысль и общее — болѣе нравственное, чѣмъ дѣйствительное — предсѣдательство Гарибальди.

Однакоже это отсутствіе цѣльности много вредитъ ихъ дѣлу; кромѣ того, самое правительство, не имѣя возможности знать частной программы каждаго изъ нихъ, нѣсколько неблагоприятно смотритъ на ихъ существованіе, не вполне убѣжденное въ томъ, что встрѣтитъ дѣйствительно въ нихъ во всѣхъ безъ исключенія необходимое для себя содѣйствіе и помощь. Итальянское правительство можетъ еще не возмущаться нами открыто; но «великодушный союзникъ» смотритъ на это, какъ кажется, совершенно иными глазами.

Нѣкоторыя попытки противъ нихъ въ парламентѣ кортесей италіанской французской партіи, какъ здѣсь называютъ бывшую партію Ратауди — заставили обратить особенное вниманіе на ихъ внутреннее устройство и за этимъ имъ пришлось снова обратиться — на Капреру, гдѣ они и встрѣтили дружеское содѣйствіе и помощь.

Въ Генуѣ назначенъ былъ на 9-е марта конгрессъ, на который приглашены были представители всѣхъ безъ исключенія итальянскихъ народныхъ обществъ и комитетовъ: Гарибальди принялъ предложенное ему предсѣдательство и оставилъ Капреру во второй или третій разъ въ теченіе тѣхъ 17 мѣсяцевъ, которые онъ провелъ на ней, не оставя ее даже въ минуты очень важныхъ министерскихъ кризисовъ и парламентскихъ распрій, случавшихся довольно часто въ продолженіе этого времени. Одно это показываетъ уже, что Гарибальди считаетъ благоустройство этихъ комитетовъ дѣломъ особенной важности и принимаетъ его очень близко къ сердцу.

Обвинять въ чемъ бы то ни было Гарибальди, порицать его дѣйствія не осмѣливаются здѣсь никакія періодическія изданія, ни даже клерикальныя, очень наглыя во всѣхъ другихъ случаяхъ. Неудачная попытка Чальдини въ прошломъ году отбила у многихъ охоту по-

дражать ему въ подобныхъ продѣлкахъ. Къ тому же общественное мнѣніе за глаза одобряетъ все, что скажетъ или сдѣлаетъ Гарибальди. Однако враги комитетовъ по профессіи—т. е. вся умѣренная и приверженная французскому союзничеству партія, нашли средства высказать свое неудовольствіе по этому поводу. Министръ Ратацци, обещавшій не слѣдовать централизованной политикѣ своего предшественника, тоже не одобрилъ генуэзскій конгрессъ,—неизвѣстно только, что въ немъ особенно вызвало министерскій гнѣвъ.

Гарибальди никогда еще не отказывался отъ предсѣдательства надъ однимъ патристическимъ обществомъ: онъ неоднократно признавалъ ихъ своимъ дѣломъ. Съ этой стороны готовность, которую онъ высказалъ на этотъ разъ помочь имъ всѣми, зависящими отъ него средствами,—не прибавила ничего новаго къ тому, что и прежде было хорошо извѣстно всѣмъ, не желавшимъ особенно не знать того.

Вся задача въ томъ, что прежде оставалась возможность востать противъ комитетовъ надъ тѣмъ предлогомъ, что они не раздѣляютъ программы Гарибальди, что они для формы только только вѣбрали себѣ его въ общіе президенты, а онъ изъ вѣжливости не отказался, что за тѣмъ не оставалось между ними никакой связи, ничего общаго. Теперь возможности этой нѣтъ, такъ какъ программа ассоціацій составлена главнымъ образомъ самимъ Гарибальди, республикована во всѣхъ журналахъ и встрѣчена была съ восторгомъ представителями всѣхъ комитетовъ, клубовъ и обществъ. Остается одно изъ двухъ: или согласиться, что эти общества вовсе не враждебны благосостоянію всей Европы—тогда въ чемъ же ихъ винить и во имя чего требовать ихъ немедленнаго закрытія и чуть ли не ссылки въ Сибирь ихъ главныхъ дѣятелей;—или за одно уже признать и самого Гарибальди за человѣка вреднаго для Италіи—другаго выхода изъ этой дилеммы нѣтъ, а и то и другое рѣшеніе одинаково противны умѣренными и министерству.

Не смотря на это, умѣренная партія усиливается высказывать по прежнему полную преданность Гарибальди, и съ этою цѣлью высказываетъ мнѣнія на счетъ его личности, не лестныя для нея самой, если они только искренни, и поражающія своею наивностью. По словамъ журналовъ этой партіи, Гарибальди во время пребыванія своего на Капрерѣ не принималъ никакого участія въ настоящихъ дѣлахъ Италіи и прикрылъ своимъ именемъ комитеты только изъ надежды, что они займутся исключительно приготовленіемъ ему волонтеровъ на будущіе походы, а что истинное направленіе и значеніе этихъ комитетовъ не только ему чужды, но даже и вовсе неизвѣстны, и что комитеты такимъ образомъ какъ-будто надули своего представителя.

Если бы предположеніе, будто Гарибальди съ отъѣзда своего изъ Неаполя оставилъ совсѣмъ политическую дѣятельность, имѣе какое нибудь основаніе, это было бы тяжелое обвиненіе противъ итальянскаго героя. Италия въ настоящемъ своемъ положеніи нуждается въ сдѣланныхъ всѣхъ, кто способенъ оказать ей его. Да и какъ допустить, чтобы онъ могъ оставаться спокойнымъ зрителемъ всего, совершающагося вокругъ него.

Онъ отказался отъ предложеннаго ему намѣстничества въ Неаполѣ и въ Сициліи, точно такъ же, какъ и отъ всякихъ другихъ должностей въ итальянской администраціи и отъ участія въ парламентѣ, по множеству причинъ, которыя легче угадать, чѣмъ разсказать. Самыя учрежденія эти всего менѣе нуждаются въ людяхъ, подобныхъ ему. Это уже вовсе не новая форма правительства можетъ идти точно также хорошо и со старыми дѣятелями, и для руководства имъ достаточно и одной рутинны. Доказывать однакоже, что Гарибальди не имѣетъ противъ нея никакихъ враждебныхъ замысловъ, было бы потерянное время, потому что она ему обязана своимъ существованіемъ въ Италиі.

Не совсѣмъ основательно было бы требовать конечно, чтобы Гарибальди, при настоящихъ обстоятельствахъ своего отечества, придавалъ ту важность, хотя бы самому критическому изъ министерскихъ и парламентскихъ призывовъ, которую имѣютъ они въ глазахъ вслѣдствіе англо-и франко-мановъ. Впрочемъ, первая попытка его парламентской дѣятельности, вызвавшая ругательное письмо къ нему Чальдини, показала достаточно, что онъ не созданъ для этого учрежденія, какъ и самое учрежденіе это не создано для него. Все въ немъ какъ-то некріпительно поражаемо горячихъ приверженцевъ *status quo* среди итальянскихъ умѣренныхъ ораторовъ, одежда, манера говорить — не говоря уже о силѣ его парламентскихъ рѣчей.

16-го (1-го) марта.

Мнѣ не разъ случалось слышать, что для хорошаго полководца необходима способность *рисоваться* во-время передъ солдатами: въ доказательство этой великой истины приводились факты изъ жизни Наполеона, Аннибала и множества другихъ.

Гарибальди совершенно лишентъ этой важной способности, и въро-ятно вслѣдствіе этого здѣшніе строгіе тактики и стратегики никакъ не соглашаются признать его не только за великаго, но даже вообще за полководца: они увѣряютъ, что онъ вовсе не по правиламъ военнаго искусства одержалъ всѣ свои побѣды, которымъ никто и счету не ведетъ — это конечно должно значительно уменьшить ихъ достоинства, особенно въ глазахъ нѣмцевъ, которыхъ бьютъ вездѣ и всегда, но которые всегда проигрываютъ сраженіе по всѣмъ правиламъ науки, и вслѣдъ за пораженіемъ, берутъ тотчасъ же реваншъ изданіемъ въ

свѣтъ какого-нибудь новаго геніальнаго и многотомнаго трактата о фортификаціи, стратегіи и пр.

Въ теченіе всей своей военной карьеры Гарибальди ни разу не произнесъ какой-нибудь необыкновенной рѣчи, которая бы вдовольствовала его солдатъ и перешла бы въ исторію, какъ памятникъ находчивости генерала, въ родѣ, напримѣръ, знаменитой рѣчи Наполеону пирамидъ. Если чѣмъ-нибудь онъ производилъ впечатлѣніе въ рѣшительныя минуты, то всего скорѣе своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, вовсе не натянутымъ видомъ, отсутствіемъ всего, напоминающаго театръ и циркъ.

Во время военныхъ дѣйствій подъ Капуей онъ рѣдко показывался солдатамъ, такъ какъ слишкомъ былъ занятъ диктаторствомъ въ Неаполѣ. Но я помню его въ двѣ довольно торжественныя минуты.

Въ первый разъ, это было 1-го октября, на маленькой батарее подъ Капуанскими арками. Бурбонская кавалерія, подерживаемая сильной артиллеріей, съ утра напирала на нашу маленькую батарею; два маленькіе единорога, составлявшіе всю нашу силу на этомъ пунктѣ, раскалились отъ продолжительнаго огня. Непріятельскія пули какъ шмели летали въ воздухѣ по сторонамъ, а бомбы и гранаты ежеминутно валялись у самыхъ угловъ арки, не попадая однакоже внутрь батареи. Маленькій отрядъ пѣхоты тѣснился вокругъ пушекъ, затрудняя артиллерійской прислугѣ ея манѣвры. Вдругъ шальная какаля-то граната попала на разложенные у самого входа въ батарею пороховые заряды.... Послѣдовалъ страшный взрывъ, многіе попадали на землю, наши пушки замолкли. Едва прошло первое смятеніе, бросились къ амбразурамъ, непріятельская батарея усилила свой огонь, баварскіе стрѣлки по прежнему съ фланговъ осыпали насъ пулями; прямо напротивъ эскадронъ драгунъ летѣлъ на насъ, вздымая пыль; ихъ сабли сверкали въ воздухѣ. Минута была рѣшительная; въ торопяхъ строили солдатъ, чтобы представить хоть какой-нибудь отпоръ непріятелю.... Едва нѣсколько человекъ вышли изъ-подъ арки, тут же повалились на землю, а королевскіе драгуны были уже у послѣдней баррикады. Въ это время раздались голоса: «Гарибальди!».

Онъ вошелъ на батарею въ своемъ сѣромъ американскомъ плащѣ и въ измятой венгерской шапочкѣ совершенно съ тѣмъ же спокойнымъ видомъ, съ какимъ расхаживалъ нѣсколько дней тому назадъ въ маленькой залѣ Palazzo Angi, диктуя какое-то письмо своему секретарю. Солдаты кричали: «Viva!» На одинъ мигъ онъ остановился у амбразуры, быстро повернулся назадъ и пошелъ впередъ по направленію къ непріятелю, словно гулялъ при хорошей погодѣ, вовсе не замѣчая сыпавшихся градомъ пуль; тѣ съ своей стороны тоже не обращали на него вниманія, или по крайней мѣрѣ не трогали его, когда

врукомъ, десятками валился народъ. Единственные слова, сказанныя имъ солдатамъ были: «видемте же, ребята!» Солдаты бѣжали, стараясь опередить его, и на прощаньи кричали ему: «Viva!» Это было новое «*morituri te salutant.*»

Очень немногіе изъ нихъ возвратились цѣлы и невредимы, но драгуны не перешли за баррикаду.

Въ другой разъ я видѣлъ Гарибальди, когда онъ прощался со своими волонтерами. Они стояли рядами безъ оружія. Гарибальди вышелъ къ нимъ въ своемъ обыкновенномъ костюмѣ, но не сказалъ при этомъ случаѣ тоже никакого назидательнаго слова. «Возвратитесь къ своимъ ремесламъ», сказалъ онъ имъ: «я объ васъ подумаю, пока снова не встрѣтимся на полѣ сраженія. Будьте готовы во всякое время отвѣчать на мой призывъ. До свиданія.»

Герои Марсалы и Вольтурно возвратились—кто въ смрадную мастерскую, кто къ тяжелымъ полевымъ работамъ. Предводитель ихъ отправился на Капреру, но тамъ не забылъ даннаго имъ при прощаніи обѣщанія, среди собственныхъ тяжелыхъ трудовъ. Подъ его предсѣдательствомъ скоро образовались во всѣхъ итальянскихъ городахъ ремесленные братства. Онъ не сѣзжалъ для нихъ съ Капреры, не отправлялся по всѣмъ городамъ и деревушкамъ, проповѣдуя соединеніе, но имя его стояло во главѣ прокламацій учредителей этого братства и спискомъ ихъ членовъ пополнялись ежедневно новыми именами. Въ нѣсколькихъ словахъ предсѣдатель очень удовлетворительно разъяснилъ всѣмъ и каждому цѣль новаго учрежденія и направленіе, по которому всѣ они должны слѣдовать. Если онъ не слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ ими его программы, то только потому, что былъ увѣренъ, что они не замѣнятъ ему, такъ какъ онъ не измѣнилъ данному имъ слову подумать о нихъ. Но въ Италіи не одни работники нуждались въ помощи Гарибальди. Многіе изъ самыхъ существенныхъ и прямо касающихся жизни народа вопросовъ не были рѣшены и не могли быть безъ согласныхъ усилій всего итальянскаго народонаселенія. Передъ нѣкоторыми изъ нихъ и министерство и парламентъ признали свое безсиліе. Вопросы эти, хотя чисто политическіе, затрогиваютъ между тѣмъ внутреннее устройство быта всѣхъ почти классовъ итальянскаго народонаселенія, а изъ нихъ многіе стоятъ совершенно внѣ министерскаго и парламентскаго вліянія, и въ этихъ многихъ можетъ быть главная сила сараны. Этою-то именно силою располагаетъ Гарибальди одинъ во всей Италіи: она не отвѣтила бы ни на одинъ призывъ, не поддалась бы ни на какія обѣщанія и можетъ быть даже готова была бы стать въ совершенно враждебныя отношенія къ настоящему положенію дѣлъ, еслибы съ Капреры не получала очень определенной инструкціи....

Вопросъ о Римѣ, важность котораго связываетъ всѣ для низшихъ классовъ народонаселенія вопросъ жизни и смерти. Только когда онъ удовлетворительно рѣшится, сельское народонаселеніе Италіи скажетъ свое рѣшительное слово. До тѣхъ поръ оно ограничится совершенно пассивною ролью и постоянно будетъ обращать взгляды свои на Капреру, ожидая сигнала оттуда. Общественное же положеніе, въ которомъ одинъ человѣкъ — хотя бы человѣкъ этотъ былъ и Гарибальди — располагаетъ по своему произволу такими громадными силами, не можетъ назваться прочнымъ. Гарибальди первый работаетъ противъ него....

Италія, конечно, не можетъ служить нормою для другихъ европейскихъ государствъ, но и сама не можетъ быть судима по иностранной нормѣ. Я не считаю нужнымъ вступать въ споръ съ почтеннымъ итальянскимъ мыслителемъ, ставшимъ очень дорогимъ для своихъ соотечественниковъ послѣ своей смерти — съ Винченцо Джоберти, предполагающимъ, будто Италіи уже такъ самимъ Господомъ Богомъ суждено вести на помочахъ за собою по дорогѣ къ прогрессу и къ совершенству всю остальную Европу, — замѣчу только, что она много опередилась было на этомъ пути всѣхъ насъ, бѣдныхъ сѣверныхъ варваровъ; но скоро сила, противъ которой она не могла бороться, остановила ея развитіе. Потомъ одна часть ея народонаселенія совершенно свернула съ истиннаго пути, другая окоченѣла на той ступени, на которой застала ее катастрофа, и теперь, когда и она воскресла, она поражаетъ насъ чѣмъ-то совершенно намъ неизвѣстнымъ, что на первый взглядъ очень похоже на дикость, на полное невѣжество. Въ сущности ни то, ни другое.

Въ здѣшнихъ деревняхъ на 100 одинъ едва ли умѣетъ читать и писать; съ новѣйшими усовершенствованіями всевозможныхъ родовъ, съ паровыми плугами и съ дипломатіей, съ политической экономіей незнакомъ никто. Потребности ихъ патриархальной простоты: имъ нужно *хлѣба и славы*. Еслибы во Франціи мужикъ вдругъ сталъ правителемъ — онъ разрушилъ бы Парижъ и заставилъ банкировъ ходить въ сабо и въ блузѣ, — въ Италіи онъ удавился бы отъ отчаянія, что не можетъ придумать никакого такого разумнаго статута, которымъ бы съ разу онъ поставилъ свое отечество на ступень первокласснаго государства. Или уже дѣйствительно въ Италіи родятся привилегированныя природы, или же столько вѣковъ блестящаго прошедшаго оставили по себѣ что нибудь очень существенное и живое.

Со свойственною всякому крестьянину особенною чуткостью, здѣсь каждый изъ нихъ очень хорошо угадываетъ настоящій смыслъ той или другой изъ такъ часто случающихся здѣсь политическихъ переменъ; до сихъ поръ не было еще ни одной, которая бы удовлетворила ихъ, — а потому они уже и не ждутъ ничего хорошаго, они

должны до полного равнодушія: Перевороты эти обыкновенно до нихъ и не доходятъ, или доходятъ въ слишкомъ измелъченномъ, дробномъ видѣ; они совершенно правы, что не хотятъ проливать своей крови изъ-за тѣхъ правъ, которыя имъ достаются. И въ этомъ смыслѣ-то и слѣдуетъ понимать слова моего пріятеля Топо:

«Тотъ, или другой—вашъ оба хороши, обоимъ добра желаемъ.»

Коль скоро самый существенный вопросъ, вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, незатронуть — изъ-за чего поднимать тревогу? Въдѣ въ томъ, или въ другомъ случаѣ они останутся одинаково въ сторонѣ, одинаково за ценсомъ. А отъ мелочныхъ лавочниковъ, ставшихъ правительствомъ въ силу новаго положенія, мало можно ждать увеличенія отечественной славы. На этомъ-то основаніи первое слово Гарибальди было требованіе распространенія гражданскихъ правъ на всѣ сословія, на всѣ классы народонаселенія.

Парламентъ однакоже оставилъ безъ вниманія эту просьбу, переданную ему черезъ посредство бывшаго генуэзскаго центрального комитета; предлогомъ ему послужили тѣ важные вопросы, которые должны были быть представлены на его разсмотрѣніе. Вопросы эти были дѣйствительно очень важны, такъ какъ касались пріобрѣтенія Рима и внутренняго устройства Неаполитанскихъ провинцій, — гдѣ реакція въ это время была въ полной силѣ. Рикасоли представилъ дѣйствительно, очень скоро послѣ открытія засѣданій камеры свою программу, которую въ видѣ ультиматума хотѣлъ послать къ папѣ.

Не говори уже о томъ, что Італія вовсе не была въ такомъ положеніи, чтобы носить свои ультиматумы, но самая программа, а въ особенности формула ея — *Chiesa libera nello stato libero* — была вовсе не одобрена парламентомъ! Разсужденія тянулись долго и чуть не вызвали новаго министерскаго кризиса. Не видя спасенія въ Рикасоли, который въ то время былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Парламентомъ, большинство рѣшилось консолидировать его кабинетъ; но волненіе умовъ продолжалось, такъ какъ всѣ стали наконецъ подозрѣвать, что рѣшеніе всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ вовсе не во власти ни министерства, ни парламента, и за нимъ приходилось обращаться или въ Парижъ къ союзнику, или въ Капреру къ Гарибальди. Первое оскорбляло народную гордость итальянцевъ, на второе у удѣреннаго большинства не хватало рѣшимости. Попробовали полумѣры; Рикасоли истощилъ весь запасъ своего дипломатическаго генія, предположены были всякаго рода довольно выгодныя одѣлки; — но у папы на все былъ одинъ готовый отвѣтъ: *non passamos*.

Между тѣмъ оппозиція—хотя и связанная по рукамъ и по ногамъ—не оставалась въ бездѣйствіи; собирали подписи на протестъ итальян-

ской націи противъ занятія Рима французами, — большинство робѣло, но не смѣло открыто воспротивиться этому проявленію народной воли! Министръ внутреннихъ дѣлъ Мингетти выказался храбрѣе и написалъ къ префектамъ отчаянный циркуляръ противъ протеста, — чѣмъ ускоришь свое паденіе.

Сами римляне тоже не оставались спокойными зрителями! Давъ быть новый ходъ ихъ шаткому протесту, или, правильнѣе, просьбѣ ихъ къ императору французовъ, не имѣвшей прежде никакого успѣха. Несмотря на чересчуръ покорный тонъ этой прокламаціи, она вѣстами исполнена самыхъ горячихъ чувствъ любви къ итальянской народности и сознанія собственныхъ правъ.

«Мы уважаемъ тайны вашей политики», говорятъ они, «несмотря на занятіе нашей столицы вашими войсками, несмотря на то, что вы дали новую силу у насъ клерикальному правительству, несмотря на виллафранкскій миръ, ни на то, что вы поддерживаете у насъ правительство, которое васъ презираетъ и терзаетъ насъ.

«Мы хотимъ видѣть только изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи, — бѣгство Бурбоновъ, присоединеніе герцогствъ, Обѣи Савойи — однимъ словомъ, все то, что не могло сдѣлаться безъ вашего согласія; изъ этого мы выводимъ, что вы дѣйствительно хотите единства Италіи.

«Мы не станемъ обнажать передъ вами нашихъ ранъ, не скажемъ ни слова о тѣхъ оскорбленіяхъ, которыми вы подвергаете насъ, осуждая насъ на неподвижность, о распространяющейся съ каждымъ днемъ все больше и больше адѣсь страшной нищетѣ, которой мы обязаны покровительствуемымъ вами всякаго рода древнимъ и новымъ вампирямъ. Мы заперты въ адской ямѣ, гдѣ испытываемъ хуже танталовскихъ, въ ожиданіи того блаженнаго положенія, на которое у насъ не отнята надежда, — а между тѣмъ на нашихъ глазахъ дерзаютъ лучшихъ изъ нашихъ братьевъ, то запираютъ ихъ въ тюрьмы, изъ которыхъ мало надежды выбраться на свѣтъ Божій, то вѣнныхъ отдають въ руки палача....

«Но все это не погасило въ Римѣ послѣднюю искру священнаго огня.... Снимите ваше знамя съ нашихъ стѣнъ, и вы увидите этому блестящее доказательство.

«Вы сильны, но наши силы гибнутъ каждый день среди реакціи и разбоевъ.

«Неужели вы ждете, что наконецъ Римскій дворъ волею или по волею поддастся на благіе совѣты и приметъ наши предложенія? 10, 50, 100 лѣтъ съ ряду онъ будетъ также упорно повторять свое vox populi, если только войска ваши въ леченіе всего этого вѣриси будутъ поддерживать его..

«Но смѣю напомнить В. В., что 600,000 несчастныхъ, составляющихъ исключение изъ всего человѣческаго рода, алчущіе хлѣба и свободы (*affamati di pane e di liberta*), не могутъ долго терпѣть этой невыносимой неизвѣстности. Не дожидайтесь же, чтобы какой нибудь неожиданный случай, случайный порывъ страстей, такъ долго подавленныхъ, заставилъ бы насъ попробовать какой нибудь отчаянный выходъ».

«Не замедляйте нашего освобожденія для васъ самихъ, для васъ, для всей Европы — или примите отъ насъ древній римскій привѣтъ: «*Caesar! Moturi te salutant.*»
Romani.»

Отвѣтъ, полученный ими на это прошеніе черезъ посредство Лавалетта — былъ тотъ же классическій; «*non possumus*», только на другой ладъ.

То, что сдѣлали римляне въ своемъ жалкомъ положеніи, централизованное правительство Италіи не смѣло помѣшать сдѣлать народонаселенію тѣхъ провинцій, за независимость которыхъ столько уже пролита крови. Рикасоли хотѣлъ только забрать въ свои руки монополию всякой политической инициативы, но адептъ его Мингетти перещеголялъ его: онъ хотѣлъ даже бездѣйствіе сдѣлать исключительною привилегіею министерства.

Жаль, что онъ слишкомъ скоро покончилъ свою политическую карьеру, — а то при его содѣйствіи кабинетъ Рикасоли показалъ бы, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ можетъ доходить конституціонное министерство, когда черезчуръ робкій парламентъ добровольно отказывается отъ своихъ правъ контроля надъ нимъ....

Попавъ однажды въ область дипломатическихъ учреждений и административныхъ фокусъ-покусовъ, которыми итальянское министерство въ нѣкорыхъ случаяхъ старается прикрыть свое бездѣйствіе и немощность, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какими средствами эти господа надѣются выбраться изъ тѣснаго лабиринта, въ которомъ они съ большимъ успѣхомъ кружатся вотъ уже второй годъ, съ геройскимъ упорствомъ отказываясь отъ путеводной нити, протягиваемой имъ Гарибальди. Самолюбіе этихъ глубокихъ политиковъ примиряется, хотя неохотно, съ мыслью о томъ, что въ ожиданіи Рима столицей Италіи будетъ Парижъ, но чтобы Капрера, ничтожный, скалистый островокъ, играла въ ней такую важную роль, — это для нихъ уже слишкомъ.

Парламентъ, послѣ вотированія 11 декабря прошлаго года въ пользу министерства Рикасоли, отложилъ, что называется, всякое попененіе о Римѣ, и предоставилъ рѣшеніе этого головоломнаго вопроса мудрости перваго министра — Рикасоли, или кого другаго — въ сущности

одно и то же. Министръ Бастоджи въ теченіе настоящаго парламентскаго сезона достаточно изощрялъ его дѣятельность, представлявша его разсмотрѣніе множество очень удачно задуманныхъ проектовъ новыхъ податей и налоговъ. Потомъ министерскій кризисъ обратилъ на себя его вниманіе, и въ настоящее время устройство почтовыхъ сношеній по Средиземному морю возбуждаетъ въ немъ самыя горячія разсужденія. Конечно, всѣ эти вопросы имѣютъ связь и съ римскими дѣлами, — даже и послѣдній изъ нихъ: необходимо вѣдь какимъ нибудь образомъ дать знать великодушному союзнику, въ случаѣ бы въ Римѣ что случилось, — а тамъ легко могутъ выйти такіа дѣла, что по телеграфу ихъ не расскажешь.

Министерство Рикасоли пало, оставивъ въ наслѣдство своимъ послѣдователямъ очень большую кипу бумагъ подъ рубрикою: документы, касающіеся Рима. Ратацци занялъ пока его мѣсто и въ своей вступительной рѣчи счелъ долгомъ «сказать нѣсколько словъ» объ этомъ трудномъ дѣлѣ.

Первое, что онъ объявилъ по этому поводу парламенту, было то, что онъ будетъ стараться всѣми силами пріобрѣсти для Италіи содѣйствіе иностранныхъ государствъ, очень для нея необходимое въ настоящемъ случаѣ, ограничивая эти свои старанія весьма властическою фразою—*лишь бы честь страны отъ этихъ союзничествъ не пострадала*. Все это было очень ново и для тѣхъ, кто зналъ предъидущее командора Ратацци, и для тѣхъ, кто зналъ о немъ только то, что онъ предсѣдатель итальянскаго министерства.

Затѣмъ новый администраторъ признавалъ необходимость очень сильнаго войска для Италіи, и привелъ всѣ тѣ причины, которыя и безъ него всѣ знали хорошо, умолчалъ объ одномъ только своемъ особенномъ расчетѣ. Все то, что за рекрутскими наборами остается годнаго въ Италіи для военной службы, не преминетъ стать въ ряды волонтеровъ Гарибальди, подъ предводительствомъ котораго, по ивнцію многихъ, новобранецъ стоитъ двухъ старыхъ фрунтовицковъ регулярнаго войска. Такимъ образомъ очень много вѣроятности на то, что Гарибальди одержитъ много новыхъ побѣдъ надъ врагами Италіи, а если будетъ располагать большими средствами, то чего добраго, еще и Римъ возьметъ, — все это, конечно, вовсе не по правиламъ стратегіи и тактики; а Италія только тогда можетъ считать себя стравою благоустроенною, когда войска ея никогда и ни въ чемъ не совершаютъ ни малѣйшаго отступленія отъ строгихъ законовъ науки и военнаго искусства, — хотя бы для этого нужно было ниѣтъ отказаться и совсѣмъ отъ побѣдъ. *Fiat poriaдокъ и pereat mundus!*

Г. Ратацци, какъ оказывается однакоже, хорошо понимаетъ, что не въ одномъ войскѣ разрѣшеніе римскаго вопроса. Католическій

міръ его нѣсколько пугаетъ. Сильно распространенное, преимущественно во Франціи, вліяніе духовенства на извѣстные классы народонаселенія, которое очень удачно умѣетъ выставить на видъ публики Наполеонъ III — какъ будто оно связываетъ ему руки — заставляетъ почтеннаго министра сильно призадуматься; и онъ объявляетъ въ парламентѣ, что главные средства, которыми Италія (читай: министерство и его кліенты) можетъ добиться своей настоящей столицы — пока чисто *моральныя*, и что ими-то въ особенности онъ, г. Ратацци, намѣренъ воспользоваться, такъ какъ въ сущности они самыя безопасныя: инквизиціи, слава Богу, уже нѣтъ, въ папскія владѣнія итальянскій министръ не намѣренъ предпринимать путешествія, а великодушный союзникъ на этотъ разъ расположенъ предоставить ему полную свободу.

Итакъ, какъ видите, министерство намѣрено предпринять новую реформацію въ XIX вѣкѣ. Но счастливо, г. Ратацци на этотъ разъ поставленъ въ гораздо выгоднѣйшее положеніе, чѣмъ всѣ, бывшіе до сихъ поръ религіозные реформаторы, не выключая и самого Лютера. Ему неслѣдуетъ самому трудиться надъ переводомъ Библии, ни ходить по селамъ и по городамъ, проповѣдуя новое свое ученіе. У него два помощника по этой части, на которыхъ онъ вполне можетъ положиться: одинъ — экзъ-іезуитъ Пассалья, другой — монсиньоръ Ливерани, занимавшій недавно еще очень важную должность при папскомъ дворѣ. Оба они проповѣдуютъ совершенно новую для католическаго міра духовно-политическую доктрину, живутъ въ довольно тѣсной дружбѣ между собою, хотя расходятся во многомъ, не прямо касающемся ихъ ученія.

Падре Пассалья, какъ іезуитъ, несравненно болѣе схоластикъ, формалистъ. Ему нужны новыя догматы, системы; самый слогъ его сатирикомъ напоминаетъ семинарію. Ливерани болѣе человекъ свѣтскій, благовоспитанный прелать, всегда прилично одѣтый и гладко причесанный. Онъ мало заботится о догматахъ, не строитъ никакихъ новыхъ теорій и довольствуется только тѣмъ, что энергически возстаетъ противъ старыхъ злоупотребленій, во многомъ нисходитъ къ слабостямъ человѣческимъ и многое принимаетъ какъ существующій уже фактъ. Логика его порою сильнѣе и здравѣе, чѣмъ у его почтеннаго сотрудника, и выражается онъ гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе, чѣмъ экзъ-іезуитъ. Зато падре Пассалья, несмотря на свои особенно дружескія отношенія къ своему собрату по реформаціи, не можетъ не сознаться, что онъ вѣло искусенъ въ дьявольскихъ, безъ сомнѣнія, ухищреніяхъ языческаго витійства.

Общественное мнѣніе въ Италіи выказало по поводу этихъ двухъ реформаторовъ свои профанскія наклонности: журналъ, издававшій

ся въ Миланѣ подъ редакціею падре Пассалья — «Il Mediatore» (Посредникъ), лопнулъ, а книжка монсиньора Ливерани: «Папство, Имперія и Итальянское королевство» (Il papato, l'impero ed il Regno d'Italia) разошлась въ большомъ количествѣ экземпляровъ. За то Пий IX воздавалъ обоимъ имъ должное съ примѣрнымъ безпристрастіемъ: онъ приказалъ отрубить голову портрета эксъ-іезуита и готовилъ менѣе классическое наказаніе для своего мятежнаго прелата. Ливерани домашній прелатъ его святѣйшества, да кромѣ того еще протонотаріусъ и ревендаріусъ; ему, конечно, очень прискорбно должно быть потерять такіе громкіе титулы. Авторъ книжки «Папство, Имперія» и пр. искалъ убѣжища противъ папскаго гнѣва во Французской казармѣ, гдѣ прожилъ нѣсколько дней, и въ благодарность за гостепримство училъ Французскихъ солдатъ итальянской грамотѣ и имѣлъ очень большой успѣхъ.

«Sceprelottel!» говорили между собою храбрые защитники преемств. Петра и его намѣстника: «ça n'est pas grand, mais ça parle comme un Marseillais!»

Гг. Ливерани и Пассалья нашли очень много послѣдователей между здѣшнимъ духовенствомъ, которое готово ухватиться за первую возможность примиренія съ итальянскимъ правительствомъ, безъ риска однакоже быть *suspensus a divinis*. Я говорю, разумѣется, о духовенствѣ низшаго разряда, которое не имѣетъ, сверхъ своихъ курій, никакихъ средствъ къ существованію. Ливерани однакоже не ихъ вовсе имѣлъ въ виду, когда издавалъ въ свѣтъ свое сочиненіе.

Вся эта духовная литература и успѣхъ, которымъ будто бы она пользуется въ публикѣ, больше ничего, какъ маленькая комедія, которой итальянцы оплачиваютъ «великодушному союзнику» за то блистательное представленіе, которое даетъ онъ имъ въ своемъ советѣ, съ фейерверкомъ, Ларошжакленемъ и вслкими другими великолѣвіями. Для себя въ Италіи едва ли кто нибудь ихъ даже здѣсь и читаетъ; сочиненіе Джовани: «Нравы и обычай римскаго двора», въ которомъ онъ рассказываетъ съ замѣчательнымъ юморомъ очень интересные подробности изъ жизни высшаго римскаго духовенства, произвело несравненно сильнѣйшее впечатлѣніе.

Я не могу съ хронологическою точностью опредѣлять эпоху, въ которую итальянцы перестали быть такими набожными приверженными свѣтской и духовной власти папы, какими выставляютъ ихъ въ иностранныхъ романахъ и поэмахъ, — только это случилось уже очень давно. Весь секретъ клерикализма здѣшняго сельскаго класса въ томъ, что монастыри здѣсь были для нихъ самымъ лучшимъ источникомъ дохода, не стоившаго имъ никакихъ трудовъ. Въ Умбри, на примѣръ, ихъ было 30 на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадр. миль, и

поселяне всей окрестности только со времени закрытія ихъ научились спать безъ ужина. И этой потери не возвратитъ имъ никакой г. Ливерани, хотя бы онъ прибавилъ и еще 15 томовъ къ изданному имъ сочиненію.

Прежде, бывало, едва взойдетъ солнце и покажутся полевья работы, и старый и малый въ припрыжку спѣшили къ воротамъ то того, то другаго изъ окрестныхъ монастырей. Толстые монахи съ бритыми головами и въ разноцвѣтныхъ рясахъ раздавали щедрою рукою то здоровому ломтю хлѣба съ прибавкою куска вареной говядины, то миску макаронъ или варенаго рису, а иногда и по баюку (около 1 коп. с.) въ придачу. Теперь ворота этихъ монастырей заперты наглухо, и каждый разъ, когда мимо ихъ случается пройти голодному поселанину, слюни текутъ у него изо рта при взглядѣ на эти священныя стѣны и онъ въ голодной тоскѣ проводитъ рукою по пустому животу.

17-го (8-го) марта.

Сочиненія, о которыхъ я говорилъ въ прошлой главѣ, имѣютъ всѣ одну главную цѣль — показать католическому міру, что между итальянскимъ народомъ и папою, какъ главою церкви, не существуетъ никакихъ враждебныхъ отношеній, и что Италия попрежнему останется опорой католицизма, какія бы въ Римѣ ни вышли политическія перемены. По ихъ словамъ, самая ненависть ихъ къ свѣтской власти папы происходитъ только отъ того, что власть эта унижаетъ религиозное значеніе папы, — однимъ словомъ, что Италия въ католицизмѣ превзошла самого папу.

Къ числу сочиненій, написанныхъ въ этихъ видахъ, слѣдуетъ отнести и министерскую программу—ультиматумъ барона Рикасоли. Такъ какъ тутъ дѣло не въ томъ, чтобы обмануть императора французовъ, а только клерикаловъ всего міра, то сочиненія эти могутъ и не быть вовсе безплодны.

Изъ всѣхъ ихъ только книжка Ливерани хотя сколько нибудь достигла цѣли, чѣмъ онъ обязанъ одному изъ самыхъ заклятыхъ враговъ своихъ, французскому кардиналу Матьё (Mathieu), написавшему противъ нея очень длинное опроверженіе и такимъ способомъ сдѣлавшему се извѣстной во Франціи — честь, которой авторъ врядъ ли бы добился безъ этого маленькаго случайнаго обстоятельства.

Ливерани, конечно, отвѣчалъ французскому кардиналу и письмомъ, и новою книгою, подъ заглавіемъ: «Католическое ученіе и итальянское движеніе», въ которой онъ гораздо смѣлѣе развиваетъ то же, что нѣсколько робко и неясно высказалъ въ первой.

Полемика двухъ монсиньоровъ не можетъ послужить образцемъ живости и вѣротерпимости, и еще меньше со стороны француз-

скаго кардинала, чѣмъ итальянскаго прелата. По старой католической привычкѣ католическаго духовенства, споръ переходитъ въ личную перебранку: Кардиналъ Маттѣ, сожалья, что теперь уже нельзя сжечь на кострѣ самого автора книги «Папство, Имперія и Итальянское королевство», хочетъ по крайней мѣрѣ подвергнуть этой участи сочиненія, а прелата Ливерани называетъ *Иудою* и *наперсникомъ Продо-мыль*. Г. Ливерани отвѣчаетъ очень послѣдовательно на эти категорическія обвиненія. Обо всѣхъ этихъ *духовныхъ бесѣдахъ* можетъ дать очень опредѣленное понятіе латинская формула, приложенная Стерномъ къ его роману «Тристрамъ Шэнди»....

Успѣхъ министерской программы далеко не былъ такъ блестящъ; она даже и противорѣчіе встрѣтила только со стороны нѣкоторыхъ особенно наивныхъ парламентскихъ депутатовъ, которые никакъ не могли примириться съ мыслью о томъ, что итальянское министерство, въ столь важныхъ случаяхъ до того занято Парижемъ, что собственное отечество забываетъ вовсе.

Разбирать эту программу и ея основную формулу: «*Chiesa libera nello stato libero*» съ точки зрѣнія здраваго смысла, была бы совершенно лишняя работа, такъ какъ она издана въ свѣтъ съ совершенно специальною цѣлью — успокоить католическій міръ насчетъ будущей участи главы церкви. Съ этой точки зрѣнія она вполне удовлетворительна. Г. Рикасоли предлагаетъ папѣ очень выгодное положеніе.

Итальянское правительство, хотя и рѣшившееся наконецъ закрыть многіе изъ монастырей, построенныхъ на земляхъ, имъ не принадлежащихъ, во всемъ остальномъ придерживается въ отношеніи къ духовенству надувательной политики. Въ пользу ихъ оно во многихъ случаяхъ отступаетъ даже отъ статута; національная гвардія выказываетъ всегда особенное усердіе, когда ей приводится защищать монаховъ и поповъ отъ проявленій народнаго гнѣва, который сами они очень дерзко и неосторожно возбуждаютъ часто противъ себя. Классы народонаселенія, не посвященные въ тайны отечественной дипломатіи, очень недружелюбно смотрятъ на потачку, которую правительство даетъ католическому духовенству, и нужно сознаться, что правительство иногда слишкомъ уже далеко заходитъ на этой дорогѣ. Попы пользуются очень безцеремонно этими выгодами своего новаго положенія и постоянно возбуждаютъ всякаго рода безпорядки въ народѣ. Клерикальные журналы съ особенною охотою набиваются на процессы, которые обыкновенно проигрываютъ передъ судомъ пріисяжныхъ; но которые даютъ гласность ихъ необыкновенному героизму, стоящему имъ очень дешево, такъ какъ денежные иски платятъ богатыя злѣшнія аристократическія семейства, особенно привязан-

ныя къ реакціи и ко всѣмъ предестямъ австрійскаго правительства въ Италиі.

Вотъ тѣ моральныя средства, на которыя въ особенности рассчитываетъ министръ Ратацци въ дѣлѣ рѣшенія Римскаго вопроса, и ими почти ограничивается вся министерская и парламентская дѣятельность по этой части. А потому, какъ видите, содѣйствіе Гарибальди и его партіи здѣсь вовсе не лишнее. Теперь, мнѣ кажется, время поговорить наконецъ и объ этомъ вовсе не дипломатическомъ дѣйствіи, такъ какъ оно-то именно занимало Гарибальди во все время его пребыванія на Капрерѣ.

Еслибы намѣреніе Гарибальди было идти прямо въ Римъ съ вооруженною силою, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства—чего особенно бояться здѣшніе умѣренные—онъ не ждалъ бы на Капрерѣ, пока остынетъ энтузіазмъ Италиі, пока большинство втянется въ тѣну робкой министерской дипломатіи. По окончаніи военныхъ дѣйствій подъ Капуей онъ былъ несравненно сильнѣе новаго Итальянскаго правительства, располагалъ почти 20,000-мъ войскомъ и могъ бы имѣть его въ 10 разъ столько, еслибы изъявилъ хотя малѣйшее желаніе. Не знаю, пошло ли бы за нимъ регулярное сардинское войско, но противъ него оно не стало бы ни въ какомъ случаѣ; на это уже были доказательства, и такъ недавно еще въ дѣлѣ тосканской экспедиціи Джовани Никотеры.

Онъ однакоже не воспользовался этимъ, конечно, не потому, что понимать выгоды своего положенія. По занятіи передовыхъ позицій надъ Капуей пьемонтскими войсками, онъ тотчасъ же распустилъ свое войско. Тѣ, которые изъявили желаніе остаться вооруженными, были тотчасъ же преобразованы въ отдѣльный корпусъ итальянскаго войска, и не сохранили даже своего прежняго имени. Гарибальди самъ признаетъ ихъ своими солдатами, а сардинское военное начальство не довѣряетъ имъ, такъ что они вдругъ очутились въ очень неловкомъ, двусмысленномъ положеніи, котораго и должны были ожидать.

Гарибальди вовсе не дилеттантъ войны. Личная его храбрость заключается въ томъ, что онъ ни передъ какими опасностями не отстаиваетъ отъ своихъ убѣжденій, не уступитъ иностранцамъ клочка итальянской земли. Опасность не ослѣпляетъ его, не имѣетъ для него никакихъ особенныхъ прелестей. Только эту храбрость онъ избираетъ въ другихъ. Бѣшенство Нино Биксіо, слышшаго за храбрѣйшаго изъ гарибальдійскихъ храбрецовъ, въ немъ встрѣчало мало сочувствія; а жестокость этого генерала въ минуты сраженія возбуждали въ немъ даже отвращеніе, и подъ конецъ между ними установились вовсе не дружескія отношенія. Гарибальди вовсе не имѣетъ намѣренія мстить врагамъ Италиі за старыя обиды, — онъ будетъ драться

отчаянно противъ нихъ, каждый разъ, когда выгоды отечества этого потребуютъ; но онъ первый протянетъ дружески имъ руку, едва они переберутся по ту сторону Альповъ. Во время Вольтурнской битвы рота бурбонскихъ солдатъ, переодѣтыхъ въ красныя рубашки, съ криками: «Viva l'Italia» пробралась въ тылъ гарибальдийцавъ. Хитрость эта не удалась, ихъ узнали слишкомъ скоро. Не пробуя даже защищаться, они побросали ружья, но остервенѣвшіе гарибальдийцы не намѣрены были шадить ихъ. Самъ Гарибальди съ большимъ трудомъ остановилъ эту бойню. Отрядъ національной гвардіи отвелъ уцѣлѣвшихъ въ тюрьму С. Маріи.

По военному уставу они должны были быть разстрѣляны. Войско требовало этого съ тѣмъ большею настойчивостью, что Бурбоны варварски обращались съ итальянскими плѣнниками. Возлѣ тюрьмы собирались толпы солдатъ и народу, съ криками и угрозами. Командантъ донесъ объ этомъ Гарибальди. Онъ самъ отправился къ заключеннымъ, дружески говорилъ съ ними, и узнавши, что они ничего не ѣли въ теченіе 30 часовъ слишкомъ — такъ какъ въ Санта Маріи трудно было раздобыть съѣстныхъ припасовъ; послалъ имъ изъ ближайшей кофейной на свой собственный счетъ въ большомъ количествѣ коньякъ и кофе.

Только крайняя необходимость можетъ заставить его прибѣгнуть къ кровопролитію. Въ то время, когда онъ уѣзжалъ на Капреру, никто въ Италіи не предполагалъ, чтобы Римскія дѣла затянулись такъ, какъ это случилось. Носились очень достовѣрныя извѣстія о какой-то тайной конвенціи между итальянскимъ правительствомъ и французскимъ дворомъ, что Римъ будетъ уступленъ Италіи тотчасъ же по вѣдѣніи Гаэты. Извѣстія эти были очень правдоподобны — не знаю, довѣрялъ ли имъ Гарибальди — во всякомъ случаѣ онъ могъ считать позволненнымъ отсрочить вооруженную попытку.

На пріобрѣтеніе Венеціи такимъ же мирнымъ путемъ не могло быть надежды; само правительство проповѣдовало крестовый походъ противъ Австріи на будущую весну (1860). Вопросъ о продолженіи французскаго союза былъ очень загадоченъ. Самыя выгоды Италіи требовали, чтобы Наполеонъ не отступалъ даже и въ ея пользу отъ своего принципа «невиѣшательства». Одна Австрія не казалась Гарибальди непобѣдимой, но онъ понималъ очень хорошо, что только соединенными усиліями цѣлой націи можно было добиться побѣды. Между тѣмъ ни министерство, ни парламентъ не намѣрены были дать участіе въ будущихъ военныхъ подвигахъ классамъ народонаселенія, стоявшимъ за цепсомъ. Они однакоже громко требовали этого; внутренняя вражда готова была вспыхнуть съ новою силою. Гарибальди явился примирителемъ: «приготовимся и вооружимся» (prepara-

павосі ед агітаціосі),—писавъ онъ комитетамъ. Этотъ совѣтъ его былъ принятъ всѣми безъ исключенія съ восторгомъ, и сталъ главнымъ пунктомъ программы патриотическихъ ассоціацій.

Въ то время еще Гарибальди—хотя въ недружескихъ отношеніяхъ съ министерствомъ—вѣрилъ въ благія стремленія итальянскаго правительства, надѣялся, что самый статутъ пьемонтскій замѣнится новымъ итальянскимъ, который бы благосклонно относился къ низшимъ слоямъ общества, оказавшимъ новому правительству очень важную услугу во время послѣдняго переворота, и требующимъ въ вознагражденіе за это только того, чтобы и впредь имъ позволено было принимать участіе въ судьбахъ отечества. А потому Гарибальди представилъ на разсмотрѣніе парламента свой проектъ всенароднаго вооруженія и мобилизаціи національной гвардіи, которая до извѣстной степени могла замѣнить регулярное войско, слишкомъ дорого стоящее Италіи въ настоящее время.

Выгоды этого предложенія для обѣихъ сторонъ были очевидны: министерство однакоже не приняло его только на основаніи двухъ условій, изъ которыхъ одного требовалъ Гарибальди, другое являлось само собою, а именно: пополненіе новыхъ мобилизованныхъ батальоновъ національной гвардіи волонтерами всѣхъ сословій и классовъ и предоставленіе главнаго начальства надъ ними самому Гарибальди. Первое было очень опредѣлительно высказано самимъ Гарибальди (я очень часто повторяю это имя, потому что никакъ не могу рѣшиться называть его генераломъ), и онъ ни въ какомъ случаѣ не отступился бы отъ него.

Министерство сочло лучшимъ прибѣгнуть къ рекрутскимъ наборамъ, и войско по прежнему осталось самою тяжелою статьюю его государственнаго бюджета. Самые рекрутскіе наборы, въ особенности во всѣхъ присоединенныхъ провинціяхъ, могли встрѣтить много затрудненій и объявленія ихъ ожидали не безъ нѣкотораго неспокойства. Сверхъ ожиданія, въ Неаполитанскихъ провинціяхъ—гдѣ прежде онъ никогда не существовалъ—онъ пошелъ очень удачно; за то въ Умбріи возбудилъ всеобщее неудовольствіе. Провинція эта одна изъ тѣхъ, въ которыхъ всего болѣе на полуостровѣ развита сельская промышленность, а слѣдовательно трудъ цѣнится больше чѣмъ деньги. Пока она находилась подъ властью папы, она платила больше податей, чѣмъ въ настоящее время; изъ нихъ извѣстная часть шла на заемъ швейцарцевъ для войска.

Уменьшеніе податей произвело здѣсь безъ сомнѣнія очень хорошее впечатлѣніе; но когда пришлось отдавать въ солдаты лучшихъ работниковъ на 6 лѣтъ, умбры прокляли и прогрессъ и унитарныя стремленія, и если не сдѣлали никакихъ реакціонныхъ попытокъ, то

единственно по непривычнѣ довѣряться собственнымъ силамъ. Прежде еще уничтоженіе монастырей заставило поколебаться изъ несокрушимую преданность стату и единству Италіи....

Несмотря на это явное неодобреніе правительствомъ его плановъ, Гарибальди вовсе не отказался отъ всенароднаго вооруженія, но только дѣло это онъ предоставилъ уже волюнѣ комитетамъ, такъ какъ министерство само отказалось отъ его содѣйствія, а слѣдовательно и на содѣйствіе министерства Гарибальди рассчитывать не приходилось.

«Тѣ, которыхъ не поведутъ за собою противъ общаго врага итальянскіе генералы, пойдутъ за мною», сказалъ онъ, и обоиденные правительствомъ классы народонаселенія увидѣли, что они при этомъ конечно ничего не потеряютъ.

Такимъ-то образомъ Гарибальди сталъ почти противъ воли правительствомъ внѣ правительства, генераломъ очень многочисленной арміи, хотя и распустилъ всѣхъ своихъ до послѣдняго солдата.

Время шло, а дѣло не приближалось къ развязкѣ, и даже скоро вступило въ ту область утонченныхъ дипломатическихъ хитростей, изъ которой и не предвидится скорого выхода. Стали поговаривать объ уступкѣ Сардиніи.... Министерству былъ слѣланъ запросъ по этому поводу. Рикасоли гордо отвѣчалъ, что онъ не намѣренъ уступить иностранцамъ ни клочка родной земли.

То же говорилъ и Кавуръ передъ присоединеніемъ Савои и Ниццы. Слова Рикасоли встрѣтили однакоже болѣе довѣрія въ публикѣ, потому что его твердость вошла здѣсь въ поговорку. Тѣмъ не менѣе все это не могло успокоить ни Гарибальди, ни его приверженцевъ. Рикасоли могъ ручаться только за себя. Внезапная его отставка возбудила самыя сильныя подозрѣнія. Въ Кальяри, въ Сардиніи, была слѣлана заранѣе торжественная демонстрація; новому министерству жителей этого острова былъ представленъ протестъ. Ратацци однакоже не промолчалъ по поводу всего этого дѣла ни одного слова, которое могло бы увелечить или разсѣять сомнѣнія насчетъ предполагаемой уступки.

Самые горячіе приверженцы министерства понимаютъ очень хорошо, что оно дошло до такого запутаннаго положенія, изъ котораго безъ посторонней помощи ему никогда не выбраться. Страхъ за то, чтобы Гарибальди не попробовалъ наконецъ развязать à la Александръ Македонскій этотъ новый гордіевъ узелъ, повидимому приобрѣтаетъ все больше и больше основанія. И Гарибальди конечно съ большимъ трудомъ выноситъ свое бездѣйствіе при этомъ жалкомъ состояніи дѣлъ своей родины. Его молчаніе по этому поводу особенно страшаетъ умѣренныхъ: добро бы онъ хоть протестовалъ словесно или письменно противъ того дурнаго употребленія, которое дѣлаетъ министерство изъ итальянской независимости. А то онъ ни слова не гово-

ра, не мѣнялась поведенію ни во что, одиноко живеть на своей Каприѣ, словно ждетъ минуты... И онъ дѣйствительно ждетъ этой минуты, только вовсе не въ бездѣйствіи....

18 (6-го) марта.

Въ Тосканѣ есть одна мѣстность, которая, кажется, самою судьбою предназначена для авторовъ ужасныхъ романовъ въ родѣ Ратклифъ, тѣмъ болѣе, что съ нею связаны историческія воспоминанія тоже очень ужаснаго рода: старый, мрачный, полуразрушенный замокъ на дикой и голой скалѣ, построенный для *sikariest*, какъ тогда называли, но ихъ оружію — мечу, сдѣланному на подобіе языка — Sica. Въ замкѣ этомъ они держались очень долго противъ преслѣдованій правительства. Теперь замокъ этотъ пустъ и посѣщается только по ночамъ летучими мышами, весьма разнообразнаго, но одинаково отвратительнаго вида.

Вокругъ этого замка мѣстность самаго мрачнаго и угрюмаго вида: вѣчно мокрая, глинистая почва, ни куста, ни цвѣтка въ окружности. Камни вулканическаго происхожденія загромождаютъ дороги. На каждомъ шагу попадаются ямы, насыщающія воздухъ сѣрными испареніями, изъ которыхъ теперь въ большомъ количествѣ добываютъ сѣристо-водородный газъ.

Замокъ этотъ называется Рокка Силлоно, мѣстность вокругъ носитъ общее названіе «Safoni». Нѣсколько въ сторонѣ находится «Mons Serbesi», возлѣ котораго открыты были еще въ древности эти сѣрные озера.

Эти озера вдругъ исчезаютъ, какъ по колдовству, и появляются въ вонючъ мѣстѣ, часто на довольно большомъ разстояніи отъ прежняго. Въ настоящее время лагуны Mons Serbesi или Monteserboli, какъ его теперь называютъ, приносятъ очень небольшой доходъ и главныя фабрики перенесены на Монтеротондо; но въ старыя времена врядъ ли были извѣстны эти послѣднія, и первыя обращали на себя вниманіе и наводили страхъ и на этрусковъ и на римлянъ.

Лукрецій въ своей поэмѣ «De natura rerum» помѣстилъ слѣдующее дивушнѣе:

«Is locus est Cumas apud Haetruscos montes
Oppletti calidis ubi fumant fontibus acuti».

Стихи эти заживо задѣли этрусское самолюбіе здѣшняго археолога Ринетти: онъ никакъ не хочетъ допустить, чтобы подобное мѣсто могло быть гдѣ бы то ни было во всемъ свѣтѣ, за исключеніемъ то-

сканской Мареммы, и на этомъ только основаніи доказываетъ, что эти стихи Лукреція непременно должны относиться къ здѣшнимъ лагунамъ. Ученый соотечественникъ Ринетти, Маркетти, переведшій Лукреціеву поэму народными стихами и нѣсколько персиначившій эти стихи, возсталъ противъ него; такимъ образомъ завязался между двумя почтенными тосканскими антикваріями очень назидательный ученый споръ, породившій очень большое количество томовъ всякаго рода остроумныхъ аргументовъ съ обѣихъ сторонъ.

Дѣло однакоже въ томъ, что Кумъ въ древности было только двое: одна въ Исаполь, другая въ Азіи. Первая изъ нихъ незамѣчательна ничѣмъ, вторая—классическою глупостью своихъ жителей, въ доказательство которой Страбонъ приводитъ, что они, несмотря на то, что въ теченіе 300 лѣтъ обладали однимъ изъ лучшихъ портовъ въ Средиземномъ морѣ, не могли придумать наложить подать на возимые къ нимъ отовсюду товары. Изъ этихъ словъ историка можно вывести, что наложеніе податей есть признакъ развитаго и здраваго ума—заключеніе очень выгодное для министра финансовъ Бастоджи. Я, впрочемъ, не имѣлъ намѣренія говорить ни объ ученыхъ спорахъ, ни о министрѣ финансовъ, ни о налогахъ.

Я лучше приведу нѣсколько строкъ изъ другаго латинскаго писателя объ этихъ лагунахъ, которыя не возбуждали никакихъ ученыхъ споровъ :

«Въ этихъ мѣстахъ ключи бьютъ съ такою быстротою, поднимаются на громадную высоту и послѣ быстро падаютъ внизъ, что издали слыша ихъ, воображаешь себя среди несмѣтнаго стада блестящихъ барановъ или, лучше, среди многочисленной толпы хрипыхъ псебеевъ, кричащихъ противъ сената. Къ тому же воды эти такъ горячи, что еслибы кто въ нихъ вздумалъ купаться, вылезъ бы оттуда совсѣмъ безъ мяса и съ обнаженными костями.»—«Я ужь не знаю, что только пьютъ жители этихъ мѣстъ», прибавляетъ наивный географъ.

Жители этихъ мѣстъ не пьютъ, конечно, этой воды, потому что тамъ очень дешево хорошее вино. Выкупался же въ подобной лагунѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкто Чьяски, конечно, не по собственному желанію, и сотоварищъ его, химикъ Джузеппе Гверрацци, на трупъ его могъ хорошо изучить губительное дѣйствіе этихъ водъ.

Итальянскіе ученые не останавливались однако передъ трудностями изслѣдованія этихъ мѣстъ; они не могли допустить, чтобы природа устроила подобныя феномены единственно съ дѣлю пугать народъ Божій. Гефферъ, придворный аптекаръ тосканскаго великаго герцога Фердинанда, отправился по высочайшему повелѣнію изслѣ-

довать эти озера или, правильнѣе, лужи, и очень съ большимъ трудомъ добился только того, что онѣ содержатъ боровую кислоту, но въ какомъ количествѣ и стоитъ ли труда добывать ее оттуда — онъ не рѣшилъ.

Первый, изслѣдовавшій ихъ основательно и заведшій тамъ фабрику, былъ Гверрацци, получающій съ нихъ и теперь очень большой доходъ, хотя ему дѣлаютъ уже сильную конкуренцію. Впрочемъ, въ настоящее время фабрика эта принадлежитъ уже не Гверрацци, а французу Лардерелю. Этотъ новый владѣтель попробовалъ было отправлять продуктъ своихъ фабрикъ въ Марсель, но во Франціи товаръ этотъ оказался до такой степени новымъ, что вынуждены были сдѣлать особенный запросъ министру торговли, какою таксою обложить его. Министръ, какъ видно, не хотѣлъ уподобиться жителямъ азіатской Кумы, и назначилъ такую пошлину, что Лардерель предпочелъ имѣть дѣло съ Англіей, куда и отправляетъ теперь всю добываемую имъ боровую кислоту. Доходъ, получаемый имъ отъ этого производства, не вычитая издержекъ, около 150 тысячъ франковъ ежегодно. Г-жа Ратклифъ не заработала бы столько, еслибы стала описывать всѣ ужасы Рокка-Силлана, Церберовой Горы и окрестностей.

Процессъ, которымъ добывается изъ лагунъ эта кислота, очень сложнаго свойства и сама природа дѣлаетъ большую половину дѣла. Лагуны первоначально были просто расщелинами, ихъ обратили въ правильные бассейны, изъ которыхъ постоянно идетъ густой, удушливый и горячій паръ. Дождевая вода, падающая туда въ большомъ количествѣ во время осеннихъ дождей, насыщается ими, такъ какъ въ нихъ подземнымъ огнемъ постоянно поддерживается атмосфера кипѣнія, и оттуда бьетъ фонтаномъ въ нарочно приготовленные для этого стоки.

Лагуны отдѣлены одна отъ другой узкими и скользкими дорожками; земля очень глинистаго свойства, темнокраснаго цвѣта, употребляется въ живописи подъ именемъ *тердессенъ*. Ее особенно любили наши русскіе художники времени Шебуева и Егорова. Во время дождей, къ нимъ невозможно приблизиться, — удушливый паръ останавливается въ сырой атмосферѣ; въ ясную погоду онъ уходитъ вверхъ. Но во всякое время года атмосфера здѣсь такъ насыщена испареніями ихъ, что всѣ металлы чернѣютъ до того, что тамъ очень легко отдать золотой въ 10 франковъ за мѣдную монету въ 2 сантима. Путешественники очень неохотно посѣщаютъ эту интересную мѣстность. Немудрено — въ адъ всегда успѣешь попасть во время; — торопиться нечего.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему производству.

Въ трубахъ, по которымъ идетъ насыщенная этими пирами вода, осаждается въ твердомъ видѣ вещество очень похожее на желѣзо; его перегоняють въ котлахъ при температурѣ кипѣнія, которая поддерживается жидкостью, набираемой изъ самыхъ лагуновъ. Послѣ этой процедуры въ котлахъ остается чистая буровая кислота, сушится и продается. Эта послѣдняя самая безопасная и пріятная во всѣхъ отношеніяхъ часть процедуры.

Фабрикація совершается черезъ посредство небольшого числа работниковъ; за что особенно долженъ благодарить судьбу г. Лардереля; иначе бы ему пришлось распоститься съ милліонами, потому что здѣсь очень трудно найти людей, которые за умѣренную плату рѣшились бы осудить себя на преждевременную смерть и каждый день подвергаться опасностямъ быть сваренными въ кипящей жидкости, какъ коконъ шелковичнаго червяка. Человѣческія жилища попадаютъ здѣсь очень рѣдко, и то на порядочномъ разстояніи отъ лагуновъ, ближе къ *Bagia Morba*, славившимся въ древности и въ средніе вѣка своими цѣлительными свойствами. Репутаціи этой у нихъ не можеть оспоривать никто, такъ какъ во все время ихъ существованія рѣшился посѣтить ихъ только Медзетто, секретарь Флорентійской республики, котораго уже не на шутку одолѣла подагра. На полдорогѣ его схватили разбойники и потребовали съ него выкупа 2,000 флориновъ. Онъ сталъ торговаться съ ними, говоря, что жизнь человѣка, больного подагрой, не можеть стоить такъ дорого. Тѣ замучили его до смерти, желая добиться своего. Такимъ образомъ Медзетто не могъ добраться до пресловутыхъ ваннъ, и репутація ихъ осталась незапятнанною.

Ночью съ 1-го на 2-е сентября 1849 года Гарибальди вдвоемъ съ однимъ изъ бывшихъ старшихъ офицеровъ римской арміи пробирался по опаснымъ тропинкамъ между лагунами, въ надеждѣ добраться до *Bagia Morbo*. За нимъ охотились, какъ за дикимъ звѣремъ. Жизнь его была оцѣнена немногимъ дешевле, чѣмъ разбойники оцѣнили жизнь секретаря Флорентійской республики. Что долженъ былъ онъ вынести, блуждая въ потьмахъ по мѣстамъ, на которыхъ и днемъ рѣдко кто рѣшится прогуливаться? — предоставляю рѣшить вашему воображенію. Мѣстность была ему вовсе незнакома, какъ и большая часть внутренней Италіи, — тогда онъ еще очень недавно возвратился изъ Америки. Судьба привела его къ воротамъ бѣдной крестьянской избушки.... Но кто зналъ, что было для него безопаснѣе: продолжать ли ночью свое путешествіе или просить убѣжища у неизвѣстныхъ

ему крестьянъ? На немъ была его обыкновенная форменная одежда, которую всѣ знали очень хорошо. Манифесты Радецкаго, обѣщавшіе вѣрную смерть каждому, кто въ чемъ нибудь поможетъ его бѣгству, и нѣсколько тысячъ флориновъ тому, кто мертвого или живаго отдастъ его въ руки австрійцевъ, были распубликованы по всѣмъ деревнямъ и читались во всѣхъ церквахъ послѣ обѣдни. Гарибальди однако, не задумываясь, постучалъ въ ворота. Я не знаю, что отвѣчалъ онъ спросившему его домохозяину.... Его впустили.... На слѣдующій же день, переодѣтый въ крестьянское платье, въ сообществѣ владѣтеля избушки, крестьянина Гвельфо Гвельфи, онъ отправился по Скарнинской долинѣ къ берегу моря. Остальное вы узнаете изъ слѣдующей надписи, которая должна быть вырѣзана на мраморной доскѣ, которая вставится въ стѣну избы Гвельфо Гвельфи:

«Выгнанный изъ Италіи, какъ дикій звѣрь,

Тотъ, кому предназначено было

Спасти Италію, —

Джузеппе Гарибальди,

бѣжавшій изъ Рима

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября 1849 года,

нашелъ здѣсь убѣжище и здѣсь отдыхалъ.

Въ ту же ночь, пѣшкомъ, съ однимъ проводникомъ

Отправился онъ по Скарнинской долинѣ

И благополучно достигъ мыса Мартина.

Оттуда

на рыбацкѣй лодкѣ отправляется онъ по морю.

Богъ милосердный,

Видя наши бѣдствія,

Спасъ его и сохранилъ.

Хвала Богу,

Честь герою.

Гвельфо Гвельфи.»

Надпись эту сочинилъ Франческо-Доминико Гверранди, авторъ «Осады Флоренціи». Вотъ почему она вышла нѣсколько витіевата.

Такого-то рода обязательства существуютъ между Гарибальди и сельскимъ населеніемъ Италіи. Они столятъ слова, даннаго имъ работникамъ.

19-10 (7-10) марта.

Вынужденный политическія свои дѣйствія ограничить однимъ приготовленіемъ къ будущимъ военнымъ событіямъ, не желая возбудить новос радостіи и внутреннюю вражду въ Италіи своимъ вын-

пательствомъ въ министерскую политику, Гарibaldi предпочелъ употребить это время на то, чтобы расквитаться со своими старыми обязательствами. Это-то святое дѣло онъ довѣрилъ комитетамъ; устройство внутренняго благосостоянія этихъ несчастныхъ классовъ народонаселенія должно, по мнѣнію Гарibaldi, играть такую же роль въ ихъ программѣ, какъ и всенародное вооруженіе. Понять этого не потрудились ни министерство, ни его партія. Одно это вооруженіе достаточно возстановило ихъ противъ ассоціацій, а тутъ еще они видятъ, что дѣлается что-то другое, что-то имъ неизвѣстное, но касающееся прямо тѣхъ изъ ихъ согражданъ, о благѣ которыхъ они немного заботятся. Во всемъ этомъ имъ чудится какой-то тайный заговоръ противъ владычества мѣщанъ и банкировъ, социальная революція, которая—и это еще меньшее изъ золъ, которыя она готовитъ Италіи—наконецъ выведетъ изъ терпѣнія великодушнаго союзника, и онъ отправитъ своихъ зуавовъ въ Туринъ защищать парламентъ, на томъ же самомъ основаніи, на которомъ теперь онъ защищаетъ въ Римѣ папу. Изъ боязни этой невзгоды они доходятъ до смѣшнаго, впадаютъ въ постоянныя противорѣчія и готовы пожертвовать собственными своими гражданскими правами, чтобы только не дать возможности поднять головы задавленному ими же пролетарію и крестьянину.

Въ Италіи, гдѣ законы насчетъ печати нѣсколько снисходительнѣе тѣхъ, при которыхъ Фигаро издавалъ свой журналъ, всякая партія, всякій политическій отгѣнокъ, каждая что нибудь значащая въ администраціи личность — имѣетъ свой органъ въ журналистикѣ. Низшія сословія, по большей части безграмотныя, одни не могутъ пользоваться этимъ удобствомъ. У нихъ одно средство высказывать свои стремленія и наклонности, средство очень старое и неблаговоспитанное — уличныя демонстраціи.

Въ Неаполѣ передъ всеобщею подачею голосовъ въ пользу присоединенія, Фарини и Либоріо Римассо побуждали народъ къ демонстраціямъ. Правительство и теперь не принимаетъ никакихъ противъ нихъ мѣръ, слѣдовательно законъ этимъ не оскорбляется. Тѣмъ не менѣе, каждое подобное проявленіе народной воли вызываетъ въ умѣренныхъ журналахъ самыя яростныя филиппики противъ комитетовъ, словно комитеты эти сами кричатъ на площадяхъ, или имѣютъ возможность и право принять на себя власть австрійскихъ полицейскихъ въ подобныхъ случаяхъ.

Заботясь всѣми, зависящими отъ нихъ мѣрами о распространеніи въ народѣ грамотности и первыхъ началъ человѣческаго обра-

заванія, развѣ они не работаютъ противъ этихъ уличныхъ сценъ, нѣбующихъ конечно свои невыгоды.

Приведу здѣсь прокламацію флорентійскаго комитета, которая позывается, что они не возбуждаютъ никакихъ беспорядковъ. Напротивъ.

Сегодня здѣсь именины Гарибальди — народный праздникъ. На этотъ день по обыкновенію готовились демонстраціи противъ всего, что въ послѣднее время возбудило неудовольствіе противъ администраціи, то есть противъ того, что могло бы оскорбить Гарибальди, если бы онъ не стоялъ выше подобныхъ оскорбленій.

Вотъ слова этой прокламаціи:

«Лучшій способъ почтить Гарибальди — сдѣлать доброе дѣло.

«Поэтому флорентійскій комитетъ рѣшилъ отпраздновать его именины слѣдующимъ образомъ:

«18 числа, въ 9 часовъ утра, откроется денежная подписка, которая будетъ закрыта 19 числа, въ 10 часовъ вечера. Деньги эти будутъ розданы семействамъ бѣдныхъ гарибальдійцевъ, въ помощь, того же дня, въ залѣ ремесленнаго братства, гдѣ будетъ данъ балъ съ платою по 1 франку за входъ.

«Деньги за распроданные бальные билеты предназначены для капитала на освобожденіе Венеціи и Рима.

«Самъ герой долженъ скоро посѣтить нашъ городъ, а потому комитетъ предлагаетъ всѣмъ желающимъ поднести ему адресъ, въ которомъ будутъ изложены чувства къ нему здѣшнихъ гражданъ. Такимъ образомъ всякая демонстрація въ именинный день будетъ неулыблива.»

И во Флоренціи, дѣйствительно, не было на этотъ день никакой другой демонстраціи. Въ нѣкоторыхъ другихъ, по преимуществу умѣренныхъ, тосканскихъ городахъ не были даже выставлены знамена въ окнахъ домовъ и магазинахъ, что до сихъ поръ соблюдалось всегда въ торжественныхъ случаяхъ.

А хотите знать, подъ какимъ предлогомъ умѣренные отказываются праздновать этотъ день? Именины Мадонны, тоже Джузеппе, совпадаютъ съ именинами Гарибальди: такъ видите, они боятся, чтобы изгнанники не принялъ на свой счетъ всѣ тѣ проявленія привязанности, которыми они со славою ордена тотчасъ почтутъ Гарибальди....

Признаюсь, пока я еще не успѣлъ проникнуть въ жизнь здѣшнихъ партій, вся эта ненависть умѣренныхъ къ партіи движенія казалась

мнѣ 2-мъ актомъ комедіи, которую Италия разыгрываетъ единственно для великодушнаго союзника.

До тѣхъ поръ, пока дѣло касалось одного Гарибальди, они очень искусно маскировали свои настоящія расположенія, даже противъ комитетовъ декламировали съ умѣренностью имъ свойственною. Но скоро они сами дали имъ очень благовидный предлогъ.... Комитеты эти нарядили отъ себя комиссію, которой поручено было исходатайствовать у парламента уничтоженіе избирательнаго ценса и дозволеніе Мадзини возвратиться въ Италію. Это послѣднее было вызовомъ на явную борьбу.

«Такъ вотъ въ чемъ дѣло», со злобнымъ восторгомъ возопили умѣренные и министерскіе журналы: «комитеты эти обманываютъ и насъ и Гарибальди; они преданы Мадзини и душою и тѣломъ, они органы, посредствомъ которыхъ онъ надѣется привести въ исполненіе свои преступные замыслы».

Болѣе дѣятельные изъ комитетовъ продолжали свои занятія, не обращая вниманія на эти отчаянные возгласы; другіе, болѣе робкіе, отказались отъ всякой дѣятельности и устремили всѣ свои способности и помышленія на то только, чтобы приобрести себѣ благоволеніе министерства и умѣренной партіи. Терпясь въ пустыхъ мелочахъ и законныхъ формальностяхъ, они совершенно упустили изъ виду свое главное дѣло.

Изолированность всѣхъ ихъ многимъ ухудшала положеніе. Стала очевидна необходимость одного общаго всѣмъ центра, одной оконченной программы, которая бы была признана всѣми и служила бы нормою, регуляторомъ каждой отдѣльной ассоціаціи.

Попробовали въ Генуѣ учредить центральный комитетъ, нѣчто въ родѣ инспекторскаго департамента итальянскихъ патріотическихъ обществъ, черезъ посредство котораго Гарибальди могъ бы передавать свои распоряженія. Учрежденіе это встрѣтило множество затрудненій съ обѣихъ сторонъ. Имена лицъ, его составляющихъ, дѣятельное участіе, которое принималъ во всемъ этомъ другъ Мадзини, Маріо, возбудили очень сильное подозрѣніе въ умѣренной партіи. Циркуляры, которыми центральный комитетъ приглашалъ всѣ итальянскія ассоціаціи сообщать ему подробныя свѣдѣнія о своей дѣятельности, встрѣчены были съ большимъ неудовольствіемъ. Нѣкоторые остались безъ отвѣта.

Министерскіе журналы распускали самыя негѣвые слухи. Говорили, что Гарибальди отказался отъ предсѣдательства надъ центральнымъ

комитетомъ, признавая его дѣломъ Мадзини, и вслѣдствіе этого о какомъ-то раздвоеніи между партіями Гарибальди и Мадзини.

Все это, а главнымъ образомъ внутреннее неустройство комитетовъ, заставило наконецъ самого Гарибальди принять болѣе дѣятельное противъ прежняго участіе въ этомъ дѣлѣ.

9-го марта, въ Генуѣ, въ залѣ маленькаго театра Паганини, собрались представители большей части итальянскихъ братствъ и ассоціацій. Незанятые ими мѣста были полны народомъ, ложи заняты дамами, составляющими женскій итальянскій унитарный комитетъ. Около половины двѣнадцатаго, громкія рукоплесканія съ площади дали знать собравшимся о приближеніи ихъ предсѣдателя. Скоро дѣйствительно вошелъ Гарибальди и занялъ мѣсто за президентскимъ столомъ....

Гарибальди во всемъ очень мало похожъ на обыкновенныхъ смертныхъ; въ особенности же краснорѣчіе его очень мало имѣетъ общаго съ витійствомъ лучшихъ здѣшнихъ ораторовъ, очень еще привязанныхъ ко всякаго рода фюртурамъ, неожиданнымъ эффектамъ и неуверенной жестуляціи. Особенность Гарибальди — умѣнье очень определенно высказать многое въ немногихъ словахъ простымъ, разговорнымъ, но чистымъ итальянскимъ языкомъ, говорить которымъ здѣсь умѣютъ очень немногіе, и которымъ никто не пишетъ. Въ переводѣ его коротенькая рѣчь много бы, конечно, потеряла, а потому я и не стану приводить ее здѣсь, точно такъ же, какъ считаю позволительнымъ не описывать и весь дальнѣйшій ходъ этихъ засѣданій, которыхъ было 3, послѣднее 11 марта, а слѣдовательно, все это уже давно прошедшее и легко можетъ быть извѣстно вамъ по газетамъ.

Этого конгресса ждали всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ онъ долженъ былъ привести въ ясность очень многое. Не знаю, готовились ли умѣренные услышать отъ самаго президента полное осужденіе комитетовъ вообще и генуэзскаго централизованнаго въ особенности, предать ихъ беззащитными въ руки министерства и его далеко вышедшей за предѣлы умѣренности партіи. Если такъ, они горько ошиблись въ своихъ расчетахъ. Гарибальди сдѣлалъ нѣсколько снисходительныхъ замѣчаній насчетъ того жалкаго положенія, въ которое ввергли эти комитеты внутренніе раздоры и ихъ разъединенность, назначилъ специальную комиссію для того, чтобы издать новую программу, общую всемъ тѣмъ комитетамъ, которые пожелаютъ, соединившись между собою, составить одно итальянское патріотическое общество, подъ названіемъ: «Società Emancipatrice Italiana». Предсѣдательство этой комиссіи довѣрено ему же. Каждый вопросъ программы баллотировался и всѣ были приняты по большин-

ству голосовъ. Такимъ образомъ Гарибальди уже прямо на себя беретъ отвѣтственность за дѣйствія комитетовъ, подтвердивъ прежде, что прежняя его личная программа: «единство Италіи подъ скипетромъ Виктора—Эммануила» — не измѣнилась нисколько.

Казалось, какъ бы не успокоиться этимъ туринскому министерству, которое только благодаря вѣрности Гарибальди этой его программѣ и сидитъ теперь на своемъ мѣстѣ. Вышло однакоже совершенно противное. Ратацци съ полнымъ сознаниемъ собственного новаго величія выразилъ свое министерское неудовольствіе по поводу генуэзскихъ засѣданій. Бѣда бы еще не велика, такъ какъ изъ засѣдавшихъ никто, вѣроятно, не надѣялся заслужить одобреніе съ его стороны. Но на этотъ разъ результаты превзошли ожиданіе.

Опомнившись нѣсколько отъ перваго волненія, г. Ратацци объяснилъ, что неудовольствіе его относится только къ нѣкоторымъ рѣчамъ, произнесеннымъ на этомъ конгрессѣ. Дѣло объясняется впрочемъ очень легко. Министръ, видя себя въ критическомъ положеніи и во враждебныхъ отношеніяхъ даже къ большинству министеріаловъ, вынужденъ былъ сдѣлать маленькую диверсію на парламентскую лѣвую — не поддастся ли авось хоть она? Говорятъ, онъ получилъ необходимое на это разрѣшеніе изъ Парижа.

Но министеріальная партія тѣмъ яростнѣе возстаетъ противъ генуэзскихъ засѣданій, чѣмъ благосклоннѣе относится къ ней первый министръ. Сперва извѣстія о нихъ и ее озадачили сильно. Скоро однакоже журналы всѣхъ умѣренныхъ оттѣнковъ разразились самымъ бѣшенымъ потокомъ новыхъ нападеній и нареканій. Всѣ они пока направлены еще на одинъ главный пунктъ.

Одинъ изъ вице-президентовъ вновь назначенной Гарибальди центральной комиссіи, г. Ф. Кампанелла, былъ въ числѣ тѣхъ, которымъ довѣрено было исходатайствованіе Мадзини права возвращенія на родину. Итальянскимъ статутомъ право прощанья предоставлено исключительно королю, но для полученія прощенія необходимо представить предварительно прошеніе въ министерство. Депутаты центральной генуэзскаго комитета выполнили эту формальность. Рикасолли принялъ ихъ просьбу очень хорошо, но сказалъ, что къ исполненію ея встрѣчались нѣкоторыя политическія препятствія, и требовалъ времени, чтобы устранить ихъ. Между тѣмъ министерство его упало. Ратацци началъ черезъ-чуръ затягивать дѣло. До 9 марта депутаты не могли добиться отъ него никакого рѣшительнаго отвѣта. На первомъ изъ генуэзскихъ засѣданій, по рассмотрѣніи донесенія депутатовъ, предложено было подать новую просьбу въ министерство.

Кампанелла, не ожидая отъ Ратацци скорого рѣшенія, возсталъ очень горячо противъ новой попытки и предложилъ, чтобы Гарибальди взялъ на себя исходатайствованіе этого дозволенія. «Если бы и ему не удалось этого добиться», прибавилъ всплывчивый депутатъ: «то мы перенесемъ это дѣло на публичныя площади».

Слова эти, хотя были осуждены другими членами комиссіи, послужили умѣреннымъ журналамъ поводомъ къ обвиненію всей комиссіи, а затѣмъ и генуэзскаго центрального комитета и всѣхъ остальныхъ.

Кампанелла вынужденъ былъ напечатать въ журналахъ свое объяснительное письмо, но этимъ мало поправилъ дѣло. Старыя обвиненія въ мадзинизмъ, радикализмъ, якобинизмъ, социализмъ и цѣлой дюжины всякихъ другихъ измовъ съ новою силою посыпались на кого слѣдовало. Дѣло обѣщало не ограничиться журнальной полемикой, которая сама приняла характеръ судебного слѣдствія. Въ парламентѣ очень серьезно возбужденъ былъ вопросъ и о генуэзскихъ засѣданіяхъ, и о правахъ ассоціацій вообще.

Генуэзское собраніе обвинялось въ томъ, что будто бы ни на одномъ изъ засѣданій не было произнесено имя короля. Обвиненіе это оказалось ложнымъ; доказано было положительно, что имя короля произнесено было нѣсколько разъ и постоянно встрѣчалось восторженными рукоплесканіями.

Вопросъ о правѣ ассоціацій перенесенъ былъ въ сенатъ, гдѣ возбуждены были горячія пренія по этому поводу, такъ какъ статья статута, его касающаяся, нѣсколько темна. Парламентскій депутатъ Бибріо, о которомъ мнѣ не въ первый уже разъ приходится говорить, требовалъ настоятельно, чтобы всѣ комитеты были закрыты во что бы то ни стало.

Къ сожалѣнію, для этого нужны были другія болѣе законныя основанія. Послѣ долгихъ распрей и толковъ рѣшено было приступить къ составленію новаго закона на счетъ ихъ, что и отложено до одного изъ ближайшихъ засѣданій камеры, гдѣ депутатъ Марьото-Галенга уже проповѣдуетъ насчетъ смысла, въ которомъ должна быть эта статья. Защитникомъ комитетовъ является—кто бы вы думали? самъ Ратацци, припадокъ либерализма котораго все болѣе усиливается съ возрастающимъ затруднительнымъ положеніемъ. Слова его на этотъ разъ исполнены не однихъ только благихъ намѣреній, но и здраваго смысла.

«Задача министерства слишкомъ трудна» говоритъ онъ вздыхая: «а потому оно сильно нуждается въ законномъ содѣйствіи ему всѣхъ»

классовъ народонаселенія. Только дѣла, касающіяся вооруженія, должны быть предоставлены правительству, и всякое постороннее вмѣшательство было бы неумѣстно».

До появленія новаго закона рѣшили дать силу мнѣнію сенатора Ланфреді о комитетахъ; а Ланфреді не можетъ допустить, чтобы статутъ отнималъ у кого бы то ни было право собираться мирно и безъ оружія,—опираясь на то, что итальянское правительство не разъ само открыто признавало эти права.

Въ какомъ смыслѣ будетъ новый законъ, должно бы разрѣшиться скоро. Но рѣшенія ждутъ не безъ нѣкотораго безпокойства, такъ какъ умѣренные продолжаютъ свои іереміады противъ богопротивныхъ комитетовъ, и основываютъ свою ярость уже не на нѣкоторыхъ только словахъ и спичахъ.

Одинъ изъ журналовъ, «Movimento» (движеніе) — вѣроятно круговое, по системѣ Вико — посвящаетъ нѣсколько столбцевъ самымъ отчаяннымъ антикомитетскимъ филиппикамъ. Всѣ онѣ вертятся вокругъ одного: да зачѣмъ же эти господа хотятъ непременно возвращенія Мадзини?

Авторъ статьи, какъ въ заколдованномъ кругѣ, вертится вокругъ этого вопроса и никакъ не можетъ дойти до разрѣшенія. И наконецъ, истощенный непривычнымъ движеніемъ, бросаетъ къ чорту и силлогизмы и логику, и восклицаетъ въ скорби великой:

«Эти продѣлки, незаконныя сами по себѣ, въ устахъ генуэзскихъ ораторовъ принимаютъ характеръ оскорбленія статуту и особѣ короля! Послѣ всего этого (*) не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что просьба ихъ исполнена не будетъ.»

Интересно бы узнать, какое впечатлѣніе произвела на почтеннаго автора телеграфическая депеша, передаваемая сегоднешними журналами, которою Викторъ-Эммануилъ даетъ знать Наполеону III, что декретъ о снятіи съ Мадзини смертнаго приговора имъ подписанъ, и слѣдовательно, нѣтъ больше препятствій къ его возвращенію на родину.

Итакъ, Мадзини, по всей вѣроятности, очень скоро возвратится въ Италію.

Но что же значить страхъ передъ нимъ умѣреннаго большинства? Этотъ мнимый страхъ передъ Мадзини — маска, подъ которою кроется нѣчто другое, несравненно болѣе безобразное и отвратительное.

*) Послѣ рѣчи Кампанеллы.

Комитетамъ простили бы учрежденіе народныхъ споровъ, обществъ вольныхъ карабинеровъ и пр. Но имъ не забудутъ того, что ихъ стараніями городской работникъ выходитъ наконецъ изъ того крѣпостнаго состоянія, въ которомъ держали его денежныя люди.

Нельзя сказать, чтобы комитеты эти и ассоціаціи уже далеко ушли по той дорогѣ, которую указываетъ имъ Гарибальди. Они съ самаго начала встрѣтили слишкомъ много затрудненій, и немногіе изъ нихъ успѣли перешагнуть черезъ всякаго рода препятствія. Другіе же скрестили руки и теперь еще придумываютъ средство, какъ бы имъ перешагнуть такъ, «чтобы гусей не раздражить.» Пошли имъ Господь вдохновеніе, а то долго еще нѣкоторыя провинціи Италіи останутся въ настоящемъ своемъ жалкомъ положеніи....

Но оставимъ этихъ многихъ, чтобы не помѣшать ихъ тяжелому раздумью. За то по крайней мѣрѣ въ немногихъ изъ итальянскихъ городовъ, какъ грибы растутъ воскресныя школы для рабочихъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ степеней развитія. Многое еще остается сдѣлать, но кое-что уже и сдѣлано; дальнѣйшее въ будущемъ, но все будущее Италіи зависитъ отъ этихъ комитетовъ, и теперь оно уже начинаетъ наступать....

Многое измѣнилось въ Италіи съ тѣхъ поръ, какъ Гарибальди уѣхалъ на Капреру, и не безплодно провелъ онъ тамъ 17 мѣсяцевъ въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ, въ дружескихъ совѣщаніяхъ съ личными своими друзьями, и богатую жатву пожнетъ Италія съ тѣхъ бобовъ и картофеля, которые сажалъ онъ тамъ въ минуты досуговъ.

Всего же больше измѣнилась самая сущность отношеній къ Гарибальди парламентскаго большинства и всѣхъ тѣхъ, которые воспользовались для своихъ выгодъ его геройскими подвигами 1860 г. Одинъ только не перемѣнился къ нему съ того дня, какъ подъ Капуей онъ назвалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Этотъ одинъ — Викторъ-Эммануилъ, король Италіи, который по прежнему видитъ въ Гарибальди самую лучшую опору для королевства, блага Италіи, за которое самъ онъ не разъ дрался рядомъ съ простыми солдатами своего войска противъ старыхъ враговъ....

По окончаніи генуэзскихъ засѣданій Гарибальди отправился въ Туринъ, для свиданья съ королемъ и для того, чтобы исходатайствовать наконецъ амнистію Мадзини и учрежденіе народныхъ аторовъ во всѣхъ городахъ Италіи.

Первая просьба его уже исполнена. Вторая вѣроятно тоже не затянется на долгое время. Викторъ-Эммануилъ не станетъ ставить преградъ дѣятельности Гарибальди — онъ клялся, что хочетъ единства Италіи, а добиться этого единства и разрѣшенія представляющихся

по этому поводу трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ, можетъ быть только черезъ посредство его одного.... Прежде чѣмъ политическое единство, нужна внутренняя цѣльность—а вѣдь не министерство же Ратацци его добьется.

Р. С. Гарибальди предполагаетъ объѣхать всѣ итальянскіе города, въ которыхъ многіе ждутъ его съ нетерпѣніемъ. Эта его прогулка обращаетъ на себя всеобщее вниманіе и возбуждаетъ очень разнообразныя толки.

ЛЕОНЪ БРАНДИ.

Сьена

20 (8) марта 1862.

САМОЗВАННЫЕ СТАРЬИШНИНЫ.

На дняхъ попалась мнѣ въ руки брошюра: «Къ сербамъ. Посланіе изъ Москвы». Подъ посланіемъ этимъ выставлены подписи: «Александръ Хомяковъ, Михаилъ Погодинъ, Александръ Кошелевъ, Иванъ Бѣляевъ, Николай Елагинъ, Юрій Самаринъ, Петръ Безсоновъ, Константинъ Аксаковъ, Петръ Бартепневъ, Федоръ Чижовъ, Иванъ Аксаковъ»; на другой страницѣ тѣ же подписи выставлены въ сербской формѣ; — напрімѣръ, «Георгіе Самаринъ, Юванъ Аксаковъ» и т. п.; посланіе напечатано на двухъ языкахъ, — въ русскомъ текстѣ и въ сербскомъ переводѣ. Наборъ подписей показываетъ, что брошюра ко-четъ являться передъ сербами выраженіемъ мнѣнія не отдѣльнаго лица, а цѣлой группы русскаго общества или и цѣлаго русскаго общества. Это заставляетъ насъ обратить на нее вниманіе.

Посланіе писано въ 1860 г. по поводу того, что въ сербскомъ княжествѣ народъ, прогнавъ прежняго князя, измѣнявшаго національнымъ интересамъ, возвратилъ власть Милошу, своему любимцу. Лица, подписавшія посланіе, поздравляютъ сербовъ съ этою переменною и говорятъ, что радуются за нихъ, какъ за своихъ кровныхъ братьевъ: «для насъ, сербы (говорятъ подписавшіяся лица), вы земные братья по роду и духовные братья по Христу. Намъ любезенъ вашъ наружный образъ, свидѣтельствующій о кровномъ родствѣ съ нами; любезенъ языкъ, звучащій одинаково» и т. д., — далѣе быть можетъ и все вѣрно, но въ приведенныхъ строкахъ есть странная вещь. Каждому извѣстно, что сербскій типъ вовсе не сходенъ съ русскимъ. Мы русскіе, то есть народъ, занимающій бассейны Волги и Оки съ прилежащими странами, — мы люди бѣлокурые, широколицые, а сербы—

народъ смуглый, съ римскими носами. Сербы больше похожи лицомъ на итальянцевъ, чѣмъ на насъ; мы болѣе похожи лицомъ на финновъ или даже на нѣмцевъ, пожалуй хоть на шведовъ или англичанъ, чѣмъ на сербовъ. Что мы съ сербами кровные братья, это правда; но зачѣмъ же подтверждать правду ссылкой на сходство по лицу, котораго нѣтъ?—По сочувствію къ вамъ, сербамъ, продолжаютъ подписавшіеся, «да будетъ позволено намъ, вашимъ братьямъ, любящимъ васъ любовью глубокою и искреннею, обратиться къ вамъ съ нѣкоторыми предостереженіями и совѣтами. Мы старше васъ въ дѣйствующей исторіи», — здѣсь опять надо приостановиться. Во-первыхъ, чтó это такое *дѣйствующая* исторія? По-русски понять нельзя, справимся съ сербскимъ переводомъ; въ нейтъ сказано: «мы смо старіи одъ васъ у исторіи», то есть просто: «мы старше васъ въ исторіи», ну это понятно. Однакоже, какъ это мы русскіе старше сербовъ въ исторіи? Вѣдь на самомъ-то дѣлѣ сербы являются въ исторіи нѣсколькими вѣками раньше, чѣмъ мы. Справьтесь-ко у Шафарика, когда начинаютъ упоминать о сербахъ византійцы? Не хорошо хвастаться старшинствомъ, когда самъ моложе. Или «глубина и искренность любви» состоятъ въ самохвальствѣ и въ желаніи сдѣлать младшимъ передъ нами того, кто старше насъ и кого мы увѣримъ въ своей любви? Не прикрывается ли тутъ именемъ любви просто эгоизмъ?

Итакъ подписавшіеся, неосновательно присвоивъ себѣ старшинство, начинаютъ давать сербамъ предостереженія и совѣты не какъ равные равнымъ, а какъ старшіе младшимъ. Посмотримъ, каковы эти предостереженія. Первое направлено противъ—чего бы вы думали? — противъ гордости. «Первая и величайшая опасность» для сербовъ, по мнѣнію подписавшихся старѣйшинъ; «заключается въ гордости». Для человека, какъ и для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная, гордость умственная и гордость внѣшнихъ успѣховъ и славы. «Во всѣхъ трехъ видахъ она можетъ быть причиною совершеннаго паденія челоука или гибели народоной, и всѣ три встрѣчаемъ мы въ исторіи и въ мѣрѣ современномъ». Вредъ гордости духовной можно видѣть на мнѣшнихъ грѣсахъ; отъ умственной гордости погибаютъ «всѣ западныя народы: ослѣпленные своими успѣхами, они сдѣлались вполне равнодушными къ высшему благу — вѣрѣ» — позвольте, здѣсь опять надобно остановитъ васъ, гг. старѣйшины. Какой же это изъ западныхъ народовъ сдѣлался «вполнѣ равнодушнымъ» къ вѣрѣ: нѣмцы ли, у которыхъ протестантская часть въ своей массѣ такъ набожна, а католическая во всемъ слушается своего духовенства? въ Баваріи или въ Тиролѣ нашли вы равнодушіе къ вѣрѣ? или равнодушны къ вѣрѣ англичане или ирландцы? да и въ самой Франціи масса поселянъ развѣ не въ рукахъ клерикальной партіи? Нѣтъ,

господа старьишины, слишкомъ еще рано вамъ говорить о равнодушіи къ дѣлу въ массахъ западныхъ народовъ. Скорѣе можно было бы находить и на Западѣ въ массахъ излишекъ сектантской нетерпимости и суевѣрія. Напрасно вы рассказываете сербамъ неправду. Но слушаемъ далѣе: они (рѣчь идетъ о всѣхъ западныхъ народахъ) «сдѣлались врагами человѣчества» — да, именно такъ и напечатано на стр. 14. Это хорошо; но заглянемъ въ сербскій переводъ, такъ ли такъ. «Они су востали неприятельи човѣчанства», — да, и по-сербски то же самое. Вотъ это уже очень дурно. Говорить дикія пошлости въ своемъ домашнемъ русскомъ кругу, — это бы еще ничего: русскіе знаютъ, что думать о р. Погодинѣ и его товарищахъ; но что, если сербы, услышавъ отъ нихъ такую фразу, почтутъ ихъ за представителей русскаго образа мыслей? Вѣдь мы станемъ въ глазахъ сербовъ страннѣе китайцевъ. Продолжаемъ слушать samozванныхъ старьишину. «Горькій опытъ слишкомъ ясно доказалъ славянамъ», по словамъ старьишинъ, что всѣ западные народы враги человѣчества. Но итальянцы, португальцы, испанцы, французы, бельгійцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, норвежцы, вѣроятно, къ тому же западные народы; когда же какой вредъ дѣлали они славянамъ? Умыселъ тутъ былъ очевидно на однихъ нѣмцевъ; такъ зачѣмъ же было прилетать къ нимъ всѣ западные народы? Вѣдь эдакъ я пожалуй скажу, что всѣ азіатцы говорятъ по-арабски или что вся Америка говоритъ по-испански. Что же за охота рассказывать пустяки.

Но оказавши всѣ западные народы, наши старьишины впадаютъ въ раскаяніе: мы, говорятъ они, «не можемъ скрыть и своей вины»: мы гордились своею «вещественною силою, которою мы были отличны передъ другими народами, и не думали о духовномъ усовершенствованіи»; но теперь, прибавляютъ они, «мы покались» и обратились къ «смиренію». А если «обратились», такъ что же вы суетесь къ другимъ съ своими совѣтами и предостереженіями? Развѣ каіаніе и смиреніе состоятъ въ томъ, чтобы напрашиваться въ совѣтники и руководители? «Нашимъ нечистымъ рукамъ не предоставилъ Богъ совершить чистое дѣло облегченія участи» юговосточныхъ славянъ. Ну, коли руки у васъ не чисты, то не хватайте ими людей болѣе чистыхъ, каковы по вашему, да и по нашему мнѣнію — сербы. А коли и самъ Богъ не предоставляетъ вамъ хватать ихъ съ успѣхомъ, такъ ужъ и бросьте эту заманку, за которую, по вашимъ же словамъ, «Богъ поразилъ» васъ.

Такъ вотъ, заключаютъ наши старьишины, не впадайте въ тройственную гордость, братіе наши сербы, и держитесь «братолюбія». Что жъ, это хорошо. Только не стоило изъ-за этого писать посланіе

на двухъ языкахъ. Сербы, пожалуй, ждали отъ васъ совѣта; а вы имъ проповѣдуете пользу смиренія и братолюбія. Этакъ и, «пожалуй», стану писать увѣщательныя посланія къ какимъ хотите народамъ, напримѣръ: «милые братья, бельгійцы! Будьте смиренны и братолюбивы», — и пожалуй переводъ сдѣлаю на ихъ языкъ; точно также обращусь и къ чувашамъ, и къ англичанамъ, и къ бразильцамъ, и къ мадагаскарцамъ: «милые братья, будьте смиренны и братолюбивы». А написавши дюжину такихъ посланій, обращусь къ нашимъ старѣйшинамъ и взгляшу имъ: «милые братья! будьте братолюбивы; скажите мнѣ, прилично ли человѣку въ здоровомъ умѣ обращаться къ чуждымъ народамъ съ нравоученіями, которыя у каждаго народа давно уже написаны въ его азбукахъ и изъ которыхъ нельзя выжать ничего живаго?» Но слушаемъ далѣе: «милые братья сербы», говорятъ имъ наши московскіе старѣйшины: «сколько въ лѣтописяхъ нашихъ междоусобнаго кровопролитія, братоубійствъ и даже отцеубійствъ, чѣмъ и язычники гнушаются!» А вѣдь это все «пороки», — корешъ «порокъ», отцеубійство! — По русски-то говорить выучились бы вы, милые московскіе братья. — За такіе пороки «Господь Богъ наказываетъ», назидаютъ наши старѣйшины сербовъ. — Вотъ въ самомъ дѣлѣ новость-то сказали они сербамъ, что Господь Богъ не велитъ сыну убивать отца. А не мѣшало бы тоже объяснить-ся относительно другихъ «пороковъ», что, дескать, и молодчество дѣло не хорошее, и идолопоклонство не хорошо; — да помилуйте, предашь ли сербы такимъ «порокамъ»? Развѣ они, въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ что ли привычку рѣзать своихъ отцовъ, какъ барановъ, или занимаются междоусобіями? Вѣдь то, отъ чего вы предостерегаете сербовъ, было еще при Стефанѣ Дунанѣ и до него, въ тѣ времена, какъ русскіе поклонялись «Хорсу, и Мокоши, и Сиварглу, и Валаму, и Бергынямъ»! Какое отношеніе подобная давнымъ-давно забытая народомъ старина имѣетъ къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ? «Это говоримъ мы» (то есть предостерегаемъ васъ, сербы, отъ порока отцеубійства) «конечно не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ, нашихъ дорогихъ и уважаемыхъ братій, но съ тѣмъ, чтобы, уразумѣвъ свои вѣны, вы стремились впередъ ко всякой добродѣтели», заключаютъ наши самозваные старѣйшины. Ахъ, ты, Господи милостивый! — да вѣдь этакъ, пожалуй, они могутъ и на насъ съ вами, читатель, вакинуться за то, что Святополкъ окаленный убилъ Боржиса и Габба, да еще прибавятъ, чтобы мы не обижились этимъ назиданіемъ, а стремились впередъ ко всякой добродѣтели. Но укорить сербовъ за замѣченную въ нихъ склонность къ отцеубійствамъ, наши старѣйшины не смѣютъ и своего одобренія. «Вы все-таки, говорятъ они, на родъ хорошій

(съ молодостью-то къ отцеубійству?) и счастливыи: сами вы еще не знаете, какъ вы счастливы, и какъ велики ваши преимущества передъ другими народами», — такъ буквально и сказано «преимущества», — ну, какъ же это научить людей смиренію, толкуя имъ, что они преимуществуютъ передъ другими людьми? — Такъ вотъ, говорятъ, мы укажемъ вамъ ваши преимущества и блаженство.

«Первое, важнѣйшее и неоцѣнимое счастье ваше, сербы, — это единство ваше въ православіи, то есть въ высшемъ знаніи и въ высшей истинѣ, въ корнѣ всякаго душевнаго» и т. д., — это все хорошо, только вотъ въ чемъ дѣло: именно этого-то единства и нѣтъ въ сербскомъ народѣ. Наши samozванные старшину и наставники сербовъ забыли, что въ Босніи есть очень много сербовъ-мусульманъ. А еще вотъ что: чѣмъ отличаются отъ сербовъ кроаты? Вѣдь они чистѣйшіе сербы и по языку и по всему, а разнятся отъ другихъ сербовъ только своимъ католическимъ исповѣданіемъ. Да вѣдь этакъ, пожалуй, я скажу, что нѣтъ нѣмцы — протестанты; надобно только будетъ не считать нѣмцами тѣхъ племенъ гѣмецкаго народа, которыя держатся католическаго исповѣданія. Точно такимъ способомъ наши старшину достигаютъ возможности сказать сербамъ: «таково наше единство въ вѣрѣ, что слова *сербъ* и *православный* кажутся однозначащими».

Слушайте же, что выходитъ изъ понятій, внушаемыхъ сербамъ samozванными русскими старшинунами: «здоровое общество гражданское основывается на понятіи его членовъ о братствѣ, правдѣ, судѣ и милосердіи: а эти понятія не могутъ быть одинаковыми при различныхъ вѣркахъ. И у христіанъ, кромѣ истинной православной церкви, нѣтъ ни вполнѣ аснаго понятія, ни вполнѣ искренняго чувства братства». Этого понятія не можетъ быть ни у панистовъ, ни у реформатовъ. «Оттого и славянскіе вполнѣ славяниномъ въ православіи быть не можетъ». И такъ, не говоря уже о полякахъ, специально порицаемыхъ людьми подобнаго воззрѣнія, лужицане, словаки, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться вполнѣ славянами. Каково чувство славянской любви у господъ держащихся такого взгляда! Но они хороши тѣмъ, что не хотятъ оставлять своихъ прекрасныхъ чувствъ только безплодными чувствами, — они совѣтуютъ сербамъ устроить государственный бытъ по этимъ понятіямъ, совершенно соответствующимъ духу папы Иннокентія III-го, такъ отличю понимавшаго отношенія альбигойцевъ къ другимъ французамъ. Кто не принадлежитъ къ православной церкви, говорятъ сербамъ наши старшинуны, тотъ у васъ «да не будетъ уже ни законодательемъ, ни правителемъ, ни судьей, ни членомъ общественнаго стода: ибо иная совѣсть у него, иная у васъ. Поэтому иновѣрецъ не долженъ быть полноправнымъ гражданиномъ, или сыномъ велика-

го сербскаго дома, судящимъ съ братьями въ дѣлахъ общественныхъ».

Этими понятіями былъ бы очень доволенъ герцогъ Алба; они совершенно оправдываются Филиппъ II испанскій. Но въ нынѣшнее время они совершенно неудобопримѣнимы. Возьмемъ самые простые случаи. Положимъ, у сербовъ война съ турками. Къ сербамъ являются храбрые волонтеры изъ Англіи, Франціи, изъ Чехіи: отвергнуть ли сербы готовность этихъ волонтеровъ умереть за святое дѣло сербской свободы? Неужели, напримѣръ, греки во время своей войны за независимость должны были отвергнуть Байрова и его друзей, которые вѣдь были не одного исповѣданія съ греками? А если иновѣрные волонтеры приняты на службу и находятся между ними отличные офицеры, то какъ же не дать имъ голоса въ военныхъ дѣлахъ? А вѣдь военныя дѣла связаны съ гражданскими дѣлами; стало быть и въ гражданскихъ дѣлахъ иновѣрные офицеры будутъ имѣть голосъ. Въ войскѣ необходимъ судъ. Кто офицеръ, тому въ военное время часто приходится играть роль судьи; слѣдовательно волонтеры будутъ и судьями. Нѣтъ, сербы не должны допускать этого по рѣшенію нашихъ старѣйшинъ; а не допустить этого нельзя иначе, какъ прогнавъ отъ себя волонтеровъ; и такъ волонтеры должны быть прогнаны. Любопытно было бы знать, какъ думаютъ наши старѣйшины о запорожскихъ козакахъ, — не отщепенцами ли отъ чистоты славянскихъ началъ, не врагами ли славянства представляются имъ запорожцы? Вѣдь запорожцы не разбирали, какой кто вѣры, лишь бы хотѣлъ онъ вѣрно стоять за козацкое дѣло: въ козацкихъ рядахъ бывали не только католики и реформаты, бывали даже соиниане. — Это о военныхъ дѣлахъ. Возьмемъ самый обыкновенный случай гражданскаго быта. Поселится въ сербскомъ городѣ французскій или англійскій negociantъ и покупаетъ себѣ домъ. Онъ не долженъ имѣть голоса въ городскихъ дѣлахъ. Другой случай: католикъ и католичка, живущіе въ сербскомъ городѣ, хотятъ повѣнчаться. Дозволителенъ ли бракъ между ними, по законамъ католической церкви? Истолкователемъ католическихъ церковныхъ законовъ католическій священникъ долженъ имѣть православнаго судью или чиновника, потому что католики вѣдь не могутъ имѣть ни судебной, ни административной власти у сербовъ. Или, можетъ быть, и самая свадьба этихъ католиковъ по католическому обряду должна быть совершена православнымъ священникомъ? Оно по настоящему такъ и слѣдуетъ, изъ принципа нашихъ старѣйшинъ. Вѣдь бракъ есть актъ, касающійся гражданскихъ и общественныхъ отношеній; для его совершенія нужно лицо, власть котораго признавалась бы обществомъ; а сербское общество

не должно признавать никакой власти ни за какимъ иновѣрцемъ. Да, оно возмѣдному выходитъ такъ: крестить дѣтей у католиковъ, вѣнчать католиковъ, хоронить ихъ долженъ будетъ православный священникъ. То же разумѣн и о' всѣхъ другихъ иновѣрцахъ.

Трудная обязанность возлагалась бы на православнаго священника закономъ, составленнымъ по принципу нашихъ старѣйшинъ, — обязанность, которая противорѣчила бы его совѣсти: совершать обряды чуждыхъ ему исповѣданій, — католическаго, лютеранскаго, реформатскаго, совершать даже обряды мусульманскіе и языческіе. У насъ въ Россіи нѣтъ такого противоестественнаго требованія отъ нашихъ православныхъ священниковъ, — но по принципу нашихъ samozvannykh старѣйшинъ это должно считаться одною изъ «нашихъ ошибокъ». Хотите ли знать другую нашу ошибку или, вѣрнѣе сказать, другое «наше безуміе»? Извольте; это исторія длинная, но павѣрное она не будетъ скучна для васъ, потому что очень оригинальна.

Извѣстно всѣмъ, что прежде императора Петра Перваго, берега Чернаго моря принадлежали Турціи, и только одно устье Днѣпра было въ рукахъ русскихъ козаковъ, нашихъ братьевъ запорожцевъ. Не было у нихъ кораблей, ни возможности строить корабли. На легкихъ челнокахъ, часто на ододеревкахъ и душегубкахъ, пускались они въ бурное море, на старья страшное мореплавателямъ, страшное даже и теперь при всѣхъ усовершенствованіяхъ, и тысячами налетали на берега вѣчныхъ враговъ имени Христіанскаго. Отъ Батума до Цареграда грѣмѣла ихъ гроза. Трапезунтъ и Синопъ и самые замки Босфора дрожали передъ ними. Турецкіе флоты, смѣло гулявшіе по Средиземному морю, и не рѣдко громавшіе берегамъ Франціи, Италиі и Испаніи, проталкивались въ пристани предъ лодками запорожскими. Не имѣя хвастливости, но по истинной правдѣ говоримъ мы: свидѣтелями намъ самыя турецкія лѣтописи и еще теперь незабытыя преданія. Не было въ цѣлой Европѣ ни одного народа, который могъ бы похвалиться такими дивными подвигами мужества на моряхъ, — и опять безъ хвастливости можемъ мы сказать, что люди сѣверные ничѣмъ не уступали своимъ южнымъ братьямъ. Не слѣдовало ли думать, что съ такими людьми русскій флотъ далеко превзойдетъ флоты другихъ народовъ, когда лодки замѣнятся могучими и сильно вооруженными судами? (*) Такой успѣхъ былъ вѣрооятенъ. Смѣло скажемъ, онъ былъ несомнѣненъ, но ожиданія

(*) Милые братья русскіе, совѣтователи сербовъ! Неужели вы не понимаете, что изъ храбрости въ одною дѣль никакъ не слѣдовало заключать объ успѣхахъ въ другою дѣль, совершенно различномъ? Вѣдь плавать на лодкахъ по прибрежью — это не имѣетъ ровно ничего сходнаго съ искусствомъ, какое нужно матросу большаго военнаго корабля. Понимаете ли вы, милые братья, что колоссій лишикъ можетъ быть очень плохимъ машинистомъ, если его заставить везти съ локомотивомъ. Милые братья, повѣрьте, что это очень можетъ случиться и что ничего удивительнаго тутъ не будетъ.

не сбылись (*): въ этомъ должны мы признаться, несмотря на бесспорное мужество нашихъ моряковъ. Отъ чего же такая неудача? Отъ чего люди, далеко превосходившіе на морѣ всѣхъ своихъ соперниковъ, стали едва равными имъ? Причина весьма проста. Они стали не тѣми людьми, которыми были прежде. Императоръ Петръ началъ первый у насъ строить большіе корабли по образцу голландскому (и за то ему честь и слава!); но къ разумному дѣлу онъ примѣшалъ страшное неразуміе. Названіе всѣхъ частей корабельныхъ, всѣ слова, относящіеся до мореходства, всѣ слова команды принялъ онъ также отъ голландцевъ. Какія же вышли послѣдствія? Этихъ нѣмецкихъ словъ, этихъ названій, вовсе бессмысленныхъ для русскаго уха и не представляющихъ ничего русскому уму, набрались тысячи. Теперь поступаетъ на корабль будущій морякъ, человекъ, котораго Богъ одарилъ и ловкостью и смѣлостью необычайною, человекъ, подобный тѣмъ, которые въ старыя годы на узкихъ лодкахъ громили берега Чернаго моря, потрясали Царьградъ и уничтожали флоты турецкіе; но онъ теперь поступаетъ не въ моряки, а въ школьники. Ему надо твердить тысячи бессмысленныхъ и дико звучащихъ словъ, — и въ этомъ бессмысленномъ ученіи проходятъ года его горячей и живой молодости. Вмѣсто любви къ своему дѣлу, вмѣсто опытности моряка, онъ приобретаетъ равнодушіе, и даже какъ бы отвращеніе отъ своего занятія, отъ своего корабля, отъ самаго моря. Пройдутъ года, и морской богатырь обратится въ полумертвый нѣмецкій словарь. Правда, онъ будетъ исправлять свою обязанность, потому что онъ христіанинъ и русскій; но истинный морякъ уже погибъ въ немъ безвозвратно.»

Этотъ прекрасный эпизодъ совершенно измѣляетъ нашъ взглядъ на дѣло — не о русскомъ флотѣ, а о совѣтахъ, даваемыхъ сербамъ г. И. Аксаковымъ и компанію. Читая свирѣпыя совѣты отнять всѣ политическія права у иновѣрцевъ, читая фанатическое правило, что кто католикъ, тотъ уже не можетъ считаться настоящимъ славяниномъ, мы воображали, что слушаемъ изверговъ фанатизма, духовныхъ потомковъ Торквемады и герцога Альбы. Теперь обнаружилось, что дикую свирѣпость принимаютъ они на себя только по своему ребяческому непониманію вещей — самыхъ ясныхъ. Отчего русскій военный

(*) Милые братья, да вѣдь кромѣ васъ никому никогда и въ голову не приходило такіа неосновательнаго ожиданія, что козаки окажутся подготовлены къ матросскому искусству своими козацкими набѣгами. Иное дѣло бѣломорскіе рыбаки, къ которымъ вѣроятно относится упоминаніе о какихъ-то сѣверныхъ людяхъ, неуступавшихъ южнѣмъ: они хорошіе моряки. Но, милые братья, вѣдь бѣломорскіе рыбаки составляютъ очень маленькую горсть людей. Если бы нѣтъ всѣхъ поголовно забрать въ матросы, то можетъ быть не набралось изъ нихъ полнаго экипажа на одинъ линейный корабль. Милые братья, постарались бы вы понять, что сотни людей недостаточны тамъ, гдѣ нужны десятки тысячъ.

Флотъ, да такъ силенъ, какъ англійскій или французскій? Да откуда же можетъ вѣстись сильный военный флотъ, когда нѣтъ большаго коммерческаго флота? Вѣдь если нѣтъ коммерческаго флота у какой нибудь націи, это значитъ, что не развито у ней дѣло кораблестроенія; нѣтъ у ней множества опытныхъ моряковъ и хорошихъ матросовъ; а если нація не имѣетъ многочисленныхъ матросовъ и не умѣетъ строить кораблей, то какимъ же манеромъ будетъ силенъ у ней военный флотъ? Вѣдь это вопросы въ родѣ того, почему бываетъ плоха артиллерія у народа, плохо знакомаго съ литейнымъ искусствомъ, почему не подкованы лошади у народа скуднаго желѣзомъ, почему холодно зимою въ нетопленныхъ комнатахъ, почему бываетъ сумрачно, когда небо покрыто облаками, почему нельзя рубить деревья въ тѣмъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и т. д. и т. д. Наши мудрые совѣтники вѣроятно отвѣчали бы на всѣ эти вопросы въ такомъ родѣ: въ безлѣспомъ нѣтъ нельзя рубить деревья потому, что англійскіе купцы притѣсняютъ насъ; въ сумрачную погоду не свѣтитъ солнце оттого, что нѣмцы порицаютъ нашъ климатъ, какъ слишкомъ холодный; въ нетопленныхъ комнатахъ холодно оттого, что мы приняли чужую, нѣмецкую физику, а не выдумали свою собственную; не имѣя желѣза нельзя подковывать лошадей потому, что русская смѣтливость убита подражаніемъ Западу; а безъ хорошихъ литейщиковъ нельзя имѣть хорошей артиллеріи потому, что Петръ Великій одѣлъ нашихъ артиллеристовъ въ иностранные мундиры. Право, такъ отвѣчали бы наши умные совѣтники, — иначе не догадались бы они, что причиною всѣхъ недостатковъ нашего флота служитъ иностранная терминологія въ нашемъ кораблестроеніи. Какой ребячeskій взглядъ на вещи! — Берутъ въ матросы на фрегатѣ человека, который не видывалъ морскихъ судовъ. Ему надобно узнать тысячи вещей, о которыхъ онъ не имѣлъ понятія; у каждой вещи есть имя, — вѣдь какое бы оно ни было, онъ приучится понимать его лишь тогда, когда узнаетъ самую вещь. Вотъ напримѣръ, если мы съ вами не видывали, какъ плетутъ лапти, знаемъ ли мы, что такое за штука «кочедыкъ», которымъ плетутъ ихъ, — рѣшительно не знаемъ, хоть это слово и не голландское. А если бы мы вадумали научиться плести лапти, то измѣнился ли бы срокъ, нужный для достиженія мастерства въ этомъ занятіи, какимъ бы именемъ ни назывался кочедыкъ? А то вотъ еще: я не могу бить бѣлокъ въ глазъ, какъ долженъ бить хорошей охотникъ; отчего это происходитъ? Ужь не оттого ли, что мудрены для меня слова — винтовка, порохъ, пуля, зарядать, стрѣлать? Назову винтовку ружьемъ, стану говорить «прикладываться» вмѣсто «прицѣливаться», — и тогда навѣрное не дамъ ни одного промаха по бѣлкѣ, хотя съ роду не стрѣлялъ изъ ружья! Надобно полагать, что и въ охотничьемъ дѣлѣ, и въ матросскомъ дѣлѣ,

какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, трудность состоитъ не въ херувимствѣ ознакомленія съ самими вещами и въ достиженіи требуемаго искусства обращаться съ ними, а не въ словахъ. Еслибъ не самое дѣло было трудно для матросовъ, а только слово, матросы навѣрное придумали бы легкія слова вмѣсто трудныхъ; а если не придумали, значитъ собственно словами-то они и не затрудняются.

Разгадка брошюры найдена: ребяческое непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Перечитываемъ съ этою мыслью брошюру, динность которой прежде вызывала у насъ строгое порицаніе лицамъ, написавшимъ и подписавшимъ ее,—и, пересматривая ее съ этой новой точки зрѣнія, мы уже чувствуемъ умиленіе; да и какъ не чувствовать его, читая слѣдующіе совѣты, обращенные къ цѣлому народу съ цѣлью наставить его на путь политической мудрости:

«Счастіе и благоденствіе преисполнены соблазна, и многіе, сохранившіе достоинство въ несчастіяхъ, предались искушеніямъ, когда видимое несчастіе отъ нихъ удалось».

«Гибельное сѣмя даетъ и гибельный плодъ».

«Гордость силъ вещественныхъ унижаетъ, чѣмъ гордость умственная и гордость душевная».

«Успѣхъ въ борьбѣ часто зависитъ отъ обстоятельствъ, которыми самое отчаянное мужество побѣдить не можетъ».

«Тѣлесное здорье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка».

«Наука расширяетъ предѣлы Богомъ даннаго намъ разума, уясняетъ наши понятія, просвѣтляетъ наши умственные взоры, раскрываетъ тайны міра божьяго и чудеса его творческой премудрости. Приобрѣтать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполненія воли Божіей, давшей намъ разумъ какъ поле многоплодное, которое не должно лежать въ залежи и порастать терніями невѣжества и ложныхъ мнѣній, но украшаться жатвою знанія и истины».

«Приобрѣтеніе высшаго нравственнаго развитія есть высшая задача для человѣка».

«Гордость есть великій и гибельный порокъ».

«Честно и праведно сражаться за родину».

«Сохранийте простоту своихъ нравовъ».

«Въ самыхъ почестяхъ и знакахъ отличія будьте осторожны».

«Общество отличаетъ и награждаетъ службу общественную, но это не должно подавать повода къ тщеславію».

«Презирайте роскошь».

«Не смѣшивайте предметовъ, служащихъ къ истинному удобству жизни съ предметами роскоши! Одни улучшаютъ жизнь, какъ и»

привлечь лучшее сѣвѣщеніе, крѣжкія и легкія ткани; а другія служатъ только къ нѣгѣ».

«Не употребляйте богатства на нѣгу и роскошь».

«Показывая уваженіе къ людямъ порочнымъ, общество дѣлается уважительномъ ихъ пороковъ».

«Права и милосердіе въ наказаніяхъ заключаются въ томъ, чтобы всякая несправедливая жестокость была устранена, и чтобы невинный невольно не страдалъ за виновнаго».

«Дайте совѣсти мѣсто въ судѣ гражданскомъ».

«Да будутъ у васъ правда выше всего».

«Всякая несправда—отъ лжи и темнаго духа».

«Обличайте неправду».

«Себялюбіе говоритъ о правѣ; братолюбіе говоритъ объ обязанности».

«Уважайте своихъ пастырей духовныхъ».

Такия назиданія очень хороши въ прописяхъ; употребительны и въ азбукахъ. Но напикивать ими программу, которая составляетъ для руководства народа въ государственной жизни, растягивать каждое изъ этихъ назиданій на цѣлыя страницы, и этими разсужденіями о вредѣ пороковъ и достоинствахъ добродѣтелей, о хорошихъ свойствахъ правды и о дурныхъ качествахъ діавола, отца лжи, наполнять политическія памфлеты могутъ только люди, до крайности скудные разумѣніемъ обстоятельствъ и потребностей исторической жизни, да и всякимъ разумѣніемъ чего бы то ни было. Для того, чтобы написать или подписать такую хрю, нужно стоять на той степени политическаго образованія, на какой стояли Аванасій Ивановичъ съ Пульхеріею Ивановною и Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Пріятно видѣть, что и въ такихъ людяхъ существуетъ склонность покалякать объ общественныхъ дѣлахъ.

Но пусть бы они калыкали между собою, въ своемъ уголкѣ, а не совались въ наставники другимъ народамъ. Какое право имѣютъ они срамить насъ передъ нашими славянскими братьями, выдавая себя передъ ними за представителей русскаго народа?

Бѣдные люди! они не знаютъ, что у послѣдняго мужика въ русской ли, въ сербской ли землѣ, или въ какой угодно другой землѣ, больше знанія государственной жизни, больше способностей понимать политическія дѣла, чѣмъ у нихъ. Жалкіе люди! они воображаютъ, что постигли богъ-знаетъ какую новую истину, додумавшись до того, что гордость вредна, а наука полезна, и съ важнымъ докторальнымъ видомъ поучаютъ сербовъ этой неслыханной между сербами премудрости. Понимаютъ ли они, какъ оскорбительно должно быть для сербовъ подобное назиданіе?

Вообразите себѣ, что чехи вздумали бы написать къ намъ русскимъ посланіе такого рода: «милые наши братья, русскіе! мы опытниѣе васъ въ государственной жизни. Потому выслушайте наши братскія предостереженія и совѣты; узнайте, милые братья, что тѣлесное здоровье есть одно изъ лучшихъ благъ для человѣка, потому старайтесь избѣгать болѣзней, не пресыщайтесь яствами; ибо многояденіе разстроиваетъ силы тѣлесныя; кромѣ того оно усыпляетъ силы душевныя. Милые братья наши, русскіе! если непріатели выйдутъ на вашу родину, то знайте, что вамъ надобно будетъ защищаться отъ нихъ, ибо сражаться за родину есть дѣло честное и праведное. Но паче всего, о милые наши братья, сохраняйте чистоту нравовъ и не предавайтесь порокамъ, какъ-то: роскоши, отцеубійству, братоубійству: вы можетъ быть не знаете, что грѣшно заниматься разбоемъ, — спросите объ этомъ своихъ пастырей духовныхъ, которыхъ уважайте, о милые братья», и т. д. и т. д. Что подумали бы мы, русскіе, прочитавъ такое посланіе къ своему народу? Не знаю какъ другіе русскіе, а я до глубины души возмутился бы такимъ тупоумнымъ высокомеріемъ и почелъ бы людей подписавшихъ посланіе ни больше, ни меньше, какъ самозванцами, которые только называютъ себя чехами, а на самомъ дѣлѣ — готтештоны.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПО ДѢЛУ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ЦЕНЗУРЫ.

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ).

Въ 64 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» напечатанъ отчетъ о первомъ засѣданіи «Коммисіи по дѣламъ книгопечатанія». Въ отчетѣ этомъ изложены предметы занятій коммисіи и, въ заключеніи, говорится между прочимъ, что «весьма бы желательно, чтобы гг. литераторы и редакторы періодическихъ изданій потрудились сообщить коммисіи свои мысли и соображенія по предметамъ ея занятій». Приглашая такимъ образомъ литературу къ участію въ своихъ трудахъ коммисія рассчитываетъ, вѣроятно, принять мнѣніе разныхъ литературныхъ органовъ въ руководство при «подробной разработкѣ каждаго отдѣльнаго вопроса этого многосложнаго дѣла». Но по разнымъ причинамъ надо сомнѣваться въ возможности полезнаго участія литературы въ этомъ дѣлѣ. Прежде всего, можетъ встрѣтиться разногласіе во взглядѣ на цензуру вообще, т. е. въ самой основѣ вопроса, и тогда всякое разсужденіе дѣлается невозможнымъ. Затѣмъ, только по напечатаніи проекта рѣшенія того или другаго изъ пунктовъ, сдѣлалась бы возможна критическая его оцѣнка. Наконецъ неизвѣстно еще, до какой степени свободенъ будетъ доступъ литературѣ въ эту область. Можетъ быть коммисіи угодно будетъ ознакомиться только съ мнѣніями извѣстнаго направленія; въ такомъ случаѣ другимъ мнѣніямъ нѣтъ надобности и заявлять о себѣ.

Все это разрѣшится весьма скоро, и каждый изъ литературныхъ дѣятелей получитъ ясное понятіе о томъ, насколько онъ можетъ и долженъ принимать участіе въ этомъ дѣлѣ.

Нѣсколько иной характеръ имѣеть вторая часть приглашенія коммиссiи: «ознакомить публику съ вопросами, до законодательства о печати относящимися». Цензура играла и играетъ первостепенную роль во всѣхъ сторонахъ народной жизни. Исторiя цензурныхъ учрежденiй была бы, въ настоящую минуту, важнѣе вслѣхъ исторiй философи, и обстоятельное изложенiе ея было бы до крайности поучительно. Не знаемъ, на сколько это было бы возможно, и откуда мы хотимъ ознакомить читателей вашего журнала только съ одной изъ сторонъ цензурнаго вопроса, которая имѣла всегда большое значенiе и получаетъ еще большее въ будущемъ.

Ни въ цензурномъ уставѣ, ни въ какомъ-либо изъ другихъ постановленiй о книгопечатанiи, нѣтъ у насъ прямого и точнаго указанiя о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за «преступленiя противъ печати». Въ прошлое время случалось, что не только за уклоненiя отъ формальностей, предписываемыхъ цензурнымъ уставомъ, но и за одобренныя цензурою сочиненiя, неоднократно подвергались одновременной отвѣтственности и цензоръ, и авторъ, и издатель, и типографъ. Это случалось не только у насъ, но постоянно случается и въ «другихъ образованныхъ государствахъ», съ тою только разницею, что за неимѣнiемъ цензоровъ, тамъ цензора и не отвѣчаютъ. Коммиссiя сама вызываетъ на «теоретическую оцѣнку законодательства о цензурѣ»... и съ теоретической-то стороны намъ и хотѣлось взглянуть на этомъ частный вопросъ.

Разсматриваться дѣло будетъ, конечно, совершенно абстрактно; вовсе не касаясь того или другаго изъ европейскихъ законодательствъ.

Авторъ пишетъ сочиненiе и, при посредствѣ издателя и типографа, выпускаетъ его въ свѣтъ. Правительство находитъ сочиненiе безнравственнымъ, вреднымъ, — словомъ, заслуживающимъ преслѣдованiя. Оно вчинаетъ искъ. Понятно, что при извѣстномъ взглядѣ на вещи, самое удобное — обвинить всѣхъ троихъ, поименованныхъ лицъ: такимъ образомъ приобретаея самая полная степень гарантiи, что охотниковъ на распространенiе безнравственныхъ сочиненiй будетъ являться мало. Но, съ другой стороны, *безнравственность* сочиненiя можетъ быть только одностороннею. Авторъ могъ почему нибудь увлечься въ одномъ изъ отдѣловъ своего труда, а книга сама по себѣ можетъ быть до крайности полезнаю. Между тѣмъ авторъ, поможимъ, арестовывается, подвергается денежному штрафу или запрещенiю печатать свои сочиненiя. Результатъ ясенъ: литература и наука лишаются одного дѣятеля; правительство, постоянно заботящееся о развитiи просвѣщенiя въ государствѣ, лишается одного изъ своихъ помощниковъ.

Издатель и типографъ также подвергаются денежному штрафу,

аресту или запрещенію продолжать свою дѣятельность. Очень понятно, что оба постараются, на послѣдующихъ изданіяхъ, наверстать вознагражденіе за всѣ протори и несправедности, которыя имъ пришлось перенести. Если же дѣятельность такихъ лицъ часто и неожиданно прекращается по распоряженію правительства, то преемники ихъ, очень понятно, впередъ уже обезпечать себя за рискъ, который несутъ. Книжки становятся дороже, менѣе доступны большинству и забота правительства о развитіи просвѣщенія опять оказывается тщетною. Надо еще прибавить, что въ книжномъ дѣлѣ кредитъ играетъ чуть ли не болѣе важную роль, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Очень рѣдко случается, чтобы книга, появляясь въ свѣтъ, была вполнѣ оплачена. Она представляетъ собою почти постоянно должника и автора, и типографа, и бумажнаго фабриканта, и словолитчика. Понятно, какъ подобныя *неточности* законодательства отзываются на этомъ кредитѣ.

Но правительство требуетъ цензуры, считаетъ ее необходимою, следовательно требуетъ и ответственности за нарушеніе ея правилъ. Спрашивается: какъ въ этомъ частномъ случаѣ возможно полнѣе оградить интересы умственной жизни общества?

При существованіи предупредительной цензуры нечего и говорить, что за какое бы то ни было литературное произведеніе, при появленіи котораго въ свѣтъ соблюдены были требуемыя формальности, всякая ответственность должна падать исключительно на цензора. Это дѣло понятно даже для самаго обыкновеннаго уровня здраваго смысла. Но предупредительная цензура отживаетъ, кажется, у насъ свой вѣкъ. По крайней мѣрѣ изъ общаго характера отчета комиссіи можно заключить, что будетъ что-то такое новое, болѣе похожее на цензуру карательную. Въ такомъ случаѣ изъ числа четырехъ лицъ, отбывавшихъ до сихъ поръ, одно выбываетъ. Комиссія не говоритъ также въ своемъ отчетѣ ничего положительнаго о родахъ взысканій, которыя будутъ введены за преступленія противъ печати. Но въ одномъ изъ пунктовъ распредѣленія ея занятій упоминается о *штрафѣ и залогѣ*. Можно, значитъ, заключить, что въ систему наказаній войдетъ новый, денежный элементъ.

Если какое нибудь законодательство хочетъ быть послѣдовательнымъ, то, вводя извѣстнаго рода взысканія, оно должно бы принять мѣры и къ тому, чтобы взысканіе это могло быть осуществимо на дѣлѣ. Подвергнуть аресту, ссылкѣ и пр. можно каждаго, который находится на лицѣ. Но денежнаго взысканія нельзя сдѣлать со всякаго; по очень простой причинѣ, что у многихъ нѣтъ денегъ. Литературные дѣятели книги — люди вообще весьма бѣдные, и мы не знаемъ, насколько денежные взысканія съ нихъ окажутся осуществимыми; такъ

что, собственно говоря, и введеніе-то ихъ въ законодательство еднѣ ли будетъ практично. Денежныя взысканія придется замѣнить другими, слѣдовательно, въ сущности, гораздо проще эти другія и ввести въ законодательство.

Впрочемъ, какова бы ни была система взысканій, вопросъ въ томъ, на кого они должны падать. Типографа слѣдуетъ совершенно исключить изъ числа отвѣтственныхъ лицъ. Въ большей части случаевъ онъ даже и не читаетъ произведеній, которыя печатаетъ; очень часто не понялъ бы ихъ — еслибъ и читалъ; а главное — и не долженъ бы вовсе читать ихъ, кромѣ какъ развѣ для того, чтобы уменьшить число опечатокъ. Въ каждой типографіи печатаются самыя разнообразныя книги, и полезныя, и бесполезныя. Если типографъ человѣкъ любознательный и образованный, онъ будетъ читать извѣстнаго рода книги, интересующія его; а читать всякую-всячину не имѣетъ ни малѣйшей надобности. Гораздо полезнѣе будетъ, если онъ глубже вникнетъ въ свое дѣло, будетъ заботиться о его усовершенствованіи и, такимъ образомъ, содѣйствовать уменьшенію расходовъ по печатанію книгъ. Чуть только на него будетъ падать тѣнь отвѣтственности за то, что будетъ печататься въ его типографіи, онъ станетъ трусить, обезпечивать свои матеріальныя выгоды, т. е. увеличивать цѣны на печатаніе и, безъ всякой пользы для правительства, соваться въ сужденія о книгахъ. Коммиссія имѣетъ полную возможность ввести тѣ формальности, которыя считаетъ нужными для типографій, и затѣмъ типографъ долженъ будетъ подвергаться отвѣтственности только за явное нарушеніе этихъ формальностей. Понятно, что коммиссія, имѣющая въ виду полезныя реформы, сама похлопочетъ, чтобы эти формальности облегчали и обезпечивали дѣятельность типографа, а не запутывали дѣло печатанья.

Остаются авторъ и издатель. Долженъ ли отвѣчать авторъ? Конечно долженъ будетъ, если заставить. Но основательно ли призывать его къ отвѣту за сочиненіе, которое правительство считаетъ вреднымъ? Нѣтъ. На образъ мыслей не высказываемый публично никакое правительство посягать не можетъ. Даже у нѣмцевъ есть пословица, что «Gedanken sind zollfrei.» Сочиненіе автора, пока оно не обнаружено, принадлежитъ исключительно этой, свободной отъ взысканій области; и только напечатанное и вынужденное въ свѣтъ оно можетъ почитаться правительствомъ вреднымъ. Большая часть законодательствъ «образованныхъ государствъ», — въ томъ числѣ и наше, — руководствуется, вообще говоря, совершенно подобными соображеніями. *Распространеніе* какого-либо противузаконнаго изобрѣтенія или сочиненія наказывается всегда строже, чѣмъ самое изобрѣтеніе или сочиненіе, а иногда только первое и наказывается.

Значитъ, когда дѣло и дѣлится о вредномъ на взглядъ правительства сочиненіи, наказаніе должно падать исключительно на того, кто его обнародовалъ, т. е. на издателя, — а на автора только въ томъ случаѣ, когда онъ самъ является и издателемъ. Дѣло автора — дѣло труда, часто очень долгаго, упорнаго, — убѣжденія, часто очень глубокаго, искренняго. Занявшись какимъ-нибудь изслѣдованіемъ, онъ не имѣетъ возможности остановиться тамъ, гдѣ указываетъ ему правительственное распоряженіе, — если логическая послѣдовательность мысли ведетъ его далѣе. Онъ часто вовсе не даетъ себѣ отчета, что выходитъ изъ той сферы, границы которой указываетъ ему законодательство. Онъ можетъ быть вовсе не желаетъ полемизировать съ правительствомъ и враждебно относиться къ тому или другому изъ его видовъ. Ученый или литераторъ переносящій свои научныя убѣжденія въ жизнь — дѣло весьма рѣдкое. Германія представляетъ этому лучшее доказательство. Какая страна произвела большее количество ученыхъ? И въ какой странѣ болѣе развито уваженіе къ религіи, къ семьѣ, къ правительственной власти въ той ихъ формѣ, которую такъ заботливо охраняютъ европейскія законодательства. Люди науки и литературы — люди абстрактные. Лично они бываютъ очень рѣдко враждебны правительству; поэтому ихъ и преслѣдовать — не за что. Сочиненія же ихъ, — мы уже сказали, — получаютъ значеніе только по обнародованію; а слѣдовательно и кара за нихъ, если она нужна правительству, должна падать исключительно на тѣхъ, кто ихъ обнародовалъ.

Съ другой стороны, издатель въ большей части случаевъ — человекъ коммерческій. Онъ рѣдко руководствуется пользою того, что издаетъ; а руководствуется только требованіями публики. Цель его — попасть въ тонъ этихъ требованій, издать книгу, которая надѣлала бы шуму, быстро бы разошлась и доставила бы ему хорошия барыши. Все, значитъ, говорить за то, чтобы на издателя падала отвѣтственность за появленіе книги: и юридическія понятія, и здравый смыслъ. А когда появленіе книги будетъ караться денежнымъ штрафомъ — то и толковать нечего: авторъ часто не получаетъ за свой трудъ и десятой доли того, что можетъ потребовать отъ него судъ, за появленіе книги.

Намъ могутъ возразить, что вездѣ, гдѣ существуетъ цензура, авторъ отвѣчаетъ за свое произведеніе. Мы вполне соглашаемся съ этимъ, но скажемъ: что во 1-хъ, это еще не резонъ, а во 2-хъ, что это еще намъ не указъ. Мы не можемъ себя равнять съ Англіей или Франціей. Напримѣръ, державы эти заключили между собою конвенцію о литературной собственности. Французы очень много переводятъ съ англійскаго, англичане — очень много съ французскаго. Ни та, ни

другая сторона не остается, вѣроятно, въ складѣ. Не попробуй мы заключить подобную конвенцію хоть съ Франціей, намъ пришлось бы только больше посылать денегъ французамъ; а сами бы мы ничего не получали. Никто изъ французовъ не сталъ бы переводить русскихъ сочиненій. Развѣ г. Дюма перевелъ бы что-нибудь въ родѣ «Maison de Glace», да заставилъ бы платить за свой переводъ тѣхъ, кто не рѣшился прочесть «Ледяной домъ» по-русски. То же самое можно сказать и по поводу ответственности авторовъ за ихъ сочиненія: экономія талантовъ и знаній у насъ слишкомъ важна, особенно теперь, когда правительство такъ часто обращается за мнѣніями къ литературѣ.

Коммиссія полагаетъ, еще, что «сравнительное изложеніе законодательства другихъ образованныхъ государствъ; и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи». Съ мнѣніемъ этимъ согласиться трудно: одно доказательство мы только-что представили. Кромѣ того, надо сказать, что цензура есть не естественное, а искусственное явленіе государственной жизни. Въ каждой странѣ она требуетъ много. Людовикъ-Наполеонъ, напримѣръ, требуетъ отъ литературы совсѣмъ не того, чего требуетъ король прусскій или императоръ австрійскій. А русская государственная жизнь складывается такъ своеобразно, что во французскихъ и другихъ наставленіяхъ не встрѣчалось до сихъ поръ большой надобности и мало предстоитъ вѣроятностей, чтобы встрѣтилось въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, правительство само, безъ указаній литературы, сумѣетъ воспользоваться тѣми наставленіями складныхъ государствъ, которыя сочтетъ для себя практичными.

Объ издательской дѣятельности, о средствахъ къ улучшенію и огражденію кофалства русской литературы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

И. — ВѢСЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АСМОДЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(Отцы и дѣти. Романъ Тургенева. «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 2, февраль).

«Печально гляжу я на наше поколѣнье....»

Всѣмъ интересующимся литературой и близкимъ къ ней извѣстно было по печатнымъ и устнымъ слухамъ, что г. Тургеневъ имѣетъ художественный замыселъ сочинить романа; изобразить въ немъ современное движеніе русскаго общества; высказать въ художественной формѣ свой взглядъ на современное молодое поколѣніе и разъяснить свои отношенія къ нему. Нѣсколько разъ стоустная молва разносила вѣсть, что романъ уже готовъ, что онъ печатается и скоро выйдетъ въ свѣтъ; однако романъ не появлялся, говорили, что авторъ приостановилъ печатаніе его, передѣлывалъ, исправлялъ и дополнял свое произведеніе, затѣмъ снова отдавалъ въ печать и снова принимался за его передѣлку. Всѣмъ овладѣло нетерпѣніе; нетерпѣливое ожиданіе напряжено было до высшей степени; всѣмъ хотѣлось поскорѣй увидѣть новое произведеніе знаменитаго симпатическаго художника и любимаго публики. Самый предметъ романа возбуждалъ живѣйшій интересъ: талантъ г. Тургенева обращается на современное молодое поколѣніе; поэтъ вглядѣлся за юность — весну жизни, самый поэтический сюжетъ. Молодое поколѣніе, всегда доврчивое, заранѣе

усплаждалось надеждой увидѣть свой портретъ, нарисованный искусною рукою симпатическаго художника, который будетъ содѣйствовать развитію его самосознанія и сдѣлается его руководителемъ; оно посмотритъ на самаго себя со стороны, критически взглянетъ на свое изображеніе въ зеркалѣ таланта, и лучше пойметъ себя, свои достоинства и недостатки, свое призваніе и назначеніе. И вотъ желанный часъ насталъ; давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемый и нѣсколько разъ предсказанный романъ явился наконецъ подгѣ «Геологическихъ очерковъ Кавказа»; ну, разумѣется, всѣ отъ мала до велика съ жаромъ бросились на него, какъ голодные волки на добычу.

И начинается всеобщее чтеніе романа. Съ первыхъ же страницъ, къ величайшему удивленію читающаго, нѣтъ овладѣваетъ нѣкотораго рода скука; но разумѣется, вы этимъ не смущаетесь и продолжаете читать, надѣясь, что дальше будетъ лучше, что авторъ войдетъ въ свою роль, что талантъ возьметъ свое и невольно увлечетъ ваше вниманіе. А между тѣмъ и дальше, когда дѣйствіе романа развертывается предъ вами вполне, ваше любопытство не шевелится, ваше чувство остается нетронутымъ; чтеніе производитъ на васъ какое-то неудовлетворительное впечатлѣніе, которое отражается не на чувствѣ, а что всего удивительнѣе, — на умѣ. Васъ обдаетъ какинь-то мертвящимъ холодомъ; вы не живете съ дѣйствующими лицами романа, не проникаетесь ихъ жизнію, а начинаете холодно разсуждать съ ними, или, точнѣе, слѣдить за ихъ разсужденіями. Вы забываете, что передъ вами лежитъ романъ талантливаго художника, и воображаете, что вы читаете морально-философскій трактатъ, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тѣмъ самымъ производитъ непріятное впечатлѣніе и на ваше чувство. Это показываетъ, что новое произведеніе г. Тургенева крайне неудовлетворительно въ художественномъ отношеніи. Давнишнихъ и недавнихъ поклонниковъ г. Тургенева не цоправится такой отзывъ объ его романѣ, они найдутъ его рѣзкимъ и даже, пожалуй, несправедливымъ. Да признаемся, мы и сами удивились тому впечатлѣнію, которое произвели на насъ «Отцы и дѣти». Мы, правда, и не ожидали отъ г. Тургенева чтонибудь особеннаго и необыкновеннаго, какъ не ожидали върочно и всѣ тѣ, кто помнитъ его «Первую любовь»; но и въ ней все-таки были сцены, на которыхъ можно было остановиться не безъ удовольствія и отложить послѣ разныхъ, совершенно не поэтическихъ причудъ героини. Въ новомъ романѣ г. Тургенева нѣтъ даже и подобныхъ сценокъ; вездѣ укрыться отъ удушливаго зноя странныхъ разсужденій и хоть на минуту освободиться отъ непріятнаго раздражительнаго впечатлѣнія, производимаго общими ходомъ изображаемыхъ дѣйствій и сценъ. Что всего удивительнѣе, въ новомъ произведеніи г. Тургенева нѣтъ

даже того: вскопеченческаго анализа, съ которымъ онъ бывало прежде разбиралъ игру чувствъ у своихъ героевъ, и который пріятно ценителъ чувство читателя; нѣтъ художественныхъ изображеній картинъ природы, которыми, дѣйствительно, нельзя было не замодобовать-ся, и которыя доставали всякому читателю. нѣсколько минутъ наслажденія чистаго и свободнаго, и невольно располагали его симпатизировать автору и благодарить его. Въ «Отцахъ и дѣтахъ» онъ спустился на описанія, не обращаетъ вниманія на природу; послѣ незначительныхъ отступленій, онъ торопится къ своимъ героямъ, бережетъ мѣсто и силы для чего-то другаго, и вмѣсто полныхъ картинъ вводитъ одни только штрихи, да и то неважные и нехарактеристическіе, въ родѣ того, что «одни пѣтухи задорно перекликались на деревнѣ; да гдѣ-то высоко въ верхушкѣ деревьевъ звенѣтъ влажнымъ призывомъ немолчный пискъ молодого вострѣбка» (стр. 580).

Все вниманіе автора обращено на главнаго героя и другихъ дѣйствующихъ лицъ, — впрочемъ не на ихъ личности, не на ихъ душевныя движенія, чувства и страсти, а почти исключительно на ихъ разговоры и разсужденія. Оттого въ романѣ, за исключеніемъ одной старушки, нѣтъ ни одного живаго лица и живой души, а все только отвлеченныя идеи и разныя направленія, олицетворенныя и названныя собственными именами. Существуетъ, напримѣръ, у насъ такъ называемое отрицательное направленіе и характеризуется извѣстнымъ образомъ мыслей и воззрѣній. Г. Тургеневъ взялъ, да и назвалъ его Евгеніемъ Васильевичемъ, который и говоритъ въ романѣ: «—отрицательное направленіе, мои мысли и воззрѣнія вотъ, такія-то и такія. Серьезно, буквально такъ! Есть также на свѣтѣ порокъ, который зовется непочтительностью къ родителямъ и выражается извѣстными поступками и словами. Г. Тургеневъ и назвалъ его Аркадіемъ Николаевичемъ, который и творитъ эти поступки и говоритъ эти слова. Эмансипація женщины, напримѣръ, названа Eudoxie Кукишиной. На такомъ фокусѣ построенъ весь романъ; всѣ личности въ немъ — это идеи и взгляды, наряженные только въ личную, конкретную форму. — Но все это ничего, каковы бы, ни были личности; а главное и къ этимъ несчастнымъ, безжизненнымъ личностямъ г. Тургеневъ, — душа высоко-поэтическая и всему симпатизирующая, — не имѣетъ ни малѣйшей жалости, ни капли сочувствія и любви, того чувства, которое зовется гуманнымъ. Главнаго своего героя и его пріятелей онъ презираетъ и ненавидитъ отъ всей души; чувство его къ нимъ не есть впрочемъ высокое негодованіе поэта вообще и ненависть сатирика въ частности, которыя бывають обращены не на личности, а на слабости и недостатки, замѣчаемыя въ личностяхъ, и сила которыхъ при-

мо пропорціональна той любви, какую ноетъ и сатирикъ питають къ своимъ героямъ. Ужь это избитая истина и общее мѣсто, что истинный художникъ относится къ своимъ несчастнымъ героямъ не только съ видимымъ смѣхомъ и негодованіемъ, но и съ незримыми слезами и невидимою любовью; онъ страдаетъ и болитъ сердцемъ изъ-за того, что видитъ въ нихъ слабости; онъ считаетъ какъ бы своимъ собственнымъ несчастіемъ то обстоятельство, что у другихъ людей, ему подобныхъ, есть недостатки и пороки; онъ говоритъ объ нихъ съ презрѣніемъ, но вмѣстѣ и съ сожалѣніемъ, какъ о своемъ собственномъ горѣ. Г. Тургеневъ относится къ своимъ героямъ, не фаворитамъ его, совершенно иначе. Онъ питаетъ къ нимъ какую-то личную ненависть и неприязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую нибудь обиду и пакость и онъ старается отомстить имъ на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно скрываемымъ злорадствомъ и только для того, чтобы унижить героя въ глазахъ читателей:—«посмотрите, дескать, какіе негодли мои враги и противники». Онъ дѣтски радуется, когда ему удастся уколотъ чѣмъ нибудь нелюбимаго героя, состричь надъ нимъ, представить его въ смѣшномъ, или пошломъ и мерзкомъ видѣ; каждый промахъ, каждый необдуманый шагъ героя пріятно щекочетъ его самолюбіе, вызываетъ улыбку самодовольствія, обнаруживающую гордое, но мелкое и негуманное сознаніе собственного превосходства. Эта мстительность доходитъ до смѣшного, имѣетъ видъ школьныхъ щипковъ, обнаруживаясь въ мелочахъ и пустякахъ. Главный герой романа съ гордостью и заносчивостью говоритъ о своемъ искусствѣ въ картежной игрѣ; а г. Тургеневъ заставляетъ его постоянно проигрывать; и это дѣлается не для шутки, не для того, для чего, напримѣръ, мистеръ Винкель, хвастающійся мѣткостью стрѣльбы, вмѣсто вороны попадаетъ въ корову, а для того, чтобы уколотъ героя и уязвить его гордое самолюбіе. Героя пригласили сразиться въ преферансъ; онъ согласился, остроумно намекнувъ, что обыграетъ всѣхъ. «А между тѣмъ», замѣчаетъ г. Тургеневъ, «герой все ремизился, да ремизился. Одна особа мастерски играла въ карты; другая тоже могла постоять за себя. Герой остался въ проигрышѣ, хотя незначительномъ, но все-таки не совсемъ пріятномъ.» — «Отецъ Алексѣй, говорили герою, и въ карточки не прочь поиграть. Что же, отвѣчалъ онъ, засядешь въ ерлапъ и я его обыграю. Отецъ Алексѣй сѣлъ за зеленый столъ съ умѣреннымъ изъясненіемъ удовольствія и кончилъ тѣмъ, что обыгралъ героя на 2 руб. 50 коп. ассигнаціями.»—А что? обыгралъ? не стыдно, не стыдно, а еще хвастался! — говорятъ обыкновенно въ

такихъ случаяхъ школьники своимъ товарищамъ, посрамленнымъ хвастунамъ. Потомъ, г. Тургеневъ старается выставить главнаго героя обжорой, который только и думаетъ о томъ, какъ бы поѣсть и попить; и это опять дѣлается не съ добродушіемъ и комизмомъ, а все съ тою же жестительностью и желаніемъ унижить героя; даже разсказъ объ обжорствѣ Пѣтуха написанъ спокойнѣе и съ большимъ сочувствіемъ со стороны автора къ своему герою. При всѣхъ сценахъ и случаяхъ ѣды, г. Тургеневъ какъ бы ненарочно замѣчаетъ, что герой «говорилъ мало, а ѣлъ много»; приглашаютъ ли его куданибудь, онъ прежде всего спрашивается будетъ ли ему шампанскос, и ужь если доберется до него, то теряетъ даже свою страсть къ словоохотливости, «изрѣдка скажетъ слово, а все больше занимается шампанскимъ». Это личное нерасположеніе автора къ своему главному герою проявляется на каждомъ шагу и невольно возмущаетъ чувство читателя, которому наконецъ становится досадно на автора, зачѣмъ онъ такъ жестоко поступаетъ съ своимъ героемъ и такъ злобно издѣвается надъ нимъ, зачѣмъ онъ наконецъ лишаетъ его всякаго смысла и всѣхъ человѣческихъ свойствъ, зачѣмъ вкладываетъ въ его голову мысли, въ его сердце чувства, совершенно несообразныя съ характеромъ героя, съ другими его мыслями и чувствами. Въ художественномъ отношеніи это означаетъ невыдержанность и неестественность характера, — недостатокъ, состоящій въ томъ, что авторъ не умѣлъ изобразить своего героя такъ, чтобы онъ постоянно оставался вѣренъ самому себѣ. На читателя такая неестественность производитъ то дѣйствіе, что онъ начинаетъ не довѣрять автору и невольно становится адвокатомъ героя, признаетъ невозможными въ немъ тѣ медвѣдьяныя мысли и то безобразное сочетаніе понятій, какое приписываетъ ему авторъ; доказательства и улики на лицо въ другихъ словахъ самаго же автора, относящихся къ тому же герою. Герой, изволите видѣть, медикъ, молодой человѣкъ, по словамъ самаго же г. Тургенева, до страсти, до самоотверженія преданный своей наукѣ и занятіямъ вообще; ни на одну минуту не расстаётся онъ съ своими инструментами и аппаратами, постоянно занятъ опытами и наблюденіями; гдѣ бы онъ ни былъ, куда бы ни явился, тотчасъ же при первой удобной минутѣ онъ начинаетъ ботанизировать, заниматься ловлей лягушекъ, жуковъ, бабочекъ, анатомируетъ ихъ, рассматриваетъ подъ микроскопомъ, подвергаетъ химическимъ реакціямъ; по выраженію г. Тургенева, онъ всюду носилъ съ собою «какой-то медицинско-хирургическій запахъ»; для науки онъ жизни не боится и умеръ отъ зараженія при анатомированіи тифознаго труна. И вдругъ г. Тургеневъ хочетъ увѣрять насъ, что этотъ человѣкъ — мелкій хвастунишка и влячущика, гонимый за шампанскимъ; и утверждаетъ, что онъ не

имѣть любви ни къ чему, ни даже къ наукѣ, что онъ не признаетъ науки, не вѣритъ въ нее, что онъ даже презираетъ медицину и смѣется надъ ней. Натуральное ли это дѣло? ужь не слишкомъ ли авторъ разгнѣвался на своего героя? Въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что герой «владѣлъ особеннымъ умѣньемъ возбуждать къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, хотя онъ никогда не потакалъ имъ и обходился съ ними небрежно» (стр. 488); «слуги барскіе привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ; Дуныша охотно съ нимъ хихикала; Петръ, человѣкъ до крайности самолюбивый и глупый, и тотъ ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только герой обращалъ на него вниманіе; дворовые мальчишки бѣгали за «дохтуромъ» какъ собачонки» и даже вели съ нимъ ученые разговоры и диспуты (стр. 512). Но несмотря на все это, въ другомъ мѣстѣ изображается комическая сцена, въ которой герой не умѣлъ и двухъ словъ сказать съ мужиками; мужики не могли понять того, кто говорилъ понятно даже съ дворовыми мальчишками. Его разсужденія съ мужикомъ, этотъ послѣдній охарактеризовалъ такъ: «баринъ болталъ кое-что, языкъ почесать захотѣлось. Извѣстно, баринъ; развѣ онъ что понимаетъ?» Авторъ и тутъ не утерпѣлъ, и при сей вѣрной okazji вставилъ шпильку герою: «увылъ а еще хвастался, что умѣетъ говорить съ мужиками» (стр. 647).

И подобныхъ несообразностей въ романѣ довольно. Почти на каждой страницѣ видно желаніе автора, во что бы то ни стало, увидѣть героя, котораго онъ считалъ своимъ противникомъ, и потому изваживалъ на него всевозможныя нелѣпости и всячески издѣвался надъ нимъ, разсыпаясь въ островахъ и колкостяхъ. Это все позволительно, умѣстно, пожалуй даже хорошо въ какой нибудь полемической статьѣ; а въ романѣ это вопіющая несправедливость, уничтожающая поэтическое дѣйствіе его. Въ романѣ герой противникъ автора есть существо беззащитное и безответное, онъ весь въ рукахъ автора и безмолвно принужденъ выслушивать всякія небылицы, какія взводятся на него; онъ въ томъ же положеніи, въ какомъ находились противники въ ученыхъ трактатахъ, написанныхъ въ видѣ разговорель. Въ нихъ авторъ ораторствуетъ, говоритъ всегда умно и резонно, тогда какъ его противники представляются жалкими и ограниченными дурачками, которые слова не умѣютъ сказать порядочно, а не то чтобы представить какое нибудь дѣльное возраженіе; что бы они ни сказали, авторъ все опровергаетъ самымъ нобѣдоноснымъ образомъ. Изъ разныхъ мѣстъ романа г. Тургенева видно, что главный герой его человѣкъ не глупый, — напротивъ, очень способный и даровитый, любознательный, прилежно занимающійся и много знающій; а между тѣмъ въ спорахъ онъ совершенно теряется, высказываетъ бессмыслицы и проповѣдуетъ нелѣпости, неприспособленныя самому огра-

ничешному уму. Поэтому, какъ только г. Тургеневъ начинаетъ острить и надѣваться надъ своимъ героемъ, такъ и кажется, что еслибы герой былъ живое лицо, еслибы онъ могъ освободиться отъ безмолвія и заговорить самостоятельно отъ себя, то онъ на-повалъ сразилъ бы г. Тургенева, посмѣялся бы надъ нимъ гораздо остроумнѣе и основательнѣе, такъ что самому г. Тургеневу пришлось бы тогда играть жалкую роль безмолвія и безотвѣтности. Г. Тургеневъ черезъ какого-то изъ своихъ фаворитовъ спрашиваетъ героя: «вы отрицаете все? не только искусство, поэзію.... но и .... страшно вымолвить.... Все, съ невыразимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ герой» (стр. 517). Конечно, отвѣтъ неудовлетворительный; но какъ знать, живой-то герой можетъ быть отвѣтъ бы: «Нѣтъ», и прибавилъ бы: мы отрицаемъ только ваше искусство, вашу поэзію, г. Тургеневъ, ваше и; но не отрицаемъ и даже требуемъ другаго искусства и поэзіи, другаго и, хоть такого и, какое представлялъ себѣ, напримѣръ, Гёте, такой же поэтъ, какъ и вы, однако отрицавшій ваше и. — О нравственномъ характерѣ и нравственныхъ качествахъ героя и говорить нечего; это не человекъ, а какое-то ужасное существо, просто дьяволъ, или, выражаясь болѣе поэтически, асмодей. Онъ систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терять не можетъ, и оканчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ безпощадною жестокостію. Никогда ни одно чувство не закрадывалось въ его холодное сердце; не видно въ немъ и слѣда какого нибудь увлеченія или страсти; самую ненависть онъ отпускаетъ расосчитанно, по грамамъ. И замѣйте, этотъ герой—молодой человекъ, юноша! Онъ представляется накинъ-то ядовитымъ существомъ, которое отравляетъ все, къ чему ни прикоснется; у него есть другъ, но и его онъ презираетъ и къ нему не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія; есть у него послѣдователи, но и ихъ онъ такъ же ненавидитъ. Всѣхъ вообще подчиняющихся его вліянію онъ учитъ безнравственности и беземыслию; ихъ благородные инстинкты и возвышенные чувства онъ убиваетъ своею презрительной масивской, и ею же онъ удерживаетъ ихъ отъ всякаго добраго дѣла. Женщина, добрая и возвышенная по натурѣ, сначала увлекается имъ; до потомъ, узнавъ его ближе, съ ужасомъ и омерзѣніемъ отъ него отварачивается, отшатывается и «обтирается платкомъ». Она даже позволятъ себѣ презрительно относиться къ отцу Алексію, священнику, челебѣку «очень хорошему и расудительному», который однако зло остритъ надъ нимъ и обзываетъ его въ картахъ. Показанному г. Тургеневъ хотѣлъ изобразить въ своемъ героѣ, какъ говорится, демоническую или байроническую натуру, что-то въ родѣ Гамлета; но съ другой стороны онъ придаетъ ему черты, по которымъ эта натура кажется самую ду-

жинною и даже пошлою, но крайней мѣрѣ весьма далекою отъ демонизма. И отъ этого въ дѣломъ выходитъ не характеръ, не живая личность, а каррикатура, чудовище съ крошечной головой и гигантскимъ ртомъ, съ маленькимъ лицомъ и преобладающимъ носомъ, и притомъ каррикатура самая злостная. Авторъ до того зомь на своего героя, что не хочетъ простить его и примириться съ нимъ даже предъ его смертию, въ ту, выражаясь ораторски, священную минуту, когда герой одною ногою стоитъ уже на краю гроба, — поступокъ совершенно неспасимый въ символическомъ художествѣ. Кромѣ священности минуты, одно благоразуміе должно было смягчить негодование автора; герой умирать, — учить и облачать его поздне и бесполезно, умижать его предъ читателемъ незачѣмъ; руки его скоро онечѣютъ и онъ не можетъ сдѣлать автору никакого вреда, хоть бы и хотѣлъ; кажется, и слѣдовало бы оставить его въ покое. Такъ нѣтъ же; герой, какъ медикъ, очень хорошо знаетъ, что ему остается до смерти нѣсколько часовъ; онъ призываетъ къ себѣ женщину, къ которой онъ питаетъ не любовь, а что-то другое, не похожее на настоящую возвышенную любовь. Она пришла, герой и говоритъ ей: «старая штука смерть, а каждому вновь. До сихъ поръ не трушу.... а гадъ придетъ безпамятство, и оштыт! Ну, чтожь мнѣ сказать вамъ.... Что я любилъ васъ? это и прежде не имѣло никакого смысла, а теперь и подавно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается. Снажу я лучше, что какая вы славная! И теперь вотъ вы стоите, такая арасивая».... (Читатель дальше все же увидитъ, какой гадкій смыслъ заключается въ зникъ словакъ). Она подошла къ нему поближе и онъ опять заговорилъ: «ахъ, какъ близко, и какая молодая, свѣжая, чистая.... съ этой гадкой комнатъ!...» (стр. 657). Отъ этого фанкаго и динка диссонанса терлетъ всякое поэтическое значеніе во-всѣмъ написанная картина смерти героя. А между тѣмъ въ эпилогъ есть картинки; нарочито поэтическія, и жившія въ виду разлагать сердца читателей и навести ихъ на грустную мечтательность, и совершенно недостигающія своей цѣли, благодаря указанному диссонансу. На могилѣ героя растутъ двѣ молодые ели; отецъ и мать его — «два уже драхлые старичка» — приходятъ на могилу, горько плачутъ и молятся о сынѣ. «Неужели ихъ молитвы, ихъ слезы, бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О, мнѣт! Какое бы страстное, грѣшное, бунтующее сердце ни скрылось въ магилѣ, мнѣтмъ, растущіе на ней, безмятежно глядятъ на насъ своими невнимательными глазами: не объ одномъ вѣчномъ сподойствіи говорятъ намъ они, о томъ вслшномъ спокойствіи «равнодушной» природы; они говорятъ также о вѣчномъ примиреніи и о жизни безжощепной» (стр. 663). Кажется, чего же лучше; все прекрасно и поэтично, и старички, и ели,

ни единичные взгляды и цѣлкомъ; не все это шипура и фразы, даже неостершимымъ послѣ того, какъ изображена смерть героя. И у автора не воротывается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безвѣчной жизни, послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безвѣчной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія со своимъ умирающимъ героемъ; который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видошъ ея предестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть. Очень мало! Вотъ такую поэзію и искусство стѣбать и отрицать и порицать; на словахъ они унизительно поютъ о любви и ширѣ, а на дѣлѣ оказываются эгоистичными и непримиримыми. — Вообще въ художественномъ отношеніи романъ совершенно неудовлетворителенъ, чтобы не сказать болѣе изъ уваженія къ таланту г. Тургенева, къ его прежнимъ заслугамъ и къ его многочисленнымъ почитателямъ. Общей нити, общаго дѣйствія, которое связывало бы всѣ части романа, нѣтъ; все какія-то отдѣльныя рамеодія. Выводятся личности совершенно лишнія, unnecessary для чего фигурирующія въ романѣ; такова, напримеръ, княжна Х...ая; она явилась нѣсколько разъ къ обѣду и къ чаю въ романѣ, посидѣла на «шипркомъ бархатномъ креслѣ» и потомъ умерла, «забытая въ самый день смерти». Есть нѣсколько и другихъ личностей совершенно случайныхъ, выведенныхъ только для мебели.

Впрочемъ эти личности, какъ и всѣ другія въ романѣ, непостижимымъ или ненужнымъ собственно въ художественномъ отношеніи; но онѣ нужны были г. Тургеневу для другихъ цѣлей, чуждыхъ искусству. Съ точки зрѣнія этихъ цѣлей мы смѣшаемъ даже, для чего явилась княжна Х...ая. Дѣло въ томъ, что послѣдній романъ его написанъ съ тенденціями, съ ясно и рѣзко выступающими теоретическими цѣлями. Это романъ дидактическій, настоящій учебный трактатъ, написанный въ разговорной формѣ; и каждое выведенное лицо служитъ выраженіемъ и представителемъ известнаго мнѣнія и направленія. Вотъ какъ могучъ и силенъ духъ времени! «Русскій Вѣстникъ» говорить, что въ настоящее время нѣтъ ни одного ученаго, не исключая, конечно, и его самого, который бы не кустился при случаѣ отпалысывать тревана. Также точно можно сказать, что въ настоящее время нѣтъ ни одного художника и поэта, который бы не рѣшился при случаѣ себѣ что-нибудь съ тенденціями. Г. Тургеневъ, главный представитель и слуга чистаго искусства для искусства, творецъ «Записокъ охотника» и «Первой любви», оставилъ свою службу искусству и сталъ поработать его разнымъ теоретическимъ соображеніямъ и практическимъ цѣлямъ и написалъ романъ съ тенденціями; — обстоятельство очень характерное и замѣчательное! Какъ видно изъ самаго заглавія романа; авторъ хочетъ изобразить въ немъ ста-

рое и молодое поколѣніе, отцовъ и дѣтей; и дѣйствительно онъ выводитъ въ романѣ нѣсколько экземпляровъ отцовъ и еще больше экземпляровъ дѣтей. Отцами онъ занимается мало, отцы во большей части только спрашиваютъ, задаютъ вопросы, а дѣти уже отвѣчаютъ на нихъ; главное вниманіе его обращено на молодое поколѣніе, на дѣтей. Онъ старается охарактеризовать ихъ сколько возможно полнѣе и многостороннѣе, описываетъ ихъ тенденціи, излагаетъ ихъ общія философскія воззрѣнія на науку и жизнь, ихъ взгляды на поэзію и искусство, ихъ понятія о любви, объ эмансипаціи женщинъ, объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ, о бракѣ; и все это представляется не въ поэтической формѣ образовъ, а въ прозаическихъ разговорахъ, въ логической формѣ предложеній, выраженій и словъ.

Какъ же представляетъ себѣ современное молодое поколѣніе г. Тургеневъ, нашъ художественный Несторъ, нашъ поэтической корифей? Онъ видимо нерасположенъ къ нему, относится къ дѣтямъ даже враждебно; отцамъ онъ отдаетъ полное преимущество во всемъ и всегда старается возвысить ихъ на счетъ дѣтей. Одинъ отецъ, фаворитъ автора, говоритъ: «отложивъ всякое самлюбіе въ сторону, мнѣ кажется, что дѣти дальше отъ истины, нежели мы; но я чувствую, что за ними есть какое-то преимущество надъ нами.... Не въ томъ ли состоитъ это преимущество, что въ нихъ *меньше слезовъ барства*, чѣмъ въ насъ?» (стр. 523). Это одна и единственная хорошая черта, которую признаетъ г. Тургеневъ въ молодомъ поколѣніи, ею оно только и можетъ утѣшаться; во всемъ остальномъ молодое поколѣніе удалено отъ истины, блуждаетъ по дебрямъ заблужденія и лжи, которая убиваетъ въ немъ всякую поэзію, приводитъ его къ челоуѣконенавидѣнію, отчаянію и бездѣйствію, или къ дѣятельности, но безсмысленной и разрушительной. Романъ есть ничто иное, какъ безпощадная и тоже разрушительная критика молодаго поколѣнія. Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму. Однимъ словомъ, г. Тургеневъ смотритъ на современные принципы молодаго поколѣнія такъ, какъ гг. Никола Безрыловъ и Писемскій, т. е. не признаетъ за ними никакого дѣйствительнаго и серьезнаго значенія и просто издѣвается надъ ними. Замѣтчики г. Безрылова старались оправдать его знаменитый фельетонъ и представляли дѣло въ такомъ видѣ, будто бы онъ грязно и циничски издѣвается не надъ самыми принципами, а только надъ уклоненіями отъ нихъ, и когда онъ говоритъ, наприимѣръ, что эмансипація женщины есть требованіе для ней полной свободы въ разгульной и развратной жизни, то выражалъ этимъ не свое соб-

ственное понятіе объ эмансипации, а понятія другихъ, которыя онъ и хотѣлъ будто бы осмыслить; и что онъ вообще говорилъ только о злоупотребленіяхъ и перетолкованіяхъ современныхъ вопросовъ. Найдутся, можетъ быть, охотники, которые посредствомъ такого же натянутого пріема захотятъ оправдывать и г. Тургенева, скажутъ имъ и изображая молодое поколѣніе въ смѣшномъ, каррикатурномъ и даже нелѣпомъ видѣ, онъ видалъ въ виду не молодое поколѣніе вообще, не лучшихъ его представителей, а только самыхъ жалкихъ и ограниченныхъ дѣтей, что онъ говоритъ не объ общемъ нравствѣ, а только объ его исключеніяхъ; что онъ издѣвается только надъ тѣмъ молодымъ поколѣніемъ, которое выведено въ его романѣ, какъ худшее, а вообще онъ уважаетъ его. Современныя воззрѣнія и тенденціи, могутъ сказать защитники, утравированы въ романѣ, поняты слишкомъ поверхностно и односторонне; во такое ограниченное пониманіе ихъ принадлежитъ не самому г. Тургеневу, а его героямъ. Когда, на примѣръ, въ романѣ говорится, что молодое поколѣніе слѣдуетъ отрицательному направленію слѣпо и безсознательно не потому, чтобъ оно увѣрено было въ несостоятельности того, что оно отрицаетъ, а просто только вълѣдствіе ощущенія;—то это, могутъ сказать защитники, не значитъ, чтобъ самъ г. Тургеневъ думалъ такимъ образомъ о происхожденіи отрицательнаго направленія, —онъ хотѣлъ только сказать этимъ, что есть люди, которые думаютъ такъ, и есть уроды, относительно которыхъ вѣрно такое мнѣніе.

Но подобное оправданіе г. Тургенева будетъ неосновательно и неидѣйствительно, какія бы оно и было по отношенію къ г. Безрылову. Романъ г. Тургенева не есть произведеніе чисто объективнаго; въ немъ слишкомъ ясно выступаетъ личность автора, его симпатіи, его воодушевленіе, даже его личная жолчь и раздраженіе. Черезъ это мы получаемъ возможность прочесть въ романѣ личные мнѣнія самого автора, и въ этомъ мнѣніи уже одно основаніе — высказанныя въ романѣ мысли принимать за сужденія автора, по крайней мѣрѣ мысли, высказанныя съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ нимъ со стороны автора и вложенныя въ уста тѣхъ лицъ, которымъ онъ очевидно покровительствуетъ. Далѣе, если бы въ авторѣ была хоть искра сочувствія къ «дѣтямъ», къ молодому поколѣнію, хоть искра вѣрнаго и яснаго пониманія ихъ воззрѣній и стремленій, то она непременно гдѣ нибудь заблестѣла бы въ теченіе всего романа. Всякое обличеніе ясно даетъ понять то, въ силу чего оно совершается; раскрытіе исключеній уясняетъ самое правило. У г. Тургенева этого нѣтъ; во всемъ романѣ мы не видимъ ни малѣйшаго намека на то, каково должно быть общее правило, лучшее молодое поколѣніе; всѣхъ «дѣтей», т. е. большинство ихъ онъ суммируетъ въ одно и представляетъ

всѣхъ ихъ какъ исключеніе, какъ ненормальное явленіе. Еслибъ въ самомъ дѣлѣ онъ изображалъ только одну дурную часть молодата поколѣнія, или только одну темную его сторону, въ такомъ случаѣ онъ видѣлъ бы идеалъ въ другой части или въ другой сторонѣ того ~~молодого~~ поколѣнія; но онъ находитъ свой идеалъ совершенно въ ~~множествѣ~~ мѣстѣ, именно въ «отцахъ», въ болѣе или менѣе старомъ поколѣніи. Стало быть онъ проводитъ параллель и противоположность между «отцами» и «дѣтьми»; и смыслъ его романа нельзя формулировать такъ: между множествомъ хорошихъ «дѣтей» есть и дурные, которые и осмѣяны въ романѣ; задача его совершенно иная, и приводится къ такой формулѣ: «дѣти» дурны, они и представлены въ романѣ во всемъ своемъ безобразіи; а «отцы» хороши, что также доказано въ романѣ. Кромѣ того, имѣя въ виду показать отношеніе между «отцами» и «дѣтьми», авторъ и не могъ дѣйствовать иначе, какъ изображая большинство «дѣтей» и большинство «отцовъ». Вездѣ, въ статистикѣ, экономіи, торговлѣ всегда берутъ для сравненія среднія величины и цифры; то же самое должно быть и въ нравственной статистикѣ. Опредѣляя въ романѣ нравственное отношеніе между двумя поколѣніями, авторъ конечно описываетъ не аномалии, не исключенія, а явленія обыкновенныя, часто встрѣчающіяся, среднія цифры, отношенія существующія въ большинствѣ случаевъ и при равныхъ условіяхъ. Изъ этого выходитъ необходимое заключеніе, что г. Тургеневъ представляетъ себѣ вообще молодыхъ людей такими, каковы молодые герои его романа, и по его мнѣнію, тѣ умственныя и нравственныя качества, которыми отличаются послѣдніе, принадлежатъ большинству молодого поколѣнія, т. е. выражаются языкомъ среднихъ чиселъ, всѣмъ молодымъ людямъ; герои романа—это образцы современныхъ дѣтей. Наконецъ, есть основаніе думать, что г. Тургеневъ изображаетъ лучшихъ молодыхъ людей, первыхъ представителей современнаго поколѣнія. Для сличенія и опредѣленія извѣстныхъ предметовъ нужно брать количества и качества соответствующія; нельзя брать maximum съ одной стороны и minimum съ другой. Если въ романѣ выведены отцы извѣстнаго размѣра и калибра, то и дѣти должны быть такого же точно размѣра и калибра. «Отцы» же въ произведеніи г. Тургенева все люди почтенные, умные, снисходительные, проникнутые самою нѣжною любовью къ дѣтямъ, какихъ дай Богъ всякому; это не какія нибудь сварливые старики, деспоты, самовластно распоряжающіеся дѣтьми; они предоставляютъ дѣтямъ полную свободу въ дѣйствіяхъ, сами учились и дѣтей стараются научить и даже отъ нихъ поучиться. Послѣ этого необходимо принять, что и «дѣти» въ романѣ выведены самыя лучшіе, какіе только возможны, такъ сказать, цвѣтъ и краса молодежи, не какіе нибудь неучи и кутилы, въ

параллель къ которымъ можно было бы подобрать отличительныхъ отрывковъ починде тургеневскихъ, — а юности порядочные, любознательныя со всѣми достоинствами, свойственными имъ возрасту. А что въдь выйдетъ негнѣность и самая вопиющая несправедливость, если считать лучшихъ отрывковъ и худшихъ дѣтей. Мы уже не говоримъ о томъ, что водъ категорію «дѣтей» г. Тургеневъ подвелъ значительную часть современной литературы, такъ-называемое ея отрицательное направление, которое онъ олицетворилъ въ одномъ изъ своихъ героевъ и вложилъ ему въ уста слова и фразы, часто встрѣчающіяся въ печати и выражающія мысли, одобряемыя молодымъ поколѣніемъ и не возбуждающія несприязненныхъ чувствъ въ доляхъ средняго позволенія, а можетъ быть даже и стараго. — Всѣ эти разсужденія были бы излишни, и никому не могли бы придти въ голову возраженія, которыя мы устранили, если бы дѣло шло о комъ нибудь другомъ, а не о г. Тургеневѣ, который пользуется большимъ почетомъ и приобрѣлъ себѣ значеніе авторитета; высказывая сужденіе о г. Тургеневѣ, нужно доказывать самыя обыкновенныя мысли, которыя къ другимъ случаямъ охотно принимаются и безъ доказательствъ, какъ очевидныя и ясныя сами по себѣ; вслѣдствіе этого мы сочли необходимыми минимизированныя прелиминарныя и элементарныя разсужденія. Они теперь даютъ намъ полное право утверждать, что романъ г. Тургенева служитъ выраженіемъ его собственныхъ личныхъ симпатій и антипатій, что взгляды романа на молодое поколѣніе выражаютъ взгляды самого автора; что въ немъ изображается все вообще молодое поколѣніе, какъ оно есть и какимъ является оно даже въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей; что ограниченное и поверхностное пониманіе современныхъ вопросовъ и стремленій, высказываемое героями романа, лежитъ на отвѣтственности самого г. Тургенева. Когда напр. главный герой, представитель «дѣтей» и того образа мыслей, который раздѣляетъ молодое поколѣніе, говоритъ, что между человѣкомъ и лягушкой нѣтъ различія, то это значитъ, что самъ г. Тургеневъ понимаетъ современный образъ мыслей именно такимъ образомъ; онъ изучалъ современное ученіе, раздѣляемое молодежью, и ему значитъ такъ дѣйствительно и показалось, будто бы оно не признаетъ никакого различія между человѣкомъ и лягушкой. Различіе — то, видите, есть большое, какъ показываетъ и современное ученіе; но онъ не замѣтилъ его, — философская проникательность изменила поэту. Если же онъ видѣлъ это различіе, да только скрылъ его для утрировки современнаго ученія, то это еще хуже. Конечно, нужно съ другой стороны сказать и то, что авторъ не обязанъ же отвѣчать за всѣ негнѣныя и умышленно обезображенныя мысли своихъ героевъ, — этого никто отъ него и не потребуетъ во всѣхъ случаяхъ. Но если мысль выска-

выдается, но внутреннюю автора, совершенно серьезно, особенно еще, если въ романѣ есть тенденція охарактеризовать извѣстное направление или образъ мыслей, — то мы имѣемъ право, чтобы авторъ не утратилъ этого направления, чтобы представлялъ въ своемъ писаніи не видъ и киррикатуръ, а такъ, какъ они есть, какъ они возможны и въ своемъ крайнемъ разумѣніи. Такая точность, что она сама о юныхъ личностяхъ романа, те относятся ко всей молодежи, которую они представляютъ въ романѣ; такъ что она несомненно осуждала должна принимать на свой счетъ разные выходы «общества», повороте выслушивать и какъ приговоры самого г. Тургенева, и не обижаться, хоть бы напр. въ будущей ренансовой, направленной противъ главнаго героя, представителя молодого поколѣнія:

«— Такъ, такъ. Сперва гордость почти сатанинская, потомъ глумленіе. Вотъ, вотъ чѣмъ увлекается молодежь, вотъ чѣмъ покоряются неопытныя сердца мальчишекъ! И эта зараза уже далеко распространилась. Мнѣ сказывали, что въ Римѣ наши художники въ Ватиканѣ ни ногой! Рафаэля считаютъ чуть не дуракомъ, потому что вѣтъ, вольтъ, авторитетъ; а сами безсильны и бесплодны до гадости; а у самыхъ фантазій дальше «Дѣвушки у епитима» не хватаетъ, хоть ты что! И записана — то дѣвушка прескверно! Не вашему они молоды, не правда ли?»

«— По, моему, возражалъ герой: — и Рафаэль грѣша и дѣла не стоитъ; да и они не лучше его.

«— Bravo! bravo! Слушайте, вотъ какъ должны современныя молодые люди выражаться! И какъ, подумаешь, имъ не идти за вами! Прежде молодымъ людямъ приходилось учиться; не хотѣлось имъ прослыть за невѣждъ, такъ они поневолѣ трудились. А теперь имъ стоитъ сказать: все на свѣтѣ вздоръ! — и дѣло въ шляпѣ. Молодые люди обрадовались. И въ самомъ дѣлѣ, прежде они просто были болваны, а теперь они вдругъ стали вытѣшны.»

Если смотрѣть на романъ съ точки зрѣнія его тенденцій, то онъ и съ этой стороны такъ же неудовлетворителенъ, какъ и въ художественномъ отношеніи. О качествѣ тенденцій нечего пока сказать, а главное и проводится, они очень деловко, такъ что цѣль автора не достигается. Стараясь набросить невыгодную тѣнь на молодое поколѣніе, авторъ слишкомъ ужъ погорячился, перепустилъ, какъ говорится, и ужъ сталъ выдумывать такія небылицы, что вѣрится имъ съ большимъ трудомъ — и обвиненіе кажется пристрастнымъ. Но всѣ недостатки романа выкупаются однимъ достоинствомъ, которое впрочемъ не имѣетъ художественнаго значенія, на которое не рассчитывалъ авторъ, и которое значитъ принадлежитъ безсознательному творчеству. Поэзія конечно всегда хороша и заслуживаетъ полного ува-

жени; но не дурна также и предвещательная правда, и она имѣетъ право на уваженіе: мы должны радоваться художественному произведенію, которое, хотя и не даетъ намъ, поэмъ, но за то содѣйствуетъ правдѣ. Въ этомъ смыслѣ послѣдній романъ г. Тургенева— вещь превосходная; она не даетъ намъ поэтической наслажденія, даже дѣйствуетъ на чувство несправедливо; но онъ хорошъ въ томъ отношеніи, что въ немъ г. Тургеневъ обнаружилъ себя ясно и вѣдѣлъ, и тѣмъ раскрылъ намъ истинный смыслъ своихъ прежнихъ произведеній, сказалъ безъ ослѣдствій и направилъ къ свое последнее слово, которое въ прежнихъ его произведеніяхъ было смягчено и затуманено разными поэтическими прикрасами и эфемерами, скрывавшими его истинное значеніе. Дѣйствительно, трудно было понять, какъ г. Тургеневъ относился къ своимъ Рудинамъ и Гамлетамъ, какъ смотрѣлъ на ихъ стремленія, угасшія и неосуществившіяся, вслѣдствіе ихъ бездѣйствія и апатизма, и вслѣдствіе вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Наша добѣрчивая критика рѣшила, что онъ относился къ нимъ съ сочувствіемъ, симпатизировалъ ихъ стремленіямъ; но въ понятіяхъ Рудины были люди не дѣла, а слова, но слова хорошаго и разумнаго; у нихъ духъ былъ бодръ, во плоть немощна; они были пропагандистами, разносчиками свѣтъ здравыхъ понятій, и если не дѣломъ, то своимъ словомъ возбуждавшими въ другихъ высшія стремленія и интересы; они учили и говорили, намъ нужно поступать, хоть у самихъ и недоставало силъ перевести свои ученія въ дѣла, осуществить свои стремленія; они изнемогали и падали при самомъ началѣ своей дѣятельности. Критика думала, что г. Тургеневъ относился къ своимъ героямъ съ трогательнымъ участіемъ, скорбѣлъ о нихъ и сожалѣлъ о томъ, что они погибли вмѣстѣ съ своими прекрасными стремленіями и давалъ понять, что будь у нихъ сила воли и энергія — они бы могли сдѣлать много добра. И критика имѣла нѣкоторое право на такое рѣшеніе; разныя положенія героевъ были изображены съ эффектомъ и аффектацией, которую легко можно было принять за настоящее воодушевленіе и сочувствіе; такъ же точно какъ и во эпизоду послѣдняго романа, гдѣ краснорѣчиво говорится о любви и примиреніи, можно было подумать, что любовь самого автора простирается и на «дѣтей». Но теперь намъ понятна эта любовь, и на основаніи послѣдняго романа г. Тургенева можно положительно сказать, что критика ошибалась въ объясненіи прежнихъ его произведеній, вносила въ нихъ свои собственные мысли, находила смыслъ и значеніе, не принадлежащіе самому автору, но понятіямъ котораго у героевъ его плоть была бодрѣе, а духъ немощенъ, они не имѣли здравыхъ понятій и самыхъ стремленій ихъ были незаконны, не имѣли вѣры, то есть ничего не принимали на вѣру, во всемъ сомнѣвались, не имѣли любви и чувства, и

потому естественно погибли безжизненно. Главный герой последнего романа «сын того же Рудина» — и в некотором смысле «возвращение» — вырывается; он — новый, совершенный герой; а потому «сын» — уже не Рудин «по своим» понятиям и «безчувственность» его, «сын» — «столь же молодой»; — «вражда» же «не даром» — «на», «не» горки, «развилась» — «прогрессивно» «из своих» «дурных» «качеств». Премьер-гером г. Тургенева «подходят» под категорию «дѣтей» «попята» «трени» и «колла» «неси» «ча» «себѣ» «всѣ» «тщесты» «презрѣна», «упреки», «выговоры» и «часы» «школа», «которые» «подвергаются» «теперь» «дѣло». «Стѣны» «только» «прочитать» «последній» «романъ», «чтобы» «интересъ» «убѣдиться» «въ» «этомъ»; но критика «наше», «пожалуй», «не» «заключитъ» «ошибку» «въ» «своей» «ошибкѣ»; «потому» «оно» «лучше» «принимать» «доказывать» «то», «что» «лено» «и» «безъ» «доказательствъ». Мы «приведемъ» «только» «одно» «доказательство». — Извѣстно, какъ поступили съ любимой женщиной Рудинъ и «большенный» герой «Али»; «они» «съ» «холодностью» «оттолкнули» «никъ» «въ» «ту» «минуту», «когда» «тѣ» «безжалостно», «съ» «любовью» «и» «страстью» «отдавались» «никъ» «и», «такъ» «сказать», «вырвались» «въ» «нихъ» «объятія». Критика «бранила» «за» «это» «героевъ», «называла» «ихъ» «людьми» «высокими», «но» «ни» «какой» «мужественной» «энергій»; «и» «говорила», «что» «настоящій» «разумный» «и» «здоровый» «мужчина» «на» «ихъ» «жѣбѣ» «поступилъ» «бы» «совершенно» «иначе». А «позже» «тѣмъ» «для» «самого» г. Тургенева «эти» «поступки» «были» «коротки». Если бы герой поступил такъ, какъ «требуется» «наше» «примѣръ», г. Тургеневъ назвалъ бы ихъ людьми низкими и безразличными, достойными презрѣнія. Главный герой последнего романа какъ нарочно хотѣлъ поступить съ любимой женщиной какъ разъ въ смыслъ критики; за то г. Тургеневъ и представлялъ его грязнымъ и пошлымъ дикаремъ и заставлялъ женщину съ презрѣніемъ отвернуться и даже отскочить отъ него «далеко» «въ» «уголъ». Такъ точно и въ другихъ случаяхъ критика «обязательно» «заманила» «въ» «героевъ» г. Тургенева именно то, что ему самому «навалось» «достоинство» «норичанія», и что «онъ» «дѣйствительно» «и» «норичанецъ» «въ» «дѣлахъ» «последняго» «романа», «съ» «которымъ» «мы» «будемъ» «жить» «часть» «повнакомиться» «сию» «же» «минуту».

Выражаясь «ученымъ» «словомъ»: — «концепція» «романа» «не» «представляетъ» «никакихъ» «художественныхъ» «особенностей» «и» «хитростей»; «ничего» «замысловатаго»; «дѣйствіе» «его» «также» «очень» «просто» «и» «происходитъ» «въ» «1850 г.» «стало» «быть» «уже» «въ» «наше» «время». Главное дѣйствующее лицо, первый герой, представитель молодого поколѣнія, есть Евгений Вавильевичъ Базаровъ, «жиди», «любомышль», «умный», «враль», «знающій» «свое» «дѣло», «самоувѣренный» «до» «дерзости», «но» «агуный», «любящій» «кудужь» «и» «крѣпкіе» «манитки», «проникнутый» «самыми» «дикими» «понятіями» «и» «нерасудительный» «до» «того», «что» «его» «всѣ» «дурячатъ»; «даже» «простые» «мужички». Сердца у него «вовсе» «нѣтъ»; «онъ» «безчувственъ» — какъ камень, «холоденъ»

— познакомиться и смириться. — какъ чужимъ. У него есть другъ, Аркидій Николаевичъ Кирсановъ, кандидатъ петербургскаго университета, не-
 чего сказать тотъ, не слыхавъ; — ивица чувствительный, добросердеч-
 ный, съ великой душой, въ семидесяти, есть подчинился а именно сво-
 его друга, Базарова, который старается водчески пригнать чувстви-
 тельности его сердца, губить своими насильственными благородныя движе-
 ния его души и приутиять ему прерогативную коледность ко всему;
 значително обнаружитъ въ мирной буди воровнищный червь, другъ
 тотчасъ же и осадитъ его о своей прерогативной проией. Базаровъ
 небыть отца и мати; отцы, Василий Ивановичъ, старшій модикъ, жи-
 веть въ провинци въ воборонкѣ своей ильвищнцѣ; доброе старичикъ
 любить своего Епирменку до безмощности. Кирсановъ тоже любитъ
 отца; значително его помѣшка, ильвищнцѣ въ деревнѣ; между него
 жерма и она живеть съ Фениткой, ильвищнцѣ созданныя, дочерью его
 ильвищнцѣ; въ домѣ у него живеть братъ его, стало быть дядя Кир-
 санова; Павла Петровна, ильвищнцѣ халострой, въ юности столичный
 лавку а подь старость — деревенскій лавъ; до безмощности погу-
 жанный въ забавы о еривности, но необходимый диалогикъ, на
 кандидатъ спатуерающій Базарова и своего ошмалника. Дѣйствіе на-
 чинается такъ; что ильвищнцѣ друзья призмаютъ въ деревню къ отцу
 Кирсанова и Базарова ступаетъ въ споръ съ Павломъ Петровичемъ,
 тутъ же высказываетъ ему свои мысли и свое направленіе и слышитъ
 отъ него сирогераніе ильвищнцѣ, Потомъ друзья отправляются въ губер-
 ский городъ; тамъ они встрѣтили Сатинкова, глуховатаго малого, не-
 ходничаго, тоже подь ильвищнцѣ Базарова, позвикомались съ Видо-
 ню Кунищной, которая предстала, какъ «средовая женщина»,
 «близире» въ ильвищнцѣ «малѣ слова». Оттуда они побжали въ де-
 реню къ Аннѣ Сергѣевнѣ Одинцовой, «малѣ души» возвышенной,
 благородной въ аристократической, въ нее и влюбился Базаровъ; но
 она, увидавъ его помѣшко, натуру и личическія неааенности, почти
 прогналъ его отъ себя. Кирсановъ же, сначала влюбившійся было въ
 Одинцову, влюбился потомъ въ сестру ея Катю, которая своими влі-
 янствы на его сердце старалась искоренить въ немъ «малѣ вліянія дру-
 га. Затѣмъ друзья побжали къ отцу Базарова, которая встрѣтили
 сына съ величайшей радостью; но она, посмотря на всю эту любовь
 и на страстное желаніе какъ можно долѣе наслаждаться приутищеніемъ
 сына, посылала убѣять отъ нихъ, и вѣсть съ другомъ снова
 отправилъ къ Кирсановымъ. Въ домѣ Кирсановыхъ Базаровъ, по-
 добно дремлету Нарису, «нарушилъ всѣ права гостепринства», поца-
 ловавъ Фенитку, потомъ подражал на дуванъ съ Павломъ Петровичемъ
 и вѣсть возвратился къ отцу, гдѣ и умеръ, призывая къ себѣ предъ
 смертью Одинцову, и сказавъ ей нѣсколько уже извѣстныхъ намъ

комъ иментовъ насчетъ ея наружности. Кирсановъ же женился на Катѣ и живъ до сихъ поръ. Вотъ и все высшее содержаніе романа; формальная сторона ея дѣйствія и все дѣйствующія лица; остается теперь познакомиться поближе съ внутреннимъ содержаніемъ; съ тенденціями; узнать сокровенныя качества отцовъ и дѣтей. Итакъ, каковы же отцы старое поколѣніе? Какъ уже замѣчено было выше, отцы представлены въ самомъ лучшемъ видѣ. Я разсуждалъ про себя г. Тургеневъ, не говорю о тѣхъ отцахъ и о томъ старомъ поколѣніи, которое представляетъ надутая княжна «Хлудая», нетерпѣвшая молодежи и дувшаяся на «новыхъ» «оголѣлыхъ» Базарова и Аркадія; я буду изображать лучшихъ отцовъ, лучшаго поколѣнія» (Вотъ теперь ужь ясно, для чего княжнѣ Хлудой отведены въ романѣ двѣ странички). Отецъ Кирсанова, Николай Ивановичъ, примѣрный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ; самъ онъ, несмотря на свое генеральское происхожденіе, воспитывался въ университетѣ и имѣлъ степень кандидата и сыну далъ высшее образованіе; доживши почти до старыхъ лѣтъ, онъ не переставалъ заботиться о дополненіи своего собственнаго образованія. Всѣ силы употреблялъ на то, чтобы не отстать отъ вѣка, слѣдилъ за современными движеніями и вопросами; «прожилъ три зимы въ Петербургѣ, почти никуда не выходя и стараясь завести знакомства съ молодыми товарищами сына; по цѣлымъ днямъ просиживалъ надъ новѣйшими сочиненіями, прислушиваясь къ разговорамъ молодыхъ людей и радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово въ ихъ кипучія рѣчи» (стр. 523). Николай Петровичъ не любилъ Базарова, но побѣждалъ свою нелюбовь; «охотно слушалъ его, охотно присутствовалъ при его физическихъ и химическихъ опытахъ; онъ бы каждый день приходилъ, какъ онъ выражался, учиться, если бы не хлопоты по хозяйству; юнъ не стѣснялъ молодого естествоиспытателя: садился гдѣ нибудь въ уголокъ комнаты и глядѣлъ внимательно, изрѣдка позволяя себѣ осторожный вопросъ» (стр. 606). Онъ хотѣлъ сблизиться съ молодымъ поколѣніемъ, проникнуться его интересами; чтобы вмѣстѣ съ нимъ дружно, рука объ руку, идти къ общей цѣли. Но молодое поколѣніе грубо оттолкнуло его отъ себя. Онъ хотѣлъ сойтись съ сыномъ; чтобъ съ него начать свое сближеніе съ молодымъ поколѣніемъ; но Базаровъ воспрепятствовалъ этому; онъ постарался унижить отца въ глазахъ сына и тѣмъ прервалъ между ними всякую нравственную связь. «Мы, говоритъ отецъ сыну, заживемъ съ тобой на славу, Аркаша; намъ надобно теперь тѣсно сойтись другъ съ другомъ, узнать другъ друга хорошенько, не правда ли?» Но о чемъ бы они ни заговорили между собою, Аркадій всегда начинаетъ рѣзко противорѣчить отцу, который при-

ни сказать это — и совершенно справедливо — в лице Базарова. Отец, например, говорит сыну о любви къ родителям и вѣстаетъ гдѣ здѣсь родился, тебѣ все должно казаться здѣсь чѣмъ-то особеннымъ. — Ну, вѣстаетъ отъ отца самъ; это совершенно все равно; гдѣ бы человекъ ни родился. Эти слова оторвали отца и онъ посмотрѣлъ на сына не прямо, а «сбоку» и прекратилъ разговоръ. Но сынъ все еще любитъ отца, и не теряетъ надежды когда нибудь сблизиться съ нимъ; «отецъ у меня, говоритъ онъ Базарову, золотой человекъ. Удивительное дѣло, отбѣгаетъ тотъ, видя старанскіе романтики! Разовьютъ въ себѣ нервную систему до раздраженія, ну, равновѣсіе и нарушено». Въ Аркадіѣ заговорила сыновья любовь, онъ вслушивается на отца, говоритъ, что другъ еще недостаточно его знаетъ. Но Базаровъ убилъ въ немъ и послѣдній остатокъ сыновней любви: съдвинувъ презрительнымъ отзывомъ: «твой отецъ добрый мальчикъ, но онъ человекъ отставной, его грѣска спѣта. Онъ читаетъ Пушкина. Растволкуй ему, что это куда не годится. Вѣдь онъ не мальчикъ: пора бросить эту ерунду. Дай ему что нибудь дѣльное; хоть Бюхнерова Stoff und Kraft на первый случай». Сынъ вполне согласился съ словами друга и попустился къ отцу, содвинувъ и презрѣніе. Отецъ случайно подслушалъ этотъ разговоръ, который поразилъ его въ самое сердце, оскорбилъ до глубины души, убилъ въ немъ всякую энергію, всякую охоту къ сближенію съ молодымъ поколѣніемъ; онъ вѣрнулъ опустыль, испытанныя промахи, которая отбѣла его отъ молодыхъ людей. — «Что жъ, говоритъ онъ послѣ этого, можетъ быть Базаровъ и правъ; но мнѣ одно больно: я надѣялся тѣсно и дружески сойтись съ Аркадіемъ, а выходитъ, что я остался назади, онъ ушелъ впередъ и понять мы другъ-друга не можемъ. — Кажется, я все дѣлаю, чтобы не отстать отъ вѣка: крестьянъ устроилъ, ферму завелъ, такъ что меня во всей губерніи краснымъ величаютъ; читаю, учусь, вообще стараюсь стать въ уровень съ современными потребностями, а они говорятъ, что грѣска моя спѣта. Да я и самъ начинаю такъ думать» (стр. 514). Вотъ какія вредныя дѣйствія производитъ заносчивость и нетерпимость молодого поколѣнія; едва выходя мальчишки сразила гиганта, онъ усумнился въ своихъ силахъ, и увидѣлъ бесплодность своихъ усилій не отстать отъ вѣка. Такимъ образомъ молодое поколѣніе, по собственной винѣ, лишилось содѣйствія и поддержки со стороны человека, который бы могъ быть очень полезнымъ дѣятелемъ, потому что одаренъ былъ многими прекрасными качествами, которыхъ недостаетъ молодежи. Молодежь холодна, эгоистична, не имѣетъ въ себѣ поэзіи, и потому ненавидитъ ее вездѣ, не имѣетъ высшихъ нравственныхъ убѣжденій; тогда какъ этотъ человекъ имѣлъ душу поэтическую, и несмотря на то, что умѣлъ устроить сер-

му, сохранить поэтический жаръ до пролешныхъ лѣтъ, а гласи се былъ проникнуть самыми твердыми нравственными убежденіями.

— Медлительные звуки виолончели долетѣли до нихъ (Аркадія съ Базаровымъ) изъ дому въ это самое мгновеніе. Кто-то игралъ, въ чувствомъ, хотя и неопытною рукой (Амандамъ Шуберга), и мелодъ разлилась по воздуху сладостная мелодія.

«— Это что? произнесъ съ изумленіемъ Базаровъ.

«— Это отецъ.

«— Твой отецъ играть на виолончели?

«— Да.

«— Да сколько твоему отцу лѣтъ?

«— Сорочь четыре.

«Базаровъ вдругъ расхохотался.

«— Чему же ты смѣешься?

«— Помилуй! въ сорочь четыре года, человекъ, paterfamilias, въ .....мъ уѣздѣ — играетъ на виолончели!

«Базаровъ продолжалъ хохотать; во Аркадія, какъ ни благоговѣлъ передъ своимъ учителемъ, на этотъ разъ даже не улыбнулся.

«Николай Петровичъ потупилъ голову и провелъ рукой по лицу.

«Но отвергать поэзію? подумалъ Николай Петровичъ: не сочувствовать художеству, природѣ! (Какъ поступаетъ молодежь).

«И онъ посмотрѣлъ кругомъ, какъ бы желая вонять, такъ можно не сочувствовать природѣ. Уже вечерѣло; солнце скрылось за небольшою осиновою рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тамулась черезъ неподвижныя поля. Мужичокъ ѣхалъ рысцою на бѣлой лошади по темной узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно видѣнъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни (заплата, — вещь живописная, поэтическая, противъ этого кто говоритъ, но при видѣ ея не мечтается, а думается, что безъ заплаты было бы лучше, хоть и менѣе поэтично); «пріятно, отчетливо мелькали ноги лошади. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что онѣ становились похожи на стволы сосенъ (отъ теплоты свѣта?) и дивнее еще почти свѣла (тоже отъ теплоты?) и даже немнѣ поднимаются блѣдно-голубея; вебо, муть обрумяненное зарей. Двоточка дѣтала высоко; вѣтеръ сорвалъ аммеръ; западающа дичелы дѣливо и сонливо жужжали въ цвѣтахъ; сирени; мошки толкались столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою дѣткою. «Какъ хорошо; Боже мой!» подумалъ Николай Петровичъ, и любимые стихи пришли было ему на уста: онъ вспомнилъ Аркадія, *Stoff und Kraft*, и умокъ, но продолжалъ сидѣть, продолжалъ предаваться горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ.

«Онъ приходился и хотѣлъ возвратиться домой: но размягченное сердце не могло успокоиться въ его груди, и онъ сталъ медленно ехать по саду, то задумчиво глядя себѣ подъ ноги, то поднимая глаза

къ себѣ, гдѣ уже рѣшилось и зарешились вѣдѣлы. Онъ ходилъ много, почти до усталости, а грезилъ: помя, какая-то чудная, неопредѣленная, печальная тоска все на унималась. О, какъ Базаровъ постился бы надъ нѣмъ, если бы онъ узналъ, что въ немъ тогда происходило! Самъ Аркадій осудилъ бы его. У него, у сорокачетырелѣтняго человека, агронома и хозяина, навернулись слезы, безпричинныя слезы; это было во сто разъ хуже влюбченца! (стр. 524—25).

И такого-то человѣка оттолкнула отъ себя молодежь и даже помѣшала ему продекламировать «любимыя стихи». Но главное его достоинство заключалось все-таки въ его строгой нравственности. Послѣ смерти своей нѣжно имъ любимой супруги, онъ рѣшился жить съ Феничкой, вѣроятно, послѣ упорной и продолжительной борьбы съ самимъ собою; онъ постоянно мучился и стыдился самого себя, чувствовал угрызения и упреки совѣсти до тѣхъ поръ, пока не сочетался законнымъ бракомъ съ Феничкой. Онъ чистосердечно и откровенно исповѣдался передъ сыномъ въ своемъ грѣхѣ, въ незаконномъ сожити до брака. И что же? Оказалось, что молодое поколѣние вовсе не имѣетъ нравственныхъ убѣжденій на этотъ счетъ; сынъ вздумалъ увѣрять отца, что это ничего, что жить съ Феничкой до брака вовсе не просудительный поступокъ, что это дѣло самое обыкновенное, что слѣдовательно отецъ стыдится ложно и напрасно. Такія слова глубоко возмутили нравственное чувство отца. А все-таки въ Аркадѣй оставалась еще частичка сознанія нравственныхъ обязанностей и онъ находилъ, что отецъ долженъ вступить испрежня къ законный бракъ съ Феничкой. Но другъ его, Базаровъ, уничтожилъ своей ироніей и эту частичку. «Эге-ге!» сказалъ онъ Аркадѣю. — Вотъ мы камѣ великодушные! Ты придаешь еще значеніе браку; и этого отъ тебя не ожидаю». Поистинно, какъ послѣ этого Аркадѣй смотрѣлъ на поступокъ отца.

— Строгий моралистъ, говорилъ отецъ сыну:—найдець мою откровенность неумѣстною, но, во-первыхъ, это скрыть нельзя, а во-вторыхъ, тебѣ извѣстно, у меня всегда были особенные принципы насчетъ отношеній отца къ сыну. Впрочемъ, ты, конечно, будешь въ правѣ осудить меня. Въ мой дѣта... Словомъ, эта... эта дѣвушка, про которую ты, вѣроятно, уже слышалъ...

— Феничка? развязно спросилъ Аркадѣй.

— Николай Петровичъ покраснѣлъ.

— Конечно, мнѣ должно быть совѣстно, говорилъ Николай Петровичъ, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Полно, папаша, полно, слѣлай одолженіе! — Аркадѣй ласково улыбнулся. «Въ чемъ виноватся!» подумалъ онъ про себя и чувствомъ снисходительной нѣжности къ доброму и мягкому отцу, смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то ~~тайного~~ протекательства, наволнило его душу. —

Перестань, пожалуйста, повторить онъ еще разъ, невозможно наслаждаться сознаниемъ собственной развитости и свободы» (стр. 480—81).

«— Можетъ быть, проговорилъ отецъ, — и она предполагаетъ... она стыдится...

«— Напрасно жъ она стыдится. Во-первыхъ, тебѣ извѣстенъ мой образъ мыслей (Аркадію очень было пріятно произнести эти слова), а во-вторыхъ — захочу ли я хоть на волосъ стѣснять твою жизнь, твои привычки? Притомъ, я увѣренъ, ты не могъ сдѣлать дурной выборъ; если ты позволилъ жить съ тобою подъ одною кровлею, стало быть она это заслуживаетъ: во всякомъ случаѣ, сынъ отцу не судья, и въ особенности я, и въ особенности такому отцу, который, какъ ты, никогда и ни въ чемъ не стѣснялъ моей свободы.

«Голосъ Аркадія дрожалъ сначала, онъ чувствовалъ себя великодушнымъ, однако въ тоже время понималъ, что читаетъ нѣчто въ родѣ наставленія своему отцу; но звукъ собственныхъ рѣчей сильно дѣйствуетъ на человека и Аркадій произнесъ послѣднія слова твердо, даже съ эффектомъ!» (лица курицу учать) (стр. 489).

Отецъ и мать Базарова еще лучше, еще добрѣе, чѣмъ родители Аркадія. Отецъ такъ же точно не желаетъ отстать отъ вѣка; а мать только и живетъ, что любовью къ сыну и желаніемъ угодить ему. Ихъ общая, нѣжная привязанность къ Еньюшенькѣ изображена г. Тургеневымъ очень увлекательно и живо; тутъ самыя лучшія страницы во всемъ романѣ. Но тѣмъ отвратительнѣе кажется намъ то презрѣніе, которымъ платитъ Еньюшенька за ихъ любовь, и та иронія, съ какою относится онъ къ ихъ нѣжнымъ ласкамъ. Аркадій, — ужъ и видно, что добрая душа, — вступается за родителей своего друга, но онъ и его самого осмѣиваетъ. «Я», говоритъ о себѣ отецъ Базарова, Василій Ивановичъ, — «того мнѣнія, что для человека максималнаго нѣтъ заступствъ. По крайней мѣрѣ я стараюсь не зарости, какъ говорится, мхомъ, не отстать отъ вѣка». Не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ всякому готовъ помогать своими медицинскими совѣтами и средствами; въ болѣзняхъ всѣ обращаются къ нему и всѣхъ онъ удовлетворяетъ, какъ можетъ. «Вѣдь я», говоритъ онъ, «отъ практики отказался, а раза два въ недѣлю приходится стариной тряхнуть. Идутъ за совѣтомъ — нельзя же гнать въ шею. Случается, бѣдные прибѣгаютъ къ помощи. — Одной бабѣ, которая жаловалась на гнетку, я вливалъ опіумъ; а другой зубъ вырвалъ. И это я дѣлаю gratis» (с. 586). «Я боготворю моего сына; но я не смѣю при немъ высказывать свои чувства, потому что онъ этого не любитъ». Его супруга любила своего сына «и боялась его несказанно». — Посмотрите же теперь, какъ обходится съ ними Базаровъ.

«— Сегодня моя жена жалуется, говоритъ сынъ Аркадія. — Ну, поладитъ, что за важность! — Василій Ивановичъ отправился въ свой каби-

дочь, и прокормив на двадцѣ въ ногахъ у сына, собирался было поболтать съ нимъ; но Базаровъ тотчасъ его отослалъ, говоря, что ему спать хочется, а самъ не заснулъ до утра. Широко раскрывъ глаза, онъ злобно смотрѣлъ въ темноту: воспоминанія дѣтства не имѣли власти надъ нимъ» (стр. 584). «Однажды отецъ сталъ рассказывать свои воспоминанія. Много, много испыталъ я на своемъ вѣку. Вотъ, наприимѣръ, если позволите, я вамъ расскажу любопытный эпизодъ чумы въ Вессарабинъ.

«— За который получилъ Владиміра? подхватилъ Базаровъ.— Знаемъ, знаемъ... Кстати, отчего ты его не носишь?

«— Вѣдь я тебѣ говорилъ, что я не имѣю предрасудковъ, пробормоталъ Василій Ивановичъ (онъ только наканунѣ велѣлъ спороть красную денточку съ сюртука), и принялся рассказывать эпизодъ чумы.— А вѣдь онъ заснулъ, шепнулъ онъ вдругъ Аркадію, указывая на Базарова и добродушно подмигнувъ.— Евгений! вставай! прибавилъ онъ громко» (какая жестокость! уснуть отъ рассказовъ отца!) (стр. 596).

«— Вотъ тебѣ на! Преазабавный старикашка, прибавилъ Базаровъ, какъ только Василій Ивановичъ вышелъ.— Такой же чудакъ, какъ твой, только въ другомъ родѣ.— Много ужъ очень болтаетъ.

«— И мать твою, кажется, прекрасная женщина, замѣтилъ Аркадій.

«— Да, она у меня безъ хитрости. Обѣдь намъ, посмотри, какой задаетъ.»

«— Нѣтъ! говорилъ онъ на слѣдующій день Аркадію, — уѣду отсюда завтра. Скучно; работать хочется, а здѣсь нельзя. Отправлюсь опять къ вамъ въ деревню; я же тамъ всё свои препараты оставилъ. У васъ, по крайней мѣрѣ, запереться можно. А здѣсь отецъ мнѣ все твердитъ: «мой кабинетъ къ твоимъ услугамъ—ничто тебѣ мѣшать не будетъ», а самъ отъ меня ни на шагъ. Да и совѣстно какъ-то отъ него запирается. Ну и мать тоже. Я слышу, какъ она задыхается за стѣной, а выйдешь къ ней—и сказать ей нечего.

«— Очень она огорчится, промолвилъ Аркадій,—да и онъ тоже.

«— Я къ нимъ еще вернусь.

«— Когда?

«— Да вотъ какъ въ Петербургъ поѣду.

«— Мнѣ твою мать особенно жалко.

«— Что такъ? Ягодками, что ли, она тебѣ угодила?

«Аркадій опустилъ глаза» (стр. 598).

Вотъ каковы отцы! Они, въ противоположность дѣтямъ, проникнуты любовью и любовью, они люди нравственные, скромно и втихоходно дѣлающіе добрыя дѣла; они ни за что не хотятъ отстать отъ нѣки. Даже такой пустой фатъ, какъ Павелъ Петровичъ, и тотъ подвѣять на ходули и выставленъ человѣкомъ прекраснымъ. «Для него молодость прошла, но старость еще не наступила; онъ сохранилъ юношескую стройность и то стремленіе вверхъ, прочь отъ земли, которое юнѣею частію исчезаетъ послѣ двадцатыхъ годовъ». Это человѣкъ

тоже съ душою и поэзіею; въ юности онъ любилъ страстно, возвышенною любовью одну даму, «въ которой было что-то завѣтное и недоступное, куда никто не могъ проникнуть, и что гнѣздилося въ этой душѣ—Богъ вѣсть», и которая много смахиваетъ на г-жу Свѣчину. Когда она разлюбила его, онъ какъ бы умеръ для міра, но свято сохранилъ свою любовь, не влюбился въ другой разъ, «не ждалъ ничего особеннаго ни отъ себя, ни отъ другихъ, и ничего не предпринималъ», и потому остался жить въ деревнѣ у брата. Но онъ жилъ не бесполезно, читалъ много, «отличался безукоризненною честностью», любилъ брата, помогалъ ему своими средствами и мудрыми совѣтами. Когда, бывало, братъ разсердится на мужичковъ и хочетъ ихъ наказывать, Павелъ Петровичъ вступался за нихъ, и говорилъ ему: *du calme, du calme*. Онъ отличался любознательностью, и всегда съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за опытами Базарова, не смотря на то, что имѣлъ полное право ненавидѣть его. Самымъ же лучшимъ украшеніемъ Павла Петровича была его нравственность. — Базарову понравилась Феничка, «и Феничкѣ понравился Базаровъ»; «онъ, однажды крѣпко поцаловалъ ее въ раскрытыя губы», чѣмъ и «нарушилъ всѣ права гостепріимства» и всѣ правила нравственности. «Сама же Феничка хотя и уперлась обѣими руками въ его грудь; но уперлась слабо, и онъ могъ возобновить и продлить свой поцалуй» (стр. 611). Павелъ же Петровичъ былъ даже влюбленъ въ Феничку, нѣсколько разъ приходилъ въ ея комнату «ни зачѣмъ», нѣсколько разъ оставался съ нею наединѣ; но онъ не былъ настолько низокъ, чтобы поцаловать ее. Напротивъ, онъ настолько былъ благороденъ, что изъ-за поцалуйа подрался съ Базаровымъ на дуэли, настолько благороденъ, что только однажды «прижалъ ея руку къ своимъ губамъ, и такъ приникъ къ ней, не давая ей и только изрѣдка судорожно вздыхая» (буквально такъ, стр. 625) и наконецъ настолько былъ самоотверженъ, что сказалъ ей: «любите моего брата, не измѣняйте ему ни для кого на свѣтѣ, не слушайте ничьихъ рѣчей»; и чтобъ долѣе не соблазняться Феничкой онъ уѣхалъ за границу, «гдѣ его можно видѣть и теперь въ Дрезденѣ на Брюлевской терасѣ, между 2-мя и 4-мя часами» (стр. 661). И этотъ—то умный, солидный человѣкъ прегордо обращается съ Базаровымъ, даже руки ему не даетъ, и до самозабвенія погружается въ заботы о франтовствѣ, умащаетъ себя благовоніями, щеголяетъ англійскими костюмами, фесками и тугими воротничками, «съ неумолимостью упиравшимися въ подбородокъ»; ногти у него такіе розовые и чистые, «хоть на выставку посылай». Въдъ это все смѣшно, говорилъ Базаровъ,—и правда. Конечно и неряшество не хорошо; но и излишнія заботы о щегольствѣ показываютъ въ человѣкѣ пустоту и отсутствіе серьезности. Можетъ ли такой человѣкъ быть любозна-

гладилъ; можетъ ли онъ съ своими благоволяи, съ бѣлыми ручками и робкими потными пальцами серьезно за изученіе чего нибудь призаго, или зловоннаго? Самъ же г. Тургеневъ такъ выразился о своемъ любимцѣ Павелѣ Петровичѣ: «разъ даже онъ приблизилъ свое радушенное и вымытое отличными снадобьемъ лицо къ микроскопу, для того, чтобъ посмотрѣть, какъ прозрачная инфузорія глотаетъ зеленую пылинку». Экой подмигъ, подумаешь, но еслибъ под микроскопомъ лежала не инфузорія, а какая нибудь вещь — фитъ; если бъ ее нужно было взять благоволяиими ручками, Павелъ Петровичъ отказался бы отъ своей любознательности; онъ даже не вошелъ бы и въ комнату къ Базарову, если бъ въ ней былъ очень сильный медико-хирургическій запахъ. И такого-то человѣка выдаютъ за серьезнаго, жаднаго знаній; — что за противорѣчіе такое! къ чему не естественное сочетаніе свойствъ, исключаютшихъ одно другое — пустоты и серьезности? Какой же вы, читатель, недогадливыи; да это нужно было для тенденціи. Припомните, что старое поколѣніе уступаетъ молодежи тѣмъ, что въ немъ «больше слѣдовъ барства»; но это, конечно, не важность и пустяки; а въ существѣ дѣла старое поколѣніе ближе къ истинѣ и серьезнѣе молодого. Вотъ эта-то идея серьезности стараго поколѣнія съ слѣдами барства въ видѣ лица, въ мыскаго отличнаго снадобьемъ и въ тутыхъ воротничкахъ, и есть Павелъ Петровичъ. Этимъ же объясняются и несообразности въ изображеніи характера Базарова. Тенденція требуетъ: въ молодомъ поколѣніи меньше слѣдовъ барства; въ романѣ поэтому и говорится, что Базаровъ возбуждалъ къ себѣ довѣріе въ людяхъ низшихъ, они приващались къ нему и любили его; видя въ немъ не барина! Другая тенденція требуетъ: молодое поколѣніе ничего не смысляетъ, ничего не можетъ сдѣлать хорошаго для отечества; романъ и исполняетъ это требованіе, говоря, что Базаровъ не умѣлъ даже понятно говорить съ мужиками, а не то, чтобъ еще возбудить къ себѣ довѣріе; они и надѣвались надъ нимъ, видя въ немъ пожалованную ему авторомъ глупость. Тенденція, тенденція испортила все дѣло; — «все французъ гадитъ!»

Итакъ, высокія преимущества стараго поколѣнія предъ молодымъ несомнѣны; но они будутъ еще несомнѣннѣе, когда мы рассмотримъ подробнѣе качества «дѣтей». Каковы же «дѣти»? Изъ тѣхъ «дѣтей», которыхъ выведены въ романѣ, только одинъ Базаровъ представляется человѣкомъ самостоятельнымъ и не глупымъ; подъ какими вліяніями сложился характеръ Базарова, изъ романа не видно; неизвѣстно также, откуда онъ заимствовалъ свои убѣжденія и какія условия благодѣйствовали развитію его образа мыслей. Если бъ г. Тургеневъ подумалъ объ этихъ вопросахъ, онъ непремѣнно изъяснилъ бы свои по-

цятя объ отцахъ и дѣтяхъ. Е. Тургеневъ, ничего, не сказавъ про то участіе, какое могло принимать въ развитіи героя наученіе естественныхъ наукъ, составлявшихъ его спеціальность. Онъ говоритъ, что герой принялъ извѣстное направленіе въ образѣ мыслей въ слѣдствіе ощущенія; что это значитъ, — понять нельзя; но чтобы не оскорбить философской проницательности автора, мы видимъ въ этомъ ощущеніи просто только поэтическую остроту. Какъ бы то ни было мысли Базарова самостоятельны, онъ принадлежитъ ему, его собственной дѣятельности ума; онъ учитель; другіе «дѣти» романа, глуповатые и пустые, слушаютъ его и только бессмысленно повторяютъ его слова. Кромѣ Аркадія, таковъ напр. Ситниковъ, котораго авторъ при всякомъ удобномъ случаѣ коритъ тѣмъ, что его «батюшка все по-окупамъ». Ситниковъ считаетъ себя ученикомъ Базарова и обязаннымъ ему своимъ перерожденіемъ: «новѣрите ли, говорилъ онъ, что когда примѣ Евгений Васильевичъ сказалъ, что не должно призывать авторитетовъ, я почувствовалъ такой восторгъ.... словно прозрѣлъ! Вотъ, подумалъ я, наконецъ нашелъ я человѣка!» Ситниковъ разсказывалъ учителю о Евдохіе Кукшиной, образчикѣ современныхъ дочерей. Базаровъ тогда только согласился отправиться къ ней, когда ученикъ увѣрилъ его, что у ней будетъ много шампанскаго. Они отправились. «Въ передней встрѣтила ихъ какая-то, не то служанка, не то компаньонка въ чепцѣ, — явные признаки прогрессивныхъ стремленій хозяйки», язвительно замѣчаетъ г. Тургеневъ. Другіе приемыши состояли въ слѣдующемъ: «на столѣ валялись номера русскихъ журналовъ, большую часть неразрѣзанные; вездѣ бѣлѣли окурки папирсы; Ситниковъ развалился въ креслахъ и задралъ ногу къверху; разговоръ идетъ о Жоржъ-Зандѣ и Прудонѣ; наши женщины дурно воспитаны; нужно измѣнить систему ихъ воспитанія; долой авторитеты; долой Маколей; Жоржъ-Зандъ, по словамъ Евдохіе, и не слыхивала объ эмбриологіи.» Но самый главный признакъ таковъ:

«— Мы вотъ добрались, сказалъ Базаровъ, до послѣдней капли.»

«— Чего? перебила Евдокія.»

«— Шампанскаго, почтеннѣйшая, Авдотья Никитишна, шампанскаго — не вашей крови.»

«Завтракъ продолжался долго. За первую бутылкой шампанскаго послѣдовала другая, третья и даже четвертая... Евдокія болтала безъ умолку; Ситниковъ ей вторилъ. Много толковали они о томъ, что такое бракъ — предразсудокъ или преступленіе? и какіе родятся люди — одинаковые или нѣтъ? и въ чемъ собственно состоитъ индивидуальность? Дѣло дошло наконецъ до того, что Евдокія, вся красная отъ выпитаго вина (он!), и стуча ялоскими ногтями по клавишамъ разстроеннаго фортепiano, принялась пѣть сплѣтыхъ голосомъ сперва цыганскія пѣсни, потомъ романсы Сеймура Шиффа: «Дремлетъ сонная Гренада», а Сит-

никотъ повязалъ голову шарфомъ и представлялъ сангвизиннаго любовника, при слезахъ:...

«И уста твои съ мои
Въ поцалуй горячій слить!»

«Аркадій не вытерпѣлъ наконецъ. «Господа, ужъ это что-то на Бедламъ похоже стало», замѣтилъ онъ вслухъ. Базаровъ, который лишь вѣрдка вставлялъ въ разговоръ насмѣшливое слово — онъ занимался больше шампанскимъ — громко звнуль, всталъ и, не прощаясь съ хозяйкой, вышелъ вонъ вмѣстѣ съ Аркадіемъ. Ситниковъ выскочилъ вслѣдъ за ними» (стр. 536—537). — «Затѣмъ Кукшина попала за границу. Она теперь въ Гейдельбергѣ; по прежнему джидётся съ студентами, особенно съ молодыми русскими физиками и химиками, которые удивляютъ профессоровъ своимъ совершеннымъ бездѣйствіемъ и абсолютною глупью» (стр. 662).

Браво, молодое поколѣніе! отлично подвизается за прогрессъ; и какое же сравненіе съ умными, добрыми и нравственно-степенными «отцами»? Даже лучший представитель его оказывается пошлѣйшимъ господиномъ. Но все-таки онъ лучше другихъ; онъ говоритъ съ сознаниемъ и высказываетъ собственные сужденія, ни отъ кого не заимствованныя, какъ оказывается изъ романа. Мы и займемся теперь этимъ лучшимъ экземпляромъ, молодого поколѣнія. Какъ сказано выше, онъ представляется человѣкомъ холоднымъ, не способнымъ къ любви, ни даже къ самой обыкновенной привязанности; даже женщину онъ не можетъ любить поэтическою любовью, которая такъ привлекательна въ старомъ поколѣніи. Если, по требованію животнаго чувства, онъ и полюбитъ женщину, то полюбитъ одно только тѣло ея; душу въ женщинѣ онъ даже ненавидитъ; онъ говоритъ: «что ей совѣмъ и понимать не нужно серьезной бесѣды, и что свободно мыслить между женщинами только уроды». Эта тенденція въ романѣ олицетворяется слѣдующимъ образомъ. На балѣ у губернатора Базаровъ увидѣлъ Одинцову, которая поразила его «достоинствомъ своей осанки»; онъ и влюбился въ нее, т. е. собственно не влюбился, а почувствовалъ къ ней такое-то ощущение, похожее на злобу, которое г. Тургеневъ старается охарактеризовать такими сценами.

«Визаревъ была великій охотникъ до женщинъ и до женской красоты, но любовь въ смыслѣ идеальномъ или, какъ онъ выражался, романтическомъ, называлъ белибердой, непростительною дурью. — «Нравится тебѣ женщина», говорилъ онъ, «старайся добиться толку; а не выйдетъ — ну, не надо, отвернись — земля не кланомъ сошлась». Одинцова ему нравилась; слѣдовательно...

«— Мнѣ сейчасъ сказывалъ одинъ баринъ, говорилъ Базаровъ,

обращаясь къ Аркадію: — что эта госпожа — ей, ой; да баринъ, кажется, дуракъ. Ну, а по твоему, что она точно — ой, ой, ой? —

«— Я этого опредѣленія не совсѣмъ принимаю, отвѣчала Аркадія»

«— Вотъ еще! Какой невинный!

«— Въ такомъ случаѣ я не принимаю твоего барина. Одишкова очень мила — безспорно, но она дакъ холодно и строго себя держитъ, что...

«— Въ тихомъ омутѣ ты знаешь! подхватилъ Базаровъ. — Ты говоришь, она холодна. *Въ атомъ-то самый вкусъ и есть.* Въдь ты любишь мороженое.

«— Можетъ быть, пробормоталъ Аркадія: — я объ этомъ судить не могу»

«— Ну? говорилъ Аркадія ему на улицѣ: — ты все того же мнѣнія, что она — ой, ой, ой?

«— А кто ее знаетъ! Видно, какъ она себя заморозила! возразилъ Базаровъ и, помолчавъ немного, прибавилъ: — герцогиня, владѣтельная особа. Ей бы только шлейфъ свади носить да корону на головѣ.

«— Наши герцогини такъ по русски не говорятъ, замѣтилъ Аркадія.

«— Въ передѣлкѣ была, братецъ ты мой, *нашего халба* покушала.

«— А все-таки она прелесть, промолвилъ Аркадія.

«— *Эдакое богатое тѣло!* продолжалъ Базаровъ: — хоть сейчасъ въ анатомическій театръ.

«— Перестань ради Бога, Евгений! это ни на что не похоже.

«— Ну, не сердись, нѣженка. Сказано — первый сортъ. Не до будетъ повхатъ къ ней» (стр. 545).

«Базаровъ всталъ и подошелъ къ окну (въ кабинетъ Одишковой, наединѣ съ нею). — Вы желали бы знать, что во мнѣ происходитъ?»

«— Да, повторила Одишкова, съ какою-то ея еще неподатливой испугомъ.

«— И вы не разсердитесь?

«— Нѣтъ.

«— Нѣтъ? — Базаровъ стоялъ къ ней спиной. — Такъ знайте же, что я люблю васъ глупо, безумно... Вотъ чего вы добились.

«Одишкова протянула впередъ обѣ руки, а Базаровъ уперся лбомъ въ стекло окна. Онъ задышался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не ослѣпленій ужасъ порою признакія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, стучалась и тлѣла — страсть, похожая на злобу и, любя, мстившая, среднѣ... Одишковой стало и страшно, и жалко его.

«— Евгений Васильевичъ, проговорила она, и невольная дрожь завзвѣла въ ея голосѣ.

«Онъ быстро обернулся, бросилъ на нее пошарившій взоръ — и, схвативъ ея обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь...

«Она не тотчасъ отбодилась изъ его объятій; но мгновенно спустя, она уже стояла далеко въ углу, и глядѣла оттуда на Базарова» (догадалась, въ чей дѣло).

«Она, развудая къ ней...»
 «... Вышла из комнаты, представила ей съ торопливой испуготы; Калашова, слышавши еще разъ, она бы въспрыгнула въ Базарова; заку-
 сль, губы и вышель» (туда ему и дорога).

«Она до яблуды не показывалась; и все ходила вадь и вперодъ по
 своей комнатѣ, и медленно проводила, влукотъ по шеѣ, на которой
 ей все чудилось горячее пятно (должно быть, меракій поцалуи Базаро-
 ва). Она спрашивала себя, что заставляло ее «добиваться», по вы-
 раженію Базарова, его откровенности, и не подозрѣвала ли она чего
 ивудь... «Я виновата», промолвила она вслухъ, «но я это не могла
 предвидѣть». Она задумывалась и красѣла, вспоминая почти звѣрское
 лицо Базарова, когда онъ бросился къ ней.»

«Вотъ истинно чертъ тургеневской характеристикки «дѣтей»; чер-
 ть дѣйствительно неизвѣстная, и не лестная для молодого поколѣ-
 нія, — что же дѣлать? Съ ними нечего было бы дѣлать и нечего было
 бы сказать противъ нихъ, если бы романъ г. Тургенева былъ обли-
 чительною повѣстью въ модерантивномъ духѣ, т. е. вооружался бы
 противъ злоупотребленій дѣла, а не противъ его сущности, какъ напр.
 въ повѣстяхъ изъточникъ возставали не противъ чиновничества, а толь-
 ко противъ злоупотребленій чиновничьихъ, противъ вадтокъ; само же
 чиновничество оставалось неприкосновеннымъ; были дурные чиновни-
 ки, ихъ же обличали. Въ этомъ случаѣ смыслъ романа — вотъ какіе «дѣти»
 попадаютъ ивудгда! — былъ бы непоколебимъ. Но судя по тенденціямъ
 романа, онъ принадлежитъ къ формѣ обвинительной радикальной и
 походитъ на повѣсти, положимъ, откупныя, въ которыхъ выража-
 лась мысль объ уничтоженіи самаго откупа, не только его злоупотре-
 бленій; смыслъ романа, какъ мы уже замѣтили выше, совершенно
 другой — вотъ какъ дурны «дѣти!» Но возражать и противъ такого
 смысла въ романѣ какъ-то шолово; пожалуй, обличать въ пристрастїи
 къ молодому поколѣнію, а что еще хуже станутъ укорять въ недостат-
 къ самообличенія. Поэтому пускай кто хочеть защищеть молодое по-
 колѣніе, только не мы. Вотъ женское молодое поколѣніе, это другое
 дѣло; тутъ мы въ сторонѣ, и никакое самовосхваленіе и самообличе-
 ніе невозможно. — Вопросъ о женщинахъ «юдавятъ» недавно, на на-
 шить гизахъ и безъ вѣдома г. Тургенева; «поставленъ» онъ совер-
 шенно неожиданно, и для многихъ вочтенныхъ господъ, какъ напр.
 для «Русск. Вѣсти», былъ совершеннѣйшимъ сюрпризомъ, такъ что
 этотъ журналъ, по поводу безобразнаго поступка прежняго «Вѣка»,
 съ недоумѣніемъ спрашивалъ: о чемъ хлонути русскія женщины,
 чего имъ не достаетъ и чего они хотять? Женщины, къ удивленію
 вочтенныхъ господъ, отвѣчали, что они хотять между прочимъ
 учитья тому, чему учать мужчинъ, учитья не въ навіонахъ и ни-

стигутахъ, а въ другихъ мѣстахъ. Нечего дѣлать, покрываю для нихъ гимназическія платья, говорятъ она; и этого мало, и подавай намъ болонку; они захотѣли «покупить» и шапочку гдѣ-то; но въ ирисеетъ, съ самаго г. Тургенева, а въ смыслѣ того гдѣ-то, который имѣетъ разнаго разумнѣй человѣкъ. Дали ли имъ болонку, и она была бы болонка; — это съ точностью неизвѣстно («А дѣйствительно съ ней и тѣмъ эманипированныя женщины; какъ Еухокіа Жукина; хотя все-таки, можетъ быть, не пиваются шампанскимъ; болтаютъ же такъ точно, какъ и она. Но и при этомъ намъ кажется несправедливостью выставлять ее какъ образчикъ современной эманипированной женщины съ прогрессивными стремлениями. Г. Тургеневъ, къ сожалѣнію, наблюдаетъ общество изъ прекраснаго далека; поблизи онъ бы увидѣлъ женщинъ, которыя съ большой справедливостію можно было бы изобразить мѣсто Жукиной, какъ экзemplары современнаго дочерей. Женщины, особенно въ послѣднее время; довольно часто стали появляться въ разныхъ школахъ въ качествѣ учительницъ, безсмысленны, а въ болѣе умныхъ — въ качествѣ ученицы. Впрочемъ и у нихъ, г. Тургеневъ, возможна настоящая любознательность и дѣйствительная потребность науки. Мнѣ же, что же за охота была бы имъ гаснаться и преслѣдовать не нѣсколько часовъ гдѣ нибудь въ душень ихъ и неблагоустроенныхъ дѣла сажь и акутериль, а мѣсто того, чтобъ проматать это время гдѣ нибудь въ болѣе комфортабельномъ мѣстѣ; на мягкихъ диванахъ, и побаваться Батяной Пушкина, или хоть какими производящими). Павелъ Пестряковъ, по вашимъ же словамъ, удостоивъ гонимости умашенное оладобнымъ лицомъ микроскопу; а мѣкоторыя изъ живыхъ дочерей считаютъ за честь для себя гонимости свое поумашенное лицо къ вокамъ, которыя еще болѣе — он!, чѣмъ микроскопъ съ мнѣю зорилни. Случается, что подъ руководствомъ какого-нибудь студента молодая дѣвушка собственными руками, пошлѣннѣ ручкой Павла Пестрякова, разрѣзываютъ неблагоустроенный трупъ и даже смотрятъ на операцию анатоміи. Это чрезвычайно неостаточно и даже опасно, такъ что вслѣдъ порядочный человѣкъ изъ породы «оидовъ» являющій было этому случаю; а «дѣти» смотрятъ на это дѣло чрезвычайно просто; что же тутъ такого дурнаго, говорятъ они. Все это, можетъ быть, рѣшѣніи исключенія, и въ болышинствѣ случаевъ молодое женское пошлѣннѣ руководится въ своихъ прогрессивныхъ дѣйствіяхъ, горосомъ, повестствомъ, фальшаремствомъ и т. д. Не споримъ; очень возможно и это. Но вѣдь разница въ предметахъ неблагоустроенной дѣятельности: дѣло различное знаніе и самой неблагоустроенности. Мной, наприимѣръ, для шку и по капризу бросаетъ деньги въ пользу бѣдныхъ; а другой также точно для шку и по капризу колетитъ свою прислугу, или подшляющихся. И въ томъ и въ другомъ случаѣ одинъ капризъ; а разница

между ними: большая; и на этой из этих депривов художники
 делают прелесть больше остроумия и жеманства литературных обя-
 зательств. Ограниченное количество литературы конечно самобытно; но
 этого развѣ и больше, а главное — прерывающа медоната; шаржескихъ
 гримасъ и комедій. Это соображеніе можно приложить и къ рассу-
 дившимъ о женскомъ молодомъ поколѣніи; гораздо лучше «оросить кни-
 гой»; чѣмъ «кроволивать»; «покачивать съ наукой»; дѣмъ съ пустыми
 еривками; «сифаронить на ассидяхъ»; чѣмъ на балахъ. Это намѣшеніе
 предстветвъ, на которые направлено жеманство и сифаронство доче-
 рей, конечно характерно и не представляетъ духъ времени въ онемъ
 неподомомъ свѣтѣ. Подумайте, пожалуйста, г. Тургеневъ; что это все
 означивъ, и отчего это вредно: женское поколѣніе не «оросило» на уче-
 тельскихъ креслахъ; и «ученическое» славойзакъ; отчего ему и въ го-
 лову не приходило «взвратыва въ аудиторіи»; и «кнаться съ студента-
 ми, хоть бы по какому, отчего для его сердца было всегда мѣсто
 «взравъ пвардойца съ усиками»; чѣмъ видѣ студента, «ожалкомъ» суще-
 ствованіи; которого: оне едва ли и допалывалось? Отиссе — прожонна
 такая «перемѣна въ женскомъ молодомъ поколѣніи»; «а что тамъ съ его
 къ студентамъ, къ Базарову; а не къ Павлу Петровичу? «Это все отъ
 воды лустой», скажетъ г. Каломаревъ, котораго, «учившимъ» словесамъ
 «надне» вынмало и женское молодое поколѣніе. Да отчего же «млада-го
 нивенно» такая, а не другая? Прежде въ женщинахъ было «что-го за-
 вѣтвое»; куда нивло: не могъ «прошкнуть». Не что же лучше — завѣт-
 ность и «шаронцаемость»; или «любознательность» и «охота въ ясности,
 къ ученію? и надъ чѣмъ «сѣдуетъ» больша «осмѣляться»? Впрочемъ не
 намъ «учить» г. Тургенева; мы сами лучше «поучили» у него. Онь «за-
 брала» Кукину въ сибирскомъ видѣ; но его Павелъ Петровичъ, луч-
 шій представитель стараго поколѣнія, «гораздо»; «сифише»; «ей-богу.
 Представьте себѣ, живетъ онъ деревнѣ баринъ; уже «взрабливащійся»
 къ старости, и все свое время «убиваетъ» на то; «чтобы мыслить»; да «чи-
 ститься»; «ноги» у него розовыя, «вычищенные» да «ослѣпительнаго» бле-
 ска, «блоснѣжные»; «рукавички» съ «ручными» «опадами»; въ различные
 времена дня онъ «одѣвается» въ различные «костюмы»; «почти» «ежечасно»
 онъ «перевѣляетъ» галстучки «однѣ» другаго «лучше»; «благословіи» «по-
 сечь» отъ него на «цѣлую» версту; «даже» въ «разъбадахъ» онъ «везетъ» съ
 собой «серебряный» «несессеръ» и «поподку»; «ваши»; «за» Павелъ Петри-
 чичъ. А вотъ, въ губернскомъ городѣ живетъ молодая «женщина»; «при-
 ниваетъ» къ себѣ «молодыхъ» людей; «не» «несмотря» на это, она не «слиш-
 комъ»; «заботится» о «своихъ» «костюмахъ» и «туалетѣ»; «— чѣмъ» г. Тургеневъ
 думалъ «унизить» ее въ глазахъ «читателей». Ходитъ она «въ «блоснѣжно» рас-
 «трещанная», «въ шелковомъ» не «совсѣмъ» «опратномъ» «платѣ»; «бархатная»
 «шубка» ея «на пожелтѣломъ» «горностаевомъ» «мѣху»; и въ тоже время

почитываетъ кое-что изъ физики и химіи, читаетъ статьи о женевцахъ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, а все-таки разсуждаетъ о эмбріологій, эмбріологій, о бракъ и проч. Все это немаловажно; но все же она не издаетъ эмбріологій английской королевы, а пожалуй скажетъ даже, что это за наука такая и чѣмъ она занимается, — и то хорошо. Вотъ таки Кукшица не такъ пуста и ограничена, какъ Павелъ Петровичъ; все-таки ея мысли обращены на предметы болѣе серьезныя, чѣмъ веселіе, галстучки, воротнички, свадьбы и ванны; а этикъ она видимо пренебрегаетъ. Она выписываетъ журналы, но не читаетъ и даже не разрѣзываетъ ихъ, а все-таки это лучше, чѣмъ выписывать билеты изъ Парижа и утренніе костюмы изъ Англіи, подобно Павлу Петровичу. Спрашиваемъ самыхъ что ни на есть рьяныхъ поклонниковъ г. Тургенева: какой изъ этихъ двухъ личностей они дадутъ преимущество и кого они сочтутъ болѣе достойнымъ литературнаго осмѣленія? Только несчастная тенденція заставила его самого поднять на ходули своего любимца и осмѣять Кукшицу. Кукшица дѣйствительно смѣлива; за границей она якшается съ студентами; но все же это лучше, чѣмъ показывать себя на Брюлевской террасѣ между 2-ми и 4-ми часами, и гораздо простижельнѣе, чѣмъ почтенному престарѣлому человѣку лишаться съ парижскими танцовщицами и пѣвицами. Вы, г. Тургеневъ, осмѣиваете стремленія, которыя бы заслуживали поощренія и одобренія со стороны всякаго благомыслящаго человѣка, — мы не имѣемъ здѣсь въ виду стремленія къ шампанскому. И безъ того много терній и препятствій встрѣчаютъ на пути молодая женщины, желающія учиться посерьезнѣе; и безъ того зловѣчные сестры ихъ колотъ имъ глаза «синими чулками»; и безъ насъ у насъ есть много тупыхъ и грязныхъ господъ, которые тоже, подобно вамъ, укоряютъ ихъ за растрепанность и отсутствіе кринолиновъ, издѣваются надъ ихъ нечистыми воротничками и надъ ихъ ногтями; не имѣющими той хрустальной прозрачности, до которой довелъ свои ногти вашъ милый Павелъ Петровичъ. Довольно бы и этого; а вы еще напрягаете свое остроуміе на придумываніе для нихъ новыхъ оскорбительныхъ прозвищъ, и хотите пустить въ ходъ Бидохіе Кукшицу. Или вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эмансипированныя женщины хлопчутъ только о шампанскомъ, папироскахъ и студентахъ, или объ нѣсколькихъ одновременныхъ мужьяхъ, какъ воображаетъ вашъ собратъ по искусству г. Безрыловъ? Это еще хуже, потому что набрасываетъ невыгодную тѣнь на вашу философскую сообразительность; но и другое — насмѣшки — тоже хорошо, потому что заставляетъ сомнѣваться въ вашей симпатіи всему разумному и справедливому. Мы лично расположены въ пользу перваго предположенія.

Молодое поколѣніе мужское мы защищать не станемъ; оно дѣйствительно таково и есть, какимъ изображено въ романѣ. Такъ точно мы соглашаемся, что и старое поколѣніе нисколько не разукрашено, а представлено такъ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ со всеми его почетными качествами. Мы только не понимаемъ, почему. Тургеневъ даетъ предпочтеніе старому поколѣнію; молодое поколѣніе его романа нисколько не уступаетъ старому. Качества у нихъ различны, но одинаковы по степени и достоинству; каковы отцы, таковы и дѣти; отцы—дѣтямъ—слѣды барства. Мы не будемъ защищать молодаго поколѣнія и нападать на старое; а только попытаемся доказать вѣрность этой формулы равенства. — Молодежь отталкиваетъ отъ себя старое поколѣніе; это весьма нехорошо, вредно для дѣла и не дѣлаетъ чести молодежи. Но отчего же старое поколѣніе, болѣе благоразумное и опытное, не принимаетъ мѣръ противъ этого отталкиванія и почему оно не старается привлечь къ себѣ молодежь? Николай Петровичъ, человекъ солидный, умный, желалъ сблизиться съ молодымъ поколѣніемъ, но, услышавъ какъ мальчишка называлъ его отставнымъ, онъ раздвинулся, сталъ оплакивать свою отсталость и сразу созналъ бесполезность своихъ усилій не отстать отъ вѣка. Что за слабость такая? Если онъ сознавалъ свою справедливость, если онъ понималъ стремленія молодежи и сочувствовалъ имъ, то ему легко было бы привлечь на свою сторону сына. Базаровъ мѣшалъ? Но какъ отецъ, связанный съ сыномъ любовью, онъ могъ бы легко побѣдить влияние на него Базарова, еслибъ имѣлъ на это охоту и умѣнье. А въ союзѣ съ Павломъ Петровичемъ, непобѣдимымъ диалектикомъ, онъ могъ бы обратить даже самого Базарова; вѣдь только стариковъ учить и перечивать трудно, а юность очень воспримчива и подвижна, и нельзя же думать, чтобы Базаровъ отказался отъ истины, если бы она ему была показана и доказана? Г. Тургеневъ съ Павломъ Петровичемъ истощили все свое остроуміе въ спорахъ съ Базаровымъ и не скупились на рѣзкія и оскорбительныя выраженія; однако Базаровъ не раздвинулся, не смутился и остался при своихъ мнѣніяхъ, не смотря на всѣ возраженія противниковъ; должно быть потому, что возраженія были плохи. Итакъ «отцы» и «дѣти» одинаково правы и виноваты во взаимномъ отталкиваніи; «дѣти» отталкиваютъ отцовъ, а эти пассивно отходятъ отъ нихъ, и не умѣютъ привлечь ихъ къ себѣ; равенство полное. — Далѣе, молодежь мужская и женская кутитъ и пьетъ; это она не хорошо дѣлаетъ, защищать ее нельзя. Но кутежи стараго поколѣнія были гораздо величественнѣе и размахистѣе; сами же отцы часто говорятъ молодежи: «нѣтъ, не пить вамъ такъ, какъ пивали мы во время оно, когда были молодымъ поколѣніемъ; мы какъ простую воду пили медъ и крѣпкое вино». И дѣйствительно, единодушно признано

всѣми, что настоящее, молодое поколѣніе кутитъ меньше, чѣмъ прежде. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ между учащими и учащимися сохраняются преданія о гомерическихъ кутежахъ и попойкахъ прежней молодежи, соответствующей нынѣшнимъ отцамъ; даже въ alma mater, московскомъ университетѣ, зачастую случались сцены, описанныя г. Толстымъ въ воспоминаніяхъ объ его юности. Но, съ другой стороны, сами же учащіе и начальствующіе находятъ, что прежнее молодое поколѣніе отличалось за то большею нравственностью, большимъ повиновеніемъ и уваженіемъ къ начальству, и вовсе не имѣло того строитиваго духа, которымъ проникнуто нынѣшнее поколѣніе, хоть оно и меньше кутитъ и дебоширствуетъ, какъ увѣряютъ сами же начальствующіе. Итакъ недостатки у обоихъ поколѣній совершенно равны; прежде не толковало о прогрессѣ, правахъ женщинъ, но кутило на славу; нынѣшнее кутитъ меньше, но азартно кричитъ въ пьяномъ видѣ — долой авторитеты, и отличается отъ прежняго безнравственностью, неуваженіемъ къ законности, издѣвается даже надъ о. Алексѣемъ. Одно другаго стоимъ, и трудно отдать комунибудь предпочтеніе, какъ сдѣлалъ г. Тургеневъ. Опять таки и въ этомъ отношеніи равенство между поколѣніями полное. — Наконецъ, какъ видно изъ романа, молодое поколѣніе не можетъ любить женщину, или любить ее глупо, безумно. Прежде всего оно смотритъ на тѣло женщины; если тѣло хорошо, если оно «эдакое богатое», тогда женщина нравится молодымъ людямъ. А коль скоро женщина понравилась имъ, они «стараятся только добиться толку», и больше ничего. И это все конечно сиверно и свидѣлствуетъ о бездушіи и цинизмѣ молодаго поколѣнія; нельзя отрицать этого качества въ молодомъ поколѣніи. Какъ поступало въ дѣлахъ любви старое поколѣніе, «отцы», — этого мы съ точностью опредѣлить не можемъ, такъ какъ это было по отношенію къ намъ во времена до-историческихъ; но судя по нѣкоторымъ геологическимъ фактамъ и животнымъ остаткамъ, къ числу которыхъ относится и наше собственное существованіе, можно догадываться, что всѣ безъ исключенія «отцы» всеусердно «добивались толку» отъ женщинъ. Потому что, кажется, можно сказать съ нѣкоторою вѣроятностію, что если бы «отцы» любили женщинъ не глупо и не добивались толку, то они не были бы отцами и существованіе дѣтей было бы невозможно. Такимъ образомъ и въ любовныхъ отношеніяхъ «отцы» поступали такъ же точно, какъ поступаютъ теперь дѣти. Эти апіористическія сужденія могутъ быть неосновательны и даже ошибочны; но они подтверждаются несомнѣнными фактами, представляемыми самимъ романомъ. Николай Петровичъ, одинъ изъ отцовъ, любилъ Фенячку; какъ началась и къ чему привела эта любовь? «Но воскресеньямъ въ приходской церкви онъ

замѣчалъ тонкій профиль ея бѣленькаго лица» (въ храмѣ Божиѣмъ такому солидному человѣку, какъ Николай Петровичъ, неприлично разсмѣкать себя подобными наблюденіями). «Однажды у Фенички заболѣлъ глазъ; Николай Петровичъ вылечилъ его, за что Феничка хотѣла поцаловать ручку у барина; но онъ не далъ ей своей руки, и сконфузившись самъ поцаловалъ ее въ наклоненную голову». Послѣ этого «ему все мерещилось это чистое, нѣжное, боязливо приподнятое лицо; онъ чувствовалъ подъ ладонями рукъ своихъ эти мягкіе волосы, видѣлъ эти невинныя, слегка раскрытыя губы, изъ-за которыхъ влажно блистали на солнцѣ жемчужныя зубки. Онъ началъ съ большимъ вниманіемъ глядѣть на нее въ церкви, старался заговаривать съ нею» (опять, почтенный человѣкъ, подобно маичишкѣ, зѣваетъ въ церкви на молоденькую дѣвушку; какой не хорошій примѣръ для дѣтей! Это равняется неуваженію, какое оказывалъ Базаровъ къ о. Алексію, а пожалуй еще и хуже). Итакъ, чѣмъ же Феничка прельстила Николая Петровича? Тонкимъ профилемъ, бѣленькимъ лицомъ, мягкими волосами, губами и жемчужными зубками. А всѣ эти предметы, какъ извѣстно всякому, даже не знающему анатоміи подобно Базарову, составляютъ части тѣла и вообще могутъ быть названы тѣломъ. Базаровъ, при видѣ Одинцовой, говорилъ: «эдакое богатое тѣло»; Николай Петровичъ, при видѣ Фенички, не говорилъ — г. Тургеневъ запретило ему говорить, — а думалъ: «какое миленькое и бѣленькое тѣло!» Разница, какъ согласится всякій, не очень большая, т. е. въ сущности нѣтъ никакой! Далѣе, Николай Петровичъ не посадилъ же Феничку подъ стеклянный прозрачный колпакъ, и не любовался ею издали, спокойно, безъ трепетанія въ тѣлѣ; безъ злобы и съ сладкимъ ужасомъ. Но — «Феничка была такъ молода, такъ одинока, Николай Петровичъ былъ такой добрый и скромный... (точки въ подлинникѣ). Остальное нечего досказывать». Ага! вотъ въ томъ-то и вся штука, въ томъ-то и несправедливость ваша, что въ одномъ случаѣ вы подробно «досказываете остальное», а въ другомъ — говорите, что нечего досказывать. Дѣло Николая Петровича вышло такъ невинно и мило оттого, что оно было закрыто двойной поэтической вуалью и фразы употреблены болѣе неясныя, чѣмъ при описаніи любви Базарова. Вслѣдствіе этого въ одномъ случаѣ выпшелъ поступокъ нравственный и благопристойный; а въ другомъ — грязный и неприличный. Позвольте-ка намъ «досказать остальное» и относительно Николая Петровича. Феничка такъ боялась барина, что однажды, по свидѣтельству г. Тургенева, спряталась въ высокую густую рожь, чтобы только не попасться ему на глаза. И вдругъ ее зовутъ однажды къ барину въ кабинетъ; бѣдняжка перепугалась и вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ; однако пошла, — нельзя же было ослушаться барина, который

могъ прогнать ее изъ своего дома; а видѣ его она не знала никого и ей угрожала голодная смерть. Но на порогѣ кабинета она остановилась, собрала все свое мужество, уперлась и ни за что не хотѣла войти. Павелъ Петровичъ нѣжно взявъ ее за ручки и потащилъ къ себѣ, лакей толкнулъ ее сзади и захлопнулъ за ней дверь. Феничка «уперлась лбомъ въ стекло окна» (припомните сцену Базарова съ Одинцовой) и стояла какъ вкопаная. Николай Петровичъ задышался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не «трепетаніе юношеской робости», потому что онъ былъ уже далеко не юноша, не «сладкій ужасъ перваго признанія» овладѣлъ имъ, потому что первое признаніе было передъ покойницей женой: несомнѣнно, стало быть, это «страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей». Феничкѣ стало еще болѣе страшно, чѣмъ Одинцовой съ Базаровымъ; Феничка вообразила, что баринъ съѣстъ ее, чего не могла вообразить опытная вдова Одинцова. Я тебя люблю, Феничка, люблю глупо, безумно, проговорилъ Николай Петровичъ, быстро обернувшись, бросилъ на нее пожирающій взоръ — и, схвативъ ее обѣ руки, внезапно привлекъ ее къ себѣ на грудь. Она, не смотря на всѣ усилія, не могла высвободиться изъ его объятій... Нѣсколько мгновеній спустя, Николай Петровичъ сказалъ, обращаясь къ Феничкѣ: «ты меня не понимала?» — «Да, баринъ», отвѣчала она всхлиывая и отирая слезы, «не понимала; что вы со мной надѣлали?» Остальное нечего досказывать. У Фенички родился Митя, да еще до законнаго брака; значитъ, былъ незаконнымъ плодомъ безнравственной любви. Значитъ и у «отцовъ» любовь возбуждается тѣломъ и оканчивается «толкомъ», Мишей и вообще дѣтьми; значитъ и въ этомъ отношеніи полное равенство между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Самъ Николай Петровичъ сознавалъ это и чувствовалъ всю безнравственность своихъ отношеній къ Феничкѣ, стыдился ихъ и краснѣлъ передъ Аркадіемъ. Чудакъ же онъ; если онъ признавалъ свой поступокъ незаконнымъ, то не слѣдовало бы ему и рѣшиться на него. А если рѣшился, то нечего же краснѣть и извиняться. Аркадій, видя эту непослѣдовательность отца, и прочиталъ ему «нѣчто въ родѣ наставленія», которымъ обидѣлся отецъ совершенно несправедливо. Аркадій видѣлъ, что отецъ сдѣлалъ дѣло и практически показалъ, что онъ раздѣляетъ убѣжденія сына и его друга; потому и увѣрялъ, что дѣло отца несправедливо. Еслибъ Аркадій зналъ, что отецъ не согласенъ съ его взглядами на это дѣло, онъ бы прочиталъ ему другое наставленіе, — за чѣмъ же ты папаша рѣшаешься на дѣло безнравственное, противное твоимъ убѣжденіямъ? — и былъ бы правъ. Николай Петровичъ не хотѣлъ жениться на Феничкѣ вслѣдствіе вліянія слѣдовъ барства, потому что она была ему неровня, и главное

потому, что боялся своего брата, Павла Петровича, у котораго было еще больше слѣдовъ барства, и который однакожь тоже имѣлъ виды на Оеничку. Наконецъ Павелъ Петровичъ рѣшился уничтожить въ себѣ слѣды барства и самъ потребовалъ, чтобы братъ женился. «Женись на Оеничкѣ... Она тебя любитъ; она — мать твоего сына.» — «Ты это говоришь, Паведь? — ты, котораго я считалъ прогивникомъ подобныхъ браковъ! Но развѣ ты не знаешь, что единственно изъ уваженія къ тебѣ я не исполнилъ того, что ты такъ справедливо называлъ моимъ долгомъ!» — «Напрасно-жь ты уважалъ меня въ этомъ случаѣ, отвѣчалъ Павелъ; я начинаю думать, что Базаровъ былъ правъ, когда упрекалъ меня въ аристократизмѣ. Нѣтъ, полно намъ ломаться и думать о свѣтѣ; пора намъ отложить въ сторону всякую суету» (стр. 627), т. е. слѣды барства. Такимъ образомъ «отцы» сознали наконецъ свой недостатокъ и отложили его въ сторону; чѣмъ и уничтожили единственное различіе, существовавшее между ними и дѣтьми. Итакъ наша формула видоизмѣняется такъ: «отцы» — слѣды барства = «дѣти» — слѣды барства. Отнявъ отъ равныхъ величинъ равныя, получимъ: «отцы» = «дѣтямъ»; что и требовалось доказать.

Этимъ ны и покончимъ съ личностями романа, съ отцами и дѣтьми, и обратимся къ философской сторонѣ, къ тѣмъ воззрѣніямъ и направленіямъ, которыя изображаются въ немъ, и которыя составляютъ принадлежность не молодаго поколѣнія только, а раздѣляются большинствомъ и выражаютъ общее современное направленіе и движеніе. — Какъ видно по всему, г. Тургеневъ взялъ для изображенія настоящихъ и такъ-сказать сегодняшній періодъ нашей умственной жизни и литературы, и вотъ какія черты открылъ въ немъ. Изъ разныхъ мѣстъ романа мы соберемъ ихъ вмѣстѣ. Прежде, видите ли, были гегелисты, а теперь въ настоящее время явились нигилисты. Нигилизмъ — философскій терминъ, имѣющій разные значенія; г. Тургеневъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ. «Нигилистомъ называется тотъ, который ничего не признаетъ; который ничего не уважаетъ; который ко всему относится съ критической точки зрѣнія; который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ». Прежде безъ *примисловъ*, принятыхъ на вѣру, шагу ступить не могли; теперь же не признаютъ никакихъ *примисловъ*. Не признаютъ искусства, не вѣрятъ въ науку и говорятъ даже, что наука вообще не существуетъ. Теперь все отрицаютъ, а строить не хотятъ; говорить, это не наше дѣло; сперва нужно мѣсто расчистить.

«Прежде, въ недавнее еще время, мы говорили, что чиновники на-

ши берутъ взятки, что у насъ нѣтъ ни дорогъ, ни торговли, ни правительнаго суда.

«— А потомъ мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ-называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вадоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ, и чортъ-знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣрiе насъ душитъ, когда всѣ наши акціонерныя общества ломаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ, *когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдеть намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ. Мы рѣшились ни за что не приниматься; а только ручаться. И это называется нигилизмомъ.* — Мы ломаемъ все, не зная почему; а просто потому, что мы сила. На это отцы возражаютъ: и въ дикомъ калмыкѣ, и въ монголѣ есть сила — да на что намъ она? Вы воображаете себя передовыми людьми, а вамъ бы только въ калмыцкой кибиткѣ сидѣть! Сила! Да вспомните наконецъ, господа сильные, что васъ всего четыре человѣка съ половиною, а тѣхъ миллионы, которые не позволяютъ вамъ попирать ногами свои священнѣйшія вѣрованія, которые раздавать васъ» (стр. 521).

Вотъ коллечкія современныхъ воззрѣній, вложенныхъ въ уста Базарову; что они такое? — карриатура, утрировка, происшедшія вслѣдствіе непониманія, и больше ничего. Авторъ направляетъ стрѣлы своего таланта противъ того, въ сущность чего онъ не проникъ. Онъ слышалъ разнообразныя голоса, видалъ новыя мнѣнія, наблюдалъ оживленные споры; но не могъ добраться до ихъ внутренняго смысла, и потому въ своемъ романѣ онъ коснулся однихъ только верхушекъ, однихъ словъ, которыя произносились вокругъ него; понятія же, соединенныя съ этими словами, остались для него загадкою. Онъ не знаетъ даже точно заглавія той книги, на которую онъ указываетъ какъ на кодексъ современныхъ воззрѣній; что же сказалъ бы онъ, еслибъ его спросили о содержаніи книги? Вѣроятно отвѣтилъ бы только, что она не признаетъ различія между лягушкой и человѣкомъ. Въ своемъ простодушіи онъ вообразилъ, что понялъ Бюхнерова Kraft und Stoff, что въ немъ заключается послѣднее слово современной премудрости, и что онъ, значить, понялъ современную премудрость всю, какъ она есть. Простодушіе наивное, но извинительное въ художникѣ, преслѣдующемъ цѣли чистаго искусства для искусства. Все его вниманіе обращено на то, чтобы увлекательно нарисовать образъ Фенички и Кати, описать мечтанія Николая Петровича въ саду, изобразить «ищущую, неопредѣленную, печальную

тревогу и безпричинныя слезы». Дѣло вышло бы не дурно, если бы онъ только этимъ и ограничился. Художественно разбирать современный образъ мыслей и характеризовать направленія ему не слѣдовало бы; онъ или вовсе не понимаетъ ихъ, или понимаетъ по своему, по художнически, поверхностно и невѣрно; и изъ олицетвореній ихъ составляетъ романъ. Такое искусство дѣйствительно заслуживаетъ, если не отрицанія, то порицанія; мы вправѣ требовать, чтобы художникъ понималъ то, что онъ изображаетъ, чтобы въ его изображеніяхъ, кромѣ художественности, была и правда, и чего онъ не въ состояніи понять, за то и не долженъ приниматься. Г. Тургеневъ недоумѣваетъ, какъ можно понимать природу, изучать ее и въ то же время любоваться ею и наслаждаться поэтически, и поэтому говоритъ, что современное молодое поколѣніе, страстно преданное изученію природы, отрицаетъ поэзію природы, не можетъ любоваться ею, «для него природа не храмъ, а мастерская». Николай Петровичъ любилъ природу, потому что смотрѣлъ на нее безотчетно, «предаваясь горестной и отрадной игрѣ одинокихъ думъ» и чувствовалъ только тревогу. Базаровъ же не могъ любоваться природой, потому что въ немъ не играли неопредѣленные думы, а работала мысль, старавшаяся понять природу; онъ ходилъ по болотамъ не съ «интущей тревогой», а съ цѣлью собирать лягушекъ, жуковъ, инеузорій, чтобы потомъ рѣзать ихъ и разсматривать подъ микроскопомъ: а это убивало въ немъ всякую поэзію. Но между тѣмъ самое высшее и разумное наслажденіе природой возможно только при ея пониманіи, когда на нее смотритъ не съ безотчетными думами, а съ ясными мыслями. Въ этомъ убѣдились «дѣти», наученные самими же «отцами» и авторитетами. Были люди, которые изучали природу и наслаждались ею; понимали смыслъ ея явленій, знали движеніе волнъ, и травъ прозябанье, читали звѣздную книгу ясно, научно, безъ мечтательности, и были великими поэтами. Можно нарисовать невѣрную картину природы, можно напр. сказать, подобно г. Тургеневу, что отъ теплоты солнечныхъ лучей «стволы осинъ становились похожи на стволы сосенъ, и листья ихъ почти поспѣла»; можетъ и выйти изъ этого картина поэтическая и ею залюбуется Николай Петровичъ, или Фенячка. Но для истинной поэзіи этого недостаточно; требуется еще, чтобы поэтъ изображалъ природу вѣрно, не фантастически, а такъ, какъ она есть; поэтическое олицетвореніе природы—статья особаго рода. «Картины природы» могутъ быть самымъ точнымъ, самымъ ученымъ описаніемъ природы и могутъ производить поэтическое дѣйствіе; картина можетъ быть художественною, хотя она нарисована до того вѣрно, что ботаникъ можетъ изучать на ней расположеніе и форму листьевъ въ растеніяхъ, направленіе ихъ жилокъ и виды цвѣтовъ. Это же правило примѣняет-

оя въ художественнымъ произведеніямъ, изображающимъ дѣленія
человѣческой жизни. Можно сочинить романъ, представить въ немъ
«дѣтей» похожими на лягушекъ и «отцовъ» похожими на осинъ, де-
репутать современныхъ направленія, перетолковать нуждія мысли, взять
понежному изъ разныхъ воззрѣній и сдѣлать изъ всего этого кашу и
винегретъ подъ названіемъ «нигилизма», представить эту кашу въ ли-
цахъ; чтобъ каждое лицо представляло собою винегретъ изъ самыхъ
противоположныхъ, несообразныхъ и неестественныхъ дѣйствій и
мыслей; и при этомъ эффектно описать дуэль, милую картину любов-
ныхъ свиданій и трогательную картину смерти. Кому угодно, тотъ
можетъ любоваться этимъ романомъ, находя въ немъ художествен-
ность. Но эта художественность исчезаетъ, сама себя отрицаетъ, при
первомъ прикосновеніи мысли, которая открываетъ къ ней недоста-
токъ правды и жизни, отсутствіе яснаго пониманія.

Разберите приведенныя выше воззрѣнія и мысли, выдаваемые ро-
маномъ за современныхъ, — развѣ онѣ не походятъ на кашу? Теперь
«нѣтъ принциповъ», т. е. ни одного принципа не принимаютъ на вѣру;
да самое же это рѣшеніе не принимать ничего на вѣру и есть принципъ.
И ужели онъ не хорошъ, ужели человѣкъ энергическій будетъ отстаи-
вать и проводить въ жизнь, что онъ принялъ навѣѣ, отъ другаго,
на вѣру, и что не соотвѣтствуетъ его настроенію и всему его разви-
тію. И даже когда принципъ принимается на вѣру, это дѣлается не
безпричинно, подобно «безпричиннымъ слезамъ», а вслѣдствіе какого
нибудь основанія, лежащаго въ самомъ же человѣкѣ. Есть много
принциповъ на вѣру; но признать тотъ, или другой изъ нихъ зави-
ситъ отъ личности, отъ ея расположенія и развитія; значить все сво-
дится жь послѣдней инстанціи къ авторитету, который заключается
въ личности человѣка, онъ самъ опредѣляетъ и внѣшніе авторитеты
и значеніе ихъ для себя. И когда молодое поколѣніе не принимаетъ
вашихъ *принциповъ*, значить они не удовлетворяютъ его натурѣ; вну-
реннія побужденія располагаютъ въ пользу другихъ *принциповъ*. —
Что значить невѣріе въ науку и непризнаніе науки вообще, — объ
этомъ нужно спросить у самого г. Тургенева; гдѣ онъ наблюдалъ та-
кое явленіе и въ чемъ оно обнаруживается, нельзя понять изъ его ро-
мана. — Далѣе, современное отрицательное направленіе, по свидѣтель-
ству самаго же романа, говоритъ: «мы дѣйствуемъ въ силу того, что
мы признаемъ полезнымъ!» Вотъ вамъ и второй принципъ; зачѣмъ
же романъ въ другихъ мѣстахъ старается представить дѣло такъ,
будто бѣ отрицаніе происходитъ вслѣдствіе ощущенія, «пріятно отри-
цать, мозгъ такъ устроенъ и баста»; отрицаніе дѣло вкуса, одному
оно нравится также, «какъ другому нравятся яблоки». «Мы ломаемъ,
мы сила, ... кадыцкая кибитка.... вѣрованія миллионѣвъ и проч.»

Объяснить г. Тургеневу сущность отрицанія, разсказывать, что въ каждомъ отрицаніи скрывается положеніе значило бы рѣшиться на дерзость, которую позволилъ себѣ Аркадій, читая наставленіе Николаю Петровичу. Мы будемъ вращаться въ предѣлахъ пониманія г. Тургенева. Отрицаніе отрицаетъ и ломаетъ, положимъ, по принципу полезности; все, что бесполезно, а тѣмъ болѣе вредно, оно отрицаетъ; для аомни же у него нѣтъ силъ, по крайней мѣрѣ такихъ, какія воображаетъ г. Тургеневъ. — Вотъ наприимѣръ, объ искусствѣ, о взяткахъ, о бессознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ и адвокатурѣ, дѣйствительно много разсуждали у насъ въ послѣднее время; еще больше разсужденій было о гласности, которой не коснулся г. Тургеневъ. И эти разсужденія успѣли надобѣсть всѣмъ, потому что всѣ твердо и непоколебимо убѣдились въ пользѣ этихъ прекрасныхъ вещей, а онѣ все-таки и до сихъ норъ составляютъ еще *via desiderii*. Но, скажите же на милость, г. Тургеневъ, кто имѣлъ безуміе возставать противъ свободы, «о которой хлопочетъ правительство», кто это говорилъ, что свобода не пойдетъ въ прокъ мужику? Это ужъ не непониманіе, а сущая клевета, взведенная на молодое поколѣніе и на современныя направленія. Дѣйствительно, были люди, нерасположенные къ свободѣ, которые говорили, что крестьяне безъ опеки помѣщичьей сохнутъ съ круга и предадутся безнравственности. Но кто же эти люди? Скорѣй они принадлежатъ къ числу «отцовъ», къ разряду Павла и Николая Петровичей, а ужъ никакъ не къ «дѣтямъ»; во всякомъ случаѣ не они же говорили о парламентаризмѣ и адвокатурѣ, не они были выразителями отрицательнаго направленія. Они, напротивъ, держались положительнаго направленія, какъ видно по ихъ словамъ и по заботамъ о нравственности. Зачѣмъ же слова о бесполезности свободы вы влагаете въ уста отрицательному направленію и молодому поколѣнію, и ставите ихъ на ряду съ толками о взяткахъ и адвокатурѣ. Ужъ вы позволите себѣ слишкомъ большую *licentiam poetisam*, то есть поэтическую вольность. — Какіе же *принципы* противопоставляетъ г. Тургеневъ отрицательному направленію и отсутствію *принциповъ*, замѣчаемому имъ въ молодомъ поколѣніи? Кромѣ вѣрованій, Павелъ Петровичъ рекомендуетъ «принципъ аристократизма» и по обыкновенію указываетъ на Англію, «которой аристократизмъ далъ свободу и поддерживалъ ее». Ну, это старая глупость, и мы слыхивали ее хотя въ прозаической, но болѣе одушевленной формѣ тысячу разъ.

Да, очень и очень неудовлетворительно развитъ г. Тургеневымъ сюжетъ его послѣдняго романа, сюжетъ дѣйствительно богатый и представляющій много матеріаловъ для художника. — «Отцы и дѣти», молодое и старое поколѣніе, старцы и юноши, — это два полюса жизни,

два явленія, смѣняющія одно другое, два свѣтила, одно восходящее, другое нисходящее; въ то время, когда одно доходитъ до зенита, другое скрывается уже за горизонтомъ. Плодъ разрушается и гниваетъ, сѣмя разлагается и даетъ начало обновленной жизни. Въ жизни всегда происходитъ борьба за существованіе; одно стремится смѣнить другое и стать на его мѣсто; то, что жило, что уже насладилось жизнію, уступаетъ мѣсто тому, что только еще начинаеть жить. Новая жизнь требуетъ новыхъ условийъ взамѣнъ старыхъ; устарѣвшая довольствуется старыми и оставляетъ ихъ для себя. Такое же явленіе замѣчается и въ жизни человеческой между различными ея поколѣніями. Дитя растеть съ тѣмъ, чтобы стать на мѣсто отца и самому сдѣлаться отцомъ. Достигши самостоятельности, дѣти стремятся устроить жизнь сообразно съ своими новыми потребностями, стараются измѣнить прежнія условия, въ которыхъ жили ихъ отцы. Отцы неохотно расстаются съ этими условиями. Иногда дѣло оканчивается полюбовно; отцы уступаютъ дѣтямъ и примѣняются къ нимъ. Но иногда между ними возникаетъ несогласіе, борьба; и тѣ и другіе стоятъ на своемъ. Вступая въ борьбу съ отцами дѣти находятъ въ болѣе выгодныхъ условияхъ. Они являются на готовое, получаютъ наслѣдство, собранное трудами отцовъ; они начинаютъ съ того, что было послѣднимъ результатомъ жизни отцовъ; что было заключеніемъ въ дѣлѣ отцовъ, то у дѣтей становится основаніемъ для новыхъ заключеній. Отцы кладутъ фундаментъ, дѣти выводятъ зданіе; если отцы вывели зданіе, то дѣтямъ остается или отдѣлать его окончательно, или разрушить его и устроить другое по новому плану, но изъ готоваго матеріала. То, что составляло украшеніе и гордость передовыхъ людей стараго поколѣнія, становится вещью обыкновенною и общимъ достояніемъ всего молодаго поколѣнія. Дѣти собираются жить и готовятъ то, что необходимо для ихъ жизни; они знаютъ старое, но оно ихъ не удовлетворяетъ; они отыскиваютъ новые пути, новые средства, соответствующія ихъ вкусамъ и потребностямъ. Если они придумали что нибудь новое, значитъ оно болѣе удовлетворяетъ имъ, чѣмъ прежнее. Старому поколѣнію все это кажется страннымъ. Оно имѣетъ свою истину, считаетъ ее непреложною, и потому въ новыхъ истинахъ оно расположено видѣть ложь, отступленіе не отъ его временной, условной истины, а отъ истины вообще. Вслѣдствіе этого оно и защищаетъ старое, старается навязать его и молодому поколѣнію. — И виновато въ этомъ не лично старое поколѣніе, а время, или возрастъ. У старика меньше энергія и отваги; онъ слишкомъ сжился съ старымъ. Ему кажется, что онъ достигъ уже берега и пристани, пріобрѣлъ все, что возможно; поэтому онъ неохотно рѣшится пуститься снова въ открытое невѣдомое море; каждый новый шагъ онъ

дѣлаетъ не съ доврчивою надеждою, подобно юношѣ, а съ спасеніемъ и страхомъ, какъ бы не потерять и того, что онъ успѣлъ приобрести. Онъ образовалъ для себя известный кругъ понятій, составилъ систему воззрѣній, которыя составляютъ часть его личности, опредѣлилъ правила, которыми руководился всю жизнь. И вдругъ является какое нибудь новое понятіе, рѣзко противорѣчащее всѣмъ его нѣмымъ и нарушающее установленную гармонию ихъ. Принять это понятіе — значитъ для него лишиться части своего существа, перестроить свою личность, переродиться и начинать снова трудный путь развитія и выработыванія убѣжденій. На такую работу способны очень не многіе, только самые сильные и энергическіе умы. Оттого мы видимъ, что нерѣдко весьма замѣчательные мыслители и ученые съ какимъ-то ослѣпленіемъ, тупымъ и фанатическимъ упорствомъ возставали противъ новыхъ истинъ, противъ очевидныхъ фактовъ, которые помимо ихъ были открыты наукой. О людяхъ посредственныхъ съ обыкновенными, а тѣмъ болѣе съ слабыми способностями, и говорить нечего; всякое новое понятіе для нихъ есть страшное чудовище, которое угрожаетъ имъ гибелью, и отъ котораго они со страхомъ отворачиваютъ глаза. — Поэтому, пусть утѣшится г. Тургеневъ, пусть онъ не смущается тѣмъ разногласіемъ и борьбою, которая онъ важѣчаетъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ, между отцами и дѣтьми. Эта борьба не есть явленіе необыкновенное, исключительно свойственное нашему времени и составляющее его непохвальную черту; это фактъ неизбежный, постоянно повторяющійся и совершающійся во всякое время. Теперь, наприжѣръ, отцы читаютъ Пушкина, а было время, когда отцы этихъ отцовъ презирали Пушкина, ненавидѣли его и запрещали дѣтямъ читать его; а вмѣсто этого услаждались Ломоносовымъ и Державиннымъ и дѣтямъ рекомендовали ихъ, и на всѣ попытки дѣтей опредѣлить настоящее значеніе этихъ отеческихъ поэтовъ, смотрѣли, какъ на святотатственное покушеніе противъ искусства и поэзіи. Когда-то «отцы» читали Загоскина, Лажечникова, Марлинскаго; а «дѣти» восхищались г. Тургеневымъ. Сдѣлавшись «отцами», они не расстаются съ г. Тургеневымъ; но «дѣти» ихъ уже читаютъ другія произведенія, на которыя неблагоклонно смотрятъ «отцы». Было время, когда «отцы» боялись и ненавидѣли Вольтера, и его именемъ кололи глаза «дѣтямъ», какъ г. Тургеневъ колетъ Бюхнеромъ; «дѣти» уже оставили Вольтера, а «отцы» еще долго послѣ того называли ихъ вольтерьянцами. Когда «дѣти», проникнутые благоволеніемъ къ Вольтеру, сдѣлались «отцами», а на мѣсто Вольтера явились новые бойцы мысли, болѣе послѣдовательные и смѣлые, «отцы» возставали противъ послѣднихъ и говорили: «толи дѣло нашъ Вольтеръ!» И такъ это ведется споконъ вѣку, такъ будетъ и всегда.

Во времена спокойныя, когда движеніе совершается медленно, развитіе идетъ постепенно на основаніи старыхъ началъ, несогласіе стараго поколѣнія съ новымъ касается вещей не важныхъ, противорѣчія между «отцами» и «дѣтьми» не могутъ быть слишкомъ рѣзки, поэтому и самая борьба между ними имѣетъ характеръ спокойный и не выходитъ за извѣстные ограниченныя предѣлы. Но во времена оживленныя, когда развитіе дѣлаетъ смѣлый и значительный шагъ впередъ, или круто поворачиваетъ всторону, когда старыя начала оказываются несостоятельными, и на мѣсто ихъ возникаютъ совершенно новыя условія и требованія жизни; тогда эта борьба принимаетъ значительные объемы и выражается иногда самымъ трагическимъ образомъ. Новое ученіе является въ формѣ безусловнаго отрицанія всего стараго; оно объявляетъ непримиримую борьбу старымъ воззрѣніямъ и преданіямъ, нравственнымъ правиламъ, привычкамъ и образу жизни. Различіе между старымъ и новымъ такъ рѣзко, что по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ между ними невозможно соглашеніе и примиреніе. Въ такіа-то времена и родственныя связи какъ бы ослабѣваютъ, братъ возстаетъ на брата, сынъ на отца; если отецъ остается при старомъ, а сынъ обращается къ новому, или наоборотъ, — между ними неизбеженъ раздоръ. Сынъ не можетъ колсбаться между любовью къ отцу и своимъ убѣжденіемъ; новое ученіе съ видимою жестокостію требуетъ отъ него, чтобы онъ оставилъ отца, мать, братьевъ и сестеръ, и былъ вѣренъ самому себѣ, своимъ убѣжденіямъ, своему призванію и правиламъ новаго ученія, и слѣдовалъ этимъ правиламъ неуклонно, что бы ни говорили «отцы». Г. Тургеневъ можетъ, конечно, изобразить эту стойкость и твердость «сына», вросто, какъ неуваженіе къ родителямъ, видѣть въ ней признакъ холодности, недостатокъ любви и окаменѣніе сердца. Но все это будетъ слишкомъ поверхностно, а потому и не совсемъ справедливо. Одного великаго философа древности (кажется Эммедокла или какого-то другаго) укоряли за то, что онъ, занятый заботами о распространеніи своего ученія, не заботится о своихъ родителяхъ и родныхъ; онъ отвѣчалъ, что его призваніе дороже всего для него, и что заботы о распространеніи ученія для него выше всѣхъ другихъ заботъ. Все это можетъ казаться жестокостію; но вѣдь и дѣтямъ не легко достается подобный разрывъ съ отцами, можетъ быть онъ мучителенъ для нихъ самихъ, и они рѣшаются на него послѣ упорной внутренней борьбы съ самими собою. Но что же дѣлать, — особенно еще если въ отцахъ нѣтъ всепримиряющей любви, нѣтъ способности выкинуть въ смыслъ стремленій дѣтей, понять ихъ жизненныя потребности и оцѣнить ту цѣль, къ которой они идутъ. Конечно, останавливающая и сдерживающая дѣятельность «отцовъ» полезна и необходима и имѣетъ значеніе естественной реакціи противъ стремительной, не-

удержимой, иногда переходящей въ крайность дѣятельности «дѣтей». Но отношеніе этихъ двухъ дѣятельностей всегда выражается борьбою, въ которой окончательная побѣда принадлежитъ «дѣтямъ». «Дѣти», впрочемъ, не должны гордиться этимъ; ихъ собственные «дѣти» въ свою очередь отплатятъ имъ тѣмъ же, возьмутъ верхъ надъ ними и предложатъ имъ удалиться на задній планъ. Обижаться тутъ некому и нечѣмъ; разбирать, кто правъ и виноватъ — нельзя. Г. Тургеневъ взялъ въ своемъ романѣ самыя поверхностныя черты несогласія между «отцами» и «дѣтьми»: «отцы» читаютъ Пушкина, а «дѣти» — Kraft und Stoff; «отцы» имѣютъ принципы, а «дѣти» принципы; «отцы» смотрятъ на бракъ и на любовь такъ, а «дѣти» иначе; и представилъ дѣло такъ, что «дѣти» глупы и упорны, удалившись отъ истины, и оттолкнули отъ себя «отцовъ», и потому мучатся невѣдѣніемъ и страдаютъ отчаяніемъ по собственной винѣ. Но если взять другую сторону дѣла, практическую, если взять другихъ «отцовъ», а не такихъ, какіе изображены въ романѣ, тогда сужденіе объ «отцахъ» и «дѣтяхъ» должно измѣниться, упреки и рѣзкіе приговоры «дѣтямъ» должны относиться и къ «отцамъ»; и все, что сказалъ г. Тургеневъ о «дѣтяхъ», можетъ быть приложено и къ «отцамъ». Ему угодно было почему-то взять только одну сторону дѣла; а зачѣмъ онъ оставилъ безъ вниманія другую? Сынъ, напримѣръ, провинившись самоотверженіемъ, готовъ дѣйствовать и бороться не щадя себя; отецъ не понимаетъ, изъ-за чего хлопочетъ сынъ, когда его хлопоты не принесутъ ему никакихъ личныхъ выгодъ, и что ему за охота вмешиваться въ чужія дѣла; самоотверженіе сына кажется ему безуміемъ, онъ связываетъ сыну руки, стѣсняетъ его личную свободу, лишаетъ его средствъ и возможности дѣйствовать. Иному отцу кажется, что сынъ своими дѣйствіями унижаетъ его достоинство и честь рода, тогда какъ сынъ смотритъ на эти дѣйствія какъ на самыя благородныя поступки. Отецъ внушаетъ сыну угодливость и замскиваніе передъ начальствомъ; сынъ смѣется надъ этими внушеніями и никакъ не можетъ освободиться отъ презрѣнія къ отцу. Сынъ возстаегъ противъ несправедливыхъ начальниковъ и защищаетъ подчиненныхъ; его лишаютъ должности и прогоняютъ со службы. Отецъ оплакиваетъ сына, какъ злодѣя и злостнаго человѣка, который нигдѣ не можетъ ужиться и вездѣ возбуждаетъ противъ себя вражду и ненависть, тогда какъ сына благословляютъ сотни людей, бывшихъ подъ его вѣдѣніемъ. Сынъ желаетъ учиться, собирается за границу; отецъ требуетъ, чтобы онъ ѣхалъ къ нему въ деревню занять его мѣсто и профессію, къ которой сынъ не имѣетъ ни малѣйшаго призванія и охоты, чувствуетъ даже отвращеніе къ ней; сынъ отказывается, отецъ гнѣвается и жалуется на недостатокъ сыновней любви. Больше все это сыну, онъ самъ больше страдаетъ и

плечетъ; однакожь, скрѣпя сердце, уѣзжаетъ, наутрашиваемый родительскими проклятіями. Въдѣ это все факты самыя дѣйствительныя и обыкновенныя, встрѣчающіяся на каждомъ шагу; можно набрать тысячу еще болѣе рѣзкихъ и болѣе губительныхъ для «дѣтей», разукрасить ихъ цвѣтами фантазіи и поэтическаго воображенія, составить изъ нихъ романъ и также назвать его «Отцы и дѣти». Какое заключеніе можно будетъ вывести изъ этого романа; кто окажется правымъ и виноватымъ, кто хуже, а кто лучше — «отцы» или «дѣти»? Такое же одностороннее значеніе имѣетъ и романъ г. Тургенева. Извините, г. Тургеневъ, вы не умѣли опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между «отцами» и «дѣтьми», вы написали дантирику «отцамъ» и обличеніе «дѣтьми»; да и «дѣтей» вы не помнили и вмѣсто обличенія у васъ вышла клевета. Распространителемъ здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ вы хотѣли представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро, — однимъ словомъ, асмодеями. Попытка эта не первая и повторяется весьма часто.

Такая же попытка сдѣлана была, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ романѣ, который былъ «явленіемъ, пропущеннымъ нашей критикой», потому что принадлежалъ автору, въ то время безвѣстному и неизвѣстному той громкой извѣстности, какою онъ пользуется теперь. Этотъ романъ есть «Асмодей нашего времени», соч. Аскоченскаго, появившійся въ свѣтъ въ 1858 году. Последний романъ г. Тургенева живо напомнилъ намъ этого «Асмодея» своею общою мыслью, своими тенденціями, своими личностями, а въ особенности своимъ главнымъ героемъ. Говоримъ совершенно искренно и серьезно и просимъ читателей не принимать наши слова въ смыслъ того, часто употребляемаго приема, посредствомъ котораго многіе, желая указать какое нибудь направленіе, или мысль, уподобляютъ ихъ направленію и мыслямъ г. Аскоченскаго. Мы читали «Асмодея» въ то время, когда авторъ его еще ничѣмъ не заявилъ себя въ литературѣ, никому и намъ не былъ извѣстенъ, и когда его знаменитый журналъ не существовалъ еще. Мы читали его произведеніе съ безпристрастіемъ, совершеннымъ индифферентизмомъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, какъ вещь самую обыкновенную; но тогда же на насъ непріятно подействовало личное раздраженіе автора и злость его: по отношенію къ своему герою. Впечатлѣніе, произведенное на насъ «Отцами и дѣтьми», поразило насъ тѣмъ, что оно было для насъ не ново; оно вызвало въ насъ воспоминаніе о другомъ подобномъ впечатлѣніи, испытанномъ нами прежде; сходство этихъ двухъ одновременныхъ впечатлѣній до того сильно, что намъ казалось, будто бы мы читали уже когда-то прежде «Отцовъ и дѣтей», и даже встрѣчали самаго Базарова въ какомъ-то другомъ романѣ, гдѣ онъ былъ изображенъ

точно въ такомъ же видѣ, какъ у г. Тургенева и съ такими же чувствами къ нему со стороны автора. Долго мы ломали голову и не могли вспомнить этого романа; наконецъ «Асмодей» воскресъ въ нашей памяти, мы снова прочитали его и убѣдились, что наше воспоминаніе не обмануло насъ. Самая короткая параллель между двумя романами оправдываетъ насъ и наши слова. «Асмодей» тоже не вкучилъ задачу изобразить современное молодое поколѣніе въ его противоположности со старымъ, отжившимъ; качества отцовъ и дѣтей изображены въ немъ такіа же, какъ и въ романѣ г. Тургенева; неровнѣе также на сторонѣ отцовъ; дѣти проникнуты такими же злобными мыслями и разрушительнымъ направленіемъ, какъ и въ романѣ г. Тургенева. Представителемъ стараго поколѣнія въ «Асмодеѣ» является отецъ, Онисимъ Сергѣевичъ Небѣда, «происходившій изъ древняго благороднаго русскаго дома»; это человѣкъ умный, добрый, простодушный, «всѣмъ существомъ своимъ любившій дѣтей». Онъ тоже ученъ и образованъ; «въ старыя годы читалъ Вольтера», но все-таки, какъ выражается онъ самъ, «не начитывалъ у него такихъ вещей, какія говоритъ Асмодей нашего времени»; подобно Николаю и Павлу Петровичамъ, онъ старался не отстать отъ вѣка, охотно прислушивался къ словамъ молодежи и самаго Асмодея и слѣдилъ за современной литературой; онъ благоговѣлъ передъ Державиннымъ и Карамзиннымъ, «впрочемъ не вовсе былъ глухъ къ стиху Пушкина и Жуковскаго; послѣдняго даже уважалъ за его баллады: а въ Пушкинѣ находилъ талантъ и говорилъ, что онъ хорошо описалъ Онѣгина», («Асмодей» стр. 50); Гоголя онъ не полюбилъ, однако восхищался нѣкоторыми изъ его произведеній, «и увидалъ на сценѣ «Ревизора», нѣсколько дней послѣ этого рассказывалъ гостямъ содержаніе комедіи». Въ Небѣдѣ даже вовсе не было «слѣдовъ барства»; онъ не гордился своей родословной и о своихъ предкахъ выражался съ презрѣніемъ: «а чортъ знаетъ, что тамъ такое! Вонъ и мои предки значатся при Василіѣ Темномъ, да мнѣ-то что отъ этого? Ни тепло, ни холодно. Нѣтъ, теперь ужъ люди поумнѣли, и за то, что отцы да дѣды были умны, дураковъ сыновъ не уважаютъ». Вопреки Павлу Петровичу онъ отрицаетъ даже принципъ аристократизма, и говоритъ, что «въ русскомъ царствѣ, благодаря батюшкѣ Петру, вывелась старинная, пузатая аристократія» (стр. 49). «Такихъ людей, заключаетъ авторъ, со свѣчей поискать: ибо они ужъ послѣдніе представители отжившаго поколѣнія. Наши потомки не найдутъ ужъ этихъ топорно обдѣланныхъ характеровъ. А между тѣмъ они еще живутъ и движутся межъ нами, съ своимъ крѣпкимъ словомъ, которое въ иную пору пришибетъ, словно обухомъ, моднаго краснбая» (какъ Павелъ Петровичъ Базарова). — На сцѣнѣ этому прекрасному поколѣнію явился новое, представителемъ котораго въ «Асмодеѣ» является молодой

человѣкъ, Пустовцевъ, родной братъ и двойникъ Базарова по характеру, по убѣжденіямъ, по безправственности, даже по небрежности въ приѣмахъ и туалетахъ. «Есть люди на свѣтѣ, говоритъ авторъ, которыхъ любить свѣтъ и ставить на степень образца и подражанія. Онъ любитъ свѣтъ, какъ аттестованныхъ поклонниковъ своихъ, какъ строгихъ и вѣрней законѣвъ духа времени, духа льстиваго, обманчиваго и мятежнаго». Такимъ былъ Пустовцевъ; онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, «которое вѣрно очертилъ Лермонтовъ въ своей «Думѣ». «Онъ уже встрѣчался читателямъ, говоритъ авторъ, и въ *Огнѣннѣ*—Пушкина, и въ Печоринѣ—Лермонтова, и въ Петрѣ Ивановичѣ—Гончарова (и конечно въ Рудинѣ—Тургенева); только тамъ они выглажены, убраны и причесаны, словно на балъ. Любуется ими человѣкъ, не зря страшнаго растлѣнія являемыхъ ему типовъ, и не вихождая до сокровеннѣйшихъ изгибовъ ихъ души» (стр. 10). «Было время, когда человѣкъ *отвергалъ все*, не трудясь даже надъ анализомъ того, что *отвергалъ* (подобно Базарову); смѣялся надъ всѣмъ священнымъ потому только, что оно не доступно было узкому и тупому уму. Пустовцевъ *не этой школы*: отъ великой тайны мірозданія до послѣднихъ явленій силы Божіей, бывающихъ и въ наше скудное время, онъ *все подвергалъ критическому обзору*, *требуя* одного лишь *знанія* и *внѣшности*; что же *не укладывалось* въ узенькія клѣточки человѣческой логики, онъ *все отвергалъ*, какъ сущій вздоръ» (стр. 105). И Пустовцевъ и Базаровъ принадлежатъ отрицательному направленію; но Пустовцевъ все-таки выще, по крайней мѣрѣ гораздо умнѣе и основательнѣе Базарова. Базаровъ, какъ помнитъ читатель, отрицалъ все безсознательно, неразумно, вслѣдствіе ощущенія, «нравится мнѣ отрицать—и basta». Пустовцевъ же, напротивъ, отрицаетъ все вслѣдствіе анализа и критики, и даже не все отрицаетъ, а только то, что не соотвѣтствуетъ человѣческой логикѣ. Какъ угодно, но г. Аскоченскій болѣе безпристрастенъ къ отрицательному направленію и лучше его понимаетъ, чѣмъ г. Тургеневъ: онъ находитъ въ немъ смыслъ и вѣрно указываетъ на его исходную точку—критику и анализъ. Въ другихъ философскихъ воззрѣніяхъ Пустовцевъ совершенно сходится съ дѣтми вообще и съ Базаровымъ въ частности. «Смерть, разсуждаетъ Пустовцевъ, это общій удѣлъ всего существующаго («старая штука смерть» — Базаровъ)! Кто мы, откуда, куда пойдемъ и чѣмъ будемъ—кто это знаетъ? Умрешь—похоронятъ, наростетъ лишній слой земли—и кончено («послѣ смерти изъ меня лопухъ расти будетъ» — Базаровъ)! Проповѣдуютъ тамъ о какомъ-то безсмертіи, слабыя природы вѣрятъ этому, насколько не подозрѣвая, какъ смѣшны и глупы претензіи кусти *земле* на *вѣчную жизнь* въ какомъ то надзвѣздномъ мірѣ». Базаровъ: «я лежу здѣсь подъ стогомъ. Узенькое мѣстечко, которое я занимаю, *хотятъ* въ сравненія съ остальнымъ пространствомъ, и часть времени,

которую мнѣ удастся прожить, ничтожна предъ тою вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ.... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже.... *Что за безобразіе! Что за пустяки!* (Отц. и Дѣт., стр. 590). Пустовцевъ, подобно Базарову, тоже начинаетъ развращать молодое поколѣніе, — «эти юныя созданія, недавно увидѣвшія свѣтъ, и не вкусившія еще смертоноснаго яда его!» Отецъ, впрочемъ, вѣдая не за Аркадія, а за Магіе, дочь Онисима Сергѣевича Небѣды, и въ короткое время успѣлъ развратить ее совершенно. «Въ саркастическихъ насмѣшкахъ надъ правами родителей онъ простеръ софизмъ до того, что первое, естественное основаніе правъ родительскихъ обратилъ имъ же въ упрекъ и поношеніе, — и все это передъ дѣвицей. Онъ показалъ въ настоящемъ видѣ значеніе ея отца, и низведши его въ сословіе орималовъ, заставилъ Магіе отъ души смѣяться надъ рѣчами отца» (стр. 108). «Удивительное дѣло, эти старенькіе романтики», выражался Базаровъ объ отцѣ Аркадія; «презабавный старикашка», говоритъ онъ о свомѣ собственномъ отцѣ. Подъ тлетворнымъ вліяніемъ Пустовцева Магіе совершенно измѣнилась, стала, какъ говоритъ авторъ, настоящею femme emancipée, подобно Eudoxie, и изъ кроткаго невиннаго и послушнаго ангела обратилась въ настоящую асмодейку, такъ что ее и узнать нельзя было. «Боже! кто бы узналъ тецерь это юное созданіе? Вотъ онѣ — эти коралловыя уста: но будто пухлѣй стали онѣ, выражая какую-то спѣсь и готовность раскрыться не для ангельской улыбки, а для возмутительной рѣчи, полной насмѣжки и презрѣнія». (стр. 96). Для чего же завлекалъ Пустовцевъ Магіе въ свои дьявольскія сѣти, влюбился ли онъ въ нее, что ли? Но развѣ могутъ влюбляться асмодеи нашего времени, такіе безчувственные господа, какъ Пустовцевъ и Базаровъ? «Но какая же цѣль твоего ухаживанья», спрашивали Пустовцева. — «Очень простая, отвѣчалъ онъ, собственное мое удовольствіе», т. е. «добиться толку». И это не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ въ то же время имѣлъ «неосторожныя, дружескія и излишне конфиденціальныя отношенія» къ одной замужней женщинѣ. Къ тому же онъ стремился и по отношенію къ Магіе; жениться на ней онъ не намѣренъ былъ, что показываетъ «его экцентрискія выходы противъ брака», повторяющія и Магіе («эге-ге, какіе мыведущіе, придаемъ значеніе браку» — Базаровъ). «Онъ любилъ Магіе, какъ свою жертву, со всѣмъ пламенемъ бурной, неистовой страсти», т. е. любилъ ее «глупо и безумно», какъ Базаровъ Одинцову. Но Одинцова была вдова, опытная женщина, и потому поняла замыслы Базарова и прогнала его отъ себя. Магіе же была невинная, неопытная дѣвица и потому, ничего не подозрѣвая, спокойно предавалась Пустовцеву. Нашлись два разумные и добродѣтельные человѣка, ко-

торые захотѣли образумить Пустовцева, какъ Павелъ и Николай Петровичи Базарова; «стать поперегъ этому чародѣю, обуздать его дерзость и показать всѣмъ, кто онъ и что и какъ»; но онъ поразилъ ихъ своими насмѣвками и достигъ своей цѣли. Однажды Marie и Пустовцевъ пошли гулять въ лѣсъ вдвоемъ, а возвратились въ одиночку; Marie заболѣла и повергла въ глубокую печаль все свое семейство; отецъ и мать были въ совершенномъ отчаяніи. «Но что жъ тамъ такое случилось, спрашиваетъ авторъ, и пренаивно отвѣчаетъ: не знаю, рѣшительно не знаю». Остальное нечего досказывать. Но Пустовцевъ и въ этихъ дѣлахъ оказался получше Базарова; онъ рѣшился вступить въ законный бракъ съ Marie, и даже что? «Онъ — всегда кощунственно смѣявшійся надъ всякимъ выраженіемъ внутренней боли чловѣка, онъ — презрительно называвшій горькую слезу каплею пота, проступающаго изъ поръ глазныхъ, онъ — ни разу не погрустившій надъ горемъ чловѣка, и всегда готовый гордо встрѣтить находящую бѣду, — онъ плачетъ!» (Базаровъ бы ни за что не заплакалъ). Marie, видите ли, заболѣла и должна была умереть. «Но будь Marie въ цвѣтущемъ здоровьи, — можетъ быть Пустовцевъ и охладѣлъ бы мало по малу, *удовлетворивъ своей чувственности*: страданія же любимаго существа возвышали цѣну его.» Marie умираетъ и призываетъ къ себѣ священника, чтобъ онъ утѣшалъ ея грѣшную душу и приготовилъ ее къ достойному переходу въ вѣчность. Но посмотрите, съ какимъ кощунствомъ обращается съ нимъ Пустовцевъ? «Батюшка!» сказалъ онъ: «жена моя хочетъ говорить съ вами. Что слѣдуетъ заплатить вамъ за такой трудъ? Не обижайтесь, что жъ тутъ такого? Это вѣдъ ремесло ваше. Съ меня же берутъ доктора за то, что готовятъ къ смерти» (стр. 201). Такое ужасное кощунство можетъ равняться развѣ съ насмѣвками Базарова надъ отцомъ Алексѣемъ и съ его предсмертными комплиментами Одинцовой. Наконецъ и самъ Пустовцевъ застрѣлился, и умеръ, подобно Базарову, безъ покаянія. Когда полицейскіе служители провозили гробъ его мимо одной модной ресторации, одинъ господинъ, сидѣвшій въ ней, запѣлъ во все горло: «вотъ развалины тѣ! На нихъ печать проклятыя». Это непозтично, но за то гораздо послѣдовательнѣе, и гораздо лучше вяжется съ духомъ и настроеніемъ романа, чѣмъ молодыя елки, невинныя взгляды цвѣтковъ и всепримиряющая любовь съ «отцами и дѣтьми». — Такимъ образомъ, употребляя выраженіе «Свистка», г. Аскоченскій предвосхитилъ новый романъ г. Тургенева.

М. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Естественное Право, или Философія Права. Ф. А. Шиллинга. Перев. съ нѣмецк., подъ редакціей Капустина. Москва. 1862.

Всѣ жалуются, что на землѣ нѣтъ правды, что она не пользуется большимъ почетомъ и находится въ загонѣ; говорятъ, что кривда борется съ правдою и всегда остается побѣдительницей; сама правда очень пристрастна, всегда стоитъ на сторонѣ сильныхъ и богатыхъ и очень несправедлива къ безсильнымъ и нищимъ, такъ что послѣдніе потеряли всякую надежду на правду и рѣдко къ ней обращаются. Эти жалобы, можетъ быть, преувеличены; но все-таки онѣ должны же имѣть какое нибудь основаніе, есть же какіе-нибудь поводы къ этимъ жалобамъ, и зло, на которое они указываютъ, все-таки существуетъ, хоть и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ можно было бы подумать, судя по преувеличеннымъ жалобамъ. Какія же могутъ быть мѣры противъ этого зла? Говорятъ, знаніе всесильно и дѣйствительно противъ всякаго рода золь;—и правда. Существуютъ напр. въ родѣ человѣческомъ многочисленныя болѣзни и страданія тѣлесныя; знаніе познаетъ и врачуетъ ихъ; для этого и есть особая наука—медицина. Существуютъ разныя зловредныя животныя всякихъ видовъ и порядковъ, причиняющія много бѣдъ людямъ; знаніе и рекомендуетъ противъ нихъ множество истребительныхъ средствъ. Существуютъ пути сообщенія, сопряженныя со множествомъ золь и разнаго рода опасностей; знаніе придумываетъ и совершаетъ новыя

пути и средства сообщенія. Такое благотворное дѣйствіе знанія совершается во многихъ случаяхъ само собою, такъ сказать, безъ вѣдома знанія; знаніе приноситъ пользу, не заботясь объ ней, и не имѣя въ виду. Можно ли сказать это о всякомъ знаніи, о всѣхъ наукахъ? Между людьми напр. распространяется безнравственность, увеличиваются пороки и преступленія; но у нихъ есть науки о нравственности, какая нибудь нравственная философія. Можетъ ли она своими поученіями и разъясненіемъ нравственныхъ истинъ помочь безнравственности и остановить распространеніе пороковъ? Такъ же точно господствуетъ напр. несправедливость и оскудѣла правда; можетъ ли наука о правдѣ, какое нибудь естественное или положительное право, уничтожить, или по крайней мѣрѣ ослабить несправедливость, поддержать и утвердить правду? и человѣкъ, до тонкости изучившій эту науку, сдѣлается ли отъ этого болѣе справедливымъ, родится ли въ немъ большее уваженіе къ правдѣ, къ закону? Специально ученые юристы и естественныя правовѣды отвѣчаютъ на этотъ вопросъ положительно. Вотъ что говорить, на примѣръ, Шиллингъ:

«Практическая польза философскаго ученія о правѣ имѣетъ значеніе отчасти нравственное, отчасти политическое, отчасти же собственно юридическое. Въ нравственномъ отношеніи, эта наука, убѣждая насъ въ необходимости права и государства и въ нравственномъ значеніи справедливости, можетъ и должна оживить и укрѣпить въ насъ, съ одной стороны, смыслъ права и справедливости и уваженіе къ законамъ, какъ опорѣ гражданскаго устройства, и тѣмъ самымъ дать нравственную основу повиновенію гражданъ; съ другой стороны, веда къ правильной опѣнкѣ права и справедливости посредствомъ сравненія ихъ, философія права можетъ и должна внушить намъ умѣренное возгнѣніе нашими правами, ради справедливости (§ 12), и пожертвованіе этими правами высшимъ требованіемъ нравственности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они пришли бы съ нею въ столкновеніе (§ 21). — Что же касается далѣе до политической пользы философскаго ученія о правѣ, тѣсно связанной съ нравственной, то она можетъ и должно охранять насъ отъ политическихъ заблужденій и мечтаній, именно отъ коммунистическихъ и социальныхъ стремленій, выступившихъ въ новѣйшія времена, давая намъ возможность познавать естественныя и необходимыя условія бытія человеческого общества и особенно юридическую основу и природу отношеній собственности и приобрѣтенія» (стр. 47, 48).

Ужь если сказалъ что нибудь ученый специалистъ, то это такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Наука права оживляетъ въ насъ уваженіе къ закону, внушаетъ намъ гражданское повиновеніе и охраняетъ насъ отъ политическихъ заблужденій. Всѣ эти дѣйствія наука права производитъ въ насъ, страдательныхъ объектахъ, подчиненныхъ правдѣ, въ

богатыхъ и бѣдныхъ, въ сильныхъ и слабыхъ людяхъ, которые обращаются къ правдѣ за санкціями и привилегіями, за покровительствомъ и защитою. А какое же вліяніе она имѣетъ на самую правду? можетъ ли она измѣнить ее, можетъ ли внушить ей большіе безпристрастія, справедливости, сдержанности; можетъ ли хоть сколько нибудь сдѣлать ее болѣе полезною, усовершенствовать ее хоть въ такой дѣрь, въ какой улучшаются средства врачеванія и пути сообщенія? Для ученыхъ специалистовъ права это вопросы немислимые и невозможные. Они считаютъ правду чѣмъ-то абсолютнымъ и неизмѣннымъ, пестолнною величиною и явленіемъ, которое должны мы только изучать и постигать, не касаясь его сущности, предъ которымъ мы должны благоговѣть, какъ бы оно ни относилось къ намъ, какое бы дѣйствіе ни производило на насъ, хоть бы даже не совсѣмъ выгоднее для насъ; потому что мы не имѣемъ права требовать, чтобы оно какъ абсолютное приспособлялось къ намъ, къ нашимъ условнымъ, ограниченнымъ и измѣняющимся потребностямъ.

Естественное право, или философія права, есть самая бѣдственная и несчастная наука, не по своему предмету, а по своему положенію, въ какомъ она теперь находится и въ какомъ изображена хоть бы на картинѣ у Шмаллинга. Она входила обыкновенно въ составъ философіи, имѣла съ другими философскими науками; необходимою и неизбѣжною частью всякой философской системы была и философія права. Она заимствовала отъ системъ и основанія, и методъ, и свои главнѣйшія положенія. Метафизическія и идеалистическія философскія системы сообщали свой колоритъ и направленіе науцѣ права. Но тогда какъ другія философскія науки мало по малу освобождались изъ подъ власти и метафизики и развивались самостоятельно, оставая крайній идеализмъ, шли путемъ эмпирическимъ, или историческимъ, — несчастное право оставалось вѣрнымъ ученикомъ идеальной философіи и не хотѣло отступитъ отъ метафизическихъ началъ. Оно брало за основаніе не опытъ, не нужды и потребности человѣка; нестолжно развивающіяся и измѣняющіяся, а какую нибудь отвлеченную идею, и потому съ неумолимою послѣдовательностью и даже жестокостью выводило изъ этой идеи все права и обязанности человѣка; нужны ли человѣку эти права, возможны ли для него эти обязанности, нельзя ли найти другихъ какихъ нибудь правъ и обязанностей, болѣе удобныхъ и болѣе сообразныхъ съ требованіями криватаго времени, — объ этомъ наука права не заботилась. *Regat mundus, fiat justitia*, говорила она; не право существуетъ для человѣка, а человѣкъ для права. Живути, положимъ, два человѣка только и каждый изъ нихъ совершилъ преступленіе, за которое идея права требуетъ смертной казни; они должны убить другъ-друга, а не на-

рушать закона правды и справедливости; потому что это не создано не от нихъ и не для нихъ, а существуетъ выше ихъ, въ идеѣ. Беремъ, на примѣръ, за основаніе назначеніе человѣческой жизни, и изъ него выводятся права; но это назначеніе опредѣляется не эмпирически, а идеально, берется не изъ самой жизни, а изъ отвлеченныхъ началъ, непосредственно заключающихся въ разумъ, и по этимъ началамъ перестраивается вся жизнь. Въдѣ это чрезвычайно опасно; ну, а если это назначеніе опредѣлено не вѣрно, если основаніе ваята ложное, что же будетъ тогда съ жизнью, и что такое будутъ права и обязанности, выведенныя изъ этого основанія? Права будутъ имѣть видъ волюнтарной несправедливости, обязанности будутъ бременемъ; но наука будетъ отстаивать ихъ, навязывать ихъ человѣку насильно, потому что они выведены изъ идеи права и служатъ выраженіемъ правды. Герцковъ надежнѣе эмпирическаго основанія; тутъ если и возможны ошибки, то ошибки частныя, отъ которыхъ зависитъ не вся совокупность правъ, а только часть ихъ. Одна ошибка не влечетъ за собою полнаго изуродованія всей жизни. — Опытъ указываетъ на необходимыя измѣненія права, соответствующія времени; наука упорно противится этимъ измѣненіямъ, потому что они не согласны съ ея отвлеченными принципами. Она отвергаетъ ихъ какъ заблужденіе во имя идеи, не смотря на всю ихъ практическую важность. Притомъ, если кто не вѣритъ въ истинность идей, въ вѣрность началъ, какъ онъ будетъ подчиняться правамъ, основаннымъ на нихъ? Тогда какъ, напротивъ, жизненныя потребности обязательны и очевидны для всѣхъ, и есть большое вѣроятностей общаго согласія относительно ихъ. Если гдѣ, то это именно въ наукѣ естественнаго права нужно избѣгать всякой отвлеченной идеальности, всякихъ теоретическихъ, абсолютныхъ началъ; она должна брать самыя простѣйшія, первичныя отношенія людей и тѣ условія, которыя опредѣляютъ эти отношенія. Люди соединяются въ общества и составляютъ государства не по идеямъ и принципамъ, а по требованіямъ нужды, по вліянію вѣншихъ принудительныхъ условій. Человѣкъ боится потерять то, что имѣетъ и чѣмъ владѣетъ; и потому обращался къ силѣ, къ ея защитѣ и покровительству; онъ подчинялся ей не потому, что видѣлъ въ ней олицетвореніе идеи и правды, а потому, что она была выгодна для него, охраняла его, обеспечивала для него то, что удалось ему захватить въ руки. Раздѣленіе на мое и твое происходило не по идеѣ правды, а такъ; вслѣдствіе потребности безспорнаго обладанія, чтобы отдѣлаться отъ притязаній со стороны другихъ, чтобы мое было надежнѣе; чтобы я не опасался за него каждую минуту. Наука права въ своихъ построеніяхъ шла совершенно обратнымъ путемъ; эти частныя, случайныя отношенія она признавала за идею и сообщала имъ санъ права и правды.

«Естественное право», говорит Шиллингъ, «не можетъ основываться на эмпирическихъ основахъ сознанія, ибо опытъ можетъ научить насъ лишь тому, что есть или что было, а не тому, что по идеѣ и по первоначальной сущности человѣческихъ отношеній должно или можетъ быть. Естественное право имѣетъ задачу: найти и представить коренныя, всеобщія и существенныя начала права, вывести изъ нихъ права и обязанности людей другъ къ другу, опредѣлить сущность институтовъ права и жизненныхъ отношеній, необходимыхъ для существованія и цѣлей человѣчества, въ нихъ идеѣ или во заключающемся въ нихъ постулатѣ. Божественное устройство міра относительно людей и ихъ жизненныхъ отношеній, то есть Богомъ данная природа и назначеніе человѣка — вотъ руководящее начало и мѣрило, которому слѣдуетъ естественное право или объективная и реальная основа его ученій. Первоначальное основаніе естественнаго права и масштабъ заключаются въ Богомъ устроенной природѣ и назначеніи человѣка и человѣческихъ жизненныхъ отношеній. Въ человѣкѣ есть духовная способность сознать первоначальную природу и назначеніе человѣческихъ жизненныхъ отношеній, всеобщее и необходимое въ нихъ, слѣдовательно законы для нихъ. Эта высшая познавательная способность, открывающая идеи и первоначальные законы, есть разумъ» (стр. 24). «Въ человѣческомъ сознаніи коренится идея, что есть справедливость, что мы можемъ ее познавать, и что мы должны слѣдовать ей въ жизни» (стр. 25).

Вотъ видите, есть какая-то отвлеченная справедливость; разумомъ мы можемъ узнать ее, сразу открыть ея идеи и первоначальные основные законы, стоитъ только подумать, поработать разумомъ, Разумъ тотчасъ и скажетъ намъ, что вотъ такая-то идея есть справедливость, настоящая, абсолютная правда; что согласно съ нею, такъ и должно быть неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Это все было бы сносно, еслибъ теоретики права строили права и обязанности дѣйствительно на основаніи какой нибудь абсолютной идеи, непосредственно заключающейся въ разумѣ. Тогда была бы возможность найти въ намъ другую, какую нибудь идею и перестроить сообразно съ нею права и обязанности. Но въ томъ-то и бѣда, что сами теоретики дѣйствуютъ эмпирически, но только односторонне. Они берутъ существующій порядокъ отношеній, опредѣленія условнаго положительнаго права, то, «что есть», и посредствомъ отвлеченія все это возводятъ къ идеѣ, говорятъ, что такъ «и должно быть» всегда, что этого требуетъ идея, сама справедливость, непосредственно открывающаяся разуму. Всякую попытку иначе опредѣлить человѣческія права и отношенія они отрицаютъ будто бы на основаніи естественнаго права и абсолютной идеи справедливости, а того и не замѣчаютъ, что эта идея есть не, что иное, какъ существующія положительныя

права, только отвлеченныя и пожадованныя ища въ идею. Штанъ говоритъ, напр., «полная равноправность есть требованіе разумнаго права». Шиллингъ опровергаетъ это между прочимъ тѣмъ, что даже «общія человѣческія права могутъ быть уничтожены или ограничены; и даже въ цѣломъ составѣ, вслѣдствіе преступленія, могутъ сдѣлаться предметомъ наказанія», т. е. совершенно уже по положительному праву. Нѣкоторые лица, говоритъ онъ, имѣютъ «особыя прирожденныя права», посредствомъ разныхъ условий и фактовъ (то есть все-таки по положительному праву) приобретаютъ особыя права. Слѣдовательно, заключаетъ онъ, полное равенство правъ невозможно, его не требуетъ «идея права»; то есть его не даетъ положительное право, какъ показываютъ доказательства Шиллинга; а онъ все это свернулъ на идею естественнаго права. Вся книга Шиллинга основана на подобномъ недоразумѣніи. Она имѣла въ виду говорить объ «естественномъ правѣ»; а между тѣмъ сейчасъ послѣ «Введенія» начинается рѣчь объ опредѣленіяхъ и правилахъ положительнаго права; онъ излагаетъ существующіе законы только въ отвлеченной формѣ, въ видѣ общихъ схемъ. Даже прямо разсуждается о положительномъ правѣ и его источникахъ: о законахъ, статутахъ, судебныхъ актахъ, правахъ юристовъ; и затѣмъ все остальное разсужденіе о правѣ въ смыслѣ субъективномъ и объективномъ есть не что иное, какъ выраженіе общихъ формулъ положительнаго условнаго права. Ну, напримѣръ, давность и наследственность права: какъ вы ихъ выведете изъ идеи права и назначенія человѣка, если совершенно оставить безъ вниманія опредѣленія положительнаго права? Также точно «охраненіе права силою принужденія» есть требованіе, составленное не на идеѣ, а на предписаніяхъ и обычаяхъ положительнаго права. — Можетъ быть такія недоразумѣнія права и были причиною жалобъ на недостатокъ правды; люди требуютъ правды жизненной, человѣческой, а наука даетъ имъ правду отвлеченную, идеальную. Имъ говорятъ:—«да помилуйте, вѣдь это несправедливость: одному вы даете много, другимъ ничего, одного ставите наверху, другого внизу». А они отвѣчаютъ, что на то есть воля права, что этого требуетъ идея и назначеніе человѣческой жизни; что измѣнять этого нельзя, а нужно только познавать и проникаться уваженіемъ.

Но и независимо отъ направленія, сочиненіе Шиллинга слабо, не смотря на то, что оно «одобрено» для перевода профессоромъ Капустинимъ, главные качества его—неясность и схоластика, одѣвъ только формы мыслей безъ серьезнаго жизненнаго содержанія. Шиллингъ возьметъ какую нибудь формальную безсодержательную мысль и занимается самымъ мелочнымъ ея дробленіемъ, придумываніемъ рубрикъ и подраздѣленій. Эта схоластическая работа отвлекаетъ его

вниманіе отъ дѣла; формы скрываютъ отъ него сущность и жизненность. «Каждый человѣкъ такъ долженъ опредѣлить внѣшнее приложеніе свободы и въ такой мѣрѣ ограничить его, чтобы при этомъ всѣ другіе люди могли дѣйствовать и достигать своихъ жизненныхъ цѣлей». Больше этого и яснѣе ничего не сказано во всемъ сочиненіи, которое представляетъ только перифразъ этой мысли съ приращеніемъ общихъ формулъ положительнаго права.

Высшій, или самый общій законъ можетъ выражаться или какъ дозволительный, или какъ повелительный, или какъ запретительный. Дозволительный можно выразить въ такой формѣ: ты можешь дѣлать какое угодно употребленіе своей внѣшней свободы, насколько это только согласимо съ правами всѣхъ другихъ и съ порядкомъ человѣческаго общества; форма повелительнаго закона слѣдующая: ты долженъ такъ устроить или такъ ограничить употребленіе своей внѣшней свободы, чтобы оно было согласимо съ правами всѣхъ другихъ и съ порядкомъ человѣческаго общества; запретительный законъ говоритъ: ты не долженъ и не смѣешь дѣлать такого употребленія своей внѣшней свободы, которое было бы несогласимо съ правами другихъ и съ порядкомъ человѣческаго общества. Изъ этого различія формы высшаго закона, однако, не вытекаетъ различія въ его содержаніи. Повтому все равно, въ какую изъ этихъ трехъ формъ ни облекать высшій законъ (зачѣмъ же и облекать его непременно въ три?) (стр. 54, 55).

Вы хотите знать самое дѣло, а вамъ описываютъ только его многообразныя формальныя стороны и случайныя признаки. Вы хотите, напримѣръ, узнать, въ чемъ состоитъ писаніе и какъ пишутъ письма; а вамъ и начинаютъ толковать: бумага для письма бываетъ бѣлая, синяя и голубая, иногда даже розовая и желтая; чернила также раздѣляются на черныя и синія, но бываютъ и красныя; содержатся они въ такихъ и такихъ сосудахъ; а о письмѣ ни слова. Вы желаете знать ваши естественныя неотъемлемыя права, которыя принадлежатъ вамъ, какъ человѣку, и которыя вы можете требовать и какъ гражданинъ. Но это Шиллингъ вамъ отвѣчаетъ: «различныя бываютъ права; они различаются 1) по сущности и по объему; 2) по содержанію, 3) по предмету дѣйствія, 4) по направленію и цѣли. На основаніи сущности, права бываютъ или прирожденные или приобретаемые; права прирожденные называются первоначальными и непосредственными, а по объему общими и особенными. Между правами прирожденными общія суть тѣ, которыя принадлежатъ каждому человѣку, какъ таковому съ минуты рожденія; а между приобретаемыми тѣ, которыя могутъ быть приобретены каждымъ лицомъ, какъ таковымъ, посредствомъ надлежащихъ для того дѣйствій. Между правами прирожденными особенныя суть тѣ, которыя принадлежатъ

съ рожденія только опредѣленнымъ лицамъ вслѣдствіе условій рожденія; а изъ приобретенныхъ правъ къ особенымъ принадлежатъ, достиженіе которыхъ, по причинѣ необходимыхъ для того условій, возможно только для извѣстныхъ лицъ, обладающихъ упомянутыми условіями (есть еще два «кромя того», но мы ихъ опускаемъ). — По содержанию права бываютъ или положительныя, или отрицательныя. — По предмету можно отличить четыре главные класса правъ: 1) тѣ, которыя не имѣютъ опредѣленнаго внѣшняго предмета, 2) права на вещи, 3) права имѣющія предметомъ дѣйствія, или услуги лица, 4) права, касающіяся взаимнаго отношенія членовъ семьи или общественнаго союза. По направленію и цѣли, права бываютъ частныя и публичныя; но есть и смѣшанныя права». Все это какъ будто и вѣрно; но все это только пустыя схоластическія тонкости и дробленія, однѣ только логическія формы мысли, которыя можно прилагать къ дѣлу, а самого дѣла нѣтъ, нѣтъ живаго предмета для мысли. Можно придумать еще тысячи подобныхъ рубрикъ, и всѣ они будутъ формально вѣрны; но зачѣмъ же они, что мы выиграемъ чрезъ нихъ. И развѣ такая схоластика поможетъ правдѣ, внушитъ намъ гражданское повиновеніе и уваженіе къ законамъ?

Ясная Поляна. Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый Гр. Л. Н. Толстымъ. Москва. 1862.

Ясная Поляна. Книжки для дѣтей. Книжки 1 и 2-я.

Этотъ педагогическій журналъ и эти книжки для народныхъ школъ издаются при школѣ, устроенной графомъ Л. Н. Толстымъ въ селѣ или деревнѣ Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи, Ясной Полянѣ. Въ первой же книжкѣ журнала помѣщено описаніе школы. — Часовъ въ 8 поутру звонятъ въ школѣ, сзывая учениковъ изъ деревни. Они идутъ—и посмотрите на нихъ, вы увидите замѣчательную черту:

«Съ собой никто ничего не несетъ — ни книгъ, ни тетрадей. Урокъ на домъ не задаютъ. Мало того что въ рукахъ ничего не носятъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить вынче. Его не мучитъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспримчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ вынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговорозъ за опаздыванье и никогда не опаздываютъ: нешто старшіе, которыхъ отцы, другой разъ, задержать дома какою нибудь работой. И тогда этотъ большой, раскраснѣвшійся, запыхавшійся, прибѣгаетъ въ школу.»

Что жь, это очень хорошо, что дѣти идутъ въ школу съ легкимъ сердцемъ, безъ великихъ тревогъ. Въ ожиданіи учителя ученики и ученицы болтаютъ, шпрютъ, шалатъ, какъ бываетъ впрочемъ во всѣхъ школахъ. Но вотъ уже не во всѣхъ школахъ видитъ учитель при входѣ въ классъ то, что находитъ въ классной комнатѣ яснополянской школы. Въ нашихъ форменныхъ училищахъ дѣти обыкновенно сторожатъ приходъ учителя и, завидѣвъ вдалекѣ своего наставника, торжественно разсаживаются по мѣстамъ, принимаютъ натянутый, чинный видъ, — словомъ сказать, приучаются скрывать, лицезрѣть и подобострастничать. Въ яснополянской школѣ этого нѣтъ.

«Учитель приходитъ въ комнату, а на полу лежатъ и пицатъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или «радавили, ребята!» или «будетъ! брось виски-то» и т. д. «Петръ Михайловичъ!» кричитъ снизу куча голосъ входящему учителю, «вели имъ бросить». «Здравствуй Петръ Михайловичъ!» кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздастъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкапу; изъ кучи на полу — верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные уже бѣгутъ къ шкапу и кричатъ: и мнѣ, и мнѣ. «Дай мнѣ вчерашнюю»; — «да мнѣ колмошую» (*) и т. п. Если останутся еще какіе нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающіе ваяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «что вы тутъ замѣшались? — ничего не слышно. Будетъ». Уличенные — покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ не улегшагося волненія. Духъ войны улетаетъ и духъ чтенія возвращается въ комнатѣ.»

Садятся по мѣстамъ дѣти, гдѣ кто пональ, кому гдѣ вздумалось начальственнаго распредѣленія мѣсть нѣтъ. Зато, принимаясь учиться безъ всякаго принужденія и отбсненія, дѣти учатся съ такимъ же полнымъ усердіемъ, съ какимъ до начала класса шалили. «Во время класса» (говоритъ авторъ статьи, вѣроятно гр. Толстой, а впрочемъ не знаемъ, статья не подписана) «я никогда не видѣлъ, чтобы шептались, щипались, смѣялись потихоньку, фыркали въ руку и жаловались другъ на друга учителю». Оно и естественно, потому что учатся не по принужденію, а по охотѣ: кому показалось скучно, можетъ уйти изъ класса, никто ему не мѣшаетъ. Иногда случается въ яснополянской школѣ, особенно по вечерамъ передъ праздникомъ, когда дома топятся бани, дѣти расходятся не досидѣвъ класса, но не отъ скуки, а потому, что вспомнили, что дома ихъ ждутъ.

(*) Такъ дѣти называютъ стихотворенія Кольцова.

«Не вторые или третьи послѣбѣденномъ классѣ, два или три мальчика забѣгаютъ въ комнату и сѣвши разбираютъ шапки. «Что вы?» — Домой. — «А учиться? вѣдь пѣшь!» — А ребята говорятъ домою! отвѣчаетъ онъ, ускользя съ своей шапкой. — «Да кто говорить?» Ребята пошли! — «Какже, как?» спрашиваетъ озадаченный учитель, приготовившій свой урокъ — «останься!» Но въ комнату вбѣгаетъ другой мальчикъ съ разгоряченнымъ, озабоченнымъ лицомъ. «Что стоишь?» сердито нападаетъ онъ на удержаннаго, который въ нерѣшительности заправляетъ хлопки въ шапку — «ребята ужъ во-онъ гдѣ, у кувни ужъ небось». — Пошли? — «Пошли». И оба бѣгутъ вонъ, изъ-за двери крича: «Прощайте, Иванъ Ивановичъ!» И кто такіе эти ребята, которые рѣшили идти домой, какъ они рѣшили? — Богъ ихъ знаетъ. Кто именно рѣшилъ, вы никакъ не найдете. Они не совѣщались, не дѣлали заговора, а такъ, вдумали ребята домой. «Ребята идутъ!» — и застучали ноженки по ступенькамъ, кто котомъ свалился со ступеней и, подпрыгивая и бултыхаясь въ снѣгъ, оббѣгая по узкой дорожкѣ другъ друга, съ крикомъ побѣжали домой ребята. Такіе случаи повторяются разъ и два въ недѣлю. Оно обидно и непріятно для учителя — кто не согласится съ этимъ, но кто не согласится тоже, что вслѣдствіе одного такого случая, на сколько большее значеніе получаютъ тѣ пять, шесть, а иногда семь уроковъ въ день для каждаго класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повтореніи такихъ случаевъ, можно быть увѣрену, что преподаванье, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсѣмъ дурно и не вредно. Если бы вопросъ былъ поставленъ такъ: что лучше — чтобы въ продолженіи года не было ни одного такого случая, или чтобы случанъ эти повторялись больше чѣмъ на половину уроковъ, — мы бы выбрали послѣднее. Я, по крайней мѣрѣ, въ яснополянской школѣ былъ радъ этимъ, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ повторявшимся, случаямъ. Не смотря на частыя повторенія ребятамъ, что они могутъ уходить всегда, когда имъ хочется, — вліяніе учителя такъ сильно, что я боялся, послѣднее время, какъ бы дисциплина классовъ, росписаній и отмытокъ, несамѣтно для нихъ, не стѣснила ихъ свободы такъ, чтобы они совсѣмъ не докорились хитрости нашей разставленной сѣти порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Если они продолжаютъ ходить охотно, несмотря на предоставленную имъ свободу, я никакъ не думаю, чтобы это доказывало особенныя качества яснополянской школы, — я думаю, что въ большей части школъ тоже самое бы повторилось и что желаніе учиться въ дѣтяхъ такъ сильно, что для удовлетворенія этого желанія они подчиняются многимъ труднымъ условіямъ и простятъ много недостатковъ. Возможность такихъ убѣганій полезна и необходима, только какъ средство застрахованія учителя отъ самыхъ сильныхъ и грубыхъ ошибокъ и злоупотребленій.

Превосходно, превосходно. Дай Богъ, чтобы все въ большинствѣ школъ заводилась такой добрый и полезный «безпорядокъ», — такъ

вызываетъ его въ видѣ уступки предполагаемымъ возражателямъ авторъ статьи, его панегиристъ, — а по нашему, слѣдуетъ сказать просто: «порядокъ», потому что какой же тутъ безпорядокъ, когда всѣ учатся очень прилежно, на сколько у нихъ хватитъ силъ, а когда сила покидаетъ ихъ или надобно имъ отлучиться изъ школы по домашнимъ дѣламъ, то перестаютъ учиться? Такъ и слѣдуетъ быть во всѣхъ школахъ, гдѣ это можетъ быть, — во всѣхъ первоначальныхъ народныхъ школахъ.

Такое живое пониманіе пользы предоставлять дѣтямъ полную свободу, такая неуклонная выдержанность этого принципа подкупаетъ насъ въ пользу редакціи журнала, издаваемого основателемъ яснополянской школы. Въ предисловіи къ журналу гр. Л. Н. Толстой говоритъ, что готовъ выслушивать возраженія противъ мыслей, кажущихся ему истинными и что боится онъ только одного, — чтобы мнѣнія, противныя его мыслямъ, «не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогаго и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, личности, въ журнальную полемику», которая отвлекла бы отъ сущности дѣла къ спорамъ и горячности изъ-за мелочей. Потому издатель «Ясной Поляны» проситъ «будущихъ противниковъ» его мнѣній «выражать свои мысли» спокойнымъ и безобиднымъ тономъ. Изъ уваженія къ порядку, установленному имъ въ яснополянской школѣ и къ его горячей преданности этому доброму порядку, мы исполнимъ его желаніе; а безъ этого обстоятельства, — т. е. еслибы не знали мы, какъ свободно и легко устроено для дѣтей ученіе въ яснополянской школѣ, — мы вѣроятно не удержались бы отъ колкостей при разборѣ теоретическихъ статей «Ясной Поляны», потому что есть въ нихъ вещи, напоминающія о знаменитыхъ статьяхъ г. Дала и г. Белюстина.

Вотъ, на примѣръ, первая статья 1-й книжки, содержащая profession de foi редакціи. На первой же страницѣ авторъ высказываетъ недоумѣніе, очень странное. «Отчего это», говоритъ онъ, «народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство?» — Это, говоритъ онъ, «явленіе, непонятное для меня». Оно стало непонятнымъ только потому, что исключительные случаи возведены авторомъ въ общее положеніе. Мало ли чему можетъ иногда противодѣйствовать народъ! При Юсифѣ II въ Бельгіи и въ Венгріи онъ противодѣйствовалъ разрушенію феодальнаго порядка; при Арандѣ и Флоридѣ Бланкѣ въ Испаніи онъ противодѣйствовалъ отмѣненію инквизиціи; у насъ онъ противодѣйствовалъ попыткамъ ознакомить его съ воздѣлываніемъ картофеля. Если я изъ этихъ исключительныхъ случаевъ выведу общее заключеніе, будто бы народъ «постоянно» противодѣйствовалъ уничтоже-

нѣю привилегій, преслѣдованій, улучшенію пищи, то оно дѣйствительно выйдетъ вещь непонятная. Только эта вещь, — т. е. постоянство народнаго сопротивленія всему полезному, — вовсе не будетъ «явленіе», черта исторической жизни; эта вещь просто будетъ моя мечта, моя ошибка въ построеніи силлогизма. Въ нѣкоторыхъ, — пожалуй въ довольно многихъ случаяхъ, — народъ довольно упорно противился работамъ объ его образованіи. Что жъ тутъ удивительнаго? Развѣ народъ — собраніе римскихъ папъ, существъ непогрѣшительныхъ? Вѣдь и онъ можетъ ошибаться, если справедливо, что онъ состоитъ изъ обыкновенныхъ людей. А почему трудно предположить и то, что въ этихъ случаяхъ виновата была какая нибудь ошибка или какая нибудь недобросовѣстность людей, принимавшихъ на себя заботу о народномъ образованіи? Вѣдь они тоже были люди; значитъ, могли ошибаться или могли дѣйствовать по эгоистическимъ расчетамъ, не соответствовавшимъ народной потребности. Ни въ той, ни въ другой альтернативѣ нѣтъ ничего непонятнаго.

Кромѣ того, что иногда (очень рѣдко) случается упорное сопротивление со стороны народа образованію, по какой нибудь случайной ошибкѣ народа или его просвѣтителей, есть еще одинъ фактъ, который могъ ввести редакцію «Ясной Поляны» въ заблужденіе на счетъ существенныхъ отношеній народа къ образованію. Этотъ фактъ уже не исключительный, а общій, и проходитъ черезъ всю исторію просвѣщенія. Онъ состоитъ въ томъ, что когда что бы то ни было, — самъ ли народъ, — то есть большинство простолюдиновъ, — образованное ли общество, правительство ли задумываетъ какую-нибудь реформу въ народномъ образованіи, реформа на первыхъ порахъ встрѣчаетъ болѣе или менѣе сильную оппозицію, — но не исключительно въ народѣ, а точно такъ же и въ образованномъ обществѣ (если ею занимается оно) и въ нѣкоторыхъ членахъ самого правительства (если реформу задумываетъ правительство). Но тутъ нѣтъ никакой специальной черты, относящейся именно только къ частному дѣлу народнаго образованія или только къ народу. Это общая принадлежность реформъ или перемѣнъ въ чемъ-бы-то-ни-было и съ кѣмъ-бы-то-ни-было, что они не совершаются безъ нѣкоторой оппозиціи, — проще сказать, не совершаются безъ хлопотъ, безъ надобности толковать, рассуждать, убѣждать. Возьмите самое простое дѣло, — на примѣръ хоть въ какой-нибудь деревнѣ починку моста, который сталъ плохъ и который всѣмъ въ деревнѣ одинаково нуженъ: все-таки сначала потолкуютъ и поспорятъ, — кто же? — сами же мужики между собой. Мужики, которые посообразительнѣе или порѣшительнѣе, раньше другихъ увидятъ, что надобно чинить мостъ, а другіе думаютъ, что можно еще погодить этимъ дѣломъ; вотъ вамъ и неизбѣжность спора. Да развѣ

въ одномъ народѣ такъ? Во всякомъ классѣ то же самое. Помните, наприѣръ, какъ шли дѣла о томъ, нужны или ненужны желѣзнымъ дороги, электрическіе телеграфы и пр.—и въ англійскихъ и во французскихъ парламентахъ, палатахъ, въ парижскомъ институтѣ были споры: однимъ казалось, что эти вещи нужны, полезны, другимъ, что онѣ неудобны, вредны.

Штука состоитъ въ томъ, что вездѣ по всякому дѣлу обнаруживается существованіе двухъ партій, консервативной и прогрессивной, вѣчныхъ партій, соотвѣтствующихъ двумъ сторонамъ человѣческой природы: силѣ привычки и желанію улучшеній. Натурально, что эти двѣ партіи являются и въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ въ нѣдрахъ общества, такъ и въ самомъ народѣ. Есть мужики и мѣщане (какъ есть купцы, чиновники, дворяне), говорящіе: будемъ жить по старому и воспитывать дѣтей по старому; есть другіе мужики и другіе мѣщане, подобно другимъ купцамъ, чиновникамъ и дворянамъ, говорящіе: постараемся устроить жизнь получше прежняго и станемъ воспитывать дѣтей лучше, чѣмъ воспитывались сами.

Ну, что-же тутъ особеннаго? Отчего тутъ смущаться, терять «поцѣманіе?»

Есть еще одинъ фактъ, тоже проходящій черезъ всю исторію,—его замѣтила даже редакція «Ясной Поляны»: мужики стѣсняются посылать своихъ дѣтей въ школы потому, что сынъ или дочь помощи бы въ чемъ нибудь по хозяйству, оставаясь дома, или зарабатывали бы нѣсколько денегъ на фабрикѣ, или въ какомъ нибудь мастерствѣ. Это обстоятельство ужъ дѣйствительно прискорбно, когда дѣла родителей такъ стѣснены, что мысль о пользѣ дѣтей подавляется необходимостью какъ можно скорѣе извлекать изъ дѣтей что нибудь на подмогу хозяйству. Но и это развѣ у однихъ простолюдиновъ бываетъ? Сколько есть небогатыхъ чиновниковъ и дворянъ, которые принуждены не давать дѣтямъ учиться, а какъ можно раньше опредѣлять ихъ на гражданскую службу или въ юнкера. Очень жаль, что это такъ; но развѣ это можно назвать упорствомъ противъ образованія? Вовсе нѣтъ, — очень многіе изъ родителей, принужденныхъ такъ поступать, самые горячіе приверженцы образованія. Плачутъ, что не могутъ дать дѣтямъ такого образованія, какъ желали бы, но чтожь дѣлать, когда нѣтъ средствъ? — Ну, разумѣется, относительно этого факта недостаточно успокоивать себя психологическими соображеніями о врожденной силѣ консерватизма въ человѣческой натурѣ или о неизбежности ошибокъ, недоразумѣній и эгоистическихъ цѣлей, о чемъ разсуждали мы выше. Тутъ дѣло не въ человѣческой натурѣ, а въ недостаткѣ денегъ; значить дѣятели народнаго образованія должны заботиться о томъ, какъ бы

улучшить матеріальное положеніе народа. Но и это опять не каждая-нибудь специальная черта только простонароднаго образованія, — во всякомъ сословіи будетъ учиться большее количество дѣтей и будутъ учиться они дѣше, будутъ образовываться они лучше, если сословіе будетъ пользоваться лучшимъ благосостояніемъ. Ни непонятнаго, ни особеннаго — тутъ ровно ничего нѣтъ.

Такъ что же оказалось у насъ? Большою помѣхою ученью дѣтей простолюдиновъ служатъ бѣдность простолюдиновъ; иногда вѣзетъ народномъ образованіи могутъ оставаться неудачны по какой-нибудь случайной ошибкѣ или недобросовѣстности заботящихся, иногда по какому-нибудь случайному недоразумѣнію самихъ простолюдиновъ; а во всякомъ случаѣ, и при успѣшномъ и при неуспѣшномъ ходѣ, улучшение народнаго образованія, какъ и всякое другое улучшение, имѣетъ противъ себя людей, въ которыхъ консерватизмъ слишкомъ силенъ и которые составляютъ и въ простомъ народѣ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи, довольно значительную долю (впрочемъ все-таки меньшинство), а другая, тоже довольно значительная доля простолюдиновъ (какъ и людей всякаго другаго сословія) будетъ очень горько стоять за улучшение; впрочемъ и эта доля, состоящая изъ людей, въ которыхъ прогрессивность рѣшительно преобладаетъ надъ консерватизмомъ, также только меньшинство въ простомъ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи; а главная масса простонародья, какъ и всякаго другаго сословія, будетъ держать себя нерѣшительно, выжидать, приглядываться, какъ идетъ дѣло: пойдетъ оно хорошо, вся эта масса прикинеть къ прогрессистамъ; пойдетъ оно неудачно, вся она прикинеть къ консерваторамъ. Что тутъ особеннаго и непонятнаго? Неужели сама редакція «Ясной Поляны» не видѣла передъ своими глазами всего, о чемъ мы говоримъ? Наверное, встрѣчала она между мужиками такихъ непоколебимыхъ прогрессистовъ, которые ломятъ себя все одно: «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма», и которыхъ никакія ошибки или неудачи народныхъ просвѣтителей не могутъ сбить съ этого пункта; и наверное видѣла она, что масса выжидаетъ и говоритъ: «а посмотримъ, что выйдетъ изъ начинающихся попытокъ».

Человѣкъ вообще, — не то что въ частности простолюдинъ, а человекъ, *genus homo*, или по другимъ натуралистамъ *species homo*, двуногое млекопитающее, довольно тяжело на долѣемъ, довольно склоненъ отлагать дѣло, если на первый разъ видитъ неудачу или хотя не видитъ большой удачи съ перваго раза; но эти свойства онъ обнаруживаетъ по всякимъ улучшениямъ, не въ одномъ дѣлѣ образованія; а все-таки, рассуждая хладнокровно, надобно сказать, что онъ всегда расположенъ улучшать свое положеніе по всякимъ дѣламъ, зна-

тѣтъ, онъ сперва наклоненъ къ образованію, чѣмъ упереть противъ него.

Но редація «Ясной Поляны», предполагая въ мужикѣ какія-то особенныя свойства, которыхъ нѣтъ въ человѣкѣ, — т. е. просто въ человѣкѣ, каждаго бы тамъ онъ зналъ ни былъ, — думаетъ, что народъ «постоянно противодействуетъ» заботамъ помочь его образованію. Ну что, если бы въ самокъ дѣлѣ было такъ? Въдѣ тогда всѣмъ намъ слѣдовало бы бросить всѣякія заботы о народномъ образованіи; намъ должно было оставить графу А. Н. Тодстому не слѣдовало бы основывать школу, издавать ни его журнала, ни его книжечку. Въдѣ намъ должно было не будить, а навазывать какое нибудь дѣло людямъ, которые вѣрно должны упереться противъ него по своей натурѣ, значить напрасно мучить ихъ, напрасно утруждать себя.

Нѣтъ, редація «Ясной Поляны» дѣлаетъ не такой выводъ; это вѣтъ, не слѣдуетъ ей дѣлать такого вывода, потому что она не думаетъ, что народъ враждебенъ образованію; на второй же страницѣ первой статьи своей она говоритъ, что «народъ хочетъ образованія», и мы напрасно опровергаемъ противное мнѣніе; она сама его опровергаетъ, какъ видно изъ этой второй строки. Не если такъ, каковы же судьбы на 9-й строкѣ той же страницы отутылись слова, противъ которыхъ мы сперва, что будто бы «народъ постоянно противодействуетъ» и т. д.? А вотъ какимъ способомъ улаживаются эти двѣ мысли, мало идущія одна въ другой: если народъ, желающій образованія, постоянно противодействуетъ всѣмъ заботамъ о его образованіи, это значитъ по мнѣнію «Ясной Поляны», что мы, образованные люди, не знаемъ, чему его учить и какъ его учить, и никакъ не можемъ узнать этого. Что это за странность: возьмите неглупаго человека какого хотите сословія, сведите его съ неглупымъ человекомъ какого хотите другаго сословія, и они могутъ растолковать другъ другу, что кому изъ нихъ нужно; отчего же это такая непостижимая вещь, что никакъ не можемъ намъ растолковать неглупые люди изъ престоходивовъ, чему нужно учить и какъ нужно учить ихъ, престоходивовъ? Сладу я ма, походомъ дворѣ, стану спрашивать профессоровъ мужиковъ о чемъ хотѣли имъ быта, — всѣ ихъ потребности и желанія по всякому дѣлу я могу узнать и понять, только будто бы по одному дѣлу образованія не могу. Это что-то неправдоподобно.

Но если это такое непостижимое дѣло, то почему знать, не нужно ли нашимъ престоходивамъ учиться, напримѣръ, латинскому языку? Редація «Ясной Поляны» хохоцетъ: «ну этого ужъ имъ не вѣрное не нужно!» отвѣчаетъ она. (Или она не въ состояніи отвѣчать, даме этого?). А если вы хотя объ одномъ предметѣ знаете, что его не нужно преподавать въ народныхъ школахъ, такъ вы, значить, уже

имѣете нѣкоторое понятіе о томъ, что нужно народу. Вѣдь судить о томъ, что не нужно, можно только на основаніи знанія о нужномъ. Вѣдь отрицательные отвѣты основываются же на чемъ нибудь положительномъ.

Или вы ничего не знаете не то-что о предметахъ ученія, а только о методахъ ученія? Полноте, и объ этомъ у васъ есть вѣрныя понятія. Если бы кто-нибудь захотѣлъ поступить въ Яснополянскую школу преподавателемъ и объяснить, что учить мальчишекъ нельзя иначе, какъ таская ихъ за волосы, кормя омаеухами и т. д., вѣдь вы бы принимали бы такого преподавателя? (Или приняли бы?) Нѣтъ, у васъ положимъ прищипы: учить не только безъ всякихъ наказаній, даже безъ всякихъ наградъ, и совершенно никакого принужденія не употреблять. Методъ прекрасный; за твердость въ которомъ нельзя не сочувствовать вамъ; но пока дѣло же въ томъ, что вашъ методъ хорошъ, а въ томъ, что у васъ есть методъ. Зачѣмъ же выговорите, что вы не знаете метода, когда не только знаете, но даже исполняете.

«Да это еще не методъ преподаванія, это лишь система обращенія съ учениками». Положимъ; но изъ этой системы ужъ непременно происходитъ и методъ преподаванія и притомъ очень опредѣленный. Если наказывать и принуждать нельзя, нужно преподавать такъ, чтобы ученье было интересно и легко. Вы такъ и стараетесь дѣлать. «Да нѣтъ, это все еще не методъ». Какъ же методъ? Ну вотъ если кто нибудь вамъ скажетъ: преподавать русскую исторію надобно, заставляя дѣтей зубрить наизусть руководство г. Устрялова, — что вы на это скажете? Опять расхохочетесь. Значитъ, вы знаете, какъ не слѣдуетъ преподавать русскую исторію, а изъ этого обнаруживается, что вы знаете, какъ слѣдуетъ ее преподавать.

Быть можетъ напрасно мы говоримъ такимъ тономъ съ редакціею «Ясной Поляны». Быть можетъ она найдетъ его обиднымъ. Но воля ваша, вѣдь досадно слушать, когда люди, основавшіе школу и преподающіе въ ней и даже утверждающіе, что устроили свою школу очень хорошо и преподаютъ въ ней не дурно, — когда эти люди говорятъ, что не знаютъ, чему учить и какъ учить народъ, и не знаютъ даже, нужно ли его учить. Полноте, господа, говорить про себя такіе пустяки.

А вѣдь нѣтъ, они говорятъ про себя не пустяки; они дѣйствительно не знаютъ, чему и какъ учить, и есть въ ихъ программѣ, въ передовой статьѣ, которую мы разбираемъ, такія мѣста, что даже ослабляютъ надежду на возможность имъ когда нибудь узнать и понять это. Слушайте, читатель.

Стр. 8. Въ Россіи «народъ большею частію озлобленъ противъ мысли о школѣ». Гдѣ же озлобленъ противъ школы? противъ дур-

въхъ школъ, въ которыхъ ничему не выучиваютъ, въ которыхъ только бьютъ, терзаютъ дѣтей, пригуплютъ ихъ, развращаютъ ихъ, противъ такихъ школъ народъ точно озлобленъ; но въдъ противъ нихъ озлоблены и мы съ вами. Это значитъ только, что и мы съ вами думаемъ, и народъ думаетъ объ этомъ, какъ слѣдуетъ думать порядочнымъ и не глупымъ людямъ.

Стр. 8. Въ той же Россіи «въ школахъ, даже для высшаго сословія, существуютъ только поды условіемъ прижанки чина». До сихъ поръ дѣтей вездѣ почти силою заставляютъ идти въ школу». Это было съ грѣхомъ пополамъ правдою лѣтъ 20-тому назадъ или побольше. А теперь развѣ то? Изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ нынѣшнихъ университетскихъ студентовъ вы навѣрное не найдете даже одного десятка человѣкъ, которые были бы силою заставлены пойти въ университетъ. Гдѣ вы видѣли такихъ студентовъ? Богъ съ вами, вы говорите Богъ-знаетъ-что. А что касается до чина; даваемого за ученіе, то изъ людей небогатыхъ, которымъ надобно будетъ жить жалованьемъ, конечно; многіе интересуются полученіемъ чина по праву ученой степени, но и то мало; повѣрьте, никто изъ нихъ не учится собственно для чина; но не давать имъ его, — было бы несправедливостью; потому что вѣдъ получаютъ его на службѣ ихъ сворстники, которые прямо изъ гимназій пошли служить. Неужели спрашивается было бы, чтобы молодой человѣкъ проигрывалъ по службѣ тѣмъ, что посвятилъ нѣсколько лѣтъ на лучшее приготовленіе себя къ ней университетскимъ образованіемъ?

Стр. 11. «Образованіе, имѣющее своею основою религію, т. е. божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насиліемъ въ этомъ случаѣ законно».

Стр. 15. Въ Германіи девять десятыхъ школьнаго народнаго населенія выносятъ изъ школы столь сильное отвращеніе къ испытаннымъ ими путямъ науки, что они впоследствии уже не берутъ книгъ въ руки». Въ противоположность этому можно привести ходячій въ низшихъ слояхъ нашего средняго класса разговоръ о томъ, какъ «нѣмецъ землю пашетъ, а самъ въ рукѣ книжку держитъ, читаетъ.» — Надобно быть слишкомъ легковѣрну, чтобы утверждать то или другое.

Стр. 22. Въ народныхъ школахъ Марсели преподается «счетоводство», т. е. бухгалтерія. «Какимъ образомъ счетоводство можетъ составить предметъ преподаванія, я никакъ не могъ понять, и ни одинъ учитель не могъ объяснить мнѣ». Это очень странно. Чего тутъ не понимать? Марсель — городъ торговый, и бухгалтерія можетъ пригодиться всякому простолюдину. А что она можетъ быть предметомъ преподаванія, это доказываютъ всѣ коммерческія училища, въ кото-

рыхъ читается курсъ бухгалтеріи. Нѣтъ, по мнѣнію автора статьи, дѣлать бухгалтерію предметомъ преподаванія не стоитъ потому, что «она есть наука, требующая четыре часа объясненія для всякаго ученика, знающаго четыре правила ариѳметики». Нѣтъ, бухгалтеромъ сдѣлаться не такъ легко; иначе порядочные бухгалтеры не были бы такъ рѣдки и не получали бы такой большой платы въ торговыхъ конторахъ. Авторъ статьи не потрудился познакомиться съ дѣломъ, иначе не порицалъ бы марсельскія школы за преподаваніе бухгалтеріи.

Стр. 26. «Хорошо нѣмцамъ на основаніи 200-лѣтняго существованія школы исторически защищать ее; но на какомъ основаніи намъ защищать народную школу, которой у насъ нѣтъ?» Что такое? что такое? Глазамъ не вѣримъ. Неужели редакция «Ясной Поляны» думаетъ, что это только нѣмцамъ нужны народныя школы, а намъ не нужны? Да, правдивому такъ, — въ этомъ духѣ тянется разсужденіе на всей 26-й страницѣ. Не нужно, дескать, намъ народныхъ школъ, потому что «мы русскіе живемъ въ исключительно счастливыхъ условіяхъ относительно народнаго образованія». На слѣдующей страницѣ сначала какъ будто не то, что не нужно намъ школъ, а только то, что наши народныя школы не должны быть рабскимъ сколкомъ съ западныхъ; но дальше опять то же, что въ школахъ нѣтъ надобности у насъ, потому что уже и «въ Европѣ образованіе избрало себѣ другой путь, обошло школу», не нуждается въ ней (стр. 28). Удивительно.

Тутъ же, на стр. 27-й, другая удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «народъ подчиняется образованію только при наслѣдіи», — сѣ-богу такъ и написано на строкѣ 24-й этой 27-й страницы. — Тутъ же 5-ю строками ниже третья удивительная вещь: авторъ статьи убѣдился, что «чѣмъ дальше двигалось человѣчество, тѣмъ невозможнѣе становился критеріумъ педагогики, т. е. знаніе того, чему и какъ должно учить». Неужели? Чѣмъ больше пріобрѣталось людьми опытности въ дѣлѣ образованія, тѣмъ менѣе могли они судить объ этомъ дѣлѣ? Неужели такъ? Это противорѣчило бы тѣмъ законамъ разсудка и жизни, по которымъ всегда бываетъ, что чѣмъ больше знакомишься съ предметомъ, тѣмъ больше знаешь его.

Стр. 29. «Основаніемъ нашей дѣятельности служить убѣжденіе, что мы не только не знаемъ, но и не можемъ знать того, въ чемъ должно состоять образованіе народа, что не только не существуетъ никакой науки образованія и воспитанія — педагогики; но что первое основаніе ея еще не положено, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, бесполезно и вредно». Повторяемъ: если не знаете, то нельзя еще вамъ быть основателями школъ,

наставниками въ нихъ, издателями педагогическихъ журналовъ; вамъ надобно еще учиться самимъ, — отправляйтесь въ университетъ, тамъ узнаете. — Но вы думаете, что даже и не можете узнать, — очень жаль, если такъ, — но это свидѣтельствовало бы только о несчастной организаціи вашей первой системы; если вы не можете понять такой простой вещи, какъ вопросъ о кругѣ предметовъ народнаго преподаванія, то значитъ природа лишила васъ способности приобрѣтать какія бы то ни было знанія.

Беремъ 2-ю книжку «Ясной Поляны» и просматриваемъ въ ней руководящую статью, которая называется: «О методахъ обученія грамотѣ». Общій смыслъ статьи — развитіе мысли, что все методы обученія грамотѣ одинаково хороши или одинаково дурны, такъ что по какой ни учить, все равно. Съ такой точки зрѣнія пришлось бы говорить точно то же обо всемъ на свѣтѣ. Напримѣръ: какой способъ добывать огонь самый удобный: треніе двухъ кусковъ дерева другъ о друга, или кремь и огниво, или фосфорныя спички? — все равно, каждымъ изъ этихъ способовъ можно достичь огня. Какая бритва самая хорошая: паша ли доморощенная изъ обломка косы, или плохая англійская, или хорошая англійская? — все равно, всякой можно обрить бороду. Какое производство самое лучшее: бухарское лп, или наше, или французское? — все равно, по каждому можно рѣшать дѣла. Въ подобныхъ отвѣтахъ свидѣлствуютъ только, что у чловѣка, ихъ дающаго, не установились понятія о предметѣ. Я, напримѣръ, о многихъ предметахъ принужденъ давать такіе отвѣты: наприм., спросите меня, какой методъ интегрированія лучше: лейбницевскій или ньютоновскій, — я рѣшительно не знаю, но слыхивалъ, что по тому и другому выучивались интегрированью; вотъ я и отвѣчаю: все равно, каждый годится. Или спросите меня, какой паровой плугъ лучше: Боймевъ или Фаулеровъ? Я не могу судить ни о томъ, ни о другомъ, но слыхивалъ, что можно тѣмъ и другимъ пахать; вотъ я и долженъ отвѣчать: оба хороши. Эти отвѣты показываютъ только, что я не могу быть ни преподавателемъ высшей математики, ни управляющимъ завода земледѣльческихъ машинъ, ни англійскимъ фермеромъ; ими только прикрывается мое незнаніе. Помните, какъ скоро есть два способа дѣлать что-нибудь, то непременно одинъ изъ этихъ способовъ вообще лучше, а другой вообще хуже; а если есть исключительныя обстоятельства, въ которыхъ удобнѣе примѣняется менѣе совершенный способъ, то знающій чловѣкъ умѣетъ въ точности опредѣлить и перечислить эти исключительные случаи. А кого эти исключительные случаи смущаютъ такъ, что онъ не можетъ разобрать разницу между ихъ особенностями и общими правилами, тотъ мало знакомъ съ дѣломъ. Такое впечатлѣніе и производитъ общій смыслъ статьи:

«о методахъ обученія грамотѣ». Но кромя общаго смысла всей статьи изумляютъ въ ней многія отдѣльныя мѣста; наприкладъ:

Стр. 9. «Народъ не хочетъ учиться грамотѣ». Это напечатано на строкѣ 16-й.

Стр. 10. «Фактъ противодѣйствія народа образованію посредствомъ грамоты существуетъ во всей Европѣ».

Стр. 11. «Споръ въ нашей литературѣ о спорѣ или вредѣ грамотности, надъ которымъ такъ легко было смѣяться, по нашему мнѣнію есть весьма серьезный споръ». Неужели? Неужели можетъ казаться не лишешнымъ основательности мнѣніе людей, утверждающихъ, что грамотность вредна? Да, на ихъ сторонѣ не менѣе основательности и правды, чѣмъ на сторонѣ людей, признающихъ пользу грамотности, — таковъ смыслъ послѣдней половины 11-й страницы. Защитники грамотности — теоретики, противники грамотности — наблюдатели фактовъ и «тѣ и другіе совершенно правы» (стр. 11, строка 20), — т. е. по теоріи грамотность полезна, а на практикѣ оказывается вредной. Но это еще пока только колебаніе между двумя мнѣніями, а въ началѣ стр. 12-й авторъ уже склоняется на сторону противниковъ грамотности. Онъ говоритъ: если ближе всмотрѣться въ дѣйствительные результаты пышнѣшаго обученія грамотѣ, то «я думаю, что большинство отвѣтитъ противъ грамотности» (стр. 12-я, строка 1-я).

Далѣе слѣдуютъ на той же стр. 12-й очень неосторожныя колкости противъ людей, занимающихся преподаваніемъ въ воскресныхъ школахъ. Это ужъ рѣшительно не хорошо. Каковы бы тамъ ни были эти люди, умны ли они по вашему или глупы, но они честные люди, любящіе народъ, дѣлающіе для него все, что могутъ. Если вы поднимаете на нихъ руку, отъ васъ должны отвернуться всѣ порядочные люди.

На стр. 23-й находятся такія же колкости противъ людей университетскаго образованія, занимающихся обученіемъ народа, съ поясненіемъ, что «попомари учатъ лучше ихъ».

Редакція «Ясной Поляны» можетъ оскорбиться тѣмъ, какъ мы обозрѣвали передовыя статьи ея педагогическаго журнала, можетъ сказать: зачѣмъ же вы брали изъ нашихъ статей только эти мѣста, а не брали другихъ, имѣющихъ совершенно противоположный смыслъ? Дѣйствительно, мы были бы несправедливы, еслибы подбирали дурныя мѣста съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ выводъ, что редакція «Ясной Поляны» проникнута духомъ мракобсія. Но мы этого вовсе не хотимъ сказать, а хотимъ только указать ей, какія странныя вещи подаются въ ея мысляхъ по отсутствію надлежащаго знакомства съ предметами, о которыхъ она разсуждаетъ. Мы говоримъ ей: прежде, чѣмъ станете поучать Россію своей педагогической мудрости, сами

поучитесь, подумайте, постарайтесь приобрести болѣе опредѣленный и связанный взгляд на дѣло народнаго образованія. Ваши чувства благородны, ваши стремленія прекрасны; это можетъ быть достаточно для вашей собственной практической дѣятельности: въ вашей школѣ вы не дерзаете, не ругаетесь, напротивъ, вы ласковы съ дѣтьми, — это хорошо. Но установленіе общихъ принциповъ науки требуетъ кромѣ прекрасныхъ чувствъ еще иной вещи: нужно стать въ уровень съ наукой, а не довольствоваться кое-какими личными наблюденіями, да безсистемнымъ прочтеніемъ кое-какихъ статей, Развѣ не можетъ, напр., какой-нибудь полуграмотный заსѣдатель уѣзднаго суда быть человекомъ очень добрымъ и честнымъ, обращаться съ просителями ласково, стараться по справедливости рѣшать дѣла, попадающіяся ему въ руки. Если онъ таковъ, онъ очень хороший засѣдатель уѣзднаго суда и его практическая дѣятельность очень полезна. По способенъ ли онъ при всей своей опытности и благонамѣренности быть законодателемъ, если онъ не имѣетъ ни юридическаго образованія, ни знакомства съ общимъ характеромъ современныхъ убѣжденій? Чѣмъ-то очень похожимъ на него являетесь вы: рѣшитесь или перестать писать теоретическія статьи, или учиться, чтобы стать способными писать ихъ.

Редакція «Ясной Поляны» извинитъ вамъ жесткость этого приговора, если пойдетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ дурныя многія изъ вещей, отыскиваемыхъ нами въ ея статьяхъ. Она убѣдится тогда, что мы говоримъ несправедливую ей правду собственно изъ желанія, чтобы она увидѣла опасность компрометировать себя такими странными тирадами, дурную сторону которыхъ не замѣчала прежде, конечно, только по непривычкѣ къ теоретическому анализу мыслей, къ выводу послѣдствій и отыскиванію принциповъ. Просимъ ее не сердиться, но если она и разсердится, все равно: мы обязаны передъ публикой не селадонничать съ «Ясною Полянью», а прямо указать недостатки теоретическаго взгляда редакціи этого журнала, потому что хорошія стремленія его могли бы иначе подкупить многихъ на неразборчивое согласіе со всѣмъ, что наговорено въ «Ясной Полянѣ». А наговорено въ ней все безъ разбора: и хорошее и дурное. Судность дѣла состоитъ въ томъ, что

За малое количество редакціи принадлежн люди, считающіе себя очень умными, склонные считать всѣхъ остальныхъ людей, — напримеръ, и Руссо и Песталоцци, — глупцами; люди, имѣющіе нѣкоторую личную опытность, но не имѣющіе ни опредѣленныхъ общихъ убѣжденій, ни научнаго образованія. Съ этими качествами привалились они читать педагогическія книги; читать внимательно, дочитывать до конца они не считаютъ нужнымъ, — это, дескать, все глупости написаны, до насъ никто ничего не смыслилъ въ дѣлѣ народ-

наго образования. Но въ прочтенныхъ или отрывкахъ книгъ и статей излагаются взгляды, очень различныя: у одного автора рекомендуется одинъ методъ преподаванія, у другаго — другой; у третьяго — третій; у одного автора одинъ взглядъ на потребности народа, у другаго — другой, и т. д.; но одному автору кругъ предметовъ преподаванія для народа одинъ, у другаго — другой, и т. д. Чтобы разобрать, кто правъ въ этой разногласицѣ, нужно тяжелое изученіе, нужна привычка къ логическому мышленію, нужны опредѣленные убѣжденія. А эти люди не постарались приобрести ни одного изъ этихъ условий, и потому не въ силахъ ничего разобрать. Вотъ и явился у нихъ выводъ, что ничего нельзя разобрать, что все вздоръ и все правда, и всѣ системы никуда негодятся и всѣ системы справедливы, и науки нѣтъ, и предмета нельзя знать, и методовъ нельзя опредѣлить. И осталось имъ руководиться только своими случайными впечатлѣніями, да своими прекрасными чувствами. Но вѣдь что они все же читали и запомнили, и — обрывки чужихъ мыслей, попавшіе въ ихъ память, летать у нихъ съ языка какъ попало, въ какой попало связи другъ съ другомъ и съ ихъ личными впечатлѣніями. Изъ этого, натурально, выходитъ хаосъ.

Лучшая часть «Ясной Поляны» — издающіяся при ней маленькія книжки для простонароднаго чтенія, и хороша въ нихъ собственно та сторона, для выполненія которой не нужно имѣть ни убѣжденій въ мысляхъ, а достаточно имѣть нѣкоторую личную опытность и нѣкоторый талантъ: хорошо въ нихъ изложеніе. Оно совершенно просто; языкъ безыскусственъ и понятенъ. Какъ, напримеръ, не похвалить манеру разсказа въ слѣдующемъ отрывкѣ:

«Жилъ былъ во Франціи столяръ, звали его Николай. Жена у него померла, а сынъ остался. Сыну было 4 года. Николай не былъ богатъ: у него былъ домъ и было земли не много, — сажалъ онъ на ней виноградъ. Съ земли Николаю прожить нельзя было, а ходилъ онъ по людямъ работать. Его мальчикъ одинъ оставался дома. Матери не было, никто не обшивалъ его; отецъ жалѣлъ мальчика, и жениться другою разъ не хотѣлъ.

«Разъ идетъ Николай съ работы домой и слышитъ: кто-то плачетъ. Онъ посмотрѣлъ и увидѣлъ дѣвку. Дѣвку звали Марья. Сидитъ она подлѣ казана и плачетъ.

«Николай ее спросилъ: — обь-чежь ты плачешь, Марья?

«А она говоритъ: Николай, жила я у Михайлы мужика, задолжала ему десять франковъ за уголь (по нашему десять четвертаковъ). А Михайла мнѣ за долгъ сундукъ не отдаетъ, мнѣ теперь нечѣмъ сундука выкупить и жить негдѣ. И она задала еще пуще. Николай говоритъ: подожди здѣсь, я снесу свой инструментъ, да мальчика Матюшку посмотрю, а тогда подумаемъ, какъ быть.»

«Николай пошелъ домой, отнесъ свой инструментъ, побѣждалъ съ сыномъ; досталъ десять франковъ и пошелъ на дорогу, гдѣ Марья сидѣла. Ему въ умъ взопло ея къ себѣ взять. Онъ пришелъ на дорогу и говорить: пойдешь, Марья, въ твоему Михайлѣ, отдамъ ему десять франковъ и возьмешь твой сундукъ. А Марья говорить: кто мнѣ дастъ 10 франковъ? А онъ говорить: пойдешь.

«Они пошли къ мужику къ Михайлѣ, вошли въ домъ; Николай и говорить: «здравствуй, Михайла!» — Здравствуй, чего тебѣ? — А Николай говорить: «за что ты обидѣлъ дѣвку?» — А за то, что не твое дѣло. — А Николай говорить: «возьми десять франковъ, а ей отдай сундукъ.»

«Марья взяла свой сундукъ, забрала все имѣніе и говорить: — какъ я тебѣ, Николай, отдамъ деньги? А онъ говорить: «отдашь»; — и позвалъ ее жить къ себѣ. — «Пойду на работу, а ты за Матюшкой ходить будешь».

«Она заплакала и стала за него молиться Богу. Марья была дѣвка немолодая, ростомъ большая и здоровая, какъ мужикъ. Лицо у ней были дурное, конопатое (рябое), оттого ея и замужъ никто не взялъ. Она тѣмъ жила, что на поденную работу ходила, за ребятами смотрѣла, когда хозяйка на работу уходила. Оца за больными ходить хорошо умѣла. Дѣвка она была смиренная: когда ей за работу ничего не давали, она не спрашивала. Всѣ ребята ее на деревнѣ знали, всѣ любили и нянькой прозвали. Николай взялъ ее къ себѣ въ домъ; Марья и стала у него жить, какъ хозяйка: обѣдъ варила, виноградъ подывала и землю копала. Во Франціи землю больше скребкой, чѣмъ сохой, работаютъ, оттого, что ее мало. Обѣдъ всегда Марья собирала къ тому времени, когда придетъ Николаю съ работы, а за Матюшкой тамъ ходить стала, что Николай не нарадуется. У нихъ въ домѣ лучше стало.

«Вздумалось Марьѣ, чтобы Николай купилъ корову и козу. Во Франціи козье молоко пьютъ. Она и говорить: — Николай, купи корову и козу, намъ лучше жить будешь. — А Николай говорить: «я думаю, а кто стеречь будетъ?» — Ты купи, стеречь я сама буду. Матюшка услышала, да и говорить: я съ ребятами буду стеречь; спрей только мнѣ сумочку хлѣба дасть. Я устерегу. Они купили. Марья спила Матюшкѣ сумку, положила ему хлѣба и сыру и послала его съ ребятами. Во Франціи хлѣбъ бѣлый. Бдять его съ сыромъ, а сыръ изъ козьего молока дѣлаютъ.

«Надѣлъ Матюшки сумочку на спину, перекрестилъ веревочни на груди и погналъ корову и козу. И каждому свое дѣло было. По воскресеньямъ Марья съ Матюшкой въ церковь ходила. Уберечь его, обнести и дойдутъ安息, такъ самъ съ матерью. Во Франціи ка церковь ходятъ съ книжками. Церковь въ церковь; служатъ на стульяхъ и платятъ до книжкамъ, и въ церковь всѣ приходятъ когда надо. Служенникъ, также какъ въ насъ, передъ алтаремъ обѣдио служитъ, только онъ бритый и въ бѣлой рябѣ. А народъ на стульяхъ сидитъ и за стулья деньги берутъ. У кого есть деньги, тотъ платитъ по 5 сантимовъ (по нашему 5 коп. ассигнаціями), а у кого нѣтъ, тотъ стоитъ.

«Марья студа, не брада, а ставала съ Матюшкой либо на догахъ, либо бирала Матюшку на руки и ему, какъ съ горы, все видно было что въ церкви дѣлалось: какъ священникъ въ алтарѣ служитъ и какъ народъ въ церковь приходилъ и вонь выходилъ. И стали они жить лучше прежняго.

«Стало Матюшкѣ ужь семь дѣтъ, Николай и говоритъ Марьѣ: — Марья, надобно Матюшку отдать въ училище. — А она ему говоритъ: «зачѣмъ его отдавать въ училище, онъ будетъ и безъ твоего ученія хорошо работать. Онъ и такъ мальчикъ хорошій. Ты грамотъ не знаешь, а развѣ хуже работаешь.» А Николай говоритъ: не правда твоя, Марья! Если бъ я зналъ грамоту, я бы самъ записать могъ, кто мнѣ что долженъ, а то не знаю и долги забываю — другой разъ и пропадаютъ. Я и самъ жалѣю.

«Матюшка услыхалъ, что тетка съ отцомъ говорила, да и говоритъ: кто же безъ меня козу стеречь станетъ?

«А отецъ говоритъ: устережемъ безъ тебя, только ужь учись, хорошеенько, чтобъ мои деньги не пропали. Николай не послушался Марьи и отдалъ своего Матюшку въ училище. И Матюшка сталъ учиться очень хорошо. Учитель хвалитъ его. А корову и козу Марья стережетъ стада. Когда Матюшкѣ время бывало, онъ за отцомъ вечерами инструментъ нашивалъ, а по праздникамъ съ теткой Марьей въ огородъ ходилъ, и всѣ говорили, что мальчикъ хорошій. Такъ они жили очень хорошо.»

Это — первая глава повѣсти «Матвѣй», которою начинается 1-я книжка. Все остальное написано точно также, то есть очень хорошо.

Но въ содержаніи вещей, рассказанныхъ такъ хорошо, отразилась недостатокъ опредѣленныхъ убѣжденій, недостатокъ сознанія о томъ, что нужно народу, что полезно и что вредно для него. Напримеръ, въ 1-й же книжкѣ поелъ рассказа «Матвѣй», который по содержанію такъ себѣ, помѣщена суевѣрная сказка о томъ, какъ чортъ соблазнилъ монаха Федора, принимая на себя видъ его друга монаха Василія; и рассказано это такимъ тономъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ вотъ сейчасъ же можетъ въ мою комнату подъ видомъ моего пріятеля войти чортъ, то есть настоящий чортъ, какъ есть чортъ. Во 2-й книжкѣ помѣщенъ Робинзонъ, обратившійся въ сказку, лишнюю всякаго смысла. За Робинзономъ напечатана арабская сказка о горѣ Сивамѣ и 40 разбойниковъ, перелычанная на русскіе нравы. Въ ней присутствуютъ Душанка, Елдокиня, Петръ Ивановичъ, Пакромъ Самаровъ и т. д. Замѣтъ сдѣлана эта середина и она была вынута съмысливъ Робинзона. — Это, конечно, никому доизвѣстно, въ томъ числѣ и самой редакціи «Ясной Поляны»: вѣдь нельзя знать, что и какъ рассказывать народу. А языкъ рассказовъ очень хорошъ.

На днях выйдет II-й томъ сочиненій Н. А. Добролюбова. Въ I-мъ томѣ помѣщены слѣдующія критическія статьи и рецензій:

Собесѣдникъ Любителей Русскаго Слова. — Оувѣтъ на замѣчанія г. А. Галахова по поводу предыдущей статьи. — Русская сатира въ вѣкъ Елизаветы. — Описаніе Главнаго Педагогическаго Института. — Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. — О значеніи авторитета въ воспитаніи. — Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. — Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. — Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя ровгами. — Отъ дождя да въ воду. — Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы. — Разныя сочиненія С. Аксакова. — Сочиненія графа Соллогуба. — Стихотворенія Полежаева. — Походъ Ашмянъ въ Сипилію, Владимира Водрова; — У пристани. Ромашъ графини Евдокии Ростопчиной. — Сборникъ, издаваемый студентами С.-Петербургскаго университета. — Библіотека римскихъ писателей. Сочиненія Саллюстія и Юлія Цезаря, переводъ А. Клеванова. — Губернскіе очерки Щедрина, томъ 8-й. — Сочиненія Пушкина, томъ 7-й. — Новыя стихотворенія В. Бенедиктова. — Великія Луки и Великолудскій уѣздъ, М. Семеваго. — О степени участія народности въ развитіи русской литературы. Очеркъ исторіи русской поэзіи, А. Милюкова. — Жизнь Магомета, сочин. Вашингтона Ирвинга. — Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка, подполковника Лебедева. — Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни, сочин. заслуженнаго профессора В. Берви. — Аттила и Русь IV и V вѣка. Сводъ историческихъ и народныхъ преданій, А. Вельмана. — Стихотворенія Н. М. Языкова.

Во II-мъ томѣ:

Николай Владиміровичъ Станкевичъ (переписка и біографія его, написанная П. В. Анненковымъ). — Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственной и нравственной дѣятельностью (Органическое воспитаніе, сочин. Шнелля. Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ, Бока). — Френологія, сочин. М. Волкова. — Отрывки изъ заграничныхъ писемъ, М. Волкова. — Объ истинности понятій и достоверности человѣческихъ знаній, сочин. А. Кусакова. — Первые годы царствованія Петра Великаго (Исторія царствованія Петра Великаго. Н. Устрялова. Три тома). — Стихотворенія Ю. Жадовской. — Стихотворенія для дѣтей, сочин. Б. Федорова. — Мишура, комедія А. Потѣхина. — Московскія Элегіи, М. Дмитриева. — Уличные листки. — Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gerebtzoff). — О нравственной стихіи въ поэзіи, сочин. Ореста Миллера на степень магистра

русской словесности. — Стихотворенія А. Н. Плещеева. — Буддизмъ, его догматы, исторія и литература, сочин. В. Васильева. Буддизмъ, рассматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Россіи. Соч. Нила, архіепископа ярославскаго — Пѣсни Беранже. Переводы В. Курочкина. — Уголовное дѣло, комедія. — Бѣдный чиновникъ. Сцены изъ жизни чиновника, сочин. К. С. Дьяконова. — Литературныя мелочи прошлаго года. — Сочиненія А. Бѣшенцова въ прозѣ и стихахъ. — О русскомъ государственномъ дѣлѣ. Составилъ А. Языковъ. — Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шегурова, ординарнаго академика и профессора. Часть III. — Путешествіе по Северо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ, А. Лакіера. — Очерки и рассказы И. Т. Кокорева. — Жизнь Ваньки Каина, или самимъ рассказанная. Новое изданіе. Григорія Квашнина. — Сочиненія В. Бѣлинскаго. — Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. А. Муравьева. — Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи. — Что такое Обломовщина? (Обломовъ, романъ И. А. Гончарова). — Новый кодексъ русской практической мудрости (Наука жизни, сочин. Ефима Дыммана). — Исторія Австріи. Сочин. графа Майлата. — Основные законы воспитанія. Сочин. Н. А. Миллеръ-Красовскаго. — Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ «Описаніе сельскаго духовенства». — Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой.

Вышелъ третій томъ «Всемирной исторіи» Шлоссера. Онъ содержитъ въ себѣ исторію «послѣднихъ временъ греческаго міра», и «исторію римлянъ» до диктатуры Суллы.

ФРАНЦУЗСКІЕ ЗАКОНЫ

ПО ДѢЛАМЪ КНИГОПЕЧАТАНІЯ.

При объявленіи объ учрежденіи комиссіи для пересмотра, дополненія и измѣненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія выражено было желаніе, «чтобы литература наша нѣсколько ближе ознакомила публику съ вопросами, до законодательства о печати относящимися». Тутъ же было высказано мнѣніе, что «сравнительное изложеніе законодательствъ другихъ образованныхъ государствъ и теоретическая оцѣнка ихъ могли бы приготовить общественное мнѣніе къ правильному разумѣнію силы и значенія новой системы законодательства о книгопечатаніи».

Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ существуютъ двѣ главныя системы законодательныхъ и правительственныхъ отношеній къ дѣламъ книгопечатанія.

Первая система, господствующая въ Англии, въ Швейцаріи и въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, утверждаетъ на томъ общемъ принципѣ, что дѣламъ книгопечатанія не придается никакого спеціальнаго значенія или исключительнаго положенія: законъ и правительство не дѣлаютъ никакой существенной разницы между этими и другими подобными дѣлами, подлежащими только дѣйствию общихъ законовъ. Такъ, во-первыхъ, типографская сторона книгопечатанія ставится въ одно положеніе со всѣми обыкновенными фабричными производствами или мастерствами. Если не нужно никакого особеннаго разрѣшенія, чтобы основать столярное или токарное

заведеніе, суконную фабрику или свѣчной заводъ, то не требуется никакого разрѣшенія и на заведеніе типографіи. Ее можетъ открыть всякій, у кого есть охота и средства. — Точно также, если суконный фабрикантъ или шляпный мастеръ воленъ выставить или не выставить свое имя на издѣліи, то и типографщикъ воленъ печатать книги съ обозначеніемъ или безъ обозначенія своего имени на нихъ. Но если шляпный фабрикантъ или зонтичный мастеръ выставитъ на своемъ издѣліи имя другого мастера или фабриканта, онъ, по жалобѣ этого мастера или фабриканта, подвергается извѣстному наказанію за подлогъ. Тому же наказанію подвергается типографщикъ по претензіи другого типографщика, если выставитъ его имя на книгѣ, которую напечаталъ. Словомъ сказать, нѣтъ особенныхъ законовъ и особенныхъ наказаній для типографщиковъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для каретниковъ, шорниковъ, портныхъ, трубочистовъ.

Точно также нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для книгопродавцевъ, какъ нѣтъ особенныхъ законовъ и наказаній для купцовъ, торгующихъ мыломъ или сапогомъ, шелковыми матеріями или зеркалами. Какъ безъ всякаго разрѣшенія открывается чайный магазинъ или мелочная лавочка, точно также и книжная лавка.

Что касается писателей, сотрудниковъ, редакторовъ, собственниковъ статей, газетъ, журналовъ и книгъ, они также считаются обыкновенными людьми, вовсе не заслуживающими такого великаго вниманія со стороны законодательства и администраціи, чтобы обращаться съ ними по какимъ нибудь особеннымъ правиламъ, чѣмъ съ другими людьми. Какъ и всякіе другіе люди, они могутъ совершать дѣйствія, противныя закону; но не предполагается, чтобы способъ совершенія такихъ дѣйствій посредствомъ маленькихъ вещицъ, отвѣсмыхъ изъ силава, называющагося гартомъ, и посредствомъ черной масляной краски заключалъ въ себя нѣчто специально-чародейственное и чтобы отъ этого способа измѣнялся характеръ самого дѣйствія, такъ что уже недостаточны противъ поступка, такимъ способомъ совершеннаго, тѣ законы, которые достаточны противъ того же поступка, совершеннаго всякимъ другимъ способомъ. Напримеръ, человекъ можетъ оклеветать или обезславить какое нибудь лицо разными способами: распуская изподтишка изустные слухи, или разсказывая громко въ обществѣ, или разсылая письма; — если есть законъ достаточный для наказанія клеветы, для уменьшенія охоты къ ней, для возстановленія чести оклеветаннаго лица, во всѣхъ этихъ случаяхъ, — то считается, что этотъ законъ достаточенъ для достиженія той же цѣли и при совершеніи клеветы посредствомъ печати. — Точно также человекъ можетъ очень различными способами возбуждать

другихъ людей къ нарушенію общественнаго порядка: онъ можетъ дѣлать это тайными разговорами наединѣ, громкими разговорами въ обществѣ, разсылкою анонимныхъ или подписанныхъ писемъ; можетъ вести людей къ тому же какими нибудь своими хитрыми дѣйствіями, приводящими ихъ въ раздраженіе не противъ него; а противъ закона или администраціи, или вводя ихъ въ положенія, ставящія во вражду къ порядку, и дѣйствія эти, совершаемыя ими подъ его вліяніемъ, могутъ быть сами по себѣ или преступны (например, дать человѣку сдѣлаться воромъ—значить, сдѣлать его готовымъ и къ дѣйствіямъ противъ правительства, отъ котораго будетъ онъ опасаться наказанія), или могутъ быть сами по себѣ не преступны (например, дать человѣку выпить лишнее, тутъ еще нѣтъ преступленія; но пьяный человѣкъ готовъ на многое такое, чего не сдѣлаетъ трезвый). — Если общій законъ, охраняющій спокойствіе страны и ея правительственныя формы, достаточенъ для наказанія за эти многообразныя способы возбужденія и для обузданія охоты пользоваться ими, то предполагается, что онъ достаточенъ и противъ возбужденій, которыя бы могли дѣлаться посредствомъ печати.

Такой взглядъ утвердился, какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ странахъ: въ печати нѣтъ ничего столь важнаго, или опаснаго, или особеннаго, чтобы нужно или полезно было имѣть для нея особенныя законы; достаточно для общественной, и частной безопасности прилагать къ дѣламъ печати тѣ самые законы, какіе прилагаются вообще ко всякимъ дѣламъ.

Но на континентѣ западной Европы преобладаетъ другой взглядъ, дающій дѣламъ печати какое-то исключительное значеніе и потому ставящій ихъ въ исключительное положеніе. Предполагается, что типографскій станокъ имѣетъ какую-то специфическую силу въ родѣ белладонны, сѣрной кислоты, гремучаго серебра, — вещей очень полезныхъ, но только при чрезвычайно бдительномъ надзорѣ за ихъ употребленіемъ, и мгновенно могущихъ надѣлать страшныхъ бѣдъ при малѣйшей оплошности. Попадись пакетъ съ гремучимъ серебромъ въ руки неосторожнаго или злонамѣреннаго, разрушится цѣлый домъ, погибнуть пожалуй сотни людей. Такое мнѣніе, приписывающее чрезвычайную вредоносную силу наносить неисцѣлимыя раны, существовало или существуетъ и относительно очень многихъ предметовъ, не имѣющихъ въ себѣ ровне ничего такого. Наше личное мнѣніе не расположено къ ожиданію не натурально-вредоносныхъ результатовъ отъ предметовъ и дѣйствій, въ которыхъ нѣтъ силы производить такіа бѣдствія. Мы думаемъ, что для произведенія общественныхъ бѣдъ типографскій станокъ слишкомъ слабъ. Въдъ нѣтъ на немъ столько чернилъ, чтобы, прорвавшись

какъ, нибудь, затопитъ онѣ страну, и нѣтъ къ немъ, такъ же дружна, чтобы, совершился какъ, нибудь, и хопнулъ по картежнымъ интерамъ, стрельнула онѣ, или, какъ, картежю. Намъ кажется, что безъ достаточной причины, не можетъ произойти никакое доуграние или инспроверженіе, да и дообиде никакое дѣйствіе; а если есть достаточныя причины, то дѣйствіе произойдетъ, какъ тамъ, ни, и доботать, обустройство, способъ, и поводъ, произойти ему; какіе нибудь, способъ, и поводъ все-таки, представляется. Напримѣръ, если нѣтъ людямъ достаточныхъ, причинъ, быть, недовольнымъ, то и не выйдутъ изъ недовольства, никакими словами, жесткими ли, письменными ли, печатными ли. Это дѣлается, не словами, а фактами жизни, — обществеными отношеніями и великими историческими случайностями въ родѣ какого, нибудь, неурожая или другаго бѣдствія, которому ни содѣйствовать, ни противодействовать тимографскій станокъ, не можетъ.

Но, мы знаемъ, что и въ этомъ, дѣлѣ, какъ, къ, очень многихъ другихъ, намъ простой взглядъ на дѣло кажется, не довольно эффектенъ, не довольно мажораматиченъ для большинства, которому вездѣ грезятся романческіе фокусы, чудныя спѣшенія, неистижимыя особенности, производяща то колоссальную пользу, то неизмѣримый вредъ посредствомъ самыхъ слабыхъ силъ и недостаточныхъ матеріаловъ. Во многомъ тутъ причиною сами литераторы, до забывности преувеличивающіе важность своего ремесла, по слабости, свойственной людямъ всякаго званія. По примѣру мольеровскаго ювелира, разсматривавшаго все на свѣтѣ съ точки зрѣнія ювелирнаго мастерства, литераторы слишкомъ часто провозглашаютъ литературу тою осью, на которой вращается земля. Послушать ихъ, такъ всѣ великія событія произносились литературой. Неудивительно, что они подвержены такому самообольщенію; но смѣшно, что посторонніе — то люди, образованная — то дублика и просвѣщенные — то администраторы во многихъ странахъ еще вѣрятъ этой похвальбѣ и приходятъ — кто въ удивленіе, кто въ благоговѣніе, кто въ огорченіе, кто въ озлобленіе передъ «важною, всевозбуждающею, всесовершающею» силою литературы надъ государственною жизнію. Вѣдь не вѣрятъ же они сапожникамъ, думающимъ, что всего важнѣе сапожное искусство; смѣются же они надъ портными, воображающими, что люди живутъ на свѣтѣ только ихъ услугами. Какъ повидному не разсудитъ постороннимъ людямъ, что всякое ремесло важно въ своей специальной сферѣ, а земля вертится и исторія движется вовсе не этимъ мастерствомъ, а силами несравненно болѣе и могущественными и простыми. Сапожникъ важенъ по части обуви, а въ другихъ дѣлахъ ничего не значить. У литературы тоже свое особенное дѣло, — конечно, гораздо болѣе воз-

личное, но тоже специальное; и важна она только въ этой специальной отрасли жизни, а общій ходъ жизни не зависитъ отъ нея. Литература излагаетъ наблюденія, мысли, сообщаетъ теоретическія свѣдѣнія. Въ этомъ дѣлѣ она чрезвычайно важна. Но развѣ отъ пріобрѣтенія теоретическихъ свѣдѣній человекъ чувствуетъ голодъ и холодъ, раздражается обидами, радуется счастливому устройству своихъ обстоятельствъ? Это все дѣлается въ немъ совершенно съ одинаковою силою, грамотенъ ли онъ, или безграмотенъ. Съ литературою и безъ литературы все равно стремится онъ къ однимъ и тѣмъ же цѣлямъ, возбуждается тѣми же чувствами. Только онъ менѣе просвѣщенъ безъ литературы, вотъ и вся разница. Правда, разница очень важная, оказывающая великое вліяніе и на характеръ историческихъ событій. Мы не вѣрно сказали, что исторія не зависитъ отъ литературы, — нѣтъ, много зависитъ; только въ чемъ? Не въ сущности событій, а въ ихъ формѣ. Форма дѣйствій человека определяется степенью его образованности. Разсердится очень грубый человекъ, — онъ бьетъ въ зубы того, на кого разсердился; если онъ немножко образованъ, онъ уже не станетъ драться, — онъ стыдится драки, да и знаетъ, что она — дѣло лишнее: онъ умѣетъ достаточно уязвить противника грубыми словами. Но если онъ еще болѣе развить, онъ и грубыя-то слова находитъ лишними: въ мягкихъ, совершенно-приличныхъ выраженіяхъ онъ съумѣетъ обнаружить свое раздраженіе и достигнетъ той же цѣли. Значитъ, дѣло не въ томъ, бываютъ ссоры или не бываютъ ихъ: это зависитъ отъ обстоятельствъ жизни, чаще всего отъ денежныхъ дѣлъ, а не отъ степени просвѣщенія; она опредѣляетъ только то, какая форма избирается для ссоры: грубая или благопріятная.

Но мы повторяемъ, что вовсе не ждемъ, чтобы такъ ужъ сейчасъ же показалось такое мнѣніе справедливымъ большинству общества у насъ ли, или даже на континентѣ западной Европы, кромѣ одной Швейцаріи. Эти страны еще слишкомъ мало познакомились съ размѣромъ литературнаго вліянія при такой же свободѣ дѣйствій литературнаго занятія, какими пользуются всѣ занятія, поставленныя только подъ общій законъ, не стѣсненныя никакими специальными ограниченіями и надзорами. Это большинство восхищается или тревожится суевѣрными обольщеніями относительно силы литературы производить историческіе перевороты. А мнѣніе большинства, — справедливое или несправедливое, все равно, — господствуетъ надъ всѣми общественными отношеніями и между прочимъ оно опредѣляетъ общественное положеніе литературы. Оно внушаетъ и держитъ во Франціи, въ Пруссіи, въ Австріи спеціальныя законы и спеціальныя мѣры предосторожности противъ литературы. Нельзя думать, чтобы нѣ нашемъ обществѣ,

еще менѣе опытномъ и разсудительномъ по этому дѣлу, могъ волшебнымъ образомъ устатовиться другой взглядъ. Поэтому, если мы хотимъ говорить о правдоподобномъ, то должны обратить вниманіе не на ту систему, которая подчиняетъ литературу только общему закону, — а на систему, считающую необходимымъ специальное законодательство для литературы.

Изъ специальныхъ законодательствъ по литературнымъ дѣламъ самое образцовое — нынѣшнее французское законодательство. Называемъ его образцовымъ не потому, чтобы оно было самое лучшее для правительства или для общества (а для литературы оно самое худшее: это всѣмъ извѣстно), — нѣтъ, оно образцовое потому, что фактически служило и служитъ образцомъ для другихъ законодательствъ той же системы, какъ и вообще вся французская государственная жизнь служила и служитъ образцомъ для континентальныхъ странъ западной Европы, не успѣвшихъ подняться еще и на ту степень историческаго развитія, какой достигла Франція. Бравите Францію, хвалите Францію, какъ хотите, а все-таки она — передовая страна европейскаго континента и теперь, какъ была съ давнихъ поръ; и все-таки другія страны учатся у ней. Но ученики не могутъ хорошенъко разбирать, что именно хорошо и что дурно у француза, — если бы они умѣли разбирать это, они были бы опытнѣе и разумнѣе учителя, то есть ужъ и не были бы его учениками, а сдѣлались бы его наставниками. Мы хотѣли сказать очень не новую мысль, что вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ хорошаго, континентальныя страны перенимаютъ у Франціи и довольно много дурнаго. Рѣчь не о томъ, къ хорошему или къ дурному принадлежитъ то, что онѣ перенимаютъ отъ нея специальное литературное законодательство, — мы думаемъ только, что это вещь неизбѣжная.

Итакъ, прежде всего намъ надобно изучить французское литературное законодательство. Мы хотимъ сдѣлать это самымъ солиднымъ и холоднымъ образомъ, и начнемъ прямо переводомъ важнѣйшихъ французскихъ постановленій по дѣламъ печати. Они не сведены въ одинъ кодексъ, а состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ законовъ. Мы представимъ существенныя статьи главныхъ изъ этихъ законовъ.

Переводъ займетъ довольно много страницъ, и страницы эти будутъ совершенно сухи, очень скучны. Но кто хочетъ вѣрить на слово заключеніямъ, которыя мы сдѣлаемъ изъ нихъ, тотъ можетъ и вовсе не заглядывать въ эти страницы голаго перевода. А кто захочетъ провѣрить наши соображенія, тому обязаны же представить самый текстъ законовъ, о которыхъ будемъ судить.

КНИЖЬ ВАЖНѢЙШИХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ.

ЗАКОНЪ 21 ОКТЯБРЯ 1814.

Статья 11. Ни типографщикомъ, ни книгопродавцемъ не можетъ быть никто иначе, какъ по патенту отъ правительства и по присяженіи присяги.

Статья 12. Патентъ можетъ быть взятъ назадъ у каждаго типографика или книгопродавца, признаннаго по судебному приговору виновнымъ въ нарушеніи законовъ и правилъ.

Статья 13. Тайныя типографіи подвергаются уничтоженію, а ихъ владѣльцы и хранители наказываются штрафомъ въ 10 тысячъ франковъ и 6-ти тысячнымъ заключеніемъ въ тюрьму. — Тайною считается всякая типографія, не объявленная въ общемъ управленіи книжныхъ дѣлъ и для которой не было получено разрѣшенія.

Статья 14. Типографщикъ не можетъ печатать сочиненія, не объявивъ предварительно, что намѣренъ печатать его, и не можетъ какимъ бы то ни было образомъ выпускать его въ продажу или обнародовать безъ предварительнаго представленія предписаннаго числа экземпляровъ, въ Парижѣ — въ секретарство общаго правленія книжныхъ дѣлъ, а въ департаментахъ — въ секретарство префектуры.

Статья 15. Задержка и секвестръ сочиненія происходитъ: 1) если типографщикъ не представитъ росписокъ въ объявленіи и въ представленіи сочиненія во предыдущей статьѣ; 2) если на каждомъ экземплярѣ не выставлено истиннаго имени и истиннаго жительства типографика; 3) если сочиненіе предано суду за свое содержаніе.

Статья 16. Недостатокъ предварительнаго объявленія до печатанія и недостатокъ предварительнаго представленія до обнародованія, обнаруженный по смыслу предыдущей статьи, наказывается каждый въ огдѣльности штрафомъ въ 1,000 франковъ въ первый разъ и въ 2,000 франковъ во второй.

Статья 17. Недостатокъ выставленія своего имени и своего жилища типографщикомъ наказывается штрафомъ въ 3,000 франковъ. — Выставленіе ложнаго имени и ложнаго мѣста-жительства наказывается штрафомъ въ 6,000 франковъ, независимо отъ тюремнаго заключенія, установленнаго уголовнымъ кодексомъ.

Статья 18. Экземпляры, задержанные по причинѣ простаго нарушенія настоящаго закона, возвращаются по уплатѣ штрафовъ.

Статья 19. Книгопродавецъ, у котораго будетъ найдено сочиненіе безъ имени типографщика или который будетъ уличенъ въ томъ, что продавалъ или раздавалъ такое сочиненіе, подвергается штрафу въ 2,000 франковъ. Штрафъ уменьшается до 1,000 франковъ, если книгопродавецъ укажетъ типографщика.

ЗАКОНЪ 28 ФЕВРАЛЯ 1818.

Когда сочиненіе было задержано по 15 статьѣ закона 21 октября 1814, приказъ и протоколъ о его задержаніи теряютъ свою силу, если не будутъ объявлены въ теченіе 24 часовъ лицу, у котораго должна быть произведена задержка и которое можетъ протестовать противъ него.

ЗАКОНЪ 17 МАЯ 1819.

ГЛАВА I.

О публичнои возбужденіи къ преступленіямъ и проступкамъ.

1. Кто рѣчами, криками или угрозами, произнесенными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или сочиненіями и всякими печатными вещами, рисунками, гравюрами, картинами или эмблемами, проданными или розданными, продающимися или выставленными въ общественныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или объявленными и афишами, выставленными на виду публики, возбудитъ виновника или виновниковъ какого либо дѣйствія, признаваемого преступленіемъ или проступкомъ, къ совершенію этого поступка, — признается соучастникомъ этого поступка и наказывается, какъ соучастникъ.

2. Если кто однимъ изъ способовъ, перечисленныхъ въ статьѣ 1-й, сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо преступленія или какихъ либо преступленій, но это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, — тотъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 50 франковъ до 6,000 франковъ.

3. Если кто однимъ изъ тѣхъ же способовъ сдѣлаетъ возбужденіе къ совершенію какого либо проступка или какихъ либо проступковъ, но это возбужденіе останется безъ всякаго послѣдствія, то наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 дней до 2 лѣтъ, и штрафомъ отъ 30 франковъ до 4,000 франковъ, или только однимъ изъ этихъ

двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ; кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ законъ постановляетъ менѣе тяжелое наказаніе самому виновнику проступка, — въ этихъ случаяхъ наказаніе, определенное виновнику, налагается и на возбуждавшаго къ проступку.

6. Возбужденіе однимъ изъ этихъ способовъ къ неповиновенію законамъ подлежитъ наказаніямъ, установленнымъ статьею 3-ю.

ГЛАВА II.

Объ оскорбленіяхъ общественной и религіозной нравственности, или добрыхъ нравовъ.

8. Всякое оскорбленіе общественной и религіозной нравственности или добрыхъ нравовъ однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года, и штрафомъ отъ 16 франковъ до 500 франковъ.

ГЛАВА III.

Объ оскорбленіяхъ королю.

9. Кто однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1-й настоящаго закона, сдѣлается виновнымъ въ оскорбленіи лицу короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 франковъ до 10,000 франковъ. — Виновный сверхъ того можетъ быть лишенъ нѣкоторыхъ или всѣхъ правъ, упомянутыхъ въ статьѣ 42 уголовного кодекса, на время, равное сроку тюремнаго заключенія, на которое онъ осужденъ; это время считается съ того дня, въ который онъ подвергается наказанію.

(Ст. 42 уголовного кодекса. Исправительныя судимости могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ лишать вполне или отчасти слѣдующихъ общественныхъ, частныхъ и семейныхъ правъ: 1) права голоса на выборахъ; 2) права быть избираемымъ; 3) быть призываемымъ или назначаемымъ въ званіе присяжнаго, или другія общественныя званія, или административныя должности, или исполнять эти званія или должности; 4) право носить оружіе; 5) права участіюванія и голоса въ семейныхъ совѣтахъ; 6) права быть опекуномъ, попечителемъ, кромѣ какъ своихъ дѣтей и только по рѣшенію семейнаго совѣта; 7) быть экспертомъ или свидѣтелемъ въ актахъ; 8) быть свидѣтелемъ въ судѣ иначе какъ просто для сообщенія свидѣній, невозбуждающихъ спора).

ГЛАВА IV.

О публичных оскорбленіяхъ членамъ королевской фамиліи, иностраннымъ государямъ и главамъ иностранныхъ правительствъ.

10. Оскорбленіе, однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. 1, членовъ королевской фамиліи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

12. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ иностранныхъ государей или главъ иностранныхъ правительствъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

ГЛАВА V.

О публичныхъ обезславленіи и обидѣ.

13. Приведеніе или взведеніе на какое либо лицо или корпорацію факта, вредящаго чести или уваженію этого лица или этой корпораціи, есть обезславленіе. — Оскорбительное выраженіе, презрительное или нападыное слово, не заключающее въ себѣ взведенія никакого факта, есть обида.

14. Обезславленіе и обида, совершенныя однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й настоящаго закона, наказываются по слѣдующимъ различіямъ.

16. Обезславленіе облеченнаго общественною властью или служащаго лица за факты, относящіеся къ его должности, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1½ года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр. — Заключеніе въ тюрьму и штрафъ въ этомъ случаѣ могутъ назначаться оба вмѣстѣ или только одно изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ.

17. Обезславленіе посланниковъ, полномочныхъ министровъ, пословъ, повѣренныхъ по дѣламъ или другихъ дипломатическихъ агентовъ, аккредитованныхъ у короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 8 дней до 1½ года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 фр., или только однимъ изъ этихъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

18. Обезславленіе частныхъ лицъ наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ.

19. Обида лицамъ, означеннымъ статьями 16 и 17 настоящаго закона, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 5 дней до 1 года и штрафомъ отъ 25 до 2,000 фр. или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ. — Обида частнымъ лицамъ наказывается штрафомъ отъ 16 до 500 фр.

ГЛАВА VI.

Общія распоряженія.

24. Типографщики, напечатавшіе сочиненія, авторы которыхъ подвергнутся суду по силѣ настоящаго закона, если исполнили обязанности, предписанныя закономъ 21 октября 1814 г., не могутъ быть предаваемы суду за самый фактъ напечатанія этихъ сочиненій, если не дѣйствовали умышленно.

ЗАКОНЪ 26 МАЯ 1819.

1. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ посредствомъ печати или другимъ способомъ обнародованія, происходитъ отъ официальной власти и по требованію королевскаго прокурора, съ нижеслѣдующими видоизмѣненіями.

2. Въ случаяхъ оскорбленія обѣимъ палатамъ или одной изъ нихъ, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по разрѣшенію палаты, которая сочтетъ себя оскорбленною.

3. Въ случаяхъ того же проступка противъ лица иностранныхъ государей и главъ иностранныхъ правительствъ преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ или требованію государя или главы правительства, который почтетъ себя оскорбленнымъ.

4. Въ случаѣ обезславленія или обиды правительственныхъ мѣстъ, судилищъ и другихъ правительственныхъ учрежденій, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по совѣщанію этихъ учрежденій въ общемъ присутствіи и по рѣшенію ихъ требовать преслѣдованія.

5. Въ случаѣ тѣхъ же проступковъ противъ облеченнаго общественною властью или служащаго лица, противъ иностраннаго дипломатическаго агента, аккредитованнаго при королѣ, или противъ частнаго лица, преслѣдованіе происходитъ не иначе какъ по жалобѣ лица, которое почтетъ себя обиженнымъ.

7. Немедленно по полученіи прокурорскаго обвинительнаго акта

или по получении жалобы, следственный судья может секвестровать сочинения, афиши, рисунки, гравюры, эмблемы или другие средства обнародования. — Приказъ о секвестрѣ и протоколъ секвестрования долженъ быть въ теченіе 3-хъ дней по совершеніи секвестра объявленъ лицу, въ рукахъ котораго находился секвестрованный предметъ; иначе секвестръ теряетъ свою силу.

8. Въ теченіе 8 дней отъ вышеказаннаго объявленія следственный судья обязанъ сдѣлать докладъ палатѣ совѣта, которая поступаетъ по силѣ уголовного следственного кодекса, кн. 1-й, гл. IX-й, кромѣ видоизмѣненій, устанавливаемыхъ ниже.

9. Если палата совѣта единогласно думаетъ, что нѣтъ основанія къ преслѣдованію, она отмѣняетъ секвестръ.

10. Въ противномъ случаѣ, или въ случаѣ протеста королевскаго прокурора или истца противъ рѣшенія палаты совѣта, следственные акты немедленно передаются генераль-прокурору, который обязанъ въ пятидневный срокъ по ихъ полученіи сдѣлать докладъ палатѣ, разсматривающей вопросы о преданіи суду, которая обязана постановить рѣшеніе въ теченіе 3-хъ дней.

11. По несоблюденію какого либо изъ этихъ сроковъ секвестръ тѣмъ самымъ уже уничтожается и лицо, храненію котораго врученъ секвестрованный предметъ, обязано возвратить его собственнику по простому предъявленію исполнительскаго удостовѣренія въ томъ, что распоряженія въ срокъ не сдѣлано. — Экзекуторъ обязанъ по первому требованію давать такое удостовѣреніе подъ страхомъ штрафа въ 300 франковъ и сверхъ того уплаты могущихъ быть проторей и убытковъ.

14. Проступки обезславленія и обиды посредствомъ печати частнымъ лицамъ судятся трибуналами исправительной полиціи.

20. Не дозволяется доказывать истину обезславливающихся фактовъ, кромѣ какъ въ случаѣ взведенія ихъ на лица, облеченныя общественною властью или служащія, когда эти взводимые на нихъ факты относятся къ исполненію или должности и совершены ими въ официальномъ характерѣ. Въ этомъ случаѣ факты могутъ быть доказываемы предъ уголовнымъ судомъ всѣми обыкновенными путями. — Доказательство взведенныхъ фактовъ ставитъ взведшее лицо вне всякаго наказанія, независимо, впрочемъ, отъ наказаній, налагаемыхъ за всякую обиду, независящую необходимо отъ этихъ самыхъ фактовъ.

23. Жалующійся на обезславленіе или обиду можетъ представлять свидѣтелей въ защиту своей нравственности. Обвиняемому или въ обезславленіи или обидѣ не дозволяется представлять свидѣтелей противъ нравственности жалующагося.

26. Приговоръ, осуждающій виновнаго или соучастника въ преступленіи или проступкѣ, совершенныхъ посредствомъ опубликованія, всегда долженъ повелѣвать уничтоженіе или разрушеніе секвестрованныхъ предметовъ. — Публикація приговора въ газетахъ или посредствомъ афишъ можетъ быть приговоромъ постановляема на счетъ осужденнаго.

29. Преслѣдованіе преступленій и проступковъ, совершенныхъ путемъ печати или какимъ либо другимъ способомъ публикаціи, не можетъ уже быть начинаемо по истеченіи 6 мѣсячнаго срока со времени обнародованія.

ЗАКОНЪ 9 ІЮНЯ 1819.

3. Газетный залогъ исключительно назначается на издержки, протори и убытки и штрафы, которымъ могутъ подвергаться собственники или издатели. Въ случаѣ его недостаточности взысканіе производится съ имущества отвѣтственныхъ собственниковъ или издателей газеты или журнала и авторовъ и редакторовъ осужденныхъ статей.

4. Штрафы должны быть уплачены и залогъ пополненъ въ 15-дневный срокъ отъ объявленія приговора; по истеченіи 15 дней безъ пополненія залога, газета или журналъ перестаетъ выходить, пока залогъ будетъ пополненъ.

6. Кто выпуститъ въ свѣтъ газету или журналъ безъ удовлетворенія условіямъ, предписаннымъ статьею 4-ю настоящаго закона, подвергается исправительному наказанію заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 до 6 мѣсяцевъ и штрафомъ отъ 200 до 1,200 франковъ.

8. Всякая газета обязана помѣщать присылаемыя ей правительствомъ для напечатанія официальные сообщенія на слѣдующій же день по полученіи этихъ бумагъ, подъ однимъ условіемъ уплаты издержекъ ихъ напечатанія.

9. Собственники или отвѣтственные издатели газеты или журнала или авторы, или редакторы напечатанныхъ въ немъ статей, преданныхъ суду, будутъ преслѣдуемы и судимы по формамъ и степенямъ, установленнымъ относительно всѣхъ другихъ публикацій.

10. Въ случаѣ осужденія они подвергаются тѣмъ же наказаніямъ; но штрафы могутъ быть увеличиваемы вдвое, а въ случаѣ повторенія преступленія или проступка увеличиваемы въ четыре раза, независимо отъ устанавливаемыхъ уголовнымъ кодексомъ наказаній за повтореніе проступка или преступленія.

(По проступкамъ, повтореніемъ проступка называется то, когда до истеченія года со времени перваго приговора совершается тѣмъ же лицомъ новый проступокъ. (Уголовный кодексъ, ст. 483).

Уголовный кодексъ ст. 58. Виновные, осужденные на исправительное наказаніе заключеніемъ въ тюрьму болѣе чѣмъ на годъ, присуждаются, въ случаѣ новаго проступка, къ высшей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, и это наказаніе можетъ быть увеличиваемо вдвое. Сверхъ того они подвергаются особенному надзору правительства отъ 5 до 10 лѣтъ.

Это относится къ случаямъ, когда подвергающее наказанію дѣйствіе составляетъ по французскому закону только проступокъ, а не преступленіе, а къ повторенію преступленій относятся слѣдующія статьи:

Ст. 56. Кто, будучи осужденъ на карательное или безславящее наказаніе (безславящимъ наказаніемъ называется по французскому закону лишеніе какихъ либо правъ), совершить второе преступленіе, влекущее за собою потерю гражданскихъ правъ, тотъ подвергается изгнанію. Если второе преступленіе влечетъ за собою заключеніе въ тюрьму, онъ подвергается высшей мѣрѣ этого наказанія, могущей быть увеличиваемою вдвое.

Уголовный кодексъ ст. 57. Кто, будучи наказанъ за преступленіе, совершить проступокъ, влекущій за собою исправительное наказаніе, подвергается высшей мѣрѣ наказанія, и она можетъ быть удвоена.)

12. Нарушеніе статьи 8-й наказывается штрафомъ отъ 100 до 1000 фр.

13. Преслѣдованіе за нарушеніе ст. 8-й не можетъ быть начинаемо по прошествіи трехъ мѣсяцевъ со времени нарушенія.

ЗАКОНЪ 25 МАРТА 1822.

О наказаніи.

1. Кто однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ въ ст. закона 17 мая 1819, оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ государственную религію, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 300 до 6,000 франковъ.—Тѣмъ же наказаніямъ подвергается тотъ, кто оскорбитъ или обратитъ въ смѣхъ всякую другую религію, существованіе которой законно признано во Франціи.

4. Кто, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, будетъ возбуждать къ ненависти или презрѣнію противъ правительства короля, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 4 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5,000 франковъ. Настоящая статья не нарушаетъ права подвергать обсужденію и порицанію дѣйствія министровъ.

5. Обезславленіе или обида, однимъ изъ тѣхъ же способовъ, правительственныхъ мѣстъ, судилищъ, законныхъ учреждений, общественныхъ властей и администраціи наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 150 до 5,000 франковъ.

6. Публичное оскорбленіе, какимъ либо способомъ, одного или нѣсколькихъ членовъ палаты, или лица, состоящаго на службѣ, или служителя государственной религіи или какой либо изъ религіи, существованіе которыхъ закономъ признано во Франціи, за его служебныя обязанности или въ его служебномъ характерѣ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4,000 франковъ. Такой же проступокъ противъ присяжнаго за его обязанности или противъ свидѣтеля за его показанія наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 10 дней до 1 года и штрафомъ отъ 50 до 3,000 франковъ.

7. Невѣрность и недобросовѣстность въ газетныхъ и журнальныхъ отчетахъ о засѣданіяхъ палаты, правительственныхъ мѣстъ и судилищъ наказывается штрафомъ отъ 1,000 до 6,000 франковъ. Въ случаѣ повторенія или когда отчетъ будетъ оскорбителенъ для той или другой палаты или для кого либо изъ пэровъ и депутатовъ, или обиденъ для правительственнаго мѣста, судилища или кого либо изъ судебныхъ сановниковъ, присяжныхъ или свидѣтелей, — издатель газеты сверхъ того наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 3 лѣтъ. Въ тѣхъ же случаяхъ можетъ быть запрещаемо, на время или навсегда собственникамъ и издателямъ осужденныхъ газеты или журнала помѣщать отчеты о законодательныхъ или судебныхъ преніяхъ. Нарушеніе этого запрещенія подвергается наказаніямъ, указаннымъ этою статьею, въ удвоенномъ размѣрѣ.

10. Кто, однимъ изъ средствъ, исчисленныхъ 1-ю статью закона 17-го мая 1819 г., будетъ стараться нарушать общественное спокойствіе, возбуждая гражданъ къ презрѣнію или ненависти противъ какого либо класса или какихъ либо классовъ, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 15 дней до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 4,000 франковъ.

11. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны помѣщать въ 3-хъдневный срокъ отъ полученія или въ ближайшемъ номерѣ, если изданіе не выходило до истеченія 3-хъдневнаго срока, отвѣтъ всякаго лица поименованнаго или обозначеннаго въ газетѣ или журналѣ, подъ страхомъ штрафа отъ 50 до 500 фр., независимо отъ другихъ наказаній и проторей и убытковъ, могущихъ возникнуть изъ обвиненной статьи. Это помѣщеніе должно быть бесплатное, и отвѣтъ можетъ имѣть размѣръ вдвое большій статьи, на которую онъ дѣлается.

ЗАКОНЪ 18 ЮЛЯ 1828.

1. Всякій совершеннолѣтній французъ, пользующійся гражданскими правами, можетъ, безъ предварительнаго разрѣшенія, издавать газету или журналъ, сообразуясь съ постановленіями настоящаго закона.

2. Собственники или издатели газеты или журнала обязаны до начала изданія представить залогъ.

3. Изъемяются отъ всякаго залога: 1) газеты или журналы, выходящіе только разъ въ мѣсяцъ или рѣже; 2) газеты или журналы, исключительно посвященные математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ или ученымъ трудамъ и изслѣдованіямъ, или механическимъ и свободнымъ искусствамъ, то есть наукамъ и искусствамъ, которыми занимаются академіи наукъ и словесности; 3) газеты и журналы, чуждые политикѣ и исключительно посвященные словесности или другимъ отраслямъ знанія, не обозначеннымъ выше, если выходятъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю; 4) періодическія изданія, чуждыя политикѣ и выходящія не на французскомъ языкѣ; 5) періодическіе листы исключительно посвященные объявленіямъ, извѣстіямъ о цѣнахъ и рейскурантамъ.

6. Газета или журналъ, подлежащіе залогу, не могутъ издаваться безъ предварительнаго объявленія, содержащаго: 1) имя газеты или журнала и сроки выхода; 2) имя всѣхъ собственниковъ, ихъ жительство и ихъ участіе въ предпріятіи; 3) имя и мѣсто жительства отвѣтственныхъ редакторовъ; 4) заявленіе, что эти собственники и редакторы имѣютъ качества, требуемыя закономъ (качества эти опредѣляются статьею 980 гражданскаго кодекса слѣдующимъ образомъ: они должны быть мужины, совершеннолѣтніе, подданные императора, пользующіеся гражданскими правами); 5) указаніе типографіи, въ которой будетъ печататься газета или журналъ; о всякой переимѣнѣ въ имени изданія, срокахъ его выхода, въ собственникахъ или отвѣтственныхъ издателяхъ, или въ типографіи должно быть заявлено власти въ теченіе 15 дней, слѣдующихъ за переимѣною. Эта обязанность лежитъ на отвѣтственныхъ редакторахъ; за неисполненіе они наказываются штрафомъ въ 500 франковъ.

8. Всякій № изданія подписывается въ корректурѣ отвѣтственнымъ редакторомъ. Этотъ подписанный экземпляръ представляется мѣстному королевскому прокурору, а въ городахъ, въ которыхъ нѣтъ трибунала первой инстанціи, мэру, подъ страхомъ штрафа въ 500 франковъ. Въ предьявленіи подписаннаго экземпляра дается роспис-

ка. — Подпись печатается на всѣхъ экземплярахъ. — Лицо подписавшее отвѣтствуетъ за содержаніе подписаннаго номера и подвергается всѣмъ наказаніямъ, могущимъ послѣдовать за него, независимо отъ отвѣтственности автора статьи, какъ соучастника. Потому судебное преслѣдованіе можетъ быть ведено, какъ противъ лицъ подписавшихъ номеръ, такъ и противъ автора или авторовъ обвиненной статьи.

15. Въ случаѣ повторенія преступленія или проступка тѣмъ же отвѣтственнымъ редакторомъ, судилища независимо отъ постановленія статьи 10-й закона 9 іюня 1819 г. могутъ, смотря по важности проступка, приостанавливать изданіе газеты или журнала на время отъ 10 дней до 2 мѣсяцевъ.

ЗАКОНЪ 8 ОКТЯБРЯ 1830.

1. Всѣ проступки, совершаемые способомъ печати, подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

6. Политическіе проступки также подлежатъ производству въ ассизныхъ судахъ.

ЗАКОНЪ 29 НОЯБРЯ 1830.

1. Нападеніе однимъ изъ способовъ, исчисленныхъ статьею 1-ю закона 17 мая 1819 г., противъ королевскаго достоинства, порядка престолонаслѣдія, правъ, имѣемыхъ королемъ по желанію французской націи и по конституціонной хартіи, противъ его конституціонной власти, неприкосновенности его особы, противъ правъ и власти палаты, наказывается заключеніемъ въ тюрьму на время отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ, и штрафомъ отъ 300 до 6,000 франковъ.

ЗАКОНЪ 14 ДЕКАБРЯ 1830.

2. Неизмѣнная штемпельная пошлина съ газетъ и журналовъ устанавливается въ 6 сантимовъ съ cadaго листа, величиною въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше, и въ 3 сантима съ cadaго полулиста въ 15 квадратныхъ дециметровъ и меньше. — Газета или журналъ, печатаемые на полулистѣ болѣе 15 и меѣе 30 квадратныхъ дециметровъ, платятъ по прибавочному сантиму за каждыя 5 квадратныхъ дециметровъ. — Не берется прибавочной пошлины за дробь меньшую

5 дециметровъ: — Не берется посылныя съ прибавленіемъ, не превышающаго 30 квадратныхъ дециметровъ, издаваемого при газетныхъ, печатаемыхъ на листъ въ 30 квадратныхъ дециметровъ и меньше:»

ЗАКОНЪ 10 СЕНТЯБРЯ 1835.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О преступленіяхъ, проступкахъ и нарушеніяхъ правилъ.

1. Всякое возбужденіе однимъ изъ средствъ, исчисленныхъ въ статьѣ 1-й закона 17 мая 1819 г., къ преступленіямъ, предусмотрѣннымъ статьями 86 и 87 уголовного кодекса, будетъ ли оно имѣть послѣдствіе, или останется безъ послѣдствій, есть преступленіе противъ государственной безопасности. — Если оно будетъ имѣть послѣдствія, то наказывается сообразно ст. 1-й, закона 17 мая 1819 г. (то есть, какъ государственное преступленіе подлежитъ наказанію, опредѣленному статьею 87-ю уголовного кодекса). — Если оно останется безъ послѣдствій, оно наказывается лишеніемъ личной свободы и штрафомъ отъ 10,000 до 50,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ, ст. 87. Преступленіе, имѣющее цѣлью низверженіе или измѣненіе правительства, или порядка престолонаслѣдія, или возбужденіе гражданъ къ поднятію оружія противъ императорской власти, наказывается ссылкой въ крѣпость.

Ст. 88. Только исполненіе или попытка къ исполненію составляютъ преступленіе» (то есть одинъ замыселъ, не сопровождавшійся никакою попыткою исполненія, не составляетъ преступленія).

Лишеніемъ свободы (detention) называется по французскому уголовному кодексу наказаніе болѣе сильное, чѣмъ простое заключеніе въ тюрьму (emprisonnement). Заключеніе въ тюрьму бываетъ простымъ исправительнымъ, а не уголовнымъ наказаніемъ; лишеніе свободы — всегда уже уголовное наказаніе. — Заключеніе въ тюрьму имѣетъ сроки и очень непродолжительные, напримѣръ, нѣсколько дней; а лишеніе свободы назначается всегда на срокъ не менѣе 5 лѣтъ. Наконецъ заключеніе въ тюрьму есть заключеніе въ обыкновенную тюрьму, а лишеніе свободы есть заключеніе въ крѣпость. Вотъ опредѣленіе лишенія свободы по статьѣ 20-й уголовного кодекса: «Осужденный на лишеніе свободы запирается въ одну изъ крѣпостей, находящихся на континентальной территоріи имперіи. — Онъ имѣетъ сношенія съ лицами, находящимися въ мѣстѣ его заключенія или внѣ того мѣста, по полицейскимъ регламентамъ» (то есть свиданія съ нимъ и переписка его подлежатъ болѣе строгому ограниченію и надзору, чѣмъ у лица, подвергнувшагося простому заключенію въ тюрьму). «Лишеніе свободы нал-

растор. на правах отъ 5 до 20 лѣтъ. — Наказаніе, по статьѣ 47 уголовнаго кодекса, челоѣкъ, подвергнувшійся лишенію свободы, остается по окончаніи своего наказанія на всю жизнь подъ надзоромъ политической полиціи, которому не подлежитъ лицо, подвергнувшееся простому заключенію.)

2. Оскорбленіе королю, совершенное тѣми же способами, когда оно имѣетъ цѣлью возбудить къ ненависти и къ презрѣнію его особы или его конституціонной власти, есть преступленіе противъ государственной безопасности. Виновный въ немъ судится и наказывается по предыдущей статьѣ.

3. Всякое другое оскорбленіе королю наказывается по ст. 9 закона 17 мая 1819 г.

4. Кто переноситъ на короля порицаніе или отвѣтственность за дѣйствія его правительства, наказывается заключеніемъ въ тюрьму срокомъ отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

5. Нападеніе на принципъ или форму правительства, установленнаго конституціею 1830 года, есть государственное преступленіе противъ безопасности государства, когда имѣетъ цѣлью возбудить къ низверженію или переимѣнъ правительства. Виновный въ немъ судится и наказывается по ст. 1-й настоящаго закона.

6. Всякое другое нападеніе, предусмотрѣнное закономъ 21 ноября 1830 г., остается подлежащимъ наказанію, установленному тѣмъ закономъ.

7. Наказаніямъ, упомянутымъ въ предыдущей статьѣ, подлежатъ тѣ, которые публично признають всякую другую форму правительства, приписывая права на французскій престолъ лицамъ, навсегда изгнаннымъ по закону 10 апрѣля 1832 года (то есть Бурбонамъ старшей линіи), или кому либо кромѣ Людовика Филиппа I и его потомства; или принявъ названіе республиканца, или иное несомвѣстное съ конституціею 1830 г.; или выражая желаніе, надежду или угрозу о низверженіи конституціоннаго монархическаго порядка, или о возстановленіи низложенной династіи.

8. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ предыдущею статьею настоящаго закона и статью 8 закона 17 мая 1819 г., судища могутъ, смотря по обстоятельствамъ, возвышать наказаніе до двойнаго размѣра означенной въ томъ законѣ высшей степени.

9. Во всѣхъ случаяхъ обезславленія, предусмотрѣнныхъ законами, установленныя наказанія могутъ, смотря по важности обстоятельствъ, быть увеличиваемы до двойнаго размѣра высшей степени наказанія, какъ относительно заключенія въ тюрьму, такъ и относительно штрафа. — Сверхъ того виновный можетъ быть лишасмъ

всѣхъ или нѣкоторыхъ правъ, исключомыхъ статьею 42 уголовного кодекса, на время равное сроку заключенія въ тюрьму.

(Ст. 42 уголовного кодекса приводима выше.)

11. Воспрещается публично открывать или объявлять подписки, имѣющія цѣлью вознаградить штрафы, издержки, протори и убытки, наложенныя судебными приговорами. Нарушеніе этого наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 5,000 франковъ.

12. Въ случаѣ вторичнаго осужденія того же отвѣтственного редактора или той же газеты въ теченіе одного года, судилища могутъ приостанавливать изданіе газеты на время до 4 мѣсяцевъ, если осужденіе было за преступленіе (то есть, — а не за простой проступокъ).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Объ обязательствѣхъ редакторовъ газетъ и журналовъ.

13. Залогъ вносится деньгами въ казначейство, которое платитъ по немъ проценты. Залогъ опредѣляется слѣдующій. Если газета или журналъ выходитъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 100,000 франковъ. Онъ долженъ быть въ 75,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только два раза въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 50,000 фр., если газета или журналъ выходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Онъ долженъ быть въ 25,000 фр., если газета или журналъ выходитъ только болѣе одного раза въ мѣсяць. (Эти размѣры залога опредѣляются для изданій, выходящихъ въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны, т. е. въ Парижѣ и его окрестностяхъ). Залогъ ежедневныхъ газетъ, выходящихъ въ другихъ департаментахъ, кромѣ трехъ поименованныхъ, долженъ быть въ 25,000 франк. въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе; онъ долженъ быть въ 15,000 фр. въ городахъ, имѣющихъ менѣе 50,000 жителей. Онъ равняется половинѣ этихъ суммъ для газетъ и журналовъ не ежедневныхъ.

14. Продолжаютъ быть изъяты отъ всякаго залога газеты и журналы, упомянутые въ статьѣ 3-й закона 18 іюня 1828 года.

15. Отвѣтственный редакторъ долженъ владѣть на свое частное имя третью частью залога. Если эта часть подвергается уменьшенію или по частиной сдѣлкѣ или по взысканію съ недъ штрафа, отвѣтствен-

ный редакторъ въ течение 15 дневнаго срока долженъ сдѣлаться или пополнить эту часть, иначе издація останавливается.

16. По статьѣ 8-й закона 18 июля 1828 г., отвѣтственный редакторъ обязанъ подписывать каждый номеръ своего изданія. Нарушеніе этого правила наказывалось штрафомъ отъ 500 до 3,000 франковъ.

17. Отвѣты, упоминаемые ст. 11-ю закона 25 марта 1822 г., должны быть помещаемы въ полномъ составѣ и безплатно въ номеръ, слѣдующемъ за днемъ ихъ полученія, подъ страхомъ наказаній по сказанному закону. Но если отвѣтъ имѣетъ размѣръ, превышающій двойную длину статьи, на которую дѣлается, то за печатаніе превышающей части берется плата по таксѣ объявленій.

19. Въ случаѣ заключенія въ тюрьму отвѣтственнаго издателя за преступленіе или проступокъ по дѣламъ печати или за нарушеніе правилъ по этимъ дѣламъ, изданіе во все время его заключенія и лишенія гражданскихъ правъ не можетъ выходить иначе, какъ съ новымъ отвѣтственнымъ редакторомъ.

ЗАКОНЪ 16—23 ІЮЛЯ 1850.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

О залогахъ.

1. Для департаментовъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны залогъ газетъ опредѣляется слѣдующій: если газета или журналъ выходитъ болѣе 3-хъ разъ въ недѣлю, залогъ долженъ быть 24,000 франковъ.— Онъ долженъ быть въ 18,000 франковъ, если газета выходитъ только 3 раза въ недѣлю или рѣже.— Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ, выходящихъ болѣе 5 разъ въ недѣлю, долженъ быть 6,000 фр. Онъ долженъ быть 3,600 фр. въ другихъ департаментахъ. Газеты и журналы, выходящіе 5 разъ въ недѣлю или рѣже, должны имѣть залогъ въ половину этихъ суммъ.

(Послѣ февральской революціи какъ залогъ, такъ и штемпельный налогъ были совершенно отменены декретомъ 4 марта 1848 года).

3. Всякая статья, разсуждающая о политикѣ, философіи и религіи, должна быть подписана своимъ авторомъ подъ страхомъ штрафа въ 500 фр. за первое нарушеніе, 1,000 фр. въ случаѣ его повторенія. Фальшивая подпись наказывалась штрафомъ въ 1,000 фр. и заключеніемъ въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ, какъ лица фальшиво подписавшагося, такъ и противъ автора статьи и отвѣтственнаго редактора.

4. Постановленія предыдущей статьи прилагаются къ острымъ журнальнымъ статьямъ, въ которыхъ разсуждается о дѣйствіяхъ или мнѣніяхъ гражданъ и индивидуальных или коллективныхъ интересахъ.

ОТДѢЛЪ ВЪСВОЙ.

О штемпель.

12. Газеты и журналы, выходящіе нумерами меньше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ или меньше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 5 сантимовъ съ листа въ 72 квадратныхъ дециметра и меньше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и въ два сантима съ газетъ и изданій въ другихъ департаментахъ.

(72 квадратные дециметра равняются 380 квадратнымъ вершкамъ, такъ что листъ этого размѣра будетъ имѣть около аршина въ длину или высоту и около $1\frac{1}{2}$ аршина въ ширину ($16 \times 24 = 376$). Парижскія газеты большаго формата имѣютъ листъ около 15 вершковъ въ длину или высоту и около 21 вершка въ ширину, то есть около 315 квадратныхъ вершковъ. Изъ нашихъ изданій почти таковъ форматъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи» «Русскаго Вѣстника». Размѣръ печатнаго листа нашихъ журналовъ вдвое меньше, напримѣръ, листъ «Отечественныхъ Записокъ» имѣетъ около 11 вершковъ въ высоту и около 14 вершковъ въ ширину, то есть около 155 квадратныхъ вершковъ.)

13. За каждыя 10 квадратныхъ дециметровъ или долю ихъ свыше размѣра въ 72 дециметра взимается $1\frac{1}{2}$ сантима.

14. Романъ, печатаемый въ фельетонѣ журнала или въ прибавленіи къ нему, подвергается штемпелю въ одинъ сантимъ съ нумера.

15. Штемпель служитъ франкированіемъ: штемпель въ 5 сантимовъ за пересылку и раздачу по всему пространству республики, а штемпель въ 2 сантима за пересылку и раздачу въ департаментѣ, гдѣ печатается изданіе, и въ прилежащихъ къ нему департаментахъ.

18. Прибавленіе, не превышающее 72 квадратныхъ дециметровъ, при газетахъ, выходящихъ болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю, освобождается отъ штемеля, если посвящено исключительно политическимъ извѣстіямъ, преніямъ законодательнаго собранія или трибуналовъ, перепечаткѣ и обсужденію правительственныхъ актовъ.

20. Уступка одного процента изъ штемеля дѣлается издателю на макулатурную растрату бумаги.

22. Оборотки и изданія, бывшіе 'избавленными' отъ штемпеля до декрета 4 марта 1848 г., останутся изъятьми отъ него.

24. За нарушение этихъ правилъ газетами и журналами, независимо отъ возвращенія утаенной пошлины, налагается штрафъ въ 50 франковъ за каждый не штемпелеванный листъ или часть листа. Въ случаѣ повторенія штрафъ удваивается. — Въ другіяхъ сочиненіяхъ (то есть въ отдѣльныхъ брошюрахъ) каждое нарушение наказывается, кромѣ возвращенія утаенной пошлины, штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ этой пошлины и ни въ какомъ случаѣ не меньше 200 франковъ.

ДЕКРЕТЪ 31 ДЕКАБРЯ 1851 — 3 ЯНВАРЯ 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

1. Вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи.

(То есть дѣла эти изъемяются отъ суда присяжныхъ, ассизнаго суда, исключительному вѣдѣнію, котораго были предоставлены прежними законами. Трибуналы исправительной полиціи имѣютъ судопроизводство гласное и словесное, но безъ присяжныхъ).

ОРГАНИЧЕСКІЙ ДЕКРЕТЪ 17—23 ФЕВРАЛЯ 1852.

ПРЕЗИДЕНТЪ РЕСПУБЛИКИ ДЕКРЕТИРУЕТЪ:

ГЛАВА I.

О предварительномъ разрѣшеніи и залогѣ газетъ и журналовъ.

1. Никакая газета или журналъ, говоряще о политическихъ дѣлахъ или общественной экономіи, будутъ ли они выходить въ опредѣленные сроки или выпусками въ неопредѣленные сроки, не могутъ быть основаны или издаваемы безъ предварительнаго разрѣшенія правительства. Это разрѣшеніе можетъ быть даваемо только французу, совершеннолѣтнему, пользующемуся гражданскими и политическими правами. — Предварительное разрѣшеніе правительства также необходимо для всякой перемѣны въ личностяхъ отвѣтственныхъ редакторовъ, главныхъ редакторовъ, собственниковъ или администраторовъ газеты.

4. Въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы, Сены-и-Марны и Роны (*), залогъ устанавливается слѣдующій: у газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, 50,000 франковъ; у выходящихъ только 3 раза въ недѣлю, и рѣже, 30,000 франковъ. — Въ городахъ, имѣющихъ 50,000 жителей и болѣе, залогъ газетъ и журналовъ, выходящихъ болѣе 3 разъ въ недѣлю, долженъ быть 25,000 франковъ; а въ другихъ городахъ — 15,000 франковъ, и половина этихъ суммъ для изданій, выходящихъ 3 раза въ недѣлю или рѣже.

5. Изданіе газеты или журнала безъ предварительнаго разрѣшенія, безъ залога или безъ пополненія залога, наказывается штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ за каждый номеръ или выпускъ, изданный съ нарушеніемъ этихъ правилъ, и заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ. — Издатель газеты или журнала и типографщикъ оба подлежатъ отвѣтственности. — Газета или журналъ перестаетъ издаваться.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О штемпель.

6. Газеты и журналы, имѣющіе менше 10 листовъ отъ 25 до 32 квадр. дециметр., или менше 5 листовъ отъ 50 до 72 квадратныхъ дециметровъ, подлежатъ штемпельной пошлинѣ. Она устанавливается въ 6 сантимовъ съ листа въ 72 квадр. дециметровъ и менше въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и въ 3 сантима въ другихъ департаментахъ. За каждые 10 квадр. дециметровъ платится $1\frac{1}{2}$ сантима въ департаментахъ Сены и Сены-и-Уазы и 1 сантимъ въ другихъ департаментахъ.

9. Непериодическія сочиненія, говоряція о политическихъ предметахъ или общественной экономіи, издаваемыя однимъ или нѣсколькими выпусками менше 10 печатныхъ листовъ отъ 25 до 32 квадратныхъ дециметровъ, подвергаются штемпелю въ 5 сантимовъ съ листа. За каждые 10 квадратныхъ дециметровъ и каждую дробь ихъ сверхъ этой величины платится $1\frac{1}{2}$ сантима.

11. Нарушеніе этихъ правилъ въ газетахъ и журналахъ наказывается независимо отъ уплаты утаенной пошлины штрафомъ въ 50 франковъ съ cadaго листа или части листа безъ штемпеля. Сумма штрафа не можетъ превосходить цифру залога. Въ другихъ періодическихъ изданіяхъ нарушеніе независимо отъ уплаты утаенной пош-

(*) Въ департаментъ Роны находится Лионъ.

лины наказывается штрафомъ, равнымъ удвоенной суммѣ пошлины. Этотъ штрафъ не можетъ быть меньше 200 фр., ни выше 50,000 фр.

13. Сверхъ штемпельной пошлины, опредѣляемой настоящимъ закономъ, возстановляется плата за пересылку по почтѣ, существовавшая до закона 16 июля 1850 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Проступки и нарушенія правилъ, не предусмотрѣнныхъ прежними законами. — Подельдомствственность дѣлъ. — Право приостановки и запрещенія.

15. Обнародованіе или перепечатка ложныхъ извѣстій, подложныхъ, измѣненныхъ или лживо-приписываемыхъ кому либо документовъ наказывается штрафомъ отъ 50 до 1000 франковъ. — Если обнародованіе или перепечатка сдѣланы злоумышленно или могутъ нарушить общественное спокойствіе, они наказываются заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 500 до 1000 франковъ. Если обнародованіе или перепечатка и сдѣланы злоумышленно и могутъ нарушить общественное спокойствіе, то опредѣляется высшій размѣръ этого наказанія.

17. Запрещается печатать отчеты о процессахъ по проступкамъ въ дѣлахъ печати; но приговоръ во всякомъ случаѣ можетъ быть опубликованъ. Судьища могутъ запрещать печатаніе отчетовъ о процессѣ во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, исправительной полиціи и уголовныхъ. Это запрещеніе не примѣняется къ приговору, который всегда можетъ быть опубликованъ.

18. Нарушеніе статьи 17 настоящаго закона наказывается штрафомъ отъ 50 до 5,000 франковъ, независимо отъ наказаній, устанавливаемыхъ закономъ за то, если отчетъ не вѣренъ и злонамѣренъ.

19. Отвѣтственный издатель обязанъ помѣщать на первомъ мѣстѣ въ газетѣ официальные документы, подлинныя свѣдѣнія, отчеты и исправленія, присылаемые ему официальнымъ лицомъ. Они должны печататься въ 1-мъ номерѣ, выходящемъ послѣ дня полученія бумагъ. — Печатаются они бесплатно. — Нарушеніе наказывается штрафомъ отъ 50 до 1000 франк. Сверхъ того, газета можетъ быть приостановлена въ изданіи административнымъ путемъ на время, не превышающее 15 дней.

20. Если обнародованіе газеты или журнала, приостановленныхъ или запрещенныхъ административнымъ путемъ, продолжается подъ тѣмъ же заглавіемъ или подъ прикрытымъ заглавіемъ, авторы, отвѣт-

ственные редакторы или типографщики подвергаются тюремному заключению срокомъ отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ, и всѣ совокупно штрафу отъ 500 до 3,000 франковъ за каждый нумеръ или листъ, изданный съ нарушеніемъ правилъ.

21. Запрещается печатаніе всякой статьи по политическимъ предметамъ или общественной экономіи, и написанной лицомъ, осужденнымъ на карательное и безчестящее или только на безчестящее наказаніе.—Издатели, отвѣтственные редакторы, типографщики, содѣйствовавшіе этому напечатанію, наказываются всѣ совокупно штрафомъ отъ 1,000 до 5,000 франковъ.

(Уголовный кодексъ ст. 7. Карательныя и безчестящія наказанія суть: 1) смертная казнь, 2) вѣчная каторга, 3) ссылка, 4) временная каторга, 5) лишеніе свободы, 6) заключеніе въ смирительный домъ.

Наказанія безчестящія суть: 1) изгнаніе, 2) лишеніе гражданскихъ правъ.

Приведемъ нѣкоторые примѣры тому, за какия преступленія человекъ подвергается одному изъ этихъ наказаній. Угол. Код. ст. 305. «Письменная угроза убійствомъ наказывается каторжною работою, если сопровождалась приказаніемъ исполнить что-либо.»

Ст. 309. «Заключеніемъ въ смирительный домъ наказывается всякій, кто нанесъ раны или удары, если оттого произошла болѣзнь или неспособность заниматься трудомъ болѣе нежели въ теченіе 20 лѣтъ.—Если удары или раны, нанесенныя безъ намѣренія причинить смерть, причинять ее, виновный наказывается временною каторжною работою..

Изъ этихъ примѣровъ видно, что карательному и безчестящему наказанію можетъ подвергнуться человекъ за поступокъ, совершенный въ порывѣ страсти или по случайному стеченію обстоятельствъ и никакъ не свидѣтельствующій противъ способности его вообще разсуждать о дѣлахъ здравымъ и спокойнымъ образомъ).

24. Кто занимается книжною торговлею безъ полученія патента, требуемаго 11-ю статьею закона 2 окт. 1814 г., наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ. Его заведеніе закрывается.

25. Трибуналами исправительной полиціи судятся: 1) проступки, совершаемые способомъ печати по ст. 1-й закона 17 мая 1819 г. и поддежавшіе прежде адсизному суду; 2) нарушенія правилъ о печати, предусмотрѣнныхъ прежними законами; 3) проступки и нарушенія, помеченныя въ настоящемъ законѣ.

28. Представленіе свидѣтелей для доказательства дѣйствительности фактовъ, обидныхъ или бесславящихъ, или въ какомъ случаѣ не допускается.

32. Одно осужденіе за преступленіе, совершаемое посредствомъ

печати, два осужденія за проступки или нарушенія правилъ, совершенныя въ теченіе двухъ лѣтъ, безусловно влекутъ за собою запрещеніе газеты, отвѣтственный редакторъ которой былъ осужденъ. — Послѣ осужденія за проступокъ или нарушеніе правилъ по дѣламъ печати, правительство въ теченіе двухмѣсячнаго срока можетъ опредѣлить или временную приостановку или запрещеніе газеты. — Газета можетъ быть приостановлена министерскимъ рѣшеніемъ, хотя бы и не подвергалась никакому осужденію, послѣ двухъ мотивированныхъ предупрежденій, на срокъ не свыше двухъ мѣсяцевъ. — Послѣ судебной или административной приостановки, также можетъ быть запрещена, но только особеннымъ декретомъ императора по соображенію общественной безопасности.

ГЛАВА VI.

Переходныя мѣры.

33. Собственники существующихъ нынѣ газетъ и журналовъ освобождаются отъ надобности въ разрѣшеніи, требуемомъ статьею 1-ю настоящаго закона.

ЗАКОНЪ 27 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА 1858.

1. Кто какимъ-бы то ни было способомъ будетъ публично возбуждать къ преступленіямъ, помѣнованнымъ въ статьяхъ 86 и 87 уголовного кодекса, если это возбужденіе останется безъ послѣдствій, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 2 до 5 лѣтъ и штрафу отъ 500 до 10,000 франковъ.

(86 ст. Уголовнаго кодекса говоритъ о преступленіяхъ лица противъ императора и особъ императорской фамилии. — Статья 87 уголовного кодекса приведена выше).

2. Кто съ цѣлью нарушить общественное спокойствіе или возбудить къ ненависти или презрѣнію противъ императорскаго правительства, ведетъ интриги или сношенія въ предѣлахъ или за предѣлами имперіи, наказывается заключеніемъ въ тюрьму отъ 1 мѣсяца до 2 лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2,000 франковъ.

4. Лица, осужденныя по предыдущимъ статьямъ, могутъ быть лишены всѣхъ или некоторыхъ правъ, помѣнованныхъ въ 42-й ст.

Уголовнаго кодекса на время, равное сроку тюремнаго заключенія, которому подверглись.

5. Всякое лицо, осужденное за одинъ изъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ настоящимъ закономъ, можетъ быть для огражденія общей безопасности отправляемо на безвыѣздное жительство къ однимъ изъ департаментовъ имперіи или въ Алжирію или изгоняемо изъ французской территоріи.

8. Власть, даваемая правительству 5-ю статьею настоящаго закона, должна прекратиться 31 марта 1865 г., если не будетъ возобновлена до того времени.

Мы пожертвовали почти полутора печатными листами на скучный и по настоящему лишній переводъ, котораго почти никто не прочтетъ; за то теперь, имѣя возможность отправлять каждаго недовѣрчиваго читателя за справками къ предъидущимъ страницамъ, мы чувствуемъ себя въ правѣ утверждать, что выводы изъ изученія французскихъ законовъ по дѣламъ печати, представляемые нами здѣсь, не подлежатъ никакому дѣльному опроверженію.

Во-первыхъ, мы не хотимъ пропустить безъ вниманія цѣль годовъ и мѣсяцевъ, выставленныхъ на этихъ законахъ.

Первые шесть законовъ принадлежатъ эпохѣ реставраціи (21 октября 1814; 17 мая 1819; 26 мая 1819; 9 июня 1819; 25 марта 1822; 18 июля 1828). Извѣстно, въ какомъ отношеніи къ націи находилось правительство реставраціи. Оно было установлено во Франціи иностранцами, завоевавшими Францію. Мы не говоримъ о томъ, хорошо или дурно оно было само по себѣ, — это уже все равно послѣ такого факта, какъ происхожденіе отъ иностранныхъ завоевателей. Вообразимъ себѣ, что какое нибудь учрежденіе было бы установлено Наполеономъ I въ 1812 въ русскихъ провинціяхъ, которыя онъ занялъ своими войсками. Будь это учрежденіе очень хорошо само по себѣ, мы русскіе немедленно постарались бы уничтожить его, замѣнить чѣмъ угодно, лучшимъ ли, худшимъ ли, только замѣнить чѣмъ нибудь своимъ, не наложеннымъ на насъ волею иностраннаго завоевателя. Точно таково было отношеніе французской націи къ правительству реставраціи. Она все время только и думала о томъ, чтобы уничтожить его. Оно очень хорошо чувствовало это; оно понимало, что ему надобно опасаться французевъ, держать себя съ управляемою націею какъ націею враждебною ему. Оно не могло существовать иначе, какъ подавляя національныя чувства.

Это несчастное положеніе продиктовало реставраціонныя законы по дѣламъ печати. Вотъ почему ремесло типографика было подни-

нено-особенному надзору, вотъ отсюда вышла надобность, чтобы никто безъ особеннаго разрѣшенія не могъ завести типографію или стричь книжную лавку (Законъ 21 октября 1814, ст. 11). Французы вообще были враги французскаго правительства. Безъ выбора допустить каждому желающему завести типографію или книжную лавку, значило бы увидѣть, что изъ тысячи типографій и книжныхъ лавокъ девятьсотъ девяносто принадлежатъ врагамъ правительства (какъ изъ тысячи ткацкихъ станковъ, изъ тысячи печескихъ прилавокъ, за девятьсотъ стами девяносто станками и прилавками сидѣли враги правительства). Люди, согласные не то что поддерживать, а хоти бы равнодушно переносить тогдашнее правительство, были во Франціи исключеніями, — стало-быть, допускать людей становиться хозяевами типографій и книжныхъ лавокъ можно было только по выбору. — Но правительство было такъ ненавистно и образованному обществу и простому народу, что не могло рассчитывать на постоянство и этихъ немногихъ избранныхъ въ ихъ преданности: они вѣдь были люди; они могли поддаться общему чувству, которое остолюбовывали, имъ во вѣстрѣчаніе и неперечные, — стало быть, необходима была предосторожность противъ измѣны и этихъ немногихъ избранныхъ. Вотъ откуда возникло постановленіе, что разрѣшеніе содержать типографію можетъ быть отнято во всякое время (той же законъ, ст. 12). Но какъ сдѣлать, чтобы всегда могъ найтись благовидный предлогъ къ отнятію разрѣшенія? — Для этого были составлены правила, изложенныя въ статьяхъ 14-той и слѣдующихъ того же закона: Затерялся какая нибудь квитанція, скажись на какомъ нибудь листѣ по обязанности наборщика неисправность въ имени или адресѣ типографичка; повядись какая нибудь книжонка безъ этого имени и адреса, — вотъ и есть по закону предлогъ закрыть типографію или книжную лавку.

По этой же самой причинѣ нужны были спеціальныя законы для огражденія правительственныхъ лицъ (законъ 17 мая 1819 г.). Еслибы нація была не то что привержена, а хоти равнодушна къ правительству, не у многихъ являлась бы охота оскорблять печатнымъ словомъ короля или его родственниковъ или его министровъ и ихъ чиновниковъ, — если люди равнодушны къ нему нибудь, то они никакъ не допустятъ оскорблять его безнаказанно: поднимается въ обществѣ гвалтъ противъ обидчика, и чиновникъ, въ которому прежде было это безучастно, едѣляется предметомъ сочувствія, когда оскорбленъ кто нибудь. Для охраненія каждого, не находящагося въ особенной несправности съ обществомъ, достаточно общихъ законовъ. Но французскія правительственныя лица, время реставраціи находились въ исключительномъ непріязненнаго отношеніи къ обществу; потому для ихъ охраненія и нужны были исключительныя законы (той же

законъ, ст. 9, 10, 11, 16). Только въ соответствии этихъ статей явились и исключительныя наказанія для охраненія иностранныхъ правительствъ (тотъ же законъ, ст. 12, 17) — неловно было бы не сдѣлать въ пользу другихъ правительствъ такой же привилегіи, какъ въ свою пользу. — Только отъ этой же причины явилась надобность и въ специальномъ законѣ для охраненія религіи и нравственности (тотъ же законъ, ст. 8) — правительство покровительствовало клерикальной партіи, потому католическая церковь раздѣляла непопулярность правительства; а нравственность поставлена тутъ лишь для благозвучія, — нельзя же, упомянувъ о религіи, не замолвить слова и за нравственность.

«Если бы не эти исключительныя обстоятельства и соображенія, не было бы никакой нужды въ дѣломъ законѣ 17 мая 1819, — не къ чему было бы постановлять особеннымъ закономъ, что «дѣйствія, объявляемыя въ уголовномъ кодексѣ преступленіями и проступками, подвергаются наказанію, когда совершаются способомъ печати» (тотъ же законъ, ст. 1) — вѣдь ужъ опредѣлилъ уголовный кодексъ, т. е. общій законъ, что эти дѣйствія, какимъ бы способомъ не совершались, все равно преступны; такъ что же еще толковать о нихъ? Но дѣло въ томъ, что общественная мысль была неприязнена правительству и надобно было сдѣлать новыя постановленія, чтобы подвести подъ наказаніе какъ можно большее число ея проявленій и чтобы наказывать ихъ какъ можно сильнѣе. Для этой послѣдней цѣли даже придумано было странное средство, противорѣчащее коренному правилу юриспруденціи, постановляющему, что за одно преступленіе двухъ наказаній не бываетъ. Въ общемъ законѣ это правило соблюдено. Напримѣръ, за оскорбленіе официального лица при исполненіи его обязанностей общій законъ постановляетъ заключеніе въ тюрьму отъ 1-го до 6-ти мѣсяцевъ (Уголовный кодексъ, ст. 243). — Законъ 17-го мая 1819 г. говоритъ, что такое оскорбленіе, нанесенное способомъ печати, подвергается сверхъ заключенія въ тюрьму, еще денежному штрафу; да и тюремное заключеніе доводится до полутора года вмѣсто общаго полугодоваго срока (ст. 16). Вообще всѣ наказанія въ законѣ 17 мая 1819 г. двойныя: заключеніе въ тюрьму само по себѣ, да сверхъ того денежный штрафъ. Откуда эта надобность? Очевидно откуда главная сила заключенія въ тюрьму состоитъ въ томъ, что общество терять часть уваженія къ человеку, сидѣвшему въ тюрьмѣ; но въ дѣлахъ, за которыя хотѣли наказывать, законъ 17 мая 1819 г., общество сочувствовало человеку, запертому за нихъ въ тюрьму и уваженіе къ нему не уменьшалось, а увеличивалось отъ этого наказанія; вотъ и оказывалось оно недостаточнымъ, — его не стыдились и потому мало боялись; значитъ, нужно было бить по карману.

Но всего этого было еще недостаточно. Правительство находилось въ такой непопулярности, что не могло быть утѣрено даже въ готовности судьилицъ заступаться за него. Судьи опять-таки были люди, могли поддаться общественному мнѣнію; не признать преступленіемъ такого дѣйствія, которому сочувствовала вся нація. Поэтому нужно было отыскать для предашія суду и для денежныхъ штрафовъ такой предлогъ, который былъ бы чуждъ правительственной непопулярности. Вотъ и былъ поставленъ спеціальнѣйшій законъ о наказаніяхъ за «обезславленіе» частныхъ лицъ, опять съ денежными штрафами. Теперь было достаточно попасть въ газету какому нибудь слову о какомъ нибудь купцѣ, что онъ продаетъ товары дорого или дурнаго качества, — вотъ и готово наказаніе (законъ 17 мая 1819 г., ст. 18 и 18). А чтобы нельзя было избавиться отъ наказанія доказательствомъ справедливости порицанія, постановлено было, что доказательства справедливости не принимаются въ оправданіе (законъ 26 мая, ст. 23).

Но всего этого было мало, — вѣдь наказанія и штрафы все-таки — частные случаи, постигающіе только отдѣльные лица и изданія; а правительство имѣло противъ себя всю націю и всѣ проявленія національной мысли, то есть и всю литературу. Надобно было принять общія мѣры противъ всей этой отрасли дѣятельности, постараться вообще подрѣзать ее. Для этого послужили залогъ и штемпель. Залогъ отнималъ возможность дѣятельности у лицъ, не располагающихъ значительнымъ количествомъ наличныхъ свободныхъ денегъ, то есть у огромнаго большинства людей. Штемпель возвышалъ цѣну газеты и брошюръ, то есть уменьшалъ распространенность ихъ въ публикѣ.

Кажется, было довольно. Но оказалось мало: законъ 25 марта 1822 года постарался увеличить число дѣйствій, за которые можно было наказывать, и увеличилъ мѣру наказаній. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ былъ изданъ онъ. Фанатикъ изъ простолюдиновъ закололъ герцога беррійскаго. Человекъ этотъ не имѣлъ никакой связи ни съ кѣмъ изъ литературнаго или хотя бы вообще образованнаго общества. Экзальтированная ненависть его къ Бурбонамъ развилась безъ всякой помощи какого бы то ни было чтенія. Его ожесточили матеріальныя страданія простолюдиновъ, высокомѣрные посягнутки чиновниковъ и другихъ людей правительственной партіи. Но ужасъ, нанесенный его дѣломъ на правительственную партію, затмилъ въ ней всякую рассудительность: она провозгласила соучастниками въ его дѣлѣ не только литераторовъ, но и близкихъ къ королю придворныхъ, которые были недовольна, въ томъ числѣ министра Декази, личнаго друга королю. Декази и всѣ другіе сколько нибудь рассуди-

тельные люди были выгнаны изъ дворца и правительства; а литература подвергнута новымъ стѣсненіямъ.

Какую пользу принесло все это, извѣстно каждому. Бурбоны пали. Но Людовикъ-Филиппъ, занявшій ихъ мѣсто, захватилъ власть путемъ не очень чистымъ, — онъ интриговалъ противъ Бурбоновъ, выказывая имъ величайшую преданность на словахъ; онъ точно такъ же обманывалъ и враговъ прежняго правительства, которые скоро увидѣли, что вручили власть лицу, не думающему исполнять данныхъ обещаній. А для массы народа ничего не было сдѣлано, и ею окладѣла досада на то, что она перемѣнила правительство совершенно безуспѣшно. Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ сталъ и къ образованному обществу и къ націи точно въ такое же положеніе, въ какомъ были Бурбоны: число людей не только преданныхъ правительству; а хотя бы только согласныхъ переносить его, было очень не велико сравнительно съ массою французовъ, непріязненныхъ ему. Поэтому и должны были оставаться законы, стѣснявшіе проявленіе національной мысли.

Скоро они были усилены новымъ закономъ 9 сентября 1835 г. Это постановленіе было издаво при такихъ обстоятельствахъ. Два три фематика, опять изъ простолюдиновъ, не имѣвшихъ ни связей въ литературномъ или образованномъ обществѣ, ни привычки къ чтенію, покушались на жизнь короля. Паническій страхъ, овладѣвшій правительственною партіею, внушилъ ей, что прежнія мѣры для стѣсненія политической жизни и для огражденія правительства отъ покушеній недостаточны. Отсюда новыя стѣсненія для журналистики хотя она и равно ничѣмъ не участвовала въ покушеніяхъ.

Но сваливанье всей бѣды на журналистику было такою очевидною натяжкою, что самому правительству, несмотря на его паническое ослѣпленіе, чувствовалась недостаточность стѣсненій для своего укрѣпленія. Оно чувствовало, что слабость его и опасности для него возникаютъ не отъ журналистики, а совершенно отъ другаго обстоятельства: оно не имѣло приверженцевъ въ націи; надобно было придумать что нибудь, чтобы приобрести ихъ. По внушенію этого министрика, оно попробовало склонять общество на свою сторону доказываніемъ, что семейное спокойствіе, безопасность собственности и все матеріальныя интересы связаны съ существованіемъ тогдашнихъ правительственныхъ формъ; что ихъ погрѣшеніе было бы равнозначительно междоусобной войнѣ между оселокіями. Отсюда и въ законы по дѣламъ печати проникла надобность въ специальномъ постановленіи, ограждающемъ собственность и доброе согласіе между различными классами (законъ 9 сент. 1835 г. ст. 8). Специальныя наказанія проступковъ посредствомъ печати по этимъ вещамъ были впросто средствомъ

доказывать обществу, что существовавшее правительство должно считаться за привилегированную партию защитниковъ собственности.

Дальнѣйшія усиленія стѣснительныхъ мѣръ по дѣламъ печати почти не нуждаются въ объясненіяхъ, потому что еще въ томъ наматныя событія, изъ которыхъ они возникли.

Декретомъ 4 марта 1848 г. (вслѣдствіе февральской революціи) были уничтожены стѣсненія литературной дѣятельности, въ томъ числѣ залогъ и штемпель. Эта мѣра объясняется мнѣніемъ тогдашняго правительства, что на его сторонѣ масса нація и что общественное мнѣніе въ его пользу. — Намъ нѣтъ надобности разбирать, каковы были отношенія и событія, вслѣдствіе которыхъ выборъ президента республики и потомъ выборы депутатовъ въ законодательное собраніе произошли въ направленіи, противномъ существовавшимъ формамъ. Для нашей цѣли достаточно знать тотъ фактъ, что президентомъ республики было избрано лицо, считавшее нужнымъ учредить на мѣсто республики имперію, а большинство новаго собранія составилось изъ лицъ, считавшихъ нужнымъ возстановить королевскую власть, кетерую одни изъ этихъ лицъ хотѣли возратить Бурбонамъ, а другіе Орлеанскому дому. Такимъ образомъ обѣ отрасли правительственной власти, исполнительная и законодательная, стремились въ низверженію существовавшей правительственной формы; общество отъ этого тревожилось ожиданіемъ новой катастрофы, которая казалась тѣмъ страшнѣе, что въ самомъ правительствѣ шла борьба между тремя партіями, думавшими сражаться между собой во время катастрофы; эта борьба повидимому должна была удлиннить катастрофу, довести ее до продолжительной междоусобицы. Страхась атого бѣдствія, общество становилось къ непріязнь къ правительству, приводившему своими дѣйствіями къ такой развѣжѣ. Понятно послѣ того, что правительство нашло нужнымъ стѣснить проявленія общественного мнѣнія, — и вотъ объясненіе декрета 16 июля 1850 г., возстановившаго залогъ и штемпель. Придуманы были даже новыя мѣры стѣсненія; изъ нихъ особенно важно было постановленіе, чтобы каждая статья, имѣющая отношеніе къ политикѣ, была подписана авторомъ. Въ этомъ не было надобности для цѣлей, собственно карательныхъ; ни одинъ, сколько нибудь замѣтный писатель никогда не прятался за анонимность, если его неподписанная статья предавалась суду. Но анонимность статей, нужна была газетамъ для того, чтобы являться представителями направленія цѣлой извѣстной партіи, а не выраженіемъ личныхъ взглядовъ того или другаго писателя. Неподписанная статья — мнѣніе самой газеты и всѣхъ лицъ, сочувствующихъ газетѣ; это общее значеніе придаетъ къ личному характеру мнѣнія, если статья подписана. И такъ постановленіе о необходимости подписей служить однимъ изъ безспорныхъ

признаковъ того, что законъ 17-го июля 1850 года былъ порожденъ не другими какими-нибудь соображеніями, а именно тѣмъ, что правительство чувствовало необходимость ослабить журналистику, какъ представительницу враждебнаго ему общественнаго мнѣнія.

Но при всемъ желаніи подавить ее, тогдашнее правительство находило надобность показывать, что оно считаетъ себя болѣе популярнымъ, чѣмъ до-революціонное орлеанское правительство. Потому въ законъ 16-го июля 1850 г. были введены нѣкоторыя правила, смягчавшія суровость мѣръ, принимаемыхъ противъ журналистики. Напримеръ: штемпель возстановленъ въ размѣрѣ, нѣсколько меньшемъ прежняго: прежде бралось 6 сантимовъ съ листа въ 30 квадратныхъ дециметровъ (законъ 14 декабря 1830 г.), теперь только 5 сантимовъ съ допущеніемъ листа слишкомъ вдвое большаго формата (законъ 16 июля 1850). При этомъ штемпель возстановился подъ видомъ платы за пересылку газеты по почтѣ (тотъ же законъ, ст. 15), а не просто въ прежнемъ видѣ чистаго налога. Залоги были возстановлены въ размѣрѣ гораздо меньшемъ прежняго. Прежде ежедневная газета въ Парижѣ должна была представлять 100,000 франковъ залога (законъ 10 сент. 1835, ст. 13); теперь отъ нея требовалось только 24,000 франковъ залога.

Вскорѣ произошло перевѣданіе, поставившая правительство въ необходимость принять болѣе сильныя мѣры противъ выражений общественнаго мнѣнія. Послѣ катастрофы 2 декабря 1851 г. президентъ республики уничтожилъ парламентскую форму правленія и потому имѣвшій своими врагами всѣхъ приверженцевъ этой формы, долженъ былъ устранить присяжныхъ отъ рѣшенія процессовъ по дѣламъ печати, потому что судъ присяжныхъ не казался достаточно выражающимъ новое правительство (декретъ 31 декабря 1851). Такимъ образомъ журналистика была отдана подъ власть судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ.

То отношеніе правительства къ общественному мнѣнію, которое рѣшительно обрисовалось послѣ катастрофы 2 декабря, оказалось немалолетнымъ явленіемъ; какъ надѣялось новое правительство: шептанье не ослабѣвало, а оставалась непреклонна. Потому правительство убѣдилось въ необходимости болѣе сильныхъ мѣръ для обузданія общественнаго мнѣнія и принуждено было издать декретъ 17 февраля 1852 г., дававшій ему безусловную власть надъ журналистикой. Кромѣ полнаго возстановленія всѣхъ стѣпенительныхъ мѣръ, существовавшихъ при Орлеанскомъ домѣ, и кромѣ новыхъ мѣръ, установленныхъ закономъ 16-го июля 1850 г., декретъ 17-го февраля 1852 г. окончательно установилъ устраненіе суда присяжныхъ отъ всякихъ дѣлъ по печати и, находя недостаточнымъ даже то обезпеченіе, какое дается

правительству преданностью судей, назначаемыхъ самимъ правительствомъ, предоставляетъ уже чисто административнымъ сановникамъ приостанавливать изданіе газетъ или журналовъ и запрещать ихъ безъ суда и слѣдствія. (Декретъ 17 февраля 1852 г., ст. 32).

Наконецъ послѣ орсншевскаго дѣла понадобилось правительству еще болѣе дѣйствительное средство для огражденія своей безопасности; и декретъ 2-го марта 1858 г. постановилъ, что оно имѣетъ право въ случаѣ нужды отсылать на жительство въ отдаленную провинцію или въ Алжирію каждое лицо, заслужившее его неблагоклонность.

На этомъ общемъ очеркѣ происхожденія французскихъ законовъ по дѣламъ печати мы пока и остановимся. Они могли бы казаться странными, еслибы мы стали разсматривать ихъ съ какой нибудь другой точки зрѣнія, кромѣ чисто исторической. Перечитайте всѣ ихъ, — вы увидите въ нихъ только одно желаніе: по возможности затруднить и стѣснить литературную дѣятельность. Но что жъ дѣлать, — это было необходимою для французскихъ правительствъ по ихъ отношенію къ націи и къ общественному мнѣнію; потому съ исторической точки зрѣнія, которую старались мы разъяснить, эти законы совершенно естественны. Если правительство Бурбоновъ, потомъ правительство Людовика-Филиппа, потомъ правительство, возникшее послѣ февральской республики — чувствовали себя непопулярными, нисколько не протѣивъ себя общественное мнѣніе, то нельзя находить, что они были неослѣдовательны, принимая всевозможныя мѣры протѣивъ обнаруженія общественного мнѣнія. Для этой цѣли дѣйствительно очень хорошими средствами надобно признать и залогъ, и штампель, и выдачу спеціальнаго разрѣшенія на открытіе типографій съ правомъ отнимать это разрѣшеніе, и спеціальныя законы о проступкахъ по дѣламъ печати, и право административной власти приостанавливать и запрещать газеты и журналы. Если бы французскія правительства могли считать себя имѣющими общественное мнѣніе на своей сторонѣ, могли думать, что нація имѣетъ преданность или хотя довѣріе къ нимъ, тогда дѣйствительно они могли бы обойтись безъ этихъ спеціальныхъ законовъ. Въдѣ для огражденія собственности короля Людовика-Филиппа, или бывшаго президента республики, или нынѣшняго императора французовъ, или ихъ министровъ, или ихъ судей и чиновниковъ не требуется никакихъ спеціальныхъ законовъ, потому что въ этихъ случаяхъ общественное мнѣніе на ихъ сторонѣ: воръ, укравшій деньги у министра или чиновника, не поддерживается общественнымъ мнѣніемъ, потому не

нужно противъ него исключительныхъ законовъ. Но власть французскаго правительства не ограждается общественнымъ мнѣніемъ, и потому для ея безопасности дѣйствительно необходимы исключительныя мѣры.

Мы не имѣемъ ни времени, ни охоты разбирать здѣсь, до какой степени положеніе другихъ континентальныхъ западныхъ правительствъ сходно съ положеніемъ французскаго и до какой степени необходимы для нихъ исключительныя законы по дѣламъ печати, дѣйствительно необходимые для французскаго правительства: мы не будемъ разбирать потому, что подобное изслѣдованіе было бы совершенно напрасно: мы уже говорили, что Франція, какъ передовая страна, имѣетъ неотразимое вліяніе всѣми и хорошими и дурными сторонами своей жизни на другія континентальныя страны западной Европы и что по самому превосходству ея надъ ними въ огромномъ количествѣ выработаннаго ею хорошаго, не могутъ онѣ не заимствовать изъ нея и довольно многога дурнаго. Что дѣлать? Тутъ еще не отъ чего унывать.

По той же самой причинѣ мы не будемъ разбирать теперь вопроса, до какой степени нужны были бы у насъ спеціальныя законы по дѣламъ печати. Если бъ и оказалось, что они не нужны, все-таки изъ этого вывода ровно ничего не вышло бы. Мы все-таки не обогатились бы безъ нихъ. А что, если бы оказалось, что они дѣйствительно нужны у насъ? Тогда мы вновь заслужили бы имя обскурантовъ, враговъ прогресса, ненавистниковъ свободы, панегиристовъ деспотизма и т. д., какъ уже много разъ подвергали себя такому нареканію. Вотъ другая и, по правдѣ сказать, важнѣйшая причина тому, что мы не хотимъ изслѣдовать вопроса о надобности или ненадобности спеціальныхъ законовъ по дѣламъ печати у насъ: мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело бы насъ къ отвѣту: да, они нужны.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ныхъ законо-
тельно устано-
ю печати и, в

ПОЛИТИКА.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКАЯ ВОЙНА. — ДЪЛЮ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПАРЛАМЕНТѢ О ДЕРЖАВНЫХЪ КОРАБЛЯХЪ И КАМЕННЫХЪ ПРИБРЕЖНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ. — ПРУССКІЯ ДѢЛА.

Счастье до сихъ поръ благопріятствуетъ войскамъ сѣверо-американскаго Союза: на всѣхъ пунктахъ они тѣснятъ инсургентовъ, и если война еще два-три мѣсяца пойдетъ такимъ же образомъ, южные штаты должны будутъ безусловно смириться и возвратиться въ прежній Союзъ безъ всякихъ условій. Военныхъ дѣйствій мы не будемъ рассказывать въ подробности, потому что каждое изъ нихъ въ-отдѣльности не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ одной морской битвы, совершенно новой въ своемъ родѣ, о которой надобно будетъ и намъ поговорить вслѣдъ за газетами. Но эта морская битва важна только съ технической стороны для соображеній о томъ, изъ какихъ кораблей должны отнынѣ состоять военные флоты. На ходъ событій въ войнѣ между Союзомъ и инсургентами она не имѣла никакого вліянія, а сухопутныя дѣла, опредѣлявшія ходъ войны, до сихъ поръ не заключали въ себѣ ничего особеннаго. Большихъ битвъ еще не было. Происходили схватки между отрядами, которые охватываютъ теперь двойною цѣпью всю окружность отдѣлившихся штатовъ, составляя неправильный овалъ, длина котораго тысячи двѣ версты, а ширина тысячи полторы. Сѣверныя войска, собиравшіяся вдоль всей сѣверной южныхъ штатовъ по линіи, имѣвшей около трехъ тысячъ верстъ, начали крайнимъ западнымъ своимъ крыломъ загибаться на югъ по долинѣ Миссиссиппи, такъ что су-

хопутные марши ихъ идутъ теперь съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. А съ лѣваго восточнаго крыла ихъ все посылаются моремъ отряды на атлантическій берегъ и на мексиканскій берегъ южныхъ штатовъ, такъ что этими десантами занято теперь множество пунктовъ восточной и южной границы. Безпрестанно получая подкрѣпленіе, эти высадившіеся отряды подвигаются во-внутрь страны. Соответственно такой круговой атакѣ растянулись полной окружностью и войска инсургентовъ, сосредоточивавшіеся прежде по сѣверной границѣ. Вездѣ сѣверныя войска до сихъ поръ оказывались или многочисленнѣе, или лучше, такъ-что инсургенты отступаютъ на всѣхъ пунктахъ. Кругъ постепенно сжимается и критическій моментъ войны настанетъ вѣроятно тогда, когда кругъ этотъ сожмется до диаметра, довольно уже незначительнаго. Южныя войска будутъ имѣть тогда выгоду сосредоточеннаго расположенія, вѣ-родѣ того, какимъ пользовался Фридрихъ II-й въ Семилѣтнюю войну. Эта выгода вѣроятно ободритъ ихъ поступить такъ, какъ дѣйствовалъ тогда Фридрихъ II-й: оставивъ только наблюдательныя отряды по всѣмъ другимъ сторонамъ круга, ринуться почти всѣми силами въ одну его сторону, чтобы дать рѣшительную битву одной изъ окружающихъ армій.

Но что будетъ, то еще будетъ, а теперь пока положеніе дѣлъ таково. Мѣсяца четыре тому назадъ, театръ войны были только такъ-называемыя пограничныя штаты: Виргинія, Кентукки и Миссури. За оплотомъ своихъ армій, стоявшихъ по этой линіи въ числѣ отъ 350 до 400 тысячъ, остальные южныя штаты пользовались безопасностью. Теперь ихъ войска вытѣснены изъ пограничныхъ штатовъ западной половины этой прежней границы, — не только изъ Миссури и Кентукки, но также почти изъ всего штата Теннесси, лежащаго на югъ отъ Кентукки. Это въ центрѣ сѣверной линіи; а на крайнемъ западѣ сѣверныя войска также вторглись изъ Миссури далѣе на югъ въ Арканзасъ; такъ что теперь линія войны съ сѣвера вошла на сѣверозападѣ уже въ хлопчато-бумажныя штаты, которые собственно и подняли возстаніе: сѣверныя войска съ сѣверо-запада проникли кромѣ Арканзаса въ штатъ Миссиссиппи и въ штатъ Алабаму. Съ юга они своими десантными отрядами захватили почти всю Флориду и заняли береговую линію штатовъ Георгія, Южной Каролины и Сѣверной Каролины. Не осталось уже ни одного изъ отпавшихъ штатовъ, въ который не вошла бы война. Но главныя силы обѣихъ сторонъ остаются по прежнему на сѣверо-западной и въ особенности на сѣверо-восточной сторонахъ театра войны. Арміи, стоявшія во все продолженіе военнаго времени по берегамъ Потомака, остаются главными ар-

инициативы. Тутъ опетупленіе инсургентовъ происходитъ медленно, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Отчего эта разница? Мнѣнія очень различны. По утверженію главнокомандующаго союзною потомакскою арміею, Макъ-Келлманъ, тутъ нельзя было начинать наступленія раньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. До января онъ ссылался на то, что его армія недостаточно организована; а потомъ, до начала марта, мѣшала движенію зимняя распутица. Но генералъ Макъ-Келлманъ принадлежитъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ демократической партіи, вообще расположенной противъ Югъ, и притомъ именно къ тому отдѣлу ея, который на прошлыхъ президентскихъ выборахъ имѣлъ своимъ кандидатомъ Бренриджа, находящагося теперь однимъ изъ предводителей инсургентовъ. Этотъ отдѣлъ демократической партіи, такъ-называемые бренириджевскіе демократы, постоянно дѣйствовали вмѣстѣ съ людьми, которые потомъ произвели возстаніе. Повтому республиканская партія и въ особенности крайній отдѣлъ ея, аболіціонисты, подозреваютъ Макъ-Келлмана, будто бы онъ измѣннически тянулъ войну, чтобы Сѣверъ утомился и въ усталости призвалъ Южную конфедерацію. Дѣйствительно ли Макъ-Келлманъ виноватъ въ такомъ предательскомъ коварствѣ, этого, разумѣется, не можемъ рѣшить мы при скудости доходящихъ въ Европу извѣстій. Но очень неблагоприятный характеръ команды Макъ-Келлмана обнаружился при самомъ же началѣ наступленія союзной потомакской арміи: оказалось, что инсургенты за нѣсколько дней узнали о предполагаемомъ наступленіи; благодаря этому, они успѣли спокойно отступить съ своихъ позицій при Потомакѣ на другую оборонительную линію за рѣкою Раппаганнокомъ. Какъ они могли узнать это, еще не раскрыто теперь. Но какъ бы тамъ ни было, пропущенъ случай разбить ихъ при отступленіи, пропущенъ случай окружить ихъ на прежней позиціи у Потомака, — а между тѣмъ Макъ-Келлманъ именно такъ и хвалился, что окружить ихъ на этой позиціи. Онъ говорилъ: погодите, погодите; если преждевременно начнемъ наступленіе, они уйдутъ за Раппаганнокъ, и борьба продолжится; дайте мнѣ время, я обещаюсь отрѣзать имъ отступленіе и мы заберемъ въ плѣнъ ихъ всѣхъ, — кончимъ войну въ нѣсколько дней. Если онъ не предатель, то онъ — полководецъ не очень искусный; если онъ не обманулъ сѣверное правительство, то непріятельскіе генералы обманули его. Носится слухъ, еще болѣе вредный для его репутаціи или какъ честнаго человѣка, или какъ искуснаго генерала: говорятъ, будто съ самаго октября потомакская армія инсургентовъ была уже до того ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ на сѣверозападѣ и на атлантическое побережье, что начиная съ ноября во всякое время можно было раздавить ее почти безъ сопротивленія. Макъ-Келлманъ говорилъ, что онъ считаетъ у противниковъ отъ 150 до 200 ты-

сячь войска, а на самомъ дѣлѣ будто бы съ конца прошлаго года оставалось у нихъ въ этой мѣстности только отъ 40 до 50 тысячъ. Не знаемъ, какъ что было на самомъ дѣлѣ. Но подозрѣніе и ропотъ на Макъ-Клеелана возросли въ февралѣ до того, что союзное правительство убѣдилось въ необходимости взять изъ рукъ Макъ-Клеелана въ свои руки главное начальство надъ дѣйствіями военныхъ силъ. Въ половинѣ февраля президентъ созвалъ военный совѣтъ изъ 14 главныхъ генераловъ потомакской арміи и предложилъ вопросъ, можно ли начать отступленіе не дальше, какъ черезъ полторы недѣли. Макъ-Клееланъ и 9 другихъ генераловъ близкаго къ нему образа политическихъ убѣждений отвѣчали, что это значило бы идти на вѣрное пораженіе: потомакская армія инсургентовъ еще слишкомъ сильна; нужно предварительно принудить ее разными диверсіями, чтобы она отделилась отъ себя еще нѣсколько корпусовъ на защиту другихъ пунктовъ. Только четыре генерала республиканской партіи сказали, что начинать наступленіе и можно и должно. Президентъ при явля ихъ мнѣніе и приказалъ начинать наступленіе. Оказалось, что не только пораженія союзная армія не могла встрѣтить, но и самого непріятеля. Изъ этого извлекается съверо-американцами правило (правду сказать, какое новое правило!), что веденіе дѣла не слѣдуетъ отдавать въ руки людей, не сочувствующихъ дѣлу. Начавъ проникаться такою мудростью, они оставили Макъ-Клеелана только главнокомандующимъ одной потомакской арміей, а главнокомандующихъ другихъ своихъ армій сдѣлали независимыми отъ него, подчинивъ ихъ прямо президенту, который по крайней мѣрѣ не измѣнникъ. Опасеніе сильно раздражить демократическую партію удержало ихъ отъ того, чтобы лишить Макъ-Клеелана команды и надъ потомакскою арміею; но раздѣливъ эту армію на четыре корпуса, они сдѣлали командирами корпусовъ тѣхъ четырехъ генераловъ, которые говорили правду на военномъ совѣтѣ, такъ что Макъ-Клееланъ, получивъ этихъ помощниковъ, сдѣлался почти безвреденъ.

Итакъ война приняла наконецъ серьезный характеръ послѣ проволочекъ, происшедшихъ отъ неискusstва или измѣны челоуѣка, которому была поручена прежде. Какъ она пойдетъ и чѣмъ кончится, мы посмотримъ, а теперь не мѣшаетъ заняться разъясненіемъ нѣкоторыхъ мнѣній о ней.

Вопервыхъ, была ли она законна со стороны Союза. Мы знаемъ, что годъ тому назадъ, когда начиналась она, господствовала на Сѣверѣ умѣренная республиканская партія, которая, разумѣется, думала и ставила вопросъ фальшиво. По ея комментаріямъ дѣло шло о томъ, имѣютъ ли отдѣлявшіеся штаты отвлеченное теоретическое право отдѣлаться отъ государства, принадлежать къ которому не хотятъ.

На это вѣстѣ съ умѣренной демократическою партіею она отвѣчала, что такого права не имѣюгь отдѣлявшіеся штаты. Тонкими комментаріями на разные казусы международнаго права и на разныя статьи конституціи она доказывала, что центральная государственная власть въ Соединенныхъ Штатахъ имѣеть право силою оружія удерживать въ подчиненіи себѣ тѣ области государства, которыя хотятъ быть независимыми. Теорія выходила очень оригинальная съ американской точки зрѣнія, такъ что искренніе люди и на сѣверѣ и на югѣ Соединенныхъ Штатовъ должны были только пожимать плечами, слушая подобныя рѣчи. Но крайняя партія сѣверныхъ людей—аболиціонисты разсуждали совершенно иначе. Они говорили: еслибы дѣло шло о правѣ народа Южныхъ штатовъ или какихъ нибудь другихъ штатовъ отдѣлиться отъ государства, принадлежать къ которому не хочетъ населеніе этихъ областей, то ни союзная власть, никакая другая власть на свѣтѣ не имѣла бы права мѣшать этимъ областямъ устроить свою судьбу какъ имъ угодно. Но дѣло вовсе не въ томъ. Сепсеционисты долгое время господствовали надъ всѣмъ Союзомъ и принуждали Сѣверные штаты терпѣть невольничество, существованіе котораго противно убѣжденіямъ сѣвернаго населенія. Они находятъ, что поддержать невольничество нельзя имъ иначе, какъ господству надъ всѣмъ Союзомъ, и теперь начинаютъ войну для возстановленія своей потерянной власти надъ нимъ. Не мы мѣшасмъ имъ быть самостоятельными, а они хотятъ завоевать насъ. Мы должны защищаться. — Это чувство овладѣло Сѣверомъ. Тогда сепсеционисты, увидѣвъ, что не успѣли запугать его своими вооруженіями, стали предлагать миръ. Умѣренная партія на Сѣверѣ начала разсуждать опять такимъ фальшивымъ образомъ: примириться значило бы признать независимость Южныхъ штатовъ, то есть раздробить государство, уменьшить его могущество, его блескъ; значитъ, мириться нельзя. Аболиціонисты говорили иначе. Дѣло идетъ не о государственномъ могуществѣ или блескѣ, — если бы только эти вещи могли пострадать отъ мира, удобно было бы не колеблясь заключить его: во-первыхъ, Сѣверъ останется достаточно могущественъ и безъ Юга; во-вторыхъ, благосостояніе дороже могущества и не стоить жертвовать людьми для пустаго тщеславія. Но дѣло въ томъ, что большинство населенія въ Южныхъ штатахъ не хочетъ отдѣляться отъ Союза; инсургенты составляютъ меньшинство, которое на самомъ Югѣ не можетъ удерживать за собою захваченную власть иначе, какъ насильственными мѣрами; Югъ въ отдѣльности отъ Сѣвера не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ военною державою, въ которой будетъ господствовать войско, и командиры этого войска или предводители партій, имѣющіе своими агентами этихъ генераловъ, постоянно будутъ думать

только о завоеваніяхъ, чтобы обольщать свой народъ блескомъ побѣдъ, восной славы, побѣдъ. Они уже пытались завоевать насъ, и теперь только хотятъ выиграть время, чтобы собраться съ силами напасть на насъ врасплохъ въ другой разъ.

Таково теперь политическое положеніе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Инсургенты предлагаютъ миръ. На Сѣверѣ повидимому господствуетъ партія, полагающая, что предводители инсургентовъ—люди, съ которыми нельзя мириться. Но успѣетъ ли эта партія удержать за собою власть до конца дѣла, или Сѣверъ утомится войною, этого мы не знаемъ. Въ массахъ усиливается мнѣніе, принадлежащее аболіціонистамъ; но какіе элементы съ какимъ успѣхомъ борются между собою въ союзномъ правительствѣ, этого мы еще не можемъ различить по нынѣшнимъ недостаточнымъ извѣстіямъ о закулисныхъ ходѣхъ дѣлъ. Мы здѣсь имѣемъ источники свѣдѣній только слѣдующихъ двухъ, равно ненадежныхъ видовъ. Подробные и съ своей точки зрѣнія очень обдуманые рассказы корреспондента «Times'a» пишутся съ явнымъ желаніемъ доказать, что Сѣверу слѣдуетъ смириться передъ Югомъ. Большая часть европейскихъ газетъ питается заимствованіями изъ «Times'a». Газеты, которыя хотѣли бы писать правдивѣе, не обладаютъ большими средствами, потому сѣверо-американскіе корреспонденты ихъ—люди темные, не имѣющіе доступа въ правительственныя сферы и не знающіе хорошенько, что тамъ дѣлается. За неимѣніемъ лучшаго, приводимъ послѣднее письмо нью-Йоркскаго корреспондента «Times'a», который, какъ мы сказали, —отъявленный партизанъ инсургентовъ.

«Нью-Йоркъ, 26 марта.»

«Во всякомъ возстаніи противъ преобладающей партіи сила рѣшаетъ, какое имя останется за предводителями возстанія. То, что было бунтомъ, когда Людовикъ Наполеонъ Бонапарте являлся въ Страсбургѣ и въ Булони, перестало быть бунтомъ, когда онъ слѣдѣлся императоромъ французомъ. Даже великій и благородный Вашингтонъ былъ только бунтовщикомъ, пока успѣхъ покрылъ его имя бессмертною его славою. Каково теперь съ этой стороны положеніе президента Южной конфедерации, Джефферсона Дэвиса? Бунтовщикъ или патріотъ онъ? И бунтъ или патріотизмъ—попытка основать Южную конфедерацию? Событія быстро рѣшаютъ этотъ вопросъ. Еще мѣсяць тому назадъ въ Англіи перевѣсъ былъ на сторонѣ мнѣнія въ пользу южной независимости. Но три послѣднія педѣли произвели совершенную перемѣну въ здѣшнихъ дѣлахъ. Побѣда, капризно порхавшая за южными знаменами, теперь съѣла на знаменахъ Сѣвера и повидимому не сметитъ съ нихъ. Южныя арміи потерпѣли день за день столько неудачъ и по-

раженій, что не только люди нерѣшительные, всегда пристающіе къ выигрывающей сторонѣ, но и нѣкоторые изъ самыхъ пылкихъ и самоувѣренныхъ партизановъ Юга убѣдились, что дѣло ихъ потеряно. Видъ войны измѣнился, инсургенты отбѣсиаются въ небольшой уголокъ своей земли. Едва ли они попытаются удержать въ Виргиніи наступленіе Макъ-Клеллана, — вѣроятно же, что они удалятся въ штаты Мексиканскаго залива на крайній югъ, куда побоятся идти лѣтомъ сѣверныя арміи, если война продлится до лѣта». (Лѣтомъ низменности хлопчато-бумажныхъ штатовъ опасны своими миазмами). «А теперь Джефферсонъ Дэвисъ и его товарищи повидимому упали духомъ». (Джефферсонъ Дэвисъ въ послѣднее время говорилъ уже не о надеждѣ на успѣхъ, а о томъ, что дѣло, за которое взялся Югъ, оказывается не по силамъ ему и что надобно погибнуть со славою). «Южныя газеты и народъ на Югѣ поддали взаимнымъ ссорамъ, всегда раждающимся отъ неуспѣха, винятъ своихъ предводителей и другъ-друга, своими несогласіями еще больше ослабляя дѣло, въ которомъ весь успѣхъ основывался только на энтузіазмѣ. Если Южныя штаты принуждены будутъ на время или навсегда возвратиться въ Союзъ, то въ бѣдѣ ихъ не столько будутъ виноваты сѣверныя арміи, сколько ихъ собственная нерасудительная надежда на помощь Англіи и Франціи. Сѣверъ началъ гибельную войну отъ излишней увѣренности во *всемогущество* хлопка, который долженъ былъ будто бы выпугать его изъ всякихъ затрудненій. Югъ ожидалъ, что Англія скорѣе начнетъ войну съ Сѣверомъ, чѣмъ перенесетъ остановку въ подвозѣ хлопка. Югъ думалъ побѣдить постороннею помощью, — она не явилась. Въ началѣ борьбы Югъ имѣлъ всѣ шансы успѣха на своей сторонѣ: и привычку повелѣвать, и благоприятность времени, и лучшихъ офицеровъ арміи и флота Соединенныхъ Штатовъ, симпатію демократической партіи на Сѣверѣ, недоувѣріе Сѣвера къ аболіціонистамъ, предательство союзныхъ самовишниковъ, содѣйствіе всего высшаго общества на Сѣверѣ; а Сѣверъ не только не былъ приготовленъ сопротивляться столь страшному движенію, а даже и не вѣрилъ, что на Югѣ серьезно хотятъ отторгнуться отъ Союза, онъ былъ безъ арміи, безъ генераловъ, безъ плана и безъ военныхъ средствъ. Но когда онъ оправился отъ перваго расклоа, то оказалось, что онъ имѣетъ рѣшимость и страстный энтузіазмъ. Этими силами онъ совершилъ чудеса. Онъ надѣялся только на себя, развернулъ всѣ свои силы, и теперь дѣло въ такомъ положеніи, что возвращеніе всѣхъ пограничныхъ штатовъ въ Союзъ можетъ уже считаться вещью конченною, а покореніе хлопчатобумажныхъ — вещью, зависящею отъ воли Сѣвера.

«Но говорятъ, что президентъ Союза не хочетъ унижать Южныя штаты и ждетъ только большой побѣды, чтобы протянуть имъ олив-

ковую вѣтвь и миромъ возвратитъ въ лоно Союза заблудшее овца. А если такъ, что будетъ съ республиканскою партіею? И, еще, важнѣе, что будетъ съ вопросомъ о невольничествѣ? Возвратить мирнымъ образомъ въ Союзъ Южные штаты невозможно иначе, какъ признавъ законнымъ существованіе невольничества въ нихъ. Но развѣ для этого вѣдетъ войну Сѣверъ? — Почему знать? Демократическая партія на Сѣверѣ прямо говоритъ, что такъ. Сѣверные демократы, въ противоположность республиканцамъ, не имѣютъ никакого расположенія къ дѣлу негровъ и ненавидятъ аболіціонистовъ гораздо искреннѣе, чѣмъ южныхъ сецессионистовъ. Дѣло въ томъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ только не очень значительное меньшинство ненавидитъ невольничество по принципу. Большинство смотритъ на него равнодушно. Гдѣ оно отмѣнено, тамъ отмѣнено по расчету. На Сѣверѣ оно невыгодно. Въ пограничныхъ штатахъ, гдѣ трудъ невольника также невыгоденъ, оно будетъ уничтожено черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и мѣсяцевъ. Но чтобы оно было отмѣнено въ хлопчатобумажныхъ штатахъ, гдѣ оно чрезвычайно выгодно, — этому не повѣритъ никто, знающій американцевъ». (Разумѣется, ничего важнаго никогда въ исторіи не дѣлалось иначе, какъ по расчету выгоды. Но въ томъ и дѣло, что на Сѣверѣ распространяется убѣжденіе, что южное невольничество невыгодно для Сѣвера, что Сѣверу нельзя жить мирно ни въ союзѣ, ни порознь съ Югомъ, пока на Югѣ будетъ существовать учрежденіе, требующее инаго гражданскаго быта въ сосѣднихъ областяхъ, чѣмъ какой утвердился на Сѣверѣ). «Смотрите, съ какой хотите точки зрѣнія, невольничество — деготь въ меду сѣверо-американской республики». (Потому оно и будетъ отмѣнено). Этого дѣла нельзя ни устранить, ни удалить мирнымъ путемъ»; (потому оно и разрѣшается военнымъ). «Самое большое, чего можно надѣяться отъ нынѣшней борьбы—то, что невольничество будетъ изгнано изъ пограничныхъ штатовъ и ограничено хлопчатобумажными областями. Но этотъ результатъ могъ быть достигнутъ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ» (нѣтъ, пока Югъ не вывелъ изъ терпѣнья Сѣверъ, невольничество старалось захватывать все новыя области, даже такія, въ которыхъ не могло держаться безъ междоусобной войны, напримеръ Кавказъ, и никакъ не хотѣло покидать пограничныхъ штатовъ) «и силою чисто коммерческихъ причинъ» (да вѣдь самъ же авторъ сказалъ, что Сѣверъ вѣдетъ войну не по филантропіи, а по коммерческому расчету; вотъ, значитъ, коммерческія причины и дѣйствуютъ); «потому не было необходимости аболіціонистамъ доводить Югъ до междоусобной войны» (да вѣдь не аболіціонисты, не имѣніе до войны никакой практической силы, довели Югъ до войны, а онъ самъ началъ войну, чтобы завоевать Сѣверъ), «ногоря уже стоила больше

денегъ,—не говоря о крови, разореніяхъ и бѣдствіяхъ,—чѣмъ стоило бы выкупить и освободить всѣхъ негровъ Юга» (но что жъ было дѣлать, когда южные плантаторы не хотѣли и слышать о выкупѣ и начали войну, чтобы уничтожить на Сѣверѣ всякую возможность мысли объ этомъ выкупѣ?).

Судя по этимъ признаніямъ приверженца сецессіонистовъ, надобно заключать, что вслѣдъ надежда устоять въ борьбѣ потеряна инсургентами и что всю свою надежду они возлагаютъ теперь на хлопоты своихъ сѣверныхъ партизановъ о заключеніи мира.

Мы упомянули о морской битвѣ, которая не имѣла никакого вліянія на ходъ войны, но замѣчательна по заключеніямъ, которыя должны быть изъ нея выведены относительно постройки военныхъ судовъ. Сами инсургенты совершенно не имѣли флота, но они овладѣли при началѣ войны главнымъ военнымъ портомъ Союза, Норфолькскою гаванью. Большая часть кораблей Союза, стоявшихъ тогда въ этой гавани, успѣли уйти; но большой фрегатъ «Мерримакъ» былъ разсвищонъ, такъ—что союзные командиры не могли увести его и затопили. Вытащивъ фрегатъ, инсургенты одѣли его желѣзомъ, и вотъ, онъ, переименованный въ «Виргинца», пошелъ изъ Норфолькской гавани къ сосѣднему устью рѣки Джемса, гдѣ стоитъ фортъ Монро, служащій операционнымъ базисомъ для дѣйствій сѣверныхъ войскъ въ сѣверной части виргинскаго побережья. Подъ прикрытіемъ форта и береговыхъ батарей находилась союзная эскадра, состоявшая изъ трехъ фрегатовъ такой же величины, какъ «Мерримакъ», нѣсколькихъ корветовъ, и т. д. Эти корабли имѣли до 250 орудій тяжелаго калибра; на береговыхъ батареяхъ также были тяжелыя орудія. Но «Мерримакъ» спокойно шелъ подъ ихъ выстрѣлами прямо на одинъ изъ союзныхъ кораблей, далъ по немъ залпъ изъ своихъ 12 пушекъ (тяжелая желѣзная одежда заставляетъ уменьшать число орудій на такихъ корабляхъ) и съ полною силою паровъ ударилъ своимъ, сдѣланнымъ изъ желѣза, носомъ въ бокъ противника. Стѣна деревяннаго корабля разсѣлась. «Мерримакъ», отошедши саженъ на 50, далъ другой залпъ и опять ударилъ носомъ: корабль сталъ быстро тонуть. «Мерримакъ» пошелъ противъ другаго фрегата,—тотъ сдался. Наступила ночь. «Мерримакъ», дождавшись утра, принялся было топить другіе союзные корабли. Ихъ залпы и выстрѣлы береговыхъ батарей нисколько не вредили ему: только ходъ его нѣсколько задерживался, когда разомъ толкалось въ него слишкомъ много непріятельскихъ ядеръ: ихъ удары дѣйствовали на него въ родѣ того, какъ противный вѣтеръ. Всѣ тѣ союзные корабли, которые не успѣли бы убѣжать, были бы потоплены, но случайнымъ образомъ приплыла къ тому мѣсту странная вещь, тоже въ родѣ «Мерримака», только совершенно оригинальнаго

устройства. Известный строитель пароходовъ Эриксонъ, изобрѣтатель особеннаго способа замѣнять паръ разгоряченнаго воздуха, придумалъ корабль, надъ желѣзностью и непригодностью котораго очень много смѣялись. Весь корпусъ этого корабля находится подъ водою, такъ что сверхъ воды выказывается лишь часть палубы и башенка въ видѣ огромнаго опрокинутаго стакана. Палуба корабля одѣта толстымъ желѣзомъ (шесть слоевъ, каждый въ дюймъ толщины, крѣпко свинченныя); верхняя полоса стѣнъ корабля, хотя и подъ водою, тоже одѣта желѣзомъ до такой глубины, до какой уже не могутъ хватать черезъ воду ядра. Башня, тоже изъ желѣза, толщиной въ 9 дюймовъ, вертится на врѣзанномъ въ палубу желѣзномъ кругу, который представляетъ собою какъ будто бы верхушку круглаго стола, ножки котораго внутри корабля. По сигналамъ отъ человѣка, находящагося въ башнѣ, экипажъ корабля снизу повертываетъ куда угодно столъ и башенку. Въ башнѣ 2 амбразуры для двухъ пушекъ, одна подлѣ другой, такъ что стрѣлать изъ обѣихъ можетъ одинъ человекъ. Окна эти сдѣланы вполоть по дуламъ пушекъ, — пушкамъ повертываться не пужно въ амбразурахъ, онѣ повертываются вмѣстѣ съ башенкой. Въ башнѣ стоитъ человекъ и стрѣляетъ. Надъ рулемъ сдѣланъ желѣзный домикъ такой же толщины, какъ башенка. Въ домикѣ другой человекъ, который правитъ рулемъ. Только эти два человека и находятся поверхъ воды. Остальной экипажъ весь внутри затопленнаго корпуса подъ желѣзной крышей. Пушекъ на этой штуцѣ только двѣ, какъ мы сказали, но огромнаго, по нашей терминологіи 5-пудоваго калибра. Ядра для этихъ пушекъ сдѣланы тоже особенныя, не чугуныя — чугунъ слишкомъ хрупокъ, — а изъ ковшаго желѣза. Этотъ странный союзный пароходъ случайно шельмо сосѣдству, услышалъ выстрѣлы и пошелъ защищать своихъ. «Мерримакъ» вдвое больше его величиною и имѣетъ 12 пушекъ противъ 2-хъ, которыми вооружена странная машина Эриксона, называющаяся «Увѣщателемъ», Monitor. «Мерримакъ» оказался противъ «Монитора» столь же безсиленъ, какъ деревянные корабли противъ «Мерримака». Нѣсколько часовъ они стрѣляли другъ въ друга на разстояніи отъ 20 до 40 саж. и не дальше какъ на 70 саж. Раза 2 или 3 «Мерримакъ», надѣясь на свою величину и тяжесть, набрасывался со всѣхъ паровъ на противника, чтобы пробить его своимъ длиннымъ, желѣзнымъ носомъ, придѣланнымъ нѣсколько ниже водяной линіи, или потопить его. Но только носъ повредился, хотя былъ сдѣланъ изъ куска желѣза шириною фута въ полтора и толщиной съ футъ. «Мониторъ» не хотѣлъ ни тонуть отъ наѣзжавшей на него тяжести, ни портиться отъ ударовъ, и «Мерримакъ» снова отходилъ, и опять начинались залпы. «Мониторъ» такъ и остался безъ всякаго поврежденія: на его палу-

б-ти башеннѣ было только сдѣлано множество выбоинъ глубиною около дюйма. Но калибръ орудій «Монитора» и кованныя ядра оказались наконецъ невъносимы для «Мерримака»; нѣкоторыя ядра попадали въ амбразуры «Мерримака», кромѣ того повредили ему руль, и послѣ боя, тянувшагося, какъ мы сказали, нѣсколько часовъ, онъ уступилъ, — пошелъ чиниться назадъ въ Норфолькъ. Но поврежденія были нанесены ему только ядрами «Монитора», очень долго бившими его съ разстоянія отъ 40 до 20 сажень. На выстрѣлы береговыхъ батарей онъ не обращалъ никакого вниманія, и изъ всей этой исторіи стало очевидно, что не только деревянные корабли, но и каменные форты никуда негодятся противъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ: ставъ въ сажняхъ 150 отъ форта, такой корабль разобьетъ его въ мусоръ, а самъ не потерпитъ никакого поврежденія, потому что б-ти пудовыя ядра дѣйствуютъ на него очень слабо и въ 50 саженьныхъ разстояніа. — Какъ только принесли телеграфъ извѣстіе объ этой битвѣ въ Вашингтонъ, союзный конгрессъ назначилъ около 20 милл. р. сер. на постройку одѣтыхъ желѣзомъ кораблей и эррисоновскихъ машинъ. Но это еще не такъ любопытно, какъ дѣйствіе того же извѣстія въ Англии.

Английское правительство не знало, на что рѣшиться. Но въ парламентѣ спросили его, какой практической результатъ извлечетъ оно изъ исторіи «Мерримака» и «Монитора». Пальмерстонъ и его товарищи отвѣчали въ такомъ смыслѣ, что всеконечно, эта исторія поучительна, но надобно подумать, что она значитъ. — Да чего тутъ думать, сказали имъ, вы видите, что цѣлый флотъ деревянныхъ кораблей безнаказанно истребляется однимъ кораблемъ, одѣтымъ въ желѣзо. Такъ ли? — «Такъ». — У насъ строятся деревянные корабли? — «Строятся». — Это работа пропащая, и деньги пропащія. Такъ ли? — «Такъ». — Такъ чего же думать? Надобно послать приказаніе прекратить эту работу. — «Да», сказалъ Пальмерстонъ, «точно, надобно остановить. Сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ». — А какъ вы думаете о способности каменныхъ укрѣпленій защищать гавань отъ кораблей, одѣтыхъ желѣзомъ? — «Надобно подумать». — Да опять, что же тутъ думать? Вы видите, что форты не защита. Надобно защищать гавани одѣтыми въ желѣзо пловучими батареями, поставленными у входа въ гавань. Такъ ли? — «Такъ». — А у насъ строятся форты? — «Строятся». — Это пропащія деньги? — «Да». — Такъ надобно послать приказаніе остановить эти напрасныя работы. — «Да, сейчасъ пошлю приказаніе объ этомъ».

Вотъ что значитъ простой и живой разговоръ: въ два дня порѣшили дѣло, котораго иначе не рѣшили бы въ нѣсколько мѣсяцевъ, и въ эти нѣсколько мѣсяцевъ было бы израсходовано миллионъ двадцать,

тридцать рублей на работы, оказавшіяся напрасными, и было бы потеряно нѣсколько мѣсяцевъ драгоценнаго времени, которымъ теперь воспользуются для огражденія англійской безопасности усиленною работою надъ кораблями, одѣтыми въ желѣзо, и желѣзными пловучими батареями,

Впрочемъ все это плохая потѣха: тамъ сражаются, тамъ строятъ одѣтые желѣзомъ корабли въ виду какихъ-то угрожающихъ войнъ; а въ пынѣшнее весеннее время человѣкъ расположенъ быть веселымъ, и хочется ему чѣмъ нибудь позабавиться. Для насъ вѣтъ лучшей забавы, какъ либерализмъ,—такъ вотъ и подмываетъ насъ отыскать гдѣ нибудь либераловъ, чтобы потѣшиться надъ ними. А, вотъ гдѣ они теперь: въ Пруссіи. Краснорѣчиво толкуютъ они о злонамѣренности новыхъ прусскихъ министровъ (прежніе, которыхъ они тоже считали виновниками всѣхъ своихъ огорченій, вышли въ отставку, потому что, какъ видно, не желали ихъ огорчать). Новые министры будто бы не въ примѣръ хуже прежнихъ. Такъ расходились противъ нихъ прусскіе либералы, что даже постороннихъ людей сталъ забирать страхъ. Холодный и разсудительный берлинскій корреспондентъ Times'a, — и тотъ пришелъ въ азартъ: новые министры, говоритъ, ведутъ Пруссію къ гибели. Будто и ведутъ! А вотъ послушаемъ, какъ это они ведутъ, — переведемъ его письмо, въ немъ все-таки поменьше двоедушія, чѣмъ въ самихъ рѣчахъ прусскихъ либераловъ.

«Берлинъ, 6 апрѣля.»

«Замѣчательная черта настоящаго положенія дѣлъ въ Пруссіи — то, что сильно заинтересовались политикою люди, которые въ обыкновенныя времена нисколько не заботятся объ ней, но теперь горячо разсуждаютъ о политическихъ дѣлахъ и выражаютъ самымъ прямымъ языкомъ свое неудовольствіе» (да на кого же они сердятся, чудакъ! Сами не занимались дѣлами, и вдругъ разсердились, что дѣла идутъ не по ихъ желанію. Да вѣдь они молчали? Такъ какими же судьбами было кому нибудь исполнять ихъ желаніе, котораго никто и не слышалъ? Никто же что ли было правительству приставить къ нимъ, чтобы отгадывали ихъ мысли, смотря имъ въ глазки? Да вѣдь и въ глазкахъ—то у нихъ ничего нельзя было прочесть, потому что мыслей—то у нихъ никакихъ не было!). «Между такими лицами предметомъ настоящихъ разговоровъ продолжаетъ быть циркуляръ г. фонъ-Ягова, и никто не говоритъ о немъ безъ негодованія» (какой удивительный предметъ для своего негодованія нашли они: министръ внутреннихъ дѣлъ написалъ своимъ чиновникамъ циркуляръ, въ которомъ говоритъ, что правительству было бы пріятно, еслибы въ

депутаты были выбраны лица, одобряющія образъ дѣйствія правительства. А эти господа негодователи ждали видно, что министръ внутреннихъ дѣлъ порекомендуетъ выбирать въ депутаты людей, порицающихъ правительство!) «Разумѣется, инструкція министра внутреннихъ дѣлъ, обнародованная въ довольно осторожной формѣ, превышаетъ и злоупотребляется подобострастіемъ его подчиненныхъ» (вотъ видите, куда оно пошло, ужъ и не министръ виноватъ, а его подчиненные. Только и на подчиненныхъ едва ли не понапрасну клепятъ прускіе либералы, будто они «превышаютъ и злоупотребляютъ»: вѣдь еслибы въ самомъ дѣлѣ превышали и злоупотребляли, то были бы отставлены министромъ), «и ежедневно мы видимъ въ газетахъ воззванія провинціальныхъ чиновниковъ къ избирателямъ, исполненныя извращенныхъ свѣдѣній, написанныя съ цѣлю обмануть и запугать избирателей» (Проще сказать: чиновники излагаютъ дѣло съ своей точки зрѣнія, которой не раздѣляютъ люди другихъ убѣжденій; къ чему же такъ уже кричать, и что чиновники искажаютъ факты, — они только излагаютъ факты въ такомъ видѣ, въ какомъ сами ихъ понимаютъ; тутъ еще имъ ничего удивительнаго). «Кто привыкъ видѣть привязанность прусаковъ къ королю, ихъ уваженіе къ его добрымъ намѣреніямъ, ихъ надежду, что онъ, хотя быть можетъ медленнымъ, но твердымъ шагомъ будетъ идти къ осуществленію великихъ благъ для народа, тому прискорбно замѣчать, что онъ, — только на время, какъ мы надѣемся, — утратилъ свою популярность. Прежде его добрыя качества были любимымъ предметомъ разговоровъ, теперь вниманіе устремлено на его недостатки и ошибки» (но вѣдь онъ не перемѣнился, не потерялъ ни одного изъ своихъ прежнихъ качествъ? значитъ, несправедливы люди, которые отъ похвалы ему перешли къ порицанію?). «Нѣкоторые даже не надѣются, что онъ будетъ въ силахъ исправить сдѣланныя ошибки. А другіе говорятъ, что если и можно исправить ихъ, то многихъ трудностей и долгаго времени будетъ стоить ему избавиться отъ сѣтей, въ которыхъ онъ запутанъ злыми совѣтами людей, вліянію которыхъ приписываются сдѣланныя ошибки» (но если ошибокъ не было?). «Конечно, напрасно было бы слѣдить за нимъ видѣть его совѣтчиковъ» (вотъ видите ли, они не такъ виноваты, конечно потому, что важныхъ ошибокъ не было сдѣлано. — Послѣ этого корреспондентъ Times'a пускается въ разсужденія о королѣ, совершенно ошибочныя, которыхъ мы не хотимъ и повторять. Перейдемъ прямо къ изложенію нынѣшнихъ дѣлъ). «Прежніе министры вышли въ отставку, принявъ на себя упрекъ за распущеніе палаты, но не желая слѣдовать политикѣ, требовавшей распущенія палаты».

Новые министры искренно преданы этой политикѣ и потому за-

служиваютъ такой же похвалы за твердость, съ которою рѣшились служить ей, какъ прежніе министры за то, что не успѣли удерживать за собою должности долгое время послѣ того, какъ это стало несогласно съ ихъ убѣжденіями. Выборы будутъ происходить подъ вліяніемъ недовольства, о которомъ упоминаетъ корреспондентъ Times'a въ началѣ своего письма. Ждутъ, что большинство въ новой палатѣ составятъ люди, порицающіе вышнюю политику. Но будемъ надеяться, что преданность прусскаго народа королю предотвратитъ всѣ послѣдствія такого выбора. Можетъ быть, что злонамѣренные люди составятъ большинство въ новой палатѣ депутатовъ; но это большинство увидитъ себя безсильнымъ,

ВЫШЕЛЪ И РАЗДАЕТСЯ 4-й ТОМЪ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ,

СОСТАВЛЯЕМАГО РУССКИМИ УЧЕНЫМИ И ЛИТЕРАТОРАМИ.

Подписная цѣна за 4 тома: 12 рублей. Въ отдѣльной продажѣ по томамъ 3 рубли 25 копѣекъ за томъ.

Лица, служащія въ разныхъ казенныхъ вѣдомствахъ, могутъ выписывать «Словарь» чрезъ своихъ казначеевъ, посредствомъ раздробительнаго взноса, по 1 рублю въ мѣсяць, или по 4 рубля въ треть.

За пересылку по почтѣ и доставку на домъ, прилагается особа по 1 руб. 50 коп. въ годъ.

Подписка принимается у всѣхъ книжпродавцевъ.

Конторы «Энциклопедическаго Словаря» находятся: въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Демидова, противъ публичной библіотеки, при книжномъ магазинѣ Д. В. Кожанчикова; въ Москвѣ, на углу Большой Дмитровки, противъ университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Баунова.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,
№ 40.

Цѣны означены на серебро.

МОРКОВЪ. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ РУССКОЙ ОПЕРЫ съ самаго ея начала по 1862 годъ. Въ этомъ очеркѣ, представленъ хронологическій обзоръ дѣятельности отечественной нашей оперы въ продолженіе шести царствованій; помѣщены краткія біографіи нѣкоторыхъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ пѣвцовъ, пѣвицъ и композиторовъ, театральные анекдоты, случаи и проч. Въ концѣ приложено нѣсколько афишъ и объявленій, издававшихся назадъ тому болѣе 100 лѣтъ, и увертюра изъ первой русской оперы, написанная въ 1755 г. Цѣна 1 р., за пересылку прилагается за 1 ф.

ГЛЕЙХЪ. РУКОВОДСТВО КЪ НОВѢЙШЕЙ ИНСТРУМЕНТОВКѢ или къ изученію всѣхъ употребляемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ. Въ этомъ руководствѣ кромѣ того объясняется способъ употребленія всѣхъ инструментовъ въ композиціи и переложенія всѣхъ пьесъ для большаго и малаго оркестра, а равно для хора военной и бальной музыки. Ц. 1 р., за пер. за 1 ф.

ГУНКЕ. РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ГАРМОНИИ, приспособленное къ самоученію. Ц. 3 руб.

— **РУКОВОДСТВО КЪ СОЧИНЕНІЮ МУЗЫКИ.** Отд. I *О мелодіи*, ц. 2 р.; Отд. II *О контрапунктѣ*, содержитъ въ себѣ ученіе: а) о гармонизаціи данной мелодіи, б) о контрапунктѣ, с) объ имитаціяхъ, d) о фигураціи хора, e) о фугѣ, f) о канонѣ. Ц. 4 руб.

ШУМАНЪ. СОВѢТЫ МОЛОДЫМЪ МУЗЫКАНТАМЪ. Ц. 30 к., за пересылку за 1 ф.

БЕРНАРДЪ. ИСКУССТВО НАСТРОИВАТЬ или систематическое изложеніе правилъ научиться безъ труда и въ самое короткое время вѣрно и чисто строить фортепіано, натягивать струны и вообще поддерживать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ. Второе изданіе. Ц. 40 к., за пересылку за 1 ф.

ГАРРАСЪ. МУЗЫКАЛЬНАЯ ТЕРМИНОЛОГІЯ. Ц. 50 к., за пер. за 1 ф.

— **РУЧНОЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ** съ прибавленіемъ біографіи извѣстныхъ композиторовъ, артистовъ и дирижеровъ. М. 1850. Ц. 1 р., за пересылку за 1 ф.

БЕРІО. НОВѢЙШАЯ ШКОЛА ДЛЯ СКРИПКИ. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Ц. 4 р.

МАЗАСЪ. ЛУЧШІЙ СКРИПИЧНЫЙ УЧИТЕЛЬ или школа нынѣшней игры на скрипкѣ. Новое, просмотрѣнное и дополненное изданіе. Ц. 3 р.

- РОДЕ, БАЛЪО и КРЕЙЦЕРЪ. СКРИПИЧНЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ** или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое издание, просмотрѣнное и дополненное *А Киндингеромъ*. Ц. 3 р.
- ЛИ. НОВѢЙШАЯ ШКОЛА ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ.** Ц. 4 р.
- ЧИАРДИ. НОВѢЙШАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФЛЕЙТЫ**, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ. Ц. 3 р.
- МАЙЕРЪ — МАРИКСЪ.** Школа для гармонифлейты. Ц. 1 р.
- ПАНСЕРОНЪ.** Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія. Цѣна 3 руб.
- ВАККАЙ.** Практическія упражненія для итальянскаго пѣнія, состоящія изъ 15 уроковъ. Ц. 2 р. 50 к.
- ГЮНТЕНЪ. ПОЛНАЯ ШКОЛА ДЛЯ ФОРТЕШАНО**, 8-е издание, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности. Ц. 3 р. 50 к.
- КОНТСКІЙ. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ИГРЫ НА ФОРТЕШАНО**, основанной на теоріи музыки, содержащее въ себѣ также руководство къ изученію генералбаса и приложеніе примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ. Ц. 3 р.
- ДРУГЪ ДѢТЕЙ.** Упражненіе для маленькихъ рукъ съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки. Ц. 2 р.
- НЕОБХОДИМЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ДЛЯ ПИАНИСТА.** Ежедневныя упражненія. Новое дополненное издание. Ц. 3 р.

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го марта 3-я тетрадь музыкальнаго журнала «*Нувеллистъ*» (годъ XXIII), содержащая въ себѣ: *Vollehkamp, Polonoise de Salon. — Mayer, Nocturne. — Perena, Mazurka di bravura. — Jidé, Chant d'automne. — Voss, Célèbre chanson allemande, paraphrasée. — Strauss, L'extravagant. Valse. — Гранъ, Братцы-Полька. — Mazurka nationale. — Дѣтъ легкія пьесы. — Контскій, «Жилъ былъ мужичокъ», пѣсня. — Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).*

Вновь получены въ большомъ выборѣ иностранныя **РОЯЛИ** и **ПИАНИНО** лучшаго достоинства; **СКРИПКИ** и **СМЫЧКИ** различныхъ цѣвъ и достоинствъ, **ГИТАРЫ** 6-ти и 7-ми струнныя, **ГАРМОНИФЛЕЙТЫ** Парижскія, **АККОРДСОНЫ**, **ЦИТРЫ**, **ФЛЕЙТЫ**, **МЕТРОНОМЫ**, **КАМЕРТОНЫ** и проч. **ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.**

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

МЕДИЦИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

издается въ 1862 году по той же программѣ, по которой издавался въ 1861 году. Поставивъ себѣ задачей слѣдить за успѣхами медицинскихъ наукъ въ Россіи и служить проводникомъ преобразовательныхъ стремленій, выработавшихся путемъ историческаго развитія русскихъ медицинскихъ учреждений, онъ считаетъ эту задачу вполне современною и единственно способною привести къ положительнымъ результатамъ.

«Медицинскій Вѣстникъ» по прежнему заключаетъ въ себѣ пять отдѣловъ.

«Медицинскій Вѣстникъ» печатаетъ объявленія о медицинскихъ книгахъ, находящихся въ продажѣ, о хирургическихъ, акушерскихъ и ортопедическихъ инструментахъ и о всѣхъ предметахъ, специально относящихся къ какой либо отрасли медицинскихъ знаній.

Направленіе, принятое «Медицинскимъ Вѣстникомъ», встрѣчено полнымъ сочувствіемъ и останется неизмѣннымъ и на будущее время.

«Медицинскій Вѣстникъ» выходитъ еженедѣльно, по суббота-
тамъ. На получение его принимается подписка:

*Въ редакціи «Медицинскаго Вѣстника» (въ С.-Петербургѣ,
на Выборгской сторонѣ, по Самарской улицѣ, № 7);*

Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта;

*Въ книжныхъ магазинахъ В. Г. Овсянникова, въ С.-Петербур-
гѣ, въ Гостиномъ дворѣ, №№ 17 и 58.*

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться просто въ редак-
цію «Медицинскаго Вѣстника», въ С.-Петербургъ, такъ какъ
адресъ ея постоянно извѣстенъ Почтамту.

Подписная цѣна: *безъ пересылки или доставки на домъ*
6 руб. сер.; *съ пересылкою или доставкою на домъ въ С.-Пе-
тербургѣ* **3 руб. сер.**; по той же цѣнѣ получаютъ экземпля-
ры 1861 года. Вновь подписавшіеся *получатъ всѣ нумера начиная*
съ перваго.

Редакторъ Я. Чистовичъ.

Издатель И. Никитинъ.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 30 марта 1862 года.

Исправляющій должность цензора Ф. Еленевъ

**МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТЫХЪ И БРИЛЛАНТОВЫХЪ ВЕЩЕЙ.
И. ШПЕРГАЗЕ.**

*Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Армянской
церкви № 42, напротивъ Гостиннаго двора.*

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 8 камняхъ,
отъ 12 до 18 руб. сер.**

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 13 камняхъ
отъ 14 до 50 руб. сер.**

ЗА ПОЗОЛОЧЕНІЕ прилагается; за открытые 2 руб. сер., за
глухіе 3 руб. сер.

**ДАМСКІЕ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, также
съ эмалью и брилліантами, отъ 35 до 150 руб. сер. и до-
роже.**

**ЗОЛОТЫЕ на 8 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 35 до 60 руб.
сер.**

**ЗОЛОТЫЕ на 13 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 45 до 300
руб. сер.**

**ХРОНОМЕТРЫ, часы съ секундными стрѣлками (Secondes Insi-
pendants), съ репетиціею, съ заводами безъ ключа (Remon-
toir на pendant) и пр. отъ 150 до 600 руб. сер.**

ЗОЛОТЫЕ БРАСЛЕТЫ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 800 руб. сер.

БРОШКИ СЪ СЕРЬГАМИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 500 руб. сер.

БРОШКИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 8 до 500 руб. сер.

СЕРЬГИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ; отъ 3 до 600 руб. сер.

ЗАПОНКИ мужскія, отъ 3 до 50 руб. сер.

Тоже дамскія, отъ 7 до 60 руб. сер.

БУЛАВКИ, отъ 2 до 200 руб. и дороже.

ЦѢПОЧКИ разныя, отъ 12 до 125 руб. сер.

Тоже дамскія длинныя, отъ 20 до 200 руб. сер.

КОЛЬЦА разныя, отъ 3 до 500 руб. сер.

МЕДАЛЬОНЫ, КРЕСТИКИ съ цѣпочками и безъ оныхъ,

ВСѢ ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ, ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ, БРЕЛОКИ и проч.

Всѣ заказы, также починки часовъ и золотыхъ вещей будутъ исполнены съ рачительствомъ, и въ точности.

Господь многогородныхъ прошу адресоваться въ контору Ивана Федоровича Шпергазе, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви № 18, гдѣ и производится оптова торговля часами.

ВЪ БИЩНОМЪ МАГАЗИНЪ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

Въ С.-Петербургѣ на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домъ Дихачева,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

- НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССИИ ПРИ ПЕТРЪ ВЕЛИКОМЪ.**
Исслѣдованіе П. Пекарскаго. 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к. (на 2-й т. билетъ).
- ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ ВЪ ОЧЕРКАХЪ ЖИВОТНОЙ И РАСТИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.** Соч. Гартвига, перев. съ нѣмец. С. Усовъ съ 6-ю хромолигнграфированными рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.** Соч. И. Горлова. Т. 2-й Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Тожь 1-й т. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ** Куно Фишера. Т. 1. Классическій вѣкъ догматической философіи. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3.
- КАРТИНЫ ПРИРОДЫ** съ научными объясненіями, Александра Гумбольдта. Перев. съ нѣмец. А. Н., съ предисловіемъ профессора К. Ф. Руде. 2 части. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.
- ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА.** Кругосвѣтное путешествіе. Соч. Ивана Гончарова. 2 тома. Спб. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 коп.
- НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА** Николая Михайловича Карамзина. Ч. 1. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 75 к.
- ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА** графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому. Писанныя съ 1798 по 1819 годъ. Съ историческими поясненіями, составленными К. Масальскимъ, и нѣкоторыя сочиненія первой молодости Графа М. М. Сперанскаго. Спб. 1862 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 10.
- ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 года.** Соч. Гарнье Паже. Итальянская революція. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 р.
- ЛЮБОПЫТНѢЙШЕ ПРОЦЕССЫ** изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи и Англи. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 коп.
- МАТЕРІАЛЫ** для географіи и статистики Россіи. Екатеринбургская губернія; состав. В. Павловичемъ, съ географическою картою, картою Азовскаго моря и двухъ геогностическихъ картъ. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 р.
- ПИСЬМА О РАСКОЛѢ.** П. Мельникова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 коп.
- ПУТЕШЕСТВІЕ** по долинамъ рѣки Усури. Совершилъ по порученію Сибирскаго отдѣла императорскаго Русскаго Географическаго Т. ХСII. Отд. II.

Общества Р. Маакъ; 2 тома, съ рисунками и картами. Спб. 1862 г. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

КАКЪ БЫВАЕТЪ И КАКЪ БЫТЬ МОГЛО-БЪ. Педагогическія мысли Фелора Кестнера. Т. 1-й Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

АЛКОЛОМЕТРИЯ. Руководство къ опредѣленію крѣпости и цѣнности спирта и вина. Состав. на оонованіи постановленій о винокурениі, для винокуренныхъ заводчиковъ, виноторговцевъ, акцизныхъ чиновниковъ и проч. Ф. Илищъ. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО винокуреннаго, пивовореннаго и медовореннаго производства. Изложенное по распоряженію министра финансовъ, Ф. Илишемъ. 2 части, съ атласомъ чертежей. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. 50 коп., съ пер. 3 р. 75 к.

РУКОВОДСТВО къ составленію смѣтъ или собраніе данныхъ, опредѣляющихъ стоимость построекъ. Состав. П. Сальмоновичъ. 2-ва выпуска. Спб. 1852 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

РУКОВОДСТВО къ ИЗУЧЕНІЮ НОВЫХЪ АКЦИЗНЫХЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ, для будущихъ чиновниковъ по управленію акцизной продажи вина, для заводчиковъ винокуренныхъ и другихъ заводовъ, приготавливающихъ пиво, медъ и проч., для содержателей заведеній—для продажи всякаго рода питей, и для всѣхъ вообще торговцевъ питьями, заключающее въ себѣ положеніе о пштейномъ сборѣ и всѣ къ нему приложенія, снабженное необходимыми примѣчаніями. Состав. А. Григоровичъ. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ разведенію крупнаго рогатаго скота. Соч. Пабста Перев. Н. Литке, подъ редакціею А. Совѣтова, съ 25-ю хромолитографическими изображеніями болѣе замѣчательныхъ породъ крупнаго рогатаго скота и со многими подтипажами въ текстѣ. Спб. 1862 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

РУКОВОДСТВО къ молочному хозяйству. Соч. Джона Чомерса Мортонна. Перев. съ англійск. Спб. 1862 г. 60 коп., съ пер. 1 р.

О ТРАВOSCЪЯНИИ, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ сѣна, о паханіи и удобреніи земли, то есть, въ какое время должно начинать и оканчивать всѣ работы по сельскому хозяйству. М. 1862 г. Ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

РУКОВОДСТВО къ физиологіи человѣка, К. Людвига, въ Вѣнѣ. Выпускъ 1-й. Кіевъ, 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ:

СВ. ВЛАДИМИРА, ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОММИССИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПИСЬМА О РАСКОЛѢ (I—V) П. Мельникова. Спб. 1862 г. Ц. 50 к.,
съ пер. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ Л. А. Мей. Томъ I-й: «Царская невѣста». — «Серви-
лія». — «Псковитянка». — «Димитрій Самозванецъ» и «Лагерь
Валенштейна». Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. В. Гоголя. Новое изданіе въ
IV-хъ томахъ. М. 1862 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ В. Бѣлинскаго, съ портретомъ автора, въ XII-ти то-
махъ. М. 1862 г. Ц. по 1 р. за томъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНІЯ Н. П. Крешева. Спб. 1862 г. Ц. 50 к.,
съ пер. 75 к.

ОБЛОМОВЪ. Романъ соч. Н. А. Гончарова. Второе изданіе, вновь
пересмотрѣнное авторомъ; четыре части въ II-хъ томахъ. Спб.
1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ. Романъ въ 2 частяхъ. Соч. Н. Гонча-
рова. Изданіе третье. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ФРЕГАТЪ ПАМЛАДА. Кругосвѣтное путешествіе И. Гончарова. II то-
ма. Второе изданіе (поступаетъ на дняхъ въ продажу). Спб.
1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ШЕКСПИРЪ ГЕРВИНУСА. Выпускъ первый. Спб. 1862 г. Ц. 50 к.,
съ пер. 75 к.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ при Петрѣ Великомъ. Изслѣ-
дованіе П. Пекарскаго. Два большихъ тома (на 2-й томъ выдает-
ся билетъ). Спб. 1862 г. Ц. за оба тома 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ЧТЕНІЯ въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россій-
скихъ при московскомъ университетѣ за 1862 г. Книга 1-я вы-
дается. Ц. за 4 книги (отъ 30 до 40 печатныхъ листовъ каждая)
въ годъ 6 р., съ пер. 7 р. 50 к. Здѣсь же можно получать это
изданіе за 1858, 1859, 1860 и 1861 годы по 6 р. за годъ (4 кни-
ги) съ пер. 7 р. 50 к.

ПѢСНИ, СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ. Выпускъ 4-й. М.
1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Также 1, 2 и 3 выпуски по
50 к. за каждый, съ пер. по 75 к.

- ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ** Терра, перев. съ нѣм.; 3-й выпускъ 1-й. М. 1862 г. Ц. 75 к. съ пер. 1 р.
- ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.** Томъ V-й, изд. К. Яневича-Яневскаго. Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Того же изданія томы 3 и 4 (1 и 2 томы распроданы). Ц. по 2 р. за томъ, съ пер. по 2 р. 50 к.
- ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ФИЗИОЛОГИИ;** строеніе и развитіе животныхъ, нѣтъ живущихъ и изчезнувшихъ. Соч. Агассиса и Гольда, со множествомъ рисунковъ. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КРУПНАГО РОГАТАГО СКОТА.** Соч. Пабста, перев. подъ редакціею А. Совѣтова. съ 25 хромолитографированными рисунками и со множествомъ политипажей. Спб. 1862 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.
- РУКОВОДСТВО КЪ МОЛОЧНОМУ ХОЗЯЙСТВУ.** Соч. Д. Ч. Мортонна, перев. съ англійск. Спб. 1862 г. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.
- ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЖИВОТНЫХЪ** млекопитающихъ, въ изображеніяхъ, снятыхъ и раскрашенныхъ, сходныхъ съ натурою. Спб. 1862 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА.** Соч. А. Катрфажа, перев. съ франц. Н. Суворова. 2 выпуска съ 10-ю таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. М. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 коп.
- ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ** въ очеркахъ животныхъ и растительной жизни. Соч. Гартвига, перев. съ нѣмецк. С. Усова, съ 6 хромолитографированными рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р. 30 к., съ пер. 3 р.
- НА БЕРЕГУ МОРЯ.** Зоологическіе эпизоды въ Ильфракомбѣ, Тенби, на Сицилійскихъ островахъ и на Джерзи. Соч. Льюиса, перев. съ англійск. А. Мана, съ 7 литографированными рисунками. М. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- ФИЗИОЛОГИЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ.** Соч. Льюиса, съ политипажамъ, перев. съ англійск. Борзенкова и Рачинскаго. 2 тома. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.
- ОБЩЕОНЫТНАЯ АСТРОНОМІЯ.** Соч. Ф. Араго, перев. Хотинскаго. 4 большихъ тома, съ 360 картами, чертежами и рисунками. Спб. 1861 г. Ц. 12 р., съ пер. 15 р.
- РАСТЕНІЕ И ЕГО ЖИЗНЬ.** Шлейдена, перев. С. Рачинскаго, съ картинами. М. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.
- РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ САДОВОДСТВА И ОГОРОДНИЧЕСТВА.** Э. Рего, 3 части, съ 5 таблицами рисунковъ. М. 1859 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- ОГОРОДНИЧЕСТВО.** Соч. Люкаса, съ политипажамъ, перев. съ нѣмецк. Я. Калиновскаго. М. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ВЪ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННОГО ПРОДАЮТСЯ ОСТАВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ:

СТИХОТВОРЕНІЙ Н. НЕКРАСОВА.

(Съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. — Двѣ части, до 500 стр., въ 12 долю листа.)

Цѣна въ Петербургѣ и Москвѣ за книгу въ красномъ переплетѣ 3 р., съ пересылкою въ другіе города 3 р. 50 к. Непереплетенные экземпляры всѣ уже распроданы.

Объявленія: 1) Медицинскій Вѣстникъ, еженедѣльная газета, 2) отъ магазина часовъ, золотыхъ и брилліантовыхъ вещей *И. Шерлазе*, 3) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 4) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 5) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*, 6) Вышелъ и раздается 4 томъ «Энциклопедическаго Словаря, составляемаго русскими учеными и литераторами».

А ВУЛЬФА
лечева № 58)

Печатать дозволяется.

СОВРЕМЕННОСТЬ выходитъ въ 1862 году еже-
мѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ ли-
стовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургъ безъ доставки:
15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою:
16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Загрж-
скаго, при книжномъ магазинѣ И. В.
Баунова.

**Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.**

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

РУКОВОДСТВО 4 тома. Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.

ЧЕСТВА.

г. Ц. 2 р. 50 коп. въ продажу (въ магазинѣ Серно-Со-
ОГОРОДНИЧЕСТВОМЪ проспектѣ, близъ Казанскаго собора, п
мецк. Я. Калиновичгопродавцевъ) второй томъ. На осталь-
ноты въ непродолжительномъ време-

Печатать позволяется. С.-Пе.

840703

СОВРЕМЕНИКЪ

1862

№ IV АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

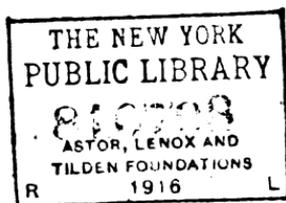
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Невскомъ, домъ Лихачева № 58)

I. — СВАДЬБА ЧИРИБЕЕВА. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Н. С. П—АГО.	325
II. — ВЗГЛЯДЪ НА РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ. Часть вторая. М. А. ФИЛИППОВА.	453
III. — ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ. Романъ. Часть вторая. Н. СТАНИЦ- КАГО.	503
IV. — ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЯ ШЕНЬЕ. Стихотв. П. М. КОВА- ЛЕВСКАГО.	562
V. — «О юность, юность, гдѣ же ты?». Стихотв. А. Н. ПЛЕ- ЩЕЕВА.	563
VI. — ПРОИСШЕСТВІЯ НА ЯИКѢ ВЪ 1772 ГОДУ. Д. АНУ- ЧИНА.	565
VII. — НЕСЧАСТНЫЕ. Романъ Виктора Гюго. Часть первая.— ФАНТИНА. (Разсказъ).	607
VIII. — ИЗЪ ТОМАСА ГУДА. — ИЗЪ ФЕЛИСИИ ГИМЕНСЬ. Стихотв. МЕХ. ШЛЕЦКАГО.	707

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. — ПОСЛѢДНІЙ ВЕНЕЦІАНСКІЙ ДОЖЬ. (Данилъ Ма- нинъ. 1848 годъ). ЛЕОНА ВРАНДИ.	191
X. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — О ДУХѢ «ВРЕМЕНИ» И О Г. КОСИЦѢ, КАКЪ НАИЛУЧШЕМЪ ЕГО ВЫРА- ЖЕНІИ. М. А. АНТОНОВИЧА.	247
XI. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Наша слабость — <i>бесц- довать</i> и пристрастіе «Времени» къ <i>философствованьямъ</i> . — Союзъ мой съ нѣкоторыми солидарными со- мною писателями уронить г. Чернышевскаго. — Дѣй- ствія нѣкоторыхъ изъ нашихъ союзниковъ, какъ-то: г. Владиміръ Заочнаго, критика «Сѣверной Пчелы» и т. д. — Причины нашей вражды къ Чернышевскому. — Кой-что о верхнихъ столбцахъ «Сѣверной Пчелы» и вообще о литературѣ. — Объясненіе Н. И. Костомаро- ва. — Неустройство современныхъ обществъ. — При- чина этого неустройства — стремленіе къ цивилизаціи однихъ верхнихъ слоевъ общества, почти безъ всякаго участія въ томъ массъ. — Философствованіе Н. Ф. Пав- лова о сближеніи съ народомъ. — Отзывъ рижской га- зеты о партіяхъ въ Россіи. — Отсутствие единства об- щественнаго міросозерцанія въ Петербургѣ и апатія петербургскаго общества къ дѣламъ общественнымъ. — Гдѣ искать спасенія Петербургу? — Крестьянство).	293

СВАДЬБА ЧИРИБЕЕВА.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ:

Александръ Сергѣевичъ Чирибеевъ, лицо, занимающее видное мѣсто въ губерніи.

Анна Александровна Чирибеева, жена его.

Огребининъ, отецъ Чирибеевой, вліятельное лицо въ губерніи, занимающее одну изъ высшихъ должностей.

Губернаторъ. Прокуроръ. Директоръ гимназіи. Советникъ казенной палаты. Секретарь дворянскаго собранія. Старичокъ въ отставкѣ. Чиновникъ, изъ молодыхъ.

Егоръ Ивановичъ Козыревъ, товарищъ Чирибеева по университету.

Учитель гимназіи

Учитель уезднаго училища

Учитель духовнаго училища } пріятели Козырева.

Николай Абрамычъ

Алексей Иванычъ

Гости, гостицы и официанты.

Егоръ Иванычъ. Теперь вопросъ въ томъ, какъ встрѣтить жениха и невесту. Станемъ индальерами: торжественности больше. Господа офицеры! впередъ! Извините: сегодня я вами командую.

Одинъ изъ офицеровъ. Располагайте по произволу, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Иван. Именно, именно. Да эдакъ, понимаете, шуму побольше, чтобы какъ только войдутъ, такъ вы и пошевелите саблями легонько, — понимаете, господа офицеры?.. Ба! (ударяетъ себя по головѣ). А спичь—то готовъ? Николай Абрамычъ! спичь—то, батюшка?

Николай Абрам. Готовъ, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Иван. Да вѣдь ты небось по семинарски: изыдохъ въ путь, благовѣстите людие и тому подобное — а?

Николай Абрам. Нисколько.

Алексѣй Иван. (ни къ кому особенно не обращаясь). Вотъ люблю, когда эдакъ шумъ, говоръ; освѣщеніе одно — и то волнуешь. Поставь меня хоть въ углу, лишь бы видѣть все. Признаюсь, люблю эдакіе случаи въ жизни.

Голосъ въ толпѣ. Именины тоже хорошая вещь.

Егоръ Иван. Однако тише, господа: не время! Успокойтесь.

Николай Абрам. Егоръ Ивановичъ! я самъ спичь не буду говорить.

Голосъ въ толпѣ. Валяй, Егоръ Ивановичъ, самъ: у тебя духу больше.

Егоръ Иван. Не могу, господа, ей-богу, не могу. Цѣлый день въ горлѣ что-то стоитъ. Хрипѣть буду, господа, — увольте. Вотъ такъ и стоитъ въ горлѣ.

Офицеръ. Пропусти коньяку — перестанетъ.

Егоръ Иван. Пробовалъ уже. Слышишь, какъ хриплю? (Хрипитъ) Да наконецъ не по тетраджѣ же мнѣ читать. Николай Абрамычъ! впередъ! Да не робѣй, главное. Удвоить рвеніе! Ну довольно! Тише, господа не задерживай! Все ли на мѣстѣ? Ровнѣй! Ровнѣй, господа офицеры! Помните, что я сказалъ: легонько саблями! Отъ этого много зависитъ! Держись лучше, Цицеронъ, иначе въ шею. Умолкните! Silence, господа! А чуть только того, такъ сейчасъ по рожѣ; кто заговорить, того пусть сосѣдъ по рожѣ: меньше по крайней мѣрѣ скандала будетъ.

Все утихаетъ. Егоръ Ивановичъ обводитъ взорами еще разъ всѣхъ, нѣкоторыхъ подвигаетъ впередъ, другихъ назадъ. Николай Абрамычъ споряется и пробѣгаетъ глазами по тетраджѣ, которую потому быстро владеть въ карманъ.

СЦЕНА II.

Двери растворяются. Женихъ ведетъ невесту подъ руку. За ними слѣдуютъ: Губернаторъ, въ черномъ фракѣ, съ звѣздой на груди; прокуроръ, директоръ гимназій; затѣмъ остальные гости: дамы въ бальныхъ платьяхъ, съ великолѣпными головными уборами, большею частію яркаго цвѣта; мужчины въ черныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ жилетахъ и такихъ же галстукахъ. Шествіе останавливается въ дверяхъ, чтобы принять приглащенную рѣчь, которую начинаетъ Николай Абрамычъ.

Николай Абрам. О зрѣлище невиданное! Что представляется очамъ нашимъ? Прекрасная, вѣнчанная чета! Воочию дѣйствія чудеса совершаются. Видимъ и удивляемся, слышимъ и недоумѣваемъ, ощущаемъ и не вѣримъ, чувствуемъ и не понимаемъ, думаемъ и разсудить не можемъ! Какое же понятіе изобразимъ мы? Есть ли слово, которое бы сіе выразило, есть ли голосъ, который бы въ состояніи былъ потрясти при семъ слухъ нашъ? Нѣтъ такового слова, нѣтъ такового голоса! Усугубимъ же наши чувства, удвоимъ рвеніе, напряжемъ умъ, изольемъ сердце, и въ простотѣ душевной воспріимъ радость дня сего! Воспріимъ чету сію, возговоримъ радостно, воспоемъ чинно и велегѣшно, и да покроетъ ослабѣвающій гласъ нашъ громъ торжествующей музыки! Живи и наслаждайся, благородная чета наша! Живи и процвѣтай, вѣнчанная чета наша; да уразумѣютъ всѣ безмятежное житіе твое, преисполненное радостей чистыхъ и якобы небесныхъ! И все сіе да внидетъ въ радость дома сего! Такжеже и мы всего сего приобщимся, радостію великою разыграемъ, силу твою возвеличимъ, милость воспріемлемъ, не якобы завистью влекомы, но въ чувствахъ своихъ соответствующе. И ты, женихъ, гряди яко солнце, и ты, жена, яко луна гряди, гряди и затмѣвай свѣтомъ велимъ, да сокроются во тьму козни обтрекаторовъ, и да возвеселится всякъ, ниже въ чувствахъ своихъ нынѣ благодатствуетъ. Се то, что убо сказалъ я, сказалъ отъ лица всѣхъ здѣ предстоящихъ, слову твоему внимающихъ, славу твою славящихъ, въ молчаніи глаголющихъ, съ законнымъ бракомъ купно поздравляющихъ! (Кланяется; нѣсколько минутъ продолжается общее молчаніе).

Егоръ Иван. (хватаясь за голову, говоритъ въ раздумьи). Хорошо! Чтожъ? Ничего не могу сказать противъ этого.

Одинъ изъ гостей. Егоръ Ивановичъ! какъ бы замять проповѣдь-то? Что-то неудобопонятно.

Егоръ Иван. (въ недоумѣнн). А что?

Женихъ (обращаясь къ оратору). Благодарю васъ, господа, благодарю всѣхъ, не столько за слова, сколько за искренность. (Разносять шампанское).

Егоръ Иван. (съ бокаломъ въ рукѣ). Вѣрь, другъ, никогда не пожелаемъ зла!

Николай Абрам. (къ женику). Я, Александръ Сергѣичъ, не ораторъ, никогда не былъ на этомъ поприщѣ. Но что сказалъ, то сказалъ отъ души.

Егоръ Иван. Немножко велерѣчиво, братъ. Оно хорошо, идетъ — я не спорю...

Николай Абрам. Нельзя, Егоръ Ивановичъ: слогъ торжественный, высокій. Притомъ же я избѣгалъ латинскихъ оборотовъ.

(Губернаторъ выдвигается впередъ, желая что-то сказать).

Егоръ Иван. Silence, господа! Его превосходительство желаетъ говорить.

Губернаторъ. Ну вотъ мы теперь пришли къ тому заключенію, котораго давно ожидали. Очень радъ. Затѣмъ, полагая, что всякая официальность тутъ не у мѣста, обращаюсь ко всѣмъ, съ желаніемъ, такъ сказать, добра и общаго блага. Надѣюсь, что обязанности наши отъ этого не только не остановятся, но при водвореніи такимъ образомъ еще большаго согласія и взаимности, примутъ надлежащій видъ и форму. Вотъ все, чего я желаю, и чего надѣюсь, о чемъ забочусь и что составляетъ единственную цѣль какъ насъ, такъ и всего государства, которому мы призваны служить. (Кланяется).

Прокуроръ. Не могу не сказать и я нѣсколько словъ какъ отъ себя собственно, такъ и отъ лица всего нашего сословія. Семейное счастье есть залогъ гражданскихъ добродѣтелей: на немъ зиждутся основные законы государства; цѣлые томы Свода законовъ уясненіемъ брачныхъ отношеній, изъ коихъ, какъ изъ нѣ-онтораго источника, вытекаетъ семейство; не говорю о значеніи самаго таинства. Я хочу сказать только то, какъ важно въ этихъ случаяхъ полное сочувствіе общества, котораго я не что иное какъ представитель.

(Кланяется.)

Директоръ гиннавиш. Отъ лица ученаго сословія осмѣливаюсь выразить это сочувствіе. Самый ходъ исторіи всегда велъ къ развитію семейныхъ отношеній: поэтому, выполняя идею брака, мы способствуемъ ходу исторіи.

(Кланяется.)

Предводитель дворянства. Будучи согласенъ со всѣми, я, какъ предводитель дворянства, прибавлю ко всему еще то, что въ этихъ случаяхъ преимущественно выражаются либеральныя начала нашего общества. Дай Богъ, чтобы это было такъ всегда и вездѣ!

(Кланяется.)

Егоръ Иван. (воодушевляясь). Отъ избытка сердца говорить уста! Позвольте и мнѣ сказать свое слово. Конечно, никто не будетъ спорить, что скандалъ есть скверная вещь; но отчего именно? Оставляя однако вопросъ этотъ въ сторонѣ, скажу одно: я въ настоящемъ случаѣ предупредилъ все, что только съ моей стороны было возможно!

(Кланяется.)

(Затѣмъ всѣ пьютъ здоровье жениха, который, держа подъ руку невѣсту, почтительно раскланивается.)

Алексѣй Иван. (протирая руки). Духъ радуется, когда видишь эдакіе торжественныя случаи. Вообще, много значитъ общество. Сколько пищи для ума; одни разговоры уже приводятъ въ волненіе.

Голосъ въ толпѣ. Хорошая вещь тоже именины.

Николай Абрам. (обращаясь къ Егору Ивановичу). Егоръ Ивановичъ! я бы желалъ сказать еще слова два.

Егоръ Иван. Пошелъ къ чорту! видишь, какія лица говорить.

(Гости между тѣмъ подходятъ къ молодымъ и, поздравляя, пьютъ шампанское. Затѣмъ всѣ чинно усаживаются; нѣсколько секундъ дится общее молчаніе. Разносятъ шokolадъ. Въ разговоръ вступаютъ важныя лица; прочіе хранятъ почтительное молчаніе.)

Прокуроръ (обращаясь къ губернатору). Теперь, ваше превосходительство, въ заключеніе какъ бы всего можно обратить вниманіе и на погоду. Никогда еще не было такихъ морозовъ, какъ сегодня. Особенно пріятно чувствовать въ такое время эти плоды цивилизаціи, это тепло и спокойствіе, какъ манрымъ въ вокругъ

тебя горять свѣчи, гремитъ музыка, шѣпчетъ такъ-сказать благоуханіе жизни.

Губернаторъ. Пріятно видѣть, въ самомъ дѣлѣ, какъ все это изобрѣтено, обдумано и предупреждено. Вотъ хоть сапоги (выставляетъ ногу)—вѣдь пустая вещь, а что бы вы стали дѣлать безъ нихъ въ такую погоду?

Прокуроръ. На-смерть можно было бы простудиться, ваше превосходительство.

Губернаторъ. Возьмите самые дома: какъ строятся и съ какими удобствами?

Прокуроръ. Изобрѣтательный умъ человѣческой, ваше п-во, похищаетъ въ этомъ случаѣ творческой огонь съ самаго неба. Мы же обильно пользуемся его плодами. Пусть,—говоримъ мы себѣ (нюхаетъ табакъ)—бушуетъ буря, пусть Англія воюетъ съ Франціей, пусть наконецъ рѣшается восточный вопросъ, о который ломаются государственныя головы—намъ до этого нѣтъ дѣла. Свое, внутреннее, мы еще, пожалуй, обсудимъ, да и то слегка эдакъ, какъ нибудь.

Предводитель. Нѣтъ, я съ этимъ не согласенъ. Внѣшняя политика, особенно когда вы сидите послѣ обѣда, въ своемъ кабинетѣ, съ сигарой въ рукѣ....

Прокуроръ. Не спорю: въ это время все хорошо; но какъ патриотъ въ душѣ, признаюсь: не люблю внѣшней политики, отрицаю ее, даже болѣе—презираю!

Губернаторъ (глубокомысленно). Каждый предметъ имѣетъ свою сторону: оберните его съ изнанки, вы никогда не увидите лица. Такова собственно и внѣшняя политика.

Огревининъ. Вотъ именно, в-е п-во: всего лучше мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, отдавать должное и внѣшней политикѣ, но въ то же время гнать отъ себя по возможности все слишкомъ серьезное и головоломное.

Прокуроръ (съ жаромъ). Чего терпѣть не могу, такъ серьезнаго! Потому-то я не люблю политики. Лучше всего, когда можно пересѣпать изъ пустаго въ порожнее,—и этой возможности, слава-богу, намъ не занимать стать. Въ жизни столько хлопотъ, я вамъ скажу,—что право, если бы мы стали разсуждать все о серьезномъ, то куда бы дѣвалось наше здоровье, отъ котораго зависитъ и богатство и счастье?...

Огревининъ. Сама истина, в. п-во, не сказала бы лучше. Цѣль человѣка — поддерживать здоровье, имѣти здоровьенъ и

гнать отъ себя эти глупыя современныя идеи, которыя разстроиваютъ желудокъ и мѣшаютъ пищеваренію. Будемъ жить легко, какъ говорить какой-то философъ: будемъ жить счастливо, не забывая, впрочемъ, благодарить Бога за то, что мы не ходимъ въ лаптяхъ, не забнемъ на морозѣ, а сидимъ спокойно въ кабинетѣ, когда на дворѣ злится вьюга и можетъ быть какой нибудь бѣднякъ дрогнетъ у забора и дремлетъ, ослабленный морозомъ и голодомъ, и смерть уже близка къ нему....

Прокуроръ. Все, все, дражайшій мой, только не говорите о смерти и вообще объ этихъ вещахъ, о которыхъ я не могу слышать равнодушно. Сами же вы говорите, что намъ далъ Богъ и богатство и счастье, а между тѣмъ толкуете о какомъ-то бѣднякѣ, который влябнетъ на морозѣ—какъ будто и въ самомъ дѣлѣ есть люди, которые принуждены забнуть на морозѣ!

Предводитель. Въ наше время этого слава-богу уже нѣтъ, в-е п-во. Это было развѣ въ старину, при Іоаниѣ Грозномъ. Разница только въ томъ, что мы спасаемся отъ холода шелкомъ и бархатомъ, между тѣмъ, какъ дѣйствительно,—я не спору,—есть люди, которые носятъ довольно простое, грубое сукно, рубля по три за аршинъ, напримѣръ.

Прокуроръ. Да чего лучше: возьмите простое солдатское сѣрое сукно, хоть и грубое,—а какъ оно грѣетъ, спрашивается?

Огрѣвининъ. Еще какъ грѣетъ-то, в-е п-во. Вы себя чувствуете, какъ дома. Я обыкновенно въ сильные морозы вѣлю покрывать лошадей этимъ сукномъ — и что всего удивительнѣе — никогда они не чувствуютъ холода. Когда я замѣтилъ это, то посоветовалъ и мужинамъ покупать себѣ это сукно на зиму,—и рѣшительно не понимаю, отчего они до сихъ поръ не дѣлаютъ этого.

Прокуроръ. Отчего! Конечно, грубый народъ, — не понимаетъ этихъ удобствъ нашей цивилизаціи. Онъ готовъ ѣсть какое-то толокно, между тѣмъ какъ ежегодно и въ такомъ громадномъ количествѣ сѣтся капуста, изъ которой всегда можно сдѣлать превосходныя щи, съ свѣжей адакой вкупой, знаете, говядиной,—тѣ самыя, говорю, щи, которые обыкновенно распространены въ низшемъ кругу.

Губернаторъ (встаетъ). Полно тебѣ, старикъ, либеральничать-то: вѣдь съ тобой говорить опасно, подь судъ пожалуй отдадутъ. Иди-ка, распорядись на счетъ пульки.

Огрѣвининъ (встаетъ). Истинно правда, в-е п-во! Всѣ эти вопросы и разговоры хороши конечно, а какъ пойдѣмъ козырять,

такъ оно сильнѣй за сердце—то хватить. (Къ директору). Вотъ небось и ученый тоже скажетъ.

Директоръ гимназiи (встаетъ). Что говориты! Въ нашей ученой жизни только и свѣту видишь, когда козыряешь.

Огребининъ (къ атакъ). Ну, милый мой! Карьера ваша обезпечена. Вы найдете во мнѣ и друга, и отца, и хорошаго начальника, который, повѣрьте, не захочетъ манкировать, въ случаѣ если будетъ предстоять вамъ мѣсто или чинъ: все это мы сдѣлаемъ. Отъ васъ же я не требую многого: уважайте меня, старика, любите дочь мою, да поменьше занимайтесь вашими книгами, а напротивъ, больше вникайте въ жизнь, и, научаясь уважать старшихъ, сами привыкайте къ власти и ведите за собой другихъ точно также, какъ сами безпрекословно идете да нами. Я самъ всегда преслѣдовалъ истину, но не ту, которую вы читаете въ книгахъ, а прямую, практическую. Книги, повѣрьте, не дадутъ ничего: онѣ поведутъ васъ ложнымъ путемъ, внушатъ вамъ странныя понятiя, которыхъ не одобрю ни я, ни вашъ новый и близкiй родственникъ, всѣми уважаемый начальникъ нашей губернии. Въстѣ съ книгами оставьте и нѣкоторыя идеи, а займитесь лучше отечественными законами, которые при вашей службѣ необходимы.

Чирибеева. Я увѣрена, папа, что Александръ понялъ теперь, что значатъ эти книги. Я уже ему сколько разъ толковала, что при нашемъ положенiи и связяхъ странно было бы заниматься все чтенiемъ.

Огребининъ. Такъ, такъ, душка: и еще потолкуй ему. (Беретъ ее за подбородокъ). Государственная ты голова у меня, ей-богу! Да вотъ скоро, Богъ дастъ, старикъ умретъ — прокуроршей будешь у меня, дѣла съ тобой рѣшать будемъ, а? Подписывать будемъ, а? Хочешь подписывать? Дай же мнѣ ручку поцаловать твою. (Цалуетъ руку у дочери и уходитъ).

Чирибеева (мужу). Вотъ, Александръ, я тебѣ говорила, что папа не любитъ книгъ. И онъ правъ. Ученость хороша въ низшемъ классѣ, при бѣдности; она доставитъ хлѣбъ, пропитанiе; но можно ли объ этомъ думать намъ, поставленнымъ такъ высоко? Папа вообще не любитъ ничего подобнаго. Онъ никогда не читаетъ, и ты съ нимъ не говори о книгахъ: онъ сердится всегда. У папа вообще свѣтлѣй взглядъ на вещи.

Чирибеева. Оно такъ, — я, пожалуй, согласенъ....

Чирибеева. Да иначе какъ же? Намъ надо думать не о

чтении, а не томъ, какъ бы упрочить свою карьеру. Вотъ, маэри-мъръ, папа говорилъ, что на твоёмъ мѣстѣ не стоить служить. Есть мѣста, гдѣ получаютъ, считая все, всякую мелочь, даже жалованье, — тысячъ до двадцати пяти.

ЧИРИБЕЕВЪ. Получаютъ, это правда; но только это будетъ уже взятка.

ЧИРИБЕЕВА (съ некоторой горячностью). Fi, donc! Какъ можно такъ выражаться, Александръ Сергѣичъ? Взятки берутъ только чиновники, этотъ mauvais-genre съ ясными пуговицами... Тутъ не взятки, а просто, какъ говорятъ, виды, благодарность мако-нецъ, признательность. Это не взятки, милый!

ЧИРИБЕЕВЪ. Да, это конечно такъ, и я почти согласенъ; но вѣдь убѣжденія, другъ, страдаютъ отъ этого.

ЧИРИБЕЕВА. Опять, опять тоже, Александръ! Я думала, ты совсѣмъ исправился. Простительно еще имѣть это упорство, которое вы называете убѣжденіями, тому, кто не знаетъ жизни, не знаетъ, какъ и на чемъ держатся всѣ эти отношенія; но намъ, поставленнымъ такъ высоко, странно было бы идти наравнѣ съ толпой и манкировать связями для какихъ-то убѣжденій.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну да! это, положимъ, такъ: я не спорю. Но вотъ что: я желалъ бы все-таки, чтобы честность, по возможности, была сохранена всегда и вездѣ.

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, Александръ! Ты все, кажется, думаешь, что мы простые сапожники или учителя, у которыхъ свой взглядъ на жизнь.

ЧИРИБЕЕВЪ. Что жъ! Взглядъ правильный, честный.

ЧИРИБЕЕВА. Опять, милый, ты рассуждаешь какъ дитя, и, признаюсь, мнѣ даже нравится твоя наивность; но пойми, что мы не такъ поставлены, чтобы вѣчно думать о какой-то ребяческой честности, объ убѣжденіяхъ и тому подобныя вещахъ, свойственныхъ бѣдному классу людей.

ЧИРИБЕЕВЪ. Это такъ, что говорить, — но...

ЧИРИБЕЕВА. Полноте, оставьте ваше вѣчное но...

ЧИРИБЕЕВЪ. Другъ мой, я вѣдь ничего не говорю такого и вовсе не хочу спорить съ тобой.

ЧИРИБЕЕВА (ласково). Отчего же спорить, Александръ! Спорить и рассуждать никогда не мѣшаетъ, и даже хорошо, если мы будемъ говорить иногда объ этихъ вещахъ, — но помни: только говорить! Ты самъ понимаешь, я думаю, что слова не должны никогда согласоваться съ дѣломъ, иначе въ жизни пойдетъ такая

путаница, что ужасно. Я сама иногда не прочь поговорить о честности и вообще объ этих вещахъ, до которыхъ, я замѣчаю, ты большой охотникъ, и ты иногда не узнаешь меня совершенно: это смотря по тому, съ кѣмъ я говорю; въ этомъ, милый, и искусство — умѣть замаскировать себя такъ, чтобы всѣ и всегда ошибались и не знали, что у человѣка на душѣ: вотъ, Александръ, единственное качество, которое я цѣню. Ты поймешь это, Александръ, когда ближе войдешь въ нашъ кругъ и увидишь, что тутъ необходимо прятать подальше — подальше все, что есть на душѣ, думать одно — говорить другое, показывать себя такъ — дѣйствовать иначе, ласкать и въ то же время давить, давить, давить, если собственные интересы требуютъ этого. Пойдемъ же теперь къ гостямъ, а что касается до этихъ вещей, те я буду просить Бога, чтобъ онъ вразумилъ тебя и указалъ настоящій путь, по которому мы оба должны идти. Идемъ!

ЧИРИБЕЕВЪ. Оно, пожалуй, идемъ, да все какъ-то странно мнѣ это.... Можетъ быть оттого, что я не такъ ясно понимаю это, какъ ты.

ЧИРИБЕЕВА. Нельзя вдругъ, Александръ! Поговоримъ объ этомъ еще когда нибудь.

ЧИРИБЕЕВЪ (идя направо въ гостиную съ женой). Вотъ развѣ еще когда поговоримъ, оно можетъ быть уяснится.

(Уходить).

СЦЕНА II.

Та же комната.

Егоръ Ивановичъ (одинъ). Отчего, говорить, ты не служишь? Станный вопросъ! Это все равно, какъ если бы кто спросилъ у меня, отчего я не губернаторъ? Зачѣмъ же бы мнѣ и распоряжаться на свадьбѣ, и хлопотать, и устроить, какъ не для того, чтобы отчасти выдвинуться, а при случаѣ получить и мѣсто. Вѣдь Чирибеевъ имѣетъ вліяніе. А хорошо, чертъ возьми, получить бы мѣсто, но какое? Вотъ въ гражданскую палату забраться, а? въ секретари бы къ Чирибееву, а? Рай, говорятъ, настоящій. Сколько угодно бери — и правда! Я зналъ одного секретаря, на видъ пререлигіозный человѣкъ, каналья: каждое первое число у него коленень въ домъ — ха! если бы всѣ были

такіе. Но какъ грабить, какъ грабить! — это просто разбойникъ, котораго мало поговѣять! Вообще вѣдь эти секретари умѣютъ себя поставить. Гмъ! Да и я не уронилъ бы себя. Положимъ, у меня есть нѣкоторые убѣжденія, маленькія, положимъ, нравственные начала эдакія, — ну да чертъ ихъ возьми! Убѣжденія можно и сохранить на всякій случай, но въ то же время и не быть такимъ дуракомъ, чтобы отказаться отъ взятки тысячъ въ пять. А въ гражданской палатѣ именно такъ. Тамъ ужасно хорошо на счетъ этого. На первый разъ, конечно, будетъ дико, но все дѣло въ томъ, чтобы уяснить себѣ идею. А идея совершенно пустая: вотъ я, положимъ, честный человекъ, и, положимъ, сижу, напримѣръ, и думаю даже о честности; ну, разумѣется, говорю, сижу и думаю объ эдакой честности, и вдругъ приходитъ человекъ и говоритъ мнѣ: вотъ, говоритъ, пять тысячъ! Ну я, разумѣется, какъ честный человекъ, опять, повторю, какъ честный человекъ, — нѣсколько конфужусь, а между тѣмъ вижу пять тысячъ, и вижу, говорю, ровно пять тысячъ.... Что жъ такое, думаю? Добро и зло вещи совершенно относительныя, думаю. А въ глазахъ туманъ эдакій сладкій и мысли все хорошія. Квартира, пара сѣрыхъ, коляска, чортъ возьми! паркетъ и залы съ люстрами, и каминны, и статуй, и зеркала подъ мотолокъ, и прислуга въ ливреѣ, и жена, наконецъ, такая хорошенькая, въ шелковомъ платьѣ, ходитъ по комнатѣ и шумитъ эдакъ — шу-шу-шу, и самъ я, наконецъ, такой важный, кричу на всѣхъ, чуть мало-мальски не такъ — въ рыло.... Вотъ я и начинаю думать: честность, честность, думаю — хорошо, конечно, остаться честнымъ; но съ другой стороны, говорю.... Тутъ я опять начинаю думать. Убѣжденія.... хе! Превосходно имѣть убѣжденія; но что это — вещь какая, которая валется на полу и которую можно поднять и взять въ руки? а? Гмъ! Это вещь, кажется, совершенно невидимая.... Да наконецъ, нарушаются ли они отъ какого нибудь разу — нарушаются ли они отъ того, что я возьму десять тысячъ и ужъ послѣ не буду брать ни копѣйки? Да наконецъ, можно и на церковь пожертвовать.... Что жъ? И опять, и опять все думаю. А хорошо, говорю, и не взять. Прекрасно, говорю, не взять. Превосходно, говорю, не взять. Но съ другой стороны.... Тутъ я опять и уже окончательно начинаю думать. Взять или не взять? быть или не быть? И представляю я себѣ какъ будто уже взялъ. Ну? Чувствую ли мученія совѣсти — а? Егоръ Ивановичъ, чувствуешь ли мученія совѣсти? а? Взялъ,

взялъ, взялъ. Кто взялъ? Егоръ Ивановичъ взялъ. Сколько? Десять тысячъ взялъ. Подлецъ, стало быть, Егоръ Ивановичъ, а? Нѣтъ. Егоръ Ивановичъ все также идетъ по улицѣ и никто не кричитъ ему, что онъ подлецъ. Встрѣчаюсь съ тѣмъ, съ другимъ; и начинаю наблюдать, не скажетъ ли, не думаетъ ли онъ по крайней мѣрѣ, что я подлецъ?—Здравствуйте, говорю. Вотъ, вотъ, думаю, сейчасъ скажетъ подлеца.—«А, говоритъ, почтеннѣйшій, любезнѣйшій Егоръ Ивановичъ.»—Ну, думаю, кончено! Сейчасъ скажетъ подлеца.—«Сколько, говоритъ, Егоръ Ивановичъ, изволили заплатить за свою коляску?» Хе, думаю: вотъ ужъ и намекаетъ. На какія, дескать, деньги я купилъ? Бить я его готовъ уже, каналью, и сейчасъ же съ него содралъ бы столько же, потому что въ злости человѣкъ самъ собою не владѣетъ и не виноватъ: что угодно деретъ и что угодно сдѣлаетъ. Говори же, думаю, дорѣзываетъ. И представляется уже мнѣ, что пальцемъ на меня указываютъ и кричатъ: «подлецъ, подлецъ! Воръ и взяточникъ!» Коли такъ, думаю, нечего и говорить. Я вамъ докажу, что я дѣйствительно взяточникъ, и является у меня страшное желаніе уже не брать, а грабить, грабить, грабить! Жду! Что жъ? Или нѣтъ ни одного честнаго человѣка, который бы сказалъ мнѣ подлеца? Нѣтъ, стало быть, такого подлеца? а? Кричите же, кричите: вѣдь я воръ, взяточникъ, вѣдь я иду по улицѣ, съ вами же вмѣстѣ иду и завтра же ограблю васъ, сниму послѣднюю рубашку съ васъ, а вы мнѣ кланяетесь и подаете еще руку, канальи! Хе! Что же и думать послѣ этого! Дай только мнѣ мѣсто, и я такъ начну воровать, такъ начну воровать, что либо ужъ милліонеромъ сдѣлаюсь и въ большіе князья попаду, либо пойду въ Сибирь, и по крайней мѣрѣ прославлюсь: вотъ, скажутъ, человѣкъ пострадалъ за правду, пошелъ въ Сибирь.... Нѣтъ, чертъ возьми! Я достану себѣ мѣсто во что бы то ни стало.

СЦЕНА III.

Другая комната въ томъ же домѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чиряевъ и жена его.

Чиряевъ. Вообще: если я не соглашаюсь иногда, то не

причинай это за что-нибудь особенное: это просто, такъ, безъ нѣди, какъ говорится.

ЧИРИБЕЕВА. Еще бы, милый! Я знаю, что ты хорошо понимаешь вещи.

ЧИРИБЕЕВЪ. Вотъ, именно. Это единственная причина всему. Корень, такъ сказать, и основаніе.

ЧИРИБЕЕВА. Разумѣется. Слушай же: первый пунктъ намъ долженъ быть въ тетупки, клягивы. Надо тебѣ знать, что если она умретъ, то мы получимъ огромное наследство: много-много тысячъ. За ней надо вообще ухаживать. Для этого, конечно, придется иногда дѣлать не совсѣмъ пріятныя вещи, но иначе, милый, согласишься — нельзя.

ЧИРИБЕЕВЪ. Видишь ли что: я бы, пожелай, и не согласился, но такъ какъ ты говоришь нельзя... Стой, впрочемъ! Долго ли за ней придется ухаживать?

ЧИРИБЕЕВА. О, тетупка много проживетъ годъ или два.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну въ такомъ случаѣ я больше чѣмъ согласенъ. Говори дальше, что тамъ еще есть.

ЧИРИБЕЕВА. А еще вотъ что: наследство это, надо тебѣ сказать, очень спорное, но папа въ этомъ случаѣ надеется на свои связи... Во-первыхъ, губернаторъ мнѣ дядя.

ЧИРИБЕЕВЪ. Стой! И мнѣ стало быть дядя?

ЧИРИБЕЕВА. Разумѣется. Слушай же дальше: папа и хочетъ теперь чаще приглашать губернатора, потому что скоро долженъ будетъ начаться процессъ. Тутъ и другіе интересы: папа говоритъ, напримѣръ, что онъ выхлопочетъ тебѣ орденъ. Это все будетъ зависеть оттого, какъ ты себя поставишь у папы, а также и у губернатора. Въдъ ты, конечно, сумѣешь себя поставить? Можетъ быть это и трудно будетъ сначала, придется не всегда дѣлать то, что нравится, — но съ другой стороны, милый, иначе нельзя. Иначе, милый, мы много проигрываемъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. А проигрывать, какъ извѣстно, не должно. Такъ, ей-богу, такъ. Другой, можетъ быть, и не согласился бы; я же, повторяю, согласенъ и согласенъ.

ЧИРИБЕЕВА. Да и нельзя, милый, не согласиться.

ЧИРИБЕЕВЪ. Именно, повторяю. Пусть не согласится кто другой, — Александръ Чирибеевъ всегда будетъ понимать вещи просто и ясно. Дальше!

ЧИРИБЕЕВА. Дальше вотъ что: какъ ты думаешь о своемъ чинѣ? Хорошъ онъ или нѣтъ?

Чирибеевъ (въ недоумѣнн). Какъ ты стало быть непремѣнно хочешь, чтобъ я тебѣ отвѣтилъ на это? Стало быть ждешь этого?

Чирибеева. Разумѣется.

Чирибеевъ. Слушай же: увѣрена ли ты въ томъ, что его легко перемѣнить?

Чирибеева. О, пустыни! рѣшительно пустыни! Папѣ стоитъ только написать въ Петербургъ, и тотчасъ же вышлютъ. Онъ бы самъ поѣхалъ, да мы дожидаемся смерти тетушки!

Чирибеевъ. Въ такомъ случаѣ скажу одно: папа твой превосходный человекъ, какого еще не было на свѣтѣ.

Чирибеева. Папа? Еще бы! Онъ бы самъ теперь непремѣнно шѣлъ мѣсто въ Петербургѣ, да вотъ это только обетательство задерживаетъ. Ты вѣдь его еще не знаешь хорошо: онъ такой искательный. Вотъ теперь у губернатора: каждый день почти!

Чирибеевъ. Я такъ и зналъ. Неужели каждый день? Я бы отъ тебя именно хотѣлъ это слышать.

Чирибеева. Положительно. Кто раньше всѣхъ прѣзжаетъ съ визитомъ?—папа. Кто первый поздравляетъ съ праздникомъ?—папа. Кто никогда ничего не говоритъ и соглашается со всѣми?—папа. Вѣдь если корошечко винкнуть, Александръ, то это рѣшительно талантъ, за который остается только благодарить Бога.

Чирибеевъ. Именно! Со всѣми можно спорить, только съ этимъ нельзя. И онъ всегда и во всемъ такъ?

Чирибеева. А какъ же иначе, Александръ? Вообще я тебѣ совѣтую заискивать у папа; и съ нимъ притомъ легко сойтись: онъ любить только, чтобъ съ нимъ соглашались, и онъ такой добрый — папа! Я его хорошо знаю. Вотъ если ужъ ты хочешь почерпать хорошия примѣры, то бери съ него! Милый папа! А какъ онъ ласковъ со мной, если бы ты зналъ! (Задумывается). Не правда ли, Александръ, вѣдь добрый человекъ папа?

Чирибеевъ. Если ужъ ты хочешь непремѣнно знать мои мысли насчетъ этого, то скажу одно: именно я думаю, что онъ добрый человекъ. Пусть кто угодно говоритъ иначе — Александръ Чирибеевъ останется при своемъ мнѣнн.

Чирибеева. И онъ не проиграетъ отъ этого. Я увѣрена заранее, что папа полюбитъ тебя, а ужъ кого папа полюбитъ, тому хорошо. Только вотъ что, милый: онъ говорилъ, что у тебя зна-

какое какое-то странное, вотъ, напримеръ, какой-то Егоръ Ивановичъ... Есть такой?

ЧИРИБЕЕВЪ. Есть. Но что подь этигь разумѣть? Вообще ты этой струны не касайся: тутъ все мои старинные прѣтели и товарищи.

ЧИРИБЕЕВА. Конечно имъ нельзя вдругъ отказать, но ты все-таки согласишься съ тѣмъ, что ты вступаешь совершенно въ другой кругъ теперь.

ЧИРИБЕЕВЪ. Это именно то, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

ЧИРИБЕЕВА. Тѣмъ болѣе слѣдовательно нельзя быть постоянно съ Егоръ Ивановичемъ, у котораго ни манеръ, ни умѣнья держать себя. Папа еще говорилъ, что онъ на тебя имѣеть большое вліяніе....

ЧИРИБЕЕВЪ. Кто?

ЧИРИБЕЕВА. Да этотъ господинъ Егоръ Ивановичъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Увѣряю тебя, предобрѣйшій человекъ.

ЧИРИБЕЕВА. Что, милый, въ наше время доброта? Это такое качество, которое еще можно допустить въ такъ-называемомъ среднемъ кругу. Вотъ если бы мы съ тобой были сапожниками — это другое дѣло.... Я, впрочемъ, увѣрена, что все это устроится современемъ. Да скажи, пожалуйста, кто это говорилъ спичъ? Я совсѣмъ сгорѣла отъ стыда и папа все время кусалъ губы, пока онъ говорилъ. Богъ знаетъ что за языкъ, какія выраженія! *Grâce à Dieu*, что всѣ были заняты и не обратили на это особеннаго вниманія. Неужели это все твои университетскіе товарищи?

ЧИРИБЕЕВЪ. Большая часть—да! Но въ послѣднемъ случаѣ я не виноватъ нисколько. Это распорядился Егоръ Ивановичъ.

ЧИРИБЕЕВА. *Fi, donc!* Опять Егоръ Ивановичъ! Согласись послѣ этого, что онъ не совсѣмъ хорошій человекъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Я пожалуй и соглашусь, другъ мой.

ЧИРИБЕЕВА. Но я требую, Александръ, чтобы ты согласился!

ЧИРИБЕЕВЪ. И это твое искреннее требованіе? Изволь: я согласенъ; но только потому, что ты требуешь этого.

ЧИРИБЕЕВА. Я не требую ничего дурнаго, Александръ. Прошу только объ одномъ: спрячь куда нибудь этого Егоръ Ивановича: я боюсь, чтобъ онъ не надѣлалъ скандала. Я вообще вижу,

мильй, что ты еще неопытенъ, слишкомъ доверчивъ: это не надо такъ. Вѣдь это не надо такъ?

ЧИРИБЕЕВЪ (рѣзкимъ тономъ). Еще бы это надо! Совершенно надо иначе: вотъ я какъ думаю!

ЧИРИБЕЕВА. Молодецъ! Я увѣрена, что мы съ папа сдѣлаемъ изъ тебя джентльмена.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ты увѣрена? Я бы хотѣлъ, чтобы ты действительно была увѣрена!

ЧИРИБЕЕВА. Конечно увѣрена. Посмотри, какой ты ловкій у меня?

ЧИРИБЕЕВЪ. Руку, душка! Если ты это находишь, то мнѣ, клянусь Богомъ, пріятно.

ЧИРИБЕЕВА. Кстати, Александръ, чтобы не забыть: скажи пожалуйста этимъ своимъ товарищамъ, если ужъ ты ихъ называешь такъ, чтобы отнюдь не курили сегодня въ комнатахъ, или отведи имъ кабинетъ. Я даже сейчасъ же распоряжусь, чтобы имъ поставили туда вина и чтобы они уже не выходили изъ кабинета. (Хочетъ идти, но останавливается и говоритъ скоро). Но ты, конечно, даешь мнѣ слово оставить съ ними знакомство впослѣдствіи?

ЧИРИБЕЕВЪ. А ты стало быть непременно хочешь этого?

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, да! знаешь ли? Тебѣ хотѣли къ нынѣшнему дню дать Станислава, — папа говорилъ въ петлицу, но я упросила его, чтобы на шею. Вотъ, душка, какъ я о тебѣ забочусь. Я сейчасъ узнаю, можетъ быть есть уже распоряженіе и ты сегодня же получишь. Но ты даешь вѣдь слово — да? Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы тебя видѣть съ орденомъ! Ты вѣдь еще не знаешь, какая карьера предстоить тебѣ въ будущемъ! Богатство, чины, ордена — все, чѣмъ только ни пользуются другіе, ты будешь имѣть съ избыткомъ. Но для этого надо не компрометировать себя знакомствами, держать себя гордо и вдали отъ всего, что несогласно съ нашими личными интересами: вотъ тогда будетъ счастье въ полномъ смыслѣ этого слова! Товарищи, повѣрь, ничего не дадутъ тебѣ, и я, клянусь Богомъ, выгнала бы ихъ всѣхъ сегодня же, если бы это было хоть скольконибудь прилично. Я увѣрена впрочемъ, что ты самъ не прочь бы это сдѣлать, да?

ЧИРИБЕЕВЪ. Неужели ты хочешь, чтобы я и на это согласился?

ЧИРИВКЕВА. Ну да, положимъ, что я хотѣла бы этого? Ну?

ЧИРИВКЕВЪ (въ раздумьи). Ну, ей-богу жь, ты странная по-слѣ этого.

ЧИРИВКЕВА. Не бойся впрочемъ, Александръ! Я не принуждаю тебя къ этому. Не хочешь ты получить Станислава, скажи откровенно?

ЧИРИВКЕВЪ. Хочу, душка, ей-богу хочу!

ЧИРИВКЕВА. Такъ подумай же хорошенько обо всемъ, что я тебѣ говорила, а я покамѣстъ пойду распоряджусь нѣсколько съ твоими пріятелями.

ЧИРИВКЕВЪ. Но только, душка, пожалуйста, объ одномъ прошу: не гони ихъ вонъ. Ради Христа не гони!

ЧИРИВКЕВА. Нѣтъ, нѣтъ! Не бойся. Для этого будетъ другое время.

(Уходитъ).

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕЙСТВІЕ.

ЧИРИВКЕВЪ (одинъ). Вотъ крутой характеръ у жены моей! Не найди коса на камень, не будь я съ своей стороны такъ же твердъ и рѣшительнъ, она непременно выгнала бы ихъ вонъ. А дѣйствительно, негодный народъ, если разсудить. Она правду говорила. Но чертъ возьми однако, какая карьера мнѣ предстоитъ! Вотъ о чемъ подумать надо, а не о пріятеляхъ. Да и что за пріятели, собственно говоря! Станислава надо получить, вотъ что! Въ петлицѣ не стѣбитъ; что жь? получимъ на шею: оно и красиво и эффектно. Черный фракъ, жилетъ, и вдругъ на бѣлой-бѣлой какъ снѣгъ манжикъ эдакій крестикъ, маленькій-крошотный крестикъ, душка крестикъ.... Положимъ, въ Петербургѣ это ничего не значить: но здѣсь? О, это ужь не то. Въ провинціи совсѣмъ не то. Первый же Егоръ Иванычъ завопитъ: «слышали, слышали, скажете, вѣдь Станислава получили? Дуракъ-то нашъ, а?» (Онъ меня всегда въ шутку такъ называетъ). — «Правда ли?» — На шею, увѣряю васъ. — «А, скажутъ, какъ молодъ и какъ пошелъ! Вотъ, говорится, кому судьба....» А я какъ разъ и тутъ. Вхожу, равняется, кланяюсь — крестикъ, равняется, тутъ; но мнѣ что жь? Я какъ будто ничего не замѣчаю, не новость для меня! Сажусь, начинаю о погодѣ, о томъ, о другомъ, поднимаю политическіе

вопросы, вотъ совершенно какъ всегда, вынимаю даже платокъ, сморкаюсь, все однимъ словомъ по прежнему, а крестикъ-то виситъ, виситъ, злодѣй... А я думаю себѣ: «умница, душенька! виси, виси...» «А, говорятъ, вотъ молодецъ! (Задумывается и вдругъ вскакиваетъ) Честъ имѣю поздравить, Александръ Сергѣичъ!»—Что, говорю: съ чѣмъ?—«Монаршую милость изволили получить».—Какую, когда? Все какъ будто не понимаю. — «А крестикъ-то, сударь, гдѣ изволили поддѣть?»—А, скажу, я думалъ, ну и прочее.... Только бы получить, чортъ возьми: спать буду въ немъ! (Задумывается). Ну и чинъ, разумѣется, надо будетъ переимѣнить. (Задумывается). Всѣ такъ принимаютъ: «давно, давно васъ не видать, Александръ Сергѣичъ!» — «Дѣла», говорю, и при этомъ сажусь: небрежная поза, полуопущенные взоры.—Что за погода, говорю, сегодня! Сейчасъ только отъ губернатора. А крестикъ-то, виситъ, виситъ, злодѣй... Тутъ кстати, напримѣръ, Егоръ Ивановичъ. Что, говорю: какъ?—«Очень вамъ благодаренъ, ваше превосходительство».... Ваше превосходительство! О, чортъ возьми, даже духъ захватываетъ, когда представишь себя превосходительствомъ!—«Какъ ваше здоровье, ваше превосходительство? Сегодня, ваше превосходительство, въ театрѣ что-то новое. Ваше превосходительство, не изволили получать послѣдняго номера «Искры?» Хе! то есть рай, ей-богу. Лакей, напримѣръ, въ передней, большой эдакій, басомъ (поддѣлываясь подъ голосъ лакея): «его превосходительство увѣхали-съ. Будутъ черезъ часъ. Какъ прикажете доложить?»—«Скажи: князь такой-то!»—«Слушаю, ваше сіятельство!» И ко всему этому двѣ звѣзды! На черномъ фракѣ особенно эффектно. (Задумывается). Да и самая жизнь уже не та! Такъ много занять, весь день въ кабинетѣ; тутъ доклады, государственные интересы, соображенія эдакія высшія, иногда даже распеканція: «вы, милостивый государь, манкируете своими обязанностями. Я бы не желалъ этого. Понимаете? Я бы, нехотѣю, не желалъ этого. Ступайте!» (Дѣлаетъ жестъ, какъ бы указывая на дверь) Или такъ: «кажется, это надо было вчера слѣвать? Совѣтую быть исполнительнѣе. Ступайте!» (Тотъ же жестъ) Вообще весь день въ дѣлахъ, въ занятіяхъ; вечеромъ свой кружокъ, балъ, музыка. Я, напримѣръ, вхожу: тутъ кругомъ звѣзды, ордена, сіяніе. Обращаюсь къ тому, къ другому.—«Что, говорю, все заняты? Пора посвятить себя обществу. Мы такъ рѣдко видимъ ваше сіятельство!» (Вдругъ и особенно одушевляясь) Вѣдь вотъ, собственно говоря, если вникнуть глубоко: тотъ же бастія, Егоръ

Иванычъ, подойдетъ тогда и скажетъ: «ваше, моги, превосходительство!» А вѣдь теперь нѣтъ. Вонъ онъ, каналья! (Мысленно обращаясь къ Егоръ Иванычу, котораго онъ видитъ черезъ дверь въ другой комнатѣ) Душка! Егоръ Иванычъ! Назови теперь хоть ради шутки! По крайней мѣрѣ утѣшишь меня ради такого дня! (Егоръ Иванычъ остается въ томъ же положеніи; Чирибеевъ, махнувъ рукой, продолжаетъ) Нѣтъ! Хоть ты ему лобъ взрѣжь. Мечты! — Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость? говорить какой-то стихотворецъ.

(Попуриаетъ голову и задумывается).

ЯВЛЕНІЕ III.

Подходятъ къ Чирибееву, одинъ за другимъ: Директоръ гимназій, Предводитель и наконецъ Прокуроръ.

Директоръ (женки). Что, Александръ Сергѣичъ, все мечтаете?

Чирибеевъ. Нельзя! Жизнь такъ сложна съ своими интересами, что поневолѣ задумаешься.

Директоръ. О, разумѣется. Особенно если обнять ее въ мировомъ теченіи, въ исторіи такъ сказать....

Предводитель (подходя). Что жъ вы насъ оставили, Александръ Сергѣичъ? Все думаете.

Чирибеевъ. Какъ же иначе, ваше превосходительство? При всѣхъ своихъ требованіяхъ, жизнь имѣетъ столько сложности, что надо удивляться, какъ мы еще выносимъ это.

Прокуроръ (входя). Что выносимъ? что такое? о чемъ вздыхаете?

Чирибеевъ. Мы разсуждаемъ, ваше превосходительство, о томъ, сколько сложности въ этой жизни, сколько запутанности въ ея отношеніяхъ....

Прокуроръ. О, все пустяки. Смотрите проще! Все будетъ: и богатство, и чины, и счастье. Слава Богу, не въ средніе вѣка живемъ: инквизиціи нѣтъ! Ужъ что бы я ни сдѣлалъ, хоть бы всю казну обворовалъ, а все увѣренъ, что не повѣсятъ! И пріятно! И вотъ, слава-богу, до сихъ поръ живъ и здоровъ, и все благодаря этому взгляду на жизнь. Я, признаюсь, никогда не задумывался, и увѣрю васъ: гораздо лучше! Вотъ теперь прокуроръ: чего жъ мнѣ еще? Подписывай знай себѣ.... И слава-богу!

Предводитель. Не всѣмъ такъ легко дается.

ПРОКУРОРЪ. Да, можетъ быть—только на Западѣ, Сергѣй Трофимычъ, а не у насъ. Здѣсь не то требуется. Да! (вздыхаетъ съ азартомъ, нюхая въ тоже время табакъ). Да вотъ какъ: вамъ чины нужны: дадимъ! У насъ, слава-богу, ихъ 14 классовъ. Орденовъ надо? Изволь. Все это отъ насъ зависить. Ужъ я не говорю о деньгахъ.... Сьумѣешь себя поставить—тысячи ни по чемъ! Бери! Все прикроемъ, ничему ходу не дадимъ, всякую дрянъ въ люди выведемъ и на высшую такъ—сказать степень поставимъ! (Обращаясь къ предводителю, съ немовѣрнымъ азартомъ). Что? Законы, хотите вы сказать? Фю! (Свищетъ вверхъ, потомъ качаетъ головой и говоритъ нѣсколько на распѣвъ):

Пѣла птичка пташечка

Да замолкла:

Засыпали горлышко

Золотыя деньги!

(Всѣ хохочутъ.)

ЧИРИБЕЕВЪ. Вашему п-ву такъ хорошо извѣстны всѣ эти отношенія....

ПРОКУРОРЪ. Дай Богъ, чтобъ они сохранились, а то насъ не смутятъ никакія эмансипаціи. Слава-богу, мы утвердились въ правилахъ, приобрѣли опытность, и не строили никогда зданія на пескѣ. Мы сьумѣемъ сдѣлать все, и никакія бури не поколеблютъ, такъ сказать, подножія ногъ нашихъ! Пусть надрываются либералы, издаются газеты, проповѣдуется гласность, затѣваются всякія эмансипаціи—все это не коснется насъ! Все пройдетъ мимо и скорѣе рухнетъ міръ, чѣмъ погибнетъ единая іота (къ предводителю съ страшнымъ азартомъ). Что, вы и тутъ не согласны? Нѣтъ, лучше уйти отъ васъ и отъ вашихъ теорій.

(Махнувъ рукою, уходитъ.)

(За прокуроромъ вскорѣ, постоявъ немного, уходитъ предводитель, махнувши тоже рукою. Остается директоръ, который нюхаетъ табакъ, предлагая также Чирибееву.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЧИРИБЕЕВЪ, Директоръ гимназій, вскорѣ за тѣмъ: Советникъ казенной палаты, Засѣдатель гражданской палаты, Секретарь дворянскаго собранія и вѣкторые другіе.

ЧИРИБЕЕВЪ (директору). Что, Сергѣй Степанычъ, какъ?

— Директоръ. Да все на васъ смотрю, Александръ Сергѣичъ. Какая широкая дорога открывается вамъ! Вы, такъ сказать, прощѣтете теперь подъ сѣнью его п-ва, начальника губерніи.

Совѣтникъ казенной палаты (подходить къ Чирибееву съ бокаломъ въ рукѣ). Смѣю еще разъ выразить свое удовольствіе и засвидѣтельствовать живѣйшую мою признательность, которая, такъ сказать, всегда не умретъ.

Чирибеевъ (жметъ руки директору и совѣтнику). Благодарю васъ, благодарю за все: за ваши желанія, за вашу память.... Надѣюсь, вы понимаете меня. Мой долгъ теперь помогать друзьямъ, возвышать ихъ личность....

Директоръ (клянется). Наша же обязанность желать вамъ всего, что только можетъ пожелать чистое искреннее сердце и умъ, свободный отъ предзанятыхъ теорій.

Чирибеевъ. Именно, именно. Къ чему тутъ теоріи? Никогда въ жизни я не предавался имъ. Я не зналъ теорій, но за то цѣнилъ людей, и сердце мое было открыто для всѣхъ и каждаго.

Директоръ. Было такъ-сказать на ладони.

Чирибеевъ. Именно; выражаясь обыкновеннымъ языкомъ.

Директоръ. Не философскимъ, иначе, говоря. Не любилъ и не люблю философіи.

Чирибеевъ (жметъ руку директору). Тѣмъ болѣе уважаю васъ, дорогой мой Алексѣй Степанычъ.

Совѣтникъ. Что же какается до меня, Александръ Сергѣичъ, скажу одно: я никакъ не ожидалъ, что вы женитесь.

Чирибеевъ. И вы думаете, что я вамъ не объясню этого? Вы не знали моего характера. Самая простая, повидимому, штука, а между тѣмъ отъ нея много зависитъ. Теперь стало быть вы желаете знать сущность моего характера? Она вотъ въ чемъ: я обыкновенно долго жду; но въ то же время и рѣшительнъ. Вотъ два качества, вполне согласныя. Но дальше. Долженъ, впрочемъ, предупредить васъ, что я миную все болѣе или менѣе лишнее и имѣю въ виду одинъ главный предметъ. Вы на это не претендуете, конечно?

Совѣтникъ. Нѣтъ, нѣтъ, Александръ Сергѣичъ! Продолжайте.

Чирибеевъ. Но можетъ быть вы не хотите, чтобъ я распространялся объ этомъ,—да?

Директоръ. Почему же вы знаете? Можетъ быть мы этого-то и ждемъ.

Чиривевъ. О, въ такомъ случаѣ я буду говорить.—Вопервыхъ, вы должны знать, что я жилъ всегда свободно. Вотъ какъ теперь вижу: у меня квартира, мебель; я получаю журналы, читаю, слѣжу, понимаете, легонько; послѣ обѣда у меня кофе: зачѣмъ же бы сталъ стѣснять себя? По моему, если человѣкъ обеспеченъ, то нѣтъ ему причинъ стѣснять себя. Онъ можетъ поступать какъ угодно, не теряя въ то же время цѣли жизни, которая важнѣй всего. Такимъ образомъ я жилъ и незамѣтно выработывалъ себѣ идеи, которыя должны были перейти мало-помалу въ жизнь. И я слѣдилъ за этимъ. Я зналъ, что это цѣль, и потому записывалъ все, что со мной случалось: изъ этихъ-то замѣтокъ, совершенно различныхъ, составились тѣ идеи, о которыхъ я сказалъ. Идеи эти въ своемъ дневникѣ я нарочно записывалъ крупными буквами, чтобы отличить ихъ отъ такъ называемыхъ мыслей. Я зналъ, повторяю, что въ нихъ заключалась цѣль жизни, и потому дѣйствовалъ такъ, а не иначе. Когда набралось ихъ уже очень много, то надо было подумать объ ихъ исполненіи. Замѣчаете теперь методу во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ въ этомъ случаѣ? Иначе и нельзя было: дѣло шло о цѣли жизни, которой я искалъ. Много помогло мнѣ въ этомъ случаѣ состояніе: я зналъ, что, при малѣйшемъ желаніи съ моей стороны, всякая идея, тѣмъ болѣе выработанная и даже записанная, такъ сказать, для памяти—иначе вѣдь она легко могла ускользнуть, замѣтите—я зналъ, говорю, что всякая идея такимъ образомъ могла быть проведена въ жизнь тотчасъ же, безъ всякаго замедленія. Это именно и было моею цѣлью. Но вы понимаете сами, что я могъ и не спѣшить. Поэтому я продолжалъ жить такъ, какъ будто въ моей дѣятельности ничего не было такого, что даетъ обыкновенно смыслъ всей жизни. Но я зналъ въ то же время, что нашелъ этотъ смыслъ. Положимъ, я также, какъ и прежде, встрѣчался съ знакомыми, также разговаривалъ о погодѣ, также гулялъ и ничего, повидимому, не дѣлалъ; но, конечно, въ сущности это ничего не значило. Въ моей головѣ уже зрѣли идеи, которыя я чувствовалъ, ставили меня несравненно выше того, что называется толпою. Этого никто не зналъ, разумѣется, да по правдѣ сказать — и мнѣ ни до кого не было дѣла: идея, собственно говоря, и не такая вещь, чтобы ее знали другіе. Вотъ все, что я могу сказать въ отвѣтъ на то, о чемъ вы меня спрашивали. Однимъ словомъ, я достигъ цѣли. Окончилъ я, какъ вы видите, женитьбой, отъ которой всегда былъ не врѣчь. Я ждалъ

только, чтобъ укрѣнился мой характеръ: онъ, кажется, ясенъ теперь. Остается прибавить одно: что будетъ впереди, того не знаю; знаю только, что прошлаго не воротить. Не вижу пока-мѣсть и цѣли; но что изъ этого? Другіе, пожалуй, ищутъ ее во чтобы то ни стало: я не изъ такихъ! Я иду прямо и буду плевать до времени на все, что попадется на дорогѣ. Цѣль откроется сама собою. Что же касается до женитьбы—последняя мысль господина!—женитьба по моему есть долгъ всякаго человѣка!

Директоръ. Последняя и самая вѣрная мысль! Долгъ всякаго честнаго человѣка оставить послѣ себя людей, способныхъ служить отечеству.

Совѣтникъ. И если природа даетъ намъ для этого известныя средства, сама, такъ сказать, указываетъ безъ всякаго учителя — то какъ же послѣ этого?

Чирвеневъ. Еще бы! Но это только одна натуральная сторона.

Совѣтникъ (въ недоумѣніи). Какая же еще другая? По моему тутъ вся суть.

Чирвеневъ. Ну, нѣтъ. А тихое семейное счастье, а жена, а пожалуй, дѣти—маленькіе эдакіе, въ рубашечкахъ, крошки такіе, — душки — нѣтъ! Вы разберите самую идею. Не даромъ она у меня одна изъ первыхъ въ дневникѣ.

Совѣтникъ. Пусть такъ, но все-таки сущность одна. Меня, по крайней мѣрѣ, никто не увѣритъ, что тутъ есть еще что-то такое....

Директоръ. Во всякомъ случаѣ честь и хвала вамъ, Александръ Сергѣичъ: женившись, вы поступили рѣшительно.

Чирвеневъ. Да! вотъ подите. И самъ не знаю какъ. На первый разъ характеръ мой — болѣе сомнительный. Я вѣдъ всегда обладалъ тонкою наблюдательностью, вдумывался въ малѣйшія вещи. Вотъ, напримѣръ, я видѣлъ столъ: я тотчасъ же задумывался: зачѣмъ — спрашивалъ я—стоитъ онъ тутъ? Нѣтъ-ли ему другаго мѣста.... И тотчасъ все это, знаете, въ дневникѣ. Потому-то онъ весь у меня написанъ въ формѣ вопросовъ. Вы только и встрѣчаете: какъ, что, почему, гдѣ смыслъ, гдѣ идея?

Совѣтникъ. А замѣтите, какъ сильно при подобномъ направленіи развивается взглядъ на жизнь....

Директоръ. Еще бы! Изъ этихъ незамѣтныхъ вещей складывается характеръ, вырабатываются данныя...

Чирибеевъ. Благодарю Бога, что я не пренебрегалъ этими вещами.

Директоръ. И повѣрьте: безъ нихъ вы не нашли бы цѣли жизни, которую, какъ я заключилъ изъ вашихъ словъ, вы такъ настойчиво искали. Я тоже съ молоду привыкъ обращать вниманіе на все, начиная съ людей до самыхъ низшихъ звѣней въ жизни....

Чирибеевъ. И этому, конечно, вы многимъ обязаны. Одно уже то, что вы сами сдѣлали себѣ карьеру. Скажите, не легко досталась она вамъ?

Директоръ. О Боже, если бы вы знали, что я вынесъ! Только благодаря моимъ гениальнымъ, можно сказать, способностямъ.... Я, видите-ли, занимался исторіей.

Чирибеевъ. Ну-съ?

Директоръ. Это наука, если вы занимались ею....

Чирибеевъ (съ живостью). Всему предпочиталъ исторію!

Директоръ. Эта наука — говорю я — въ сущности пустая и даже глупая вещь...

Чирибеевъ. По преимуществу сухая, а? Не правда ли? Да и вся ученая часть, а?

Директоръ (съ особеннымъ одушевленіемъ). О, чортъ бы ее побралъ, ученую часть! (Оглядываясь по сторонамъ) Могу говорить откровенно?

Чирибеевъ. Не стѣсняйтесь! Все свои.

Директоръ (указывая на затылокъ). Вотъ она гдѣ у меня сидитъ; эта ученая часть. (Совѣтникъ и Чирибеевъ смѣются. Директоръ продолжаетъ.) Вотъ вѣдь даже легче дѣлается, когда выскажешь, что есть на душѣ. Жаль, что не всегда это можно говорить и не при всѣхъ. А то вѣдь и нашего брата: ученый, ученый, а тоже въ печать тискаютъ! (Молчаніе). Такъ и идетъ все. При такихъ обстоятельствахъ хоть лобъ вѣрѣжь — цѣли не отыщешь.

Чирибеевъ. Однако вы тоже, какъ видно, наблюдали.

Директоръ. Да вотъ какъ наблюдалъ: если бы можно было, тотчасъ же бросилъ бы службу и поминать бы о ней не сталъ.

Совѣтникъ. Всѣ мы, Алексѣй Степанычъ, болѣе или менѣе приходимъ къ тому же заключенію.

Директоръ. Могу ли, поэтому, дорогой мой Александръ Сергѣевичъ, обратиться къ вамъ теперь же, не откладывая далеко, съ маленькой дружеской просьбой?

Чирибеевъ. О помилуйте! Вы меня этикъ очень обижете.

Директоръ. Дѣло въ сущности такое: я и жена моя желаемъ давно уже перемѣнить мѣсто служенія, то есть, имѣемъ въ виду при случаѣ воспользоваться какимъ нибудь мѣстомъ, которое бы, такъ сказать, соответствовало и цѣли и стремленіямъ и было бы, такъ сказать:...

Чирибеевъ. Какую же ваканцію желали бы вы занять?

Директоръ. Куда угодно, лишь бы не по ученой части, прахъ ее возьми! Я вамъ скажу, какъ заберешься въ эту проклятую часть:...

Чирибеевъ. Понятно: выходу нѣтъ!

Директоръ. Да вотъ какъ я вамъ скажу: чортъ меня понесъ сюда! Я вѣдь сначала служилъ въ военной службѣ; мнѣ поговѣтовали перейти на гражданскую: думалъ, думалъ, куда бы это? На бѣду отыскалась протекція: перекрестился — бухъ въ директора!

Советникъ. Однакоже вамъ знакома была эта часть?

Директоръ. Ну ужь тамъ Всевышній одинъ вѣдаетъ, знакома ли она была или нѣтъ.

Чирибеевъ. Да мнѣ кажется, тутъ не нужно особеннаго знакомства.

Директоръ. Какое тутъ знакомство! Часть совершенно пустая и вдобавокъ малоденежная! Вы не повѣрите: рѣзительно нечего дѣлать иной разъ! Нарочно завелъ свиней, чтобъ развлекаться! (Чирибеевъ и Советникъ смѣются). По всему этому, повторю, Александръ Сергѣичъ, въ случаѣ, если будетъ предстоять какое нибудь мѣсто, приличное, конечно, съ извѣстными доходами, я настоятельно буду просить вашего содѣйствія.

Чирибеевъ. Но съ моей стороны, что же можно сдѣлать?

Директоръ. Э, Боже мой, что можно сдѣлать! Вы знаете, какъ это все у насъ просто и легко: все зависитъ отъ того, кто кому тетка и чья у кого кума въ почетѣ! Штука, повторю, совершенно простая, а съ ней можно чудеса творить! Да! У насъ не за границей. Разъ, два, — глядишь дѣлцо и готово, а все отъ того, что кума ваша вчера у меня чай пила. Понимаете?

Советникъ. Вещи простые, — какъ не понять!

Директоръ. Однимъ словомъ, мы договорились до самыхъ откровенныхъ вещей. Хотите, я выражусь еще проще, а? Знакомы вы съ губернаторомъ?

Чиривеевъ. Да, онъ мнѣ дядя и черезъ него конечно я могу сдѣлать кое-что.

Директоръ. Это кое-что на нашемъ языкѣ значитъ *еее*. Довольно. Больше не скажу ни слова. Буду кормить пока свиней, а тамъ пусть все идетъ вверхъ дномъ, если угодно. Вотъ только спустить мнѣ съ рукъ ревизію, прахъ ее возьми! А тамъ можно будетъ уже заняться серьезными вещами. На азахъ недалеко уйдешь. Какъ ни философствуй, а ѣсть захочешь. Могу стало быть надѣяться, Александръ Сергѣичъ?

Чиривеевъ. О, конечно.

(Директоръ кланяется и отходитъ).

Совѣтникъ (послѣ небольшого молчанія и вздыхая). Вотъ новости-нѣ, какъ много такихъ случаевъ въ жизни и притомъ совершенно разнообразныхъ! Я вамъ скажу про себя: я человѣкъ, не скажу, чтобы очень хорошій, но и не дурной: зачѣмъ же, спрашивается, двадцать лѣтъ служу на одномъ мѣстѣ и—ни бѣды-меса!

Чиривеевъ. Неужели ни бѣды-меса? — Скажите!

Совѣтникъ. Буквально докладываю: — зачѣмъ же бы мнѣ лгать? Теперь другое: обѣщали орденъ. Пошло представленіе: такъ молъ и такъ, есть дескать человѣкъ, такихъ-то качествъ—росписали, разумѣется, все...

Чиривеевъ. Ну и что жъ?

Совѣтникъ. Ну ровно шишъ и вышелъ. Хоть бы на сѣгѣхъ крестиншко прислали. А я межъ тѣмъ понастратился.

Чиривеевъ. Много не стоитъ объ этомъ беспокоиться. Въ этомъ случаѣ, я думаю, можно будетъ сдѣлать кое-что: губернаторъ, вы знаете, дядя моей жены. (Жметъ совѣтнику руку; совѣтникъ кланяется и умоляетъ, потому что не подходитъ въ это время засѣдатель).

Засѣдатель гражд. палаты. Представьте, какъ случилось: какъ разъ къ вашей свадьбѣ и выборы!

Чиривеевъ. Да! и съ ними новыя хлопоты, занятія, интересы.

Засѣдатель. И не говорите! Кому жъ захочется бросать службу, когда составлена уже извѣстная привычка, извѣстный кругъ и лица.... Все, конечно, въ божьихъ рукахъ, но въ случаѣ неудачи я думаю навсегда поселиться въ деревнѣ.

Чиривеевъ. А кто же васъ пуститъ отсюда, спрашивается? Вѣдь вы не рѣшитесь отказать дворянству, если оно будетъ просить васъ?

Засѣдатель. О васъ-то, Александръ Сергѣичъ, я уѣроенъ...

Чирибеевъ. Полноте! Какъ будто можно принимать эти вещи серьезно! Мое вліяніе конечно невелико, но вы знаете, губернаторъ дядя моей жены. (Жметъ ему руку и оба раскланиваются. Въ это время подходит секретарь дворянскаго собранія: засѣдатель при видѣ его говорить въ сторону: «о, чортъ его возьми: вѣчно погѣшаетъ, каналья!» Уходитъ).

Секретарь дворянскаго собранія (беретъ за обѣ руки Чирибеева и говоритъ сладкимъ голосомъ). Могу ли надѣяться, Александръ Сергѣичъ, служить съ вами честно и долго-долго, по крайней мѣрѣ на сколько можетъ продлиться эта такъ-называемая жизнь человѣческая, справедливо сравниваемая съ утлымъ судномъ, плывущимъ по волѣ океана?

Чирибеевъ (необыкновенно мягко и ласково). Можно ли объ этомъ спрашивать, дорогой мой Сергѣй Васильичъ? Ваши интересы — мои интересы, ваше рвеніе — мое рвеніе...

Секретарь. Мнѣ пріятно особенно слышать отъ васъ такой лестный отзывъ. Но все-таки, въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній, могу ли, повторяю, надѣяться, Александръ Сергѣичъ?

Чирибеевъ. О, какъ вамъ не совѣстно говорить объ этомъ! Вѣдь и мы можемъ же что нибудь сдѣлать: вы знаете, губернаторъ дядя моей женѣ.

Жмутъ другъ другу руки и раскланиваются. Въ это время подходит господинъ въ отставкѣ.

Господинъ въ отставкѣ. Еще разъ имѣю удовольствіе поздравить васъ и пожать вашу руку.

Чирибеевъ. Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю. Не могу ли чѣмъ нибудь быть вамъ полезенъ? Говорите откровенно, по дружески.

Господинъ въ отставкѣ. Вотъ именно, Александръ Сергѣичъ: дѣло въ томъ, что я провиоухалъ въ казенной палатѣ одно мѣстишко.

Чирибеевъ. Не спрашиваю, какое мѣсто, — оно ваше. Вы знаете, губернаторъ для меня все сдѣлаетъ. (Жметъ руку господину въ отставкѣ, который, низко кланяясь, уходитъ).

Въ это время подлетаетъ чиновникъ.

Чинивникъ. Помните, Александръ Сергѣичъ! два раза

представляешь и ордену и каждый раз отказываются. Смогу ли просить вас помянуть насъ, такъ сказать, въ царствіи своемъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Какой орденъ?

Чиновникъ. Станислава, отецъ родной!

ЧИРИБЕЕВЪ (особенно одушевившись). Довольно! Ни слова объ этомъ. Вы получите. Вы знаете: вѣдь я губернаторомъ вотъ такъ верчу. (Показываетъ, какъ вертитъ губернаторомъ.)

Чиновникъ. Такъ и слѣдуетъ. Пусть и высшее лицо по стрункѣ ходить.

(Раскланивается и уходитъ)

СТАРИЧОКЪ (изъ помѣщиковъ; подходитъ къ Чирисееву и подаетъ ему свернутую записку, говорить съ разстановкой, старческимъ голосомъ). Теперь, батюшка, не прошу: не читайте! Положите просто въ карманчикъ, а какъ только время выберете, послѣ ужина что-ль, когда въ халатъ, передъ тѣмъ, какъ спать ложиться, или же за чаемъ, а то поутру, какъ встаете, передъ тѣмъ что-ль, какъ умываться: возьмите, батюшка, и прочитайте....

ЧИРИБЕЕВЪ. Что, есть дѣло какое нибудь?

Старичокъ. Дѣльцо, батюшка, есть. Я, какъ человекъ аккуратный, беспокоить на словахъ не хотѣлъ, да и случай не таковъ: я и взялъ по просту, какъ говорится, клочокъ бумажки и все для памяти въ подробности представилъ. Тамъ и просьбица коротенькая. Оно дѣло-то левое: какъ, думаю, беспокоить? Вотъ я по просту на клочкѣ....

ЧИРИБЕЕВЪ, Сдѣлаемъ, сдѣлаемъ. Все это въ нашихъ рукахъ. (Жметъ старику руку; оба раскланиваются).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЧИРИБЕЕВЪ (одинокъ, самъ съ собой). Боже, сколько столкновений, хлопотъ и какія обязанности! Когда представишь себѣ эти условія; когда подумаешь, что все надо заранѣе обдумывать, соображать, строить планы, прозирать въ даль, то поневолѣ становится страшно! Бездна отношеній, карьера, чины, ордена — и все это надо совмѣстить въ одной головѣ! Тутъ-то необходимъ характеръ, энергія, чтобы предупредить зависть, претензіи — борьба великая! Въ одно время приходится дѣлать тысячу вещей:

говорить съ прокуроромъ, слушать губернатора, обѣщать чины и ордена—и все это, повторяю, вдругъ, въ одно время, съ одной головой! Бездна соображенія и распорядительности должно быть у такого человѣка! Благодарю Бога, что я не люблю задумываться, и умѣю прямо глядѣть въ лицо тѣмъ обстоятельствамъ, которыхъ часто мы бываемъ невинною жертвою! Но что говорить? И къ чему такія мрачныя мысли приходятъ въ голову? Борьба еще только начинается.... Поплывемъ же хоть разъ въ жизни по теченію, предадимся вполнѣ обстоятельствамъ, и пусть рухнетъ мѣръ надъ нами: по крайней мѣрѣ минуту мы будемъ счастливы. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, пріятно все! Шумъ, говоръ, музыка: всѣ чувства упоены. Я слушаю даже шелестъ платьевъ и наслаждаюсь! Продлись же, праздникъ жизни! Огни! свѣтите ярче, закройте глаза—давно уже я не былъ такъ счастливъ. Что же не играетъ музыка? Музыки, жизни мнѣ, чортъ возьми! (Хочетъ идти, но Егоръ Ивановичъ останавливаетъ его за рукавъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Егоръ Ивановичъ. Стой! На пару словъ.

Чирибеевъ. Что еще? А, это ты, старинный мой товарищъ, котораго я все-таки предпочитаю всѣмъ всегда и вездѣ. Поцалуемся же, другъ! (Цалуются) Ну, какъ дѣла?

Егоръ Ивановичъ. Дѣла скверныя. Твоя жена, чтобъ чортъ ее побралъ кстати.

Чирибеевъ. Другъ, не выражайся такъ: ты меня оскорбляешь этимъ.

Егоръ Ивановичъ. Пустяки! Ты знаешь, какъ я выражаюсь, если люблю кого! Это еще хорошо!

Чирибеевъ. Все-таки, другъ, не такъ бы рѣзко.

Егоръ Ивановичъ. Ну да! Такъ твоя жена, чтобъ чортъ ее взялъ, повторяю,—посоветовала мнѣ отвести этихъ негодяевъ въ кабинетъ, чтобъ они тамъ жрали табакъ...

Чирибеевъ. Ну?

Егоръ Ивановичъ. Ну они и перенились.

Чирибеевъ. И?

Егоръ Ивановичъ. И затѣваютъ, кажется, скандалъ.

Чирибеевъ. Боже! спаси отъ этого! Да кто тамъ есть?

Егоръ Ивановичъ. Да кто! Все тѣ же черти, что и прежде! Все почти учителя: учитель гимназій, уѣздный, да изъ духовнаго училища. Ну, этотъ особенно дикъ! Я, кричить, педагогъ! За него вообще не ручаюсь. Сейчасъ рѣчь какую-то по латыни говорилъ, всѣ слушали и тихо было. Тѣ-то, впрочемъ, еще слушаются скольконибудь. Да я, притомъ, чуть кто громко крикнетъ: «а что жь, говорю, водки-то? За тобой очередь». Ну, и молчить, покаместъ пьеть. А отошелъ — бѣда!

Чирибеевъ. Крѣпки должно быть на ноги-то, а? Не валяются?

Егоръ Ивановичъ. Ни въ одномъ глазу, какъ будто и не пили, канальи.

Чирибеевъ. Экъ вѣдь канальи, какъ будто и не пили! Что жь прикажешь дѣлать?

Егоръ Ивановичъ. *Casus*, выходитъ, *incogabilis*. Одно средство: накачивать ихъ водкой по мѣрѣ возможности.

Чирибеевъ. А что? Вѣдь это гениальная мысль! Надѣюсь, что мы ей будемъ обязаны спасеніемъ. Рѣшено. Накачивай ихъ, Егоръ Ивановичъ, до самаго нельзя. Поставь еще вина, да трубки заставь курить. А кто воды спроситъ — не давать! Но главное, будь при нихъ.

Егоръ Ивановичъ. Ни на шагъ не отойду.

Чирибеевъ. Наконецъ, если кто затѣетъ скандалъ, то можно, знаешь, безъ церемоніи....

Егоръ Ивановичъ. Еще бы! Прямо въ рожу. Да они впрочемъ знаютъ мой характеръ.

Чирибеевъ. На случай тамъ, есть подушки въ кабинетѣ....

Егоръ Ивановичъ. Я почти увѣренъ, что они скоро будутъ замертво. Главное, этотъ народецъ лихъ на вино.

Чирибеевъ. Но, Егоръ Ивановичъ, смотри: самъ ни капли!

Егоръ Ивановичъ. Ну вотъ! Какъ будто ты не знаешь меня!

Чирибеевъ. Знаю, знаю: въ важныхъ случаяхъ ты умѣешь воздерживаться. Но все-таки ради Бога не пей. Усижь двадцать разъ нализиться, клянусь тебѣ. Даже болѣе скажу: отъ

этого зависить твоя карьера. Знаешь ли, въ какихъ отношеніяхъ я съ губернаторомъ?

Егоръ Ивановичъ. А что?

Чирибеевъ. Какъ что? Да я изъ него лапти плести могу. (Начинаетъ по некоторомъ молчаніи особенно живо и ласково). Слушай: хочешь получить крестъ?

Егоръ Ивановичъ. Еще бы! Да я съ крестомъ-то тогда чортъ знаетъ чего надѣлаю! Да я такой скандалъ затѣю—ою! (Смѣхитъ шире). Помнишь, какъ кучивали, а?

Чирибеевъ. Какъ не помнить! А признаюсь: нельзя не пожалѣть объ этомъ времени.

Егоръ Ивановичъ. Лихое время, что говорить. Помнишь, какъ я перебилъ стула и меня гнали въ шею до самаго крыльца?

Чирибеевъ (въ размышленіи). Ну, ты тутъ глупо поступилъ.

Егоръ Ивановичъ. Подлецъ ты послѣ этого, хоть и плетешь лапти изъ губернатора. Могъ ли я иначе поступить послѣ того, какъ этотъ каналья огрѣлъ меня хлыстомъ по рожѣ?

Чирибеевъ. Да, дивное было время, что говорить!

Егоръ Ивановичъ. Въ воспоминаніи конечно это пріятно.

Чирибеевъ. А ты таки остепенился послѣ этого случая: признайся!

Егоръ Ивановичъ. Ничуть не бывало! Развѣ это въ первый разъ? Меня и послѣ били.

Чирибеевъ. А! стало быть ужъ безъ меня?

Егоръ Ивановичъ. Безъ тебя.

Чирибеевъ. Ну, стоить тебя наградить: самъ вижу.

Егоръ Ивановичъ (одушевляясь). А что, другъ, шутки-то въ сторону—похлопочи, въ самомъ дѣлѣ! Вотъ какъ передъ Богомъ: если сосчитать все, что я перенесъ, то мнѣ и десяти крестовъ мало. Одно вѣдь только честолюбіе губить меня и потому я не гоняюсь за мелочами. Вотъ потому-то я не служу, не имѣю никакого чина и можетъ быть не пользуюсь репутаціей, свойственной порядочнымъ людямъ. Но я пренебрегаю этимъ. Человѣкъ можетъ жить однимъ сознаниемъ: я же всегда сознавалъ и сознаю, что у меня преобладаютъ порывы къ высокому, изящному, а съ такимъ направленіемъ, ты знаешь, трудно заниматься какими нибудь пустяками, которыми занимаетесь вы. Слава-богу, я на

столько развить, чтобы ничего не дѣлать, и потому предпочитаю мыслить, а эти маленькія дѣла предоставляю другимъ, которые отъ самой уже природы созданы людьми мелкими и такъ сказать ничтожными. Съ меня довольно обсуждать то, что вы вырабатываете, — однимъ словомъ, я — вольная птица, которой вся жизнь въ томъ, чтобы славить Бога за его, такъ сказать, щедроты. Я и не хвастаюсь трудолюбіемъ — во мнѣ не это качество преобладаетъ; но за то стремленія у меня высоки и гуманны такъ, что даже не въ мѣру. Вотъ все, что только я скажу тебѣ поцамѣсть, Потому, если ты хочешь отдать должное уму и талантамъ, то, я увѣренъ, ты не задумаешься дать мнѣ крестъ.

... Чирябевъ. Слишкомъ ужь далеко хвастаешь, Егоръ Ивановичъ, и напрасно думаешь, что ты какой-то необыкновенный человекъ, призванный къ чему-то высокому, — а между тѣмъ въ сущности просто Егоръ Ивановичъ, которому цѣна грошъ, и только.

Егоръ Ивановичъ. Эхъ, отецъ родной! Вотъ что значитъ не понимать вещи! Вѣдь и Пушкинъ былъ не что иное, какъ Пушкинъ, потому и Егоръ Ивановичъ все-таки останется Егоръ Ивановичемъ. Но не въ томъ дѣло. Вѣрь, другъ: способности только гложутъ мои здѣсь, а то вѣдь я въ сущности-то администраторъ. Мнѣ бы, другъ, народами управлять, а не здѣсь быть. Я уже тебѣ сказалъ, почему я не служу. Развѣ, повторяю, съ моимъ направлениемъ можно всякими бумажонками вашими заниматься? Вотъ на видъ меня поставь, дай карьеру широкую — тамъ покажу себя. Поставь, говорю, на видъ меня, войскомъ пошли командовать, законы издавать заставь, министромъ меня сдѣлай — вотъ тогда увидишь, что значитъ Егоръ Ивановичъ. И вѣрь: прославится, непременно прославится когда нибудь Егоръ Ивановичъ, и всѣ станутъ шапки снимать передъ Егоръ Ивановичемъ, и руку жать Егоръ Ивановичу; въ колокола станутъ звонить при одномъ имени Егора Ивановича. Вѣрь, другъ: въ пророческомъ предвидѣніи говорю я это, ибо чувствую силы необъятныя. Всѣ задатки у меня есть, какіе хочешь. Есть, напримѣръ, и поэтический даръ, если на то пошло. Ты спросишь, отчего я не пишу? Оттого, что нельзя при моемъ положеніи. А вотъ сдѣлай меня генераломъ да жалованье дай большое, отъ казны положи, чтобы я могъ такими образомъ ничего не дѣлать, такъ я тебѣ такъ начну стихи опи-

сывать, и любовь изображу гдѣ нужно, и дѣву такую напишу, что ахнешь: станешь читать и надорвешься: такъ вдругъ и хватить тебя за сердце и волненіе почувствуешь такое, что эхъ! Но всего болѣе, другъ, желалъ бы я быть посланникомъ. Вотъ тутъ, чувствую, истинное мое призваніе! Вѣришь ли: такимъ политическимъ тактомъ владѣю, что даже невѣроятно. Сдѣлай, говорю, меня посланникомъ—увидишь. Будь хоть какая война—и миръ заключу какой хочешь, подниму если нужно войну такую, о которой станетъ писать самъ Устряловъ, и имя мое упомянетъ и прославить такъ, что ай люди! «Съ самага дѣтства», скажетъ, «отличаясь необыкновеннымъ умомъ и рѣдкими качествами сердца, онъ уже въ юности успѣлъ выказать неослабную твердость души и несвойственную сему возрасту силу характера: имя его, скажетъ, Егоръ Ивановичъ Козыревъ». Вотъ, другъ, что!

Чирибеевъ. Ну, Егоръ Ивановичъ Козыревъ, такъ врешь, что даже неимовѣрно.

Егоръ Ивановичъ. Вру? Нѣтъ, другъ, это еще что! А вотъ какъ пропустишь эдакъ рюмки три—четыре, такъ не повѣришь, какая широкая карьера открывается.

Чирибеевъ. Вотъ что: если пропустишь нынче три—четыре рюмки, такъ всю карьеру испортишь, и тогда не видать тебѣ креста, какъ ушей своихъ.

Егоръ Ивановичъ. Да, — такъ ты убѣдился теперь, что мнѣ стоить крестъ дать?

Чирибеевъ. Съ условіемъ, чтобы нынче не пить.

Егоръ Ивановичъ. Изволь. Даже на это рѣшаюсь.

Чирибеевъ. Ну, такъ ступай и укрощай этихъ дикихъ звѣрей.

(Егоръ Ивановичъ направляется къ дверямъ; Чирибеевъ смотритъ ему вслѣдъ; Егоръ Ивановичъ, воротившись назадъ, говоритъ:)

Егоръ Ивановичъ. Душка, голубчикъ! не шутя: дай крестикъ, хошь какойнибудь: мнѣ рѣшительно все равно. Главное, мнѣ хочется доказать нѣкоторымъ свиньямъ, что и я чтонибудь да значу. И клянусь: я имъ тогда начищу морды такъ, что они увидятъ, что такое Егоръ Ивановичъ, когда онъ съ орденомъ.

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА ВО ВТОРОМЪ ДѢЙСТВІИ:

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ КОЗЫРЕВЪ.

ЧИРЯБЕВЪ.

ЧИРЯБЕВА.

ШАФЕРЪ.

УЧИТЕЛЬ ГИМНАЗИИ

УЧИТЕЛЬ УВѢДНАГО УЧИЛИЩА

УЧИТЕЛЬ ДУХОВНАГО УЧИЛИЩА (Еремій Федорычъ) } Пріатели Козырева.

НИКОЛАЙ АБРАМЫЧЪ

АЛЕКСѢЙ ИВАНЫЧЪ и другіе

Гости, гости и проч.

Сцена представляетъ залъ, въ которомъ проаживаются гости; на-лѣво дверь въ кабинетъ, гдѣ пируетъ Егоръ Иванычъ съ пріателями; дверь эта по временамъ отворяется и изъ кабинета выставляются головы, съ любопытствомъ осматривающія гостей. Шумъ въ кабинетѣ становится слышимѣе и слышимѣе. Наконецъ слышатся голоса въ такомъ порядкѣ:

СЦЕНА I.

ЛЮДИ I.

Голосъ Егора Иваныча. Вылѣзай по-двое: меньше скандала будетъ.

Другой голосъ. Стой, Егоръ Иванычъ, не дерись!

(Молчаніе).

Тотъ же голосъ. Не дерись же, говорю, Егоръ Иванычъ!

Необыкновенно азартный голосъ Егора Иваныча. Я изъ-за тебя, мошенникъ, награду прогудалъ: понимаешь ли ты, bestia, это? Кто спрашиваю, меня помлъ?

Голосъ. Выходи же, не задерживай!

(Выставляются головы изъ кабинета).

Другой голосъ. О, чортъ возми! Я самъ наплету тебѣ лаптей изъ губернатора.

Прежній голосъ. Не дерись же, Егоръ Иванычъ, говорю!

Голосъ Иванса Егорыча. Не могу. Видишь, что я пьянь.

Голосъ. Пускай учителя впередъ: пусть скажетъ намъ что нибудь по латыни.

(Учитель духовнаго училища, большой и толстый, въ форменномъ фракѣ, идетъ съ длиннымъ чубукомъ и садится. Выставляется голова изъ кабинета и говорить).

Ну, учитель, сидѣть смирно и молчать, пока тебѣ не скажутъ.

Голосъ. Валяй, Егоръ Ивановичъ, не задерживай.

(Егоръ Ивановичъ выталкиваетъ изъ кабинета Николая Абрамыча, который, тоже съ длиннымъ чубукомъ, идетъ и садится подлѣ учителя. Затѣмъ, всѣ, съ длинными чубуками и дымящимися трубками, идутъ и садятся; на первомъ планѣ видны: учитель духовн. училища, уѣздный, учитель гимназій; далѣе Николай Абрамычъ, Алексѣй Ивановичъ и прочіе пріатели Чирибеева).

Голосъ Егоръ Ивановича, остающагося еще въ кабинетѣ. Сидѣть, смотри, чинно и торжественно! Отъ извѣстныхъ словъ по возможности воздерживаться.

(Всѣ сидятъ чинно и торжественно, отъ извѣстныхъ словъ воздерживаются).

Голосъ Егоръ Ивановича. Ну, теперь гляди: все ли въ порядкѣ?

(Выставляется голова изъ кабинета, и, оглядывая, говорить).

Голова. Все, Егоръ Ивановичъ.

Голосъ Егоръ Ивановича. Сидятъ?

Голова. Сидятъ.

Голосъ Егора Ивановича. А учитель что? говорить по латыни?

Голова. Нѣтъ!

Голосъ. Егора Ивановича. Вели ему произнести что нибудь.

Голова (обращаясь къ учителю духовнаго училища). Еремѣй Федорычъ! Что нибудь по латыни! Скорѣй!

Учитель духовнаго училища. Что жь тебѣ?

Голова. Такъ, самую малость: Егоръ Ивановичъ требуетъ.

(Учитель произноситъ по латыни).

Голосъ Егора Ивановича. Что, произнесъ?

Голова. Готово.

Голосъ Егора Ивановича. Вели перевести на російскій. Не

надо впрочемъ. Все равно: понятно. Теперь идемъ. А чтобы въ глазахъ не рябило и взглядъ былъ чище, пропустимъ коньяку.

Голосъ головы. Такъ, Егоръ Ивановичъ: для уясненія собственно взгляда на вещи.

Голосъ Егора Ивановича (съ необыкновеннымъ азартомъ.) Не разсуждать, бестія! — Идемъ.

(Въ залъ межъ тѣмъ все чинно; пріатели Чирибеева сидятъ молча и курятъ: Гости, бывшіе въ залъ прежде, не замѣчаютъ покланіе пріателей; нѣкоторые впрочемъ посматриваютъ на нихъ съ удивленіемъ).

АКТИВЪ II.

Двери кабинета широко растворяются; появляется Егоръ Ивановичъ, онъ окидываетъ торжествующимъ взглядомъ собраніе и говоритъ.

Егоръ Ивановичъ. Господа! сидятъ чинно и разсуждать о достойныхъ матеріяхъ! Надѣюсь, что вы просились сюда съ доброю цѣлю. Иначе опять въ кабинетъ и на ключъ. (Садится) Начинай, Иванъ Прокофійчъ. Я буду дирижировать.

Учитель гимназіи. Вотъ теперь, когда мы, такъ сказать, ясно чувствуемъ свѣтъ и волненія, особенно пріятно курить трубку.

Егоръ Ивановичъ (кивая одобрительно головою). Такъ, не дурно начато.

Учитель уезднаго училища (съ особеннымъ воодушевленіемъ). Вообще, что можетъ быть лучше, какъ сидятъ въ обществѣ; курить и наблюдать, такъ сказать, нравы жителей! Смѣю спросить, у кого изъ насъ есть авторскій талантъ?

Егоръ Ивановичъ (говоритъ такъ, что слышатъ только свои). Умно спрошено. Отвѣчай кто, если можетъ.

Учитель гимназіи. У меня начать романъ подъ заглавіемъ: «Исторія будочника». Направление самое либеральное. Я страшно осмѣиваю моего героя, изображаю всѣ пороки и злоупотребленія данной ему власти: это мрачная сторона картины. За то съ другой стороны, въ лицѣ жандармскаго генерала, маститаго старца, украшеннаго сѣдинами и орденами, — я вывожу идеалъ честности и доброты: тутъ у меня трогательныя сцены, семейное счастье, любовь, слезы, раскаяніе будочника и ужась

генерала, узнающего въ лицѣ умирающаго героя своего побочнаго сына. Интрига вообще ведена удачно.

Егоръ Ивановичъ. Но главное: направленіе, направленіе— вотъ что хорошо.

Учитель духовнаго училища. Въ сороковыхъ годахъ и у меня написана повѣсть, которой, безъ хвастовства, восхищаются даже доселѣ.

Учитель гимназіи. Сюжетъ?

Учитель духовнаго училища. Сюжетъ самый разнообразный. Одинъ господинъ женится на одной госпожѣ. При этомъ я касаюсь нравовъ города и веду постоянно такъ, что юморъ преобладаетъ.

Учитель узднаго училища. Юмористическое направленіе преимущественно отразилось въ Гоголѣ.

Егоръ Ивановичъ (съ жаромъ). Молодецъ! Дѣльно замѣчено!

Учитель духовнаго училища. Далѣе я изображаю чистую платоническую любовь, безъ примѣси всякой чувственности....

Егоръ Ивановичъ. Ссс!... Не скажи чего нибудь такого — понимаешь?

Учитель духовнаго училища (не обращая вниманія на Егоръ Ивановича). Комическій элементъ тутъ уже переходитъ въ драму. Слѣдуетъ въ высшей степени занимательная сцена дуэли; затѣмъ объясненіе въ любви....

Егоръ Ивановичъ (въ ужасѣ). Опять?!

Учитель духовнаго училища. И бракъ, какъ законная развязка.

Егоръ Ивановичъ (успокоиваясь). Ну, слава-богу.

Одинъ изъ гостей (съ противоположной стороны залы). Гдѣ же напечатана была ваша повѣсть?

(Учитель духовнаго училища немного робѣетъ и въ недоумѣніи смотритъ на Егоръ Ивановича).

Егоръ Ивановичъ (одобрительно). Отвѣчай, отвѣчай смѣлѣ!

Учитель духовнаго училища (ободрился). Цензура не пропустила. Въ любовныхъ-то сценахъ я ужь очень разошелся.

Егоръ Ивановичъ (съ ужасомъ). О-то чортъ! (Обрываясь къ Николаю Абрамычу). Хвати его въ бокъ, скота, хорошенько!

Николай Абрамычъ даетъ учителю въ бокъ кулакомъ; учитель, обертываясь, сначала недоумѣваетъ и какъ-то странно смотритъ на Николая Абрамыча; потомъ серьезно и

молча беретъ его съзади за шиворотъ, нагибаетъ, и, поставивши трубку у себя между колъкъ, даетъ Николаю Абрамычу правой рукой въ спину тумака, который громко раздается по залу. Съ противоположнаго конца залы слышится смѣхъ; пріатели же Чирибеева нѣкоторое время какъ бы потеряны. Учитель, исправивши все это дѣло, спокойно беретъ трубку и, глядя неподлбья по сторонамъ, продолжаетъ курить.

Егоръ Ивановичъ (въ себя). Все потеряно!

Голось. Вонъ его, Егоръ Ивановичъ!

Егоръ Ивановичъ (махнувъ рукой). Не трогай: дѣла не поправишь.

Алексѣй Ивановичъ (потирая руки). Торжество и пьянство! торжество и пьянство! Господи, какъ хорошо!

Учитель гимназіи (поднимаясь съ мѣста и стараясь замѣть дѣло). Господа! Мы коснулись литературы; по имѣете ли вы вѣрный политическій взглядъ на вещи?

Егоръ Ивановичъ. Ну?

Учитель гимназіи. Совѣтую вамъ обратить вниманіе на внѣшнюю политику.

(Остальные гости понемногу выходятъ въ гостиную и въ залъ остаются одни пріатели Чирибеева).

Учитель уезднаго училища. Много надо, чтобъ заниматься политикой: вещь совершенно условная. Вотъ Франція: была республика, теперь имперія. Да и что такое республика? Вѣкъ и время — вотъ двигатели. А по моему достаточно знать свое дѣло и все. Я вообще не занимаюсь политикой!

Учитель гимназіи. Ну нѣтъ, надо обратить и на это вниманіе.

(Въ залу показывается котъ: онъ тихо идетъ на среднюю залу, озираясь и нѣсколько недоумѣвая).

Учитель уезднаго училища (съ жаромъ указывая на кота). Вотъ на что надо обратить вниманіе!

(Всѣ воодушевляються)

Слышны голоса. Егоръ Ивановичъ! лови кота! или не видишь?

Учитель гимназіи (коту). Васька, Васинька! душевья! поди сюда.

Голось. Пойся Бога, Егоръ Ивановичъ: вѣдь ты упустишь кота-то!

(Егоръ Ивановичъ ловитъ кота за хвостъ; Васька визжитъ).

СЛЫШИНЫ ГОЛОСА:

— Рѣжь ему хвостъ, Егоръ Ивановичъ! Не медли!

— О, Боже мой! Дайте сюда кота!

Учитель уѣзднаго училища. Вы ничего не знаете: табуку ему въ носъ! Развѣ можно такъ распорядиться въ такихъ случаяхъ? Стой, я гусара приготовлю.

(Егоръ Ивановичъ держитъ въ рукахъ кота; учитель уѣзднаго училища дуетъ коту въ носъ гусара: Васька чихаетъ и съ гусаромъ въ носу бросается опрометью въ гостиную. Всѣ хохочутъ вслѣдъ).

ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ (треплетъ учителя уѣзднаго училища по плечу). Аминь! пошло дѣло въ ходъ. Молодецъ, другъ! Хвалю за расторопность.

ЯВЛЕНІИ III.

Изъ дверей показывается: Чирибеевъ ведущій подъ руку жену; по правую сторону у него одинъ изъ шаферовъ, имѣющій вѣчто въ родѣ банта въ петлицѣ. Пріятели умолкаютъ и ведутъ себя чинно.

ЧИРИБЕЕВЪ (шаферу). Такъ вы говорите, что все было чинно и торжественно?

ШАФЕРЪ. Даже болѣе: какая-то неумолкаемая тишина царствовала во время обряда.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну и достаточно была соблюдена эта церемониальность, процессія такъ-сказать?

ШАФЕРЪ. Трудно передать это на словахъ, не говоря уже о томъ, что обрядъ совершался въ присутствіи, начальника губерніи, господъ прокурора и предводителя дворянства. Нѣсколько офицеровъ арміи, штабъ-ротмистръ Гулевичъ и полковникъ Вержембицкій составили кругъ блестящей военной молодежи, и, что всего удивительнѣе, безъ малѣйшаго признака скандала! Вдобавокъ я распорядился, чтобъ они въ извѣстные моменты гремѣли шпорами и саблями, и они выполнили это съ такимъ достоинствомъ, съ такимъ совершенствомъ....

ЧИРИБЕЕВЪ. Отъ нихъ всегда этого можно было ожидать.

ШАФЕРЪ. Еще бы! Вы сами знаете, какъ эти люди умѣютъ себя поставить всегда и вездѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. И все оттого, что они обладают этимъ высокимъ тактомъ....

ШАФЕРЪ. Они пропитаны имъ съ головы до ногъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Тонкія каналы!

ШАФЕРЪ. Бестія, однимъ словомъ! — Но все это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что было дальше.

ЧИРИБЕЕВЪ. А! стало быть много кой-чего?

ШАФЕРЪ. Во-первыхъ, торжественное пѣніе, зажженныя люстры....

ЧИРИБЕЕВЪ. Всѣ ли были зажжены?

ШАФЕРЪ. Слушайте и не перебивайте: всѣ рѣшительно были зажжены.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну и какъ? ничего не сказалъ губернаторъ?

ШАФЕРЪ. Какъ ничего! Онъ ясно выразилъ, что это, такъ сказать....

ЧИРИБЕЕВЪ. Какъ? что именно? въ какихъ словахъ?

ШАФЕРЪ. На словахъ онъ собственно ничего не сказалъ, но видно было по всему, что онъ пораженъ, удивленъ....

ЧИРИБЕЕВЪ. А! это довольно важно. Ну, а прокуроръ?

ШАФЕРЪ. Этотъ былъ окончательно въ экстазѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. А любопытно однако, какъ это въ немъ выразилось?

ШАФЕРЪ. О, онъ стоялъ, стоялъ все время, долго стоялъ, — однимъ словомъ, заинтересованы были всѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Не исключая, конечно, предводителя?

ШАФЕРЪ. Еще бы! Вы знаете, какъ онъ все горячо принимаетъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Да, да! въ немъ должно быть особенно было замѣтно.

ШАФЕРЪ. И какъ еще! Не даромъ онъ все время говорилъ съ губернаторомъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну вы не слыхали, по крайней мѣрѣ вообще, а?

ШАФЕРЪ. А вотъ слушайте: во-первыхъ, предводитель нагнулся и шепнулъ губернатору на-ухо....

ЧИРИБЕЕВЪ. Что, что? шепнулъ, вы говорите?

ШАФЕРЪ. Затѣмъ началъ говорить губернаторъ....

ЧИРИБЕЕВЪ (съ крайнимъ любопытствомъ). Ну?

ШАФЕРЪ. Вотъ, говорить, человѣкъ, который, говорить, женится....

ЧИРИБЕЕВЪ. А-га! Вотъ гдѣ соль-то!

ШАФЕРЪ. Еще бы! Я вамъ скажу, это такія вещи были, что страшно подумать!

ЧИРИБЕЕВЪ (успокоиваясь). Ну, слава Богу, что все это такъ кончилось. Однимъ словомъ, вы не нашли ничего такого, а?

ШАФЕРЪ. Ничего такого, положительно!

(Всѣ трое: Чирибеевъ, жена его и шаферъ приближаются къ концу залы, гдѣ стоятъ пріатели и во главѣ ихъ Егоръ Ивановичъ).

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (командуетъ пріателямъ). Какъ подойдетъ сюда — кричи: ура! Спрячься за когонибудь, учитель: твоя рожа вовсе неприлична въ этихъ случаяхъ. (Пріатели начинаютъ оправляться. Чирибеевъ, завидя Егоръ Ивановича, отдѣляется и идетъ ему на встрѣчу) Стой! не надо ура! Я самъ переговорю съ нимъ. Спрячься же говорю, ради Христа спрячься, учитель.

(Учитель прячется. Чирибеевъ подходитъ къ Егору Ивановичу и начинаетъ говорить съ нимъ).

ЧИРИБЕЕВА (обращаясь къ шаферу). Во всякомъ случаѣ вамъ и вашей распорядительности мы обязаны сегодня многимъ. Будьте покойны! Я и мой мужъ — мы рѣшимъ этотъ процессъ, о которомъ вы меня просили, въ вашу пользу. Кажется, дѣло о наследствѣ?

ШАФЕРЪ. На мою долю приходится триста десятинъ, при нихъ маленькое имѣніе съ небольшимъ количествомъ душъ...

ЧИРИБЕЕВА. Запишите мнѣ номеръ дѣла. Не благодарите, полноте, это только часть того, чѣмъ мы вамъ обязаны. Нѣтъ ли еще чего у васъ въ гражданской палатѣ? Можетъ быть вашъ другъ, или знакомый чтонибудь имѣютъ: мы все можемъ сдѣлать. Я знаю, напримѣръ, что теперь у папа есть нѣсколько свободныхъ вакансій, и потому мы можемъ дать мѣсто, наконецъ чинъ или орденъ. Папа напишетъ въ Петербургъ, понимаете? Да, вотъ еще: не нужно ли кого будетъ просить по этому дѣлу, а? Можетъ быть въ сенатѣ, а?

ШАФЕРЪ. Нѣтъ, все это въ гражданской палатѣ.

ЧИРИБЕЕВА. Ну такъ объ этомъ и говорить не стоитъ. Напишите сейчасъ же номеръ вашего дѣла и кстати коротенькую записочку, понимаете?

(Идутъ оба къ столу: шаферъ садится и пишетъ; Чирибеева стоитъ, опершись на столъ руками).

Чирибеевъ (Егоръ Иванычу). Все-таки не слѣдовало бы выпустить ихъ. По крайней мѣрѣ, какъ ведутъ себя?

Егоръ Иванычъ. Какъ нельзя было ожидать, другъ. И какъ, говорятъ, если бы ты зналъ! Я былъ въ восхищеніи.

Чирибеевъ. Все-таки бы лучше удержать ихъ. Теперь Богъ знаетъ, что можетъ выйти.

Егоръ Иванычъ. Могъ ли я удержать, когда они стучать въ дверь, ломятся, прутъ, особенно учитель: «пусти!» кричить, да еще по латыни! Ты самъ понимаешь, что если человѣкъ начинаетъ стучать, то съ нимъ уже ничего не сдѣлаешь. Я и принужденъ былъ уступить. Но я хотѣлъ сначала выпускать ихъ по двое, съ тѣмъ, чтобы посидѣли тамъ и опять въ кабинетъ, а потомъ по очереди еще двое. Тутъ-то поднялся страшный скандалъ, и все, что тамъ ни было, пришло въ азартъ. Стали задѣвать и мою личность. — «Видѣть, видѣть!» кричать. «Намъ видѣть надо!» Что жъ послѣ этого? Ты самъ знаешь, что если ужъ человѣкъ видѣть хочетъ, то отъ него отойди и только.

Чирибеевъ. Дѣло въ томъ, что не слѣдовало приглашать. Я вижу теперь, что со многими даже незнакомъ....

Егоръ Иванычъ. О, полно! Столько разъ встрѣчался, говорилъ, видѣлъ наконецъ — этого уже достаточно, чтобы быть знакомымъ. Наконецъ ты самъ виноватъ. Не ты ли мнѣ кричалъ тогда: «зови всѣхъ, зови всѣхъ, кого я люблю, кого только видѣлъ и кому можетъ быть буду полезенъ. Я хочу, чтобы свадьба была торжественна!» Послѣ этого, когда я увидѣлъ, что остались пригласительные билеты, я пошелъ на распутія.

Чирибеевъ. И собралъ всякую сволочь. Напримѣръ, учитель: что это такое? Зачѣмъ онъ тутъ?

Егоръ Иванычъ (съ особеннымъ чувствомъ). Женщины, другъ, ты, кажется, потерялъ всю гуманность. Можно ли такъ судить людей? Я видѣлъ человѣка дикаго, необразованнаго, — и видѣлъ, что общество можетъ имѣть на него влияние; я нарядилъ его во фракъ — и это одно уже возвысило его; я далъ ему перчатки — и сердце его стало женственно; я показалъ ему свѣтъ, во всемъ его такъ сказать разнообразіи.... Чѣмъ я виноватъ, что эта скотина осталась глуха ко всѣмъ моимъ прививкамъ?

Чирибеевъ. Ты виноватъ ужъ тѣмъ, что пьянъ.

Егоръ Иванычъ. Ты оскорбляешь меня, другъ.

Чирибеевъ. Ты едва живъ.

Егоръ Иванычъ. Ты задѣваешь мою личность.

ЧИРИБЕЕВЪ. Повторяю, ты пьянъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Повторяю, твои выраженія ескорбительны.

ЧИРИБЕЕВЪ. Дуракъ!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Помни: это я только отъ тебя сношу.

ЧИРИБЕЕВЪ. И негодай!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. И этого я ни отъ кого бы не вынесъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. И скоть.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Довольно! еще одно слово и я затѣю скандалъ.

(Чирибеевъ беретъ Егора Иваныча за руку, отводитъ всторону и начинаетъ говорить съ нимъ).

ЧИРИБЕЕВА (обращаясь къ шаферу и указывая глазами на притомленнаго Егора Иваныча). Я удивляюсь, какъ эти люди еще живутъ: они всё даже безъ перчатокъ, вотъ точь-въ-точь какъ эти глупые, простые мужики, которые живутъ въ деревняхъ, безъ всякаго образованія, вѣдая богъ-знаетъ-что, и не знаютъ никакихъ потребностей. Когда я вижу этихъ несчастныхъ, я невольно содрагаюсь и стараюсь поскорѣе закрыть глаза: нельзя видѣть, какъ это все низко и бѣдно. Но что всего удивительнѣе — они не умѣютъ соблюдать даже той чистоты и опрятности, которая по крайней мѣрѣ не колола бы глаза: вѣдь это такъ легко!

ШАФЕРЪ. Умъ безъ образованія не можетъ вникать въ эти высшія потребности жизни.

ЧИРИБЕЕВА. О, да! Образованіе такъ много значитъ въ наше время: оно даетъ тонъ всему, не правда ли?

ШАФЕРЪ. Даже болѣе: сообщаетъ лоскъ.

ЧИРИБЕЕВА. Безъ котораго человѣкъ, какъ бы ни былъ уменъ, что бы ни сдѣлалъ для общества, онъ все-таки что-то неполное.

ШАФЕРЪ. Не конченное!

ЧИРИБЕЕВА. Именно! Я еще могу допустить, если онъ человѣкъ богатый, со связями; но если онъ бѣдный человѣкъ, вотъ какъ эти господа, и если онъ хочетъ войти въ общество, въ этотъ высшій кругъ, въ которомъ должны жить порядочные люди, — то я думаю и онъ долженъ исполнять тѣ высокія обязанности, которыя на насъ возложены; яенѣ говоря: онъ долженъ имѣть манеры, перчатки, наконецъ этотъ тактъ, свойственный тому высокому кругу людей, въ который допускаются избранные. И если даже судьба завела какого набудь несчастливца

въ наши аристократическія гостинныя, въ наши салоны, если уже онъ, говорю, разорвалъ эту преграду, отдѣлявшую его отъ свѣта, то мы требуемъ много отъ такого человѣка! О, какъ много мы требуемъ тогда отъ него! Онъ вошелъ безъ связей, безъ богатства (съ возрастающимъ жаромъ), пусть же замѣнитъ все это, пусть, говорю, замѣнитъ умомъ, талантами; пусть отрѣшится отъ старыхъ привычекъ и привязанностей, приобрѣтетъ наши манеры, нашъ взглядъ, наше умѣнье поставить себя, вести себя съ людьми, — пусть, наконецъ, надѣнетъ перчатки: вотъ тогда онъ составитъ себѣ карьеру! Что эти господа кричатъ намъ о любви, о безкорыстїи и еще тамъ богъ-знаетъ о чѣмъ! Все это такія ненужныя, такія закулисныя вещи. Самые древніе, самые аристократическіе роды составлялись и выдвигались изъ низкой среды еовсѣмъ на иныхъ началахъ. Эти высшіе интересы, эти принципы общей жизни, интересы родства и связей — требуютъ вовсе не тѣхъ качествъ, которыя превозносятъ эти господа. Не надо намъ этихъ господъ, этихъ выскочекъ, толкующихъ о прогрессѣ и безкорыстїи. Ахъ, Боже мой! Зачѣмъ они намъ? Они колятъ намъ глаза своими угловатыми манерами, загорѣлыми руками безъ перчатокъ, истертыми шляпами и наглыми рѣчами объ этомъ пресловутомъ безкорыстїи! Нѣтъ, нѣтъ! Не надо намъ такихъ господъ! (Садится въ изнеможенїи на стулъ).

Шлаферъ. И стоятъ ли эти господа, чтобы такъ тревожить себя?

Чирибеева. Ахъ, не говорите! Двухъ словъ не стоятъ они — эти господа; но они возмущаютъ нашъ покой, нашъ сонъ, въ которомъ такъ хотѣлось бы, хотѣлось бы забыться! (Закрываетъ глаза и забывается; шаферъ почтительно стоитъ и смотритъ на нее).

Егоръ Ивановичъ (Чирибееву). Еще бы! Развѣ бы я ихъ вышустилъ такъ, зря, какъ говорится? Я далъ имъ инструкціи, заставилъ разсуждать о достойныхъ матерїяхъ, самъ избралъ тему, и признаюсь, былъ удивленъ: я увидѣлъ свѣтлый взглядъ, умѣнье вести разговоръ, и если бы ты зналъ, какой вкусъ въ выборѣ самыхъ предметовъ! Такъ сначала они говорили о литературѣ, касались политики, и все такъ серьезно, умно: я ожидалъ гораздо меньшаго! Я желалъ одного, чтобы сидѣли молча. Однимъ словомъ — бѣды нѣтъ, и если они уже приглашены, то ты не рѣшишься выгнать.

Чирибеева. Конечно, это было бы свинство.

Егоръ Ивановичъ. Свинство, мой другъ, свинство.

ЧИРИБЕЕВЪ. Надо только заботиться о томъ, чтобы смѣли тихо.

Егоръ Ивановичъ. О, они народъ смиренный! Я не жалуясь. Попробуй, поговори самъ, они ничего! Да подойди, не бойся. Отъ учителя, пожалуй, дальше: этотъ, о чемъ бы ни рассказывалъ, все одно начало: однажды, говорить, я былъ пьянъ.... Но тутъ, замѣть, и порядочный народъ есть, даже очень, очень порядочный! Вотъ, на примѣръ, учитель гимназiи: онъ тебѣ все скажетъ, что ни спроси. И какъ преподаетъ свой предметъ! Ты съ нимъ поговори. У него здѣсь отецъ, мать — онъ самъ изъ Кiева: прекрасный человекъ! Затѣмъ уѣздный учитель: объ этомъ прямо скажу, что другаго такого не найдешь. Что за голова! Особенно, онъ теперь пьянъ и въ экстазѣ. Подойди къ нему. Онъ знаетъ все, все рѣшительно! Голова такая, повторю, что весь свѣтъ выходи — не найдешь. Но если ты хочешь дѣйствительно съ кѣмъ поговорить и отвести, что называется, душу: обратись къ стряпчему. Онъ, правда, подъ судомъ, но это ничего. Это ровно ничего. Я позвалъ его именно потому, что рѣдкій человекъ. Онъ собственно ничего не дѣлаетъ, но занимается философiей. Это видно по всему. Я знаю, я увѣренъ въ этомъ, хотя онъ собственно и скрываетъ. Вотъ поэтому-то ты не касайся съ нимъ о религiи.

ЧИРИБЕЕВЪ (тайно). А что? Развѣ чтонибудь, а?

Егоръ Ивановичъ. Ужасно, ужасно! Волосъ дыбомъ становится, когда слышишь отъ него эти вещи.

ЧИРИБЕЕВЪ. Либераль?

Егоръ Ивановичъ. Хуже! мормонистъ, — однимъ словомъ.

ЧИРИБЕЕВЪ (съ крайней таинственностью). Что? Ужъ не изъ масонскихъ ли?

Егоръ Ивановичъ (съ жаромъ). Все, все рѣшительно! Я тебѣ говорю — это перлъ, жемчужина! Два года въ острогѣ выси-дѣлъ: кажется, этого достаточно! Я увѣренъ впрочемъ, что когда ты увидишь самъ, то вполне оцѣнишь. Да и всѣ болѣе или менѣе дѣльный народъ. Не хочешь ли, я тебѣ представлю нѣкоторыхъ? Стой! это будетъ торжественно! Сядь вонъ тамъ и я буду представлять тебѣ по одиночкѣ. Кого хочешь сначала? Учителя? Слава-Богу, что мы успѣемъ во время: они еще не совсѣмъ пьяны и, надѣюсь, выдержатъ. Садись же вмѣстѣ съ женой и представь себѣ, что ты даешь торжественную аудiенцію, приемъ эдакій великолѣпный. Представь себѣ, что это депутація съ

Алеутокихъ острововъ, или, наконецъ, съ Новой Зеландіи. Не хочешь ли даже, чтобъ кто нибудь рѣчь сказалъ? Вѣдь тутъ есть такія головы....

Чиривеевъ. Вообще мнѣ не хотѣлось бы ничего подобнаго. Что можетъ быть общаго между мною и этими людьми?

Егоръ Ивановичъ. О Боже, какъ извратилась твоя природа! Какъ въ одинъ вечеръ извратилась твоя природа! Нѣтъ, мой долгъ, моя обязанность возстановить твою гуманность, которую ты такъ безбожно потерялъ. Я возвращу тебя человѣчеству. Вспомни, прошу тебя, наше время, прежде сословныхъ отношеній, полное гуманныхъ вещей, либеральныхъ тенденцій....

Чиривеевъ. Время хорошее, что говорить! Особенно, если вспомнить эти вопросы....

Егоръ Ивановичъ. Особенно, повторю, если вспомнить эти вопросы. Да, другъ! Мы живемъ въ чудную эпоху: каждый субъектъ и недѣлимый цвѣтетъ, такъ-сказать, подъ своею смовинницею.

Чиривеевъ. Такъ, Егоръ Ивановичъ: лучше даже нельзя прибавить выраженія.

Егоръ Ивановичъ. Дивное время, однимъ словомъ!

Чиривеевъ. Эпоха, какихъ мало!

Егоръ Ивановичъ. По улицѣ идешь — на вопросъ натыкаешься.

Чиривеевъ. Умъ постоянно занятъ.

Егоръ Ивановичъ. Напряженъ, сосредоточенъ....

Чиривеевъ. Онъ ждетъ чего-то, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Ивановичъ (съ особеннымъ одушевленіемъ). И дождемся, Александръ Сергѣичъ: будь покоенъ!

Чиривеевъ (одушевляясь). И дождемся, Егоръ Ивановичъ: будь покоенъ.

Егоръ Ивановичъ. Да! божественный идеаль превозмогъ.

Чиривеевъ. Скажи лучше: нити, связывавшія человѣчество, порваны.

Егоръ Ивановичъ. Чепухи уже нѣтъ — вотъ что я скажу.

Чиривеевъ. Господствуетъ истина! что я скажу — тѣ же самыя слова.

Егоръ Ивановичъ. Рай воскресенъ на землѣ — прежняя мысль.

Чиривеевъ. И время свершило кругъ свой, достигло апогея.

Егоръ Ивановичъ. Хе! да еще какого! Однимъ словомъ, сядь подь смоковницей...

Чирибеевъ. Срывай плоды....

Егоръ Ивановичъ (торжественно). Вкушай!
(Молчаніе. — На другомъ концѣ залы).

Чирибеева (обращаясь къ шажеру). Въ нашъ вѣкъ, когда интересы такъ многосложны и всякій думаетъ только о себѣ, — особенно вамно разбирать знакомства. Александръ мнѣ расхваливалъ этихъ людей безъ перчатокъ, если можно такъ выразиться: но я, признаюсь, не вижу ничего хорошаго.

Шаферъ. Я даже не думаю, чтобы чтонибудь могло быть.

Чирибеева. О, конечно. Вѣдь это сейчасъ видно. Слава богу, что въ наше время не даютъ ходу такимъ людямъ.

Шаферъ. Наше время слишкомъ щекотливо для этого.

(На другой сторонѣ залы).

Егоръ Ивановичъ. Вообще: чуть только дѣло обѣщаетъ скандалъ, — я уже волнуюсь и трогаюсь. Другъ! ради этого хоть — не откажи въ моей просьбѣ! Ступай и уговори жену, что это нужно, необходимо, неизбежно. Докажи ясно какъ день, вразуми, увледи ее, — сотвори такъ сказать изъ ничего! Ты убьешь и меня и этихъ молодцовъ, если не представишь ихъ женъ. Посмотри, что за народъ, — полюбуйся! Въ нихъ то, другъ, живутъ идеи вѣка, зрѣютъ сѣмена... Это юная Россія: она еще, правда, не возмужала, не окрѣпла; къ тому жь они немного пьяны — но что это за народъ, когда захочетъ протрезвиться! Боже! краше этотъ цвѣтъ юности!

Чирибеевъ. Егоръ Ивановичъ! Ты какъ будто въ самомъ дѣлѣ растрогался.

Егоръ Ивановичъ (трогательно). Не смотри на это, другъ! Я знаю, есть люди, которые привыкли считать меня камнемъ, безчувственнымъ камнемъ — но полно объ этомъ! Въ наше время одни только подлецы встрѣчаютъ сочувствіе,

(На другой сторонѣ залы).

Чирибеева (шажеру). Ваша правда! Призраки въ наше время потеряли значеніе, и я бь сама хотѣла видѣть добродѣтельнаго человѣка такъ, какъ его описываютъ въ книгахъ. Да и что намъ за нужда до того, кто творить добро? Не дѣлай, только намъ за, а тамъ — Господь съ тобой! — живи какъ хочешь. Притомъ самое добро такъ неопредѣленно: у насъ объ этомъ вообще смутныя понятія.

Шаферъ. Ваши слова — сама истина. Добро еще не составляетъ цѣли.

Егоръ Ивановичъ. Въ нашъ вѣкъ, другъ, — вѣкъ гуманнѣйшій и просвѣтленнѣйшій чистыми взглядами. — Ты понимаешь ли меня, другъ?

Чирибеева (шаферу). О, если вы объ этомъ только просите, то и не стоить говорить. Папѣ просто можетъ выгнать какого нибудь секретаря изъ своей канцелярш и дать вашему знакомому мѣсто. Это ничего не значитъ.

Шаферъ. Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только жалѣть о томъ, что не нахожу словъ для моей благодарности.

Егоръ Ивановичъ (Чирибееву). Посмотри, какое просвѣщеніе кругомъ! Найдешь ли ты теперь хоть одного разбойника въ лѣсу?

Чирибеева (шаферу). Папѣ задавить кого угодно, если нужно, то—есть если это послужитъ къ пользѣ.

Егоръ Ивановичъ (Чирибееву). Итакъ ты согласенъ! Благодарю! Ты воскресилъ меня. Ступай же и садись рядомъ съ женой! Эко жаль, нѣтъ возвышенія! По крайней мѣрѣ возьми кресла и отнюдь не садись на стульяхъ!

Чирибеевъ. Такъ ты по крайней мѣрѣ скажи мнѣ, чтобы все было чинно и прилично.

Егоръ Ивановичъ. Что тутъ толковать! Этими самыми словами и передамъ: чуть только, скажу, кто: сейчасъ въ ухо! Вообще я долженъ буду имъ сказать маленькую энергическую рѣчь, чтобы они съ своей стороны почувствовали. Да они, впрочемъ, знаютъ мой характеръ. Они понимаютъ меня вдоль и поперекъ. Иди и устраивай! (Чирибеевъ верѣшительно идетъ къ жемъ; Егоръ Ивановичъ вслѣдъ ему продолжаетъ.) Подлинно судьбы Божіи неисповѣдимы! Геніальнѣйшій планъ мой готовъ былъ разрушиться, но теперь, слава Богу, есть канва, по которой я вышью такіе узоры, что голова пойдетъ кругомъ. Я еще не знаю, какая цѣль всего этого: но это, впрочемъ, все равно. Если все дѣлать съ цѣлью, то лучше ничего не дѣлать. Нѣтъ, чортъ возми! Весело жить на свѣтѣ, особенно когда всякая чепуха лѣзетъ въ голову!

(Подходить къ пріятелямъ и становить ихъ въ известномъ порядкѣ, который виденъ изъ слѣдующихъ сценъ. Затѣмъ говоритъ имъ краткую, но сильную рѣчь).

Егоръ Ивановичъ (пріятелямъ). Слушай, народъ! Я знаю, вы всегда были умны, но этого пока отъ васъ не требовалось: теперь есть случай показать себя. Смотрите же — отвѣчать умно,

взвѣшивать каждое слово, и вообще еще равъ повторяю: кто не рискуетъ физиономіей, пусть ведетъ себя прилично! Понимаешь, учитель? Это особенно тебя касается. Вообще какъ ни трудно, удержитесь: вамъ предстоитъ многое. Довѣрьтесь мнѣ. Я выведу васъ въ люди, дамъ вамъ чины и ордена; малѣйшій же скандалъ—и вы погибли. Тогда не спасу васъ даже я.—Оправьтесь. Сейчасъ буду представлять васъ ея сіятельству, урожденной княжнѣ.

Учитель гимназіи. Но что изъ этого выйдетъ, Егоръ Ивановичъ?

Егоръ Ивановичъ (нѣсколько запальчиво). Тебѣ ли, каналья, судить о моихъ планахъ и намѣреніяхъ, слѣдить за орлинымъ полетомъ генія? Молчи—и да поразитъ тебя громъ небесный!

(Уходитъ къ Чирибеевымъ).

Учитель гимназіи. Господи! Егоръ Ивановичъ чисто какъ патриархъ межъ нами: ругается такъ, какъ никто.

(На другой сторонѣ зады въ это время Чирибеевъ и жена его усаживаются рядомъ на креслахъ. Шаферъ становится за кресломъ Чирибеева).

Чирибеева (сажаясь, мужу). Единственно изъ любопытства видѣть этихъ людей я уступаю ихъ просьбѣ представиться мнѣ. Надѣюсь, что это не сочтется за особенное снисхожденіе, которымъ, слава-богу, мы никому не обязаны.

Егоръ Ивановичъ (подходитъ къ Чирибеевымъ и обращается преимущественно къ Чирибеевой). Позвольте, ваше сіятельство, представить вамъ.

Чирибеева. Во-первыхъ, почему вы называете меня сіятельствомъ?

Егоръ Ивановичъ (почтительно). Можетъ быть я ошибаюсь, по свойству вообще всего человѣчества; но только мнѣ хорошо помнится, что ваша матушка была урожденная княгиня Савинова.

Чирибеева. Ахъ, да! она умерла пять лѣтъ тому назадъ.

Егоръ Ивановичъ (стоитъ въ необыкновенно-почтительной позѣ, в отъѣчая, нѣсколько кланяется и прижимаетъ руку къ сердцу). Ровно пять лѣтъ, ваше превосходительство.

Чирибеева. И какъ хороша была собой — помните?

Егоръ Ивановичъ. Какъ теперь вижу, ваше сіятельство.

Чирибеева (одушевляясь). Помните, помните: высокая росомъ....

Егоръ Ивановичъ (на-обумъ). Брюнетка...

ЧИРИБЕЕВА (съ живостью). Ахъ, нѣтъ: блондинка! Нѣтъ, вы забыли: она блондинка! Вспомните хорошенько: блондинка съ примѣсью *châtain*, а? Не правда-ли? Еще она носила такіа платья... Я все говорила ей, что она туго стягиваетъ корсетъ... (Погружается въ воспоминанія и говоритъ медленно и тожно) Милая, добрая тата! Ты всегда такъ туго стягивалась, такъ туго... но что говорить объ этомъ! Ты была такая милая, добрая тата! (Молчаніе) И какъ она знала свѣтъ! Въ домѣ всѣ титуловали ее княгиней и вы на всѣхъ ея карточкахъ, на всѣхъ рѣшительно, увидите: урожденная такая-то. Ее убивало особенно то, что у насъ тогда еще не были достаточны средства: мы могли прожить только тысячъ семь-восемь въ годъ, и она постоянно страдала отъ этого. О mon Dieu, mon Dieu! Я не смѣю роптать на тебя, но какъ часто и какъ несправедливо страдаютъ иногда люди отъ этихъ вещей. Можетъ быть это и свело ее въ гробъ. Наше положеніе требовало много, много средствъ, и папа уже тогда расплатился съ долгами, которые оставила тата, когда получилъ мѣсто. Тутъ, правда, мы стали жить открытѣй. Но я помню, что ни балы, которые стоили такъ дорого, ни эти утренніе съѣзды—ничто не развлекало меня послѣ потери тата. Одно только было утѣшеніе, что средства наши увеличились, потому что служба, которую получилъ тогда папа, была необыкновенно выгодна. Мы, несмотря на очень незначительное жалованье, не только вышли изъ долговъ, но даже постоянно давали вечера и балы, и я такъ много танцевала тогда, такъ много, что рѣшительно не понимаю, какъ я выносила это. Съ утра до поздней ночи у насъ были гости, мы шутили, смѣялись, и если бы не мысль о тата, которая отравляла все мое существованіе, я не знаю какъ бы весело было мнѣ. Меня постоянно просили пѣть, играть—и я пѣла, пѣла... О, какъ много я тогда пѣла! Золотое время! Какъ скоро прошло оно! (Молчаніе. Съ живостью) Но я готова спорить о чемъ хотите, что тата была *châtain* — хотите пари? тысячу, двѣ тысячи — хотите? Припомните хорошенько! Что, припоминаете?

Егоръ Ивановичъ. Теперь ясно. ваше сіятельство, такъ ясно, какъ будто вижу.

ЧИРИБЕЕВА. Вотъ видите ли! Я никогда не ошибусь въ этомъ случаѣ. (Опять погружается въ воспоминанія) О, тата, тата! Не бойся, я никогда не ошибусь въ этомъ случаѣ. (Говоритъ отрывочно, съ паузами) Но это было такъ давно, давно! И я должна

была сказать тебѣ: adieu, adieu pour jamais! — Вотъ и кузины нѣтъ! Où est - elle, ma cousine, ma chere cousine? Oui, elle est morte! Ma princesse est morte!... Пышные похороны, дивный, грандіозный катафалкъ и папа въ слезахъ! Я утѣшала его, но онъ говорилъ, что это такъ нужно.... Qu'est - ce que la vie? Умирая, кузина умоляла меня беречь ея собачку, — но и собачка умерла. Mon petit chien! où est tu, mon petit chien? Она умерла такъ тихо, тихо, закрыла глазки и протянула мордочку..... O mon Dieu, mon Dieu! Vous devez voir mon coeur! Qu' est ce que la vie enfin!... Какъ живо это все помнится, однако... Маман, маман! (Опускаетъ глаза и какъ бы погружается въ забытость. Тишина. Егоръ Ивановичъ поднимаетъ оба указательные пальца, и, ни на кого особенно не глядя, торжественно произноситъ:)

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Ссс....

(Слышатся голоса въ толпѣ пріятелей:)

1-й. Что она, спитъ?

2-й. Чхни, учитель! сейчасъ проснется.

3-й. Дай табаку, я чхну.

4-й. Боже, какая дыра у учителя на фракѣ!

Нѣсколько голосовъ: гдѣ, гдѣ? показывай!

5-й. О, если бъ мнѣ устоять на ногахъ!

6-й. Вотъ ужъ подлинно дыра!

7-й, Молчи, собака!

8-й. Чудеса, ей-Богу! Гдѣ дыра?

(Въ толпѣ начинается движеніе и шумъ; учитель трясетъ за вихоръ Николая Абрамыча. Чирибеева поднимаетъ глаза: пріятели утихаютъ и оправляются.)

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. (Чирибеевой). Позвольте вашему сіятельству представить....

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, да! Егоръ Ивановичъ! мы очень рады. Представляйте, рекомендуйте намъ, Егоръ Ивановичъ. Пусть подходятъ по одному и пусть каждый намъ чтонибудь скажетъ, чтобы мы могли видѣть его характеръ, занятія, и все то, что мы желали бы знать въ отношеніи этихъ людей.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (почтительно наклоняя голову и прижимая руку къ сердцу). Все это ясно обнаружится предъ вашимъ сіятельствомъ. (Обращаясь къ пріятелямъ) Прошу покорно, господа!

УЧИТЕЛЬ ГИМНАЗІИ (подходить и говорить:) Учитель здѣшней гимназіи, Иванъ Прокофичъ Третьяковъ.

Чирибеевъ. Очень радъ! Какой предметъ собственно читаете?

Учитель гимназiи. Преподавалъ математику, затѣмъ перешелъ на русскую словесность.

Егоръ Ивановичъ (Чирибеевой). То есть литературу, ваше сiятельство.

Учитель гимназiи (продолжая). Когда же—царство небесное—умеръ Захаръ Петровичъ....

Егоръ Ивановичъ. Пренный ихъ начальникъ, прекрасный человекъ!

Учитель гимназiи. То запялъ каедру греческаго языка...

Егоръ Ивановичъ. Вотъ ужъ именно древнiй языкъ, ваше сiятельство.

Учитель гимназiи. Съ уничтоженiемъ котораго читаю ботанику.

Егоръ Ивановичъ. Вполнѣ современная наука!

(Учитель кланяется и отходитъ).

Чирибеевъ (женѣ). Вотъ голова: на все!

Чирибеева. Да, вѣдь и изъ этого класса бываютъ иногда...

Егоръ Ивановичъ. Прекрасный учитель, ваше сiятельство! Вся педагогiя въ городѣ, такъ сказать, на его рукахъ. Министръ его лично знаетъ и общалъ уже хлопотать о томъ, чтобы ему дали мѣсто инспектора. Вполнѣ достойный уваженiя человекъ. Двадцать лѣтъ на службѣ и, что всего удивительнѣе, нисколько не замаранъ! Его, впрочемъ, скоро сдѣлаютъ академикомъ. Онъ подалъ проэктъ объ уничтоженiи гимназiй, которыя должны будутъ обратиться въ такъ-называемые универсальные курсы наукъ, основанные преимущественно на вѣрѣ и нравственности, и вмѣстѣ издавалъ опытъ грамматики чухонскаго языка, который былъ увѣнчанъ премiей и напечатанъ въ Извѣстiяхъ академiи наукъ.

Чирибеева. Что это такое, Извѣстiя академiи наукъ?

Егоръ Ивановичъ. О, ваше сiятельство! это настольная книга всякаго образованнаго человекъ. Тамъ все больше опыты и значенiя: «Опытъ о Жмуди», «Опытъ обуквѣ л», «Значенiе буквы ѿ въ русской литературѣ»; «Гдѣ жили финны въ седьмомъ столѣтiи, откуда есть пошла русская земля, и почему Кириллъ не называется Меѳодiемъ, а Меѳодiй напротивъ Кирилломъ»? Особенно замѣчательна статья: «Глагольскiя древлеписанiя». Вообще множество статей! Оно и понятно: жалованье огромное и за каждую

статью громадная премія! И какія вещи за то откапываютъ тамъ: во снѣ не спилось иному! Ижицу съ оитой—ужь на что хуже—я ту разбирають, вездѣ причину видять, все знать хотять, да вѣдь какъ? Все подай! Почему, да какъ, да откуда,—да гдѣ жилъ и когда, и отчего не жилъ тутъ, и зачѣмъ ушелъ, если жилъ—удивительно вообще! То есть трудно даже представить себѣ, какъ это все у нихъ тамъ! Ижицу, говорю, — и ту доканали! И вѣдь куда забирается иной, подумашь: все эдакъ наровить въ шестое или седьмое столѣтіе! И все вѣдь не спросту, не какъ себѣ, а съ предисловіемъ: что, какъ, почему—такіе резоны, что иному—только руками развести такъ въ пору. Любознательность вообще чортовская! смѣлка дьявольская! Самый что ни есть маленькій изъ нихъ—и тотъ собаку съѣлъ на этомъ. Тамъ впрочемъ и не трудно, потому ходъ имъ большой; придетъ, напимѣръ, сядетъ, раскланяется, разумѣется: такъ и такъ говорить, такой-то вопросъ. Берутъ, положимъ, какуюнибудь букву и начинаютъ за сѣданіе. Секретарь возглашаетъ: такая-то, говорить, буква въ такой-то азбукѣ—ну, разумѣется, годъ, когда издана и кѣмъ—возбудила, говорить, крайнее несогласіе въ членахъ академіи, потому, говорить, предлагаемъ ее на всеобщее благоусмотрѣніе. Начинается крикъ, споръ: одинъ говорить то, другой это; я, говорить, знаю; ему отвѣчаютъ: врешь; нѣтъ, говорить, не вру,—я всѣхъ васъ за-поясъ заткну,—въ этомъ родѣ. Но все, конечно, вѣжливо и чинно, безъ скандала. Вопросъ, положимъ, и не рѣшенъ, но статья готова: такъ и пишется: подробное, говорить, мнѣніе такого-то о буквѣ такой-то. За статью, разумѣется, деньги: что жь еще? Удивительно, говорю, вообще. Иначе, впрочемъ, и не можетъ быть.

Чирибеевъ. Да и трудно себѣ представить иначе.

Егоръ Ивановичъ. Что и говорить! Рѣшительно невозможно! Я самъ хочю помѣстить статейку, да все какъ-то не удается.

Чирибеевъ. А вотъ бы хорошо, Егоръ Ивановичъ, попасть въ члены академіи.

Егоръ Ивановичъ. Пустяки! Напиши только грамматику да сѣлай такъ, чтобъ она не совѣмъ похожа была на другія. Особенно же займись предисловіемъ. Тутъ можно и похвалить кой-кого.

Чирибеевъ (въ раздумьи). Да! подписываться бы сталъ: членъ академіи, такой-то.

Егоръ Ивановичъ. Послѣ, пожалуй, хоть ничего не пиши: все будешь членъ.

Чирибеевъ. Еще бы! Послѣ—то, конечно, не стоитъ. Такъ вѣдь и дѣлаютъ, а?

Егоръ Ивановичъ. А ты думалъ иначе? На первый разъ только постарайся, а потомъ всякая дичь пойдетъ съ рукъ и деньги большія получать будешь. Однихъ премій что нахватаешь! Да и генераломъ тотчасъ же сдѣлаютъ! Все зависитъ отъ того, какъ сѣмъ будешь поставить себя! Я самъ всѣ эти штуки знаю и скажу одно: особеннаго ничего не нужно! Доходовъ, впрочемъ, никакихъ и взяткоу не бываетъ. Слава за то большая! Года черезъ два я самъ надѣюсь попасть туда, потому что секретарь мнѣ другъ и пріятель и на дняхъ еще извѣщалъ меня письмомъ, что академія нуждается въ членахъ! Впрочемъ это покаместъ тайна и я никому не говорю, иначе легко возбудить зависть, потому что какъ бы то ни было, а все-таки «академикъ»! Егоръ Ивановичъ академикъ—а? Другъ, тебѣ грѣхъ будетъ, если ты не порадуешься этому. Надѣюсь, впрочемъ, что буду вполне достойнымъ членомъ. Мнѣ, повторяю, извѣстны всѣ эти штуки. Науки же я любилъ всегда, и если Богъ дастъ впоследствии...

(Подходятъ Учитель духовнаго училища и стоитъ молча.)

Егоръ Ивановичъ (указывая на учителя и продолжаетъ). Вотъ это у насъ Еремѣй Федорычъ, ваше сіятельство. (Учителю) Говори, Еремѣй Федорычъ, говори что нибудъ, чтобы можно было видѣть—понимаешь—характеръ твой, занятія.... Прекрасно говорить по-латыни, ваше сіятельство.

Чирибеева (лоршируя учителя). Скажите намъ что-нибудъ по-латыни.

Учитель. Не могу-съ.

Егоръ Ивановичъ. Что нибудъ, Еремѣй Федорычъ: для насъ все равно.

Учитель. Въ настоящее время рѣшительно не могу-съ. Сами разсудите: сталъ ли бы я?

Егоръ Ивановичъ. Это правда, ваше сіятельство: у нихъ вообще развито благочестіе.

Чирибеева. А что, это занимательно—латинскій языкъ?

Егоръ Ивановичъ. О, ваше сіятельство, это краугольный камень всякаго воспитанія! Предметъ, необходимый всѣмъ и каждому! Кто же не знаетъ, какъ склоняется шевва? Я самъ—такъ какъ вы меня теперь видите—я до сихъ поръ еще могу проспря-

гать sum, хотя все остальное вышло давно изъ памяти и не оставило никакого слѣда. Patres conscripti—говорить въ одномъ мѣстѣ Цицеронъ. Не помню собственно, что онъ говоритъ, но только у меня ясно запечатлѣлось это первое громовое Patres conscripti.

ЧИРИБЕЕВЪ. A quousque tandem Catilina,—Егоръ Ивановичъ, развѣ не помнишь?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Еще бы! (Декламируетъ) Maecenas atavis edite regibus.

ЧИРИБЕЕВЪ (съ чувствомъ). O et presidi et dulce decus meum!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Sunt quos curriculum.—Да, другъ! если мы чѣмъ нибудь обязаны, то именно латинскому языку! И въ самомъ дѣлѣ: римское право, Цицеронъ, Гораций — все это такія вещи, отъ которыхъ голова кругомъ идетъ. Отъ него же мы приобрѣли всю эту гуманность?

ЧИРИБЕЕВЪ. Вѣрный взглядъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Быстрое соображеніе.

ЧИРИБЕЕВЪ. Обширный тактъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Здравый смыслъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Умѣнье всматриваться.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Вглядываться.

ЧИРИБЕЕВЪ. Обсуждать!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Судить! (Молчаніе). Счастливъ Еремѣй Федорычъ, который знаетъ весь этотъ Римъ какъ свои пять пальцевъ! Можетъ быть вашему сіятельству угодно, чтобъ онъ про-склонялъ что нибудь или проспиргалъ, напримѣръ мезза?

ЧИРИБЕЕВА. Что это такое мезза?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Это, ваше сіятельство, столъ; но римляне не называли столъ, а говорили просто: мезза.

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ да! это la table.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. La table, ваше сіятельство.

ЧИРИБЕЕВА (учителю). А что, вы служите гдѣ нибудь? (Учитель молчитъ). Онъ, кажется, не хочетъ отвѣчать намъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Онъ не смѣетъ этого слѣвать, ваше сіятельство. (Тихо, учителю) Голову ты съ меня снялъ, каналья! я те выучу говорить рѣчи по латыни! (Чирибеевой) Служба его, ваше сіятельство, при духовной семинаріи....

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, это тамъ, гдѣ религію учать.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Точно такъ, ваше сіятельство. Онъ тамъ всѣмъ завѣдуетъ. Почти главное лицо въ этомъ учрежденіи.

ЧИРИБЕЕВА. Пусть же онъ скажетъ намъ что нибудь изъ религiи!

Егоръ Ивановичъ. Еремѣй Федорычъ! Изъ религiи намъ что нибудь! (Тихо, учителю) Да говори, чортъ!

(Учитель молчитъ).

ЧИРИБЕЕВА. Бѣдный! Совсѣмъ молчитъ! — Неужели мы не удостоимся того, чтобы слышать васъ? (Учитель вмѣсто отвѣта кланяется и отходитъ). Какой смѣшной! Александръ Сергѣичъ, ему можно что нибудь изъ стараго платья....

(Егоръ Ивановичъ энергически показываетъ кулакъ учителю, который издали отвѣчаетъ ему тѣмъ же. Подходятъ между тѣмъ Николай Абрамычъ и кланяется).

Егоръ Ивановичъ (указывая на Николая Абрамыча). Это вотъ Николай Абрамычъ, ваше сiятельство. Тотъ самый, который говорилъ спичъ. Извѣстенъ болѣе, какъ литераторъ.

ЧИРИБЕЕВА (лорнируя). Ахъ, это вы! Не можете ли сказать намъ чего нибудь эскпромптомъ? (Егоръ Ивановичу) Вѣдь онъ говорить безъ приготовленiя?

Егоръ Ивановичъ. И еще какъ!

Николай Абрамычъ. Что прикажете—съ?

ЧИРИБЕЕВА. Что нибудь въ родѣ привѣтствiя.

Егоръ Ивановичъ. Что нибудь въ родѣ привѣтствiя—понимаешь?

ЧИРИБЕЕВА. Выйдите на средину и начните.

Егоръ Ивановичъ. Понимаешь? выйди на средину и начни.

ЧИРИБЕЕВА. Или представьте себѣ, что вы явились посланникомъ и объявляете намъ войну?

Егоръ Ивановичъ. Понимаешь? Изъ другаго царства.

ЧИРИБЕЕВА. Помните, какъ посоль Карла Смѣлаго объявляеть это Людовику XI—му?

Егоръ Ивановичъ. Помнишь, какъ это все тамъ?

Николай Абрамычъ. Отъ этого увольте: не могу—съ.

ЧИРИБЕЕВА. Почему же?

Николай Абрамычъ. Никогда не былъ въ такомъ положенiи—съ.

Егоръ Ивановичъ (въ сторону). Дуракъ! Какъ будто не все равно.

ЧИРИБЕЕВА. Ну, такъ изобразите намъ восходъ солнца — можете?

Егоръ Ивановичъ. Представь себѣ, что ты обращаешься въ къ солнцу.

ЧИРИБЕЕВЪ. Именно, именно: изобразите намъ солнце!

(Николай Абрамычъ выходитъ на средину).

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Да смотри: хорошенько почувствуй! Предметъ высокій! Воспались по возможности!

НИКОЛАЙ АБРАМЫЧЪ (воспалаясь). Великолѣпное свѣтло дня! Какъ назову я тебя?

ЧИРИБЕЕВЪ. Называйте просто солнце: это все равно.

НИКОЛАЙ АБРАМЫЧЪ (продолжая). Назову ли просто солнцемъ, — всевидящимъ, всезрящимъ солнцемъ, — или прямо обращусь съ холма сего съ изліяніемъ торжественныхъ чувствъ своихъ?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Онъ, ваше сіятельство, представляетъ себя на холмѣ и наглядно рисуетъ, такъ сказать, эту картину восходящаго солнца.

ЧИРИБЕЕВА. Прекрасно! Довольно впрочемъ съ него, Егоръ Ивановичъ. Мы видимъ уже по этимъ немногимъ словамъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. О, конечно, ваше сіятельство. Сейчас можно судить, трогательно или нѣтъ.

(Ник. Абрамычъ уходитъ. Подходить Алексѣй Ивановичъ и кланяется).

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Вотъ это, ваше сіятельство, художникъ.

ЧИРИБЕЕВА. А! Въ какомъ родѣ?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Необыкновенно разнообразенъ, ваше сіятельство. Нельзя уловить всѣ оттѣнки.

ЧИРИБЕЕВА. Талантъ?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (говоритъ скоро, не обинуваясь). Высокій! Изобразить все что угодно. Имѣетъ золотую медаль за прошлогоднюю выставку. (Художникъ смотритъ съ удивленіемъ на Егора Ивановича) Картина его была, кажется, избраніе Бориса Ѳедорыча. Любопытно было видѣть, какъ эти бояре валяются въ ногахъ. Одинъ, представьте себѣ, кувырнулся, другой хочетъ кувырнуться, и все это такъ мило, въ такомъ легкомъ тонѣ, что невольно радуешься. У одного вотъ такая борода (показываетъ, какаѣ борода), а тоже хочетъ кувырнуться, тоже бестія, хочетъ кувырнуться. Попы, разумѣется, въ ризахъ, съ кадилами поютъ и все это идетъ-идетъ... Въ самомъ же низу змѣй и Борисъ Ѳедорычъ пятой наступилъ на него; длинный-длинный во всю картину тянется, и Борисъ Ѳедорычъ пятой на него—вотъ такъ.

(Показываетъ, какъ Б. Ѳ. пятой наступилъ).

ЧИРИБЕЕВА. Что жъ это, аллегорія?

Егоръ Ивановичъ. Аллегорія, ваше сіятельство. (Помолчать) Но у него, ваше с-ство, свой собственный оттѣнокъ, ему только одному свойственный. Голубой цвѣтъ особенно нѣжно выходить. Вы какъ будто видите передъ собой это небо, зелень....

Чирибеева. Онъ пейзажистъ?

Егоръ Ивановичъ (рѣшительно). По преимуществу. Но что особенно хорошо выходитъ у него—это портреты. Если угодно в-му с-ству, онъ изобразить всю эту группу, которую вы теперь видите; на первомъ планѣ поставить, в-е с-ство.

Чирибеева. Ахъ, это было бы не дурно.

Егоръ Ивановичъ (увлекаясь болѣе и болѣе). Ему только ходу нѣтъ, ваше сіятельство. Я увѣренъ, что его картины были бы теперь въ Дрезденѣ, въ Саксоніи и Богъ знаетъ еще гдѣ! Но что же прикажете дѣлать, если нѣтъ ходу. (Подходитъ учитель уѣзднаго училища; Егоръ Ивановичъ съ жаромъ продолжаетъ). Вотъ, ваше сіятельство, какъ бы въ параллель ко всему этому, литераторъ: особенно рекомендую. Онъ можетъ изображать нравы, но всего лучше выходятъ у него характеры. Въ сороковыхъ годахъ напечатана у него повѣсть, которой восхищаются даже доселѣ. Вообще его сочиненія читаются необыкновенно легко.

Чирибеева. Это главное. Сочиненіе, которое колетъ глаза, никому не можетъ нравиться. У него въ стихахъ?

Егоръ Ивановичъ. Больше въ прозѣ, в-е с-ство.

Чирибеева. Да, вѣдь стихи нынче вообще падаютъ.

Егоръ Ивановичъ. Оно и понятно, ваше сіятельство: прежде занимались этимъ стихотворствомъ всѣ, всѣ рѣшительно, начиная съ министровъ—ужь на что выше! Оттого такъ и шло. Нынче это уже предоставлено бѣдному классу. Литература больше обратила вниманіе на прозу. И я это одобряю. Поэзія не всегда полезна для государства. Вѣкъ и время—вотъ двигатели. Погибаетъ одно, является другое. Жизнь никогда не умираетъ. Эпоха же, слава Богу, цвѣтетъ и народъ благоденствуетъ. Нынче уже никто не возьметъ взятки. А все оттого, что ясно поставлены вопросы. Ясность впрочемъ не мѣшаетъ дѣятельности: бери пожалуй, сколько хочешь, но это ничего не значитъ при гласности. При гласности это, ваше сіятельство, пустяки.

Чирибеева. Вообще вѣдь, Егоръ Ивановичъ, трудно судить о томъ, кто беретъ и кто нѣтъ.

Егоръ Ивановичъ. Еще бы, ваше сіятельство! Я даже на счетъ этого, такого мнѣнія: беретъ человекъ покамѣстъ идетъ

пѣшкомъ, но чуть только онъ поѣхалъ въ каретѣ — онъ уже не беретъ. Онъ можетъ пожалуй и больше брать, но это будетъ уже другое. Это уже, ваше сіятельство, не то. Да и кто нынче не беретъ?

Чирибеева. Нынче вообще много кричатъ объ этой гласности. Гдѣ они видятъ тутъ смыслъ, я рѣшительно не понимаю.

Егоръ Ивановичъ. Крики, ваше сіятельство, ни къ чему не ведутъ и каждый порядочный человѣкъ можетъ жить спокойно. Я разумѣю порядочнаго человѣка, потому что мужика и безъ гласности всегда можно взять за-бороду, если онъ укралъ. Но тотъ, кто ѣдетъ въ каретѣ, тотъ безопасенъ. Въ наше время вообще каждый порядочный человѣкъ можетъ нажить огромныя суммы, а если и будутъ взятки, то все это, ваше сіятельство, вздоръ, и даже необходимо, чтобъ были иногда взятки, иначе гласность не будетъ имѣть нищи и не разовьется въ нашемъ отечествѣ. Да вотъ хоть — не далеко ходить — его статья: кажется «О духѣ въ смыслѣ народности, преимущественно россійской». Что это за статья, спрашивается? А между тѣмъ написана необыкновенно свободно. Вы какъ будто видите передъ собой эти сцены, какъ будто переноситесь въ этотъ міръ, который, такъ сказать, раскрывается передъ вами.

Чирибеевъ. Да вѣдь при нынѣшней свободѣ цензуры, Егоръ Ивановичъ, это возможно.

Егоръ Ивановичъ. Еще бы, Александръ Сергѣичъ! Какая жь нынче цензура! Нынче уже никто и не говоритъ о ней! Костомаровъ и Погодинъ ясно доказали, какіе вопросы могутъ быть поднимаемы въ наше время.

Чирибеевъ. А что, въ самомъ дѣлѣ, этотъ вопросъ о варягахъ — кончился чѣмъ нибудь?

Егоръ Ивановичъ. Хе! Развѣ это такой вопросъ, чтобъ сейчасъ и рѣшить! Такіе вопросы вѣками рѣшаются. Слава-богу, что хоть начало положено.

Чирибеевъ. Ну, по крайней мѣрѣ, какъ академія на это смотритъ?

Егоръ Ивановичъ. А что академія! Ей рѣшительно все равно. Да притомъ ей и не до того. Говорятъ, тамъ отчищаютъ теперь какой-то фолиантъ съ ассирійскими надписями, и тому, кто лучше отчиститъ, назначена премія въ сорокъ тысячъ серебромъ.

ЧИРИБЕЕВЪ (въ крайнемъ удивленіи, похожемъ на экстазъ). Братъ!!!
Вотъ бы отчистить-то!!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Хе! Тамъ, братъ, генералы отчищать будутъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну, а за варяговъ — не положено премія? Не знаешь?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Какъ не положено! За варяговъ чтобы не положена была премія! Какъ будто ты въ Африкѣ или въ Исландіи живешь — спрашиваешь объ этомъ! Громадная! Но зато и условія страшныя: надо написать десять томовъ, да три тома предисловія; на каждой страницѣ должно быть по крайней мѣрѣ десять выносокъ, въ каждой выноскѣ три цитаты мінімумъ, — и все это съ крайней осторожностью, чтобы отнюдь не возбудить политическаго духа націи.

ЧИРИБЕЕВЪ (съ удивленіемъ). А!!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Еще бы! Ты думаешь все это такъ и легко! За одно предисловіе, кажется, тысячъ пять.

ЧИРИБЕЕВЪ. Фу, чортъ возьми! Это ужъ слишкомъ много!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Это много? По моему еще мало. Вѣдь задача въ томъ, чтобъ показать духъ самый этого событія, какое, то есть оно имѣло вліяніе на послѣдующіе вѣка, и изъ чего оно вытекаетъ, и гдѣ цѣль, и къ чему стремится: все рѣшительно! Тутъ, братъ, всякая философія—пасъ! Самъ Прудонъ ни черта бы не понялъ. Если еще кому подъ силу это, то Погодину.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну, а какъ ты, Егоръ Ивановичъ, думаешь: жмудь или варяги?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Кто же говорить, что варяги? Конечно жмудь!

ЧИРИБЕЕВЪ. Трудно, Егоръ Ивановичъ, представить себѣ, чтобы жмудь.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Варяги же, Александръ Сергѣичъ, немислимы.

ЧИРИБЕЕВЪ. Жмудь — иллюзія.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Варяги не фактъ еще!

ЧИРИБЕЕВЪ. Что же послѣ этого жмудь?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Куда же годятся варяги?

ЧИРИБЕЕВЪ. Варяги и варяги!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Жмудь!

ЧИРИБЕЕВЪ. Все, кромѣ жмуди!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Жмудь!

ЧИРИБЕЕВЪ. Самъ Погодинъ...

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Жмудь!

ЧИРИБЕЕВЪ. Слова еще не доказательство!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Жмудь!

ЧИРИБЕЕВЪ (вскакивая). Къ чорту жмудь!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Къ чорту варяговъ!

ЧИРИБЕЕВА. Господа, господа! Вы Богъ-знаетъ до чего дошли съ своими варягами.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (не слушая). Вотъ что лучше, Александръ Сергѣичъ: спросимъ этого ареопагъ, какъ онъ рѣшитъ. (Обращается къ друзьямъ) Господа! вы что — варяги или жмудь?

ПРИЯТЕЛИ (въ одинъ голосъ). Жмудь!!!

ЧИРИБЕЕВА (затыкая уши). Ахъ, господа, избавьте меня отъ этой жмуди, прошу васъ! Вы, какъ маленькія дѣти, поднимаете скандалъ изъ-за игрушекъ! И не все ли равно: варяги мы или жмудь? Къ чему тутъ спорить!

ЧИРИБЕЕВЪ (по возможности спокойно). Я вовсе не спорю, а только говорю, что мы изъ варяговъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (также). А я, — если я утверждаю, что изъ жмуди — развѣ я спорю?

ЧИРИБЕЕВЪ. Тутъ вообще нѣтъ спора, но только странно утверждать, что мы изъ жмуди.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Тѣмъ болѣе исчего спорить, что вопросъ о варягахъ рѣшенъ: ихъ никто не защищаетъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Хотя это трудно сказать, потому что мнѣніе Погодина...

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (съ жаромъ). Нуль противъ Костомарова!

ЧИРИБЕЕВА. Господа! Вы, кажется, испытываете наше терпѣніе?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Тысячу извиненій, ваше сіятельство! Вопросъ слишкомъ близокъ къ сердцу.

ЧИРИБЕЕВЪ. Вопросъ пустой, если принять варяговъ.

ЧИРИБЕЕВА (повелительнымъ тономъ). Ни слова о варягахъ! Продолжайте, Егоръ Ивановичъ! Кто еще тамъ есть?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Сейчасъ, ваше сіятельство. Ни слова не скажу о жмуди, хотя и убѣжденъ въ ея значеніи.

ЧИРИБЕЕВЪ. Молчу и я, тѣмъ болѣе, что значеніе варяговъ не подвержено сомнѣнію.

(Подходитъ одинъ изъ друзей Егоръ Ивановича).

ЧИРИБЕЕВА (лорнируя подшедшаго). Это кто?

Егоръ Ивановичъ. Это, ваше сіятельство, литераторъ.

Чирибеева. Какъ? опять литераторъ?

Егоръ Ивановичъ (рѣшительно). Опять литераторъ! Всѣ они, ваше сіятельство, болѣе или менѣе пописываютъ, потому что иначе некуда дѣться. Нынче вѣдь чуть мало-мальски порядочный человѣкъ, то его уже некуда и не принимаютъ. А примутъ, такъ сейчасъ выгонять. Это уже общая судьба всякаго генія. Вообще, ваше сіятельство, насъ хотятъ убѣдить, что деньги—гдѣнъ и вовсе ненужны человѣку; но странное дѣло: безъ нихъ ничего нельзя сдѣлать.

Чирибеева. Кто же это говорить, что деньги ненужны? Напротивъ, это главное условіе жизни, и я бы сама желала послушать этихъ проповѣдниковъ, незнающихъ, какъ видно, ни жизни, ни ея условій. По всей вѣроятности эти бѣдные люди—тѣ же мужики, — которые никогда не имѣли денегъ и хотятъ другихъ поставить въ такое же странное положеніе.

Егоръ Ивановичъ. Напротивъ, ваше сіятельство: они ѣздятъ въ каретахъ.

Чирибеева. Ну такъ гдѣмъ понятнѣй, почему они говорятъ такъ.

Чирибеевъ. Литературѣ бы заняться этимъ вопросомъ, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Ивановичъ. Хе, Александръ Сергѣичъ! нельзя же все извалить на литературу, которая еще вдобавокъ страдаетъ отъ книгопродавцевъ.

Чирибеевъ. Вотъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ еще вездѣ и во всемъ монополіи!..

Егоръ Ивановичъ. И еще какъ! Эти книгопродавцы готовы ограбить всякаго честнаго человѣка, который вздумалъ бы писать. Вотъ оттого такъ мало писателей! И особенно это прискорбно въ наше время, когда литература приняла такіе широкіе размѣры, и такъ много умовъ, готовыхъ содѣйствовать преуспѣнію этого общаго, такъ сказать, хода.

Чирибеевъ. По моему весь этотъ ходъ въ рукахъ литературы.

Егоръ Ивановичъ. Повторяю: весь ходъ въ рукахъ литературы! Да и какъ же иначе? Она не только исправляетъ нравы и способствуетъ преуспѣянію, но даже можно доказать фактами. Отчего, напримѣръ, въ наше время уже нѣтъ сиротъ, которые бы оставались безъ куска хлѣба и всякаго пропитанія? Понятно,

что они не могут быть послѣ того, какъ Козловъ написалъ свою знаменитую элегію, которую учать наизусть во всѣхъ гимназіяхъ. Державинъ, напимѣрь, написалъ оду Богъ — и всѣ, сколько ни было, увѣровали. Даже язычники, идолопоклонники, ваше сіятельство, къ которымъ не проникъ еще свѣтъ христіанства, и тѣ, говорятъ, когда читають эту оду, то невольно содрогаются и чувствуютъ эдакое предвкушеніе вѣры. Но за то вы и не найдете другаго Державина! На кого же мнѣ укажете? Пушкинъ, Карамзинъ, Марлинскій — кто же еще? (Подходитъ капитанъ въ отставкѣ и, кланяясь, говоритъ: Капитанъ въ отставкѣ!)

Егоръ Ивановичъ. Ахъ, да! Вотъ капитанъ въ отставкѣ, ваше сіятельство. Былъ подъ Севастополемъ. И какъ защищаль отечество, ваше сіятельство! Имѣеть два Георгія: съ бантомъ на шеѣ. Я еще удивляюсь, какъ онъ живъ остался. Мы, помню, тогда всѣ не вѣрили. «Рука война отечество спасла», гдѣ-то сказано: вотъ и онъ точно также, ваше сіятельство. Вся грудь крестами увѣшана. (Капитанъ уходитъ) На Черной ему оторвало ногу, подъ Альтой лишился руки, и за то его хотѣли сдѣлать генераломъ, но тутъ помѣшалъ одинъ молоденькій князь, съ усиками, которому протезировалъ какой-то графъ, извѣстной фамиліи, чуть-ли не зять министра финансовъ. Главнокомандующій, впрочемъ, Кутузовъ, — добрѣйшій старикъ, изъ нашихъ, — употреблялъ всѣ средства, чтобы производство состоялось, но дѣло пошло въ Петербургъ, затянулось лѣтъ на двадцать, — и хотя военный министръ намекалъ однажды въ государственномъ совѣтѣ и даже дружески просилъ предсѣдателя, съ которымъ былъ пріятель — (видя, что всѣ перестали слушать его, останавливается, хватаясь себя за голову, и, какъ бы соображая разомъ что дѣлать, наклоняется нѣсколько къ Чирибеевой и продолжаетъ:) Можетъ быть вашему сіятельству угодно, чтобы кто нибудь стихи прочелъ?

Чирибеева. Ахъ, нѣтъ! это лишнее. Что, всѣ теперь?

Егоръ Ивановичъ. Остальныхъ не прикажете ли, ваше сіятельство, представить всѣхъ разомъ, — гуртомъ, если можно такъ выразиться?

Чирибеева (встаетъ). О, нѣтъ, не надо. Объявите имъ, что что мы очень рады, да распорядитесь дать вина въ кабинетъ. Только мнѣ кажется, что они всѣ очень бѣдные, а? — правда?

Егоръ Ивановичъ. Бѣдный народъ, ваше сіятельство! А если и заведется какой грошъ въ карманъ, то сейчасъ его спускають.

Чирибеева (какъ бы въ изнеможеніи и томно). Это видно. Впрочемъ

они добрые! *C'est un mauvais genre, Alexandre, mais pas tout-à-fait.* Пусть веселятся на нашей свадьбѣ: такіе дни рѣдки въ жизни. Благодаримъ васъ! (Даетъ Егору Иванычу руку; Егоръ Иванычъ въ увлеченіи становится на одно колено и целуетъ руку; на лицѣ Чирибеевой выражается тайное довольство, и она продолжаетъ.) Выберите когда нибудь вечеръ, Егоръ Иванычъ, и приведите ихъ всѣхъ: мы ихъ рассмотримъ подробно. Пусть, въ нашемъ присутствіи, потрактуютъ они о разныхъ предметахъ, чтобы мы могли видѣть ихъ взглядъ и направленіе, и это умѣнье держать себя, которое замѣтно иногда и въ низшемъ классѣ. Бывали случаи (говорить съ необыкновеннымъ достоинствомъ и тактомъ), когда люди съ умомъ и талантами, не смотря на свое происхожденіе, пробивали себѣ дорогу чрезъ насъ, которымъ жизнь и воспитаніе дали другія права и другое положеніе,—и не только упрочивали себѣ карьеру, но были приняты въ самые лучшіе салоны, такъ что свѣтъ — этотъ большой свѣтъ, который такъ хорошо понимаетъ людей — забывалъ ихъ прежнее положеніе и отдавалъ должное одному уму и талантамъ. Можетъ быть также и здѣсь, среди этихъ господъ, есть люди, достойные участія и той поддержки, безъ которой такъ трудно и почти невозможно открыть себѣ дорогу одними личными качествами, однимъ умомъ и талантами, такъ мало значущими въ сравненіи съ нѣкоторыми вещами, которыхъ нѣтъ нужды называть по имени. Что же касается до насъ, то мы готовы отдать должное всѣмъ, кто только сумѣетъ заслужить наше вниманіе.

(Дѣлаетъ легкій общій поклонъ, и затѣмъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ направляется въ гостиную, опираясь на руку мужа и шафера. Общее молчаніе. Егоръ Иванычъ, стоя все еще на коленяхъ, смотритъ въ слѣдъ Чирибеевой, и потомъ, не вставая съ коленъ, поворачивается къ пріятелямъ и говоритъ:)

Егоръ Иванычъ. Вотъ, свиньи: вы даже не стоите того, чтобы такъ трактовать васъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ГУБЕРНАТОРЪ. ПРОКУРОРЪ. ПРЕВОДИТЕЛЬ. ДИРЕКТОРЪ ГИМНАЗИИ. СОВѢТНИКЪ.

ЧИРИБЕЕВЪ.

ЧИРИБЕЕВА.

ОГРЕБИННИНЪ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ КОЗЫРЕВЪ.

ПРИЯТЕЛИ КОЗЫРЕВА.

СЦЕНА I.

Губернаторъ, Прокуроръ, Чирибеевъ, Огребиннинъ, Директоръ гимназій, Совѣтникъ и нѣсколько гостей, сидящихъ за обѣдомъ, который сановники города даютъ Чирибееву въ городскомъ клубѣ.

ПРОКУРОРЪ (встаетъ съ бокаломъ въ рукѣ). Обѣдъ этотъ, дѣлаемый нами въ честь Александра Сергѣича, какъ новаго сослуживца нашего, наводитъ меня на нѣкоторыя счастливыя мысли, которыя я желаю бы высказать при всемъ собраніи. (Встаетъ съ бокаломъ въ рукѣ).

ГУБЕРНАТОРЪ (встаетъ; за нимъ встаютъ остальные, всѣ съ бокалами въ рукахъ). Говори, старикъ! мы послушаемъ.

ПРОКУРОРЪ. Слова мои предполагаю я соединить съ то-стомъ за здоровье его превосходительства, достойнаго начальника губерніи.

ДИРЕКТОРЪ ГИМНАЗИИ. Счастливая и вмѣстѣ плодотворная мысль!

ЧИРИБЕЕВЪ (директору). Прокуроръ вѣдь вообще говорить съ солью.

ДИРЕКТОРЪ. И съ какою — прибавьте!

ПРОКУРОРЪ. Слова эти послужатъ съ одной стороны въ назначеніе новому сочлену нашему, Александру Сергѣичу, съ другою — покажутъ ясно, до какой степени можетъ дойти благо-

состояніе края, сравнительно съ другими прочими, при неусыпной дѣятельности его начальника.

Огребининъ. Избравши такой предметъ, вы уже заранѣе овладѣли нашимъ вниманіемъ.

Директоръ. Повѣсимъ уши на гвоздь вниманія — философское изрѣченіе, въ настоящее время, впрочемъ, совершенно излишнее.

Прокуроръ. Извѣстно, милостивые государи, всѣмъ и каждому, что всякая ученая или книжная мудрость, или, наконецъ, философія, какъ ее называютъ, въ нашемъ кругу не можетъ имѣть мѣста. Мы смотримъ на вещи просто, не видимъ причинъ тамъ, гдѣ ихъ видятъ другіе, науками разными не занимаемся, а вѣруемъ только въ то, что есть, не давая вѣсу тому, что было или будетъ. Это наше правило, и мы, надѣюсь, утвердился въ немъ. Ни науки, повторяю, ни эмансипаціи не нужны намъ: дорого намъ одно общее согласіе, при помощи котораго мы сдѣлаемъ все, что угодно. Въ случаѣ крайности прикроемъ всякую неосторожность, и не только не дадимъ огласки, но и благодарность получимъ и общую пользу покажемъ. Все, такъ сказать, въ нашихъ рукахъ приметъ свой видъ и характеръ. Захочетъ кто ходу — дадимъ, не захочетъ — никогда его не увидитъ. Все въ нашихъ рукахъ! Мы держимъ, такъ сказать, рогъ изобилія и каждому даемъ столько, сколько можетъ онъ отъ насъ взять.

Губернаторъ. Такъ прямо говорить, старикъ, нельзя.

Прокуроръ. Согласенъ, ваше превосходительство; но на минуту отринемъ всякую официальность и не будемъ мѣшать, такъ сказать, свободному проявленію мысли. Здѣсь все свои, ваше превосходительство, и каждый понимаетъ свою обязанность, какъ нельзя лучше: будемъ же выражаться проще, иначе откровенность не будетъ ввязаться съ официальностью, подъ которой, конечно, съ доброю цѣлію, скрывается сущность дѣла. Итакъ, милостивые государи, соблаговолите отринуть официальность!

ГОЛОСА:

1-й. Да, да! Отриньте официальность!

2-й. Пусть, ваше превосходительство, господинъ прокуроръ отринетъ официальность.

3-й. Выражайтесь просто!

4-й. Говорите откровенно, и васъ поймутъ.

5-й. Тутъ не философія!

6-й. Называйте вещи ихъ именами! Никто не станеть толковать васъ произвольно.

Губернаторъ. Продолжай, старикъ! Увѣренъ, что все, что ты скажешь, будетъ хорошо.

Прокуроръ. Никто, ваше превосходительство, не упрекнетъ меня въ свободомысліи. Я человекъ старинный, выросъ на старинѣ, вскормленъ стариною, и эмансипаціи не люблю. Въ моей головѣ не укладывается всякій вздоръ, что пишется въ книгахъ.

Губернаторъ (значительно). Это главное!

Прокуроръ. И если я что буду говорить, то, конечно, не изъ книгъ.

Губернаторъ. Разумѣется.

Прокуроръ. До всего доходилъ я собственнымъ умомъ. Воспитанія никакого не получилъ, въ университетѣ не былъ, въ науки не вѣрилъ и книгъ, повторяю, не читалъ: надѣюсь, такому человеку можно довѣрять.

Директоръ. Болѣе, чѣмъ можно. Говорю это, какъ представитель отечественнаго просвѣщенія, подъ которымъ огнюдь не разумѣю книги.

Прокуроръ. Прибавлю еще ко всему, что въ жизни своей вижу постоянно перстъ Божій, руководствующій меня на всѣхъ поприщахъ.

Губернаторъ. На тебѣ меньше грѣховъ, старикъ: оттого такъ и говоришь.

Прокуроръ. Трудно судить объ этомъ, ваше превосходительство. Тоже вѣдь и я не Божій человекъ: при случаѣ, какъ говорится, и кусаюсь. Но не объ этомъ рѣчь. Все это разбереть Всевышній на томъ свѣтѣ. Тамъ все откроется. Всякому будетъ свое мѣсто, и тогда увидимъ, чья возьметъ. — Прошу вниманія, милостивые государи!

Голоса. Говорите, г. прокуроръ: мы слушаемъ васъ.

Прокуроръ. Продолжая прежнюю мысль свою объ отсутствіи всякой философіи въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, опредѣляю ее такимъ образомъ: теперь, всѣ вмѣстѣ, мы составляемъ, такъ сказать, семейную патриархальную власть. Слава Богу, у насъ сохранились эти начала, и потому не въ нашемъ духѣ рыть яму другъ-другу, тѣмъ болѣе, что интересы службы такъ тѣсно связаны съ нашими личными интересами. Въ силу этого всякое дѣло, вы знаете, мы привыкли вершить келейно, съ

общаго, такъ сказать, согласія, пуще всего боясь огласки, и не нанося никому ущерба: поэтому рѣдко гдѣ вы найдете такое согласіе между первыми сановниками города, какъ у насъ. Меньше противорѣчій, больше согласія, — вотъ правило, которое вело насъ къ цѣли. Всякую книжную философію мы отрицали, не давали никогда ходу тѣмъ тенденціямъ, которыя такъ гласно высказывались въ послѣднее время: эмансипаціи были не въ нашемъ характерѣ, ибо трудно выдумать что нибудь лучшее того, что освящено вѣками и установлено предками; одна только государственная служба имѣлась въ виду, которая, какъ извѣстно, не только не приноситъ ущерба, но даже и пользу доставляетъ. За эти ли качества, за другое ли что, только щедроты Божіи къ намъ не прекращались: не проходило году безъ того, чтобы кто нибудь изъ насъ не получилъ чина или ордена; въ деньгахъ, слава-богу, мы не нуждались, хотя и ничего особенно труднаго и головоломнаго не дѣлали; напротивъ: все для насъ было, такъ сказать, плевое дѣло, ибо мы на все смотрѣли просто и разсужденій не допускали. Въ наукахъ этихъ разныхъ надобности не имѣли, и голову ими не забивали, а жили такъ-себѣ, со дня на день, покойно да ровно, не заботясь о томъ, что будетъ завтра, и слѣдуя писанію: довлѣетъ дневи злоба его. Такъ мало-по-малу мы утвердились въ правилахъ и кругозоръ жизни сталъ для насъ простъ и понятенъ именно потому, что мы не искали причины, а вѣрили безпрекословно тому, что говорили намъ. Думать же намъ не приказывали—и хорошо дѣлали; кто разсуждаетъ, тотъ уже не членъ общества: онъ ищетъ причины тому, что сокрыто отъ насъ произволеніемъ Божіимъ. Всякая мысль, какъ извѣстно, исходитъ отъ діавола; и оттого-то во всѣхъ образованныхъ государствахъ мысль также строго наказывается, какъ и самое преступленіе. И дѣйствительно, кто не согласится съ тѣмъ, что если человекъ начнетъ думать, то легко дойдетъ, пожалуй, до того, что ему нипочемъ будетъ убійство? И сколько подобныхъ примѣровъ? Я не хочу только перечислять ихъ. Отъ мысли до преступленія одинъ шагъ. Понимаете, милостивые государи? Наше ли дѣло послѣ этого разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно? — Но въ послѣднее время съ прискорбіемъ замѣчали мы, что зло начинало распространяться и въ нашемъ кругу: находились люди, которые заразились ложнымъ духомъ времени и стали проповѣдывать соблазны и развратъ, подъ именемъ свободы и гуманности. Все это нѣко-

торое время росло и росло, хотя по обычаю, какъ и на всякое дѣло, мы смотрѣли на это сначала сквозь пальцы; но мы не видѣли, какъ зло пустило корни, засорило почву; чистыя семейныя отношенія начинали искажаться. Права наши были поправны; цивилизація шла назадъ; на мѣсто ея являлись всякія эмансипаціи, и, что всего хуже, все стало клониться къ нашему личному ущербу. Появились какіе-то странные писатели, которые стали изображать людей и, къ стыду человѣчества, осмѣивать нравы; начались какія-то неслыханныя преобразованія и все пошло, такъ сказать, вверхъ дномъ. Ясно было, что книжная философія заразила множество пустыхъ головъ, которыя безъ того, можетъ быть, могли бы быть полезны на государственной службѣ. Отуманенные, мы смотрѣли на все это, и съ ужасомъ ждали, чѣмъ кончится дѣло: но тѣмъ яснѣе узрѣли мы персть Божій, предъ которымъ всякая человѣческая мудрость пась: все мало-по-малу пошло по прежнему; чистыя семейныя отношенія возстановились; философы умолкли, и все, такъ сказать, кончилось ничѣмъ. Насъ же даже и не коснулась эта книжная философія: мы никогда не давали вѣсу тому, что пишется въ книгахъ, да не только не давали, а даже и не читали. Да и къ чему? Мы знали, что все это не ново: то же самое писали и прежде, гораздо прежде, двѣсти лѣтъ тому назадъ писали; но, такова уже судьба всѣхъ человѣческихъ ухищреній, ничего изъ этого не вышло. Поэтому наша прямая обязанность въ настоящее время отрицать, во-первыхъ, все, что пишется въ книгахъ, во-вторыхъ, блисти общее согласіе, и въ третьихъ, пить здоровье его превосходительства, начальника губерніи, неусыпной заботливости котораго обязаны мы возстановленіемъ тѣхъ прежнихъ началъ, которымъ въ послѣднее время все грозило разрушеніемъ. (Поднявъ бокалъ) Здоровье же его превосходительства. — и ура!

Всѣ. Ура!!

(Пьютъ).

Директоръ (Чирибееву). Дивный человѣкъ этотъ прокуроръ! Замѣтили, какъ онъ говорилъ?

Чирибеевъ. Превосходно!

Директоръ. Но главное — все ясно и понятно. Ни малѣйшей философіи: вотъ что главное. Вотъ что дорого.

Губернаторъ (съ бокаломъ въ рукахъ). Старикъ, господа, сказалъ много дѣльнаго и хорошаго. Съ моей стороны остается прибавить то, что уже не разъ я говорилъ: на каждое дѣло можно

смотреть съ разныхъ точекъ зрѣнія. Посмотрите такъ — выйдетъ одно; чуть только иначе — ужь совсѣмъ другое. А всего хуже, именно, если начнете разсуждать: въ такомъ случаѣ лучше бросить все и поступать такъ, какъ Богъ по-сердцу положитъ. Вотъ мое мнѣніе, которое — отрицая всякую официальность — я высказалъ бы всегда и вездѣ. Пью твое здоровье, старикъ!

Огребининъ. Въ этихъ немногихъ и краткихъ словахъ его превосходительство исчерпалъ все, чего не доставало у г. прокурора. Могу только повторить послѣднюю мысль: лучше бросить все, чѣмъ разсуждать. Пью здоровье г. прокурора!

Предводитель. Нѣтъ сомнѣнія, что въ своей рѣчи г. прокуроръ, съ свойственною ему силою и живостью, коснулся многого, скажу болѣе — очень многого: особенно ярко изобразилъ упадокъ семейныхъ отношеній, при чемъ, конечно, поднялъ множество вопросовъ, надъ которыми стоитъ поломать голову; тутъ, впрочемъ, ничего нѣтъ удивительнаго: все это свойственно г. прокурору, и странно, если бы кто сталъ утверждать противное; что г. прокуроръ умѣетъ говорить — это также навѣстно всѣмъ, и съ моей стороны излишнимъ было повторять то, что знаетъ всякій; я хочу сказать только то, что несмотря на полную справедливость сказаннаго, я, лично, съ нѣкоторыми вещами несогласенъ.

Прокуроръ. Я прежде зналъ, что вы не согласитесь.

Предводитель. Не хочу уменьшать этимъ достоинства словъ вашихъ. — нѣтъ! Боже меня сохрани отъ этого! Я не массонъ, и ставлю ихъ слишкомъ высоко, чтобы позволить себѣ хоть тѣнь подобнаго; не говоря уже о моемъ уваженіи къ вамъ, я никогда не рѣшился бы на это, если бы и видѣлъ возможность, потому что, во-первыхъ, не волтеріанецъ, во-вторыхъ, потому, что по самому характеру своему, я никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго обсуждения о какихъ бы ни было вещахъ; скажу болѣе: я умолчалъ бы, не сказалъ бы ни слова, не далъ бы никакого отвѣта, если бы кому вздумалось спросить меня; но такъ поступилъ бы я только въ такомъ случаѣ, если бы кто подозрѣвалъ меня въ массонствѣ или, по крайней мѣрѣ, волтеріанизмѣ: не принадлежа ни къ одной изъ этихъ сектъ, я все-таки повторю то, что сказалъ уже: съ нѣкоторыми вещами я несогласенъ.

Прокуроръ. На что вы именно указываете?

Предводитель. Прежде чѣмъ выскажу это ясно, еще разъ повторю: я не массонъ, и отдаю полную справедливость всему,

что сказано; при чемъ, конечно, надѣюсь, что слова мои будутъ приняты въ настоящемъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что особеннаго ничего не хочу сказать я, и заранѣе прошу не придавать словамъ моимъ ни малѣйшаго значенія; прошу только извинить меня, что же могу воздержаться отъ нѣкоторыхъ вопросовъ, которые, конечно, могутъ быть выражены въ различныхъ формахъ, зависящихъ болѣе или менѣе отъ взгляда.

Прокуроръ. Конечно, все зависитъ отъ взгляда. Но не объ этомъ рѣчь. Какіе именно вопросы и есть ли они?

Предводитель. Надѣюсь, ваше превосходительство, что я долженъ понимать васъ, какъ слѣдуетъ. Что вопросы есть — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія и, странно, еслибъ они не были; но вы хорошо выразили другое свое положеніе: какіе именно вопросы? Этимъ мы уже отчасти приблизились къ дѣлу.

Прокуроръ. Слава-богу! Въ чемъ же дѣло?

Предводитель. Дѣло-то и есть въ этихъ вопросахъ, ваше превосходительство: объ этомъ, конечно, никто не спорить. А еслибы кто и началъ, то вѣдь задача отъ этого не будетъ рѣшена. Не правда ли, ваше превосходительство, вѣдь задача не была бы рѣшена?

Прокуроръ (съ досадой). О чемъ вы толкуете, ей-богу, не понимаю.

Предводитель. Это и естественно, ваше превосходительство: я нарочно до сихъ поръ удерживался отъ яснаго выраженія своей мысли. Повторяю, ваше превосходительство: я не массонъ и тѣмъ болѣе не волтеріянецъ; потому понятно, отчего я удерживался отъ яснаго выраженія мысли. Но, къ счастью, мы отъ этого не только не проиграли, но даже выиграли. Мы теперь такъ близки къ рѣшенію, какъ нельзя больше. Надѣюсь, ваше превосходительство, теперь уже угадываете, что хочу сказать я?

Прокуроръ. Клянусь Богомъ, нѣтъ.

Предводитель. И вы справедливы, ваше превосходительство: странно было бы, еслибы кто угадалъ то, чего еще нѣтъ. Но это, надѣюсь, не мѣшаетъ намъ вести разговоръ. Итакъ, спрашивается, ваше превосходительство: какіе вопросы могутъ предстать намъ въ этомъ случаѣ? Понимаю, что на это трудно отвѣчать; тѣмъ не менѣе, если уже сдѣланъ вопросъ, никому не запрещается рѣшать его.

Прокуроръ. Я желалъ бы только одного: чтобы вы скорѣе вернулись къ дѣлу.

Предводитель. Кто же не желает этого, ваше превосходительство? Но предварительно нельзя же не сдѣлать нѣкоторыхъ вопросовъ, на которые, надѣюсь, вы мнѣ отвѣтите.

Прокуроръ. Ну—съ?

Предводитель. Во—первыхъ, вы, конечно, не сомнѣваетесь въ моемъ уваженіи къ вамъ?

Прокуроръ. Нѣтъ.

Предводитель. Увѣрены, что раздѣляю исполнѣ вашъ образъ мыслей?

Прокуроръ. Увѣренъ.

Предводитель. Согласны также съ тѣмъ, что я не массонъ и не волтеріанецъ?

Прокуроръ. Разумѣется.

Предводитель. Еще одинъ вопросъ, ваше превосходительство: не будучи ни массонъ, ни волтеріанецъ, я, конечно, предводитель дворянства, или нѣтъ? Вы не отвѣчаете, ваше превосходительство; и хорошо дѣлаете. Слѣдовательно, вы увѣрены въ томъ, что я предводитель дворянства. Не такъ ли?

Прокуроръ. Такъ.

Предводитель. И если меня избрало само дворянство, то тѣмъ болѣе такъ?

Прокуроръ. Да.

Предводитель. И не буду ли я справедливъ, если скажу, что въ этомъ случаѣ дѣйствовало все сословіе?

Прокуроръ. Именно.

Предводитель. Послѣдній вопросъ, ваше превосходительство: никто, конечно, не усомнится въ томъ, что я отнюдь не нѣмецъ, тѣмъ болѣе не французъ, а русскій?

Прокуроръ. Понятно.

Предводитель. Болѣе чѣмъ понятно, ваше превосходительство, и я даже не знаю, къ чему собственно спросилъ объ этомъ. Но это все равно. Вопросъ въ томъ: не должны ли мы всѣ гордиться тѣмъ, что мы русскіе?

Прокуроръ. Вотъ наконецъ первое умное слово, которое вы сказали!

Предводитель (въ недоумѣніи). Надѣюсь, ваше превосходительство, что я долженъ принимать эти слова только въ известномъ смыслѣ? да?

Прокуроръ. Разумѣется.

Предводитель (поднимая бокалъ). Позвольте же теперь выпить

за здоровье всѣхъ русскихъ включительно! Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Остается прибавить одно: дай Богъ, чтобъ это было такъ всегда и вездѣ. Ура!

Всѣ. Ура!!!

(Пьютъ).

ЧИРИБЕЕВЪ (директору). Вотъ никакъ не ожидалъ такого оборота рѣчи, а? Какъ вы думаете?

ДИРЕКТОРЪ (рѣшительно). Превосходно!

ПРОКУРОРЪ. Мнѣ пріятно, г. предводитель, только то, что все, что вы ни говорили, было отъ чистаго сердца и отнюдь не изъ книгъ: иначе бы я васъ не слушалъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Благодарю васъ, ваше превосходительство, хотя я и отдаю нѣкоторую справедливость книгамъ.

ПРОКУРОРЪ. Вздоръ! Не совѣтую. Кромѣ тумана въ нихъ ничего нѣтъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Что правда, то правда, ваше превосходительство. Я самъ не люблю философіи, которую, впрочемъ, строго отдѣляю отъ книгъ. Въ книгахъ же, ваше превосходительство—позвольте вамъ бокаль—въ книгахъ, говорю, есть и порядочныя мысли.

ПРОКУРОРЪ. Ни на волосъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Ваше здоровье! — Думаю, что есть.

ДИРЕКТОРЪ. Не говоря прямо, что нѣтъ, скажу одно: очень мало!

ПРОКУРОРЪ. Торжественно отвѣчаю: вздоръ! Что вы найдете въ книгахъ? Разсужденіе, разсужденіе — и только!

ОГРЕВИНИНЪ. Что именно надо изгонять, то и есть.

ЧИРИБЕЕВЪ. Позвольте: откуда же мы почерпнемъ изощреніе ума?

ОГРЕВИНИНЪ. Изощреніе ума! Вотъ что меня всегда приводитъ въ волненіе! Да повѣрьте, что у насъ никто и никогда не потребуесть отъ васъ ума! Примите это за правило, и будьте счастливы!

ЧИРИБЕЕВЪ. Положимъ, это такъ, хотя собственно пріятно имѣть умъ.

ОГРЕВИНИНЪ. Да, про себя.

ПРОКУРОРЪ. Именно про себя.

ЧИРИБЕЕВЪ. Хорошо. Я согласенъ. Ненуженъ умъ. Но что, наконецъ, мѣшаетъ разсуждать?

Огребининъ. Первая нравственная порча зарождается тогда, когда человекъ начинаетъ разсуждать.

Прокуроръ (вскакивая). Поэтому—гдѣ зло, гдѣ первый источникъ? Въ сочиненіяхъ, въ сочиненіяхъ—вотъ гдѣ зло! По моему совсѣмъ бы запретить писать. И не все ли равно: будемъ ли мы читать что, или нѣтъ? Какъ будто нельзя прожить безъ этого! Я бы сжегъ все это, что пишется.

Губернаторъ. Ну это ты, старикъ, врешь. Тутъ тоже есть своя сторона. Она, пожалуй, не видна; но что она есть—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Огребининъ. И не можетъ быть, ваше превосходительство. Нельзя тоже и ничего не читать.

Директоръ. Тѣмъ болѣе, что есть разные вещи: есть сочиненія солидныя, достойныя; есть и веселыя вещи, безъ которыхъ духу человѣческому тоже трудно обойтись въ сферѣ ежедневной жизни. Наконецъ можно указать на отечественную исторію, которая представляетъ множество примѣровъ доблести, самоотверженія...

Прокуроръ. Гдѣ вы нашли все это, я не понимаю! Признаюсь, торжественно признаюсь: никогда не только отечественной, но даже никакой исторіи не читалъ. И увѣренъ, что никто не будетъ мнѣ колотъ глава этимъ: слава-богу, уменъ и такъ. Я началъ службу съ самыхъ малыхъ лѣтъ, (обращаясь къ губернатору) писцомъ, ваше превосходительство, началъ службу, пять рублей мѣдью жалованья получалъ, а вотъ, слава-богу, прокуроръ, даромъ что не читалъ вашей исторіи. Стыдитесь, господа, говорить объ этихъ вещахъ! А еще сановники!

Огребининъ (прокурору). Что жъ, ваше превосходительство! Не Богъ знаетъ какое и наше образованіе! Мы тоже не были въ этихъ академіяхъ да университетяхъ, а, увѣряю васъ, живемъ такъ хорошо, какъ нельзя лучше. Насъ тоже нечѣмъ упрекнуть, ваше превосходительство!

Директоръ. Какъ представитель отечественнаго просвѣщенія, скажу одно: знаніямъ не даю никакого вѣса. Все это вздоръ. Я убѣдился на опытѣ, что они не только не приносятъ пользы, но даже положительный вредъ. Правила, нравственность—вотъ главное!

Прокуроръ. А что губить эти правила и нравственность, а? Пусть—когда предводитель отвѣтитъ мнѣ на это, если можетъ. Что, не можете? Въ книгахъ, въ книгахъ—вотъ развратъ!

Предводитель. Слишкомъ нападаете, ваше превосходительство, на книги. Я по крайней мѣрѣ всегда читаю газеты.

Прокуроръ. Ну и посмотрите на себя: на что вы похожи?

Предводитель. И хотя многое для меня тамъ непонятно...

Прокуроръ. И благодарите Бога, что непонятно.

Предводитель. Однако же, рассуждая здраво....

Прокуроръ. Одно уже то, что вы рассуждаете — не есть здраво!

Предводитель. Вы не дадите слова сказать, г. прокуроръ!

Прокуроръ. И не дамъ, г. предводитель!

Предводитель. Э, г. прокуроръ!

Прокуроръ. Э, г. предводитель!

Опривънннъ. Господа! споры неумѣстны! Выньте лучше шампанскаго и не станемъ рассуждать ни о чемъ, а просто пусть говорить всякій, что думаетъ.

Прокуроръ. Именно. Всякій можетъ думать что угодно. Этого никто и никогда не запретить.

Предводитель. Вотъ сами же вы, г. прокуроръ....

Прокуроръ. Что? Ужъ вы не хотите ли меня ловить на словахъ? Не удастся. Вы скажите мнѣ прежде, кто изъ насъ постарше?

Предводитель. На этотъ вопросъ я не буду отвѣчать.

Прокуроръ. И не отвѣчайте. Поражу на всѣхъ нункутахъ.

Предводитель. Но вы не хотите выслушать хладнокровно.

Прокуроръ. И не хочу! Что жъ изъ этого? Развѣ я не могу поступать, какъ хочется? Не могу я теперь налить бокаль и выпить, а? Вотъ вамъ доказательство, что могу. (Пьетъ). Что жъ вы ничего не отвѣчаете?

Губернаторъ. Буянить старикъ, рѣшительно буянить!

Прокуроръ. А что жъ, ваше превосходительство! еслибъ и въ самомъ дѣлѣ—развѣ мнѣ кто можетъ запретить?

Губернаторъ. Такъ ты, пожалуй, и стекла скоро станешь бить?

Прокуроръ. А развѣ—опять спрашивается—еслибъ я захотѣлъ этого,—развѣ я не могъ бы? Кто же запретить мнѣ?

Предводитель. Будь видна въ этомъ идея—это такъ.

Прокуроръ. И будетъ видна. Что захочу, то и будетъ. Кого хочешь дуракомъ назову—и ничего!

Губернаторъ (ласково). Каковъ, каковъ, "старый хрычъ! Какъ развоевался! Какія вещи говорить!

ОГРЕБНИНЪ (поднимая бокалъ). Здравье г. прокурора, господа!

ЧИРИБЕЕВЪ (директору). Пьемъ, Алексѣй Степанъчъ.

ДИРЕКТОРЪ. Пьемъ, Александръ Сергѣичъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. А знаете ли что я думаю?

ДИРЕКТОРЪ. Что?

ЧИРИБЕЕВЪ. Угадайте! Нѣтъ? Я думаю налить въ стаканы.

ДИРЕКТОРЪ. Истинно мудрая мысль!

ЧИРИБЕЕВЪ. А—га! что? И мы на что nibудь годимся.

ГУБЕРНАТОРЪ (прокурору). Чокнемся, старикъ.

ОГРЕБНИНЪ. А мы—развѣ не чокнемся?

ПРОКУРОРЪ. Пей пока пьется,—говоритъ пословица.

ОГРЕБНИНЪ. Пьянъ да уменъ—два уголья въ мешъ—другая.

ГУБЕРНАТОРЪ. А по моему, повторяю, вездѣ своя сторона.

ПРОКУРОРЪ. И чередь, ваше превосходительство.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. И время, прибавлю я.

ПРОКУРОРЪ. Хорошо и это, но я прибавлю лучше: у всякаго свой взглядъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Иначе говоря: воззрѣніе.

ПРОКУРОРЪ. Смыслъ тотъ же.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. Смыслъ совершенно тотъ же. Пью, ваше превосходительство.

ЧИРИБЕЕВЪ (директору). Старикъ пьютъ, а мы отстаемъ.

ДИРЕКТОРЪ. Странная вещь: я только что хотѣлъ сказать это.

ЧИРИБЕЕВЪ (наливаетъ). Иногда вѣдь бываетъ эдакое совпаденіе мыслей.

ДИРЕКТОРЪ (значительно). И часто,—прибавьте.

ЧИРИБЕЕВЪ. А знаете ли о чемъ я думаю?

ДИРЕКТОРЪ. Ну—съ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Я думаю, что въ такихъ случаяхъ, какъ сегодня, не мѣшало бы что nibудь латинское — а? стихи-ли, рѣчи-ли какую — изъ Цицерона что ль — а?

ДИРЕКТОРЪ. Мысль богатая, и раньше бы ее можно было привести въ исполненіе. Но съ другой стороны не приняли бы этого какъ nibудь на свой счетъ — а? Въ такихъ случаяхъ надо вѣдь осторожно поступать.

ЧИРИБЕЕВЪ. Что правда, то правда. Скажутъ, пожалуй, слишкомъ откровенно.

ДИРЕКТОРЪ. То-то и есть. А нынче, вы знаете, на откровенности не далеко уйдешь.

ЧИРИКЕВЪ. Что говорить! Мы съ вами рѣшительно однихъ мыслей.

ГУБЕРНАТОРЪ (прокурору). Оффиція не у мѣста! Пей, старикъ, пока еще на ногахъ.

ПРОКУРОРЪ. Пью, ваше превосходительство! намъ это не въ диковину.

ГУБЕРНАТОРЪ. Не все государственныя дѣла, скажу я.

ОГРЕВНИНЪ. Есть мѣсто и земнымъ радостямъ, какъ говоритъ какой-то философъ.

ПРОКУРОРЪ (съ авартомъ). Философы врутъ!

ОГРЕВНИНЪ. Истинно правда, ваше превосходительство.

ПРОКУРОРЪ (также). И все это ложь!

ОГРЕВНИНЪ. По словамъ Соломона, прибавлю я.

ГУБЕРНАТОРЪ. Ложь или истина — только философія намъ ненужна!

ПРОКУРОРЪ. И слава Богу!

ЧИРИКЕВЪ. Пью за здоровье его превосходительства, г-на прокурора.

ДИРЕКТОРЪ. Судьбы неисповѣдны! Отчего же и мнѣ не пить за здоровье его превосходительства?

ПРОКУРОРЪ. Слава Создателю! Не мало еще такихъ людей, какъ мы!

ГУБЕРНАТОРЪ. Я тебя, старикъ, душевно уважаю: ты можешь быть увѣренъ въ этомъ.

ПРОКУРОРЪ. Благодареніе Богу, ваше превосходительство! Скажу одно: пока мы живы — вы можете отъ насъ всего надеяться.

ДИРЕКТОРЪ (губернатору). Мои услуги, конечно, мало значать.

ГУБЕРНАТОРЪ. Не услуги, а усердіе дорого, Алексѣй Степанычъ.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ. За дворянство по крайней мѣрѣ я ручаюсь! Надѣюсь, что слова мои будутъ приняты въ должномъ смыслѣ.

ОГРЕВНИНЪ. Всякое изліяніе, говорятъ, не умѣста; но уваженіе мое къ его превосходительству отъ этого не уменьшается, надѣюсь.

ДИРЕКТОРЪ. Трудно выражать то, что чувствуешь; но я все

такъ скажу, что его превосходительство былъ благодѣтелемъ и отцомъ губерніи.

Предводитель. Мнѣ это извѣстно болѣе чѣмъ кому иибудь.

Огребининъ. Подтверждая то же самое, я подтверждаю истину.

Предводитель. Пусть только позволять выражать свои мысли — я покажу, что я думаю.

Совѣтникъ. Что касается до меня, то пусть будетъ сохранено тутъ въ груди, что я чувствую.

Губернаторъ (совѣтнику). Болѣе чѣмъ понимаю васъ, Сергѣй Васильичъ.

Совѣтникъ. Прошу только, ваше превосходительство, извинить меня, если я тронуть болѣе чѣмъ нужно.

Губернаторъ. Скажу одно: будучи на своемъ мѣстѣ, я имѣлъ всѣ способы дѣлать зло; но я его не дѣлалъ.

Огребининъ. А какъ не многіе способны на это, ваше превосходительство!

Прокуроръ. Такъ пусть считаютъ это за что угодно; но я старинный сослуживецъ его превосходительства, — я долженъ обнять его!

Губернаторъ. Офенція не у мѣста: нальемъ бокальги начнемъ, такъ сказать, братское цалованіе.

(Начинается братское цалованіе).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Чирибеева; сначала одинъ Чирибеевъ, потомъ жена его.

Чирибеевъ (одинъ). Многого мнѣ, конечно, не хотѣлось бы дѣлать, и потому надо все исподоволь, а то, какъ заберешься, то и не страшно. Что жъ! Развѣ я первый? Развѣ я одинъ? Да наконецъ, если разобрать внутреннія, коренныя причины, причины, скрытыя въ жизни, — я только не иду противъ общества, противъ жизни. И все это только на первый разъ дико: дико и принимать благодарность тысячь въ пять, и давать мѣсто тѣмъ, о которыхъ просятъ; но отчего дико? Пустяки. На все есть причина. Я не хочу жить безъ смысла и потому до тѣхъ поръ не оправдываю факта и даже иду противъ факта, пока нѣтъ причины. Коль скоро она есть — значитъ она есть въ жизни, значитъ она разумна и

имѣть основаніе. А ужь если причина имѣть основаніе... Да наконецъ, почему я долженъ видѣть во всемъ черную сторону? Положимъ, губернаторъ рекомендуетъ мнѣ человека, которому я далъ бы мѣсто; отчего мнѣ не думать такъ, что этотъ человекъ хорошъ, и хорошъ потому именно, что его рекомендуетъ лицо, которое по самому положенію своему изъято отъ всякой подлости, отъ взятки? Вотъ я и даю мѣсто, потому что увѣренъ, что губернаторъ не можетъ быть ни подлець, ни воръ, ни ваяточникъ, — иначе за что-жь бы ему давать жалованье, за что ставить въ такое положеніе? Отъ него зависитъ все, и это доказывается уже тѣмъ, что всѣ лучшія мѣста въ губерніи занимаютъ его родственники. Вотъ теперь и ясна причина. — До всего вообще надо доходить разумомъ, и этотъ путь есть самый вѣрный. Иначе тотчасъ же поставишь себя въ ложное положеніе. Вотъ, напримѣръ, я встрѣтилъ сегодня нищаго, и мнѣ стало казаться страннымъ то, что я пилъ сегодня лафитъ и шампанское и сытъ по горло, а онъ можетъ-быть два дня не ѣлъ—а? Вотъ, напримѣръ, коверъ у меня пушистый подъ ногами — а я, говорю, встрѣтилъ нищаго въ худыхъ лаптяхъ, и руки его были красныя и выѣстъ синія отъ холоду: не знаю почему, мнѣ стало жаль его и я тотчасъ же поставилъ вопросъ какъ-то странно; но разумъ спасъ меня, онъ вынесъ на плечахъ меня изъ этого положенія. Я прошелъ мимо и далъ бы нищему копѣйку; но морозъ былъ страшный и я боялся простудиться, распахнувши свой бобровый воротникъ, въ который былъ закутанъ. И хорошо сдѣлалъ, иначе бы опять схватилъ насморкъ. (Молчаніе) Да стоитъ ли и разсуждать объ этомъ? А все, правда, книги: надо бросить! А то прочтешь эдакъ, и давай ставить вопросы, а къ чему? (Молчаніе) Вообще: въ юности мы предаемся разнымъ теоріямъ и хотимъ перестроить жизнь по-своему, а жизнь невольно увлекаетъ насъ своимъ теченіемъ и потому живи, какъ живется. А живется, слава Богу, хорошо. Правда, говорится: отъ юности мнози борятъ мя страсти... (Подумавъ). Да наконецъ всякую мерзость, которую придется дѣлать, можно заглаживать какимъ нибудь добрымъ дѣломъ!

Входитъ Чирибеева.

Чирибеева. Я все думаю, Александръ, какъ ты давно не былъ у тетушки: вѣдь она на исходѣ, того и глади начнется процессъ.

Чирибеевъ. Не хочется, душка, мнѣ ѣздить къ этой старухѣ

вѣчно толкуеть о томъ, какъ она была у обѣдни и видѣла архіерея.

ЧИРИБЕЕВА. Что дѣлать, Александръ! Всякое состояніе имѣетъ свои непріятныя стороны.

ЧИРИБЕЕВЪ. Но когда можно избѣжать ихъ?

ЧИРИБЕЕВА. Тогда мы проиграемъ наслѣдство.

ЧИРИБЕЕВЪ. Да, и это отчасти правда.

ЧИРИБЕЕВА. Еще бы! Однимъ словомъ, Александръ, въ жизни такъ: гдѣ замѣшанъ интересъ, тамъ нельзя дѣйствовать честно.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ахъ, какъ жаль—ахъ, какъ жаль, что это такъ. Отчего не идетъ все эдакъ гладко и спокойно!

ЧИРИБЕЕВА. Не вкусишь горькаго, Александръ....

ЧИРИБЕЕВЪ. Такъ, такъ: не отвѣдаешь сладкаго.

ЧИРИБЕЕВА. Тетушка особенно любить собачку мими, и ты, какъ только будешь тамъ, непременно ласкай и цалуй эту собачку. Тетушка будетъ въ восторгѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну, это немножко непріятно.

ЧИРИБЕЕВА. Ты вообще лѣнивъ, Александръ,—въ тебѣ нѣтъ энергіи, оттого ты такъ и говоришь. Другой бы на твоёмъ мѣстѣ.—Не проигрывать же въ самомъ дѣлѣ сто тысячъ!

ЧИРИБЕЕВЪ. Такъ, душка, такъ. Чортъ ее возьми эту тетушку! Не проигрывать же въ самомъ дѣлѣ сто тысячъ! Надо только увлечься, чортъ возьми, надо только пояснѣй представить себѣ эти сто тысячъ,—а то я не только собачку поцалую....

ЧИРИБЕЕВА. Фи, Александръ! Молчи!

ЧИРИБЕЕВЪ. Молчу, молчу, душка. А не правда ли я исправился—а? А все ты. Сколько я ни спорю съ тобой, подъ конецъ всегда соглашусь. Да и какъ не согласиться, когда можно цаловать эти ручки, когда можно любить, такъ крѣпко—крѣпко любить тебя, милая! (Обнимаетъ ее) Клянусь Богомъ, я не видалъ еще такой красавицы, какъ ты. Ну поди сама (подводитъ ее къ зеркалу) убѣдись, посмотри въ зеркало—а? видишь? Отчего жъ я и способенъ иногда на всякую мерзость, какъ не оттого, что такъ люблю—люблю тебя!

ЧИРИБЕЕВА. Опять у тебя нѣжности, Александръ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Хе! отчего жъ и не повѣжничать!

ЧИРИБЕЕВА. Неприлично, милый.

ЧИРИБЕЕВЪ. А неприлично—оставимъ. Мы оставимъ, если неприлично! хе!

ЧИРИБЕЕВА. Что это ты все хе, да хе! Это, милый, дурно и ты выучился у Егоръ-Иваныча.

ЧИРИБЕЕВЪ. А! дурно? Изволь, и этого не будетъ.

ЧИРИБЕЕВА. Ну, вотъ-вотъ—ты все соглашаешься, милый. Я замѣчаю, что ты постоянно соглашаешься....

ЧИРИБЕЕВЪ (недоумѣвая). Ну?

ЧИРИБЕЕВА. Ну! Это Егоръ-Иванычу только свойственно говорить ну.

ЧИРИБЕЕВЪ. Эхъ, Боже мой! что это никакъ не угодишь на тебя!

ЧИРИБЕЕВА. Никто, милый, не требуетъ, чтобы ты угождалъ. Дѣйствуй только такъ, какъ тебѣ говорятъ—вотъ и все.

ЧИРИБЕЕВЪ. И буду — что жь! Для насъ это ничего не стоитъ.

ЧИРИБЕЕВА. Дай-то Богъ, если это такъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Именно такъ. Собачку цаловать говоришь ты—изволь! Плевать!

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, Александръ, Александръ! Откуда это слова такія: плевать, изволь, чортъ возьми, и хуже всего это хе! И что оно значить это хе?

ЧИРИБЕЕВЪ. Егоръ Иванычъ, послѣ всякой мерзости, которую дѣлаетъ, говорить обыкновенно хе.

ЧИРИБЕЕВА (повелительнымъ тономъ). Вотъ мой приказъ: оставить знакомство съ Егоръ-Иванычемъ, а теперь идти и одѣваться: мы сейчасъ ѣдемъ къ тетувкѣ. Безъ разговоровъ! Что, не скажете ли еще хе? (Указывая на дверь) Идите! (Чирибеевъ уходитъ, Чирибеева глядитъ ему вслѣдъ и продолжаетъ). Эти люди не могутъ понять, что общественное положеніе должно быть выше всего и что оно также связано съ извѣстными обязанностями. Они такъ свыклись съ своею лѣнью, что почитаютъ счастьемъ сидѣть въ халатѣ и читать какую нибудь вздорную книгу! За ними нуженъ глазъ да глазъ. Иначе они бросятъ все и станутъ утѣшаться тѣмъ, что они добрые люди. Добрые люди! И какіе нибудь учителя тоже добрые люди! Какое въ самомъ дѣлѣ извращенное понятіе о добротѣ! И какъ не понять того, что на различныхъ степеняхъ общества должны быть различныя качества, и гдѣ хорошо одно, тамъ другое часто никуда не годится! Нѣтъ въ этихъ господахъ ни энергіи, ни тонкаго умѣнья примѣняться къ жизни и выжимать, именно выжимать изъ нея все, что можетъ послужить на пользу. Въмѣсто того, чтобы ловить и наблюдать другихъ, они са-

ми тотчас высказываются и думают вдобавокъ, что такъ нужно, что они, видите ли, откровенны, какъ будто откровенность—гмъ! какъ будто можно что нибудь ею выиграть! И что за охота выставлять свои мысли на видъ и изъ холоднаго, тайнаго обдумыванія дѣлать какой-то крикъ ребенка, который нашелъ игрушку и хочетъ, чтобъ о томъ знала вся улица! Какъ не понять того, что если кто хочетъ столкнуть другаго въ яму, то конечно не долженъ никому говорить объ этомъ!—Нѣтъ, такъ нельзя! Въ жизни, гдѣ постоянно, на каждомъ шагу, одинъ интересъ, гдѣ всякій спѣшитъ столкнуть другаго, чтобы занять его мѣсто,—въ этой жизни нельзя такъ дѣйствовать!—Но до того ослѣплены бываютъ иногда люди, что готовы считать всѣхъ своими родственниками и дѣлиться тѣмъ, что составляетъ нашу неотъемлемую собственность. Какой порядочный человѣкъ повѣритъ этому? кто, скажите, повѣритъ этому?—Нѣтъ, пока есть во мнѣ хоть искра жизни и энергіи, я заставлю своего мужа поступать такъ, какъ требуетъ жизнь, а не какъ учатъ его эти Егоръ-Иванычи и подобная сволочь, что ходитъ безъ перчатокъ и служить въ семинаріяхъ!

(Уходитъ.)

СЦЕНА III.

Ночь. Площадь. Въ глубинѣ видна церковь. Одинъ фонарь тускло свѣтитъ на тротуарѣ. По сторонамъ высокіе дома. Вообще ночной видъ губернскаго города.

Егоръ Иванычъ. Да, Еремѣй Федорычъ, правда: я бы желалъ сдѣлаться великимъ. Ты, Еремѣй Федорычъ, угадалъ, сказавши, что я не совсѣмъ обыкновенный человѣкъ. Ты, Еремѣй Федорычъ, болѣе чѣмъ угадалъ. Говорятъ, великій человѣкъ съ самаго дѣтства чувствуетъ свое призваніе. Его съ раннихъ лѣтъ тревожатъ непонятныя ощущенія, неясныя надежды—что жь? Развѣ я не былъ въ такомъ же положеніи? Не волновали меня неясныя надежды съ самыхъ раннихъ лѣтъ? Нѣтъ, Еремѣй Федорычъ, ты правъ: я давно чувствовалъ свое призваніе. Доказательствомъ то, что я до сихъ поръ еще не выбралъ себѣ дѣятельности. Неужели же никогда не откроется мнѣ дорога? Глубина возрѣшія всегда отличала меня. Во всемъ и всегда я пред-

вижу послѣдствія. Результатъ мнѣ извѣстенъ раньше, чѣмъ другимъ, Характеръ сильный и энергическій. Въ случаѣ крайности не задумаюсь дать плюху. Что жь, спрашивается, это не качества? Но зачѣмъ же, вопросъ, я скитаюсь безъ цѣли и нужды? Зачѣмъ не живу роскошно и полно, въ такихъ же трехэтажныхъ домахъ, что высятся теперь передо мной? Отчего я не то, что другіе? Такъ я часто углубляюсь въ вопросы и не могу дать себѣ отвѣта. Можетъ быть это примакъ генія? А чортъ его знаетъ, въ самомъ дѣлѣ, кто жь поручится за то, что я не геній? Стоитъ только захотѣть мнѣ, и я натворю такихъ чудесъ. — Но сегодня что-то особенно забираетъ меня. Ничто не удерживаетъ моихъ мыслей. Онѣ текутъ, текутъ — и, право, я даже готовъ сдѣлать всякую подлость, лишь бы достигнуть цѣли. Подлость! Да что такое подлость? Не есть ли это только условное отношеніе ко всему окружающему и безусловное въ цѣли и значеніи? Пусть она подлость, покаймѣстъ дѣлается, а послѣ... Не святой же я, чортъ возьми! послѣ на нее можно смотрѣть, какъ на совершившійся фактъ. Совѣсть, говорятъ, мучитъ за это. Желалъ бы я самъ видѣть человѣка, котораго мучитъ совѣсть. Желалъ бы, наконецъ, самъ испытать это. Да! мучила ли меня когда нибудь совѣсть? Нѣтъ, положительно говорю: нѣтъ! — Можетъ быть это и оттого, что я никогда не дѣлалъ зла. Гмъ! Я никогда не дѣлалъ большого зла. Да, въ самомъ дѣлѣ: дѣлалъ ли я когда нибудь адакое большое, огромное зло? Я никого не убилъ, не зарѣзалъ, не обокралъ даже: я всегда былъ добрый человѣкъ; а если и были грѣхи, то такіе маленькіе, что странно было обращать на нихъ вниманіе . . . . .

. . . . . Отчего же послѣ этого другіе ѣздятъ въ каретахъ, а я нѣтъ? О, Боже мой! Ужели мнѣ всегда ходить пѣшкомъ? Клянусь, я не употребилъ бы богатства во зло; я сталъ бы помогать нищимъ, богадѣльню бы выстроилъ... Сколько напри- мѣръ денегъ у этого канальи, секретаря гражданской палаты! О Боже, сколько у него денегъ! И чѣмъ я виноватъ, что не имѣю такого же мѣста и не могу также честно и спокойно... (начинаетъ вдругъ съ жаромъ:) О, никогда еще мной не овладѣвала такая жажда денегъ, какъ теперь! Миръ обокралъ бы, кажется! О, вы, что ходите по шелковымъ коврамъ, живете въ трехэтажныхъ домахъ и ѣздите въ коляскахъ, — примите полное и страшное проклятіе отъ Егора Иваныча! Пусть эти слова прожгутъ васъ огнемъ самаго ада! И вы требуете, чтобы я имѣлъ совѣсть въ отношеніи

къ вамъ! Прочь съ глазъ повязка! Я задавлю въ себѣ этого дьявола, который хочетъ царить въ душѣ и называться совѣстью! Совѣсть! Что такое совѣсть! Это демонъ, котораго сажаютъ въ насъ попы и изъ-за котораго я долженъ губить свои страсти, желанія и вѣчно бѣдствовать! Кто же наложилъ на меня эту проклятую узду, спрашивается? Стало быть я же ни въ права на то, чѣмъ пользуются другіе? Стало быть это совѣсть такъ дѣлаетъ? Такъ какая жь послѣ этого она совѣсть? Такъ чортъ же ее возьми эту совѣсть, если она годится только на то, чтобъ обкрадывать меня и похищать у меня удовольствія, которыми наслаждаются другіе. До сихъ поръ я толковалъ только о жмуди, да о честности, теперь подниму другіе вопросы, отъ которыхъ однимъ будетъ гадко, другимъ страшно и всѣмъ вообще скверно! Да! Не будь я Егоръ Ивановичъ, если съ этихъ поръ я не буду подлецомъ въ высшей степени! Миръ не видалъ такого подлеца, какимъ явится отнынѣ Егоръ Ивановичъ! Если я былъ плутъ, то по мелочамъ: теперь иначе! Клянусь всѣмъ на свѣтѣ, теперь я сумѣю сдѣлать такое гадкое дѣло, что самъ чортъ удивится и приметъ невольное участіе!

(Показываются два учителя убадавшаго учителя: одинъ съ гитарой, другой — съ флейтой).

Первый. Куда ты пропалъ, Егоръ Ивановичъ? Мы тебя ищемъ цѣлый часъ: хотимъ давать серенаду учителю.

Второй. Цѣлый часъ, представь, ищемъ: хотимъ давать серенаду учителю.

Егоръ Ивановичъ. Но достаточно ли вы пьяны для этого?

Первый. Надѣюсь, болѣе чѣмъ нужно.

Второй. Гораздо болѣе, надѣюсь.

Егоръ Ивановичъ. Вѣрно?

Первый. Что за подозрѣнія, Егоръ Ивановичъ?

Второй. Какія странныя породозрѣнія!

Первый. Вѣчно оскорбляешь людей.

Второй. Ни на шагъ безъ оскорбленій!

Егоръ Ивановичъ. Я, другъ, не вѣрю нынче въ людей. Но гдѣ Чирибеевъ? Отчего онъ не съ вами?

Первый. Самъ виноватъ, Егоръ Ивановичъ.

Второй. Никто другой именно.

Первый. Ты ушелъ, когда мы начали плясывать.

Второй. Въ это самое время ты ушелъ.

Первый. А Чирибеевъ....

Второй. А Чирибеевъ....

Егоръ Ивановичъ. Стой, черти! говори ктонибудь одинъ! Ну?

Первый. Ну, только что ты ушелъ....

Второй. Не успѣлъ даже уйти....

Первый. Хватъ — его нѣтъ!

Второй. Нѣтъ какъ нѣтъ!

Первый. Мы искать....

Второй. Туда-сюда....

Первый. Гдѣ, спрашиваемъ?

Второй. Куда ушелъ?

Первый. Половой!

Второй. Подняли весь домъ.

Первый. Я кому-то въ ухо.

Второй. Избилъ на-поваль!

Первый. Черти, говорю...

Второй. Притиснулъ къ двери, бю.

Первый. Тутъ же и въ морду!

Второй. Размахнулся — баць!

Первый. Пощечина!

Второй. Валяй!

Первый. Скандалъ!

Второй. Разорвалъ штаны.

Первый. А на немъ, знаешь, шапка.

Второй. Прямо въ ухо!

Первый. Новые штаны!

Егоръ Ивановичъ. Адъ и дьяволъ! Самъ чортъ не разберетъ, что вы говорите! Отыскать тотчасъ же Чирибеева и вести его на серенаду! Иначе я перегну въ бараній рогъ всѣхъ и каждого. Живѣй! Я сегодня не въ духъ, и при малѣйшемъ обстоятельстве — вы погибли!

(Уходятъ всѣ въ равныя стороны; учителя наигрываютъ вѣчто въ родѣ дуэта).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Чирибеева. — Огребининъ и Чирибеева.

Огребининъ. Что, скажи пожалуйста, съ твоимъ мужемъ? Онъ который день не былъ въ присутствіи.

Чирибеева. Я и сама не придумаю, папа: Онъ все сидитъ да куритъ, читаетъ газеты, книги и всякій подобный вздоръ, что попадется подъ руку.

Огребининъ. Ну ты по крайней мѣрѣ наблюдаешь его характеръ, склонности?

Чирибеева. Еслибъ онъ у него были, папа! У него ихъ нѣтъ! Что ни подай, напримѣръ, за обѣдомъ, ему рѣшительно все равно. Ему все хорошо, между тѣмъ какъ другой можетъ быть ѣсть бы не сталъ. Трудно ждать послѣ этого склонностей, папа.

Огребининъ. Скучаетъ онъ, вопросъ?

Чирибеева. О чемъ намъ скучать, папа? У насъ все есть. Вѣдь скучаютъ тѣ, которые ничего не имѣютъ, а потому, кто обезпеченъ во всемъ, скучать и грѣшно и стыдно. Я по крайней мѣрѣ такъ смотрю, папа.

Огребининъ. Ну какъ онъ въ домашнемъ быту: ласковъ, хорошъ, обходителенъ, а?

Чирибеева (въ раздумьи). Вы объ этомъ спрашиваете, папа. Конечно, я должна вамъ отвѣчать. По правдѣ сказать, его трудно разобрать. Да и что, наконецъ, за радость, если онъ добръ и ласковъ? Я думаю, тутъ ничего особеннаго нѣтъ. Я такъ думаю, папа.

Огребининъ. Понятно. Это еще не качество.

Чирибеева. Скорѣе вредъ папа, не правда ли? Но что вы скажете о томъ, если человѣкъ бываетъ иногда пьянъ и возвращается поздно ночью?

Огребининъ. Что ты хочешь сказать этимъ? Я вѣдь въ бараній рогъ согну за это.

Чирибеева. Я, папа, ничего не говорю до поры до времени. Это было только разъ и потому я молчу. Не будемъ пока мѣсть говорить объ этомъ.

Огребининъ (помолчавъ). Былъ онъ у тетки?

Чирибеева. Вмѣстѣ ѣздили.

Огребининъ. И эта старая баба все еще крѣпка, живетъ?

Чирибеева. Ахъ, папа! Рѣшительно нѣтъ надежды, чтобъ она скоро умерла. Это меня убиваетъ.

Огребининъ. Ничего, Богъ милостивъ. Не все же вдругъ. Что жъ она говорила?

Чирибеева. Да все одно: подай маатонъ, подай табакерку,

да посмотри Мими, не распухла ли у ней щека, да дѣль ли хвостъ. Я, разумѣется, все это дѣлала. Нельзя же иначе, папа?

Огрѣбининъ. Нельзя, душка, иначе.

Чирибеева. Гадкая женщина, однимъ словомъ. И все жалуются.

Огрѣбининъ. Все Богомъ недовольна, а?

Чирибеева (съ досадою). Ну да! Вы знаете вѣдь, какой взглядъ у этихъ людей на вещи: Они думаютъ, что такъ вотъ сейчасъ Богъ имъ и сдѣлаетъ все.

Огрѣбининъ. Все-таки вамъ нужно навѣщать ее по временамъ.

Чирибеева. Еще бы, папа! Я отнюдь не намѣрена манкировать. Сто тысячъ, папа?

Огрѣбининъ. Сто тысячъ, душка! Вѣдь эти хамы, извини за выраженіе, не умѣютъ только проживать, а денегъ у нихъ не перечесть. Я, впрочемъ, повыжму изъ нея все, что можно. Съ такими людьми нечего церемониться.

Чирибеева. Что тутъ церемониться, папа? Вотъ если бы у ней было двѣ тысячи — Богъ бы съ ней! А тутъ чѣмъ скорѣй конецъ, тѣмъ лучше. Я, папа, такъ смотрю на вещи. Надо вѣдь тоже и совѣсть знать, папа. Ну что губернаторъ объ этомъ?

Огрѣбининъ. А что губернаторъ! Все это болѣе или менѣе дураки, и если кто еще смыслить что нибудь, то развѣ прокуроръ. Эти люди во всю свою жизнь порядочнаго ничего не выдумали.

Чирибеева. Помоему, иначе и не можетъ быть, папа.

Огрѣбининъ. Ни въ одной головѣ смысла нѣтъ. Наша губернія особенно отличается этимъ. То есть рѣшительно какъ нарочно дуракъ къ дураку подобраны!

Чирибеева. Но мы отъ этого не теряемъ, папа?

Огрѣбининъ. Не только, душка, не теряемъ, но и выигрываемъ много.

Чирибеева. Я только что хотѣла сказать это, папа. По моему даже надо благодарить Бога.

Огрѣбининъ. Именно. Я всегда видѣлъ въ этомъ руку Провидѣла. Вотъ тебѣ доказательство: когда я пріѣхалъ сюда, то у меня была только одна фризловая шинель безъ подкладки.

Чирибеева. Ай, папа! Неужели безъ подкладки?

Огрѣбининъ. Видитъ Богъ! Были одни сапоги, которые я носилъ года три, и когда они стали прорываться, то я возьму,

бывало, перышко въ присутствіи, обмакну въ чернила да и замажу тамъ, гдѣ бѣдѣтъ носокъ-то. Вотъ какъ, душка!

Чирибеева. Тѣмъ больше чести вамъ, папа. Это ужь именно Богъ помогаль вамъ за ваше доброе сердце.

Огребининъ. Но ты не видала еще моей шапки, въ которой я ходилъ тогда и которую храню теперь, какъ драгоценность. Это, видишь ли, шлыкъ.

Чирибеева. Что это, папа, шлыкъ?

Огребининъ. Какъ тебѣ растолковать, не знаю. Это, видишь ли, не колпакъ, но похожее нѣчто. Шлыкъ даже хуже. Но за то, душка, когда мнѣ за первое дѣло пришлось взять десять тысячъ серебромъ....

Чирибеева. Ай, папа! За одинъ разъ?

Огребининъ. Что жъ удивительнаго? Я уже былъ секретаремъ гражданской палаты въ это время.

Чирибеева. Но все-таки это великолѣпно, папа!

Огребининъ. Не худо, дружокъ, кто говорить!

Чирибеева. Ахъ, папа! Я иногда воображаю себѣ, какъ вы служили, — вы должно быть превосходно служили!

Огребининъ. Я, душка, умѣлъ только пользоваться обстоятельствами. Прежде всего я старался ладить со всякимъ. Не въ моемъ характерѣ было обижать другаго, такъ какъ я зналъ, что существенной пользы отъ этого не могло быть. Мало-по-малу меня узнали всѣ, — и вотъ судьба человѣческой жизни: я, какъ ты знаешь, не получилъ никакого воспитанія; всему меня обучалъ одинъ дьячокъ; но со мной же служили люди образованные, часто изъ университета, изъ духовной академіи, и что жъ? Всѣ они кончили ничѣмъ. Многіе даже пустились въ пьянство, и вообще никогда не хотѣли понять вещей, какъ должно. У насъ ихъ звали философами. И дѣйствительно, имѣя всѣ средства подъ рукою, они ничего не нажили и послѣ, справедливо, подверглись общему презрѣнію. Въ то время, какъ другіе получали чины и ордена, не говоря уже о деньгахъ, — они все сидѣли на одномъ мѣстѣ и только разсуждали. Мы, разумѣется, слушали, улыбались, пожимали плечами.... Однимъ словомъ, это были изувѣры или фанатики, подобно вотъ тѣмъ, которые рѣжутъ теперь христіанъ въ Турціи.

Чирибеева. Но вѣдь такіе люди рѣдко были, папа?

Огребининъ. Очень рѣдко. Всему вредило въ этомъ случаѣ ложное воспитаніе, Но нѣкоторые изъ нихъ вышли и дѣльцами,

Это именно тѣ, которые поняли, что науки въ сущности вздоръ, что философія университетская пленая вещь и съ нею далеко не уѣдемъ. Однимъ словомъ, они бросали эту чепуху, что припjali на школьныхъ скамейкахъ, и, я долженъ отдать справедливость, такіе часто выходили, даже починце нашего брата, стараго, заматерѣлаго служаки. Я зналъ одного изъ этихъ университетскихъ, который перещеголялъ всѣхъ и cadaго, нажилъ огромное состояніе, обдѣлывалъ такія вещи, что ужасъ, и впоследствии былъ министромъ нѣсколько лѣтъ. Надо было удивляться той необыкновенной ловкости, съ какою онъ хваталъ все, что только можно; въ душѣ это былъ жестокий человѣкъ, не разбиралъ ничего, и ему ничего не стоило выгнать человѣка, обремененнаго семействомъ. Чиновники, служившіе при немъ, боялись его какъ огня, трепетали при каждомъ его взглядѣ; онъ гналъ, давилъ ихъ и сдѣлалъ множество несчастныхъ. Но я тебѣ рассказываю объ этомъ потому, что ужъ онъ давно не существуетъ на свѣтѣ и въ память о немъ ты можешь всегда слышать колоколъ въ одной изъ нашихъ церквей, которую онъ самъ выстроилъ, когда почувствовалъ, что ему уже не долго жить. Онъ умеръ гадкой болѣзью, какую только можно себѣ представить. Тогда, помню, много было слуховъ о его смерти; рассказывали самыя невѣроятныя вещи, какія только могутъ быть въ подобныхъ случаяхъ. Послѣднія будто бы слова его были: «дьяволъ! я задушу тебя!» Никто не могъ понять, къ кому относились эти слова; но всему этому, повторяю, трудно вѣрять; несомнѣнно только одно, что смерть была не совсѣмъ обыкновенная, и запахъ отъ трупа былъ такой ужасный, что никто не могъ оставаться ни минуты въ комнатѣ. Гробъ завинтили крѣпко-накрѣпко; несмотря на то, въ церкви необходимо было курить все время разными душистыми травами, пока совершалось отпѣваніе. Похороны вообще были торжественны, мы всѣ присутствовали, конечно; произнесено было множество надгробныхъ рѣчей, въ которыхъ исчислялись заслуги покойнаго, и все было необыкновенно чинно и тихо; но замѣчательно, что никого не нашлось изъ близкихъ, кто бы плакалъ за гробомъ, какъ это бываетъ въ простомъ народѣ. Достоинѣе, впрочемъ, что покойникъ всегда былъ человѣкъ: добрый и хорошій въ этомъ надо отдать ему справедливость; да и вообще о такихъ людяхъ надобно судить осторожно, скрывать по возможности все, что возбуждаетъ толки, потому что во всякомъ случаѣ онъ мо-

жить служить намъ примѣромъ высокаго образца гражданской дѣятельности, всегда чистой и безукорыженной.

Чиривеева. Конечно, папа, о такихъ людяхъ нельзя судить, какъ объ остальныхъ. Это не простой человекъ, что умираетъ въ крестьянской избѣ и до котораго рѣшительно никому нѣтъ дѣла.

Огребининъ. Ну, разумѣется. — Такъ все это я говорю къ тому, какъ долженъ служить человекъ, если онъ захочетъ открыть себѣ дорогу. Средства въ этомъ случаѣ разбирать не должно.

Чиривеева. Именно, папа.

Огребининъ. Идти впередъ и поступать такъ, какъ будто бы впереди была чистая и ровная дорога. Задумываться не стоитъ. На людей вѣдь тоже нельзя смотрѣть, какъ на родственникововъ. Каждый обязанъ знать прежде всего себя, потомъ уже, и то если расположатся такъ обстоятельства, заботиться пожалуй и о другихъ. Есть люди, которые можетъ быть въ самомъ дѣлѣ готовы раздать имѣніе нищимъ, да что толку? Не на этомъ основывается теченіе жизни, и я сегодня же именно хотѣлъ поговорить объ этихъ вещахъ съ Александромъ Сергѣичемъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Надѣюсь, впрочемъ, что рано или поздно я успѣю внушить ему истинныя понятія, не тѣ, что пишутся въ книгахъ, а тѣ, что ведутъ прямо и неуклонно къ цѣли. Пусть броситъ онъ эту книжную философію и не забываетъ себѣ голову разными, какъ онъ называетъ ихъ — идеями: все это вздоръ! Человекъ долженъ смотрѣть на все легко: это единственное условіе жизни. Станетъ задумываться — потеряется въ догадкахъ и сомнѣніяхъ, и что же выйдетъ? Ничего особеннаго не найдетъ, а покой потеряетъ, навсегда потеряетъ, потому что, приучившись разсуждать, онъ на самыя свѣтлыя стороны жизни станетъ смотрѣть иначе. И кой чортъ, извини за выраженіе, учить твоего мужа всякому вздору, который онъ выражаетъ иногда гласно, даже въ присутствіи?

Чиривеева. Это, папа, не чортъ, а просто шарлатанъ, котораго зовутъ Егоръ Ивановичъ.

Огребининъ. Знаю я этого Егоръ Ивановича; но онъ, кажется, слишкомъ пустъ, чтобы имѣть вліяніе.

Чиривеева. Не онъ одинъ, папа. У нихъ тамъ круговая порука. Это цѣлая шайка, которою предводительствуетъ Егоръ Ивановичъ. Люди безъ убѣжденій, безъ силъ, безъ состоянія;

безъ перчатокъ, наконецъ — они рѣшительно попираютъ все священное. Что я говорю священное! У нихъ его нѣтъ. Они ѣдятъ, я слышала, одинъ горохъ, папа, чтобы сберечь деньги на вино. Говорятъ, кто не напивается пьянъ въ извѣстное время, тотъ платитъ штрафъ въ общую кассу, которая пропивается въ концѣ мѣсяца всѣми вмѣстѣ. Егоръ Иванычъ составилъ даже цѣлый уставъ. Иностранныя вина строго запрещаются, а кто не пьетъ водки, долженъ платить пошдину. Все это они называютъ обществомъ воздержанія. Сборнымъ пунктомъ назначена у нихъ одна площадь, на которую обязанъ по уставу идти всякій, если только онъ вечеромъ пьянъ и не хочетъ платить штрафа, въ случаѣ неявки. Тамъ они открываютъ засѣданіе. Егоръ Иванычъ, сидя на тумбѣ, отдаетъ приказанія, а два учителя изъ уѣзднаго училища играютъ концертъ, одинъ на флейтѣ, другой на гитарѣ, и Егоръ Иванычъ говоритъ въ этомъ случаѣ, что онъ, какъ Саулъ, разгоняетъ инохондрію, съ тою только разницею, что у того былъ одинъ Давидъ, а у него два. Мнѣ даже рассказывали, что недавно на этой же площади учитель гимназіи читалъ отчетъ о дѣйствіяхъ общества, показалъ сумму собранныхъ штрафовъ и заслужилъ всеобщее одобреніе, какъ выразился Александръ Сергѣичъ. Надъ всѣмъ же тамъ главнымъ Егоръ Иванычъ: онъ трясетъ всѣхъ за хохолъ въ знакъ дружбы, и когда сидитъ на тумбѣ у фонаря, то всѣ обязаны стоять и онъ имѣетъ полное право послать когонибудь, слѣлать выговоръ.... Ему же одному только дано полное право ругать всѣхъ, какъ ему угодно. Все это подробно изложено въ уставѣ и мнѣ рассказывалъ мой мужъ.

— Огребининъ. Какъ? Развѣ и онъ членомъ въ этомъ комитетѣ?

Чирибеева. Нѣтъ, папа: мы оба смѣялись надъ этимъ. Но я боюсь, чтобы онъ въ самомъ дѣлѣ какъ не попалъ въ это общество, и чуть ли уже онъ не былъ въ одномъ засѣданіи, куда его, какъ онъ говоритъ, приглашали почетнымъ членомъ.

Огребининъ. И былъ, и навѣрное попадетъ еще разъ. Вотъ тебѣ доказательство, до чего могутъ довести книги. Общество воздержанія! Откуда это почерпнуто, какъ не изъ книгъ? Если Александръ Сергѣичъ не понавль еще, то навѣрное числится кандидатомъ. Надо предупредить. (Встаетъ) Скажи ему, что я у него былъ, съ цѣлію поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ, но, къ сожалѣнію, дома не засталъ. Можешь, пожалуйста, сказать, что

это уже не въ первый разъ. А если я застаю когданибудь тутъ Егоръ Ивановича, то выпоню его въ шею. И это можешь екавать ему. Да не забудь спросить: могу ли я согнуть въ бараний рогъ когонибудь, если захочу? Пусть онъ подумаетъ объ этомъ хорошенько—хорошенько и предложитъ тотъ же вопросъ Егоръ Ивановичу, которому это полезнѣй знать, чѣмъ всякому другому. Вообще, что касается до этого мерзавца, я доберусь до него непременно. Это ничего, что онъ не служитъ: я за тысячу верстъ дамъ себя почувствовать. На своемъ вѣку я зналъ одного человѣка, который съ честью служилъ по полиціи около сорока лѣтъ; онъ говаривалъ такъ: человѣка погубить не трудно; стоитъ только умѣть взяться за это дѣло. Пусть Александръ Сергѣичъ передастъ эти достопамятныя слова Егоръ Ивановичу, и прибавитъ, пожалуй, что я люблю расправу короткую. Миѣ, слава-богу, таки-дана возможность давить людей въ случаѣ надобности. Я такихъ Егоръ Ивановичей много передумилъ на своемъ вѣку. Это не первый примѣръ, если я его сотру съ лица земли. А что я могу стереть, если захочу, пусть онъ убѣдится въ этомъ отъ всего города. Онъ еще не знаетъ тѣхъ средствъ, какія у насъ есть, чтобы губить людей, какъ онъ. И вотъ (ударяетъ кулакомъ по столу) не будь я Огребининъ, если я не выжму изъ него сокъ до послѣдней капли въ случаѣ надобности! Къ чему жь и служить столько лѣтъ, если подъ старость не имѣть способа прижать для своего спокойствія человѣка, котораго нужно и который стоитъ этого? Я самъ привыкъ и люблю повиноваться, и желаю, чтобъ каждый думалъ такъ; но гдѣ нужно, я съумѣю выказать и власть — да такую, что не только Егоръ Ивановичъ, —десять Егоръ Ивановичей, самъ чортъ, наконецъ, ничего не сдѣлаетъ! Пусть всякій зарубитъ себѣ это на носу! Если я носилъ шлыкъ, то миѣ пріятно и другихъ нарядить въ него! Завтра же, если захочу, десять человѣкъ пушу по міру! Стоитъ только сотворить молитву, какъ говорится....

ЧИРИБЕВА. Папá, папá! Это уже слишкомъ! Перестаньте говорить объ этомъ! О такихъ вещахъ можно только думать.

ОГРЕБИНИНЪ. Но не говорить! Это правда. Передай все это мужу. Прощай покайсьтъ. Да, именно, дуцка: думать можно о разныхъ вещахъ! Я немного погорячился, извини! Прощай! Самъ буду на дьяхъ.

(Уходитъ).

ЧИРИБЕВА (говоритъ вслѣдъ). Вотъ ужъ именно умный чело-

вѣкъ, папа! Но горячь, ахъ какъ горячь!... Таковы именно всѣ, кто любить и умѣеть стоять за правду!

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ Чирибеева. Чирибеевъ и Егоръ Ивановичъ сидятъ за столомъ, на которомъ стоятъ бутылки и закуска.

Чирибеевъ. Нѣтъ, ты разсуди, какъ я живу: пойми и обними, такъ сказать, орлинымъ окомъ. Уже одно сознаніе, что есть люди, которые можетъ быть два дня не ѣли, — уже одно это возвышаетъ человѣка.

Егоръ Ивановичъ. И еще какъ!

Чирибеевъ. Пусть, думаю я, ходятъ босикомъ по морозу, пусть не ѣдятъ хлѣба по недѣлѣ, — тѣмъ яснѣе сознаніе того, что я доволецъ, я обезпеченъ. Видишь, какія комнаты? видишь паркетъ? Двѣ семьи бы крестьянскихъ ужились, еслибъ я отдѣлилъ только половину моей залы. Да въ томъ-то и дѣло, что не удѣлю.

Егоръ Ивановичъ. Фю! Объ этомъ и думать нечего!

Чирибеевъ. Пусть, говорю я, живутъ въ курныхъ избахъ, ѣдятъ голые щи и пьютъ воду; я же велю подать шампанскаго, и подадутъ.

Егоръ Ивановичъ. Велишь рябчиковъ, и подадутъ!

Чирибеевъ. Какой нибудь мужикъ зябнетъ въ армякѣ, неподложенномъ даже ватой, а у меня енотовая шуба въ тысячу рублей.

Егоръ Ивановичъ. Въ тысячу рублей, чортъ возьми!

Чирибеевъ. Пара сѣрыхъ.

Егоръ Ивановичъ. Съ яблоками, чортъ возьми!

Чирибеевъ. И коляска, которая такъ пріятно качается.

Егоръ Ивановичъ. Хе! Небось какъ еще качаетъ-то — а? Небось забываешься — а?

Чирибеевъ (не слушая). А между тѣмъ дѣла я меньше дѣлаю, тѣмъ престои мужикъ.

Егоръ Ивановичъ. Оно такъ и слѣдуетъ.

Чирибеевъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, я дѣлаю, если разсудить?

Егоръ Ивановичъ. Ничего, положительно ничего.

Чирибеевъ. Въ десять часовъ ѣду въ присутствіе, подшываю что нужно и приѣзжаю домой обѣдать; ѣду и всѣ мнѣ снимаютъ шапку, спрашиваютъ о здоровьи, зовутъ къ себѣ, — а мужикъ?

Егоръ Ивановичъ. Что мужикъ! Стоитъ ли говорить объ этихъ скотахъ!

Чирибеевъ. Вѣдь онъ идетъ въ старомъ зипунѣ, съ прорванными локтями, и вѣтеръ въ рукавахъ у него, и борода всклокочена, и холодно ему, и два дня не ѣлъ бѣдняга, — а я живъ ужъ тѣмъ, что не въ лаптяхъ и не пѣшкомъ, а несетъ меня пара сѣрыхъ, и кучеръ такъ бойко сидитъ, и заломилъ шапку, и шишко нахлестываетъ пристяжную, которая вотъ-вотъ область грязью того же мужика!

Егоръ Ивановичъ. И какъ еще! точно свинью область!

Чирибеевъ (воодушевляясь). Боже! благодарю тебя, что не далъ мнѣ ходить въ лаптяхъ, и ѣсть толокно, и стучать зубами отъ холода, но далъ и коляску, и пару сѣрыхъ, и домъ, полный свѣта и счастья. — Вотъ, Егоръ Ивановичъ, молитва, которую я твержу всегда и вездѣ.

Егоръ Ивановичъ (съ особеннымъ одушевленіемъ). «Одну молитву чудную твержу я наизусть» — А? не такъ ли, другъ?

Чирибеевъ. Да! И холодно, и грязно мужику, а у меня лафитъ, хересь.

(Егоръ Ивановичъ наливаетъ изъ бутылки, Чирибеевъ останавливается и смотритъ на него).

Егоръ Ивановичъ. Ничего, продолжай, продолжай. Я все слышу.

Чирибеевъ (продолжаетъ съ одушевленіемъ). Лафитъ, говорю, хересь и полъ такой, что ступишь шагъ и поскользнешься, и упадешь и сіяетъ пуще неба самого. Пусть холодно и душно и и грязно мужику въ избѣ, пусть онъ сидитъ при лучинѣ, когда баба прядетъ и поетъ ему жалкую пѣсню, а онъ, нагнувшись, сидитъ и голова склонилась къ протертымъ колѣнамъ и поддерживаютъ мозолистыя руки дряхлую сѣдую голову; а я? Я затоплю каминны во всѣхъ комнатахъ и сорокъ музыкантовъ станутъ играть и лелѣять слухъ мой, и зашумятъ шелковыя платья танцующихъ дамъ, засіяетъ паркетъ подъ яркимъ блескомъ свѣтъ, запѣнится въ бокалы шампанское. — Скажу — и тысячи этихъ розовыхъ созданий окружаютъ меня, и будутъ лепетать своими ро-

зовыми губками и такъ мило произносить букву *p*, а я, гордый, свободный, развальясь на диванъ....

Егоръ Ивановичъ. Ноги на столъ, другъ—а!

Чирибеевъ (рѣшительно). И ноги на столъ положу, другъ, и всякій найдетъ, что у меня манеры; буду врать и скажутъ, что сама истина говоритъ моими устами; напысь-пьянь—и назовутъ примѣромъ трезвости....

Егоръ Ивановичъ. Тогда всѣ перенемся.

Чирибеевъ. А что? напысьшься другъ — не измѣнишь?

Егоръ Ивановичъ. И еще какъ! Ты вѣдь знаешь меня въ этихъ случаяхъ.

Чирибеевъ. Знаю, знаю, другъ, хотя и въ тебѣ качества есть не совсѣмъ хорошия.

Егоръ Ивановичъ. Что? Ты сомнѣваешься? Въ жизнь мою не имѣлъ никакихъ качествъ.

Чирибеевъ. Будто въ тебѣ и вовсе нѣтъ этого свинства—а? Признайся?

Егоръ Ивановичъ (съ чувствомъ). Другъ, вѣрь: нѣтъ человѣка честнѣе меня по душѣ. Положимъ, я готовъ сплутовать, во прочь сподличать, но это только видимость: внутри, въ душѣ, такъ сказать, я чистъ. Подлость, которую я дѣлаю, не касается меня. Она проходитъ мимо, и сердце мое чисто, какъ и прежде. Я иногда дѣйствительно подлець; но какъ? Я знаю, есть подлецы по натурѣ, которые дѣлаютъ подлость изъ выгодъ, изъ чести, на примѣръ; но я этого никогда! У меня подлость чиста, незапятнана и въ самой натурѣ своей имѣетъ нѣчто основательное. Я подлець потому, что не могу иначе быть, но никакъ не отъ того, чтобы я хотѣлъ. Однимъ словомъ, здѣсь сама натура уже дѣйствуетъ и указываетъ человѣку путь, по которому онъ долженъ идти. Это вопросъ чисто психологическій. Ты занимался ли психологіей?

Чирибеевъ. Не скажу этого, однако же знаю. Это вѣдь вообще философія?

Егоръ Ивановичъ. Вообще философія. Занимайся ею и ты поймешь, какъ человѣкъ можетъ дѣлать подлость, оставаясь въ тоже время чистъ и безукоризненъ. Зла же въ жизни я никому не дѣлалъ — это вѣрно.

Чирибеевъ. Вотъ за это я и люблю тебя, Егоръ Ивановичъ. Послѣ всѣхъ мерзостей, на которыя ты способенъ, — ты все-таки хорошій человѣкъ.

Егоръ Ивановичъ. А-га! Наконецъ-то ты сознался, наконецъ-то имѣешь обо мнѣ хорошее мнѣніе! (Наливаетъ и пьетъ) Вотъ потому-то, другъ, повторяю, если ты ужь такъ уважаешь меня, — ты долженъ завтра непременно на именины къ учителю; ты его этимъ осчастливишь и онъ, я знаю, ждетъ тебя.

Чирибеевъ (чешетъ затылокъ). Охъ, Егоръ Ивановичъ! ты опять мнѣ совѣтуешь такія вещи, которыя несообразны — понимаешь — ни съ положеніемъ, ни съ достоинствомъ. Развѣ, повторяю, ты не видишь, какъ я живу, какія комнаты у меня? Да я еще не такъ, какъ другіе: я, напримѣръ, не дерусь, а погляди, какъ настоящіе-то люди живутъ? Да и я — чтожь! Я всегда могу дать плюху какому-нибудь мужику.

Егоръ Ивановичъ. Эва! Да какую плюху-то: прелесть!

Чирибеевъ. Ну, такъ вотъ и сообрази: прилично ли мнѣ ѣхать послѣ этого къ учителю?

Егоръ Ивановичъ. Знаю, знаю: ты все это объяснилъ мнѣ и я согласенъ, какъ нельзя больше. Но, другъ: гуманность должна быть выше всего. Все тлѣнъ и прахъ, одна гуманность, такъ сказать, безсмертна. Будь же, другъ, самостоятеленъ и поѣзжай. Я понимаю: ты опасаясь можетъ быть жены....

Чирибеевъ. Вотъ! Вѣчно у тебя какой-то странный взглядъ.... (Слышеть голосъ Чирибеевой: «Александръ Сергѣичъ! Александръ Сергѣичъ!» Чирибеевъ, поднимая указательный палецъ). Ссс!... Значить, пріѣхала! (Въ одно мгновеніе Чирибеевъ беретъ со стола подносъ съ виномъ, Егоръ Ивановичъ тарелки съ закуской, и быстро ставятъ все это подъ диванъ; затѣмъ оба садятся по угламъ дивана, и Чирибеевъ, взявши какую-то книжку, обращается къ Егору Ивановичу, измѣнивши тонъ). Что, Егоръ Ивановичъ, ты читалъ эту книгу? (Входитъ Чирибеева: она оглядываетъ вѣскольکو подозрительно Егора Ивановича и чуть замѣтно отвѣчаетъ на поклонъ его. Чирибеевъ продолжаетъ). Что, душка? А мы вотъ разсуждаемъ съ Егоромъ Ивановичемъ, какъ нынче хорошо издають эти книги; не правда ли: бумага, шрифтъ этотъ....

Чирибеева. Не въ томъ дѣло, Александръ. Сейчасъ я была въ магазинъ и видѣла новыя матеріи — вчера только привезли — просто прелесть. Мы должны тотчасъ же ѣхать въ магазинъ.

Чирибеевъ. Душка, я не одѣтъ.

Чирибеева. Можно одѣться. Нельзя же этимъ манкировать. Это будетъ милость Божья, если не разобрали уже всего.

Чирибеевъ. Погода вѣдь сегодня не хороша, душка: нельзя ли завтра?

ЧИРИБЕЕВА. Вамъ говорятъ сегодня, а не завтра. Ахъ, Боже мой! Какъ вамъ не совѣстно, Александръ Сергѣичъ! Вѣдь мы рискуемъ не застать ни муаръ-антикъ, ни гласе. Вы меня рѣшительно убиваете этимъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну, а что, если бы ты одна — или не можешь — а?

ЧИРИБЕЕВА. Не могу, не могу. Скорѣй! Боюсь, что мы не застанемъ муаръ-антикъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Такъ вотъ что....

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, оставьте ваши разговоры! Я рѣшительно теряюсь, когда съ вами говорю.

ЧИРИБЕЕВЪ. Хорошо, хорошо. Черезъ часъ я буду готовъ.

ЧИРИБЕЕВА. Черезъ часъ! Вы окончательно не боитесь Бога, Александръ Сергѣичъ. Развѣ можно такъ рисковать? Мнѣ нельзя ждать ни минуты — понимаете? Сейчасъ будьте готовы. Дай Богъ, чтобы мы застали хоть гласе, иначе я не знаю, что я сдѣлаю!

(Уходитъ).

ЧИРИБЕЕВЪ (снимаетъ халатъ и начинаетъ одѣваться). Такъ вотъ что, Егоръ Ивановичъ.... Можетъ быть ты еще хочешь выпить? Только не наливай, а нетяни прямо изъ бутылки, а то услышитъ. (Егоръ Ивановичъ тянетъ прямо изъ бутылки). Такъ вотъ что, говорю, Егоръ Ивановичъ — что бншь такое? Ахъ, да: видишь ли, какое обстоятельство: если хочешь подожди, я сейчасъ приѣду, а то, пожалуй, ступай домой; лучше даже, если пойдешь домой.

(Надѣваетъ сюртукъ).

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (махаетъ рукой). Знаю, знаю: пуганая ворона куста боится. Совершенно безхарактерный ты человекъ!

ЧИРИБЕЕВЪ. Вотъ ты все свое, Егоръ Ивановичъ: вѣчно у тебя этотъ взглядъ. Не начинать же мнѣ ссору изъ пустяковъ. Ужъ если показывать характеръ, такъ на чемънибудь важномъ. И дѣйствительно: дай мнѣ только случай, и я покажу, что мной вертѣть нельзя, собью спѣсь хоть съ кого. Я, видишь ли, все молчу, все молчу, но чуть только — хе! Тутъ-то вотъ и покажу, какъ никто не ожидаетъ. Оно и эффектно, и сразу покажетъ, въ чемъ дѣло. Я только вѣдь не высказываю своего характера — ты знаешь, какъ я горячъ? Хе! Ты еще не знаешь меня. Вотъ потому-то я и боюсь за себя, не ругаюсь — понимаешь? Прощай же, другъ. Лучше, во всякомъ случаѣ, если ты пойдешь теперь домой и не будешь ждать меня.

Егоръ Ивановичъ. Приѣдешь завтра къ учителю—пойду домой; а то вотъ такъ и буду сидѣть, и ноги даже на столъ положу...

Чирибеевъ. Приѣду, приѣду, только иди пожалуйста. (Егоръ Ивановичъ уходитъ Чирибеевъ надѣваетъ наскоро перчатки и продолжаетъ). Ну, день! Съ самаго утра не видишь покою. Бѣгаешь, какъ угорѣлый, бросаешься изъ стороны въ сторону... Скоро, впрочемъ, они не увидятъ этого! Скоро я перестану бѣгать! Скоро, друзья, я покажу себя... Сразу дамъ почувствовать, друзья!

(Уходитъ).

СЦЕНА VI.

Гостиная въ домѣ Чирибеева. Чирибеевъ и жена его. Чирибеевъ лежитъ на диванѣ за круглымъ столомъ; поодаль на креслѣ Чирибеева.

Чирибеевъ. Чортъ знаетъ, душка, какъ что-то скучно! Погадать развѣ на картахъ.

(Раскладываетъ карты).

Чирибеева. А что же, ты былъ съ визитомъ у Гирта?

Чирибеевъ. Нѣтъ, не хочется что-то, ей-богу не хочется.

Чирибеева. А у новаго предсѣдателя?

Чирибеевъ (гадаетъ). Погоди, душка, не сбивай: выходитъ что-то.

Чирибеева. Я не понимаю тебя, Александръ Сергѣичъ: ты совершенный лѣнтяй! Вѣдь эдакъ жить съ нашими связями нельзя.

Чирибеевъ. Да что же мнѣ дѣлать-то, душка, что дѣлать-то?

Чирибеева (встаетъ). Послушайте, Александръ Сергѣичъ! Я вамъ одинъ разъ навсегда говорю: оставьте вашихъ пріятелей, займитесь дѣломъ. Клянусь Богомъ, я выгоню этого негодяя, Егора Ивановича, если онъ придетъ сюда.

Чирибеевъ (чешетъ въ затылкѣ). Э-эхъ!

Чирибеева. Что? вы все разговариваете, все спорите? Одинъ разъ навсегда: оставьте эту скверную привычку вѣчно спорить и не соглашаться!

Чирибеевъ. Душка, голубчикъ, миленькая! Ей-богу, не буду спорить. Ну, что ты все сердисься, какъ ни придешь—все сердисься? Ты меня этимъ убьешь.

Чирибеева. Какъ ни придешь! Скажите наконецъ, куда и когда вы ходите?

ЧИРИБЕЕВЪ. Вотъ, душка, — вотъ сейчасъ и на вы...

ЧИРИБЕЕВА. Я спрашиваю васъ, куда вы ходите? Вспомните, гдѣ вы были нынѣшнюю недѣлю? Вы все лежали на диванѣ и читали эти глупыя газеты. Конечно! Завтра же вы не увидите ни одной книги у себя. Сжечь всѣ эти книги и чтобы духу ихъ не было. Иначе мы потеряемъ все, все, начиная съ расположенія губернатора до расположенія самаго папѣ, который вывелъ васъ въ люди...

ЧИРИБЕЕВЪ (кладя ноги на стулъ). Врешь! Я самъ вышелъ.

ЧИРИБЕЕВА (не слушая). Далъ мѣсто, которымъ вы манкируете, далъ наконецъ орденъ, — понимаете ли вы это, Александръ Сергѣичъ?

ЧИРИБЕЕВЪ (встаетъ съ дивана и энергически начинаетъ). Довольно, Анна Александровна! Вы знаете, кажется, мой характеръ...

ЧИРИБЕЕВА. О, полноте, полноте! Не горячитесь. Васъ можно вертѣть вотъ такъ и такъ. (Показываетъ, какъ можно вертѣть).

ЧИРИБЕЕВЪ (садясь). Съ этимъ я не согласенъ.

ЧИРИБЕЕВА. Садитесь, садитесь. Это будетъ лучше. Успокойтесь. Стыдно вамъ, Александръ Сергѣичъ! И вы думаете еще говорить, что у васъ есть характеръ? Я рада была бы, если бы вы умѣли спорить со мной и показать эту энергію, которая должна быть у всѣхъ порядочныхъ людей. Я женщина, — понимаете вы это? Я женщина, и имѣю больше характера, чѣмъ вы и всѣ ваши пріятели, начиная съ этого пресловутаго Егора Иваныча, съ которымъ вы напиваетесь пьяны...

ЧИРИБЕЕВЪ. Ужъ будто мы такъ и напиваемся! Къ чему, душка, преувеличивать?

ЧИРИБЕЕВА. Отчего вы, напримѣръ, не пошли сегодня въ присутствіе?

ЧИРИБЕЕВЪ. Душка, нынче праздникъ. Да еще какой! Кузьма и Демьянъ Безсребренники.

ЧИРИБЕЕВА (глядитъ на него нѣсколько молча; потомъ говоритъ рѣшительно). Нѣтъ! съ нынѣшняго же дня я распоряджусь иначе; я васъ возьму въ руки и нынче же вы не увидите ни одного изъ своихъ пріятелей. (Уходитъ).

ЧИРИБЕЕВЪ, по уходѣ жены, встаетъ съ дивана и начинаетъ тянуться, поднимая руки вверхъ.

ЧИРИБЕЕВЪ (садясь). Вотъ оно, какъ жизнь-то идетъ! Тоже говорить, лѣнтяй, а спроси-ка ее: какъ, что, почему, — сама небось не скажетъ. И все такъ. Сидишь, сидишь эдакъ и все си-

дишь и думаешь, чтобы такое, значить, и ничего такого нѣтъ? П все, повторяю, сидишь, сидишь, и беретъ сначала одурь какая-то, а потомъ вдругъ такъ спать захочется, что даже неимовѣрно. (Молчаніе). Пробовалъ впрочемъ я читать, слѣдить за современностью и даже въ политику началъ входить, — нѣтъ! Все ни къ чему. Должно быть особенно какъ нибудь я созданъ. Всѣ средства я испытывалъ: лежалъ по цѣлымъ днямъ, плевалъ въ потолокъ и наблюдалъ только то, какъ человекъ иногда бываетъ спокоенъ и какъ ему рѣшительно ничего не остается желать. Вотъ тутъ и даешь себѣ работу: что бы такое, думаешь, сдѣлать? Что бы такое сдѣлать, думаешь, и чего пожелать? Выпить—довольно уже выпито; курить надоѣло и ротъ даже оборвало: и такъ пожелаешь вдругъ что нибудь сдѣлать. Возьмешь, наприимѣръ, книгу и читаешь. Видишь, какъ все это писатель расскажетъ и объяснить, и такъ читаешь, читаешь — до тѣхъ поръ читаешь, пока уже совсѣмъ видишь, что все ни къ чему, и видишь, что прочелъ уже, и видишь, что рѣшительно, если начнешь читать, и вдумываться, и подвергать анализу и обсуждать всѣ эти вещи... Стой! Что бишь такое я хотѣлъ сказать? Ну, все равно. Однимъ словомъ, какая-то чепуха, при всемъ желаніи гнать ее.— Не заняться ли философіей или латынью—говорять, помогать—а? Не заняться ли философіей или латынью? (Молчаніе). Боже, какая скука! Хоть бы, наконецъ, что нибудь трагическое эдакое, важное! Хоть бы выругалъ кто нибудь по крайней мѣрѣ, сказалъ бы дурака наконецъ, чтобы немного хоть обидѣться и поволноваться, чортъ возьми! А то сидишь, сидишь, и все сплевываешь, и все сплевываешь,—и все вотъ зѣваешь, все рѣшительно зѣваешь. О, Господи! За что же такое наказаніе? Чѣмъ прогнѣвалъ я тебя, Господи? Словно проклятіе какое-то легло на мнѣ и умъ замохъ и ослабѣлъ, и чувство замерло, и спать глубокимъ сномъ душа!—Нѣтъ! Поѣду къ учителю на именины и учинимъ съ Егоромъ Иванычемъ скандалъ какой нибудь великолѣпный. По крайней мѣрѣ это освѣжить.

СЦЕНА VII.

Именины учителя. Простая комната. Пріатели Козырева и вѣсть Чирибеева сидятъ и пьютъ; передъ ними валиты рюмки и стаканы.

Егоръ Ивановичъ (съ жаромъ). Господа! вечеръ во всемъ разгарѣ, а до сихъ поръ еще нѣтъ скандала. Учитель именинникъ, Александръ Сергѣичъ тутъ, съ нами, при насъ—въ качествѣ гостя и пріателя,—неужели же до сихъ поръ нѣтъ скандала? Я васъ не узнаю, господа. Что же, спрашивается, зажало вамъ рты, что вабило глотки и не чортовы ли вы головы послѣ этого? Душа моя надрывается, видя все это. О, слабыя созданія! О, маловѣры! Гдѣ же послѣ этого совѣсть, гдѣ сила, характеръ, энергія,—гдѣ разгульные пѣсни и оргіи, въ которыхъ душа находила исходъ и человѣкъ, по истинѣ, становился человѣкомъ? Или вино не развязало вамъ языкъ? Или вы забыли все хорошее и душа ваша проклята уже на вѣки? — Скажи имъ рѣчь, Николай Абрамычъ! Освѣжи, воодушеви ихъ, зажги прежній огонь въ этихъ олухахъ, и пусть порази́тъ ихъ громъ твоего краснорѣчія!

ГОЛОСА:

1-й. Правда, правда! Скажи намъ рѣчь, Николай Абрамычъ!

2-й. Начинай, ораторъ. Становись на стулъ, чтобъ видно было.

3-й. Тише, господа! не слышно.

Николай Абрамычъ (становясь на стулъ). Вѣдомо вамъ, господа, что здѣсь темно и такъ—сказать ничего не видно.

Голосъ. Такъ, хорошо! Дѣйствительно почти ничего не видно.

Николай Абрамычъ. Поэтому прибѣгаю къ сравненію.

Тотъ же голосъ. Молодецъ, Николай Абрамычъ! Сравнивай!

Николай Абрамычъ. Итакъ, говорю, что предвѣщаетъ тишина сія?

ГОЛОСА:

1-й. Стой, не такъ! Я лучше скажу.

2-й. Не перебивать, господа! прекрасно говоритъ.

Егоръ Ивановичъ. Silence! Онъ знаетъ какъ сказать.

ГЛОСА:

1-й. Говори же, достойный сотоварищ!

2-й. Продолжай, краснорѣчивѣйшій изъ смертныхъ!

3-й. Не умолкай, другъ любезный!

Николай Абрамычъ. И такъ, что предвѣщаетъ тишина сія? О чемъ глаголетъ и яко бы втайнѣ обличаетъ? Объяснюсь короче. Если тьма есть отсутствіе такъ-называемаго свѣта, то каковое зрѣлище изобразить намъ отсутствіе дня? Не вижу, не слышу, не понимаю, не чувствую. Вижу рожи какія-то, во тьмѣ ходящія....

ГОЛОСА:

1-й. Что? Что ты тамъ врешь? Выразись яснѣе!

Николай Абрамычъ. Вижу, говорю, рожи, во тьмѣ ходящія....

ГОЛОСА:

1-й. Какія?

2-й. Ты, любезный, не задѣвай!

3-й. Личность священна! Можешь ли ты обращаться такъ къ обществу? Какія, спрашивается, ты рожи видишь?

4-й. Долой его съ трибуны!

5-й. Пьянъ, каналья, и уваженіе всякое потерялъ.

6-й. Дай ему въ рожу, Егоръ Иванычъ.

Егоръ Иванычъ. Изволь. Иди-ко сюда, ораторъ.

ГОЛОСА:

1-й. Стой, не смѣй, Егоръ Иванычъ, бить! Сказано въ увлеченіи.

2-й. Такъ, Егоръ Иванычъ! Смирись. Въ увлеченіи сказано.

Учитель узднаго училища. Все это не то. Я хочу говорить по латыни!

Учитель духовнаго училища. Вотъ идея! Кто хочетъ говорить по латыни? Я самъ знаю латынь и клянусь: чуть ошибка — по рожѣ!

Голосъ. Ничего, Еремѣй Ѳедоровичъ: пусть говорить.

Учитель духовнаго училища. Общался—такъ пусть говорить.

Егоръ Иванычъ. Физиономіиі рискуеть, если откажется.

Голосъ. Поставить его на трибуну!

Учитель духовнаго училища. На столъ его, чтобъ видѣнь былъ каналья! Чуть мало-мальски, говорю, ошибка....

Уздный учитель (начинаетъ съ стола). Patres conscripti....

Голосъ. Что?

Уздный учитель. *Patres conscripti....*

Голосъ. Яснѣ! Нечего сквозь зубы говорить.

Второй голосъ. Хоть убей—ничего не понимаю.

Уздный учитель. *Omne tempus sempiternum, quia semper infinitum est, floret.*

Учитель духовнаго училища. (одобрительно). Такъ. И мысль видна! «Всякое время цвѣтеть, поелику всегда безконечно».

Голосъ. Вотъ хорошо. Переводи, Еремѣй Федорычъ.

2-й голосъ. Однако звучный языкъ, чортъ возьми! Валяй, Цицеронъ! (Молчаніе)

3-й голосъ. Что жъ остановился?

4-й голосъ. Дай ему подумать, Егоръ Ивановичъ.

Уздный учитель. *Omnes mortales, in arboribus sedentes...*

Учитель духовнаго училища. Хорошо, разумно! «Всѣ смертные, сидящіе на деревьяхъ»—ну?

Уздный учитель. *Cantant.*

Учитель духовнаго училища. Такъ. «Поютъ». Допустимъ и это.

Уздный учитель. *Atque delectantur.*

Учитель духовнаго училища. «И наслаждаются».

Уздный учитель. *Sancrum retrogradum monebat pater, ut antrogradum eat....*

Учитель духовнаго училища (яростно). А, бестія! наизусть выучилъ. Свое говори. Это въ грамматикѣ есть!

ГОЛОСА:

1-й. Къ чорту грамматику!

2-й. Довольно! Что за латынь! Я ожидалъ чего нибудь въ самомъ дѣлѣ перядочнаго.

3-й. Глупая вещь оказывается совершенно!

Егоръ Ивановичъ. Нѣтъ, все это не то, господа! Ради Бога! Вы понимаете какой день сегодня; неужели же мы такъ и не затѣмъ скандала? Неужели все пойдетъ прахомъ и мы разойдемся по домамъ, не оставивши никакой, такъ сказать, памяти о себѣ? Внемлите, прошу васъ! Если вы не олухи, — внемлите!

Голосъ. Внимаемъ, Егоръ Ивановичъ: не сомнѣвайся!

Егоръ Ивановичъ. Неужели же, говорю, нѣтъ средствъ хотя къ какому нибудь скандалу?

ГОЛОСА:

1-й. Какъ нѣтъ средствъ, Егоръ Ивановичъ!

2-й. Въ крайнемъ случаѣ мы перебьемъ стекла.

3-й. Вотъ мысль! бей, чортъ возьми, стекла.

Егоръ Ивановичъ. Не спорю: мысль хороша! Она показываетъ, что въ васъ пробудилось наконецъ сознание! Но тѣмъ не менѣе, я не раздѣляю ее. Перебивши стекла, мы поступили бы какъ дѣти, какъ мальчики.

ГОЛОСА:

1-й. Такъ, Егоръ Ивановичъ, — чисто какъ мальчики.

2-й. Продолжай: мы слушаемъ тебя!

3-й. Веди насъ, Егоръ Ивановичъ, куда хочешь.

4-й. Вполнѣ полагаемся на тебя, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Ивановичъ (съ чувствомъ). Благодарю васъ, что вы доверяете мнѣ въ этомъ случаѣ. Надѣюсь, что не заставлю васъ раскаяться. Если вы хотите слѣдовать за мной....

ГОЛОСА:

1-й. На край свѣта, Егоръ Ивановичъ!

2-й. Что говорить! Съ нимъ не пропадешь!

3-й. Молодецъ, Егоръ Ивановичъ!

4-й. И откуда у него все это берется, рѣшительно не понимаю!

Егоръ Ивановичъ. Если, повторяю, вы захотите слѣдовать за мной, я поведу васъ туда, гдѣ лучшія красавицы нашего города увѣнчаютъ васъ розами и лиліями. Ихъ чистота и дѣвственность не подвержена сомнѣнію, и тамъ снова процвѣтетъ душа ваша, погибшая въ развратѣ. Не роскошными залами, не пушистыми коврами, не дорогими люстрами сіяетъ этотъ домъ, — нѣтъ! Если вы любите чистоту нравовъ, если вы хотите видѣть истину во всей ея наготѣ — идемъ туда! Тамъ, удрученные горемъ и бѣдствіями, мы отдохнемъ отъ тревоженій жизни и, снова процвѣтшіе, сладко заснемъ на лонѣ милыхъ дѣвъ. Идемъ!

ГОЛОСА:

1-й. Идемъ, идемъ! Какъ не идти!

2-й. Что за голова Егоръ Ивановичъ — это удивительно!

3-й. Да, другъ! Если бы имѣть хоть часть того, чѣмъ обладаетъ Егоръ Ивановичъ, то можно бы назвать себя вполнѣ счастливымъ!

(Всѣ идутъ.)

СЦЕНА V.

ОГРЕБИНИНЪ. ЧИРИБЕЕВЪ И ЧИРИБЕЕВА. (Комната.)

ОГРЕБИНИНЪ. Послушайте, Александръ Сергѣичъ! Я вамъ хочу дать маленькое наставленіе. Вы, какъ молодой человѣкъ, не знаете еще всѣхъ этихъ отношеній, въ которыхъ стоятъ порядочные люди, и потому нуждаетесь въ совѣтахъ. Я намѣренъ говорить съ вами о многомъ и преимущественно о васъ. Во-первыхъ, кто такой Егоръ Ивановичъ? Не отвѣчайте: я вамъ опредѣлю его. Это первый бездѣльникъ, который распоряжается на всѣхъ свадьбахъ и именинахъ, и навязывается въ пріатели ко всѣмъ порядочнымъ людямъ.

ЧИРИБЕЕВА. Что, Александръ, не правду ли я говорила?

ОГРЕБИНИНЪ. Я зналъ еще его отца—царство небесное—прекверный былъ человѣкъ. Но тотъ по крайней мѣрѣ нажилъ;—сынъ же промоталъ почти все.

ЧИРИБЕЕВА (мужу). Все, Александръ,—слышишь!

ОГРЕБИНИНЪ. Нигдѣ не служилъ.

ЧИРИБЕЕВА. Прошу покорно!

ОГРЕБИНИНЪ. И вотъ теперь вполне сдѣлался негодяемъ.

ЧИРИБЕЕВА. Удивительно!

ОГРЕБИНИНЪ. Наконецъ, какъ бы въ довершеніе всего—дѣлъ его былъ вопъ: чего вы хотите послѣ этого?

ЧИРИБЕЕВА (съ уласомъ). Ахъ, Александръ—это ужасно! можно ли ждать чего нибудь послѣ этого?

ЧИРИБЕЕВЪ. Вы кажется слишкомъ уже много даете вѣсу тому, что я знакомъ съ этими господами.

ОГРЕБИНИНЪ (съ жаромъ). Но эти господа заставляютъ васъ манкировать службой—государственной службой! Понимаете вы это?

ЧИРИБЕЕВА. Ты, Александръ, пойми это! Вѣдь они манкировать тебя заставляютъ—понимаешь? манкировать и у папа, и у губернатора.

ЧИРИБЕЕВЪ (женѣ). Полно, пожалуйста! Никто меня не заставитъ, если я не захочу. Никто не можетъ имѣть на меня вліянія.

ОГРЕБИНИНЪ. Эхъ, Александръ Сергѣичъ! Жаль, что я все-

таки люблю васъ, иначе бы не сказалъ вамъ правды. Знаете ли что? На васъ каждый мальчишка имѣеть вліяніе!

Чирибеева. Слышишь, слышишь, Александръ? Не правду ли я говорила, что тобой можетъ вертѣть всякій?

Огревининъ. И отчего у васъ такая безхарактерность? Отчего такой взглядъ на вещи? Я отъ васъ слышу иногда фразы, которыя—извините—пахнутъ масеонствомъ. Пора вамъ понять, что человѣку ничто даромъ не дается: все трудомъ и усиліями. Я самъ добивался состоянія, самъ страдалъ и бѣдствовалъ: не стать же мнѣ жалѣть теперь всякаго встрѣчнаго, какъ дѣлаете иногда вы. Вотъ поэтому-то я и говорю, что вы масеонъ. Настоящій же взглядъ тотъ, что не только не должно жалѣть, но даже хорошо и полезно прижать иногда человѣка: это заставить его обратиться къ самому себѣ и понять смыслъ многихъ вещей, о которыхъ онъ прежде и не думалъ. Въ жизни, замѣтьте, ничего нѣтъ дурнаго: все хорошо, потому что имѣеть свою цѣль. Умираеть, на примѣръ, человѣкъ голодною смертію—вы, пожалуй, скажете, что и это дурно? Ошибаетесь. Это болѣе чѣмъ хорошо. Примѣръ другимъ. Не обязаны же мы бѣжать за тысячу верстъ, чтобы спастись отъ голодной смерти богъ-знаеть кого и богъ-знаеть зачѣмъ. И гдѣ вы найдете философію, которая бы заставляла поступать такъ? У насъ, напротивъ, ясно говорится, что страданье есть удѣлъ человѣка. Именно! Не всѣмъ же радоваться, надо чтобы и страдалъ человѣкъ. Понимаете? Теперь разсудите, что изъ этого слѣдуетъ. Ну, разсудите.

Чирибеевъ. Изъ этого слѣдуетъ, мнѣ кажется...

Огревининъ. Ну, разумѣется, понятно, что слѣдуетъ. Я зналъ, что вы угадаете мою мысль. Слѣдуетъ то, что надо жить, какъ говорится, умѣючи и всякую истину представлять себѣ просто, такъ какъ она есть. Истина сама по себѣ проста и легка; стоитъ только понять ее. Не ошибусь, на примѣръ я, если скажу, что ваша фамилія Чирибеевъ?

Чирибеевъ. Разумѣется.

Огревининъ. Не будетъ тоже ошибки, если я прямо и ясно выскажу вамъ, что имя ваше ни Петръ, ни Андрей, тѣмъ болѣе не Сидоръ и не Кузьма, а именно Александръ Сергѣичъ?

Чирибеевъ. Конечно.

Огревининъ. Теперь другой вопросъ: сколько вамъ лѣтъ? Стойте, впрочемъ, не отвѣчайте! Скажите сначала, поняли ли вы, то, что я хоту сказать? Совершенно ли вы поняли?

ЧИРИБЕЕВЪ. Кажется.

ОГРЕБЕНИНЪ. Нѣтъ, не кажется, а вы скажите прямо и ясно. Никогда, между прочимъ, не говорите обиняками: это ложная дорога, по которой ходятъ одни шарлатаны, а я надѣюсь, что вы не принадлежите къ нимъ — а?

ЧИРИБЕЕВЪ. Что вы хотите сказать этимъ?

ОГРЕБЕНИНЪ. Вотъ ужъ вы сейчасъ и спрашиваете. Не успѣли еще отвѣтить ни на одинъ изъ моихъ вопросовъ, а сами между тѣмъ спрашиваете. Хорошо ли это — а?

ЧИРИБЕЕВЪ. Не понимаю.

ОГРЕБЕНИНЪ. Нѣтъ, вы только не хотите понять: вотъ что я думаю. Я нарочно говорю съ вами въ формѣ вопросовъ, а вы увѣряете, что непонятно. Вы, пожалуй, готовы божиться, что не понимаете. (Молчаніе) Видите вы этотъ столъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Вижу.

ОГРЕБЕНИНЪ. Онъ на четырехъ ножкахъ, полагаю, или нѣтъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. На четырехъ.

ОГРЕБЕНИНЪ. И вы, конечно, не спорите съ этимъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Нѣтъ.

ОГРЕБЕНИНЪ. Хотите, я вамъ разрѣшу, почему вы не будете съ этимъ спорить? Хотите, а? (Глубокомысленно). Ну, а этотъ стулъ, тоже, я думаю, виденъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Да.

ОГРЕБЕНИНЪ. И, полагаю, хорошо виденъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Да!

ОГРЕБЕНИНЪ. Зачѣмъ вы все отвѣчаете да и да? Да — такое неопредѣленное слово, что трудно сказать, что оно значить. Кто говоритъ одно да, тому, я полагаю, нельзя вѣрить. Согласны вы съ этимъ или нѣтъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну, если и согласенъ, что тогда?

ОГРЕБЕНИНЪ. А! вы тотчасъ уже и хотите знать, что тогда? Ну что, въ самомъ дѣлѣ, тогда—какъ вы думаете? Сами предложили вопросъ—сами и отвѣчайте. Иначе незачѣмъ его и дѣлать. Ну—съ? (Молчаніе. Переходя изъ глубокомысленнаго тона въ обыкновенный) То-то и есть, любезный мой. Вы слишкомъ молоды, чтобы испытывать старика и дѣлать ему вопросы, которыхъ сами не въ состояніи разрѣшить. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что вы сознаете нелѣпность своего положенія и даете слово не спрашивать въ другой разъ тамъ, гдѣ нужно отвѣчать. Надѣюсь, и потому, повторяю еще разъ: не дѣлайте никогда вопросовъ; слушайте, что го-

ворять; не смотрите на то, если для васъ не все понятно: вы еще молоды. Настанетъ и для васъ пора пониманія, а теперь пока-мѣстъ предоставьте намъ, старикамъ, разсуждать о томъ, что хорошо и что дурно. Вотъ когда вы сами приобретете власть и сдѣлаетесь слѣдовательно человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова — тогда — съ Богомъ! — спрашивайте что угодно и у кого угодно; мало того спрашивайте, — настоятельно требуйте отвѣта. Вы сами поймете, какъ это иногда важно. Не правда ли?

ЧИРИБЕЕВЪ. Разумѣется, это такъ.

ОГРЕБИНИНЪ. Слава-богу, наконецъ-то вы согласны. Отчего же, спрашивается, вы столько времени не были въ присутствіи?

ЧИРИБЕЕВА. Когда жь, папа, ему быть въ присутствіи! Ему некогда. Надо книги читать.

ЧИРИБЕЕВЪ (съ досадою). А если бы и такъ? Чтожъ изъ этого? Какъ будто моя карьера зависитъ отъ присутствія! Слава Богу, у меня есть состояніе, могу и ничего не дѣлать.

ОГРЕБИНИНЪ. Да что вамъ наконецъ дѣлать въ присутствіи-то? Вѣдь васъ никто не приневоливаетъ. Сидите себѣ, и только. Развѣ это какая нибудь чернорабочая служба? Развѣ тутъ дѣлать что-нибудь нужно?

ЧИРИБЕЕВА. Я ужъ говорила ему это. Мы, слава-богу, не бѣдные: отъ насъ никто не потребуеъ работы.

ОГРЕБИНИНЪ. Именно, именно. Неужели вы не согласитесь съ этимъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Отчего не согласиться! Что тутъ такое!

ЧИРИБЕЕВА. Онъ, папа, вамъ на все согласится, а безъ васъ говорить, что ему трудно, что здоровье разстроилъ съ этими дѣлами.

ЧИРИБЕЕВЪ. Да, конечно! И всегда скажу.

ЧИРИБЕЕВА. Такъ, такъ, папа; у него семь пятницъ на недѣлѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Всего одна, и то та, которая бываетъ передъ субботой.

ЧИРИБЕЕВА. Это не та ли, въ которую у васъ бываютъ за-сѣданія на площади, когда Егоръ Ивановичъ сидитъ на тумбѣ у фонаря и деретъ вамъ хохлы?

ОГРЕБИНИНЪ. Боже, какія вещи приходится слышать!

ЧИРИБЕЕВА. А скажите ему, папа, что это скверно: онъ не согласится.

ЧИРИБЕЕВЪ. Согласиться, я всегда соглашусь, да что толку?

ОГРЕБИННИЪ. Что же вы хотите сказать этимъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. А развѣ у меня что спрашиваютъ?

(Молчаніе. Огребинниъ и Чирибеева смотрятъ на него съ удивленіемъ).

ОГРЕБИННИЪ (махнувъ рукой). Нѣтъ, вы рѣшительно не хотите понять, что говорятъ вамъ.

ЧИРИБЕЕВА. Съ нимъ, папа, надобно говорить, какъ съ ребенкомъ: онъ не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей.

ОГРЕБИННИЪ. Именно. Неужели вамъ толковать еще о томъ, что первая обязанность человѣка стараться возвыситься надъ другими, приобрести вѣсь, вліяніе, деньги,—иначе зачѣмъ же и жить послѣ этого? И какой страшный грѣхъ предъ Богомъ и совѣстью—пренебрегать этими вещами, если для приобрѣтенія ихъ даны всѣ средства! А вамъ они именно даны. Пора сознать вамъ, что намъ собственно хлопотать не изъ чего: пусть трудятся другіе, а мы можемъ спокойно смотрѣть на все, и даже, если уже вы такъ раздражительны, можно стараться удалять отъ себя все, что сколько нибудь тревожитъ покой и чувства. Это легко сдѣлать. Однимъ словомъ, идите прямо, живите спокойно, не смущайтесь ничѣмъ и поймите наконецъ, что отъ васъ не требуютъ ничего особеннаго, ни ума, ни таланта: у васъ есть состояніе. Кой же чортъ вамъ смотрѣть на то, что говорятъ другіе? А вы именно оттого проигрываете на службѣ, что боитесь молвы.

ЧИРИБЕЕВА. И какая это молва, папа! Какъ будто значать что нибудь толки Егоръ Ивановичей! Есть на это высшій кругъ, который всегда сумѣетъ оправдать поступки людей, поставленныхъ высоко. Какъ будто намъ можно руководствоваться правилами людей, подобныхъ Егоръ Ивановичу, и кто же станетъ насъ судить такъ, какъ судятъ иногда простаго человѣка, зарабатывающаго себѣ, положимъ честно, насущный хлѣбъ, и не имѣющаго понятія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ поставлены мы?

ОГРЕБИННИЪ. Странно было бы судить такъ, и я увѣренъ, что въ цѣлой имперіи вы не найдете человѣка, который бы позволилъ себѣ такъ смотрѣть на вещи. Согласны ли вы съ этимъ, Александръ Сергѣичъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Разумѣется, согласенъ. Но не все такъ дѣлается, какъ бы мы желали. Что жъ, когда мнѣ не хочется служить? Развѣ я обязанъ?

ОГРЕБИНИНЪ (внушительнымъ тономъ). Каждый обязанъ идти впередъ, понимаете? Зачѣмъ же вы сами толкуете о прогрессѣ?

ЧИРИБЕЕВА. Это, папа, всегда такъ бываетъ. Мы любимъ только говорить, а дѣйствуютъ другіе. Хорошъ прогрессъ — сидѣть вѣчно на диванѣ и чесать затылокъ. Подобныя вещи свойственны только Егоръ Ивановичу. Нѣтъ! если у кого есть энергія, тотъ не станетъ жаловаться да сѣтовать, что то не такъ да это не по нашему: онъ пойдетъ впередъ, не смотря ни на какія препятствія, и проложитъ себѣ дорогу, согнувши все, что нужно.

ОГРЕБИНИНЪ. Да! Онъ задавить все, что нужно.

ЧИРИБЕЕВА. И какъ!

ОГРЕБИНИНЪ. Страшно задавить!

ЧИРИБЕЕВА. Именно, папа! Страшно задавить! О, какъ я люблю такихъ людей!

ОГРЕБИНИНЪ. Вотъ я поистинѣ былъ таковъ. Что говорить — берите примѣръ съ меня! Не думайте впрочемъ, что мнѣ это досталось даромъ: я самъ гнулся, гдѣ нужно; я ловилъ каждое слово и улыбался, когда это требовалось — да! я много вынесъ, но не считалъ это униженіемъ. Я зналъ, что отъ этого зависитъ моя карьера, и мнѣ пріятно было пробивать себѣ дорогу какими бы ни было средствами. Вамъ не придется дѣлать того, что я: вамъ остается только стараться о томъ, чтобы себя поставить въ такое положеніе, чтобы все гнулось передъ вами и давало дорогу, понимаете? Можетъ быть въ вашихъ книгахъ пишутъ иначе, — такъ будьте на столько благоразумны, чтобы не вѣрить этому. Для этого вамъ дано извѣстное воспитаніе, вы вотъ говорите по-французски, учились наукамъ разнымъ — отчего же вы не хотите понять самыхъ простыхъ вещей? Намъ бы это было извинительно: мы учились на мѣдныхъ деньги, наукъ не знали; все свое образованіе получилъ я отъ дьячка: что бы кажется? Но у меня шестьсотъ душъ да нѣсколько тысячъ десятинъ земли, — понимаете вы это? А было время, что я въ дырявыхъ сапогахъ ходилъ. Вотъ вамъ и не читалъ книгъ. Откуда я все это приобрѣлъ, спрашивается? По-французски не говорю, музыкѣ не учался, концертовъ не даю, а? Какъ вы думаете? Вотъ что значитъ умъ и добрая воля! Посмотрите, что я былъ и что теперь? Другой полумаетъ, пожалуй, что я чудеса творилъ? Нисколько. Я только дѣлалъ то, что считалъ нужнымъ. И посмотрите, какое всеобщее уваженіе заслужилъ я! Кто не знаетъ Огребинина? Каждый мальчишка укажетъ вамъ дорогу къ Огребинину. Вотъ что значитъ

служить царю и отечеству! Вы вѣдь не знаете, сколько я однихъ благодарностей получилъ на своемъ вѣку! Да что вы, впрочемъ, знаете? Вы ничего не знаете!

ЧИРИБЕЕВА. Онъ, папа, однѣ книги знаетъ! Оставьте его.

ЧИРИБЕЕВЪ. Нѣтъ, я понимаю и эти вещи. Но теперь другое время, теперь нельзя дѣлать такъ, какъ прежде. Что я отдаю вамъ справедливость—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но есть, видите ли, разница въ положеніяхъ. Одинъ такъ, другой иначе. На всякомъ пунктѣ, собственно говоря, можно завести споръ; но тутъ имѣется въ виду другой вопросъ: къ чему это поведетъ? Я согласенъ со всѣмъ,—кто говоритъ! Но въ то же время я, напримѣръ, не хотѣлъ бы вовсе служить. Штука, видите ли, простая, а между тѣмъ такъ. Я знаю, меня считаютъ человѣкомъ безъ характера.

ОГРЕБИННИНЪ. Вотъ это—то и дурно! Это именно и дурно.

ЧИРИБЕЕВЪ. Кто говоритъ, что это хорошо! Но тутъ есть другой вопросъ.

ОГРЕБИННИНЪ. Ну да! вы только умѣете дѣлать вопросы, но разрѣшать ихъ не въ вашемъ духѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать.

ЧИРИБЕЕВА, Онъ, видите ли, папа, не то хотѣлъ сказать. Ахъ, какъ это мило!

ЧИРИБЕЕВЪ. Во-первыхъ, я начинаю съ того....

ЧИРИБЕЕВА. Онъ, папа, начинаетъ: слушайте!

ЧИРИБЕЕВЪ (женѣ). Вы оставите меня въ покоѣ?

ЧИРИБЕЕВА (отцу). У него, папа, проявляется характеръ: замѣчаете?

ЧИРИБЕЕВЪ. Въ такомъ случаѣ я не буду говорить.

ЧИРИБЕЕВА (отцу). И сильный характеръ: не правда ли?

ОГРЕБИННИНЪ (Чирибееву). Что же вы однако хотѣли сказать?

ЧИРИБЕЕВЪ. Я, видите ли, хотѣлъ привести ту мысль, что нынче другія требованія. Во-первыхъ, литература....

ЧИРИБЕЕВА (насыпшиво). Ахъ, папа! Мы рѣшительно забыли: вѣдь нынче литература!

ЧИРИБЕЕВЪ (женѣ). Вы хотите, чтобъ я продолжалъ или нѣтъ?

ОГРЕБИННИНЪ (рѣшительнымъ тономъ). Не нужно! Не продолжайте! Я знаю, что вы объ этомъ начнете говорить! Если вы уважаете меня хоть сколько нибудь, ни слова никогда со мной о литературѣ! Говорите объ этомъ съ Егоръ-Иванычемъ! Мое ухо слишкомъ развито, чтобы слушать о подобныхъ вещахъ!

Чиривеевъ. Въ такомъ случаѣ вы не допускаете ни малѣйшихъ возраженій?

Огревининъ. Ни малѣйшихъ возраженій, увѣрю васъ! Самъ никогда не возражалъ и въ другихъ не люблю этого. Прошу извинить: таковъ характеръ. И къ чему вы говорите, наконецъ, объ этомъ? Что это, служба какая по вашему—литература? Даютъ за это чины, ордена, что-ль? Нѣтъ, это язва нашего времени, и я готовъ первый бросить камень въ cadaго изъ этихъ проклятыхъ созданий, что пачкаютъ бумагу. Желалъ бы я знать, имѣеть ли хоть одинъ изъ нихъ какой нибудь орденъ? Хоть Станислава на шеѣ имѣеть ли? Нѣтъ! Напротивъ: всѣ они умираютъ въ бѣдности, въ презрѣннн: кто такъ пропадетъ ни за грошъ, кто съ голоду околѣеть, кого и просто задавятъ, чтобъ не кричалъ, когда не нужно—и по дѣломъ! Значить, само общество не обращаетъ на нихъ вниманія, наказываетъ ихъ презрѣннмъ, а что до меня, то божусь Богомъ—я первый готовъ задушить своими руками cadaго бумагомараку! Кой-чортъ, въ самомъ дѣлѣ, извините за выраженіе, кричатъ о взяткахъ, а сами не имѣютъ понятія ровно ни о чемъ. Грамотѣ еще порядочно не выучится, бестія, а уже пишетъ, и печатаетъ, и толкуетъ о такихъ вещахъ, которыя свойственны только уму зрѣлому и опытному. (Съ жаромъ) Да нѣтъ! Не удастся! Пусть развѣ вѣуки наши увидятъ этотъ развратъ, это растлѣнн, а мы еще погнемъ на своемъ вѣку въ бараній рогъ всѣхъ, кого намъ нужно и кого слѣдуетъ! Мы заставимъ трепетать всѣхъ и cadaго, и, пока живы, будемъ держаться крѣпко на своемъ мѣстѣ, такъ что ни какіе крики не помогутъ, не помогутъ, чортъ возьми!

Чиривеева. Именно, папа! Вотъ это вы такъ хорошо говорите, какъ нельзя лучше. Я внолнѣ раздѣляю вашн убѣжденія. Согласенъ ты, Александръ, или нѣтъ?

Чиривеевъ (съ раздумн). Ты объ этомъ спрашиваешь?

Чиривеева. Вотъ, папа! вѣчно одинъ отвѣтъ: черн это или бѣло? «Ты объ этомъ спрашиваешь?» Что теперь: день или ночь? «Ты объ этомъ спрашиваешь»? Толкуй послѣ этого съ нимъ, папа.

Огревининъ. Да, на этомъ далеко не уѣдешь.

Чиривеева. Мало этого, папа: онъ грубитъ мнѣ постоянно! Онъ жестоко обращается со мной, папа! Я умру скоро, папа!

Огревининъ. Что вы, наконецъ, дѣлаете, жестокій вы человекъ? Посмотрите: вѣдь вы совсѣмъ убили жену-то!

ЧИРИБЕКВА. Онъ, папа, совсѣмъ убилъ меня!

ЧИРИБЕКВЪ (съ нѣкоторымъ волнением). Боже мой! да чѣмъ я виновать! Что вы на меня нападаете!

ЧИРИБЕКВА. И все, папа, Егоръ Иванычъ научаетъ его этому.

ЧИРИБЕКВЪ (женѣ). Ахъ, оставьте, наконецъ, въ покоѣ Егоръ Иваныча!

ОГРЕВИНИНЪ. Нѣтъ, мы не оставимъ его въ покоѣ, а по возможности, дадимъ себя почувствовать, въ бараній рогъ согнемъ.

ЧИРИБЕКВА. Вотъ, папа, хорошо: согните его въ бараній рогъ, пожалуйста. По крайней мѣрѣ я буду жива.

ОГРЕВИНИНЪ. Согнемъ ж не Егоръ Иваныча: намъ не учтиса-стать. Я десятками гнулъ на своемъ вѣку, да вѣдь какъ? Сдавишь, бывало, человѣка—то—и не пикнетъ.

ЧИРИБЕКВА. Еще бы! Я знаю, если папа захочетъ кого позжать, такъ ужъ берегись.

ОГРЕВИНИНЪ. Да, нечего сказать: были опыты.

ЧИРИБЕКВА (подхватывая). И что жъ, Александръ! Многіе пострадали, я думаю.

ОГРЕВИНИНЪ. И какъ!

ЧИРИБЕКВА. Да, и невинно пострадали, потому что также, вотъ какъ ты, были знакомы съ Егоръ Иванычами.

ОГРЕВИНИНЪ. Однимъ словомъ, извольте оставить Егоръ Иванычей и съ завтрашняго же дня неуклонно являйтесь на службу. Согласны вы или нѣтъ?

ЧИРИБЕКВА. Онъ сейчасъ вамъ отвѣтитъ, папа: вы объ этомъ спрашиваете?

ОГРЕВИНИНЪ. Безъ шутокъ! Отвѣчайте.

ЧИРИБЕКВЪ. Да я готовъ отвѣчать...

ЧИРИБЕКВА. Онъ, папа, готовъ отвѣчать: слушайте!

ЧИРИБЕКВЪ. Велите ей замолчать, наконецъ! Что это, Госноди! терпѣнія никакого нѣтъ!

ОГРЕВИНИНЪ (дочери). погоди, дружокъ! пусть Александръ Сергѣичъ скажетъ намъ.

ЧИРИБЕКВА. Я слушаю, папа: вѣдь онъ намъ изъ книгъ будетъ говорить, конечно.

ЧИРИБЕКВЪ (бросаетъ суровой взглядъ на жену и потомъ, помолчавъ немного, продолжаетъ). Я хочу сказать, что я, пожалуй, готовъ бывать въ присутствіи...

ОГРЕБИННИНЪ. И прекрасно! О чемъ же толкъ? Можно даже, пожалуй, сейчасъ отправиться намъ вмѣстѣ — а? Какъ ты думаешь, дружокъ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Мнѣ, папѣ, все равно. Уведите только его отъ меня съ глазъ долой. Я не могу смотрѣть на него равнодушно.

(Уходитъ.)

ОГРЕБИННИНЪ (встаётъ, беретъ шляпу, и, смотря на часы, говоритъ). Вотъ до чего вы доводите людей, близкихъ вашему сердцу. Однако, пора! Идемте! А Егоръ-Иванычу скажите между прочимъ, чтобъ онъ поостерегся.

ЧИРИБЕЕВЪ (въ недоумѣнн). То есть, какъ?

ОГРЕБИННИНЪ. То есть просто, если мнѣ вздумается его притиснуть, — вѣдь это бываетъ со мной — такъ чтобъ онъ зналъ объ этомъ. Вотъ и все.

(Уходитъ.)

СЦЕНА VIII.

Комната въ домѣ Чирибеева. Чирибеевъ лежитъ на диванѣ въ халатѣ; Егоръ Иванычъ сидитъ поодаль.

ЧИРИБЕЕВЪ. Вотъ, Егоръ Иванычъ, ты все ходишь: это не хорошо! Мнѣ за тебя замѣчанія дѣлаютъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Не Богъ знаетъ какую сумму я у тебя прошу: что для тебя десять рублей?

ЧИРИБЕЕВЪ. Ты слушай, что я-то говорю: въ самомъ дѣлѣ не хорошо.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Пустая цифра совершенно.

ЧИРИБЕЕВЪ. Я, напримѣръ, одинъ никогда не пью, а съ тобой всегда пьянъ. — Отчего?—твое влiянiе.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Придется занять гдѣ нибудь на сторонѣ. Это жаль.

ЧИРИБЕЕВЪ. Ты, Егоръ Иванычъ, не слушаешь.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Я нарочно обратился къ тебѣ: былъ увѣренъ, что не откажешь.

ЧИРИБЕЕВЪ (съ досадой). А я тебѣ скажу одно, Егоръ Иванычъ: если кто мѣшаетъ моей карьерѣ, то именно ты.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Теперь ясно вижу, что ты подлець.

ЧИРИБЕЕВЪ (замолчавъ).. Но этимъ ты отъ меня ничего не выиграешь.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Слушай, Александръ Сергѣичъ: чтобъ дать тебѣ средство образумиться, ставлю вопросъ въ половину этой суммы? Ну?

ЧИРИБЕЕВЪ. Ни копѣйки.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Какая жь ты тряпка послѣ этого! Какая пробка, наконецъ!

ЧИРИБЕЕВЪ. Гмъ! А вотъ тебя въ бараній рогъ обѣщались согнуть; ты объ этомъ лучше подумай!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ (не слушал). Пробка, повторяю, и пробка!

ЧИРИБЕЕВЪ (спокойно потягивался на диванѣ). И какъ тебя согнуть въ бараній рогъ! Ужасно!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Пробка, и пробка, и пробка!

ЧИРИБЕЕВЪ (спокойнымъ тономъ). И стоить, Егоръ Ивановичъ! Что говорить! Давно тебѣ пора на покой!

(Молчаніе. Егоръ Ивановичъ встаетъ и подходитъ къ Чирибееву).

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Слушай, Александръ Сергѣичъ! Могу я тебѣ сказать два слова совершенно серьезно?

ЧИРИБЕЕВЪ. Ну?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Два рубля?

ЧИРИБЕЕВЪ. Ни копѣйки!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Это твое послѣднее слово?

ЧИРИБЕЕВЪ. Да!

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Ну, чортъ съ тобой! Тѣмъ не менѣе я тебѣ другъ и пріятель. Руку, товарищъ! Эти мелочи не должны насъ разстроивать. Давай по крайней мѣрѣ водки!

ЧИРИБЕЕВЪ. Водки изволь, но денегъ никогда не дамъ. (Достаётъ бутылки и рюмки и ставитъ на столъ). Меня изъ-за тебя и то преслѣдуютъ, Егоръ Ивановичъ, а тебя какъ обѣщались притиснуть — бѣда! Я ужъ и то держу водку здѣсь, а во не даютъ и вообще страшно преслѣдуютъ. Я тебѣ, конечно, не скажу всего, потому что не въ моемъ духѣ рассказывать все, что бываетъ. Я вѣдь тоже не болтливъ, Егоръ Ивановичъ. Изъ меня тисками не выжмешь слова. Все потому, что привыкъ такъ. Говорю тамъ гдѣ нужно; гдѣ не нужно — молчи: вотъ мое право. Но какъ меня страшно преслѣдуютъ, еслибъ ты зналъ! Хорошо еще, что я стараюсь цевать на это.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Единственное спасеніе!

ЧИРИБЕЕВЪ. Меня, видишь ли, хотять исправить, да я-то, къ счастью, тоже человекъ съ характеромъ.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. И съ убѣжденіями, прибавь.

ЧИРИБЕЕВЪ. Именно. Я тоже умѣю плевать кой на что. Съ перваго-до разу я пожалуй и соглашусь, да потомъ за то котъ лобъ взрѣжъ—ничего не сдѣлаешь. Это у меня съ дѣтства, Егоръ Иванычъ. У меня вѣдь иногда самъ чортъ не разберетъ, что въ головѣ творится.

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Не мудрено, Александръ Сергѣичъ, что говорить!

ЧИРИБЕЕВЪ. И послѣ этого-то есть люди, которые говорятъ, что я безхарактерный человекъ, — повѣришь ты этому?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Скажи тому дурака, кто это говорить.

ЧИРИБЕЕВЪ. И скажу! Непромѣнно скажу! Безхарактерный человекъ! ха-ха-ха! Да кто знаетъ, что у меня творится на душѣ? Можетъ быть я такія вещи замышляю, что ужасъ! Почему этого не предположить? Есть стало быть данныя, что я дуракъ? Положимъ, я ничего не дѣлаю, по цѣлымъ днямъ иногда сижу, курю, пью водку, или, наконецъ, просто лежу и перебираю газеты: да что изъ этого? Можетъ быть я совсѣмъ о другомъ въ это время думаю! Можетъ быть я самые государственные вопросы рѣшаю, сочиненіе какое нибудь обдумываю, социализмъ изучаю? Можетъ быть, наконецъ, самъ чортъ у меня въ башкѣ въ это время сидитъ—а, какъ ты думаешь?

ЕГОРЪ ИВАНЫЧЪ. Конечно. Мудренаго ничего нѣтъ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Да и что, наконецъ, значить безхарактерный человекъ? Вѣдь это такой человекъ, что на него наплевать, да и только! Онъ, говорятъ, такъ себѣ, ни то, ни сѣ: сидитъ да курить, имъ можетъ вертѣтъ всякій; — слышишь, Егоръ Иванычъ, какъ они рассуждаютъ? Вѣдь это умора, да и только! Александръ Сергѣичъ Чирибеевъ безхарактерный человекъ! Вѣдь это надо лопнуть со смѣху! О, жалкое непониманіе вещей, бродящее по поверхности и не думающее заглянуть въ глубь, въ самую сущность! Безхарактерный человекъ! (Ударяетъ кулакомъ по столу). Да я, чортъ возьми, покажу такой характеръ!... Видишь этотъ столъ? Хочешь, расшибу сейчасъ въ дребезги? А? Нѣтъ, еще никто не знаетъ, какія страшныя силы таятся въ этой груди! Я, какъ Атлантъ, готовъ понести міръ на плечахъ, если это будетъ нужно! Говорятъ, что я слишкомъ добръ—жестоко ошибаются! Я не только золъ, но жестокъ при случаѣ. Местъ моя не имѣтъ

границъ. Я скрытенъ какъ чортъ! Я дьяволь въ случаѣ надобности! Я только не нахожу словъ, чтобы выразить то, что у меня на душѣ, иначе бы ты услышалъ такія вещи, что поблѣднѣлъ бы и смутился духомъ. Да! Можетъ быть къ счастью людей, я не могу выразить своей природы, а то бы я сказалъ такія вещи, что адъ показался бы имъ раемъ послѣ этого! А, какъ ты думаешь?

Егоръ Ивановъ. Я скажу тебѣ одно: насъ вообще величаютъ людьми безъ правилъ; но это страшная ошибка: у насъ тоже есть своя метода.

Чирибеевъ. И какая! Самая вѣрная!

Егоръ Ивановъ. Да! Я напримѣръ въ случаѣ крайности готовъ все, что угодно сдѣлать.

Чирибеевъ. Правда! Были случаи, что ты дѣйствительно страшной свиньей оказывался.

Егоръ Ивановъ. И что жь? все къ лучшему!

Чирибеевъ. Разумѣется. Я и не обвиняю тебя. Изъ этого видно только, что воспитаніе сообщило намъ совершенно вѣрное направленіе. Я тоже, братъ, понимаю вещи, и подъ свинствомъ не всегда разумѣю то, что понимаютъ другіе. Воспитаніе дало намъ взглядъ и заставило судить о вещахъ, какъ слѣдуетъ. Положимъ, оно не сообщило намъ знаній, да что знанія? Что значать знанія?

Егоръ Ивановъ. Плѣвая вещь совершенно! Идея — вотъ что главное. Были бы у меня помыслы широкіе, да взглядъ обширный, а тамъ чортъ возьми, не изучать же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, Африку. Вотъ былъ бы я академикомъ — другое дѣло: я бы откапывалъ и жалованье получалъ за это. Да наконецъ нѣтъ вещи, которая бы мнѣ не была знакома! Исторію? всю рѣшительно знаю. Какъ кто царствовалъ, съ кѣмъ воевалъ, въ какомъ году Наполеонъ въ Россіи былъ, все рѣшительно. Хочешь, англійскую конституцію наизусть скажу? Министры, парламентъ и все это, понимаешь, въ Лондонѣ: тутъ же и королева. Пальмерстонъ, собственно говоря, пустой человекъ, и я ему на грѣшъ не вѣрю. Вотъ Наполеонъ — такъ. Положимъ онъ Бонапартъ и все такое, ну да вѣдь и Бурбоны дрянъ. А вотъ Гарибальди — голова! Съ Викторомъ совершенно за панибрата. — Однимъ словомъ, Гарибальди, Кавуръ, самъ чортъ наконецъ мнѣ ни по чѣмъ! Но наче всего люблю философію; Гегель, Фихте, а то и Прудонъ, пожалуй, но Прудонъ, собственно, торячая голова и самъ не знаетъ, что

говорить. Это тотъ же Пальмерстонъ. Что онъ въ самомъ дѣлѣ говорить? Положимъ, я не читалъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не могъ судить. Впрочемъ, все это пустяки и философія плевое дѣло. Занялся день, другой — и знаешь! Идей, что жъ, тебѣ хочется? Пустая вещь: сколько угодно. Я вообще все это знаю и вовсе не живу спуска рукава, какъ думаютъ другіе. Я плюю на все — оттого и философъ.

Чирибеевъ. Это, Егоръ Ивановичъ, совершенно такъ, и философія есть ничто иное, какъ извѣстный взглядъ. Напримѣръ, система міра — какую ты принимаешь?

Егоръ Ивановичъ (рѣшительно). Всякую, какую угодно! Мнѣ до этого рѣшительно нѣтъ дѣла!

Чирибеевъ. Принимаешь ты броженіе атомовъ, или всеобщій хаосъ?

Егоръ Ивановичъ. И то, и другое.

Чирибеевъ. Вотъ и я также. Ну, а движеніе звѣздъ?

Егоръ Ивановичъ. Суточное и годовое. Объ чемъ еще толковать!

Чирибеевъ. Но можешь ли ты опредѣлить разстояніе земли отъ солнца?

Егоръ Ивановичъ. Отчего не опредѣлить, Александръ Сергѣичъ! Все можно опредѣлить. Взялъ, вымѣрялъ — и готово. Нуженъ только телескопъ. Навелъ — и гляди! Чуть что — сейчасъ и записывай. Потомъ сложи — и выйдетъ разстояніе. Легче этого ничего себѣ нельзя представить. Вотъ тоже луна: вѣдь она, собственно говоря, чортъ знаетъ что такое, однако же имѣетъ свое мѣсто. Тутъ микроскопъ самое главное. И если свѣтла ночь — можешь что угодно сдѣлать. Сущность вся въ томъ, что все это кружится. Знаешь это — все это остальное извѣстно. Понялъ?

Чирибеевъ. Какъ не понять! Но однако ты, чортъ тебя возьми, довольно знаешь. Я отъ тебя не ожидалъ этого!

Егоръ Ивановичъ. Хе! Я тебѣ не только солнце, я тебѣ землю опредѣлю.

Чирибеевъ. Дать тебѣ за это два рубля — нечего дѣлать! (Достаётъ два рубля и даётъ Егоръ Ивановичу). Но смотри: огдать!

Егоръ Ивановичъ (берётъ деньги). Ты еще, кажется, сомнѣваешься?

Чирибеевъ (начинаетъ вдругъ, какъ бы соборазить что). Слушай,

Егоръ Ивановичъ: какъ бы намъ соорудить такой планъ, чтобъ постоянно быть въ эдакомъ расположеніи духа?

Егоръ Ивановичъ. Это ничего не стоитъ. Плюй на все — и будешь счастливъ. Всю жизнь я шелъ съ этимъ правиломъ, и если не попаду въ святые, то развѣ по какому нибудь особенному случаю.

Чирибеевъ. Ты все шутишь. Вѣдь невольно тревожатъ иногда разныя идеи, въ родѣ того: къ чему живешь, да что изъ этого выйдетъ, да какая цѣль?..

Егоръ Ивановичъ. Это ипохондрія. Порядочный человѣкъ не долженъ объ этомъ думать.

Чирибеевъ. Да я это знаю очень хорошо; но какъ же быть?

Егоръ Ивановичъ. Плевать! Вотъ какъ быть.

Чирибеевъ. Это не утѣшеніе, Егоръ Ивановичъ.

Егоръ Ивановичъ. Надо убѣждать себя, что весело. Это тоже помогаетъ. Построй свои мысли такъ, чтобъ тебѣ можно было на все плевать. Ну?

Чирибеевъ (подумавъ). Построилъ.

Егоръ Ивановичъ. Представь при этомъ, что не сейчасъ умрешь!

Чирибеевъ. Представилъ.

Егоръ Ивановичъ. Въ чертей, разумѣется, не вѣришь?

Чирибеевъ. Разумѣется.

Егоръ Ивановичъ. Убѣдись же теперь, что весело.

Чирибеевъ (подумавъ). Авѣдь ей-богу такъ, Егоръ Ивановичъ! Вотъ тѣмъ именно и хорошъ у меня характеръ, что я не долго думаю. Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ развеселился.

Егоръ Ивановичъ. Слава-богу! Наконецъ-то ты понялъ!

Чирибеевъ. Я именно убѣдился, что весело.

Егоръ Ивановичъ. Да такъ весело, что даже невѣроятно, отчего такъ.

Чирибеевъ. Заботы нѣтъ—вотъ главное.

Егоръ Ивановичъ. Да и о чемъ заботиться—а?

Чирибеевъ. Можемъ ничего не дѣлать—а?

Егоръ Ивановичъ. Плевать! Вѣдь не вѣшаютъ насъ—а?

Чирибеевъ. Вотъ именно; Егоръ Ивановичъ: плевать на все! Ей-богу не вѣшаютъ! Пляши, коли на то пошло.

Егоръ Ивановичъ. Изволь, коли на то пошло. (Пляшетъ и поетъ)
Ахъ ты эдакой, разѣдакой, камаринскій мужикъ!

Чирибеевъ. Именно, Егоръ Ивановичъ: ахъ ты эдакой, разѣ-

эдакой.... То есть, ей-богу, чудо, какъ весело! Воуъ что значить новое время—а? Созрѣли, Егоръ Ивановичъ—а?

Егоръ Ивановичъ. Созрѣли! Валий!

(Пляшетъ въ присядку. Въ дѣрѣхъ показываются Огрѣбининъ и Чиряевъ).

СЦЕНА IX.

Комната въ домѣ Чиряева. Огрѣбининъ сидитъ за столомъ и запечатываетъ письмо. Чиряевъ стоитъ около стола.

Чиряевъ. Такъ Александръ непременно отправится сегодня? Долго ли онъ пробудетъ въ Петербургѣ?

Огрѣбининъ. Нѣтъ. Эта командировка продолжится не больше, какъ мѣсяца два. Пусть немного провѣтрится, увидитъ новыя лица, побываетъ въ театрахъ; все это необходимо молодому человѣку, который думаетъ идти впередъ. Авось тогда перестанетъ плясать съ Егоръ Ивановичемъ. Ты еще, говорю, не знаешь, какіе слухи ходятъ по городу. Говорятъ, въ ночь на св. Еремѣя былъ поднятъ страшный скандалъ въ одной изъ частей города.

Чиряевъ. Кто же? Развѣ Александръ поднялъ скандалъ?

Огрѣбининъ. Почти что онъ. По крайней мѣрѣ участвовалъ. Всѣ окна перебиты. Этого негодая Козырева нашли на другой день пьянаго на улицѣ: онъ еще спалъ, и полицейскій, осматривая карманы, нашель нѣсколько пасквилей, въ которыхъ затронуты многія значительныя лица города. Съ Козыревымъ, не много поодаль, валялся какой-то учитель духовнаго училища, и, каналья, въ форменномъ фракѣ! У него тоже осматривали карманы, но ничего не оказалось, кромѣ, кажется, щеточки, двухъ содовыхъ порошковъ да стариннаго гривенника съ дырочкой. Я нарочно собралъ всѣ эти свѣдѣнія, чтобы самому по возможности замаять слухи, и говорю объ этомъ только тебѣ, чтобы ты имѣла понятіе.

Чиряевъ. Ахъ, папа! Лучше бы вы мнѣ не говорили этого! Мнѣ нельзя будетъ глазъ показать никому! Боже мой! теперь эти слухи одни могутъ отравить всю жизнь мою! Ночь, скан-

дагъ, шьянме — все это такія вещи, папа, — Боже, поддержи меня!

Огрѣбининъ. Сноси все это съ терпѣнiемъ, другъ мой. Господь иногда посылаетъ намъ и не такія испытанiя, но вѣра въ то же время дѣлаетъ все!

Чиривеева. Ахъ, папа! Я ужъ и не знаю, что дѣлать! Я буду молиться, папа....

Огрѣбининъ. А все это либеральныя сентенции и эти книжечка, что растутъ въ наше время какъ грибы. Надъ всѣмъ смѣются, исправлять все хотятъ. Какъ будто нѣтъ матеріаловъ и непремѣнно надо брать людей, людей и людей! Описывай, напримѣръ, природу, лѣса, рѣчки, говори, какъ птицы поютъ, любовь даже изображай если хочешь, наконецъ смѣйся, но надъ кѣмъ? Вотъ тебѣ мужикъ какой нибудь, дьячокъ, пономарь: онъ и глупъ, и смѣшнаго въ немъ много — вотъ матеріалъ! А то берутся богъ-знаетъ за что. Меня, напримѣръ, какъ хочешь повертывай, а ужъ не опишешь, ни за что не опишешь! И странно было бы серьезнаго человѣка, положимъ, напримѣръ, того же меня, вывести въ комедii и поставить, такъ сказать, на сцену! Да и вообще: высшій классъ, къ которому принадлежимъ мы, долженъ быть изъятъ отъ всего подобнаго, и строжайшая должна быть цензура на счетъ всего, что касается вообще генераловъ. Генералъ не можетъ быть смѣшонъ! Уже по чину своему онъ не можетъ быть смѣшонъ, подобно какому нибудь дьячку или писцу, который въ самомъ существѣ своемъ, въ званiи своемъ, такъ сказать, неприличенъ. Я, напримѣръ, дьячка не могу пустить въ комнату, онъ долженъ быть въ передней, потому что, во-первыхъ, дьячокъ, во-вторыхъ, онъ натопчетъ полы....

Чиривеева. Нагадить, папа!

Огрѣбининъ. И нагадить, дружокъ! Ты вообще вѣрно определяешь вещи, и тебѣ нечего толковать о томъ, какъ должны быть всѣ эти отношенiя.

Чиривеева. О, папа! Я знаю всѣ эти отношенiя такъ, какъ нельзя лучше. Я не пожалѣю какого нибудь мужика, какъ дѣлаетъ это Александръ.

Огрѣбининъ. И всѣ ударился въ это чтенiе, всѣхъ обузда какая-то слѣпая страсть къ книгамъ, какъ будто бы можно что-нибудь почерпнуть изъ книгъ, какъ будто даютъ чины за это, ордена! А служить, изучать отечественные законы не хотѣть.

Чирьева. Не хотеть, папа, не хотеть! Ишь и дѣла нѣтъ до этихъ условій и законовъ свѣта.

Огрѣбининъ. И какъ смотреть на вещи!

Чирьева. Ужасно!

Огрѣбининъ. Либералы!

Чирьева. Нисколько демократы! Они готовы быть за нанн-брата съ мужикомъ и обращаться съ нимъ, какъ съ человекомъ.

Огрѣбининъ. И гдѣ совесть послѣ этого!

Чирьева. Какая же совесть, папа, когда я едва-едва угорвариваю Александра носить перчатки!

Огрѣбининъ. Злодѣи! Они попираютъ отечество!...

Чирьева (съ жаромъ). И какъ еще! Я удивляюсь, папа, какъ громъ небесный не падетъ на этихъ негодяевъ! Они возстаютъ противъ всего священнаго, хотять равняться съ нами и клеймятъ насъ тѣпами порока и разврата! Не зная ничего, проповѣдуютъ какую-то честность, хотять все учить, учить, — и кого же? Мы говоримъ съ ними, какъ съ людьми, мы допускаемъ ихъ иногда въ свое общество, а они въ благодарность твердятъ намъ свои лживыя «Говори всегда правду!» Какъ будто мы не знаемъ этого, и не читали въ азбукѣ; какъ будто правда есть какое-то неоцѣненное качество, сокровище! Ступай въ деревни, если хочешь говорить правду! Тамъ люди, не знающіе никакихъ отношеній, будутъ слушать тебя и хвалить, пожалуй... Правда! Что такое правда? Я своимъ дѣтямъ не позволю говорить правды, которую проповѣдуютъ эти господа! И что они значать съ своею правдой, съ своими теоріями, съ своими взглядами на жизнь, какъ будто ихъ рѣчи, самыя восторженныя, самыя кипучія, въ состояніи сломить наше богатство и положеніе, котораго они сами ищутъ и не найдутъ никогда, никогда! Не всѣмъ одинаковый удѣлъ, я жизнь положила прочную границу между нами и этою холодною толпой, что ищетъ хлѣба и въ тоже время хотеть учить и проповѣдывать! Ничто не пробьетъ этой стѣны, и самый талантъ не найдетъ дороги, если не заочетъ служить нашимъ интересамъ.

Огрѣбининъ. И все потому, что эти господа не понимаютъ всѣхъ отношеній и удивляются, отчего они умираютъ съ голоду, а мы ѣдимъ въ каретахъ, на карѣ сѣрыхъ, и живемъ довольно весело. Странный народъ!

Чирьева. Гдѣ ишь, папа, понять эти отношенія! Они не такъ воспитаны. Развѣ у нихъ есть какое нибудь чувство? Ишь

нужно хлѣба, имъ некогда думать о тѣхъ интересахъ, которыми заняты мы. Имъ, папа, все равно: ходить ли въ холодной шинели въ морозъ, или носить такую шубу, какъ вы или Александръ. Они, повторяю, не такъ воспитаны!

Огребининъ. Вотъ потому они ничего и не вытираютъ. Я также горячо принимаю все это къ сердцу, какъ и ты: вся эта правда, о которой ты говоришь, ни къ чему не ведетъ. Это гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и повѣрь: пройдутъ вѣка, а мы все также будемъ ѣздить въ каретахъ, а эти люди будутъ идти, идти и идти....

Чирибеева (страстно). Идти какъ вѣчный жидъ, которому Христосъ сказалъ: «иди!» Да здравствуетъ, папа, ваша мысль! Больше я ничего не желаю, какъ этого!

Огребининъ. Остается развѣ пожелать только того, чтобъ Александръ бросилъ знакомство съ этими людьми и исправился.

Чирибеева. Ахъ, да, папа! Я буду молиться объ этомъ!

Огребининъ. Именно, душка: это ужъ ваше дѣло, прибѣгать въ этихъ случаяхъ, какъ говорится, къ Богу! Намъ некогда думать о подобныхъ вещахъ, потому что мы не тѣмъ заняты. Мы можемъ дать совѣтъ, указать дорогу; что же касается до этого, то, повторяю, мы не тѣмъ заняты и слѣдовательно, думать объ этомъ нечего. (Входитъ Чирибеевъ въ дорожномъ платьѣ. Огребининъ, обращаясь къ нему, продолжаетъ:) Что, ужъ вы готовы, Александръ Сергѣичъ? Вотъ письмо къ генералу Симевичу, а это къ министру внутреннихъ дѣлъ: тутъ и копія съ моихъ бумагъ. Первымъ дѣломъ, конечно, позаботитесь отправиться къ министру; съ братомъ увидите всегда, а тутъ нельзя манкировать. Вотъ тутъ записано, что купить. Все ли готово?

Чирибеевъ. Теперь, кажется, все.

Огребининъ. Прогоны я выхлопоталъ казенные. Положимъ, это пустыки, но все не мѣшаетъ. Оно не замѣтно иногда, какъ выходить въ дорогъ. Притомъ же на тройку, слѣдовательно расчесть.

Чирибеева (нужу). Нечего и говорить, Александръ, что ты долженъ вести себя иначе въ столицѣ.

Огребининъ. Ну что много объ этомъ толковать: Богъ милостивъ. Дай Богъ, чтобы только мой планъ исполнился. Я подробно пишу министру, и говорю о томъ, что мѣсто вице-губернатора свободно и что, слѣдовательно, я желалъ бы....

ЧИРИБЕЕВА. Ахъ, папа! Александръ будетъ вице-губернаторомъ?

ОГРЕБИНИНЪ. Да, мой другъ: объ этомъ теперь слѣдуетъ молить Бога. Я увѣренъ, впрочемъ, что министръ не откажетъ.

ЧИРИБЕЕВА. А какъ звать министра, папа?

ОГРЕБИНИНЪ. Алексѣй Семёнычъ.

ЧИРИБЕЕВА. Я отслужу молебень его ангелу, и тогда Богъ непременно пошлетъ ему эту благую мысль, чтобы Александра сдѣлать вице-губернаторомъ.

ОГРЕБИНИНЪ. Какъ хочешь! Это уже твое дѣло. Что касается вообще этихъ вещей, я пасъ. Я съ своей стороны сдѣлалъ все и теперь остается пожелать одного: чтобы Александръ Сергѣичъ забылъ на время своихъ пріятелей и выбросилъ изъ головы разныхъ Егоръ Ивановичей.

ЧИРИБЕЕВА. О, папа! Я увѣрена, что Александръ это чувствуетъ вполне.

ОГРЕБИНИНЪ. Потому я ни слова и не говорю. Я только хочу еще разъ напомнить Александру Сергѣичу о томъ, какъ это важно. Теперь я пойду и распоряжусь, чтобы намъ дали шампанскаго, а ты, можетъ быть, съ своей стороны найдешь чтонибудь сказать ему, пока есть еще время. Да не забудьте записать, Александръ Сергѣичъ, что всѣхъ рекомендательныхъ писемъ около тридцати, и что ихъ нужно развезти тотчасъ же, какъ приѣдете въ Петербургъ.

ЧИРИБЕЕВА. Вотъ мы сейчасъ перечтемъ, папа, и я сама напишу ему. (Огребининъ уходитъ. Чирибеева пишетъ и продолжаетъ:) Голубая, съ розовыми лентами.... Я записываю шляпку, Александръ, Magasin des modes sur Perspective de Nevsky. (Продолжаетъ писать и говорить.) А сознайся: тебѣ не хочется ѣхать, а? Ничего, мой другъ: все на пользу. Будь рѣшителенъ, да Богу молись больше. Ты знаешь, какъ вѣра подкрѣпляетъ насъ всегда и вездѣ? Понимаешь ли ты, Александръ?

ЧИРИБЕЕВЪ. Понимаю, душка. Говори дальше, что у тебя есть еще.

ЧИРИБЕЕВА. О, Александръ! У меня много еще есть сказать тебѣ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Говори все рѣшительно: не стѣснись.

ЧИРИБЕЕВА. Я бы желала только одного: чтобы ты помялъ меня, Александръ.

ЧИРИБЕЕВЪ. Пойму, душка, пойму.

ЧИРИБЕЕВА. Чтобъ ты пошелъ тѣ обязанности, которыя возложены на насъ, такъ сказать, отъ самаго рожденія.

ЧИРИБЕЕВЪ. И обязанности пойму: будь покойна! Что сказано, то свято. Начинаю!

ЧИРИБЕЕВА. Я начну съ того, Александръ, что мы призваны наслаждаться жизнью.

ЧИРИБЕЕВЪ. Съ этого ты и пойдешь развивать свою мысль? Гм.

ЧИРИБЕЕВА. Не смѣйся, Александръ! я говорю серьезно. Жизнь коротка и потому ею нельзя манкировать. Пользуйся всѣмъ, что дала намъ судьба. А вѣдь судьба или счастье — такая странная неуловимая вещь, что ее жаль упустить, когда она есть уже. Потому ты чаще представляй себѣ то, что имѣешь: если случай или что-нибудь другое отнимаетъ это — тогда на нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ; но если ты самъ потеряешь что-нибудь — ты первый и будешь виноватъ; первый никогда не простишь себѣ этого и накличешь на себя упреки совѣсти. Я постоянно твердила тебѣ и теперь говорю, что мы люди не такіе, какъ другимъ приходится быть: мы не станемъ трудиться изъ-за куска хлѣба, а должны только заботиться о томъ, чтобы уберечь эти роскошныя комнаты, эти ковры и паркетъ, потому что если мы потеряемъ ихъ, — тогда, о, я не знаю, что тогда будетъ! Первое счастье человѣка, если онъ доволенъ всѣмъ и сіяютъ около него люстры: тогда у него и мысль въ головѣ, и жизнь легка и прекрасна, и станемъ мы съ веселой улыбкой смотрѣть въ окно, какъ идетъ бѣднякъ по грязной улицѣ, съ веселой улыбкой говорю, потому что, повѣрь, мы ничего не нашли бы въ немъ смѣшнаго, если бы намъ пришлось идти рядомъ съ нимъ. Не вѣрь, Александръ, этимъ книжкамъ, которыя говорятъ, что бѣдность не порокъ: о, какой страшный и грязный порокъ эта бѣдность! Бойся ее какъ огня, бѣги какъ чумы; послѣ богатства она невыносима. Лучше смерть, чѣмъ бѣдность! (Послѣ небольшого молчанія). Я знаю тебя, Александръ; знаю твои привычки: ты любишь довольство и пріютъ; но помни, если ты будешь вести себя такъ, то потеряешь все это, и раскаяніе будетъ уже поздно. О, какъ бы я желала передать тебѣ вполне, передать въ тебя мой взглядъ на жизнь, мою энергію, мое хладнокровіе по всѣмъ этимъ вещамъ, о которыхъ ты такъ часто говоришь! Признаюсь, мнѣ жаль иногда тебя, мой другъ! Ты такъ неопытенъ, такъ рѣзокъ на словахъ, и у тебя вовсе нѣтъ этого такта, этой энергіи, съ которой мы можемъ все подчинить себѣ.

Прошу, умоляю тебя: держись крѣпче, обѣими руками держись за свое положеніе, и если судьба дала тебѣ богатство, то не смущайся тѣмъ, что есть люди бѣднѣе тебя! Брось это! Не говори объ этомъ! Всякому своя судьба, и самая красота не существовала бы, если бъ ее не обезпечивали люди другой жизни, другой обстановки. Десятки, сотни рукъ работаютъ для того, чтобъ одинъ былъ доволенъ, и этотъ одинъ—ты: захочешь ли ты упустить это, особенно если дано совершенно даромъ, безъ всякаго усилія съ твоей стороны? Понимаешь ли ты это, Александръ? Я, кажется, слишкомъ ясно говорю.

Чирнышевъ. Понимаю, душка, ей-богу понимаю. Неужели я совѣмъ дуракъ?

Чирнышевъ (помолчалъ). Слушай же, Александръ! Если ты понимаешь меня, то дай мнѣ слово раззнакомиться навсегда съ этими людьми, что зовутся Егоръ-Иванычами, Еремѣй-Федорычами и тому подобное?

Чирнышевъ. Я, душка, нисколько не прочь отъ этого.

Чирнышевъ. И вѣрь, мой другъ: ты будешь счастливъ! Разбери хорошенько этихъ людей и ты увидишь, чего они стоятъ на самомъ дѣлѣ. Всѣ они хороши до тѣхъ поръ, пока ты еще далекъ отъ нихъ. Тогда они уважаютъ тебя, льстятъ, и дѣлаютъ все, что угодно. Но чуть ты позволилъ себѣ фамильярность, они тотчасъ берутъ надъ тобою извѣстныя права и каждый шагъ ихъ направлень уже къ тому, чтобы стать по возможности на равную ногу съ тобою. Тотчасъ же говорятъ они себѣ: мы тоже люди, такіе же; отчего намъ не ровняться съ нимъ? Что изъ того, что онъ занимаетъ высокое мѣсто, что у него богатство и связь — все это ничего; мы равны. Однимъ словомъ, докажутъ тебѣ равенство тѣмъ, что видятъ то же самое солнце, какъ и ты, и живутъ въ одной и той же землѣ съ тобою. Видишь, какія извращенныя понятія у этихъ людей? Самыя жалкіе, самыя грязныя интересы свои они свяжутъ съ тобою, и ты самъ не замѣтишь, какъ твои высокія цѣли и помыслы смѣшаются съ самыми ничтожными и мелкими интересами всодневноі жизни, которой одна цѣль—насущенный хлѣбъ и все, что носитъ въ этомъ случаѣ жалкое названіе жизни. О, Александръ, Александръ! Берегись запутаться въ эти отношенія, иначе падешь низко-низко, и трудно будетъ поднять тебя, потому что вслѣдъ организмомъ прильнешь ты къ этой жалкой, бѣдной, грязной, вѣчно-униженной средѣ. Гдѣ, ты думаешь, адъ? Ты ду-

мазня, онъ Богъ знаетъ гдѣ? Ошибаешься. Онъ около насъ, онъ близко насъ, вездѣ, гдѣ нѣтъ-за конѣйки готовы вышарапать глаза другъ-другу, и гдѣ кусокъ хлѣба составляетъ единственный интересъ жизни. Берегись этихъ людей, Александръ! Не для тебя они созданы; держи себя гордо и далеко; презирай ихъ, если можешь; рѣже показывайся имъ на глаза, иначе они отвыкнутъ уважать тебя: пусть видятъ ясно, какая бездна отдѣляетъ насъ отъ нихъ! И что насъ можетъ связывать съ подобными людьми? Намъ ли думать о мелкихъ чувствахъ дружбы и любви, которые доступны всякому. Намъ ли думать объ этомъ, когда у насъ есть другія цѣли, другіе интересы, когда власть и вліяніе составляютъ для насъ единственное украшеніе жизни, единственную цѣль ея, которой мы обязаны жертвовать всѣмъ, что можетъ быть составлять счастье и цѣль всякаго другаго человѣка. О милый, милый! Не будь, прошу тебѣ, ребенкомъ! Задави въ себѣ все, что зовется на нашемъ языкѣ добротою, довѣрчивостію; пойми настоящій смыслъ жизни и цѣни людей, насколько они стоятъ! А какъ мало они стоятъ, если бы ты зналъ! Бери примѣръ съ меня и моего отца! Клянусь тебѣ, я презираю людей, не вѣрю въ ихъ дружбу и любовь, не вѣрю самымъ словамъ этимъ; слышишь ли, Александръ? Заклинаю тебя всѣмъ святымъ, дѣлай такъ, какъ я, и будешь счастливъ, какъ я! Все пройдетъ, остынетъ любовь, забудется дружба, высохнетъ вода, что зовется слезами; что было радостію, станетъ печалью и все исчезнетъ безъ слѣда и цѣли, кромѣ одного ума и власти, которую успѣешь приобрести!

ЧИРИБЕЕВЪ (съ жаромъ). Именно такъ. Будь я проклятъ, если я не буду такъ дѣйствовать. Ты не смотри, что я иногда глупъ: я тоже умѣю понимать вещи, божусь тебѣ!

ЧИРИБЕВА. О, дай только Богъ, чтобъ это было такъ! Больше я ничего не желаю.

ЧИРИБЕЕВЪ. И будетъ такъ, клянусь тебѣ!

(Входитъ Огребининъ, за нимъ два лакея).

ЧИРИБЕВА. Мы, папа, все переговорили, и теперь остается только вамъ самимъ сказать нѣсколько словъ нашему милому гостю, потому что онъ гость теперь у насъ, хотя я и не могу себѣ представить этого равнодушно.

ОГРЕБЕНИНЪ. Я уже сказалъ главное. Остается прибавить или, лучше, напомнить Александру Сергѣичу о томъ, что я уже нѣсколько разъ говорилъ. Дать шампанскаго! (Лакеи уходятъ) Рас-

пространяться некогда и потому я въ самыхъ короткихъ словахъ скажу то, что слѣдуетъ. Прежде всего заботьтесь о томъ, чтобы наши семейныя отношенія сохранились, чтобы мы собственно были счастливы; все остальное вздоръ или, иначе говоря, тѣ ваши идеи, которымъ цѣна грошъ, и только. Всѣхъ не сдѣлаете счастливыми, да и какая надобность? Потому идите особнякомъ отъ всего, что несогласно съ вашими личными интересами: это и будетъ истинный взглядъ на жизнь. Обязанность человѣка взять съ жваною все, что можно: я всегда помнилъ это и потому не смущался, если какія препятствія были у меня на пути: я гнулъ и давилъ, я гнулъ въ бараній рогъ людей и давилъ, повторяю, чуть только видѣлъ, что это нужно. Вотъ примѣръ, если угодно! Поступайте такъ же и будете счастливы. Вы знаете мой характеръ: твердый, положительный, неуклонно идущій къ цѣли. Цѣль и цѣль; — остальное, повторяю, вздоръ, начиная съ вашихъ книгъ до того ницаго, котораго вы жалѣете. Однимъ словомъ, не смущайтесь ничѣмъ! Дѣлайте все, что только будетъ обѣщать выгоду! Мы съумѣемъ оправдать васъ такъ, какъ нельзя лучше. Въ этомъ вся и жизнь. Прощайте и пріѣзжайте къ намъ вице-губернаторомъ!

(Цалуются. Зававѣсъ падаетъ).

Н. П—ИЙ.

1862 года,
марта 26.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ.

Часть вторая.

ГЛАВА II.

О РАЗНЫХЪ РОДАХЪ И ВИДАХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

Въ Сводѣ Законовъ постановленія о разныхъ родахъ и видахъ имуществъ предшествуютъ законамъ о правѣ собственности. Я же нахожу, что прежде всего слѣдуетъ опредѣлить: что можетъ сдѣлаться собственностью человѣка, а потомъ ужь должно вывести роды и виды имуществъ. Право собственности есть основная идея, а имущество — послѣдующая; поэтому, опредѣливши въ предшествовавшей главѣ первое, мы можемъ опредѣлить второе слѣдующимъ образомъ: имуществомъ называется предметъ, который можетъ сдѣлаться по закону собственностью человѣка.

По римскому праву, имущества дѣлятся: на недвижимыя, движимыя и движущіяся; къ послѣднимъ относятся животныя и рабы. Выше я уже доказалъ, что по теоріи нельзя считать собственностью человѣка—существа живыя, поэтому я признаю только первые два рода имуществъ.

Законодательство наше придерживается римскому праву, хотя отнести движущееся имущество къ движимому: 401 ст. Т. X. (изд. 1857) относить къ этому роду имуществъ лошадей и скотъ; а 404 ст. того же тома причислила къ нему *права* на крѣпостныхъ людей безъ
Т. XII. Отд. I.

земли. Въ настоящее время послѣдній законъ, бывший чернымъ пятномъ нашей народности, отмѣненъ. Вглядитесь въ самый законъ и вы убѣдитесь, что онъ, если можно такъ выразиться, краснѣлъ за самого себя: закону совѣстно было сказать, что крѣпостной есть вещь; а потому онъ говоритъ, что *крѣпостное право есть движимое имущество*. Но право есть идеальная сторона имущества, и законъ безъ опредѣленной цѣли не могъ сказать юридической безсмыслицы.

Дробленіе нашимъ законодательствомъ имуществовъ на разные роды и виды имѣетъ у насъ великое юридическое значеніе: каждый родъ и видъ имѣютъ свои особенности не только относительно пользованія, владѣнія и распоряженія, но относительно судебной защиты, купли, заклада, дара, наслѣдованія, секвестра и т. д. Вотъ почему и я долженъ высказать свои практическія замѣчанія по этому важному предмету.

Существенное отличіе имуществовъ недвижимыхъ отъ движимыхъ заключается у насъ въ слѣдующихъ чертахъ: 1) Недвижимымъ населеннымъ имуществомъ можетъ владѣть только потомственный дворянинъ (*); движимую вещь могутъ владѣть всѣ сословія. 2) Первое имущество можетъ быть родовое или благопріобрѣтенное; второе никогда не можетъ сдѣлаться родовымъ. 3) Первое пріобрѣтается по актамъ, совершеннымъ крѣпостнымъ порядкомъ; второе — явочнымъ или домашнимъ. 4) Право перваго защищается въ судѣ, порядкомъ вотчиннымъ; второе — исковымъ. 5) Первое въ завѣщаніи и дареніи ограничено; второе въ этихъ отношеніяхъ безусловно. 6) Сама опись, оцѣнка и продажа первыхъ — сложивше по первымъ предметамъ, чѣмъ по вторымъ. 7) Первые, когда они суть родовыя имущества, подлежатъ выкупу; вторыя — нѣтъ.

Опредѣливши такимъ образомъ существенную разность этихъ двухъ главныхъ родовъ имуществовъ, обратимся къ ихъ видамъ:

А) Виды недвижимыхъ имуществовъ.

Недвижимыя имущества бываютъ: родовыя и благопріобрѣтенныя, раздѣльныя и нераздѣльныя, населенныя и пустоши, майораты и заповѣдныя.

1) Родовыя и благопріобрѣтенныя имущества.

Вопросъ, стоящій здѣсь на первомъ планѣ, есть тотъ: почему у насъ только недвижимыя имущества могутъ быть родовыми? Вопросъ

(*) Ненаселеннымъ имуществомъ могутъ владѣть остальные сословія.

этотъ былъ разрѣшенъ въ Россіи путемъ не теоретическимъ, а практическимъ. Въ теоретическомъ смыслѣ, оба рода имущества могутъ быть родовыми: какъ земля и постройки могутъ достаться мнѣ по наследству, такъ точно могутъ ко мнѣ дойти этимъ путемъ капиталы и венды. Но нужно вспомнить обычаи русскаго народа, его общественныя и частныя потребности и нужды, тогда мы увидимъ, почему законъ принялъ за принципъ, что только недвижимыя имущества могутъ быть родовыми. До настоящаго времени сохранилось въ нашемъ народѣ благоговѣніе и любовь къ предметамъ и вещамъ, которыя были собственностью его предковъ: эта страсть простирается не только на недвижимость, но и на движимость. Любовь нашего народа къ той недвижимости, на которой онъ родился, есть общечеловѣческое чувство—любовь къ родинѣ: гдѣ человѣкъ родился, выросъ, воспитался, тамъ онъ связывается со всѣми предметами такими сильными духовными узами, что оторвавши его отъ этой родной почвы, часто разрушаешь все земное его бытіе. Тоска по родинѣ — одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей рода человѣческаго; поэтому неудивительно, если велико-русскій народъ отстаиваетъ свою *отчину*, а малороссійскій свою *батьковщину*. Подъ вліяніемъ этихъ нравственныхъ причинъ установился у насъ принципъ, что отчина должна перейти къ ея законнымъ наследникамъ. Движимое же имущество не все могло принять подобный характеръ; состоя по большей части изъ вещей тлѣнныхъ или удовлетворяющихъ временныя нужды, наконецъ составляя предметъ удобный для обмѣна продуктовъ, движимое имущество не могло, во всемъ своемъ составѣ, укрѣпиться исключительно въ данномъ родѣ. Вотъ почему завѣтными стали у насъ только такіе предметы, которые были нетлѣнны и съ которыми были соединены какіе нибудь духовные интересы; сюда отнести можно: иконы, оружіе, утварь и разныя драгоценныя одежды и украшенія.

Вовсе другое положеніе было для недвижимости. Въ древней Руси, когда купля недвижимости не имѣла почти никакого развитія, когда приобрѣтеніе ея было основано только на правѣ или наследованія, или даренія, или пожалованія, то естественно, что отчина, имѣла лишь два акта приобрѣтенія — наследованіе и дареніе, — требовала только ограниченія этихъ двухъ моментовъ приобрѣтенія. На этомъ основаніи и возникли два постановленія: что родоваго имущества не должно дарить или завѣщать ни чужеродцамъ, ни дальнимъ наследникамъ, помимо ближайшихъ. Въ древности этими двумя постановленіями цѣль достигалась: родовыя имущества или вотчины всегда отходили къ законнымъ наследникамъ; относительно же завѣтныхъ движимыхъ вещей — законъ не могъ сдѣлать того, что онъ установилъ для недвижимости. Движимость, какъ я выше сказалъ, будучи удобнымъ

предметомъ для обмѣна, не могла долго удерживаться въ данномъ родѣ; кромѣ этого множество разныхъ другихъ причинъ уничтожали подвижность: и законодательство предоставило ее въ полное распоряженіе ея владѣльца. Но и завѣтность недвижимости не была у насъ политическимъ принципомъ; это доказывается тѣмъ, что когда, послѣ Петра I, купля недвижимости получила свое надлежащее развитіе, то отчинному праву былъ нанесенъ жестокий ударъ. Законъ не ограничилъ продажу отчины; а русскій народъ отличается *широкостью своей натуры*. Пока въ народѣ существовала восточная роскошь съ примѣсью доморощенной, до тѣхъ поръ землевладѣльцы не разорялись: роскошь заключалась въ драгоценныхъ вещахъ и утвари; одежда—изъ дорогихъ мѣховъ и тканей. Но все это переходило изъ рода въ родъ; носилось по большимъ праздникамъ, а по буднямъ пряталось и тщательно сохранялось въ кладовыхъ. Поѣсть и угостить—нашъ народъ также любилъ; но большая часть угощенья состояла изъ домашнихъ припасовъ и напитковъ. Всѣ эти черты частной русской жизни сохранились и въ настоящее время въ нашемъ купеческомъ, мѣщанскомъ и крестьянскомъ быту, во всей ихъ простотѣ, тамъ гдѣ эти сословія не подражаютъ дворянству, а по ихъ выраженію, господствуютъ. Землевладѣльцы же наши или, что все равно, наше дворянство, послѣ Петра I усвоивши себѣ предметы роскоши цивилизованной Европы, и не обрѣсивъ съ себя совершенно татарской оболочки, увлеклись своею широкою натурою, стали плохо заниматься своими хозяйствами, разоряли свои имѣнія. Это положеніе дѣлъ землевладѣльцевъ—съ одной стороны вызвало развитіе продажи недвижимости; съ другой—побудило правительство подвергать отчины ответственности за долги владѣльцевъ. Последнее постановленіе нанесло окончательный ударъ отчинному праву: въ настоящее время вы не много насчитаете землевладѣльцевъ, которые бы могли опредѣлять дальше Екатерины II владѣніе ихъ рода даннымъ имуществомъ; большая часть имѣній приобрѣтена или въ прошломъ вѣкѣ, или въ прошлыхъ два царствованія.

Вслѣдствіе этого, мы вправѣ сказать, что въ Россіи отчинное право никогда не было политическимъ принципомъ, мы считаемъ его только обычаемъ, имѣвшимъ своимъ основаніемъ привязанность народа къ своему мѣстоположенію. Государственныя обязанности и обязанности у насъ налагались только правомъ помѣстнымъ; и если бы первое право было политическимъ принципомъ, то надобности не было бы установить второе. Кромѣ этого, если бы отчины имѣли политическое значеніе, то законодательство ограничило бы его въ правѣ распоряженія, подобно майоратамъ; правда, при Петрѣ I законодательство сдѣлало попытку обратить всѣ недвижимыя имущества въ майо-

раты, но мысль его не получила практическаго примѣненія, и законъ его объ единонаслѣдїи палъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Съ самыхъ же древнѣйшихъ временъ до Петра Великаго, мы не встрѣчаемъ ни одного явленія, подобнаго его закону объ единонаслѣдїи, и если отчины переходили изъ рода въ родъ, то единственно только потому, что продажа недвижимости была слабо развита и что роскошь дворянства была соразмѣрна его средствамъ. Будучи, такимъ образомъ, выраженіемъ только одной любви народа къ своей родинѣ, отчинное право, не имѣя поддержки въ законодательствѣ, потеряло свое древнее значеніе и въ настоящее время сдѣлалось юридическимъ анахронизмомъ. И въ самомъ дѣлѣ: на имущество родовомъ я могу дѣлать долги, могу его продать, закладывать; но дарить и завѣщать его — я не вправе. Съ другой стороны, наслѣдники не вправе требовать, при жизни владѣльца, выдѣла части изъ родоваго имущества, равно дѣлать долги на это имущество. На что же могутъ рассчитывать наслѣдники? Единственно на тотъ только случай, когда владѣлецъ, не успѣвши надѣлать долговъ или заложить или продать родовое имущество, помретъ.... Признаюсь, если на такомъ началѣ основывать политическій принципъ (если онъ только предполагается), то онъ не слишкомъ твердъ и едва ли можетъ достигнуть цѣли. Практика указываетъ намъ, что не трудно обойти законы, запрещающіе завѣщать и дарить родовое имущество: вмѣсто дарственной записи, совершаются купчія крѣпости; вмѣсто духовнаго завѣщанія, оставляются чужероду или дальнему родственнику или крѣпостныя заемныя письма, о безденежности которыхъ никакихъ споровъ не принимается, или же закладныя.... Вотчинная же наша процедура заканчивается рѣшительное поражение законовъ о родовыхъ имуществахъ: спустя два года по вводѣ кого либо во владѣніе по духовному завѣщанію, никакихъ споровъ противъ него не пріемлется; также, по вводѣ кого либо во владѣніе имуществомъ, если возникаетъ тяжба, то имѣніе остается до окончанія тяжбы въ рукахъ того лица, кто введенъ во владѣніе.... Обратите вниманіе на эти постановленія: вся сила здѣсь на сторонѣ отвѣтника; спустя два года по вводѣ его во владѣніе, истецъ теряетъ право начать искъ; если истецъ начинаетъ процессъ даже немедленно по вводѣ во владѣніе, то имущество остается все-таки въ рукахъ отвѣтника; къ этому присовокупите еще то, что истцу запрещено дѣлать долги на ожидаемое имъ имущество. Прошу покорно, послѣ этого, начать безконечную вотчинную тяжбу.... Отвѣтчику даны средства для жизни и веденія процесса, а я борись съ нимъ голыми руками; при такихъ же обстоятельствахъ у насъ въ Россіи очень много ^{въ} бѣдъ!..

Послѣ этого, къ чему же служить у насъ юридическое понятіе о родовомъ имуществѣ? Не для того ли только, чтобы размножать про-

цессы и доставлять доходы опекамъ и судамъ? Другаго значенія я не вижу въ этомъ учрежденіи; политическимъ оно не можетъ назваться, потому что оно въ нашемъ отечествѣ рѣшительно не имѣетъ никакого общественнаго значенія; юридическаго же смысла въ немъ нельзя добыться.... Учрежденіе при такихъ условіяхъ приноситъ одно лишь зло: оно только размножаетъ процессы; а каждое законодательство должно изыскивать всѣ способы и мѣры, чтобы уничтожить поводы къ процессамъ — этимъ жесточайшимъ бичамъ общественнаго спокойствія и блага. Притомъ, неужели наше законодательство предполагаетъ, что запретивши завѣщать и дарить родовое имущество чужеродцамъ и дальнимъ родственникамъ, помимо ближайшихъ, оно справедливо?... Выше я показала, какимъ образомъ практика обходитъ эти постановленія; здѣсь же отвѣчу, что справедливаго въ этомъ учрежденіи я ничего не вижу.... Законодательство полагаетъ, что владѣлецъ даннаго родового имущества часто можетъ увлечься разными личностями и страстями и устранить совершенно несправедливо своего достойнаго наследника? Но мы по этому предмету разсуждаемъ такъ: во сколькохъ случаяхъ могутъ быть обижены этимъ закономъ наследники, столько же разъ могутъ быть имъ обижены чужеродцы. У меня можетъ быть негоднй наследникъ, и законъ, ограничивая меня въ родовомъ моемъ имуществѣ, лишаетъ меня возможности слѣвать добро порядочному челювѣку. Конечно, можетъ быть и обратный случай; но вы ничѣмъ не докажете, чтобы случай, когда родственники обижены, превышалъ случай обиды чужеродцевъ. Практика, напротивъ того, указываетъ намъ, что большая часть духовныхъ завѣщаній о благопріобрѣтенномъ имуществѣ, не подлежащемъ никакимъ ограниченіямъ, пишутся въ пользу прямыхъ наследниковъ. Въ этомъ можно убѣдиться по ничтожной суммѣ, поступающей ежегодно въ казну за переходъ имущества по завѣщаніямъ къ чужеродцамъ или дальнимъ родственникамъ. Въ судахъ находится больше процессовъ по дѣламъ о нарушеніи завѣщаніями законовъ о родовыхъ имуществвахъ, нежели случаевъ передачи благопріобрѣтеннаго имущества не ближайшимъ родственникамъ. Но въ этомъ причиною самъ законъ: ограничивъ права вотчинника относительно распоряженія, на случай смерти своей, родовымъ имуществомъ, законъ часто возстановляетъ его противъ наследниковъ. Старый холостякъ и старая дѣва, раздражительные и безъ того, по своему одиночеству, видятъ въ своихъ наследникахъ явныхъ или тайныхъ враговъ, расчитывающуекъ минуты и секунды, когда они помрутъ. Подобныя мысли до того иногда преслѣдуютъ этихъ лицъ, что они становятся для нихъ какою-то манією. Въ особенности эти лица бывають сильно озлоблены, когда у нихъ есть побочныя дѣти или какія нибудь сим-

натія. То же самое явленіе мы видимъ и у супруговъ бездѣтныхъ; само собою разумѣется, что ближайшая нравственная и матеріальная связь есть въ брачной жизни: каково же должно быть одному изъ супруговъ, когда онъ не вправѣ отдать другому супругу своего родового имущества даже въ пожизненное владѣніе и когда онъ можетъ ему изъ него выдѣлать только указную $\frac{1}{7}$ часть, а остальные $\frac{6}{7}$ должны отойти къ совершенно чуждымъ ему лицамъ и часто такимъ дальнимъ родственникамъ, родство которыхъ трудно даже опредѣлить какимъ нибудь общепотребительнымъ названіемъ. Само собою разумѣется, что такое положеніе не можетъ не побудить подобныхъ лицъ къ нарушенію закона.

Запрещенный плодъ всегда кажется вкуснѣе незапрещеннаго; такъ уже устроено сердце человѣка. Если бы не было ограниченія въ родовыхъ имуществахъ, не было бы повода ни холостякамъ, ни старымъ дѣвамъ, ни бездѣтнымъ супругамъ считать своихъ ближайшихъ родственниковъ своими естественными врагами; они бы не удалялись отъ нихъ, не имѣли бы противъ нихъ предубѣжденія; а главнѣе всего, не имѣли бы повода вкусить запретный плодъ, то есть, другими словами, нарушить законъ о родовыхъ имуществахъ.

На основаніи этихъ данныхъ, мы приходимъ къ заключенію, что въ учрежденіи родовыхъ имуществъ нѣтъ ничего прочнаго политическаго, ни абсолютно справедливаго; и такъ какъ оно, напротивъ того, только есть поводъ къ безконечнымъ процессамъ и ненависти между родственниками, то подобное учрежденіе должно быть уничтожено въ томъ смыслѣ, какъ оно существуетъ въ настоящее время.

Съ понятіемъ родовыхъ имуществъ соединяю я только понятіе о выкупѣ.

«Выкупъ есть право кровныхъ родственниковъ на обращеніе къ себѣ родовыхъ имуществъ, отчужденныхъ, по продажамъ, во владѣніе чужеродцамъ» (*).

Мы находимъ этотъ законъ совершенно справедливымъ. Я уже нѣсколько разъ говорилъ, что человѣкъ сильно привязанъ къ мѣсто-рожденію своему и своихъ предковъ. Да и неудивительно: очень часто въ родовыхъ имѣніяхъ лежатъ могилы нашихъ родственниковъ или другихъ дорогихъ намъ лицъ; или же съ каждымъ предметомъ, въ данномъ имуществѣ, сопряжены какія нибудь свѣтлыя и дорогія намъ воспоминанія. Эти нравственныя причины заслуживаютъ того, чтобы законодательство разрѣшило кровнымъ родственникамъ даннаго владѣльца—выкупить его родовое имущество, когда онъ не могъ удержать его въ своемъ владѣніи. Находя повтому законъ о нравѣ

(*) Ст. 1346, т. X. К. 1., изд. 1857 г.

выкупа совершенно справедливымъ, я однакоже полагаю, что дальнѣйшее развитіе этого закона у насъ крайне несовершенно.

Законы по этому предмету у насъ распадаются на три отдѣла:
1) о правѣ выкупа (*); 2) о лицахъ имѣющихъ право выкупа (**);
3) о срокѣ и цѣнѣ выкупа (***) .

I. О правѣ выкупа.

Выше я показалъ, какъ законъ опредѣляетъ право выкупа; затѣмъ начинаются слѣдующія ограниченія этого права:

а) «Родовыя имущества не подлежатъ выкупу, когда они продажею перешли въ тотъ же родъ, хотя бы ихъ пріобрѣтатели происходили отъ общаго родоначальника по женскому колѣну и носили другую фамилію.»

Этотъ законъ, по нашему мнѣнію, противорѣчитъ слѣдующему:

«Право выкупа принадлежитъ кровнымъ родственникамъ, которые продавцу имѣнія суть ближайшіе наслѣдники. Оно переходитъ отъ ближнихъ родственниковъ, къ дальнимъ, согласно съ правилами законнаго наслѣдованія, по линіямъ и степенямъ» (****).

Выше было доказано мною, что понятіе о родовыхъ имуществахъ не есть у насъ идея политическая, а она основана на чисто духовномъ началѣ: любви человѣка къ своему мѣсторожденію. Согласно съ этимъ принципомъ и справедливъ законъ, основывающій порядокъ выкупа на степени родства даннаго лица съ продавцами родоваго имущества. Естественно, чѣмъ ближе я къ этому лицу по крови, тѣмъ ближе я могу чувствовать духовные интересы къ его имуществу. Послѣ этого становится яснымъ, что, при такихъ данныхъ, имущество должно отойти ко мнѣ безусловно, независимо отъ того, отошло ли оно къ чужеродцу или дальнему моему родственнику. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мнѣ должно быть предоставлено право выкупа, иначе нарушится основная идея закона.

б) «Когда родовое имущество покупщикомъ или его наслѣдниками возвращено будетъ добровольно продавцу или его наслѣдникамъ, тогда родственники послѣднихъ теряютъ право выкупа» .

Вѣроятно, по поводу какого-нибудь судебного спора возникъ этотъ законъ. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ также предложить законодательству вопросъ: имѣю ли я право на чужой землѣ дышать воз-

(*) Тамъ же, ст. 1346—1354.

(**) Тамъ же, ст. 1355—1362.

(***) Тамъ же, ст. 1362—1375.

(****) 1355 ст., т. X. К. 1.

духомъ?... «Помилуйте», скажете вы: «кто-жь спрашиваетъ о такихъ пустыхъ вещахъ!...» А развѣ вопросъ разрѣшаемый вышеприведеннымъ мною закономъ не можетъ сравниться съ моимъ? Вникните, въ чемъ его сущность: онъ даѣтъ мнѣ право выкупать мое имущество преимущественнѣе другихъ моихъ родственниковъ; да вѣдь это само собою вытекаетъ изъ того закона, что права лицъ на выкупъ опредѣляются *степенью близости родства къ продавцу*. Какія же еще толкованія здѣсь нужны! Само собою разумѣется, что по общему закону мои наслѣдники имѣютъ ближайшее право на выкупъ, и если покупатель возвратитъ имъ добровольно имущество, то какой же еще выкупъ можетъ быть со стороны моихъ дальнихъ родственниковъ. Другое дѣло было бы, если бы законъ упомянулъ только о продавцѣ. Въ этомъ случаѣ, въ самомъ дѣлѣ, раждается мысль слѣдующая: законодательство наше предоставило право выкупа только родственникамъ продавца, но не самому продавцу. При такомъ же порядкѣ и долженъ возникнуть вопросъ: а если покупатель возвратитъ продавцу имущество, то родственники послѣдняго могутъ ли его выкупить? Если бы законъ отвѣчалъ утвердительно, то это была бы юридическая негѣпность и величайшая несправедливость; если кто нибудь рѣшается продать свое родовое имущество, то вѣроятно это дѣлается по нуждѣ и какъ крайность. Почему же лишать меня возможности возвратитъ мнѣ имущество, когда я вновь собрался съ средствами?... Можетъ ли меня законъ наказать за то, что я несчастливъ въ моихъ дѣлахъ? Согласно этимъ даннымъ я и полагаю, что было бы справедливо вообще продавцу родового имущества предоставить право выкупа, преимущественнѣе предъ всѣми родственниками.

в) «Когда родовое имѣніе за долги или по залогамъ (*по какимъ: казеннымъ или частнымъ?*) и обязательствамъ владѣльца продано будетъ съ публичнаго торга, тогда нѣтъ выкупа».

По смыслу этого закона, выкупъ разрѣшается единственно въ томъ случаѣ, когда родовое имѣніе продано *по купчей крѣпости*. Но мы не видимъ никакихъ, ни юридическихъ, ни политическихъ, ни нравственныхъ причинъ, почему бы имущество, подвергшееся публичной продажѣ, не подлежало выкупу? Если законъ предполагаетъ эту мѣру, какъ устрашительную, для побужденія лицъ недопускать имущество свое до публичной продажи, то мнѣ кажется, что цѣль закона не достигается. Кто запуталъ свои дѣла такъ, что вынужденъ продать свое имущество, для удовлетворенія кредиторовъ, тотъ ужъ и такъ наказанъ своимъ положеніемъ; поэтому нечего ужъ больше его карать. Притомъ, эта кара не столько относится къ нему, какъ къ его родственникамъ: такъ какъ запрещеніе выкупать имущество простирается непосредственно на нихъ. «И по дѣломъ этимъ господамъ», замѣтитъ

ктонибудь: «почему они допустили до публичной продажи свое родовое имущество».

Но развѣ законъ разрѣшаетъ имъ, при публикаціи о продажѣ ихъ родового имущества, явиться уплатить долги своего родственника и оставить имѣніе за собою?... А не давши этого права родственникамъ, нечего ихъ карать за допущеніе публичной продажи ихъ родового имущества. Притомъ, мы не находимъ никакой юридической разницы между простою куплею и куплею съ публичнаго торга. Въ смыслѣ же экономическомъ, рациональнѣе допускать выкупъ имуществъ, проданныхъ съ публичнаго торга, нежели по купчимъ крѣпостямъ: въ первомъ случаѣ имущества, по большей части, покупаются за безцѣнокъ; во второмъ — дается настоящая ихъ стоимость. Почему же первымъ давать преимущество предъ вторыми?...

г) «Нѣтъ также выкупа, когда за неуспѣшностью публичной продажи частные кредиторы или казна взяли имущество въ свою собственность».

Частные кредиторы, когда, за неуспѣшностію публичной продажи, оставляютъ за собою данное имущество, суть тѣ же покупщики, и мы не видимъ никакихъ причинъ, по которымъ бы они пользовались привилегіею, предоставленною имъ закономъ. Развѣ не потому ли, что по большей части такимъ господамъ достается имущество за безцѣнокъ? Другое дѣло, когда казна оставляетъ за собою подобное имущество; здѣсь дѣйствовала политическая цѣль: законодательство въ этомъ случаѣ имѣло въ виду недвижимыя населенныя имѣнія. Если за долги подобныя имущества поступали къ казнѣ въ ея собственность, то крестьяне освобождались отъ крѣпостной зависимости и входили въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Для такой великой государственной цѣли можно было пожертвовать частными интересами; но въ настоящее время законъ этотъ потерялъ свое значеніе: съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, онъ становится излишнимъ.

д) «Какъ родовое имущество, перешедшее въ чужой родъ, а потомъ возвратившееся въ свой родъ покупкою (а не выкупомъ), дѣлается благопріобрѣтеннымъ—то оно выкупу при вторичной продажѣ подлежать не можетъ».

Вотъ законъ, достойный быть причисленнымъ къ средневѣковымъ схоластическимъ тенденціямъ! Здѣсь все основаніе — буква закона! Видите ли: я продаю имущество чужеродцу и потомъ покупаю отъ него назадъ это имущество, и этимъ формулированіемъ оно преобразуется изъ родового—въ благопріобрѣтенное. Я не понимаю, какимъ образомъ обмѣнъ бумагъ можетъ произвести такой переворотъ въ самомъ свойствѣ имущества?... Вѣдь понятіе о родовомъ имуществѣ не есть абстрактная идея: въ немъ понимаемъ мы данное

имущество, гдѣ родились наши предки и отцы, гдѣ со всякою вещью сопряжено какое нибудь дорогое намъ воспоминаніе.... Родовое имущество есть предметъ, который, пройдя тысячи рукъ, все-таки будетъ юнмъ родовымъ имуществомъ; понятія о томъ, что оно связано съ чонии духовными интересами, — вы не уничтожите никакими актами укрѣпленія.

е) «*Ненаселенныя земли, проданныя отъ лица одного состоянія лицамъ другого, выкупу не подлежатъ*».

Если законъ оказалъ такую честь ненаселеннымъ имуществамъ, то почему это не установлено для другихъ недвижимыхъ имуществъ. Мы понимаемъ, что населенныя недвижимыя имущества, будучи принадлежностью дворянства, должны были держаться въ рукахъ одного и того же сословія. Но фабрики, заводы, лавки, дома и другая недвижимость могли вѣдь переходить въ руки разныхъ сословій, подобно ненаселеннымъ землямъ? Притомъ, какую роль тутъ играетъ разность сословныхъ правъ? Развѣ разность сословій налагаетъ клеймо позора или превосходство на незаселенныя земли? Понятно еще было бы, если бы пустоши, отходя къ сельскимъ обывателямъ, не подлежали выкупу дворянина; здѣсь была бы по крайней мѣрѣ политико-экономическая цѣль: дворянствъ неспособенъ извлечь столько пользы изъ земли, сколько крестьянствъ. Но почему бы, спрашивается, сельскій обыватель не могъ выкупить своего родового ключа земли отъ дворянина? Тутъ, признаюсь, нѣтъ ужъ достаточнаго основанія ни экономического, ни политическаго. Мнѣ кажется, если при выкупѣ допускать ужъ разность въ лицахъ, то скорѣе можно было бы допустить разность пола: мужчина долженъ же быть услужливымъ кавалеромъ, и по мнѣнію нѣкоторыхъ журналовъ, онъ долженъ ни о чемъ иномъ съ женщиною говорить, какъ только о ея красотѣ; а угодность его должна заключаться въ томъ, чтобы подносить ей, во всякое время пароксизма его вѣжливости, — конфеты....

ж) Право выкупа ясно опредѣлено закономъ, какъ мною объяснено выше; къ чему же служить послѣ того 1351 ст. т. X., говорящая: «ни въ какомъ случаѣ не подлежатъ выкупу: 1) имущества благопріобрѣтенныя и 2) имущества движимыя.»

Коль скоро законъ сказалъ, что выкупу подлежатъ только имущества родовыя, то нечего упоминать объ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ. Наконецъ, сказавши ужъ о послѣднихъ, нечего было присовокуплять «имущества движимыя», такъ какъ эти имущества суть только виды понятія о благопріобрѣтенныхъ имуществахъ. Само собою разумѣется, все, что принадлежитъ роду, то принадлежитъ и виду. Такія малочисленныя подробности увеличиваютъ только объемъ Свода и запутываютъ лишь его смыслъ.

з) «Право выкупа на губерніи Черниговскую и Полтавскую не распространяется».

Мы уже доказали выше рациональность права выкупа, поэтому мы не находимъ никакихъ данныхъ, почему же Черниговскую и Полтавскую губерніи исключить изъ общаго правила. Но возразить быть можетъ, что малороссійскія наши губерніи, въ гражданскомъ законѣ, имѣютъ много различій съ общимъ нашимъ закономъ, отъ того, что у нихъ дѣйствуютъ законоположенія Литовскаго статута. Дѣйствительно, это совершенно справедливо; но здѣсь дѣло въ томъ, что вышеприведенный мною законъ вовсе не взятъ изъ Литовскаго статута: до изданія Свода Законовъ малороссійскія губерніи руководились исключительно статутомъ, и когда возникали юридическіе вопросы по *казуснымъ* дѣламъ, то они разуръшались не общимъ нашимъ закономъ, и не рациональнымъ путемъ, а простымъ правиломъ: принимать только то, что выговорено въ статутѣ.... Если же чего нибудь тамъ не было, то значило, что этого дѣлать нельзя. Подобной участи подвергся въ 1817 году и вопросъ о выкупѣ: такъ какъ въ статутѣ не было никакихъ законоположеній по этому предмету, то наше законодательство и рѣшило, что это право не должно существовать въ малороссійскихъ губерніяхъ. Но при этомъ наше законодательство не вникнуло въ духъ малороссійскаго народа: привязанность малоросса къ своему родному краю, къ своей *батьковщинѣ*, достигаетъ самого высшаго развигія: съ большими усиліями и только въ крайности разстается онъ съ своимъ роднымъ краемъ; а свою батьковщину онъ не промѣняетъ ни за какія блага. Понятіе о батьковщинѣ такъ освящено въ ихъ умахъ и сердцахъ, что оно доводится ими до крайности.

Тамъ мнѣ случалось неоднократно разбирать случаи перехода даннаго имущества въ 3 и 4-мъ колѣнѣ: внукъ продавца являлся, по малороссійскому выраженію, *править хату*, проданную ею дѣдомъ. Отвѣтчикъ объяснялъ, что отецъ яли дѣдъ его, купивши хату; перестроилъ ее вновь.... Зная, какъ велико значеніе батьковщины для малоросса и убѣдясь по опыту, что здѣсь никакіе юридическіе и справедливые доводы не помогутъ, я предоставлялъ рѣшеніе вопроса о батьковщинѣ міру или, какъ говорится по малороссійски, *громадѣ*. Рѣшеніе громады было всегда въ пользу истца. Были у меня даже такіе случаи, что являлись ко мнѣ непосредственные владѣльцы усадебъ и отказывались отъ нихъ добровольно въ пользу другихъ лицъ, на томъ основаніи, что онѣ были батьковщиной этихъ лицъ. Известно, что прежніе помѣщики не слишкомъ уважали батьковщину и тасовали крестьянамъ и ихъ усадьбами по своему усмотрѣнію. Отъ этого вышло то, что мнѣнія; раздробившись въ послѣдствіи времени, попались въ руки разнымъ помѣщикамъ, и теперь крестьянинъ моего сосѣда *правитъ*

свою батьковщину въ моемъ имѣніи, и обратно. При такомъ высокомъ понятіи малоросса о своей батьковщинѣ, мнѣ кажется, что наши общіе законы о выкупѣ были бы для него не только умѣстны, но даже необходимы, какъ насущная потребность этого народа.

II. О лицахъ, имѣющихъ право выкупа.

а) «Право выкупа принадлежитъ кровнымъ родственникамъ, которые продавцу имѣнія суть ближайшіе наследники. Оно переходитъ отъ ближнихъ родственниковъ къ дальнимъ, согласно съ правилами законнаго наследованія по линиямъ и степенямъ».

Законъ этотъ вполне рационаленъ и справедливъ; но выше я уже доказалъ всю несправедливость того постановленія, что самъ продавецъ устранился отъ выкупа. Но положимъ, что законъ хотѣлъ его покарать этимъ исключеніемъ. Почему же дѣти и внуки продавца подвергнуты этому исключенію?... По цитатамъ Свода Законовъ оказывается, что эти постановленія почерпнуты изъ Уложенія Алексѣя Михайловича. Теперь дѣло понятно: даже въ прошломъ вѣкѣ чело- вѣкъ наказывался за проступки совмѣстно съ своимъ потомствомъ. Дѣти и внуки въ настоящемъ случаѣ неминуемо должны были подвергнуться участи своего родителя. Послѣ же его смерти имъ разрѣшался выкупъ, и то въ томъ лишь случаѣ, когда имѣніе не было выкуплено другими родственниками. Если не допускать принципа кары въ законѣ, то мы рѣшительно не видимъ никакихъ оснований, ни юридическихъ, ни нравственныхъ, по которымъ бы дѣти и внуки должны были быть исключены, при жизни своего родственника, въ правѣ выкупа. Намъ кажется очень простымъ и естественнымъ, что если я разорился и продалъ свое родовое имущество, то яричѣе всего, когда дѣти мои или внуки, приобрѣвъ средства, могутъ выкупить это имущество. Въ этомъ случаѣ близость моихъ кровныхъ отношеній къ выкупающимъ мое родовое имущество, можетъ быть для меня чрезвычайно благодѣтельна: дѣти, выкупивши его, могутъ оставить меня жить въ томъ имѣніи, гдѣ я выросъ, воспитался и гдѣ похорошены лица, близкія моему сердцу. Этого-то послѣдняго утѣшенія лишаетъ меня законъ своимъ ограниченіемъ, и за что? За то, что я имѣлъ несчастье разориться и лишился на старости лѣтъ куса хлѣба... И неужели законъ могъ видѣть въ актѣ выкупа моими дѣтми или внуками моего родового имущества что-нибудь оскорбляющее мое родительское самолюбіе? Кому же ближе быть преемниками моими въ данномъ имуществѣ, какъ не моимъ потомкамъ?... Но не видѣлъ ли законъ въ этомъ дѣйствіи какого нибудь злоупотребленія? Запретивъ

продавцу воспользоваться этимъ правомъ, законъ, быть можетъ, боялся, что съ разрѣшеніемъ внукамъ и дѣтямъ его выкупать имущество, продавецъ именовъ вторыхъ будетъ дѣйствовать и такимъ образомъ рушится цѣль закона—наказать продавца. Если законодательство хотѣло связать продавца, то вѣжи его сколько угодно; выдумывай всѣ возможныя мѣры, чтобы онъ не могъ избѣгнуть кары закона: но мѣры эти должны имѣть индивидуальный характеръ, и внуки или дѣти продавца никакъ не могутъ сдѣлаться ихъ орудіемъ.

Кромѣ этого законъ говоритъ: «по смерти неотдѣленныхъ дѣтей, внуки продавца, при жизни его, не имѣютъ права выкупа». Значитъ, что *отдѣленные* дѣти имѣютъ право выкупа? Но вѣдь законъ глухо говоритъ, что *дѣти*, при жизни ихъ родителей, не имѣютъ права выкупа; поэтому сюда отнести должно дѣтей какъ отдѣленныхъ, такъ и неотдѣленныхъ. Къ тому же, запретивъ внукамъ *неотдѣленныхъ дѣтей* выкупать родовое ихъ имущество и не упоминая внуковъ *отъ дѣтей отдѣленныхъ*, законъ этотъ даетъ право послѣднимъ считать, что запрещеніе о выкупѣ на нихъ не простирается. Наконецъ обратимся къ самому понятію отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ дѣтей. Развѣ я не могу приобрести состоянія помимо моихъ родителей? Или развѣ дѣти мои не могутъ, помимо своего дѣда, приобрести состояніе собственнымъ трудомъ или по наслѣдству отъ своей матери?... И почему законъ даетъ преимущество внукамъ отдѣленныхъ дѣтей предъ внуками неотдѣленныхъ? Не отъ того ли, что первые и такъ ужъ удовлетворены, получивши часть изъ родового имущества своихъ предковъ, а вторые совершенно обижены въ настоящемъ? За что же лишать ихъ даже надежды на будущее, —надежды собственнымъ своимъ трудомъ достигнуть владѣнія родовымъ имуществомъ.

б) «Когда ближайшіе родственники, имѣющіе право выкупа, не хотятъ омымъ воспользоваться, то право сіе они могутъ передать дальнимъ родственникамъ *черезъ письменное дозволеніе на выкупъ*».

Первый вопросъ, возникающій здѣсь, есть тотъ: какую форму должно имѣть *письменное дозволеніе*, требуемое закономъ? Должно ли это дозволеніе имѣть форму письма или прошенія въ судъ, или крѣпостнаго или явочнаго акта. Правда, въ 1359 ст. есть намекъ на то, что дозволеніе должно имѣть форму письма; но во нашему мнѣнію законъ долженъ выговорить это прямо. Определительность формы здѣсь потому необходима, что она уничтожаетъ всѣ произвольныя толкованія въ судахъ по этимъ предметамъ. Самая обязанность исправивать дозволеніе не опредѣлена во времени: законъ долженъ былъ бы постановить срокъ, въ какой дальнѣйшій родственникъ обязанъ ожидать отъ ближайшаго наслѣдника продавца разрѣшенія на выкупъ; и если отъ послѣдняго разрѣшенія не послѣдуетъ и онъ къ выкупу самъ не при-

стунить, то дальнѣйшему родственнику должно быть разрѣшено право выкупа. При настоящемъ же порядкѣ можетъ сдѣлаться слѣдующее: ближайшій родственникъ или не въ состояніи, или не желаетъ выкупа родового имущества, и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ дозволенія дальнѣйшему выкупить родовое имущество; а между тѣмъ проходитъ срокъ выкупа и послѣдній терлетъ невозвратно свое право.

в) «Ближайшіе родственники, неимѣющіе права выкупа при живыхъ продавцахъ, какъ то: дѣти и внуки, не могутъ давать дозволенія на выкупъ; право сего дозволенія принадлежитъ ближайшимъ по нимъ родственникамъ».

Этотъ законъ совершенно излишне введенъ въ Сводъ: коль скоро внуки и дѣти продавца не имѣютъ права выкупа при его жизни, то само собою разумѣется, что дальнѣйшіе родственники не обязаны спрашивать ихъ разрѣшенія на выкупъ.

г) «Изъ родственниковъ, равно близкихъ къ продавцу, каждый имѣетъ право на выкупъ всего имѣнія безъ позволенныхъ писемъ отъ прочихъ; но сіи послѣдніе могутъ выкупать отъ него слѣдующія имъ части».

Законодательство наше опредѣляетъ, что если данныя лица отстоятъ въ родствѣ одинаково отъ извѣстнаго лица, то они пользуются одинаковымъ же участіемъ въ наслѣдствѣ. Послѣ этого, само собою разумѣется, что эти права должны въ такой же степени простираются и на выкупъ: такъ какъ законъ выговорилъ, что право выкупа опредѣляется степенью близости родства по общему закону. За тѣмъ нужно ли, чтобы законъ еще объяснялъ, что равно близкіе родственники имѣютъ одинаковое участіе въ выкупѣ?... Мы понимаемъ также и то, почему каждый изъ одинаково близкихъ родственниковъ имѣетъ право выкупа *всего имѣнія*, безъ позволенныхъ писемъ отъ прочихъ: въ этомъ случаѣ законъ подразумеваетъ, что еслибы другіе родственники хотѣли воспользоваться своимъ правомъ, то они приступили бы также къ выкупу и что молчаніе ихъ означаетъ одобреніе дѣйствій родственника. Притомъ же въ подобномъ выкупѣ они гарантированы тѣмъ, что во всякое время они могутъ выкупить свои доли. Впрочемъ, послѣднее постановленіе мы находимъ несправедливымъ: для того, чтобы совершить данный выкупъ, на это 1) постановленъ извѣстный срокъ; 2) я долженъ внести сполна выкупную сумму, которая отправляется въ приказъ общественнаго призрѣнія впредь до рѣшенія дѣла; 3) я долженъ вести процессъ съ откупщикомъ, который иногда бываетъ нескончаемъ. И, наконецъ, достигнувши выкупа, послѣ большихъ усилій и пожертвованій, я долженъ уступить своимъ родственникамъ доли изъ выкупленнаго мною имущества; и при этомъ даже не опредѣленъ срокъ, въ какой родственники мои могутъ начать дѣло.

Я полагаю, что справедливѣе бы было постановить, что тѣ только изъ родственниковъ равно близкихъ къ продавцу имѣютъ право на выкупъ, которые не только заявили свои права въ судѣ, но и представили туда то количество денегъ, которое причитывается на ихъ долю.

д) «Лица женскаго пола, чрезъ замужество и перемѣну фамиліи, не теряютъ права на выкупъ имущества, вышедшихъ изъ ихъ рода, и родственники по женскому колѣну, на томъ же самомъ основаніи, допускаются къ выкупу, какъ и родственники по мужскому колѣну».

«Родственники допускаются къ выкупу безъ различія *лѣтъ и возраста*».

«Къ выкупу не могутъ быть допущены монашествующіе и лица, лишенныя по суду *всѣхъ правъ состоянія*». (*)

Всѣ эти три статьи, по моему мнѣнію, совершенно лишній балластъ въ Сводѣ Законовъ.

Женщина чрезъ замужество не теряетъ никакихъ наследственныхъ имущественныхъ правъ; поэтому она сохраняетъ свои права и при выкупѣ; то же самое должно сказать и относительно ея потомства.

Лѣта и возрастъ суть синонимы: почему же законъ упомянулъ и то и другое? Притомъ развѣ наследственные имущественныя права ограничиваются возрастомъ человѣка? Во всемъ нашемъ законодательствѣ нѣтъ ни одного подобнаго постановленія; поэтому и относительно выкупа совершенно излишне законъ нашъ упоминаетъ о возрастѣ.

По общему закону монашествующіе, отрекшись отъ міра, теряютъ всѣ имущественныя права. Къ чему же упомянуть ихъ при выкупѣ? То же самое можно сказать и о лицахъ лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія: они считаются политически умершими; слѣдовательно, они, теряя всѣ гражданскія права, не могутъ ужъ пользоваться и правомъ выкупа.

Мы находимъ, что въ обоихъ этихъ случаяхъ такъ же излишне упомянуть этихъ лицъ, какъ и умершихъ. Смѣшно бы было, если бы законъ сказалъ: *люди умершіе* не имѣютъ права выкупа.

е) «Родственники, которые, вмѣсто продавцевъ, къ купчимъ или при запискѣ въ крѣпостныхъ книгахъ руки приложили, или же въ свидѣтельствѣ подписались, теряютъ право выкупа».

Прошу опредѣлить, на какихъ разумныхъ основаніяхъ возникъ этотъ законъ?... Въ то время, когда мой родственникъ продавалъ свое имѣніе, я могъ не имѣть денегъ; только впоследствии, приобрѣвши

(*) Ст. 1330, 1361, 1363, пун. 1. Т. X, к. 1, изд. 1867.

средства, я могъ приступить къ выкупу. Следовательно, если бы я даже не былъ тогда ни повѣреннымъ продавца, ни его свидѣтелемъ, я все-таки не могъ приступить къ выкупу въ то время, когда онъ совершалъ купчую. Что же, спрашивается, мѣшало мнѣ въ это время оказать ему услугу и сдѣлать доброе дѣло.—быть его повѣреннымъ или свидѣтелемъ; и за мою же доброту я долженъ быть наказанъ: потерять право на выкупъ!... Наказаніе это незаслуженное и вполнѣ несправедливое; оно на практикѣ очень часто имѣетъ самое вредное вліяніе на семейную жизнь. Положимъ, дядя мой сильно боленъ и дѣла его такъ запутаны, что только продажа его имущества можетъ его спасти отъ совершеннаго разоренія, потери кредита и банкротства. Имѣніе нужно продать; а онъ боленъ и не можетъ ѣхать въ палату для совершенія купчей; у него нѣтъ ни одного лица, кому бы онъ могъ поручить это дѣло, кромѣ меня. Я же, съ своей стороны, имѣя право выкупа и надѣясь имъ воспользоваться, только не сейчасъ, а въ установленный срокъ, поставленъ въ такое положеніе, что 1) или долженъ отказать дядѣ въ услугѣ и видѣть его крайнее разореніе; 2) или же, приравнявъ на себя продажу его имущества, потерять право на выкупъ.... Какія же нравственныя, политическія или юридическія основанія имѣетъ въ виду законъ, чтобы быть вправѣ поставить меня и моего дядю въ подобное положеніе?...

III. О СРОКѢ И ЦѢНѢ ВЫКУПА.

а) *Срокъ* выкупа назначенъ трехлѣтній, со дня выдачи покупщику купчей крѣпости. Срокъ этотъ вполнѣ рационаленъ: право выкупа есть дѣло гуманное; но если цѣль хороша, то и средства къ ея достиженію должны имѣть подобный же характеръ. Если бы законъ установилъ слишкомъ краткій срокъ, тогда родственники продавца могли бы лишиться своего права по многимъ причинамъ: 1) по недостатку въ данное время средствъ; 2) будучи въ отсутствіи во время продажи, они могутъ и не знать объ ней; 3) хотя о продажѣ и публикуется въ вѣдомостяхъ губернскихъ и сенатскихъ, но никто ихъ не читаетъ; подобная публикація—очень плохая гласность.

Если бы, обратно, во вниманіе къ этимъ обстоятельствамъ, былъ назначенъ очень длинный срокъ, то отъ этого страдало бы государственное хозяйство: покупщики, имѣя въ виду законъ о выкупѣ, истощали бы почву земли, разоряли бы имѣнія и дома, имѣя въ виду, что во всякомъ случаѣ они получатъ ту цѣну, какая обозначена въ купчей.

Въ силу этого, закону оставалось избирать такой срокъ, который бы удовлетворялъ всѣмъ сторонамъ: этотъ срокъ есть 3-хлѣтній. И въ самомъ дѣлѣ: въ этотъ срокъ можно допустить, что я могу узнать о продажѣ и собраться съ средствами; покупщикъ же въ 3 года не можетъ ни разорить до тла постройки, ни истощить совершенно земли.

Но съ однимъ я несогласенъ въ законѣ о 3-хлѣтнемъ срокѣ: ст. 1356, т. X, запрещаетъ дѣтямъ и внукамъ неотдѣленныхъ дѣтей, при жизни продавца, выкупать имущество родовое; послѣ же смерти его они допускаются къ выкупу, но только до истеченія трехлѣтняго срока, послѣ совершенія купчей крѣпости. Это постановленіе не имѣетъ ужь достаточныхъ оснований: дѣти и внуки неотдѣленныхъ дѣтей и такъ обижены тѣмъ, что они лишены, за жизнь продавца, права выкупа, такъ какъ продавецъ можетъ прожить послѣ продажи родового имущества еще много лѣтъ. А тутъ еще законъ выговорилъ непремѣннымъ условіемъ права выкупа: чтобы продавецъ померъ до истеченія 3 лѣтняго срока, по совершеніи имъ купчей крѣпости.

б) «Кто, оспаривая самый актъ, по которому имѣніе перешло въ нужной родъ, пропустить срокъ выкупа, тотъ лишается сего права (*)».

Намъ изъ юридической практики очень хорошо извѣстно, что иногда можно въ данномъ дѣлѣ по совѣсти быть совершенно правымъ, а по закону — виновнымъ; иногда мы лишаемся извѣстнаго права вслѣдствіе несоблюденія требуемыхъ закономъ формальностей или недостатка уликъ въ процессѣ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы я, по совѣсти, не былъ правъ. Такъ можетъ случиться, что родственникъ мой былъ въ помѣшательствѣ ума; посторонніе люди воспользовались этимъ и совершили отъ имени его купчую крѣпость на его родовое имѣніе; вслѣдъ за этимъ родственникъ мой умираетъ. Узнавъ объ этомъ, я начинаю процессъ съ покупщикомъ и доказываю недействительность и безденежность купчей крѣпости. Хорошо, если у меня есть такія сильныя юридическія доказательства, по которымъ я могу опровергнуть купчую; а если мои противники умудрились какимъ нибудь образомъ или подкупить свидѣтелей безумія моего родственника, или сдѣлать ихъ прикосновенными лицами къ дѣлу, — то какимъ образомъ я докажу дѣйствительность факта?... А между тѣмъ нельзя же сказать, чтобы фактъ этотъ дѣйствительно не существовалъ. Притомъ очень часто начинаются уголовныя дѣла по пустымъ, ничтожнымъ уликамъ со стороны истца; а само слѣдствіе въ своемъ теченіи нерѣдко открываетъ совершенныя доказательства. И обратно: очень часто, кажущіеся неопровержимые, юридическіе

(*) Ст. 1366, т. X, к. I.

аргументы, представляемые доносчиками или истцомъ, разбиваются отвѣтками въ пухъ и прахъ. Какъ же послѣ этого не начинать мнѣ процесса? И какъ можетъ требовать законъ, чтобы я внесъ въ 3-хлѣтній срокъ деньги покупщику, когда мнѣ достоверно извѣстно, что купчая фальшивая и когда совѣсть мнѣ твердитъ, что я могу процессъ выплатить.... И чѣмъ же я буду обезпеченъ въ своемъ процессѣ, когда я внесу продавцу деньги за оспориваемое мною имущество и онъ промотаетъ эти деньги, или же пуститъ ихъ въ оборотъ и потеряетъ ихъ? Или умирая передастъ ихъ частно какому нибудь лицу, или просто, взявши деньги, бѣжить за границу?... А если я по такимъ важнымъ причинамъ не хочу продавцу дать денегъ, то законъ лишаетъ меня права выкупа, когда я терю процессъ.... Мнѣ кажется, что потери процесса, стоившаго мнѣ трудовъ и издержекъ, есть уже достаточное наказаніе для меня: чего же еще хочетъ законъ?...

в) «Желаящій выкупить родовое имѣніе обязанъ уплатить: 1) цѣну проданнаго имѣнія; 2) издержки, употребленныя покупщиками на поддержаніе и улучшеніе имѣнія, по оцѣнкѣ; 3) наконецъ крѣпостныхъ пошлины».

Законъ этотъ справедливъ и разуменъ, но одностороненъ: все здѣсь въ пользу покупщика и ничего въ немъ нѣтъ въ пользу лица выкупающаго; правосудіе же есть обоюдоострый мечъ. Я предлагаю вопросъ: а если покупщикъ разоритъ имѣніе? Не долженъ ли онъ его привести въ тотъ видъ, въ какомъ онъ его купилъ? Въ родовомъ имѣніи могутъ быть фабрики и заводы, которые покупщикъ разоритъ; могутъ быть дѣла, которые онъ истребитъ, и т. д. Не справедливѣе ли было бы сказать: что обѣ стороны, по осмотру имѣнія, должны быть удовлетворены. Дѣйствительно ст. 1372, т. X, говоритъ: «выкупившій имущество можетъ требовать, чтобы оное было отдано ему *въ цѣлости*». Но выраженіе *въ цѣлости* слишкомъ неопредѣлительно, въ немъ можно подразумѣвать «имущество въ полномъ его составѣ». Напримеръ: я принялъ одну десятину земли; по смыслу закона я долженъ отдать эту же самую десятину. Но дѣло въ томъ, что при дурномъ, нераціональномъ хозяйствѣ, я могу довести землю до нуля дохода. Поэтому не лучше ли было бы сказать, вмѣсто выраженія «въ цѣлости» — въ такомъ видѣ, какъ оно было принято покупщикомъ». Выраженіе *въ цѣлости* подразумѣваетъ ломкость — свойство движимостей; а недвижимость можетъ быть разорена и безъ ломкости.

г) «Взноsimыя на выкупъ деньги отсылаются, до окончанія дѣла о выкупѣ, въ приказъ общественнаго призрѣнія, для храненія и обращенія изъ процентонъ, на правилахъ о судебныхъ издержкахъ».

Этотъ законъ дѣлаетъ выкупъ почти невозможнымъ; выкупъ допускается только тогда, когда имѣніе продано по купчимъ крѣпостямъ,

или, другими словами, по добровольной цѣнѣ. Въ рѣдкихъ случаяхъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, имѣнія продаются за безцѣнокъ; по большей части по купчимъ крѣпостямъ берется дѣйствительная стоимость имущества въ данное время. Такимъ образомъ, я при выкупѣ родового имущества не имѣю никакихъ матеріальныхъ выгодъ; всѣ онѣ чисто нравственныя. А между тѣмъ я долженъ внести значительный капиталъ въ приказъ, и нести расходы на веденіе процесса, который, подлежа вотчинному порядку, будетъ тянуться безконечно. И въ чемъ заключается мысль закона, когда онъ велитъ внести, въ началѣ процесса, сполна всю стоимость выкупаемаго имущества?... Если цѣль закона какъ можно болѣе затруднить выкупъ, то можно сказать, что скачка съ препятствіями хороша только въ гипподромѣ.... Справедливѣе, мнѣ кажется, было бы постановить, что по окончательномъ рѣшеніи дѣла о выкупѣ, если истецъ не внесетъ въ течение полугода денегъ, то онъ невозвратно теритъ право выкупа. Здѣсь полугодовой срокъ нуженъ потому, что рѣшеніе въ данное время процесса зависить не отъ него; поэтому законъ долженъ ему дать время приготовиться къ выкупу. Въ нынѣшнее коммерческое время, когда деньги не прячутся въ сундуки и идутъ въ оборотъ, можетъ случиться недостатокъ въ нихъ въ данное время и у миллионеровъ....

IV. ЗАКЛЮЧЕНІЕ О ВЫКУПѢ.

Право выкупа — учрежденіе гуманное; но къ прискорбію, самыя сватыя начала нашихъ учрежденій въ проявленіи своемъ оказываются несостоятельными. Право выкупа у насъ становится чистѣйшимъ миеомъ и только обременяетъ излишне Сводъ Законовъ своими 28-ю статьями: всѣ ограниченія общихъ правилъ оказываются не только безъ основаній, но уничтожаютъ самую идею о выкупѣ. Кромѣ этого сама процедура, съ которою сопровождается осуществленіе этого права, такъ мало удобоисполнима, что самый рьяный поборникъ родового имущества придетъ въ ужасъ при одной мысли начать процессъ по такому имуществу, такъ-называемымъ вотчиннымъ порядкомъ или, другими словами, апелляціонной тяжбой, которая безконечна!... Заберите справки въ судебныхъ мѣстахъ и вы убѣдитесь, много ли процессовъ въ Россіи возникаетъ на основаніи этихъ законовъ?... Я могу вамъ положительнѣе сказать, что въ сравненіи съ другими дѣлами этого рода тяжбы могутъ назваться чистѣйшимъ нулемъ. Послѣ этого желательно бы было, чтобы это учрежденіе было подвергнуто критическому анализу, соотвѣтственно моимъ замѣчаніямъ, дабы дать ему направленіе, сообразное его назначенію. Моё

крайнее мнѣніе по этому предмету то, что кромѣ вышеприведенныхъ мною измѣненій въ законѣ, слѣдуетъ еще упростить самую процедуру выкупа: вмѣсто вотчиннаго порядка, слѣдовало бы дать ему характеръ частныхъ производствъ. Практика наша сдѣлала ужь это для дѣлъ по утвержденію судебными мѣстами правъ наследованія; это же самое законодательство должно бы было сдѣлать для выкупа. Только съ частнымъ дѣлопроизводствомъ возможна идея о выкупѣ; простой и несложной формой, процессъ пройдетъ всѣ степени суда въ два-три года, и истецъ не будетъ вынужденъ тягаться десятки лѣтъ, дабы достигнуть, за собственные свои деньги, владѣнія его же родовымъ имуществомъ.

ГЛАВА III.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ЗАКОНОМЪ РОДОВЫХЪ И БЛАГОПРІОБРѢТЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

Имущество благопріобрѣтенное можетъ быть опредѣлено очень вѣрно слѣдующими словами: «благопріобрѣтеннымъ называется такое имущество, которое *впервые* поступило къ одному или многимъ лицамъ въ данномъ родѣ, по какимъ бы то ни было актамъ укрѣпленія». При такомъ опредѣленіи нѣтъ надобности, какъ это дѣлаетъ законъ, вычислять всѣ данные случаи перехода имущества изъ одного рода въ другой.

а) Законъ говоритъ: «благопріобрѣтеннымъ имуществомъ считается: 1) выслуженное и всемилоствѣйше пожалованное; 2) доставшееся покупкою, дарственной записью или другимъ какимъ либо укрѣпленіемъ изъ чужаго рода; 3) *купленное отцомъ у сына, коему досталось оно отъ матери*; 4) *имущество хотя и родовое, но которое владѣльцемъ было продано чужеродцу и послѣ отъ чужеродца обратно куплено*; 5) *имущество, купленное отъ родственника, у котораго оно было благопріобрѣтеннымъ*; 6) имущество полученное на указную часть однимъ изъ супруговъ, по смерти другаго; 7) имущество собственнымъ трудомъ и промысломъ нажитое (*)».

Это опредѣленіе очень длинно, не исчерпываетъ всѣхъ данныхъ случаевъ; притомъ его пункты 3, 4, 5-й не подходятъ подъ мое опредѣленіе; причины тому слѣдующія:

1) Почему считаетъ законъ такое имущество благопріобрѣтеннымъ, которое отецъ покупаетъ у сына, которое досталось наслед-

(*) Т. X. ст. 397. К. I.

нику отъ матери? Отецъ и сынъ два лица, связанные кровными узамъ, и что въ отношеніи къ сыну считается родовымъ, то должно считаться и въ отношеніи къ его отцу. Отецъ и сынъ составляютъ понятіе о родѣ; поэтому, что принадлежитъ одному члену даннаго рода, то есть принадлежность и другихъ членовъ.

Наше законодательство имѣло въ виду сдѣлать имущество супруговъ по возможности самостоятельнѣе; вотъ почему оно выговорило, что супруги совершенно самостоятельно владѣютъ, пользуются и распоряжаются своимъ родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Это гражданское начало превосходно; но нечего было его доводить до крайностей; относись оно непосредственно къ супругамъ, это учрежденіе—лучшее выраженіе гражданственности; но какъ только законъ простираетъ его и на потомство, то онъ, во-первыхъ, впадаетъ въ противорѣчіе самому себѣ; во-вторыхъ, устанавливаетъ юридическую несообразность.

Для обозначенія правъ наслѣдства, законъ опредѣляетъ родъ слѣдующимъ образомъ:

«Родъ или родство кровное есть связь всѣхъ членовъ мужскаго и женскаго пола, отъ одного общаго родоначальника происходящихъ, хотя оныя и не носятъ его имени или прозванія (*)».

Родовое имущество опредѣляется такъ:

«Родовыя имущества суть: всѣ имущества, дошедшія по праву законнаго наслѣдованія» (**).

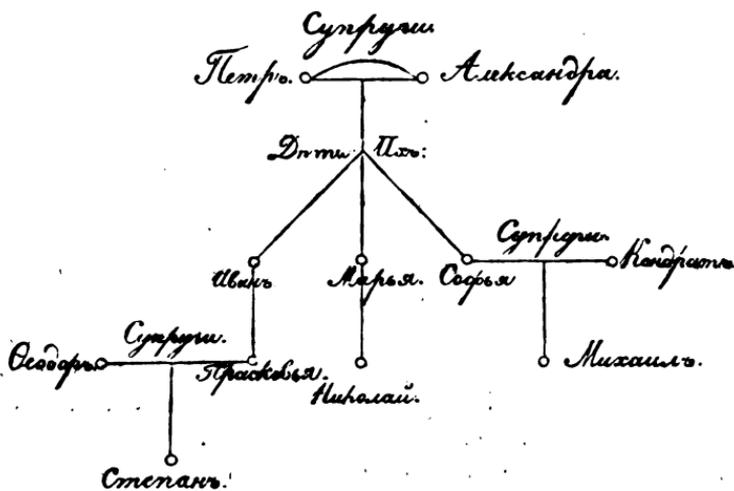
По смыслу этихъ двухъ законовъ, имущество, доставшееся сыну отъ матери, есть его родовое имущество, и если бы оно отъ него перешло къ его отцу, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ сдѣлаться относительно его имуществомъ благопріобрѣтеннымъ. Хотя законъ говоритъ, что подобное имущество становится благопріобрѣтеннымъ только относительно отца; но мы находимъ, что данное право, относясь къ отцу, есть принадлежность и сына. Сдѣлавшись благопріобрѣтеннымъ, имущество можетъ быть завѣщано отцомъ, по его усмотрѣнію, и сынъ, отъ котораго досталось имущество отцу, можетъ быть устраненъ отъ наслѣдованія; слѣдовательно здѣсь право простирается одинаково на обоихъ: права отца относительно имущества расширяются, а сына—уменьшаются. Вотъ почему и мы считаемъ, что въ подобномъ случаѣ имущество, перешедшее отъ сына къ отцу, становится и для перваго благопріобрѣтеннымъ, такъ какъ оно подчиняется ужь законамъ объ имуществахъ благопріобрѣтенныхъ. Мы же находимъ это нелогичнымъ: почему имущество чрезъ одно форму-

(*) Ст. 1442. Т. X. к. I. изд. 1857.

(**) Тамъ же, ст. 399.

лированіе правъ владѣнія можетъ измѣнить свое свойство, и если законъ признаетъ родовымъ имущество, которое даже по куплѣ перешло отъ одного родственника къ другому (когда только это имущество было у послѣднихъ родовымъ), — то тѣмъ болѣе должно быть признано такимъ имущество, отошедшее отъ сына къ отцу, такъ какъ они тѣснѣйшіе члены одного и того рода. Къ тому же, самый законъ возбуждаетъ много и другихъ вопросовъ: 1) какъ же считать имущество, купленное матерью у сына, которому досталось оно отъ отца? 2) Куда отнести имущество, купленное дѣдами и бабками отъ внуковъ, которымъ досталось это имущество отъ родителей, или дядей, или братьевъ, или иныхъ близкихъ родственниковъ? 3) А дочери и внучки развѣ не могутъ имѣть имущества, которое можетъ перейти къ нимъ восходящимъ родственникамъ? 4) Какъ считать имущество, перешедшее отъ племянниковъ и племянницъ къ дядямъ и теткамъ? 5) Наконецъ въ законѣ говорится только объ имуществѣ, купленномъ у сына отцомъ; а о другихъ родахъ приобрѣтенія ничего не сказано.

Дѣйствительно, законъ выговорилъ, что имущества, доставшіяся по купчимъ крѣпостямъ отъ родственниковъ, коимъ они дошли по наслѣдству изъ *того же рода* — суть родовыя; но 1) выговоривъ, что имущество, купленное отцомъ у сына, не есть родовое, законъ впалъ въ противорѣчіе самому себѣ и вызвалъ этимъ всѣ предложенныя мною вопросы; 2) слова: «изъ *того же рода*» окончательно запутали вопросъ; понятіе о родѣ никакъ не можетъ имѣть смысла замкнутаго, такъ какъ многіе роды могутъ имѣть тѣсную связь между собою. Представимъ примѣръ:

Здѣсь ясно, что Степанъ, Николай и Михаилъ имѣютъ однихъ родоначальниковъ: Петра и Александру. Теперь опредѣлимъ родовое ихъ

имуущество: 1) когда имуущество досталось Ивану, Марьи и Софьи отъ ихъ родителей, то ясно, что это имуущество будетъ родовымъ, по смыслу закона, относительно Степана, Николая и Михаила. 2) Но если Софья и Кондрать имѣли благопріобрѣтенное имуущество и передали его по наслѣдству Михаилу, а отъ этого послѣдняго оно было куплено пріобрѣтено Степаномъ, то какъ вы его назовете? Относительно Степана должно считаться только то имуущество родовымъ, которое идетъ отъ Петра и Александры.... Если бы Михаилъ былъ только связанъ родствомъ по линіи своей матери, Софьи, тогда другое дѣло; но такъ какъ онъ имѣетъ еще близкихъ родственниковъ по отцу, Кондрату, то рождается вопросъ: можно ли это имуущество считать родовымъ, когда есть ближайшіе наслѣдники Михаила, по отцу его? А между тѣмъ по смыслу закона, что родъ есть связь лицъ, происходящихъ отъ одного общаго родоначальника, — имуущество, хотя бы оно было благопріобрѣтено Софьею или Кондратомъ, но коль скоро оно перешло по законному наслѣдованію къ Михаилу, — то относительно другихъ его родственниковъ, происходящихъ отъ Петра и Александры, оно есть родовое. Вотъ почему я и полагаю, что самое опредѣленіе родовыхъ имуществъ должно быть измѣнено, какъ это мы ниже увидимъ, во вниманіе къ тому, что роды сильно комбинируются замужествомъ и женитьбой.

II) «Имуущество, купленное отъ родственника, у котораго оно было благопріобрѣтеннымъ, — есть благопріобрѣтенное.»

Выше мы видѣли, что имуущество купленное отцомъ у сына, хотя бы оно было родовое послѣдняго, считается относительно перваго благопріобрѣтеннымъ. Значитъ, если сынъ обратно купитъ это имуущество у отца, то оно, по смыслу закона, становится и его благопріобрѣтеннымъ. Какимъ образомъ, спрашивается, можетъ имуущество потерять свое свойство чрезъ одну только формальность?... Мы несогласны ни съ этимъ закономъ, ни съ постановленіемъ, «что благопріобрѣтеннымъ должно считаться имуущество, *хотя и родовое*, во которое владѣльцемъ было продано чужеродцу и послѣ отъ чужеродца *обратно куплено*». Въ этомъ законѣ: а) не было говорено, какъ обратно куплено: самимъ ли продавцомъ или его родственникомъ? б) этотъ законъ окончательно уничтожаетъ самое понятіе о родовыхъ имуществвахъ; у меня можетъ быть большое родовое имѣніе, которое находится въ моемъ родѣ въ теченіе двухъ и болѣе вѣковъ, и если я хочу избѣгнуть закона о родовыхъ имуществвахъ, то есть дарить и завѣщать его по своему усмотрѣнію; то я исполняю только слѣдующія формальности: совершаю купчую на имя чужеродца и спустя нѣсколько дней дѣлаю отъ него на мое имя купчую крѣпость. Такимъ образомъ китайская церемонія совершилась: родовое иму-

щество перемешено въ благопріобрѣтенное... При нашемъ постановленіи; что имущества супруговъ совершенно самостоятельны и что имущество, доставшееся отъ сына къ отцу, есть благопріобрѣтенное послѣдняго, — превратить имущество родовое въ благопріобрѣтенное очень просто: стоить только, чтобы эти лица употребили два обряда совершенія купчихъ, и что въ родѣ магометанскихъ омовеній, и дѣло уладилось — родовое мое имущество сдѣлалось благопріобрѣтеннымъ.

Но этимъ даннымъ мы приходимъ къ тому заключенію, что имущество благопріобрѣтенное могло бы быть опредѣлено справедливо и точно слѣдующимъ образомъ: «имущество, поступившее въ первый разъ въ данный родъ по какому то ни было акту укрѣпленія есть благопріобрѣтенное». Наше законодательство не придавало такого обширнаго значенія имуществу родовому, потому что оно подлежало ограниченію, относительно завѣщанія и даренія; но я доказалъ выше всю неосновательность этого ограниченія, и такъ какъ я допускаю для родового имущества только право выкупа, то это право будетъ вполне согласно съ моимъ опредѣленіемъ благопріобрѣтеннаго имущества.

б) Опредѣленіе мною имуществъ благопріобрѣтенныхъ вполне обозначило характеръ имуществъ родовыхъ: «имущества, перешедшія отъ одного члена даннаго рода къ другому по наслѣдству или по какому бы то ни было акту укрѣпленія, если только эти имущества достались первому по наслѣдству, — суть родовыя».

Длиннѣе и не такъ полно опредѣляетъ эти имущества законъ.

«Имущества родовыя суть: 1) всѣ имущества, дошедшія *по праву законнаго наслѣдованія*; 2) имущества, дошедшія отъ перваго ихъ пріобрѣтателя, хотя и *по духовному завѣщанію*, но къ такому родственному лицу, которое имѣло бы по закону право наслѣдованія; 3) имущества, доставшіяся по *купчимъ крѣпостямъ* отъ родственниковъ, коимъ дошли по наслѣдству изъ того же рода и наконецъ 4) родовымъ имѣніемъ должны быть почитаемы всякого рода зданія и постройки, возведенныя владѣльцемъ въ селеніи или городѣ, на землѣ, дошедшей къ нему по наслѣдству».

1) Изъ этого закона видно, что онъ тѣснѣе въ опредѣленіи, нежели мое; въ немъ не выговорены другіе акты пріобрѣтенія: дареніе, мѣна и т. д.

2) Вместе съ этимъ совершенно нераціонально введены въ законъ постановленія о зданіяхъ и постройкахъ. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ могутъ сдѣлаться фабрики и заводы и другія хозяйственныя постройки родовыми, единственно потому, что они заняли нѣсколько квадратныхъ саженей земли въ имѣніи. Въ городахъ, гдѣ земля цѣнится почти въ половину стоимости самихъ построекъ, тамъ

этотъ законъ можетъ имѣть кое-какой смыслъ; въ деревняхъ же, гдѣ десятина земли доходитъ, въ самыхъ лучшихъ мѣстахъ, не свыше 50 руб. сер., тамъ этотъ законъ въ высшей степени несправедливъ и стѣснительнъ. Помѣщикъ-капиталистъ, имѣя, положимъ, одну дочь и одного сына, не можетъ употребить свой капиталъ на возведеніе значительныхъ построекъ, заводовъ или фабрикъ, въ своемъ родовомъ имуществѣ, изъ опасенія, что дочери онъ можетъ только завѣщать $\frac{1}{14}$ часть этого имущества. А если у него нисходящихъ нѣтъ, то жена его получитъ только $\frac{1}{7}$ часть, остальное же отойдетъ къ дальнимъ его родственникамъ.

б) Въ малороссійскихъ губерніяхъ признаются родовыми только имущества, приобретенныя кѣмъ либо по праву законнаго наследованія» (*).

Законъ не признаетъ тѣ имущества родовыми, которыя перешли отъ одного родственника къ другому, по иному акту укрѣпленія; но выше я ужъ говорилъ, какъ важно для малороссіянъ значеніе ихъ *батькощинны*; а потому мы полагаемъ, что и къ нимъ можно бы было примѣнить общій законъ имперіи: это будетъ не нарушеніе правъ этого народа, а напротивъ того — восстановленіе.

II. Имущества раздѣльные и нераздѣльные.

«Недвижимыя имущества, когда они могутъ быть раздѣлены на особыя части такимъ образомъ, что каждая можетъ составлять отдѣльное владѣніе, именуется раздѣльными; когда же они, по существу ихъ, или по закону, не могутъ подлежать такому раздробленію, то называются—нераздѣльными» (**).

Мы понимаемъ смыслъ этого закона: многія имущества, при раздробленіи, теряютъ все свое значеніе; вслѣдствіе этого, при несогласіи наследниковъ по предмету владѣнія такими имуществами, они всѣ могутъ быть разорены и общество потеряетъ тѣ выгоды, какія имѣлись отъ нихъ. По этимъ причинамъ и политическая экономія и право должны признать тѣ имущества нераздѣльными, которыя, по выраженію закона, по существу своему, не могутъ быть раздроблены.

Теперь подлежитъ рѣшенію вопросъ: какія же имущества должны быть признаваемы нераздѣльными и какія раздѣльными?

Наше законодательство признаетъ только недвижимыя имущества—нераздѣльными; мы же находимъ, что и движимыя имущества могутъ быть такими. Какъ вы раздѣлите одну вещь, имѣющую боль-

(*) Ст. 400, т. X. Кв. 1.

(**) Тамъ же, ст. 393.

ную или меньшую цѣнность, по своему существу или по своему отношенію къ предметамъ нашимъ? Такъ, напримѣръ: раздѣлу можетъ подлежать драгоценная вещь, древняя утварь, картина, икона, рукопись, книга, животное и множество другихъ предметовъ, вся цѣнность которыхъ заключается въ цѣльности, оригинальности и тому подобномъ. Такія вещи раздѣлу подлежатъ не могутъ безъ потери всего своего достоинства; поэтому законодательство должно было отнести ихъ къ составу имущества нераздѣльныхъ.

Но вполне ли законъ разуменъ въ опредѣленіи своемъ нераздѣльныхъ имущества?

«Къ имуществамъ, говоритъ онъ, нераздѣльнымъ по закону принадлежатъ: 1) фабрика, заводъ, лавка; 2) принадлежащіе государственнымъ крестьянамъ, водвореннымъ на собственныхъ земляхъ, участки земли, не болѣе 8 десятинъ содержащіе; 3) аренды; 4) золотосодержащіе пріиски, отводимые частнымъ лицамъ на казенныхъ земляхъ для одной лишь разработки; 5) имѣнія майоратныя въ западныхъ губерніяхъ; 6) участки, отводимые по высочайшимъ повелѣніямъ малоимущимъ дворянамъ для поселенія; 7) дворы причисляются къ нераздѣльнымъ имуществамъ; но обывателямъ городовъ дозволено раздѣлять обширныя мѣста и дворы на части для продажи» (*).

1) Фабрика и заводъ не могутъ быть раздѣлены и законъ совершенно справедливо отнесъ ихъ къ имуществамъ нераздѣльнымъ, такъ какъ съ раздробленіемъ механизма этихъ заведеній и другихъ принадлежностей ихъ, неминуемо должны бы были уничтожиться и сами заведенія. Но вѣстѣ съ тѣмъ законъ долженъ былъ бы допустить, чтобы, по желанію сонаслѣдниковъ, подобныя имущества оставались въ общемъ ихъ владѣніи на правахъ товарищества. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ будетъ еще говорено мною въ статьѣ о раздѣлѣ наслѣдства.

2) Почему лавка отнесена къ имуществу нераздѣльному? Развѣ она не можетъ быть такъ обширна, что можетъ удобно раздѣлиться между сонаслѣдниками? Намъ кажется, что этотъ законъ даже есть ошибка политико-экономическая и финансовая. Чѣмъ больше торговцевъ, тѣмъ больше конкуренція въ данномъ промыслѣ. Не каждый же можетъ имѣть столько средствъ, чтобы построить себѣ лавку. Въ торговлѣ также играетъ важную роль данное мѣсто. Напримѣръ: если мой отецъ и дѣдъ торговали въ извѣстномъ мѣстѣ, на Невскомъ проспектѣ; или въ Большой Морской, то естественно, что съ лавкою соединимъ услѣхъ самой торговли. Если бы она была раз-

(*) Т. X. Кн. 1, ст. 394.

дѣлена по поламъ, то два брата могли бы непосредственно производить торговлю въ ней, или же вынуждены бы были соединиться въ товарищество. А то съ отдачею старшему брату лавки, ему отдается этимъ и торговая фирма. Успѣхъ торговли въ такой тѣсной связи съ даннымъ мѣстомъ, что вы часто увидите, что торговые дома банкротятся или богатѣютъ отъ болѣе или менѣе выгоднаго положенія ихъ магазина. Наконецъ я долженъ еще сказать, что въ финансовомъ отношеніи признакіе лавки нераздѣльною есть погрѣшность: извѣстно, что только гильдейцы имѣютъ право владѣть лавками *съ рьдагъ*. Поэтому признавши лавку раздѣльною, города приобрѣтутъ большіе гильдейцевъ.

3) Аренды даются у насъ за служебныя заслуги, на опредѣленное число лѣтъ; — такія имущества признаны нераздѣльными. Что же остается наследникамъ такихъ имуществъ? Одно только общее нераздѣльное владѣніе. Но извѣстно, какъ трудно хозяйничать многимъ лицамъ вмѣстѣ: здѣсь постоянное столкновение разнохарактерныхъ интересовъ, сопровождающихся ссорами и дразнами. При такой обстановкѣ нельзя и ждать, чтобы хозяйство шло порядочно, чтобы плоды были благодѣтельны для общества. Если бы аренды были, по своему составу, такъ незначительны, что хозяйство могло бы страдать отъ его раздробленія, тогда другое дѣло: правительство въ видахъ политико-экономическихъ могло бы признать эти имущества нераздѣльными. Но аренды, напротивъ того, составляютъ такія большія имущества, что вести на нихъ хозяйство чрезвычайно затруднительно. При свободномъ трудѣ и при настоящихъ условіяхъ нашего народнаго сельскаго быта, только и возможно рациональное хозяйство въ небольшихъ имѣніяхъ; а большія требуютъ затраты огромныхъ капиталовъ, что не всегда возможно одному лицу. Да и можетъ ли наследникъ аренды затратить на ней большой капиталъ, когда срокъ аренды очень кратокъ: онъ не простирается свыше 12 лѣтъ. На этихъ основаніяхъ затрата капитала на аренду невозможна; общее владѣніе неудобно и вредно для народнаго хозяйства; выплата однимъ наследникомъ долей другому не всегда возможна; вотъ почему самое правильное и полезное въ этомъ дѣлѣ — допустить раздѣлъ аренды между сонаследниками. Въ послѣднемъ случаѣ большія имѣнія раздробятся и каждая часть будетъ лучше обрабатываться, отъ чего улучшатся сами имѣнія и вымрутъ народное хозяйство.

4) «Золотосодержащіе пріиски, отводимые частнымъ лицамъ на вазенныхъ земляхъ, для одной лишь разработки, раздѣлу не подлежатъ». А если золотосодержащій пріискъ такъ богатъ и обиленъ, что онъ можетъ быть раздѣленъ, то почему бы этого не сдѣлать? Тутъ нѣтъ разумной причины дѣйствовать напротивъ; законъ ставитъ

сдѣсь сопослѣдниковъ въ такое же положеніе, какъ и въ законѣ объ арендѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы избѣгнуть общаго владѣнія, еще можно опредѣлить сумму вознагражденія одного наследникомъ другого; но въ прѣискахъ этого сдѣлать нельзя: во всякій годъ можетъ быть одинакова добыча, и опредѣлить стоимость ея съ точностью невозможно. И какъ законъ переименовываетъ всѣ юридическія понятія: нераздѣльныи признаются только имущества недвижимыи; золотосодержащіе прѣиски отнесены къ имуществамъ движимымъ (почему—неизвѣстно), со всѣми правами послѣднихъ; и тутъ же законъ придаетъ этимъ же прѣискамъ свойство недвижимости.

5) «Принадлежащіе государственнымъ крестьянамъ, водвореннымъ на собственныхъ земляхъ, участки земли не болѣе 8 десятинъ содержащіе, не подлежатъ раздѣлу».

Обыватели, водворенные на собственныхъ земляхъ, не могутъ ужь считаться государственными крестьянами. Этотъ классъ людей—есть собственники крестьяне, которые должны имѣть организцію, общую съ тою, которая опредѣлена въ положеніи о помѣщичьихъ крестьянахъ, когда послѣдніе выкупаютъ свои усадьбы и поляныя угодья.

Мы же находимъ, что вышеприведенный законъ ограничиваетъ государственныхъ крестьянъ даже болѣе, нежели помѣщичьихъ. Для послѣднихъ надѣлъ земли въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи различныи; но онъ достигаетъ въ иныхъ мѣстахъ до 3-хъ десятинъ. Въ Положеніи также не сказано, что крестьянинъ, пріобрѣтшій это количество земли, которое опредѣлено для обезпеченія его быта, не можетъ быть имъ раздроблено. При томъ постановлено, что если крестьянинъ пріобрѣтетъ подобное количество имущества, то онъ можетъ отнестись отъ помѣщичьей земли и оставить свое сельское общество. Эти законы слѣдовало примѣнить и къ такъ называемымъ государственнымъ крестьянамъ. Если государственный крестьянинъ не пользуется землею государственныхъ имуществъ, а владѣетъ собственнымъ клочкомъ земли, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ требуетъ мѣстное положеніе для обезпеченія его быта, то онъ долженъ имѣть полное право выписаться изъ своего сельскаго общества. Владѣя 8-ю десятинами въ той мѣстности, гдѣ господствуетъ надѣлъ ниже этого, онъ можетъ надѣлать землею сына, котораго онъ хочетъ выписать изъ общества; при этомъ еще и ему останется достаточное количество земли. А то законъ, запрещающій ему раздроблять эту землю, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ надѣлъ ниже 8-ми десятинъ, лишаетъ его даже того, что постановлено для крестьянъ помѣщичьихъ. Также мы спрашиваемъ: если подобнаго ограниченія нѣтъ для другихъ сословій, то почему оно простирается на государственныхъ крестьянъ?

ль? Если законъ боялся извѣстнаго раздробленія земли въ видахъ политико-экономическихъ, то это правило должно быть общимъ; навязать же его одному только сословію несправедливо и нераціонально. Но допустимъ даже, что это правило основательно, все-таки въ подобномъ случаѣ законъ долженъ былъ опредѣлять порядокъ перехода недобнаго имущества къ наследникамъ. Намъ извѣстно, что такъ-называемыя заповѣдныя имущества или майораты суть, по закону, огромныя дворянскія имущества; они нераздѣльны и переходятъ всегда къ старшему въ родѣ, по первородству. Крестьянскія же имущества, принадлежащія имъ въ собственность, подлежатъ общимъ законамъ имперіи о наследствѣ, слѣдовательно жена получаетъ $\frac{1}{4}$ часть недвижимости, дочери $\frac{1}{14}$, сыновья дѣлятъ остальное поровну. Въ рѣдкихъ случаяхъ крестьяне въ состояніи имѣть болѣе 8 десятинъ; какъ же прикажете поступать? Законъ запретилъ ему раздробить имущество; не объяснилъ, что оно должно переходить изъ рода въ родъ на правахъ майоратскихъ; завѣщать его одному изъ сыновей или же другимъ, если это имущество родовое, законъ запрещаетъ ему; слѣдовательно остается одно изъ двухъ: 1) или всѣмъ его наследникамъ владѣть этой землей совмѣстно, отчего страдаетъ хозяйство; 2) или же одному наследнику выплатить другимъ; но всегда ли это возможно въ крестьянскомъ быту? Наконецъ законъ не выговорилъ, въ какихъ случаяхъ 8 десятинъ, принадлежащихъ государственному крестьянину, должны быть нераздѣльны? Относительно ли только наследства, или даже во всѣхъ случаяхъ отчужденія имущества? Почему же такое ограниченіе правъ собственности для государственнаго крестьянина? И долженъ ли этотъ законъ простираться только на земли въ уѣздѣ или также на тѣ, которыя лежатъ въ чертѣ городской земли? Но вѣдь подъ большими городами земля цѣнится чрезвычайно высоко и въ такихъ мѣстностяхъ достаточно много и нѣскольکو десятковъ саженой для обезпеченія быта крестьянина....

5) «Участки, отводимыя по высочайшимъ повелѣніямъ маломундичимъ дворянамъ для поселенія, — суть нераздѣльны.»

Если правительство оказываетъ справедливость маломундичимъ дворянамъ, которые хотятъ работать и собственнымъ трудомъ снискать себѣ честный хлѣбъ, то это должно вослѣдовать такъ, чтобы и дѣти этихъ дворянъ были обезпечены. Законъ же по этому предмету имѣетъ всѣ недостатки предшествующаго: онъ совершенно задутываетъ отношенія дѣтей такихъ дворянъ и положеніе ихъ становится безвыходнымъ. Отды ихъ потратили капиталы и труды на устройство тѣхъ пустопорежныхъ земель, которыя имъ были отведены казною; и дѣти не могутъ на только подѣлиться имъ, но не знаютъ, за кѣмъ считается право владѣнія? Къ майоратству они пристать

не вправѣ; а отъ общихъ законовъ они оторваны постановленіемъ о нераздроблемости этихъ участковъ.

6) «Дворы причисляются къ нераздѣльнымъ имуществамъ; но обывателямъ городовъ дозволено раздѣлять обширныя мѣста и дворы на части для продажи.»

Коль скоро дворы — имущество нераздѣльное, то раздроблять его для продажи не слѣдуетъ; но когда законъ разрѣшаетъ послѣднее, значить раздробимость дворовъ признана не только возможною, но и полезною. Притомъ законъ возбуждаетъ множество вопросовъ: 1) разрѣшена ли раздробимость дворовъ только относительно продажи, а въ порядкѣ наследованія они признаемы, быть можетъ, нераздѣльными? Этому не видно изъ закона; 2) можно ли дарственнымъ завѣщаніемъ, еще при жизни владѣльца, раздроблять дворъ? 3) Можетъ ли онъ самъ непосредственно раздробить дворъ и нестроить на немъ самостоятельные дома, каждый по особому документу? Послѣднее разрѣшается практикою, но въ законѣ это не постановлено.

7) Наконецъ о домахъ законъ ничего не сказалъ; и это имущество въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть нераздѣльнымъ, а въ иныхъ — раздѣльнымъ. Относительно дачъ и сельскихъ домовъ также ничего не сказано; равно какъ и о томъ, должны ли тѣ имущества, которые признаны закономъ нераздѣльными, считаться таковыми относительно не только наследства, но и въ отношеніи порядка отчужденія этихъ имуществъ.

8) Въ заключеніе же объ имуществахъ раздѣльныхъ и нераздѣльныхъ я долженъ сказать, что нашъ законъ не опредѣляетъ, какимъ порядкомъ, во время спора наследниковъ, должно доказывать принадлежность данного имущества къ тому или другому роду.

На практикѣ эти дѣла производятся двойнымъ способомъ — или общимъ тяжбымъ, или апелляціоннымъ. Второй болѣе всего приличенъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ быстрѣе въ своемъ теченіи; подобныя же дѣла именно и требуютъ скоротечности. Имущества во время тяжбы обыкновенно страдаютъ, потому что они должны быть въ вѣдѣніи опеки. Но недостаточно, чтобы это дѣлалось такъ, одною разумною практикою: законодательство должно придать этому порядку законную силу и уничтожить тотъ произволъ, который господствуетъ въ судахъ въ настоящее время по этимъ дѣламъ.

Самое опредѣленіе имущества, раздѣльнымъ или нераздѣльнымъ, должно быть предоставлено рѣшенію присяжныхъ; судъ же обязанъ только опредѣлить доли этого имущества и тѣ мѣры вознагражденія, какія должны воспослѣдовать для уравновѣшиванія сторонъ. Впрочемъ было бы еще полезно обращать подобнаго рода тяжбы къ третейскому суду *по совѣсти*, и тогда обязанность суда по этому роду

дѣлать была бы только наблюдать 1) чтобы третейскій судъ былъ установленъ правильно, 2) чтобы рѣшеніе его было приведено въ исполненіе.

III. ИМУЩЕСТВА НАСЕЛЕННЫХЪ И ПУСТОШИ.

Подъ населенными имуществами у насъ подразумѣваются такія земли, на которыхъ живутъ: крестьяне помѣщичьи и государственныя, бессарабскіе царане и редзепи, западныя однодворцы и литовскіе панцырные бояре, нѣмецкіе, болгарскіе и еврейскіе колонисты; крымскіе, литовскіе и казанскіе татары. Изъ всѣхъ этихъ сельскихъ обывателей опредѣленъ закономъ общественный бытъ только 1) крестьянъ помѣщичьихъ и государственныхъ; 2) бессарабскихъ царанъ и редзепей, и 3) колонистовъ всѣхъ вѣроисповѣданій и національностей.

Но бытъ мѣщанъ и лицъ другихъ сословій, живущихъ селеніями или мѣстечками на земляхъ собственныхъ или помѣщичьихъ, — не опредѣленъ: у нихъ нѣтъ ни правильной организаціи правительственной власти, ни судебныхъ учреждений, которыя могли бы соответствовать учрежденіямъ вольно-обязанныхъ или собственниково-крестьянъ. Поэтому я нахожу необходимымъ, чтобы были опредѣлены отношенія: 1) свободныхъ хлѣбопашцевъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ — къ владѣльцамъ земель; при чемъ должно быть постановлено, къ какимъ сельскимъ обществамъ и мировымъ учрежденіямъ они принадлежать должны; 2) отношенія свободныхъ хлѣбопашцевъ всѣхъ сословій и религій, проживающихъ селами и мѣстечками на помѣщичьихъ, собственныхъ или казенныхъ земляхъ, къ власти правительственной и мировымъ учрежденіямъ; 3) бытъ свободныхъ хлѣбопашцевъ или такъ-называемыхъ десятинщиковъ и жителей слободъ — къ ихъ владѣльцамъ; 4) бытъ отставныхъ солдатъ и матросовъ при возвращеніи ихъ на родину; 5) бытъ малороссійскихъ возяковъ-собственниковъ; 6) наконецъ отношенія жителей мѣстечекъ и селъ — къ владѣльцамъ этихъ имуществъ.

Кто не былъ въ западныхъ губерніяхъ, Бѣлоруссіи и Литвѣ, тотъ не можетъ имѣть малѣйшаго понятія о бѣдственномъ состояніи еврейскаго народа: большинство его населяетъ мѣстечки и хутора этихъ мѣстностей, и участь ихъ отдава прямо и непосредственно въ руки ихъ владѣльцевъ. Оттого нищета и невѣжество — отличительныя черты большинства этого населенія. И какимъ образомъ можетъ развиваться цивилизація въ этой націи, когда большинство его отдано произволу помѣщиковъ и полиціи?... Тамъ, гдѣ нѣтъ свобод-

ныхъ учрежденій, гдѣ личность и имущество человѣка не обезпечены, тамъ не видите ни просвѣщенія, ни гуманныхъ началъ.

Въ городахъ, гдѣ еврейскія общества правильно организованы, гдѣ имущество и личность евреевъ находятся подъ охраною общихъ законовъ, — тамъ вы увидите и народныя училища, и просвѣщеніе, и больницы, и благосостояніе. Въ мѣстечкѣ же этого быть не можетъ: тамъ живутъ или старожилы-евреи, или вновь приписанные къ нимъ кагаламъ; по отношенію ни тѣхъ, ни другихъ къ помѣщикамъ никогда не были опредѣлены закономъ. Имущество ихъ поэтому не обезпечено, а личность подвержена произволу помѣщика и мѣстной полиціи. Жителямъ мѣстечекъ некогда думать объ образованіи своихъ дѣтой, имъ приходится всю жизнь окупаться отъ владѣльцевъ и полиціи; отъ этого они вѣчно къ суетѣ, для спускавія пропитанія своей семьѣ. Но опредѣлите быть евреямъ: 1) образуйте изъ нихъ правильныя общества и подчините ихъ мировымъ учрежденіямъ; 2) опредѣлите на прочныхъ и рациональныхъ началахъ ихъ отношенія къ владѣльцамъ земель, на которыхъ они водворены, — тогда вы увидите, что и евреи сдѣлаются способны къ воспріятію просвѣщенія. Первое дѣло — дать народу свободныя учрежденія, а тамъ требуйте отъ него всего лучшаго. У насъ же все начинается съ головы: такъ въ дѣлѣ народнаго воспитанія у насъ развили высшее просвѣщеніе въ извѣстной средѣ, а народъ остался въ грубомъ невѣжествѣ, по отсутствію народныхъ школъ. И могли ли гимназій и университеты впередъ подвинуть народъ, когда большинство его было связано крѣпостнымъ правомъ?... Нужно всегда начать сначала: дать свободу человѣку, обезпечить его быть, а потомъ ужъ образовывать его. Такъ было и съ евреями: людямъ, имѣющимъ возможность учиться, предоставлено право образовываться въ гимназіяхъ, лицейхъ и университетахъ... Но дѣло въ томъ, что прежде всего нужно дать человѣку средства учиться: бѣдникъ думаетъ прежде всего о кускѣ хлѣба, а потомъ ужъ о такъ-называемой духовной пищѣ. Но какъ, спросите вы, приступить къ реформѣ еврейскаго народа? Правительство сдѣлало опыты колонизаціи евреевъ въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской; но что жъ вышло? Евреи образовывали колоніи не для занятій сельско-хозяйственныхъ, а единственно для того, чтобы пользоваться колонистскими льготами. Вслѣдствіе этого еврейскія колоніи не представляютъ того веселаго вида, — вида довольства и благоестоянія, какой мы находимъ въ колоніяхъ другихъ народностей. И неудивительно: евреи, сдѣлавшись колонистами, и не думаютъ покидать прежняго своего промысла; оттого-то поля остаются у нихъ необработанными, скотоводство въ жалкомъ видѣ. Но что за причина этому явленію? Мы иначе не объясняемъ это, какъ неспособностью

колонистовъ-евреевъ къ земледѣльческому труду. И въ самомъ дѣлѣ, взгляните въ составъ колоній: одинъ былъ сапожникомъ, другой портнымъ, третій часовыхъ дѣлъ мастеромъ, четвертый промышленникомъ или торговцемъ, или прикащикомъ, или музыкантомъ, — и весь этотъ разнообразный людъ соединился въ одно общество, и для какой цѣли? — для обработки полей. Тутъ выходитъ чисто квартетъ Крылова: какъ еврей-колонисты ни садятся, все они въ хлѣбопашцы не годятся. Трудъ земледѣльца есть своего рода искусство, требующее физической силы, терпѣнія и настойчивости. Обработка земли, уборка хлѣбовъ и уходъ за скотомъ требуетъ не только любви человѣка къ дѣлу, но навыка съ дѣтства. Можно ли, послѣ этого, ожидать отъ евреевъ такихъ же колонистовъ, какъ отъ другихъ національностей, когда они воспитывались вовсе не для сельско-хозяйственного труда. Можетъ быть современемъ потомки настоящихъ евреевъ-колонистовъ сроднятся съ своимъ положеніемъ и по примѣру колонистовъ другихъ народностей сдѣлаются порядочными хозяевами; но теперь дѣла у нихъ идутъ очень плохо. Впрочемъ я полагаю, что едва ли когда нибудь этотъ народъ сдѣлается въ Россіи земледѣльческимъ: правительство это поняло въ настоящее время и колонизація евреевъ приостановлена. Евреи издревле понимали земледѣліе и занялись исключительно промыслами, торговлею и искусствами; эти занятія вкоренились въ ихъ плоть и кровь и передѣлали ихъ едва ли возможно. При такихъ условіяхъ, какъ же вы обезпечите бытъ еврейскаго народа? Лучшимъ обезпеченіемъ человѣка есть земля; правительство назначило имъ большой надѣлъ земли, помогало имъ всевозможными средствами, чтобы они устроили свой новый бытъ; но изъ этого ничего не вышло: колоніи пусты, земля необработана, колонисты бѣдны... Значитъ, нужно изыскать другія мѣры, чтобы, съ одной стороны, этотъ народъ сдѣлался полезенъ Россіи; съ другой, чтобы онъ вышелъ изъ гнетущей его нищеты и невѣжества. Эти мѣры, по нашему крайнему убѣжденію, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Религія стоитъ у евреевъ на первомъ планѣ: всѣ народныя ихъ бѣдствія, всѣ несчастія, гоненія—все изъ-за религіи. Поэтому правильное религіозное устройство еврейскаго народа есть первое дѣло. Намъ кажется, что полезно бы было мѣстныхъ раввиновъ подчинить губернскимъ еврейскимъ консисторіямъ, которыя бы имѣли въ рукахъ своихъ всѣ духовныя дѣла евреевъ. А въ Петербургѣ долженъ быть верховный коллегіумъ, подъ предсѣдательствомъ великаго раввина, которому должны быть подчинены всѣ губернскія консисторіи. Коллегіуму должно быть предоставлено блюсти за своею частью, очищать религію отъ фанатизма, изуверства и всего противнаго настоящему

европейскому просвѣщенію и нравственности. Члены консисторій должны выбираться представителями сельскихъ и городскихъ обществъ въ губернскихъ городахъ на определенное число лѣтъ; члены же всѣхъ консисторій выбираютъ въ С. Петербургѣ *пожизненно* великаго раввина; а члены коллегій назначаются правительствомъ изъ образованныхъ евреевъ, извѣстныхъ своею служебною или литературною дѣятельностью и знающихъ основательно древній еврейскій языкъ. Весь кругъ богослужебныхъ книгъ и талмудъ, подъ наблюдениемъ и руководствомъ коллегіума, долженъ быть переведенъ на простое еврейское нарѣчіе и на языки польскій и русскій. При университетахъ и гимназіяхъ должны быть учреждены кафедры—еврейскія богословскія, для образованія раввиновъ и учителей народныхъ еврейскихъ школъ.

2) Еврейскому народу должны быть предоставлены полныя права гражданства и соединенное съ этимъ право жить во всей Россіи.

а) У насъ въ Россіи докторамъ—евреямъ предоставлено право службы, полученія чиновъ и орденовъ. Изъ этого открывается, что правительство признало полезнымъ ихъ дѣятельность на этомъ поприщѣ, и ихъ самихъ достойными, наравнѣ съ коронными жителями имперіи, получать награды и принадлежать къ чиновной іерархіи. Почему же, спрашивается, не открыть имъ и др.¹ча поприща? Здравый разумъ говоритъ намъ, что права доктора неограниченны: въ его рукахъ жизнь и здоровье людей; слѣдовательно, если имъ оказывается довѣріе въ такомъ важномъ дѣлѣ, то тѣмъ скорѣе можно ихъ допустить къ гражданской служебной дѣятельности, гдѣ касаются наибольшей части имущественныя интересы народа. Опытъ доказалъ также въ Европѣ, что евреи охотно поступаютъ въ военную службу и достигаютъ тамъ значительныхъ степеней на служебномъ поприщѣ.

б) Другое право, недостающее еврейскому народу, есть свобода выбора мѣстожителства.

Говорятъ, что если предоставить евреямъ селиться вездѣ во всей Россіи, то они принесутъ ей много зла.

Мы же разсуждаемъ по этому предмету слѣдующимъ образомъ: если еврейскій народъ признается зловреднымъ, то его должно выселить совсѣмъ въ одну данную мѣстность. Почему же одинъ только извѣстный край имперіи подвергать этой общественной заразы?... Вы отвѣтите на это: данная мѣстность ужъ нѣсколько вѣковъ какъ приняла этотъ народъ къ себѣ; коренные жители сроднились съ нимъ и потому терпятъ его, какъ неотразимое зло; притомъ, какъ вы можете переселить въ одну только мѣстность цѣлый народъ? Не будетъ ли это похоже на изгнаніе мавровъ и евреевъ изъ Испаніи?... Съ послѣднимъ мы вполне согласны, но мы должны сказать слѣдующее: Мало-

россія и губерніи, отошедшія къ нимъ отъ Польши, изъ великодушія и христіанскаго братолюбія, водворили на своихъ земляхъ, въ своей средѣ еврейскихъ выходцевъ, гонимыхъ въ остальной Европѣ католическимъ фашизмомъ; но при этомъ мѣстности эти вовсе не имѣли въ виду, что еврейскій народъ будетъ замкнутъ въ этихъ мѣстахъ. Въ началъ, когда евреи поселились въ Малороссіи, Бѣлороссіи и западныхъ губерніяхъ, народонаселеніе ихъ не было велико; теперь же оно достигло значительной цифры; и если замкнутость эта продолжится еще дольше, то этимъ мѣстностямъ предстоитъ въ послѣдствіи самая печальная будущность. Съ увеличеніемъ еврейскаго народонаселенія, увеличиваются съ ужасающею прогрессіею его бѣдствія и горести: занимаясь такими промыслами и искусствами, въ которыхъ конкуренція понижаетъ цѣну товара или труда, еврей поставленъ въ самое печальное положеніе чрезъ свою замкнутость и густоту народонаселенія. Ремесленники сидятъ безъ работы, или задѣльная плата такъ низка для нихъ, что они едва въ состояніи прокормить свои семьи. Торговцы сбываютъ товаръ очень часто за безцѣнокъ и довольствуются отъ своей торговли крохами. Естественно, не будучи въ состояніи, чрезъ сильную конкуренцію своихъ же собратьевъ, идти прямымъ и честнымъ путемъ, такъ какъ онъ ведетъ его только къ разоренію, еврей вынужденъ пустить въ оборотъ мошенничество, плутовство и обманъ. Последняго ни въ какомъ случаѣ я не оправдываю, не извиняю; но полагаю, что слѣдуетъ уничтожить корень этого зла. Первый шагъ въ этомъ дѣлѣ—открыть для жительства евреямъ всю Россію. Эта мѣра 1) нужна въ смыслѣ чисто политико-экономическомъ, для того, чтобы не подвергнуть тѣ мѣстности, гдѣ они въ настоящее время водворились, бѣдствіямъ излишней густоты народонаселенія. 2) Мы находимъ, что отъ этой мѣры выиграетъ много Россія: ремесленники, художники, доктора и промышленники охотно переселятся во внутрь Россіи, гдѣ они найдутъ пищу своей дѣятельности и принесутъ отдаленнымъ нашимъ губерніямъ несомнѣнную пользу.

в) Образованіе еврейскаго народа должно быть также предметомъ особой заботливости общества и правительства.

Законодательныя мѣры по этому предмету должны заключаться въ слѣдующемъ: 1) должно обязать каждое общество — городское и сельское — держать извѣстное число воспитанниковъ въ гимназіяхъ и университетахъ для образованія раввиновъ, профессоровъ и учителей народныхъ еврейскихъ училищъ, которымъ должны быть предоставлены всѣ права и преимущества христіанъ. 2) Евреямъ, окончившимъ курсъ наукъ въ гимназіяхъ и университетахъ, должно быть предоставлено право — гражданской и военной службы. Такъ какъ послѣдняго права не было у нихъ, то евреи преимущественно

избирали своимъ предметомъ — медицину, потому что врачи пользуются многими преимуществами. Съ открытіемъ же имъ поприщъ военной и гражданской службы и другіе факультеты университетовъ наполнятся евреями. Но преимущественно слѣдуетъ обязать общества къ открытію школъ ремесленныхъ; эти народныя училища ближе всего подходятъ къ способностямъ евреевъ, приносятъ имъ и государству несомнѣнную пользу: Россія приобрететъ хорошихъ мастеровыхъ, а бытъ еврейскаго народа этимъ обеспечится. Лучшаго образованія, какъ ремесленнаго, не можетъ быть для еврейскаго народа; обладая замѣчательными способностями къ искусствамъ, этотъ народъ внесетъ въ Россію всѣ открытія и усовершенствованія Западной Европы по предметамъ ремеслъ. Кто бывалъ внутри Россіи, въ особенности на востокѣ, тотъ знаетъ, какъ ощутителенъ тамъ недостатокъ въ порядочныхъ ремесленникахъ; съ ремесленнымъ же образованіемъ евреевъ и съ допущеніемъ ихъ жить свободно во всей Россіи, недостатокъ этотъ восполнится. Нельзя также не отдать имъ справедливости, въ нихъ сильно развитъ духъ предприимчивости и нужно надѣяться, что, являсь внутри Россіи, они откроютъ новыя пути и источники промышленности.

Правда, въ настоящее время первоуильдейцамъ—евреямъ разрѣшено жить въ Великороссійскихъ губерніяхъ и въ обѣихъ столицахъ; но по нашему мнѣнію и бѣдняки-евреи — имѣютъ на это еще больше права... Богатство, часто нажитое не совсѣмъ добросовѣстно и имѣющее не слишкомъ чистые источники, никакъ не можетъ и не должно возвышать людей; притомъ богачи вездѣ люди не лишніе; бѣдняки же, обремененные большими семействами, пролетаріи и парии общества — вотъ наша гангрена.... Эти-то послѣдніе и должны быть приняты подъ защиту закона и правительство должно дать просторъ ихъ дѣятельности. Великорусская народность, умѣющая уживаться со всякою чуждою народностью, пріютитъ у себя и евреевъ.... Неужели русскіе въ этомъ отношеніи отстапуть въ великодушій и христіанской любви отъ другихъ славянскихъ народовъ: малороссовъ, поляковъ, сербовъ, чеховъ и другихъ?.. Русскій народъ не имѣетъ никакихъ историческихъ причинъ ненавидѣть евреевъ; въ немъ нѣтъ также никакихъ политическихъ причинъ не усыновить этотъ народъ... Русскіе, по природѣ своей, кротки, великодушны и любящи; это доказали отношенія ихъ къ татарамъ. Послѣдніе были жесточайшіе враги русскихъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ; они громили насъ, и гдѣ проходили ихъ когорты, тамъ оставались, вмѣсто городовъ и селъ, груды развалинъ. Но вѣковая эта вражда окончилась, вмѣстѣ съ паденіемъ татарскаго владычества на Руси; русскіе отплатили татарамъ тѣмъ, что приняли ихъ въ составъ своего государства, со

всѣми правами и преимуществами коренныхъ жителей, и исторія представляетъ намъ даннѣя, что татарскія фамиліи стояли у насъ не разъ въ главѣ правительства. Это доказываетъ намъ ясно, что и евреи едва ли будутъ отвержены русскимъ племенемъ; остается намъ только желать, чтобы законодательство обсудило и рѣшило этотъ вопросъ.

Но кромѣ евреевъ и другіе сельскіе обыватели достойны того, чтобы законъ опредѣлялъ ихъ бытъ и отношенія къ мировымъ учрежденіямъ; вотъ почему я и коснулся этого вопроса, говоря объ имуществѣхъ населенныхъ. Извѣстно, что населенныя имущества и пустоши имѣютъ свои особыя постановленія, по отношенію ихъ къ обывателямъ; но, какъ я выше сказалъ, отношенія послѣднихъ къ владѣльцамъ не опредѣлены вполне и не простираются на всѣ условія. Этотъ недостатокъ нашего общественнаго быта долженъ быть восполненъ и тогда наше законодательство о населенныхъ имуществѣхъ будетъ одно изъ лучшихъ въ Европѣ. Великія начала внесены теперь въ жизнь вольно-обязанныхъ крестьянъ; мы надѣемся, что поэтому справедливость должна быть оказана и государственнымъ крестьянамъ и другимъ жителямъ мѣстечекъ, селъ и слободъ, всѣхъ вѣроисповѣданій, національностей и сословій...

О пустошахъ законы наши вполне удовлетворительны. Здѣсь не мѣсто излагать ихъ содержаніе; желающіе познакомиться съ ними могутъ обратиться къ Своду Законовъ.

IV. Имущества заповѣдныя и майораты (*).

Каждое общественное учрежденіе должно имѣть опредѣленную цѣль и назначеніе. Основаніе его должно лежать или въ самомъ духѣ, или матеріальныхъ потребностяхъ того общества, гдѣ оно возникло. Съ этой точки зрѣнія мы разсматриваемъ всѣ наши гражданскія учрежденія; съ той же точки мы должны глядѣть на такъ-называемыя заповѣдныя имущества и майораты.

Но такъ какъ настоящее сочиненіе пишется не для однихъ только ученыхъ юристовъ, а для большинства читающей публики, то я считаю долгомъ своимъ прежде познакомить вкратцѣ моихъ читателей съ самымъ учрежденіемъ, о которомъ я намѣренъ говорить.

Заповѣдныя называются такія имущества, которыя верховною властью признаны не подлежащими 1) отчужденію и ответствен-

(*) Т. X. кн. I. ст. 467—512.

сти за долги владѣльца, въ случаѣ его смерти; сама отвѣтственность такого имущества, во время жизни владѣльца, за его долги, заключается существенно въ исполненіи ихъ изъ доходовъ имущества; 2) такія имущества не подлежатъ ни завѣщанію, ни раздѣлу между наследниками, а всегда отходятъ по законному наслѣдованію къ старшему въ родѣ, по нисходящей линіи.

Майораты суть тѣ же заповѣдныя имущества, только отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что они заключаются въ казенныхъ имуществахъ западныхъ губерній, отдаваемыхъ пожалованіемъ за государственныя заслуги.

Опредѣливши такимъ образомъ эти два рода имущества, обратимся къ ихъ общественному значенію.

Россія съ самыхъ древнѣйшихъ временъ представляетъ въ общественной своей жизни слѣдующее явленіе; въ ней рѣзко отличаются другъ отъ друга, въ правительственной сферѣ, слѣдующія сословія: 1) рюриковичи, какъ высшее проявленіе власти правительственной; 2) духовенство, какъ выраженіе религіозности народа; 3) бояре, окольниковіе, дѣти боярскія и другіе люди родословные; 4) люди посадскіе и свободные сельскіе обыватели; 5) холопы.

Потомки Рюрика пользовались правомъ верховнаго правительства: порядокъ участія въ правительствѣ каждаго рюриковича у насъ опредѣленъ съ большою точностью и подробно въ каждой исторіи русскаго народа или, какъ иначе пишутъ, въ исторіи русскаго государства. Поэтому здѣсь было бы неумѣстно много говорить объ удѣльной системѣ. Мы только скажемъ, что эта правительственная система въ свое время имѣла сильное развитіе, но потомъ пала предъ государственною московскою системою: всѣ удѣльныя княжества слились въ московское царство.

Въ этомъ явленіи мы видимъ не что иное, какъ перевѣсъ національныхъ интересовъ надъ родовымъ началомъ: всѣ отдѣльныя вѣтви славянскаго племени, образовавшаго древнюю Русь, убѣждаеь въ несостоятельности удѣльной системы, концентрировались къ Москвѣ, въ которой они находили защиту отъ внѣшнихъ враговъ и отъ внутреннихъ своихъ безпорядковъ. Многие, въ настоящее время, сомнѣваются въ справедливости этого мнѣнія и указываютъ на нѣкоторые явленія, которыя дѣйствительно убѣждаютъ, что многие жители удѣльныхъ княжествъ были недовольны слитіемъ удѣловъ въ одно государство.... Но мы возражаемъ противъ этого слѣдующее: желаніе восточныхъ и сѣверныхъ славянъ соединиться въ одно государство выразилось слитіемъ удѣловъ въ одно Московское государство. Положеніе восточныхъ славянъ, посреди дикихъ азіатскихъ ордъ, ставило ихъ въ необходимость дѣйствовать совокупно и соединиться въ

одно государство, для борьбы съ ними. Не нужно забывать, что когда удѣлы слились въ одно Московское государство, въ это время существовали еще на востокѣ сильныя татарскія государства: Казанское и Астраханское; и на югѣ Россіи угрожали ей крымскіе татары, опиравшіеся на непобѣдимыхъ въ это время турокъ. Неужели можно полагать, что Литва и Малоросія соединились бы охотно съ Польшею, еслибы они не видѣли въ этомъ союзѣ защиту отъ вѣрныхъ враговъ?... Почему же не допускать этихъ же самыхъ причинъ и въ слитіи удѣловъ въ одно Московское государство? Правда, Псковъ и Новгородъ сильно противились этому соединенію; но они были, по положенію своему, совершенно чужды тѣхъ причинъ, которыя побудили другія княжества присоединиться къ Москвѣ. Изъ неудовольствія же многихъ жителей удѣловъ нельзя вовсе прийти къ серьезному противоположному мнѣнію: мы въ настоящее время находимъ и въ Италіи недовольныхъ соединеніемъ всѣхъ итальянскихъ государствъ въ одно цѣлое; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это была воля народа. Еслибы удѣлы не были соединены въ одно цѣлое народнымъ желаніемъ, то это выразилось бы вѣроятнѣе всего въ началѣ XVII вѣка: династія Юрія Долгорукова прекратилась; авархія была повсемѣстная; большинство наследственныхъ фамилій удѣльныхъ князей еще жило; но народныя представители Руси собираются въ Москвѣ и избираютъ *царя всея Руси*. Этого многозначительнаго факта никакъ не обойдутъ противники *собираемой* земли русской... Но оставимъ историкамъ поприще наемки по этому предмету; а мы скажемъ только, что съ паденіемъ удѣльныхъ княжествъ, бывшіе владѣтельные князья и ихъ родственники и свойственники, хотя и становились слугами московскихъ князей, однако положили начало боярству (*) въ этомъ государствѣ. Московскіе государи, уничтожая удѣльныя княжества и присоединяя ихъ къ составу своего государства, должны были въ вѣдахъ политическихъ — имѣть вблизи себя, въ самой Москвѣ, бывшихъ владѣтельныхъ князей, ихъ родственниковъ и влиятельныхъ родословныхъ лицъ удѣльныхъ княжествъ. Политика московскихъ князей въ этомъ отношеніи имѣла слѣдующій видъ: влиятельныя лица однихъ княжествъ переселялись въ другія княжества или удерживались въ самой Москвѣ. Для того же, чтобы расположить ихъ въ свою сторону, правительство раздавало имъ помѣстья, сначала для одного кормленія. Иванъ III установилъ такъ называемое помѣстное право, съ котораго сопряжена была обязанность, по востребованію правительства, вы-

(*) Мы называемъ древнее дворянство — боярствомъ, потому что большая часть тогдашнихъ дворянъ называлась дѣтjami боярскими.

тавлять извѣстное число воиновъ. Такимъ образомъ престолъ московскихъ государей окружился цѣлою толпою родословныхъ лицъ, служивыхъ людей, которые стали принимать прямое или косвенное вліяніе въ управленіи государствомъ. Будучи вначалѣ совѣтниками государевыми, единственно по высокому своему происхожденію, люди родословные исподоволь прибрали правительственную власть въ свои руки, образовали такъ—называемую боярскую думу и организовали правительственную систему, извѣстную у насъ въ Россіи подъ названіемъ *мѣстничества*.

Последнее учрежденіе заключалось единственно въ томъ, что потомокъ знатнѣйшаго рода могъ отнаться служить подъ начальствомъ менѣе знатнаго и что должности раздавались по родословнымъ рангамъ. Боярство сдѣлалось на этихъ началахъ іерархіею; но такъ какъ оно не имѣло опредѣленнаго вида и основывалось единственно на генеалогическихъ доказательствахъ, то отъ этого произошелъ совершенный хаосъ въ управленіи государствомъ: оно не имѣло ни опредѣленной мысли, не системы. Люди родословные стали считаться не только старшинствомъ рожденія и происхожденія ихъ рода, но и старшинствомъ ранга ихъ предковъ; отсюда произошло совершенное смѣшеніе кончатъ и правительственная путаница. Первый гошитель боярства былъ Іоанъ IV. Вѣчно тревожимый мыслию о крамолахъ и заговорахъ, — онъ поражалъ бояръ со всею свирѣпостію тирана. Не смотря однакожь на это, мѣстничество такъ сильно уже укоренилось, что онъ вынужденъ былъ составить списокъ всѣмъ родословнымъ лицамъ, по ихъ степенямъ. Какія были приняты тогда начала — вопросъ неравнѣснѣнъ; но достоверно извѣстно, что туда внесены многія фамиліи, знатность рода которыхъ подвержена сомнѣнію; а многія фамиліи тверскія, рязанскія, новгородскія и псковскія — совсемъ упущены... Однакожь роженія Іоанна не уничтожили вліянія бояръ въ государствѣ: при Годуновѣ и самозванцахъ мы видимъ ихъ въ главѣ революціи—смѣненіи и избраніи династіи. Владислава, Василия Шуйскаго и Михаила Феодоровича они ограничиваютъ конституціонными началами; но мѣстничество оставляютъ за собою во всей его силѣ.

Алексѣй Михайловичъ сбрасываетъ съ себя эти ограниченія; но не въ силахъ уничтожить мѣстничества. Феодоръ Алексѣевичъ сокрушаетъ окончательно правительственную систему боярства: онъ уничтожаетъ феоціальное мѣстничество.

Боярство рушилось; но имѣло ли оно при своемъ существованіи правильную организацію? Было ли оно связано съ опредѣленными правами и обязанностями?

Мы не имѣемъ ни одного документа, который бы разрѣшилъ во-

прось; но полагать должно, что всѣ степени іерархическія были основаны единственно на генеалогическихъ началахъ. Мѣстничество безъ опредѣленной системы, номѣстное право, какъ военное учрежденіе, вотъ два проявленія въ древней Руси правъ лицъ родословныхъ; но эти права не образовывали изъ нихъ сословія, не отдѣляли ихъ отъ народа, а ставили ихъ только въ его главѣ. И если народъ страдалъ отъ людей родословныхъ, то эти страданія были общіе спутники ненормальнаго положенія членовъ въ обществѣ: вездѣ слабые люди страдаютъ отъ сильныхъ. Этотъ фактъ есть печальное проявленіе нравственнаго несовершенства людей, которое вы встрѣтите въ большей или меньшей степени во всѣхъ обществахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ аристократія — есть господствующая масса. Вотъ почему мы можемъ только сказать о боярствѣ, что оно не было то, что мы впоследствии подразумѣвали подъ словомъ *дворянство*. Подъ послѣднимъ, со второй половины прошлаго вѣка, стали подразумѣвать сословіе, господствовавшее надъ большою частью остальнаго народонаселенія: 1) дворянству предоставлены всѣ военныя и гражданскія должности; 2) ему узаконено право владѣнія надъ ирѣстными и надъ населенными имуществами; 3) ему отдана монополія винокуренія; 4) ему исключительно раздавались государственныя имущества пожалованіемъ.... Вовсе въ другомъ родѣ были отношенія къ народу боярства: до прикрѣпленія ирестьянъ къ землѣ, все сельское народонаселеніе было свободно, независимо и отбывало только временно разныя повинности землевладѣльцамъ. Правда, существовало холопство или рабство, но этотъ классъ людей былъ, *во-первыхъ*, немногочисленъ; *во-вторыхъ*, владѣть холопами не было исключительное право однихъ людей родословныхъ, а принадлежало и другимъ сословіямъ. Слѣдовательно боярство отличалось отъ остальнаго народа только тѣмъ, что оно стояло въ главѣ правительства и имѣло исключительное право занимать общественныя гражданскія и военныя высшія должности. Въ порядкѣ же другихъ гражданскихъ правъ всѣ сословія были равны: такъ мы это видимъ въ одномъ изъ самыхъ высшихъ проявленій свободы націй, гдѣ всѣ сословія рассматриваются, какъ одно цѣлое; а именно: на всѣхъ земскихъ сборахъ, гдѣ вопросы рѣшались законодательные или когда рѣчь шла объ образѣ дара — всѣ сословія имѣли одинаковый голосъ. Такія отношенія народа къ боярству имѣли патріархальный видъ: народъ привыкъ чтить въ людяхъ родословныхъ — людей, которымъ божіимъ даромъ вѣдѣть дѣла, и не принижающее боярство уродавшихъ сорти мѣстничества, едва ли Петръ могъ бы произвести свою окончательную реформу правительственной системы. Но *во-вторыхъ* на престолѣ дома Романовыхъ, Россія претерпѣла многія тяжелыя бѣдствія

отъ мѣстничества: оно слѣдилось ненавистнымъ народу и это учрежденіе пало при Θεодорѣ Алексѣевичѣ.

При такихъ условіяхъ бразды правленія принялъ Петръ I и приступилъ къ своимъ реформамъ. Нужно было организовать народъ и правительственную власть.

Мы въ Петрѣ I видимъ генія, благоговѣсмъ предъ его великими предначертаніями, но не можемъ не сказать, что онъ внесъ въ Россію самую разнорѣчивую общественную начала. Ни одинъ историкъ не можетъ утвердительно сказать, какую правительственную систему хотѣлъ ввести у насъ Петръ I; многіе обвиняютъ его въ томъ, что онъ положилъ начало централизаціи въ управленіи, что онъ развелъ бюрократизмъ, — словомъ, всѣ наши настоящіе бѣды вазаливаются на Петра I. Въ одномъ только мы можемъ упрекнуть его, что у него не было народа, а было государство; но никто не можетъ сказать, чтобы онъ говорилъ: *l'état c'est moi*... Напротивъ того, мы видимъ, что онъ дѣлаетъ рабомъ своей государственной идеи народъ, дворянство и даже самого себя.... Самый сильный ударъ, нанесенный старинѣ, по нашему мнѣнію, заключается въ слѣдующихъ учрежденіяхъ Петра: 1) объявленіе имъ народу, что царствующій государь выравъ назначать себя наслѣдника; 2) отреченіе царя отъ правъ верховнаго судьи и предоставленіе этихъ правъ правительствующему сенату; 3) подчиненіе коллегій правительствующему сенату, которому отчитывается самъ государь; сенату же предоставлено право верховнаго блюденія законовъ въ цѣлой имперіи, — словомъ, сенатъ становится вполнѣ верховенъ въ правительствѣ и судѣ; 4) введеніе государемъ лицъ изъ народа въ верховное правительство; 5) представленіе муниципальнаго управленія магистратамъ. Въ этихъ главныхъ началахъ лежало благо Россіи: они рѣзко обозначили политической взглядъ реформатора, давали направленіе всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ, и если бы они получили дальнейшее развитіе, то Петръ I совмѣстилъ бы въ себѣ всѣ условія для удовлетворенія всѣмъ партіямъ....

Манифестомъ своимъ, 5 февраля 1722 года, о томъ, что царствующій государь вправе назначить себя преемника, Петръ разрушилъ окончательно родовыя понятія. Многіе видятъ въ этомъ актѣ вышедшее продолженіе абсолютизма въ государѣ, нарушеніе каренныхъ народныхъ началъ, вслѣдствіе мнимыхъ вытокъ Екатерины I и ея партіи. Но это опровергается слѣдующими данными: письмо сенату императора изъ-подъ Друта, июля 1711 года, въ которомъ онъ писалъ, чтобы сенатъ, въ случаѣ его смерти, избралъ изъ среды своей человека достойнѣйшаго, — доказываетъ, что онъ вовсе не выказалъ въ виду интересовъ династіи Екатерины I; 2) самое назначеніе подлиннаго наслѣдникомъ своимъ Петра II, а не одной изъ своихъ

дочерей, доказываетъ, что она едва ли могла побудить своего мужа къ изданію манифеста. Если бы она была причиною послѣдняго, то достигнувши престола, она бы вѣроятно воспользовалась своими правомъ и упрочила бы царство за одною изъ своихъ дочерей.

Слѣдовательно мысль Петра I была вовсе другая. Въ чемъ онъ собственно заключалась, историкъ положительно не можетъ отвѣчать: юридическая же наука можетъ съ вѣрностью уловить его мысль въ его учрежденій.

Во всемъ, что касалось интересовъ государства въ его администраціи, мы видимъ Петра I точнымъ исполнителемъ законовъ; ни одинъ историкъ не можетъ упрекнуть его въ противномъ. Многіе же видятъ какую-то комедію или фарсъ во всѣхъ его рапортахъ, донесеніяхъ и отчетахъ правительствующему сенату; равно въ томъ, что послѣднему было предоставлено исключительное право пожалованія чинами, дворянствомъ и другими наградами.... Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія ссылаются на деспотическія выходки Петра I.... Не оправдывая Петра въ послѣднемъ, мы однакожь не можемъ согласиться съ мнѣніемъ первымъ. Петръ I былъ слишкомъ великъ, какъ геній и патриотъ, чтобы изъ всей государственной своей жизни сдѣлалъ фарсъ. При Полтавѣ онъ сказалъ войскамъ: «Петръ вѣдаетъ, что ему жизнь его недорога, только бы жила въ блаженствѣ и славѣ Россія.» Послѣ этихъ словъ, подобно прочимъ воинамъ, онъ былъ въ самомъ разгарѣ битвы. Что это не была фраза — это доказалъ Петръ, готовясь погибнуть подъ Прутомъ, лишь бы не подписать унижительнаго мира.... Наконецъ, если бы Петръ не былъ величайшій русскій патриотъ (хотя онъ понималъ патриотизмъ въ смыслѣ государственномъ, а не народномъ), то онъ думалъ бы о единственныхъ своихъ интересахъ а не о благѣ Россіи; осужденіе же Алексѣя Петровича и манифестъ его о наследникѣ престола — доказываютъ совершенно противное.... Такой патриотъ могъ только дѣйствовать по убѣжденію, съ яснымъ сознаніемъ, что его отчетность сенату могла только его возвысить, а не унижить... Дѣйствительно, съ такими разумными началами понадаются и выходки неукротимаго деспотизма въ реформаторѣ; но всѣ великіе преобразователи не отличаются овечьими натурами.... Крохаль, Робеспьеръ, Мазаринъ, Дантонъ, Кантелла, также не овечки; но никто не дерзнетъ упрекнуть ихъ въ нелюбви къ отчизнѣ и народу... Какъ фанатики своей идеи, — они проводили ее огнемъ и мечомъ; но собственно вѣчала, во имя котораго они ратовали, въ высшей степени гуманно.... Плаха, кнутъ и дубинка играли при Петрѣ также важную роль; но примите во вниманіе тѣ затрудненія, закія жилъ Петръ, приступая къ реформамъ. Поклоняясь общественнымъ учрежденіямъ — сенату и синоду, онъ

однакожь не могъ не видѣть, что члены того и другаго не вполне понимаютъ его мысли и слишкомъ несовершенны на своемъ посту. Петръ дѣйствовалъ собственнымъ примѣромъ, убѣждалъ, грозилъ и когда ничто не помогало, онъ прибѣгалъ къ дубинкѣ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ не чтилъ самыя учрежденія: письмо его изъ подъ Прута доказываетъ противное. Въ настоящее время возникло сомнѣніе насчетъ подлинности этого письма; но мы вѣримъ въ него безусловно. Причины тому слѣдующія: 1) содержаніе этого письма стало извѣстно въ прошломъ вѣкѣ, когда еще было свѣжо въ народномъ преданіи царствованіе Петра, и если бы оно было вымышлено, то его опровергли бы еще тогда же; 2) то, что Петръ твердо рѣшился погибнуть подъ Прутомъ, лишь бы не подписать унижительнаго для Россіи мира — фактъ несомнѣнный, поэтому Петръ долженъ же былъ сдѣлать какое нибудь распоряженіе относительно престола; 3) послѣ смерти Петра не осталось никакихъ письменныхъ распоряженій по престолонаслѣдію. Это обстоятельство приводитъ историка въ недоумѣніе. Какъ—Петръ, который во всей своей частной и общественной жизни былъ такъ аккуратенъ, который въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни былъ такъ внимателенъ ко всѣмъ мелочамъ, — какимъ образомъ этотъ человѣкъ не сдѣлалъ распоряженія относительно престола?... Устряловъ по этому предмету отвѣчаетъ очень оригинально: «Петръ не хотѣлъ такъ рано кончить свою жизнь, думалъ одолѣть самую смерть, и когда рѣшился объявить свою волю о наслѣдникѣ, не могъ уже произнести ни одного слова». Но мы спрашиваемъ почтеннаго историка: откуда онъ узналъ думы Петра, и откуда почерпнулъ онъ свѣдѣнія, что Петръ рѣшился сказать, кого онъ назначилъ на престолъ; но уже не могъ этого сдѣлать.... Какъ юристу, да позволено мнѣ будетъ усомниться въ справедливости этого мнѣнія, и я отвѣчаю на собственный мой вопросъ — одно изъ двухъ: или что завѣщаніе было оставлено Петромъ, но что его утаили; или что его не было, такъ какъ сенатъ имѣлъ письмо государя изъ подъ Прута. Послѣ этого письма (*), государь издалъ свой манифестъ о наслѣдникѣ престола, предоставивъ себѣ право его избранія; но могъ ли Петръ воспользоваться этимъ правомъ, когда онъ, фанатикъ своей идеи, образцовый патриотъ, не видѣлъ въ окружающихъ его людяхъ столько способностей и самоотверженія, чтобы идти его путемъ.... Если бы Петръ имѣлъ кого нибудь въ виду — какъ своего преемника, то онъ бы это невольно высказалъ своимъ приближеннымъ людямъ; а то исторія намъ повѣствуетъ, что одинъ только Теофанъ Прокоповичъ объявилъ по этому предмету волю императора....

(*) Письмо писано въ 1711 году, а манифестъ изданъ въ 1722 году.

Намъ же извѣстно изъ исторіи Моиса, что въ послѣдніе годы своей жизни императоръ былъ недоволенъ Екатериною. Пусть же исторія, кромѣ свидѣтельства Прокоповича, укажетъ хоть одно слово Петра, изъ котораго можно бы было заключить, кого онъ желалъ видѣть на престолѣ; а между тѣмъ она указываетъ на сенатъ, какъ на народное учрежденіе, которому ввѣрена была вся внутренняя жизнь государства.... И когда Петръ лежалъ на смертномъ одрѣ, сенатъ собрался во дворцѣ и рѣшилъ возвести на престолъ Петра II: этотъ обстоятельствомъ доказывается справедливость моихъ словъ. Эта мысль оправдывается и учрежденіемъ государствъ относительно имущества порядка единонаслѣдія. Въ этомъ учрежденіи видна идея: поддержать родовыя начала народа. И какъ вы согласуете это съ уничтоженіемъ родоваго начала въ царствующей династіи?... Не нужно забывать, что Петръ жилъ въ Англіи, въ эпоху самую блистательную для исторіи ея парламента. Геній Петра едва ли не могъ тогда замѣтить, что формы Англіи — однѣ изъ самыхъ близкихъ къ правдѣ.... Но великій реформаторъ не зналъ, что подобныя учрежденія, какъ въ Англіи, могутъ быть прочны только тогда, когда они вытекаютъ изъ народнаго духа. Наша боярская дума могла бы замѣнить англійскій парламентъ; но могъ ли Петръ рѣшиться оставить ее въ прежнемъ видѣ?... Большинство старыхъ фамилій — развѣ не были противъ реформъ Петра?... Да и какія были начала этой думы? Исторія объясняетъ намъ, что въ нее допускалась аристократія съ голосомъ совѣщательнымъ и члены ея были по назначенію государя; равно отрѣшеніе ихъ зависело отъ его воли; только при Михаилѣ Феодоровичѣ она имѣла голосъ рѣшительный. Оставить ее въ прежнемъ видѣ Петръ не могъ, такъ какъ ему нужно было учрежденіе рѣшительное, а не совѣщательное; при томъ учрежденіе—передовое, а не ретроградное. Оставить названіе думы и дать ей власть и устройство сената, онъ также не хотѣлъ, такъ какъ ему было ненавистно названіе бояръ. Что жъ оставалось ему—какъ не преобразовать ее въ правительствующій сенатъ. Сдѣлавши этотъ шагъ, онъ долженъ былъ измѣнить и самыя ея начала: могъ ли онъ организовать сенатъ изъ одной только высшей аристократіи, когда большая часть ея была противъ его реформъ. Сдѣлай онъ это, онъ бы отдалъ и себя и всѣ свои реформы въ руки своихъ противниковъ. Скажи Петръ, что аристократія имѣетъ наслѣдственное право на званіе сенаторовъ съ англійскимъ началомъ единонаслѣдія, — онъ бы отдалъ всю власть въ руки противной партіи. То же самое было бы, еслибы Петръ учредилъ палату общинъ: народъ былъ еще слишкомъ грубъ и невѣжественъ, чтобы принять это великое общественное начало; сформируйся тогда это учрежденіе — старая партія одержала бы верхъ и погрузила бы го-

сударство въ невѣжество. Слѣдовательно Петръ не могъ рѣшиться 1) на наследственное нѣрство аристократіи; 2) на палату общинъ; 3) даже на земскіе соборы: послѣдніе не могли бы понять ни его великихъ предначертаній, ни демократическихъ началъ, внесенныхъ имъ въ законодательство. Чтожь оставалось Петру какъ не сдѣлать сенатъ верховнымъ правительственнымъ мѣстомъ, которому онъ самъ подчинялся?... Сенаторы объявлены неприкосновенными; судъ надъ ними ввѣренъ однимъ сенаторамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ государь предоставилъ себѣ право назначенія сенаторовъ не изъ одной только аристократіи, но вообще изъ людей способныхъ и принесшихъ услуги государству.

При Θεодорѣ Алексѣевичѣ, Софіѣ Алексѣевнѣ и въ началѣ царствованія Петра, хотя мѣстничества уже не существовало, но правительство придерживалось стариннаго замѣщенія должностей — одною аристократіею. Петръ же, приступая къ реформамъ, начинаетъ вводить въ правительство демократическій элементъ, допуская и людей не родословныхъ и иностранцевъ къ занятію самыхъ высокихъ степеней въ правительствѣ. Видно было, что Петръ хотѣлъ порѣшиться съ тогдашними древними фамиліями и образовать новую аристократію: онъ постановилъ, что первый военный чинъ и восьмой классъ гражданской службы даютъ наследственное дворянство; сподвижникамъ своимъ роздалъ помѣстія, и установилъ единонаслѣдіе. Ясно было, что мысль его заключалась въ томъ, что преобразованное имъ дворянство пойдетъ этимъ новымъ путемъ къ англійскимъ правительственнымъ формамъ, и этимъ только мы оправдываемъ то, что онъ окончательно закрѣпостилъ крестьянъ. Послѣдній фактъ, совместно съ закономъ объ единонаслѣдіи, обнаруживаетъ, что Петръ хотѣлъ образовать сильное дворянское сословіе съ феодалными правами и обязанностями. Самая хронологія указываетъ вамъ, что всѣ эти учрежденія имѣли между собою тѣсную связь: 1) въ 1714 году возникъ законъ объ единонаслѣдіи; 2) въ 1719 году ревизіею окончательно укрѣплены крестьяне къ землѣ; 3) въ 1722 году вышелъ указъ о рангахъ; 4) въ этомъ же году воспослѣдовалъ законъ о наслѣдникѣ престола. Всѣ эти учрежденія возникли такимъ образомъ быстро одно за другимъ въ эпоху реформъ Петра и указываютъ на то, что они имѣли въ умѣ реформатора извѣстную систему и не были случайными мѣрами. Словомъ, Петръ хотѣлъ вести Россію по историческому пути Англии; но что полезно для одного народа, то вредное на другой почвѣ можетъ быть вредно. Первое порожженіе случилъ законъ о единонаслѣдіи: народъ встрѣтилъ его враждебно, такъ какъ онъ противорѣчилъ всѣмъ его понятіямъ и нравственнымъ началамъ; законъ этотъ вскорѣ при Аниѣ Іоанновнѣ былъ отмѣ-

нень.... Сенатъ, составленный изъ лицъ назначаемыхъ государемъ, потерялъ свое прежнее значеніе при преемникахъ Петра. Магистратъ былъ уничтоженъ и съ нимъ пала самостоятельность городовъ. Осталось отъ Петровыхъ учрежденій одно только право народа: получать за заслуги потомственное дворянство и крѣпостная зависимость. Естественно, когда основная мысль Петра объ организованнн сильнаго сословія дворянъ, на европейскихъ началахъ, рушилась, то крѣпостное право сдѣлалось уродливимъ общественнымъ учрежденіемъ. Петръ половину народонаселенія обратилъ въ крѣпостныхъ, по требованію своей идеи, осуществленіе которой было призраккомъ. Но развѣ изъ дворянъ онъ не сдѣлалъ тѣхъ же крѣпостныхъ? Дворянинъ обязанъ былъ всю жизнь свою служить; имѣніемъ своимъ онъ не владелъ; онъ не имѣлъ права распоряжаться; даже для женитьбы требовался экзаменъ.... Петръ былъ фанатикъ идеи государственной.... Ради этой идеи, онъ жертвовалъ династическими своими интересами, закрѣпостилъ дворянство и сельскихъ обывателей, уморилъ въ болотахъ Петербурга, ладожскаго и другихъ каналовъ сотни тысячъ людей (*).... Само собою разумѣется, если бы Петръ могъ предвидѣть, что его учрежденія, которыя вели русское дворянство къ англійскимъ формамъ, рушатся, то онъ вѣрно не установилъ бы окончательно крѣпостнаго права; но ошибка его заключалась именно въ томъ, что онъ слишкомъ сильно вѣрилъ въ крѣпость и непреложность своихъ учрежденій.... Онъ нанесъ ударъ старой аристократіи и организовалъ новую чиновную аристократію; это вело къ бюрократизму, а не къ организаціи сильнаго дворянскаго сословія.... Но видно, что старая аристократія была при Петрѣ въ сильномъ упадкѣ и что въ народѣ она потеряла свой кредитъ: это доказывается тѣмъ, что со смертію Петра вступая на престолъ иностранка, незнатнаго происхожденія, Екатерина I. Съ ея смертію правительственная власть поступаетъ къ Меншикову — человѣку изъ народа. При Аннѣ Иоанновнѣ, конной курляндской герцогини править государствомъ, а послѣ ея смерти становится регентомъ Россіи. Минихъ, Остерманъ, Разумовскій, Потемкинъ — окончательно приучаютъ народъ къ мысли, что правителями могутъ быть и иностранцы и люди изъ народа, лишь бы они были люди *чиновные*.

Для того, чтобы поразить старую аристократію и создать новую. Петръ вводитъ чины; но они при немъ имѣютъ только характеръ разныхъ наградныхъ степеней: талантъ, протекція и тому подобныя другія причины могутъ человѣка повисить разомъ на нѣсколько ступеней.

(*) Въ одинъ Петербургъ пригонялось ежегодно по 40 тысячъ душъ на работы.

пешей. — Впослѣдствіи же времени, чины становятся бюрократическими ступенями и образуютъ изъ чиновниковъ чистую іерархію: каждое повышеніе начинаетъ измѣряться не заслугою, а выслугою и происхожденіемъ.

Бюрократизмъ хотѣлъ сдѣлаться замкнутымъ: вотъ почему къ гражданской службѣ стали допускать только сословіе однихъ дворянъ и дѣтей чиновниковъ.

Нужно также вспомнить, что отъ Петра I до Петра III, каждый дворянинъ долженъ былъ непремѣнно служить—значитъ имѣть чинъ. И давно ли перестали называть дворянъ безчиновныхъ, хотя бы имъ было восемьдесятъ лѣтъ, *недорослями*?... А извѣстно, такъ какъ обычай получаютъ часто силу закона, такъ и обратно законы обращаются въ обычай. Чины доказали у насъ справедливость послѣдняго: дворянство, обязанное закономъ непремѣнно служить, чрезъ это получило *чиноманію*: считалось позоромъ не имѣть чина, а постановленіе, что безчиновные дворяне не могутъ служить по выборамъ — окончательно подѣйствовало въ этомъ смыслѣ. Каждый дворянинъ съ дѣтства записывался въ полкъ или канцелярію и съ первымъ же чиномъ выходилъ въ отставку. Понятіе чиновника и дворянина слилось. Такимъ образомъ, мысль Петра объ образованіи сильнаго дворянскаго класса, посредствомъ чиновъ и закона объ единонаслѣдіи, рушилась: при преемникахъ его осталось только за дворянами чиновничество, обязательность службы и крѣпостное право. Въ такомъ положеніи находилось дворянство, когда жалованная грамота Екатерины II обратила дворянство каждой губерніи въ сословіе, съ тѣми правами, которыми оно теперь пользуется. Дворянство наше обрадовалось этой жалованной грамотѣ. Но жалованная же грамота, возвысивъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ удалила его отъ народа и разбила его силы.... До устройства дворянскихъ собраній провинціальное дворянство группировалось въ Москвѣ и Петербургѣ вокругъ вліятельныхъ родословныхъ лицъ и составляло партіи болѣе или менѣе сильныя, которыя могли вліять на правительство. Съ учрежденіемъ же дворянскихъ собраній, провинціальное дворянство стало концентрироваться у себя дома и занялось только мѣстными интересами. Самое понятіе о дворянствѣ, какъ о губернскомъ сословіи, очень слабо. Закономъ дано участіе въ выборахъ только поземельнымъ собственникамъ. Не всѣ же дворянскія фамиліи могутъ удерживать въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ свои имущества. Поэтому отъ частаго перехода послѣднихъ изъ однихъ рукъ въ другія, вводятся на выборы каждый разъ новыя лица, которыхъ очень часто мало интересуютъ дворянскіе мѣстные интересы. Кромѣ этого, большая часть дворянъ занята служебною дѣятельностью и поэтому,

ходясь въ отсутствіи изъ своихъ имуществъ, они совершенно равнодушны къ интересамъ мѣстнаго дворянства. При такой обстановкѣ, могло ли дворянское сословіе организовать изъ себя что нибудь цѣлое, систематическое? По этимъ основаніямъ дворянство у насъ никогда и не было — ни обществомъ, ни сословіемъ; а оно было только привилегированнымъ классомъ людей, которому отдано было господство надъ остальною частью народонаселенія. При такомъ общественномъ положеніи нашего дворянства, къ чему могутъ послужить ему заповѣдныя имущества и майораты? Оно само понимаетъ, что эти учрежденія суть анахронизмъ: они противорѣчатъ родовымъ понятіямъ народа, его духу и настоящимъ потребностямъ; вотъ почему въ теченіе болѣе полулѣтковаго своего существованія, заповѣдныхъ имуществъ въ Россіи учреждено только десять. Въ западныхъ же губерніяхъ можно насчитать ихъ больше; но они возникаютъ тамъ единственно чрезъ пожалованье.

А какую пользу приносятъ народу заповѣдныя владѣльцы?... Всѣ они не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, вовсе не интересуются мѣстными дворянскими интересами и не въ состояніи вести въ большихъ своихъ имѣніяхъ рациональнаго хозяйства. При крѣпостномъ правѣ этотъ родъ имуществъ могъ имѣть оправданіе въ феодализмѣ; но въ настоящее время мы рѣшительно не понимаемъ его значенія. — Русское дворянство, разъединенное отъ народа учрежденіями петровской реформы, теперь на пути къ новому соединенію съ нимъ. Теперь рушатся тѣ причины, которыя препятствовали дворянству идти путемъ національнымъ. Дворянству нынѣ предстоитъ великая перспектива и будущность: составляя просвѣщенную часть народа, оно, стоя во главѣ его, можетъ повести его къ просвѣщенію, прогрессу и общественнымъ реформамъ (*).

И. ФИЛИПОВЪ.

Село Окино, Кіевской губерніи
Звенигородскаго уѣзда.

(*) Третья часть моего сочиненія вскорѣ появится въ печати. — Авторъ.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VII.

Въ лунную, морозную январскую ночь, по К... шоссе тащился возокъ, нарушавшій своимъ скрипомъ и визгомъ тишину оконченной природы. Въ этомъ снѣжномъ морѣ, возокъ можно было издали принять за движущееся чудовище, съ двумя глазами и съдыми рѣсницами, — такой видъ имѣли его окна, опущенныя мѣхомъ и освѣщенныя фонаремъ, горѣвшимъ внутри экипажа.

Порывистый вѣтеръ заунывно гудѣлъ въ безконечномъ, плоскомъ пространствѣ и шелестилъ колкими снѣжинками, которыя летали и кружились то по землѣ, то въ воздухѣ. Даль съ каждой минутой становилась непроницаемѣе, метелица разыгрывалась, морозъ замѣтно усиливался.

Наши поэты часто вообще воспѣвали прелесть русской зимы; а наши патріоты, проживающіе въ Италіи или въ Парижѣ большую часть своей жизни, восторгаются трескучими морозами, которымъ мудрые мужи приписываютъ мощь духа и тѣла русскаго человѣка. Я согласенъ, что морозъ придаетъ бодрость тому, кто, цѣлую ночь просидѣвъ за ужиномъ, на другое утро всталъ

съ отуманенной головой, — онъ, разумѣется, пройдясь по морозу освѣжится настолько, что почувствуетъ силу снова провести также и слѣдующую ночь. Повѣрю также, что русская зима имѣетъ пріятность для тѣхъ, кто, закутавшись въ собольи и медвѣжьи шубы, промчится на рыскахъ послѣ длиннаго обѣда въ оперу. Согласенъ, что можетъ быть есть поэзія въ морозѣ и для того, кто скачетъ на лихой тройкѣ съ сотеннаго пикника. Но крѣпко сомнѣваюсь, чтобъ морозъ придавалъ бодрость духа и тѣла ямщику, сидящему на козлахъ. Посмотрите, какъ онъ съѣжился въ своемъ дырявомъ армячишкѣ, какъ нахлобучилъ шапку на свое лицо, покрытое чѣмъ-то въ родѣ ледяной коры. Въ этомъ случаѣ морозъ скорѣе можно сравнить съ дикимъ притѣснителемъ, который подавляетъ все своей страшной ледяной силой. Только къ чему это было морозу и вѣтру такъ допекать бѣдняка! какъ будто мало несчастному ямщику невзгодъ и безъ него? Да и что за хитрость вѣтру проникнуть сквозь лохмотья и оледенить тѣло, изнуренное наслѣдственнымъ трудомъ и изпоконъ вѣковъ гнетущимъ голодомъ.... Хотъ бы вы трескучіе морозы и буйные вѣтры сжалились надъ этими бѣдняками, которымъ цивилизованное общество потому только и дозволяетъ прозябать на землѣ, что нужно же кому нибудь для его комфорта сидѣть по 5 часовъ на козлахъ, при 40 градусахъ морозу! Но вѣтеръ и морозъ, какъ и вообще достаточные люди, не очень-то сострадательны къ бѣднякамъ; а потому ямщикъ, казалось, замерзъ на своемъ снѣжномъ тронѣ, и его окоченѣлыя рукавицы какъ будто примерзли къ возжамъ. Лошади, худыя, хромыя, еле передвигали ноги, поминутно скользя по льду, потому что вьюга слудла весь снѣгъ съ дороги.

Внутри возка тоже какъ будто всѣ окоченѣли. Въ наружномъ мѣстѣ кожа была опущена; тамъ крѣпко спали кондукторъ и пассажиръ въ нагольномъ тулупѣ. Въ самой каретѣ тоже царствовалъ сонъ. Въ одномъ углу, прижавшись, съ закрытыми глазами, сидѣла красивая, молодая дѣвушка, въ капорѣ, закутанная въ шубу. Сосѣдь ея былъ пожилой господинъ, одѣтый въ два тулупчика на барашкахъ; на головѣ у него была истертая, рыжая бобровая шапка; этотъ пассажиръ спалъ, уткнувъ лицо свое въ уголь, и только отъ времени до времени кончикомъ носа шаркалъ о сукно, точно сѣрной спичкой о стѣну. Путешественница открыла пугливо глаза, когда монотонное скрипѣнье полозьевъ и покачиваніе возка прекратилось. Она выглянула изъ

она, и чуть не захлебнулась и не ослѣпла отъ ворвавшегося холоднаго вѣтра, и вмѣстѣ съ нимъ холодно-жгучихъ снѣжинокъ.

— Потри морды! раздался могучій голосъ въ ночной тишинѣ.

Промерзшій ямщикъ замахалъ руками на лошадей, но тѣ не двинулись.

— Потри морды, — я тебѣ говорю, разбойникъ! болѣе уже грозный раздался голосъ изъ-подъ кожи наружнаго мѣста, и шапка ямщика нахлобучилась ему на носъ. Ямщикъ молча вытаскилъ замерзшую свою руку изъ окоченѣлой рукавицы и, приподнявъ шанку съ глазъ, бросился на землю, подъ градошъ ругательства кондуктора.

— Что хитришь? — жаль кнута? Бей ихъ, одровъ!... Ахъ ты, образина! заоралъ кондукторъ и, бросясь къ лошадямъ, сталъ имъ самъ такъ неистово протирать морды, что лошади повитились въ бокъ, а возокъ покатился въ небольшую канавку, и засѣлъ бокомъ въ снѣгу.

Спящій пассажиръ дико вскрикнулъ, очутившись подъ тяжестью своихъ кульковъ и оглушенный криками ямщика и бранью кондуктора.

— Александръ! Александръ! Спасите! оралъ пассажиръ.

— Ничего нѣтъ опаснаго: мы въ канавѣ лежимъ, утѣшала его сосѣдка.

— Господи, Господи! стоналъ пассажиръ.

— Вы удиблись?

— Нѣту; но мои бутылки! Господи! чуть не плача отвѣчалъ пассажиръ.

Между тѣмъ карета совершенно была наполнена спиртными ящиками, потому что изъ всѣхъ ея кармановъ торчали горлышки бутылокъ. Огромная фляжка, висѣвшая у пассажира черезъ плечо на зеленомъ шнуркѣ, непрерывно была въ дѣлѣ; время того, пассажиръ везъ два кувшина горчичной эссенции, которую онъ вылъ предъ ѣдой, увѣряя, что по приказанію доктора онъ это дѣлаетъ для помощи разстроенному желудку. Кромѣ того, у этого же пассажира находилось многое множество кульковъ, узеловъ, корзинокъ и прочаго, наполненныхъ конченой и соленой рыбой, постными меральными пирогами, сайками и калачами, такъ что съ этимъ запасомъ можно было бы, я думаю, пресущество-

вать въ пустынь, по крайней мѣрѣ, съ мѣсяць, — ну; а для него это назначалось всего на четыре дня.

Послѣ паденія возка въ канаву, пассажировъ вытащили на шоссе, и ямщикъ верхомъ на лошади поскакалъ за людьми въ ближнюю деревню.

— Что же это будетъ съ нами? стоналъ пожилой господинъ, кутаясь въ свои тулупчики, и поминутно потягивая изъ фляжки. — Долго ли это мы будемъ здѣсь мерзнуть? обратился онъ съ вопросомъ къ кондуктору, быстро прохаживавшемуся взадъ и впередъ, колотя руками и ногами.

— Извѣстно, пока лѣнтяй мужичонка съ полатей встанетъ, пока онучи свои навертитъ, въ затылкѣ почешетъ, такъ время не мало пройдетъ, отвѣчалъ кондукторъ.

— Вы не строго съ ямщика взыскиваете, вотъ что! А этотъ народъ, извѣстно—мошенникъ. Къ чему это онъ клячь-то закладывалъ? Чай заснулъ? — вотъ лошади и стали.

— Вотъ вы какъ рассуждаете.... А попробовали бы сами съ этимъ народцемъ говорить!—Да что, съ нашимъ мужикомъ еще можно сладить; а вотъ подите-ко въ другую сторону. Скажешь: поѣзжай, чухонская образина, скорѣе! — а онъ сейчасъ тебѣ отвѣтитъ: не смѣешь меня бить! — Вотъ, какъ вы тутъ-то поладите?

— Баловство нынче большое.... Я вонъ читалъ гдѣ-то, что въ иноземныхъ земляхъ простой народъ такъ избаловался, даже сидитъ при господахъ, а ты его не смѣй и пальцемъ тронуть. Ну, да и у насъ скоро до этого: всякія нечестія будутъ—гладь и разбой!... Но тутъ нашъ ораторъ остановился, потому что метель до того усилилась, что онъ предпочелъ стать спиной къ вѣтру и поплотнѣе закутаться. Всѣ чувствовали, что они леденѣли съ каждой минутой все сильнѣе и сильнѣе. Но никто изъ нихъ въ это время не подумалъ о бѣдномъ ямщикѣ, который уже нѣсколько часовъ испытывалъ подобную пытку, и за все это получилъ въ награду бранныя слова, да удары въ зубы. Но вотъ онъ вернулся съ народомъ.

Путешественница, между прочимъ, внимательно слѣдила за бѣдными мужиками, которые, стоя по колѣно въ снѣгу, замерзлые отъ дальней дороги, и сѣдые отъ иныя, съ тяжелыми криками и оханьями, вытаскивали возокъ изъ канавы. Наконецъ метель прекратилась; луна ярже освѣтила картину: точно и она заинтересовалась посмотреть, какъ эти люди, бросивъ ночью

жизнитою и сонъ, въ страшную вьюгу и морозъ явились на помощь своимъ братьямъ и, не щадя своихъ силъ, надрываются въ работѣ. При видѣ этой умильной картины, я горжусь, вмѣстѣ со многими нашими патриотами тѣмъ, что теперь, видя какъ работаютъ эти мужики, и я начинаю убѣждаться, что дѣйствительно морозъ придаетъ мощь духу и тѣлу русскаго человѣка. Разумѣется, у многихъ мужиковъ руки были окровавлены, у другихъ спина не разгибалась и ломила грудь, — да это что! — пустяки для русскаго мужика! Вѣдь этимъ-то онъ и заставляетъ гордиться многихъ шудрыхъ мужей нашихъ. Оно точно, очень удобно подобнымъ образомъ сочувствовать народу, заставляя его надрываться въ работѣ и утѣшаясь тѣмъ, что въ этомъ, дескать, залогъ его грядущихъ благъ.

Смотря на безпрестанно измѣнявшееся лицо путешественницы, наблюдавшей за работою, и видя его радость, когда работавшіе окончили свое дѣло — можно было догадаться, что она только по женской чувствительности не раздѣляла того мудроскокойнаго мнѣнія, что все нипочемъ русскому мужику.

По окончаніи работы, бѣдняки получили довольно скудное вознагражденіе; но и оно, повидимому, сильно обрадовало ихъ; такъ что при видѣ этихъ изнуренныхъ, но довольныхъ лицъ невольно пришелъ бы каждому въ голову слѣдующій вопросъ: чѣмъ бы ты, бѣднякъ, наполнилъ свою жизнь, гдѣ бы были твои радости и восторги, если бы богатъ, — единственный оцѣнщикъ твоихъ трудовъ, — не заваливался по большимъ дорогамъ и тѣмъ не давалъ бы тебѣ случая порадоваться, глядя на трудовую копѣйку?...

Возокъ между тѣмъ двигался медленно, потому что шоссе больше представляло удобствъ къ тому, чтобы кататься на конькахъ, чѣмъ ѣхать въ экипажѣ. Пассажиры были страшно измучены, проголодались и прѣзбли. Впрочемъ, умереть съ голоду они не могли, благодаря запасливому своему товарищу, который всѣхъ угощалъ меральми пирогами, — разумѣется, исключая лыщика, превратившагося совершенно въ ледяной комъ.

— Ахъ, ты мерзкая сосулька! — и бить-то тебя не стоитъ, замѣчалъ кондукторъ, обращаясь къ нему.

Пожилой пассажиръ, между прочимъ, очень любопытствовалъ узнать, кто такая его сосѣдка и спрашивалъ кондуктора, — что бы значило, что такая красивая, молодая особа ѣдетъ одна одишонокъ, и притомъ въ дальнюю дорогу?

Но кондукторъ, какъ человекъ бывалый, ничему не дивился, и пояснилъ это очень просто.

— Значить, не при деньгахъ, замѣтилъ онъ.

— Да вѣдь на видъ-то смотреть зажиточной такой! А како-го она чина?

— Чинъ-то у ней невеликъ, съ улыбкой отвѣчалъ кондукторъ, и все-таки опредѣлительно не сказалъ, какая именно путешественница.

Тогда пожилой пассажиръ приставалъ къ своей сосѣдкѣ съ распросами о ней самой; но такъ какъ та не имѣла расположенія къ откровенности, то онъ самъ разсказалъ всю свою жизнь, а кстати и биографію юнаго Александра, какъ онъ звалъ своего питомца сосѣда.

— Я призрѣлъ сироту, говорилъ пожилой пассажиръ про Александра: — Богъ мнѣ пошлетъ за это! У меня своихъ дѣтей нѣтъ, онъ и будетъ поконить мою старость. У молодца-то басни здоровый, просто оглушить можетъ! Ну, богъ-дасть выйдетъ въ люди потомъ, а теперь я его даже и мать-то благодѣтельствую.

Но его сосѣдка находила, что сирота и теперь слишкомъ много платитъ за его благодѣнія. — Александръ долженъ былъ при каждой остановкѣ экипажа вставлять свое длинное, сѣрое лицо въ окно, чтобъ выслушивать сотни распросовъ и приказаній своего благодѣтеля. На станціяхъ онъ долженъ былъ читать на столбахъ версты, распросить, кто проезжающій, если оказывался дорожный экипажъ у станціи, куда ѣдутъ и откуда; вытаскивать всѣ кулечки, корзиночки и бутылки — за своимъ благодѣтелемъ; — однимъ словомъ, благодѣтель превратилъ сироту въ своего лакея, и ждалъ еще отъ Бога и сиротѣ подъ старость вознагражденія за это.

Наконецъ возокъ прибылъ къ вожделенной станціи, на которой оказалась единственная небольшая, грязная комната, съ диваномъ, съ двумя столами и кривыми зеркалами въ простѣнкахъ; но промерзшіе пассажиры и тому были рады. Вдругъ кондукторъ имѣлъ жестокость отравить и эту радость. Онъ объявилъ, что слѣдующую станцію всѣ пассажиры поѣдутъ на перекладной.

Благодѣтельное лицо пришло было въ азартъ, но кондукторъ осадилъ его сразу, сказавъ:

— Какъ угодно, — можете ждать здѣсь, тогда будетъ мѣсто въ колесномъ экипажѣ. Я вѣдалъ, слава-богу, съ генералами, и тѣ соображаются съ обстоятельствами.

Путешественница молча покорилась своей участи и смотрѣла, какъ ея сосѣдъ, сбросивъ съ себя свои тулупчики, въ камлотовомъ балахонѣ, топтался въ однихъ толстыхъ шерстяныхъ чулкахъ, около своихъ кульковъ и бутылокъ, укладывая все для тележнаго путешествія. Александръ, исполнивъ всѣ приказанія своего благодѣтеля, растянулся у печки спать и немедленно захрапѣлъ. — Пассажиръ между тѣмъ отогрѣвалъ себя уже третьимъ стаканомъ коньяка, съ небольшимъ количествомъ чаю, а сосѣдка его сидѣла на диванѣ съ книгой. Вдругъ подскочила къ станціи тройка, затѣмъ послышались ругательства, и въ комнату влетѣлъ юный офицеръ, ведя на цѣпи бульдога, котораго немедленно ударилъ, неизвѣстно зачѣмъ, арапникомъ.

— Вотъ охота съ такимъ лютымъ звѣремъ возиться! замѣтилъ пожилой господинъ своей сосѣдкѣ.

— А кому какое дѣло до этого, а? грозно спросилъ юный воинъ, услышавъ замѣчаніе.

— Это я такъ-съ. Извѣстно, въ ваши года все нипочемъ! сладко отвѣтилъ пассажиръ.

— Что вы завидуете моей молодости! Давайте мѣняться, сказалъ воинъ, крутя едва пробивавшіеся усики и нагло смотря на путешественницу:—я вамъ уступлю мою собаку, а вы мнѣ вашу дочь; или она жена ваша?

Путешественница подняла свои выразительные глаза на воина и такъ посмотрѣла на него, что онъ отвернулся, засвиставъ очень пронзительно какую-то польку.

— Экой шутникъ! Экой вы развеселый! смѣясь, льстиво говорилъ пожилой пассажиръ, и вдругъ пришелъ въ ужасъ, когда шутникъ уськнулъ своего бульдога на храпѣвшаго Александра.

— Что вы? что вы? бросаю къ сиротѣ, воскликнулъ въ страхѣ благодѣтель.

— Я хочу разбудить этого осла, отвязывая цѣпь, отвѣчалъ воинъ.

Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась шутка воина, еслибы станціонный лакей не въбѣжалъ въ попыхахъ въ комнату и не произнесъ, захлебываясь: «генералъ пріѣхалъ!» и при этомъ сбросилъ что могъ со стола и очистилъ мѣсто на диванѣ.

Пожилой пассажиръ чуть не заплакалъ, увидя свои пироги на полу, возлѣ бульдога, который тотчасъ же началъ пожирать ихъ.

Но вотъ обѣ половинки двери распахнулись и въ комнату во-

шелъ низенькій пожилой господинъ, коренастаго сложенія и значительной полноты, съ затылкомъ, образовавшимся изъ двухъ красныхъ складокъ, съ тупымъ, важнымъ выраженіемъ въ лицѣ краснаго цвѣта, и съ карими слезливыми глазами. Генеральъ презрительно окинулъ всѣхъ взглядомъ и сказалъ грозно станціонному лакею :

— Развѣ нѣтъ другой комнаты для меня?

— Никакъ нѣтъ—съ, ваше превосходительство, отвѣчалъ лакей:—не угодно ли—съ? И онъ сбросилъ на полъ салонъ путешественницы и тѣмъ очистилъ больше мѣста на диванѣ.

Но генеральъ нахмурился на офицера, который при его входѣ стоялъ на вытяжкѣ, спрятавъ свой арапникъ

— Это вашъ бульдогъ? Розка, назадъ! крикнулъ генеральъ на мопса, жирнаго и важнаго вида, какъ и слѣдовало быть собакѣ такого господина.

— Моя—съ! она пресмирная, ваше превосходительство, кротко отвѣчалъ офицеръ; въ немъ тѣни не было прежняго ухарства и наглости.

Но бульдогъ выдалъ своего господина и злобно зарычалъ на генеральскаго пса.

— Бульдоговъ держать только при конюшняхъ! замѣтилъ генеральъ офицеру, приглаживая свои коротенькіе, щетинистые волосы.

Офицеръ и бульдогъ тотчасъ исчезли.

Генеральъ сталъ посреди комнаты и, заложивъ руки въ карманы своихъ панталонъ, важно разглядывалъ красивую и молоденькую путешественницу, и, замѣтно, ея синіе, выразительные глаза, съ черными рѣсницами, очень приглянулись ему. Дѣйствительно, фигура дѣвушки была привлекательна.

— Какъ могли вы ѣхать по такой дорогѣ въ возкѣ? спросилъ генеральъ путешественницу, которая молчала, а ея сосѣдъ, стоявшій все время, съ умильною пріятностью отвѣчалъ:

— Очень бѣдствовали, ваше превосходительство.

Генеральъ сѣлъ поближе къ путешественницѣ, и покровительнымъ тономъ сказалъ пожилому пассажиру:

— Пейте свой чай.

Въ эту минуту жирный мопсъ, обнюхавъ всѣ уголки, добрался и до спящаго Александра; оцетинясь, злобно залаялъ; вѣроятно онъ не привыкъ, чтобъ въ присутствіи его хозяина нагольные тулупы осмѣливались храпѣть. Благодаритель Алексан-

дровъ въ попыхахъ сталъ будить сироту, а самъ мягкимъ голо-
сомъ объяснялъ генералу:

— Я прирѣлъ сироту, везу его опредѣлить на службу, ваше
превосходительство. Мы вѣдь чуть не замерзли въ полѣ; метели-
ца была страшная!... И онъ сталъ рассказывать о претерпѣн-
ныхъ бѣдствіяхъ, но на половинѣ своего рассказа былъ прерванъ
вошедшей толстой помѣщицей, съ кучею крѣпостной прислуги и
съ тощей старухой съ плаксивою миной. Пока прислуга суети-
лась около барыни, тощая старуха усѣлась на кончикъ стула въ
уголку и такъ сладко, жалобно смотрѣла на всѣхъ, что не оста-
валось сомнѣнія въ ея попрошайствѣ.

— Ахъ, ваше превосходительство! радостно воскликнула по-
мѣщица, увидѣвъ генерала.

— Вотъ неожиданная встрѣча! Домой ѣдете, Мавра Поли-
карповна? спросилъ генераль.

— Домой, домой! Просто измучилась я въ этомъ Петербур-
гѣ! Почти все прохворала.

— Что такъ, чѣмъ?

— Рѣзи, все рѣзи! Да и кашель—то сталъ еще пуще душить
меня.

Точно, помѣщица ежеминутно кашляла и хрипѣла отъ мо-
кроты.

— Что же вы не лечились въ Петербургѣ? Кажется, тамъ
есть знаменитые доктора, иронически улыбаясь и поглядывая на
красивую путешественницу, спросилъ генераль.

— Эдакая—то дороговизна! Что вы? Я вотъ очень жалѣю,
что не успѣла полечиться у арапа; только передъ самымъ отъѣз-
домъ узнала, что черезъ домъ и жилъ—то отъ меня. Просто чу-
деса выкидываетъ, отъ всякихъ болѣзней вылечиваетъ; отъ все-
го,—отъ пьянства даже: какъ рукой сниметъ, какой бы пьяница
ни былъ.

— Какими же это онъ лекарствами вылечиваетъ отъ всѣхъ—
то болѣзней? уже шутливымъ тономъ заговорилъ генераль.

— Да что тутъ, ваше превосходительство, смѣяться—то! Это
вѣрно! Онъ выпочиваніемъ мозга излечиваетъ, а на это самъ ва-
ритъ декокты разные.

— Какъ же это вы оплошали, а?

— Да вѣдь Петербургъ такой городъ, что жидель, что че-
въ немъ, точно въ неприятельскомъ лагерѣ; въ его карету.
то; нажись, тамъ всѣ только и думаютъ о заоралъ генераль, и

шлеть что разузнать, такъ ровно ничего не узнаютъ. Впрочемъ, мои люди олухи, лѣнтяи!... Вы вотъ когда были въ Петербургѣ, у васъ были отъ воды рѣзи? Говорятъ, у всѣхъ прїѣзжихъ эта рѣзь происходитъ отъ невской воды?

— Не могу вамъ сказать! Я не страдалъ этой болѣзнию, поѣщая нашу красавицу столицу. А вотъ насчетъ кармана, могу достоверно сказать, что петербургскій воздухъ вреденъ, очень вреденъ, — сухотка какъ разъ появляется, отвѣчалъ генералъ и самъ заключилъ свою рѣчь смѣхомъ, вѣроятно найдя, что все сказанное имъ очень остроумно; а между тѣмъ все поглядывалъ на молодую путешественницу, какъ бы ожидая ея улыбки въ награду; но она отвѣчала ему суровыми взглядами.

— О петербургской дороговизнѣ, вы мнѣ, батюшка, ваше превосходительство, не говорите, съ хрипотой горячо возразила помѣщица: — ну, что, кажется, стоить самая простая визитка или тужурка? Приторговала я ихъ въ модномъ магазинѣ, еще все мнѣ твердили, что изъ дешевыхъ. Спросили съ меня семьдесятъ пять рублей; я даю. Что же бы вы думали? Подай имъ семьдесятъ пять на серебро! Каково? Я просто чуть не наплевала въ глаза мадамъ-то. Безстыжіе всѣ тамъ!

— Веселились ли вы хоть въ Петербургѣ? спросилъ генералъ.

— Какъ веселиться-то, при такой дороговизнѣ? Последнее время я и карету-то не нанимала на цѣлый день. Театры — приступу нѣтъ. Въ гости ѣхать безъ зову нельзя; жди, когда пригласятъ. Стоитъ карета даромъ цѣлый вечеръ, — ну, жаль, и ѣздишь по городу-то, а ухабы всю спину расколотятъ. Нѣтъ, я думала и не вѣсть что такое въ Петербургѣ, — а, право, хуже нашего города! Все такъ странно; идетъ министръ по улицѣ, точно простой человекъ, — народъ и въ усъ не дуеетъ! Одно только мнѣ и понравилось, какъ въ Невскомъ монастырѣ хоронятъ. Вотъ это такъ хорошо! Истинно, почетъ воздаютъ, а оно и покойнику лестно, ну, и для родственниковъ то же; вѣдь весь генералитетъ идетъ за гробомъ, музыка играетъ, духовенства тьма! Ужь это что хорошо, такъ хорошо.... Вотъ одно бы еще надо, чтобы за женами военныхъ генераловъ также играла бы музыка. Вѣдь онѣ носятъ чинъ мужа, почетъ имъ дѣлаютъ при жизни какъ и мужу, такъ пусть бы и за гробомъ воздавали имъ тѣ же почести.

Генералъ тѣпился надъ помѣщицей и подлакивалъ ей, рассказывая по комнатѣ, а попросиайка каждый разъ прѣставляла съ

своего шеста, когда онъ проходилъ мимо ея. Въ одну изъ такихъ встрѣчъ помѣщица отрекомендовала ее генералу.

— Ваше превосходительство, вотъ благородная женщина, а должна, по бѣдности своей, со всякой мѣщанкой жить по квартирамъ. Каково это! Выхлопочите-ко ей пенсію, ваше превосходительство; вѣдь прежде она барыней жила, были у ней свои лошади, кареты....

Попрошайка скорчила страшно плаксивую гримасу и, подойдя мелкими шагами къ генералу, чмокнула его въ руку.

— Чего же вы желаете? покровительнымъ тономъ спросилъ генералъ, нисколько не конфузясь отъ поцалуя.

— Курицы, ваше высокопревосходительство, курицы! жалобно простионала она.

— Какая ужъ тебѣ курица! Проси хоть, чтобъ на квартиру что-нибудь дали, чтобы благородные люди не видѣли больше, какъ всякая мѣщанка считаетъ тебя равной себѣ! прикрикнула помѣщица на попрошайку, а потомъ пояснила генералу ея слова: — она, видите ли, на бѣломъ мясѣ у отца-то воспитывалась, такъ ей и трудно ѣсть говядину-то; потому она и проситъ дать ей средства—ѣсть курицу. Право, надо ей помочь; вѣдь она изъ благородныхъ!

— Гдѣ вашъ мужъ служилъ? спросилъ генералъ.

— Она дѣвица, отвѣчала помѣщица за нее: — отецъ ея разорился по откупамъ.

— Какая же тутъ можетъ быть пенсія, если отецъ ея не служилъ?

— И-и-и, Господи! Не знаю что ли я, что пенсію даютъ такимъ, у которыхъ никто въ семействѣ-то чину никакого не имѣлъ!

— Этого не допускаетъ законъ.

— Законъ! законъ! Полноте! Захотите вы, такъ вотъ вамъ и законъ! Слава-богу, вы въ своей губерніи никого не боитесь! Что захотѣли, то и будетъ,—очень нуженъ вамъ законъ.

Генералъ улыбался при словахъ помѣщицы, непризнающей законъ; но въ то же время было видно, что онъ гордился такой властью въ губерніи. Однако пріятное расположеніе духа въ немъ быстро исчезло, когда смотритель робко объявилъ, что черезъ десять минутъ лошади будутъ заложены въ его карету.

— Почему не сію минуту, а? свирѣпо заоралъ генералъ, и

потоки брани, очень грубой, посыпались на голову оторопѣвшаго зрителя.

— Я супъ изъ тебя велю сварить, если ты еще минуту промѣшкаешь! кричалъ генералъ неистово и какъ-то важнѣе сталъ смотрѣть на всѣхъ присутствовавшихъ, а тѣ подобострастно потупляли глаза; попрошайка даже привставала со своего мѣста, когда на нее падали глаза разгнѣваннаго генерала. Одна только красивая путешественница глядѣла на него смѣло, и ея взоръ какъ будто говорилъ: «о, несчастная губернія!»...

Лошади быстро были заложены въ генеральскую карету; но грозный проѣзжій продолжалъ болтать съ помѣщицей и пытался заговорить съ молодой путешественницей, которая упорно молчала, читая книгу.

— Какъ же это вы, сударыня, поѣдете въ телегѣ? спросилъ генералъ молодую путешественницу, подойдя къ ней близко.

— Какъ и всѣ, сухо отвѣчала она.

— Я доведу ее нѣсколько станцій, все же будетъ легче! сказалъ генералъ, обращаясь къ пожилому господину, вѣроятно, считая его близкимъ къ ней человѣкомъ.

— Конечно-съ, ваше превосходительство, для дамы очень чувствительна будетъ телега, отвѣчалъ пожилой господинъ.

— Благодарю! я не боюсь телеги, перебила его молодая путешественница.

— Если вы привыкли ѣздить на телегѣ, то, разумѣется, вамъ нечего и бояться! замѣтилъ ей обиженный генералъ.

Всѣ присутствовавшіе пришли въ негодованіе отъ непочтительности путешественницы.

Генералъ важно простился съ помѣщицей и, не обративъ вниманія на низкіе поклоны попрошайки и пожилаго пассажира, вышелъ изъ комнаты.

— Что вы надѣлали? Онъ вѣдь разсердился на васъ! замѣтилъ пожилой господинъ своей сосѣдкѣ.

— Пусть его сердится, спокойно отвѣчала она.

Пожилой господинъ горестно покачалъ головой.

— Жена ваша, или дочь? спросила его помѣщица.

Пассажиръ пояснилъ, что попутчица.

Помѣщица многозначительно откашлялась и обратилась съ такимъ вопросомъ къ путешественницѣ:

— Это вы одиѣ-то и изволите ѣздить?

— Одна.

— Вы извините меня, но я не могу утерпѣть, и скажу вамъ, что негодится такой молодой особѣ, такъ мало уваженія оказывать заслуженнымъ лицамъ. Вы знаете ли, что онъ можетъ сдѣлать, что захочетъ, въ своей губерніи? Знаете ли, какую честь онъ вамъ сдѣлалъ?... а вы за это даже и не поклонились ему, когда онъ уходилъ.

— Молодость! все это молодость! бормоталъ пожилой пассажиръ, въ оправданіе путешественницы. — Вѣдь круглая сирота-съ! Ну вотъ, ему хорошо, прибавилъ онъ, указывая на Александра: — я его наставлю, какъ слѣдуетъ, научу, какъ держать себя съ важными людьми, а имъ кто объяснить?

— Все же онѣ, если благовоспитанныя, то должны знать, что такому лицу вездѣ почетъ отдается — вонъ послѣ смерти даже музыка играетъ и важныя особы идутъ за гробомъ....

Но въ эту самую минуту раздался въ дверяхъ звонкій женскій голосъ: «Епифашка! только одинъ самоваръ спроси да тащи погребецъ!» И въ комнату вошла коренастаго сложенія женщина, лѣтъ подь пятьдесятъ, съ злымъ выраженіемъ лица, укутанная въ лисій салопъ и кацавейку на кроликовомъ мѣху, и увязанная безчисленнымъ множествомъ платковъ. Освобождаясь отъ теплаго платья, она успѣла распросить каждаго: кто такой? куда ѣдетъ? давно ли изъ дому? и проч.; одну только молодую путешественницу оставила въ покоѣ, да и то больше потому, что та старалась избѣгать разговора съ нею и все читала книгу. Новопріѣзжая между тѣмъ успѣла навязаться на даровой чай къ помѣщицѣ, и принялась рассказывать ей, какъ у ней недавно умеръ старшій сынъ.

— Что дѣлать, мы всѣ во власти Божіей! Грѣхъ роптать! замѣтилъ съ участіемъ ей пассажиръ.

— Да я, батюшка, и не ропщу, звонкимъ голосомъ и скоро выговаривая слова, воскликнула новопріѣзжая. — Да и какія нынче дѣти! боятся что ли они своихъ родителей? Только корми, знай, да обувай ихъ. Вотъ въ военную службу хотѣла отдать, такъ дай мать поручительство, что онъ будетъ прилично содержать себя въ полку. Что же это? Я его вырастила, учила, да потомъ еще содержи. Я ему предлагала идти въ монастырь, такъ нѣтъ,—хочу въ университетъ! Знаю я, какіе молодцы оттуда выходятъ! Нѣтъ, я не ропщу, что онъ умеръ: Богъ далъ, Богъ и взялъ. И право, на что дѣти, и безъ нихъ какъ хорошо живутъ и умираютъ. Вонъ помирала одна изъ здѣшнихъ помѣ-

щницъ. Все-то она распредѣлила, до каждой тряпочки. За три дня до смерти, сама приказала поставить на свой столикъ стаканъ воды, чтобъ душа, излетѣвъ изъ тѣла, пополасталась. Приказала всѣ шесть недѣль, послѣ своей смерти, стлать на постель каждый день чистое бѣлье, чтобъ въ чистотѣ присутствовала ея душа.... Я ѣздила къ ней собственно для того, чтобъ она, при своей смерти, принесла какое-нибудь пожертвованіе на обитель. Я много уже украсила церквей, много внесла пожертвованій отъ благочестивыхъ людей. Я очень благодарю Бога, что онъ сподобилъ меня быть трубою благодати божіей! Могу сказать, что какъ дымъ черезъ трубу проходитъ, такъ и чрезъ меня, грѣшную, много перешло жертвоприношеній на украшеніе обителей.

Новопріѣзжая говорила звонко и скоро, не забывая въ то же время пить и ѣсть.

— Такъ вы, значить, посвятили себя на благочестивыя дѣла? спросила помѣщица. — Вѣрно отъ огорченій? прибавила она.

— Нѣтъ-съ, я давно уже избѣгаю мірской суеты и больше по обителямъ разъѣзжаю. Всюду съ почетомъ меня встрѣчаютъ и провожаютъ. Наклонность къ благочестивымъ дѣламъ я возымѣла послѣ одного сновидѣнія.... Снизощель ко мнѣ во облакѣ старецъ и рекъ, чтобъ я сдѣлалась трубою божіей благодати. Я немало дивилась этому сновидѣнію, и говорю мѣтушкѣ Евпраксини: «какъ же это я буду трубою благодати, когда я ни богата, ни знатна?» А она мнѣ и сказала на это, что Господь, значить, одарилъ меня способностью разглагольствовать, и что чрезъ это самое я и могу приобрѣтать пожертванія.... Вотъ прошлаго года одинъ мѣщанинъ умеръ — десять тысячъ отказалъ въ обитель. Дочь осталась, и вдова осталась съ дѣтьми, но я убѣдила его, что для спасенія души надо, чтобъ теплилась вѣчная лампада, чтобы служили по немъ панихиды. Развѣ дочь то или вдова стали бы это дѣлать, на всѣ десять тысячъ? Такъ и есть!... онѣ бы всѣ деньги потратили на ученье своихъ ребятъ-шекъ!...

— Господа, лошади готовы! прервалъ вопедщій кондукторъ.

Началась всеобщая суматоха.

Пожилой господинъ любезно простился съ барынями. Когда всѣ вышли изъ комнаты, то новопріѣзжая и помѣщица придержали кондуктора и начали спрашивать о молодой путешественницѣ.

— Въ паспортѣ означена мѣщанскаго званія, отвѣчалъ имъ кондукторъ.

И барыни пришли въ негодованіе и упрекали себя за то, что считали ее за благородную.

— Это мы сидѣли на стульяхъ, а она изволила разваливаться на диванѣ! воскликнула помѣщица, закашлявшись и захрипѣвъ отъ гнѣва.

— Да еще съ ногами, подсказала попрощайка.

— Жаль, что поздно узнала, кто она такая. Я бы ее проучила! грозно замѣтила проѣзжая, способная къ разглагольствованію. — Ну вотъ—съ, не моя правда, что грамотѣ не слѣдуетъ учить всякаго? Вѣдь эту дерзость и фанаберію она изъ книгъ—то и получила.

— Это вѣрно! Вотъ оттого теперь и не различишь мѣщанку отъ благородной. Да вы бы еще посмотрѣли, какъ она изволила непочтительно отвѣчать генералу, да еще такому, который дѣлаетъ, что хочетъ въ своей губерніи. Я и думала, что можетъ она и сама—то важная; мало ли, молъ, какое несчастье могло случиться, что ѣдетъ одна. Вотъ, вѣдь и она жила барыней, указавъ на попрощайку, прибавила помѣщица.

Прощайка нашла нужнымъ скорчить при этомъ кисло-жадлобную гримасу.

— Я—съ день и ночь молилась за здравіе своихъ благодѣтелей и всегда поминаю усопшихъ, льстиво сказала она, глядя на новопрѣзжую.

— Ну, еще бы не молиться за нихъ!... грубо замѣтила коренастая барыня.

— Разумѣется, надо молиться за своихъ благодѣтелей, повторила помѣщица, и обратясь къ коренистой проѣзжей, спросила: — а вы были въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, не была. Я вотъ думаю совершить поклоненіе ко святымъ мѣстамъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! Помолитесь и за меня у гроба Господня!

— А вы на масло—то пожертвуйте.

— Съ удовольствіемъ! Я бы и сама желала поклониться гробу Господню, но слаба здоровьемъ. Все рѣзи да кашель.

— Да, эти двѣ статьи какъ засядутъ въ человѣкѣ, такъ тутъ плохо въ дорогѣ.... Да вы пейте редечный сокъ, тритесь имъ въ банѣ, — это очень хорошее средство.

— Я думаю, что рѣзи у меня отъ невской воды были, а кашель отъ огорченій. Вѣдь что это за народъ сталъ теперь! Я вѣдь очень добрая, ну, если и поѣзжаю иногда въ деревнѣ, такъ вѣдь за дѣло: ихъ же учу дураковъ; такъ нѣтъ-съ, жаловаться хотятъ. Я, признаться, и въ Петербургъ-то ѣздила по этому дѣлу; у меня тамъ родня все хорошая: и генералы, и полковники есть съ родни, — ну, все же, думала, защитятъ. Да что, въ Петербургѣ, кажется, и родства-то никакого не признаютъ. Приѣдешь къ нимъ, а между тѣмъ проживайся въ трактирѣ. Въ Москвѣ, какъ можно! — тамъ родство почитаютъ; тамъ все какъ-то по-русски, тамъ и церквей больше.

— И какой прекрасный хлѣбъ, подсказала жеренстая проѣзжая, жуя наскоро калачи и сайки помѣщицы.

— Да все тамъ лучше! этихъ иностранныхъ-то плясуновъ меньше, домосѣдство большее, барство есть, а въ Петербургѣ все это на фуфу. Идетъ какая нибудь въ соболяхъ, думаешь, барыня, а выходитъ, что какая нибудь мѣщанка, или, богъ знаетъ, кто! Я вотъ въ Петербургѣ-то квартировала противъ одного дома; вижу, лежитъ солома на улицѣ, посылаю разузнать, — говорятъ, генеральша больна, что квартируетъ въ среднемъ этажѣ. Но человѣколюбію, я освѣдомляюсь о ея здоровьи, посылаю ей сказать, чтобъ она сосала лимонъ, — это излечило одну даму, отъ которой всѣ доктора отказались. Ну, и что за важныя особы къ этой генеральшѣ ѣздили! Доктора-то въ звѣздахъ ее лечили. Вотъ-съ выздоровѣла. Я посылаю поздравить, и просвирку велѣла вынуть, — вотъ она и вынимала, указавъ на попрошайку, говорила съ хрипотой и кашлемъ помѣщица: — получаю благодарность и поклонъ, когда она садится въ карету. А если бы вы видѣли, что за ливрея у лакея, лошади, все это такое зажиточное. Тутъ, какъ на грѣхъ, мои именины. Я и пригласи генеральшу-то на чашку чаю, и свою роденьку, — думаю, пушу имъ пыль въ глаза-то; вотъ, молъ, съ какими лицами выму знакомство. Только какъ вошла моя генеральша, — всѣ мои-то, вижу, косятся на меня, а потомъ одинъ за однимъ и уѣзжал, только одни вертопрахи-холостяки остались. Уша не приложу, что бы это значило. Все-то у меня пропамо; а нукъменю было на двадцать пять человѣкъ десерту и закуски. Какъ ушла моя-то генеральша, племянникъ то мнѣ все и раскрой... Тамъ я чуть ударъ не получила отъ сраму.

— Значить, оплела, — не настоящая генеральша?

— Въ томъ-то и срамъ, что настоящая генеральша!

И помѣщица шепнула на ухо своей слушательницѣ, которая нривскочила даже на своемъ диванѣ отъ удивленія, и воскликнула:

— И вы не жаловались на нее?

Помѣщица вытаращила глаза на коренастую женщину и робко спросила:

— Да кому же жаловаться?

— Какъ кому? Развѣ нѣтъ начальства въ Петербургѣ? Развѣ возможно, чтобъ дворянку такъ смѣли срамить и обманывать? И что у васъ за родня, почему она не проучила хорошенько эту держку?... Кабы это со мной случилось, да я бы прямо къ самому государю съ жалобой!... Да я гдѣ ни встрѣчусь вотъ съ этой мѣщанкой, что изволила сидѣть на диванѣ съ ножками, а мы на стульяхъ.... я ее проучу, проучу! грозила злобно коренастая дворянка.

Это такъ плѣвило помѣщицу, что она упростила защитницу дворянскаго рода вести съ ней дружбу, и ѣхать немедленно къ ней въ деревню, пообѣщавъ ей сдѣлать много пожертвованій....

Молодая путешественница между тѣмъ и не подозрѣвала, что грозило ей, если бы случай опять столкнулъ ее съ двумя барынями, которыхъ она ничѣмъ не оскорбила и очень скоро забыла о нихъ, скача на перекладной по замерзшему шоссе, въ 20 градусовъ мороза, а къ довершенію всего, должна была придерживать за рукавъ тулупа своего сосѣда, который, вѣроятно, отогрѣвая себя коньякомъ на станціи, выпилъ его не въ мѣру, а потомъ впалъ въ какую-то дремоту и качался изъ стороны въ сторону, такъ что легко могъ упасть. Но онъ скоро отрезвился отъ постигшаго его несчастія. Въ его чемоданѣ было сокрыто еще нѣсколько бутылокъ вина и между прочимъ двѣ бутылки ждановской жидкости, и все это разбилось отъ перебрасыванія чемодана съ телеги на телегу. Старикъ такъ огорчился, что слезы текли по его лицу и руки дрожали, когда онъ старался спасти коньякъ хоть въ черепкѣ бутылки и всю дорогу везъ этотъ черепокъ въ рукахъ, охая при каждомъ толчкѣ. Приѣхавъ на станцію, онъ мужественно выпилъ остатки коньяка, выплевывая осколки стекла, попадавшіеся ему на языкъ.

Съ Александромъ тоже случилось несчастье: онъ такъ спалъ на телегѣ, что потерялъ одинъ валенокъ и шапку съ головы, что

производило ужасный смѣхъ на станціяхъ, при видѣ существа, повязаннаго платкомъ, какъ баба, и зарывшагося въ сѣно.

Морозъ къ ночи сталъ усиливаться, молодая путешественница такъ страшно продрогла и устала отъ тележнаго путешествія, что кондукторъ далъ ей совѣтъ переночевать на станціи, а поутру ѣхать въ дилижансѣ, который долженъ былъ мимо проходить въ это время.

Путешественница охотно согласилась и рѣшилась остаться ночевать посреди пустынной мѣстности, гдѣ стояла станція, въ то время, когда всѣ уже спали, кромѣ криваго инвалида—сторожа. Сгоряча, путешественница храбро смотрѣла на мрачную, грязную комнату, съ полуразвалившейся печью, съ заплескѣвшими углами и со скудной мебелировкой. Въ довольно большой комнатѣ было всего три стула и тусклое, разбитое зеркало со столомъ; близъ печи стоялъ огромный, порванный кожаный диванъ, у котораго былъ приставленъ столъ, весь прожженный углями, падающими изъ самовара. Но когда путешественница простилась со своими спутниками и осталась одна, ею овладѣлъ невольный страхъ, который она старалась побѣдить всѣми силами, и потому пошла въ другую комнату, въ надеждѣ найти въ ней больше удобства къ ночлегу. Дверь въ нее хотя и была полураскрыта, но отъ сырости перекослась и не подавалась ни взадъ, ни впередъ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, дверь отворилась. При входѣ въ небольшую, грязную комнату, чуть не потухъ сальный огарокъ, вставленный въ изломанный, жестяной подсвѣчникъ, взятый путешественницей со стола изъ большой комнаты. Стекло было выбито въ окнѣ и ворохъ снѣгу лежалъ на полу и на подоконникѣ. За дверью стояла узенькая, грязная кровать, съ тощимъ и засаленнымъ тюфякомъ, красный столъ и два изломанныхъ кресла.

Заслышавъ стукотню въ большой комнатѣ, происходившую отъ сапожищъ старика, криваго инвалида, она вернулась и обрадовалась, что видитъ живое существо возлѣ себя. Тутъ она хотѣла было сѣсть на диванъ, но тотчасъ оставила свое намѣреніе и спросила старика, почему такой запахъ отъ дивана?

— Ничего, лягъ,—не бойся! ни одинъ за то ни куснетъ.— Я сейчасъ только смазалъ каждую щелку. У! какъ бонится, шельма, селедочнаго разсолу, размышляя кривой инвалидъ и, послынявивъ свои пальцы, снялъ со свѣчки.

— Неужели здѣсь нѣтъ чище комнаты? спросила путешественница.

— Какъ не быть!—Знатныя хоромы есть на той половинѣ; позавчера въ ней перепочевывала барыня съ прислужницей.

— Такъ я пойду туда, обрадовавшись, замѣтила путешественница.

— Нѣту-ти, простыхъ туда не впускаютъ; а вотъ утрѣсь тамъ анаралъ чай кушалъ, и только убрался, надворный совѣтникъ фрыштикалъ.

— Ну что дѣлать, посижу и здѣсь, замѣтила покорно путешественница, садясь къ столу.

— Да ты лягъ на диванъ: ни одинъ не куснетъ, замѣтилъ ей солдатъ, и прибавилъ:—кабы не смотритель, я бы тебя пустилъ въ хоромы; да вѣдь бѣду наживешь.... Для-че тебя оставили-то здѣсь?

— Я сама осталась, хочу завтра утромъ ѣхать въ дилижансѣ.

— Такъ это ты особнякомъ ѣдешь?

— Да, одна.

— Сиротинушка, что-ль?

— Да, у меня давно нѣтъ матери.

— Солдатъ усталый свой единственный, тусклый глазъ на путешественницу и, качая лысой головой, съ грустью сказалъ:

— Ишь ты, какая молоденькая!... Ну-ко-сь, я тебѣ поставлю самоваръ.

Путешественница съ благодарностью приняла предложеніе инвалида и также съ участіемъ глядѣла на худую, лысую и сгорбленную фигуру криваго солдата, въ которой рѣзко отпечатлѣлась вся его изнурительная, тупоумная и забытая жизнь. На лицѣ путешественницы какъ будто выражалась слѣдующая мысль:

«Бѣдный! — и подъ старость-то тебѣ пришлось не спать ночей, выслушивать грубую брань, быть вѣчно безъ вины виноватымъ; твое изнуренное трудами тѣло даже и теперь подавлено тяжестью толстой сѣрой шинели, а твои разбитыя ноги едва волочать по землѣ эти громадные сапоги, съ крѣпкими гвоздями и съ дырявыми подошвами. Да, преглупая живучесть бываетъ иногда людямъ!»

Черезъ четверть часа, старыи инвалидъ сидѣлъ уже на диванѣ и распивалъ чай съ молодой путешественницей, ведя съ ней дружескій разговоръ о разныхъ предметахъ. Разумѣется, карти-

мочен бранн, очень грубой, вращалась на голову оторопѣвшихъ смотрителей.

— Я суну въ тебя вѣло сарыть, если ты еще минуту про-
мѣшкаться! кричалъ генераль всестою и какъ-то важнѣе сталъ
смотреть на всѣхъ присутствовавшихъ, а гдѣ подобострастно по-
гундьяла глаза; въпрямь даже прищавала со своего кѣста,
когда на нее калали глаза разнѣзнаго генерала. Одна только
красная путешественница глядѣла на него сѣкло, и ея шпоръ
какъ будто говоралъ: «о, несчастная губернія!»...

Домали быстро были заложены въ генеральскую карету; но
грязный проѣзжій продолжалъ болтать съ помѣщицей и пытался
заговорить съ молодой путешественницей, которая упорно мол-
чала, читая книгу.

— Какъ же это вы, сударыня, поѣдете въ телегѣ? спросилъ
генераль молодую путешественницу, подойдя къ ней близко.

— Какъ и всѣ, сухо отвѣчала она.

— Я доведу ее нѣсколько станцій, все же будетъ легче! ска-
залъ генераль, обращаясь къ пожилому господину, вѣроятно,
считая его близкимъ къ ней человѣкомъ.

— Конечно—съ, ваше превосходительство, для дамы очень
чувствительна будетъ телега, отвѣчалъ пожилой господинъ.

— Благодарю! я не боюсь телеги, перебила молодая пу-
тешественница.

— Если вы привыкли ѣздить на телегѣ, то, дѣлайте, не бойтесь!
замѣтилъ ей обиженный генераль.

Всѣ присутствовавшіе пришли въ негодованіе по поводу не-
тальности путешественницы.

Генераль важно простился съ помѣщицей и, не обративъ
вниманія на низкіе поклоны пожелавшаго ей и пожилато пасса-
жиръ вышелъ изъ комнаты.

— Что вы надѣлали? Онъ вѣдѣлъ, что вы поѣдете на васъ! замѣ-
тилъ пожилой господинъ своей сосѣдкѣ.

— Пусть его сердится, спокойно отвѣчала она.

Пожилый господинъ горестно покачалъ головою.

— Жена ваша, или дочь? спросила ея сосѣдка.

Пассажиръ пояснилъ, что попутчица.

Помѣщица многозначительно откачала головою, не давая
такимъ вопросамъ къ путешественнице.

— Это вы одѣ-то и изволите ѣздить?

— Одна.

— Вы извините меня, но я не могу утерпеть, и скажу вам, что негодится такой молодой особѣ, такъ мало уваженія оказывать заслуженнымъ лицамъ. Вы знаете ли, что онъ можетъ сдѣлать, что захочетъ, въ своей губерніи? Знаете ли, какую честь онъ вамъ сдѣлалъ?... а вы за это даже и не поклонились ему, когда онъ уходилъ.

— Молодость! все это молодость! бормотала пожилой пассажиръ, въ оправданіе путешественницы. — Вѣдь круглая сирота-сь! Ну вотъ, ему хорошо, прибавилъ онъ, указывая на Александра: — я его наставлю, какъ слѣдуетъ, научу, какъ держать себя съ важными людьми, а имъ кто объяснить?

— Все же онѣ, если благовоспитанныя, то должны знать, что такому лицу вездѣ почетъ отдается — вонъ послѣ смерти даже музыка играетъ и важныя особы идутъ за гробомъ...

Но въ эту самую минуту раздался въ дверяхъ звонкій женскій голосъ: «Епифашка! только одинъ самоваръ спроси да тащи погребецъ!» И въ комнату вошла коренастаго сложения женщина, лѣтъ подь пятьдесятъ, съ злымъ выраженіемъ лица, тутанная въ лисій салопъ и кацавейку на кроликовомъ меху, и связанная безчисленнымъ множествомъ платковъ. Особливо отъ теплаго платья, она успѣла распросить: куда ѣдетъ? давно ли изъ дому? и проч.: путешественницу оставила въ покоѣ, да и та была такъ рада, что та старалась избѣгать разговора съ нею. Новоприѣзжая между тѣмъ успѣла навязаться помѣщицѣ, и принялась рассказывать ей, что умеръ старшій сынъ.

— Что дѣлать, мы всѣ во власти Божіей! — сказала она, и пошла вмѣстѣ съ участіемъ ей пассажиръ.

— Да я, батюшка, — сказала она, — рошцу, званію...

выговаривая слова, — нула новоприѣзжая...

нынче дѣла бояться — ни своихъ...

ми, звѣрять бувай — отъ въ...

дать, — матушка — сльство, —

сер — и въ — го же...

е со — ему пр...

хоч — итеть...

Н — рош...

И — что...

во —

имъ
что
что
ться
пѣвъ
одъ
чала!
ю.—
ь вся
и по
щанку
волила
ый дѣ
можетъ
огло слу
ей, ука
кисло-жа
одѣте
я на

ПОТОКИ
ГО СМО

мѣшка
смотр
тупля
когда
красн
какъ

Д
грозн
загов
чала

гене

зал
счи

чув

теп

не

те

вн
в

[The following text is extremely faint and largely illegible due to heavy noise and low contrast. It appears to be a series of lines of text, possibly a list or a collection of short paragraphs, but the specific words and sentences cannot be accurately transcribed.]

— Въ паспортѣ означена мѣщанскаго званія, отвѣчалъ имъ кондукторъ.

И барыни пришли въ негодование и упрекали себя за то, что считали ее за благородную.

— Это мы сидѣли на стульяхъ, а она изволила развалиться на диванѣ! воскликнула помѣщица, закашлявшись и захрипѣвъ отъ гнѣва.

— Да еще съ ногами, подсказала попрошайка.

— Жаль, что поздно узнала, кто она такая. Я бы ее проучила! грозно замѣтила проѣзжая, способная къ разглагольствованію. — Ну вотъ-съ, не моя правда, что грамотѣ не слѣдуетъ учить всякаго? Вѣдь эту дерзость и фанаберію она изъ книгъ-то и получила.

— Это вѣрно! Вотъ оттого теперь и не различишь мѣщанку отъ благородной. Да вы бы еще посмотрѣли, какъ она изволила непочтительно отвѣчать генералу, да еще такому, который дѣлаетъ, что хочетъ въ своей губерніи. Я и думала, что можетъ она и сама-то важная; мало ли, молъ, какое несчастье могло случиться, что ѣдетъ одна. Вотъ, вѣдь и она жила барыней, пока жила на попрошайку, прибавила помѣщица.

Попрошайка нашла нужнымъ скорчить при этомъ комическую гримасу.

— Я-съ день и ночь молилась за здравіе своихъ, и всегда поминаю усопшихъ, лъстиво сказала она, возопроіѣзжую.

— Ну, еще бы не молиться за нихъ!... грубо замѣтила астая барыня.

— Разумѣется, надо молиться за своихъ благодѣтелей, сказала помѣщица, и обратясь къ коренистой проѣзжей, сказала: — а вы были въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, не была. Я вотъ думаю совершить поклоненіе въ святымъ мѣстамъ.

— Ахъ, какъ это хорошо! Помолитесь и за меня у гроба Господня!

— А вы на масло-то пожертвуйте.

— Съ удовольствіемъ! Я бы и сама желала поклониться Господню, но слаба здоровьемъ. Все рѣзи да кашелъ.

— Да, эти двѣ статьи какъ засядутъ въ человѣкѣ, такъ легко въ дорогѣ.... Да вы пейте речный сокъ, тритесь банѣй, — это очень хорошее средство.

Т. ХСП. Отд. I.

на эта была самая непріятная, и красивая дѣвушка теряла всю прелесть своей женственной граціи; но я напомнимъ читателю, что рожденіе брало свое, и путешественница очень охотно бесѣдовала съ грубымъ, грязнымъ сторожемъ.

— Ты въ сраженіи потерялъ глазъ? спросила она своего собесѣдника между разговоромъ.

— Нѣту-ти, я былъ все при куфѣ.—Я и въ походѣ-то былъ при стряпнѣ.

— Болѣлъ глазъ?

— Да нѣту-ти!—схлестнули.

— Нечаянно?

— Како печаянно!—осерчалъ за щи.... А мнѣ гдѣ было украть курицы, аль гуся?—прежде насъ прошли полки, все отобрали.

Путешественница, желая замѣть разговоръ, спросила опять инвалида:

— Охотой пошелъ на службу?

— Вотъ охотой!—Какъ забрили лобъ-то, такъ съ годъ въ больницѣ вылежалъ, такъ тошно было!

— Чѣмъ хворалъ?

Солдатъ провелъ по горлу рукой и съ тяжкимъ вздохомъ произнесъ:

— Порѣзался; да залечили.—Всѣ думали дома, что я умеръ.

— А ты былъ дома послѣ?

— Ходилъ черезъ 20 годовъ. Никто и не признаётъ,—говоришь: «Васька Антоновъ»,—анъ глядятъ, да охаютъ въ сумѣньи. Ну, вѣстимо, служба-то не свой братъ! Ушелъ молодымъ изъ дому, только что повѣнчали меня, а вернулся лысый, безъ зубовъ, съ однимъ глазомъ, да еще прослылъ перерѣзавшимъ себѣ горло.

— Жена вѣрно умерла у тебя?

— Нѣту-ти! — такимъ голосомъ отвѣтилъ инвалидъ, что возбудилъ любопытство въ путешественницѣ и она спросила:

— Гдѣ же она, въ деревнѣ?

Старикъ махнулъ рукой и оттолкнулъ стаканъ съ чаемъ. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Въ Москвѣ моя жена, живетъ въ теплѣ, да въ холѣ; а я!... вона гдѣ!—какъ песъ, цѣльну ночь жди проѣзжихъ. Иной разъ такъ тебя скрючитъ, что встать нѣту-ти мочи; ну, и померешь такъ,—испить некому дать.

При этихъ словахъ, слезы такъ и слышались въ старческомъ голосѣ.

— Да ты видѣлъ ее?

— Видѣлъ, видѣлъ! скорбно произнесъ старикъ.

— Узнала тебя?

— Меня-то она не вдругъ признала, а я-то ее какъ разъ призналъ, даромъ что она высокая, да дюжая стала.—Вѣдь крохотную мать моя взяла ее въ домъ, казенная была; а какъ выросла, да выкормила, такъ почитай, что за дочь шла. Сиротинушка была круглая, въ глаза отца и матери не видывала и о нихъ не слышывала. Отецъ-то мой артачился, что я на казенной хочу жениться; но онося думалъ: «поженю его скорѣй, авось отъ рекрутчины и ослободятъ».—Анъ, вѣтъ! только поженили, какъ и лобъ забрили.

Старикъ крикнулъ тяжело.

— Отчего же она не захотѣла жить съ тобой, какъ ты вернулся домой?

— Ишь чего захотѣла! Ну-ко-сь, — матушка съ горя померла какъ узнала, что я себѣ горло порѣзалъ, а тамъ отецъ. Добро-то ваяли зятя. Извѣстно, кто за казенную вступится? Вотъ это она и пошла въ услуженіе въ Москву, а тамъ сынъ столяра и подвернись, прижили пятерыхъ дѣтей. Ну, какъ это я пришелъ къ ней, — и говорю: «здравствуй, Катерина Антоновна», — она такъ и покачнулася, глядѣть это на меня, точно я взаправду мертвецъ пришелъ къ ней.

— Да ты какъ же узналъ, гдѣ она живетъ?

— Какъ не узнать этого! Указали, да еще наущали, чтобъ я по начальству требовалъ ее. Я-то и пошелъ съ тѣмъ, чтобъ взять ее. Ну-ко-сь, какъ она бухнулася мнѣ въ ноги, дѣти, глядячи на мать, завьми, а онъ какъ осиновь листь дрожить, да молить не губить ихъ всѣхъ. Я это махнулъ на все рукой, и ушелъ подальше отъ грѣха.... Вѣдь сама разсуди: я-то съ ней жилъ два мѣсяца, а она-то съ нимъ сколько годовъ выжила, а дѣти-то?... Сколько бы душъ плакались на меня-то, да и она-то навелась бы въ нуждѣ да горѣ! Такая бы небось дюжая да красная не была у солдата.... Что подѣлаешь, коли на роду написано, что сиротская долужина тебѣ? — Цыганка вѣдь наворожила крохотному еще мнѣ всю мою жизнь.

Солдатъ смолкъ, утеръ слезы лолой толстой своей шинели.

Въ блестящихъ глазахъ путешественницы тоже показались

слезы; ей такъ стало жаль ищуреннаго старика, въ которомъ хранилась такая сердечная теплота. Можетъ быть, путешественница, по своей юности, воображала, что мало подобныхъ нѣмыхъ страдальцевъ, съ истинно гуманными чувствами; но она очень ошиблась. Наша эгоистическая спячка заставляетъ насъ мирно жить съ людоедами, приобрѣвшими искусство пожирать людей, не проливая крови; а потому-то мы и плаваемъ по-горю въ слезахъ милліоновъ людей и считаемъ эти ванны необходимыми, точно какъ находятъ необходимыми — желѣзными ваннами укрѣплять слабый организмъ человѣка. Образованные люди, которыхъ обязанность — вразумлять людоедовъ, нашли, что жизнь коротка, ей надо пользоваться. Пожалуй, можно украсить себя гуманными идейками, но отнюдь не примѣнять ихъ къ жизни. И каждый оправдываетъ себя тѣмъ, что онъ никому глазъ не выхлеснулъ, ничьей жизни не исковеркалъ для своей прихоти, — и киваетъ на Петра. Но, господа, страдальцамъ отъ этого не легче, что не вы, а Петръ виноватъ, которому вы дружески жмете руку, или отвѣшиваете почтительно поклоны...

Инвалидъ и путешественница сидѣли молча; каждый былъ погруженъ въ грустные размышленія, — какъ вдругъ скрипъ колесъ и крики ямщика вывели ихъ изъ этого положенія, и старикъ торопливо застучалъ своими сапогами, чтобъ принять по-дорожную отъ проѣзжаго.

Грозный мужской голосъ въ сѣняхъ заставилъ вздрогнуть молодую путешественницу; она пугливо забрала свои вещи и бросилась въ другую комнату, съѣла за дверью и притаила дыханіе.

Дверь въ сѣни раскрылась, и генеральскій голосъ звонко рванулся по комнатѣ.

— Какая проѣзжая, старая или молодая? Гдѣ же? входя въ комнату, крикнулъ генералъ.

У путешественницы сердце забилося, и она ждала отвѣта солдата.

— Статься, вышла! робко отвѣчалъ инвалидъ.

— Осель! что городишь? Пошелъ дуракъ!... подай калетовскую свѣчу. Что это за порядокъ, гдѣ смотритель? — Живѣй у меня лошадей; а не те я съ васъ сонливость-то вышиблю.

Послѣ этого грознаго крика, генеральскій голосъ сдѣлался мягкимъ и онъ дружественно заговорилъ съ своимъ жаренымъ молсомъ:

— Что, озябла, Розочка?... Что обиживаешь? кажется, тебя важно угостили на именинах? Хорошо мы съ тобой покутили.... Только миѣ тяжело, а ты вот ищешь все еще чего-то. Ай, Розка, какая ты обжора!

И генераль сталъ расхаживать по комнатѣ. Путешественница уже считала себя избавленной отъ встрѣчи съ генераломъ, потому что у разбитаго окна смотритель понукалъ ямщиковъ закладывать живѣй и объявилъ, что идетъ доложить, что все готово. Но въ эту-то минуту предательскій монсъ добрался до путешественницы и залился криплымъ лаемъ.

— Розка, на что ты тамъ вздумала лаять, а? идя со свѣчей въ комнату, говорилъ генераль и чуть подсвѣчникъ не выпалъ у него изъ рукъ, при видѣ путешественницы, которая непривѣтливо ему сказала:

— Сдѣлайте одолженіе, возьмите вашу собаку.

— Вотъ неожиданная встрѣча! радостно отвѣчалъ на это генераль, и оглядывая комнату, спросилъ: — гдѣ же вашъ мужъ?

Путешественница, уклоняясь отъ положительнаго отвѣта, произнесла торопливо:

— Я очень устала, прошу васъ взять вашу собаку.

Но Розка уже расположилась на шубѣ путешественницы.

— Значить, вы однѣ ѣдете? сіяя, сказалъ генераль. — А вѣдь я думалъ, что вы супруга его. И генераль размѣялся отъ души. — Позвольте-съ, я не потерплю, чтобъ вы изволили сидѣть здѣсь. Эй!

— Лошади готовы, ваше превосходительство, доложилъ смотритель изъ другой комнаты.

— Эй! отведите ихъ въ чистыя комнаты, крикнулъ генераль повелительно смотрителю, и любезно обратился къ путешественницѣ: — вы тамъ, сударыня, будете въ спокойствіи; а здѣсь цѣлую ночь будутъ проѣзжіе. Вы ночевать вѣдь здѣсь остались?

— Да.

— Эй! возьмите же вещи! опять гаркнулъ генераль смотрителю, и замѣтивъ колебаніе путешественницы, онъ убѣдительно сталъ уговаривать ее идти на другую половину.

Не хотѣлось путешественницѣ одолжаться генераломъ; но она сообразила, что легко можетъ еще явиться какойнибудь въ родѣ его проѣзжій, или юный офицеръ съ бульдогомъ.

— Вы идете, значитъ, въ К? — это мои владѣнія, то есть тотъ городъ, гдѣ я всѣхъ и все знаю!

Генераль сдѣлалъ на эти слова сильное удареніе, но путешественница, собирая свои вещи, не обратила на это вниманія. Простясь и поблагодаривъ услужливаго генерала, она поспѣшно и радостно вышла изъ этой комнаты, гдѣ остался генераль, умышлено улыбаясь ей вслѣдъ.

Путешественницу смотритель ввелъ въ комнату съ ковромъ, съ шелковой мебелью, съ теплымъ и чистымъ воздухомъ. Когда смотритель ушелъ, то путешественница усѣлась на диванъ и разглядывая комнату, думала, что она теперь походитъ на сказочную геронню, которая, по шучьему велѣнію, изъ хижины переносится во дворецъ. Ну, а въ дѣйствительной жизни, на станціяхъ, только генеральское приказаніе творить такія чудеса.

Усталая, наабыхаяся, путешественница почувствовала пріятную дремоту, сидя на диванѣ, и поджидая, когда наконецъ уйдетъ со станціи генеральскій экипажъ, чтобъ ей выйти спросить ключъ у смотрителя и запереться на ночь. Но послѣ трехъ дней, проведенныхъ на морозѣ и безъ сна, кровь быстро прилила къ головѣ ея отъ комнатной теплоты; виски бились, въ ухахъ все еще раздавалась стукотня тележныхъ колесъ о замерзшее шоссе. Глаза невольно смыкались: вотъ промелькнуло длинное лицо Александра, обвязанное платкомъ; вотъ плачевная фигура его благодѣтеля у раскрытаго чемодана предстала предъ ней; а вотъ и жирный мопсъ, съ своимъ сапомъ, появился возлѣ нея. Но это уже была дѣйствительность, а не сонъ. Генераль стоялъ въ комнатѣ. Путешественница, никакъ не ожидавшая его появленія, вообразила, что простилась съ нимъ навсегда. Какой-то страхъ почувствовала она и вскочила на ноги. Генераль принялъ это за изъявленіе почтенія съ ея стороны и покровительно-ласково сказалъ:

— Не извольте беспокоиться, сударыня. Прощу васъ, следте — даже съ вашими крохотными ножками. Я залюбовался вашими теплыми ботиночками, которыя вы изволили забыть въ комнатѣ, — право, точно дѣтскія!... Садитесь!.. Я вамъ доложу, что я большой охотникъ до маленькихъ ножекъ. Я разъ влюбился въ одну нашу полковую дамочку, очень не красивую, за ножки; вотъ такія крохотныя, какъ ваши. Впрочемъ, я охотникъ и до прекрасныхъ косъ и сноспособенъ врѣзаться, если коса длинная, вотъ какъ у васъ. Это, доложу вамъ, большая рѣдкость.

Теперь все фальшивыя косы у женщинъ и я, знаете, попался разъ. Волочился, волочился за одной барыней; коса ея меня пѣнила. Только, какъ дошелъ, знаете, до короткости съ ней, смотрю, коса-то у ней фальшивая. И что же бы вы думали? разлюбилъ; сама преслѣдовала меня, да я не могъ уже питать къ ней прежнихъ чувствъ. А собою была красавица.... Не церемоньтесь! Садитесь! Я вотъ сяду въ уголокъ, тоже подремлю часокъ-другой, а вы протяните ваши ножки, да и започивайте!

Путешественница довольно дико смотрѣла на генерала, который, садясь на диванъ, продолжалъ:

— Я человекъ семейный; могу вамъ быть очень полезенъ, если вы будете жить въ моемъ городѣ, гдѣ меня боятса, и пикнуть не посмѣютъ, если я кому окажу покровительство, какого бы званія ни была та персона.

Путешественница взяла свою сумку и молча пошла къ двери; фамильярность генерала сдѣлалась ей очень противна.

— Куда? бросаюсь къ двери и загораживая ей дорогу, воскликнулъ генералъ.

— Я желаю быть одна! продолжая идти къ двери, сухо отвѣчала путешественница, и принуждена была отскочить всторону, потому что генералъ чуть не принялъ ее въ свои распростертые объятія.

— Я не хочу оставаться минуты здѣсь! сердито произнесла путешественница, пытаясь достигъ дверей; но генералъ не пускалъ ее и говорилъ фамильярно:

— А я очень желаю быть съ вами, и не пушу — не пушу!

— Я удивляюсь, какъ вы можете позволять себѣ подобныя шутки съ женщиной, которую вы видите въ первый разъ и которая вовсе не подала вамъ повода воображать, что ей пріятны ваши дерзости.

— О! да вы примилая особа! Сердитесь! — ваши глазенки еще лучше стали! — Садитесь-ко, да потолкуемъ хорошенько!

— Говорить съ вами мнѣ не о чемъ. — Право, неприлично такое обращеніе еще семейному человекъ и такому старику.

— Пойдите! важно остановилъ генералъ путешественницу. — Я не люблю и не привыкъ, чтобъ мнѣ дѣлали замѣчанія, даже отъ хорошенькой женщины не допускаю себя выслушивать подобныя вѣщи.

— Пустите меня, и вы не услышите заслуженныхъ упрековъ.

— Довольно-съ! съ рѣзкостью произнесъ генералъ, и важно продолжалъ: — можетъ быть вы думаете, что я не знаю, съ кѣмъ говорю? Знаю-съ!... да-съ! Но не въ томъ дѣло; я доложу вамъ, что я суевѣренъ. — Ну, сами посудите, для чего бы меня судьба сегодня столкнула съ вами два раза? — Вы произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я, ѣдучи со станціи поутру, все думалъ: «вотъ, канальство, женщина по моему вкусу, и такая чучела обладаетъ ею!» Я вѣдь думалъ, что вы жена этого урода. Толкъ въ женщинахъ я знаю-съ!

— Избавьте меня отъ вашихъ откровенностей, дайте мнѣ дорогу! взволнованнымъ голосомъ прервала генерала путешественница, всмотряся попристальнѣе въ наглое выраженіе его самодовольнаго лица.

— До тѣхъ поръ не сдѣлаюсь вашимъ покорнымъ слугою, пока вы не перестанете такъ грозно смотрѣть на меня. — Я очень податливъ съ хорошенькими женщинами, когда онѣ ласковы со мной. Также-съ, доложу вамъ, что не пасовалъ ни передъ кѣмъ, даже передъ благородными дамочками, если мнѣ приходила прихоть поволочиться. Я, знаете, дѣйствую тогда по военному! — а не то такъ, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, а ужъ поставлю на своемъ. — Еще, доложу вамъ, насчетъ этихъ кушеточекъ, этажерочекъ—не безпокойтесь. Я самъ люблю, чтобъ хорошенькая женщина сидѣла на бархатной кушеточкѣ, да въ кружевахъ,—какъ-то пріятнѣе ласкать такую персону. Я красоту цѣню! не посмотрю на званіе....

— Стыдитесь! такимъ тономъ прервала путешественница генерала, что онъ остановился и дико смотрѣлъ на нее. Потомъ, принужденно смѣясь, воскликнулъ:

— О, да вы преобидчивая. А если разѣзжаете однихъ, и въ телегахъ, то нечего очень и обижаться, если за вами приволокнутся. Точно и богъ—знаетъ кто!

— Напрасно вы стараетесь уязвить меня тѣмъ, что я мѣщанка. Вы этимъ только доказываете, какъ мало образованы, и какъ мало въ васъ уваженія къ женщинамъ.

— Ошибаетесь! — Я оказываю всегда уваженіе къ благороднымъ! высокопарнымъ тономъ произнесъ генералъ.... Но не въ томъ дѣло, — я съ вами не хочу ссориться; ну, и пошутить!... Я уйду для васъ въ грязную комнату. Но дайте мнѣ слово, что вы будете любезнѣе со мной. — Право, какъ узнаете меня, то

не будете раскаяваться. Ну-съ, по рукамъ! — Дайте вашу ручку поцаловать на примиреньи!

Путешественница пошла къ столу, генераль отошелъ отъ двери, продолжая:

— Ну вотъ, такъ лучше, побесѣдуемъ! Я васъ завѣрить могу, что вы не раснаетесь, что познакомитесь со мной. Вотъ также, года три, я встрѣтилъ гувернантку, изъ благородныхъ, въ дорогѣ... зато она у меня въ городѣ теперь первая дама. Выдала замужъ за чиновнаго и за страшнаго шельму, свою деревню ужъ имѣеть.

Путешественница сдѣлала видъ, что хочетъ сѣсть; генераль радостно отодвинулъ стулъ, сказавъ:

— Да садитесь на диванчикъ, сударыня!

Но это была одна ловушка: путешественница такъ неожиданно бросилась къ двери, что генераль оторопѣлъ, и когда закричалъ и побѣжалъ за ней, то она уже, взволнованная, вбѣжала въ сырую комнату и перепугала новаго прїѣзжаго, сидѣвшаго съ книгой у стола.

Дверь раскрылась, лицо генерала высунулось, но при видѣ прїѣзжаго онъ не вошелъ и скрылся.

Путешественница, въ изнеможеніи, сѣла тоже къ столу и слезы невольно потекли ручьями.

Да, плачь, плачь, каждая женщина, если судьба обрекла тебя съ молоду на одиночество. Никакой запасъ энергій и женской гордости не защититъ тебя отъ грубыхъ оскорбленій эгоистовъ и развратниковъ! Плачь, плачь о своей красотѣ, которая только усилитъ горе твоего одиночества, если ты не способна торговать ею. — Будь ты дурна, избавилась бы ты отъ многихъ ѣдь, и подобные господа, какъ генералы, не преслѣдовали бы тебя.

Молодой прѣзжій съ участіемъ поглядывалъ на незнакомую даму, которая, очнувшись, торопливо вытерла слезы и внимательно поглядѣла на прѣзжаго. Лицо его понравилось ей, и она краснѣя рассказала свое положеніе и просила его, если возможно, устроить такъ, чтобъ она могла избавиться отъ генерала. Путешественница говорила съ такой простотой и откровенностью, что молодой прѣзжій съ живымъ участіемъ выслушалъ ее и съ грустью замѣтилъ:

— Выходитъ, что женщинѣ, путешествующей одной, нельзя

сін, надо бояться, кромѣ разбойниковъ большой дороги, и встрѣтъ съ генералами.

Въ это самое время дверь распахнулась и генераль важно вошелъ въ комнату и сталъ расхаживать по ней, бросая свирѣпыя взгляды на присутствовавшихъ и видимо изыскивая предлогъ заговорить съ проѣзжимъ. Остановясь возлѣ него, онъ высокомерно спросилъ:

— По какому дѣлу вы ѣдете?

Молодой проѣзжій, безъ малѣйшаго смущенія, довольно тихимъ голосомъ отвѣчалъ:

— А вамъ какое дѣло?—и такъ посмотрѣлъ на генерала выразительно, что тотъ пошатнулся назадъ отъ дерзости молодого проѣзжаго; но приди въ себя, гнѣвно и многозначительно опять спросилъ:

— Вы, милостивый государь, знаете ли, съ кѣмъ говорите?

— Нѣтъ, и не желаю знать.

— Такъ я васъ заставляю—съ узнать! въ бѣшенствѣ воскликнулъ генераль. — Я знаю, кто вы, да-съ, знаю! угрожающимъ тономъ добавилъ онъ.

Молодой проѣзжій, не теряя своего спокойствія, съ промедленіемъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ ничего легче узнавать вамъ проѣзжихъ, какъ читателю смотрителя подорожныхъ ихъ.

— Безъ остротъ-съ, милостивый государь, весь побагровѣвъ крикнулъ генераль.

— А я васъ прошу говорить со мной безъ крику и грубостей. Если же вы расположены буянить съ проѣзжими, то выйдемъ въ сѣни или на улицу; а здѣсь есть женщина, которую я не желаю пугать и оскорблять.

Молодой проѣзжій, говоря это, еще понизилъ голосъ, но отъ этого не потеряли силы его слова и выраженіе лица.

Генераль былъ пораженъ, и съ натянутымъ спокойствіемъ и зрѣніемъ сказалъ, указывая на путешественницу.

ка. — Такъ вы эту особу знаете? — Прекрасно-съ, и обратясь мало ообъжей, онъ язвительно прибавилъ:

— Вотъ-съ, кого вы ждали? Сказали бы мнѣ съ самаго на- вымы! вѣо у васъ здѣсь назначено свиданіе. Прощайте-съ!... А томъ дѣлѣ милостивый государь, мы-еще увидимся!

Я уйду ддяя это вовсе не интересуется.

вы будете интересуется, заинтересуетесь! злобющимъ голосомъ

произнесъ генералъ и величаво вышелъ изъ комнаты; въ сѣняхъ онъ кричалъ на смотрителя, зачѣмъ смѣли отложить лошадей изъ его кареты.

— Пусть бы издохли! — Какъ смѣть! кричалъ генералъ.

— Да вы изволили сами приказать сторожу, ваше превосходительство, робко отвѣчалъ смотритель.

— Я вотъ дамъ приказаніе своему лакею — всѣхъ здѣсь передрать. — Лошадей! скорѣй лошадей! кричалъ генералъ.

— Коня, коня! все царство за коня! тихо подсказалъ молодой проѣзжій и вызвалъ улыбку на опечаленномъ лицѣ путешественницы.

Черезъ десять минутъ, къ общей радости, генеральскій экипажъ умчался со станціи.

ГЛАВА VIII.

Достаточные столичные жители, какъ имъ кажется, вмѣсто сердца, имѣютъ кусочки мамонтовой кожи; — особенно, если взглянуть хорошенько въ ихъ равнодушіе къ стонамъ голодныхъ и беззащитныхъ бѣдняковъ, посреди которыхъ они преспокойно ѣдятъ, спятъ и развлекаются различными увеселеніями. Добро бы все это дѣлалось скрытно; добро бы имъ слуха не касались мольбы голодныхъ и ихъ зрѣнію не представлялись на каждомъ шагу безчеловѣчныя картины.

Вотъ, напримѣръ, между блестящими экипажами и нарядной публикой, тянется вереница кибитокъ, а въ этихъ кибиткахъ вывозятъ изъ столицы несчастныхъ новорожденныхъ младенцевъ, брошенныхъ отцами и матерями. Тамъ, гдѣ процвѣтаетъ наука, цивилизація, гдѣ пріютъ искусству, гдѣ милліоны рублей тратятся на пошлую обстановку столичной жизни, — тамъ не оказывается ни мѣста, ни куска хлѣба для этихъ несчастныхъ дѣтей, тамъ ихъ, какъ нечистоту, вывозятъ вонъ изъ города! За что же и по какому праву цивилизованное общество присудило къ наказанію этихъ невинныхъ дѣтей, виновныхъ развѣ только въ томъ, что родились отъ развратныхъ отцовъ и матерей?

Но неужели мало гибнетъ честныхъ матерей этихъ несчастныхъ младенцевъ отъ позора и нищеты!... Бѣдная дѣвушка, едлазвенная какимъ нибудь баринномъ, тотчасъ бросается имъ, чуть только онъ узнаетъ о ея беремености: — ему, видите ли, нельзя

портить свою карьеру изъ-за минутнаго увлеченія! И потому онъ правъ передъ обществомъ и своею совѣстью и не отвѣчаетъ ни за что, — пусть умирають съ голоду его ребенокъ и мать, довѣрившаяся ему и за то покрытая позоромъ. — Ну, и мрутъ честныя женщины, или же гибнуть въ нищенскомъ развратѣ, куда ихъ вовлекла нужда. А въ домахъ разврата, отцы и братья, встрѣчая своихъ сестеръ и дочерей, еще оскорбляютъ ихъ своимъ грубымъ презрѣніемъ, — точно не они главные виновники ихъ страшнаго паденія; точно каждый изъ нихъ не знаетъ, что этимъ несчастнымъ женщинамъ одинъ исходъ — бодьяница, гдѣ ихъ ждетъ, или мучительная смерть, или безобразіе на всю жизнь, которое, какъ клеймо на убійцѣ, поселяетъ невольное отвращеніе и отчужденіе къ нимъ... Гуляющая публика все это прекрасно знаетъ, даже знаетъ болѣе... Она часто знаетъ, что босою халатникъ, избитый и голодный, можетъ быть — родной братъ мальчику, гуляющему въ соболяхъ и бархатѣ. Впрочемъ я увлекся, осуждая равнодушіе столичныхъ жителей къ беззащитнымъ женщинамъ и дѣтямъ. Они бывають очень иногда чувствительны въ театрахъ, и проливають обильныя слезы, когда имъ изображаютъ, напримѣръ, несчастную любовь богатыхъ камелій, или аристократическихъ дамъ. Но можетъ быть и то, что этимъ слезамъ много помогаетъ печальная музыка, безъ которой не можетъ обойтись ни одна патетическая сцена въ современныхъ комедіяхъ и въ драмахъ...

Молодая путешественница родилась въ зимнюю петербургскую ночь, а на другой день, въ три часа, ее уже несла по Невскому бѣдно одѣтая женщина, закутавъ новорожденную въ свою ватную ситцевую кацавейку. Женщина заглядывала гуляющимъ въ лицо и изрѣдка робко произносила: «подайте сиротѣ!» Тонъ голоса, огорченное, встревоженное выраженіе пожелтого, но добродушнаго лица женщины, даже опрятная и легкая одежда доказывали, что тутъ обмана нѣтъ, что только крайняя нужда заставляетъ ее просить чужаго состраданія. Но никто не обращалъ вниманія на бѣднягу, вѣроятно оправдывая свое равнодушіе тѣмъ, что въ столицѣ страшно много праздныхъ нищенствующихъ людей — и что не слѣдуетъ удичнымъ подаеніемъ потворствовать ихъ унижительной жизни. Положимъ, что гуляющіе и правы. Но вамъ-ли осуждать это самоуниженіе, когда вы,

сытые, живущіе въ полной праздности, зачастую сами унижаются для удовлетворенія своему пошлomu самолюбію, и изъ одной жадности къ деньгамъ, которыхъ у васъ и безъ того много?

Женщина въ ватной капавейкѣ завернула за уголь у Полицейскаго места и поровнявшись съ чиновникомъ, идшимъ впереди, заглянула ему въ лицо и какъ-то смѣло произнесла: «подай хоть ты что-нибудь сиротѣ!» Въ лицѣ чиновника ничего не было особеннаго; напротивъ, это морщинистое, желтое и худое лицо, съ мелкими чертами и выцветшими, добрыми карими глазами, имѣло выраженіе забитое, какое обыкновенно бываетъ у людей, выросшихъ въ сырой квартирѣ, вскормленныхъ шерстью, скудною пищею и изнуренныхъ съ раннихъ лѣтъ тупоумнымъ трудомъ. Этотъ забитый видъ у бѣдняковъ какъ будто выражаетъ ихъ благодарность къ богатымъ и сильнымъ за то, что эти послѣдніе дозволяютъ имъ прозябать между ними.

Чиновникъ взглянулъ на женщину и, не колеблясь ни минуты, далъ ей двугривенный. — Пословица вѣрна: «морякъ моряка узнаетъ издалика».

— Спасибо, батюшка, спасибо! — съ чувствомъ благодарила женщина и прибавила, утирая слезы:

— Ты глянь-ко, какая красавица-то, просто жалости!

Женщина открыла личико младенца. Чиновникъ взглянулъ на ребенка и торопливо сказалъ:

— Оаябнетъ!.. Куда несешь его?

— Въ воспитательный, батюшка, въ воспитательный, рыдающимъ голосомъ отвѣчала женщина.

— Значитъ, незаконный?

— Мать-то честная, хорошая дѣвушка; какъ затяжелѣла; — оцъ и пропала!

— Кто-же мать-то?

— Мастерница, и какая отмынная! Вотъ одакъ же родилась не въ законѣ; мать-то выкормила на трудовыя свои денежки, да померла. Вотъ это она сироткой и осталась по 16-му годку. Ужъ такая была строгая, какъ соблюдала себя, а вотъ, злодѣй егубидь, и гроша она отъ него не видала, окромя слезъ да стыда.

— Оцъ-то кто?

— Баринъ.

— Можетъ, оцень бѣдный?

— Какое бѣдный! — Своя вотчина есть. Ну, баринъ какъ есть баринъ!... Долго-ли до бѣды дѣвушкѣ, особенно какъ вид-
Т. ХСН. Отд. I.

ный: да молодой баринъ станетъ уживаться около нея. При началѣ—то она берегла себя; сама плачетъ, а изъ дому не поетъ, чтобъ не повстрѣчать его. А тутъ это, на грѣхъ, онъ и заболѣлъ; вотъ она и прибѣжала къ нему — значить влюбимши была... только это ломала себя, а при его—то болѣзни и не совладала... Отдохъ это онъ и сталъ по вечерамъ къ ней захаживать; такъ вотъ и прошло мѣсяца четыре, а какъ затяжелѣла это она, — бросилъ ее въ больстяхъ, въ нуждѣ да въ стыдѣ. — Чуть вѣдь, батюшка, рукъ на себя не наложила: душу—то вотъ ейную только побоялась вѣрво губить, прибавила женщина, указывая на ребенка: — а то—бы бросилась въ пролубь, безпремѣнно бросилась бы.

Женщина говорила все это, идя слѣдомъ за чиновникомъ.

— Ты ей родня, что—ли? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, — чужая, батюшка, отвѣчала женщина. — Я вдовая, солдатская жена, на квартирѣ проживаю вмѣстѣ. — Пезапрошлый годъ я чутьчку была не помѣрши: на рѣкѣ ноги остудила, да и такая болѣзнь меня прихватила, что я три мѣсяца влестомъ лежала. Такъ вотъ она—то меня за все это времячко кормила, за уголь хозяйкѣ платила, да еще лекарства всякихъ покупала. А вотъ теперь сама обнищала такъ, что бѣда: всто—то одежду хорошую пораспродала... Очень все тосковала, — ну, какая тутъ работа, да и стыдно ей въ дома—то ходить. Ну какъ это придетъ брюхата? Пожалѣютъ, что—ли? — Нѣтъ, чай, всѣ наровягъ разобидѣтъ, а про то не знаютъ, что она гроша отъ него не видала, своихъ же денегъ что потратила на него — чай да свѣчи, да то, да другое... Ишь сидѣтъ не могъ съ салными свѣчами!.. Душегубецъ! Ну и шелъ бы къ своимъ ровнымъ, а за что губить честнаго человѣка. И вѣдь — кабы ей не давали денегъ, а то одинъ купецъ ломбартный билетъ сулилъ, карету, квартиру! — Такъ нѣтъ! Ни за грошъ сгубила себя!

— Мать сама велѣла тебѣ нести ребенка въ воспитательный? спросилъ чиновникъ.

— Гдѣ ей! Она, моя голубушка, это, какъ родила, долго, долго мучилась; а потомъ какъ взяла дочь—то на—руки и зашлала такъ горько-прегорько, потомъ стала метаться, кричать... Я побѣжала за частнымъ докторомъ: рехнулась, думаю... Пришелъ докторъ, а она ужъ лежитъ какъ мертвая. Посмотрѣлъ онъ на нее да говоритъ: безпремѣнно помретъ. Тутъ хозяйка и закричала, чтобъ я несла ребенка въ воспитательный. «А то я, говорить, сама его такъ упрячу, что и примѣтъ не будетъ... Что ста-

нужь дѣлать! — Жаль младенца-то, а кѣтъйки нѣтъ — хоть бы и отдать куда... Я вѣдь поденьщиной живу: уйдешь на сторону, а кто ребенка-то наормитъ? — и женщина заплакала.

— Не плачь! что дѣлать! утѣшалъ ее чиновникъ, а у самаго лицо стало пренепечальнее.

— Жаль, словно родное! вскрипывая, возразила солдатка.

Въ эту самую минуту имъ повстрѣчались кибитки и около одной, рыдая, шла молодая женщина, а на рукахъ чуконки былъ ребенокъ.

— Господи-ты Боже мой! и ее это такъ чужны повезутъ! въ ужасъ воскликнула солдатка. И мать-то тебя не поидеть проводить, не благословить даже! Ахъ, ты несчастная! проговорила солдатка.

— Да она крещена? спросилъ чиновникъ.

— Гдѣ было! До крестинъ-ли! — Трое сутокъ я какъ шальная ходила за матерью, а тутъ напужалась, какъ она это кричать стала, да какъ сказалъ докторъ, что помретъ. Я тутъ и сама-то точно рехнулась.

— Ну, прощай! подавая еще двугривенный, сказалъ чиновникъ солдаткѣ.

— Перекрести хоть ты младенца-то, — можетъ, благословеніе добраго чловѣка дать ему счастье.

Чиновникъ перекрестилъ ребенка.

— Подалуй, батюшка, простишь, — вѣдь не къ отцу несущу!

Чиновникъ поцаловалъ дѣвочку и быстро пошелъ отъ солдатки, остановившейся поправить кацавейку. Ребенокъ вдругъ заплакалъ, точно понималъ, что скоро-скоро появится тотъ домъ, гдѣ тысячи ему подобныхъ, отверженныхъ сиротъ стонуть и плачутъ; гдѣ ни ласки материнской, ни ея заботливости не видятъ младенцы; гдѣ чужое молоко и чужія руки выкормятъ, а потомъ и пустятъ на свѣтъ, гдѣ опять все чужое да чужое будетъ окружать ихъ.

Чиновникъ остановился при крикѣ ребенка, тяжело вздохнулъ и торопливо пошелъ за солдаткой, которая, идя, качала плачущаго младенца, вторя ему своими слезами и мрачными предсказаніями:

— Полно, полно, моя сиротка; еще наплачешься, нагорюешься вдоволь, когда вырастешь.

— Тетушка, а тетущка! окрестимъ-ко мы младенца, прогово-

Филь-тиновникъ, догнавъ солдатку, которая отъ радости и удивленія даже вскрикнула и таращила глаза.

— Я буду кумъ, а ты—кума! Ну, а тамъ потнесешь въ воспитательный. А те вѣдь грѣхъ!

— Еще бы не грѣхъ! Ахъ ты, добрая душа! Да какъ же? надо въ крестикъ купить, попу дать; вѣдь самъ знаешь, что безъ денегъ — ни помереть, ни крестить нельзя!

Чинovníкъ, вмѣсто отвѣта, подовзвалъ извозчика и усѣлся съ солдаткой вмѣстѣ, приказавъ кучеру везти ихъ сначала въ гостиницный дворъ, а потомъ въ церковь, и черезъ часъ съ крещенымъ ребенкомъ солдатка явилась домой, потому что крестному отцу стало стыдно отдать свою крестницу въ воспитательный. — Хозяйка квартиры чуть не выгнала вонъ солдатку съ ребенкомъ, но чиновникъ защитилъ свою куму.

Больная мать, ничего не подозревая, лежала одна въ маленькой комнатѣ; заслышавъ шорохъ, она слабымъ голосомъ позвала къ себѣ солдатку, которая, сія отъ счастья, бросилась безъ всякой осторожности къ постели и, плача и смѣясь, подала ей свою крестницу.

— На, возьми свою Аннушку! Крещеная! Да еще нашей крестной—то у ней — вотъ онъ! Поди-ко сюда, батюшка, Василій Карповичъ, поздравь свою куму—то съ окрещеной доченькой!

Больная устремила глаза на сконфуженнаго незнакомаго чловѣка и вопросительно глядѣла на него. Чиновникъ также смотрѣлъ съ удивленіемъ на свою куму. Это была молодая, красивая женщина, съ лихорадочнымъ румянцемъ, съ огненнымъ блескомъ въ глазахъ. Густые волосы падали тяжелыми косами по плечамъ, а бѣлыя руки судорожно были протянуты къ ребенку, котораго солдатка не давала ей, но непременно хотѣла, чтобы кумъ съ почетомъ передалъ матери свою крестницу.

— Окрестили мы ее. Ты только, Анна Федоровна, поправляйся, да выкорми намъ нашу крестницу! Вѣдь я теперь ишь съ кѣмъ породнилась.— Возьми ее! сказала солдатка, силою кладя ребенка на руки чиновника и толкая его къ кровати больной.

Чиновникъ приблизился къ больной и подалъ ей свою крестницу, сказавъ добрымъ голосомъ:

— Вотъ-съ вамъ, кумушка, нашу крестницу!

Мать судорожно прижала свое несчастное дитя къ груди и, дико смотря на него, произнесла:

— Я васъ никогда не видала, какъ же это вы?

— На prospectѣ у самого воспитательнаго, перебила ее солдатка и пророческимъ голосомъ добавила:

— Вспомни меня, Анна Федоровна, что прасчастливая будетъ твоя доченька!... Садись, батюшка, я сейчасъ кофею сварю тебѣ, уходя говорила солдатка въ какой-то лихорадочной суетѣ...

— Садивось! слабымъ голосомъ пригласила чиновника больная.

Тотъ повиновался. — Видно было по выраженію его лица, что онъ самъ еще не можетъ придти въ себя отъ своего добраго поступка и поглядывалъ съ удивленіемъ на красивую и молодую страдалицу, которая плакала, смотря на своего ребенка.

— Если васъ Богъ послалъ моей дочери, то будьте хоть вы ей отцомъ!

Сказавъ это, мать такъ зарыдала, что у чиновника потекли въ три ручья слезы.

— Богъ милостивъ! Мы выростимъ нашу дочку, только не огорчайте себя слезами! утѣшалъ онъ.

Мать отчаянно махнула рукой и уткнула свое лицо въ подушку.

Чиновникъ между тѣмъ взялъ ребенка на руки и ласковымъ голосомъ сказалъ ему:

— Рости ты, моя голубушка — доченька! Будь ты ласкова до своего крестнаго; а онъ тебя, пока живъ, не оставитъ.

Больная мать прекратила свои рыданія и съ благодарностью устранила глаза, омоченные слезами, на добраго человѣка.

Солдатка явилась съ чашками, извѣщая, что сейчасъ будетъ готовъ и кофе, и была жестоко огорчена тѣмъ, что ея кумъ поспѣшно ушелъ, обѣщаясь зайти къ своей крестницѣ вечеромъ.

По его уходѣ, солдатка рассказала все бѣдной матери. Можно себя представить, какую глубокую благодарность мать должна была чувствовать къ этому человѣку; и когда онъ, вечеромъ, явился къ ней съ узелкомъ, въ которомъ были: чай, сахаръ, бѣлый хлѣбъ и варенье, то она готова была броситься къ нему на шею, какъ къ родному отцу. — Съ тѣхъ поръ, всѣ трое стали жить на одной квартирѣ; работали безъ усталы, чтобъ кое-какъ существовать въ дорогомъ Петербургѣ. — Всѣ ихъ радости и заботы сосредоточивались на маленькой дѣвчкѣ, которая въ ласкахъ да въ холѣ росла и хорошѣла. Сосѣди называли ее барышней — такой живымъ и чистымъ видъ имѣлъ ребенокъ. Кре-

стный отецъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ выработать перепиской лишній рубль и купить своей крестницѣ шляпку, сапожки; кромѣ этого онъ любилъ ея мать, и готовъ былъ для нея въ огонь и въ воду. Онъ и не думалъ разбирать, что за чувства питаетъ къ молодой, красивой и несчастной женщинѣ, пока у ней не явился женихъ, очень хорошій и достаточный человекъ. Тутъ только сорока-лѣтній чиновникъ понялъ ясно, какъ сильна его любовь къ ней. Жениться на ней онъ не могъ, да и сознавалъ, что старъ для такой красавицы, а потому, побѣдивъ въ себѣ эгоизмъ, самъ началъ доказывать ей, что она поступитъ благоразумно, если выйдетъ за хорошаго человека, хоть не для себя, а для дочери. Но она, однако, не пошла замужъ, потому что чувствовала, что не разлюбила еще отца своей дочери, и если бы онъ потребовалъ, то готова бы, кажется, идти за нимъ въ Сибирь, не думая ни минуты. Бѣдная женщина льстила себя надеждой, что онъ бросилъ ее, вѣроятно, по какимъ-нибудь семейнымъ дѣламъ. Она судила по себѣ, зная, какъ трудно отречься отъ своего дѣтища изъ одного страха—связать себя чѣмъ-нибудь.

Прожили эти три лица десять лѣтъ вмѣстѣ. Аннушка ихъ ходила учиться къ одной благородной дамѣ. Василій Карповичъ (такъ звали чиновника) самъ училъ свою крестницу читать и писать, а мать—шитью; даже жилецъ—старый живописецъ, нѣтавившійся рисованьемъ образовъ, и тотъ съ любовью училъ рисовать хорошенькую и понятливую дѣвочку.

Дѣвочка росла, окруженная трудомъ близкихъ ей лицъ, и тутъ же познакомилась съ гнетущей нуждой отъ постороннихъ, которые то-и-дѣло прибѣгали къ нимъ дѣлать свое горе. Она очень любила слушать, вечеромъ, рассказы своей крестной о томъ, какъ она бѣдствовала съ своимъ мужемъ—солдатомъ; какъ она родила на рѣкѣ, какъ ограбили ее на Козьемъ-болотѣ и проч. Рассказы матери тоже интересовали ее. Тутъ она наслушалась о томъ, какъ учатъ въ магазинѣ, и какъ поступаютъ съ бѣдными ученицами алья козяйки. Крестному отцу мало приходилось говорить интереснаго изъ своей однообразной, чиновничьей жизни.... Родился Василій Карповичъ отъ бѣдняка—чиновника, проживавшаго на Петербургской сторонѣ; но четырнадцатому году остался сиротой и опорой семейства: матери и трехъ сестеръ. Ранній, тупоумный, усиленный трудъ, безвыходная нужда, вѣчный страхъ, что вотъ, вотъ выгонитъ новый начальникъ изъ службы, чтобы помѣстить какого-нибудь господина, — вотъ чѣмъ

онъ быть окруженъ въ юности. Столичныхъ развлеченій вообще не знаютъ бѣдные чиновники; имъ предоставляются одни могилыныя гуданья, гдѣ лѣтомъ, по праздникамъ, бѣдные труженники позволяютъ себѣ подышать заразительными миазмами, и ихъ усталые отъ переписки глаза мирно успокоиваются въ это время на тощихъ кладбищенскихъ кустахъ и березкахъ и на повалившихся крестахъ; а надписи на памятникахъ—замѣняютъ имъ литературу и чтеніе. Отъ такой жизни какъ не превратиться въ тупо-безгласное и покорное существо, съ которымъ дѣлай, что хочешь, оно только ниже и ниже будетъ склонять свою голову и больше ничего. Къ сорока годамъ Василій Карповичъ могъ только подумать о самомъ себѣ и жениться; потому что до этого времени онъ былъ связанъ сыновними обязанностями. Теперь мать умерла, сестры вышли замужъ и уѣхали по губерніямъ, и онъ остался одинокъ. Привычка къ семейной жизни въ немъ такъ была сильна, что онъ страшно скучалъ одиночествомъ. Его природная застѣчивость и невзрачная фигура и смолоду не привлекали женскія сердца; лысый, да весь въ морщинахъ, могъ ли онъ рассчитывать на любовь. Въ этомъ-то одиночествѣ, грустномъ настроеніи и встрѣтила его солдатка съ ребенкомъ. Надо еще замѣтить, что вызвало его на такое необыкновенное состраданіе.... Это—то, что въ молодости онъ любилъ одну бѣдную швею, которая также погибла отъ развратника....

Какъ видите, читатель, жизнь Василья Карповича доказывала, что при всей бѣдности, при всей забитости, если человекъ захочетъ быть сострадательнымъ, то сколько онъ можетъ сдѣлать добра ближнему. Впрочемъ, Василій Карповичъ и не воображалъ, что онъ, не смотря на свое наружное ничтожество, полезенъ многимъ и многимъ людямъ, гордящихся значеніемъ своимъ въ обществѣ, приносящихъ иногда крупную пользу и требующихъ себѣ за то столько награды, столько удобствъ въ жизни, что бѣднякамъ становится еще тяжеле жить.

Въ одинъ весенній, праздничный вечеръ, мать пошла погулять съ своею дочерью; ихъ, какъ всегда, сопровождалъ Василій Карповичъ. Проходя мимо одной церкви, дѣвочка пристала къ матери, уговаривая ее зайти—посмотрѣть на свадьбу. Съ трудомъ пробрались они до того мѣста, откуда видны были женихъ и невѣста. Дочь была въ восторгѣ отъ молодой невѣсты, одѣтой очень богато; она обращалась все къ матери съ своими вопросами, но не получа отвѣта, взглянула ей въ лицо, и пере-

пугалась. Мать была блѣдна, какъ смерть; дико торѣвшіе глаза ея впались въ жениха. Дочь стала ее окликать съ мольбой, тогда мать схватила ее на руки и почти вскричала: «смотри, смотри на него!»

Свадьба шла уже къ концу, когда мать и дочь вошли въ церковь; церемонія скоро окончилась, — тогда мать бросила свою дочь, и какъ сумасшедшая ринулась въ толпу. Василій Карповичъ толкался за ней, оберегая испуганную свою крестницу и самъ былъ странно встревоженъ, зная, что безъ важныхъ причинъ мать ни за что бы не бросила въ толпѣ свою дочь. Не смотря на всѣ усилія, блѣдная женщина пробилась къ молодымъ, и когда молодые сѣли въ карету, она бросилась къ окну экипажа; но въ эту самую минуту, свадебная карета двинулась и спихнула ее съ погъ. Произошла минутная суматоха, подняли окровавленную женщину и отдали на руки обезумѣвшему Василью Карповичу и рыдающей дочери. Многіе зрители винили безразумство женщины, которая изъ пустаго любопытства пошла къ окну кареты молодыхъ. Одинъ Василій Карповичъ догадался, что за страшная причина заставила блѣдную женщину броситься такъ близко къ каретѣ молодыхъ. Ушибъ былъ не значителенъ; но встрѣча съ отцомъ дочери такъ потрясла слабый организмъ блѣдной матери, что она умерла въ быстрой чахоткѣ и прожила только объ одномъ Василья Карповича, чтобы онъ не бросилъ свою крестницу. Умирая, мать молила дочь — почитать своего крестнаго за роднаго отца.

Василій Карповичъ свято исполнялъ свои обѣщанія, данными умирающей женщиной; онъ работалъ безъ устали, чтобы дать воспитаніе своей крестницѣ; но черезъ годъ, его постигло страшное несчастіе.

Въ тысячахъ блѣдныхъ семействъ, въ Петербургѣ, раздавались стоны и плачь, но не отъ наводненія, не отъ холеры, а отъ уменьшенія чиновнаго, блѣднаго люда. Сколько пошло по міру дѣтей, сколько погибло честныхъ дѣвушекъ, сколько спилось съ горя отцовъ семействъ, а сколько еще умерло отъ нищеты и горя; да и не перечеть, сколько слезъ и страданій приносятъ такіа блѣдствія, гдѣ сотни семействъ, среди богатаго города, бродятъ въ лохмотьяхъ и умираютъ съ голоду, какъ будто выброшенные, послѣ кораблекрушенія, на необитаемый островъ. Василій Карповичъ также очутился безъ куска хлѣба; а между тѣмъ долженъ былъ кормить и воспитывать ребенка. Онъ бро-

смысл искать частнаго мѣста. Но гдѣ было ему найти его, если бы не видно мѣсто въ управляющіе имѣніемъ въ дальнюю губернію, черезъ знакомство покойной кумы, которая долго шла на одну барыню и которая всегда ласкала ея дочь, а послѣ ея смерти даже брала ее къ себѣ въ гости на цѣлые дни. Василій Карповичъ повѣлалъ управлять деревней, оставивъ, по совѣту ея, свою крестиницу въ пансіонѣ. Барыня общалась съ дѣтьми: за ея воспитаніемъ и по праздникамъ брать къ себѣ. Бѣсъ отчаянныхъ слезъ, разлука не могла обойтись съ обѣихъ сторонъ. Дѣвочка такъ любила своего крестнаго, такъ привыкла къ этой скромной, независимой жизни, какую вела всегда, посреди любящихъ ее людей... Но что должна была она думать, какъ не покориться и начать новую жизнь. Она всегда училась отлично, а теперь старалась втрое, чтобъ скорѣе окончить ученіе и опять зажить возлѣ крестнаго отца. Видя способности и рвеніе ея къ ученію, покровительница на свои деньги учила ее музыкѣ и рисованью. Различныя обстоятельства вдругъ заставили ее вѣхать за границу, и она, съ согласія Василія Карповича, повезла съ собой и его крестиницу. Съ четырнадцати до двадцати лѣтъ прожила Анна Васильевна (какъ ее всѣ теперь стали звать) въ Италіи. Жизнь вела она очень свободную, потому что ея покровительница была женщина образованная, умная, сильна въстававшая противъ замкнутаго воспитанія дѣвицъ, а потому и не мѣшала дѣвушкѣ жить самостоятельно, тѣмъ болѣе, что видѣла въ ней много здраваго смысла и пониманія женской свободы. Разумѣется, не обошлось безъ пересудовъ. Но такъ какъ Анна Васильевна была мѣщанскаго происхожденія, то не такъ смѣло возмущались ея свободнымъ образомъ жизни, который и весь-то состоялъ въ томъ, что она одна ходила въ студіи и въ картинныя галлерей. Анна Васильевна видѣла разнообразное общество у своей покровительницы. Красивая, умная дѣвушка обращала на себя вниманіе многихъ мужчинъ, даже былъ у ней женихъ, но все окончилось ничѣмъ, потому что мѣщанское ея званіе, бѣдность, серьезность характера и самостоятельность слышались попомуту приходились ея обожателямъ, искавшимъ въ женщинѣ самоуниженія, суетности или лицемерства. Особенно радужныхъ понятій не могла имѣть Анна Васильевна о супружеской жизни. Страданія матери поневолѣ заставляли ее бить насторожѣ и смотрѣть на влюбленныхъ въ нее съ недоверчивостью, а при доверкѣ ихъ чувствъ, въ ней окончательно не оставалось

никакого сомнѣнія въ томъ, что это было одно волеизъявленіе. Впрочемъ, въ Аннѣ Васильевнѣ много было и страннаго. Она, напримѣръ, выказывала явное нерасположеніе къ богатому обществу. Она любила прошлую бѣдную свою жизнь, гдѣ, въ маленькой квартирѣ, всегда было мѣсто для усталата бѣдняка и кусокъ хлѣба, для того, чтобы утолить его голодь; тамъ послѣдній грошъ отдавался страдальцамъ. А въ домѣ некропительницы, гдѣ десятки тысячъ проживались, гдѣ правдая прислуга въ помойныя ямы бросала кучу кушанья — тамъ голоднато бѣдника гнали вонь. Анна Васильевна чувствовала угрызения совѣсти, живя въ роскоши и зная, что ея крестный отецъ и мать работали въ потъ лица, для скуднаго насущнаго хлѣба. Вообще она смотрѣла на жизнь можетъ быть дико, но совершенно противоположно взгляду людей, ее окружавшихъ. Самостоятельность Анны Васильевны развивалась въ ней съ дѣтства отъ нерушимаго и честнаго воспитанія, отъ знакомства съ мрачными сторонами жизни и отъ труда, къ которому и она готовилась; вообще, она тяготѣлась ролью проживальни въ богатомъ домѣ. Но несмотря на всю серьезность своего взгляда на жизнь, Анна Васильевна была жива и весела, а необыкновенная ея простота во всемъ даже поражала всякаго, кто видѣлъ ее и зналъ ея образованіе и умъ. Впрочемъ, Анна Васильевна много обязана была чтенію хорошихъ книгъ, которыя укрѣпляли ее въ инстинктивныхъ стремленіяхъ — быть не куклой, не рабой, а честной женщиной, не обременяющей своимъ существованіемъ ни отца, ни мужа, — женщиной, которая сама еще могла быть не бесполезной для другихъ. Такое естественное стремленіе осмѣливаются высказывать женщины новаго поколѣнія, какъ ни стараются имъ процѣствовать въ этомъ и даже печатно позорятъ ихъ, какъ возмутительницъ нравственности и семейственности, которыми будто бы наслаждалось и наслаждается наше общество. Многие, навидъ образованные господа, сятся доказать, что женщина имѣетъ самостоятельности единственно для удобства развратничать, какъ будто до сихъ поръ праздыя рабыни не коснѣютъ въ развратѣ. Эти господа хотятъ скрыть свой страхъ, чуя, что при самостоятельности женщинъ, имъ придется распростяться съ султанскими привилегіями.

Послѣ внезапной смерти своей некропительницы, которая, по барской безпечности, не думала на всякій случай дать средства къ существованію бѣдной дѣвушкѣ, вырванной изъ ея скромной

Анна Васильевна должна была уехать въ Россію къ крестной матери и отцу, все еще проживавшему управляющимъ въ деревнѣ. Она и не воображала, что поступила неблагоуразумно, рѣшившись ѣхать одна, и только, какъ мы уже видѣли, послѣ встрѣчи съ тенераномъ она поняла, что была слишкомъ самоувѣрена въ своей смѣлости и воочувствовала слишкомъ дерзко прилагать къ себѣ всю самостоятельность, да еще въ мѣщанскомъ званіи, къ тому, чтобы путешествовать одной по большимъ дорогамъ Россіи.

Вотъ подробная біографія молодой путешественницы; а теперь я обращаюсь къ біографіи ея случайнаго защитника.

Александръ Егоровичъ Сибгоровъ — такъ звали молодого человека — не могъ также похвастать своимъ высокимъ происхожденіемъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ видѣлъ передъ собой женщину, со строго-печальнымъ лицомъ бабушку свою, въ черномъ сарафанѣ, съ чернымъ платкомъ на головѣ, которая не только пѣла дни сутки за сталомъ и ткала холотна, но даже и по ночамъ ввукъ видѣла ее за той же работой, и зыравительная ея фигура въ это время была еще печальнѣе. Бабушка была большая мастерица ткать холотна и постоянно имѣла заказы отъ зажиточныхъ куличикъ. Какъ видите, образъ занятій и одежда бабушки Сибгорова ясно доказывали его плебейское происхожденіе. Александръ Егоровичъ Сибгоровъ остался сиротой на пятомъ году. Отецъ его былъ учителемъ въ губернской гимназій и оставилъ по себѣ память честнѣйшаго и очень умнаго человѣка. Женился онъ на бѣдной дѣвушкѣ, воспитанницѣ своей матери. Супружество было примѣрное: тишина и согласіе царили въ семействѣ, но за то болѣзни испортили все. У отца Сибгорова открылась чахотка и онъ, послѣ года страданій, умеръ, оставивъ свою жену, измученную уходомъ за больнымъ мужемъ и совершенно убитую несчастіемъ, постигшимъ ее. Она была въ это время беременна и умерла въ родахъ, ребенка тоже не спасли. Остался одинъ, старшій ихъ сынъ.

Старуха-бабушка съ внукомъ перѣехала жить къ старшему сыну, губернскому чиновнику, человѣку доброму и простому; но старушка жила совершенно отдѣльно. Ей все казалось, что сынъ и невестка барствуютъ, а она не могла выносить правды и высокоумнаго обращенія съ простымъ человѣкомъ.

Чинovníкъ-сынъ, зная, что мать не долюбиваетъ баръ, поддорядалъ иногда ее, говоря такъ:

— Я, маменька, почу на покой: выйду въ оставку, куплю деревеньку, да и важиу себя.

Мать хмурилась и строго спрашивала сына:

— На какой это работѣ замаялся ты—ахъ синна устава гнушся отъ поклоновъ—то? Да и какиѣ это ты честныѣ трудомъ деньги—то нажилъ, что въ бары—то суешься?

— Наконилъ... Я вотъ вамъ какого отличнаго лъгу шью!..

— Благодарствую, сынокъ, отвѣчала старуха: — не наде-ть мнѣ твоего лъгу! Я и за порогъ твоего дома не переступлю, если ты станешь владѣть христіанскими душами. Матери своей тогда и не увидишь, — такъ и помни это!

— Да я пошутилъ, маменька. И гдѣ у меня деньги—то! сѣ-бѣе замѣчалъ чиненникъ.

— Такъ только потому не покунаешь человѣческихъ душъ, что денегъ—то нѣтъ?... Ахъ, ты, пропадшій человекъ! Ишь де чего дожигилъ! И такъ—то великую совѣсть забылъ: все ему нужно людей съ чинами, да съ деньгами, чтобъ съ ними водиться.

— Вы, маменька, все странно говорите. — Какъ же мнѣ дѣ-лать? Вѣдь посади я жулика, а придетъ ктонибудь—разобидит-ся; а вѣдь вы знаете пословицу, что «съ волками жить — по волчьи выть».

— Прѣ это—то я тебѣ и говорю, что ты на челоука не сталъ походить, какъ въ чины—то влѣзь. Небось — бѣднаго челоука тебѣ не заorno обидѣть, а своего брата, чиненника, некая? Грѣшникъ, грѣшникъ ты! О душѣ—то своей больше думалъ бы, а не о чинахъ!..

Старуха—бабушка часто твердила своему внуку, что онъ не долженъ рассчитывать на поклоны, да на потворство богатымъ, чтобъ доставить себѣ средства къ жизни.

— Ты, Саша, учись, чтобъ честнымъ трудомъ доставитъ себѣ кусокъ хлѣба, да дѣлись съ бѣдными; не гордись, если бу-дешь грамотнымъ, — вѣдь и всякій бы радъ учиться, да какъ кому выпадетъ это на долю. Вѣдь твои двоюродные братья — хорошіе парни; а такъ и стибнутъ на барщинѣ. Вѣдь вотъ и твой дядя землю бы пахалъ, а можетъ въ псаряль былъ бы, если бы не обучился грамотѣ. Вотъ и все отличіе его теперъ отъ лапто-ника, котораго, видишь, ему низко и посадить. А какъ самъ—то пришелъ бы въ лаптихъ, да тоже бы не посадили, а подчасъ и вашей вытолкали бы, что бы онъ тогда сказалъ? — Вотъ это.

ней родной: бояся ты душе всего людекой-то гордости. Вър-
маему слову, что изъ одной плоти всё мы сотворены; это все
дурные люди, изъ жадности, свѣтъ-то завернули, да и живутъ
надо человѣчески.

Внукъ въралъ каждому слову своей бабушки, жизнь которой
проходила вся въ трудѣ и выгата была отъ всякаго нареканія. Въ
память дѣ ея умершему сыну, многихъ важныхъ лицъ посѣщала
старуху; но она никогда не заискивала въ нихъ, и часто дапет-
никъ сядѣлъ воелѣ нарядной барыни и барина, въ ея мистой ка-
моркѣ. Такимъ образомъ внукъ выросъ въ правилахъ строгой
честности бабушки.

Гордой слыла бабушка между богатыми; но бѣдныя да про-
стые люди были другою о ней мнѣнію. Она терпѣть не могла
пустословія и гостей; но кто приходилъ къ ней дѣлать свое горе
или просить совѣта — отъказа никому не было. Но и выслуши-
вая чужую нужду, она ни на минуту не переставала работать, и
если выходила изъ дому, то или въ церковь, или въ больницы
бѣднымъ; богатыхъ никогда она не посѣщала, оправдываясь
тѣмъ, что и безъ нея есть кому завѣщать богатыхъ. Бабушка ни
съ кѣмъ ни вспоминала свое прошедшее и избѣгала всячески раз-
говора объ этомъ; напротивъ, внуку она рассказывала все до ме-
лочей. Рассказывала, какъ барыня, изъ ревности, отдала ее за-
мужь, силою, за крестьянина, котораго она и знать не знала;
какъ, по счастью, мужъ оказался человѣкомъ очень хорошимъ.
Потомъ она описывала, какъ ея мужа сослали въ Сибирь за то,
что онъ подавалъ въ Петербургѣ жалобу на тиранство своего
барина; какъ она пошла съ маленькими дѣтьми въ Сибирь за му-
жемъ, какъ тамъ они жили во поселеніи и какъ, по смерти мужа,
она вернулась на родину, съ двумя малолѣтними сыновьями и
поселилась въ пубернскомъ городѣ, гдѣ искала прищипи, и отъ
продажи ихъ процѣпывала себя, пока не достала ея иго наслед-
ству отъ ключницы-тетки небольшой капиталъ, котораго вѣсь
пошелъ на воспитаніе дѣтей. Она съ ранняго возраста посылала
дѣтей, сначала въ уездное училище, потомъ, за способности,
мадрикъ пошелъ въ гимназію. Старшій сынъ началъ служить
отъ ли по четырнадцати лѣтъ, и въ пятидесяте годахъ былъ
уже титулярнымъ совѣтникомъ, съ крестомъ на шеѣ и званиемъ
былъ на благородной дѣвушкѣ.

Разсказы бабушки изъ ея дѣйствительной жизни занимали
ребенка болѣе всякаго сказокъ, въ которыя уже никакія худо-

вища не пугали его, послѣ уѣхъ лицъ, такъ мастерски описанныхъ старухой, которыя, какъ живыя, рисовались въ его воображеніи. Внукъ не отходилъ отъ своей бабушки, даже во все время пребыванія своего въ гимназій и считалъ для себя большимъ удовольствіемъ сидѣть у ея станка и читать ей книжки, которыя ему давали знакомые его отца. Ученье Александра Егоровича шло отлично; бабушка только радовалась, и нисколько не прекословила ему, когда онъ задумалъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ поступить въ какое нибудь высшее учебное заведеніе.

— Что твой внукъ-то улизнуть хочетъ? говорилъ бабушкѣ въ церкви, одинъ изъ вліятельныхъ губернскихъ господъ.

— Что имъ ему здѣсь-то дѣлать?— Не изъ блажи, а для учебы онъ ѣдетъ, отвѣчала старушка.

— На волѣ царю захотѣлось, прибавлялъ знакомый.

— А хоть бы и такъ! Я его растила не для того, чтобъ онъ сучилъ со мной прижку. Пусть себѣ обучится!

— Онъ и такъ, кажись, зачитался,— болѣно ужъ соображаетъ себя держать, замѣчалъ чиновникъ. — Отбрось-ка спѣсь, старуха, да приходи ко мнѣ мѣстечка ему попросить. Въдѣ Петербургъ не нашъ городъ; тамъ на твоего внука никто и взглянуть не захочетъ, — эдакихъ-то гольдштей тамъ сотни слоняются. Не велика важность, что порхымъ вышелъ изъ гимназій. Какъ-то на службѣ повезетъ. Я вотъ нигдѣ не учился, а дай Богъ твоему внуку дожить до того, чтобъ ему самъ губернаторъ руку жаль. Ты знаешь ли, что изъ Петербурга-то къ намъ уже присылаютъ направлять эту ученую молодежь: вишь, болѣно ужъ тамъ они заучиваются, умъ за разумъ заходитъ.... Прощай! молвила, чтобы спѣсь бы съ себя спѣсь твой внукъ!

Старушка молчала, но вовсе не о томъ, а чтобы ей внуку благополучно окончилъ свое ученье въ Петербургѣ и былъ бы честнымъ и дѣльнымъ человекомъ въ продолженіе всей своей жизни.

Сидѣвъ, разумѣется, поступилъ въ Петербургъ въ такое заведеніе, гдѣ у воспитанниковъ не расчесывають волосы французско-парикмахеры, гдѣ ходять безъ перчатокъ и не учавел для чиновъ или доходныхъ мѣстъ, гдѣ все интересы молодежи не сосредоточиваются на обѣдахъ въ ресторанахъ и на пивныхъ съ дамочками. Напротивъ, вмѣсто помилыхъ французскихъ романчиковъ, какіе читаются единственно завитыми и расчесанными ге-

ловами, Сивъговъ читалъ дѣльныя книги да изучалъ русскую литературу. Почти весь курсъ онъ выжилъ въ четырехъ стѣнахъ института. Приѣхавъ въ Петербургъ застѣчивымъ мальчикомъ, онъ не имѣлъ случая завести себѣ знакомствъ и сдѣлался очень разберчивъ, мѣтко угадывая и понимая все дурное въ людяхъ. Самые близкіе его товарищи были тоже заѣзжіе и также дичатся различныхъ знакомствъ. Я не думаю, чтобъ эта заключенность въ Петербургѣ была вредна для молодыхъ и честныхъ людей. Сивъговъ и его товарищи постоянно разсуждали объ обязанностяхъ честнаго человѣка, и оставались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ; несмотря ни на какіе соблазны. Начитанность, умъ, вѣчное заступничество за слабого, приобрѣли ему большое уваженіе воспитанниковъ и ненависть старшихъ, считавшихъ Сивъгова безпокойнымъ, за его умѣнье подмѣчать и высказывать злоупотребленія. Особенно одинъ изъ начальствующихъ ненавидѣлъ его, какъ большею частью ненавидятъ низкіе люди людей честныхъ. Онъ готовъ бы былъ даже исключить Сивъгова, если бы только не боялся скандала, зная по опыту, какъ ловко Сивъговъ выводилъ его на свѣжую воду въ своихъ стычкахъ съ нимъ. Да и Сивъговъ велъ себя такъ, что нельзя было отыскать въ немъ законныхъ преступленій: онъ по наукамъ былъ первый, велъ себя съ такимъ достоинствомъ, что никакъ нельзя было привязаться къ нему даже въ пустякахъ. Но все-таки надо было шить молодому человѣку слишкомъ большое умѣнье, чтобы всегда владѣть собой, когда его нагло вызывали на непріятности. Сивъговъ хорошо понималъ, что для его врага нѣтъ выше оскорбленія, какъ то, когда онъ самъ долженъ будетъ поднести ему первую медаль, и онъ достигъ этого, хотя его врагъ прибѣгъ къ самой низкой клеветѣ, начавъ распускать слухи между воспитанниками, будто бы Сивъговъ передъ экзаменами раскаялся и валился у него въ ногахъ, прося прощенья, и потому-то онъ перемѣнилъ свое обращеніе съ нимъ.

По окончаніи курса Сивъговъ не желалъ поступить на службу. Онъ началъ давать уроки, приобрѣтя такимъ образомъ званіе домашняго учителя, кромѣ того, читалъ корректуры, занимался небольшими журнальными работами, — однимъ словомъ, до нѣкоторой степени обезмечилъ свое пребываніе въ Петербургѣ. Но на всѣ эти грошovyе доходы онъ жилъ за перегородкой у прачки, хотя такая жизнь не казалась ему тяжелою, потому что онъ душно подружался въ общественные интересы, и потому не за-

мѣчать, никакимъ, липоній. Да онъ къ тому же съ дѣтства не привыкъ прилазать большой цѣны удобствамъ жизни. Въ одну ночь Сибгоровъ преремудся отъ неспящаго голода: квартальный и какія-то другія лица находились въ его маленькой комнаткѣ... Черезъ сутки онъ уже ѣхалъ въ телегѣ, съ провожатымъ, на жительство въ дальній губернской городъ, гдѣ онъ долженъ былъ страшно бѣдствовать, пока не нашелъ собѣ уроковъ. Когда его встрѣтила путешественница на станціи, онъ ѣхалъ на свиданіе съ своей бабушкой, которую напугала, что ей, вѣжъ не минеть Сибири.

«На печалься, Саша!» писала бабушка своему внуку. — «Не слушаешь ты ничьихъ совѣтовъ, а поступаешь по своей совѣсти. Что кланяться-то, да обивать пороги? Можетъ, все скоро и къ хорошему придетъ....»

Старуха-бабушка только бодрилась при внуку; а надо было ее видѣть одну, когда она ночью сидѣла въ своей каморкѣ, не смыкая глазъ, въ такой отчаянно-неподвижной позѣ, что ее легко можно было принять за мертвую, окоченѣвшую въ этомъ видѣ. Ей все чудилась Сибирь, дикая пустыня, домишко занесенный сибгоровъ — и въ этомъ домишкѣ сидѣть ей внуку. Старуха перебрала свою многострадальческую жизнь, отыскивая въ ней причину, по которой такъ могла бы ее угнетать такая судьба.

— Ну, что дѣлать! пойду съ нимъ и въ Сибирь; одного не да что не пушу.... Господи! мало, что ли, тамъ и безъ него! И тогда бабушка, выходя изъ своего оцѣпенѣнія и садилась за станокъ; но руки не повиновались ей и, тяжело вздыхая, она опять сидѣла въ отчаянномъ оцѣпенѣніи.

ГЛАВА IX.

Въ одинъ изъ мартовскихъ дней, большая рѣка вздумала грозно отпраздновать свое освобожденіе ото льда и затопила всѣ берега на нѣсколько десятковъ верстъ. Мрачную картину представляли потоппенныя деревни, съ развалившимися глиняными избами, кѣтами и дырявыми заборами. На крышахъ уцѣлѣвшихъ избъ спускались бѣдные крестьяне съ домашнимъ скарбомъ и скотомъ. Бабы и дѣти кричали и плакали, собаки завывали, коровы то скливаю дмъ вторыми своими мычаньемъ, покачиваясь на доскахъ

прекрасныя улыбки къ уцѣлѣвшимъ столбамъ отъ разрушеннаго верста. Каждое живое существо, по своему выражало испугъ, голодь и жлодь. Мужики, до горло въ водѣ, всѣ постигъные, не утомимо работали: кто ловилъ свое тряпье и посудину, кто возилъ ее сквозь лѣсъ, кто старался уставить лошадей на бревна. А впереди-то сколько горя, холоду и болѣзней ждали эти несчастныя, разоренныя труженники! Страшна и мрачна была картина! — А вѣдь, весной часть она повторится въ нашей обширной Россіи.

Вечеръло. Лодъ агущался все сильнѣе; массы его съ шумомъ и быстротою неслись впередъ, барелись между собою, ломая и подламывая одна другую. На небольшой площади, по возможности, по возможности своей уцѣлѣвшей отъ потопленія, стоялъ лабакъ, бани, перевоза и большой дороги, сообщеніе съ докторой, уже прекратилось, потому что вода снесла всѣ мосты, и небольшие овражки превратились въ огромныя озера. Бабы и мужики толпились у самаго берега, который былъ заставленъ пустыи телегами и выпряженными лошадьми проѣзжихъ. Между тулупами и полубубками рѣзко отличались двѣ шинели: въ форменной былъ становой, а въ партикулярной — молодой человекъ, застигнутый, какъ и многіе, разлитіемъ рѣки въ дорогѣ.

Глаза всѣхъ, находившихся на берегу, были устремлены вдаль — на едва замѣтную лодку, борющуюся въ массахъ льда. Какая-то тяжелая тишина царствовала на площадкахъ, такъ что явственно слышались вздохи бабъ, трескъ и гулъ отъ напора льда. Одна группа бабъ, окруженная всякаго возраста окостѣвшими отъ холода дѣтьми, ближе всѣхъ стояла къ водѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за лодкой. Въ этой толпѣ находилась между прочими старуха; она сильнѣе всѣхъ изъявляла свое отчаянье, и то протирала свои угасшіе глаза, то прикладывала свою ладонь ко лбу и задыхающимся голосомъ поминутно спрашивала стоявшихъ около нея бабъ:

— Что, Авдотья, ты видишь лодку?

— Вижу, матушка, тревожно отвѣчала молодая баба.

Тогда старуха обращалась къ другой, какъ-бы за повѣркой отвѣта:

— А ты, Марья, видишь ее?

— Видна еще! — сдержаннымъ, рыдающимъ голосомъ протосила Марья, судорожно сжимая своего груднаго ребенка.

— Господи, прости ослѣца! говорила старуха, порочливо

протирала свои глаза кончиком платка; и снова допрашивала вполголоса: «выбрались?» «близко къ берегу?» и все двигалась ближе и ближе къ водѣ, такъ что ея и безъ того мокрое платье касалось уже плавающихъ льдинъ.

Туманъ быстро спускался, застиная пространство, на которое обращено было напряженное вниманіе толпы. На площадкахъ становилось еще мрачнѣе; и не только старческие, но и детские глаза молодыхъ бабъ едва ли могли отличать черную точку; наконецъ точка совершенно исчезла въ сіюмъ туманномъ пространствѣ, между льдинами. На площадкѣ послышалось движеніе.

Ишь-ты, какъ на грѣхъ и туманъ-то палъ! замѣтили вѣроятно мужикъ, весь мокрый, съ песней бабкинн губами и съ красной хлѣба за шазукой!

— Неужели они не доберутся? спросилъ его вождь степенный молодой человекъ.

— Оборони Господи! отвѣчалъ мужикъ.

— Ты бы шелъ погрѣться! замѣтилъ ему молодой человекъ, видя, что мужика бьетъ лихорадка.

— На что намъ грѣться-то? — Ишь Богъ послалъ — за наши грѣхи какое разоренье... Я вотъ ребятинкамъ взялъ хлѣба; — ничего еще не ѣли съ утра. Надо-тъ ѣхать, а то и не доплывешь въ темень-то.

— У тебя тоже потопило избу?

— На всѣхъ пало божеское наказаніе, за наши грѣхи! Уберегъ меня Богъ вотъ отъ пущей-то еще напасти! — крестясь сказалъ старикъ, и, указывая на группу бабъ, ребятешекъ и старуху, все еще продолжавшихъ напряженно глядѣть въ даль. Вотъ у нихъ и разоренье-то, да и двоихъ сыновьевъ усади; можетъ и не вернутся.

Дикій вопль прервалъ его слова — и старуха заметалась по берегу, крича: «спасите, спасите! родные, спасите!» «Мои дѣтушки подали голосъ!»

— Чья очередь? Не знаешь, что-ли, что генералъ близехонько! — сказала раздражительно ставовой, подходя къ старухѣ и указывая на болѣе чистыя стекла въ кабакъ.

Старуха упала ему въ ноги и блондушкой зажимала ротъ, а другою указывала на даль.

— Глупыя вы бабы! отходя отъ нея прочь, обидѣла ставовой на просьбу старухи и прибавилъ; обратившись къ дальнему шнику,

столешнику довольно спокойно съ заложеными подъ мышки ру-
ками:

— Какъ тутъ ихъ станешь спасать? — Поможетъ Господь,
доберутся!

— Извѣстно, Василій Ардалионычъ! Кто захочетъ своей смер-
ти; вѣдь-нишъ ты, сколько льду-то!

Старуха бросилась къ берегу, высвободила свое ухо изъ подъ
клатня и, какъ окаменѣлая, прислушивалась.

Всѣ приталили дыханіе и тоже наострили слухъ. Звукъ чело-
вѣческихъ голосовъ едва-едва долеталъ до берега. Старуха рину-
лась на льдину, прибитую къ берегу. Мокрый мужикъ ухвативъ
ее за дырявую шубенку и съ помощью молодого человѣка вытас-
кивалъ на берегъ. Поднялся плачь внучатъ и невѣстекъ, всѣ стол-
пились около несчастной старухи.

— Ташите ее въ кабакъ, — что восте! вскрикнулъ становой,
водою къ топи, въ которой слышались нескромныя соблазны-
ванія о гарѣ, постигнемъ бѣдное семейство.

— Ахъ, ты мать пресвятая Богородица! — Что будетъ, что-то
будетъ съ малыши ребятишками! восклицала одна.

— Вода въ конецъ разорвала, а тутъ еще такое горе! — замѣ-
чали другіе.

— Вамъ говорятъ — расходитесь! Чего голесите подъ окна-
ми-то генерала? грозно крикнулъ становой, стараясь придать
своей незначительной, толстой наружности большую суровость.

Телпа покорно повиновалась — и берегъ мало-по-малу очу-
стѣлъ; оставался дольше другихъ только молодой человѣкъ, уса-
жившійся на бревнахъ, раскиданныхъ по берегу, и долго смотрѣлъ
въ мрачную даль. Подулъ сильный холодный вѣтеръ и заставилъ
молодого человѣка войти погрѣться въ кабакъ, гдѣ была страш-
ная дымка и духота и стоялъ такой паръ, точно на берегу. Въ
углу на полу лежала старуха, въ безшамлетствѣ, тяжелого дыша;
всѣмъ воя въ слезахъ сидѣли ея невѣстки, окруженныя ребятиш-
ками, изъ которыхъ старшіе съ любопытствомъ глазами на всѣхъ,
а маленкіе уже успѣли заснуть, или сладали корки хлѣба! Стар-
шая дѣвочка тугливо жалась къ матери и тоже плакала. Въ дру-
гомъ углу лежалъ мужикъ, спасавшій свой скарбъ въ избе, уша
петроглинной водою: обвалившаяся печь сильно припибли его. Но
лазкамъ лежали и ендѣли проѣзжіе мужики. Молодой человѣкъ
успѣлся возой одной кучи крестальи, раскидывавшій, вино у стола;
онъ вѣдъ однуединственный разговоръ; но при видѣ шивели умелка

и, мужикъ, вездѣ котораго сѣдѣ молодой человекъ, слеза посто-
ронился. Въ этомъ молчаливомъ движеніи — было столько за-
ченія, что молодой человекъ не рѣшился подѣлать поближе къ
нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, мужики опять завели разговоръ,
но какъ-то не досказывали своихъ дѣл и понижали голосъ. Ока-
нако молодой человекъ сумѣлъ разговориться съ ними.

— Желаломъ было бы знать, что это за господины? ска-
залъ вполголоса становой цаловальнику, усердно угощавшему
его чаемъ съ прилавкомъ.

— Какъ же, не важная птица! отвѣчалъ цаловальникъ, везе-
тъ довольный тѣмъ, что общія невзгоды не только линовала его,
но еще, напротивъ, доставила большую переваручу.

— Что онъ баласничаеетъ съ мужиками-то? замѣтилъ стано-
вой, прислушиваясь къ разговору молодого человека.

— Нынче, Василій Ардалионъчъ много развелось танихъ
господъ, что баласы точать съ мужичьемъ: съ искреннимъ со-
жалѣніемъ отвѣчалъ цаловальникъ и продолжалъ со вѣдкомъ:—
вотъ по ту сторону есть баринъ; такъ тотъ завсегда съ мужика-
ми тарабарить.

— Изъ Темнаго-то Дуба баринъ?

— Ну, да.

— Знаю, знаю! подмигнувъ значительно, сказалъ становой.
— Эвотъ баринъ съ чужимъ мужикомъ будетъ цѣлый день рас-
тобаривать, а какъ придуть свои, сейчасъ води къ управляюще-
му, а самъ, видишь, не понимаетъ, чего они хотятъ. Ну, и вы-
ходитъ пословица: «мягко стелеть, да жестко спать».

— Извѣстно-съ, съ чужимъ мужикомъ баласничать-то не
убыточно!

— Именно такъ и выходитъ! Я вотъ, по своей должности,
никогда такъ не видалъ. Иной такой доброжелатель на словакъ...
ну, думаешь, его-то мужики какъ сыръ въ масло катаются; а
какъ вбсметришь, такъ все то же: барщина, и управляющій об-
дираетъ ихъ, какъ у всѣхъ.

— Оно и заходитъ, Василій Ардалионъчъ, что языкъ безъ
костей — мели, что хочешь! Намеднись, тоже проѣхалъ ба-
ринъ; ну, холодъ былъ злощій, онъ в замель погрѣться. Да
идтъ почалъ ругаться! Ругался-то онъ ругался, малъ нашимъ дѣ-
ломъ-то: «вы, говоритъ, первые злодѣи на свѣтѣ; хунко, гово-
рить, вѣноте реносла не баласга; эа, говоритъ, своей водой
людей морите, какъ мулъ, обираете у нихъ послѣднее труде-

вую кошачью. А послѣ-то сталъ усовѣщевать меня: «брось, говоритъ, кабакъ; загубишь свою душу, продавая отраву»; — и чего-чего не причиталъ да не сулилъ мнѣ и всѣмъ, что при-виноме дѣлѣ востоятъ.

— Поихниувшійся!

— Нѣтъ, нѣтъ, Василій Ардаліоновичъ! — Люди-то его мнѣ опосля сказывали, что у него въ деревнѣ выстроена большущая фабрика, гдѣ день-денской и ночью, такая, слышь, стужотня идетъ, что ужасъ, просто! И онъ, слышь ты, ребятишекъ малыхъ, и тѣхъ учить по цѣлымъ днямъ въ работѣ. Души-то заложилъ, чтобъ соорудить фабрику, нѣмца выписалъ, — ну, а тотъ такъ его ошелезъ, что всю вотчину и фабрику на аренду взялъ себѣ, да ужъ и деревъ и съ живаго, и съ мертваго. Извѣстно — ему что! Наканаетъ денегъ, да и улизнетъ, а вотчина-то все разорена. Мужики какъ молли барина ослобонить ихъ отъ фабрики-то. «Нѣтъ, говоритъ, вы дураки, не понимаете, что отъ сего-то вы будете богаты. Я, говоривъ, для васъ же тружусь». И цаловальникъ захихикалъ. Становой сохранилъ приличную своему сану важность, и только снисходительно улыбнулся.

— Постой-но, вотъ генеральскій камердимеръ идетъ сюда, замѣтилъ онъ, привставъ съ своего мѣста, и, подмигивая, ласково сказалъ вошедшему лакею:

— Яковъ Яковлевичъ, милости просимъ!

— Ну, что, вернулись? грубо, отрывисто спросилъ лакей становаго. — Ждетъ отвѣта.

Становой махнулъ рукой и отвѣчалъ:

— И то надо поблагодарить Бога, если гдѣ нибудь прибли-ихъ къ берегу. Ишь темень какая! Надо бы раньше послать; вѣдь наслу по жеребью сдѣлалъ нарядъ! Всякъ не хочетъ хватъ — артачится!

— Такъ, значить, можетъ они теперь на днѣ рыбу ловятъ? спросилъ Яковъ Яковлевичъ съ возмутительнымъ самодовольствомъ.

Становой счелъ долгомъ разсмѣяться, а цаловальникъ, вынырнувъ изъ грязнаго чуланчика съ ржавленнымъ подносомъ и съ бутылкой вина, тоже сканить зубы, самъ не зная чему смѣется, вѣздность гостя въ провалъ шадеры.

— Ваню онъ, помещица, держитъ доброю! И я вамъ скажу, Яковъ Яковичъ, что у этого пройдохи есть и шланца!

замѣтлвъ становой и петрепалъ по плечу ухмыляющагося цаловальника.

— Ахъ ты, разбойникъ! Отъ Елисѣева? воскликнулъ Яковъ Яковлевичъ, разсматривая бутылку и наливъ себѣ еще рюмку.

— Ему нельзя: надо всегда имѣть про запасъ хорошаго вина, на черный денекъ. — Да вакушайте еще, Яковъ Яковлевичъ, уврашивалъ становой.

— Какіе черные дни бываютъ у этихъ монашениковъ? грубо возразилъ лакей и, обратясь къ цаловальнику, прибавилъ: — чай твоя душа-то чернѣе голенища моего сапога? А вишь, синишь на пуховикахъ! Ахъ, вы чарочники! Ну, лей!

— Превратно говорить неволите! Имъ ли не шитье на свѣтѣ? Вотъ я и благородный, а всякій долженъ почестъ за наказаніе быть въ моей шкурѣ. Весь вѣкъ возись съ мужичьемъ!

— Мало ихъ за бороды таскает! Что такое мужичье? драгъ ихъ, драгъ — вотъ и будутъ шелковыя! А вы сами-то виноваты! Давеча сказано было, чтобъ ѣхали на ту сторону, — ну, пусть и ѣдутъ; а вы жеребій кидать, бабье слушать!... Япнаетесь болно съ ними!...

Становой покраснѣлъ при этихъ словахъ.

— Охъ, Яковъ Яковлевичъ, въ такомъ чинѣ вамъ хорошо говорить!

Становой считалъ лакеевъ значительныхъ особъ и самихъ особъ почти за одно и то же.

— Вотъ, какъ бы намъ дали побольше власти, ну — дѣло другое! продолжалъ онъ: — я вамъ скажу, что если загреть льдомъ лодку, мужичье стануть винить меня; а мнѣ приказано, могу ли я разсуждать, какъ они, сиволапые, разсуждаютъ со мной? А все вотъ этакіе господа ихъ научаютъ. Вотъ какъ калякаетъ! указывая на молодаго человѣка, говорилъ становой.

Яковъ Яковлевичъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— Да это намъ знакомый, сказалъ онъ.

— Кто? а? вопросительно сказалъ становой.

— Медюга!... только онъ съ нимъ обходится не какъ съ другимъ.

— Чѣмъ же это онъ заслужилъ?

— А чортъ его знаетъ! Завсегда руку ему подають, саживать, а тотъ еще рыло дерогитъ. Поиду, ладану своему-то, а носъ до крѣе будетъ, сказалъ лакей и амшель изъ кабинета.

Становой, нешепчавшись съ паловальникомъ, подошелъ къ молодому человѣку и шутливымъ тономъ произнесъ:

— Не уводно личайку выкупать со мной?

Молодой человѣкъ отказался, чѣмъ становой очень обидѣлся и, обратясь къ его собѣду, мужику, грубо произнесъ:

— Ну, что, балясникъ, что замолчалъ? Продолжай, вѣдь ты законникъ, много не бѣишься! Вотъ-съ, обращаясь опять къ молодому человѣку и указывая на мужика, продолжалъ становой: — это цорный красной адъшній, такъ это все размажетъ, что каждаго безъ вины виноватымъ сдѣлаетъ, а самъ сухой изъ воды выйдеть.

Мужикъ пресурово взглянулъ на становаго и сдержаннымъ, тихимъ голосомъ замѣтилъ:

— Ничей души наговоромъ не погубилъ; а въ нуждѣ всегда научу своего брата, какъ слѣдуетъ отвѣчать при допросахъ.

— Слышите! обиженно произнесъ становой, смотря на молодого человѣка. Вотъ еще говорятъ, что мужика обижаешь: дасть очень-этакой красной адъшній обидѣть себя — держи карманъ! Да онъ тебя десять разъ уязвить.

— Я обиды тебѣ не сказалъ никакой, Василий Ардалионовичъ, а ты такъ меня душегубцемъ назваешь.

— Вотъ-съ! Пошутить не дадутъ, обращаясь къ молодому человѣку, воскликнулъ становой.

— Шутить можно съ тѣми, кто желаетъ шутить, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Этотъ отвѣтъ совершенно озадачилъ становаго.

— Вы вѣрно-съ не знаете, что это за народцы! Я его знаю, какъ свои пять пальцевъ. Даромъ, что аза въ глаза не знаетъ, а проведеть и одурачитъ нашего брата — лихо, смѣючись собѣ въ бороду. И что, его житье дурно небось? Да онъ только хнычетъ, плачетъ, а имъ житье-то лучше моего на свѣтѣ. Мужикъ-то запяталъ оброкъ, да и спи на печи съ своей хозяйкой; а вотъ мѣсяцъ-то сиживъ, я вамъ скажу, такъ каторга: то цешарь, то ребаей, то вридають на ревию. Вотъ и теперь, что одна вода надъбала. А за все за это какое малоданье, чай знаете? Я вѣдь не на мужикъ, ни въ надѣ в те, и съ... А жена? А шесть чело-вѣкъ дѣтей? — Вѣдь в ошн не востыженіе реблянки: — бешки, малая мучить бѣгать, безъ граноты — тоже не лая, оста-вить. А не в тега-съ?... Семейства своего по мѣсяцу въ глаза не

вижу.... И выходитъ, что наша-то жизнь гораковатѣ ихъ....
А все же мы благородные!

— Г-нъ Снѣговъ, генералъ васъ проситъ къ себѣ, проищестъ
Яковъ Яковлевичъ, не дойдя къ говорившимъ.

Становой даже задрогнулъ и пошелъ за прилавокъ дачивать
чай, сердито ворча:

— Чортъ его зналъ, что онъ съ генераломъ знакомъ! Я бы
кораньше завелъ съ нимъ знакомство....

Мнѣ наконецъ очень пріятно, читатель, что я могу занять
ваше вниманіе такой біографіей, въ которой не встрѣтается ни
сарафаны, ни нищета, ни незаконорожденные дѣти.

Евѡамній Андреевичъ Мѣнокъ, — такъ звали генерала, — былъ
генеральскій сынокъ и сенаторскій племянникъ. Генеральша-
мамѡнька такъ прекрасно подготовила своего сына къ свѣтскому
училищу, что онъ считался однимъ изъ самыхъ примѣчныхъ по-
спитанниковъ, по знанію французскаго языка и свѣтскихъ при-
дичій. Учился генеральскій сынокъ примѣрно — на самый выс-
ній чинъ, какой только давался при выпускѣ. Сенаторъ-дядюш-
ка охотно покровительствовалъ ему, потому что видѣлъ въ немъ
тоже будущаго сенатора. Точно, Евѡамній Андреевичъ съ пят-
надцати лѣтъ уже имѣлъ видъ вице-директора. Но, разумѣется,
могъ ли онъ удовлетвориться ничтожной карьерой; его жаждя
къ власти и чинамъ была ненасытима; онъ постоянно томился
ею, какъ путникъ въ африканскихъ степяхъ. Къ сорока годовъ
своей жизни Евѡамній Андреевичъ уже стоялъ на той чертѣ, от-
куда черезъ ловкій скачокъ можно достигъ высокой ступени въ
чиновническомъ положеніи....

Поддаваясь, — разумѣется, съ большимъ и большимъ расче-
томъ, — вліянію окружающей среды, Евѡамній Андреевичъ даже
сдѣлался либераломъ, предварительно извѣсивъ на антекарскихъ
вѣскахъ всѣ шансы, какіе онъ могъ извлечь изъ своего широ-
ничьяго либерализма. Разумѣется, онъ дозволялъ себѣ либерали-
ничать въ благородномъ смыслѣ, въ какомъ либерализмъ
англійскіе лорды, а потому и пыталъ страшную злобу по себѣ,
что не удовлетворялся спокойно-выгоднымъ либерализмомъ, ко-
торый очень легко вспарается въ людяхъ, достигшихъ безотвѣ-
ственного самоуправства. Евѡамній Андреевичъ обладалъ всѣми
качествами, необходимыми для занятія высокой ступени въ адми-
нистраціи: безграничная пожевательность, природная неворож-
дливость ума, безгнѣрная хитрость и бесомыслиная холодность сердца

ко всему и ко всемъ, кромѣ своей личности, — вотъ его лучшія достоинства! Въ его высокой, худой фигурѣ, въ выраженіи его блѣдно-желтого лица, съ блѣлыми, наполеону уже сѣдыми волосами, въ его мутныхъ глазахъ, сидѣвшихъ глубоко во впадинахъ, была какъ-то особенная мертвенность, ненарушаемая никакими одушевленными тѣлодвиженіями, никакимъ горячимъ разговоромъ. Онъ держалъ себя всегда глубокомысленно, спокойно и только иногда, по расчету, притворился откровеннымъ, даже оштрафованнымъ, а потомъ смѣялся въ душѣ, когда на эту удочку попадались его жертвы. Его либерализмъ не мѣшалъ ему однако пользоваться покровительствомъ вліятельныхъ особъ, съ которыми онъ обходился какъ искусный фокусникъ, вкладывающій въ чужой карманъ часы, платки и потомъ находящій ихъ тамъ, къ вашему удивленію. Евлампій Андреевичъ то же самое дѣлалъ съ вліятельными особами (свои проекты, чрезъ которые бы морь выдвинуться впередъ, онъ клалъ имъ въ головы и потомъ вынималъ такъ осторожно, что даже они не удивлялись такому фокусу, а, напротивъ, еще гордились тѣмъ, что такіа мысли могутъ сидѣть у нихъ въ головѣ. Подъ такими впечатлѣніями, Евлампій Андреевичъ и заставлялъ ихъ подписывать свои проекты.... Прежде онъ путешествовалъ по Россіи, для какихъ-то важныхъ административныхъ соображеній, прикрытыхъ реляціо К. губерніи, а въ настоящую минуту генералъ вѣдалъ по своимъ дѣламъ).

Генералъ былъ очень доволенъ, когда его давей доложилъ ему о Сибгровѣ, котораго онъ видалъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ, въ домѣ своей родственницы, у которой тотъ давалъ уроки; а по пріѣздѣ своемъ въ городъ К..., онъ сдѣлалъ ему предложеніе: саужить у него. Евлампій Андреевичъ тоже рассчиталъ, что ему нужно было бы имѣть подъ рукою дѣльнаго и образованнаго человека, чрезъ котораго онъ могъ бы знакомиться съ требованіями молодого поколѣнія и такъ хитро лавировать между либерализмомъ, чтобы въ одно и то же время извѣрживать на службу и въ то же время упрочивать свою популярность. Вотъ почему генералъ удостоивалъ бѣднаго молодого человека такой честью, но заглянулъ на него въ душѣ за то, что тотъ не умидался онъ этого и держалъ себя слишкомъ свободно, такъ что онъ, какъ начальникъ, долженъ былъ дѣлать надъ собой слишкомъ большія усилія, чтобы каждую минуту не высказать молодому человеку нѣкотораго недовѣрія его съ нимъ.

Слѣговъ всталъ генерала сидища у стола, заваленнаго дѣловыми бумагами, между которыми красовался туго набитый виниловый шербель. Иба была просторная, даже съ кроватью, съ подушками и со шкафомъ. Но генералъ былъ очень недоволенъ своею обстановкой и замѣтно нахмурился на издунѣ, хотя и принялъ Слѣгова очень любезно.

— Каково наше помѣщеніе! воскликнулъ онъ — ну, надо сидѣть здѣсь, когда осталось нѣсколько верстъ до дому.

— Да, это неприятно; отвѣчалъ Слѣговъ: — но всеобразите теперь помѣщеніе несчастныхъ крестьянъ, которые проводятъ ночи на крышахъ своихъ шель.

— Это страшно! произнесъ генералъ. — Но какъ придется улучшить ихъ положеніе, когда сама природа возстаетъ противъ нихъ?

— Въ чемъ же вы видите непреодолимые препятствія?

— Да, какъ же? а такое страшное разлитіе рѣки!... Я знаю, вы скажете, что надобно рыть каналы, перекидывать мосты; но на это потребуется много денегъ; а гдѣ ихъ взять?

— А гдѣ ихъ берутъ на разведеніе садовъ въ губернскихъ городахъ, на бесполезныя зданія, на оффиціальныя балы, обѣды и сецерверки?

Генерала коробило, но онъ шуточно сказалъ:

— Вы узорили бы со скуки городскихъ жителей, если бы имѣли власть отнять у нихъ эти удовольствія.

— Да, я бы не сталъ заботиться о развлеченіи враздмыхъ жителей.

— Вы все толкуете объ утопикѣ! Я знаю, молодые люди и дѣти любятъ все разрушать, любезно замѣтилъ генералъ: — но дѣти замчутъ, слова въ свои игрушки, такъ и мы бы запылакали, если бы вамъ дали волю все сломать. Я самъ вижу, что вслѣдъ нужды перемены, но ихъ нужно производить осторожно; надо заготовить сперва матеріалы для новаго зданія, и потомъ уже приступить къ ломкѣ стараго. Наследовать историческій ходъ событий случайными переменами невозможно! Пусть все совершается естественнымъ образомъ — одно послѣ другаго; иначе имъ не добиться благотворныхъ результатовъ... Не оставивъ этого разговора, я перейду къ болѣе частному. Что же, вы все еще не рѣшаетесь поступить на службу?

— Я рѣшилъ даже; что слушать не могу.

— Вотъ вы всѣ такіе молодые люди! Вы говорите, все-

жизнью злоупотреблениями, а сами ничего не хотите сделать для искоренения зла и взяток! Вы ведь знаете, что за шельжество, что за грубость въ чиновникахъ, которые прикосновенны къ интересамъ бѣднаго класса? Боятъ ли у этихъ людей хоть какое нибудь понятие о гражданскомъ долгѣ, о человѣческомъ достоинствѣ?

Сибгоровъ только слушалъ генерала, не желая ему возражать.

— Служить вамъ еще нужно было бы, но и потому, что ваши личные выгоды этого требуютъ, продолжалъ генералъ. — Знаете ли, что у васъ есть преопасный врагъ, который слѣдуетъ вамъ, и что при первомъ вашемъ промахѣ вы пострадаете очень сильно. Вы догадываетесь, кто вашъ врагъ?

— Догадываюсь, отвѣчалъ Сибгоровъ: — но я его презираю.

— Право, напрасно! онъ слишкомъ опасенъ. Слѣдуетъ вамъ служить. Это будетъ вамъ защитой, замѣтилъ генералъ.

— Нѣтъ, я не хочу ограждать себя отъ чужаго произвола службой, къ которой неспособенъ.

— Да скажите мнѣ, пожалуйста, что за ссора была у васъ съ нею на станціи? Слухи носятся, что тутъ была замѣшана воспитанница моей умершей родственницы. Вы ее знали прежде, эту дѣвиду?

— Нѣтъ! Я встрѣтилъ ее на станціи и избавилъ отъ грубого и грязнаго волокиты, который, пользуясь своею властью, желаетъ теперь мстить мнѣ.

— Всѣ заинтересовались этой особой: говорить, она очень образованная дѣвушка? спросилъ генералъ.

— Да, она довольно развита и образована, отвѣчалъ тотъ.

— Но дѣйствительно ли этотъ старикъ крестный ея отецъ?

— Какая же у него можетъ быть цѣль обманывать. Если бы еще онъ принадлежалъ къ свѣтскому обществу, тогда бы можно было подозревать его въ желаніи отречься отъ своей родной дочери, отвѣчалъ Сибгоровъ, замѣтно тяготясь подобнымъ разговоромъ.

— Я доволенъ, что нашлась здѣсь такая образованная дѣвушка, потому что моя сестра все горевала, что забудетъ сюда на дѣло, и для дѣтей не будетъ учителей. Она вѣрно согласится быть гувернанткой?

Сибгоровъ смолчалъ, и генералъ продолжалъ:

— Надобно же имѣть какія нибудь средства въ жизни, не-

тому что старика въ управляющихъ держать нельзя, такъ какъ для имѣнія нуженъ дѣльный и свѣдущій агрономъ.

— Старикъ дѣйствительно не имѣеть понятія объ агрономіи; но замиръ того снѣ необыкновенно честенъ и въ свое управленіе привелъ крестьянъ въ такое состояніе, что почти у каждаго есть порядочное хозяйство и крѣпкая изба.

— Еще бы! Онъ всѣ доходы ухлопывалъ на нихъ!

— Можетъ быть онъ и дѣлалъ траты, но это теперь крестьяне надолго не будутъ нищенствовать, какъ это было всегда въ этомъ имѣніи, до его управленія.

— Генералъ опять измѣнилъ разговоръ; сказавъ лажю, сидѣвшему за перегородкой:

— Яковъ; уснѣй, вернулись ли посланные?

— Наверно, не вернулись, отвѣчалъ Снѣговъ.

Генералъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Надо радоваться; если они еще останутся живы, продолжалъ Снѣговъ: — потому что жедъ шель снмнмнм, а ихъ вослали, когда начало уже смеркаться. Я самъ слышалъ, какъ они кричали о помощи. Ихъ жены и матери теперь въ страшномъ отчаяніи.

— Позови ко мнѣ становаго, сказалъ генералъ лажю, бросивъ злобный взглядъ на молодаго человека и, послѣ нѣкотораго молчанія, продолжалъ: — вотъ вамъ образчикъ чиновниковъ, въ рукахъ которыхъ находится участь бѣдныхъ людей.

— Какъ вы смѣли послать людей на вѣрную смерть? уничтожающимъ голосомъ спросилъ генералъ вѣдшаго становаго.

— Я, ваше прево....

— Молчите! Вы будете отвѣчать за это!

Становой опять хотѣлъ что-то сказать, но повелительный жестъ отнялъ у него всякую возможность возражать. Онъ только потоптался на мѣстѣ и потомъ вышелъ изъ избы.

Снѣговъ очень раскаялся въ своей опрометчивости; онъ видѣлъ ясно, что генералъ обратитъ свою вину на одного становаго и теперь будетъ гордиться тѣмъ, что явился защитникомъ мужиковъ.

«Нечего сказать, податлива же въ людяхъ совѣсть», подумалъ Снѣговъ, смотря на холодную фигуру генерала, съ которымъ успѣвши проститься.

— Вы спать идете? Я тоже лягу скоро, отвѣчалъ генералъ довольно сухо.

Вышедши от генерала, Снѣговъ усьлся на бревнахъ около кабака. Вдругъ онъ услышалъ позади себя глухой, сдержанный кашель, — Снѣговъ обернулся.

— Защитите меня! жалобно, съ поклонами обратился къ нему становой.

— Я ничего не могу для васъ сдѣлать, коротко отвѣчалъ Снѣговъ.

— Ну, значить, прощаль я совѣмъ! махнувши рукой, замѣтилъ становой, и началъ длинную—предлинную исторію о себѣ, женѣ и дѣтяхъ, стараясь тронуть сердце молодого человѣка.

— Постоите, перерубилъ его Снѣговъ, стараясь, избавиться какъ нибудь отъ разсужденій полудьяваго и большаго чиновника: — вы напрасно придаете слишкомъ большое значеніе его словамъ: онъ ни больше, ни меньше, какъ потерялся.

— Кабы горячился, это бы ничего; а то онъ даже и голосу не возвысилъ, значить, не отлаетъ, и меня помянутъ къ отвѣту, какъ душегубца.... А можетъ и точно я загубилъ ихъ!?. Вдругъ, шепотомъ, какъ бы соображая, спросилъ становой, и торопливо прибавилъ: — я вѣдь жеребій волѣлъ имъ кинухъ; да опять, развѣ мнѣ нужно было ихъ посылать, вѣдь не для меня они поѣхали!.. Ну, какъ я могъ возразить такому лицу?..

Ясно было видно, что совѣсть, помимо всякихъ расчетовъ, начинала мучить становаго. Въ этомъ огрубѣломъ человѣкѣ пробудилось наконецъ сознаніе: совѣсти, не то, что въ отлично отшлифованномъ администраторѣ, который однимъ своимъ присутствіемъ столько доставилъ слезъ нѣсколькимъ семействамъ, на всю можетъ быть жизнь. Снѣговъ уговорилъ становаго идти съ нимъ въ кабакъ, боясь оставить его одного, чтобъ онъ, подъ вліяніемъ мрачныхъ мыслей, не вздумалъ броситься въ воду.

И. СТАНИЦКІЙ.

ПОСЛѢДНЯЯ ЛІСНЯ ШИЛЪ.

Какъ вечеромъ заря послѣдній лучъ мерцаетъ,

Послѣдній дышетъ вѣтерокъ,

Надъ плахомъ еще ниѣ лира слухъ пѣваетъ.

Быть можетъ, мой ужъ близокъ срокъ.

И звонкою своей и бдительной стеною

Быть можетъ не успѣть часъ

Въ отграничномъ пути за стрѣлкой роковой

Ступить шестидесятый разъ,

Какъ вѣки ниѣ смежить тяжелый сонъ кончины.

Быть можетъ на шокъ устахъ

Умоливетъ этотъ стихъ, дойдя до половины,

И въ перепуганныхъ стѣнахъ

Предвѣстникъ смертныхъ мукъ, добычу торжествуя,

Съ презрѣнной стражею, палачъ

Мракъ сводовъ огласитъ, мени наименуя...

Д. КОВАЛЕВСКІЙ.

О юность, юность, гдѣ же ты?
Гдѣ эта пылкая отвага,
И вдохновенныя мечты?
Готовность гдѣ — во имя блага
Покинувъ все, семью и домъ,
Идти на битву съ мощнымъ зломъ?

Ихъ нѣтъ давно!... И нѣту силъ
На подвигъ трудный и суровый;
Какъ рабъ, что много лѣтъ носилъ
Неволи тяжкія оковы;
Я духомъ слабъ, я изнемогъ,
Сломилъ меня желѣзный рокъ.

Лишь одного житейскій гнетъ
Убить въ душѣ моей не въ силахъ, —
Одно въ ней только не уреть,
Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
Струиться старческая кровь: —
Къ отважной юности любовь!...

Когда толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье;
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленіи,
И говорю съ восторгомъ я:
«Богъ помочь, братья и друзья!

«Несите твердою рукой,
Святое знамя жизни новой,

Не отступая предъ толпой,
Бросать камнями готовой
Въ того, кто сонъ ея смутить,
Чья рѣчь какъ Божій мечъ разить.

«Богъ помочь, братья и друзья!
Когда жь желанный день настанетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ — добромъ помянетъ.
Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
Въ борьбѣ съгнатушей силой ада!»

А. ПЛЕЩЕВЪ.

Марта, 19, 1862.
Москва.

ПРОИСШЕСТВІЯ НА ЯНБѢ

ВЪ 1772 ГОДУ.

Пугачевское возстаніе, охватившее собою всю восточную половину Европейской Россіи — эту классическую страну мятежей въ прежнее время — безспорно принадлежитъ къ самымъ многознаменательнымъ явленіямъ въ жизни русскаго народа. Хотя знамя бунга было поднято во имя Петра III, будто бы оставшагося въ живыхъ послѣ переворота 1762 года, но это было только предлогомъ, а отнюдь не причиною бунта. Причины возстанія должны быть отыскиваемы гораздо глубже: оно было слѣдствіемъ ненормальнаго положенія тогдашняго общества, въ которомъ, отъ различныхъ злоупотребленій въ теченіе многихъ предшествовавшихъ десятковъ лѣтъ, отношенія между сословіями сдѣлались враждебными; оно было отвѣтомъ на ошибки, которыя вкрались въ нашу государственную администрацію. Будущій историкъ этого грознаго эпизода русской исторіи долженъ будетъ обратить особенное вниманіе на положеніе тогдашняго общества и на сгруппированіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя, мало-по-малу, приготовили народное возстаніе. Задача весьма трудная, тѣмъ юльѣе, что только въ самое недавнее время стали приподымать завѣсу ѣ прошлаго, и еще весьма мало собрано матеріаловъ для выясненія юложенія русскаго общества въ теченіе прошлаго столѣтія.

«Исторія пугачевского бунта», написанная Пушкинымъ, по отрывочнымъ матеріаламъ, для него доступнымъ, весьма неполна и можетъ быть считаема только краткимъ, и даже не всегда вѣрнымъ, очеркомъ вѣствій правительства, для усмиренія возстанія военною силою. На

событія, предшествовавшія возстанію и породившія его, Пушкинъ в могъ обратить должнаго вниманія. При такомъ положеніи дѣла, всакіе факты, касающіеся болѣе или менѣе до пугачевского бунта, будутъ приобрѣтеніемъ для науки.

Весьма замѣчательно, что вспышки народныхъ возстаній, по згидою имени Петра III, были и до Пугачева и послѣ него; но только одно пугачевское возстаніе получило такое страшное развитіе, которымъ, конечно, обязано тому, что началось въ краѣ, доведенномъ до послѣдней степени ожесточенія противъ распоряженій правителей. Мы говоримъ о яицкихъ козакахъ, переименованныхъ, послѣ пугачевского возстанія, въ уральскіе.

Яицкое войско, подобно другимъ козачьимъ войскамъ, образовалось чрезъ выселеніе на рѣку Яикъ (нынѣ Уралъ) различныхъ свободныхъ и бѣглыхъ людей, чѣмъ либо недовольныхъ на прежнихъ мѣстахъ своего жительства или искавшихъ совершенной свободы и независимости на крайнихъ предѣлахъ Россіи, по сосѣдству съ киргизскими степями.

Кто были первые поселенцы на Яикѣ, откуда и когда они вышли положительно неизвѣстно. Общество яицкихъ козаковъ устроивалось совершенно самостоятельно, и русское правительство долгое время вимѣло о немъ никакихъ свѣдѣній. Впослѣдствіи, когда надобность постановленія законовъ, однообразныхъ для всѣхъ козачьихъ войскъ, заставила правительство вникнуть ближе въ бытъ козаковъ, необходимо было, для полученія какихъ либо свѣдѣній, обратиться къ самимъ козакамъ. Такимъ образомъ, въ 1740 году, именнымъ указомъ, даннымъ военной коллегіи, повелѣно было собрать обстоятельныя свѣдѣнія: «на какомъ основаніи яицкіе козаки сперва тамъ поселены, каки вольности и грамоты имъ даны и генерально обо всемъ томъ, что дѣлѣхъ козаковъ касается, и по онымъ имѣть разсужденіе, и постанови на мѣрѣ, на какомъ основаніи съ собственною ихъ пользою впродолженіе содержать, и съ приложеніемъ своего мнѣнія, для Высочайшей апробаціи подать въ кабинетъ». Военная коллегія послала объ этомъ грамоту къ войску; но были ли такія свѣдѣнія доставлены, по дѣланъ не значитя.

Подобныя предписанія были повторены въ 1745, 1748 и 1760 годахъ.

Собираемыя такимъ образомъ свѣдѣнія не могли быть достаточно полны и точны. Сенатъ требовалъ ихъ отъ военной коллегіи, она — отъ правленій каждаго изъ «нерегулярныхъ войскъ»; тѣ, по цѣлымъ годамъ, медлили отвѣтомъ или и вовсе не отвѣчали. Сенатъ, относ медленность къ вишѣ военной коллегіи, принялъ наконецъ если вполнѣ рациональную, за то крутую мѣру — предложивъ военной кол-

легія собрать о всѣхъ козакахъ свѣдѣнія и представить ему «конечно черезъ два дни».

Военная коллегія представила на это свое доношеніе черезъ шесть дней, именно 28 ноября 1765 года.

Начало поселенія яицкихъ козаковъ опредѣлить весьма трудно. Неплюеву, собиравшему свѣдѣнія по предписанію военной коллегіи въ 1748 году, сторожилы сказывали (*), что, въ давнихъ годахъ, — лѣтъ около двухъ сотъ назадъ — прадѣды и дѣды ихъ вольные люди изъ русскихъ: донскіе козаки и другихъ городовъ жители, а изъ татаръ — крымцы, кубанцы и другіе магометанскіе народы, челоуѣкъ съ сорокъ, собравшись въ степи, поселились по рѣкѣ Яику, въ одной лукѣ, при устьѣ рѣки Рубежной, вверхъ отъ нынѣшняго города на 45 верстѣ, около городища Орѣшнаго, гдѣ нынѣ форпостъ Рубежный. Татары Золотой Орды подходили къ новому поселенію, требовали отъ поселенцевъ, чтобы они, оставя свои жилища, шли къ нимъ въ орду, гдѣ общали всѣхъ ихъ сдѣлать мурзами. Получивъ отказъ на свое предложеніе, татары обложили козаковъ со всѣхъ сторонъ, съ намѣреніемъ поморить всѣхъ голодомъ; но козаки начали защищаться и, стрѣляя костями изъ сдѣланныхъ ими деревянныхъ пушекъ, побили многихъ татаръ, а остальные разбѣжались. Послѣ этого, «живъ не малое время, собрався учинили совѣтъ» и послали отъ себя двухъ пословъ: одного русскаго, а другаго татарина, къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, съ просьбою о принятіи всего яицкаго войска подъ власть Россіи. По этой просьбѣ, «дана была имъ на рѣку Яикъ, съ сущими при ней рѣки и протоки и со всякими угоды отъ вершинъ той рѣки до устья, его великаго государя жалованная грамота, чтобы имъ на той рѣкѣ жить и владѣть и ему, великому государю, служить козачью службу и набиратца на житые вольными людьми».

Грамота эта, въ одинъ изъ многихъ пожаровъ, опустошавшихъ Яицкій городокъ, сгорѣла. Въ 1720 году атаманъ и козаки просили коллегію иностранныхъ дѣлъ, которая тогда управляла яицкимъ войскомъ, о дачѣ имъ новой грамоты, вмѣсто сгорѣвшей. Вслѣдъ за этимъ (3 марта 1721 года) яицкіе козаки подчинены были военной коллегіи, которая, не видя изъ челобитной козаковъ, изъ какого приказа была выдана имъ первая грамота, и не получивъ объ этомъ свѣдѣній отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, представила челобитную яицкаго войска въ правительствующій сенатъ, «токмо указу не получено» (**). Этимъ и кончилась попытка яицкаго войска добыть себѣ новую грамоту, вмѣсто сгорѣвшей.

(*) Донесеніе Неплюева 28 ноября 1748 года.

(**) Донесеніе военной коллегіи 28 ноября 1765 года.

Яицкіе козаки участвовали во многихъ походахъ съ русскими войсками и до 1719 года были подчинены приказу казанскаго (*) дворца, изъ коего, за прежнія свои службы (противъ поляковъ, шведовъ и башкирцевъ), получали на 600 чел. окладное жалованье (918 р. 25 к.) и сукна всего на 1,056 р. 34½ к. и, сверхъ того, были имъ отпускаемы ежегодно: порохъ и артиллерійскіе снаряды.

Въ 1719 году, 21 декабря, яицкое войско подчинено коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а въ 1721 году отдано въ вѣдѣніе военной коллегіи. Извѣстіе объ этомъ подчиненіи было весьма дурно принято на Яикѣ: козаки возмутились, сожгли городокъ, чтобъ бѣжать въ степь, но усмирены полковникомъ Захаровымъ.

Жестокими наказаніями привели козаковъ въ повиновеніе, Захаровъ сдѣлалъ перепись войску. Перепись эта была крайне неприята для козаковъ, считавшихъ себя людьми вольными, имѣющими право свободного перехода съ одного мѣста на другое; перепись же вдругъ, неожиданно и негаданно, приурочивала ихъ силою не только къ долигѣ Яика вообще, но и къ тѣмъ или другимъ ея мѣстностямъ. Военные порядки, введенные Захаровымъ, по инструкціи военной коллегіи, еще болѣе усилили общее негодованіе въ войскѣ. Однако, партія недовольныхъ была подавлена силою, и члены ея жестоко были наказаны.

По произведенной Захаровымъ, въ 1723 году, переписи, оказалось: дѣйствительно служащихъ козаковъ 3196 чел.; у нихъ въ Яицкомъ городкѣ было 18 чугунныхъ и мѣдныхъ пушекъ годныхъ и 30 негодныхъ; ядеръ 5,022 и пороху 25 пудовъ (П. Собр. Зак., томъ VII. № 4686).

Всѣ яицкіе козаки пользовались одинаковыми между собою правами. Для внутренняго въ войскѣ управленія, они на общихъ сходкахъ выбирали изъ среды своей атамана и старшинъ, изъ которыхъ, при случаѣ, назначались атаманы и есаулы въ снаряжаемыя отъ войска команды. Нарядъ на службу — большею частію по найму — и всѣ вообще мѣла, до войска относящіяся, рѣшались атаманомъ по совѣту со старшинами и не иначе, какъ съ доклада войску, которое обыкновенно около войсковой избы (**) собиралось въ кругу, къ ого-

(*) Донесеніе военной коллегіи 28 ноября 1763 года. Пушкинъ же, на стр 64 I части «Исторіи пугачевского бунта», говоритъ: «яицкіе козаки непослушно ввели службу по наряду московскаго приказа». Не по ошибкѣ ли казанскій дворцовый приказъ названъ московскимъ.

(**) Крѣпко выстроенная, каменная войсковая изба, современная Пугачеву, стояла около сохранившагося доселѣ собора, на базарной площади. Ее не подерживали, и она мало-по-малу сама разрушалась. «Уральскіе очерки» М. Михайлова, въ № 9 «Морскаго Сборника» за 1859 годъ.

роженному перилами мѣсту, что въ кругахъ общинъ приговоромъ или большинствомъ голосовъ постановляли, то и исполнялось. «Коль скоро, бывало, получится какой нибудь указъ (*) или случится какое нибудь общее войсковое дѣло, то и на колокольнѣ соборной церкви (**) бьютъ *смолохъ*, или повѣстку, дабы всѣ козаки сходились на сборное мѣсто къ войсковой избѣ или приказу, гдѣ ожидаетъ ихъ войско-вой атаманъ. Когда собирается довольно много народа, то атаманъ выходитъ къ оному изъ избы на крыльцо, съ серебряною позолоченною булавою; за нимъ, съ жезлами въ рукахъ, есаулы, которые тотчасъ идутъ въ средину собранія, кладутъ жезлы и шапки на землю, читаютъ молитву и кланяются сперва атаману, а потомъ на всѣ стороны окружающинъ ихъ козакамъ. Послѣ того берутъ они жезлы и шапки опять въ руки, подходятъ къ атаману, принимая отъ него приказанія, возвращаются къ народу и громко привѣтствуютъ оный сими словами: *помолчите, атаманы молодцы и все великое войско яикове!* А наконецъ объявивъ дѣло, для котораго созвано собраніе, вопрошаютъ: *любо ль, атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ или кричатъ: *любо*, или поднимаются ропотъ и крики: *не любо*. Въ послѣднемъ случаѣ, атаманъ самъ начиналъ увѣщевать несогласныхъ, объясняя дѣло и исчисляя пользы онаго. Если козаки были имъ довольны, то увѣщеванія его часто дѣйствовали; въ противномъ случаѣ, никто не внималъ ему, и дѣло рѣшалось большинствомъ голосовъ».

Понятно, что, при такихъ собраніяхъ, порядокъ не всегда могъ быть соблюдаемъ; нерѣдко случалось, что недовольные старшинами бросались на нихъ и стаскивали съ рундука войсковой избы и тутъ же выбирали новыхъ старшинъ.

«Даже атамановъ по своей волѣ отставляли, а на ихъ мѣсто другихъ опредѣляли, что у нихъ продолжалось по 1723 годъ, а въ томъ году впервые, бывшій ихъ атаманъ Меркульевъ указомъ опредѣленъ и на то особливую грамотою снабженъ; чего прежде до того не бывало» (***).

Въ кругахъ рѣшались всѣ ихъ внутреннія дѣла, и тамъ же чинилась расправа въ присутствіи войска, по приговору общему; о виновныхъ въ нарушеніи существующихъ законовъ войсковая канцелярія войска лицаго представляла на конфирмацію военной коллегіи.

(*) А. И. Левшинъ — «Историческое и статистическое обозрѣніе уральскихъ козаковъ».

(**) «Отъ колокольни, подорванной Пугачевымъ, не осталось слѣдовъ; а говорятъ, долго развалины ея стояли около собора». «Уральскіе очерки» М. Михайлова.

(****) Донесеніе военной коллегіи 28 ноября 1765 года.

Не отступая предъ толпой,
 Бросать камнями готовой
 Въ того, кто сонъ ея смутить,
 Чья рѣчь какъ Божій мечъ разить.

«Богъ помочь, братья и друзья!
 Когда жъ желанный день настанетъ,
 Пусть ваша дружная семья
 Отжившихъ насъ — добромъ помянетъ.
 Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
 Въ борьбѣ съ гнущей силой зла!»

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Марта, 19, 1882.
 Москва.

ПРОИСШЕСТВІЯ НА ЯНГЬ

ВЪ 1772 ГОДУ.

Пугачевское возстаніе, охватившее собою всю восточную половину Европейской Россіи — эту классическую страну мятежей въ прежнее время — безспорно принадлежитъ къ самымъ многозначительнымъ явленіямъ въ жизни русскаго народа. Хотя знамя бунта было поднято во имя Петра III, будто бы оставшагося въ живыхъ послѣ переворота 1762 года, но это было только предлогомъ, а от-

жны быть отысканы нормальнаго положенія злоупотребленій лѣтъ, относительно было отвѣтомъ на новую администрацію. Исторіи долженъ быть данъ отчетъ о тогдашняго обществѣ, которая, мало-помалу трудная, тѣмъ же приподымать завѣсу тайны для выясненія истинно столѣтія.

ушкинымъ, по отрывкамъ неполна и можетъ быть вѣрнымъ, очеркомъ военной силою. На

Выбирая, для разбора своихъ дѣлъ, атамановъ, старшинъ и прочихъ чиновъ войсковой избы (послѣ войсковой канцеляріи), лицкое войско мирскимъ приговоромъ опредѣляло имъ содержаніе изъ войсковыхъ суммъ.

Берега Яика не представляли особыхъ удобствъ къ земледѣлю, не были склонны къ нему и козаки, привыкшіе къ разгульной полукочевой жизни; а потому съ самаго поселенія козаковъ по Яику главное средство ихъ къ существованію заключалось въ обильныхъ рыбныхъ ловляхъ на Яикѣ и по побережьямъ Каспійскаго моря. Желавшихъ ознакомиться съ главнѣйшими родами рыбной ловли, производимой уральскимъ войскомъ, отсылаемъ къ любопытнымъ сочиненіямъ гг. Левшина, Небольсина и Желѣзнова. Здѣсь же скажемъ, что рыбныя ловли производились обыкновенно ниже Яицкаго городка, подъ которымъ, чтобы рыба вверхъ не уходила, сдѣланъ, и всегда содержится, поперегъ всего Яика, учугъ, то есть перегородка изъ толстыхъ жердей и кольевъ неравной величины, поверхностью своихъ головокъ описывающихъ чрезвычайно изломанную линію, возвышающуюся надъ уровнемъ воды аршина на полтора. Для скрѣпы этихъ кольевъ и жердей, къ нимъ, пониже вершинокъ, приколачиваются горизонтально доски или тонкія бревна, служація для нихъ устоемъ.

Отъ учуга подъ Яицкимъ городкомъ до устья Яика верстъ 500. На всемъ этомъ пространствѣ рыбная ловля принадлежитъ лицкому войску, которое на ловлю выходитъ въ опредѣленное время; отдѣльно ловить рыбу никто не можетъ.

Въ устьѣ Яика, при Гурьевѣ городкѣ, устроены были два другихъ учуга, бывшихъ, вмѣстѣ съ астраханскими и саратовскими рыбными ловлями, въ оброчномъ отъ казны содержаніи. Въ 1752 году гурьевскіе учуги съ рыбными ловлями, а также сборы таможенный и штейный были отданы въ содержаніе лицкому войску съ платежемъ въ казну ежегодно: за учуги и рыбныя ловли 4,692 р. 69½ к., а за таможенный и кабацкій сборы по 754 р. 10 к.; всего 5,446 р. 79 коп.

Лѣсными угодьями и звѣроловствомъ, которымъ занималось ежегодно до 500 человекъ, лицкое войско довольствовалось: до основанія Оренбурга (въ 1735 году), вверхъ по рѣкамъ Яику и Сакмарѣ, и по впадающимъ въ нихъ рѣчкамъ и притокамъ верстъ на четыреста и болѣе, а съ основанія Оренбурга лѣсъ стали рубить вверхъ по Яику, не доѣзжая версты за три до Татищевой пристани (въ 216 верстахъ отъ Яицкаго городка); покосы и выгоны были верстъ на 100 вверхъ и внизъ по Яику отъ городка.

Къ яицкимъ же козакамъ причислялись козаки илецкіе и сакмар-

скіе, жившіе особыи станицами. По отдаленности своей отъ войска яицкаго, яецкіе и сакмарскіе козаки отправляли кордонную службу и изъ предѣловъ войска не посылались, а потому не получали и содержанія, а только выдавались имъ порохъ и свинець, изъ отпускаемаго войску яицкому количества. Освобожденные отъ очередныхъ службъ и податей, яецкіе и сакмарскіе козаки имѣли всѣ способы для своего содержанія дома; когда же командировали ихъ по какой либо особенной надобности въ Оренбургъ, то тогда выдавали имъ содержаніе изъ оренбургской губернской канцеляріи, наравнѣ съ крещеными калмыками. Комплектъ этихъ козаковъ полагался въ 688 человекъ.

Служба яицкаго войска раздѣлялась на внутреннюю, или кордонную, и внѣшнюю.

Обыкновенная служба яицкаго войска на Яикѣ состояла въ наблюденіи за теченіемъ рѣки на протяженіи около полуторы тысячи верстъ отъ Гурьева городка до крѣпости Разьятной. Содержавшіе кордонъ козаки наблюдали, чтобы волжскіе калмыки не переходили на бухарскую (лѣвую) сторону Яика, а киргизы не грабили бы между Яикомъ и Волгой. Кромѣ Яицкаго и Гурьева городковъ, въ промежуткѣ между ними выстроены были еще два городка: Кулачинъ и Калмыковъ, и многіе форпосты. До 1743 года козаки содержали кордонную линію по своему усмотрѣнію; а въ этомъ году велѣно было на линіи, «*ко отеращенію и конечному киргизъ-кайсацкихъ перебытовъ пресъчченію*», построить два названные нами городка и содержать въ нихъ стражу, по 500 чел. въ каждомъ.

Въ 1760 и 1765 годахъ, кромѣ этой тысячной команды, приказано ежегодно составлять въ распоряженіе состоящаго въ Оренбургѣ полевого генералитета особый козацій резервъ въ 500 чел., изъ которыхъ 300 находились на ниже-яицкихъ форпостахъ отъ Яицкаго городка до Кулачинской крѣпости, а 200 около самаго Яицкаго городка. Эта команда собиралась въ лѣтнее время и держалась до заморозковъ.

Сверхъ ординарной службы на Яикѣ, яицкое войско командировало отъ себя команды постоянныя и особыя.

Послѣ подданства Россіи, занимаясь, по прежнему, поисками на Каспійскомъ морѣ, яицкіе козаки навлекли на себя неудовольствіе московскаго двора. Въ 1655 году, выборныя войска явились съ повинною въ Москву, и тогда въ первый разъ яицкое войско послано было заслуживать свои вины въ Польшу. Затѣмъ они были подъ Ригой, усмиряли башкирцевъ, ходили въ Хиву, на Кубань и проч. Около половины XVII столѣтія были на Яикѣ стрѣльцы, слившіеся впоследствии съ козаками.

Въ отношеніи временныхъ командировокъ лицкое войско было подчинено оренбургскому губернатору (указъ 8 іюля 1756 г.) и командиру Оренбургскаго корпуса (указъ 23 марта 1765 года), генералъ-поручику Мельгунову.

Чтобы дать приблизительное понятіе о нравственномъ бытѣ лицакаго козака прошлаго времени, возьмемъ картину современнаго намъ замкнутаго быта уральца, припоминая, что въ теченіе вѣка многое сгладилось и картина настоящаго есть только блѣдный отпечатокъ давно минувшаго.

Г. Михайловъ, въ интересныхъ своихъ *Уральскихъ очеркахъ*, рисуетъ слѣдующую картину:

«Козаку некогда погружаться въ тонкости догматической полемики, некогда въ походѣ думать о томъ, войдетъ ли онъ въ царствіе небесное, если сбрѣетъ для удобства или по приказу начальства бороду и выкурить, товарищества ради, трубку. Пока онъ былъ на службѣ, пока не воротился домой, къ своимъ пенатамъ, то есть къ большой въ родѣ церковнаго иконостаса божищѣ, съ родовыми тайными иконами въ дорогихъ окладахъ, онъ молился, когда приходилось, во всѣхъ церквахъ.

Тутъ, дома, начинается обвѣвать его воздухъ далекаго дѣтства и воскрешаетъ передъ нимъ всю фантастически измѣненную годами обстановку этого дѣтства.

«Бабушка въ черномъ сарафанѣ, обшитомъ серебрянымъ позументомъ, бесѣдующая съ какимъ нибудь начитаннымъ старцемъ съ желтовато-сѣдыми космами вкругъ головы, въ длинной рясѣ, перетянутой ремнемъ; лампы передъ большимъ иконостасомъ въ отдаленной горницѣ; фигуры заунывно и протяжно поющихъ и нараспѣвъ читающихъ старухъ въ траурныхъ сарафанахъ съ кожаньими, колѣчатymi какъ червякъ четками въ рукахъ; темная ночь, такъ таинственно глядящая въ окно; густой дымъ ладона и тихій трескъ тонкихъ восковыхъ свѣчекъ; потомъ отпѣванье и похороны дѣдушки-полковника, котораго клали въ гробъ не въ мундирѣ, а въ длинномъ до пятъ бѣломъ саванѣ; худое желтое лицо его, осыненное длинными, расчесанными посреди два сѣдыми волосами и съ длинною по поясъ сѣдою бородою; старая дѣвствующая тетушка-мастерица, занимающаяся обученіемъ дѣтей церковной грамотѣ и мгновенно зажимающая носъ расправленнымъ какъ вееръ платкомъ, если можно предпологать вблизи курильщика; секретныя приготовленія къ принятію прѣзжаго съ Иргиза вола.... Все это, всѣ эти мистическіе образы и картины младенчества обступаютъ козака дома. Если на человѣка развитаго такое сильное впечатлѣніе производитъ воспоминаніе о дѣтской порѣ, то что же долженъ чувствовать простой человѣкъ?

(*) «Уральскіе очерки». Изъ путевыхъ замѣтокъ 1856—1857 г. «Морск. Сборникъ» 1859 г., № 9, стр. 17.

«Козакъ такъ долго странствовалъ вдали отъ роднаго крова, что и у самого кудря пробила уже сѣдина, и жена его смотритъ бабушкой, и молодцы его ходятъ по вечерамъ — играть съ дѣвками въ фанты и въ веревочку и пѣть пѣсни. «Пора остепениться!» думаетъ козакъ, слушая разсудительныя рѣчи жены и тетушки-мастерицы, которая тоже стала «по старости аки бабушка».

«Онъ отдастъ въ домашній гардеробъ свой служилый мундиръ, облачается въ просторный хивинскій халатъ, уничтожаетъ свои трубки (въ домѣ никогда не пахло проклятымъ вельемъ), не даетъ «ностривалу изъйти на браду свою», строго держитъ всѣ большіе и малые посты, начинаетъ читать книги домашней душеспасительной бібліотеки, помѣщенной въ шкапчикѣ подъ «божьимъ», и уже съ сердитымъ недоверіемъ смотритъ на книги беззастѣжныя, свѣтскія, проникается описанною Денисомъ Виноградовымъ многострадальною жизнью соловецкихъ и стародубскихъ старцевъ и скитниковъ, мало-по-малу вступаетъ и самъ въ пренія, говоритъ, что новыя книги всѣ въ никоновскихъ лепешкахъ, и наконецъ умираетъ, напутствуемый таинственнымъ попомъ, и хоронятъ его, какъ дѣда, въ бѣлой до пять рубашекъ, съ желтою бородою по поясъ, и отпѣвають его старцы и черницы, и дѣти его поѣдутъ въ скитъ заказывать сорокоустъ по душѣ его и будутъ живо помнить свою юность, чтобы, какъ отецъ, вернуться къ ней душой и бытомъ въ старости.»

Эта картина быта уральскаго козака такъ и переноситъ во времена давно прошлыя, сохранившіяся черезъ семейную замкнутость и долынѣ.

Подчинясь Россіи, яицкіе козаки долгое время жили спокойно, и даже во время бунта Стеньки Разина приняли его сторону только по необходимости, послѣ взятія имъ Яицкаго городка. Они неоднократно дѣйствовали противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ Россіи и до временъ Петра Великаго были въ полномъ повиновеніи правительства, которое награждало ихъ за вѣрность и службу.

Что было причиною первыхъ неудовольствій яицкаго войска, неизвѣстно, и мы вѣдѣ не могли найти тому нисколько указаній. Надо полагать, что сперва командированіе на службу, а потомъ ссылка на Яикъ мятежныхъ стрѣльцовъ и бритье бородъ, объявленное Петромъ въ 1699 г., вооружило ихъ противъ новыхъ порядковъ; впрочемъ, за свои службы, яицкіе козаки получали награды. Сохраняя свои бороды, яицкое войско отнюдь не становилось на сторону противниковъ правительства и, даже вызываемое къ возстанію, оставалось совершенно спокойнымъ. Бритье бородъ и приказаніе носить платье «по обычаю европейскихъ христіанскихъ государствъ» повело къ различнымъ нелѣпнымъ толкамъ и общему неудовольствію народа. Роспускъ стрѣльцовъ еще болѣе усиливалъ это неудовольствіе: «жаль-де ихъ, что разослали съ Москвы — говорили въ наро-

дѣ (*)—а нынѣ, де, настала служба и новая вѣра и велѣтъ, де, носить нѣмецкое платье, чего, де, при прежнихъ государяхъ не бывало». Сожалѣнія эти передавали стрѣльцамъ въ Астрахань: «дабы они за старую вѣру и за старое платье стали». Бѣглый изъ Москвы стрѣльцкій сынъ Кобыльскаго полка *Стенька Москвитинъ* (видѣвшій казнь своего отца и дяди въ Москвѣ за бунтъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ) возмущала астраханцевъ разказами о новыхъ преобразованіяхъ. Подготовивъ умы къ возстанію, Стенька Москвитинъ подкинулъ письмо, въ которомъ говорилось о намѣреніи царя раздѣлить Россію на четыре части и извѣщалось: «что государя, де, на Москвѣ нѣтъ, а пошелъ, де, съ полками противу шведовъ на войну» (**). Въ Астрахани прошла молва, что «воевода Тимошей Ржевскій и начальныя люди вѣру христіанскую покинули и начали у себя бороду брить и въ нѣмецкомъ платьи ходить»; говорили также: «будто свадебъ имъ (астраханцамъ) не играть 7 лѣтъ, а дочерей и сестеръ выдавать за нѣмцевъ, которые присланы будутъ изъ Казани въ Астрахань». Народъ переполошился: въ воскресенье 29 іюля 1705 года, сыграно было до 400 *свадебъ*. Стрѣльцы и приставшіе къ нимъ люди напились до-пьяна, и въ четвергомъ часу ночи, въ понедѣльникъ, начался итежъ, подъ предводительствомъ мастераваго Якова Носова. Стенька Москвитинъ, какъ показалъ онъ на розыскѣ въ Москвѣ, намѣревался, «возмутя Астрахань и прочіе тамошніе города: Красный яръ, Яикъ и Терки, собрався ити въ верховые города по Волгѣ и уговаривать, чтобъ такъ же забунтовали, и къ нимъ пристали; напоследокъ ити къ Москвѣ, разорять и убивать управителей государственныхъ и офицеровъ солдатскихъ, а наипаче иноземцевъ, мстя за то, что стрѣльцы казнены и сосланы въ ссылку; и бить челомъ государю, чтобъ велѣлъ быть старой вѣрѣ и нѣмецкаго бы платья не носить, и бороды бы не брить».

Черный и Красный яры пристали къ бунтовщикамъ и силою хотѣли взять Царицынъ, но были отбиты. На Терекъ къ стрѣльцамъ и къ гребенскимъ, донскимъ, и *яицкимъ* козакамъ послали возмутительныя письма, съ приглашеніемъ ихъ на соединеніе (**). Тер-

(*) «Журналъ Петра Великаго». Часть 2, стр. 193, приложение I. Выписки объ Астраханскомъ бунтѣ. (Изданіе 1772 г.)

(**) Петръ былъ въ то время въ Митавѣ.

(***) Въ этихъ письмахъ писали: «что воевода и начальныя люди наложили на нихъ новые сборы, и велѣли имъ кланяться болванамъ, и тѣмъ ихъ отъ церкви отлучили; и чтобъ они къ нимъ пристали, и за то бы съ ними стояли за одно, а они въ томъ на нихъ надѣются». И для ложнаго свидѣтельства на Терекъ и въ Гребени послали рѣзвый болванъ съ личинкою съ накладными волосами. («Журналъ Петра Великаго», стр. 204).

скіе стрѣльцы и гребенскіе козаки взбунтовались; донскіе козаки захватили посланцевъ и подъ карауломъ отправили въ Москву; яицкіе козаки, хотя и не сдѣлали этого, но къ бунту не пристали.

Астраханское возмущеніе было усмирено генераль-фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Носовъ и 273 человекъ его товарищей были отправлены въ Москву, гдѣ ими розыскивали. Носовъ и Москвитинъ казнены; вѣроятно, той же участи подверглись и остальные 272 ихъ товарища, потому что въ «Журналъ Петра Великаго» сказано: «и по розыскѣ, гдѣ бунтовщики на Москвѣ казнены смертью».

Впослѣдствіи, въ 1714 году, 1,500 яицкихъ козаковъ отправлены были Петромъ съ княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хиву, и большая ихъ часть погибла въ этой неудавшейся экспедиціи.

Всѣ эти обстоятельства ясно говорятъ въ пользу спокойствія на Яикѣ; нѣтъ никакихъ фактовъ, которые указывали бы на неурядицы и безпокойства въ яицкомъ войскѣ, а между тѣмъ, въ 1723 году, Петръ отправилъ на Яикъ полковника Захарова, для водворенія тамъ порядка.

Безъ всякаго сомнѣнія, подчиненіе яицкаго войска вѣдѣнію военной коллегіи (3 марта 1721 г.) сдѣлано было съ цѣлью имѣть за войскомъ болѣе строгій надзоръ. Такъ поняли эту мѣру и яицкіе козаки. Опасаясь за свою свободу, они начали волноваться, зажгли яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ киргизскія степи, но въ это-то время подоспѣлъ полковникъ Захаровъ. Стоитъ только вспомнить тѣ мѣры, которыя Петръ Великій принималъ для подавленія мятежей, и воображеніе уже рисуетъ застѣнокъ съ его войсками, дыбами, плетями, вырываніемъ ноздрей, урѣзаніемъ языковъ и прочими ужасами, на которые, по духу того времени, такъ легко рѣшался великій преобразователь Россіи. Пушкинъ говоритъ, что яицкіе козаки «были жестоко усмирены полковникомъ Захаровымъ».

Въ 1723 году, все войско было переписано и—что болѣе всѣхъ пѣтокъ оскорбило яицкихъ козаковъ, перенесшихъ ужасы застѣнка—атаманъ его Григорій Меркульевъ былъ утвержденъ правительствомъ особою грамотою.

Съ этого времени, атаманъ яицкаго войска назначался отъ правительства, на помощь котораго оно стало опираться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по внутреннему управленію войскомъ.

Назначеніе Григорья Меркульева было первою и главною причиною тѣхъ внутреннихъ на Яикѣ раздоровъ, которые впослѣдствіи повели къ тому, что яицкое войско приняло въ бунтѣ Пугачева дѣятельное участіе.

Утвержденіе атамана грамотами, сдѣлавъ обязательнымъ для войска выборъ въ атаманы отъ правительства, было достаточно для

озлобленія лицкихъ козаковъ, но не для водворенія на Яикѣ спокойствія. При постановленномъ отъ правительства атаманѣ, управление дѣлами войска, по прежнему, осталось во власти круговъ; но если прежде круги, какъ и всѣ вообще народныя собранія, были шумны и на нихъ являлись партіи, враждебныя другъ другу, то съ 1723 г. положеніе дѣлъ ухудишилось: въ войскѣ явилась новая партія, составлявшая оппозицію противъ атамана, т. е. правительства. Оппозиція, поглотивъ прежнія партіи, образовала въ войскѣ *несогласныхъ* козаковъ, такъ называвшихся въ отличіе отъ сторонниковъ правительства—*согласныхъ*. Уже при Меркульевѣ начались большія неурядицы въ войскѣ; главою оппозиціи явился войсковой старшина Иванъ Логиновъ. «Сии оба—говоритъ Рычковъ, въ своей лѣтописи—имѣя такъ какъ врожденную и непримиримую злобу, во всю свою жизнь одинъ на другаго въ доносительствахъ упражнялись; а оттого и въ войскѣ лицкомъ произошли двѣ сильныя партіи, да и назывались одна атаманскою, а другая логиновою». Вслѣдствіе непрерывныхъ распрей между Меркульевымъ и Логиновымъ, произведено было въ военной коллегіи подробное разсмотрѣніе дѣла и именнымъ указомъ 25 августа 1740 года (Полн. Собр. Зак., томъ XI, № 8215) было опредѣлено: 1) атамана Меркульева лишить атаманскаго званія и вмѣстѣ съ старшиною Логиновымъ вывести съ Яика и поселить порознь въ тамошнихъ городкахъ, давъ тамъ обоимъ права старшинъ; 2) при избраніи атамана, выбирать войску, «изъ заслуженныхъ, богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ, по ихъ обыкновенію, искусныхъ людей», трехъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ одного утверждаетъ правительство; 3) козакамъ дозволено пріѣзжать въ С.-Петербургъ съ жалобами на несправедливые поступки атамана, взявъ у атамана отпускъ, и 4) для повѣрки счетовъ войсковымъ суммамъ имѣть приходо-расходныя книги за шнуркомъ и войсковою печатью; суды производить по ихъ обычаямъ, но письменно.

При неудовольствіи, возбужденномъ этими мѣрами, на общественныя должности въ кругахъ стали выбирать людей, которые осуждали распоряженія правительства,—и вотъ писались челобитныя, сварижались депутаціи въ Петербургъ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи ихъ возвращенія, дѣла на Яикѣ оставались. Возвращеніе каждой депутаціи служило сигналомъ сходбищъ «несогласныхъ» козаковъ; на сходбищахъ обсуживались дальнѣйшія дѣйствія.

Взявъ за правило выбирать атамана лицкаго войска изъ «согласныхъ» козаковъ, правительство должно было его поддерживать. Слѣдствіемъ этого было командированіе въ Яицкій городокъ регулярной

команды. Съ какого именно времени войска находились въ Яицкомъ городкѣ, неизвѣстно; но они были туда отправлены, и присутствіе ихъ поддерживало вліяніе атамана. Въ 1760 г., атаманъ Бородинъ пожалованъ былъ чиномъ армейскаго подполковника.

Въ 1760—хъ годахъ положеніе дѣлъ на Яикѣ стало принимать серьезный характеръ. Атаманъ Бородинъ и присутствовавшіе въ войсковой канцеляріи старшины злоупотребляли сборомъ съ козаковъ денегъ на покрытіе расходовъ по содержанію винныхъ и соляныхъ откумовъ и рыбныхъ учуговъ. Продѣлки старшинъ были извѣстны козакамъ; но когда нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ намекали о томъ Бородину, то онъ «сѣркалъ ихъ».

Козакъ сакмарской станицы Логиновъ, вѣроятно, потомокъ войсковаго старшины Ивана Логинова, бывшаго противника атамана Меркулева, прибылъ въ Яицкій городокъ и узнавъ о незаконныхъ съ козаковъ поборахъ, предложилъ старшинамъ, чтобы они «приняли и его къ себѣ въ товарищество, поелику онъ былъ старшинной сынъ и имѣлъ на то право; но старшины въ томъ ему отказали». Тогда, объявивъ о томъ войску и выставивъ, что старшины не допускаютъ его къ себѣ изъ страха вмѣшательства его въ сборы съ нихъ денегъ, Логиновъ сдѣлался предводителемъ народной партіи (*). Челобитнымъ и жалобамъ войска на притѣсненія со стороны атамана и старшинъ—не было конца. Для разбора жалобъ, учреждена была въ Яицкомъ городкѣ слѣдственная комиссія, членами въ которой перебивали генераль-майоры: Потаповъ, Брахфельдъ и Давыдовъ, и гвардіи капитанъ Чебышовъ. Только Потаповъ сумѣлъ сыскать довѣріе козаковъ, всѣ же прочія лица были отводимы отъ слѣдствія разными подозрѣніями козаковъ. Разсмотрѣвъ дѣла, Потаповъ призналъ атамана Андрея Бородина виновнымъ въ превышеніи власти, и вмѣстѣ съ членами войсковой канцеляріи, въ неправильномъ удержаніи принадлежащихъ войску денегъ, въ количествѣ 10,162 р. 46½ к., которые и опредѣлено было взыскать съ виновныхъ. Со многихъ козаковъ, оказавшихся виновными въ несправедливыхъ жалобахъ, опредѣлено было сдѣлать взысканіе. Исполненіе возложено было на находившагося тогда въ Яицкомъ городкѣ съ военною командою майора Новокрещенова; но онъ скрывалъ отъ войска положенное со старшинъ взысканіе и, созвавъ козаковъ къ своему дому, принуждалъ по уговору старшинъ, бывшихъ тогда у него въ гостяхъ, къ выбору въ атаманы дьяка Кретина. Козаки не соглашались. Новокрещеновъ донесъ военной коллегіи, что козаки бунтуютъ.

Военная коллегія послала тогда на Яикъ генераль-майора Черепова,

(*) См. «Чтенія въ общ. ист. и древн. росс.» 1839 г., кн. 3, стр. 99—120.

приказала ему прочесть войску увещаніе о повиновеніи властямъ. Собранное въ кругъ войско не хотѣло подходить къ шеридамъ и увещанія не слушало. Череповъ стрѣлялъ по войску. Силою были взяты со многихъ подписки въ томъ, что будутъ слушаться указовъ.

Козаки жаловались на притѣсненія Черепова и Новокрещеномъ. Присланный на слѣдствіе гвардіи капитанъ Чебышовъ успокоилъ войско, и атаманомъ былъ избранъ изъ народной партіи Петръ Тамбовцовъ.

Скоро Петръ Тамбовцовъ принялъ сторону старшинъ, и начались новые безпорядки, предлоговъ къ которымъ было много.

Военная коллегія положила взыскать со старшинъ не 10,162 р. 42¹/₂ к., а только третью часть; двѣ трети же сложила (*), и предписала: «взыскивать штрафъ съ такою предосторожностью и разсмотрѣніемъ, чтобы отъ единовременнаго взысканія въ бѣдность и нищету притѣять не могли, и расположить то взысканіе, смотря каждаго имущества по срокамъ» (**). Кроме того, военная коллегія назначила послать 500 яицкихъ козаковъ въ Кизляръ на линію, и набрать изъ нихъ же 300 чел. въ московскій легіонъ.

«Согласные» и «несогласные» козаки были между собою врагами на жизнь и смерть. Оборотъ дѣла по рѣшенію слѣдственной коллегіи очевидно былъ выгоденъ для «согласныхъ», предводители которыхъ хотя и были обвинены, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставлены, по прежнему, при управленіи войскомъ, и имъ же поручено было наряжать команды въ Кизляръ и легіонъ.

Съ отъездомъ слѣдственной комиссіи, пользуясь слабостію характера новаго атамана, Петра Тамбовцова, старшины: Матвѣй Суевинъ, Иванъ Логиновъ, Алексѣй Митрясовъ, Мартемьянъ Бородинъ, Иванъ Акутишъ, Неседа Мостовщиковъ, Федоръ Бородинъ, Кирилъ Филимоновъ (***), начали страшно преслѣдовать своихъ противниковъ. Командированіе въ легіонъ подало поводъ къ ужаснымъ неистовствамъ: нѣсколько человекъ козаковъ было замучено до смерти: «до 400 человекъ довольно время подъ карауломъ содержалось, чрезъ что жены ихъ и дѣти лишились всякаго пропитанія и принуждены были скитаться по міру» (****).

Между тѣмъ, старшины уклонялись отъ платежа наложенной на

(*) Челобитная яицкаго войска на Высочайшее имя, 15 января 1772 г.

(**) Краткій экстрактъ изъ произведеннаго въ Яицкомъ городкѣ слѣдствія генералъ-майоромъ Давыдовымъ и капитаномъ Дурново.

(***) Этыхъ старшинъ яицкое войско, въ рапортѣ Рейхсдорпу (май, 1763 г.), называетъ: «главными зачинщиками и нарушителями нашего покоя». Къ нимъ же присоединяетъ имена атамановъ: Андрея Бородина и Петра Тамбовцова.

(****) Челобитная 15 января, 1772 года.

нихъ лени и, въ то же время, «начали насъ низайшихъ (т. е. несогласныхъ) смертельно мучить, бороды брить и въ драгуны ссы- лать» (*):

Положеніе козаковъ сдѣлалось невыносимо. Въ 1770 году, они вновь обратились съ жалобами въ военную коллегію и послали въ Петербургъ депутацію еѣ испрошеніемъ отказа наряда войска въ легионъ. Въ своей челобитной, войско выставляло, что 1) старшины не уплатили положеннаго на нихъ штрафа; 2) удерживаютъ слѣдующее войску за семь лѣтъ жалованье; 3) не дозволяютъ ловить рыбу и ко- сить сѣно, вопреки существующимъ положеніямъ, и 4) притѣсняють ихъ при нарядѣ на службу въ Кизляръ и въ легионъ (**).

Жалоба эта обратила на себя вниманіе императрицы, и 2 сентября того же года военной коллегіи повелѣно было разсмотрѣть это дѣло, и если окажется, что тогдашніе присутствующіе въ лицкой войсковой канцеляріи штрафа не заплатили, то ихъ отъ присутствія отрѣшить, также и удержанное жалованье заплатить войску.

Военная коллегія положила отправить въ Яицкій городокъ слѣд- ственную комиссію, составленную изъ генераль-майора Давыдова и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитана Сергѣя Дурново; а для скорѣйшаго успокоенія умовъ га Яикѣ отмѣненъ былъ наборъ коза- ковъ въ легионъ, «куда и впредь ихъ не наряжать», какъ было сказано въ указѣ (7 декабря 1770 г.).

Въ именномъ указѣ капитану Дурново повелѣно было отобрать от- вѣты отъ старшинъ, по принесшимъ на нихъ сотниками и козаками жалобамъ, а для повѣрки и счета денежныхъ суммъ потребовать отъ всего войска повѣренныхъ.

Весь 1771 годъ былъ наполненъ непрерывными смутами, волпо- вавшими лицкое войско и подготавливавшими катастрофу. Въ это же время случилось событіе, имѣвшее весьма важное вліяніе на положе- ніе дѣлъ въ лицкомъ войскѣ.

На стѣняхъ, по обѣимъ сторонамъ Волги, въ предѣлахъ нынѣш- нихъ губерній: Астраханской, Саратовской и Ставропольской, и въ Землѣ Донскаго Войска, съ давняго времени кочевали калмыки, вы- шедшіе туда изъ Чжунгаріи. Окруженные со всѣхъ сторонъ русски- ми поселеніями, калмыки, раздираемые внутренними междоусобіа- ми, ослабли и были сильно притѣняемы русскими чиновниками. Въ 1761 году въ управленіе калмыцкимъ народомъ вступилъ Убаши; тогда же пришелъ на Волгу, съ 10,000 кибитокъ, изъ Чжунгаріи

(*) Тамъ же.

(**) Этой челобитной мы не видали; но поименованные нами пункты тѣ самыя, на которые требовалъ отвѣта отъ войсковой канцеляріи лицкаго войска капитанъ Дурново, командированный на Яикъ въ слѣдственную комиссію.

князь Сэрѣнь, который подговаривалъ Убаши и всѣхъ вліятельныхъ въ народѣ людей соединиться съ нимъ и всѣмъ калмыцкимъ народамъ перейти обратно подъ власть Китая. «Отъ васъ—говоритъ имъ Сэрѣнь—ежегодно требуютъ войскъ, которыя гибнутъ безвозвратно; берутъ вашихъ сыновей въ заложники, чтобы тѣмъ безопаснѣе угнать васъ; русскіе исповѣдуютъ другую религію, не имѣютъ уваженія къ вашей. Потому, что вы потеряете, промѣнявъ песчанья волжскія равнины на отечественные привольные во всемъ берега Иртыша и Или?» Подобныя внушенія, часто повторяемыя и поддерживаемыя духовенствомъ, не могли не поколебать многихъ. Но Убаши долго находился въ нерѣшимости и, можетъ быть, никогда бы не склонился на убѣжденія Сэрѣня, если бы не былъ къ тому вынужденъ безцѣривными ему оскорбленіями со стороны русскихъ чиновниковъ. После многихъ тайныхъ совѣщаній и сношеній съ Сэрѣнемъ о мѣрахъ къ побѣгу, Убаши, на общемъ собраніи князей и духовенства въ 1770 году, объявилъ наконецъ, что въ наступающую зиму, когда Волга покроется льдомъ, дождавшись своихъ соплеменниковъ съ праваго берега Волги, всѣмъ совокупно должно предпринять путь на старую родину.

Зима 1770 года была теплая, и калмыки, кочевавшіе на правомъ берегу Волги, не могли соединиться съ кочевавшими на лѣвомъ берегу, которые, опасаясь долге медлить, рѣшились оставить своихъ соплеменниковъ и въ январѣ 1771 года, въ числѣ 33,000 кибитокъ (169,000 душъ обоюга пола), предприняли походъ.

Русское правительство, позволявшее, въ разное время, калмыкамъ переходить съ одного мѣста на другое, твердо было убѣждено въ необходимости удерживать ихъ въ предѣлахъ Россіи. За бѣглыми калмыками рѣшено было послать въ погоню, между прочимъ, все войско яицкое.

Генералъ-майоръ Давыдовъ, командированный въ слѣдственную комиссію для разбора положенія дѣлъ на Яикѣ, распорядился въ Оренбургѣ отправленіемъ оренбургскихъ козаковъ и регулярныхъ войскъ за калмыками, а потому капитанъ Дурново, прибывъ, 2 февраля 1771 года, въ Яицкій городокъ и не заставъ тамъ Давыдова, въ бездѣйствіи ожидалъ его прибытія.

Съ пріѣздомъ генералъ-майора Давыдова, слѣдствіе началось. Присутствующимъ въ войсковой канцеляріи даны были вопросныя пункты; а для того, чтобы эти старшины, во время слѣдствія, не дѣлали по войсковой канцеляріи притѣсненій челобитчикамъ, съ самаго пріѣзда въ Яицкій городокъ капитана Дурново, они были отрѣшены отъ присутствія по всѣмъ дѣламъ, разборамъ и командамъ челобитчиковъ.

и обязаны подпискою заниматься только обыкновенными канцелярскими дѣлами.

Для повѣрки книгъ и счетовъ войсковой канцеляріи назначенъ былъ особый штабъ-офицеръ. Ему поручено было войти въ сношеніе съ оренбургскою губернской и комендантскою канцеляріями и съ солянымъ правленіемъ о томъ, сколько именно войску слѣдовало получить за пять лѣтъ жалованья и сколько именно слѣдовало уплатить казанъ за гурьевскіе учуги, питейные и соляные сборы съ вывозимой изъ Яицкаго городка разнаго рода соленой рыбы.

Затѣмъ повѣщено было войску о сборѣ круга на 9 марта.

Войско собралось. Генералъ-майоръ Давыдовъ и гвардіи капитанъ Дурново объявили кругу:

1) Высочайшій указъ, которымъ повелѣно было имъ произвести слѣдствіе, и если окажется, что присутствующіе войсковой канцеляріи наложеннаго на нихъ штрафа прежнею слѣдственною комиссіею не заплатили, то, по разсмотрѣнію книгъ и счетовъ повѣренными отъ войска, всѣхъ членовъ канцеляріи отрѣшнить отъ присутствія, а войску, на ихъ мѣста, выбрать новыхъ, по своему козачьему обыкновенію. Въ силу этого указа, слѣдователи требовали выбора повѣренныхъ, которые бы доказали справедливость жалобы челобитчиковъ и помогли бы назначенному штабъ-офицеру разсмотрѣть представленныя войсковою канцеляріею счета и книги, начиная съ 1766 года.

2) Высочайшее повелѣніе о командированіи въ Кизляръ, въ распоряженіе генералъ-майора Демидова, 500 человекъ козаковъ, на смѣну той команды, которая тамъ находилась уже болѣе двухъ лѣтъ.

3) Затѣмъ прочитаны были указъ военной коллегіи и ордеръ оренбургскаго губернатора о командированіи всего войска яицкаго въ погоню за бѣжавшими калмыками Большой Торготской Орды; а какъ, на основаніи грамоты военной коллегіи (1765 года), велѣно, при нарядѣ на службу, во всякія команды посылать старшинъ по очереди, а при важныхъ командировкахъ назначать старшинъ и безъ очереди, но достойныхъ и исправныхъ, по выбору атамана, дабы отвратить тѣмъ выборъ войскомъ людей ненадежныхъ, то войсковою атаманъ Петръ Тамбовцовъ объявилъ, что походнымъ атаманомъ, для преслѣдованія калмыковъ, онъ назначилъ старшину Витошневъ; полковниками, старшинъ: Кадорова (?), Митрясова и Филимонова; есауловъ, сотниковъ и хорунжихъ отдано выбрать войску на волю.

Эти объясненія слѣдователей и войскаго атамана были приняты войскомъ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Войско волновалось. Не рѣ-

(*) Эта фамилія неясно написана въ экстрактъ, приложенномъ къ рапорту капитана Дурново.

ничего въ первый день, войско собралось въ круги 10, 11 и 12 марта; но чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Сперва козаки, отказавшись дать повѣренныхъ, требовали, чтобы походнымъ атаманомъ дали имъ не Витошневъ, избраннаго Тамбовцевымъ и присутствующимъ въ войсковой канцеляріи, а простаго козака Выровщикова. Напрасно выставляли войску, что невозможно старшинъ подчинить рядовому козаку, сверхъ того бывшему уже за преступленія въ ссылкѣ: войско не слушало и не выбирало никого на низшія должности, предоставленыя для замѣщенія на волю войска. Но этого мало: въ кругу, собранномъ 11 марта, сотникъ Тимофѣй Севрюгинъ подалъ атаману копію съ именнаго высочайшаго указа военной коллегіи объ отиѣнѣ командъ отъ яицкаго войска на службу въ легіонъ и требовалъ, чтобы копія эта была теперь же прочтена войску. Копія, между тѣмъ, была невѣрная: вмѣсто словъ «куда (то есть въ легіонъ) ихъ и впредь не наряжать», написано было: «никуда ихъ и впредь не наряжать». Читая этой копіи подяло въ кругу цѣлую бурю: Войско кричало, что оно не пойдетъ за калмыками, и, дѣйствительно, несмотря на то, что согласная сторона войска командировала отъ себя 221 чел., несогласная сторона упорно отказалась отъ командировки и настойчиво требовала отиѣненія старшинъ, выдачи штрафа и удержаннаго за нять лѣтъ жалованья.

Отказавшись идти въ погоню за калмыками, войско, опираясь на прочтенную подложную копію съ указа, не хотѣло выбрать командъ и въ Кизляръ. Зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ явился сотникъ Кирпишниковъ; его поддерживали еще 13 человекъ сотниковъ и козачковъ. Партія Кирпишникова привлекла на свою сторону всѣхъ несогласныхъ козачковъ, и войско положительно отказалось отъ наряда командъ въ Кизляръ.

Такимъ образомъ, послѣ четырехъ круговъ, яицкое войско не хотѣло исполнить ни одного требованія правительства.

Не видя исхода изъ такого положенія дѣла, генералъ-майоръ Давыдовъ и капитанъ Дурново донесли обо всемъ императрицѣ, послѣ нарочнаго курьера, 25 марта.

Узнавъ объ этомъ, несогласные козаки, съ своей стороны, отправили въ Петербургъ сотника Кирпишникова съ товарищами, въ качествѣ депутатовъ, для ходатайства объ отиѣнѣ командированія 500 козачковъ въ Кизляръ.

Хотя войско и не давало повѣренныхъ для ревизіи книгъ и счетовъ и для представленія доказательствъ виновности присутствующихъ въ войсковой канцеляріи, однако Давыдовъ и Дурново разъясняли всѣ обстоятельства дѣла.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ оренбургской губернской и ка-

мендантской канцелярій и изъ солянаго правленія, оказалось, что за пять лѣтъ; на полное отъ казны содержаніе, яицкому войску слѣдовало 27,730 руб. 64 коп., войско же должно было заплатить казнѣ въ это же время 52,739 р. 4 к. (*); поэтому вся сумма, 27,730 руб. 64 коп., слѣдовавшая войску въ содержаніе за пять лѣтъ, была зачтена за откупа и соляной сборъ съ вывозимой соленой рыбы, и, сверхъ того, уплачено еще казнѣ, изъ войсковыхъ суммъ, 25,008 руб. 40 коп. Жалованья войску за послѣдніе два года (1769 и 1770 г.) находилось налицо въ войсковой канцеляріи. Неоднократно въ кругахъ, сперва атаманъ Петръ Тамбовцовъ, а потомъ Давыдовъ и Дурново, предлагали войску взять эти деньги; но войско требовало жалованья за 7 лѣтъ и не хотѣло принять никакихъ увѣреній въ справедливости присутствующихъ войсковой канцеляріи; повѣренныхъ же для учета суммъ не давали.

О движеніи суммъ въ войсковой канцеляріи, начиная съ 1766 года, присутствующіе представили подробныя приходо-расходныя книги, съ приложеніемъ документовъ. Изъ книгъ оказалось, что старшины Суешинъ, въ 1766, и Митрасовъ, въ 1767 году, заплатили причитавшіяся на ихъ счетъ части штрафа и деньги записали на приходъ по книгамъ канцеляріи. Остальные старшины частію заплатили штрафъ, а частію еще не заплатили, на томъ основаніи, что военная коллегія указала «взыскивать штрафъ съ такою предосторожностію и разсмотрѣніемъ, чтобъ отъ единовременнаго взысканія въ бѣдность и нищумство притѣтить не могли, а расположить то взысканіе смотря каждаго имущество по срокамъ». Опредѣлить, въ этомъ случаѣ, могли ли тѣ старшины уплатить штрафъ, или нѣтъ, возможно было только при посредствѣ повѣренныхъ отъ войска; а ихъ не давали. Въ такомъ положеніи, Давыдовъ и Дурново не могли сдѣлать никакого распоряженія къ отрѣшенію этихъ старшинъ отъ присутствія.

Присутствующіе въ войсковой канцеляріи отвергали также всѣ жалобы войска насчетъ того, будто бы къ рыбнымъ ловлямъ и сѣнокосамъ допускались, въ 1770 году, только одни согласные козаки. По показанію старшинъ, дѣло было слѣдующимъ образомъ. Получивъ

(*) На основаніи указа 27 мая 1752 г. (см. стр. 19, прим. 22), яицкое войско за гурьевскіе учуги и кабацкій сборъ ежегодно вносило въ казну по 3,446 р. 79 к., что въ пять лѣтъ составило 27,233 р. 98 к.; вычитая эту сумму изъ 52,739 р. 4 к. полученная разность 25,505 р. 9 к. должна составить количество пятилѣтняго взноса за соляной сборъ съ вывозимой изъ Яицкаго городка соленой рыбы, т. е. соляныя деньги въ годъ составляли 3,101 р. 1 $\frac{1}{2}$ к., между тѣмъ войсковая канцелярія показала, что ежегодно за соль вносится 3,003 р. Очевидно, здѣсь имѣлась ошибка или въ общей суммѣ за пять лѣтъ—на 490 р. 9 к., или въ ежегодномъ платежѣ—на 98 р. 1 $\frac{1}{2}$ к.

указъ военной коллегіи о командированіи команды въ Кизляръ, атаманъ объявилъ его войску и требовалъ исполненія; но почти все войско оказалось ослушнымъ. Тогда съ каждаго ста человекъ ослушниковъ взято по два подъ караулъ. Войско объявило, что не пойдетъ на рыбныя ловли до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены взяты подъ караулъ. Тамбовцовъ, боясь, чтобы чрезъ это не потеряли безвѣнные козаки и вообще все войско, жившее единственно доходомъ отъ продажи рыбы, освободилъ арестованныхъ и, отправивъ войско на ловли, донесъ оренбургскому губернатору. Губернаторъ отвѣчалъ предписаніемъ употребить всѣ старанія къ командированію козаковъ въ Кизляръ; а военная коллегія требовала скорѣйшаго исполненія по наряду козаковъ въ легіонъ.

Атаманъ Петръ Тамбовцовъ и присутствующіе въ войсковой канцеляріи рѣшили послать къ войску старшину, предписавъ ему: «употребить въ томъ командированіи всю возможность, а буде успѣха не будетъ, возвратитъ войско въ городокъ, гдѣ бъ удобнѣе можно было командировать, нежели въ полъ». Точно такой же случай, то есть командированіе козаковъ на службу во время рыболовства, былъ уже въ 1758 году, когда предписано было отправить 1,000 человекъ козаковъ въ Сибирь. Тогда войско исполнило приказаніе, не прерывавъ рыболовства. Не то было въ 1770 году. Согласно козаки тотчасъ же командировали то число козаковъ, которое причиталось на ихъ долю; несогласныя же, которыхъ было гораздо больше, объявили, что команды не дадутъ ни теперь, ни послѣ. Войско, послѣ двухъ рубежей рыболовства (*), было возвращено въ городокъ, гдѣ сдѣлано много арестовъ.

Когда затѣмъ наступило время сѣнокосенія, то козаки не соглашались выставить въ прикрытіе косцовъ резервную команду, а требовали безусловнаго освобожденія товарищей. Атаманъ, донесшій объ арестованныхъ военной коллегіи, рѣшался освободить ихъ изъ-подъ караула на поруки; но на это войско не согласилось.

Впрочемъ, хотя въ 1770 году войско не окончило рыболовства и сѣнокосенія по своему упрямству, однако, у козаковъ не было недо-

(*) Рубежемъ называется граница, далѣе которой, на тотъ день, ни одинъ козакъ не осмѣливался переступить для ловли рыбы. Малое багренье, въ декабрѣ мѣсяцѣ, производится между Яицкимъ городкомъ и Бударникинъ форпостомъ въ пространствѣ около 80 верстъ и оканчивается дней въ пять. Большое багренье въ январѣ мѣсяцѣ, происходитъ между Бударникинъ и Каленовскинъ форпостами на 110 верстахъ и бываетъ въ семь рубежей: первый рубезъ до Кажехаровскаго второй далѣе до Абишенскаго, третій почти до Горячинскаго, четвертый до Мергеновскаго форпостовъ; пятый и шестой выше и ниже Сахарной крѣпости и селомъ до Каленовскаго форпоста. (Небольша — «Уральцы»).

статка ни въ рыбѣ, ни въ сѣтѣ, потому что козаки рыбу ловили и сѣтѣю кесили поддвигачкѣ.

Перечитывая разныя дѣла военной коллегіи, нельзя не удивляться медленности и нерѣшительности, съ которою они производились. Безпрерывно попадаютъ фразы «о доставленіи того-то писано туда-то, но свѣдѣній не получено», и неполученіе по запросамъ свѣдѣній было, кажется, причиною весьма уважительною для того, чтобы остановить теченіе дѣла, иногда весьма важнаго. Съ другой стороны, военная коллегія, получивъ какое нибудь донесеніе о значительномъ промѣшествованіи, часто не принимала рѣшительныхъ мѣръ, вызывавшихся, между тѣмъ, обстоятельствами, а обращалась къ полумѣрамъ или заготовляла проекты указовъ и грамотъ, которые никогда не утверждались, а только подшивались къ дѣламъ.

Такъ было и въ 1771 году, когда военная коллегія получила донесеніе Давыдова и Дурново отъ 25 марта, отправленное въ Петербургъ съ курьеромъ. Не сознавали, что ли, важности событій въ яицкомъ войскѣ, бывшемъ постоянно въ незначительныхъ внутреннихъ волненіяхъ, неопасныхъ для государства, или боялись рѣшительныхъ дѣйствій, только военная коллегія не отвѣчала на представленіе Давыдова. Капитанъ Дурново, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, между прочимъ, говоритъ: «марта отъ 25 дня 771 года, отъ меня вообще съ генералъ-майоромъ Давыдовымъ, съ нарочнымъ курьеромъ всеподданнѣйше было донесено и требовано, что повелѣно будетъ чинить высочайшей резолюціею, но указу на то не получено».

Между тѣмъ, въ дѣлахъ военной коллегіи находится подшитымъ слѣдующій проектъ грамоты, составленной по доношенію Давыдова и Дурново отъ 25 марта:

«Нашего яицкаго войска войсковому атаману, старшинамъ и всему войску.

«Мы увѣдомились о происшедшемъ въ Нашемъ яицкомъ войскѣ, никогда неожиданномъ развратѣ, по случаю учиненнаго наряда изъ онаго въ погонѣ и для поисковъ надъ измѣнившими калмыками, съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ, что такой развратъ произведенъ продержаностными и отчаянными злодѣями, между людьми простыми, Намъ хотя по всеподданнѣйшей ихъ должности и вѣрными, но въ поведеніи своемъ больше на другихъ взирающими, почему развращеннымъ толкованіемъ имяннаго Нашего указа, даннаго военной коллегіи отъ 7 декабря прошлаго 1770 года, о увольненіи единственно изъ высочайшей нашей императорской милости яицкое войско отъ легіонной только команды, и чтобъ впредь къ оной не наряжить, и выведены они изъ послушанія опредѣленныхъ надъ ними начальниковъ, особливо же что старавшіеся свергнуть ихъ въ сіе искушеніе, не остались при одномъ словесномъ помянутаго Нашего указа, совсѣмъ противномъ настоящей

его силъ изъясненіи, но дерзость ихъ столь далеко при томъ распростиранлась, что и поврежденную съ онаго копію вредящій не усумнился, для прикрѣпленія своего умысла.

«Преступленіе оныхъ людей, смутившихъ цѣлое войско, къ Намъ и Нашей имперіи всегда вѣрнымъ и усерднымъ бывшее, есть самое величайшее и по сему обстоятельству, а толь паче по употребленному къ тому способу.

«Итакъ Мы, давъ нынѣ повелѣніе Нашей военной коллегіи, всѣхъ главныхъ зачинщиковъ толь предосудительнаго и злаго неустройства по достоинству наказать, въ совершенной находимся надеждѣ, что всѣ приставшіе къ нимъ по простотѣ своей, а ихъ злохитрымъ хваткамъ, узнавъ по полученіи сей Нашей императорской грамоты, отъ собственнаго Нашего монаршаго лица отправленной, сколь тѣ мысли, которыми они допустили себя предуволить, не сомѣстны ни съ должностію ихъ, ни съ присягою, ни съ оказаннымъ къ войску яичному отъ Насъ и отъ высокихъ Нашихъ предковъ монаршими милостями и всегда продолжающимся призрѣніемъ, ускорять раскаяться, и возвратясь къ повиновенію, соединятся съ благонамѣренными и сами воспособствуютъ къ выдачѣ въ руки правосудія злодѣевъ, будучи уже собственнымъ своимъ удостовѣреніемъ изобличаемы о тягости ихъ преступленія, и признавая нужду въ томъ, чтобъ причиненный ими соблазнъ въ самомъ началѣ истребился, къ удержанію и другихъ отъ подобныхъ поповоленностей, и они какъ для того, и что вины ихъ и въ существѣ своемъ новы, какія безъ должнаго наказанія оставлены быть не могутъ, соразмѣрному съ ихъ дерзвостію и подвержены были.

«Впрочемъ Мы не только надѣемся и ожидаемъ отъ Нашего войска яичнаго, но и строжайше чрезъ сіе оному вообще и каждому къ его обществу принадлежащему повелѣваемъ, впредь отъ коварныхъ обольщеній наилучшимъ образомъ предохраняться, во всякое время надлежащее отдавать повиновеніе своимъ начальникамъ, и вовсе отвергнуть отъ себя ложное мнѣніе, будто Наше императорское соизволеніе могло быть такое, чтобъ ихъ никуда на Нашу службу не наряжать, въ какомъ случаѣ были бы они совсѣмъ бесполезными для Насъ, для Нашей имперіи и для себя самихъ, несмотря что напротивъ того каждый вѣрный подданный и прямой сынъ отечества въ необходимомъ находится обязательствѣ, по присягѣ своей, закону и клятвѣ, общему благоденствію сколько есть его силъ и возможности споспѣшествовать; яичное же войско сверхъ того по состоянію и званію своему ничѣмъ, какъ употребленіемъ въ походы и заслуживать не можетъ всегда оказываемаго къ оному императорскаго Нашего соизволенія, какое и впредь по мѣрѣ его исправленія продолжаемо быть имѣеть. Дана въ С.-Петербургѣ, апрѣля 1771 года.»

Если бы эта грамота и была отправлена къ войску, то могла ли она произвести какое нибудь полезное въ тогдашнихъ обстоятельствахъ впечатлѣніе? Разсудивъ объ этомъ, вѣроятно военная коллегія

и не рѣшилась подать составленный ею проектъ грамоты на конфирмацію императрицы.

Вскорѣ послѣ отправления Давыдовымъ курьера въ Петербургъ, на Яикѣ открытъ былъ заговоръ, имѣвшій цѣлью истребленіе согласныхъ козаковъ и регулярныхъ войскъ, находившихся въ Яицкомъ городкѣ.

30 марта 1771 года, писарь духовнаго правленія яицкаго войска Мостовщикова, явись къ войсковому атаману, объявилъ ему, что несогласной стороны козакъ Иванъ Ягановъ говорилъ ему: «что если, де, собранъ будетъ кругъ и будутъ командировать, то 500 человекъ захватятъ пушки и пороховой выходъ (*), а 500 будутъ около круга въ резервѣ, при чемъ на атамана съ старшинами и на всѣхъ согласныхъ съ ними козаковъ, также и на генералъ-майора Давыдова и на всю регулярную команду, которая притомъ случится, чтобъ всѣхъ побить, учинено будетъ нападеніе».

Петръ Тамбовцовъ тотчасъ же донесъ слѣдственной комисіи о показаніяхъ Мостовщикова. Будучи призванъ въ комиссію, Мостовщикова подтвердилъ прежнія свои слова, сославшись, что Ягановъ говорилъ ему о заговорѣ въ присутствіи четырехъ козаковъ. Обвиняемые были взяты подъ стражу. На первыхъ допросахъ Ягановъ заперся; другіе ссылались на козака Легошина. Послѣ священническаго уговѣщанія, и Ягановъ и Легошинъ показали, что дѣйствительно тѣ слова говорили, но не выдавали своихъ сообщниковъ. Тогда приступили къ распросамъ съ *аристрагіемъ*, на которыхъ Легошинъ объявилъ, что «къ подирѣвленію войска и на рынкѣ о томъ сотники Герасимовъ, Герасимовъ, Кирпишниковъ и Артемьевъ, козаки: Герасимовъ, Кабаевъ и Выровщикова подтверждали, при чемъ и другихъ козаковъ было много, а предпріятіе къ тому злему намѣренію ихъ было принято еще съ самой страстной недѣли».

Непослушные козаки, замѣшанные въ мартовскихъ происшествіяхъ, разбѣжались изъ городка, такъ что когда военная коллегія, на доносеніе ей о заговорѣ въ яицкомъ войскѣ, предписала произвести слѣдствіе, то слѣдственная комиссія могла только арестовать сотниковъ Седчикова и Иаюманкова, товарищей Кирпишникова по уговору войска къ непослушанію въ нарядѣ козаковъ въ Кизляръ; прочіе непослушные не только не явились на объявленный кругъ, но и въ домахъ ихъ всего найдено только пять человекъ, которыхъ и взяли подъ стражу; прочіе разбѣжались по хуторамъ.

Кромѣ разслѣдованія по дѣлу о заговорѣ, военная коллегія и оренбургскій губернаторъ неоднократно предписывали войсковой канцеля-

(*) То есть пороховой погребъ.

рші и слѣдственной комиссіи принять всѣ мѣры къ непремѣнному командированію козаковъ въ Кизляръ. Генераль Давыдовъ вновь рѣшился собрать кругъ, на 22 іюня. Войско собралось, заранѣе согласившись о способахъ къ неисполненію требованій правительства. Старшина Логиновъ объявилъ въ кругу, что команду въ Кизляръ можно будетъ командировать тогда только, когда все войско будетъ перешисано и когда опредѣлится, сколько возможно нарядить козаковъ, и затѣмъ самую командировку отложить до другаго круга. «Отъ чего, де, и больше развратъ сдѣлался»—говоритъ Дурново, въ своемъ рапортѣ—«и козаки наисильнѣйше овѣривши просить стали и безъ того командировку сдѣлать отреклись».

Военная коллегія и на это, 4 октября, предписала: «по дѣлу Логинова изслѣдовать», а между тѣмъ, генераль-майоръ Давыдовъ, назначенный губернаторомъ въ Бѣлгородъ, 19 октября выѣхалъ изъ Яицкаго городка.

Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, вмѣсто Давыдова, назначенъ былъ генераль-майоръ фонъ-Траубенбергъ, который и прѣѣхалъ въ Яицкій городокъ 30 декабря 1771 года; до того времени камчатка Дурново жилъ на Яикѣ безъ всякаго дѣла.

Траубенбергъ былъ человекъ рѣшительнаго характера. Живя въ Оренбургѣ, онъ зналъ о неспокойствіи яицкаго войска, а будучи начальникомъ отряда, преслѣдовавшаго бѣглыхъ калмыковъ, онъ былъ недоволенъ яицкимъ войскомъ, послушавшимся приказанія идти за Большою Торготскою ордою, которая вслѣдствіе этого и могла спокойно оставить предѣлы Россіи. Такимъ образомъ полученныя имъ приказанія о принятіи строгихъ мѣръ противъ яицкихъ козаковъ вполне согласовались съ собственнымъ его воззрѣніемъ на дѣло.

Познакомившись съ положеніемъ дѣла чрезъ рассказы Дурново и Тамбовцова, Траубенбергъ принялся за разборъ по дѣлу о командированіи козаковъ въ Кизляръ. Семь человекъ старшинъ и козаковъ, содержавшихся подъ стражей (*), были высѣчены плетьми и подъ ковоемъ одного сержанта и двѣнадцати рядовыхъ, отправлены въ Оренбургъ для опредѣленія въ регулярную службу; «но только отъ городка, верстъ съ сорокъ они отѣхали, напали на нихъ нечаянно съ превеликимъ крикомъ козаковъ конныхъ человекъ до трехсотъ; зачали стрѣлять и арестантовъ шесть человекъ отбили, а седьмого насилу отстрѣливаясь сержантъ съ командою удержалъ и привелъ обратно въ городокъ; который дерзкій и наглый ихъ поступокъ генераль-майоръ

(*) Кто именно наказанъ плетьми, свѣдѣній нѣтъ; но, вѣроятно, эти семь козаковъ были сотники: Седяжиковъ и Изюмниковъ, и тѣ пятеро, которые были взяты въ Яицкомъ городкѣ, какъ было объяснено выше.

видя, писалъ въ Оренбургъ о немедленной прибавкѣ команды и принята была всякая предосторожность» (*).

Наказавъ плетью семерыхъ, Траубенбергъ созвалъ кругъ для командированія въ Кизляръ; но ни въ этомъ кругѣ, ни въ другихъ, собиравшихся послѣ, рѣшено ничего не было, потому что несогласные козаки, ожидая возвращенія изъ Петербурга своихъ депутатовъ, объявили, что до приѣзда ихъ никакого наряда не сдѣлаютъ.

Наконецъ, 10 января 1772 года, получено было извѣстie, что депутация подѣзжаетъ къ городу. По поводу чумной болѣзни, свирѣпствовавшей тогда въ Россіи, въ Яицкій городокъ никого не пускали безъ осмотра — остановили и депутатовъ. Непослушные козаки, съ женами и дѣтьми, вышли на встрѣчу своимъ посланцамъ: это ободрило послѣднихъ, и они при осмотрѣ, дѣлали разныя грубости и своевольства, и даже многіе изъ нихъ въ тотъ же день безъ осмотра ушли въ городъ.

Повидавшись съ своими единомышленниками, Кирпишниковъ явился къ капитану Дурново. Тотъ, сказавъ ему, что уже цѣлый годъ войско, въ ожиданіи его возвращенія, не исполняетъ именныхъ указовъ и многихъ распоряженій военной коллегіи и оренбургскаго губернатора, приказывалъ ему объявить войску, чѣмъ кончилось ихъ ходатайство, и если разрѣшенія на отказъ наряда команды въ Кизляръ не послѣдовало, то увѣщевалъ способствовать вразумленію козаковъ и направленію ихъ на путь повиновенія требованіямъ начальства. Кирпишниковъ отвѣчалъ, «что до того дѣла ему нѣтъ, а что войско хочетъ, то пусть и дѣлаетъ». Къ атаману и Траубенбергу Кирпишниковъ не пошелъ. На другой день, 12 января, атаманъ послалъ къ Кирпишникову сказать, чтобы онъ пришелъ въ канцелярію и объявилъ войску, что по челобитью ихъ послѣдовало. Какъ только посланные подошли ко двору Кирпишникова, онъ выскочилъ изъ дверей, «поднявъ прелевеликій крикъ, на который сбѣжалось множество козаковъ и зачали посланныхъ бить». Генералъ-майоръ Траубенбергъ, чтобы увѣять козаковъ, послалъ къ нимъ старшину Мартемьяна Бородина, дьяка Суетина съ козаками, въ числѣ которыхъ былъ Копѣчкинъ (см. Чт. 1859 г., № 3, стр. 112—113); но ихъ не послушали, стали бить, и они, отмахиваясь саблями, подъ прикрытіемъ подошедшихъ послушныхъ, возвратились къ генералу и привели къ нему на арканѣ трехъ вешослушныхъ, схваченныхъ въ толпѣ. Атаманъ, какъ говоритъ въ рапортѣ Дурново, приказалъ тотчасъ же, передъ канцелярією, выстѣчь плетью этихъ трехъ козаковъ, «въ страхъ другимъ».

(*) Рапортъ капитана Дурново. Что касается до числа войскъ, бывшихъ въ то время въ Яицкомъ городкѣ, то все число ихъ ограничивалось ста челоѣками регулярной команды, при 30 орудіяхъ, принадлежащихъ войску.

Траубенбергъ хотѣлъ было принять мѣры предосторожности, собравъ всѣхъ послушныхъ козаковъ и регулярную команду для прикрытія пушекъ и разогнанія сборищъ непослушныхъ козаковъ; но Тамбовцовъ отговорилъ его, представляя, что непослушные козаки, въ числѣ до 1,000 человекъ вооруженныхъ, собрались по призыву Киришишниковъ на дворѣ козака Толкачева (*) и, выставивъ во всѣ стороны пикеты по пятидесяти человекъ, засѣли по дворамъ; если посылать войска, говорилъ атаманъ, то, впусая ихъ въ тѣсныя улицы, козаки перестрѣляютъ изъ оконъ. Отказавшись отъ вмешательства вооруженною силою, послали къ нимъ офицера и старшину Логинова: только оба они ничего не успѣли, а Киришишниковъ прислалъ къ Дурново двухъ человекъ сказать: «чтобъ по силѣ указу исполнять оное, въ самой скорости, а генералъ бы съ командою вѣхалъ изъ города вонъ: намъ-де дѣла до него нѣтъ». Дурново отвѣчалъ имъ, что все зависитъ отъ нихъ: пускай дадутъ повѣренныхъ для счета книгъ и доказательства, и дѣло ихъ будетъ окончено въ самой скорости; говорилъ онъ имъ также, что они дѣлають дурно, собираясь вооруженными толпами, и убѣждалъ ихъ разойтись, но все осталось безуспѣшно. Узнавъ, что Дурново старшинъ не смѣляетъ и инструкціи своей имъ читать не желаетъ, положили неотвѣнно идти къ нему всѣмъ войскою.

Толпы недовольныхъ козаковъ все болѣе и болѣе увеличивались, и къ утру 13 января 1772 года (**) собрались не только всѣ служащіе, но и отставные съ женами и дѣтьми.

Траубенбергъ собралъ совѣтъ. «Прежде было полагали мы, доносила послѣ капитанъ Дурново, чтобъ взять сколько возможно будетъ пушекъ, и выдти съ командою изъ города вонъ, но какъ по причинѣ значаго времени и глубокихъ снѣговъ, маршировать съ пушками по степи, никакого способу не было, и послушныхъ козаковъ жены и дѣти остались бы ихъ злодѣйству на жертву, а дома на расхищеніе, и показана бы была, чрезъ то, имъ робость и поводъ къ пушечной дерзости,—почему и рассудили остаться на мѣстѣ въ городѣ, укрѣпясь сколько возможно въ улицахъ подлѣ войсковой канцеляріи, и сели

(*) На хуторѣ этого Толкачева, Пугачевъ собралъ 60 чел., первыхъ своихъ товарищей, и 18 сентября 1773 года издавъ указъ: «въ той силѣ, что Государь Петръ Третій Императоръ принялъ царство, и жалуетъ рыцари, морями, гдѣсами, крестомъ и бороною», пошелъ на Бударинскій форпостъ.

(**) Пушкинъ, въ своей «Исторіи пугачевского бунта», ошибочно относитъ происшествіа 13 января 1772 года къ 12 января 1771 года: онъ полагалъ, что за отказомъ козаковъ преслѣдовать калмыковъ сейчасъ же послѣдовало возмущеніе войска, тогда какъ между этими событіями прошелъ цѣлый годъ. Калмыки бѣжали въ январѣ 1771 г., а возмущеніе войска было 13 января 1772 года.

будеть нападеніе, защищаться, и для того генераль-майоръ, собравъ всю команду сколько было, регулярную человекъ до ста, да козаковъ послушныхъ до двухъ сотъ и до тридцати пушекъ, разставилъ по мѣстамъ такъ, чтобъ могли они очищать вдоль по улицамъ».

Въ то время, когда генераль-майоръ Траубенбергъ и войсковой атаманъ Петръ Тамбовцовъ, предчувствуя критическую минуту, принимали мѣры къ защитѣ, огромная толпа непослушныхъ козаковъ, подойдя къ соборной церкви, ударили въ колоколъ и отпѣвъ молебень, предшествуемые образами и хоругвами, направились къ войсковой канцеляріи (*), «неся почти каждый комиссіонерамъ по подарку: кто дубину, кто палку, а кто саблю и тому подобное». (См. «Чт. И. Об.» 1859 г. № 3, стр. 114). До канцеляріи, козаки остановились и отправили къ капитану Дурново двухъ козаковъ, между которыми былъ Шигаевъ, будущій сподвижникъ Пугачева (см. «Чт. И. Об.» 1859 г. № 3, стр. 114), и священника Михаила Васильева, съ требованіемъ, чтобы капитанъ (**): «1) по силѣ именнаго ея императорскаго величества указа, войсковой канцеляріи присутствующихъ старшинъ Матвѣя Суетина и Мартемьяна Бородина отъ присутствія отрѣшилъ; 2) положенный по конфирмаціи штрафъ взыскалъ; 3) удержаннымъ жалованьемъ удовольствовалъ». Кроме того, приглашали къ себѣ самого Дурново, для переговоровъ. Траубенбергъ и Дурново отвѣчали посланнымъ, что отдать старшинъ «въ такое самовольное общество» не могутъ; Дурново самъ тоже не пошелъ, а просилъ прислать къ нему для переговоровъ хотя человекъ десять повѣренныхъ. Войско вторично прислало «двухъ человекъ и цопа» (тѣхъ же, что были посланы въ первый разъ, или нѣтъ, не сказано) просить прочесть имъ указъ и выдать старшинъ; отвѣтъ былъ тотъ же.

Старшины Мартемьянъ Бородинъ и Матвѣй Суетинъ просили Траубенберга отрѣшить ихъ отъ должности и старшинства лишить «въ удовольствіе войсковое»; но генераль отказалъ; Бородинъ и Суетинъ о своей просьбѣ сообщили посланцамъ отъ войска и пошли было къ сборищу недовольныхъ, но были удержаны Траубенбергомъ, который сказалъ, что «будеть по войску палить; а мы вида, что изъ того

(*) Такъ доноситъ капитанъ Дурново. Пушкинъ же (ч. I, стр. 10 «Ист. пуг. бунта») говоритъ: «13 января 1771 г., они (т. е. козаки непослушной стороны) собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли, подъ предводительствомъ козака Кирпичникова (въ подлинныхъ донесеніяхъ Дурново онъ называется Кирпичниковъ), въ домъ гвардіи капитана Дурново». Безъ сомнѣнія, ошибается Пушкинъ, основавшій свое показаніе на разсказахъ старожиловъ, а не на подлинныхъ документахъ, которые были ему совершенно неизвѣстны.

(**) Показаніе старшины Мартемьяна Бородина въ яицкой войсковой канцеляріи 18 января 1762 г., собственноручно имъ подписанное.

произождетъ напрасное и неповинное кровопролитіе, усердно его генераль-майора просили, чтобъ онъ отъ той стрѣльбы удержался, троекратно просили, но я и въ ноги ему генералу неоднократно кланялся, однако онъ господинъ генераль-майоръ не послушалъ». (*) Дѣйствительно, Траубенбергъ, видя, что не послушные козаки мало по малу приближаются къ канцеляріи, послалъ къ нимъ капитана регулярныхъ войскъ, старшину Колпакова и атамана сакмарской станицы «угovarивать; чтобъ они разошлись и ближе не подходили, а ежели пойдутъ ближе, велѣно будетъ по нимъ стрѣлять изъ пушекъ» (**).

«Угроза Траубенберга, переданная войску, взволновала его окончательно. «На зачинающаго Богъ!» закричалъ сотникъ Краденовъ (***) и козаки бросились впередъ.

Траубенбергъ, съ пушками, сотнею регулярной команды и послушными козаками, стоялъ на большой улицѣ противу пороховаго выхода. Видя, что козаки пошли впередъ и со всѣхъ сторонъ окружили его отрядъ; заведя въ тылъ по огородамъ около 500 чел. конныхъ (****), Траубенбергъ приказалъ стрѣлять, и первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ стоявшей возлѣ него пушки (*****). Затѣмъ началась общая пальба изъ орудій и ружей. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, бунтующіе козаки бросились съ улицъ во дворы, и забравшись на крыши, стали на выборъ бить прислугу при орудіяхъ; когда артиллеристы были перебиты, непослушные обратили орудія противъ команды и заставили Траубенберга отойти къ одному каменному дому, въ которомъ онъ и заперся. Домъ былъ взятъ штурмомъ; генераль-майоръ фонъ Траубенбергъ, атаманъ Петръ Тамбовцовъ, старшина Митрясовъ и депутаты, выбранные къ сочиненію уложенія, Колпаковъ и Тамбовцовъ, убиты (*****); прочіе присутствующіе въ войсковой канцеляріи были взя-

(*) Показаніе Мартеньяна Бородиня, 18 января 1773 г.

(**) Всеподданнѣйшій рапортъ капитана Сергѣя Дурново.

(***) Тамъ же.

(****) Всеподданнѣйшій рапортъ капитана С. Дурново.

(*****) Показаніе Алексѣевского пѣхотнаго полка сержантовъ Тимофея Межелицева и Ивана Васильева, сдѣланное ими въ войсковой канцеляріи 1772 г., января 14; а также всеподданнѣйшій рапортъ капитана Дурново.

(*****) Всеподданнѣйшій рапортъ капитана Дурново. Пушкинъ же («Ист. Пугач. бунта», ч. I, стр. 11) говоритъ, что Траубенбергъ убитъ у воротъ своего дома, а атаманъ Тамбовцовъ повѣшенъ. Въ донесеніи Дурново ясно сказано, что Траубенбергъ заперся «въ одинъ каменный домъ». Если бы этотъ домъ былъ тотъ, въ которомъ квартировалъ Траубенбергъ, Дурново сказалъ бы это. О родѣ смерти атамана Дурново умалчивается. Яицкіе козаки, въ своей челобитной 13 января 1773 года, говорятъ, что «атаманъ Тамбовцовъ и депутатъ Колпаковъ присутствующимъ старшиною Суетинымъ изъ своихъ рукъ срублены». Не за то ли Суетинъ убилъ Тамбовцова и Колпакова, что они не пускали его идти къ войску, видѣтъ

ты подъ стражу; регулярная команда была обезоружена; бунтовщики потеряли при этомъ убитыми болѣе ста человекъ и многихъ ранеными (*). Озлобленные потерей, непослушные козаки разграбили домъ и имущество Траубенберга, ловили и жестоко били послушныхъ козаковъ.

Капитанъ Дурново, при началѣ схватки регулярной команды съ козаками непослушной стороны, былъ не у главнаго фронта съ генераломъ Траубенбергомъ, а находился при орудіяхъ, поставленныхъ въ некоторомъ разстояніи отъ главной улицы. Когда всѣ его артиллеристы были перебиты и онъ отправился къ главному фронту, то не засталъ уже тамъ ни Траубенберга съ регулярной командой, ни атамана съ послушными козаками. «Въ то время», говоритъ Дурново въ своемъ рапортѣ, «набѣжало на меня козаковъ человекъ съ сорокъ вооруженныхъ, и одинъ изъ нихъ замахнулся разорубить мнѣ саблей голову, но я уклонясь подставилъ ему правую свою руку, которую онъ и разорубилъ, а потомъ и голову въ трехъ мѣстахъ разорубил, и въ спину ранили копьемъ, отъ чего я упалъ замертво; видно жъ, что и больше они меня рубили и кололи; потому что платье во многихъ мѣстахъ прорублено и проколото; послѣ того били меня смертельно дубьемъ и всякимъ дреколіемъ, что у кого въ рукахъ было; и дѣйствительно бы убили до смерти, если бы не прибѣжало изъ тѣхъ же непослушныхъ, какъ послѣ я о томъ свѣдалъ, козакъ Григорій Кабаевъ и кричалъ: «что вы дѣлаете! ишь вы убьете его до смерти!» и легъ на меня, а другой, не знаю кто, изъ нихъ же закрылъ мнѣ голову и не далъ убить, выговаривая: «онъ-де будетъ еще намъ надобень»; послѣ того стали меня поднимать, и какъ я встать быль уже не въ силахъ, то схватили за волосы, и, таскаяши на мѣстѣ, потащили къ войсковой канцеляріи, сажень съ семьдесятъ, и брося въ холодную тюрьму, двери заперли, гдѣ я лежалъ часа четыре безъ памяти; наконецъ почувствовавъ, что озябъ, я пришелъ нѣсколько въ память, и въ то время слышалъ, что неоднократно приходили къ той тюрьмѣ, гдѣ я лежалъ и кричали: «конечно онъ живъ, надобно его приколотъ» и въ дверь ломались, но дверь была заперта, и какъ видно, что они ключа не нашли; а къ вечеру послѣ того, часовъ черезъ восемь, пришелъ козакъ изъ тѣхъ же непослушныхъ, Савелій Фолшчихидъ (?) и подошелъ ко мнѣ, спрашивая меня, безъ всякой суровости: «живъ ли я?». — на что ему отвѣчалъ я, что живъ, и онъ поднялъ меня и повелъ на мою квартиру; а какъ лишь только вышелъ изъ тюрьмы, броси-

съ Мартеньяномъ Бординымъ? Во всякомъ случаѣ, эти убійства не помиримъ войска съ Суетинимъ: онъ былъ убитъ 14 января. А можетъ быть, сваливая вину на Суетина, не желали ли козаки оправдать себя въ убійствѣ атамана?

(*) Числительная лѣтисчисла войска отъ 18 января 1778 г.

лись было еще меня бить, но бичъ на нихъ закричалъ и они оставили; но привелъ жь на квартиру, сыскали подлекаря, который жь къ счастью моему остался не убитъ, и перевязалъ мнѣ раны; послѣ того вскорѣ, какъ я лежалъ въ постели, безъ всякаго движенія, пришли ко мнѣ сотниковъ и козаковъ человекъ съ двадцать и сказывали, что генералъ-майоръ фонъ-Траубенбергъ, атаманъ Тамбовцовъ, старшина Митрясовъ и депутаты, выбранные къ сочиненію уложенія, Колпаковъ и Тамбовцовъ — убиты; а прочихъ войско посадило подъ караулъ, — такъ требовали резолюціи: «прикажу ли я выбрать имъ старшину себѣ», и я на то имъ отвѣчалъ, чтобъ они дѣлали то, что хотѣтъ, потому что повелѣвать я не въ силахъ, и они съ превеликою суровостью закричали на меня: «нѣтъ! ты теперь остался командиръ, такъ мы безъ тебя выбирать не можемъ», и я принужденъ былъ снздать во удовольствіе, что безъ начальниковъ имъ быть не можно, притомъ совѣтовалъ имъ, чтобъ безпорядокъ и смятеніе свое они оставили, представляя въ резонъ, что если они будутъ еще продолжать свою наглость, то уже не могутъ оправдаться тѣмъ, какъ говорятъ, что все это происшествіе послѣдовало печально, отъ того, что стали на нихъ стрѣлять.»

Событія 13 января 1772 года были такъ важны и слѣдствія ихъ столь невыгодны для яицкаго войска, что предводители партій непослушныхъ козаковъ сразу увидали свое дѣло проиграннымъ. Составляя и поддерживая оппозицію противъ атамана; они отнюдь не имѣли въ виду вызвать войско на сопротивленіе правительству съ оружіемъ въ рукахъ; напротивъ того, они осаждали правительство безчисленными челобитными, съ цѣлію убѣдить его въ несправедливости поступковъ атамана и членовъ войсковой канцеляріи и чрезъ то склонить на дарованіе войску тѣхъ вольностей, которыми оно пользовалось до 1723 года. Указъ 1765 года, дозволившій козакамъ присылать отъ себя въ С.-Петербургъ челобитчиковъ съ жалобами на распорядженія войсковой канцеляріи, обнадеживалъ непослужныхъ въ дальнѣйшихъ ихъ успѣхахъ, къ которымъ они шли на проломъ. То, что случилось 13 января 1772 года, входило въ виды только небольшого числа несогласныхъ, большинство которыхъ справедливо пришло отъ того въ ужасъ. Выше, пзъ словъ капитана Дурново, мы видѣли, что козакъ Григорій Кабаевъ спасъ ему жизнь, говоря: «онъ-де будетъ еще намъ надобенъ». Къ Дурново же обратились съ вопросомъ: «прикажетъ ли онъ выбирать имъ старшину?» Все это показываетъ, что руководители волненія рѣшились выставить событія 13 января случайными и начатыми не ими, а генераломъ Траубенбергомъ. Съ этою же цѣлію и дальнѣйшимъ своимъ дѣйствіямъ они хотѣли придать видъ законности; но въ городѣ продолжалась неурядица, а коза-

ки вспомнили, что Траубенбергъ просилъ о присылкѣ къ нему изъ Оренбурга регулярной команды, потому, вечеромъ 13-го января, нѣсколько человекъ пришли въ содержащемуся подъ карауломъ Дурново и требовали отъ него, чтобы онъ далъ ядущей въ яицкій городокъ командѣ предписаніе о возвращеніи въ Оренбургъ съ мѣста, на которомъ получено будетъ предписаніе. «Какъ я въ то время», говоритъ Дурново, «никакого почти движенія не имѣлъ, и протриворчить, ожидая поминутно себѣ отъ нихъ смерти, не могъ, а притомъ зналъ, что и командиръ регулярной команды, какъ онъ повелѣніе нѣтъ имѣлъ не отъ меня, послушать былъ не долженъ, — принужденъ былъ сказать, чтобъ писали они какъ хотятъ, и они сказывали, что писать въ ордеръ бывшему при мнѣ писарю, который я и подписалъ.»

Разсѣдивъ подъ арестъ обезоруженную регулярную команду Траубенберга и успокоившись въ томъ, что ихъ не застанетъ врасплохъ команда, которую могъ послать оренбургскій губернаторъ, козаки собрали, 14 января, кругъ. Въ кругъ былъ вызванъ старшина Суетинъ. Для чего его вызвали, неизвѣстно; но вѣроятно поступки его не понравились войску, потому что «смертельно били его, кололи, рубили и бросили въ тюрьму, а какъ чрезъ нѣсколько времени опомнились и попросилъ огня, то и до смерти его убили» (*).

Козаки еще думали отписаться и свалить всю вину на умершихъ. Призвавъ въ войсковую канцелярію протопопа соборной Архангельской церкви Дмитрія Федорова, Троицкаго батальона прапорщика Александра Иванова Евтюгина и Алексѣевского пѣхотнаго полка сержантовъ Тимофея Мензелинцева и Ивана Васильева (**), отобрали отъ нихъ собственноручныя показанія, въ которыхъ подтверждалось, что «при случившемся сего числа въ Яицкомъ городкѣ штурмъ стрельба началась сперва съ одной, а потомъ и изъ прочихъ пушекъ съ регулярной стороны» (***)

Всѣ эти показанія были приложены къ челобитной на высочайшее имя, отъ 15 января 1772 года.

Въ челобитной, на которую мы уже нѣсколько разъ ссылались выше, козаки изложили сперва свои жалобы на притѣсненія атамана и старшинъ, не исполнявшихъ указа военной коллегіи и нарушавшихъ ихъ права по рыбной ловлѣ; потомъ, перейдя къ событіямъ 13 января 1772 года и описавъ ихъ согласно показаніямъ офицеровъ и священника, то есть обвинивъ во всемъ генералъ-майора Траубенберга

(*) Репортъ капитана Дурново.

(**) Прапорщикъ Евтюгинъ и сержанты Мензелинцевъ и Васильевъ, вѣроятно, состояли въ регулярной командѣ, находившейся въ Яицкомъ городкѣ.

(***) Показаніе прапорщика Евтюгина, скрѣпленное подписью протопопа Дмитрія Федорова.

еть регулярною командою и согласныхъ атаману старшинъ и козаковъ, заключили свое челобитіе слѣдующимъ: «А теперь все войско лицкое пришло въ тишину и спокойствіе и всегда въ повелѣніяхъ вашего императорскаго величества находимся; и служить до послѣдней капли крови обязуемся; такъ какъ отцы наши и дѣды, нещадя живота своего, вѣрно и безпорочно служили; точно изъ высочайшаго вашего императорскаго величества матерняго милосердія всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было, по причинѣ чинимаго отъ государственной военной коллегіи намъ низжайшимъ напраснаго притѣсненія; ввѣрить насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ, подъ дирекцію одной персоны, ихъ сіятельствамъ графамъ Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичамъ Орловымъ и во всемъ оставить на прежнихъ основаніяхъ такъ, какъ и напередъ сего предки наши состояли, въ силу именнаго блаженнаго и вѣчнаго славы достойнаго памяти государя императора Петра Великаго указа, подъ дирекціею господина генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не отъ военной коллегіи; а болѣе сіе предается въ высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе.»

Челобитная была подписана 23 подписями (въ томъ числѣ одна на татарскомъ языкѣ). Имена сотниковъ: Ивана Кирпичникова, Ивана Порянова, Максима Изюмникова, Петра Краденова, Ивана Садчикова и Ивана Герасимова, — значатся также подъ челобитной; и какъ всѣ они были безграмотны, то за нихъ подписались, по ихъ просьбѣ или приказу, другіе.

Когда челобитная была готова, ее отнесли къ Дурново и заставили его засвидѣтельствовать своею подписью. Но всѣхъ этихъ удостоеннѣй войску казалось мало: тогда былъ призванъ въ военную канцелярію войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ на Яикѣ и довѣріемъ правительства. Его заставили дать показаніе о происшествіяхъ 13 января (*) и, сверхъ того, слѣдующую подписку:

«1772 года января 18 дня, бывшій войска лицкаго войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ далъ сію подписку въ томъ, что со вступленіемъ своимъ въ присутствіе чинимыхъ отъ войсковой канцеляріи въ государственную военную коллегію на сотниковъ: Садчикова, Максима Изюмникова, козаковъ Петра Погадаева, Андрея Порянова, Федора Садчикова, Ивана Горышкина, Андрея Ягошина и на все войско лицкое представленія, — происходили понапрасну, въ чемъ и страдали они какъ въ обрѣтін бородъ, такъ и въ прочихъ наказаніяхъ безвинно, да что и приношу всему войску лицкому извѣщеніе и подписуюсь: Мартемьянъ Бородинъ.»

(*) См. Прил. 2.

Кромѣ челобитной и приложенныхъ къ ней помянутыхъ, съ тѣми же нарочными отъ войска быть посланы въ Петербургъ презентъ (*) ко двору.

Начавшееся въ Яицкомъ городкѣ волненіе скоро обратилось въ полную анархію. Безпрерывно собирали круги; отъ выбранныхъ войскомъ старшинъ требовали жалованья, и когда въ отвѣтъ вмѣсто денегъ получали отказъ, то стаскивали старшинъ съ рундука въ кругъ, лишали ихъ старшинскаго достоинства, а на ихъ мѣсто выбирали новыхъ. Такія исторіи повторялись неоднократно.

Челобитная войска яицкаго и домесенія оренбургскаго губернатора, генераль-поручика Ивана Рейнсдорпа, скоро пришли въ Петербургъ и тамъ стали извѣстны происшествія на ДикѢ.

«Сколь все сіе заслуживаетъ справедливой строгости нашего правосудія,—говорила императрица, въ рескриптѣ 26 марта 1772 года, данномъ на имя генерала Рейнсдорпа—но Мы, руководствуясь всегда человеколюбіемъ и матернимъ нашимъ о подданныхъ попеченіемъ, думаемъ, что не все войско яицкое, но самая малѣйшая его часть была виною толкаго зла, и что прочіе вовлечены были или по своей простотѣ, или же по незнанію истиннаго своего блага. Въ семъ мнѣніи, избѣгая чтобъ невинные не претерпѣли вмѣстѣ съ преступниками, и щадя пролитіе невинной крови, за благо разсудили Мы употребить еще умѣренность и чрезвычайъ увѣщевать первыхъ, чтобъ они отстали отъ скрывающихся между ними злодѣевъ, употребившихъ все имя Наше, поколебавшихъ тѣмъ общую тишину и затмившихъ убійствомъ начальниковъ своихъ славу всегдашней вѣрности и послушанія, коею войско яицкое столь много отличалось. Мы надѣемся, что они, видя такое монаршее Наше о нихъ благоволеніе и узнавъ ложь и собственные виды ихъ обольстителей, очувствуются, и пришедъ въ прежнее подданическое повинновеніе, выдадутъ сами главныхъ зачинщиковъ и нарушителей ихъ цюка. Если же и за сими войско яицкое останется въ своемъ жестокосердіи и упорствѣ, тогда неминуемо уже навлечетъ оно на себя праведный Нашъ гнѣвъ, вмѣсто ожидаемаго имъ отъ насъ милосердія и пощады.»

Генераль-поручикъ Рейнсдорпъ, получивъ рескриптъ, отправилъ въ Яицкій городокъ тридцать съ него копій и свое увѣщаніе съ полковникомъ Углецкимъ и, въ то же время, предислалъ командированному изъ Москвы на почтовыхъ съ гренадерскою ротой Великолудскаго пѣхотнаго полка генераль-майору Фрейману, согласно указу военной коллегіи, собрать войска въ Разсыпную крѣпость (**), съ

(*) Презентомъ называется нѣкоторое количество лучшей икры и рыбы, отправляемыхъ яицкими козаками къ высочайшему двору.

(**) Въ 166 верстахъ отъ Яицкаго городка.

тѣмъ, чтобы по первому приказанію быть готовымъ къ выступленію въ походъ на усмиреніе яицкаго войска.

Полковникъ Углецкій возвратился въ Оренбургъ, рѣшительно не успѣвъ въ данномъ ему порученіи. Въ рапортѣ Рейнсдорпу, войско, увѣдомивъ о полученіи 30 экземпляровъ копій съ рескрипта 26 марта, говоритъ: что оно новинуется во всемъ государьнѣ и что зачищники всему дѣлу никто другіе, какъ атаманъ, старшины и генераль-майоръ фонъ-Траубенбергъ съ регулярною командою; что вся ссоръ начата ими, а войско только оборонялось, при чемъ «то смертное убійство съ обѣихъ сторонъ и произошло, въ чемъ мы, войско яицкое, и предаемся въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, для чего тогда жъ и посланы отсель со всеподданнѣйшимъ обѣ оною къ ея императорскому величеству челобитною и съ презентомъ нарочные, которыхъ войско яицкое и ожидаетъ, куда и нынѣ нарочные со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ посылаются, да и тѣ старшины и козаки, которые съ господиномъ генераль-майоромъ Траубенбергомъ и атаманомъ Тамбовцевымъ находились и отъ которыхъ сперва пальба началась, подъ карауломъ имѣють здѣсь содержаться, о чемъ вашему высочайшему величеству войско яицкое покорнѣйше рапортуетъ и все оное въ милостивое разсмотрѣніе предаетъ». Этотъ рапортъ подписали: за войсковаго присутствующаго Василья Трифонова — сынъ его Петръ Трифоновъ, Терентій Сентилсевичевъ и Яковъ Неулыбиничъ; всѣ эти лица по выбору войска замѣняли членовъ войсковой канцеляріи.

Генераль-майоръ Фрейманъ 16 мая выступилъ изъ Разсыпной къ Яицкому городку, по прибытіи къ которому, ему предписано было отъ генераль-поручика Рейнсдорпа, окружить городокъ и построить батареи, чтобъ быть готовымъ къ дѣйствию тотчасъ по полученіи дальнѣйшихъ повелѣній.

Извѣстія о новомъ непослушаніи яицкаго войска вызвали императрицу на рѣшительныя мѣры — положено было: уничтожить войсковую канцелярію, члены которой назначались по выбору войска; занять Яицкій городокъ регулярными войсками, подчинивъ внутреннее управленіе коменданту.

Рескриптомъ 4 іюня 1772 года, даннымъ на имя Рейнсдорпа, повелѣвалось приказать генераль-майору Фрейману овладѣть Яицкимъ городкомъ переговорами или силою и затѣмъ:

•1) Учредить въ немъ коменданта съ гарнизономъ, которому и поручить надлежащее правленіе для возстановленія тишины и порядка до времени.

•2) Отрѣшить вовсе войсковую ихъ канцелярію, а на мѣсто ея установить новое правленіе, объявляя всѣмъ и каждому, чтобъ они сему по-

тому правленію повиновался, и что съ ослушаніемъ поступлено будетъ какъ съ нарушителями общаго покоя.

«3) Избравъ въ команданты надежнаго человѣка, который бы твердоію и благоразуміемъ своимъ въ состояніи былъ всѣхъ содержать въ порядкѣ, рекомендовать ему прилежно, чтобъ онъ всѣмъ въ тишинѣ живущимъ отдавалъ правосудіе, а для пресѣченія способа къ скорѣйшему собранію мятежниковъ, запретилъ бы битъ въ городкѣ въ набатъ безъ своего позволенія.»

Генералъ-майоръ Фрейманъ, подойдя къ Яицкому городку, былъ встрѣченъ непослушными козаками, намѣревавшимися защищаться. «Оба войска», говоритъ Пушкинъ (*), «сошлись въ 70 верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открывалъ себѣ дорогу». Генералъ Рейнсдорпъ (отъ 12 іюня 1772 года) доноситъ, между прочимъ, императрицѣ: «и хотя по приближеніи его (то есть генерала Фреймана) къ тому городку, покушалось оное войско выѣхать навстрѣчу, корпусъ къ себѣ не допустить, однако хорешимъ его распоряженіемъ, по двоекратномъ сраженіи, убѣждено безъ кровопролитія (!!) ретироваться и въ свой городокъ возвратиться». (**)

Если и были сраженія, то никакъ нельзя придать имъ эпитетъ «жаркихъ». Надо заключить, что не надѣясь осилить отрядъ Фреймана, яицкое войско покорилось необходимости впустить его въ городокъ; но, во всякомъ случаѣ, ожидая воздаянія за прежніе свои поступки, четыреста человѣкъ зачинщиковъ бѣжали на Волгу, къ Астраханской губерніи. За ними поднялась было и остальная часть козаковъ съ женами и дѣтьми; козаки перешли было р. Чоганъ, но были остановлены Фрейманомъ. За бѣглецами же отправлена въ погоню восьмисотная нерегулярная команда.

Предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи назначенъ полковникъ Нероновъ.

Донесеній о дѣйствіяхъ коммиссіи мы найти не могли. Множество козаковъ, замѣшанныхъ въ беспорядкахъ, разбѣжались по уметамъ во внутрь степей, «для того, что по убитію, де, генерала съ командою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у гене-

(*) «Ист. Пугач. бунта.» Ч. I, стр. 11.

(**) Въ допросахъ Пугачеву («Чт. Имп. Об. Ист. и Др.» 1858 г., кн. 2, стр. 6) сказано: «козакъ Пьяновъ говорилъ: а какъ онъ (то есть Фрейманъ) шелъ, то войсковые козаки выѣжали было противъ него на сраженіе, и не хотѣли впускать въ Яицкій городокъ; однакожь, Фрейманъ осилилъ, и войско, которое противъ его выѣжало, возвратясь въ городокъ, увидя свою бѣду неминуемую, согласилось все бѣжать за море въ Золотую Мечеть, и нѣкогда-де разбѣжались, въ томъ числѣ и я скитался по степи и на Узеньяхъ былъ въ укрывательствѣ».

реша и прочихъ имѣше; и велѣно собрать съ него 40, съ кого 30, а съ нѣкоторыхъ по 50 рублей. А какъ такой суммы заплатить нечѣтъ, то войсковая команда строго взыскиваетъ, и такъ, де, многіе отъ того разбѣжались; а съ жемъ, де, нашихъ взять нечего; что хотять, то и дѣлають съ ними. А заступить, де, за насъ некому; а сотниковъ, де, нашихъ, которые было вступились за войско, были кнотомъ и послали въ ссылку. И такъ-де, мы въ конецъ разорились и разоряемся. А какъ-де, мы укрываемся, и послѣ пойманы будемъ, то и намъ, какъ сотникамъ, какъ видно, тоже пострадать будетъ. И чрезъ это, де, мы погибамъ, да и намѣрены, по причинѣ той обиды, разбѣжаться всѣ; да мы, де, прежде уже хотѣли бѣжать въ Золотую Мечеть; однакъъ, де, отдумали до времени». (*) «Экзекуція надъ виновными исполнена въ Яицкомъ городѣ, вскорѣ послѣ Петрова дня 1773 года» (**).

Яицкимъ комендантомъ назначенъ былъ волковникъ Симоновъ; въ помощь ему даны: войсковой старшина Мартемьянъ Бородинъ и старшина Мостовщиковъ (***)).

Вотъ въ какомъ положеніи было яицкое войско передъ самымъ пугачевскимъ бунтомъ; а послѣ всего нами сказаннаго, основаннаго на подлинныхъ документахъ, понятно, почему все войско пристало къ Пугачеву.

Все, что мы сказали здѣсь, основано на официальныхъ документахъ; а потому, быть можетъ, нѣкоторыя мѣста разсказа не полны и даже не вполне вѣрны: вотъ почему и желательно, чтобы имѣющіе какіе либо матеріалы, относящіеся къ этому интересному времени, обнаруживали ихъ и сдѣлали бы достояніемъ всѣхъ, занимающихся наукой.

ДМИТРІЙ АНУЧИНЪ.

С.-Петербургъ, 4 февраля 1861 г.

(*) «Чт. Инв. Об. Ист. и Древн.» 1838 г., кн. 2, стр. 12. «Докрсы Пугачеву».

(**) Тамъ же, 1839 г., № 3, стр. 118

(***) Вѣроятно, тотъ, который уведомилъ Тамбовцова и генерала Давыдова о заговорѣ яицкихъ козаковъ 30 марта 1771 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ЧЕЛОБИТНАЯ ЛЯЦКАГО ВОЙСКА, 15 ЯНВАРЯ 1772.

Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всеросійская, государыня всемилостивѣйшая.

Бьютъ челомъ всеподданнѣйшіе рабы, вѣрныя слуги, лицкіе атаманы и козаки и все войско лицкое.

Вашему императорскому величеству довольно извѣстно, сколь великія и несносныя намъ, нижайшимъ, отъ бывшаго войсковаго атамана Бородина съ старшинами причинены обиды и притѣсненія, о которыхъ по прошенію нашему, а по милостивѣйшимъ вашего императорскаго величества указамъ, производилось слѣдствіе семь лѣтъ, чрезъ которое все время вашего императорскаго величества всеподданнѣйшіе рабы до крайняго разоренія приведены, и при томъ слѣдствіи, какъ бывший атаманъ Бородинъ, такъ и прочія старшины виновными найдены, за которыми и причлось нашихъ войсковыхъ денегъ десять тысячъ сто шестьдесятъ два рубля сорокъ шесть копѣекъ съ половиною: но государственная военная коллегія написала съ нихъ ко взысканію точію третью часть, а достальныя двѣ части, по именному вашего императорскаго величества, состоявшемуся въ 762 году сентября 22 дня, всемилостивѣйшему указу, съ нихъ сложила; но полеже по тому всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества указу прощены неумышленные начеты до пяти сотъ рублей, казенные, а не наши войсковые

общественные, которые должно всё взыскать; но однако, хотя государственная военная коллегія и третью часть взыскать опредѣлила, но токмо и третья часть по нынѣ не взыскана, и хотя уже бывшій атаманъ Бородинъ съ старшинами виновными найдены, но государственная военная коллегія не учиня имъ за то надлежащаго возмездія, а только посылала изъ насъ въ Сибирь и въ Гурьевъ городокъ по нѣскольکو человекъ козаковъ, что многіе козаки безвинно и претерпѣли, а потому войсковою канцеляріи присутствующіе старшины Матвій Суетинъ съ прочими, оставшись свободными, и причиняли намъ всякое крайнее притѣсненіе, такъ какъ въ нарядѣ легіонной команды нѣскольکو человекъ замучили до смерти, не упоминая того, что до четырехъ сотъ человекъ довольное время подъ карауломъ содержались, чрезъ что жены ихъ и дѣти лишились всякаго пропитанія, и принуждены были скитаться по міру; а при томъ, за шесть лѣтъ, опредѣленнаго отъ вашего императорскаго величества денежнаго жалованья не производили и куда оно дѣвали—неизвѣстно, а намъ знать не давали; а сверхъ того, общественныхъ нашихъ рыбныхъ промысловъ лишили, а допускали въ оныя наши войсковые промыслы однихъ согласныхъ имъ козаковъ, которые, пользуясь тѣмъ, что бѣ старшины ни захотѣли, то все ради того въ ихъ удовольствіе и дѣлали; почему ваше императорское величество, свисходя на просьбу нашу и видя насъ крайне обиженныхъ, и приказали: удержаннымъ за всѣ годы жалованьемъ немедленно насъ удовлетворить, а присутствующихъ старшинъ, ежели они положеннаго на нихъ денежнаго штрафа по нынѣ не заплатили, отъ присутствія отрѣшить; а тотъ денежный штрафъ, взыскавъ, намъ возвратитъ, но токмо ни денежное жалованье, ни положенный съ старшинъ штрафъ намъ не возвращены и мы не удовлетворены, но и присутствующіе старшины отъ присутствія ихъ не отрѣшены, которые положенный на нихъ штрафъ точно по нынѣ весь не заплатили, чѣмъ они то отрѣшеніе по силѣ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества высочайшаго указа и заслужили, и хотя мы не только просьбу свою о томъ и производили, но никакого удовольствія намъ не учинено; а вмѣсто того начали насъ до пяти сотъ человекъ наряжать въ кизлярскую команду; а понеже, какъ вашему императорскому величеству, такъ и государственной военной коллегіи, изъ посланныхъ предъ сямъ отсель раворотъ довольно извѣстно, что на насъ, вижайшихъ, имѣютъ намѣреніе нападеніе учинить киргизъ-кайсаки и развора всѣ здѣшнія границы соединиться съ Турецкою областію, чего ради, дабы отъ того киргизъ-кайсацкаго многочисленнаго народа какъ нашему, такъ и прочимъ російскимъ жителямъ не учинено было важнѣйшаго приключенія и разворенія, просили мы, въ предохраненіе всей здѣшней линіи и російскихъ жителей, о оставленіи при Яицкомъ городкѣ безъ выкомандированія въ Кизляръ команды, яко же и здѣсь по нынѣшнимъ нужнымъ обстоятельствамъ въ людяхъ крайняя надобность состоитъ, что мы, вижайшіе, и наблюдали, чтобъ въ людяхъ урону, а въ интересѣ вашего

императорскаго величества ущербъ послѣдовать не могло, и хотя мы сводко о томъ ни старались, но токмо вмѣсто должнаго по тому предостереженія, по силѣ военной коллегіи опредѣленія, начали насъ, низжайшихъ, смертельно мучить, бороды брить и въ драгуны ссылатъ; со всѣмъ тѣмъ однако, мы все крайне наблюдали, чтобъ отъ нечаяннаго непріятельскаго нападена здѣшнее общество и прочія російскія жительство сохранены были, хотя и съ великимъ мученіемъ остаться при Яикомъ городѣ и непріятельскимъ киргизъ-кайсакамъ въ намѣреніи препятствовать и высокіе вашего императорскаго величества интересы виднѣвать и предохранять; но не смотря на то, господинъ генералъ-майоръ фонъ Траубенбергъ и господинъ войсковой атаманъ Тамбовцовъ съ старшинами начали насъ, вашего императорскаго величества рабовъ, изъ домовъ таскать и немилостиво мучить; однако мы все то наблюдали, что въ предохраненіе здѣшняго общества и высокіхъ вашихъ интересовъ принадлежитъ; а при томъ просили, дабы, по силѣ именнаго вашего императорскаго величества указа, въ дачѣ намъ за шесть лѣтъ жалованья, во взысканіи съ старшинъ штрафа и въ выборѣ на мѣсто ихъ по войсковому согласію другихъ, слѣзано было намъ удовольствіе и намъ былъ о томъ именной вашего императорскаго величества указъ, и по силѣ оного именнаго указа учинено было исполненіе; къ чему мы, собравшись 13 числа сего мѣсяца, для той просьбы и шли со святыми иконами, чтобъ намъ не учинено было безвиннаго вреда; но господинъ генералъ Траубенбергъ и атаманъ Тамбовцовъ съ старшинами, собравъ регулярныя команды и всѣхъ согласныхъ атаману старшинъ и козаковъ вооруженныхъ, и разставою по всѣмъ улицамъ пушки, и заряды ихъ ядрами и картечами, начали по насъ, низжайшихъ, стрѣлять и жалили на смерть болѣе ста человекъ и многихъ переранили; но яковой доведенной великой крайности принуждены были и мы, низжайшіе, обороняться, при чемъ и произошло съ обѣихъ сторонъ отъ того начатаго отъ регулярной команды и отъ согласныхъ атаману старшинъ и козаковъ стрѣлянія и пальбы напрасное убійство, а при томъ между того смятенія и бывшій при семъ происшествіи господинъ генералъ Траубенбергъ съ прочими убиты, да и войсковой атаманъ Тамбовцовъ и старшина Колпаковъ присутствующимъ старшиною Суетинымъ изъ своихъ рукъ срублены, а съ войсковою стороны одна только оборона происходила, а напрасное и безвинное кровопролитіе отъ господина генерала съ регулярною командою и отъ согласныхъ атаману старшинъ и козаковъ произошло, какъ изъ приложенныхъ при семъ протоисковой и офицерскихъ и прочихъ сказокъ ваше императорское величество всемилоостѣннѣе усмотрѣть изволите, а мы уже, всеподданнѣйшіе вашего императорскаго величества рабы, принуждены были обороняться по крайней и необходимой нуждѣ; въ чемъ, припадаю къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, и предаемся въ неслучайную вашу монаршую власть и благоволеніе; а теперь все войско яикское пришло въ тишину и спокойствіе, и всегда въ повелѣніяхъ

вашего императорскаго величества находимся; служить до послѣдней капли крови обязуемся, такъ какъ отцы наши и дѣды, не щадя живота своего, вѣрно и безпорочно служили, точію какъ высочайшаго вашего императорскаго величества матернаго милосердія всеподданнѣйше просимъ, дабы повелѣно было по причинѣ чинимаго отъ государственной военной коллегіи намъ, нижайшимъ, напраснаго притѣвленія, избрать насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ, подъ дирекцію одной персоны, нѣ съительствуемъ графамъ Григорію Григорьевичу или Ивану Григорьевичу Орловымъ и во всемъ оставить на прежнемъ основаніи такъ, какъ и напредъ сего предки наши состояли, въ силу именнаго блаженнаго и вѣчной славы достойнаго памяти государя императора Петра Великаго указа, подъ дирекцію господина генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не отъ военной коллегіи; а болѣе сіе предается въ высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе.

Всеидостивѣйшая государыня, просимъ вашего императорскаго величества о семъ нашемъ челобитиѣ рѣшеніе учинить; генваря 15 дня 1772 года (челобитную писалъ войска лицаго войсковою канцеляріи писарь Михайло Назаровъ, за неимѣніемъ гербовой на простой бумагѣ); вмѣсто войсковаго повѣреннаго Василья Трифонова Поева приказъ подписалъ писарь Михайла Михайловъ. Войсковою повѣреннымъ Терентій Сенгелеевцевъ. Войсковою повѣреннымъ Андрей Лабзевъ.

Вмѣсто сотника Ивана Киришника, по его приказу, подписалъ Иванъ Логиновъ.

Вмѣсто сотника Семена..... и за себя Алексѣй Ганшинъ сотникъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ Михайла Чеботарева, Никиты....., Егора Вавдина и за себя сотникъ Логинъ Шапошниковъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ..... Кобекова, Дениса Абрамова, Митрія Сергѣева и за себя сотникъ Гаврила Ереминъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ Григорья Бачана (?), Ивана Портнова, Лазова..... и за себя сотникъ Григорій Кабаевъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ Семена Свѣшника, Павла Проселетова и за себя сотникъ Василій Журавлевъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ Андрея Ковалева, Федота Московцева, Андрей Азовцева, по ихъ прошенію, сотникъ Логинъ Шапошниковъ подписался.

Вмѣсто сотниковъ Манеши Илюшнина, Петра Краденева, по ихъ просьбамъ, сотникъ Григорій Кабаевъ подписался.

(Татарская подпись).

Вмѣсто сотника Ивана Сетьчикова, по его приказу, племянникъ его подписался Яковъ Бакалшинъ.

Сотники:

Иванъ Герасимовъ, Кузьма Носовъ.

Есаулы:

Иванъ Кузнецовъ, Емельянъ Челеевъ.

Вмѣсто сотниковъ Кузьмы Носова, Ивана Герасимова, и есауловъ Кузнецова и Челеева, по ихъ волямъ, писарь подписался Романъ Котятвъ.

Засвидѣтельству, капитанъ Сергѣи Дурново.

II.

ПОКАЗАНИЕ МАРТЕМЬЯНА БОРОДИНА.

1772 года генваря 18 дня, войска яицкаго войсковой старшина и бывшій присутствующій Мартемьянъ Бородинъ въ войсковой канцеляріи такъ показалъ.

13 числа сего мѣсяца, во время войска яицкаго шествія къ господину капитану Сергѣю Дмитріевичу Дурново для своей просьбы со святыми образами, чтобъ онъ, господинъ капитанъ, учинилъ:

1) По силѣ именнаго ея императорскаго величества указа войсковой канцеляріи присутствующихъ старшинъ Матвѣя Суетина и меня отъ присутствія отрѣшилъ; 2) положенный по конфирмаціи штрафъ взыскалъ; 3) удержаннымъ жалованьемъ удовольствовалъ. Въ чемъ мы у находящагося здѣсь въ Яицкомъ городкѣ господина генераль-майора фонъ Траубенберха, въ удовольствіе войсковое отъ присутствія были оставлены и старшинства своего рѣшены просили, для чего и присланнымъ отъ онаго войска священнику Михайлѣ Васильеву съ товарищи объявили. Съ чѣмъ было къ оному войску и идти отваживались, и какъ лишь дошли до соборной церкви, то предписанный генераль-майоръ Траубенберхъ насъ оттого удержалъ и сказалъ, чтобъ мы не ходили, ибо—де онъ будетъ по войску палить; но мы вида, что изъ этого произойдетъ напрасное и неповинное кровопролитіе, усердно его генераль-майора просили, чтобъ онъ отъ той стрѣльбы удержался, троекратно просили, но я и въ ноги ему, генералу, неоднократно кланялся, однако онъ господинъ генераль-майоръ этой нашей просьбы не послушалъ, а сказалъ,

тѣмъ, чтобы по первому приказанію быть готовымъ къ выступленію въ походъ на усмиреніе яицкаго войска.

Полковникъ Угледкій возвратился въ Оренбургъ, рѣшительно не успѣвъ въ данномъ ему порученіи. Въ рапортѣ Рейнсдорну, войско, увѣдомивъ о полученіи 30 экземпляровъ копій съ рескрипта 26 марта, говоритъ: что оно повинуетя во всемъ государынѣ и что зачищники всему дѣлу никто другіе, какъ атаманъ, старшины и генерал-майоръ фонъ-Траубенбергъ съ регулярною командою; что вся ссора начата ими, а войско только оборонялось, при чемъ «то смертное убійство съ обеихъ сторонъ и произошло, въ чемъ мы, войско яицкое, не предаемся въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе, для чего тогда жь и посланы отсель со всеподданнѣйшею обыномъ къ ея императорскому величеству челобитною и съ презентомъ нарочные, которыхъ войско яицкое и ожидаетъ, куда и нынѣ нарочные со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ посылаются, да и тѣ старшины и козаки, которые съ господиномъ генералъ-майоромъ Траубенбергомъ и атаманомъ Тамбовцевымъ находились и отъ которыхъ сперва пальба началась, подъ карауломъ имѣють здѣсь содержаться, о чемъ вашему высочествому войско яицкое покорнѣйше рапортуетъ и все оное въ милостивое разсмотрѣніе предаетъ». Этотъ рапортъ подписали: за войсковаго присутствующаго Василья Трифонова — сынъ его Петръ Трифоновъ, Терентій Сентилевцевъ и Яковъ Неульбининъ; всѣ эти лица по выбору войска замѣняли членовъ войсковой канцеляріи.

Генералъ-майоръ Фрейманъ 16 мая выступилъ изъ Разсыпной къ Яицкому городку, по прибытіи къ которому, ему предписано было, отъ генералъ-поручика Рейнсдорна, окружить городокъ и построить батареи, чтобъ быть готовымъ къ дѣйствию тотчасъ по полученіи дальнѣйшихъ повелѣній.

Извѣстія о новомъ непослушаніи яицкаго войска вызвали императрицу на рѣшительныя мѣры — положено было: уничтожить войсковую канцелярію, члены которой назначались по выбору войска; занять Яицкій городокъ регулярными войсками, подчинивъ внутреннее управленіе коменданту.

Рескриптомъ 4 іюня 1772 года повелѣвалось приказать генералъ-майору Фрейману овладѣть Яицкимъ городкомъ переговорами или силою.

«1) Учредить въ немъ коменданта, которому поручить подлежащее правленіе для возстановленія порядка до времени.

«2) Отрѣшить вовсе войсковую ихъ канцелярію и назначить новыя лица, въ которыхъ не должно быть ни одного изъ бывшихъ членовъ канцеляріи, а всѣмъ и каж...

тому правленію не повиновался, и что съ ослушаніемъ поступлено будетъ какъ съ нарушителями общаго покоя.

3) Избравъ въ команданты надежнаго человѣка, который бы твердостью и благоразуміемъ сломилъ въ состояніи былъ всѣхъ содержать въ порядкѣ, рекомендовать ему прилежно, чтобъ онъ всѣмъ въ тишинѣ живущимъ отдавалъ правосудіе, а для пресѣченія способа къ скорѣйшему собранію мятежниковъ, запретилъ бы бить въ городкѣ въ набатъ безъ своего позволенія.»

Генералъ-майоръ Фрейманъ, подоидя къ Яицкому городку, былъ встрѣченъ непослушными козаками, намѣревавшимися зацѣпиться. «Оба войска», говоритъ Пушкинъ (*), «сошлись въ 70 верстахъ отъ города. 3 и 4 іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открывалъ себѣ дорогу». Генералъ Рейнсдорпъ (отъ 12 іюня 1772 года) доносилъ, между прочимъ, императрицѣ: «и хотя по приближеніи его (то есть генерала Фреймана) къ тому городку, покушалось оное войско выгнать навстрѣчу, корпусъ къ себѣ не допустить, однако хорошимъ его распорядженіемъ, по двоекратномъ сраженіи, убѣждено безъ кровопролитія (!!!) ретироваться и въ свой городокъ возвратиться». (**)

Если и были сраженія, то никакъ нельзя придать имъ званіе «жаркихъ». Надо заключить, что не надѣясь осилить отрядъ Фреймана, яицкое войско вкорюлось необходимости впустить его въ городокъ; но, во всякомъ случаѣ, ожидая воздаянія за прежніе свои поступки, четыреста человѣкъ зачинщиковъ бѣжали на Волгу, къ Астрахальской губерніи. За ними поднялась было и остальная часть козаковъ съ женами и дѣтьми; козакъ перешли было р. Чоганъ, но были остановлены Фрейманомъ. За бѣглецами же отправлена въ погоню восьмисотъ-вая нерегулярная команда.

Предсѣдателемъ слѣдственной коммиссіи назначенъ полковникъ Вероновъ.

Донесеній о дѣйствіяхъ коммиссіи мы найти не могли. Множество козаковъ, замѣшанныхъ въ безпорядкахъ, разбѣжались по умесамъ во внутрь степей, «для того, что по убитію, де, генерала съ войскою, разложена на войско сумма денегъ за пограбленное у гене-

Ист. вѣст. 1858 г., т. 1, стр. 11.

Историческія вѣсти (Чт. Им. Об. Ист. и Др.) 1858 г., кн. 2, стр. 11. Говорилъ: а какъ онъ (то есть Фрейманъ) шелъ, то противъ него на сраженіе, и не хотѣли впускать Фрейманъ осилить, и войско, которое противъ его увидя свою бѣду неминуемую, согласилось все и многіе-де разбѣжались, въ томъ числѣ и въ укрывательствѣ».

что я прикажу по васъ стрѣлять, и послѣ того вскорѣ до ономъ войскѣ онъ, генералъ, приказалъ сперва палить изъ пушекъ, а потомъ регулярной командѣ бывшей при немъ, якоже и намъ, изъ ружей стрѣлять, а войско уже, напротиву того, во оборону свою стрѣлять же начало; въ чемъ сказавъ самую истинную правду и подписуюсь: Мартыянъ Бородинъ.

ПЕСЧАСТНЫЕ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ФАНТИНА.

Разсказъ (*).

I.

Въ 1815 году мѣсто епископа въ Д.— занималъ Шарль-Франсуа-Бьенвеню Мирбель. Это былъ старикъ лѣтъ семидесяти пяти. Онъ занималъ мѣсто въ Д.— съ 1806 года, получилъ его самымъ неожиданнымъ образомъ.

Незадолго до коронаціи Наполеона I Мирбель, бывшій свя-

(*) Новый романъ Виктора Гюго возбуждаетъ такое сильное любопытство, что надобно было познакомить съ нимъ и нашихъ читателей. Но первая часть романа, вышедшая въ двухъ томахъ (напечатанныхъ, впрочемъ, разгонисто до безобразія) чрезвычайно растянута. Печатать ее въ полномъ переводѣ значило бы напрасно изнурять читателей и терять бумагу. Потому печатаемъ эту первую часть въ сокращенномъ разсказѣ, — увѣряемъ, что кромѣ этого метода, конечно не почти-тельнаго къ «великому художнику», не было другой возможности сдѣлать ее сносною въ чтеніи. Какъ надобно будетъ поступить съ слѣдующими частями, — переводить ихъ вполнѣ, или также сокращать, — увидимъ, когда онѣ выйдутъ.

Прим. ред.

щенникомъ въ Б., пріѣхалъ въ Парижъ по какому-то незначительному дѣлу своего прихода. Между многими сильными лицами, у которыхъ ему приходилось быть, онъ явился съ просьбой и къ кардиналу Фешу. Разъ, когда императоръ пріѣхалъ въ замокъ къ своему дядѣ, Мирьель, ожидавшій въ передней, случился какъ-разъ на пути императора. Наполеонъ замѣтилъ, что старикъ осматриваетъ его съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ, оборотился и спросилъ:

— Что это за чудакъ?

— Государь, отвѣчалъ Мирьель: — вы видите чудака, я же смотрю на великаго человѣка. Каждый изъ насъ можетъ выиграть отъ этого.

Въ тотъ же вечеръ императоръ спросилъ у кардинала имя священника и нѣсколько времени спустя Мирьель былъ назначенъ епископомъ въ Д.

По прибытіи на мѣсто, Мирьель поселился въ епископскомъ дворцѣ съ тѣмъ почетомъ, по которому, въ силу императорскаго декрета, епископу принадлежало мѣсто непосредственно за маршаломъ. Мэръ и президентъ сдѣлали епископу первый визитъ; епископъ же съ своей стороны сдѣлалъ первый визитъ военному губернатору и префекту.

Дворецъ, занятый епископомъ, представлялъ обширное, прекрасное зданіе, въ флорентинскомъ вкусѣ, съ огромными высокими комнатами, променадами и аркадами. Рядомъ съ нимъ стоялъ госпиталь — тѣсное, низенькое одноэтажное зданіе, съ маленькимъ садомъ.

Три дня спустя по пріѣздѣ, епископъ посѣтилъ госпиталь. Послѣ осмотра епископъ пригласилъ къ себѣ директора госпиталя.

— Господинъ директоръ, сказалъ онъ: — сколько у васъ больныхъ?

— Двадцать-шесть, монсеньоръ.

— И по моему счету столько же, отвѣтилъ епископъ.

— Постели, возразилъ директоръ, — стоятъ довольно тѣсно.

— И я замѣтилъ это.

— Комнаты малы и воздухъ возобновляется съ трудомъ.

— Это мнѣ кажется то же.

— И потомъ садъ слишкомъ малъ для выздоравливающихъ.

— И это мнѣ уже говорили.

Разговоръ этотъ происходилъ въ столовой.

Помолчавъ, мѣскольце, епископъ спросилъ директора:

— Какъ вы думаете, сколько постелей помѣстится въ этой комнатѣ?

— Я думаю постелей двадцать, отвѣтилъ самъ на свой вопросъ епископъ, какъ бы говоря самъ съ собой. Потомъ, обратясь къ директору, онъ сказалъ:

— Господинъ директоръ, тутъ должна быть ошибка. У васъ двадцать шесть человѣкъ въ пяти или шести маленькихъ комнатахъ. Мы же трое имѣемъ мѣста на шестьдесятъ человѣкъ; это очевидно ошибка — вы занимаете мое помѣщеніе, а я ваше.

На другой день больные были переведены въ домъ епископа, а епископъ помѣстился въ госпиталь.

Мирель не имѣлъ никакого состоянія; сестра его, старая дѣвушка, лѣтъ шестидесяти, получала пенсію въ пятьсотъ франковъ; самъ же Мирель, какъ епископъ, пользовался содержаніемъ въ пятнадцать тысячъ франковъ. Изъ этой суммы онъ оставилъ на свои личные расходы тысячу франковъ; все остальное опредѣлялъ раздавать бѣднымъ и на богоугодныя заведенія. Такъ же поступалъ онъ и съ деньгами, опредѣленными ему на разъѣзды.

Всѣ свои епископскіе доходы Марсель раздавалъ точно такъ же бѣднымъ. Вскорѣ домъ его сдѣлался мѣстомъ, куда стекались и тѣ, у кого было много денегъ и тѣ, у кого ихъ вовсе не было. Первые, чтобы оказать помощь, вторые, чтобы получить ее. Большія суммы переходили этимъ путемъ чрезъ руки епископа, но никто не могло заставить его измѣнить хоть что нибудь въ своемъ образѣ жизни, увеличить размѣръ своихъ личныхъ расходовъ.

Епископъ отдалъ себя всего помощи бѣднымъ и несчастнымъ; когда дѣло шло о благотворительности, онъ не останавливался ни предъ чѣмъ, его не пугалъ даже и отказъ, потому что онъ умѣлъ убѣждать. Какъ дѣйствовалъ онъ словомъ, можно видѣть изъ слѣдующаго образчика. Разъ въ соборѣ проповѣдывалъ онъ такъ:

«Любезные братья, мои добрые друзья. Во Франціи есть миліонъ триста двадцать тысячъ крестьянскихъ домовъ съ тремя отверзтіями, миліонъ восемьсотъ семнадцать тысячъ съ двумя отверзтіями — дверь и окно, и наконецъ триста сорокъ шесть тысячъ жилищъ только съ однимъ отверзтіемъ — дверью. И причиною этого — одна вещь, которую зовутъ налогомъ на окна и на двери. Посмотрите на эти бѣдныя семейства, старыхъ женщинъ, маленькихъ дѣтей, въ этихъ домахъ, на эти лихорадки и

болѣзни! Богъ далъ людямъ воздухъ—законоу продаетъ его имъ. Я не обвиняю законоу; но я благословляю Бога. Въ Изерѣ, въ Варѣ, въ Альпахъ, верхнихъ и нижнихъ, у крестьянъ нѣтъ дше тачекъ — они переносятъ навозъ на снгахъ; у нихъ нѣтъ свѣчей — и они жгутъ лучину или веревку, омоченную въ смолѣ. Я то же во всемъ верхнемъ Дофинѣ. Крестьяне заготавливаютъ себѣ хлѣбъ на шесть мѣсяцевъ; они некутъ его на сухомъ коровьемъ навозѣ. Зимой они рубятъ этотъ хлѣбъ топоромъ и мочатъ въ водѣ цѣлые сутки, чтобы была возможность его ѣсть. Браты, посмотрите, какъ страдаютъ люди вокругъ васъ!»

Епископъ держалъ себя одинаково со всѣми — съ народомъ и съ людьми высшаго свѣта. Онъ не торопился въ своихъ прегворгахъ, не разобравъ всѣхъ причинъ и обстоятельствъ. Онъ былъ снисходителенъ къ женщинамъ и къ бѣднымъ, на которыхъ обрушивается обыкновенно свѣтъ всей своей тяжестью. Онъ говорилъ:—ошибки женщинъ, дѣтей, служащихъ, слабыхъ, бѣдныхъ и невѣжественныхъ—это ошибки мужей, отцовъ, господъ, сильныхъ, богатыхъ и образованныхъ. Онъ говорилъ также: гѣхъ, которые не знаютъ, научите всему, чему вы можете; общество виновато, что оно не даетъ образованія даромъ; оно отвѣчаетъ за тотъ мракъ, который оно создаетъ. Вотъ душа полная тьмы: хоть грѣхъ ею сдѣланъ, но виноватъ не тотъ, кто грѣшитъ; а тотъ, кто создаетъ тьму.

Внутренняя домашняя жизнь епископа была вполне согласна съ его общественной дѣятельностью. Какъ всѣ старики и большая часть мыслителей, онъ спалъ мало. Его короткій сонъ былъ крѣпокъ. Утромъ онъ служилъ обѣдню, занимался дѣлами по своему управленію. Около полудня, если стояла хорошая погода, онъ гулялъ. Тамъ и здѣсь онъ останавливался; посѣщалъ бѣдныхъ, когда имѣлъ деньги, — и богатыхъ, когда у него денегъ не было.

Послѣ ужина епископъ бесѣдовалъ около получаса съ своей сестрой и madame Маглуаръ, исполнявшей должность служанки и ключницы. За тѣмъ онъ работалъ въ комнатѣ, — сочинялъ: онъ былъ даже немножко ученый, и оставилъ пять или шесть манускриптовъ довольно любопытныхъ; между прочимъ диссертацию на стихъ книги Бытія: *въ началѣ духъ божій носался вергу воды.*

Домъ, въ которомъ жилъ епископъ, имѣлъ всего шесть комнатъ: три въ rez-de-chausée и три въ первомъ этажѣ. Сзади домъ

— садъ въ четверть армана. Женщины занимали первый этажъ; епископъ — нижній. Первая комната, открывавшаяся на улицу, служила столовой, вторая спальней, третья моленной. Всѣ комнаты были проходныя; изъ моленной нельзя было пройти иначе какъ чрезъ спальню, изъ спальни иначе какъ чрезъ столовую. Въ моленной находился запирающійся альковъ, съ постелью внутри; ее предлагалъ епископъ сельскимъ священникамъ, если имъ приходилось оставаться въ Д... на ночь.

Меблировка комнатъ была самая скромная: простые столы и соломенные стулья. Но за то домъ держался сверху до низу въ самой безукоризненной чистотѣ. Это была единственная роскошь, которую позволялъ себѣ епископъ; онъ говаривалъ: она не отнимаетъ ничего отъ бѣдныхъ.

Нужно прибавить однако, что отъ прежней жизни сохранилось у епископа шесть серебряныхъ столовыхъ приборовъ, суповая ложка, и два массивныхъ подсвѣчника, доставшихся епископу въ наслѣдство отъ бабушки. Подсвѣчники эти, со вставленными въ нихъ восковыми свѣчами, держалась обыкновенно на каминѣ и ставились на столъ, если обѣдалъ кто нибудь посторонній.

Въ спальнѣ, въ головѣ кровати, помѣщался маленькій шкапчикъ, гдѣ и хранилось столовое серебро. Шкапчикъ этотъ никогда не запирался.

Точно такъ же и двери въ домѣ. Входная дверь, съ соборной площади, была нѣкогда съ замкомъ и задвижкой; но епископъ велѣлъ ихъ снять, и дверь и днемъ и ночью запиралась только на защелку. Вначалѣ это обстоятельство безпокоило женщинъ, онѣ даже замѣтили о томъ епископу, но онъ отвѣтилъ: «сдѣлайте задвижки у вашихъ комнатъ, если это вамъ нравится». У епископа было на то, разумѣется, основаніе, объясняемое частью слѣдующими тремя строками, написанными на полѣ Библии: «вотъ различіе: дверь доктора не должна быть никогда заперта; дверь священника должна быть всегда отворена».

На другой книгѣ, подъ заглавіемъ «Философія медицинской науки», онъ сдѣлалъ замѣтку: «развѣ я не такой же медикъ, какъ они? Я тоже имѣю своихъ больныхъ; сначала я имѣю ихнихъ, которыхъ они зовутъ больными; и потомъ, своихъ собственныхъ, которыхъ я зову несчастными». Еще на одной книгѣ онъ написалъ: «Не спрашивайте имени того, кто проситъ у васъ ночлега.

Особенно того, кто смущается своимъ именемъ; кто имѣетъ нужду въ кровлѣ.

Но, вошь случай, изъ котораго выдѣе всего, что за человекъ быть епископъ.

Послѣ уничтоженія шайки Гаспара Баса, его смѣнилъ мѣстопалатъ Кравать. Разбой его страннаго безпокоилъ жителей. Въ Амбрунѣ, собравшись ночью въ соборъ, онъ ограбилъ ризницу. Напрасно жандармы преслѣдовали разбойника. — Кравать ускользалъ постоянно, а иногда противился даже открытой силой. Въ это время общаго страха ѣхалъ епископъ къ мѣсту своего назначенія. Кравать занималъ горы до Арца и далѣе, и прѣдъ былъ опасенъ даже съ конвоемъ. Это значило бы подвергать бесполезной опасности трехъ или четырехъ несчастныхъ жандармовъ. Мэръ старался всѣми силами убѣдить епископа измѣнить путь. Епископъ никакъ не соглашался.

— И вы думаете ѣхать, монсеньоръ? воскликнулъ мэръ.

— Думаю, и въ такой степени, что отказываюсь рѣшительно отъ жандармовъ и отправляюсь черезъ часъ.

— Отправляетесь?

— Отправляюсь.

— Одни?

— Одинъ.

— Монсеньоръ! вы этого не сдѣлаете.

— Тамъ въ горахъ, возразилъ епископъ:— есть скромная, маленькая комунa, я не видѣлъ ее три года. Тамъ живутъ мои друзья, скромные, честные пастухи. Они нуждаются, чтобы отъ времени до времени имъ говорили о Богѣ. Что скажутъ они объ епископѣ, который боится? Что скажутъ они обо мнѣ, если я не пойду къ нимъ?

— Но, монсеньоръ, разбойники?

— Я думалъ объ этомъ. Вы правы. Я могу ихъ встрѣтить. И они нуждаются въ томъ, чтобы имъ говорили о Богѣ.

— Но вѣдь это шайка, монсеньоръ! это стадо волковъ!

— Господинъ мэръ, это, вѣроятно, то стадо, котораго пастыремъ сдѣлалъ меня Иисусъ. Кто знаетъ пути Провидѣнія?

— Монсеньоръ, они васъ обокрадутъ.

— У меня ничего нѣтъ.

— Они васъ убьютъ.

— Старика священника, который прѣходя бормочетъ про себя свои молитвы? Зачѣмъ?

— О Боже! Ну, если вы их встрѣтите?

— Я попрошу у них милостыни для своихъ бѣдныхъ.

— Монсеньоръ, не ходите. Умалю васъ небомъ! вы подвергаете свою жизнь опасности.

— Господишь мэръ, сказалъ епископъ:—неужели только эта причина? Я живу въ мірѣ не для того, чтобы спасти жизнь, не чтобы спасти души.

И епископъ отправился въ путь. Онъ перѣхалъ гору, не встрѣтивъ никого и прибылъ живъ и здоровъ къ своимъ «добрымъ друзьямъ», пастухамъ. Предъ отъѣздомъ, желая пѣть торжественно «Те Деумъ», онъ сказалъ объ этомъ священнику. Но какъ? когда мѣтъ епископскаго облаченія? Въ то время, какъ всѣ хлопотали, чтобы устроить какъ нибудь облаченіе, два незнакомца верхами привезли къ священнику ящикъ на имя епископа и немедленно скрылись. Въ ящикѣ лежало роскошное епископское облаченіе, украденное изъ собора въ Эмбрунѣ, и записка: «Кровать, монсеньору Мирьедю».

— Ну, видите, вѣдь я говорилъ, что все устроится, сказалъ епископъ.

II.

Вскорѣ послѣ этого случилось происшествіе; и если вѣрить городскимъ толкамъ болѣе рискованное, чѣмъ путешествіе черезъ горы.

Недалеко отъ Д.—въ сельской мѣстности, жилъ человекъ въ совершенномъ уединеніи. Человекъ этотъ — бывший конвенціонистъ. Звали его Г.

О конвенціонистѣ Г. говорили въ высшемъ свѣтѣ Д.—съ нѣкоторымъ ужасомъ. Конвенціонистъ, можете вообразить, что это значить? Такіе люди существовали, когда говорилось во Франціи другъ другу «ты», когда говорили: «гражданинъ». Человекъ этотъ былъ почти чудовище. Онъ, правда, не вотировалъ смерти короля, но почти; это былъ чуть-чуть не царубійца. Онъ былъ ужасенъ. И какъ, послѣ возвращенія законной династіи, его не предали уголовному суду? Положимъ, ему не отрубили голову, потому что милосердіе необходимо; но по крайней мѣрѣ хотъ бы въ пожизненную ссылку назначили. Примѣръ, нако-

нецъ! и т. д. и т. д. Сверхъ того, это была дѣтскость, какъ всѣ люди этого сорта.

Г. жилъ въ трехъ четвертихъ часа отъ города, вдали отъ всякаго жилья, отъ всякихъ дорогъ, въ одномъ изъ изгибовъ весьма дикой долины. Тамъ, какъ говорили, было у него что-то въ родѣ поля и какая-то нора, берлога. Никакого сосѣдства, никого приходящихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Г. жилъ въ этой долинѣ, даже тропинка, которая вела туда, заросла травой. Объ этомъ мѣстѣ говорили съ ужасомъ и отвращеніемъ, какъ о домѣ пачаза.

Не смотря на то, епископъ, глядя иногда на куртину деревь, росшихъ въ долинѣ стараго конвенціониста, говорилъ: «чѣмъ живеть одинокая душа?» — и добавлялъ эту фразу мыслью: «я долженъ посвятить его».

Но мысль эта, весьма естественная сначала, по мѣрѣ размышленія, казалась ему странной, невозможной и почти отталкивающей. Причина въ томъ, что въ душѣ онъ раздѣлялъ общее впечатлѣніе, и конвенціонистъ внушалъ ему, совершенно безотчетно, какое-то чувство, граничащее съ ненавистью, что-то въ родѣ отвращенія.

Разъ пронесся въ городѣ слухъ, что пастухъ, служащій у Г., приходилъ за докторомъ, что старый злодѣй умираетъ и что онъ не переживетъ ночи. — «Слава-богу!» прибавили нѣкоторые.

Епископъ, услыжавъ объ этомъ, взялъ свою трость и отправился. Солнце садилось, когда епископъ дошелъ до пустыннаго мѣста, лежавшаго внѣ дорогъ. Онъ перескочилъ ровъ, перелѣзъ черезъ изгородь и наковецъ, въ глубинѣ одного зароваго поля, за высокими кустами терновника и шиповника, замѣтилъ жилье. Это была хижина, низенькая, бѣдная, но опрятная, увитая во фасаду виноградникомъ.

Передъ дверями, въ старомъ креслѣ на колесахъ, сидѣлъ съдой старецъ и съ улыбкой смотрѣлъ на солнце.

Подлѣ старца стоялъ мальчикъ, маленькій пастухъ; онъ подавалъ чашку съ молокомъ.

Въ то время, какъ епископъ смотрѣлъ на эту картину, старецъ произнесъ: «благодарю, мнѣ больше ничего не нужно». И онъ перенесъ свою улыбку на ребенка.

Епископъ приблизился. Шумъ, сдѣланный имъ, заставилъ старика повернуть голову и на лицѣ его выразилось удивленіе.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, сказалъ онъ, въ первый разъ приходять ко мнѣ. Кто вы такой, милостивый государь?

Епископъ отвѣчалъ:

— Меня зовутъ Бьенвеню Мирьель.

— Мирьель. Я слышала это имя; вы епископъ?

— Да, нѣсколько.

— Войдите, прошу покорно.

Конвентіонистъ протянулъ епископу руку, но онъ не принялъ ее и сказалъ:

— Я очень доволенъ, удостовѣрившись, что меня обманули.

Вы вовсе не кажетесь больнымъ.

— Милостивый государь, отвѣтилъ старецъ:— я выздоравливаю.

И послѣ небольшой паузы, онъ продолжалъ:

— Черезъ три часа, я умру. Я немножко медикъ; я знаю, какъ приходитъ послѣдній часъ. Вчера у меня были холодны только концы ногъ; сегодня охладѣли колѣни; теперь я чувствую, что холодъ подступаетъ къ талии; когда онъ дойдетъ до сердца—жизнь остановится. Вы хорошо сдѣлали, что пришли посмотреть умирающаго человѣка. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы меня повозили, даже до восхода солнца. Но я знаю, что мнѣ остается едва три часа. Наступитъ ночь, тогда—конецъ. Умереть—проста вещь. Для этого не нужно завтрашняго дня. Да будьте!

Епископъ вовсе не былъ смущенъ этой сценой, какъ бы слѣдовало думать. Въ этой манерѣ умирать онъ не чувствовалъ Бога. Скажемъ болѣе. Онъ былъ даже задѣтъ манерой обращенія конвентіониста, онъ былъ манкированъ не много, что его не звали монсеньоръ. Епископъ не привыкъ къ этой, своего рода фамильярности; онъ былъ даже суровъ.

Конвентіонистъ казался ему, какъ бы стоящимъ внѣ закона, даже внѣ закона челоуѣколюбія.

Конвентіонистъ, между тѣмъ, смотрѣлъ на него съ добросердечіемъ.

Г. спокойный, съ бюстомъ, почти совсѣмъ прямымъ, съ дрожащимъ голосомъ, принадлежалъ къ тѣмъ замѣчательнымъ восьмидесятилѣтнимъ старцамъ, которые составляютъ удивленіе физиологовъ. Революція имѣла много такихъ людей, пропорціональныхъ эпохѣ. Въ этомъ старцѣ чувствовался челоуѣкъ, способный вынести пробу. Близкій къ концу, онъ сохранилъ всѣ движенія

нїа здоровья. Въ его свѣтломъ взглядѣ, въ его твердомъ голосѣ, въ его сильныхъ движенїяхъ рукъ было что-то способное испугать даже смерть. Казалось, что Г. умираетъ потому, что онъ самъ хочетъ этого. Онъ былъ свободенъ даже въ самой агонїи. Только ноги были неподвижны. Ноги были мертвы и холодны, но голова жила всей силой жизни и казалась полной свѣта. Въ этотъ великій моментъ Г. былъ похожъ на царя восточной сказки, на колдовску живаго, но съ мраморными ногами. — —

III.

Въ первыхъ числахъ октября 1815 г., за часъ до заката солнца, какой-то пѣшеходъ входилъ въ городокъ Д. — Немногіе жители, находившіеся въ это время на улицахъ, встрѣчали путника съ видомъ какого-то безпокойства. Дѣйствительно, трудно было представить челоуѣка болѣе несчастнаго вида. Человѣкъ этотъ средняго роста, коренастый и сильный, въ цвѣтъ лѣтъ, казался лѣтъ сорока шести или восьми. Фуражка съ кожанымъ козыркомъ, надѣтая глубоко, скрывала часть его загорѣлаго лица, сожженнаго солнцемъ и покрытаго потомъ. Рубашка изъ грубаго полотна, застегнутая у шеи, позволяла однако видѣть его нахнувшую грудь; галстукъ его свернулся въ веревку, синїе поношенные бумажные штаны, на одномъ колѣнѣ побѣлѣвшіе, на другомъ — съ дырой, старая въ лахмотьяхъ сѣрая блуза, на спинѣ новый солдатскій ранецъ, набитый туго, огромная орѣховая палка въ рукахъ, голова стриженная, длинная борода — вотъ наружность незнакомца.

Никто не зналъ его. Разумѣется, это былъ прохожїй. Но откуда онъ шелъ? Съ юга, можетъ быть со стороны моря, потому что онъ вошелъ въ Д. — той самой улицей, по которой семь мѣсяцевъ ранѣе проѣхалъ императоръ Наполеонъ, отправляясь изъ Каннъ въ Парижъ.

Незнакомецъ должно быть шелъ цѣлый день; онъ казался очень измученнымъ. Его видѣли, какъ онъ пилъ воду у фонтана на бульварѣ Гассенди; но видно, что его страшно томилла жажда, потому что пройдя не болѣе двухъ сотъ шаговъ, онъ слова остановился у фонтана на рынкѣ.

Дойдя до угла улицы Пуашоверъ, незнакомецъ повернулъ назадъ и пошелъ въ Мерн. Черезъ четверть часа онъ вышелъ.

У дверей, на ковшъ, сѣдѣлъ жандармъ; незнакомецъ, снявъ фуражку, поклонился ему почтительно. Жандармъ, не отвѣчая на поклонъ, посмотрѣлъ на него внимательно, проводилъ нѣсколь-ко времени глазами и вошелъ въ ратушу.

Незнакомецъ направился къ гостининицѣ. Онъ вошелъ въ кухню, гдѣ подъ всѣми очагами пылалъ огонь и хозяинъ въ хлопотахъ приготовлялъ великолѣпный обѣдъ для извозчиковъ, хотавшихъ и громко разговаривавшихъ въ сосѣдней комнатѣ. Кто путешествовалъ, тотъ знаетъ, что никто такъ не ѣсть хоро-шо, какъ извозчики.

Услышавъ, что вошелъ кто-то, хозяинъ, не поднимая глазъ съ очага, спросилъ:

— Что прикажете?

— Ъсть и спать, отвѣтилъ незнакомецъ.

— Нѣтъ ничего легче, замѣтилъ хозяинъ и, сказавъ это, онъ повернулъ голову, окинулъ взглядомъ вошедшаго и прибавилъ:— заплатите.

— У меня есть деньги.

— Въ такомъ случаѣ къ вашимъ услугамъ, сказалъ хозяинъ.

Незнакомецъ снялъ свой ранецъ, положилъ его на полъ, подлѣ двери, и не оставляя палки, сѣлъ на низенькой скамейкѣ, предъ каминомъ.

А между тѣмъ трактирщикъ, занимаясь своимъ дѣломъ, ходя туда и сюда, всматривался въ путешественника.

— Что же, скоро можно будетъ пообѣдать? спросилъ незна-комецъ.

— Сейчасъ, сказалъ хозяинъ.

Въ то время, какъ путешественникъ грѣлся, обернувшись спи-ной, трактирщикъ досталъ изъ кармана карандашъ, оторвалъ уголокъ отъ старой газеты, лежавшей на столѣ, написалъ одну или двѣ строчки, сложилъ не запечатывая, и подзвавъ ребенка, служившаго у него въ трактирѣ, шепнулъ ему что-то на ухо; ребенокъ побѣжалъ по направленію къ Мери.

Незнакомецъ, не замѣчая ничего, спросилъ еще разъ:

— Скоро можно обѣдать?

— Сейчасъ, отвѣтилъ опять трактирщикъ.

Мальчикъ вернулся и отдалъ трактирщику ту же бумажку. Онъ развернулъ ее нетерпѣливо, прочелъ внимательно и задумал-ся. Потомъ подошелъ къ незнакомцу и сказалъ ему:

— Господишь, я не могу васъ принять.

— Отчего? Или вы боитесь, что я не заплачу? Хотите, я вам отдамъ впередъ? У меня есть деньги, говорю я вамъ.

— Это не то.

— Что же такое?

— У васъ есть деньги....

— Да.

— А у меня, сказалъ трактирщикъ: — нѣтъ денюшкы.

— Незнакомецъ, возразилъ спокойно: — положите меня в конюшню.

— Я не могу.

— Отчего?

— Всѣ мѣста заняты лошадьми.

— Въ такомъ случаѣ въ углу на чердакѣ. Связка соломы....

Впрочемъ мы посмотримъ это послѣ обѣда.

— Я не могу дать вамъ и обѣда.

— Какъ такъ? Я умираю съ голоду. Я жду съ восхода солнца. Я съѣлъ двѣнадцать лѣ. Я заплачу. Я хочу ѣсть.

— У меня нѣтъ ничего, отвѣтилъ трактирщикъ.

Незнакомецъ засмѣялся и обратился къ очагу:

— Ничего! — а это?

— Все это заказано.

— Кѣмъ?

— Вотъ этими господами, извощиками.

— А много ли ихъ?

— Двѣнадцать человекъ.

— Ну, а здѣсь ѣды на двадцать.

— Все заказано и за все заплачено впередъ.

Незнакомецъ съѣлъ снова и не поднимая голоса сказалъ:

— Я въ трактирѣ, и останусь голодень.

Тогда трактирщикъ наклонился на ухо и сказалъ такимъ тономъ, что незнакомецъ задрожалъ:

— Убирайтесь вонъ!

Незнакомецъ повернулся, хотѣлъ отвѣчать, но трактирщикъ, смотря на него въ упоръ, сказалъ:

— Довольно и такихъ словъ. Хотите, чтобы я сказалъ вамъ ваше имя? Васъ зовутъ Жанъ Вальжанъ. Теперь хотите, чтобы я сказалъ, кто вы? Когда вы вошли ко мнѣ, меня было сомнѣнъ на вашъ счетъ, я послалъ въ Мери и вотъ что мнѣ отвѣчали. Вы читаете?

И говоря это, онъ подалъ незнакомцу бумажку. Незнакомецъ взглянулъ на нее, а трактирщикъ продолжалъ:

— У меня привычка быть въ жилищѣ со всѣми. Уходите прочь.

Незнакомецъ спустилъ свою голову, поднялъ свой ранецъ и вышелъ.

Онъ пошелъ по большой дорогѣ, держась домовъ и не оглянувшись ни разу. Если бы онъ обернулся, онъ бы увидѣлъ трактирщика, стоящаго у порога своего дома, окруженнаго цѣлой толпой народа; народъ, толкая, указывая на него пальцами.

Но онъ не видѣлъ ничего этого. Идя на удачу, самъ не зная куда, онъ даже забывъ усталость, какъ это случается съ людьми огорченными. Но вдругъ онъ почувствовалъ голодъ. Ночь приближалась. Незнакомецъ посмотрѣлъ кругомъ, лица какого-нибудь ночлега.

Гостиница была для него закрыта, и онъ сталъ искать что-нибудь поскромнѣе, какой-нибудь кабакъ. Замѣтивъ въ концѣ улицы огонь въ ямку надъ дверями, онъ направился туда. То былъ точно кабакъ.

Путникъ остановился передъ домомъ, посмотрѣвъ въ окна, увидѣвъ нижнюю комнату, освѣщенную небольшою лампой и огнемъ, ярко пылавшимъ въ каминѣ. Нѣсколько человѣкъ сидѣли. Хозяинъ грѣлся.

Въ этотъ кабакъ, бывший тоже въ родѣ трактира, вѣхали двумя дверями: одна съ улицы, другая смотрѣла на небольшой дворъ, заваленный навозомъ.

Незнакомецъ не рѣшался войти съ улицы. Онъ скользнулъ на дворъ, остановился еще разъ, потомъ поднявъ тихо зацепку, толкнулъ дверь.

— Кто тамъ спросилъ хозяинъ.

— Прохожий, который хотѣлъ бы поужить и спать.

— Хорошо. Здѣсь и ужинаютъ и спать.

Путникъ вошелъ. Весь народъ, бывшій въ кабацѣ, обернулся, чтобъ посмотреть на незнакомца. Съ одной стороны освѣщала лампа, съ другой каминъ, и пока незнакомецъ снималъ свой ранецъ, на него было устремлено общее вниманіе.

— Вотъ огонь, сказалъ хозяинъ: — идите, товарищъ, погрѣйтесь.

Незнакомецъ сѣлъ и проглотилъ къ огню новыя, потемнѣвшія отъ усталости. Все, что можно было разсмотрѣть въ его лицѣ,

нодь надвинутой фуражкой, принимало видъ какой-то сгѣс кажущагося довольства съ тѣмъ грустнаго видаго, который совддетъ привычка страдать. Между тѣмъ это былъ прощль твердый, энергическій и грустный.

Въ числѣ лицъ, сидѣвшихъ на столѣ, находился рыбный торговецъ, который, прежде тѣмъ пришелъ въ кабакъ, заѣхалъ къ трактирщику, гдѣ и оставилъ свое лошади. Случай устроилъ такъ, что въ тотъ же день утромъ онъ встрѣтилъ дорогого незнакомаго. Незнакомецъ, казавшійся очень востановленнымъ, просилъ у него позволенія помѣститься на кругъ лошади; рыбный же торговецъ, которому, вѣроятно незнакомецъ показался подозрительнымъ, въ отвѣтъ на просьбу прибавилъ свою лошади. Этотъ же торговецъ, молча вставъ, былъ въ толгѣ, окружавшей трактирщика, когда она смотрѣла вслѣдъ незнакомцу. Торговецъ сталъ дѣлать хозяину знаки, чтобы тотъ подошелъ къ нему. Хозяинъ подошелъ; онъ сказалъ что-то шопотомъ и вскинулъ задушился.

Послѣ этого хозяинъ приблизился къ какому, положилъ грубо руку на плечо незнакомца и сказалъ ему:

— Ты можешь уйти отсюда.

Незнакомецъ повернулся и отвѣтилъ съ протестомъ:

— А, такъ вы знаете?...

— Да.

— Меня уже выслали изъ трактира.

— Тебя гонятъ и отсюда.

— Куда же вы хотите, чтобы я шелъ?

— Куда нибудь, въ другое мѣсто.

Путника взялъ палку, ранецъ и вышелъ.

Когда онъ выходилъ, дѣти, слѣдившіе за нимъ отъ самаго трактира и, какъ кажется, дождавшіеся его, начали кидать въ него камнями. Незнакомецъ угрожалъ имъ палкой и дѣти разсыпались, какъ испуганныя птицы.

Незнакомецъ проходилъ мимо тюрьмы. У дверей встѣла желѣзная дѣнь, привязанная къ колодезю. Незнакомецъ позвонилъ. Отворилось окно.

— Господишь сторожъ, сказалъ онъ, сннная почтительно фуражку: — не можете ли вы помѣстить меня на эту ночь?

Голосъ отвѣтилъ ему:

— Тюрема не гостиница; слѣжайте, чтобы васъ арестовали, и замъ отворить.

Окно заперлось.

Незнакомецъ пошелъ улицей со множествомъ садовъ. Между этими садиками онъ замѣтилъ маленький, одностажный, освѣщенный домикъ. Въ окно была видна большая, выбѣленная комната, постель, люлька и нѣсколько деревянныхъ стульевъ и двустольное ружье, висѣвшее на стѣнѣ. Посрединѣ стоялъ накрытый столъ, на которомъ помѣщался ужинъ и вино. За столомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока, съ открытымъ, веселымъ лицомъ, качавшій на колѣняхъ ребенка. Подлѣ стояла молодая женщина, кормившая грудью другаго ребенка. Отецъ смѣялся, ребенокъ смѣялся, мать улыбалась.

Незнакомецъ задумался, глядя на эту успокоивающую и отрадную сцену. О чемъ онъ думалъ, одинъ онъ знаетъ. Вѣроятно, думалъ онъ, что этотъ радостный домъ будетъ гостепріимнѣе, и тамъ, гдѣ онъ видитъ такъ много счастья, вѣроятно найдетъ и милосердіе.

Незнакомецъ постучалъ тихо.

Никто не слышалъ.

Онъ постучалъ еще разъ, и услышалъ, какъ женщина сказала:

— Кажется, стучатся.

— Нѣтъ, отвѣчалъ мужъ.

Незнакомецъ постучалъ въ третій разъ.

Мужъ всталъ, взялъ лампу и отворилъ.

Это былъ мужчина высокаго роста, полу-крестьянинъ, полумастеровой, въ кожанномъ передникѣ.

— Извините, сказалъ незнакомецъ: — не можете ли вы дать мнѣ тарелку супу и уголь подъ навѣсомъ въ саду. Можете? Я заплачу.

— Кто вы такой? спросилъ хозяинъ квартиры.

— Я иду изъ Пюи-Муассонъ. Я шелъ нѣлый день, сидѣлъ двѣнадцать лѣ. Можете вы? За плату?

— Я не отказываю никому въ помѣщеніи, если мнѣ заплатить. Но отчего вы не остановились въ гостинницѣ?

— Тамъ нѣтъ мѣста.

— Странно; едва ли возможно. Сегодня не базарный день. Были вы у Лабарра?

— Да.

— И что же?

— Онъ меня не принялъ, отвѣтилъ съ смущеніемъ незнакомецъ.

— Были вы въ улицѣ Шафо?

Смущеніе незнакомца увеличивалось; онъ шробормоталъ:

— И тамъ меня тоже не приняли.

На лицѣ крестьянина выразилось недоверіе, онъ осмотрѣлъ пришедшаго съ ногъ до головы, и вдругъ крикнулъ съ какой-то дрожью:

— Не вы ли тотъ?...

Онъ бросилъ вѣшь, взглянулъ на незнакомца, отступилъ на три шага, поставилъ на столъ лампу и снялъ ружье со стѣны.

Между тѣмъ, при словахъ: «невы ли тотъ?...» женщина встала, взяла дѣтей на руки и спряталась быстро за мужа, глядя съ ужасомъ на незнакомца.

Все это сдѣлалось въ одну секунду. Посмотрѣвъ затѣмъ нѣсколько мгновеній на незнакомца, какъ смотреть на амфию, хозяинъ подошелъ къ двери и сказалъ:

— Вонъ!

— Ради Бога, хотъ стужанъ воды.

— Ружейный выстрѣлъ! сказалъ крестьянинъ.

Потомъ онъ захлопнулъ съ силой дверь и незнакомецъ слышалъ, какъ задвигались двѣ задвижки. Затѣмъ заперлись изнутри ставни и звукъ желѣзной полосы, которой ихъ заложили, раздался снаружи.

Ночь ложилась. Холодный вѣтеръ поднимался со стороны Альпъ. Очувтившись снова на улицѣ, безъ крова, незнакомецъ спустился въ изнеможеніи на камень, но вскорѣ поднялся и пошелъ охватъ. Такъ шелъ онъ нѣсколько времени. Было около восьми часовъ вечера. Не зная улицъ, онъ шелъ на удачу. Онъ дошелъ до префектуры, потомъ до семинаріи и наконецъ до соборной площади; тамъ на углу, у типографіи, истомленный, безпадежный, онъ опустился на каменную скамейку.

— Въ это время какая-то старая женщина выходила изъ церкви. Она увидѣла человека, лежащаго на камнѣ.

— Что дѣлаете вы тутъ, мой другъ? спросила она.

— Вы видите, я лежу, отвѣчалъ незнакомецъ грубо и съ досадой.

Эта женщина была маркиза Р.

— На этой скамьѣ? возразила она.

— Въ теченіе девятнадцати лѣтъ у меня былъ деревянный матрацъ, теперь каменный.

— Вы были солдатомъ?

— Да, солдатомъ.

— Заѣмъ не идете вы въ гостинницу?

— Потому, что у меня нѣтъ денегъ.

— Какъ жаль, что у меня съ собой только четыре су, скаада маркиза.

— Ничего, давайте.

Незнакомецъ взялъ четыре су. Маркиза продолжала:

— Съ этими деньгами вамъ невозможно ночевать въ гостинницѣ. Но и невозможно, чтобы вы провели ночь такимъ образомъ. Вамъ холодно, разумѣется; вы голодны. Васъ могутъ принять изъ состраданія.

— Я стучался вездѣ.

— И что же?

— Вездѣ меня гнали.

Маркиза тронула руку незнакомца, показала ему на другой сторонѣ площади маленькій домъ, рядомъ съ епископствомъ,

— Вы стучали вездѣ? спросила дама.

— Да.

— А стучали ли вы въ этотъ домъ?

— Нѣтъ.

— Такъ постучите.

IV.

Кончивъ свою обычную прогулку, епископъ сѣлъ за работу. Онъ писалъ большое сочиненіе «О долгѣ», оставшееся, къ сожалѣнію, не конченнымъ. Въ восемь часовъ онъ еще работалъ. Но когда сестра его пришла къ нему въ комнату за столовымъ приборомъ, когда столъ былъ уже накрытъ, епископъ, не желая, чтобы его ждали, кончилъ свое писаніе и пошелъ въ столовую.

Столовая была продолговатая комната съ дверью на улицу и съ окномъ въ садъ. Приготовляя столъ, мадамъ Маглуаръ разговаривала съ мамзель Баптистицъ, сестрой епископа.

Не трудно вообразить этихъ двухъ женщинъ, обѣимъ имъ уже минуло шестьдесятъ лѣтъ, Мадамъ Маглуаръ маленькая, толстая,

живая; дѣвица Баптистинъ нѣжная, тоненькая, чувствительная, въ шелковомъ платьѣ по модѣ 1806 года.

Мадамъ Маглуаръ, накрывая на столъ, рассказывала, что въ городѣ толкуютъ о какомъ-то бродягѣ; что полиція не занимается своимъ дѣломъ; что благоразумные люди должны сами заботиться объ общественномъ спокойствіи; что слѣдуетъ смотрѣть хорошо за домомъ и «запирать двери».

Епископъ однако не обратилъ вниманія на эту фразу. Тогда Маглуаръ повторила ее и все-таки безуспѣшно. Мамзель Баптистинъ, желавшая удовлетворить Маглуаръ, не навлекая на себя неудовольствіе брата, обратившись къ нему, сказала:

— Братецъ, вы слышали, что рассказываетъ мадамъ Маглуаръ?

— Слышала что-то смутно. Потомъ обратившись къ служанкѣ сказала: посмотримъ, что тамъ такое, вѣроятно какая нибудь огромная опасность?

Тогда Маглуаръ начала снова свой рассказъ. Оказалось, что какой-то цыганъ, босый, нѣчто въ родѣ нищаго, ходилъ по городу. Былъ онъ у Лабарра, который его не принялъ, былъ онъ на бульварѣ Гассенди и бродилъ по улицамъ. Незнакомецъ ужаснаго вида, съ ранцемъ за плечами.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ епископъ.

— Да, совершенно такъ, какъ я говорю. Нынѣшнюю ночь непременно случится какое нибудь несчастіе въ городѣ, всѣ говорятъ объ этомъ. Нашъ домъ совершенно не безопасенъ. Если мосьеньоръ позволитъ, я схожу къ слесарю, чтобы онъ придѣлалъ къ дверямъ задвижки; это всего одна минута. Задвижки нужны, не для нынѣшней ночи, потому что нѣтъ ничего ужаснѣе какъ дверь, отворяющаяся снаружи....

Въ это время постучался кто-то довольно сильно.

— Войдите, сказалъ епископъ.

Дверь отворилась быстро, какъ бы кто толкнулъ ее рѣшительно и съ энергіей, и вошелъ незнакомецъ.

Мы уже знаемъ его.

Онъ вошелъ, сдѣлалъ шагъ и остановился, не затворивъ двери.

У мадамъ Маглуаръ не достало даже силы крикнуть, она задрожала и встала какъ вкопанная.

Мамзель Баптистинъ обернулась, посмотрѣла на вошедшаго, потомъ, обратившись къ камину, стала глядѣть на брата. Лицо ее приняло спокойное, торжественное выраженіе.

Епископъ устремилъ на пришельца спокойный взглядъ.

Епископъ уже хотѣлъ обратиться съ вопросомъ къ незнакомцу, но тотъ, облокотившись на палку, посмотрѣвъ на старика и на женщину, предупредилъ вопросъ, сказавъ громко:

— Вотъ и я. Меня зовутъ Жанъ Вальжанъ. Я каторжннй, я провелъ въ ссылкѣ девятнадцать лѣтъ. Четыре дня, какъ я освобождеиъ и иду въ Понторлье изъ Тулона. Сегодня я сдѣлалъ пѣшкѣмъ двѣнадцать лѣ. Былъ я въ вашемъ городѣ въ гостинницѣ, но меня выгнали, потому что у меня желтый паспортъ, который я предъявилъ въ Мери. Былъ я и въ другой гостинницѣ—но мнѣ сказали: «прошелъ вонъ». Никто не хотѣлъ принять меня. Я пошелъ въ поле, чтобы спать подъ звездами; звездъ не было. Я снова вошелъ въ городъ, легъ на камнѣ тамъ на площади и какая-то добрая женщина, указавъ на вашъ домъ, сказала мнѣ: «постучите тамъ». Я постучалъ. Что здѣсь такое? Трактиръ? У меня есть деньги. Сто девять франковъ, девять су, которые я заработалъ въ ссылкѣ, въ теченіе девятнадцати лѣтъ. Я заплачу. Мнѣ это ничего не значитъ—у меня есть деньги. Я очень усталъ—двѣнадцать лѣ, пѣшкѣмъ; я голодеиъ. Позволяете остаться?

— Мадамъ Маглуаръ, сказалъ епископъ: — накройте еще приборъ.

Незнакомецъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и подошелъ къ столу: «спяли ли вы хорошо?—Я ссыльный, каторжннй; я иду съ галеръ». И онъ вытащилъ изъ кармана большой желтый листъ. «Вотъ мой паспортъ; желтый, какъ вы видите. Это средство, чтобы меня нагоняли повсюду. Хотите прочесть? Я тоже умѣю читать—выучился въ ссылкѣ. Тамъ есть школа для тѣхъ, кто хочетъ. Посмотрите, что мнѣ написали въ паспортѣ: «Жанъ Вальжанъ, освобожденный каторжннй, уроженецъ...»

— Это вамъ все равно—«находился въ ссылкѣ девятнадцать лѣтъ. Пять лѣтъ за кражу со взломомъ; четырнадцать лѣтъ за попытку бѣжать четыре раза. Человѣкъ весьма опасный». Вотъ. Меня гонять всѣ, хотите вы меня принять? Что, это гостинница? Хотите дать мнѣ поѣсть и спать? Есть у васъ конюшня?

— Мадамъ Маглуаръ, сказалъ епископъ: — вы приготовите постель въ альковѣ.

Мадамъ Маглуаръ вышла.

Епископъ обратился къ незнакомцу.

— Садитесь и погрѣйтесь, сказалъ онъ: — мы будемъ сейчасъ ужинать и въ то же время вамъ приготовить постель.

Тутъ только началъ понимать незнакомецъ. Лицо его, до того

времени ирачное и суровое, вдругъ выразило удивленіе, сомнѣніе, радость. Онъ заговорилъ какъ помѣшанный:

— Правда? Какъ? Вы меня оставляете? Вы меня не гоните? Каторжнаго? Вы мнѣ говорите «милостивый государь!» Вы не говорите мнѣ «ты! Пошла собака!» какъ мнѣ говорили всегда. Но я думалъ, что вы меня не примете. Вотъ почему я сразу сказалъ вамъ, кто я такой. О, благородная женщина, укававшая мнѣ вашъ домъ! Я буду ужинать! Потомъ постель съ тюфякомъ и съ одеяломъ, какъ у вѣхъ! Постель! Вотъ уже девятнадцать лѣтъ, какъ я не спалъ въ постели! И такъ, вы не хотите, чтобы я ушелъ? О, вы достойные люди! Но у меня есть и деньги. Я заплачу. Извините, господинъ трактирщикъ, какъ васъ зовутъ? Я заплачу все, что слѣдуетъ. Вы честный человекъ. Вы трактирщикъ, не правда-ли?

— Я, сказалъ епископъ: — священникъ, живущій здѣсь.

— Священникъ! въ такомъ случаѣ вы не спросите съ меня денегъ. Вы священникъ этого прихода? Правда? Вотъ этой церкви? И какъ я глупъ! Я и не замѣтилъ вашей снухи.

Говоря такимъ образомъ, Вальжанъ поставилъ налку и рюмечъ въ уголь, положилъ паспортъ въ карманъ и сѣлъ. Онъ продолжалъ:

— Вы очень гуманны, господинъ священникъ, вы меня не презираете. Это хорошо. Значитъ вамъ не нужно, чтобы я заплатилъ?

— Нѣтъ, отвѣтилъ епископъ: — оставьте у себя ваши деньги. Сколько у васъ ихъ? Вы мнѣ сказали, кажется, сто девять франковъ, не такъ-ли?

— Пятнадцать су, прибавилъ Вальжанъ.

— Сто девять франковъ, пятнадцать су. А во сколько времени саработали вы эту сумму?

— Въ девятнадцать лѣтъ.

— Въ девятнадцать!

Епископъ вздохнулъ глубоко. Потомъ обратившись къ Магдуаръ, сказалъ:

— Поставьте этотъ приборъ какъ можно ближе къ огню. И, обратившись къ гостю, онъ продолжалъ: — въ Альпахъ вѣчной вѣтеръ суровъ, вамъ вѣроятно холодно, милостивый государь?

Всѣмъ разъ, какъ незнакомецъ слышалъ это «милостивый государь», лицо его оживлялось. Милостивый государь каторжному — это стаканъ воды человеку, умирающему отъ жажды.

— Лампа что-то горитъ дурно; замѣтьте епископъ.

Маглуаръ поняла, и принесла серебряные подсвѣчники.

— Какъ вы добры, сказалъ Вальжанъ, обращаясь къ епископу. — Вы не презираете меня. Вы меня приняли къ себѣ; вы зажигаете даже для меня свѣчи. А между тѣмъ я не скрылъ отъ васъ, откуда я и что я несчастный.

Епископъ сѣлъ съ нимъ рядомъ я, коснувшись его руки, сказалъ:

— Вы могли бы и не говорить мнѣ, кто вы такой. Это не мой домъ, это домъ Спасителя нашего Иисуса Христа. Здѣсь не спрашиваютъ у входящаго его имя, но спрашиваютъ, не страдаетъ ли онъ. Вы страдаете, васъ томить голодъ и жажда—и да будете вы благословенны здѣсь. Не благодарите меня, не говорите, что я принимаю васъ у себя. Всякому, кто нуждается въ пристанищѣ — здѣсь домъ. Вы здѣсь больше у себя, чѣмъ я. Все, что здѣсь — къ вашимъ услугамъ. И для чего мнѣ знать ваше имя? Впрочемъ, прежде чѣмъ вы мнѣ сказали его, у васъ уже было имя, которое я зналъ.

Вальжанъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на епископа.

— Право? Вы знали, какъ меня зовутъ?

— Да, отвѣчалъ епископъ: — вы звались «братъ».

Между тѣмъ Маглуаръ подала ужинъ. Епископъ прочелъ молитву — и сѣли. Но вдругъ епископъ сказалъ:

— Мнѣ кажется, здѣсь недостаетъ чего-то.

Мадамъ Маглуаръ положила, дѣйствительно, только три прибора, то есть сколько было нужно. А между тѣмъ у епископа былъ странный обычай — если кто нибудь ужиналъ у него посторонній, класть на столъ всѣ шесть приборовъ. Это была дѣтская сторона этого благороднаго семейства.

Мадамъ Маглуаръ поняла замѣчаніе, вышла изъ столовой, не сказавъ ни слова, и черезъ минуту блестя на скатерти, разложенныя симметрически, серебряные столовые приборы.

Послѣ ужина, пожелавъ сестрѣ спокойной ночи, епископъ взялъ одинъ изъ подсвѣчниковъ, подавъ другой гостю, и сказалъ:

— Теперь я проведу васъ въ вашу комнату.

Въ то время, какъ они проходили чрезъ спальню епископа, Маглуаръ укладывала въ шкапчикъ серебро. Это было последнее, что она дѣлала каждый день передъ тѣмъ какъ идти спать.

Епископъ указалъ гостю постель. Тотъ поставилъ свѣчку на столикъ.

— Спите спокойно, сказалъ епископъ: — а завтра утромъ, прежде чѣмъ въ путь, вамъ подадутъ парное, теплое молоко нашихъ коровъ.

— Благодарю, господинъ священникъ, сказалъ Вальжанъ.

Но только-что Вальжанъ произнесъ это слово совершенно спокойно, въ немъ произошло вдругъ какое-то странное внутреннее движеніе. Онъ повернулся быстро къ старцу, сложилъ крестомъ руки и, устремивъ на хозяина дикій взглядъ, закричалъ какимъ-то хриплымъ голосомъ:

— Ага! вы помѣщаете меня у себя, рядомъ съ вами, вотъ такъ! И затѣмъ добавилъ съ хохотомъ: — обдумали ли вы все хорошенько? А почему вы знаете, что я не убилъ никого?

Епископъ отвѣтилъ:

— Все зависитъ отъ Бога.

Затѣмъ, сложивъ пальцы правой руки, епископъ благословилъ своего гостя, потомъ даже и не нагнулся и прошелъ прямо въ свою комнату, не оборачиваясь.

Вальжанъ, совершенно измученный, потушивъ свѣчку, легъ въ постель, сверху одѣяла, не раздѣваясь, и въ ту же минуту заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

Жанъ несчастнаго, и

ВВ

V.

Въ половинѣ ночи, Жанъ Вальжанъ проснулся....

Жанъ Вальжанъ принадлежалъ къ бѣдному крестьянскому семейству Брійской провинціи. Въ дѣтствѣ его не учили грамотѣ. Мать его звали Жанной Матѣ; а отца тоже Жаномъ Вальжаномъ.

Жанъ Вальжанъ былъ характера задумчиваго, но не грустнаго. Вообще вся личность его представляла что-то сонливое. Отецъ и мать его умерли, когда онъ еще былъ ребенкомъ. Мать умерла отъ дурно вылеченной родильной горячки. Отецъ же, какъ и онъ, занимавшійся подчисткою деревь, упалъ съ деревъ и убился. Затѣмъ у Жана Вальжана осталась только старшая замужняя сестра. Она-то и взяла его къ себѣ. Когда мужъ ея умеръ, старшему ея ребенку, а всѣхъ у нея было семь, было восемь лѣтъ, меньшему годъ, Жану же минуло двадцать пять. Онъ

замѣнилъ отца семейству своей сестры. Со стороны его это дѣлалось просто, какъ обязанность, какъ долгъ, даже съ отгѣнкомъ какой-то суровости. Такимъ образомъ вся молодость Жана ушла на работу тяжелую, и дурно оплаченную. Никто никогда не слышалъ, чтобы гдѣ нибудь въ окрестностяхъ у него была «милая». Ему некогда было влюбляться.

По вечерамъ, возвращаясь съ работы усталый, Жанъ ѣлъ свою похлебку, не говоря ни слова. Пока онъ ѣлъ, сестра выбирала часто у него изъ чашки лучшіе куски говядины, свиного сала, сердцевины капусты, и отдавала ихъ своимъ дѣтямъ; Вальжанъ продолжалъ ѣсть, наклонившись надъ столомъ, почти уткнувшись въ чашку, дѣлая видъ, что онъ не замѣчаетъ. Въ Фаверосѣ, недалеко отъ дому Вальжана, по другую сторону улицы, жила фермерша Марія Клавдія; дѣти сестры Жана, обыкновенно голодныя, ходили иногда къ Клавдіи и занимали у нея, отъ имени матери, молоко. Если бы мать знала объ этомъ плутовствѣ дѣтей, она строго наказала бы виновныхъ. Но Жанъ и Вальжанъ, вообще грубый и ворчливый, предупреждалъ грозу: онъ платилъ тихонько за молоко, и дѣти оставались въ покоѣ.

Въ пору подчистки деревьевъ Жанъ зарабатывалъ восемнадцать франковъ. Приходъ этой работы онъ нанимался въ жнецы, ко въ семь, то ребятишки, въ пастухи при фермѣ. Вообще онъ дѣлалъ, что могъ. Сестра его работала тоже; но что сдѣлаешь при огромной семьѣ, при семи маленькихъ дѣтяхъ? Несчастное семейство, охваченное бѣдностію, мало-по-малу было задавлено овсями нищетою. Разъ случилась суровая зима. Жану не было работы: семья осталась безъ хлѣба, безъ хлѣба въ полномъ смыслѣ слова. И семеро дѣтей!

Въ одно воскресенье, вечеромъ, Моберъ Щабо, булочникъ, сидѣвшій на площади около церкви, собирався уже лечь спать, какъ услышалъ сильный ударъ въ окно своей лавки. Онъ приѣжалъ на стукъ и увидѣлъ руку, просунутую въ отверстіе, притое въ окнѣ. Рука эта уже схватила хлѣбъ. Щабо поспѣшно выбѣжалъ; воръ летѣлъ со всѣхъ ногъ. Щабо за нимъ — и поймалъ; хотя воръ и бросилъ хлѣбъ, но окровавленная рука послужила уликой. Воромъ оказался Жанъ Вальжанъ.

Это случилось въ 1795 году. Жана Вальжана поз^ова^о къ суду за «кражу со взломомъ, ночью, въ жиломъ домѣ». На бѣду него было ружье, и стрѣлялъ онъ отлично, занимаясь частью ракошерствомъ; это-то и повредило ему. Въ народѣ суще-

ствуется сильное предубѣжденіе противъ браконьеровъ. Браконьеры, какъ и контрабандисты, считаются на ряду съ разбойниками, хотя, нужно замѣтить, цѣлая пропасть разделяетъ эту породу людей отъ гнусныхъ городскихъ убійцъ. Браконьеры живутъ въ лѣсу; контрабандисты въ горахъ или на морѣ. Горы образуютъ людей жестокихъ, потому что образуютъ людей испорченныхъ. Горы, море и лѣсъ образуютъ только людей дикихъ: развивая въ нихъ дикость, они не уничтожаютъ въ нихъ гуманности.

Жанъ Вальжанъ былъ признанъ виновнымъ, по точному смыслу закона, и приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію на галерахъ.

22 апрѣля 1796 года, когда въ Парижѣ праздновали побѣду при Монтенотѣ, одержанную главнокомандующимъ итальянской арміей Буона-Партомъ, — въ этотъ самый день въ Бисетрѣ заковывали длинный рядъ преступниковъ. Жанъ Вальжанъ былъ въ числѣ ихъ. Старый тюремный привратникъ и до сихъ поръ помнитъ несчастнаго, котораго ковали въ концѣ четвертаго ряда, въ сѣверномъ углу двора. Несчастный, какъ и всѣ другіе, сидѣлъ на землѣ. Онъ не понималъ своего положенія, онъ зналъ только, что оно ужасно. Пока сильными ударами молота заковывали болтъ въ его ошейникъ, слезы душили несчастнаго, не позволяя ему говорить, и только время отъ времени онъ произносилъ: «я занимался подчисткою деревь въ Фаверогѣ». Потомъ рыдая онъ приподнималъ правую руку и опускалъ ее, дѣлая семь постепенныхъ движеній, какъ бы трогая семь дѣтскихъ головокъ. По этимъ жестамъ можно было догадаться, что вещь, которую онъ сдѣлалъ — онъ дѣлалъ для того, чтобы одѣть и накормить семерыхъ маленькихъ дѣтей.

Вальжанъ отправился въ Тулонъ. Послѣ двадцати-семи дневнаго путешествія въ телегѣ, съ цѣпью на шеѣ, онъ прибылъ на мѣсто. Со дня осужденія всѣ связи его съ жизнью были порваны, исчезло даже его имя; онъ пересталъ быть Жаномъ Вальжаномъ, а сдѣлался номеромъ 24,601. Что случилось съ сестрой? Что случилось съ семью малютками? Кому какое до этого дѣло? Кому нужно знать, что выходитъ изъ стебля молодого дерева, сбитаго ногой?

Исторія эта очень обыкновенная. Кто знаетъ, куда дѣлись эти бѣдныя существа, безъ опоры, безъ помощи, безъ пристанища? Разошлись они себѣ на удачу, можетъ быть, всѣ въ раз-

ныя стороны, и мало-по-малу углубились въ холодный туманъ, поглощающій одинокія существованія, въ тотъ печальный мракъ жизни, въ которомъ погибають несчастные одинъ за другимъ, въ печальномъ шествіи человечества. Всѣ они покинули свою родину. Колоколь къ бывшей деревни забылъ ихъ; межа ихъ бывшаго поля тоже забыла ихъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ка-торги, и самъ Жанъ Вальжанъ забылъ ихъ. Въ этомъ сердцѣ, гдѣ прежде была рана, осталась только царапина. Вотъ и все. Во все время пребыванія въ Тулонѣ, до Вальжана едва только разъ дошелъ слухъ о сестрѣ. Кажется, это было въ концѣ четвертаго года его заключенія. Не знаю, черезъ кого дошелъ этотъ слухъ. Кто-то, изъ знакомыхъ, видѣлъ сестру. Она была въ Парижѣ. Жила въ маленькой улицѣ около св. Сульпиція. При ней былъ только одинъ ребенокъ, младшій сынъ, послѣдній. Гдѣ были шестеро остальныхъ? Можетъ быть она и сама этого не знала. Каждое утро ходила она въ типографію въ улицу Сабо № 3, гдѣ складывала и брошюровала листы. На работу слѣдовало являться въ шесть часовъ утра; зимой — до свѣта. Въ домѣ, гдѣ помещалась типографія, была школа; туда-то Жанна отводила своего семилѣтняго мальчика. Но какъ въ типографію нужно было приходиться въ шесть часовъ, а школу отворяли только въ семь, то ребенокъ оставался цѣлый часъ на дворѣ одинъ, потому что въ типографію его не пускали, говоря, что онъ мѣшаетъ. Бѣдная малютка, сидя на мостовой, дремалъ, а еще чаще засыпалъ, скорчившись и прижавшись къ своей сумкѣ. Во время дождя, старуха-привратница, брала ребенка къ себѣ въ дворничьюю. Въ семь часовъ отворялась школа, и мальчикъ уходилъ туда. Вотъ что узналъ Жанъ Вальжанъ о своемъ бывшемъ семействѣ, Рассказъ этотъ, какъ молнія, на одну минуту освѣтилъ ему жизнь: какъ будто вдругъ отворилось предъ нимъ окно, и показали судьбу людей, которыхъ онъ любилъ; потомъ все закрылось; болѣе до Жана не долетало слуховъ, не долетало никогда; для него перестали существовать эти близкіе люди; никогда болѣе онъ уже не видалъ ихъ, никогда не встрѣчалъ.

Къ концу четвертаго года, Жану Вальжану представился случай бѣжать. Товарищи, какъ водится, помогли ему. Два дня онъ бродилъ по полямъ на свободѣ, если только можно назвать свободой боязню быть пойманымъ каждую минуту, дрожать при малѣйшемъ звукѣ, бояться всего — и дымящейся трубы на крышѣ, и прехосаго, и лающей собаки, и скачущей лошади, и бол

часовъ, и дня, потому что видно, и ночи, потому что ничего не видно, и дороги, и тропинки, и кустарника, и сна. Вечеромъ слѣдующаго дня Жана поймали. Судъ приговорилъ его еще на три года каторги, что съ прежними пятью составило восемь лѣтъ галеръ. На шестой годъ опять пришелъ чередъ бѣжать; Жанъ воспользовался имъ, но изъ этого ничего не вышло. Когда онъ перекличкѣ его не оказалось, дали знать о побѣгѣ арестанта пушечнымъ выстрѣломъ, и ночью объѣзчики нами бѣглеца за килемъ недостроеннаго корабля; Жанъ не давался, и за побѣгъ съ сопротивленіемъ былъ наказанъ прибавкой еще пяти лѣтъ, изъ нихъ два—съ заковкой въ двойную цѣпь. Итого тринадцать лѣтъ. На десятый годъ опять побѣгъ, и опять неудача: три года прибавки. Наконецъ, сколько мнѣ поминется, это случилось на тринадцатомъ году. Жанъ попытался бѣжать въ послѣдній разъ, но чрезъ четыре часа былъ уже схваченъ. За эти четыре часа—три года... Всего — девятнадцать лѣтъ. Въ октябрѣ 1815 года Жанъ былъ выпущенъ; попалъ же на галеры въ 1796 году—и то, что сломалъ окно и взялъ хлѣбъ, для голодной семьи.

Жанъ Вальжанъ входилъ на каторгу рыдая—съ трепетомъ; вышелъ—безстрастнымъ. Входилъ—подлый отчаянія; вышелъ—мрачнымъ.

Что же совершилось въ этой душѣ?...

Когда Жану Вальжану кончился срокъ, когда ему сказали: «ты свободенъ», точно будто бы лучъ свѣта проникъ въ его душу. Но радость эта не могла быть продолжительна. Жана ослѣпила идея свободы. Онъ думалъ о какой-то новой жизни и долженъ былъ скоро понять, что значить свобода, на которую даютъ желтый билетъ.

Но и кромѣ этого набралось еще огорченій. Онъ рассчитывалъ, что сумма, накопленная имъ въ ссылкѣ, должна составлять сто семьдесятъ одинъ франкъ. Правда, онъ включилъ въ свой счетъ всѣ праздники и воскресенья, которыхъ набралось на двадцать четыре франка. Какъ бы то ни было, но разными вычетами накопленная сумма убавилась до ста девяти франковъ пятнадцати су, которые и были вручены ему при выпускѣ.

Жанъ не понялъ ничего, но онъ считалъ себя обманутымъ, даже обокраденнымъ.

На другой день, въ Грассѣ, предъ одной фабрикой производилась разгрузка привезенныхъ тюковъ. Жанъ предположилъ свои

услуги; въ людяхъ была нужда и его приняли. Хозяинъ былъ доволенъ его работой. Въ то время, какъ Вальжанъ работалъ, проходилъ жандармъ, замѣтилъ его и потребовалъ паспортъ. Вальжанъ показалъ и снова принялся за работу. Передъ этимъ онъ спрашивалъ одного изъ рабочихъ, сколько получаетъ онъ въ день. Ему сказали тридцать су. При расчетѣ же хозяинъ заплатилъ Жану только пятнадцать су. Жанъ возражалъ, но ему отвѣтили: «тебѣ и этого довольно». Онъ сталъ требовать; хозяинъ взглянулъ ему прямо въ глаза и сказалъ: «а тюрьма!»

И тутъ онъ считалъ себя обкраденнымъ; сначала его обворовало общество въ большую сумму; теперь стали обкрадывать во мелочи отдѣльные люди.

Вотъ что случилось съ Вальжаномъ въ Грассѣ. Какъ принялъ его въ Д.— читатель уже знаетъ.

VI.

....Жанъ Вальжанъ проснулся, потому что постель была слишкомъ хороша. Почти двадцать лѣтъ онъ не спалъ на постели; впечатлѣніе было слишкомъ ново и не могло не помѣшать ему.

Проснувшись, онъ открылъ глаза, посмотрѣлъ въ темнотѣ вокругъ и опять закрылъ, чтобы заснуть; но сонъ не являлся. Вальжанъ сталъ думать. Много мыслей бродило у него въ головѣ, но одна являлась безпрестанно и прогоняла всѣ прочія. Онъ замѣтилъ шесть серебряныхъ приборовъ и разливательную ложку. Онъ зналъ, куда ихъ положили. Мысль объ этомъ серебрѣ не покидала Жана.

Било три часа. Жанъ открылъ глаза, спустилъ съ постели ноги и всталъ. Ночь не была темна. Вальжанъ развязалъ свой мѣшокъ, досталъ оттуда какую-то вещь, снялъ башмаки положилъ ихъ въ одинъ изъ кармановъ, надѣлъ ранецъ на плечи и нахлобучилъ на глаза фуражку. Трудно было разобрать, что за вещь досталъ онъ. Она походила на короткую желѣзную полосу, заостренную съ одного конца. Днемъ безъ труда можно было бы догадаться, что это былъ подсвѣчникъ, употребляемый при горныхъ работахъ.

Взявъ подсвѣчникъ въ правую руку, Жанъ, удерживая дыханіе и крадучись, направился къ дверямъ сосѣдней комнаты.

Дойдя до двери, онъ сталъ прислушиваться. Ни малѣйшаго шума. Жанъ толкнулъ дверь и сталъ снова прислушиваться. Все тихо, — онъ вошелъ. Въ комнатѣ онъ услышалъ тихое и ровное дыханіе епископа. Жанъ остановился. Онъ былъ подлѣ постели спящаго, самъ не понимая, какъ такъ скоро дошелъ онъ до нея.

Въ это время вѣтеръ разогналъ тучи и полоса луннаго свѣта упала на лицо епископа, оставивъ Вальжана въ тѣни. Никогда не видѣлъ онъ ничего подобнаго. Такое спокойствіе, съ такимъ сосѣдомъ какъ онъ, имѣло въ себѣ что-то величественное. И онъ это чувствовалъ смутно. Трудно сказать, что происходило въ душѣ Жана, да онъ и самъ не зналъ этого. На лицѣ его не выражалось ничего опредѣлительнаго. Можно было только сказать, что онъ смотрѣлъ и не могъ оторвать своего взгляда отъ епископа—вотъ и все. Единственное, что рисовалось ясно на лицѣ Жана — какая-то странная нерѣшимость. Можно было сказать, что онъ колебался между двумя безднами — погибелью и спасеньемъ. Онъ, казалось, былъ готовъ или разозжить этотъ черепъ, или поцаловать эту руку.

Черезъ нѣсколько мгновений онъ поднялъ медленно лѣвую руку ко лбу, снялъ фуражку и задумался. Но вдругъ онъ надѣлъ фуражку, пошелъ быстро прямо къ шкапчику, взялъ корзинку съ серебромъ, вошелъ въ свою комнату, отворилъ окно, выгѣлъ въ садъ, положилъ серебро въ карманъ, бросилъ корзинку, и перескочивъ черезъ заборъ — убѣжалъ.

Утромъ, съ восходомъ солнца, епископъ гулялъ въ саду, какъ вдругъ прибѣжала къ нему мадамъ Маглуаръ, совершенно переполошенная.

— Монсеньоръ, монсеньоръ! кричала она: — не знаете ли, куда дѣлась корзинка съ серебромъ?

— Да, отвѣтилъ епископъ.

— Ну, слава-богу. А то я совсѣмъ не знала, что случилось.

Епископъ поднялъ корзину, валявшуюся въ саду и, подавая ее мадамъ Маглуаръ, сказалъ:

— Вотъ она!

— Какъ, пустая! А серебро?

— А, такъ васъ беспокоитъ серебро! Гдѣ оно — я не знаю.

— Боже мой! оно украдено. Это вчерашній господинъ украдъ его.

— А развѣ серебро это принадлежало намъ?

Мадамъ Маглуаръ посмотрѣла съ недоумѣніемъ на епископа.

— Оно принадлежало бѣднымъ, продолжалъ епископъ.—Ну, а кто былъ этотъ человѣкъ? Разумѣется, бѣдный.

— Ахъ, боже мой! Да мы не о себѣ заботимся; для насъ рѣшительно все равно; а объ васъ. Ну, чѣмъ вы будете теперь кушать?

— А развѣ нѣтъ оловянныхъ ложекъ?

— Оловянные пахнутъ.

— Въ такомъ случаѣ желѣзные.

Мадамъ Маглуаръ сдѣлала гримасу.

— Желѣзо имѣетъ вкусъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ деревянныя.

Нѣсколько минутъ спустя, епископъ сѣлъ завтракать и, когда онъ хотѣлъ уже встать, кто-то постучалъ въ дверь.

— Войдите, сказалъ епископъ.

Дверь отворилась и епископъ увидѣлъ странную группу: — трое держали за шиворотъ четвертаго. Трое были жандармы; четвертый — Жанъ Вальжанъ.

Унтеръ-офицеръ, который, какъ казалось, привелъ эту группу, стоялъ у дверей. Онъ вошелъ и, сдѣлавъ епископу честь по военному, сказалъ:

— Монсеньоръ....

При этомъ словѣ Жанъ Вальжанъ, казавшійся убитымъ, поднялъ голову.

— Монсеньоръ! пробормоталъ онъ. — Такъ это не священникъ?...

— Молчать, сказалъ жандармъ. — Это господинъ епископъ.

Между тѣмъ епископъ подошелъ такъ скоро, какъ позволяли ему его лѣта.

— А вотъ и вы! сказалъ онъ глядя на Жана Вальжана. — Очень радъ васъ видѣть. Но какъ же! Вѣдь я вамъ отдалъ также и подсвѣчники, они тоже серебряные и вы можете выручить за нихъ франковъ двѣсти. Зачѣмъ же вы не взяли ихъ вмѣстѣ съ столовымъ приборомъ?

Жанъ Вальжанъ взглянулъ на епископа съ такимъ выраженіемъ лица, какого никакой человѣческой языкъ не передасть.

— Значить, человекъ этотъ говорилъ правду, монсеньоръ! спросилъ унтеръ-офицеръ. — Мы его встрѣтили; онъ шелъ какъ человекъ желающій скрыться. Мы остановили его и нашли серебро....

— И онъ вамъ сказалъ, прервалъ епископъ улыбаясь: — что ему подарилъ это старый добрякъ священникъ, у котораго онъ ночевалъ? А вы и привели его сюда. Это ошибка.

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ отпустить его?

— Разумѣется.

Жандармы пустили Жана Вальжана.

— Въ самомъ дѣлѣ, меня оставляютъ въ покоѣ?

— Мой другъ, сказалъ епископъ: — прежде чѣмъ вы уйдете отсюда, вотъ подсвѣчники — возьмите ихъ.

И онъ подошелъ къ камину, снялъ съ него подсвѣчники и подалъ ихъ Жану Вальжану.

Жанъ дрожалъ всѣми членами; онъ взялъ подсвѣчники машинально, съ совершенно смущеннымъ видомъ.

— Теперь, сказалъ епископъ: — ступайте съ миромъ. — Кстати, если вы придете еще разъ, помните, что незачѣмъ идти черезъ садъ; вы можете всегда войти и выйти дверь съ улицы и днемъ и ночью она запирается только на защелку. Потомъ обратившись къ жандармамъ, сказалъ: — господа, вы можете уйти.

Жандармы удалились.

Жанъ Вальжанъ стоялъ, какъ человекъ готовый упасть и обморочъ.

Епископъ приблизился къ нему и сказалъ:

— Не забудьте, не забудьте никогда, что вы мнѣ обѣщали употребить эти деньги такъ, чтобы сдѣлаться честнымъ человекомъ. Братъ мой! Не злу, а добру принадлежите вы теперь. Я купилъ вашу душу, я освободилъ ее отъ дурнаго и принесъ Богу.

VII.

Жанъ Вальжанъ шелъ полями, самъ не зная куда, — первыми тропинками, какія ему попадались, и возвращаясь безпрестанно на мѣста имъ уже пройденныя. Такъ бродилъ онъ все утро. Какія-то

нояма чувства наполнили его сердце. Онъ даже сердился; но на кого и самъ не зналъ. Измученный жаконой и новыма для него ощущеніями, онъ сѣлъ за кустомъ въ совершенно пустынномъ полѣ.

Вдругъ онъ слышалъ какіе-то веселые звуки. Вальжанъ обернулся и увидѣлъ маленькаго савояра лѣтъ десяти, который шелъ и пѣлъ. Время отъ времени савояръ прерывалъ пѣніе и игралъ деньгами въ пушки. Остановившись у куста, гдѣ сидѣлъ Жанъ Вальжанъ, мальчикъ, не замѣчая его, подбросилъ еще разъ свои деньги, но на этотъ разъ шенѣе удачно, чѣмъ прежде, и одна изъ монетъ, соскочивъ съ руни, покатылась къ кусту. Жанъ Вальжанъ примахнулъ ее ногой.

Мальчикъ, слѣдившій за монетой, видѣлъ все и пошелъ прямо на Жана.

— Господинъ, сказалъ маленькій савояръ, съ довѣрчивостью ребенка: — отдайте мои деньги.

— Какъ тебя зовутъ?

— Маленькій Жерве, господинъ.

— Убирайся вонъ!

— Господинъ, возразилъ ребенокъ: — отдайте мои деньги.

Жанъ Вальжанъ наклонилъ голову и не отвѣчалъ.

Ребенокъ началъ снова:

— Мои деньги, господинъ!

Вальжанъ смотрѣлъ въ землю.

— Мою монету! кричалъ мальчикъ: — мои деньги, деньги!

Жанъ Вальжанъ, казалось, ничего не слышалъ.

Мальчикъ взялъ его за воротникъ блузы, загнулъ, и въ тоже время старался сдвинуть его ногу.

— Мои деньги! я хочу взять свои два франка.

Мальчикъ плакалъ. Жанъ Вальжанъ поднималъ голову, но не всталъ. Въ глазахъ его видно было безпокойство. Онъ смотрѣлъ на ребенка съ видомъ какого-то удивленія, потомъ, протянувъ руку къ палкѣ, Вальжанъ закричалъ ужаснымъ голосомъ: — Кто тутъ?

— Это я, господинъ, отвѣчалъ мальчикъ: маленький Жерве. Отдайте мнѣ мои сорокъ су! Снимите вашу ногу, господинъ.

Потомъ совсѣмъ раздраженный ребенокъ сталъ угрожать:

— Поднимите ли вы ногу? Поднимите! кричалъ маленький Жерве:

— Это все еще ты? сказалъ Жанъ Вальжанъ и, вставъ быстро, не снимая ноги съ монеты, прибавилъ: — берегись!

Ребенокъ взглянулъ съ ужасомъ на Вальжана, потомъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и пустился бѣжать.

Черезъ нѣсколько минутъ Жанъ Вальжанъ услышалъ дѣтское рыданье, и затѣмъ все утихло.

Солнце сѣло. Все стемнѣло вокругъ. Жанъ Вальжанъ стоялъ по прежнему на томъ же мѣстѣ. Вечерній холодъ началъ давать себя чувствовать. Вальжанъ сталъ приходить въ себя; онъ надѣлъ глубже фуражку, застегнулъ блузу и, сдѣлавъ шагъ, нагнулся, чтобы поднять медку; въ это время онъ замѣтилъ серебряную монету, бывшую подъ его ногой. Какъ бы гальваническій токъ пробѣжалъ по его тѣлу. Что это такое?... Нагнувшись, онъ поднялъ конвульсивно монету; потомъ сталъ смотрѣть кругомъ во всѣ стороны, но не видѣлъ ничего. А! сказалъ онъ и пошелъ быстро въ ту сторону, куда убѣжалъ маленькій савояръ. Сдѣлавъ шаговъ тридцать, онъ остановился и снова началъ смотрѣть во всѣ стороны, и снова ничего не видѣлъ. Тогда онъ началъ кричать во всю силу: «Маленькій Жерве! маленький Жерве!»

Отвѣта не было.

И опять пошелъ Жанъ Вальжанъ; наконецъ онъ побѣждалъ. Время отъ времени онъ останавливался и голосомъ, полнымъ отчаянія, кричалъ: «маленькій Жерве! маленький Жерве!»

И долго бѣжалъ такимъ образомъ Жанъ Вальжанъ, останавливаясь иногда, чтобы посмотрѣть вокругъ и крикнуть снова: «маленькій Жерве!» но никого не встрѣтилъ. Истощенный до послѣдняго упадка силъ, Жанъ Вальжанъ опустился на камень, схватилъ голову обѣими руками, опустилъ лицо въ колѣни и закричалъ: «о, я несчастный!» И Жанъ Вальжанъ заплакалъ. Это было въ первый разъ въ теченіе девятнадцати лѣтъ.

Онъ плакалъ долго, плакалъ горячими слезами, рыдая съ большей слабостью, чѣмъ плачетъ женщина, съ большимъ ужасомъ, чѣмъ дитя.

Вся прошлая жизнь встала предъ его глазами: и его первая ошибка, и каторга, и епископъ, и его послѣдняя кража сорока су—преступленіе подлое, ужасное, — все это освѣтилось предъ нимъ, но освѣтилось такимъ свѣтомъ, какого онъ же зналъ прежде.

Сколько времени онъ плакалъ? Что сдѣлалъ онъ потомъ? Куда пошелъ? Никто не узналъ этого. Кажется достоверно только одно, что дилижансъ, проѣзжавшій на разсвѣтъ черезъ Д., — видѣлъ въ тѣни, на колѣняхъ, человѣка, молившагося предъ дверями дома епископа.

VIII.

1817 годъ, Людовикъ XVIII, съ увѣренностію, не лишенною нѣкоторой гордости, называлъ двадцать вторымъ годомъ своего царствованія. Это годъ — когда всѣ парикмахеры, ожидая возврата пудры и старыхъ временъ, обмазали свои вытѣски лезурью и нарисовали лиліи. Въ это шевинное время графъ Линчъ сдѣлалъ каждое воскресенье, какъ церковный староста, въ Сентъ-Жермен-де-Пре, въ мундирѣ нѣра Франціи, въ своей красной лентѣ, съ своимъ длиннымъ носомъ и съ тѣмъ величественнымъ видомъ, который свойственъ человѣку сдѣлавшему блестящее дѣло. А блестящее дѣло заключалось въ томъ, что Линчъ, бывшій маромъ въ Бордо, сдалъ городъ 12 марта 1814 года нѣсколько рано герцогу ангулемскому. Съ этого явилось и его царство. Въ 1817 году французская армія была одѣта въ бѣлое, по австрійски; полки звались легіонами и вмѣсто нумеровъ носили имена департаментовъ. Наполеонъ сдѣлалъ на св. Еленѣ, и какъ англичане не давали ему зеленого сукна — онъ выворачивалъ свое старое платье. Въ 1817 году Пеллегрини пѣлъ; дѣвица Биготини танцевала; Потье царствовалъ; Одра еще не существовала. Прусакки находились еще во Франціи. Законность давала себя знать, рубя сначала руки, а потомъ и головы. Въ боковыхъ аллеяхъ Марсова поля лежали еще и гнили подъ дождемъ толстые деревянные цилиндры, окрашенные въ голубую краску, съ слѣдами золоченныхъ орловъ и пчелъ. Это были колонны, поддерживавшіе, два года назадъ, эстраду императора на майскомъ смотру. Майскій смотръ былъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ бывалъ и въ іюнѣ и въ мартѣ. Полковникъ Сельвесь уѣхалъ въ Египетъ, чтобы сдѣлаться Солиманомъ-пашей. На платформѣ осьмисторонней башни отеля Кланьи видна была еще маленькая деревянная будочка, служившая обсерваторіей Мессье, астроному Людовика XVI. Институтъ вычеркнулъ изъ списка академикомъ Наполеова Бонапарте. Королевскимъ повелѣніемъ учреждена въ Ангулемѣ морская школа; — такъ какъ герцогъ ангулемскій былъ генералъ-адмираломъ, то очевидно, что городъ Ангулемъ долженъ былъ имѣть всѣ качества порта, иначе могъ быть задѣтъ монархическій принципъ. Совѣтъ министровъ волновалъ вопросъ: слѣдуетъ ли дозволить афшкки Франкони, изображавшія волтижерство, вокругъ которыхъ тол-

пились уличные мальчишки. Уже годъ какъ умерла мадамъ Сталь. Большія газеты стали совсѣмъ маленькими. Форматъ былъ сжатъ, но за то свобода увеличена. Въ журналахъ обезславленные журналисты оскорбляли изгнанниковъ 1815 года; у Давида уже не было таланта, у Арно — ума, у Карно — честности; Сультъ не выигралъ ни одного сраженія; правда, у Наполеона не было уже генія. Всѣ знали, что письма адресованныя къ изгнанникамъ рѣдко доходили по своему назначенію; полиція считала священной обязанностію ихъ перехватывать. Фактъ не новый: еще изгнанный Декартъ жаловался на это. Всѣ благомыслящіе люди рѣшили, что Людовикъ XVIII, прозванный «безсмертнымъ авторомъ харти», преградилъ навсегда путь революціи. Шатобрианъ диктовалъ каждый день своему секретарю: «монархія на основаніи харти». Критики ставили Лафона выше Тальмы. Фелетцъ подписывался А, Гофманъ—Z, Шарль—Нодье писалъ «Терезу Оберъ». Разводъ былъ уничтоженъ. Лицеи назывались коллегіями. Сенъ-Симонъ, никому неизвѣстный, созидалъ свои удивительныя теоріи. Въ академіи наукъ засѣдалъ знаменитый Фурье, котораго забыло потомство, и на какомъ-то чердакѣ жилъ Фурье неизвѣстный, котораго потомство вспомнить. Аббатъ Гаронъ говорилъ съ похвалою о неизвѣстномъ священникѣ Фелосите-Роберъ, впоследствии Ламне. На Сенѣ плавала съ шумомъ, фыркающая какъ собака, какая-то странная вещь, непригодная для дѣла, игрушка, мечта изобрѣтателя, утопія — пароходъ. Парижане смотрѣли на эту бесполезную вещь съ равнодушіемъ. Дюпюитрентъ и Рекамье поссорились въ амфитеатрѣ медицинской академіи и грозили другъ другу кулаками. Франсуа Нефшатель хлопоталъ изъ всѣхъ силъ, чтобы картофель (pomme de terre) назывался въ честь Пармантье—patte-d'égoutte, и не успѣлъ.

Вотъ всякая смѣсь, всплывавшая на видъ въ 1817 году и нынче забытая. Исторія не обращаетъ вниманія на всѣ эти частности, и не можетъ поступать иначе. А между тѣмъ эти подробности, которыя зовутъ напрасно мелочными, весьма полезны: — изъ фижономіи отдѣльныхъ головъ слагаются фигуры въновь.

Въ этомъ-то 1817 году, четыре молодые парижанина сдѣлали «славный фарсъ».

Парижане эти — одинъ изъ Тулузы, другой изъ Лиможа, третій изъ Кагора, четвертый изъ Монтабана. Парижане они потому, что студенты; а быть студентомъ въ Парижѣ, значитъ считаться члѣномъ, кровнымъ парижаниномъ.

Юноши были образчики совершенно обыкновенные: ни хороши, ни дурны; ни невѣжды, ни ученые; ни гении, ни сумасшедшіе; однимъ словомъ, та апрѣльская, весенняя красота, которую зовутъ двадцатью годами.

Одинъ изъ нихъ звался Феликсъ Толоміесь, изъ Тулузы; другой Листолье, изъ Кагоры; третій Фамейль, изъ Лиможа; и послѣдній Бланшьель, изъ Монтабана. Очень естественно, что каждый изъ нихъ имѣлъ любовницу. Бланшьель любилъ Фавуриту, прозванную такъ потому, что она была въ Англии; Листолье обожалъ Далію; Фамейль — Зефину, сокращенное Жезефина; Толоміесь — Фантину, прозванную блондинкой, потому что волосы ея были золотистаго цвѣта.

Фавурита, Далія, Зефина и Фантина были совѣтъ еще очаровательныя дѣвушки, еще нѣсколько работницы, потому что не покинули совѣтъ иголку и сохранили въ душѣ ту частину, которая переживаетъ въ женщинѣ ея первое паденіе. Одну изъ дувушекъ звали молодой, потому что она была молоденькая; а одну — старой, хотя ей было всего двадцать три года. Чтобы не пропустить ничего, мы прибавимъ, что три первыхъ были болѣе опытны, болѣе беззаботны, погрузились дальше въ шумъ жизни, чѣмъ Фантина, переживавшая еще первую любовь.

Далія, Зефина и особенно Фавурита не могли спазать этого. Въ ихъ едва начавшемся романѣ было уже нѣсколько эпизодовъ, и любовникъ, называвшійся Адольфомъ въ первой главѣ, становился Альфонсомъ во второй и Густавомъ въ третьей.

Фантина родилась въ М. на М. Отъ кого? Но кто зналъ это? Фантина не знала никогда ни отца, ни матери. Она звалась Фантиной. А почему? Въ эпоху ея рожденія существовала еще директорія. Фамилій не существовало, не было никакого крещенія, потому что не было церкви. И прозвали ее Фантиной, и никто не зналъ ничего болѣе. Десяти лѣтъ Фантина оставила городъ и нанялась въ окрестностяхъ у фермера. Пятнадцати, она пришла въ Парижъ «искать счастья». Фантина была красавица и сохранилась чистой, какъ только могла быть.

Теперь она любила Толоміеса.

Бланшьель, Листолье и Фамейль составляли группу, главой которой былъ Толоміесь.

Толоміесь, старый студентъ, имѣлъ состояніе; онъ получалъ четыре тысячи франковъ въ годъ доходу. Тридцатилѣтній вѣкъ, онъ уже поизносился сильно, но по мѣрѣ того, какъ онъ

старѣлъ, какъ онъ терялъ зубы и волосы, какъ лицо его покрывалось морщинами, въ немъ закигалась все больше и больше веселость.

Разъ отозвавъ своихъ пріятелей въ сторону, онъ съ видомъ оракула, сказалъ имъ:

— Скоро годъ, какъ Фантина, Далія, Зефина и Фавурита просятъ сдѣлать имъ сюрпризъ. Мы обѣщали имъ торжественно. Онѣ говорятъ о немъ безпрестанно, и особенно мнѣ. Какъ въ Неаполѣ старухи кричатъ въ новый годъ: *Faccia gialluta, fa o mi-gasolo!* — такъ наши красавицы говорятъ мнѣ безпрестанно: «Толоміесь, когда же ты родишь свой сюрпризъ?» Въ тоже время намъ пишутъ и наши родители. Мнѣ кажется пришло время. Посоветуемся.

И Толоміесь, понизивъ голосъ, сказалъ своимъ товарищамъ что-то такое веселое, что раздался дружескій общій хохотъ, а Бланшьель крикнулъ:

— Вотъ мысль-то!

Советъ происходилъ въ кофейной; что было сказано, неизвѣстно; но рѣшено, что въ слѣдующее воскресенье должна быть блистательная прогулка.

Четыре пары пользовались вполнѣ добросовѣстно всѣми сельскими развлеченіями. День былъ лѣтній, ясный и жаркій; время камбулярное. Старшая, Фавурита, единственная умѣвшая писать, написала Толоміесу отъ имени всѣхъ четырехъ, что надо выйти пораньше; поэтому они встали въ пять часовъ. Въ Санъ-Клу они поѣхали въ каретѣ, посмотрѣли на высохшій водонадъ, воскликнувъ: «какъ онъ долженъ быть хорошъ съ водою!» позавтракали въ гостинницѣ «Черной Головы», потомъ переиграли во всѣ возможные игры, всюду поѣли яблочныхъ пирожковъ, и были совершенно счастливы.

Дѣвушки щебетали и болтали, какъ вырвавшіяся птички. Восторгъ былъ полный. Отъ времени до времени онѣ похлопывали молодыхъ людей. Опьяненіе жизнью! Чудные годы!

Нашей веселой компаніи не пришлось испытать только одной пріятной непріятности, — дождя, хотя Фавурита, отправляясь, замѣтила многозначительнымъ и материнскимъ тономъ: «улитки ползаютъ по дорожкамъ. Признакъ дождя, дѣти».

Всѣ четыре дѣвушки были прелестны. Двадцати-трехлѣтняя Фавурита, пріятельница Бланшьеля, шла впередъ всѣхъ, прыгалъ черезъ кусты и канавы; Зефина и Далія, походившія на

англійскія кнѣсеки, принимали англійскія позы. Меланхолія была тогда въ такой же модѣ у женщинъ, какъ тотомъ байронизмъ у мужчинъ. Листолье и Фашейль, занятые споромъ о своихъ профессорахъ, объясняли Фантинѣ разницу между Деленкуромъ и Блондо.

Бланшьель, казалось, былъ и созданъ только для того, чтобы по воскресеньямъ носить на рукѣ шаль Фавуриты.

Толомиесь шелъ за всѣми, господствуя однако надъ группой. Онъ былъ очень веселъ; но въ немъ чувствовалось превосходство, въ его шутливости проглядывала диктатура; главнымъ его украшеніемъ служили нанковые панталоны слоновяго цвѣта, съ кожанными штрипками; въ рукахъ онъ держалъ здоровую трость въ двѣсти франковъ, и какъ онъ позволялъ себѣ все, то въ зубахъ его торчала странная вещь, называемая сигарою. Для него не было ничего святаго — онъ курилъ.

— Удивительный человекъ, этотъ Толомиесь, отзывались другіе съ почтеніемъ. — Какіе панталоны! какая энергія!

Фантина же была сама радость. Свою соломенную шляпу, съ бѣлыми завязками, она носила охотнѣе на рукѣ, чѣмъ на головѣ. Ея густые, бѣлокурые волосы, разлетавшіеся и разпадавшіе, нужно было безпрестанно подпирать. Розовыя ея губки были очаровательны. Углы рта ея, сладострастно приподнятые, казалось, ободряли, вызывали на смѣлость; между тѣмъ какъ опущенныя рѣсницы придавали лицу скромность. Во всемъ нарядѣ ея было что-то воздушное. На ней было сѣрое, барежевое платье, маленькіе французскіе башмаки, съ перевязанными на крестъ ленточками, на тонкомъ, узорчатомъ чулкѣ, и бѣлый канзу. Три остальные дѣвушки, менѣе скромныя, были просто съ открытыми шеями, что лѣтомъ, при шляпахъ, покрытыхъ цвѣтами, придаетъ много граціи; но рядомъ съ такимъ смѣлымъ нарядомъ, прозрачный канзу блондинки Фантины имѣлъ въ себѣ что-то возбуждающее.

Фантина была красавица; подъ этими тряпками и лентами угадывались формы статуи, а въ статуѣ угадывалась душа.

Фантина и сама не знала, какъ была она хороша. Въ этой дѣвушкѣ, вышедшей изъ мрака, проглядывала порода. Она была — сама веселье, но въ то же время и сама скромность.

Сквозь ослѣпленіе молодости; весны и любви, проглядывало въ Фантинѣ неуловимое выраженіе скромности и застѣнчивости. Она казалась какъ бы удивляющеюся. Это—то невинное удивле-

не и составляет отъѣнокъ, отдѣляющій Психею отъ Весперъ. Хотя Фантина ни въ чемъ не отказала Толомиеву, но въ спокойную минуту лицо ея принимало совершенно дѣйственное выраженіе; иногда вдругъ нападало на нее что-то въ родѣ серьезнаго и даже строгаго достоинства, и веселость ея быстро смѣнялась задумчивостью.

Позавтракавъ, четыре пары отправились посмотреть новое растеніе, привезенное изъ Индіи и привлекавшее въ Сень-Клу весь Парижъ.

Послѣ этого Толомиевъ закричалъ: «предлагаю, господа, прокатиться на ослахъ!»—Предложеніе, разумѣется, было принято и компанія отправилась въ Исси. Потомъ черезъ Сену перѣбрали на лодкѣ и дошли до Парижа пѣшкомъ. Но и тутъ они еще не успокоились: въ воскресенье усталость не работаетъ—хлопотала Фавурита, а потому рѣшено кататься еще съ русскихъ горъ.

Время отъ времени Фавурита кричала:

— А сюрпризъ? Я требую сюрприза!

— Терпѣнціе! отвѣчалъ Толомиевъ.

Наконецъ, совсѣмъ измученные, они отправились обѣдать. Застольная бесѣда такъ же неуловима, какъ и любовный разговоръ. Въ общихъ чертахъ Фамейль и Далія каякали; Толомиевъ—пилъ; Зефина смѣялась, Фантина улыбалась, Листолье дулъ въ трубку, купленную имъ въ Сень-Клу.

Въ концѣ обѣда случилось маленькое происшествіе. У легковаго навозчика, проѣзжавшаго мимо оконъ трактира, гдѣ обѣдали наши пары, унала лошадь и околѣла.

— Бѣдное животное, сказала Фантина, вздохнувъ.

— Вотъ хорошо, жалѣть о лошади! сказала Далія: — ну, можно ли быть такой глупенькой?

Въ это время Фавурита, сложивъ крестомъ руки, опрокинувъ голову назадъ и смотря рѣшительно на Толомиева, сказала:

— А сюрпризъ?

— Справедливо. Время пришло, сказалъ Толомиевъ.—Господа, часъ сюрприза пробилъ. Mesdames, подождите насъ минуту.

— Сюрпризъ начинается поцалуемъ, сказалъ Бланшьель.

— На лбу, прибавилъ Толомиевъ.

Каждый поцаловалъ торжественно въ лобъ свою любовницу и затѣмъ вышли одинъ за другимъ, приложивъ палецъ къ губамъ.

Фавурита хлопала въ ладоши при ихъ выходѣ.

— Это ужъ становится весело, сказала она.

— Не оставайтесь долго, прибавила Фантина. — Мы васъ ждемъ.

Дѣвушки, оставшись однѣ, оперлись по двѣ на оконныя перильца, и болтали черезъ окна другъ съ другомъ.

Онѣ видѣли, какъ молодые люди вышли подъ руки; поклонились дѣвушкамъ, смѣясь дѣлали имъ знаки, и скрылись въ пыльной, воскресной толпѣ, еженедѣльно наполняющей Елисейскія поля.

— Не оставайтесь долго! крикнула Фантина велѣдъ.

— Что-то они принесутъ намъ? сказала Зефина.

— Навѣрно что нибудь хорошенькое, сказала Далія.

— Миѣ, сказала Фавурита: — хотѣлось бы что нибудь золотое.

Скоро новое обстоятельство развлекло вниманіе дѣвушекъ. Наступило время отъѣзда почтовыхъ каретъ и дилижансовъ. Въ ту пору почти всѣ южныя и восточныя дороги шли черезъ Елисейскія поля. Большая часть каретъ ѣхала по набережной и выѣзжала черезъ заставу Пасси. Чуть не каждую минуту, громадные кареты, окрашенные желтой и черной краской, тяжело нагруженные, съ звенящей збруей, обезображенные множествомъ сундуковъ, чемодановъ и клади, набитыя народомъ, разбивали мостовую и тяжело катились между толпою, точно кузницы, съ пылью вмѣсто дыма. Эта суматоха забавляла дѣвушекъ.

— Экой шумъ! точно летитъ цѣлая куча цѣпей, сказала Фавурита.

Вдругъ одна изъ каретъ остановилась, въ тѣни за вязами, на минуту, и потомъ опять помчалась въ скачъ. Это удивило Фантину.

— Странно! сказала она. — Я думала, что дилижансъ никогда не останавливается.

Фавурита пожала плечами.

— Что это за Фантина. Я просто ей удивляюсь. Ее пераждаютъ вещи самыя обыкновенныя. Предположимъ: я путешественникъ, и говорю кондуктору: «я пойду впередъ, а вы проѣзжая возьмите меня.» Дилижансъ проѣзжаетъ; видитъ меня, останавливается и сажаетъ. Это дѣлается всякій день. Ты совсѣмъ не знаешь жизни, моя милая.

Прошло еще вѣсколько времени и вдругъ Фавурита точно проснулась.

— Ну, что же сюрпризъ? сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ, прибавила Далія: — что же знаменитый сюрпризъ?

— Какъ они долго! сказала Фантина.

Едва Фантина договорила, какъ вошелъ мальчикъ, прислуживавшій за обѣдомъ. Онъ держалъ что-то въ родѣ письма.

— Что это такое? спросила Фавурита.

— Господа оставили для всѣхъ васъ эту бумажку, отвѣтилъ мальчикъ.

— Зачѣмъ же вы не принесли ее раньше?

— Потому что господа велѣли отдать ее только черезъ часъ.

Фавурита вырвала письмо изъ рукъ мальчика.

— Это что? сказала она. — Адреса нѣтъ, а написано только: «Сюрпризъ».

Она торопливо распечатала письмо, развернула его и читала:

«Наши любезныя!

«Узнайте, что у насъ есть родители! Слово «родители» вамъ мало знакомо. Законъ гражданскій зоветъ ихъ отцами и матерями. Эти-то родители, вздыхая, призываютъ насъ; называя насъ блудными дѣтьми, они желаютъ нашего возвращенія, чтобы заколотъ тельца. И мы слушаемся ихъ, потому что мы добродѣтельны. Когда вы будете читать записку, пятерка бѣшеныхъ коней будутъ уже мчать насъ къ нашимъ папашамъ и мамашамъ. Мы оставляемъ поле сраженія, какъ говоритъ Боссюэтъ. Мы уѣзжаемъ, — и уже уѣхали. Тулузскій дилижансъ вырываетъ насъ изъ пропасти, а пропасть эта вы, наши красавицы! Мы вступаемъ въ общество, идемъ къ долгу и къ порядку. Отечеству нужно, чтобы мы, подобно всѣмъ, сдѣлались преемниками, отцами семействъ и государственными совѣтниками. Уважайте насъ. Мы жертвуемъ собой. Оплачьте насъ скорѣе и замѣните другими. Если письмо это разрывавтъ ваши сердца, оплатите ему тѣмъ же. Прощайте.»

«Около двухъ лѣтъ мы заботились о вашемъ счастьѣ. Не сердитесь на насъ за это.

«Подписали:

«Бланшьель.

«Фанель.

«Листолье.

«Феликсъ Толومیесь.

«P. S. За обѣдъ заплачено.»

Дѣвушки взглянули другъ-на-друга.

Фавурита прервала молчаніе первая.

— Ну! сказала она: — впрочемъ, во всякомъ случаѣ шутка славная.

— Уморительная! сказала Зефина.

— Вѣрно Бланшьелю принадлежитъ эта мысль! продолжала Фавурита. — Я влюбляюсь въ него теперь. Уѣхалъ, — и я полюбила его. Вотъ исторія-то!

— Нѣтъ, сказала Далія: — мысль Толومیеса. Это видно.

— Въ такомъ случаѣ, возразила Фавурита: — смерть Бланшьелю, и ура Толومیесу!

— Ура Толومیесу! крикнули Далія и Зефина.

И онѣ разразились хохотомъ.

Фантина смѣялась вмѣстѣ съ другими.

Черезъ часъ, возвратившись къ себѣ, она плакала. Мы уже сказали — она любила въ первый разъ; Толومیесу отдалась она, какъ мужу; у бѣдной дѣвушки былъ ребенокъ.

IX.

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія въ Монферменѣ, близъ Парижа, была харчевня, нынче уже не существующая. Ее содержали Тенордье, мужъ и жена. Харчевня лежала въ булочномъ переулкѣ. Надъ дверями харчевни красовалась вывѣска, съ изображеніемъ фигуры, похожей на человѣка, несущаго на спинѣ другаго человѣка въ генеральскихъ золотыхъ эполетахъ; красными нитями обозначали кровь; на всѣхъ пустыхъ мѣстахъ картинки были нарисованъ дымъ, заставлявшій предполагать сраженіе. Вызвучившись: «Ватерлооскій сержантъ».

Предъ этой-то харчевней, въ одинъ великій вечеръ 1818 года, стояли передки телеги, какія употребляются въ лѣсистыхъ

мѣстахъ для перевозки толстыхъ досокъ и бревенъ. Передокъ состоялъ изъ маленькой желѣзной оси, съ тяжелымъ дышломъ, на двухъ огромныхъ колесахъ. Подъ осью висѣла желѣзная толстая цѣпь полукругомъ, довольно низко къ землѣ. Въ этомъ полукругѣ, какъ на качеляхъ, сидѣли двѣ дѣвочки. Одна лѣтъ двухъ съ половиной, другая мѣсяцевъ восемнадцати. Старшая держала младшую на рукахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ на порогѣ харчевни, сидѣла мать и длинной веревочкой, привязанной къ цѣпи, качала дѣтей.

Качая, мать нѣла фальшивымъ голосомъ романсъ, бывшій тогда въ модѣ.

Занятая дѣтьми и романсомъ, мать не обращала никакого вниманія на происходившее на улицѣ. Между тѣмъ, когда она еще начала только первый куплетъ, къ ней подошелъ кто-то, и затѣмъ она услышала надъ самыми своими ухомъ:

— Какія у васъ прекрасныя дѣты!

Это сказала женщина, стоявшая подлѣ, съ ребенкомъ на одной рукѣ и съ туго набитымъ дорожнымъ мѣшкомъ — въ другой.

Ребенокъ, — розовая, здоровенькая дѣвочка, — былъ самое очаровательное существо, какое только можно вообразить.

Что касается матери, — она была грустна и одѣта бѣдно. Костюмъ ея составлялъ нѣчто среднее между одеждой работницы и крестьянки. Женщина была молода, и можетъ быть даже хороша; но въ этомъ костюмѣ она по крайней мѣрѣ не казалась такой. Истощенная, болѣзненного вида, съ глазами, какъ кажется, давно невысыхавшими отъ слезъ, съ загорѣлыми и огрубшими отъ работы руками, Фантина была неузнаваема. А между тѣмъ всмотрѣвшись въ нее внимательно можно было замѣтить, что она все еще хороша.

Со времени «славной шутки» прошло десять мѣсяцевъ.

Что произошло въ теченіе этого времени, угадать не трудно.

Сейчасъ же послѣ разлуки, Фантина потеряла изъ виду Фауриту, Зеэину и Далию. Какъ только мужчины бросили ихъ, и дѣвушки разорвали свою дружбу. Фантина осталась совершенно одна, безъ работы, безъ средствъ существованія. Читая она едва умѣла, писать зовсе нѣтъ; въ молодости научили ее только подписать свое имя, поэтому она просила публичнаго писца написать письмо къ Толомьесу; за первымъ письмомъ отправила второе, потомъ третье. Толомьесъ не отвѣтилъ ни на одно. Разъ со-

сѣдка ея, глядя на дѣвочку, сказала: «да развѣ на такихъ дѣтей смотрятъ серьезно? Глядя на нихъ только пожимають плечами». И Фантина вспомнила Толомеса, подумала, что и онъ пожимаетъ плечами, и онъ не смотритъ серьезно на свое дитя, и она охладѣла къ этому человѣку. Но что же оставалось ей дѣлать въ ея положеніи? Фантина чувствовала смутно, что ей легко упасть нравственно, что нужно искать спасенья въ мужествѣ, и она рѣшилась воротиться на родину, въ М. — на М. Тамъ, можетъ быть, ее еще не забыли и вѣроятно дадутъ работу; но какъ показаться съ ребенкомъ? Фантина чувствовала необходимость разстаться съ дочерью и рѣшилась на эту жертву. Отказавшись отъ всѣхъ своихъ украшеній, Фантина одѣлась въ ситецъ, и весь свой шелкъ, ленты, кружева употребила на дочку, свою единственную гордость, единственный предметъ, тщеславіе. Продавъ все, что можно было продать, Фантина добыла двѣсти франковъ, расплатилась съ долгами и съ оставшимися восьмидесятью франками въ одно весеннее утро она оставила Парижъ.

О Феликсѣ Толомесѣ намъ уже не придется говорить болѣе; поэтому для полноты рассказа мы прибавимъ здѣсь, что двадцать лѣтъ спустя, при Луи-Филиппѣ, это былъ толстый провинціальный адвокатъ, вліятельный и богатый, благоразумный избиратель и строгій присяжный; но по прежнему человѣкъ суетный и гонявшійся за удовольствіями.

Въ половинѣ дня Фантина добралась до Монферменя. Проходя мимо харчевни Тенордье, она остановилась невольно подлѣ прелестныхъ дѣвочекъ; она смотрѣла на нихъ съ восторгомъ, и ей казалось, что само Провидѣніе указываетъ ей этотъ домъ. Дѣвочки, разумѣется, были счастливы, и Фантина не могла не удержаться, чтобы не сказать:

— Какія у васъ прекрасныя дѣти!

Существа самыя жестокія обезоруживаются, когда ласкають ихъ дѣтей.

Мать подняла голову, поблагодарила незнакомку и просила ее сѣсть на скамейку у двери, оставшись сама на порогѣ. Женщины разговорились.

— Меня зовутъ госпожа Тенордье, сказала мать дѣвочекъ:— мы содержимъ эту харчевню.

Эта Тенордье была женщина рыжая, мясистая, угловатая; тѣтъ солдатки во всей ея уродливости. И, странная вещь, у этого солдата былъ какой-то жеманный, томный видъ, явившійся

въ ней отъ чтенія романовъ. Если бы Тенордье, сидѣвшая нагнувшись, держалась прямо, весьма вѣроятно, что ея огромный ростъ, широкія плечи и вообще колоссальные размѣры испугали бы Фантину, смутили ее и того бы не случилось, что намъ придется рассказать.

Незнакомка сообщила свою исторію нѣсколько въ измѣненномъ видѣ: что она была работницей; что мужъ ея умеръ; что въ Парижѣ недоставало работы и что она идетъ домой, надѣясь найти занятіе тамъ; что она оставила Парижъ въ тотъ же день утромъ, пѣшкомъ; что дитя тоже шло немного пѣшкомъ, что она устала, и потому нужно было взять дѣвочку на руки.

Сказавъ это, Фантина поцаловала страстно свою дочку и разбудила ее. Дѣвочка открыла глаза, большіе, голубые, какъ глаза ея матери, и начала смотрѣть тѣмъ серьезнымъ и даже строгимъ взглядомъ, который такъ обыкновененъ въ дѣтяхъ. Потомъ вдругъ засмѣялась и поползла на землю, съ энергіей и силой, желая непременно бѣжать. Но замѣтивъ дѣвочекъ, качавшихся на цѣпи, остановилась и, въ знакъ удивленія, высунула языкъ.

Тенордье сняла своихъ дѣвочекъ съ цѣпи и сказала:

— Теперь играйте втроемъ.

Дѣти познакомились скоро. Черезъ нѣсколько минутъ они уже копали дружно въ землѣ ямки.

Между тѣмъ матери продолжали бесѣду.

— Какъ зовутъ вашу дочку?

— Казеттъ.

Казеттъ, — читайте: Евпраксія. Дѣвочка звалась Евпраксія, но мать счумѣла сдѣлать изъ этого Казеттъ, съ тѣмъ инстинктомъ, по которому въ устахъ народа Жозефа измѣняется въ Пепита и Франсуаза въ Силлеттъ. Этотъ особенный способъ словопроизводства сбиваетъ совершенно съ толку всю ученость этимологовъ. Мы знали одну бабушку, которой удалось изъ Теодоры сдѣлаться Гнонь.

— Сколько ей лѣтъ?

— Идетъ третій.

— Также, какъ и моей старшей. Глядя на нихъ можно подумать, что это три сестры, сказала Тенордье.

Какъ будто бы только этого замѣчанія и ждала Фантина, она схватила Тенордье за руку, взглянула ей въ глаза и сказала:

— Не хотите ли взять мою дочь къ себѣ?

Тенордье сдѣлала движеніе, но въ немъ нельзя было прочесть ни согласія, ни отказа.

Мать Казеттъ продолжала:

— Видите ли, я не могу взять свою дочь домой. Работа мнѣ этого не позволить. Съ ребенкомъ нельзя найти мѣста; тамъ уже такіе чудачи. Самъ Богъ направилъ меня на вашу харчевню. Когда я увидѣла вашихъ дѣтей такихъ веселыхъ, опрятныхъ и довольныхъ, я тутъ же подумала—вотъ хорошая мать! Такъ, такъ, вы правы: это три сестры. И потомъ—я скоро ворочусь. Не хотите ли взять моего ребенка?

— Надо подумать, сказала Тенордье.

— Я дамъ шесть франковъ въ мѣсяць.

Въ это время мужской голосъ закричалъ изъ харчевни:

— Не меньше семи, и за шесть мѣсяцевъ впередъ.

— Шестью семь—сорокъ два, сказала Тенордье.

— Согласна.

— И пятнадцать франковъ, кромѣ того, на первоначальныя издержки, прибавилъ мужской голосъ.

— Всего пятьдесятъ семь франковъ, сказала Тенордье—мать.

— Хорошо, даю; у меня восемьдесятъ франковъ; если я пойду пѣшкомъ, мнѣ достанетъ на дорогу. Тамъ я заработаю и какъ только скончаю немного, я приду къ вамъ за дочерью.

Мужской голосъ раздался снова:

— А есть ли у дѣвочки платье, бѣлье?

— Это мой мужъ, сказала Тенордье—жена.

— Разумѣется; я поняла, что это вашъ мужъ. И даже очень хорошее; всего по дюжинѣ, и даже шелковыя платья, какъ у госпожи. Все это тамъ, въ моемъ мѣшкѣ.

— Нужно все это отдать, возразилъ мужской голосъ.

— Еще бы, разумѣется я отдамъ! Вотъ было бы странно, если бы я оставила свою дочь голой!

Явился хозяинъ.

— Хорошо, сказалъ онъ.

Торгъ былъ заключенъ. Фантина ночевала въ харчевнѣ, отдала деньги, оставила ребенка и, оставивъ почти совсѣмъ свой мѣшокъ, отправилась въ путь на другой день утромъ, рассчитывая вернуться скоро. Все это сдѣлалось повидимому спокойно, но не такъ было въ сердцѣ бѣдной матери. Сидѣла Тенордье, встрѣтившая Фантину, видѣла, какъ она заливалась самыми горячими слезами.

Когда мать Казеттъ ушла, Тенордье сказалъ своей жемѣ :

— Это окупить мнѣ мое дѣло, а безъ того я проигралъ бы его завтра. Мнѣ недоставало какъ разъ пятидесяти франковъ. Ну, обдѣлала ты славное дѣло!

— Еще бы! отвѣтила жена.

Благодаря этимъ пятидесяти семи франкамъ, Тенордье хотъ удалось предупредить протестъ, но дѣла его шли все-таки плохо. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ему понадобились вновь деньги, и Тенордье-жена заложила въ Парижѣ платье и бѣлье Казеттъ за шестьдесятъ франковъ. Когда и эти деньги были истрачены, Тенордье стали воображать, что они держатъ Казеттъ изъ милости и стали обращаться съ ней совершенно иначе. Въмѣсто прежняго платья, ее одѣли въ старыя платья и юбки маленькихъ Тенордье, т. е. въ ветошки. Ее кормили остатками отъ всѣхъ, немного лучше собаки и нѣсколько хуже кошки. Кошка и собака были ея застольными товарищами. Казеттъ даже ѣла съ ними подъ столомъ изъ деревянной чашки, въ родѣ той, изъ какой кормили и ихъ.

Фантина писала каждый мѣсяць и Тенордье отвѣчали постоянно, что Казеттъ очень хорошо.

По прошествіи первыхъ шести мѣсяцевъ Фантина послала семь франковъ, и посылала деньги исправно каждый мѣсяць. Но въ концѣ года Тенордье сказалъ жемѣ : « удивительное благодѣніе она намъ дѣлаетъ! что же она хочетъ, чтобы мы дѣлали на эти семь франковъ?» и онъ прибавилъ двѣнадцать франковъ въ мѣсяць. Фантина, которую Тенордье увѣрили, что дочь ея совершенно счастлива, начала посылать по двѣнадцати франковъ.

Есть натуры, которыя не умѣютъ любить съ одной стороны, чтобы ненавидѣть съ другой. Тенордье-мать любила страстно своихъ дочерей, и поэтому же самому она ненавидѣла чужую дѣвочку. Какъ ни мало мѣста занимала Казеттъ, но Тенордье казалось, что она отнимаетъ мѣсто отъ ея дочерей, что она дышитъ ихъ воздухомъ. Эта женщина, какъ большая часть женщинъ того же сорта, имѣла извѣстный запасъ дѣяностей и запасъ колотушекъ и оскорбленій. Если бы у нея не жила Казеттъ, то разумѣется весь этотъ запасъ, въ полномъ своемъ составѣ, доставался бы на долю ея дочерей. Теперь же всѣ ласки были обращены на дочерей, а Казеттъ не смѣла сдѣлать ни одного движенія, чтобы на нее не посыпались всевозможныя, возмущенныя извѣзанія.

— Такъ прошелъ годъ, прошелъ другой.

Въ деревнѣ говорили:

— Какіе, право, эти Тенордье честные люди, и сами они не-
богаты, а между тѣмъ воспитываютъ еще чужую дѣвочку.

Думали даже, что мать забыла Казеттъ.

А между тѣмъ Тенордье, узнавъ, что дѣвочка вѣроятно неза-
конная дочь и что мать не смѣетъ признать ее, стали требовать
пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ, увѣряя Фантину, что дѣвочка
становясь больше и ѣсть больше. Мать начала платить по пять-
надцать франковъ.

Годъ отъ году дѣвочка росла, а вмѣстѣ съ тѣмъ росла и ея
бѣдность.

Сначала, пока еще Казеттъ была очень мала, ее только оби-
жали, но когда она начала развиваться немного, т. е. около пяти
лѣтъ, она сдѣлалась общей служанкой всего дома. «Пяти лѣтъ!»
скажутъ: «это неправдоподобно!» а между тѣмъ это было такъ.
Казеттъ была на побѣгушкахъ, мела комнаты, дворъ, улицу,
мыла посуду, носила даже тяжести. Тенордье считали себя тѣмъ
болѣе вправѣ дѣйствовать такимъ образомъ, что Фантина стала
платить неисправно.

Если бы мать увидѣла свою дочь, она не узнала бы ее. Ка-
зеттъ, — это маленькое, красивое и свѣженькое существо, — по-
блѣкла и исхудала, ее загоняли, ее запугали. Въ деревнѣ презвали
ее жаворонкомъ. Только бѣдный жаворонокъ не пѣлъ никогда.

«Скрытая», говорили Тенордье.

X.

Но что же дѣлала Фантина?

Оставивъ ребенка у Тенордье, она отправилась пѣшкомъ въ
М. — на М. —

Это было въ 1818 году.

Фантина не видѣла своего роднаго города около десяти лѣтъ;
въ то время, какъ она сама становилась все бѣднѣе и бѣднѣе, ея
родина богатѣла и въ послѣдніе два года М. — на М. сдѣлалась
небывшимъ промышленнымъ городомъ.

Съ незамысловатыхъ временъ М. — на М. — фабриковалъ под-
линныя англійскіе агаты, изготовлялъ мелкія венички изъ чер-
наго стекла. Промышленность эта шла однако туго еще дорого-

визны матеріаловъ. Въ 1815 году, какой-то неизвѣстный чело-вѣкъ, поселившись въ М.— на М.—, придумалъ замѣнить гуммилакъ резиной, и ввести въ дѣло соду. Такое незначительное измѣненіе сдѣлало во всемъ производствѣ совершенную революцію. Пониженіе цѣны продукта позволило поднять задѣльную плату рабочимъ, улучшить самое производство и увеличить сбытъ.

Въ три года изобрѣтатель разбогатѣлъ, и разбогатѣли всѣ тѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. Но кто онъ былъ такой, этого никто не зналъ; рассказывали только, что когда онъ пришелъ въ городъ, денегъ у него было не много; что въ тотъ вечеръ, когда онъ входилъ въ М.— на М.— съ мѣшкомъ на спинѣ и съ большой палкой въ рукѣ, случился пожаръ въ полиціи. Незнакомецъ бросился въ огонь и съ опасностію жизни спасъ двухъ дѣтей, какъ оказалось дѣтей капитана жандармовъ. Это обстоятельство послужило къ тому, что никто не спросилъ паспортъ незнакомца. Но онъ звалъ себя «отецъ Маделенъ».

Это былъ чело­вѣкъ лѣтъ пятидесяти, особеннаго вида, добрый. Вотъ все, что могли сказать о немъ.

Благодаря быстрому развитію производства, М.— на М.— сдѣлался значительнымъ промышленнымъ центромъ, велъ обширную торговлю съ Испаніей и почти конкурировалъ съ Лондономъ и Берлиномъ. Выгоды отца Маделена были такъ велики, что со втораго года онъ могъ уже выстроить большую фабрику. Въ ней устроилъ онъ двѣ огромныя мастерскія; одну для мужчинъ, другую для женщинъ. Нуждающійся, кто бы онъ ни былъ, могъ смѣло явиться на фабрику, съ полной увѣренностію, что онъ найдетъ занятіе и хлѣбъ. Отецъ Маделенъ требовалъ только чести и нравственности, и въ этомъ отношеніи онъ былъ строгъ и нетерпимъ. Со времени отца Маделена страна совсѣмъ ожила; прогулы въ заработкахъ и бѣдность стали неизвѣстны: не было въ окрестностяхъ ни одного бѣдняка, у котораго не нашлось бы хоть немного денегъ. Отецъ Маделенъ давалъ всѣмъ работу.

Въ отцѣ Маделенѣ поражала особенно одна вещь, страшная въ коммерческомъ чело­вѣкѣ: его промышленныя занятія не составляли главнаго предмета его заботъ; казалось, онъ думалъ больше о другихъ, чѣмъ о себѣ. Въ 1820 году, на его имя лежали у Лафита шестьсотъ тридцать тысячъ франковъ; но прежде, чѣмъ онъ скопилъ эту сумму, онъ истратилъ болѣе милліона на городъ и на бѣдныхъ.

Въ первое время появленія отца Маделена, когда онъ еще только начиналъ свою промышленность, добрые люди говорили: «этотъ гусь хочетъ разбогатѣть». Но когда онъ обогатилъ страну, прежде чѣмъ обогатился самъ, тѣ же добрые люди стали говорить: «о, это человѣкъ честолюбивый». Это казалось тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что отецъ Маделенъ былъ набоженъ, а на набожность тогда смотрѣли весьма хорошо. И онъ ходилъ регулярно каждое воскресенье къ ранней обѣдни.

Между тѣмъ, разъ въ 1819 году, пронесся слухъ, что по представленію префекта отецъ Маделенъ, во уваженіе значительныхъ услугъ, оказанныхъ странѣ, назначенъ мэромъ въ М.— на М.— Тѣ, кто говорили, что отецъ Маделенъ человѣкъ честолюбивый, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы кричать вездѣ: «а что, мы говорили?» Черезъ нѣсколько дней назначеніе было напечатано въ «Монитеръ»; но на другой же день отецъ Маделенъ отказался.

Въ томъ же году предметы фабрикаціи Маделена находились на промышленной выставкѣ; и по представленію экспертовъ, король пожаловалъ изобрѣтателю почетнаго легіона. Новые толки въ городѣ: «вотъ чего хотѣлъ онъ! креста!» Отецъ Маделенъ отказался и отъ креста.

Разумѣется, такой человѣкъ былъ для всѣхъ загадкой.

Когда онъ разбогатѣлъ, люди высшаго общества стали звать его: «господинъ Маделенъ», но рабочіе и дѣти звали его по прежнему: «отецъ Маделенъ».

Въ 1820 году, чрезъ пять лѣтъ по прибытіи въ М. на М., заслуги Маделена, оказанныя имъ странѣ, оказались такъ значительны, что король назначилъ его еще разъ мэромъ. Маделенъ отказался снова; но префектъ не согласился принять просьбу, кромѣ того и все дворянство пріѣхало просить Маделена принять мѣсто; объ этомъ же умоляло его все населеніе города, и онъ согласился.

Но и въ новомъ званіи Маделенъ сохранилъ простоту прежней жизни. Въ своихъ служебныхъ занятіяхъ, онъ жилъ совершенно уединенно: обѣдалъ постоянно одинъ и во время обѣда читалъ; онъ любилъ книги и имѣлъ небольшую, но избранную бібліотеку, употребляя все свободное время на чтеніе. Годъ отъ году языкъ его становился вѣжливѣе, изысканнѣе и изящнѣе.

Любимымъ удовольствіемъ Маделена была прогулка въ полѣ; онъ бралъ съ собою охотное ружье, стрѣлялъ рѣдко, но безъ

промаха, никогда не убивалъ безвредныхъ животныхъ и маленькихъ птицъ. Маделень, уже не молодой, тѣмъ не менѣе владѣлъ страшной силой; когда нужно было помочь, онъ поднималъ лошадей, вытаскивалъ возъ изъ грязи, оставалъ быка за рога.

Полагали, что Маделень жилъ прежде въ деревнѣ, потому что онъ зналъ множество сельско-хозяйственныхъ секретовъ, которымъ и училъ крестьянъ. Разъ, видя какъ крестьяне усердно вырываютъ крапиву, онъ посмотрѣлъ на кучи вырванной и уже засохшей травы, и сказалъ: «Конецъ! А впрочемъ и это бы годилось, если бы знали, какъ употреблять. Когда крапива молодая, она очень вкусна въ кушанья; когда состарѣется, въ ней образуются волокна, какъ въ коноплѣ и въ льнѣ. Крапивное полотно не уступаетъ полотну изъ конопли. Крапива изрубленная составляетъ отличную пищу для птицы, а въ истертомъ видѣ прекрасный кормъ для рогатаго скота. Сѣмена крапивы, смѣшанные съ обыкновеннымъ кормомъ, сообщаютъ лоскъ шерсти домашнихъ животныхъ; а корень, стертый съ солью, даетъ отличную желтую краску. Наконецъ это отличное сѣно, которое можно косить два раза. И что для нея нужно? — пемюжко земли и никакой заботы, никакой культуры. Только сѣмена, опадающія не сразу, собирать нѣсколько трудно. При маленькомъ уходѣ, крапива была бы очень полезна, но на нее не обращаютъ вниманія и она становится вредной. Тогда ее начинаютъ истреблять. Какъ человекъ похожъ на крапиву!» И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «друзья мои, замѣтите, что нѣтъ ни дурныхъ растений, ни дурныхъ людей. Дураки только тѣ, кто занимается уходомъ за ними».

Маделень дѣлалъ множество добрыхъ дѣлъ, но тайно, какъ дѣлаютъ только дурныя дѣла. Онъ прокрадывался перѣдко по вечерамъ въ квартиры бѣдняковъ, чтобы помочь имъ, когда ихъ не было дома. Возвращаясь, бѣднякъ находилъ дверь своей квартиры отворенной; онъ думалъ, что его обокрали, и входя въ комнату, находилъ гдѣ нибудь золотую монету.

Нѣкоторые изъ городекихъ жителей считали господина Маделена даже какимъ-то таинственнымъ лицомъ; они утверждали, что онъ не пускаетъ никого въ свою комнату, что комната его — совершенная земля затворника, украшенная человѣческими костями и мертвыми головами. Объ этомъ говорилось такъ много, что нѣкоторые молодые, изящныя и злыя дамы М. на М. пришли разъ къ Маделену и просили позволенія осмотрѣть его

комнату. Дамы были однако очень наказаны за свое любопытство; онѣ нашлам обыкновенную комнату, убранную мебелью краснаго дерева, довольно безобразную и оклеенную дешевенькими обоями; на каминѣ стояли два подсвѣнника, стариннаго фасона, казаншіеся серебряными. Вотъ и все.

Не смотря на то, въ городѣ по прежнему не переставали толковать, что онѣ не пускаетъ никого въ свою комнату, что это келья затворника — могила. Также говорилось шопотомъ, что громадныя суммы хранятся Маделеномъ у Лафита, на условіи, получить ихъ немедленно по востребованіи, такъ что явившися внезапно къ Лафиту и давъ ему росписку, Маделенъ могъ въ десять минутъ забрать свои два или три милліона. Въ дѣйствительности же эти два или три милліона сводились, какъ мы уже видѣли, къ шести стамъ тридцати или сорока тысячамъ франковъ.

Въ началѣ 1821 года, газеты объявили смерть г. Мирреля, епископа въ Д., скончавшагося восьмидесяти двухъ лѣтъ. Извѣстіе это повторилось и въ мѣстныхъ газетахъ М. на М. На другой же день Маделенъ явился весь въ черномъ, съ крестомъ на шляпѣ.

Въ городѣ замѣтили это тотчасъ же, и даже старались этимъ трауромъ объяснить происхожденіе Маделена. Было рѣшено, что онѣ вѣроятно въ родствѣ съ епископомъ. Разъ даже одна изъ аристократокъ города снова вздумала обратиться къ Маделену съ такимъ вопросомъ:

— Господинъ мэръ вѣроятно двоюродный братецъ умершаго епископа въ Д.?

Онѣ отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Но отчего же вы въ траурѣ?

— Въ молодости я служилъ лакеемъ въ семействѣ епископа.

Еще одно замѣчаніе. Всякій разъ, какъ появлялся въ городѣ молодой савояръ, мэръ призывалъ его къ себѣ, спрашивалъ его имя и давалъ денегъ. Маленькіе савояры передавали это другъ другу и приходили въ городѣ толпами.

XI.

Мало-по-малу однако всѣ толки, клеветы и сидетни кончались и имя Маделена стало предметомъ общаго и единодушнаго уваженія. Въ 1821 году имя это въ М. на М. произносилось

почти также, какъ въ 1815 году имя Мирреля въ Д. За десять лѣтъ, въ окружности, являлись къ Маделену люди за совѣтами. Онъ улаживалъ ссоры, примиралъ, предупреждалъ тяжбы и процессы. Каждый обращался къ нему, какъ къ судѣ и совѣтнику.

Только одинъ человѣкъ не подчинялся вліянію Маделена и смотрѣлъ на него враждебно, какъ будто бы какой-то инстинктъ, темный, несокрушимый, неподчиняющійся разуму, держалъ его врагомъ.

Нерѣдко, когда Маделенъ проходилъ по улицамъ, сопровождаемый благословеніями и признательностью народа, какой-то человѣкъ, высокаго роста, въ плащѣ стального цвѣта, вооруженный тостою палкой, оборачивался быстро вслѣдъ ему и провожалъ его глазами, пока онъ не исчезалъ изъ виду, скрестивъ руки, нагнувъ медленно голову и вытянувъ губы къ носу. Гримасу эту можно было, какъ кажется, перевести такъ: «кто бы это былъ такой? Я знаю, что я его видѣлъ гдѣ-то. Во всякомъ случаѣ, онъ меня не проведетъ».

Человѣкъ этотъ былъ Жоверъ. Онъ служилъ въ полиціи, занималъ чрезвычайно трудную должность инспектора. Жоверъ обязанъ былъ своимъ мѣстомъ покровительству Шабуіе, секретарю перваго министра, графа Англеса. Когда Жоверъ прибылъ въ М. на М., мануфактура достигла уже своего развитія и отецъ Маделенъ превратился уже въ господина Маделена.

Жоверъ родился въ тюрьмѣ, отъ ворожеи, мужъ которой былъ на галерахъ. Подростая, онъ думалъ, что стоитъ внѣ общества и терялъ надежду вступить въ него когда нибудь. Онъ замѣтилъ, что общество чуждается двухъ классовъ людей: тѣхъ, кто вредитъ ему, и тѣхъ, кто его оберегаетъ; Жоверъ не видѣлъ другаго выбора, кромѣ этихъ двухъ классовъ. И сознавая въ себѣ точность, аккуратность, честность, соединенную съ неизъяснимой ненавистью къ цыганской породѣ, отъ которой онъ происходилъ, Жоверъ поступилъ въ полицію; ему повезло: сорока лѣтъ онъ былъ уже инспекторомъ.

Физиономія Жовера отличалась рѣзкими особенностями: курносый, съ огромными ноздрями, рядомъ съ которыми торчали громадные бакенбарды, Жоверъ, когда онъ смѣялся, что было рѣдко и ужасно, показывалъ не только зубы, но и десны, а вокругъ носа собирались у него складки, какъ на мордѣ дикаго звѣря. Наконецъ маленькій лобъ, большія скулы, взглядъ мрачный.

Человѣкъ этотъ воплощалъ въ себѣ два чувства весьма простыхъ и даже хорошихъ, но становившихся дурными отъ ихъ преувеличенія: уваженіе къ авторитету и къ власти и ненависть къ возмущенію. Въ его глазахъ воровство, убійство и вообще всѣ преступленія были только разные роды возмущенія. Все, что носило правительственную должность, начиная отъ министра до сторожа, пользовалось безграничной, живой вѣрой Жювера; онъ говорилъ: «чиновникъ не можетъ ошибиться». Но за те тѣ, кому хотя разъ пришлось нарушать законъ, были люди безусловно погибшіе; по его мнѣнію, отъ нихъ ничего нельзя было ожидать хорошаго.

И этотъ ужасный человѣкъ не спускалъ своихъ глазъ съ Маделена. Маделенъ наконецъ замѣтилъ это, но не обращалъ вниманія; онъ ни избѣгалъ Жювера, ни искалъ случая съ нимъ встрѣтиться; онъ обращался съ нимъ, какъ и со всѣми, свободно и съ добродушіемъ.

По нѣкоторымъ словамъ Жювера, можно было догадаться, что онъ ищетъ слѣды прошедшей жизни Маделена. Жюверъ проговаривался иногда, что кто-то собралъ въ одномъ мѣстѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ одномъ исчезнувшемъ семействѣ. Разъ, говоря самъ съ собой, онъ даже сказалъ: «кажется, онъ у меня въ рукахъ!» Потомъ три дня онъ ходилъ задумавшись, не говоря ни слова: казалось, что нить, которую онъ держалъ въ рукахъ, порвалась.

Жювера нѣсколько смущало совершенное спокойствіе Маделена; но разъ, какъ кажется, онъ произвелъ на него впечатлѣніе, вотъ при какомъ случаѣ.

Однимъ утромъ Маделенъ, проходя какими-то немощнымъ переулкомъ, услышалъ шумъ. Подойдя къ толпѣ, онъ видитъ, что одинъ старикъ, по имени отецъ Фашлеванъ, лежитъ придавленный телегой.

Пробовали вытащить его, но это не удалось. А между тѣмъ малѣйшая неосторожная помощь могла покоячить Фашлевана; оставалось одно средство спасенія — приподнять телегу снизу. Жюверъ, явившійся на мѣсто въ моментъ паденія несчастнаго, послалъ за подъемомъ.

Въ это время подошелъ Маделенъ.

— Помогите! кричалъ Фашлеванъ. — Неужели не найдется никого, чтобы спасти старика?

Маделенъ обратился къ народу:

— Подъемъ есть?

— Пошли за нимъ, отвѣтилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Какъ скоро принесутъ?

— Пошли къ кузнецу въ Флашо, туда и назадъ нужно добрые четверть часа.

— Четверть часа! воскликнулъ Маделенъ.

А между тѣмъ телега все болѣе и болѣе опускалась въ грязь и подавливала грудь лежавшаго подъ ней старика. Черезъ пять минутъ онъ былъ бы ужь раздавленъ.

— Но четверть часа ждать невозможно; развѣ вы не видите, что телега вязнетъ все болѣе и болѣе? сказалъ Маделенъ.

— Да.

— Послушайте, ребята, подъ телегой, какъ вы видите, еще довольно мѣста для одного человѣка. Кто изъ васъ подлѣзетъ и приподниметъ ее на снѣгъ? Какія нибудь поминуты и человѣкъ спасенъ. Даю пять луидоровъ.

Никто не отвѣчалъ.

— Десять! сказалъ Маделенъ.

Толпа опустила глаза. Кто-то сказалъ: — нужно быть чертовски сильнымъ, да и рискуешь быть раздавленнымъ.

— Двадцать! крикнулъ Маделенъ.

То же молчаніе.

— Тутъ дѣло вовсе не въ нежеланіи помочь, сказалъ кто-то.

Маделенъ обернулся и узналъ Жовера, котораго онъ не замѣтилъ ранѣе.

Жоверъ продолжалъ:

— А не хватаетъ силы. Нужно быть ужаснымъ человѣкомъ, чтобы поднять такую тяжесть на снѣгъ.

Потомъ, смотря пристально на Маделена, онъ продолжалъ, ударяя на каждомъ словѣ:

— Господинъ Маделенъ, я зналъ только одного человѣка, способнаго на штуку, которую вы требуете.

Маделенъ задрожалъ.

Жоверъ продолжалъ съ видомъ равнодушія, но не спуская глазъ съ Маделена:

— То былъ каторжный.

— А! сказалъ Маделенъ.

— Въ тулусскомъ острогѣ.

Маделенъ поблѣднѣлъ.

Телега все погружалась; старикъ Фашлеванъ хрипѣлъ.

— Задыхаюсь! Ломить! Подъемъ! Что нибудь! кричалъ онъ. Маделенъ посмотрѣлъ вокругъ.

— Никто не хочетъ заработать двадцать лундоровъ и спасти жизнь старика?

Никто не отвѣчалъ. Только Жоверъ возразилъ:

— Я зналъ одного человѣка, способнаго замѣнить подъемъ; это былъ каторжный.

— Ай! давить! кричалъ старикъ.

Маделенъ поднялъ голову, встрѣтилъ взглядъ Жовера, постоянно устремленный на него, посмотрѣлъ на неподвижную толпу и улыбнулся печально. Потомъ, не говоря ни слова, упалъ на колѣни, и прежде, чѣмъ толпа успѣла крикнуть, онъ былъ уже подъ телегой.

Почти плашмя, подъ этой страшной тяжестью, Маделенъ пытался напрасно подвинуть колѣни впередъ, чтобы упереться. Ему кричали, чтобы онъ вылезъ, даже старикъ Фашлеванъ говорилъ: «господинъ Маделенъ! уходите! вы видите, что я долженъ умереть! оставьте меня! Васъ раздавить!» Но Маделенъ не отвѣчалъ.

У присутствующихъ захватило дыханіе. А телега все погружалась въ грязь глубже, и было, казалось, даже невозможнымъ, чтобы и Маделенъ могъ вылезти изъ-подъ нея.

Но вдругъ громадная масса заколебалась, телега начала подниматься медленно и показались ободья колесъ. Тогда изъ-подъ телеги раздался крикъ: «скорѣе! пособите!» Это кричалъ Маделенъ, дѣлавшій послѣднее усиліе.

Все кинулось помогать; телегу подняли — Фашлеванъ былъ спасенъ.

Маделенъ всталъ, онъ былъ блѣденъ, потъ струился съ него; платье было разорвано, въ грязи. Старикъ цаловалъ его колѣни, называя своимъ спасителемъ. Маделенъ устремилъ спокойный взглядъ на Жовера; Жоверъ не спускалъ съ него глазъ.

Фашлевана отправили въ больницу, устроенную Маделеномъ для своихъ рабочихъ. На другой день старикъ нашелъ на своемъ столикѣ билетъ въ тысячу франковъ и записочку отъ Маделена: «я покупаю вашу телегу и лошадь». Фашлеванъ выздоровѣлъ, но ужъ не могъ владѣть вполне ногой и Маделенъ пристроилъ его садовникомъ въ монастырь.

XI.

Когда Фантина пришла въ М.—на М.—, городъ процвѣталъ вполне, и она безъ труда поступила на фабрику къ Маделену. Хотя отъ непривычки къ дѣлу она и зарабатывала не много, однако столько, что могла жить безбѣдно. Она наняла маленькую комнату, обзавелась въ долгъ мебелью, мечтала ужь о своей Казеттѣ и была почти счастлива.

Не смѣя сказать, что она была замужемъ, Фантина остерегалась говорить о своей дочери. Но тайна открылась: ее разболталъ публичный писецъ, писавшій Фантинѣ письма.

Разъ, утромъ, надзирательница мастерской, вручивъ Фантинѣ пятьдесятъ франковъ, сказала ей, что она уволена съ фабрики, и по приказанію мэра должна оставить городъ.

Это случилось, какъ разъ въ то время, когда Тенордье стала требовать пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ.

Фантина была совершенно убита отказомъ отъ мастерской. Оставить городъ она не могла, не заплативъ долговъ, а пятидесяти франковъ для этого было мало. Совѣтовали ей сходить къ мэру, но она не рѣшилась.

А между тѣмъ Маделенъ не зналъ ничего. Всѣмъ этимъ распорядилась сама надзирательница, старая дѣва, рекомендованная ему мѣстнымъ священникомъ.

Фантина пробовала наняться въ горничныя, но ее не брали; она принялась шить солдатскія рубашки для гарнизона и зарабатывала двѣнадцать су въ день. Въ это-то время она и стала платить неисправно Тенордье. Бѣдность ее угнетала, усиленная работа истомляла, сухой кашель сталъ усиливаться.

Наступила вновь зима; дни стали короче, работы убавились; новые расходы на отопленіе и свѣчи. Ужасное время!

Фантина зарабатывала мало; а между тѣмъ долги росли, и Тенордье писали къ ней каждую почту, огорчая каждымъ письмомъ. Разъ пишутъ они, что Казеттѣ совсѣмъ не имѣетъ ничего теплаго, что ей нужна шерстяная юбка, и что нужно, чтобы мать прислала по крайней мѣрѣ десять франковъ.

Вечеромъ Фантина отправилась къ цирюльнику и предложила ему свои волосы.

— Славные волосы, сказалъ цирюльникъ.

— Сколько вы мнѣ дадите за нихъ? спросила она.

— Десять франковъ.

— Рѣжьте.

Фантина купила юбку и послала ее къ Тенордье. Тенордье вышла изъ себя отъ злости, имъ нужна была не юбка, а десять франковъ. Юбку она отдала своей старшей дочери, а бѣдная Казеттъ дрожала по прежнему отъ холоду.

Фантина стала носить круглый чепчикъ и была все еще хоропа; но въ сердцѣ она начинала уже озлобляться. Она долго уважала Маделена, но когда увидѣла себя безъ средствъ къ существованію, стала ненавидѣть его, считая его причиной своего несчастія.

Съ отчаянія, Фантина взяла любовника, перваго попавшагося ей мужчину. Это былъ негодайя, въ родѣ нищенствующаго музыканта, дармоѣдъ и лѣнтяй. Фантина не любила его и скоро бросила.

Чѣмъ глубже падала Фантина, чѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становилось все вокругъ ея, тѣмъ свѣтлѣе рисовался ей образъ ея дочери. Она говорила: «когда я разбогатѣю, я возьму Казеттъ къ себѣ», и она смѣялась. Но кашель не оставлялъ ее и уже потъ сталъ появляться на спишѣ.

Разъ Фантина получила отъ Тенордье письмо такого содержания: «Казеттъ больна горячкой съ пятнами. Нужны дорогія лекарства. Насъ это разоряетъ и мы не можемъ платить. Если въ теченіе восьми дней, вы не пришлете намъ сорокъ франковъ, ребенокъ умретъ».

Фантина прицалась хохотать судорожно и сказала своей сосѣдкѣ: «какъ они добры! Сорокъ франковъ! Вѣдь это два наполеона! Гдѣ же мнѣ ихъ взять? Вотъ дураки—то эти крестьяне!»

Она вышла на лѣстницу и у слуховаго окна прочла письмо еще разъ, потомъ сошла внизъ и, смѣясь и подпрыгивая, побѣжала по улицѣ.

На площади она увидѣла толпу народа, вокругъ экипажа какого-то страннаго вида; на имперіалѣ стоялъ какой-то господинъ въ красномъ. Это былъ шарлатанъ-дантистъ, продававшій разныя снадобья, порошки и элексиры.

Фантина вмѣшалась въ толпу и смѣялась съ прочими надъ оиглярствомъ шарлатана. Зубной врачъ замѣтилъ дѣвушку, и обратившись къ ней закричалъ:

— А у васъ славные зубы. Если вы согласитесь продать мнѣ два рѣзца, я заплачу вамъ за каждый по наполеону.

— Что это такое рѣзцы? спросила Фантина.

— Рѣзцы? отвѣчалъ дантистъ: — это передніе зубы, два верхнихъ.

— Какой ужасъ! закричала Фантина.

И она убѣжала заткнувъ уши, чтобы не слышать этого человѣка, который кричалъ ей вслѣдъ:

— Подумайте, моя красавица! два наполеона, это годится. Если вы согласитесь, приходите сегодня вечеромъ въ гостиницу «Серебрянной Палубы», я буду тамъ.

Фантина воротилась домой; она была зла на всѣхъ и даже на свою добрую сосѣдку, Маргариту:

— Понимаете ли вы? — развѣ это не ужасный человѣкъ? И какъ позволяютъ такимъ гадкимъ людямъ ѣздить вездѣ? Вырвать два переднихъ зуба! да я буду отвратительна! О чудовище человѣкъ! Я соглашусь скорѣе выкинуться изъ пятого этажа! Онъ мнѣ сказалъ, что будетъ вечеромъ въ «Серебрянной Палубѣ».

— И что онъ вамъ предлагалъ? спросила Маргарита.

— Два наполеона.

— Вѣдь это сорокъ франковъ.

— Да, сказала Фантина: — сорокъ.

Она задумалась и сѣла за работу. Черезъ четверть часа, бросивъ шитье, она прочитала еще разъ письмо Генордье, и войдя въ свою комнату, спросила Маргариту, работавшую съ ней вмѣстѣ:

— Вы знаете, что значить горячка съ пятнами?

— Да, отвѣтила старая дѣвушка: — это болѣзнь.

— Что же, много нужно на нее лекарства?

— О! лекарства ужасныя.

— И дѣти хвораютъ тоже?

— Дѣти особенно.

— И умираютъ?

— Очень легко, сказала Маргарита.

Фантина вышла и прочла еще разъ письмо. Вечеромъ ее видѣли, какъ она шла по направленію къ гостиницѣ.

На утро Маргарита, войдя до свѣта въ комнату Фантины, — онѣ работали изъ экономіи вмѣстѣ, чтобы имѣть одну общую свѣчку, — нашла Фантину сидѣвшую на постели, блѣдную, охоло-

дѣвшую. Она совсѣмъ не ложилась. Чепчикъ лежалъ у нея на колѣняхъ. Свѣчка горѣла всю ночь и почти сгорѣла совсѣмъ.

Маргарита остановилась на порогѣ, пораженная безпорядкомъ.

— Боже мой! сказала она: — свѣчка почти вся сгорѣла! Что нибудь да случилось.

— Потомъ она взглянула на Фантину: со вчерашняго дня, она постарѣла на десять лѣтъ.

— Господи Исусе! что съ вами, Фантина?

— Ничего, отвѣчала Фантина. — Я довольна: мое дитя не умретъ отъ этой ужасной болѣзни, по недостатку лекарствъ.

И говоря это, она показала на два золотыхъ, блестящихъ на столѣ.

— О, да вѣдь это цѣлое богатство! Гдѣ вы достали это золото?

— Достала, отвѣтила Фантина.

И въ то же время она засмѣялась. Свѣча освѣтила ея лицо. Кровавыя слюны текли изъ угловъ рта, въ деснахъ ея были двѣ черныя ямы.

Фантина послала золотые въ Монфермень.

А между тѣмъ, Тенордье нагала: Казеттъ не была больна.

Скоро Тенордье прислали другое письмо. Они требовали ста франковъ и немедленно, а иначе угрожали выгнать изъ дому Казеттъ.

«Сто франковъ», думала Фантина: — «но въ какомъ положеніи можно зарабатывать сто су въ день?»

— Ничего, будь что будетъ! сказала она. — Продадимъ все остальное....

И несчастная стала публичной женщиной.

Во всѣхъ маленькихъ городахъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и въ М.—на М., водится особенный классъ молодыхъ людей, продающихъ въ провинціи свои полторы тысячи ливровъ съ такимъ же видомъ, съ какимъ подобные же имъ люди убиваютъ въ Парижѣ двѣсти тысячъ франковъ въ годъ. Существа эти—печальные, совершенно ничтожныя, не совсѣмъ глупыя, въ кабакахъ воображающія себя джентльменами и совершенные бурлаки въ гостиницахъ, говорящія: «мой поля, мой лѣса, мой крестьяне;» осмистывающія въ театрахъ актрисъ, чтобы показать, что они люди со вкусомъ, задирающія офицеровъ, чтобы показать

свою храбрость, курящія, пьющія, проводящія всю жизнь въ кофейныхъ и въ трактирахъ, вѣчно ничего не дѣлающія и не слушающія ни къ чему.

Если бы Феликсъ Толоміесъ остался въ провинціи, не выдавъ Пармжа, онъ сталъ бы такимъ человѣкомъ.

Спустя восемь или десять мѣсяцевъ послѣ послѣдняго нашего разсказа, въ первыхъ числахъ января 1823 года, одинъ изъ такихъ львовъ потѣшался преслѣдованіемъ женщины въ бальномъ платьѣ, декольте, съ цвѣтами на головѣ, прохаживавшейся взадъ и впередъ передъ окнами кофейной.

Всякій разъ, какъ женщина проходила мимо его, онъ пускалъ въ нее клубъ дыма своей сигары и отпуская шутки, казавшіяся ему остроумными, въ родѣ слѣдующихъ: «какая ты рожа! — спрячешься ли ты, беззубая?» и т. д. Господинъ этотъ звался Баматабуа. Женщина, наряженный скелетъ, не отвѣчала ему ни слова, даже не смотрѣла на него, и въ молчаніи совершала свою прогулку. Это равнодушіе задѣло Баматабуа; воспользовавшись удобнымъ случаемъ, онъ подкрался къ женщинѣ, взялъ комъ снѣга и засунулъ его ей за спину, между лопатками. Дѣвушка страшно крикнула, обернулась, и какъ пантера накинулась на франта, вцѣпившись ему въ лицо ногтями, и осыпая самыми ужасными ругательствами.

На этотъ шумъ, офицеры толпой высыпали изъ кофейной, собрались проходящіе и образовался кругъ, въ срединѣ котораго мужчина, безъ шляпы, защищался отъ налетающей на него женщины.

Но вотъ изъ толпы вышелъ мужчина высокаго роста и, схвативъ женщину за талию, сказалъ ей: «за мной!»

Женщина подняла голову и обомлѣла. Передъ ней стоялъ Жоверъ.

Франтъ воспользовался этимъ случаемъ и скрылся.

Жоверъ, взявъ несчастную за руку, потащилъ ее въ полицію. Войдя въ комнату, Фантина упала отъ страха и истомленія.

Сержантъ поставилъ на столъ свѣчу, и Жоверъ, доставъ изъ кармапа листъ гербовой бумаги, сталъ писать.

Публичныя женщины находятся въ полной власти полиціи; полиція дѣлаетъ съ ними, что хочетъ, и наказываетъ ихъ, какъ ей вздумается. Жоверъ, исполнѣ безстрастный, судилъ и составлялъ приговоръ. Въ поступкѣ Фантины онъ видѣлъ огромное преступленіе; по его мнѣнію, тутъ было оскорблено цѣлое об-

щество, въ лицѣ собственника-избирателя. И къмъ же? — публичной женщиной!

Жоверъ писалъ молча.

Когда онъ кончилъ, подписалъ и сложилъ бумагу, то отдавая ее сержанту, сказалъ:

— Возьми трехъ человѣкъ и отведи эту женщину въ тюрьму.

Потомъ, обратившись къ Фантинѣ, сказалъ ей:

— Ты осуждена на шесть мѣсяцевъ.

Несчастливая задрожала.

— Шесть мѣсяцевъ! Шесть мѣсяцевъ заключенія! кричала она.—Шесть мѣсяцевъ, съ заработкомъ по семи су въ день! А что же станетъ съ Казеттъ! Но вѣдь я должна болѣе ста франковъ Тенордѣ, господинъ инспекторъ, знаете ли вы это? Господинъ Жоверъ, я прошу пощады. Я васъ увѣряю, что я не виновата. Этотъ господинъ, котораго я вовсе не знаю, засунулъ мнѣ комъ снѣга за спину. А развѣ онъ имѣеть право дѣлать это, когда мы ходимъ спокойно, никого не трогая? Это меня задѣло. Видите ли, я нѣсколько больна; и потомъ онъ дразнилъ меня. «Ты рожа беззубая!» говорилъ онъ мнѣ. Я и сама знаю, что у меня нѣтъ зубовъ. Я даже и не отвѣчала ему, и тогда онъ положилъ мнѣ снѣгъ за спину. Господинъ Жоверъ! неужели нѣтъ никого, кто подтвердитъ мои слова? Можетъ быть я виновата тѣмъ, что разсердилась. Но вы знаете, что собой не владѣешь въ первое мгновеніе. Ради Бога, не заключайте меня въ тюрьму! Что будетъ съ моей дочерью, съ моей Казеттъ! И потомъ, эти Тенордѣ; имъ нужно послать деньги, иначе они выгонятъ мою дочь, теперь, зимой, безъ всякой жалости. Если бы она была еще большая, она могла бы добыть средства, но въ ея возрастѣ это невозможно. Господинъ Жоверъ, умоляю, сжальтесь надо мной!

Фантина на колѣняхъ цаловала плащъ Жовера; просьбы ея могли бы разжалобить гранитное сердце, но не могли растрогать деревяннаго сердца инспектора.

— Все ли ты сказала? Я тебя выслушалъ, теперь маршъ на свои шесть мѣсяцевъ!

— Помилуйте!

Жоверъ повернулся спиной.

Въ то время, какъ солдаты хотѣли вести Фантину, кто-то подошелъ къ Жоверу и сказалъ:

— Прощу одну минуту.

Жоверъ поднялъ глаза и увидѣлъ Маделена. Маделенъ слышалъ все.

Жоверъ снялъ шляпу, и сказалъ:

— Извините, господинъ мэръ....

Этотъ «господинъ мэръ» произвелъ на Фантину странное впечатлѣнiе. Она встала, выпрямилась, оттолкнула солдатъ, пошла прямо къ Маделену и устремивъ на него блуждающiе глаза, закричала:

— А! такъ это ты господинъ мэръ!

Потомъ она захохотала и плюнула ему въ лицо.

Маделенъ отеръ лицо, и сказалъ:

— Инспекторъ Жоверъ, освободите эту женщину.

Жоверъ остолбенѣлъ. Какъ, публичная женщина плюетъ въ лицо мэру и онъ, обтираясь, говорить спокойно—освободите эту женщину! Жоверъ не понималъ ничего.

Но и на Фантину эти слова произвели тоже не менѣе странное впечатлѣнiе.

— На свободу! меня отпустить! Я не буду въ тюрьмѣ? Кто это сказалъ? Не можетъ быть. Я слышалась. Не можетъ быть, чтобы сказалъ это чудовище мэръ! Это сказали вы, мой добрый господинъ Жоверъ? Послушайте, что я вамъ расскажу и вы меня отпустите. Знаете ли, что причиной всего—чудовище мэръ. Да. Вообразите, господинъ Жоверъ, онъ прогналъ меня съ фабрики. Развѣ это не ужасно! Отослать бѣдную дѣвушку, честно занимавшуюся своимъ дѣломъ! Средствъ у меня не было, и съ тѣхъ поръ началось мое несчастье. Полиции слѣдовало бы обратить вниманiе на тюрьмы, на ихъ конкуренцию бѣднымъ. Я вамъ объясню это. Видите ли: вы зарабатываете двѣнадцать су на рубашкахъ, а тюрьмы уронили заработокъ до девяти. Нѣтъ средствъ жить, нужно добывать ихъ чѣмъ знаешь. И потомъ, у меня есть дочь, и я была принуждена сдѣлаться дурной женщиной. Вы понимаете теперь, какое зло сдѣлалъ мнѣ мэръ?

Маделенъ слушалъ Фантину съ глубокимъ вниманiемъ, и когда она кончила, онъ спросилъ ее:

— Сколько вы должны?

Фантина, взглянувъ на него, сказала:

— Развѣ я съ тобой говорю?

И потомъ, обратившись къ солдатамъ:

— Скажите, видѣли вы, какъ я ему плюнула въ лицо? А! старый злодѣй, ты пришелъ сюда, думая испугать меня; но я не

Боюсь. Я боюсь только господина Жовера, моего доброго господина Жовера!

Потомъ обратившись къ солдатамъ и подходя къ двери, она сказала имъ тихо, дружески кивая головой:

— Дѣти, господинъ инспекторъ меня отпустилъ; я уйду.

Фантина взялась за ручку двери и хотѣла выйти. Звукъ произведенный защелкой привелъ въ себя Жовера. Онъ поднялъ голову и закричалъ повелительно:

— Сержанты! Развѣ вы не видите, что она уходитъ! Кто вамъ позволилъ ее отпустить?

— Я, отвѣчалъ Маделенъ.

Услышавъ голосъ Жовера, Фантина задрожала и опустила защелку. При словахъ Маделена она обернулась и не произнося ни слова, едва дыша, она во весь слѣдующій разговоръ смотрѣла то на того, то на другаго, смотря по тому, кто изъ нихъ говорилъ.

Нужно, чтобы въ Жоверѣ произошло что нибудь особенное, если онъ рѣшился возражать мэру, и въ немъ точно произошло нѣчто особенное. Блѣдный, холодный повидимому, а между тѣмъ весь взволнованный, опустивъ глаза внизъ, онъ твердымъ голосомъ отвѣчалъ:

— Господинъ мэръ, этого нельзя!

— Какъ?

— Она оскорбила буржуа.

— Инспекторъ Жоверъ, возразилъ Маделенъ: — послушайте. Вы честный человѣкъ и мы объяснимся съ вами безъ труда. Вотъ какъ было дѣло. Я проходилъ черезъ площадь, когда вы вели эту женщину; народъ еще не расходился, я спросилъ и узналъ, что виноватъ буржуа, что не она, а онъ долженъ быть арестованъ.

— Но эта несчастная оскорбила господина мэра.

— Это касается меня, отвѣчалъ Маделенъ. — Моя обида принадлежитъ мнѣ.

— Виноватъ, господинъ мэръ, она принадлежитъ не вамъ, а юстиціи.

— Инспекторъ Жоверъ, возразилъ Маделенъ: — высшая, первая юстиція есть совѣсть. Я слышалъ эту женщину и я знаю, что я дѣлаю.

— А я, господинъ мэръ, не знаю, что я дѣлаю.

— Въ такомъ случаѣ повинуйтесь.

— Я повинуюсь своему долгу; а мой долгъ велеть мнѣ заключить эту женщину на шесть мѣсяцевъ въ тюрьму.

Маделенъ возразилъ крѣтко:

— Поймите меня: она не будетъ сидѣть и одного дня.

При этихъ рѣшительныхъ словахъ, Жоверъ осмѣлился взглянуть пристально на мэра и тономъ глубочайшаго почтенія отвѣтилъ:

— Я въ отчаяннн, что въ первый разъ въ жизни долженъ буду не исполнить приказанія господина мэра; онъ позволитъ мнѣ замѣтить, что я дѣйствую въ предѣлахъ своей обязанности. Я тоже былъ во время происшествія на мѣстѣ. Эта женщина оскорбила господина Баматабуа. Поступокъ ея подлежитъ вѣдѣнню городской полицн, слѣдовательно мнѣ, и я не измѣняю своего приговора.

Тогда Маделенъ, скрестивъ руки, сказалъ строгимъ тономъ, котораго еще никто ни разу не слышалъ:

— Поступокъ, о которомъ вы говорите, подлежитъ вѣдѣнню полицн муниципальной. Въ силу статей девятой, одиннадцатой, пятнадцатой и семидесятой уголовного закона, обвиненн его подлежитъ мнѣ. Я приказываю, чтобы женщина была освобождена.

Жоверъ пытался возражать еще:

— Но, господинъ мэръ.... позвольте....

— Ни слова болѣе.

— Однако....

— Прошу васъ выдти, сказалъ Маделенъ.

Жоверъ встрѣтилъ ударъ полной грудью; онъ поклонился мэру почти до земли и вышелъ.

Когда Жоверъ ушелъ, Маделенъ обратился къ Фантинѣ.

— Я васъ слышалъ, сказалъ онъ. — Я не зналъ ничего изъ того, что вы говорили; я думаю, я чувствую, что все это правда. Но зачѣмъ вы не обратились ко мнѣ? Вотъ что я сдѣлаю теперь: я заплачу ваши деньги, я прикажу привезти ваше дитя, или вы сами поѣдете за нимъ, какъ хотите. Вы можете жить здѣсь, въ Парижѣ, или гдѣ вамъ вздумается, расходы я беру на себя и работать вы не будете; вы станете получать столько денегъ, сколько вамъ нужно. Сдѣлавшись счастливой, вы сдѣлаетесь честной. Если все было такъ, какъ вы рассказываете, вы не переставали быть добродѣтельной, вы ни въ чемъ не виноваты передъ богомъ.

Для Фантины этого было слишкомъ много. Быть съ своею

Казеттъ; оставить эту ужасную жизнь! Быть свободной, богатой, счастливой, честной! У нея не достало словъ, она зарыдала, ноги ея подогнулись, она упала на колѣни предъ Маделеномъ, и прежде чѣмъ онъ могъ помѣшать, почувствовалъ, что она взяла его руку и приложилась къ ней губами.

Но Фантина не вынесла всѣхъ потрясеній дня; она упала въ обморокъ.

Маделенъ велѣлъ перенести несчастную къ себѣ и поручилъ ее надзору сестры милосердія. Съ Фантиной сдѣлалась горячка, всю ночь она бредила, но къ утру заснула; Маделенъ не отходилъ отъ постели больной.

Въ ту же ночь Жоверъ писалъ какое-то письмо. Утромъ онъ самъ отнесъ его на почту. Письмо было адресовано въ Парижъ на имя Шабуіе, секретаря префекта полиціи. Почтмейстеръ и другія лица, видѣвшіе это письмо и узнавшіе почеркъ Жовера, думали, что онъ послалъ прошеніе объ отставкѣ.

Маделенъ послалъ къ Тенордье триста франковъ съ тѣмъ, чтобы они, взявъ въ уплату долга, что имъ слѣдовало—доставили ребенка немедленно въ М. — на М.

— Чортъ возьми, сказалъ Тенордье, получивъ деньги: — да эта дѣвочка можетъ быть славной дойной короной!

И онъ сочинилъ счетъ, въ которомъ стояло болѣе трехъ сотъ франковъ доктору и аптекарю, а весь итогъ составлялъ пятьсотъ франковъ. На счетѣ Тенордье написалъ: «получено въ счетъ уплаты триста франковъ».

Маделенъ послалъ еще триста франковъ, требуя немедленнаго доставленія ребенка.

— Ну, ребенка отпускать не нужно, сказалъ на это Тенордье.

Фантина вовсе не поправлялась, но зато постоянно мечтала о своей Казеттъ.

Докторъ находилъ больную безнадежной и просилъ поспѣшить привести къ ней ребенка.

Маделенъ общалъ Фантинѣ послать за Казеттъ. — «Если же нужно», я поѣду самъ, сказалъ онъ.

ХІІ.

Маделенъ работалъ въ кабинетѣ, занимаясь дѣлами управленія, какъ ему доложили объ инспекторѣ Жоверѣ.

— Пусть войдетъ, сказалъ Маделенъ.

Жоверъ вошелъ и почтительно поклонился. Мэръ, не обернувшись, продолжалъ заниматься. Жоверъ сдѣлалъ два или три шага и остановился молча.

Наконецъ Маделенъ, положивъ перо, обернулся на половнику къ инспектору.

— Что случилось, Жоверъ?

Жоверъ молчалъ нѣсколько мгновений, какъ бы собиравшись съ мыслями, потомъ торжественнымъ тономъ онъ сказалъ:

— Господинъ мэръ, случился проступокъ.

— Какой?

— Подчиненный выказалъ самое сильное неуваженіе къ своему начальнику. По долгу службы я явился довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія.

— Какой подчиненный? спросилъ Маделенъ.

— Я, отвѣтилъ Жоверъ.

— Вы?

— Да.

— И кто же этотъ начальникъ?

— Вы, господинъ мэръ.

Маделенъ повернулся; а Жоверъ, тѣмъ же строгимъ тономъ, опутивъ глаза въ землю, продолжалъ:

— Господинъ мэръ, я пришелъ просить васъ представить начальнику объ увольненіи меня отъ службы.

Маделенъ, совершенно озадаченный, хотѣлъ говорить, но Жоверъ прервалъ его.

— Вы скажете, что я могу самъ подать въ отставку; но это недостаточно. Подать въ отставку почетно, а я долженъ быть наказанъ, я долженъ быть исключенъ.

Послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:

— Господинъ мэръ, въ послѣдній разъ вы были строги относительно меня несправедливо; будьте сегодня справедливы.

— Что вы хотите сказать? Что за галиматья? Какая вина, что вы сдѣлали относительно меня? Вы обвиняете себя, вы хотите быть замѣщены...

— Отставленъ, сказалъ Жоверъ.

— Положимъ такъ. Все это хорошо, но только я ничего не понимаю.

Для Вы поймете меня, господинъ мэръ.

Жоверъ вдохнулъ глубоко и началъ спокойнымъ, но грустнымъ тономъ:

— Господинъ мэръ, послѣ сцены съ этой дѣвушкой, я, озлобленный противъ васъ, донесъ на васъ.

— Донесли!

— Въ префектуру полиціи въ Парижѣ.

Маделенъ захохоталъ.

— Какъ на мѣра, превысившаго свою власть?

— Нѣтъ, какъ на бывшаго каторжнаго.

Маделенъ побагровѣлъ.

Жоверъ, опустивъ глаза и не замѣчая ничего, продолжалъ:

— Я такъ думалъ. Давно уже у меня была эта мысль. Сходство, справки собранныя мной въ Фавераллѣ, ваша лошадиная сила, происшествіе съ Фашлеваномъ, ваша мѣткость въ стрѣльбѣ, ваша волочащаяся немного нога; все это глупости, но я принялъ васъ за одного человѣка, по имени — Жанъ Вальжанъ.

— По имени?... Какъ сказали вы?

— Жанъ Вальжанъ. Это каторжный, котораго я видѣлъ двадцать лѣтъ назадъ въ Тулонѣ. Освобожденный, этотъ Жанъ Вальжанъ, какъ кажется, сдѣлалъ кражу у епископа, потомъ другую кражу съ насиліемъ, на большой дорогѣ, попалъ на маленькаго савояра. Восемь лѣтъ объ немъ уже нѣтъ слуховъ, его искали, но напрасно. Я вообразилъ.... Ну, однимъ словомъ, я донесъ. Въ злобѣ я донесъ на васъ въ префектуру.

Маделенъ тономъ совершеннаго равнодушія спросилъ:

— И что же вамъ отвѣтили?

— Что я сумасшедшій.

— Ну?

— И они правы.

— Похвально, что вы соглашаетесь.

— Нельзя не согласиться, потому что настоящій Жанъ Вальжанъ пойманъ.

Маделенъ поднялъ голову, взглянулъ прямо на Жовера и сказалъ:

— А!

Жоверъ продолжалъ:

— Вотъ какъ все открылось. Въ Айн-лего-Клоше проживалъ человѣкъ прозывавшійся Шанматье. На него обращали мало вниманія; но разъ, осенью, Шанматье былъ арестованъ за кражу въ блоковъ... Ну, да это все равно, — однимъ словомъ, слѣды

преступленія на лицо, и Шанматье былъ арестованъ. Его заключили и отправили въ центральную тюрьму въ Аррасъ. Тамъ же заключался и старинный каторжный, по имени Бреве. Только-что привели Шанматье, Бреве закричалъ: «э, да я знаю этого человѣка, это тоже каторжный. Посмотрите-ко на меня! Вы Жанъ Вальжанъ».

— Жанъ Вальжанъ! Кто это Жанъ Вальжанъ? спрашивалъ съ фальшивымъ удивленіемъ Шанматье. — «Полно притворяться, вѣдь мы были вмѣстѣ въ Тулонѣ». Шанматье отрицался. Вы понимаете почему; но справки были собраны и вотъ что оказалось. Лѣтъ тридцать назадъ, этотъ Шанматье занимался подчисткой деревъ въ разныхъ мѣстахъ и главнѣйше въ Фаверолѣ. Потомъ его слѣды исчезли. Долго спустя его видѣли въ Овернѣ, потомъ въ Парижѣ, гдѣ онъ работалъ у тележника, а дочь занималась стиркой; но это однако не было доказано. Дѣло однако ясно. Кѣмъ былъ до ссылки Жанъ Вальжанъ? Подчистчикомъ деревъ. Гдѣ?—въ Фаверолѣ. Другой фактъ тотъ, что Вальжанъ звался своимъ именемъ по крещенію — Жанъ, а мать его звалась по фамиліи Матье. Что можетъ быть естественнѣе, что, освободившись, онъ принялъ фамилію матери и сталъ прозываться Жанъ Матье? Затѣмъ онъ пришелъ въ Овернѣ; по мѣстному произношенію, Жанъ выговаривается тамъ Шанъ, и его стали звать Шанъ Матье, а потомъ уже не трудно было преобразовать свое имя въ Шанматье. Вы меня слушаете, не правда ли? Навели справки въ Фаверолѣ; оказалось, что семейства Жана Вальжана тамъ нѣтъ и гдѣ оно — неизвѣстно. Искали еще, но никакихъ свѣдѣній. Справились въ Тулонѣ, и кромѣ Бреве нашлось только два каторжныхъ, знавшихъ Жана Вальжана—Кошпаль и Шенильде. Ихъ вытребовали изъ Тулона, свели на очную ставку съ Шанматье и они признали въ немъ Жана Вальжана. Въ это-то время я и отправилъ въ Парижъ свой доносъ. Мнѣ отвѣтили, что я сѣлелъ съума, что Жанъ Вальжанъ въ Аррасѣ, въ рукахъ правосудія. Можете представить, что это удивило меня, меня полагающаго, что Жанъ Вальжанъ здѣсь! Я писалъ къ судѣ, меня вызвали и представили Шанматье....

— Ну, и что же? прервалъ Маделенъ.

— Господинъ мэръ, истина должна остаться истинной. Хотъ меня и огорчило, но этотъ человѣкъ точно Жанъ Вальжанъ, и я узналъ его.

Маделенъ спросилъ тихо:

— И вы увѣрены?

Жоверъ захохоталъ, но хохотомъ болѣзненнымъ, и отвѣтилъ:

— Увѣреть!

Потомъ онъ продолжалъ:

— Теперь, когда я видѣлъ настоящаго Вальжана, я не могу понять, какъ это я ошибся. Прошу меня простить, господинъ мэръ.

На эту просьбу Маделенъ отвѣтилъ новымъ вопросомъ:

— Ну, а что же говорить этотъ человѣкъ?

— Дѣло его плохо. Если это Жанъ Вальжанъ, въ такомъ случаѣ вина его повторительная. Перелѣзать стѣну, сломать вѣтвь, оборвать яблоки—въ ребенкѣ это была бы шалость; сдѣланная взрослымъ — проступокъ; но для каторжнаго это преступленіе; разбирать вину будетъ ужъ не исправительная полиція, а уголовный судъ; а наказаніемъ будетъ не тюремное заключеніе, а вѣчная каторжная работа. И въ придачу ко всему этому, еще дѣло маленькаго савояра. Тутъ есть противъ чего защищаться и не Жанъ Вальжану. Но Жанъ Вальжанъ человѣкъ хитрый. Въ этомъ я узнаю его еще разъ. Другой бы сталъ шумѣть, но онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не понимаетъ; онъ говоритъ: «я Шанматье и останусь имъ». Онъ корчитъ удивленнаго, это ловче; но впрочемъ, все равно: доказательство на лицо; онъ признаетъ четырьмя свидѣтелями, и старый плутъ будетъ осужденъ. Дѣло производится въ Арассѣ, и я буду тамъ въ качествѣ свидѣтеля.

— Довольно, Жоверъ, сказалъ Маделенъ совершенно спокойнымъ тономъ: — подробности эти меня интересуютъ мало. Въ этихъ разговорахъ мы только теряемъ наше время, а между тѣмъ у насъ есть спѣшныя дѣла.

И Маделенъ отдалъ Жоверу нѣсколько приказаній.

— Не много ли ужъ я вамъ поручилъ? Дней черезъ восемь или десять, какъ вы сказали, вамъ нужно быть въ Арассѣ?

— Нѣтъ, ранѣе, господинъ мэръ.

— Когда же?

— Мнѣ кажется, я сказалъ господину мэру, что дѣло будетъ разбираться завтра и что я уѣзжаю сегодня въ ночь.

— А какъ долго оно протянется?

— Одинъ день, не болѣе. Приговоръ будетъ произнесенъ завтра вечеромъ; это самое позднее. Впрочемъ, я не буду ожидать

рѣшенія, и ворочусь, какъ только будетъ отобрано отъ меня указаніе.

— Хорошо, теперь вы можете уйти, сказалъ Маделенъ.

Жоверъ не уходилъ.

— Извините, господинъ мэръ, сказалъ онъ.

— Что вамъ угодно еще?

— Мнѣ остается напомнить вамъ, что я долженъ быть уверенъ.

Маделенъ всталъ.

— Жоверъ, вы честный человекъ и я васъ уважаю; но вы преувеличиваете свою вину. Я надѣюсь, что вы не оставите мѣста.

— Господинъ мэръ, я останусь, пока вы не найдете другаго мнѣ на смѣну.

Онъ вышелъ.

XIII.

Читатель, разумѣется, угадалъ, что Маделенъ никто другой, какъ Жанъ Вальжанъ.

Слушая Жовера, онъ чувствовалъ, что надъ его головой собирается гроза; первая мысль его была спасти Шанматье и объявить свое имя, но мысль эта, какъ острый ножъ, рѣзала его сердце. «Посмотримъ еще», подумалъ онъ, и подавилъ въ себѣ чувство героизма.

Онъ провѣлъ день, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ мысляхъ; а между тѣмъ онъ чувствовалъ смутно, что нужно бы отправиться въ Арассъ; и не рѣшившись вполне ѣхать туда, онъ все-таки нанялъ тюльбери, чтобы быть готовымъ на всякій случай.

Разбирая свое положеніе, онъ находилъ его ужаснымъ; подъ влияніемъ тоскливаго чувства и какого-то непонятнаго ему страха, онъ заперъ дверь кабинета на задвижку. Онъ боялся, чтобы не случилось еще что нибудь. Даже свѣтъ стѣснялъ его — и онъ потушилъ свѣчку.

Онъ боялся, что его могутъ увидѣть. Но кто? Онъ хотѣлъ спрятаться отъ своей совѣсти. Голова его горѣла; онъ отворилъ окно. Небо было черно. Жанъ Вальжанъ сѣлъ къ столу.

Такъ прошелъ часъ; Жанъ Вальжанъ не отдавалъ себѣ ни

чѣмъ отчета; но вотъ мысли его начали проясняться, онъ сталъ понимать все болѣе и болѣе свое положеніе. Ему представлялся ясно человѣкъ, котораго Провидѣніе ставило на его мѣсто: кто нибудь да долженъ былъ упасть—онъ или другой. Пусть будетъ, что будетъ. Его мѣсто въ наторгѣ замѣнить другой, онъ же можетъ остаться непрежнему Маделеномъ. «И чего мнѣ болтаться?» думалъ онъ:—«развѣ я не спасенъ? Этотъ Жоверъ, единственный человѣкъ, который еще могъ потубить меня, слѣдившій за мной, не дававшій мнѣ покоя, какъ собака-ищейка, потерявъ мой слѣдъ; онъ удовлетворенъ, успокоенъ, онъ держитъ въ рукахъ своего Жана Вальжана! И кто знаетъ, Жоверъ оставляетъ городъ; все это дѣлается безъ меня и помимо меня; я тутъ ничего не значу, а если кого нибудь постигнетъ несчастье, развѣ оно постигнетъ его по моей волѣ? Все это дѣло Провидѣнія, а имѣю ли я право нарушать его пути? Имѣю ли я право вмѣшиваться? И что мнѣ нужно? Развѣ цѣль всей моей жизни, о которой я мечталъ дни и ночи, о которой я молился—безопасность, не въ моихъ рукахъ? Такъ, видно, хотѣлъ Богъ, и мнѣ нечего идти противъ его воли. Рѣшено, пусть будетъ что будетъ!

И онъ всталъ и началъ ходить.

«Довольно думать», сказалъ онъ наконецъ:—«рѣшено!»

Но на душѣ у него не было легко, онъ не чувствовалъ никакой радости; напротивъ, въ немъ явилось угрызѣніе совѣсти. «Пусть будетъ, какъ будетъ, какъ устроитъ Богъ»; да развѣ не лучше ли помѣшать Провидѣнію въ этомъ случаѣ, чѣмъ помочь ему молчаніемъ; однимъ словомъ, не дѣлать ничего, не значить дѣлать все! Это послѣдняя ступень двоедушія, это преступленіе низкое, подлое, ужасное!

«Моя цѣль достигнута»;—но какая цѣль? Скрыть свое имя? Обмануть полицію? Развѣ нѣтъ другой цѣли, болѣе высокой и истинной? Спаси не имя, а душу; сдѣлаться честнымъ; вотъ что завѣщалъ епископъ. Кончить съ своимъ прошедшимъ? Да развѣ этимъ кончишь, сдѣлавъ самое подлое дѣло, ставъ воромъ самымъ ужаснымъ, какимъ только можно быть, похитивъ у другаго его существованіе, его жизнь, его спокойствіе, его мѣсто на землѣ! развѣ это не значить убить человѣка, убить нравственно и убить физически, подвергнувъ ссылокѣ, заключенію! Напротивъ, предавшись въ руки правосудія, сдѣлавшись каторжнымъ Жанъ Вальжаномъ, и спасти человѣка,—значить покончить съ прошедшимъ, значить спасти свою душу; не сдѣлавъ

этого, значить не сдѣлать ничего: все добрые дѣла, все раскаяніе потеряны напрасно; и на сколько каторжный Жанъ Вальжанъ былъ бы нище Маделева со всѣми его добродѣтелями. Нѣтъ, нужно отправиться въ Арасъ, спасти ложнаго Жана Вальжана и объявить настоящаго! Это будетъ наибольшая жертва, наибольшая побѣда надъ собой, послѣдній шагъ, — его нужно сдѣлать. Печальная судьба!

— Кончено, исполнимъ долгъ, спасемъ человѣка! сказалъ Вальжанъ громко, вовсе и не замѣтивъ этого.

Онъ взялъ счетныя книги, провѣрилъ ихъ и привелъ въ порядокъ; сжегъ мелочные счета небогатыхъ купцовъ, стѣснявшихся уплатой, и написалъ письмо къ банкиру Лафошу. Кончивъ письмо, онъ положилъ его въ карманъ и началъ ходить.

«Но не смотрю ли я на все это слишкомъ преувеличенно? думалъ онъ опять. «Если Шанматье укралъ нѣсколько яблоковъ, что же тутъ важнаго — мѣсяць заключенія, и только. Да и кто знаетъ, точно ли онъ укралъ? Развѣ это доказано? Съ другой же стороны, если я явлюсь, можетъ быть, уважать героизмъ поступка, мою честную жизнь въ полѣдніе семь лѣтъ, все сдѣланное мною для страны, и меня помилуютъ».

И онъ улыбнулся горько, вспомнивъ о кражѣ сорока су у маленькаго Жерве, о томъ, что въ глазахъ закона это рецидивъ и что ему, какъ бывшему каторжному, не будетъ пощады, что приговорятъ его къ работамъ навѣчно.

Жанъ Вальжанъ старался освободиться отъ иллюзій, и опять пришелъ къ тому, что онъ долженъ исполнить свой долгъ. Онъ не терялъ бодрости, но чувствовалъ усталость мозга, и противъ своей воли перешелъ незамѣтно къ другимъ мыслямъ.

Било полночь; но Жанъ Вальжанъ все ходилъ взадъ и впередъ; ему стало холодно, и онъ затопилъ каминъ, не подумавъ запереть окна.

Потомъ опять началъ припоминать, на какомъ рѣшеніи онъ остановился.

«Да! я явлюсь, и объявлю себя».

— Но что же станется съ этой бѣдной женщиной? сказалъ онъ, вспомнивъ Фантину.

И вдругъ ему показалось, что лучъ новаго свѣта освѣтилъ его.

— Да, сказалъ онъ, — до сихъ поръ я все думалъ о себѣ. Молчать или открыться; быть презрѣннымъ, но уважаемымъ чело-

комъ, или честнымъ ваторжникомъ; но все это я, все это рѣшю бо мнѣ. А развѣ это не эгоизмъ въ разныхъ видахъ? Ну, а если я подумаю о другихъ? Посмотримъ, что выйдетъ, если исчезнуть мое я. Если я явлюсь, меня арестуютъ, сошлютъ на галеры, Шамагъ освободятъ, — все это хорошо, но что же дальше? Что будетъ здѣсь? Здѣсь городъ, фабрика, промышленность, работницы, мужчины, женщины, старики, дѣти; бѣдняки! Все это киветъ мной, я создалъ довольство; не будетъ меня — умретъ все. И потомъ, эта бѣдная женщина; развѣ я не обязанъ вознаграждать ее за зло, которое я же ей сдѣлалъ? Если я исчезну, мать умретъ, съ ребенкомъ случится богъ-знаетъ что. Но посмотримъ, что будетъ въ томъ случаѣ, если я не донесу на себя?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ, онъ остановился, и послѣ минуты колебанія, отвѣчалъ спокойно:

— Правда, человекъ этотъ пойдетъ на галеры, — ну такъ что же, развѣ онъ не укралъ? Я, пожалуй, могу говорить, что онъ не укралъ, но вѣдь онъ укралъ! Я останусь здѣсь, буду заниматься своими дѣлами; въ десять лѣтъ у меня будетъ десять миліоновъ, я ихъ раздамъ, не оставлю себѣ ничего; промышленность разовьется, сотни, тысячи семействъ будутъ счастливы, бѣдность исчезнетъ, а съ бѣдностью исчезнетъ порокъ, кража, убійство, всѣ проступки, всѣ преступленія. Съ чего же я, безумецъ, хочу донести на себя? И для чего? чтобы разыграть мелодраму!

И онъ сталъ ходить снова. На этотъ разъ, ему казалось, что онъ доволенъ собой.

«Да, думалъ онъ, теперь рѣшено, измѣнять нечего, и не мой это интересъ. Я Маделенъ, и останусь Маделеномъ. Пусть обвинятъ Жанъ Вальжанъ, — это уже не я болѣе, я не знаю этого человека, и если теперь, въ этотъ моментъ, открывается какой-то Жанъ Вальжанъ, пусть онъ устроивается какъ самъ знаетъ, вѣдь до этого дѣтъ дѣла».

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и сказалъ:

— Я теперь совсѣмъ другой, это меня успокоило. Но есть, однако, нити, связывающія еще меня съ этимъ именемъ; въ этой моей комнатѣ есть вещи, могущія обличить меня; нужно уничтожить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей.

И доставъ изъ кошелька маленькій ключъ, онъ отворилъ маленький шкафъ въ стѣнѣ, вынулъ изъ него блузу пѣзъ снято

сукна, старые панталоны, мѣшокъ и толстую валку, съ желѣзными наконечниками и бросилъ все это въ огонь. Черезъ нѣсколько минутъ, комната освѣтилась краснымъ, дрожащимъ свѣтомъ: терпювая палка горѣла съ трескомъ, выбрасывая искры на середину комнаты; изъ мѣшка опустилась на дно каминъ, въ золу, какая-то блестящая вещь: въ ней не трудно было узнать серебряную монету, вѣроятно тѣ сорокъ су, которые Вальжанъ укралъ у маленькаго савояра.

Жанъ Вальжанъ ходилъ взадъ и впередъ не глядя на огонь, но вдругъ взглядъ его упалъ на каминъ, и онъ увидѣлъ серебряныя подсвѣчники.

«Постой», подумалъ Жанъ Вальжанъ, «они еще тутъ! и нужно тоже уничтожить!»

Онъ взялъ подсвѣчники.

Въ каминѣ горѣлъ довольно сильный огонь, Вальжанъ поправилъ уголья и бросилъ подсвѣчники.

Но въ это самое мгновеніе ему показалось, что какой-то внутренний голосъ кричитъ ему: «Жанъ Вальжанъ! Жанъ Вальжанъ!...»

Волосы стали у него дыбомъ.

— «Такъ, такъ, кончай!» говорилъ голосъ. — «Уничтожь подсвѣчники! кончи съ этимъ воспоминаніемъ! забудь епископа! забудь все! погуби Шанмастье! — это хорошо. И такъ рѣшился старикъ, который не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, виновный, надъ которымъ, какъ преступленіе, лежитъ твое имя, будетъ осужденъ и погибнетъ. Останься честнымъ человѣкомъ. Останься господиномъ мэромъ, обогащай городъ, корми бѣдныхъ, воспитывай сиротъ, живи счастливый, добродѣтельный и уважаемый. А между тѣмъ, когда ты будешь наслаждаться здѣсь жизнью, тамъ въ ссылкѣ, въ твоихъ цѣняхъ, въ твоёмъ арестантскомъ платьѣ будетъ сидѣть другой, носящій твое имя. Все это хорошо придумано! Несчастны!»

«Жанъ Вальжанъ, продолжалъ голосъ, — вокругъ тебя будетъ много благословляющихъ твое имя, говорящихъ тебѣ громко, но одинъ, котораго никто не будетъ слышать, будетъ проклипать твое имя. И всѣ эти благословенія упадутъ не достигнувъ неба, и только проклятіе достигнетъ Бога.»

Жанъ Вальжанъ поставилъ подсвѣчники на каминъ, и принялся ходить снова, и снова черныя, ужасныя мысли подымались изъ глубины души его, и снова пришепелъ онъ къ прежнимъ вопр-

Жанъ: «что дѣлать? Какъ поступать? Нужно ли донести на себя, или молчать?»

Ударило три часа ночи, а Жанъ Вальжанъ все еще ходилъ; но наконецъ измученный упалъ въ кресло и заснулъ. И видѣлъ онъ во снѣ, что находится онъ въ полѣ; въ большомъ, печальномъ полѣ, лишенномъ зелени. Былъ ли то день, была ли ночь, онъ не могъ разобратъ. И ходилъ онъ съ братомъ. И видятъ они человѣка, который проѣхалъ подлѣ нихъ. Это былъ совершенно голый человѣкъ, на головѣ у него не было волосъ, только крошечныя жилы рисовались на его черепѣ. Человѣкъ проѣхалъ мимо, не сказавъ ни слова.

И братъ сказалъ Вальжану: «свернемъ съ дороги», и они свернули; въ это время братъ исчезъ куда-то.

Жанъ Вальжанъ вошелъ въ какую-то деревню. Первая улица была совершенно пуста; на перекресткѣ онъ увидѣлъ человѣка, стоявшаго у стѣны. «Что это за городъ? гдѣ я?» спросилъ Жанъ Вальжанъ у этого человѣка, но человѣкъ не отвѣтилъ ему ни слова. И увидѣлъ Вальжанъ отворенную дверь дома и вошелъ туда.

Первая комната была пустая; онъ вошелъ во вторую. За дверью этой комнаты стоялъ человѣкъ у стѣны. Вальжанъ спросилъ его: «чей это домъ? гдѣ я?» Но человѣкъ не отвѣтилъ ни слова. При домѣ былъ садъ.

Жанъ Вальжанъ вошелъ въ садъ. Садъ былъ пустъ; но среди каждаго дерева Вальжанъ нашелъ человѣка, который стоялъ. И спрашивалъ онъ каждаго изъ нихъ: «чей это садъ? гдѣ я?» И ни одинъ не отвѣтилъ ему ни слова.

И вошелъ онъ въ деревню и увидѣлъ, что это городъ. Всѣ улицы были пусты и всѣ дома были отворены. Никакое живое существо не ходило по улицамъ, не ходило въ комнатахъ, не гуляло въ садахъ. Но за каждымъ угломъ, среди каждой двери, за каждымъ деревомъ стоялъ человѣкъ и молчалъ.

И онъ вышелъ изъ города и пошелъ въ поле.

Черезъ нѣсколько минутъ обернувшись, онъ увидѣлъ большую толпу народа, которая шла за нимъ. И онъ узналъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ въ городѣ. Они, казалось, не торопились, а между тѣмъ шли скорѣе его. Скоро толпа настигла Жана Вальжана и окружила его. Лица этихъ людей были землянаго цвѣта.

рѣшенія, и ворочусь, какъ только будетъ отобрано отъ меня показаніе.

— Хорошо, теперь вы можете уйти, сказалъ Маделенъ.

Жоверъ не уходилъ.

— Извините, господинъ мэръ, сказалъ онъ.

— Что вамъ угодно еще?

— Мнѣ остается напомнить вамъ, что я долженъ быть уволенъ.

Маделенъ всталъ.

— Жоверъ, вы честный человекъ и я васъ уважаю; но вы преувеличиваете свою вину. Я надѣюсь, что вы не оставите мѣста.

— Господинъ мэръ, я останусь, пока вы не найдете другого мнѣ на смѣну.

Онъ вышелъ.

XIII.

Читатель, разумѣется, угадалъ, что Маделенъ никто другой, какъ Жанъ Вальжанъ.

Слушая Жовера, онъ чувствовалъ, что надъ его головой собирается гроза; первая мысль его была спасти Шанматье и объявить свое имя, но мысль эта, какъ острый ножъ, рѣзала его сердце. «Посмотримъ еще», подумалъ онъ, и подавилъ въ себѣ чувство героизма.

Онъ пробелъ день, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ мысляхъ; а между тѣмъ онъ чувствовалъ смутно, что нужно бы отправиться въ Арассъ; и не рѣшившись вполне ѣхать туда, онъ все-таки нанялъ тюльбери, чтобы быть готовымъ на всякій случай.

Разбирая свое положеніе, онъ находилъ его ужаснымъ; подъ вліяніемъ тоскливаго чувства и какого-то непонятнаго ему страха, онъ заперъ дверь кабинета на задвижку. Онъ боялся, чтобы не случилось еще что нибудь. Даже свѣтъ стѣснялъ его — и онъ потушилъ свѣчку.

Онъ боялся, что его могутъ увидѣть. Но кто? Онъ хотѣлъ спрятаться отъ своей совѣсти. Голова его горѣла; онъ отворилъ окно. Небо было черно. Жанъ Вальжанъ сѣлъ къ столу.

Такъ прошелъ часъ; Жанъ Вальжанъ не отдавалъ себѣ ни

чашъ отчета; но вотъ мысли его начали проясняться, онъ сталъ понимать все болѣе и болѣе свое положеніе. Ему представлялся ясно человѣкъ, котораго Провидѣніе ставило на его мѣсто: кто нибудь да долженъ былъ упасть—онъ или другой. Пусть будетъ, что будетъ. Его мѣсто въ каторгѣ замѣнить другой, онъ же можетъ остаться попрежнему Маделеномъ. «И чего мнѣ бояться?» думалъ онъ:—«развѣ я не спасенъ? Этотъ Жоверъ, единственный человѣкъ, который еще могъ погубить меня, слѣдившій за мной, не дававшій мнѣ покоя, какъ собака-ищейка, потерялъ мой слѣдъ; онъ удовлетворенъ, успокоенъ, онъ держитъ въ рукахъ своего Жана Вальжана! И кто знаетъ, Жоверъ оставяетъ гѣродъ; все это дѣлается безъ меня и помимо меня; я тутъ ничего не значу, а если кого нибудь постигнетъ несчастіе, развѣ оно постигнетъ его по моей волѣ? Все это дѣло Провидѣнія, а имѣю ли я право нарушать его пути? Имѣю ли я право вмѣшиваться? И что мнѣ нужно? Развѣ цѣль всей моей жизни, о которой я мечталъ дни и ночи, о которой я молился—безопасность, не въ моихъ рукахъ? Такъ, видно, хотѣлъ Богъ, и мнѣ нечего идти противъ его воли. Рѣшено, пусть будетъ что будетъ!

И онъ всталъ и началъ ходить.

«Довольно думать», сказалъ онъ наконецъ:—«рѣшено!»

Но на душѣ у него не было легко, онъ не чувствовалъ никакой радости; напротивъ, въ немъ явилось угрызеніе совѣсти. «Пусть будетъ, какъ будетъ, какъ устроитъ Богъ»; да развѣ не лучше ли жемѣшать Провидѣнію въ этомъ случаѣ, чѣмъ помочь ему молчаніемъ; однимъ словомъ, не дѣлать ничего, не значить дѣлать все! Это послѣдняя степенъ двоедушія, это преступленіе низкое, подлое, ужасное!

«Моя цѣль достигнута»;—но какая цѣль? Скрыть свое имя? Обмануть полицію? Развѣ нѣтъ другой цѣли, болѣе высокой и истинной? Спаси не имя, а душу; сдѣлаться честнымъ, вотъ что завѣщалъ епископъ. Кончить съ своимъ прошедшимъ? Да развѣ этимъ кончишь, сдѣлавъ самое подлое дѣло, ставъ воромъ самымъ ужаснымъ, какимъ только можно быть, похитивъ у другаго его существованіе, его жизнь, его спокойствіе, его мѣсто на землѣ! развѣ это не значитъ убить человѣка, убить нравственно и убить физически, подвергнувъ ссылкѣ, заключенію! Напротивъ, предавшись въ руки правосудія, сдѣлавшись каторжнымъ Жанъ Вальжаномъ, и спасти человѣка,—значить покончить съ прошедшимъ, значить спасти свою душу; не сдѣлавъ

этого, значит не сдѣлать ничего изъ добрыхъ дѣла, все раскаяніе потеряны напрасно; и на сколько каторжный Жанъ Вальманъ былъ бы нище Маделера со всѣми его добродѣтелями. Итъ, нужно оправдаться въ Арасе, спасти домашнего Жана Вальмана и объявить настоящаго! Это будетъ наибольшая жертва, наибольшая побѣда надъ собой, послѣдній шагъ, — его нужно сдѣлать. Печальная судьба!

— Конуеце, исполнимъ долгъ, спасемъ колодезика! сказалъ Вальманъ громко, вовсе и не замѣляя слова.

Онъ взялъ счетныя книги, провѣрилъ ихъ и привелъ въ порядокъ; онекъ мелочные счеты небогатыхъ купцовъ, стѣснявшихся улатой, и написалъ письмо къ банкиру Дафому. Кончивъ письмо, онъ положилъ его въ карманъ и началъ ходить.

«Но не смотрю ли я на все это слишкомъ преувеличенно?» думалъ онъ опять. «Если Шанматье укралъ нѣсколько яблоковъ, что же тутъ важнаго — мѣсяцъ заключенія, и только. Да и кто знаетъ, точно ли онъ укралъ? Развѣ это доказано? Съ другой же стороны, если я явлюсь, можетъ быть, уважать героическаго поступка, мою нестную жизнь въ полѣдніе семь лѣтъ, все сдѣланное мною для страны, и меня помиловать».

И онъ улыбнулся горько, вспомнивъ о вражѣ сорока су у маленькаго Жерве, о томъ, что въ глазахъ закона это рецидивъ и что ему, какъ бывшему каторжному, не будетъ пощады, что приговорятъ его къ работамъ навѣчно.

Жанъ Вальманъ старался освободиться отъ иллюзій, и опять пришелъ къ тому, что онъ долженъ исполнить свой долгъ. Онъ не терялъ бодрости, но чувствовалъ усталость мозга, и противъ своей воли перешелъ незамѣтно къ другимъ мыслямъ.

Было полдень; но Жанъ Вальманъ все ходилъ взадъ и впередъ; ему стало холодно и онъ затоплялъ каминъ, не подумавъ запереть окна.

Потомъ опять началъ припоминать, на какомъ рѣшеніи онъ остановился.

«Да! я явлюсь и объявлю себя».

— Но что же станетъ съ этой бѣдной женщиной? сказалъ онъ, вспомнивъ Фантину.

И вдругъ ему показалось, что лучъ новаго свѣта освѣтилъ его.

— Да, сказалъ онъ, — до сихъ поръ я все думалъ о себѣ. Молчать или открыться; быть презрѣннымъ, но уважаемымъ человѣ-

комъ, или чествовать каторжникомъ; но все это я, все это рѣчь обо мнѣ. А развѣ это не эгоизмъ въ разныхъ видахъ? Ну; а если я подумаю о другихъ? Посмотримъ, что выйдетъ, если исключать мое я. Если я явлюсь, меня арестуютъ, сошлютъ на галеры; Шанмагъ освободятъ,—все это хорошо, но что же дальше? Что будетъ здѣсь? Здѣсь городъ, фабрика, промышленность, работники, мужчины, женщины, старики, дѣти, бѣдняки! Все это живетъ мной, я создалъ довольство; не будетъ меня — умретъ все. И потому, эта бѣдная женщина; развѣ я не обязанъ вознаграждать ее за зло, которое я же ей сдѣлалъ? Если я исчезну, мать умретъ, съ ребенкомъ случится богъ-знаетъ что. Не посмотримъ, что будетъ въ томъ случаѣ; если я не донесу на себя?

Сдѣлавъ этотъ вопросъ, онъ остановился, и послѣ минуты колебанія, отвѣчалъ спокойно:

— Правда, человекъ этотъ пойдетъ на галеры,—ну такъ что же, развѣ онъ не укралъ? Я, пожалуй, могу говорить, что онъ не укралъ, но вѣдь онъ укралъ! Я останусь здѣсь, буду заниматься своими дѣлами; въ десять лѣтъ у меня будетъ десять миліоновъ, я ихъ раздамъ, не оставлю себѣ ничего; промышленность разовьется, сотни, тысячи семействъ будутъ счастливы, бѣдность исчезнетъ, а съ бѣдностью исчезнетъ порокъ, кража, убійство, всѣ проступки, всѣ преступленія. Съ чего же я, безумецъ, хочу донести на себя? И для чего? чтобы разыграть мелодраму!

И онъ сталъ ходить снова. На этотъ разъ, ему казалось, что онъ доволенъ собой.

«Да, думалъ онъ, теперь рѣшено, измѣнять нечего, и не мой это интересъ. Я Маделенъ, и останусь Маделеномъ. Пусть гибнетъ Жанъ Вальжанъ,—это уже не я болѣе, я не знаю этого человека, и если теперь, въ этотъ моментъ, открывается какъ-то Жанъ Вальжанъ, пусть онъ устраивается какъ самъ захочетъ, мнѣ до этого нѣтъ дѣла».

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало и сказалъ:

— Я теперь совсѣмъ другой, это меня успокоило. Но есть, однако, нити, связывающія еще меня съ этимъ именемъ; въ этой самой комнатѣ есть вещи, могущія обличить меня; нужно уничтожить этихъ нѣмыхъ свидѣтелей.

И доставъ изъ кошелька маленький ключъ, онъ отворилъ потайной шкафъ въ стѣнѣ, вынулъ изъ него блузу изъ снято

сукна, старые панталоны, мѣшокъ и толстую шапку, съ желѣзными наконечниками и бросилъ все это въ огонь. Черезъ нѣсколько минутъ, комната освѣтилась краснымъ, дрожащимъ свѣтомъ: терновая палка горѣла съ трескомъ, выбрасывая искры на средину комнаты; изъ мѣшка опустилась на дно каминъ, въ золу, какая-то блестящая вещь: въ ней не трудно было узнать серебряную монету, вѣроятно тѣ сорокъ су, которые Вальжанъ укралъ у маленькаго савояра.

Жанъ Вальжанъ ходилъ взадъ и впередъ не глядя на огонь, но вдругъ взглядъ его упалъ на каминъ, и онъ увидѣлъ серебряныя подсвѣчники.

«Постой», подумалъ Жанъ Вальжанъ, «они еще тутъ! ихъ нужно тоже уничтожить!»

Онъ взялъ подсвѣчники.

Въ каминѣ горѣлъ довольно сильный огонь, Вальжанъ поправилъ уголья и бросилъ подсвѣчники.

Но въ это самое мгновеніе ему показалось, что какой-то внутренній голосъ кричитъ ему: «Жанъ Вальжанъ! Жанъ Вальжанъ!...»

Волосы стали у него дыбомъ.

— «Такъ, такъ, кончай!» говорилъ голосъ. — «Уничтожь подсвѣчники! покончи съ этимъ воспоминаніемъ! забудь епископа! забудь все! погуби Шаниатье! — это хорошо. И такъ рѣшено: старикъ, который не понимаетъ, чего отъ него требуютъ, невинный, надъ которымъ, какъ преступленіе, лежитъ твое имя, будетъ осужденъ и погибнетъ. Останься честнымъ человѣкомъ. Останься господиномъ мѣромъ, обогащай городъ, корми бѣдныхъ, воспитывай сиротъ, живи счастливымъ, добродѣтельный и уважаемый. А между тѣмъ, когда ты будешь наслаждаться здѣсь жизнью, тамъ въ ссылкѣ, въ твоихъ цѣняхъ, въ твоемъ арестантскомъ платьѣ будетъ сидѣть другой, носящій твое имя. Все это хорошо придумано! Несчастный!»

«Жанъ Вальжанъ, продолжалъ голосъ, — вокругъ тебя будетъ много благословляющихъ твое имя, говорящихъ тебѣ громко, но одинъ, котораго никто не будетъ слышать, будетъ проклинать твое имя. И всѣ эти благословенія упадутъ не достигнувъ неба, и тогда проклятіе достигнетъ Бога.»

Жанъ Вальжанъ поставилъ подсвѣчники на каминъ, и рѣшился ходить снова, и снова черныя, ужасныя мысли поднялись изъ глубины души его, и снова пришелъ онъ къ прежнимъ воспр-

самъ: «что дѣлать? Какъ поступать? Нужно ли донести на себя, или молчать?»

Ударило три часа ночи, а Жанъ Вальжанъ все еще ходилъ; но наконецъ измученный упалъ въ кресло и заснулъ. И видѣлъ онъ во снѣ, что находится онъ въ полѣ; въ большомъ, печальномъ полѣ, лишенномъ зелени. Былъ ли то день, была ли ночь, онъ не могъ разобрать. И ходилъ онъ съ братомъ. И видятъ они человѣка, который проѣхалъ подлѣ нихъ. Это былъ совершенно голый человѣкъ, на головѣ у него не было волосъ, только кровавыя жилы рисовались на его черепѣ. Человѣкъ проѣхалъ мимо, не сказавъ ни слова.

И братъ сказалъ Вальжану: «свернемъ съ дороги», и они свернули; въ это время братъ исчезъ куда-то.

Жанъ Вальжанъ вошелъ въ какую-то деревню. Первая улица была совершенно пуста; на перекресткѣ онъ увидѣлъ человѣка, стоявшаго у стѣны. «Что это за городъ? гдѣ я?» спросилъ Жанъ Вальжанъ у этого человѣка, но человѣкъ не отвѣтилъ ему ни слова. И увидѣлъ Вальжанъ отворенную дверь дома и вошелъ туда.

Первая комната была пустая; онъ вошелъ во вторую. За дверью этой комнаты стоялъ человѣкъ у стѣны. Вальжанъ спросилъ его: «чей это домъ? гдѣ я?» Но человѣкъ не отвѣтилъ ни слова. При домѣ былъ садъ.

Жанъ Вальжанъ вошелъ въ садъ. Садъ былъ пустъ; но сзади каждаго дерева Вальжанъ нашелъ человѣка, который стоялъ. И спрашивалъ онъ каждаго изъ нихъ: «чей это садъ? гдѣ я?» И ни одинъ не отвѣтилъ ему ни слова.

И вошелъ онъ въ деревню и увидѣлъ, что это городъ. Всѣ улицы были пусты и всѣ дома были отворены. Никакое живое существо не ходило по улицамъ, не ходило въ комнатахъ, не гуляло въ садахъ. Но, за каждымъ угломъ, сзади каждой двери, за каждымъ деревомъ стоялъ человѣкъ и молчалъ.

И онъ вышелъ изъ города и пошелъ въ поле.

Черезъ нѣсколько минутъ обернувшись, онъ увидѣлъ большую толпу народа, которая шла за нимъ. И онъ увидалъ всѣхъ тѣхъ людей, которыхъ видѣлъ въ городѣ. Они, казалось, не торопились, а между тѣмъ шли скорѣе его. Скоро толпа настигла Жана Вальжана и окружила его. Лица этихъ людей были землянаго цвѣта.

Тогда первый, котораго Жанъ Вальжанъ спрашивалъ, сказалъ ему:

— Куда идете вы?—Развѣ вы не знаете, что уже давно, какъ вы умерли?

Жанъ Вальжанъ хотѣлъ отвѣчать, но онъ очутился вдругъ одинъ.

Жанъ Вальжанъ проснулся. Огонь въ каминѣ погасъ, свѣчка догорада. Онъ всталъ и подошелъ къ окну; небо было темно — ни одной звѣздочки.

Въ это время кто-то постучался тихо въ дверь.

Жанъ Вальжанъ задрожалъ и закричалъ ужаснымъ голосомъ:

— Кто тамъ?

— Это я, господинъ мэръ, отвѣчалъ голосъ.

Вальжанъ узналъ привратницу.

— Что случилось?

— Господинъ мэръ, сейчасъ пять часовъ.

— Ну такъ что же?

— Господинъ мэръ, пріѣхалъ кабриолетъ.

— Какой кабриолетъ?

— Тюльбери.

— Какой тюльбери?

— Развѣ господинъ мэръ не заказывалъ тюльбери?

— Нѣтъ..

— Кучеръ говоритъ, что пріѣхалъ за вами.

— Какой кучеръ?

— Кучеръ Скофлера.

— Скофлера!

Имя это заставило его издрогнуть, точно молнія блеснула вдругъ предъ его глазами.

— А, Скофлера! сказалъ онъ.

Жанъ Вальжанъ смотрѣлъ съ бессмысленнымъ видомъ на догоравшую свѣчу, не говоря ни слова.

— Что прикажете сказать кучеру? спросила швейцарская женщина.

— Скажите, что я сейчасъ выйду.

XIV.

Около восьми часовъ вечера, кабриолетъ Жана Вальжана въѣзжалъ въ почтовую гостинницу Арраса.

Оставивъ экипажъ, Жанъ Вальжанъ пошелъ ходить по городу. Онъ не зналъ Арраса и шалъ на удачу, но, какъ кажется, не рѣшался спросить никого о дорогѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ обратился наконецъ къ одному прохожему:

— Позвольте узнать, гдѣ судъ?

— Вы, видно, не здѣшній, отвѣчалъ пожилой человекъ: — идите за мной, я иду какъ разъ въ ту сторону.

Дорогой онъ сказалъ:

— Если вы хотите видѣть процессъ, то будетъ нѣсколько поздно. Засѣданіе кончается обыкновенно въ шесть часовъ.

Дойдя до площади, проводникъ, указавъ на четыре высокія, освѣщенныхъ окна, сказалъ:

— Ну, вы счастливы; мы пришли во время. — Видите эти четыре окна? Это судъ. Въ окнахъ огонь, значитъ дѣло еще не кончено. Ступайте въ эту дверь и тамъ по большой лѣстницѣ на верхъ.

Жанъ Вальжанъ вошелъ и скоро добрался до зала, наполненнаго народомъ. Въ разныхъ мѣстахъ стояли группами адвокаты и жюри.

Въ залѣ было такъ темно, что Жанъ Вальжанъ не побоялся обратиться въ персону, поманившему ему адвокату.

— Позвольте узнать, гдѣ происходить засѣданіе?

— Ужъ кончено, отвѣтилъ адвокатъ.

— Кончено!

Это «кончено» было сказано такимъ тономъ, что адвокатъ обернулся.

— Извините, сказалъ онъ: — можетъ быть вы родственникъ?

— Нѣтъ; я здѣсь никого не знаю. И приговоръ уже произнесенъ?

— Еще бы! да кто и не могло быть иначе.

— Въ каторгу?...

— На вѣчно.

— Значитъ, съходитъ Жюль привидно, сказалъ Жанъ Вальжанъ, едва слышавшимъ голосомъ.

— Какое сходство? возразилъ адвокатъ; никакого сходства и не нужно было доказывать. Дѣло совсѣмъ просто: женщина эта убила своего ребенка; дѣтубійство было доказано, и ее осудили на всю жизнь.

— Это женщина?

— Разумѣется.

— Но если дѣло кончено, зачѣмъ же залъ еще освѣщаютъ?

— Это для другаго дѣла; оно началось уже часа два.

— Какое же другое дѣло?

— И это вполнѣ ясно. Тутъ обвиняется какой-то бродяга, каторжный, за воровство. Я не помню его имени; но ужь за одну его рожу я сослалъ бы его на галеры.

— Есть возможность попасть въ залъ?

— Попробуйте, — вотъ въ эти двери.

Адвокатъ ушелъ.

Жанъ Вальжанъ обратился къ швейцару, но тотъ сказалъ ему, что пустить нельзя, потому что всѣ мѣста заняты.

— Есть, правда, два или три мѣста, прибавилъ онъ; сюда президента, но эти мѣста только для лицъ, состоящихъ на службѣ.

Жанъ Вальжанъ, опустивъ голову, пошелъ вонъ изъ залы и сталъ медленно, въ раздумьи, опускаться съ лѣстницы. Дойдя до площадки, онъ приклонился спиной къ периламъ и скрестилъ руки. Но вдругъ онъ расстегнулъ свой плащъ, досталъ изъ кармана бумажникъ и написалъ на листочкѣ бумажки: «Маделенъ, мэръ въ М. — на М. —», потомъ быстро поднялся по лѣстницѣ, протолкался чрезъ толпу и подошелъ прямо къ швейцару, оказалъ ему повелительно, отдавая бумажку: «консите это къ господину президенту».

Мэръ М. — на М. — былъ своего рода знаменитость; объ немъ слышали и президентъ суда, и потому, когда швейцаръ, подавъ президенту бумажку, сказалъ: «господинъ желаетъ присутствовать на засѣданіи»; президентъ въ то же мгновеніе, написавъ что-то на бумажкѣ и отдавъ ее швейцару, сказалъ: «просите».

На бумажкѣ было написано: «президентъ уголовнаго суда свидѣтельствуетъ свое мнѣніе гасцелю Маделену».

Нѣсколько минутъ спустя онъ былъ уже въ залѣ. Войдя, онъ заперъ машинально дверь и остановился. Въ томъ же залѣ, съ котораго они вошли, слышалъ судья; въ противоположномъ — толпа народа. Никто не обратилъ на него вниманія; всѣмъ

были устремлены на одинъ пунктъ, — на деревянную скамью, прислоненную къ маленькой двери, вдоль стѣны вальво отъ президента. На этой скамьѣ, между двумя мандармами, сидѣлъ обвиняемый. На немъ прежде всего сосредоточилось вниманіе Жана Вальжана. Глядя на него, онъ думалъ, что видитъ самого себя, но постарѣвшаго: совершенно тотъ же видъ и характеръ всей физиономіи и одежды, каковъ былъ у Вальжана, когда онъ входилъ въ Д. —

— Боже мой! сказалъ Жанъ Вальжанъ съ содроганіемъ: — наужели я снова сдѣлаюсь такимъ?

Когда Жанъ Вальжанъ вошелъ, президентъ, повернувшись къ нему голову, поклонился; генеральный адвокатъ, видѣвшій Мадлена въ М. — на М., — поклонился тоже. Но Вальжанъ едва замѣтилъ ихъ; онъ смотрѣлъ впередъ себя: судьи, гробъ, мандармы, толпа любопытныхъ, все это онъ ужъ видѣлъ разъ—дѣтъ двадцать семь назадъ, и онъ снова видитъ все это. Но это не сонъ, не бредъ воображенія, — тутъ дѣйствительные судьи, дѣйствительные жандармы и толпа народу; онъ пришелъ въ ужасъ, закрылъ глаза и въ глубинѣ души сказалъ: «никогда!» Мало-помалу Жанъ Вальжанъ сталъ приходить въ себя; наконецъ онъ успокоился уже на столько, что могъ слушать.

Баматабуа былъ въ числѣ присяжныхъ; Жовера онъ не находилъ, потому ли, что скамья свидѣтелей была отъ него закрыта, или потому, что въ залѣ было довольно темно.

Когда Жанъ Вальжанъ входилъ, адвокатъ обвиняемаго только что кончалъ свою рѣчь. Говорилъ онъ довольно не дурно; онъ оправдывалъ его въ поступкѣ, въ которомъ его и малая была обвинить. У обвиняемаго нашли вѣтъ; но гдѣ доказательство, что онъ самъ сломилъ ее, а не поднималъ? Разумѣется, фактъ воровства существуетъ, — но гдѣ доказательство, что воръ этотъ именно Шанматье?

Затѣмъ, какъ всегда, возражалъ вѣтными фразами генеральный адвокатъ.

Когда онъ говорилъ, обвиненный слушалъ съ открытымъ ртомъ и съ видомъ удивленія. Разумѣется, онъ удивлялся, что человѣкъ можетъ говорить такимъ языкомъ. Въ вѣтахъ бодѣ паталлесахъ, когда адвокатъ слышалъ обвиняемаго неэкономъ цѣлительнѣхъ, онъ началъ медленно головой съ одной стороны на другую; почальный и безмолвный протестъ, коверманъ отъ оправданія съ самого начала заглаванія. Два или три раза,

лица свидѣнія бланъ него слышали, какъ онъ говорилъ много-голоса: «света, что значить не спросить господина Балупа!»

Послѣ генеральнаго адвоката, обвиняшаго Шанматъе, поставившаго ему въ виду даже его молчаніе и объяснивашаго это простотой и ловкостью, которой однако не удастся обмануть правосудія, говорили снова адвокатъ обвиняемаго. Защититель началъ комплементомъ удивительному краснорѣчю генеральнаго адвоката, но затѣмъ возражалъ слабо; подъ ногами у него не было шпильки.

Наконецъ настало время кончить засѣданіе. Президентъ велѣлъ подсудимому встать, и сдѣлалъ ему обычный вопросъ:

— Что вы можете сказать еще въ свое оправданіе?

— Подсудимый всталъ и вертя въ рукахъ шапку, казалось, ничего не слышалъ.

Президентъ повторилъ вопросъ.

На этотъ разъ подсудимый, казалось, понялъ сдѣлавъ движеніе, какъ человѣкъ пробуждающійся отъ сна, онъ обвелъ вокругъ глазами, посмотрѣлъ на публику, на жандармовъ, на своего адвоката, на присяжныхъ, на залу, и полежа въ свою мощную руку на стоящихъ передъ нимъ перилахъ, осмотрѣлъ всѣхъ еще разъ и вдругъ, остановивъ взоръ на президентѣ, началъ говорить. Но эта была не рѣчь, а врывъ несвязныхъ, порывистыхъ, спутанныхъ фразъ.

— Вотъ что добавлю, сказалъ онъ. — Я дѣлалъ телеги въ Парижѣ и работалъ у козлина Балупа. Труднее это тележное ремесло: работать приходится все на дворѣ, подъ навѣсомъ, а не въ мастерской, потому что мѣста надо много. Зимой такъ холодно, что значеніе хватать въ ладоши, чтобы согрѣться; но хозяева этого не позволяютъ, — говорятъ, что время пропадаетъ. Братся за желѣзо, когда все замерзло, трудно. Это очень обезсиливаетъ человѣка. При такомъ ремеслѣ скоро старѣешься. Въ сорокъ лѣтъ уны конецъ. А мнѣ было пятьдесятъ три, и былъ я плахъ. Къ тому же работники такіе недобрые! Когда человѣкъ не молодецъ, они называютъ его старымъ воробьемъ, старой животной! Въ день я зарабатывалъ только тридцать су, потому что, выходя изъ моего старостія, мнѣ платили какъ можно меньше. Кроме того, у меня была дочь, прачка. Она съ своей стороны тоже кое-что зарабатывала; для двоихъ хватало. Ей тоже было не легко. Весь день около локани, вся ноярля; подъ дождь и подъ снѣгомъ, дѣтеръ рашетъ лицо; не смотришь на какой морозъ стирати надо; уривать

Былъ мало — ждуть: если не выстираешь; тамъ и мѣсто поте-
ряешь. Доски сколочены плохо и отсюду капаетъ. Юбки смок-
нутъ всё и сверху и снизу, а ужъ это трудно. Работала она иног-
да въ врачешной «Красныхъ Дѣтей»: тамъ вода идетъ вранаше,
а лоханки нѣтъ. Моютъ просто передъ собой; подь краномъ, а
полощатъ сзади въ бассейнѣ. Ну, тамъ не такъ холодно: вонругъ
все закрыто. Но зимой вѣрь отъ холода ужасень, портить глаза!
Возвращалась она въ семь часовъ такая усталая, что тотчасъ же
и ложилась. Мужъ билъ ее. Она умерла. Мы не были счастливы.
Была же она женщина хорошая, скромная, но баламъ не шаялась.
Я помню, во вторникъ на масляницѣ, она легла въ восемь часовъ.
Право, я не лгу. Только спросите... Легко оказать спросите, — кой
я дуракъ, право; спросить въ Паринѣ! Да кто же тамъ знаетъ ста-
рика Шамматѣ? А впрочемъ я говорилъ вѣдь вамъ о хозяинѣ Ба-
лупѣ. Справьтесь у Балупа. Послѣ этого я ужъ и не знаю, чего на-
тять отъ меня!

Старикъ замолчалъ. Все это онъ высказалъ громко, скоро,
рѣзко и хрипло, съ бѣшеной и дикою простотой. Остановился онъ
только разъ, чтобы поклониться кому-то въ толпѣ. Всякое слово
выражалось у него какъ выстрѣлъ. Когда онъ кончилъ, всѣ присут-
ствующіе расхохотались. Шамматѣ взглянулъ на толпу и, видя
что она хохочетъ, самъ не понимая ничего захохоталъ тоже.

Президентъ, человекъ внимательный и добрый, возвысилъ го-
лосъ:

Онъ напомнилъ «господамъ присяжнымъ», что «Балупъ преж-
ній хозяинъ, тележничъ, на котораго подсудимый указываетъ,
разорился, и его нигдѣ не могли найти». Потомъ, обратясь къ
подсудимому, онъ сказалъ: — «вы должны обдумать свое непо-
мощіе, на васъ падаютъ чрезвычайно важныя обвиненія, которыя
могутъ привести къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Подсуди-
мый! ради вашей собственной пользы, послѣдній разъ прошу васъ,
объясните хорошенько слѣдующіе два факта: во-первыхъ, по-
редѣлами ли вы черезъ заборъ сада Пьерона, обломали ли вѣтви
и украли ли ее съ блоками, т. е. совершили ли покражу съ пере-
лѣзаниемъ черезъ заборъ: да или нѣтъ? во вторыхъ, вы ли освѣ-
божденный ваторжничъ Жанъ Вальжанъ?»

Подсудимый покачалъ головой съ видомъ человека, понявшаго
хорошо вопросъ, знающаго, что отвѣчать. Онъ повернулся къ
Президенту и сказалъ:

«Вздерныкъ...»

Потомъ, посмотрѣлъ на свою шапку, на потолокъ, и захохоталъ.

— Подсудимый, сказалъ строго генеральный адвокатъ:— смотрите, вы не отвѣчаете ни на одинъ вопросъ; но ваше смущение обвиняетъ васъ. Ясно, что вы каторжный Жанъ Вальжанъ, называвшійся ранѣе по фамилии матери Жанъ Матье; что вы были въ Овернѣ, а родились въ Фаверолѣ, гдѣ занимались подтисткой дерева. Несомнѣнно, что перелѣзши черезъ заборъ сада Пьерона, вы украли яблоки.

Генеральный адвокатъ кончилъ; Шанматье вдругъ вскочилъ со скамейки, на которую онъ было сѣлъ, и воскликнулъ:

— Нѣтъ, вы не то говорите! Это слишкомъ зло! Вотъ что хотѣлъ я сказать, да сначала не нашелся. Я ничего не кралъ, во мнѣ не всякой день случалось ѣсть. Я шелъ изъ Альп, шелъ въ этихъ мѣстахъ послѣ того какъ была буря, отъ которой пожелтели поля, даже вода поднялась въ болотахъ, я нашелъ на землѣ вѣтку съ яблоками, и поднялъ ее, не думая, что она надѣластъ мнѣ столько горя. И вотъ уже три мѣсяца какъ я сижу въ тюрьмѣ, какъ меня таскаютъ по судамъ. Меня обвиняютъ, говорятъ противъ меня, и мнѣ говорятъ: «отвѣчайте!» Жандармъ, добрый малый, толкаетъ тоже подъ локоть и шепчетъ: «да отвѣчай же!» Чего хотятъ отъ меня? Я не умѣю объясняться, я не ученый, я простой, бѣдный человекъ. А душно то, что люди не умѣютъ понять этого. Я не кралъ. Я поднялъ съ земли то, что уже было на землѣ. Вы говорите Жанъ Вальжанъ, Жанъ Матье! Людей этихъ я не знаю. Должно быть поселяне, а я работаю у Балупа, на бульварѣ Госпитала. И меня зовутъ Шанматье. Вишь, ловкіе! рассказываютъ мнѣ, гдѣ я родился. Да я и самъ не знаю этого. Не въ жю родился у себя дома: это было бы уже слишкомъ удобно. Кажется, что отецъ и мать мои были бродяги; а впрочемъ не знаю; когда я былъ ребенкомъ, меня звали маленькимъ, а теперь зовутъ старикомъ. Вотъ мои имена. Хотите, такъ вѣрьте. Былъ я и въ Овернѣ, былъ и въ Фаверолѣ; ну такъ что же? развѣ нельзя быть въ Овернѣ и въ Фаверолѣ, не бывши на галерахъ? Говорю вамъ, что я ничего не кралъ, и зовутъ меня старикомъ Шанматье. Я работаю у Балупа, жилъ своимъ хозяйствомъ. Надо бы вамъ и мнѣ съ вашими глупыми вопросами! Точно бѣшеные пристають ко мнѣ.

Генеральный адвокатъ, стоявшій все это время, обратился къ президенту:

— Господинъ президентъ, имѣя въ виду ходящій случай, не

весьма легкое заперательство подсудимаго, прикидывающагося идиотомъ, — что ему не удастся, и въ чемъ мы предупреждаемъ его, — мы, съ разрѣшенія вашего и всѣхъ членовъ присутствія, призовемъ снова ссыльныхъ Бреве, Кашпаль и Шенильде, и полицейскаго чиновника Жовера, чтобы въ послѣдній разъ подтвердить тождественность подсудимаго съ каторжникомъ Жаномъ Вальжаномъ.

На это президентъ замѣтилъ, что полицейскій чиновникъ Жоверъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ сосѣдній округъ и не можетъ явиться въ судъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте сообщить присяжнымъ показаніе Жовера, сдѣланное имъ здѣсь лично. Жоверъ человекъ, заслуживающій уваженія и понимающій долгъ службы. Вотъ его показаніе: «мнѣ не нужны ни нравственныя, ни матеріальныя доказательства для составленія убѣжденія о личности подсудимаго. Я узнаю его вполне. Человека этого зовутъ, не Шанильде, а это бывшій каторжникъ, по имени Жанъ Вальжанъ. По проступку срока заключенія онъ былъ освобожденъ, проведя девятнадцать лѣтъ въ каторжной работѣ за кражу. Пять или шесть разъ онъ пробовалъ бѣжать. Кромѣ кражи у маленькаго Жерве и у Пьерона, я подозреваю его еще въ кражѣ у покойнаго епископа въ Д. Въ бытность мою на службѣ въ Тулонѣ при галерахъ, я часто видѣлъ его. Я повторяю, что признаю его вполне».

Такое точное обвиненіе произвело сильное впечатлѣніе на публику и на присяжныхъ. Генеральный адвокатъ потребовалъ, чтобы за отсутствіемъ Жовера были спрошены свидѣтели Бреве, Шенильде и Кашпаль.

Президентъ отдалъ приказаніе, и вслѣдъ за тѣмъ отворилась дверь въ отдѣленіе свидѣтелей. Швейцаръ, въ сопровожденіи жандарма, ввелъ Бреве. Присутствующіе насторожили вниманіе и пританли дыханіе, какъ будто во всѣхъ билось одно сердце.

Бывшій каторжникъ Бреве, лѣтъ шестидесяти, въ черной съ сѣрыми курткѣ центральныхъ тюремъ, имѣлъ видъ человека дѣловаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мошенника. Подобная смѣсь встрѣчается довольно часто. Въ тюрьмѣ, куда его посадили за новыя шалости, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ надзирателя. Начальство видѣло въ этомъ желаніе быть полезнымъ; а тюремные священники отзывались съ похвалою о его религіозности. Не надо забывать, что все это происходило во времена реставраціи.

— Бресе, сказалъ президентъ: — такъ какъ вы подвергнуты позорному наказанію, то вы не можете быть приведены къ присягѣ.

Бресе опустилъ глаза.

— Несмотря на то, продолжалъ президентъ: — хотя законъ и поставилъ васъ такъ низко, но, при милосердіи Божиемъ, въ васъ остается чувство чести и долга. Къ этому—то чувству я и обращаюсь въ настоящую рѣшительную минуту. Если оно еще живо въ васъ; — а я надѣюсь, что оно живо, — то, прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, подумайте хорошенько о томъ, что предстоитъ сказать вамъ; подумайте и объ этомъ человѣкѣ, котораго одно слово ваше можетъ погубить, и о правосудіи, которому вы можете открыть истину. Помните, что наступила рѣшительная минута; что вамъ еще есть время отказаться отъ своихъ словъ, если вы ошиблись. — Подсудимый, встаньте. — Бресе, взгляните внимательно въ подсудимаго, подумайте, припомните все хорошенько и скажите, ради спасенія вашей души и совѣсти, подтверждаете ли вы свое прежнее показаніе, признаете ли въ этомъ человѣкѣ вашего стараго товарища по каторгѣ Жана Вальжана?

Бресе взглянулъ на подсудимаго и, обратившись къ суду, сказалъ:

— Да, господинъ президентъ. Я первый узналъ его и подтверждаю это теперь. Человѣкъ этотъ Жанъ Вальжанъ, прибывшій въ Тулонъ въ 1796 году и освобожденный въ 1815; меня выпустили годомъ послѣ. Теперь онъ, кажется, оступилъ: вѣрно отъ старости; но въ каторгѣ былъ хитеръ. Я узнаю его положительно.

— Садитесь, сказалъ президентъ: — подсудимый, стойте.

Ввели Шенильдье, пожизненнаго каторжнаго, что и видно было по его красной курткѣ и зеленой шапкѣ. Шенильдье привезли нарочно изъ Тулона для этого дѣла. Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, морщинистый, худой, желтый, лихорадочный, — во всѣхъ членахъ, во всей фигурѣ его была какая-то болѣзненная слабость, но во взглядѣ видна была громадная сила.

Президентъ обратился къ нему почти съ такими же словами, какъ и къ Бресе, но когда онъ сказалъ, что позорное положеніе его не позволяетъ ему дать клятву, Шенильдье поднялъ голову и прямо взглянулъ на толпу. Президентъ спросилъ его, какъ и

Бреве, подтверждаетъ ли онъ свое показаніе, узнаетъ ли подсудимаго.

Шенильде разразился кохотомъ.

— Еще бы мнѣ его не узнать! нѣтъ дѣтъ: сдѣланъ ильвашей, прикованные къ одной иѣни. Ты что же дуешься, старикъ?

— Садитесь, сказалъ президентъ.

Швейцаръ привелъ Кошпаль; такой же вѣчный каторжный и также, какъ Шенильде, одѣтый въ красное; онъ былъ въ родѣ пиринейскаго медвѣдя. Кошпаль насъ стада въ горахъ и изъ глуха перешелъ въ разбойники. Кошпаль былъ не менѣе дикъ и казался еще глупѣе подсудимаго. Онъ былъ въ числѣ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ природа создаетъ дикими животными, а общество дѣлаетъ каторжными.

Президентъ хотѣлъ тронуть и его нѣсколькими сильными патетическими словами и затѣмъ спросилъ, утверждаетъ ли онъ, что узнаетъ человѣка, стоящаго передъ нимъ.

— Это Жанъ Вальжанъ, сказалъ Кошпаль. — Его прозвали у насъ Жанъ-Подъемъ, такъ онъ былъ силенъ!

Каждое изъ показаній этихъ трехъ свидѣтелей, показаній, разумеется, искреннихъ и добросовѣстныхъ, поднимало въ публикѣ ропотъ, — ропотъ не въ пользу подсудимаго. Подсудимый же, слушая показанія, выражалъ на лицѣ удивленіе; это было его главнымъ средствомъ защиты. При первомъ показаніи жандармы слышали, какъ онъ пробормоталъ: «вогъ штука-то!» Послѣ второго сказалъ нѣсколько громче, съ видомъ удовольствія: «хорошо!» А при третьемъ воскликнулъ: «славно!»

Президентъ спросилъ Шанматье:

— Подсудимый, вы слышали? Что скажете вы на это?

Онъ отвѣчалъ:

— Скажу — славно!

Между публикой и даже между судьями поднялся ропотъ. Ясно, что судьба подсудимаго была рѣшена.

— Велите не шумѣть, сказалъ президентъ, обращаясь къ прислугѣ суда: — я хочу закрыть засѣданіе.

Въ эту минуту около президента сдѣлалось движеніе и послышался голосъ:

— Бреве, Шенильде, Кошпаль, взгляните сюда!

У всѣхъ, слышавшихъ этотъ голосъ, пробѣжалъ морозъ по кожѣ, такъ много въ этомъ голосѣ слышалось грусти, и такъ онъ былъ ужасенъ. Всѣ взоры обратились къ мѣсту, откуда онъ

раздался. Человекъ, сидѣвшій между привилегированными посетителями, помѣщенными за судьями, всталъ, отворилъ дверцу въ перилахъ раздѣляющихъ публику отъ судей и остановился посреди залы. Президентъ, генераль адвокатъ, г. Баматабуа, человекъ двадцать увидѣли его, и воскликнули въ голосъ:

— Господинъ Маделенъ!

— Это былъ точно онъ. Въ одеждѣ его не было никакого беспорядка, сюртукъ былъ тщательно застегнутъ. Но онъ былъ сильно блѣднѣе и слегка дрожалъ. Волоса его, еще съ просѣдою, когда онъ явился въ Аррасъ, теперь побѣлѣли; къ теченію часа онъ посѣдѣлъ совершенно.

Всѣ подняли головы; впечатлѣніе, произведенное на публику, описать невозможно, она переглядывалась съ сомнѣніемъ; гомель былъ такъ пронзителенъ, а самъ Маделенъ повидимому даже спохватился, что никто ничего не понималъ. Всѣ спрашивали другъ-друга, кто это закричалъ. Трудно было повѣрить, чтобы этотъ спокойный человекъ могъ крикнуть такъ ужасно.

Но сомнѣніе продолжалось всего нѣсколко минутъ. Не успѣлъ президентъ и генеральный адвокатъ произнести слово, прислуга и жандармы не успѣли еще подать знака, какъ человекъ, втораго все еще называли г. Маделеномъ, подошелъ къ свидѣтелямъ Кампалю, Брве и Шенильдье.

— Вы не узнаете меня? сказалъ онъ.

Всѣ трое, пораженные вопросомъ, сдѣлали знакъ головою, что не знаютъ его. Сколѣженный Кампаль отдалъ даже честь военному. Маделенъ, обернувшись къ присяжнымъ и къ судьямъ, сказалъ кроткимъ голосомъ:

— Господа присяжные, велите освободить подсудимаго. Господинъ президентъ, прикажите арестовать меня. Человекъ, котораго вы ищите — не онъ, а я: — я Жанъ Вальжанъ.

У всѣхъ замерло сердце. За первымъ припадкомъ удивленія послѣдовала мертвая тишина. Въ залѣ чувствовался тотъ религиозный страхъ, который схватываетъ толпу, когда совершается что нибудь великое.

Между тѣмъ на лицѣ президента выразились сожалѣніе и грусть: онъ быстро переглянулся съ генеральнымъ адвокатомъ, перекинулся нѣсколькими словами съ совѣтниками, и обратившись къ публикѣ, спросилъ тономъ понятливымъ всѣмъ:

— Нѣтъ ли тутъ доктора?

Генеральный адвокатъ началъ:

— Господа присяжные, странный и неожиданный случай прервавший наше засѣданіе, внушаетъ намъ, какъ и вамъ, чувства, которыя нечего выражать. Намъ всѣмъ извѣстенъ хотя по слухамъ почтенный г. Маделень, мэръ М.— на М.— Нѣтъ ли тутъ доктора; мы вмѣстѣ съ господиномъ президентомъ просимъ его помочь г. Маделену и проводить его домой.

Г. Маделень не далъ договорить адвокату. Онъ прервалъ его кроткимъ, но повелительнымъ тономъ. Вотъ слова произнесенныя имъ, какъ они были записаны тотчасъ послѣ засѣданія однимъ изъ присутствующихъ, и какъ они и до сихъ поръ звучатъ въ ушахъ, слышавшихъ ихъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.

— Благодарю васъ, господинъ генеральный адвокатъ, но я не помѣшаю;—вы это увидите. Вы тутъ было не сдѣлали страшную ошибку; отпустите этого человѣка; я исполняю долгъ свой; я тотъ несчастный осужденный, который вамъ нуженъ. Здѣсь только мнѣ одному все ясно, и я говорю вамъ истину. Богъ на небесахъ видитъ мой теперешній поступокъ, и мнѣ этого довольно. Вы можете арестовать меня. А между тѣмъ я дѣлалъ все, что во власти человѣка, чтобы быть лучше. Я принялъ другое имя, разбогатѣлъ, сдѣлался изрошъ; хотѣлъ войти въ кругъ честныхъ людей; но оказывается, что это невозможно. Впрочемъ, много чего я не могу вамъ сказать,—не рассказывать же въ саможь дѣлѣ всю свою жизнь; когда нибудь узнаете. Точно я обокралъ епископа, это правда; я обокралъ маленькаго Жерве, и это правда. Они правы, говоря вамъ, что Жанъ Вальжанъ злой преступникъ. Но можетъ быть онъ не во всемъ тутъ виноватъ. Послушайте, господа судьи, человѣку упавшему такъ низко, какъ я, нечего дѣлать упреки Провидѣнію, или давать совѣты обществу; но замѣйте, что каторга создаетъ каторжника. Замѣйте это. Передъ каторгой я былъ бѣднымъ мужикомъ, очень не развитымъ, почти идиотомъ; каторга измѣнила меня. Изъ тупаго она сдѣлала меня злымъ; изъ полѣна превратила въ головню. Вислѣдствіи снисходительность и доброта спасли меня, какъ въ началѣ строгость сгубила меня. Впрочемъ, вамъ не понять того, что я говорю.... Вы найдете у меня въ каминѣ, въ золѣ, монету въ два франка, которую семь лѣтъ тому назадъ я укралъ у маленькаго Жерве. Мнѣ больше нечего прибавлять. Арестуйте меня. Господинъ генеральный адвокатъ качаетъ головой, думая: «Маделень съума сошелъ». Вы мнѣ не вѣрите! Жаль. Но по крайней мѣрѣ не приговаривайте этого человѣка! И они не узнаютъ

меня! Хотѣлъ бы я, чтобы здѣсь былъ Жюверъ. Онъ бы узналъ меня.

Невозможно передать, сколько добродушной грусти слышалось въ этихъ словахъ.

Жанъ Вальжанъ повернулся къ преступникамъ:

— А я такъ узнаю васъ! Брече! помните?...

Онъ остановился въ нерѣшимости на одну минуту, и продолжалъ.

— Помнишь ли ты свои клѣтчатые подтяжки, которыя носилъ въ каторгѣ?

Брече точно вздрогнулъ отъ удивленія, онъ со страхомъ осматривалъ говорящаго съ ногъ до головы; тотъ продолжалъ:

— Шенильде, у тебя все правое плечо обожжено, ты легъ нѣтъ разъ на жаровню съ угольями, чтобы истребить клѣймо, а оно все-таки осталось. Отвѣчай, такъ ли?

— Такъ, сказалъ Шенильде.

Жанъ Вальжанъ обратился къ Кашпалю.

— Кашпаль, у тебя на лѣвой рукѣ на сгибѣ выжжены порохоми число и буквы. Число это — день высадки императора въ Каннахъ, 1 марта 1815 года. Заеучи рукавъ.

Кашпаль засучилъ рукавъ, взоры всѣхъ обратились на его обнаженную руку. Жандармъ поднесъ лампу; число было видно.

Жанъ Вальжанъ взглянулъ на публичку и на судей съ улыбкой, которую и до сихъ поръ не забыли тѣ, кто видѣлъ ее. Это была улыбка торжества и отчаянія.

— Вѣрите ли вы теперь, что я Жанъ Вальжанъ?

Въ залѣ не было болѣе ни судей, ни обвинителей, ни жандармовъ, такъ вся эта масса народу была тронута. Всѣ забыли свои обязанности: генеральный адвокатъ забылъ, что онъ обвинитель; президентъ, что онъ председатель; а адвокатъ обвиняемаго — что онъ защитникъ. И поразительная вещь: тутъ не было предложено никакого вопроса, не виѣшивалась никакая власть. Въ томъ, что происходило, было столько силы, столько величественнаго, что всѣ были зрителями, всѣ находились подъ влияніемъ этого одного человѣка. Никто не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что онъ испытываетъ; и конечно никто не сознавалъ, что видитъ яркій свѣтъ; но внутренно всѣ были ослѣплены.

Очевидно, что это былъ Жанъ Вальжанъ. Появленіе этого человѣка освѣтило вполне это за минуту еще темное дѣло. Безъ всякихъ объясненій, вся эта толпа поняла сразу, въ одинъ мо-

ментъ, простую и поразительную исторію этого человека, выдающаго себя, чтобы спасти другаго.

— Я бы не желалъ безпокоить болѣе присутствующихъ, сказалъ Жанъ Вальжанъ: — и какъ меня не арестуютъ, то я уйду. У меня еще много дѣла. Господинъ генеральный адвокатъ знаетъ кто я, знаетъ гдѣ я живу, онъ можетъ арестовать меня, когда ему угодно.

И Жанъ Вальжанъ пошелъ къ выходу.

Ни чей голосъ не возвысился для отданія приказанія объ арестованіи, не протянулась ничья рука, чтобы остановить его. Всѣ посторонились. Въ немъ въ эту минуту видѣли что-то святое, заставлявшее отодвигаться и сторониться толпу. Вальжанъ прошелъ мимо всѣхъ тихимъ шагомъ. Невѣдомо, кто отворилъ дверь, но ее отворили, когда онъ подошелъ къ ней. Тамъ обернувшись, онъ сказалъ.

— Господинъ генеральный адвокатъ, я въ вашемъ распоряженіи.

Потомъ онъ обратился къ нублинѣ:

— Всѣ вы, всѣ туть присутствующіе, вы жалѣете меня, не правда ли? Боже мой! когда я вспомню, что я чуть было не сдѣлалъ.... да я знаю, что теперь мнѣ можно завидовать. А все-таки лучше, если бы всего этого не случилось.

Жанъ Вальжанъ вышелъ. Дверь затворилась за нимъ также, какъ раньше она отворилась передъ нимъ; люди совершающіе что нибудь великое, всегда найдутъ кого нибудь въ толпѣ, кто станетъ имъ служить.

Часъ спустя, Шанматье былъ оправданъ и тотчасъ же освобожденъ. Шанматье, пораженный всѣмъ этимъ, думалъ, что всѣ сошли съ ума; онъ ничего не понималъ.

XV.

День только-что занимался, когда Жанъ Вальжанъ воротился домой. Онъ прошелъ въ комнату Фантины.

— Это вы, господинъ мэръ? сказала сестра милосердія, увидѣвъ Вальжана.

— Какъ здоровье этой женщины? спросилъ онъ тихо.

— Теперь не дурно, объяснила сестра милосердія, — но ей

было очень плохо; а когда ей сказали: Маделень поѣхалъ въ Монфермень за ея ребенкомъ, она почувствовала себя лучше.

— Ну это хорошо, только вы ее не разочаровывайте..

— А если она узнаетъ, что ребенка нѣтъ? Обманывать ее теперь нельзя.

Фантина открыла глаза, и увидѣвъ Маделена спросила совершенно спокойно, улыбаясь:

— А Казеттъ?

Этотъ простой вопросъ: «а Казеттъ?» сдѣлала она съ такой глубокой вѣрой, съ такой увѣренностью, съ такимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ безпокойства и сомнѣнія, что Маделень не нашелся, что отвѣтить ей. Она продолжала:

— Я знала, что вы пріѣхали, я спала, но видѣла васъ. Я давно уже васъ вижу, всю ночь я слѣдила за вами. Вы были въ славѣ, окруженные ангельскими лицами.

Вальжанъ поднялъ глава на распятіе.

— Но, скажите, гдѣ же Казеттъ? Зачѣмъ не посадили вы ее ко мнѣ на постель; проснувшись, я бы увидѣла ее?

Вальжанъ манициально отвѣтилъ что-то, чего потомъ онъ никогда не могъ припомнить.

Къ счастью, явился докторъ, и помогъ г. Маделену.

— Дитя мое, сказалъ докторъ: — успокойтесь, ваша дочь здѣсь.

Глаза Фантины загорѣлись. Она сложила руки, выражая мольбу страстную и вмѣстѣ съ тѣмъ краткую.

— О, воскликнула она: — принесите мнѣ ее!

Трогательное заблужденіе матери! Для нея Казеттъ была все еще ребенкомъ, котораго носить на рукахъ.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ: — сейчасъ нельзя; у васъ лжхорадка. Свиданіе съ ребенкомъ повредитъ вамъ. Сначала надо выздоровѣть.

— Да вѣдь я здорова, говорю вамъ, что я здорова! сказала она дерзко. — Что за осель этотъ докторъ. Слышите, я, я хочу видѣть своего ребенка.

— Вотъ видите ли, сказалъ докторъ: — какъ вы сердитесь. Пока вы будете въ такомъ положеніи, я не позволю показать вамъ его. Мало того, чтобы увидать его, надо жить для него. Когда же вы будете благоразумнѣе, я самъ приведу его къ вамъ.

— Простите, докторъ, ради Бога простите, сказала опечаленная Фантина. — Прежде я не стала бы говорить такъ, какъ

я говорю теперь, но я была так несчастлива, я право иногда не помню, что говорю. Я понимаю, вы боитесь взволновать меня, но ей-богу мнѣ не сдѣлается хуже. Со вчерашняго вечера я вижу ее, постоянно предъ собой. И знаете ли, если бы сейчас мнѣ ее принесли, я бы заговорила съ ней совсѣмъ спокойно. Право. Развѣ не естественно, что мнѣ хочется видѣть дочь свою? Я не сержусь. Я знаю, что буду счастлива. Всю ночь я видѣла какіе-то свѣтлые лики и всѣ они мнѣ улыбались. У меня нѣтъ больше лихорадки, — я здорова; я чувствую, что у меня больше ничего не болит; но я лягу, какъ больная, не буду шевелиться, чтобы доставить удовольствіе женщинамъ, которыя при мнѣ; онѣ увидятъ, что я такъ спокойна и скажутъ: надо привести къ ней ея ребенка.

Г. Маделенъ сѣлъ на стулъ возлѣ постели больной. Она обернулась къ нему, видимо стараясь казаться благоразумной и спокойной. Однако, какъ она ни сдерживала себя, все-таки не могла утерпѣть, чтобы не сдѣлать тысячу вопросовъ Маделену.

— Хорошо ли вы сѣздили, господинъ мэръ? Какою вы, право, добрый! Ну хоть расскажите мнѣ, какова она? Хорошо ли вынесла дорогу? Она не узнаетъ меня! Она уже забыла меня, бѣдняжка! У дѣтей вѣдь совсѣмъ нѣтъ памяти. Они какъ птички: сегодня видитъ одно, завтра другое, и ни о чемъ не думаетъ. Было ли у нея чистое бѣлье? Чисто ли держали ее эти Тенорды? Какъ они ее кормили? Ахъ, если бы вы знали, какъ я мучилась всѣмъ этимъ, во времена своей нищеты! Теперь все прошло. Я довольна! Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть! Господинъ мэръ, находите ли вы ее хорошенькой? Не правда ли, дочь моя хороша? Вамъ вѣрно было очень холодно въ дилижансѣ? Нельзя ли привести ее хоть на секунду? А потомъ пусть сейчасъ же и увесутъ! Скажите «да», — вы вѣдь хозяинъ здѣсь!

Маделенъ взявъ за руку Фантину.

— Казеттъ хороша, сказалъ онъ:— Казеттъ здорова, вы скоро съ ней увидите, но успокойтесь. Вы слишкомъ горячо говорите, высовываете изъ-подъ одѣяла руки и оттого кашляете.

И точно, кашель почти каждую минуту останавливалъ Фантину.

Она не роптала, она боялась показаться не спомойной, чтобы не уничтожить довѣріе, которое желала возбудить, и начала говорить о постороннихъ предметахъ:

— Мое серешко, кажется, хорошенькое и сътешко? Дѣтей туда

идать гулять. Хорошо ли идутъ дѣла этихъ Тенордье? Къ нимъ, кажется, заходитъ мало народа? Трактиръ ихъ плохъ.

Г. Маделенъ все еще держалъ ее за руку, и съ беспокойствомъ смотрѣлъ на нее; было ясно, что онъ пришелъ сказать ей что-то, но не рѣшался. Докторъ между тѣмъ ушелъ и съ ними осталась только сестра милосердія.

Но вдругъ Фантина сказала:

— Я слышу ее. Господи! я слышу ее!

Она сдѣлала рукою знакъ; чтобы все замолчали, пританца дыханіе, и слушала.

На дворѣ игралъ ребенокъ; вѣроятно дочь привратницы или какой нибудь работницы. Дѣвочка прыгала, бѣгала вадъ и впередъ, смѣялась и пѣла во все горло. Пѣніе этой-то дѣвочки и слышала Фантина.

— Да, продолжала она: — это моя Казеттъ! Я узнаю ея голосъ!

Ребенокъ убѣжалъ, голоса не стало слышно; Фантина еще нѣсколько минутъ прислушивалась, потомъ лицо ея омрачилось, и Маделенъ слышалъ, какъ она прошептала: «какой злой этотъ докторъ; не позволяетъ мнѣ увидѣться съ дочерью! И лицо-то у него такое злое!»

Но скоро она развеселилась и стала говорить сама съ собою, не поднимая головы съ подушки: «накѣ мы будемъ счастливы! Во-первыхъ, у насъ будетъ садикъ! Господинъ Маделенъ обѣщаль мнѣ это. Теперь она, вѣроятно, уже знаетъ буквы и я буду учить ее складамъ. Она будетъ бѣгать за бабочками по травкѣ, а я буду смотрѣть на нее. А потомъ она причастится въ первый разъ. Постой! когда же она причастится въ первый разъ?»

И больная стала считать по пальцамъ:

— Разъ, два, три, четыре.... ей семь лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ. На ней будетъ бѣлый вуаль, узорчатые чулки, точно у большой. Милая сестра, вы не знаете, какъ я глупа, теперь вотъ я мечтаю о томъ, какъ моя дочь причастится въ первый разъ.

И Фантина начала дохотать:

Маделенъ оставилъ руку Фантины. Онъ слушалъ ее, какъ слушаютъ шумъ вѣтра, опустивъ глаза и погружившись въ безжизненные думы. Вдругъ Фантина замолчала; Маделенъ поднялъ голову. Фантина не говорила и даже не дѣлала; на половицу приподнявшись на постели, она обнажила свое исхудалое плечо: лицо ея, за минуту еще такое веселое, поблѣднѣло и глаза, не-

подвижные отъ страха, устремились на какой-то предметъ, въ концѣ комнаты.

— Боже мой! что съ вами, Фантина? сказала Маделенъ.

Она не отвѣчала и не спускала глазъ съ предмета, стоявшаго предъ нею; дотронувшись одной рукой до Маделена, она сдѣлала другой рукой знакъ, чтобы онъ обернулся.

Маделенъ обернулся и увидѣлъ Жовера.

Фантина не видѣла его съ тѣхъ поръ, какъ Маделенъ освободилъ ее отъ ареста. Больная не могла ничего сообразить, ей казалось, что онъ пришелъ за ней, и она въ ужасѣ, закрывъ лицо обѣими руками, закричала:

— Господинъ Маделенъ, спасите меня!

Жанъ Вальжанъ, — иначе мы уже не будемъ называть его, — всталъ, и сказалъ Фантинѣ самымъ кроткимъ и спокойнымъ голосомъ:

— Успокойтесь. Онъ пришелъ не за вами.

Потомъ обратясь къ Жоверу:

— Знаю, что вамъ нужно.

Жоверъ отвѣчалъ:

— Ну, живо!

Противъ своего обыкновенія, Жоверъ не объяснилъ причины своего прихода. Жанъ Вальжанъ былъ для него тѣмъ-то въ родѣ таинственнаго и неуловимаго противника, мрачнаго бойца, котораго онъ пять лѣтъ старался напрасно побѣдить. Арестованіе было для него не началомъ, а концомъ этой борьбы, и онъ сказалъ только: «ну, живо!»

Сказавши это, Жоверъ не тронулся съ мѣста, онъ только кинулъ на Вальжана строгій, повелительный взглядъ.

При словахъ Жовера, Фантина открыла глаза; господинъ мэръ стоялъ подлѣ нея, значить ей бояться нечего.

Жоверъ вышелъ на середину комнаты и закричалъ:

— Идешь ли ты?

Несчастливая оглядѣлась кругомъ. Кромѣ монахини и мэра, въ комнатѣ никого не было; къ кому же могло относиться это странное «ты?» Очевидно, что къ ней, и она задрожала.

Но тутъ она увидѣла такую странную сцену, какая не представлялась ей даже въ самомъ сильномъ бреду.

Жоверъ взялъ мэра за шиворотъ.

— Господинъ мэръ, вскрикнула Фантина.

Жоверъ разразился смѣхомъ.

— Здѣсь нѣтъ больше господина мэра! сказалъ онъ.

Жанъ Вальжанъ даже и не старался высвободиться, онъ только сказалъ:

— Жоверъ,...

Жоверъ прервалъ его: «называй меня господиномъ инспекторомъ».

— Мнѣ хотѣлось бы, продолжалъ Жанъ Вальжанъ, сказать вамъ нѣсколько словъ потихоньку.

— Громко! говори громко, отвѣчалъ Жоверъ:—со мной говорятъ громко!

— Жанъ Вальжанъ, продолжалъ, понижая голосъ:

— У меня есть до васъ просьба....

— Я сказалъ тебѣ, говори громче.

— Только вы одни должны слышать то, что я хочу сказать.

— Нѣтъ мнѣ до этого дѣла; не хочу слушать.

Жанъ Вальжанъ обернулся къ нему, и сказалъ ему быстро, шопотомъ:

— Дайте мнѣ три дня! Три дня, чтобы създать за ребенкомъ этой несчастной женщины! Я заплачу, что нужно. Если хотите, ѣдьте вмѣстѣ.

— Ты еще смѣешься!—Право, я не считалъ тебя дуракомъ! Ты просишь у меня три дня, чтобы удрать! Ты говоришь, чтобы създать за ребенкомъ этой дѣвки! Ха, ха, ха, хорошо! вотъ это хорошо!

Фантина адрожала.

— За моимъ ребенкомъ! закричала она:—ѣхать за моимъ ребенкомъ! Значитъ, его здѣсь нѣтъ! Сестра, отвѣчайте мнѣ, гдѣ Казеттъ? Отдайте мнѣ мою дочь, господинъ мэръ, господинъ мэръ!

Жоверъ топнулъ ногой.

— Ну, ваааа! замолчишь ли ты, чучело? Эка чортова сторона: каторжники дѣлаются мэрами, а за публичными женщинами ухаживаютъ какъ за графинями! Но все это переѣдятся; мора уже!

Онъ пристально взглянулъ на Фантину, и захвативши сразу галстукъ, рубашку и воротникъ Жана Вальжана, прибавилъ:

— Говорю тебѣ, что здѣсь нѣтъ господина Маделена, и нѣтъ господина мэра, а есть воръ, разбойникъ, каторжный — Жанъ Вальжанъ! его—то я и держу! вотъ онъ!

Фантина вдругъ привскакнула, оперлась на свои худыя ру-

ки, посмотрѣла на Жана Вальжана, на Жовера, на монахиню, раскрыла ротъ, какъ бы желая говорить, но въ горлѣ у нее закришло, зубы стиснулись, она протянула руки, разставивъ пальцы, и какъ бы нища около себя утопающаго, потомъ вдругъ упала на подушки.

Голова ее, ударившись объ изголовье, упала на грудь, съ раскрытымъ ртомъ, съ открытыми и потухшими глазами.

Она умерла.

Жанъ Вальжанъ взялъ руку Жовера, раскрылъ ее какъ руку ребенка, и сказалъ ему:

— Вы убили эту женщину.

— Довольно! закричалъ въ бѣшенствѣ Жоверъ:—я пришелъ сюда не сказки слушать. Будетъ болтать; стража стоитъ внизу, иди сейчасъ же, или въ кандалы!

Въ углу комнаты стояла старая, желѣзная кровать, служившая походной постелью сестрамъ во время ухода за больными. Жанъ Вальжанъ подошелъ къ кровати, въ одинъ мигъ разобралъ нѣсколько надломленное изголовье, взялъ въ руки главный желѣзный пруть, и взгнулъ на Жовера. Жоверъ отступилъ къ двери.

Жанъ Вальжанъ, не выпуская прута, тихо подошелъ къ кровати Фантины. Дойдя до нея, онъ обернулся и сказалъ Жоверу, едва слышимымъ голосомъ:

— Не совѣтую вамъ беспокоить меня въ эту минуту.

Жоверъ задрожалъ.

Ему пришла мысль позвать стражу, но въ это время Жанъ Вальжанъ могъ скрыться, и Жоверъ рѣшился остаться. Онъ взялъ за конецъ свою палку, прислонился спиною къ косяку двери и не спускалъ глазъ съ Жана Вальжана.

Жанъ Вальжанъ, опершись одной рукой на изголовье кровати, а другой валившись за голову, смотрѣлъ на неподвижно лежащую Фантину. Такъ онъ сидѣлъ молча, углубившись, и молочно, не думая о земномъ. На лицѣ его и во всей фигурѣ выразилось только невнятное сожалѣние. Черезъ нѣсколько минутъ размышленія, онъ наклонился къ Фантинѣ, и началъ ей что-то шептать.

Что говорилъ онъ ей? Что могъ сказать мертвой женщинѣ этотъ изстрадавшийся человекъ? Какія это были слова? Никто не слышалъ ихъ. Услышавъ ихъ и уснувшая?

Въ мирѣ существуютъ трогательныя заблужденія; а впрочемъ

можетъ быть они и не заблужденія, а чудная дѣйствительность. Сестра милосердія, единственная свидѣтельница происходившаго тутъ, часто разсказывала, что въ то время какъ Жанъ Вальжанъ шепталъ Фантинѣ, на ухо, она ясно видѣла, какъ на блѣдныхъ губахъ усопшей явилась неизъяснимая улыбка, и отразилась въ ея глазахъ, полныхъ удивленія передъ вѣчностью.

Жанъ Вальжанъ взялъ обѣими руками голову Фантины, поправилъ ее на подушкѣ, какъ мать поправила бы голову своего ребенка, потомъ завязалъ на ней рубашку, и подобралъ подъ чепчикъ волосы. Сдѣлавъ это, онъ закрылъ ей глаза.

Въ эту минуту, казалось, какое-то сіяніе окружало лицо Фантины.

Рука Фантины свѣсилась съ постели. Жанъ Вальжанъ всталъ на колѣни поднялъ ее осторожно и поцаловалъ.

Потомъ всталъ и, повернувшись къ Жоверу, сказалъ:

— Теперь я къ вашимъ услугамъ.

Жоверъ препроводилъ Жана Вальжана въ городскую тюрьму. Арестованіе Маделена произвело въ М. — на М. — странное впечатлѣніе, или лучше сказать потрясеніе. Хотя и грустно, но надо сознаться, что при одномъ словѣ: «это былъ каторжникъ», всѣ почти докинули его. Не прошло и двухъ часовъ, какъ все сдѣланное Маделеномъ добро было забыто. Справедливость требуетъ прибавить, что никто еще не зналъ подробностей происшествія въ Аррасѣ. И цѣлый день, всюду по городу слышались разговоры въ родѣ слѣдующаго:

— Слышали? Вѣдь онъ былъ каторжникъ! — «Кто?» — Мэръ. — «Что, господина Маделена?» — Его имя не Маделенъ; а какое-то ужасное: Бежанъ, Божанъ, Бужанъ. — «Господи! Господи!» — Его арестовали? — Арестовали! Посадили въ тюрьму, въ городскую, пока не переведутъ! Его переведутъ! — «Куда жъ его переведутъ?» — Переведутъ въ уголовный судъ за грабежъ на большой дорогѣ. — «Ну, я такъ и думалъ. Человѣкъ этотъ былъ слишкомъ добръ, безукоризненъ. Отказался отъ креста, раздавалъ милостыню всякому встрѣчному и воперечному мальчишкѣ. Я всегда думалъ, что тутъ кроется что-нибудь нехорошее».

Разговоры такого рода въ особенности преобладали въ гости-

Какая-то старая дама, водилщица на «Бѣлое Знамя», сдѣлала замѣчаніе, глубины котораго не возможно объять; вотъ оно:

— Я очень рада. Это будетъ урокомъ бонапартистамъ!

Во всеяъ городѣ осталось всего трое или четверо, съ чувствомъ воспоминавшихъ о Маделенѣ. Старая служанка его была въ этомъ числѣ.

Вечеромъ того же дня эта добрая старуха, еще совершенно шестолетняя, сидѣла въ своей комнатѣ, печально размышляя о случившемся. Цѣлый день фабрика была закрыта, главная дверь на запорѣ, и улица пуста. Во всемъ домѣ оставались только двѣ монахини, сестры милосердія, сидѣвшія у тѣла Фантины.

Къ тому времени, когда г. Маделенъ имѣлъ обыкновеніе возвращаться домой, добрая старуха взяла изъ шкапчика ключъ отъ комнаты г. Маделена, и его свѣчку, повѣсила ключъ на гвоздикъ, съ котораго онъ обыкновенно самъ снималъ его, а свѣчку поставила подлѣ, какъ это она дѣлала всегда, когда ждала его. Потомъ опять сѣла на прежнее мѣсто и задумалась. Старуха сдѣлала все это совершенно безсознательно.

Только часа черезъ два она опомнилась и сказала: «Господи, Господи! а я то повѣсила его ключъ на гвоздикъ!»

Въ эту минуту окно въ ея комнату отворилось, просунулась какая-то рука, взяла ключъ и зажгла свѣчку.

Привратница подняла глаза и остолбенѣла, крикъ замеръ у ней на губахъ.

И эта рука, и этотъ рукавъ были ей знакомы.

Передъ ней стоялъ Маделенъ.

Нѣсколько минутъ, она не могла говорить, она была «поражена», какъ выразилась она сама, потомъ рассказывая объ этомъ происшествіи.

— Господи, господинъ мэръ, закричала она: — а я думала, что вы....

Она остановилась, конецъ фразы не могъ быть достаточно почтительнымъ. Въ ея глазахъ Жанъ Вальжанъ былъ все еще мэръ.

Онъ докончилъ ея фразу.

— Въ тюрьмѣ? сказалъ онъ. — Я и былъ въ ней; но разломилъ оконную рѣшетку, спрыгнулъ съ крыши и пришелъ. Теперь я пойду къ себѣ въ комнату, а вы позовите ко мнѣ сестру милосердія Снншису. Она навѣрно теперь у покойницы.

Старуха хорощиво пошла исполнять приказаніе.

Онъ не просилъ ее быть осторожной, зная, что она бережетъ его лучше его самого.

Неизвестно, какъ попалъ онъ на дворъ не отворивъ воротъ. При немъ всегда былъ другой ключъ отъ калитки, но въ тюрьмѣ его, разумѣется, обыскивали и вѣрно взяли ключъ. Этотъ фактъ не былъ разъясненъ.

Онъ поднялся къ себѣ въ комнату. На послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы онъ оставилъ свѣчку, затѣмъ тихо отворилъ дверь, прошелъ на цыпочкахъ къ окну, заверъ его и ставню, потомъ воротился за свѣчой.

Предосторожность эта была не бесполезна. Окно его было видно съ улицы.

Жанъ Вальжанъ осмотрѣлся. Все было прибрано въ комнату.

Онъ взялъ листъ бумаги и написалъ: «вотъ два конца моей желѣзной палки, и двухъ франковъ монета, украденная у маленькаго Жерве, о которой я говорилъ въ судѣ». На этотъ листъ положилъ онъ монету, и желѣзные концы палки, такъ что войдя въ комнату они первые должны были броситься въ глаза. Изъ комода онъ вынулъ старую рубашку, и изорвалъ ее. Въ эти тряпки завернулъ онъ два серебряныхъ подсвѣчника. Все это онъ дѣлалъ не торопясь и спокойно. Завертывая подсвѣчники, онъ ѣлъ черный хлѣбъ, — хлѣбъ, который вѣроятно онъ захватилъ съ собой, убѣгая изъ тюрьмы.

Это подтвердилось крошками, найденными на полу его комнаты, когда потомъ дѣлали обыскъ.

Въ дверь тихо стукнули два раза.

— Войдите, сказалъ онъ.

Вошла сестра Синплиса.

Она была блѣдна, съ заплаканными глазами, свѣчка дрожала въ ея рукѣ.

Протрясенія дня были такъ сильны, что изъ монахини она стала женщиной. Она плакала и дрожала.

Жанъ Вальжанъ написалъ нѣсколько строкъ и подалъ ей записку, говоря:

— Отдайте это священнику.

Записка была развернута, она взглянула на нее.

— Можете прочесть, сказалъ онъ.

И она прочла: «прошу васъ, батюшка, позаботиться обо всемъ, что я здѣсь оставляю. Заплатите за мой процессъ все, что

слѣдуетъ, похороните женщину умершую сегодня, а остальное бѣднымъ.»

Монахиня хотѣла что-то сказать, но не могла, наконецъ ей удалось промѣшести:

— Не угодно ли господину мѣру взглянуть въ послѣдній разъ на покойницу?

— Нѣтъ, сказалъ онъ:— за мной будетъ погоня, и если меня найдутъ у нея въ комнатѣ, это обезножитъ ее.

Не успѣлъ онъ кончить, какъ по лѣстницѣ раздался сильный шопотъ. Множество шаговъ; старая привратница громко и проницательно говорила:

— Ей-богу, сударь, цѣлый день никто сюда не входилъ, я какъ не отходила отъ дверей!

Кто-то отвѣчалъ:

— А отчего же въ комнатѣ свѣтъ?

Это былъ голосъ Жовера.

Устройство комнаты было такого рода, что дверь отворяясь прикрывала уголь съ правой стороны. Жанъ Вальжанъ задулъ свѣчку и всталъ въ этотъ уголь.

Сестра Синплиса упала на колѣни подлѣ стола.

Дверь отворилась.

Вошелъ Жоверъ.

Въ корридорѣ слышался шопотъ нѣсколькихъ голосовъ, и увѣренія привратницы.

Монахиня не поднимала глазъ. Она молилась.

На каминѣ горѣла сальная свѣча и слабо освѣщала комнату.

Жоверъ, при видѣ сестры, въ недоумѣннн остановился.

Жоверъ былъ до мозга костей проникнутъ уваженіемъ ко всякой власти. Духовная же власть естественно въ его глазахъ была выше всѣхъ другихъ: Жоверъ былъ набоженъ и суевѣренъ. Онъ вѣрилъ, что священникъ никогда не можетъ ошибиться, а монахиня не можетъ солгать.

Увидавъ сестру, онъ хотѣлъ удалиться. Но сознание служебнаго долга остановило его и онъ рѣшился предложить вопросъ.

Передъ нимъ стояла сестра Синплиса, женщина во всю жизнь свою не сказавшая неправды. Жоверъ зналъ это и за это-то особенно уважалъ ее.

— Сестра, сказалъ онъ: — вы однѣ въ этой комнатѣ?

Въ эту роковую минуту привратницѣ казалось, что она умираетъ.

Сестра подняла глаза и отвѣчала:

— Да.

— Простите меня, продолжалъ Жоверъ: — что я такъ настаиваю, но это мой долгъ; не видѣли ли вы одну особу, человѣка, онъ бѣжалъ, мы ищемъ его, — Жанъ Вальжанъ, не видѣли вы его?

Сестра отвѣчала: — нѣтъ.

Она солгала. Солгала два раза сряду, не колеблясь.

— Простите, сказалъ Жоверъ, и удалился почтительно шлепаясь.

Святая дѣвушка! Да зачтется тебѣ въ рай ложь эта!

Слова сестры казались Жоверу такой несомнѣнной истиной, что ему не показалась даже подозрительной потушенная и еще дымившаяся свѣчка, стоявшая на столѣ.

Часъ спустя, какой-то человѣкъ, пробираясь между деревьями и кустами, быстро удалялся изъ М. на М. къ Парижу. Это былъ Жанъ Вальжанъ. По показанію двухъ или трехъ ломовыхъ извозчиковъ, встрѣтившихъ его, на немъ была блуза и онъ несъ узелокъ. Откуда взялъ онъ блузу, — неизвѣстно.

Еще одно слово о Фантинѣ.

Священникъ полагалъ, что онъ поступаетъ хорошо, — да можетъ быть онъ поступилъ и въ самомъ дѣлѣ хорошо, — удержавъ изъ денегъ Жана Вальжана все, что было только можно для бѣдныхъ. Да и о комъ тутъ шло дѣло? О каторжномъ, о публичной женщинѣ?... И священникъ упростилъ похороны до послѣдней возможности, опустивъ тѣло Фантины въ обшную яму.

ИЗЪ ФЕЛИСИ ГИМНІСЪ.

Все, что вольно, снится мнѣ:
Голубой степной потокъ,
И по яркой быстринѣ
Убѣгающій челнокъ;
Скокъ оленя въ тѣмѣ лѣсовъ —
Глазъ въ огнѣ, рога къ спигѣ;
Звонъ отъ тысячи ручьевъ....
Все, что вольно, снится мнѣ!

Надъ зубцами ясныхъ горъ
Снится мнѣ полеть орла,
Виденъ солнечный просторъ,
Слышенъ шумный взмахъ крыла.
Я иду.... кусты къ рѣкѣ
Никнуть будто въ мирномъ снѣ....
Хоть бы парусъ вдалекѣ....
Все, что вольно, снится мнѣ.

Снится мнѣ дитя въ цвѣтахъ
Средь сіяющихъ полянъ;
Синей ночью при звѣздахъ
Станъ кочующихъ цыганъ;
Шумъ на людныхъ площадяхъ;
Рощи въ праздничномъ огнѣ....
Сердце сдавлено въ цѣпяхъ —
И что вольно, снится мнѣ!

ИЗЪ ТОМАСА ГУДА.

СТАНСЫ.

I.

Жизнь, прощай! Мутится умъ;
Міръ сталъ мертвенно угрюмъ;
Меркнетъ свѣтъ, и тьма растеть,
Словно ночь громясь идетъ;
Холодный и холодный
Сѣрый паръ ползеть съ полей, —
И дыханье розъ смѣнилъ
Запахъ тлѣнья и могиль.

II.

Здравствуй, жизнь! Теплѣетъ кровь;
Ожила надежда вновь;
Черный страхъ бѣжитъ, какъ тѣнь
Отъ лучей, несущихъ день;
Быстро гонять тьму и кладъ
Свѣтъ, тепло и ароматъ....
Запахъ тлѣнья все слабѣй,
Запахъ розы все слышнѣй.

МНХ. ПЛЕЦКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОСЛѢДНІЙ ВЕНЕЦІАНСКІЙ ДОЖЬ.

(ДАВІДЪ ПАЛЛИ 1848 Г.)

Исторія Венеціанской республики — наыворотъ исторія другихъ итальянскихъ республикъ: въ то самое время, когда во Флоренціи, напр., аристократическая община уступала свое первенство народу — общинѣ del popolo magro — въ Венеціи олигархія покупала у народа его права на участіе въ управленіи городомъ и зависящими отъ него провинціями. Народъ уступилъ охотно, потому что ему платили очень щедро, и Великій Совѣтъ все болѣе и болѣе сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власть, ослабляя всѣ другія учрежденія и низводя самого дожа на степень коронованной и богатоукрашенной куклы, предвѣщенной единственно для того, чтобы занимать почетное мѣсто во всякого рода процессіяхъ и торжествахъ, которыми развлекали народъ. Въ самомъ началѣ XIV столѣтія этотъ олигархическій деспотизмъ уже сильно вкоренился въ Венеціи и народъ выносилъ его очень охотно, такъ что когда дожъ Мартино-Фальеро затѣялъ внутреннюю перевороту, чтобы возвратитъ своему сану утраченное величіе, предпріятіе его встрѣтило сочувствіе только въ очень немногихъ, и самъ онъ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ архитекторомъ Комендаріо и нѣсколькими

другими гражданами, сталъ жертвою собственныхъ замысловъ, и кровь ихъ пролилась, не вызвавъ даже мстителей за нихъ участь....

Это олигархическое, нелѣпное устройство республики на подобіе коммерческаго дома, гдѣ цѣнились только одинъ успѣхъ и гдѣ банкротство было худшій позоръ—продолжалось очень хорошо до тѣхъ поръ, пока венеціанская торговля процвѣтала; но едва пришло то время, что государственныхъ доходовъ не стало хватать на плату наемныхъ войскъ, когда сосѣди стали мстить Венеціи, какъ большому льву за старыя обиды, тогда живо почувствовали недостатокъ въ гражданахъ, какихъ не могли породить, развѣвшіеся на выгодныхъ спекуляціяхъ, коммерческое сословіе и народъ, который, въ нѣсколько вѣковъ жизни подъ отеческимъ управленіемъ Великаго Совѣта, успѣлъ отвыкнуть отъ политической жизни. Среднее сословіе въ Венеціи не имѣло никакого значенія, ни даже смысла: оно состояло на половину изъ негодіантовъ, неуспѣвшихъ еще нажать себѣ порядочные капиталы для того, чтобы стать отцами отечества, и на половину изъ разорившихся олигарховъ—и тѣ и другіе равно были погружены въ коммерческіе расчеты, мало заботясь объ остальномъ.

Такимъ образомъ республика св. Марка перестала существовать еще за долго до того, какъ Наполеонъ I занялъ ее своими войсками. Ее терпѣли и покровительствовали сильные сосѣди и по преимуществу Австрія, которой она скоро стала однимъ изъ самыхъ покорныхъ вассаловъ.

Обстоятельства, сопровождавшія взятіе Венеціи французами, достаточно показываютъ, какъ хилъ былъ правительственный организмъ республики. Едва пришло въ собранійшей по этому поводу Великой Совѣтъ извѣстіе о приближеніи непріятеля, отцы отечества очень охотно сложили съ себя всякую верховную власть и отдали ее въ руки дожа Манина—крестнаго отца Давида Манина. Тотъ, озадаченный печальнымъ событіемъ, раскидался въ полномъ собраніи, какъ ребенокъ, и не нашелся сказать ни слова. Тогда народъ, которому съ давнихъ поръ запрещено было носить оружіе, вышелъ на площадь; кестями и жонками вырывалъ плиты изъ мостовыхъ и устроилъ баррикады, которыя отчаянно защищалъ противъ иностранныхъ пришельцевъ; женщины помогали мужчинамъ чѣмъ могли, и мужественно лили изъ оконъ кипящую смолу и масло на трехуголни будущей великой арміи. Французы, однакожъ, взяли верхъ и повѣсили свое трехцѣтвное знамя на флагштокъ близь церкви св. Марка. При этомъ печальномъ зрѣлищѣ одинъ извѣстный венеціанскій аристократъ второпякъ оставилъ собраніе сената, побѣжалъ въ свой дворецъ и приказалъ тотчасъ же накрѣпо запереть двери, которыя открылись только черезъ 15 лѣтъ послѣ

того, и для того только, чтобы пропустить воеводичковъ съ траурнымъ гробомъ на плечахъ, въ которомъ покоились бранные останки достойнаго отца отечества... Остальная аристократія послѣдовала его примѣру и заживо похоронила себя въ своихъ великолѣпныхъ дворцахъ, которые долго послѣ того стояли мрачныя и пустыя, какъ гробы, пока наконецъ промышленное поколѣніе завело въ нихъ гостинницы и магазины, а австрійское правительство обратило остальные въ полицейскіе бюро и въ жандармскія казармы. Венеціанская аристократія съ тѣхъ поръ на вѣки исчезла съ лица земли.

У народа не было дворцовъ, гдѣ бы онъ могъ укрыться отъ налоговъ и всякаго рода стѣсненій, которыми обременяли его государствающіе рыцари свободы. Французское правительство не могло быть выносимо безропотно венеціанцами, у которыхъ многими вѣками праздной домашней жизни успѣли выработаться свои совершенно особенныя и чисто практическія взгляды на общественное устройство. Новому правительству нужны были деньги, и оно не стѣснялось обременять новыми налогами новыя провинціи, а венеціанцы, привыкшіе сами брать подать съ своего правительства, всего неохотнѣе принимали это нововведеніе. Неудовольствіе было всеобщее, но ихъ героическая попытка 1797 г. достаточно показала имъ собственную ихъ слабость передъ непріятелемъ, и они ограничивались мирными демонстраціями, гордыми протестами и пр. Трактатъ Кампо-Форміоскій, отданный Австріи Венецію, былъ встрѣченъ довольно хладнокровно, хотя многими ухудшалъ положеніе города и провинцій.

Трудно встрѣтить два народа, которые и по развитію, и по природѣ были бы такъ противоположны одинъ другому и такъ мало способны понимать другъ-друга, какъ венеціанцы и австрійцы. Послѣ вѣнскаго конгресса Венеція очутилась совершенно изолированной отъ всѣхъ другихъ провинцій Аппенинскаго полуострова, въ лапахъ австрійскаго двуглаваго орла. Народъ ненавидѣлъ своихъ новыхъ владѣтелей, гордо и дерзко оскорблялъ ихъ на каждомъ шагѣ, но до открытой оппозиціи не доходило и можетъ быть не изъ одного только страха передъ ихъ силою. Венеціанскому народу ничего не было дороже въ его прошедшемъ. Онъ понималъ очень хорошо, что счастливыя годы республики съ Марка прошли безвозвратно и что убилъ ихъ не французы, не австрійцы. За послѣднее время управленія коммерческой аристократіи народъ успѣлъ возненавидѣть ее всѣмъ сердцемъ и съ перемѣною судьбы неважнѣе эта возросла еще больше, такъ какъ во всѣхъ чердакахъ и подвалахъ Венеціи и между жилацами портковъ старыхъ прокуратовъ очень распространено было мнѣніе, что аристократы продали и народъ и родину иностранцамъ. Гондольтеры и работники нодъ самымъ воеводъ австрійскихъ часовыхъ раси-

вали оскорбительные для завоевателей куплеты своего народного поэта Бурати, между прочимъ и слѣдующій, въ которомъ авторъ съ исключительно ладзоронской точки зрѣнія дѣлаетъ оцѣнку трехъ существовавшихъ въ Венеціи правительствъ:

«Quando Marco comandava
Si disnova e si cenava;
Colla cara liberta
S'ha disnà, non s'ha cenà;
Colla Casa di Lorrena
Non si disna, nou si cena.»

«Во времена св. Марка (то есть лучшія времена управленія Великаго Совѣта) мы и обѣдали и ужинали; съ любезною свободою — съ французскою республикою — обѣдали, но не ужинали; а съ Лотарингскимъ домомъ не обѣдаемъ и не ужинаемъ.»

На народныхъ театрахъ, несмотря на всѣ полицейскія строгости, давались фарсы, въ которыхъ австрійцамъ предназначены были самыя обидныя для нихъ самолюбія роли, и на нихъ передѣлывались всѣ смѣшныя и каррикатурныя анекдоты, которыхъ героями прежде бывали триестинскіе славяне и греки. Но собственно народная литература, имѣвшая большое вліяніе на переворотъ 1848 г. явилась гораздо позже.

Народу не доставало единства; корпораціи, потерявшія даже и тѣнь всякаго политическаго значенія, продолжали однакоже ненавидѣть другъ-друга; не доставало одного, дорогаго всѣмъ и каждому знамени, подъ которымъ каждый готовъ бы былъ драться до послѣдней капли крови; не доставало центра — человѣка, или идеи, вокругъ котораго собрались бы всѣ элементы венеціанскаго народонаселенія....

Вѣнскіе администраторы, очень плохо понимавшіе настоящій характеръ и нужды венеціанцевъ, мало знакомые съ положеніемъ дѣлъ въ новой провинціи имперіи, не могли однакоже не замѣчать этой слабости, и вѣрные своей политикѣ — *divide et impera* — старались съ одной стороны еще болѣе ослабить венеціанцевъ, съ другой — загнать ихъ жестокими и деспотическими предьявленіями своей власти. Ихъ усиліями въ теченіе долгаго времени поддерживалась борьба между корпораціями, ненависть между провинціями и старою провинціей, между Венеціанскою областью и Ломбардією. Съ этимъ цѣлью однимъ давались привилегіи и преимущества, другимъ угнетали; въ падуанскомъ университетѣ старались поддержать старую борьбу между ломбардскою и венеціанскою корпораціями; затруднены были до нельзя сообщенія между провинціями и пр. Между тѣмъ усилены

олондскія строгости, придана публичность варварскимъ военнымъ удамъ и заведено какое-то вѣчное осадное положеніе.

Запуганная тяжелыми событіями, умственная жизнь въ Венеціи совершенно притихла, а правительство приняло всевозможныя мѣры для того, чтобы, невзначай, извнѣ, не попала туда какая нибудь скра. Но, — какъ это очень часто бываетъ, — излишнія предосторожности произвели совершенно противоположные результаты. Мѣры, которыхъ ожидала отъ нихъ Австрія. Распространенныя въ то время на всемъ полуостровѣ, и въ особенности въ неаполитанскихъ провинціяхъ, тайныя общества — массоны, карбонары, просвѣденные (illuminati) — конечно не проникли бы никогда въ Венецію черезъ тройную преграду жандармовъ, шпионовъ и всякаго рода полицій, а если бы и проникли, то не встрѣтили бы тамъ никакого соувствія, если бы само правительство не подало опасный примѣръ народу своимъ публичнымъ судомъ и циническимъ чтеніемъ приговора на площади св. Марка ломбардскимъ карбонарамъ, въ числѣ которыхъ былъ и Сельвіо Пеллико, пользовавшійся особенною популярностью въ Венеціи и обужденный на пожизненное заключеніе. Ознавая само опасность своего положенія, австрійское правительство сочло за лучшее окружить сильною цѣпью солдатъ всю площадь и поставить сильную баттарею на «riazzetta». Эта обстановка еще болѣе возмутила зрителей, и тутъ въ первый разъ венеціанская чернь грозно зарычала, какъ раненый левъ, такъ что военный комендантъ готовъ уже былъ отдать приказъ стрѣлять по ней.... Но это былъ минутный порывъ, который прошелъ очень скоро; только мальчишки собирались по вечерамъ у оконъ тюрьмы какого узника, и кричали ему: «Addio, Silvio!»

Самая главная ошибка австрійскаго правительства заключалась въ томъ, что оно оставило въ рукахъ венеціанцевъ весь флотъ, въ то время, что такъ какъ онъ исключительно представлялъ аристократическій элементъ страны, то не могъ представить ему значительной оппозиціи. Расчетъ этотъ оказался невѣрнымъ, потому что аристократическій элементъ во флотѣ очень скоро уступилъ новому чир-демократическому и враждебному Австріи, и такимъ образомъ народу представилась возможность выйти изъ того грубаго нещастья, въ которомъ онъ находился прежде, и усилить ряды дальняго сословія, которому этимъ самымъ приданъ совершенно новый смыслъ и значеніе. Между тѣмъ и число надуинскихъ студентовъ не возрастало, такъ какъ коммерческая дѣятельность, со своей стороны открывая морю Францію въ Триестѣ, упала окончательно. Куда демократическій элементъ пролилъ и въ литературу, которая

въ Венеціи больше, чѣмъ гдѣ нибудь, имѣла вліяніе на народъ, и оживилъ ее своими совершенно новыми началами...

Еще прежде этого въ Ломбардіи Манцони затѣялъ литературную революцію, и нашелъ очень много послѣдователей въ самомъ непродолжительномъ времени. Австрійское правительство стужало повидно, что реформа, начатая Александромъ Манцони, могла имѣть не только литературное значеніе, а потому и послѣдила представить ему эвергическую оппозицію черезъ посредство цензоровъ, жандармовъ, «Миланскаго Вѣстника» и Винченцо Монти. Этотъ добрый и ученый педагогъ и до смерти не понялъ, что защищая противъ нововведеній «дерзкой сѣверной школы» старыя литературныя формы, греческихъ боговъ и авторитеты, онъ являлся рыцаремъ средневѣковаго папства и вѣлскихъ боговъ....

Въ Венеціи первый внесшій романтизмъ въ литературу былъ Бензонъ, умершій очень молодымъ и написавшій всего одну только поэму «Hella», имѣвшую громадный успѣхъ въ свое время, а теперь совершенно забытую во всей Италіи. Приемникомъ его былъ Лунджи Корреръ, падуанскій студентъ, сынъ простаго лодочника. Ихъ нововведеніе имѣло тѣмъ большій успѣхъ, что классицизмъ въ Венеціи существовалъ въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, и что Австрія не могла найти здѣсь ни одного Винченцо Монти, и никого, кто бы могъ хотя сколько нибудь ему противудѣйствовать. Къ тому же Венеція съ давнихъ поръ была отечествомъ всякаго рода научныхъ и религіозныхъ реформъ, и венеціанцы Сарпи и Сагрето первые возстали противъ авторитетовъ въ наукѣ вообще и противъ Аристотеля въ особенности, гораздо раньше, чѣмъ Галилей появился на свѣтъ со своею новою теоріею землевращенія....

Романтизмъ Коррера былъ несравненно опаснѣе для Австріи, чѣмъ манцоніевскія нововведенія въ Ломбардіи: молодой студентъ съ венеціанскимъ остроуміемъ, наполнялъ свои юпошескія поэмы намеками и вовсе не двусмысленными воззваніями. Наконецъ, въ одномъ изъ сонетовъ своихъ, онъ открыто уже призывалъ народъ къ возстанію; но къ несчастью, самъ, слишкомъ испуганный своимъ огромнымъ успѣхомъ, тотчасъ вслѣдъ за этимъ написалъ другой, на выздоровленіе вице-короля, и этимъ убилъ свою репутацію.

Въ это время всѣ умы были до такой степени настроены на одну тѣму, что даже самая наука приняла какой-то революціонный и враждебный Австріи характеръ. Венеціанскій Атевей невольно обратился въ національный комитетъ и даже митрополитъ архиепископъ Зивануилъ Чеконья въ своемъ ученомъ сочиненіи «Венеціанскія вѣдѣнія» не устоялъ противъ всеобщаго направленія. А между тѣмъ старшій поэтъ Бураати — національскій Баракко — сумелъ даже бы посредни-

комъ между литературою и червю, популяризируя новыя идеи, и во всей Венеціи не было ни лодочника, ни носильщика, который бы не зналъ наизусть по крайней мѣрѣ дожины его стиховъ и имена лучшихъ венеціанскихъ литераторовъ, которыхъ сочиненія онъ еще не понималъ, да и не читалъ по всей вѣроятности.

Въ силу старой своей системы, вѣнскій кабинетъ постоянно переводилъ изъ Ломбардіи чиновниковъ въ Венецію и обратно, а они служили посредниками между двумя провинціями; тогда какъ моряки знакомили своихъ соотечественниковъ съ положеніемъ другихъ странъ Италіи и Европы, которыя имъ случалось видѣть во время путешествій....

Въ это самое время умеръ Францъ I, и со вступленіемъ на престолъ сына его Фердинанда, измѣнилась политика вѣнскаго кабинета, а слѣдовательно и судьба Венеціи....

Старый девизъ римскаго сената: divide et impera — замѣненъ былъ новымъ — vigibus unibus: начались гоненія пуще прежняго противъ всего, напоминавшаго автономію отдѣльныхъ провинцій имперіи; централизационныя попытки министерства, нелѣпыя и жестокия, легли тяжелымъ грузомъ на плечи подданныхъ, и даже герцѣливая Вѣна не могла безропотно выносить эти нововведенія. Скоро вся государственная администрація стала огромной корпораціею жандармовъ, таможенныхъ стражей, тупыхъ бюрократовъ, шпионовъ и солдатъ, упорно пресѣдававшихъ все, въ чемъ была хотя бы жизнь. Вниманіе правительства, конечно, обратилось главнымъ образомъ на положеніе подвластныхъ ему итальянскихъ провинцій, которое дѣйствительно становилось угрожающимъ. Въ Падуѣ неоднократно уже бывали кровавыя стычки между студентами и полиціею; ссоры студенческихъ корпорацій были забыты, ломбарды и венеціанцы дружно вмѣстѣ возстали противъ стѣснительнаго австрійскаго университетскаго устава....

Преобразование началось прежде всего съ флота, такъ какъ видное морское министерство находило, что офицеры, начиная съ адмирала Пеллуцци и кончая послѣднимъ гардемаринномъ, — все образованы съ дугою имперіи. Назначена была комиссия подъ предсѣдательствомъ арцгерцога Фридриха и доковника Мариновича — командира венеціанскаго арсенала и рабочихъ ротъ. Но сколько ни выгоняли ихъ старыхъ и молодыхъ офицеровъ — имъ не удалось уничтожить аркадійскій элементъ, единкомъ уже вкоренившійся въ венеціанскихъ корабляхъ.

Новый центурный уставъ, гораздо строгѣе прежняго, заставлялъ читать литературу. Ясноло и Томасо еще молодыми были.

во Флоренцію, и въ Венеціи не осталось ни одного дорогого народу имени.

Послѣдніе остатки венеціанской автономіи были уничтожены, и венеціанское законодательство безъ малѣйшихъ измѣненій получило силу и въ итальянскихъ провинціяхъ. Правительственныя строгости возбуждали явныя неудовольствія повсюду; одна Венеція упорно молчала, и вѣнскіе администраторы, приписывая это молчаніе или полному индифферентизму, или безсилію, все смѣлѣе и смѣлѣе обращались съ своими долготерпѣливыми подданными.

Между тѣмъ приближался 48-й годъ: вся Італія была въ волненіи, на мѣсто прежнихъ мистическихъ тайныхъ обществъ появились новыя, энергическія и дѣятельныя. Романья возстала противъ папы; самый Римъ былъ неспокоенъ, и на Югѣ въ особенности порождались новыя политическія секты. Маццини проповѣдывали единство Італіи, Менотти въ Болоньи дрался за этотъ принципъ, и пьемонтское правительство замѣтно начало склоняться на сторону нововведеній. Въ Венеціи все это находило отголосокъ только въ немногихъ избранныхъ, т. е. поставленныхъ въ болѣе выгодное положеніе; посредникомъ между ними и народомъ послужили сперва публичныя выставки. Академія художествъ и самая живопись получила, вслѣдствіе этого, совершенно другой характеръ, который не ускользнулъ отъ зоркихъ глазъ австрійскаго правительства. Объявлено было, что за картины, сюжетъ которыхъ заимствованъ изъ исторіи Венеціанской республики, не будутъ выдаваться преміи; но это не произвело должнаго впечатлѣнія, и вынуждены были закрыть самыя выставки для народа....

Хотя многіе имѣли возможность доставать черезъ посредство моряковъ, или другими путями, сочиненія, выходившія на свѣтъ въ другихъ частяхъ Італіи,—Венеція слишкомъ была занята собственнымъ тяжелымъ положеніемъ и мало заботилась объ остальныхъ, оставалась совершенно равнодушною къ новымъ идеямъ и политическимъ догматамъ, проповѣдуемымъ Маццини. Молодежь составляла тѣсныя и очень немногочисленныя кружки, совершенно изолированныя одна отъ другаго. Передовое селеніе мечтало только о нѣкоторыхъ ослабленіяхъ полицейскихъ строгостей; народъ не предвзвѣно хотѣлъ того, чего хотѣтъ всѣ народы—хлѣба и вѣршицы; но усталый отъ гоменій и отъ бездѣйствія—готовъ былъ идти впередъ за первыми, кто сумѣлъ бы освѣтить его блескомъ героическаго подвига, или же крайней нѣрѣ; распродѣляясь. Но какъ-то ищуще не находилось. Братья Брандъера, морскіе офицеры, весной 44-го года зашли опасною высадку въ Кабріа съ оченъ небольшимъ числомъ приверженцевъ, но большей части венеціанскаго народа, и

со знаменемъ единства Италіи. Оба они погибли въ этомъ предпріятіи. Въ Венеціи всѣ были возмущены ихъ казнью, провозглашали ихъ мучениками любви къ родинѣ, но въ сущности очень мало понимали нѣтъ настоящую цѣль...

Центромъ одного изъ маленькихъ домашнихъ кружковъ, въ которыхъ сосредоточивалась большая часть тогдашней политической жизни Венеціи — былъ Даниэль Манинъ, сынъ крещеннаго жидка, крестника того дежа Манина, который торжественно плакалъ въ совѣтъ по случаю занятія Венеціи французскими войсками.

Въ то время, когда братья Бандьера умирали въ Калабріи, Даниэль Манинъ только-что выступилъ на поприще политической жизни, и вступленіе его далеко не было блестяще и не обѣщало ничего. Личность Манина сама по себѣ замѣчательна только тѣмъ, что не будучи вовсе гениемъ, онъ имѣлъ однакоже громадное вліяніе на судьбу всей Италіи. Наружность его была далеко не привлекательна: маленькій, съ огромной головой, съ довольно толстыми губами и плутовскими сѣрыми глазками, съ широкимъ мясистымъ лбомъ, толстымъ носомъ и выдающимися скулами, онъ такъ мало созданъ для классическихъ изображеній, что когда въ прошломъ году въ Туринѣ задумали вставить ему памятникъ, скульпторъ не рѣшился поставить его статую рядомъ съ мраморными портретами генерала Пеше и Чезаре Бальбо, а изобразилъ на мѣсто его Италію въ видѣ вооруженной женщины, со щитомъ въ рукѣ, на которомъ въ барельефѣ выгравированъ идеализированный портретъ Манина.

Очень молодымъ онъ окончилъ курсъ въ падуанскомъ университетѣ, былъ очень хорошимъ математикомъ, отличался прилежаніемъ и сметливостью, болѣе чѣмъ блестящими качествами ума. Отецъ его, хотя еврей, не оставилъ ему никакого состоянія, и онъ долженъ былъ въ адвокатствѣ, которое избралъ своей профессіей, искать себѣ средствъ къ жизни. Очень молодымъ онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, за которой не взялъ никакого приданнаго.

Заплативъ исключительно своими ремесломъ, онъ мало занимался политическими дѣлами, пока наконецъ дѣшевныя его обстоятельства улучшились и позволили ему поселиться съ нѣкоторыми удобствами въ маленькомъ домикѣ въ Мострѣ, ближайшемъ изъ Венеціи городѣ материка. Тамъ онъ давалъ маленькія пріятельскія вечеринки, и въ числѣ обитателей его посѣтителей были многіе изъ лицъ, принадлежавшихъ очень оживленному участію въ италіанскомъ движеніи, и ставшихъ впоследствии по главѣ венеціанской революціи.

Манинъ былъ въ полномъ смыслѣ слова то, что называлось прав-

тический человек. Первое и долгое время единственным его заботою было обезпечить независимый средства къ существованію себѣ и маленькому своему семейству. Едва успѣвъ оладить оныя въ сторону маленькій капиталъ, тотчасъ же вступилъ въ коммерческіе обороты и сталъ членомъ венеціанскаго коммерческаго общества. Общество это было единственною въ то время ассоціаціею, устоявшею противъ преслѣдованій правительства; оно служило проводникомъ національныхъ идей и, подъ прикрытіемъ своей торговой фирмы, занималось науками и всего болѣе политикой. Оно заводило журналы въ Венеціи, Падуѣ, Триестѣ, Миланѣ и др. городахъ австрійской Италіи, гдѣ имѣло своихъ агентовъ. Подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ оно вошло въ сношеніе съ триестинскимъ «Ллойдомъ». Депутаты триестинской торговли дали на пароходахъ «Ллойд» банкеты съодинаки этому обществу, и это, чисто частное дѣло имѣло однакоже очень важное значеніе, такъ какъ въ Венеціи тогда всё сколько нибудь существенныя вопросы сводились въ одному. На этомъ обѣдѣ сказанно было нѣсколько торжественныхъ рѣчей; потомъ переданныкъ въ единственному сколько нибудь либеральному журналѣ того времени: «Il Gondoliere», издававшемуся подъ покровительствомъ общества. Слѣдствіемъ всего этого было новое волненіе умовъ и многія ассоціаціи...

Это натуновое положеніе, по естественному ходу событий, не могло продолжаться долго. Скоро дѣйствительно началась венеціанская революція очень мирнымъ путемъ журнальныхъ распрій и протестовъ. Первымъ поводомъ послужилъ къ сей вопросъ о постройкѣ ломбардо-венеціанской линіи желѣзныхъ дорогъ. Общество состояло наполовину изъ вѣнскихъ и изъ ломбардо-венеціанскихъ акціонеровъ. Поездка къ нормальг недоразумѣніямъ послужила вѣтвь между Миланомъ и Брешией. Въ силу императорскаго указа, она должна была идти по рѣшкѣ мѣстности чрезъ Тревизию; нѣкоторые изъ ломбардо-венеціанскихъ акціонеровъ считали болѣе сообразнымъ со своими годами вести ее по долинамъ Верголло, что влекло къ несравненно большимъ издержкамъ, правда, но зато обѣщало и болѣе доходъ, такъ какъ она служила вспомогательной вѣтвью желѣзной дороги между Верголло и Миланомъ. Большая часть ломбардо-венеціанскихъ акціонеровъ приняла участіе въ этомъ послѣднемъ предпріятіи, а потому не мало заботившись о томъ, чтобы поныне работы не только не убавили старую дорогу, но даже дали бы ей болѣе значеніе. На этомъ основаніи они готовы были отказаться отъ венеціанства, которое дало австрійское правительство въ такомъ только случаѣ, если желѣзная дорога будетъ приведена сообразно утвержденному министерствомъ плану.

Вѣнскіе акціонеры, исключительно надіе на правительственные гарантіи, и вромѣ того, по многимъ соображеніямъ, желавшіе уладка дѣла боргаме-миланской, представили своимъ итальяскимъ собратьямъ очень энергическую оппозицію. Завязалась журнальная полемика, сперва задѣты были личныя выгоды обѣихъ сторонъ, наконецъ и ихъ самолюбіе.

Пока споръ касался чисто технической стороны вопроса, то главными борцами со стороны ломбардо-венеціанскихъ акціонеровъ были инженеры Поссенти и Палеонапа. Скоро однакоже дѣло дошло и до юридическихъ споровъ, и тогда Даниэль Маннинъ, слышій одиному изъ лучшихъ легистовъ въ Венеціи и который самъ былъ акціонеромъ, вступилъ на сцену. Сильный своею судейскою логикою, Маннинъ не выводилъ этого спора за предѣлы обыкновеннаго тяжебнаго дѣла, но онъ скоро получилъ совершенно новое и чисто національное направленіе, а слѣдовательно и совершенно особенное значеніе и характеръ. Честь эта однакоже вовсе не принадлежитъ Маннину, какъ утверждаютъ некоторые изъ черезъ-чуръ горячихъ его приверженцевъ. 7-го іюля (45г.), въ официальной венеціанской газетѣ, появилась статья, безъ подписи имени автора, въ которой вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ разбирался съ совершенно иной точки зрѣнія и въ тѣсной связи съ политическимъ бытомъ и будущей судьбой Ломбардо-Венеціанской области. Онъ доказываетъ на основаніи очень положительныхъ данныхъ, что акціонеры, при распредѣленіи новой вѣтви дорогъ, должны брать несравненно больше въ расчетъ статистическое положеніе праваго берега По, чѣмъ южныхъ вѣнецкихъ провинцій и предлагаетъ свой, совершенно новый проектъ. Статья эта произвела очень сильное впечатлѣніе и придала совершенно новый характеръ спору акціонеровъ. Австрійское правительство, чтобы избѣжать болѣе печальныхъ послѣдствій, вынуждено было само принять сторону ломбардо-венеціанцевъ и утвердило новый проектъ, сообразно ихъ желаніямъ и требованіямъ. Такимъ образомъ Маннинъ и его партія были поставлены совершенно неожиданно въ самое лучшее положеніе, ставши партіазамкомъ австрійскаго правительства, тогда какъ вѣнскіе акціонеры, подъ предводительствомъ графа Морони, представляли оппозицію. Будущій венеціанскій дожъ, кажется, одиному не очень смутился этимъ оборотомъ дѣла, и впрямь всего, на влечь разъ въ жизнь преобладало вросто самодовольное чувство побѣдителя и онъ публично приглашалъ Морони водрузить благодарственный адресъ, въ которомъ онъ, отъ лица всего общества, «дозрелъ» кричать къ стопамъ императора, съ изъясненіемъ живой и искренней благодарности за проявленіе благотѣльного доказательства августѣйшей справедливости и беспристрастнаго управленія.

Эта побѣда ломбардо-венеціанскихъ акціонеровъ надъ вѣнскими обошлась очень дорого не одному только Манину, котораго торжественно осмистали на первомъ послѣ этого засѣданіи обществу, но и всей партіи; австрійское правительство, не довольное тѣмъ, что отстранило опасность, своими просками заставило значительное большинство членовъ подать ему прошеніе, «чтобы правительство себлаговольно устроило на ихъ счетъ ломбардо-венеціанскую линію, такъ же хорошо и скоро, какъ устроило свои собственныя».

Чтобы восстановить потерянную репутацію, Манинъ возсталъ противъ этого прошенія, вслѣдствіе чего получилъ приглашеніе явиться къ генеральному комиссару, который замѣтилъ ему, что для него могутъ выйдти очень дурныя послѣдствія, если онъ произнесетъ хотя одно слово, которое могло бы породить сомнѣніе въ акціонерахъ насчетъ великодушія и благонамѣренности правительства. Смириться послѣ подобнаго внушенія — значило бы оковчательно погубить себя во мнѣніи соотечественниковъ. Манинъ, въ надеждѣ на свои познанія по части юстиціи и на громадую память, въ которой удерживались всѣ многочисленныя правительственныя постановленія, продолжалъ энергическую оппозицію, удерживаясь однакоже постоянно въ строгихъ предѣлахъ законности. Открыты были публичныя собранія акціонеровъ обѣихъ партій, и для нихъ отведена была зала dei Sregadi дворца дожей. Манинъ былъ адвокатомъ партіи ломбардо-венеціанской; для вѣнской же отъ правительства назначенъ былъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ въ то время прокуроровъ, докторъ Колтелла. Самъ Манинъ удерживался постоянно въ очень тѣсной рамкѣ чисто коммерческихъ и судебныхъ преній; но нѣкоторые изъ его приверженцевъ, ставшіе вслѣдствіи вѣстѣ съ нимъ во главѣ революціи, когда она перешла на площадь, оказывали ему очень плохую услугу, постоянно отвлекая его отъ главнаго дѣла и сводя на чисто національные вопросы.

Мародъ, давно отвыкшій видѣть какіе нибудь признаки жизни въ дверцѣхъ дожей, толпою сбѣгалъ на новое зрѣлище, понималъ, конечно, очень мало, но въ первый разъ узналъ Манина, слыжалъ, что онъ говоритъ противъ нѣнцевъ и притомъ говоритъ очень много и съ жаромъ; а такъ какъ въ это время, за исключеніемъ Сильвіо Пеллино, не было ни одного имени, пользовавшагося какою бы то ни было извѣстностью между нѣнскими сословіемъ, то оно и исполнило миссію Манина этого недостатка, тѣмъ болѣе, что оно ему было уже знакомо и даже дорого до известной степени, такъ какъ наименовало блестящее прошлое...

Между тѣмъ готовилось событіе особенной важности: въ началѣ 1846 г. назначенъ былъ въ Венецію, наѣсто двухгодичной отсутствія

мануфактурныхъ произведеній всего полуострова, введенной еще во время республики св. Марка, и которой не могло уничтожить австрійское правительство, — послѣдній итальянскій ученый конгрессъ.

При тогдашнемъ положеніи Венеціи и всей Италіи — гдѣ только что появились на свѣтъ и взволновали всѣ умы сочиненія Бальбо, Виченцо Джіоберти и другихъ, при неспокойствахъ въ Романьѣ и только что данной конституціи въ Римѣ Пшемь IX — австрійское правительство должно бы было помѣшать этому конгрессу, хотя бы для этого пришлось занять цѣлымъ корпусомъ кроатовъ залу засѣданія. Оно ограничилось однакоже робкими полумѣрами. Римскій графъ Каннио въкачался на Riva dei Schiavoni въ мундирѣ національнаго гвардейца; его тотчасъ же арестовали, что произвело сильное волненіе въ народѣ.

Конгрессъ этотъ былъ тоже въ одной изъ залъ дворца дожей. Народъ наполнялъ всѣ остальные, и галлерей, и портики. Не знаю, на сколько интересны были для него ученія, геологическія, нумизматическія и другія рѣчи, но рѣчь Чезаре Канту, которою окончилось засѣданіе, произвела на всѣхъ самое магическое впечатлѣніе и была встрѣчена такими неистовыми рукоплесканіями, что дежурный офицеръ ближайшей гауптвахты послалъ къ военному коменданту просить подкрѣпленія. Канту кончилъ свое воззваніе къ венеціанцамъ приглашеніемъ подписать адресъ австрійскому правительству, въ которомъ требовалось ослабленіе цензуры. Адресъ этотъ подписали однакоже очень немногіе: Томазео, Катанео, и онъ не пошелъ въ ходъ, такъ какъ Манинъ, вокругъ котораго сгруппировались тогда всѣ передовые люди Венеціи, объявилъ тутъ же, что *еще не время!* Замѣчательнѣе всего, что этотъ его отказъ не повредилъ ему ни мало въ глазахъ народа, и эта слѣпая къ нему довѣренность ничѣмъ не объясняется изъ его прошедшаго.

Въ то же самое время Манинъ, по примѣру миланскихъ депутатовъ, представилъ въ муниципальное правленіе Венеціи прошеніе на имя императора, въ которомъ излагалъ настоящія потребности и желанія народонаселенія. Содержаніе этого прошенія было всякому извѣстно и не содержало въ себѣ ничего особеннаго, такъ что даже робкій муниципальный совѣтъ рѣшился подать его императору и отъ своего имени. Манинъ открыто протестовалъ противъ этого воровства и протестомъ этимъ приобрѣлъ неравненно большую извѣстность въ Венеціи, чѣмъ самымъ прошеніемъ. Въ одинъ день онъ получилъ болѣе 1000 визитныхъ карточекъ.

Съ другой стороны Томазео, неудовольствованный лаконическимъ объясненіемъ Манина на конгрессѣ по поводу прошенія о по-

слабленіи цензуры, собралъ очень большое количество подписей, отправилъ его министру народнаго просвѣщенія Мюбену.

Италія была тогда въ страшномъ волненіи. Движеніе, начатое въ Римѣ Піемъ IX, очень скоро перешло въ Тоскану и распространилось по остальнымъ провинціямъ съ баснословною быстротою. Въ Ломбардіи начались серьезныя тревоги и Надзаря-выбывался изъ силъ, чтобы удержать тамъшнее движеніе «въ предѣлахъ законности». Въ Венеціи народъ тоже не былъ совершенно спокоенъ, но не отваживался на открытое сопротивленіе правительству. Однако всякаго рода шумныя демонстраціи становились все чаще и чаще. Стѣны домовъ были исцѣплены всякаго рода надписями: *Evviva Pio IX. Morte ai Tedeschi* и пр.

Ненависть къ австрійцамъ, которую низшіе классы народонаселенія и прежде не считали долгомъ скрывать особенно тщательно, стала высказываться рѣзче и опредѣленнѣе, часто въ довольно пустыхъ, по видимому, и ребяческихъ формахъ. Такъ на примѣръ, сначала появились прокламаціи, которыми запрещалось курить табакъ или сигары, такъ какъ съ табачнаго откупа правительство получало большой доходъ; и на улицахъ никто не смѣлъ показаться съ сигарою во рту. Потомъ стали курить въ большомъ количествѣ контрабандный табакъ, доставляемый лодочниками Каларреджіо, пользующимися и теперь репутаціею самыхъ ловкихъ контрабандистовъ и отчаянныхъ плутовъ—прямыхъ наслѣдниковъ венеціанскихъ *bravo* старыхъ временъ. Завели особенной формы пеньковыя трубки, по преимуществу въ видѣ сапога, раскрашеннаго національными красками (сапогъ — вульгарная эмблема Итальянскаго полуострова). Полиція напрасно старалась прекратить контрабанду и уличную журналистику, т. е. расписываніе стѣнъ.

Прошенія Манина и Томазео показываютъ однакоже, что въ высшихъ классахъ народонаселенія не было и помину о возстаніи. Оба они требуютъ или, правильнѣе, просятъ у вѣнскаго кабинета только уничтоженія нѣкоторыхъ особенно стѣснительныхъ строгостей и возобновленія статута 1815 года.

Въ числѣ прочихъ пововведеній централизованнаго австрійскаго правительства было одно, отнимавшее у венеціанцевъ право подавать прошенія на высочайшее имя; на этомъ основанія прошенія Манина и Томазео должны бы были быть возвращены имъ, какъ незаконныя. Однакоже полиція, занятая гоненіемъ на революціонныя сигарныя муштучки и трубки, не отважилась на такую рѣшительную мѣру. Прошеніе Томазео было возвращено ему только потому, что не было подписано достаточнымъ числомъ лицъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ автору предоставлено было право открыть новую подписку. Директоръ полнѣ-

ніи Каль надѣялся заставить тѣмъ временемъ все народонаселеніе и хотѣлъ схватить самого Томазео, когда у него не будетъ уже достаточнаго числа приверженцевъ. Въ нѣсколько дней, однакоже, набралось до 1,000 именъ и оба прошенія были представлены военному генералъ-губернатору. Онъ обѣщаль обоимъ просителямъ исполнить ихъ требованіе, съ тѣмъ только, чтобы они, пользуясь своимъ вліяніемъ, успокоили народное волненіе. По приказанію генералъ-губернатора, дѣйствительно, была назначена коммиссія для разсмотрѣнія этихъ двухъ прошеній. Черезъ мѣсяць съ небольшимъ, коммиссія объявила, что провинція совершенно довольна настоящимъ своимъ положеніемъ, ничего не желаетъ и не проситъ, и что прошенія Манина и Томазео — просто дерзкая выходка съ ихъ стороны и вполнѣ слѣдуетъ ихъ собственнымъ кичливымъ умомъ.

Манинъ по поводу этого написалъ губернатору, что если провинція дѣйствительно довольна настоящимъ управленіемъ, то всякое посредничество между правительствомъ и народомъ совершенно лишнее, и что со своей стороны онъ не считаетъ возможнымъ успокоить волненіе, когда просьба его не уважена. Въѣтъ съ тѣмъ онъ составилъ новый проектъ прошенія, въ которомъ требовалось совершенно отдѣльная администрація для Ломбардо-Венеціанской области, съ тѣмъ однакоже, чтобы область эта по прежнему составляла часть имперіи. Этотъ проектъ онъ представилъ въ областное правленіе, котораго председателемъ былъ тотъ же генералъ-губернаторъ; онъ передалъ прошеніе къ директору полиціи. Полиція въ это время была занята войною противъ падуанскихъ студентовъ, авторовъ стѣнныхъ надписей и курьезцовъ контрабанднаго табаку, и обращалась съ тѣми изъ нихъ, которые попадались въ ея руки, съ возмутительной строгостью. Напуганный новымъ проектомъ Манина, Каль объявилъ всю область въ очень опасномъ положеніи, изъ котораго было поручено вывести ее фельдмаршалу Радецкому. Этотъ разсчиталъ, «что 30-ю часами осадынаго положенія онъ добьется 30-тидѣльного спокойствія въ цѣлой области» и наводилъ всю Венецію и Миланъ своимъ солдатами (9 января 1848 г.). Въ Миланѣ новые гости встрѣчались были свистками и всякаго рода оскорбленіями, на которыя вѣнційцы отвѣчали выстрѣлами и ружейными выстрѣлами. Началась рѣзня.

Едва узнали въ Венеціи о случившемся въ Миланѣ, народное волненіе усилилось и стало попрежнему принимать грозный характеръ. Дамы въ траурныхъ платьяхъ ходили по городу, собирая вспомошествованія «для раненыхъ братьевъ». Въ нѣсколько дней собраны были значительныя суммы и посланы въ Миланъ, при адресѣ, подписанномъ болѣе 1,000 венеціанскимъ гражданъ. Удѣльскій епископъ издалъ прокламацію къ своей паствѣ, въ которой отъ имени ропагин

увѣщавалъ ихъ держаться спокойно и принималъ открыто сторону Радцага. Нѣсколько экземпляровъ этой прокламаціи попали и въ Венецію. Томазео отвѣчалъ на нее очень энергическимъ письмомъ, которое было тайно опечатано, и разошлось въ громадномъ количествѣ экземпляровъ.

Революція не могла уже удержаться въ «предѣлахъ законности», въ которыхъ держали ее до сихъ поръ Манингъ и Томазео. Оба они очень хорошо понимали свое положеніе.

— Мы съ вами прямо идемъ по дорогѣ въ Шинльбергъ, говорятъ они Томазео.

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ тотъ: — берегитесь вы, у васъ осмейство.

Итальянскія дѣла шли очень быстро и всеобщая революція почти въ нѣсколько дней вспыхнула на всемъ полуостровѣ. Венеція по прежнему не изъясляла особеннаго сочувствія ни венеонскому королю, ни идеямъ Маццини, но и въ ней дѣло шло къ развязкѣ. Манингъ былъ въ какомъ-то туманномъ и нерѣшительномъ положеніи, не зная самъ, на что рѣшиться. Нужно однакоже отдать ему полную справедливость — онъ ни разу даже и не подумалъ принять сторону Австріи.

17 января, на театрѣ Apollo, давалась какая-то драма изъ исторіи Венеціанской республики. Извѣстный венеціанскій актеръ, теперь уже покойникъ, Густавъ Модена, другъ Маццини, одинъ изъ первыхъ собратій *Молодой Италіи*, долгое время проживавшій въ германіи, игралъ въ ней главную роль. Модена обладалъ очень рѣдкою способностью — вдохновлять всѣхъ своихъ многочисленныхъ слушателей, доводить ихъ до электрическаго восторга и настроенія на тотъ или на другой ладъ, сообразно собственному расположенію духа. Представленія, въ которыхъ онъ принималъ участіе, обыкновенно означивались шумною демонстраціею противъ Австріи, и актеръ не разъ прямо съ подмостковъ отправлялся въ тюрьму. Представленія 17 января ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, карусели были усилены и задніе ряды партера заняты восницею силою. Передъ поднятіемъ завѣса Манингъ отправился въ уберную Модены, гдѣ нашелъ уже Томазео. Происшествіе это, не имѣющее видимаго никакой важности, осталось однакоже не безъ послѣдствій. Когда Манингъ и Томазео выходили изъ уберной, навстрѣчу имъ попался полицейскій комиссаръ.... Представленіе началось обыкновеннымъ порядкомъ, а окончилось сперва громкими рукоплесканіями главному актеру, потомъ торжественными viva! въ его честь; среди этого шума нѣсколько голосовъ закричали: «Viva l'Italia!» скоро все слилось въ одинъ крикъ: «Viva S. Marco! Morte ai Tedeschi....»

На слѣдующее утро, при восходѣ солнца, полицейскій комиссаръ вошелъ въ спальную Манина съ нѣсколькими жандармами, но не засталъ его врасплохъ. Манинъ оканчивалъ приводить въ порядокъ свои бумаги; сдалъ ихъ съ рукъ-на-руки комиссару, пригласилъ его выпить чашку кофе съ нимъ и съ хозяйкой дома, и затѣмъ въ сообществѣ его и жандармовъ сѣлъ въ полицейскую гондолу, гдѣ былъ уже и Томазео.... Гондола пристала у дворца Борджіа, гдѣ помещалось главное полицейское управленіе. Тамъ тотчасъ же приступили къ допросу двухъ арестантовъ. Допросъ этотъ не открылъ ничего, что могло бы послужить поводомъ къ осужденію Манина, и замѣчательно то, что самъ онъ гордится тѣмъ, что постоянно удерживался въ предѣлахъ законности. Это однакоже помогло ему не много, и вечеромъ того же дня его заперли въ старой залѣ нижняго этажа дворца дожей, служившей во времена республики сборнымъ мѣстомъ для судей надъ уголовными и государственными преступниками.

Все это случилось такъ тихо, что даже ближайшіе друзья арестованныхъ узнали только черезъ нѣсколько времени объ ихъ участи. Совершенно незнакомыя Манину семейства являлись по очереди ухаживать за его больною женою; портной Тофолі, котораго Манинъ никогда не видалъ въ глаза, взялъ на свой счетъ всѣ домашнія его издержки, лучшіе доктора бесплатно посѣщали по нѣскольку разъ въ день больную, и аптекаря точно также даромъ отпускали ей лекарства. Адвокаты, бывшіе товарищи Манина по университету и по трибуналу, взяли на себя начатые имъ процессы. Представлено было прошеніе за подписью членовъ муниципальнаго правленія и нѣсколькихъ десятковъ гражданъ, въ которомъ требовали освобожденія обоихъ арестантовъ на ихъ поруки. Имъ было отказано. Директоръ полиціи писалъ предсѣдателю уголовного суда, чтобы ихъ не выпускать ни по какому случаю, ни во все время процессіи, *ни даже послѣ*. Процессъ тянулся очень долго, и сперва богъ-знаетъ-почему въ миланскомъ уголовномъ судѣ, и когда тотъ положительно отказался признать подсудимыхъ виновными въ измѣнѣ и въ оскорбленіи особы императора — дѣло перешло въ венеціанскій уголовный же судъ, наперекоръ всѣмъ существующимъ законнымъ постановленіямъ. Тамъ тоже оно рѣшено было (5 марта) въ пользу арестованныхъ; тѣмъ не менѣе ихъ продолжали держать въ тюрьмѣ и въ строгомъ секретѣ, съ запрещеніемъ писать къ кому бы то ни было....

Все сословіе венеціанскихъ адвокатовъ поднялось тогда противъ этого незаконнаго тюремнаго заключенія, началась снова *законная революція*, бомбардировка циркулярами, прошеніями, ссылками на прежнія судейскія постановленія, которыхъ австрійское правитель-

ство никогда и не имѣло въ виду сдерживать не на шутку. Но пришло наконецъ время, что революція эта перешла на площадь и получила совершенно иной характеръ. Полиція по обыкновенію сама вызвала наконецъ катастрофу. Событія въ Пьемонтѣ, въ Тосканѣ и въ Неаполѣ слишкомъ напугали австрійскихъ полиціоттовъ; строгости въ Ломбардіи и въ Венеціи усилились. Демонстраціи становились все чаще и принимали болѣе грозный характеръ. Въ Миланѣ повторились кровопролитія, въ Венеціи тюрьмы наполнились новыми арестантами.... Народъ однакоже не унывалъ. Въ театрѣ С. Самуэлъ, Фанни Черритто танцевала тарантеллу съ трехцвѣтнымъ букетомъ на груди; по этому поводу повторилось то же, что было въ Аролло 17 января. Наконецъ въ Падуѣ произошла кровавая стычка между студентами и солдатами Радецкаго. Закрыли университетъ. Большая часть студентовъ отправились отсюда въ Миланъ и въ Венецію; израненые, въ корбонарскихъ шляпахъ, съ усами all'italiana, бродили они по площадямъ и набережнымъ каналовъ, просвѣщая народъ, и десятками отправляясь отсюда прямо въ тюрьму. Кофейными обратились въ революціонные клубы. Извѣстія о французской революціи жадно читались и комментировались вслухъ, несмотря на то, что весь городъ былъ наводненъ солдатами и шпіонами Радецкаго. Благодаря услужливымъ студентамъ, извѣстія эти тотчасъ же переходили отсюда на площади. Въ честь Манниня устроено было нѣсколько шумныхъ демонстрацій, и онъ изъ своей тюрьмы, которой окна, выходящія на площадь св. Марка, были закрашены, неоднократно слышалъ отчаянные крики: «Evviva, Manin!...» Наконецъ 17 марта въ Венеціи разнеслись слухи объ обѣщанной въ Вѣнѣ конституціи. Вечеромъ того же дня большія толпы собрались на площади св. Марка, при крикахъ: «Evviva, Manin!» Томазео! «Evviva, la Costituzione! Evviva, la libertà». Губернаторъ Пальфи, напуганный вѣнскими дѣлами, настрого приказалъ полиціи и солдатамъ не трогать народъ. Странно сказать,—однакоже правда,—первое употребленіе, которое сдѣлалъ венеціанскій народъ изъ новой свободы, было освистать и обругать жену губернатора, гулявшую по площади съ адъютантомъ мужа. Многочисленная толпа лодочниковъ и факиновъ отправилась къ генералъ-губернатору требовать освобожденія Манниня и Томазео. Онъ обѣщалъ, что требованіе это будетъ исполнено въ самомъ непродолжительномъ времени. Недовольная его отвѣтомъ, толпа отправилась во дворецъ дожей и, разломавъ нѣсколько дверей, добралась до тюрьмы героевъ законной революціи.

Манинъ между тѣмъ сидѣлъ, довольный собственнымъ сознаніемъ того, что онъ ни разу не вышелъ изъ-за предѣловъ законности, и не зная, какъ понимать доходившіе до него съ площади крики. Вдругъ

дверь его тюрьмы съ трескомъ падаетъ на землю, вся зала наполняется радостными св. Марка, въ ихъ живописныхъ костюмахъ, съ разгорѣвшимися лицами и сверкающими глазами — со всѣми наружными признаками того ненормальнаго положенія, въ которомъ они дѣйствительно находились. Узикамъ объявлено было, что они свободны. Манинъ, находя подобное освобожденіе вовсе незаконнымъ, объявилъ въ свою очередь, что онъ не выйдетъ. Тогда одинъ отчаянный *popolano* схватилъ его и посадилъ верхомъ себѣ на плечи; какой-то народный поэтъ съ Калареджіо подхватилъ такимъ же образомъ Томазо, и вся процессія отправилась церемоніальнымъ маршемъ на маленькую площадь С. Патерляло, гдѣ жилъ Манинъ и, давъ его домашнимъ, отправились освобождать другихъ заключенныхъ. Покончивши и эту трудную задачу, толпа возвратилась на площадь св. Марка. Изъ трехъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ — зеленого, бѣлаго и краснаго — сдѣлано было итальянское народное знамя и поднято на одномъ изъ флагштоковъ противъ базилики; веревки, служащія къ тому, чтобы поднимать и опускать эти флаги, были обрѣзаны и знамя это оставалось на мѣстѣ до новаго занятія Венеціи австрійцами. Тогда одинъ изъ юнговъ военнаго парохода, за приличное вознагражденіе, рѣшился взобраться на самый верхъ флагштока и снять отсюда трехцвѣтную тряпку, которой видъ былъ очень неприятенъ нѣмцамъ, извѣстнымъ любителямъ порядка....

Въ нѣсколько часовъ мостовая площади была разобрана почти вся, плиты разломаны въ куски и вооруженные такимъ образомъ *popolani* взобрались на крыши, куда не могли залетѣть австрійскія бомбы. На разсвѣтѣ, 9 пушечныхъ выстрѣловъ съ австрійскихъ пароходовъ возвѣстили о полной революціи въ городѣ....

Съ восходомъ солнца, площадь св. Марка представляла совершенно новое зрѣлище. Бѣлые мундиры нѣсколькихъ батальоновъ пѣхоты рѣзко отдѣлялись на сѣромъ фонѣ окружающихъ зданій. Штыки ихъ ярко блестѣли на солнцѣ. На землѣ валялись въ крови нѣсколько тяжело раненыхъ гондольеровъ и работниковъ, и за ними ухаживали старухи нищія. Между вооруженными толпами кроатскихъ гренадеровъ и тирольскихъ стрѣлковъ съ пѣтушьими перьями на знаменахъ, прохаживался мѣрными шагами нѣмецкій поэтъ Штиглицъ, въ гороховомъ сюртукѣ и въ шляпѣ *all' italiana*, съ записною книжкою въ рукѣ и съ пистолетомъ на перевязи черезъ плечо. Бронзовый левъ св. Марка смотрѣлъ на него молчаливо и угрюмо, а народъ, слишкомъ занятый созерцаніемъ бѣлыхъ мундировъ и желтыхъ усовъ своихъ враговъ, не обращалъ никакого вниманія на бѣднаго поэта....

Въ это время Томазо переодѣтый, второпяхъ пробѣгалъ черезъ площадь; австрійскіе солдаты не узнали его, но за то Штиглицъ,

проникнутый сознанием позора своей нации, торжественно закрыл лицо руками, увидя итальянского поэта, и дружески, с отчаянием вступил с ним, сказал ему: «Mein Gott!», когда тот проходил мимо. Томазео не отвечал ему ничего, он слишком торопился к Манину — душе законной революции.

Оба приятеля были смертельно напуганы тем характером незаконности, который принимало дело и долго изощряли свои изобретательные умы, чтобы придать ему должное направление. Рѣшили, наконец, отправиться в генерал-губернатору и просить у него законным порядком учреждения национальной гвардии. Пальффи обещал им очень многое в будущем, позволил даже приступить к составлению городских батальонов, но только оружие обещался выдать через несколько дней, когда получить на это разрешение от кого следует.

Пока Манин и Томазео трудились таким образом на благо общее, на площадь подоспел отряд калардеджіоттовъ, вооруженных пожарами и небольшим количеством старых ружей. Успевшая новым подкреплением, толпа слѣзла с крыш, часть ее заняла комнаты коммерческаго клуба, котораго окна выходили на площадь; другая же отправилась разбирать мосты через каналы, чтобы отрѣзать бывшим на площади солдатам сообщеніе с городомъ. Началось кровопролитіе, которое прекратилось, когда Манин и Томазео объявили разрешение генерал-губернатора учредить национальную гвардію.

Къ учрежденію ее было приступлено немедленно и со слѣдующаго же дня безоружные патрули национальныхъ гвардейцевъ днем и ночью ходили по городу. Манин и Томазео, в новыхъ мундирахъ, командовали ими. Спокойствіе водворилось на несколько дней в Венеци.

Между темъ миланскіе геройскіе 5 дней нанесли австрійскому владычеству в Италіи рѣшительный ударъ. Пьемонтскія войска заняли Ломбардію и неаполитанскій генералъ Пепе, съ 3000 итальянскаго войска, былъ уже почти на венеціанской границѣ.

Пока приверженцы Манина, довольные успѣхомъ, заказывали себѣ новые мундиры и ждали, что имъ откроютъ арсеналъ, генерал-губернаторъ, занятый иного рода приготовленіями, меньше всего думалъ объ исполненіи своего обѣщанія. Австрійское правительство намѣрено было отнять у венеціанцевъ всѣ, взятые ими съ бою конституціонныя вольности. Для этого приготовлялись бомбардировать весь городъ со всѣхъ концовъ. Приготовленія эти были облечены всевозможною таинственностью, темъ не менѣе слухъ о нихъ быстро разнесся по городу.

Одна старая кухарка, бывшая въ дружескихъ отношеніяхъ съ монахами С. Франческо, которыхъ монастырь былъ какъ—разъ противъ сухопутнаго арсенала, занятаго богемскою артиллеріею, узнала отъ нихъ, что по ночамъ, въ арсеналѣ, слышится особенное движеніе. Она тотчасъ же донесла объ этомъ своему хозяину, бывшему командиромъ національной гвардіи этого квартала. Тотъ еще наканунѣ слышалъ то же самое отъ одного изъ своихъ унтеръ-офицеровъ, ходившаго съ ночнымъ патрулемъ. Чтобы лучше узнать въ чемъ дѣло, онъ самъ отправился въ монастырь, и за приличное вознагражденіе монахи впустили его съ однимъ пріателемъ на галерею, съ высоты которой была видна внутренность двора арсенала.

Ночью они дѣйствительно увидѣли, съ помощью театральнаго бинокля, что артиллеристы при огнѣ готовили гранаты и чиненныя бомбы.

На слѣдующій день матросы военнаго корвета, стоявшаго возлѣ морскаго арсенала, донесли командиру тамошней роты національной гвардіи, что на ихъ судно принесены были большіе запасы огнестрѣльныхъ снарядовъ и что они знаютъ изъ положительныхъ источниковъ, что на маленькомъ пароходѣ, стоявшемъ у входа на рейдъ, возлѣ Giardini Publici, по приказанію офицеровъ, заряжены были пушки, но что потомъ матросы, по большей части венеціанцы и славяне, разрядили ихъ, пользуясь отсутствіемъ командира. Едва всѣ эти слухи дошли до Манина, онъ тотчасъ же принялъ зависѣвшія отъ него мѣры, для того, чтобы городъ могъ представить непріателю отпоръ. Къ сожалѣнію, онъ могъ сдѣлать очень не много и тѣмъ меньше, что боялся, чтобы слухи эти не дошли до народа. Въ ночь съ 19 на 20 марта онъ самъ отправился въ монастырь св. Франческа съ двумя ротами національной гвардіи, которыхъ успѣлъ вооружить кое-какъ втихомолку. Одна изъ нихъ была расположена на галереѣ, о которой я уже говорилъ, и должна была стрѣлать по богемскимъ артиллеристамъ, едва они покажутся на дворѣ; другая осталась внутри и должна была напасть на арсеналъ и завладѣть имъ, / едва первая откроетъ огонь. Но—или бомбы и гранаты были уже заготовлены въ достаточномъ количествѣ, или по чему другому—только въ арсеналѣ все было спокойно на эту ночь. На слѣдующее утро остальные командиры національной гвардіи остались очень недовольны распоряженіемъ Манина, и у него отнято было начальство надъ его отрядомъ за превышеніе власти. Оскорбленный этимъ, онъ объявилъ, что не намеренъ больше принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ и перенесъ въ своей квартирѣ. Удавленіе Манина произошло дурное впечатлѣніе на многихъ, но не на всѣхъ; и за его отсутствіемъ, которая правда, продолжалось всего одинъ день — дѣла пошли вовсе не хуже.

Положеніе Венеціи вовсе не было отчаянное, такъ какъ больша часть экипажей военныхъ судовъ, на которыя особенно разсчитывало австрійское правительство, за исключеніемъ командировъ и офицеровъ, готовы были передаться на сторону города. Алкаль Авеццани, хотя не пользовавшійся особенной популярностью и отсутствіемъ Манини выдвинулся впередъ и готовъ уже былъ быть полнъ знакъ къ открытому возстанію. Полковникъ Мариновичъ, о которомъ я уже говорилъ, съ своей стороны приготовился разыграть—и вероятно съ большимъ успѣхомъ, такъ какъ онъ былъ извѣстенъ своею храбростью и хладнокровною жестокостью—роль Радецкаго. Ожидали новыхъ кровопролитій, на подобіе миланскихъ 5-ти дней. Что еще много улучшало положеніе города—это примиреніе между обоими народными корпораціями, враждовавшими между собою въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ—и отъѣздъ директора полиціи, мѣсто котораго занялъ новый, робкій, неопытный и совершенно незнакомый съ краемъ. Наступилъ рѣшительный день 22 марта.

Офицеры одного изъ стоявшихъ на рейдѣ корветовъ пригласили къ себѣ на обѣдъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ офицеровъ національной гвардіи, желая показать этимъ миролюбивымъ образомъ, что держатъ сторону города. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и Манини, но онъ не поѣхалъ вмѣстѣ съ другими. Мариновичъ, назначенный временно комендантомъ, едва узнавъ объ этомъ черезъ своихъ шпионовъ, приказалъ тотчасъ же привести въ арсеналъ роту кроатовъ, съ которыми вмѣстѣ намѣренъ былъ отправиться на снабженный огнестрѣльными снарядами корветъ. Пока пришли кроаты, Фабрисъ, Цимоло и нѣсколько другихъ офицеровъ національной гвардіи на пароходной баркѣ отправились на приглашеніе съ набережной del Molo. Едва отплывъ отъ берега, они распустили трехцвѣтное знамя и были встрѣчены торжественными рукоплесканіями со всѣхъ стоявшихъ на рейдѣ судовъ. На пароходѣ ихъ встрѣтили очень дружелюбно, и пока нѣкоторые изъ нихъ отправились съ командиромъ въ каютъ-компанію, матросы подняли на мачтѣ трехцвѣтный флагъ. Командиръ парохода, выйдя на палубу, остался очень изумленъ новымъ зрѣлищемъ; не дѣлать было нечего, и пароходъ остался въ рукахъ итальянскаго правительства.

Между тѣмъ арсенальные работники едва узнали о томъ, что Мариновичъ намѣренъ отправиться на корветъ, повинная очень хороша настоящую цѣль его прогулки, освободили содержавшихся тамъ арестантовъ и галерниковъ и съ ними вмѣстѣ напали на полковника и убили его ножами и обломками дѣшей. Кроаты, сами ненавидѣвшіе Мариновича, защищали его плохо, да если бы и хотѣли, то врядъ ли могли что нибудь сдѣлать противъ втрое большей ихъ силы. Работ-

ники однако не тронули ихъ, но заперли всѣхъ вмѣстѣ въ одной изъ рабочихъ залъ. Озадаченные сами неожиданнымъ успѣхомъ, они не знали, что дѣлать. Во всей Венеціи одно имя — Манинъ — было имъ знакомо. Рѣшили послать къ нему депутатовъ и призвать его немедленно въ арсеналь. Но онъ, едва услышавъ о предполагаемой поѣздкѣ Мариновича на корветъ, вышелъ изъ дому вмѣстѣ съ своимъ сыномъ и съ нѣсколькими изъ національной гвардіи, особенно ему преданными. Арсенальскіе депутаты застали его на площади св. Марка. Онъ тоже нѣсколько былъ озадаченъ случившимся, но не теряя времени, отправился вслѣдъ за депутатами.

Тамъ прежде всего встрѣтили арсенальные громкими: viva. Скоро явился генераль Мартини, взявшій на себя, по порученію Пальффи, командованіе арсеналомъ. Положеніе новаго коменданта было однакоже очень затруднительное; онъ не зналъ, на что рѣшиться, и даже не поспѣлъ взять съ собою сильный отрядъ войска, въ надеждѣ, впрочемъ, на кроатовъ, о заключеніи которыхъ на мѣсто каторжныхъ онъ еще не зналъ. Вообще онъ не предполагалъ даже, что убійство Мариновича имѣло такой важный политическій характеръ.

Едва Манинъ снова сталъ во главѣ движенія, сильный слѣпымъ довѣріемъ къ нему людей, знавшихъ его едва по имени, оно снова приняло «законный» характеръ. Манинъ успокоилъ работниковъ, но стоя среди ихъ, вступилъ въ переговоры съ Мартини. Онъ требовалъ, чтобы арсеналь, а вслѣдъ за тѣмъ и всѣ гауптвахты и караулы города были сданы національной гвардіи, опираясь на то, что кроаты очень дурно исполняютъ свои обязанности, и что они даже не защищали своего командира, — а это доказывается тѣмъ, что изъ нихъ ни одинъ даже не равенъ. Мартини въ душѣ былъ не прочь податься на сторону Манина, да и дѣлать кромѣ того ничего не оставалось. Не желая однакоже принять на себя отвѣтственность, онъ пробовалъ затянуть дѣло, думая стороною дать знать объ этомъ генераль-губернатору. Этому ему сдѣлать не удалось, и онъ долженъ былъ сдаться на предложеніе Манина.

Для вооруженія національной гвардіи нужно однако было отпереть арсенальные залы, въ которыхъ были сложены ружья. Мартини отказался отъ этого подъ предлогомъ, что не знаетъ, гдѣ ключи. Работники, усиленные новыми толпами народа и неизбежными въ подобныхъ случаяхъ калареджіоттами, хотѣли разбить двери.

Въ это время во дворѣ арсенала собрались уже многіе изъ колонновожатыхъ революціи. Манинъ одинъ рѣшился остановить народъ. Загнѣвательна слѣдующая черта его характера:

— Дайте мнѣ часы! закричалъ онъ.

Кто-то подалъ ему часы.

— Если черезъ пять минутъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Мартини:—ключи не будутъ найдены—мы разобьемъ двери.

Народъ отвѣчалъ неистовыми рукоплесканіями, а ключи тотчасъ же были найдены.

Толпа нахлынула въ растворенныя залы и меньше чѣмъ въ полчаса оружіе было разобрано.

Манинъ въ это время какъ будто выросъ; прежніе друзья не узнавали его.... Онъ сталъ распоряжаться какъ диктаторъ и всѣ по машинальному какому-то чувству слушались его и исполняли его приказанія. Мартини, понимавшій очень хорошо, что для австрийскаго владычества въ Венеціи все было кончено, принялъ открыто сторону города. Манинъ однакоже не оставилъ его начальникомъ арсенала, а назначилъ на мѣсто его Градциани. Тотъ отказывался и сдался только на настоятельныя требованія всего народа и на увѣщанія самого Мартини. Затѣмъ Манинъ со всею толпою взомель на арсенальскій мостъ и закричалъ: *viva, l'Italia!* Толпа подхватила его провозглашеніе и *viva l'Italia!* долго раздавалось въ воздухъ. Оттуда процессія отправилась на площадь св. Марка. На площадкѣ С. Сеполькро стоялъ отрядъ національной гвардіи, громкими криками привѣтствовавшій Манина и его свиту. Возлѣ находился магазинъ мануфактурныхъ издѣлій; побѣжали туда, схватили по куску бѣлой, красной и зеленой матеріи, даже не заплативъ за нее старой лавочницѣ, очень озадаченной такимъ неожиданнымъ происшествіемъ; соорудили трехцвѣтное знамя второпяхъ и подали его Манину. Его маленькая фигурка едва была замѣтна среди дюжихъ арсеналоттовъ. Когда пришли на площадь св. Марка, Манинъ вскочилъ на столикъ, выставленный изъ кофейной. Съ этой импровизированной кафедрой и съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукахъ онъ провозгласилъ *республику св. Марка*. Ему отвѣчали громкимъ: «*viva, gechio nostro S. Marco!*»!...

Генераль-губернаторъ Пальффи, едва узнавъ о взятіи арсенала и о смерти Мариновича, на котораго по преимуществу возлагалъ большія надежды, поспѣшилъ сдать свою власть въ руки венгерскаго генерала Зичи. Этотъ добрый старикъ долго жилъ въ Венеціи, гдѣ у него успѣли родиться двѣ дочери, бывшія уже певѣстами во время революціи. Больной и усталый, Зичи не принялъ никакого участія въ венгерскомъ возстаніи, и больше еще потому, что не предвидѣлъ ему счастливаго исхода; въ умѣ же онъ далеко не оправдывалъ Австрію за ея отношенія къ иностраннымъ провинціямъ. Какъ старикъ, Зичи успѣлъ охладѣть ко многому; но въ немъ, еще не вполне замерло сочувствіе къ геройскимъ поступкамъ другихъ и къ храбрости, на которую онъ уже самъ не былъ способенъ, по которую, какъ венге-

рецъ, цѣнилъ и уважалъ въ другихъ. Слѣдовательно, этого новаго представителя Австріи, Венеція нечего было бояться.

Едва прошелъ первый порывъ восторга, многіе, въ томъ числѣ и Манинъ, поняли, что не все еще было сдѣлано однимъ провозглашеніемъ республики со столика кофейной. Арсеналь, правда, былъ въ рукахъ національной гвардіи; но австрійскія войска стояли еще въ городѣ, и хотя имъ мало было надежды на успѣхъ, но могли произойти новыя стычки и кровопролитія, которыхъ нѣкоторые изъ революціонеровъ очень побаивались. Зато другіе неумѣстной храбростью чуть-было не испортили все дѣло; предлагали вооруженною силою выгнать австрійцевъ изъ Венеціи; нѣсколько голосовъ поднялись даже за повтореніе сициліанскихъ вечеренъ. Но Манинъ своею законностью восторжествовалъ и на этотъ разъ. Рѣшено было послать депутацію къ новому генералъ-губернатору и требовать отъ него, во что бы то ни стало, чтобы австрійскія войска сдали всѣ посты въ руки національной гвардіи и подоспѣвашаго неаполитанскаго отряда генерала Пепе и, оставивъ пушки и казну, вышли изъ города. Выборъ депутатовъ порученъ былъ Манину, и онъ назначилъ адвоката Авеццани съ двумя депутатами отъ муниципальнаго правленія: и съ тремя капитанами національной гвардіи.

Зичи сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, только-что принявши власть отъ Пальффи. Депутаты изложили ему цѣль своего посѣщенія. Добрые голубые глаза старика блеснули и разбѣгались, глядя на нихъ, и онъ напрасно старался принять приличную своему положенію грозную наружность. Понимая очень хорошо, что сопротивленіе не довело бы его ни до чего хорошаго, онъ однакоже счелъ своею обязанностію отказать имъ въ исполненіи ихъ требованія. Авеццани рѣшительно спросилъ у него:

— Генералъ, это ваше послѣднее слово?

— Конечно, отвѣчалъ Зичи, тономъ, показывавшимъ достаточно, что онъ вовсе не намѣренъ оставаться непреклоннымъ.

— Въ такомъ случаѣ мы намѣрены драться.... прибавилъ Авеццани, приготавлиаясь выдти.

Зичи остановилъ его и, подумавъ съ минуту, потомъ еще разъ прочелъ принесенный ему листъ капитуляціи.

— Господа, сказалъ онъ: — я могъ бы залить кровью ваши улицы и площади и могъ бы задавить возстаніе, но я этого не дѣлаю. Подписываю капитуляцію, и можете быть подписываю свой смертный приговоръ. Но будь, что будетъ! Венеція отечество женокъ дочерей.... Прошу васъ объ одномъ только: помните, что я завладѣлъ Венецію долгъ чести и благодарности и, когда будете проклинать австрійскихъ солдатъ — пощадите мое имя!

Капитуляція, подписанная Зичи, состояла изъ слѣдующихъ главныхъ пунктовъ:

а) Австрійскія войска должны выдти изъ Венеціи немедленно же, сдать въ руки національной гварадіи всѣ военные снаряды и войсковую казну, изъ которой имъ выдастся сумма для уплаты солдатамъ жалованья за три мѣсяца.

б) Всѣ гражданскіе суды и правленія должны сдать въ руки муниципальнаго правленія всѣ дѣла, документы, реестры, списки и пр. и кассу.

с) Войско Пене остается въ Венеціи, взаимнѣ австрійскаго.

д) Самъ Зичи долженъ остаться въ Венеціи до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ оттуда послѣдній австрійскій отрядъ.

Бѣдный генералъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы остался дольше: тотчасъ же, по прибытіи въ Вѣну, онъ былъ арестованъ и только благодаря наступившему тревожному времени ему удалось спастись отъ смерти.

Депутация Авеццани, возвратившись къ народу, была встрѣчена торжественными рукоплесканіями.

Затѣмъ главные герои этого дня, арсеналотти, каларреджіотти и проч., покончили съ государственными дѣлами и занялись исключительно новыми улчными торжествами, довольные тѣмъ, что проклятые бѣлые мундиры не придутъ уже смущать ихъ удовольствія.

Вечеромъ, 22-го марта, площадь св. Марка представляла дѣйствительно великолѣпное зрѣлище: фасады зданій были увѣшаны трехцвѣтными фонарями; множество національных знаменъ развѣвались вездѣ, гдѣ только было какой нибудь шпичъ или палка. На гауптвахтѣ ж. подъ дворцомъ дожей, вмѣсто кроата со вздернутымъ носомъ, стоялъ очень красивый венеціанецъ въ новомъ съ иголочки мундирѣ и съ золотою часовой цѣпочкою по борту форменнаго сюртука. Среди торжественныхъ возгласовъ, многіе по привычкѣ обращали съ безыкойствомъ на него свои глаза, но видъ юнаго часового джентльмена успокоивалъ ихъ совершенно. Толпы каларреджіоттовъ ходили по площади, по сосѣднимъ переулкамъ съ трехцвѣтными знаменами, съ гитарами, громко цѣли національныя пѣсни и кричали виваты кому вздумалось. Говорятъ даже, что въ эту достопамятную ночь не было украдено ни одного цѣпка изъ кармана во всей Венеціи и не произошло ни одной драки между гондольерами, — вотъ до чего можетъ доходить народный энтузіазмъ въ подобныхъ минуты.

Манинъ, сразу, изъ смиреннаго адвоката ставшій диктаторомъ республики, ушелъ скоро очень домой, но имя его долго повторалось на площади. Въ сущности ему еще не было предоставлено никакой власти, да и вообще никто еще не сдѣлалъ никакого распоряженія на

Будущее время; никому однакоже и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что Манину предстоитъ играть очень видную роль въ послѣдующихъ событіяхъ, и онъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы отказаться отъ предлагаемыхъ почестей. Нѣкоторые изъ его враговъ приписываютъ чисто случайности и его *наязчивости* особенную популярность, которую онъ пользовался въ это время въ Венеціи. Это однакоже совершенно несправедливо: если въ прошедшей дѣятельности Манина не было ничего оправдывавшаго слѣпое довѣріе къ нему народа, если арсепалотти дѣйствительно только потому призвали его стать во главѣ ихъ, что не было другаго имени, хотя сколько нибудь извѣстнаго, и самое имя Манинъ было имъ больше извѣстно по дожу 1797 г., то послѣ всего этого, Манинъ успѣлъ уже сдѣлать достаточно для того, чтобы имѣть право рассчитывать на содѣйствіе народа, по крайней мѣрѣ въ это время энтузіазма. Я говорю о провозглашеніи республики св. Марка. Передовые люди венеціанскаго движенія почти всѣ, безъ различія политическихъ отнѣнковъ, сильно склонялись на сторону присоединенія къ Пьемонту въ виду принципа итальянскаго единства и той помощи, которую въ случаѣ нужды могъ оказать имъ Карлъ-Альбертъ. Ломбардія за миланскими 5-ю днями присоединилась къ Пьемонту и требовала только законодательнаго собранія для того, чтобы издать новый статутъ для соединеннаго королевства. Въ Венеціи, какъ я уже говорилъ, было много желавшихъ послѣдовать ломбардскому примѣру. Самъ Манинъ былъ приверженцемъ унитарныхъ идей и поддавался скорѣе на сторону Пьемонта, чѣмъ Маццини; и вѣроятно немногіе изъ его пріятелей и политическихъ друзей ожидали такого исхода революціи, какой самъ онъ далъ его потомъ на площади св. Марка. Что заставило Манина рѣшиться на эту нѣсколько несообразную съ его прежнимъ направленіемъ мѣру—угадать не трудно. Предполагать, чтобы онъ съ перваго разу понялъ выгоды, которыя могла извлечь и Венеція, и вся Италия изъ существованія въ этомъ отдаленномъ уголкѣ полуострова независимой республики — было бы, мнѣ кажется, не основательнымъ. Манинъ, и до революціи, и послѣ, — былъ очень обыкновеннымъ смертнымъ; хорошимъ адвокатомъ и практическимъ человѣкомъ — не больше. До тѣхъ поръ, пока исключительно онъ руководилъ революціей, она была болѣе похожа на процессъ, на тѣлесное дѣло, чѣмъ на народное движеніе; съ чего же предполагать, что въ немъ вдругъ, какъ бы по вдохновенію свыше, появились блистательныя качества политическаго дѣятеля: гениальный умъ, способный предвидѣть очень отдаленное будущее; и въ такую минуту, когда настоящее поглощаетъ всѣ способности обыкновенныхъ людей. Другіе видятъ въ этомъ

проявленіе его ненасытнаго честолюбія; съ тѣхъ поръ, какъ арсеналотти избрали его своимъ главою, онъ могъ быть увѣренъ, что при республиканскомъ образѣ правленія будетъ играть слишкомъ значительную роль, которая врядъ ли удалась бы ему при немедленномъ присоединеніи республики къ Пьемонту.

Всякія предположенія по этому поводу совершенно лишни, такъ какъ все дѣло объясняется удовлетворительно и безъ нихъ: съ тѣхъ поръ, какъ народъ сдѣлалъ все дѣло, Манинъ не имѣлъ возможности поступить иначе.

Не заходя слишкомъ далеко въ исторію, — со времени братьевъ Бандьера, Венеція привыкла много слышать, а потомъ и сама говорить о единствѣ Италіи, конечно, не понимая хорошенько самой сущности дѣла. Затѣмъ, благодаря повому сближенію цивилизованнаго класса народонаселенія съ чернью и посредству выгнанныхъ изъ Падуй студентовъ, идея итальянской національности стала имѣть смыслъ и для нихъ. Крикъ: «да здравствуетъ Италія!» неоднократно раздавался на площадяхъ во время демонстрацій; сочетаніе цвѣтовъ зеленого, бѣлаго и краснаго (итальянское знамя) встрѣчалось съ восторгомъ.

Народъ хотѣлъ *единства Италіи*; интересно только знать, въ какой формѣ? Симпатизировать пьемонтскому правительству онъ не могъ, точно также, какъ и ни одному изъ существовавшихъ тогда въ Италіи правительствъ. Да наконецъ, венеціанцы просто не хотѣли отказаться отъ своего крылатаго льва, онъ имъ сталъ слишкомъ дорогъ: во время суроваго владычества наполеоновской республики и затѣмъ тяжелаго австрійскаго деспотизма они успѣли забыть послѣдніе вѣка правленія Великаго Совѣта, а воспоминанія счастливыхъ временъ все живѣе воскресали въ ихъ памяти.

Въ жизни народа вообще суевѣрія, въ особенности связанныя съ пріятными воспоминаніями прошедшаго, имѣютъ несравненно большее значеніе, нежели это думаютъ; въ Венеціи больше чѣмъ гдѣ-либо. Тамъшніе герои 48-го года вовсе непохожи на суровыхъ римскихъ республиканцевъ, на приверженцевъ Маццини, смотрящихъ на политическій переворотъ, какъ на религиозное дѣло, жаждущихъ высокихъ добродѣтелей. До добродѣтелей венеціанцамъ мало дѣла: они хотятъ только хорошо и весело прожить свой вѣкъ.

Отвыкнувъ съ дамскихъ поръ отъ политической жизни, они не требовали для себя никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ, они даже того только и добивались, чтобы свалить на чьи нибудь плечи всю эту докучную обузу, а самимъ остаться въ сторонѣ, строго разбирать дѣйствія новыхъ администраторовъ, смѣяться надъ ними вдоволь.... Однимъ словомъ, поставятъ ихъ на положеніе актеровъ, а себя на по-

ложеніе публики; но понятно, чтобы эти актеры не позволяли себѣ съ ними никакихъ излишнихъ вольностей. Всѣ эти выгоды когда-то соединяло въ себѣ правительство св. Марка, и имъ для полнаго спокойствія необходимо было, чтобы и новое носило ту же форму; а что оно будетъ въ сущности — объ этомъ они не много заботились.

Манинъ, какъ природный венеціанецъ, не могъ не знать этого существеннаго направленія своихъ соотечественниковъ; не могъ не понимать и того, что 22-го марта именно чернь господствовала и что, слѣдовательно, законность въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее онъ, была въ опасности. Разсчитывая на то, что торопясь насладиться всѣми прелестями освобожденія, они не будутъ особенно требовательны въ этотъ первый день, и что кромѣ того несравненно безопаснѣе дать имъ *carte-blanche* и не противорѣчить имъ ни въ чемъ въ этотъ первый день, чѣмъ рисковать оставить имъ власть на безконечное время — онъ рѣшился исполнить или даже предупредить всѣ ихъ желанія. Нечего и говорить о томъ, что въ его положеніи не только колебаться, но даже неосторожнымъ намекомъ выказать, что его стремленія не вовсе сходны съ народными — значило бы убить въ зародышѣ его слишкомъ молодую и, такъ сказать, слѣпорожденную популярность.

Провозглашеніемъ вожделенной республики св. Марка онъ на столько привязалъ къ себѣ венеціанскую чернь, какъ будто она знала его до ниточки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, какъ будто онъ жилъ вмѣстѣ съ нею и ея же жизнью, какъ будто въ немъ воскресъ и воплотился духъ какого нибудь изъ давно отжившихъ народныхъ героев Венеціи.

Одно это слѣпое довѣріе къ нему черни, составлявшей всю его силу, успокоивало за будущее: онъ понималъ очень хорошо, что вся задача только въ томъ, чтобы разъ самому выдвинуться впередъ и стать сильнымъ, и что все остальное впереди. Поэтому онъ и устремилъ всѣ свои способности исключительно на то, чтобы какъ нибудь не упустить изъ рукъ власть, которая сама къ нему навязывалась.

Тщательно избѣгая всякихъ разговоровъ и даже свиданій со своими вчерашними друзьями, подъ предлогомъ усталости и домашнихъ дѣлъ, онъ рано оставилъ площадь и отправился на свою квартиру. Тамъ — пока народъ торжествовалъ и шумѣлъ — онъ занялся сочиненіемъ слѣдующей прокламаціи, которую самъ печаталъ ручною машинкой:

«Венеціанцы! Я знаю, что вы меня любите. Во имя этой любви я прошу васъ, чтобы вы въ изъявленіяхъ вашего восторга не выходили изъ предѣловъ законности и тѣмъ доказали бы, что вы вполне достойны той славной участи, которая васъ ожидаетъ. — Другъ вашъ Манинъ.»

На слѣдующее же утро экземпляры этой прокламаціи появились на стѣнахъ зданій, среди крылатыхъ львовъ, начерченныхъ на всѣхъ перекресткахъ бойкою, но неопытною рукою безыменныхъ артистовъ. Это была первая прокламація одного изъ венеціанскихъ гражданъ къ народу, а потому и судили ее вовсе не безпристрастно. Очень немногіе замѣтили все то, что было неловкаго, неумѣстнаго, навязчиваго въ этой выходкѣ Манина. Не говоря уже о томъ, что не одинъ онъ въ Венеціи имѣлъ право на привязанность народную — требовать во имя этой привязанности того, чего должно было требовать во имя идеи, принципа, или просто во имя блага общаго — было довольно неосновательно. Кромѣ того, венеціанцы вовсе не нуждались въ подобномъ напоминаніи, потому что въ теченіе первыхъ двухъ дней республики не было и тѣни какой бы то ни было полиціи, а между тѣмъ порядокъ ничѣмъ и ни разу не былъ нарушенъ. Манинъ однакоже имѣлъ дѣль, публикуя эту прокламацію: онъ все еще боялся, чтобы какънибудь въ порывѣ восторга не забыли его и съ его законностью, и хотѣлъ непременно напомнить о своемъ существованіи, что ему и удалось исполнить. Муниципальное правленіе вынуждено было пригласить его «для обсужденія вопросовъ, прямо касающихся существованія республики». Манинъ, конечно, тотчасъ же (утромъ 23 марта) отправился туда и принесъ уже приготовленный имъ самимъ проектъ новаго министерства, и когда правленіе предложило ему оставить этотъ проектъ на разсмотрѣніе кого слѣдуетъ, онъ лаконически отвѣчалъ:

«Теперь некогда — разсуждать будемъ потомъ; а теперь нужно немедленно дать ему надлежащую силу.»

Муниципальное правленіе не рѣшилось противиться ему и проектъ Манина былъ провозглашенъ утромъ того же дня на площади св. Марка и принятъ тутъ же съ рукоплесканіями нѣсколькихъ сотенъ народа, непонимавашаго хорошенько, въ чемъ дѣло и не вслушавшагося даже въ чтеніе. Одно только, чего не могъ сдѣлать авторитетъ Манина — заставить принять въ число министровъ адвоката Авеццани, котораго популярность не увеличилась нисколько его удачнымъ посольствомъ къ Эичи. Манинъ великодушно принялъ на себя всю отвѣтственность, а слѣдовательно и успѣхъ этого предпріятія.

За исключеніемъ этого маленькаго измѣненія, проектъ Манина былъ принятъ во всей его цѣлости, и самъ авторъ его провозглашенъ президентомъ новаго правительства, установившагося въ Венеціи 23 марта 1848 г., подъ фирмою республики св. Марка.

Между тѣмъ всѣ провинціи Венеціанской области, за исключеніемъ Вероны, освободились отъ австрійскаго владычества и присо-

единились къ Венеціанской республикѣ. Первый декретъ новаго правительства, вызванный именно этимъ обстоятельствомъ, подавалъ большія надежды на будущее; но — по общему закону природы — надежды эти не осуществились.

Что по преимуществу погубило первую Венеціанскую республику — это неравенство правъ провинцій и столицы, вслѣдствіе котораго между ними постоянно существовали враждебныя сношенія, и провинціи при первомъ удобномъ случаѣ готовы были отложиться отъ нея. Понимая, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, для республики слишкомъ важно было сохранить съ ними самыя дружескія отношенія, Манинъ издалъ декретъ, которымъ совершенно сравнивались всѣ ихъ права; Манинъ рѣшился на эту мѣру, только вынужденный крайнею необходимостью и настоятельными требованіями Томазео, котораго самъ онъ назначилъ министромъ народнаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе декретъ его скоро сталъ яблокомъ раздора между двумя бывшими пріятелями. Томазео хотѣлъ, чтобы созвано было законодательное собраніе изъ депутатовъ всѣхъ городовъ и провинцій области, основываясь на томъ, что маниновскій проектъ, утвержденный 23-го на площади св. Марка, могъ имѣть только временную силу, потому что былъ одобренъ одними жителями столицы. Манинъ никакъ на это не соглашался, забывъ по этому поводу законность, которой былъ странствующимъ рыцаремъ. Между ними начались распри; провинціи поддерживали Томазео, но Манинъ былъ слишкомъ силенъ въ Венеціи, потому и поставилъ на своемъ. Законодательное собраніе созвано не было, а вмѣсто его Манинъ учредилъ родъ государственнаго совѣта (*Consulta di Stato*) изъ депутатовъ провинцій — по 3 изъ каждой. Совѣтъ этотъ былъ созванъ только для формы, и не имѣлъ никакого положительнаго значенія, такъ какъ Манинъ держалъ въ своихъ рукахъ почти диктаторскую власть.

Такимъ образомъ едва не на второй день владычества Манина, начались уже сильныя неудовольствія противъ него. Приверженцы Томазео, къ сожалѣнію не умѣвшіе приобрести себѣ популярности въ Венеціи, впоследствии обратились въ горячихъ приверженцевъ Маццани и присоединенія къ римскому его триумvirату, а потомъ въ сухихъ и непрактическихъ доктринеровъ.... Если бы они сумѣли составить правильную и дѣльную оппозицію авторитарическимъ попыткамъ новаго дожа (народъ называлъ такъ Манина, хотя оффиціально онъ не принималъ этого титула) — ему не удалось бы можетъ быть по диктаторски распорядиться въ Венеціи, а это отстранило бы на долгое время паденіе республики. Но съ предположеніями можно зайти

слишкомъ далеко, тогда какъ факты представляютъ несравненно болѣе интереса....

На основаніи капитуляціи, которую Авеццани заставили Зичи подписать, венеціанскіе пароходы, составлявшіе весь почти австрійскій флотъ и находившіеся въ это время въ Полѣ (военная гавань между Триестомъ и Венеціею) должны были быть уступлены Венеціи. Но чтобы добиться этого, слѣдовало по крайней мѣрѣ удержать и Пальффи въ Венеціи вмѣстѣ съ Зичи до тѣхъ поръ, пока условія капитуляціи не будутъ исполнены. Новое правительство дало очень важный промахъ, дорого стоившій Венеціи, а именно: капитану парохода, на которомъ Пальффи отправлялся въ Триестъ, дано было порученіе передать стоявшей въ Полѣ флотиліи приказъ новаго правительства немедленно явиться въ Венецію. На пароходѣ вмѣстѣ съ Пальффи былъ довольно сильный отрядъ солдатъ, и потому капитанъ вынужденъ былъ исполнять всѣ требованія своего пассажира, а бывшій венеціанскій генералъ-губернаторъ вовсе не считалъ себя военнопленнымъ или обязаннымъ сдерживать условія капитуляціи, или неподписанной. Онъ приказалъ капитану парохода миновать Полу и плыть прямо въ Триестъ, — у того не хватило энергіи исполнить приказаніе венеціанскаго правительства.... Въ Триестѣ венеціанскій пароходъ былъ уже совершенно въ рукахъ австрійцевъ, его тамъ задержали и тѣмъ временемъ откомандировали въ Полу австрійскую флотилію съ приказаніемъ удержать венеціанскія суда или пустить ихъ ко дну, если первое окажется невозможнымъ. Очень много изъ преданныхъ народному дѣлу капитановъ успѣли бѣжать оттуда втихомолку, и съ большою опасностью добрались до Венеціи. Австрійскіе крейсера преслѣдовали ихъ почти до самаго рейда, но побѣгъ ихъ узнали уже слишкомъ поздно, такъ что нагнать ихъ хотя бы на пушечный выстрѣлъ было невозможно.

Оставивъ такимъ образомъ республику безъ флота, Манингъ и на счетъ сухопутныхъ силъ распорядился не лучше. Весь почти 3,000 корпусъ генерала Пепе, состоявшій изъ опытныхъ солдатъ, былъ распущенъ. Манингъ имѣлъ въ виду замѣнить регулярное войско національной гвардіей, которой организовалъ 4 батальона, по 1000 ч. каждый, съ тѣмъ чтобы мобилизовать ихъ потомъ. Въ основаніи впрокъ его былъ можетъ быть и недурень; но онъ самъ скоро увидѣлъ, что неудачно выбралъ время къ приведенію его въ исполненіе. Было однако же поздно. Солдатъ Пепе пришлось замѣнить новобранцами. Конечно при тогданнемъ настроеніи умовъ рекрутскій наборъ не могъ возбудить всеобщаго восторга: всѣ слишкомъ хорошо понимали, что они далеко еще не окончили со старымъ своимъ врагомъ, и что этотъ вопросъ безъ кровопролитія разрѣшенъ быть не можетъ. Толпы народа, по преимуществу молодежи

ожидали дворецъ Municipio, требуя чтобы всѣхъ ихъ безъ разбора приняли въ солдаты. Исполнить подобное требованіе было невозможно; они тѣмъ не менѣе очень остались недовольны новымъ правительствомъ за то, что оно не даетъ имъ возможности идти драться противъ австрійцевъ. Многие рѣшились обойтись и безъ него. Составились отряды волонтеровъ, фанатики ходили повсюду, проповѣдуя крестовый походъ противъ Австріи. Три изъ подобныхъ отрядовъ, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ венеціанцевъ и жителей провинцій, отправились по направленію къ Веронѣ; но скоро увидѣли, что взять эту крѣпость безъ осадныхъ оружій невозможно, и расположились въ сосѣднихъ городахъ: Виченцѣ, Пальмановѣ; третій не дошелъ далѣе Тревизы (нѣсколько миль отъ Венеціи)....

Рекрутскій наборъ слишкомъ дорого стоилъ республикѣ, которой финансы были далеко не въ цвѣтущемъ положеніи. Для того, чтобы имѣть по крайней мѣрѣ опытныхъ офицеровъ, которымъ можно-бы было поручить обученіе рекрутъ, принуждены были призвать на службу всѣхъ отставныхъ венеціанцевъ, служившихъ въ австрійскомъ войскѣ. Они — довольно основательно, конечно — не пользовались такою популярностью; кромѣ того мѣра эта была насильственна и не могла ни на кого произвести хорошаго впечатлѣнія. Старые австрійскіе служаки, ставшіе такимъ образомъ офицерами и наставниками венеціанской арміи, требовали завести въ ней дисциплину на манеръ нѣмецкій — что совершенно не сообразовалось съ новыми учрежденіями. Изъ-всего этого вышла порядочная путаница....

Какъ адвокатъ старой школы, Манингъ очень любилъ прелести австрійской бюрократіи — въ чемъ не сознавался даже самому себѣ. При выборѣ лицъ для своей администраціи онъ исключительно руководствовался своимъ личнымъ произволомъ, но давалъ мало хода своимъ прежнимъ друзьямъ; онъ старался окружить себя посредственностями, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли бы затенить его собственной геніальности; большая часть изъ нихъ были совершенно незнакомы съ дѣловой процедурой, и приходилось мѣнять очень часто чиновниковъ — что конечно служило не въ пользу дѣлопроизводства. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ въ этомъ родѣ, Манингъ рѣшился возвратитъ отнятыя имъ же должности бывшимъ австрійскимъ чиновникамъ, и самъ наслаждался быстротою, съ которою пошли вслѣдствіе этого гражданскія дѣла. Восхищался впрочемъ только одинъ — остальные не могли не замѣчать вреда, приносимаго республикѣ этою старою бюрократіею, отличавшеюся вовсе не безкорыстіемъ и честностью.

Даже прежняя полиція осталась почти въ полномъ составѣ, только имя ея было перемѣнено. (Comitata di Vigilanza o di Salute publica).

Эта мѣра въ особенности вызвала неудовольствіе; но Манинъ тѣмъ упорнѣе придерживался своей старой системѣ, можетъ быть потому, что видѣя оныя врядъ ли быль на что нибудь особеннѣе. Только по возвращеніи австрійцевъ въ Венецію открылось, что Комитетъ Общественнаго Спокойствія дѣйствовалъ противъ республики. Манинъ долженъ бы былъ спохватиться по крайней мѣрѣ нѣсколько раньше.

Недоумѣніе къ новому правительству перешло слишкомъ скоро на площадь и многіе предвидѣли то, вовсе неотдаленное будущее, когда популярность Манина исчезнетъ, и ему самому предсказывали очень печальную будущность. Онъ однакоже не смущался и съ особенною любовью занялся дипломатіей, которая всего меньше ему давалась....

Венеціанская республика съ дипломатической стороны находилась съ самаго начала вовсе не въ дурномъ положеніи: Швейцарія, Сѣверо-Американскіе Штаты и Сардинія признали ее официально; Англія приказала консулу своему Даувансу войти въ сношенія съ новымъ правительствомъ; въ самой Италіи Цій IX-й, бывшій тогда въ полномъ цвѣтѣ своего могущества, послалъ новой республикѣ свое благословеніе при очень дружескомъ рескриптѣ; одна Франція не торопилась высказать опредѣлительно свою политику по отношенію къ Венеціи. По нѣкоторымъ довольно положительнымъ даннымъ можно было однако предполагать, что съ этой стороны нельзя было ждать хорошаго. Манинъ просилъ у французскаго правительства разрѣшенія купить во Франціи ружья и нѣсколько военныхъ пароходовъ; разрѣшеніе это дано ему было послѣ 7 мѣсяцевъ, когда финансы республики не позволяли и думать о пароходахъ. Ружья (20,000) были заказаны въ Парижѣ, но окончить ихъ фабриканты не брались раньше известнаго, очень отдаленнаго срока; французское правительство предложило великодушно лать республикѣ старыя ружья въ обмѣнъ новыхъ; волею, или неволею нужно было согласиться, потому что ждать не было возможности. Эти старыя ружья пришли въ Венецію только тогда, когда она уже сдалась снова австрійцамъ, и ихъ пришлось вести назадъ во Францію. Манинъ однакоже — это общая итальянская слабость — заботился по преимуществу о французскомъ союзничествѣ, хотя — какъ впоследствии оказалось — очень плохо понималъ смыслъ тенденцій французскаго правительства и людей, его составлявшихъ. Несмотря на то, что Ламартинъ, вздыхавшій прежде въ поэтическомъ экстазѣ о жалкомъ положеніи Италіи вообще и Венеціи въ особенности, показывалъ очень ясно венеціанскому правительству, что ни онъ, ни товарищи его вовсе не расположены помогать чѣмъ бы то ни было — за исключеніемъ благихъ совѣтовъ — новой республикѣ, — Манинъ упорно настаивалъ на союзѣ съ Франціей и жертвовалъ во имя его очень существенными выгодами. На всѣ возраженія по этому поводу онъ

отвѣчалъ лавонически, что Франція не можетъ не помочь Венеціи, и въ доказательство приводилъ цитаты изъ Маккіавели.

Несмотря на эту блаженную увѣренность, обстоятельства шли все хуже и хуже; онъ рѣшился обратиться къ Карлу-Адльберту, но и въ немъ не нашелъ готовности поддерживать независимость республики, что впрочемъ сардинскій король высказалъ, хотя и очень не прямо, въ своей прокламаціи къ венеціанцамъ, вскорѣ послѣ 22-го марта. Наконецъ Ламармора, двинувшійся въ Венецію по приглашенію Манинъ, въ качествѣ экстра-ординарнаго посланника, объявилъ безъ особенныхъ обиняковъ:

«Если вы хотите, чтобъ король сдѣлалъ что нибудь для васъ, то должны бы сами прежде сдѣлать что нибудь для него.»

Что было это *что-нибудь*, Манинъ понималъ очень хорошо, но сдѣлать это что-нибудь — въ его положеніи было слишкомъ трудно: народъ и слышать не хотѣлъ о присоединеніи къ Пьемонту, да и другіе итальянскіе короли и герцоги, начавшіе уже тогда враждебно относиться къ Пьемонту, могли бы вовсе не одобрить этого присоединенія; а Манинъ хотѣлъ угодить всѣмъ. Дѣлать было нечего, и онъ рѣшился на адвокатскую уловку. Министръ Палеокана былъ посланъ въ лагерь къ королю, съ просьбою прислать въ Венецію сардинскія войска и флотъ и съ изъявленіемъ готовности, въ благодарность за эту услугу, присоединиться къ Пьемонту, выговоривъ однакоже, чгобы было созвано законодательное собраніе, которое рѣшило бы, когда именно присоединеніе это должно быть приведено въ исполненіе. Карлу-Адльберту не трудно было предвидѣть отвѣтъ законодательнаго собранія. Однако, въ стратегическомъ отношеніи для него было слишкомъ важно имѣть Венецію, и онъ продолжалъ переговоры. Манинъ, начитавшись Маккіавели, не поддавался, забывавъ впрочемъ, что Маккіавели прежде всего совѣтуетъ государству опираться на свои собственные силы, а этого-то и недоставало Венеціи. Манинъ съ самаго начала отказался вооружить народъ, а теперь было уже поздно, тѣмъ болѣе, что венеціанскія провинціи, недовольныя центральнымъ правительствомъ, учредили временныя мѣстныя, и отказались не только посылать рекрутъ въ Венецію, но даже платить ей государственныя подати, не возвратили ей ни тѣхъ пушекъ, которыя были посланы Маниномъ тотчасъ послѣ ихъ освобожденія, ни венеціанскихъ волонтеровъ, которые отправились туда, какъ я уже говорилъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Тогда Манинъ — слишкомъ поздно, къ сожалѣнію — убѣдился, что Томазо былъ правъ, и что онъ своими централизаціонными стремленіями испортилъ все дѣло, — догда только онъ принялся со всевозможнымъ усердіемъ за исправленіе сдѣланнаго имъ зла; но и это было уже

поздно. Напрасно онъ посылалъ туда самыя краснорѣчивыя прокламаціи, напрасно даже — едва австріяцы начали враждебныя дѣйствія противъ Виченцы — самъ онъ, вѣстѣ съ Томазео, отъправился въ лагерь и совершенно бесполезно подвергалъ опасности свою жизнь, выбирая самыя опасныя пункты.

Неудача съ Пьемонтомъ тѣмъ болѣе огорчила Манина, что онъ и не подозрѣвалъ, что самъ Карлъ-Альбертъ очень нуждался въ посторонней помощи и ни въ какомъ случаѣ не могъ послать порядочный отрядъ войска въ Венецію. Томазео утѣшилъ его нѣсколько, сообщилъ ему по дружбѣ, что онъ еще въ началѣ апрѣля просилъ Поэріо прислать маленькую военную флотилію....

Скоро дѣла Италіи приняли такой оборотъ, что ждать помощи, отъ кого бы то ни было, Манинъ уже не могъ, не смотря на все свое желаніе. Наступилъ май; энциклика Пія IX вышла въ свѣтъ и объявила всему міру, что папа измѣнилъ совершенно свою политику. Затѣмъ (15-го мая) неаполитанскій король послѣдовалъ его примѣру.... Какъ разъ 15-го же мая, неаполитанская флотилія, подъ начальствомъ адмирала Де-Козы, бросила якорь въ Маламокко (островокъ близъ Венеціи, гдѣ прежде была военная гавань).

Народъ, съ самаго 22-го марта совершенно удаленный отъ сцены, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать новое торжество на площади; но нѣсколько мѣсяцевъ новой республикой св. Марка успѣли во многомъ разочаровать народъ, на Манина не возлагали уже никакихъ блестящихъ надеждъ — его терпѣли, потому что не на кого было промѣнять его; но онъ давно уже пересталъ быть кумиромъ. Къ тому же, въ будущемъ каждый предвидѣлъ тяжелыя испытанія и не многимъ удалось заглушить въ себѣ черныя предчувствія шумомъ демонстраціи....

Предчувствія эти слишкомъ скоро оправдались, къ несчастію. Венеціанскія провинціи всѣ почти успѣли уже снова попасть въ руки Австріи; Радецкій съ сильнымъ корпусомъ утвердился въ Веронѣ и ожидалъ новыхъ подкрѣпленій.... 18-го мая неаполитанскій адмиралъ получилъ приказъ возвратиться въ Неаполь и взять съ собою генерала Пепе и его войско. Пепе однакоже воспротивился этому и остался въ Венеціи; жаль только, что онъ прежде еще (3 мая) исполнилъ приказаніе неаполитанскаго военнаго министра и расположилъ большую часть своего войска въ Болоньи и на правомъ берегу рѣки По, близъ Феррары. Въ Венеціи съ нимъ осталось всего два батальона волонтеровъ, одна батарея полевой артиллеріи и саперная рота. Въ это же самое время корпусъ Дурандо долженъ былъ оставить провинцію Тревизо (сосѣдную съ Венеціей) и спѣшить подъ Верону, чтобы ос-

тановить есаулмаршаловъ Нуджента и Фельдена,шедшихъ на подкрѣпленіе Радецкому.

Всѣ силы Венеціанской республики состояли изъ этого маленькаго отряда генерала Пене, изъ нѣсколькихъ мобилизованныхъ батальоновъ національной гвардіи и изъ волонтеровъ, которые въ безпорядкѣ возвращались въ Венецію изъ занятыхъ Австріею провинцій. А десяти-тысячный австрійскій отрядъ былъ уже подъ самою Венеціею. Манингъ назначилъ Пене главнокомандующимъ всею арміею республики. Не знаю, дѣйствительно ли Пене стоялъ *целою арміею*, какъ утверждалъ Манингъ, но обстоятельства выказали въ немъ блестящія военныя способности и при этомъ горячую преданность національнымъ идеямъ, которымъ онъ служилъ вѣрою и правдою съ замѣчательною *гражданскою* храбростію, которую цѣнятъ больше военной, потому можетъ быть, что она рѣже встрѣчается....

Самъ Манингъ, вѣрившій въ неизбежность французскаго союзничества, не падалъ духомъ, пока наконецъ Ламартинъ не отказался положительно отъ всякаго участія въ дѣлахъ Венеціи.

Въ эту критическую минуту Манингъ разыгралъ роль прежняго Великаго Совѣта, во время занятія Венеціи французскими войсками, Устоять не было возможности, и онъ рѣшился по крайней мѣрѣ сложить съ себя отвѣтственность за неизбежное паденіе.

Не говоря уже о внѣшнихъ событіяхъ, внутри республики былъ полный разладъ. Пьемонтская партія имѣла предводителями Кастелли и Мартини, бывшего полчаса (22 марта) комендантомъ арсенала. Палеокапа, вѣдвшій въ лагерь къ Карлу-Альберту, помогалъ имъ своимъ краснорѣчіемъ. Манингъ однакоже держался крѣпко; но когда Мартини искусно распустилъ слухи о томъ, что сардинскій король, несмотря ни на что, хочетъ спасти Венецію, и отдалъ уже приказъ о присылкѣ туда должнаго вспомошествованія (финансы республики были въ самомъ плохомъ состояніи) и войска, piemontская партія начала приобрѣтать нѣкоторую популярность. Манингъ рассчиталъ, что настало время и созвалъ на 3-е іюля генеральное собраніе; эта экстренная и совершенно несообразная съ прежнею его политикою мѣра занутила весь городъ....

Манингъ явился со смиреннымъ видомъ и въ очень короткой, противъ своего обыкновенія, рѣчи изложилъ со всевозможною запутанностью дѣло и задалъ наконецъ прямо вопросъ о присоединеніи. Депутаты Маль-атти, Феррари Браво и министръ Томмазо возстали очень вступительно противъ piemontской партіи. Зналъ лучше другихъ то невыгодное положеніе, въ которомъ былъ самъ Карлъ-Альбертъ, они тре-

боваши, чтобы подождать по крайней мѣрѣ окончанія камиани, а въ это время употребить всевозможныя средства, чтобы устоять противъ Австріи. Краснорѣчіе Палеоканы и выходы Мартини подѣйствовали силнѣе на робкихъ членовъ собранія, а такъ какъ было больше. Манингъ, сидѣвшій спокойно во все время разсужденій, подумавъ наконецъ и обратившись къ «благонамѣреннымъ гражданами» съ просьбою, — на этотъ разъ уже не во имя ихъ любви къ нему, — чтобы они «принесли свои выгоды и даже убѣжденія въ жертву необходимости» и пр., и прибавилъ въ заключеніе, что все, что они рѣшаютъ теперь, будетъ имѣть только временную силу, а окончательно рѣшить всѣ вопросы итальянское законодательное собраніе въ Римѣ и что только въ Капитольѣ можетъ быть окончательно установлена та форма внутренняго устройства, которая должна господствовать во всей Италіи. Смыслъ рѣчи Манина былъ ясенъ и авторитетъ его, даже послѣ того, какъ онъ пересталъ быть идоломъ венеціанцевъ, имѣлъ все-таки вѣсъ. Приступлено было къ баллотировкѣ: 127 голосовъ было подано въ пользу немедленнаго присоединенія и только 6 за самостоятельность Венеціи.

Такимъ образомъ Манину представился очень благовидный предлогъ, чтобы подать въ отвѣтку. Онъ оказалъ: «я пришошу свои убѣжденія въ жертву благу общественному, но я не могу отъ нихъ отступиться». Затѣмъ онъ совершенно удалился отъ дѣлъ и снова занялся токарными работами въ своей квартирѣ на С. Матерьяно.

Бѣдный адвокатъ Кастелли пришелъ въ такой восторгъ отъ неожиданной побѣды своей партіи, что чуть не закричалъ въ полномъ собраніи и закричалъ торжественно: «теперь Венеція спасена!» Но только онъ одинъ вѣрилъ въ это....

Сомнѣваться насчетъ дальнѣйшей участи Венеціи было невозможно. Партизаны самостоятельности Венеціи, кратко опустивъ головы, вышли изъ собранія; народъ вынокался на площадяхъ, но великое это не имѣло уже и признака того дѣтскаго, шризоваго характера, какъ 22 марта. Национальная партія, очень немногочисленная, стала искать силы во внутреннемъ единствѣ, въ тѣсномъ общеніи съ народомъ; объ оппозиціи подворившемуся шовъ правительству (въ смыслѣ обыкновенной министеріальной оппозиціи) не было и помину. Да оно и не стоило никакой оппозиціи.

Съ удаленіемъ Манина учредился роль триумвирата: изъ Коли, Чибраріо и Кастелли; Палеоканя со своими краснорѣчивымъ и Мартини предпочли остаться восторонь. «Сморо!» и такъ... Кастелли успѣлъ убѣдиться, что присоединеніемъ къ Пьемонту возможности улучшить участь Венеціи. Карлъ Альбертъ пришелъ очень чувстви-

талеемъ прозваніе, 2,000 пелорукі садатъ и 800,000 браик. Венеція выиграла дешево...

Дѣла Сардиніи принимали очень плохой оборотъ. Войска должны были отступить за Тичино, а слогъ оставилъ блокаду Триеста.... Журналъ народной партіи «Fatti e parole» призывалъ народъ на защиту отечества, открывалъ ему всю опасность его положенія, изъ котораго только геройство и энергія могли его вывести. Народъ выражалъ ей свое довѣріе демонстраціями. Учрежденъ былъ клубъ del Cento (ста), который стремился къ тому, чтобы соединить въ одно дѣлее всѣ живыя силы Венеціи, такъ какъ всѣ онѣ были нужны для отстраненія опасности.

Правительство комиссаровъ испугалось всего больше именно этого и ознаменовало свое вступленіе (7 августа) тѣмъ, что наводило городъ въ военнымъ жандармами и сдѣлало открытое нападеніе на типографію, въ которой печатался народный журналъ, изломяло станки и секвестрировало всѣ нумера, бывшіе уже напечатанными. Это однако не повело ни къ чему, потому что журналъ продолжалъ по прежнему выходить въ свѣтъ, засѣданія клуба продолжались по прежнему и народъ даже вниманія не обращалъ на строгости и ярость комиссаровъ.

Манинъ однако не вытерпѣлъ; его замолный дилеттантизмъ былъ возмущенъ до крайности, и онъ въ главѣ очень немногочисленной партіи началъ оппозицію.

Между тѣмъ въ Венецію пришелъ батальонъ ломбардскихъ во-дителей съ Сиртори (въ 1860 году начальникъ гварнаго штаба Фарибальди) и вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько сотъ венеціанцевъ, удалившихся изъ Ломбардію, когда Манинъ отказалъ во всенародномъ вооруженіи.

Всѣ они, конечно, приняли сторону клуба. Партія эта усилилась кромѣ того значительнымъ числомъ морскихъ офицеровъ, возвратившихся изъ подл. Триеста—по большей части молодыхъ венеціанцевъ, которые удалились изъ города, когда увидѣли, что Манинъ сдѣлалъ въ придворіи рутину и поняли, что съ нимъ и съ его австрійской администраціей, Венеція войдетъ не далеко.

На одномъ изъ засѣданій клуба рѣшено было настоять на томъ, чтобы комиссары согласились на учрежденіе военнаго Комитета Защиты изъ дѣльных и пользующихся популярностью офицеровъ. Комиссары, озабоченные этимъ требованіемъ, не знали даже что, означать, когда (11-го августа) пришла печальное извѣстіе о смерти Карла-Амбертоцъ съ австрійцами. Комиссары дотерпѣли совершенно; народъ однакоже больше не хотѣлъ сдѣлать этого. Вооруженныя толпы весь день ходили по

улицамъ въ мрачномъ молчаніи. Вечеромъ всѣ онѣ собрались на площади св. Марка — не было ни демонстрацій, ни кришоу; но комиссары хорошо поняли въ чемъ дѣло, и всѣ трое разомъ подали въ отставку. Въ это время Маниниъ оказался на балконѣ дворца дожей—онъ тоже словно переродился. Каниниъ—то особеннѣе чут-емъ всѣ поняли съ разу другъ друга и крики «Viva Manin!» снова пронеслись по площади.

Маниниъ, не кланяясь, какъ это обыкновенно водится въ шалобныхъ случаяхъ, объявилъ, что на послѣ завтра будетъ созвано новое собраніе, съ тѣмъ, чтобы установить новое правительство.

«Эти же 48 часовъ управляю я», прибавилъ онъ совершенно неожиданно. Неметовыя рукоумесканія прервали его на этомъ интересномъ мѣстѣ.

«Скоро вы услышите тревогу», продолжалъ онъ, когда толпа кричала: «нужно защищать Маргеру, которую австрійцы хотятъ атаковать».

— Мы всѣ пойдемъ, кричала толпа—и сдержала свое обѣщаніе.

Эта театральная сцена имѣла для Манини самыя выгодныя послѣдствія. Десятками лѣтъ безкорыстной и неэгоистичной гражданской дѣятельности трудно приобрести такое слѣпое довѣріе массы, какое снова отдано было Манину за его удачное подвизаніе—*deus ex machina*—на балконѣ дворца дожей. Вѣсть съ комиссарами и марше въ Венеціи подалъ въ отставку, отдавъ все въ руки Манини.

Народъ съ криками «Viva Manin!» прямо съ площади шобѣжалъ на форты Маргеры, и эффектное представленіе 14 августа закончилось отчаянной перестрѣлкой...

Неожиданный новый успѣхъ Манини произвелъ самое дурное впечатлѣніе на клубъ и на всю партію дѣйствія (*partito dell'azione*). Тотъ же, бывшій ее предводителемъ, не отваживаясь уже вступить въ борьбу съ новымъ диктаторомъ, отправился въ Парижъ съ дипломатическимъ порученіемъ. За отсутствіемъ его, попробовали противопоставить Манину генерала Пене. Понявша эта же умалась. Пене былъ иностранцемъ изъ Венеціи, а въ подобныхъ случаяхъ муниципальная гордость никогда не молчитъ въ итальянцахъ.

Собраніе, позванное 13 августа, — какъ и слѣдовало ожидать, — сосредоточило всю власть въ рукахъ Манини и утвердило за нимъ диктаторство, которое самъ онъ далъ себѣ только на 48 часовъ. Манини заставилъ собраніе назначить ему, по его собственному выбору, двухъ советницей, «людей сѣдующихъ въ спеціальныхъ вопросахъ...» Клубъ, при дошкѣ оборотѣ дѣлъ, не могъ удержаться болше дѣ первоначальнымъ своимъ видомъ; онъ явился въ малочисл. сессію въ то время, когда кругомъ шло дѣло къ совершенно новому реж-

войнѣ.... Отныя онъ самъ убивалъ себя, отныя у себя же всякое политическое, притическое значеніе.

Многихъ поразила выборъ Манина двухъ товарищей, такъ какъ оба они не пользовались извѣстностью государственныхъ людей, или даже дѣйствительно свѣдущихъ специалистовъ. Однакоже расчетъ диктатора лоскъ: не говори уже о постоянной его приверженности къ посредственностямъ (Граціани—одинъ изъ двухъ,—ниже всякой посредственности), ему нужны были вовсе не сотрудники на дѣла высшей администраціи, а извѣстные имена. Поэтому онъ выбралъ двухъ, принадлежавшихъ къ богатымъ семействамъ, а слѣдовательно пользовавшихся уваженіемъ. Именно этотъ его выборъ объясняетъ много изъ его стремленій: онъ не былъ созданъ для народа; иногда, въ минуты вдохновенія, онъ былъ способенъ на высокіе порывы, театральные эффекты, вызывающіе рукоплесканія массы, — но въ эти минуты онъ, какъ актеръ, очень хорошо игралъ свою роль. Въ жизни же ему нужно было нѣчто болѣе умѣренное, соответствующее болѣе спокойнымъ «законнымъ» склонностямъ. Во всякой другой странѣ, карьера его была бы опредѣлена ясно: вездѣ онъ нашелъ бы себѣ сильную и умѣренную партію толстыхъ жиданъ. Но въ Венеціи, въ сожалѣнію, партія эта робко шлохача, пряталась въ купленыхъ со стѣ холога у австрійскаго правительства дворцахъ старой аристократіи. Манингъ хотѣлъ вызвать эту партію на сцену, въ надеждѣ, что подъ его спасительнымъ прикрытіемъ она забудетъ, наконецъ, въисовѣнную робость. Ему нужна была именно такая партія, способная одѣлать всю прелесть его «законныхъ» стремленій. Къ сожалѣнію, обстоятельства не допустили его до исполненія этихъ блисткихъ намѣреній.

Между тѣмъ люди «свѣдущіе въ специальныхъ вопросахъ» привались за дѣло. Одинъ снова возвращать должности австрійскимъ чиновникамъ и офицерамъ, которыхъ Манингъ прежде еще (искорѣ послѣ 23 марта) призывалъ было на службу, но въислѣдствіе вынужденъ былъ выгнать вонъ. Другой «свѣдущій человекъ», занявшійся исключительно военною частью, привилъ мундиръ солдатскій, окружилъ себя неспособными и недобросовѣтными людьми — и вызвалъ вездѣ и повсюду неудовольствія. Войска, истощенной постоянными ученьями и сардиніи, не получая жалованья и получая очень плохіе сѣстные припасы, готовы были само отдаться въ руки австрійцевъ. Единъ только законсервиранный стрѣлковій батальонъ, смѣлый своимъ избирательнымъ устройствомъ, остался на прежнемъ основаніи.

Съ самаго 31 августа начинается въ Венеціи новая борьба между народными партіями и правительствомъ. Первыя, въ виду неимѣющей

опасности, хотеть поголовнаго вооруженія; а Манинъ, вѣрно элитный дипломатическими тонкостями и мыслями оцѣлъ въ Франціи, проповѣдуетъ опокоествіе и великаго рода умѣренныя и эволюныя мѣры; однимъ словомъ, по выраженію одного итальянскаго писателя, приговариваетъ Венецію къ долгой и мучительной смерти отъ внутренней хронической болѣзни, тогда какъ всѣ готовы были лучше умереть на баррикадахъ.

Эго внутреннее несогласіе партій, тогда могла уже ближайшія укрѣпленія были, осаждены австрійцами, не обѣщало ничего хорошаго. Партія дѣйствія понимала очень хорошо, что для Венеціи одинъ выколъ — отбѣлаться во чтобы то ни стало отъ Манина съ его свѣдущими специалистами. Но слѣвать это было невозможно: послѣ доверенія Цене, никто уже не осмѣливался вступить съ диктаторомъ въ открытую борьбу; Томаео оставался въ Парижѣ — остальные всѣ боялись народа, съ которымъ даже немногіе изъ нихъ умѣли бы говорить помятымъ для него языкомъ. Начались нѣмые протесты, которые были бы смѣшны въ всякое другое время... Нѣсколько десятковъ молодыхъ морскихъ офицеровъ, приверженцевъ народной партіи, подали въ отставку; ихъ замѣнили старыми австрійскими моряками. Былъ составленъ опытный стратегическій смѣлый, но удачно задуманный проектъ защиты и перенесенія военныхъ дѣйствій на По и къ Ромашью, тогда еще не ранящую австрійцами. Все это вмѣстѣ хотѣли представить на разсмотрѣніе римскаго триумвирата и просить его помощи. Нечего говорить, что и римскія и венеціанскія дѣла очень много бы выиграли отъ тѣснаго союза между двумя республиками. Записка эта осталась однакоже въ карманѣ редакторовъ, и Манинъ становился все болѣе и болѣе полноправнымъ диктаторомъ. Недовольный «законоуки» преслѣдованіями противъ клуба и партіи дѣйствія, онъ совершенно незаконно изгналъ изъ Венеціи нѣсколькихъ, особенно для него опасныхъ, то есть тѣхъ, на кого особенно могла разсчитывать республика въ случаѣ кризиса. Нѣкоторыхъ другихъ, пользовавшихся популярностью настьелка, что прямо изгнать ихъ было опасно, онъ отпиривалъ въ Римъ съ разными пустыми порученіями.

Но завѣла Манина снова начала блеснуть — нуженъ былъ новый театральныи эффектъ, чтобы возвратитъ ей прежній блескъ; а возможность этому не представлялась. Манинъ, чтобы на крайній случай чѣмъ нибудь выказать свою дѣятельность, заказалъ три военныхъ парохода въ арсеналѣ. Финансы были въ саниціонномъ положеніи, ссвоеніи и не на что даже было купить новыхъ машинъ. Манинъ рассказывалъ, гдѣ-то три старыя, изъ которыхъ одна служила уже свой срокъ, да австрійскіи рѣшомъ пароходы, и была брошена въ арсе-

шла за погодностью; другие дѣй, служили для просушки окрестныхъ болотъ, — живо было, что эта постройка предпринималась чисто для шпиду. Директоръ арсенала на приказаніе диктатора отвѣчалъ, что въ работѣ нельзя приступить до известнаго срока, такъ какъ теперь шпид ружья зашты выдѣлкою желѣзнымъ походнымъ прокатей для солдатъ. Случай этотъ надѣвалъ много шуму. Манинъ рѣшился собрать снова генеральное собраніе, не знаю подъ какимъ предлогомъ, но съ неплючительного цѣлью выдти какъ нибудь съ помощью своего краснорѣчія и ласкаго театральнаго эффекта изъ затруднительнаго положенія.

Въ собраніи никто не возставалъ прямо противъ Манина; но противъ разныхъ отраслей администраціи и въ особенности противъ двухъ «свѣдущихъ специалистовъ» возстали очень энергично... Манинъ взошелъ на трибуну и объявлялъ, что онъ своею честью ручается за безкорыстіе и лжхородачную дѣятельность своихъ чиновниковъ; и что — если не оставить ему специалистовъ — онъ самъ выйдетъ въ отставку... Собраніе притихло; но одинъ изъ молодыхъ офицеровъ требовалъ, чтобы адмиральство и начальство арсенала представили отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ особенной комиссіи... Манинъ не далъ ему времени кончить — и закрылъ собраніе...

Между тѣмъ Томасео возвратился изъ Парижа съ самымъ печальнымъ извѣстіемъ. Востикъ, въ письмѣ своемъ на имя Манина, говоритъ, что онъ готовъ воспротивиться всѣмъ зависящимъ отъ него средствамъ осады Венеціи, и думаетъ, что имѣть на это право, какъ предложившій разъ свое посредничество, но онъ долженъ предупредить его, что въ самой Франціи готовится правительственный переворотъ, и что тѣ, которые смѣняютъ его, врядъ ли будутъ раздѣлять его образъ мыслей по отношенію къ Венеціи... Цальмерстонъ совѣтовалъ сдать безъ всякаго замедленія Радецкому...

За то съ другой стороны: положеніе стало понемногу улучшаться... Началось движеніе въ Венгріи, и Кошутъ предлагалъ Венеціи свое союзничество. Въ Тосканѣ и въ Римѣ дѣла пришли лучшей оборотъ, и оттуда тоже предлагена была помощь Венеціи.

Эти новыя подкрѣпленія усилили однакоже только партію движенія; а Манинъ, претивившійся почти открыто союзничеству съ римскими и тосканскими триумфиратами — еще болѣе потерялъ въ извѣстн народномъ. Клубъ подымалъ голову, предвидѣли близкое паденіе диктатора — но они слишкомъ мало знали Манина.

Онъ снова созвалъ собраніе, на этотъ разъ въ очень опредѣленномъ

цѣлю — назначить жалованье государственнымъ чиновникамъ. Какимъ образомъ случилось то, что этотъ вопросъ поднять былъ только послѣ 8 мѣсяцевъ существованія республики — неизвестно. Жалованье было назначено, и чиновники въ великодушномъ порывѣ пожертвовали извѣстную его часть въ пользу государственной казны. Манинъ пожертвовалъ его все, и объявилъ, что если ему понадобятся деньги, то онъ займетъ ихъ у своихъ друзей, но что брать жалованье отъ республики въ то время, когда она сама нуждается — онъ не считаетъ достойнымъ порядочнаго гражданина. Со стороны Манина — это была не маленькая жертва, такъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ далеко не богатый. Слова его произвели на слушателей надлежащее дѣйствіе.

Великодушіе Манина не ограничилось однимъ этимъ: увидѣвъ, что собраніе достаточно наэлектризовано, онъ въ короткой, но краснорѣчивой рѣчи изложилъ, какъ на много улучшились обстоятельства Венеціи и всей Италіи (налетая по преимуществу на пьемонтскія дѣла) съ 11 августа, т. е. со времени его диктаторства, и заключилъ тѣмъ, что — считая опасность миновающею — онъ самъ слагаетъ съ себя диктаторскую власть и проситъ собраніе учредить новое правительство.

Пораженные этой неожиданной выходкой, даже заклятые его враги, приверженцы партіи движенія, не нашлись сказать что нибудь противъ него. Собраніе, разумѣется, снова утвердило его диктаторомъ, и популярность его возросла снова во всей силѣ....

Въ видѣ блистательнаго финала къ этому новому драматическому представленію, и чтобы показать въ выгодномъ свѣтѣ и собственно свою дѣятельность и силы Венеціи, — Манинъ задумалъ высадку на Матре, занятую уже австрійцами. Высадка эта являлась была въ ночь съ 27 на 28-е октября — нѣсколькими днями позже собранія....

Съ вечера Манинъ собралъ сколько могъ лучшаго венеціанскаго войска и прикомандировалъ къ стрѣлковому батальону, любимцу венеціанской публики — своего сына. Это произвело тоже должное впечатлѣніе....

Австрійцы не ожидали со стороны Венеціи никакихъ враждебныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что время перемирія еще не кончилось, а право не сообразоваться съ его условіями они считали только за собой, какъ за сильнѣйшими.... Тѣмъ удачнѣе для венеціанцевъ кончилась эта попытка и на утро войска возвратились въ городъ при всенародномъ торжествѣ; положивъ на полѣ 200 австрійцевъ и приведя съ собою 500 плѣнныхъ и 6 пушекъ. Австрійскій генералъ Мингесъ бѣжалъ изъ Матре съ остальными, оставивъ на несамостоятельную стоянку своей канцеляріи слишкомъ поздно и на мучительное дружеское углоумленіе изъ Венеціи о предстоящемъ предпріятіи. Темъ какъ плачь этой высадки

не могъ быть извѣстенъ только очень немногимъ и высоко поставленнымъ въ венеціанской администраціи лицамъ: — а его-то и нашли на столѣ у Миттиса — то не могло быть сомнѣнія въ томъ, что большая часть манциовскихъ чиновниковъ или проданы, или безкорыстно проданы Австріи.... Республика только это открытіе извлекла изъ героической высадки, которая въ сущности не имѣла никакого значенія и никому кроме Маннини не принесла никакой пользы. Пальмерстонъ отдалъ строгое замѣчаніе венеціанскому правительству: «нарушая таковыя «образомъ условія перемирія, республика отнимаетъ у благорасположенныхъ къ ней и готовыхъ покровительствовать ей державъ единственное средство, которымъ онѣ могли бы воспрепятствовать осадѣ «Венеціи австріяцами». Французскій консулъ также выразилъ неудовольствіе своего правительства, и Маннини, приготовлявшій уже другую и болѣе важную высадку, долженъ былъ отказаться отъ предпріятія... Австріяцы снова возвратились въ Магре и манциовскіе чиновники снова вели съ ними дружельскую переписку....

Пьемонтъ начиналъ оправляться послѣ пораженій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія перемирія, заключеннаго въ Саласко. Карлъ-Альбертъ имѣлъ въ виду не только австріяцевъ, но современныхъ правительства средней Италіи — триумвираты Тосканы и Рима: напрасно Маццини добивался союза съ нимъ — король мученикъ предпочелъ Наварское пораженіе этому союзу. Тогда въ Римѣ образовался другой центръ, и это раздвоеніе не мало помогло австріяцамъ. Маццини поддерживали плохо, хотя во всѣхъ частяхъ Италіи онъ имѣлъ горячихъ приверженцевъ. Повидимому Карлъ-Альбертъ имѣлъ больше шансовъ на успѣхъ — такъ по крайней мѣрѣ думали и въ Пьемонтѣ и въ Европѣ....

Въ Венеціи партія движенія приняла еще прежде сторону Маццини, Маннини напротивъ того, съ душою и тѣломъ, отдался Пьемонту. Сильный своею вновь возродившеюся популярностью, онъ даже не считалъ нужнымъ скрывать свои стремленія и открыто сталъ противъ имъ же предложеннаго итальянскаго законодательнаго собранія, требуя безусловнаго и немедленнаго присоединенія къ Пьемонту. Въ это время онъ въ первый разъ изложилъ, хотя въ очень неопредѣленной формѣ, свой планъ Итальянскаго королевства подъ скипетромъ конституціонныхъ королей Савойскаго дома. Планъ этотъ онъ развилъ уже впоследствии, когда ему не оставалось ничего больше дѣлать. Пока, онъ ограничился только тѣмъ, что требовалъ, чтобы Венеція отказалась отъ всякой политической и административной автономіи и, слѣдовательно, отъ республики св. Марка.

Это было невозможно и, несмотря на всю свою популярность, он встрѣтилъ такую энергическую оппозицію, что вынужденъ былъ закрыть всё свои проекты по этому поводу «нравомъ вслѣдствіе», то есть работать стихомолку, обманывая тѣмъ, которое избрало его въ диктаторы. Для этого нужно было отвлечь тѣмъ шибудь общественное вниманіе отъ этихъ слишкомъ важныхъ вопросовъ. Мининъ задумываясь недолго. Онъ распустилъ прежнее генеральное собраніе подъ предлогомъ, что оно состояло изъ депутатовъ провинцій, уже занятыхъ австрийцами, и пригласилъ за учрежденіе новаго.

Выборы лишь зашевелили исключительна отъ него, и онъ распустился такъ хорошо, что, по собственному его мнѣнію, оппозиція не могла изменить образомъ протвориться въ это новое учрежденіе. Твердо убѣжденный въ этомъ, и чтобы отстранить всякія подозрѣнія, онъ предложилъ президентство новаго собранія Томазео, бывшему по времену главною оппозиціонной партіи. Томазео отказался, и Мининъ былъ совершенно спокоенъ; къ несчастію, онъ забылъ Сиртори. Въ мѣсяцъ ко мѣсяцевъ своего пребыванія въ Венеціи, Сиртори сумѣлъ привязать къ себѣ не только своихъ ломбардскихъ волонтеровъ, но и неаполитанскія войска Цепе. Морскіе офицеры, вышедшіе въ отставку при провозглашеніи Минина диктаторамъ, видя возрастающую силу Сиртори и ожидая отъ него больше чѣмъ отъ Томазео, приняли его сторону. Когда Томазео отказался отъ предсѣдательства надъ новымъ генеральнымъ собраніемъ—тѣмъ возстановивъ противъ себя прежнихъ своихъ приверженцевъ—Сиртори очутился на его мѣстѣ главою партіи движенія. Эта перемѣна была очень непріятна для Минина. Между Томазео и Сиртори—старымъ и новымъ предводителемъ оппозиціи—отношенія были тоже вовсе не дружескія: Тутъ произошла страннѣмъ образомъ шумная демонстрація (5 февраля 1849), настоящаго смысла которой и до сихъ поръ еще никто хорошенько не сумѣлъ понять. Очевидно, народъ терпѣлся въ этихъ мелкихъ борьбахъ и совершечествахъ, не понимая, чего нужно этимъ господамъ. Толпа вышла на площадь и, окруживъ дворецъ дожей, изъ котораго выходили почтенные мужи по окончаніи какой-то тайной конференціи, принялась яростными криками выражать свои настоящія стремленія: Viva S. Marco! Morte agli Austriaci! Другихъ криковъ не было слышно и нельзя было предполагать, чтобы толпа имѣла враждебныя намѣренія противъ кого бы то ни было изъ присутствующихъ, а всего меньше противъ Сиртори. Мининъ однакоже воспользовался случаемъ высказать свое великодушіе. Онъ собственноручно грубую защитилъ Сиртори противъ ударовъ, которыхъ никто и не думалъ ему наносить, и жестоконмахая шпагой, разразился отчаяннымъ потокомъ краснорѣчія.... Демонстрація приняла совершенно другой характеръ, и демонстрировалъ

ные и ослѣпшія криками призывствъ, убѣдить и Маннинна и Сиртери въ томъ, что имъ нечего было бояться. Въ это время бѣгъ имѣлъ чей-то голосъ, который вѣшалъ противъ Томазео, котораго упрекнулъ во враждебныхъ замыслахъ противъ Маннинна. Народъ мало зналъ Томазео, хотя тотъ и держалъ постоянно его сторону противъ диктатора.... Тутъ уже Маннинну не на шутку пришлось защищать проклятаго своего соотечественника по тюрьмѣ. Демонстрація окончилась торжественными криками въ честь диктатора.... Того же дня на колоннахъ домова дворца были прибиты анонимныя прокламаціи, которыя отъ имени народа прозвали смертью всякому, кто осмѣлится открыто стать противъ Маннинна....

На сколько самъ диктаторъ подготовилъ всю эту площадную комедию — осталось неизвѣстно. Томазео заподозрѣвалъ Маннинна; онъ обвинялъ во всемъ случившемся одного изъ чиновниковъ комитета общественной безопасности. Этотъ на очной ставкѣ не осмѣлился спорить и перенять обвиненій Томазео. Маннинъ съ тѣхъ поръ призналъ этого чиновника подъ своею спеціальное покровительство, — и съ этихъ фактовъ довольно краснорѣчивы.

Народъ между тѣмъ видимо усталъ отъ подобныхъ комедій, ожидалъ съ нетерпѣніемъ окончанія перемирія, хотя и не безъ страха за будущее. Въ ожиданіи, устроено было нѣсколько національныхъ праздниковъ на площади св. Марка и на Большомъ Каналѣ, но всѣ они вышли какъ-то мрачны. Веселье мало шло на умъ при этой обстановкѣ.

Но Маннинъ трудился не даромъ. Вслѣдъ за демонстраціею 5 февраля оппозиція нѣсколько присмирѣла. 15-го было созвано новое генеральное собраніе, и оно подтвердило диктаторство сперва только на 15 дней. Маннинъ отстоялъ также и «двухъ своихъ специалистовъ», одинъ изъ которыхъ въ отвѣтъ нѣкоторымъ, обвинявшимъ его въ бездѣйствіи, сознался, что «конечно военныя приготовленія (которыя онъ завѣдывалъ) шли не съ особенной быстротою», но что онъ со своей стороны дѣлалъ все, «чего требовала благоразумная политика».

Народа двѣ недѣли прошли въ полномъ бездѣйствіи. Въ сущности и дѣлать было нечего, такъ какъ всего ждали отъ Пьемонта. Диктаторство Маннинна продолжили еще на 15 дней, потому и еще....

Едва начались военныя дѣйствія на По, въ народѣ открылось тревожное безпокойство. Вооруженныя толпы отправились на форты; Маннинъ, увѣренный уже, что сумѣютъ провести ихъ, какъ ему будетъ угодно, не только не мѣшалъ имъ, но даже воинчаво благодарилъ за выказываемое рвеніе и свѣлъ съ нѣкоторыхъ укрѣпленій мортиры и войско, оставивъ ихъ совсѣмъ въ рукахъ вооруженнаго народа. Очень скоро приняло мѣсто о пораженіи Карла-Альберта подъ Новарою и, какъ громомъ, поразило диктатора....

Австрийцы начали осаду. Въ самомъ управительствѣ повелѣніи наконецъ преснулась дѣятельность. Маннинъ назначилъ морскую комиссію для вооруженія 40 барокъ (tribaccoli), которыя подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ должны были поддерживать сообщеніе съ Романьюю и снабжать городъ съѣстными припасами и военными снарядами. Другой полемъ почти нельзя было ждать отъ света. Этой же комиссіи поручено было окончательное вооруженіе и наблюденіе за защитою фортвъ, съ предоставленіемъ ей полной власти на все время продолженія этихъ работъ.

Въ силу этой статьи, комиссія распорядилась такимъ образомъ, чтобы никогда не кончить своихъ работъ. Съ вооруженіемъ барокъ медлили долгое время, подъ предлогомъ, что не было пушекъ должнаго калибра. Маннинъ самъ отправился въ арсеналъ и нашелъ изъ предѣла въ пять, валившихся безо всякаго употребленія. Комиссія только восемь изъ нихъ поставила на барки, остальные оставила для фортвъ, но не позаботилась приготовить для нихъ лафеты, такъ что пушки эти лежали на землѣ; а для того чтобы предохранить ихъ отъ дождя, устроили навѣсы изъ полотна, предназначеннаго на паруса для барокъ, и прочее въ томъ же родѣ. Благодаря особенной дѣятельности Маннинъ, сознаваемаго наконецъ всю опасность положенія, наконецъ было вооруженіе восьми изъ этихъ барокъ. Комиссія однакоже не отпустила и эти восемь въ Романьюю, а удержала въ гавани, признавая ихъ необходимыми для защиты фортвъ. Всего этого, кажется, исполнѣ достаточно для того, чтобы показать, какимъ людямъ вѣривалъ Маннинъ, изъ личныхъ видовъ, самыя важныя административныя посты.

Между тѣмъ австрійскій генералъ Гайнау предложилъ Венеціи капитуляцію. Маннинъ вынужденъ былъ созвать новое засѣданіе собранія (2 апрѣля). Единодушный отвѣтъ всѣхъ былъ: *Венеція не капитулируетъ съ Австріей*.

Съ этого времени начинается агонія Венеціи, подготовленная почти годомъ манниновской диктатуры; агонія тяжелая, но блестящая, славная. Народъ не побѣждалъ съ фортвъ, когда на нихъ носышались непріятельскія ядра; напротивъ, новыя толны постоянно подкрѣпляли старыя, до тѣхъ поръ, пока наконецъ все, что было способнаго въ Венеціи носить оружіе, не вышло на укрѣпленія. Это былъ не матакъ, а возстаніе героическаго народа противъ иноземныхъ пришельцевъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и лъзылъ, и правы, и обычаи.

Между тѣмъ, по милости комиссіи, не было сообщенія съ Романьюю — единственнымъ мѣстомъ, изъ котораго можно было бы подвозить съѣстные припасы; а бывшіе уже прежде въ городѣ приближались къ концу, и голодъ уже началъ чувствоваться въ массѣ....

Толпы вооруженной и израненной черни собрались на площади, настоятельно требуя уничтоженія комиссіи. Манингъ вышелъ на балконъ дворца дожей, удивленный, что народъ начинаетъ ибнаться въ его административныя тонкости и, подозрѣвая, что во всемъ этомъ инновата ненавистная оппозиція. Подозрѣніе было напрасно, потому что его комитетъ общественной безопасности, воспользовавшись обстоятельствами, выпроводилъ всѣхъ недовольныхъ за границу республики, даже безъ его вѣдома.

— Что заставляетъ васъ требовать раскассированія комиссіи? спрашивалъ онъ.

— Голодъ, отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

Но было уже поздно.

Манингъ зналъ, что и Римъ готовъ уже сдаться, созвалъ секретное собраніе, въ которомъ рѣшено было сдаться. Но объявить это рѣшеніе народу не бралъ на себя ни диктаторъ и никто изъ его сотоварищей по собраніямъ. Патріархъ вывелъ всѣхъ изъ затрудненія.

Едва вышла его прокламація, народъ бросился на его дворецъ; переломалъ въ немъ всѣ стекла и разбилъ его богатые погреба и птичьи дворы. *Вико и ятцицы были отнесены въ госпитали*, а окна оставались невставленными до занятія города австрійцами. Точно также было поступлено съ домами двухъ депутатовъ, принимавшихъ участіе въ тайномъ засѣданіи.

А голодъ чувствовался все больше и больше....

Между тѣмъ французы заняли Римъ.... Гарибальди бѣжалъ отсюда, и за нимъ, какъ за дикимъ звѣремъ, гнались по лѣсамъ и по болотамъ. Онъ пробирался въ Венецію, которая держалась одна во всей Италіи.... Вѣсти эти пришли въ Венецію...

Толпа, болѣе многочисленная, чѣмъ когда бы то ни было, собралась снова подъ балкономъ дворца дожей, и Манингъ снова вышелъ на балконъ. Толпа, во что бы то ни стало, хотѣла Гарибальди; Манингъ вовсе не хотѣлъ его, но противорѣчить не смѣлъ и пустился по обыкновенію на уловку.

— Гарибальди безъ войска — одинъ, замѣтилъ онъ, надѣясь охладить восторгъ народный.

— Гарибальди никогда не бываетъ одинъ, отвѣчали ему: — мы всѣ съ нимъ, — мы умремъ съ Гарибальди!

Но имъ не удалось и этого. Тогдашній диктаторъ Венеціи препятствовалъ всѣми средствами будущему диктатору Обѣихъ Сицилій высадиться въ Кіоджіи.

А вѣдь можетъ быть совершенно иная была бы судьба Венеціи и всей Италіи въ 1849 году, если бы будущій герой Марсалы успѣлъ пробраться туда.

Этого не случилось, и гибель Венеции стала неизбежна. Народъ геройски умиралъ на укрѣпленіяхъ, на площадяхъ и на улицахъ съ голоду и отъ эпидемическихъ болѣзней. Манинъ въ мрачномъ отчаяніи сидѣлъ въ залѣ собранія. Австрійцы все ближе и ближе подвигали крѣпостныя работы и приверженцы ихъ все смѣлѣе работали въ самомъ городѣ.

Цѣлый отрядъ войска, истощенный трудами и голодомъ, введенный изъ терпѣнія нелѣпыми строгостями начальниковъ и тѣмъ, что больше трехъ мѣсяцевъ не получалъ уже ни копѣйки жалованья, съ неистовствомъ бросился на площадь, громко прося хлѣба и денегъ, грозя разграбить городъ, если требованія его не будутъ исполнены.

Манинъ въ послѣдній разъ вышелъ на балконъ, худой, мрачный, въ лихорадкѣ.

— Позоръ тѣмъ негодяямъ, которые осмѣливаются оскорблять Венецію въ послѣднія минуты ея жизни! закричалъ онъ глухимъ голосомъ: — позоръ и проклетіе! Но пока живъ Манинъ — *Corro del Diavolo* — этого въ другой разъ не случится!

Съ этими словами онъ сбѣжалъ съ лѣстницы и съ ружьемъ въ рукѣ бросился на солдатъ. Толпа народа бросилась съ нимъ вмѣстѣ. Солдаты побѣжали; ихъ гнали такимъ образомъ подлѣ самыхъ укрѣпленій, гдѣ дождемъ сыпалась пули и ядра....

Агонія продолжалась. Сиртори удачной вылазкой отбилъ у неприятеля 50 барокъ, на которыхъ было около 200 быжовъ (2 августа); но было уже поздно.... Cholera распространилась въ городѣ въ страшныхъ размѣрахъ и помогала австрійскимъ батареямъ усердно.

По истощеніи и этихъ запасовъ, въ Венеціи не оставалось буквально и куска хлѣба. 22-го августа она сдалась Радецкому на капитуляцію. Радецкій съ своимъ главнымъ штабомъ входилъ въ гавань у *Giardini Publici*, на богато украшенномъ пароходѣ; 9 судовъ уходили съ другаго конца, нагруженные бѣглецами, которые сами не знали еще, куда удалятся и что ихъ ждетъ въ будущемъ. Между ними былъ и адвокатъ Манинъ, съ семействомъ.

Этимъ и закончился періодъ административной дѣятельности Манина; и онъ, и Венеція выиграли бы оба, если бы періодъ этотъ не продолжался такъ долго. Онъ погубилъ Венеціанскую республику, хотя вовсе не того желалъ. Онъ былъ очень добрый и довольно смѣлѣный практической челоуѣкъ, и въ немъ не было недостатка ни въ энергіи, ни въ административныхъ способностяхъ. Управление его, конечно, имѣло и свои хорошія стороны, но я не думаю, чтобы меня упрекнули въ пристрастіи за то, что я выше не упомянулъ о нихъ. Я

разбиралъ его, какъ диктатора, а не какъ начальника департамента; а его главный недостатокъ именно въ томъ, что онъ постоянно оставался порядочнымъ бюрократомъ тамъ, гдѣ нужно было совершенно другое; приверженцемъ дряхлаго порядка, спокойствія, а слѣдовательно и бездѣйствія тамъ, гдѣ нужно было вызвать къ дѣятельности всѣ разнообразныя силы народонаселенія, наэлектризовать ихъ, направить на одно, — а это, конечно, сдумѣлъ бы дѣлать Манинъ, отличавшійся до высшей степени развитою способностью рисоваться, производить эффектъ на массу....

Упрекать Манина за честолюбіе, за желаніе играть роль въ политической жизни Венеціи — было бы довольно неосновательно, потому что во многихъ другихъ эти же самыя чувства, но соединенныя съ болѣе блестящими способностями ума, порождали несравненно лучшіе результаты.

Положеніе Манина было затруднительно, правда; многіе промахи и недосмотры были неизбежны; но Манина, конечно, осуждаютъ не за эти промахи и недосмотры, хотя и изъ нихъ нѣкоторые имѣли черезъ-чуръ важныя и печальныя послѣдствія. Главное однакоже то, что Манинъ вовсе не понималъ ни своего собственнаго тогдашняго положенія, ни положенія Венеціи и всей Италіи. Булучи во главѣ сильнаго и молодаго еще народа, — на венеціанской черни прошедшее не лежитъ тяжелымъ грузомъ, — онъ долженъ былъ самъ стать такимъ же простолюдиномъ, каковы были они; жить ихъ жизнью, сочувствовать ихъ нуждамъ и выгодамъ. Они были единственная тогда сила въ Венеціи, и только опираясь на эту силу, республика могла устоять противъ Австріи. Манинъ долженъ былъ вызвать въ венеціанцахъ всю энергію, къ которой они только были способны, стать рядомъ съ ними и забыть все то, что отдаляло его отъ нихъ. Онъ дѣлалъ однакоже прямо противоположное. Время было военное, все висѣло на ниточкѣ. Прежде всего нужно было освободиться изъ-подъ Дамоклесоваго меча, висѣвшаго надъ всѣми головами, а потомъ уже думать объ остальномъ. Вопросъ былъ чисто народный, вопросъ закоренѣлой ненависти, физическаго грубаго насилія противъ святаго права; вопросъ этотъ могъ рѣшиться только кровью, и только этого рѣшенія ждали отъ Манина. Онъ же, со всею своею законностью, не сдумѣлъ или не захотѣлъ понять этого; можетъ быть онъ думалъ не только о личныхъ своихъ выгодахъ; но объ чемъ онъ думалъ — до этого мало дѣла, а дѣлалъ онъ много вреднаго для Венеціи....

Ни одинъ изъ благоразумныхъ и безпристрастныхъ судовъ не принимаетъ въ оправданіе подсудимаго незнаніе закона. Тѣмъ менѣе можетъ принять подобное оправданіе исторія, и она назоветъ Манина убійцею Венеціанской республики. Да онъ даже и не мо-

жетъ оправдываться невѣдѣніемъ; онъ зналъ венеціанскій народъ, иначе онъ не могъ бы по своему произволу вѣрять массамъ. Но онъ не сочувствовалъ этому народу и употреблялъ во вредъ ему это свое знаніе. Манину нечего было дѣлать въ Венеціанской республикѣ 1848—1849 г.; ему нужна была другая среда, другіе зрители, — такъ какъ онъ всю жизнь свою оставался актеромъ; зрители, способные оцѣнить его милую ученость, его лавочническое краснорѣчіе. Этой среды въ Венеціи не было, или по крайней мѣрѣ, изъ страха передъ народомъ, она жила въ роскошныхъ дворцахъ. Манинъ хотѣлъ создать изъ нея цѣлое сословіе, политическую единицу — это была его главная задача. А положеніе требовало того, чтобы имъ однимъ занялись со всѣмъ вниманіемъ и безраздѣльно. Кромѣ того, понимая, что эта дорога ему среда необходимо враждебно будетъ встрѣчена народомъ, онъ старался парализировать силы народа въ то время, когда всѣ онѣ были нужны....

Съ бѣгства изъ Венеціи для него начинается совершенно новая эпоха, и эпоха болѣе блестящая, чѣмъ первая. Тутъ ему представилась полная возможность ласкать свои идеалы, создавать планы, задумывать и передумывать ихъ; не было уже врага, который былъ готовъ воспользоваться первымъ шагомъ промедленія, колебанія, нерѣшимости.

Съ этихъ поръ можно сказать начинается тотъ Манинъ, котораго прославляетъ теперешняя конституціонная Италія, считая его своимъ отцомъ....

Изъ Венеціи, черезъ Корфу, Манинъ отправился въ Марсель. Тотчасъ же по пріѣздѣ его въ этотъ городъ, у него умерла жена, не вынесшая со своимъ слабымъ здоровьемъ тревогъ послѣдняго времени и неудобствъ путешествія. Тѣло его жены было бальзамировано на деньги, собранныя по подпискѣ. Французы этимъ способомъ думали выказать позднее свое сочувствіе къ печальному положенію Венеціи!

Манинъ былъ слишкомъ франкоманомъ, что доказалъ постояннымъ своимъ болѣзненнымъ стремленіемъ заискривать французское союзничество для Венеціи. Поэтому онъ предпочелъ остаться во Франціи, а не ѣхать въ Англію, какъ сдѣлали многіе изъ его соотечественниковъ по изгнанію. Нѣкоторые изъ его биографовъ, считающихъ необходимымъ находить всевозможныя и невозможныя добродѣтели, утверждаютъ, что онъ уже въ это время предвидѣлъ будущую политику Наполеона по отношенію къ Италіи. Опровергать можно только то, что можно и доказывать, а не подобныя предположенія.

До 1854 г. Манинъ жилъ въ Парижѣ, не принимая никакого, ни

прямаго, ни косвеннаго, участія въ политическихъ дѣлахъ. Вскорѣ послѣ своего прибытія онъ засѣдалъ въ собраніи итальянскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Парижѣ. Собраніе это не рѣшило ничего и положило только придать новую силу постановленію Римскаго собранія (3 іюля 1859 г.) (*). Лондонскіе итальянскіе эмигранты признали кромѣ того за этимъ новымъ собраніемъ право опредѣлить ту форму правительства, которая должна господствовать на полуостровѣ.—Манинъ во всемъ этомъ принималъ слишкомъ пассивное участіе, можетъ быть потому, что не успѣлъ еще опомниться отъ послѣднихъ невзгодъ.

Во Франціи онъ былъ встрѣченъ очень хорошо, и даже самымъ правительствомъ. Наполеонъ предложилъ ему ежегодный, довольно-умѣренный пансіонъ, отъ котораго онъ отказался; точно такъ же отказался онъ и отъ довольно значительной суммы, собранной въ его пользу въ Туринѣ маркизомъ Паллавичини, но принялъ въ то же время присланную ему незначительную сумму изъ Венеціи, гдѣ деньги эти набраны были по преимуществу негоціантами средней руки; подписка конечно происходила со всевозможною тайною, потому что австрійское правительство, безъ всякаго сомнѣнія, конфисковало бы деньги и засадило въ тюрьму тѣхъ, которые этимъ образомъ высказывали свою симпатію павшему диктатору.

Изъ всего можно заключить, что Манинъ въ деньгахъ особенно не нуждался. Зимой 1850 г., онъ открылъ въ Парижѣ курсъ итальянской литературы, и хотя съ платою за входъ, но вовсе не съ цѣлью заработать деньги. По крайней мѣрѣ направленіе его лекцій заставляетъ предполагать это съ полною основательностью. Изъ писемъ Манина, относящихся къ этому времени, видно, что онъ обдумывалъ уже тотъ планъ, который развилъ впоследствии, хотя тоже въ довольно общей и неоконченной формѣ.... Онъ добивался сближенія между Италіею и Франціею, какъ перваго шага къ достиженію той цѣли, которую онъ предположилъ себѣ.

Между тѣмъ, то видимое бездѣйствіе, въ которомъ онъ проводилъ свое время, возстановило противъ него лондонскую эмиграцію, жадавшую фактовъ.... У Манина завязалась съ ней длинная и мелочная полемика, изъ которой не привожу никакихъ выписокъ, такъ какъ она не высказываетъ въ Манинѣ ни одной новой черты.... Это въ сущности та же законная революція, которой долгое время онъ былъ един-

(*) Постановленіе это слѣдующаго содержанія: 15 членовъ Римскаго Законодательнаго Собранія, — закрытаго вооруженною силою, — собравшись на какомънибудь уголкѣ свободной итальянской территоріи, имѣютъ право созвать снова Итальянское Законодательное Собраніе и всѣ постановленія этого новаго собранія должны быть признаны законными, если одобрены большинствомъ 80 членами.

ственнымъ оплотомъ въ Венеціи. Что же касается до упрека въ бездѣйствіи, — Италія, а въ особенности Венеція должна бы быть очень благодарна за него эксъ-диктатору, потому что это его бездѣйствіе было на столько же ей полезно, на сколько гибельна его дѣятельность.

Въ 1854 г., при самомъ началѣ восточной войны, Манинъ издалъ свою первую программу при прокламаціи къ итальянской эмиграціи. Онъ предвидѣлъ возможность войны *западныхъ державъ* противъ Австріи и приглашалъ своихъ соотечественниковъ единодушно и забывая всѣ побочные вопросы—принять сторону того, кто возстанетъ противъ Австріи. Онъ просилъ особенно отложить до времени всякій вопросъ о той формѣ правительства, которая должна существовать въ Италіи, прибавляя, что она точно также можетъ быть и республикою, какъ конституціонною монархіею, либо подъ однимъ скипетромъ, либо федеративною. Все это конечно было не ново; но слѣдующія слова Манина придають колоритъ его программѣ.

«Итальянская партія ни въ какомъ случаѣ» говоритъ онъ: «не должна вредить ни Франціи, ни Пьемонту — *какое бы ни господствовало въ ихъ обояхъ правительство*». Такимъ образомъ высказывалъ Манинъ свои стремленія еще въ началѣ 1854 г.; въ послѣдней своей программѣ онъ развилъ ихъ гораздо больше, и въ его трехъ *армиристельныхъ* проэктахъ, найденныхъ послѣ его смерти въ его бумагахъ и распубликованныхъ въ свѣтъ г. Шассеномъ (Chassin) — онъ создаетъ дѣлкую правильную систему итальянской политики... Но такъ какъ эти проэктъы стали извѣстны тогда уже, когда большая часть того, что въ нихъ высказано, было приведено въ исполненіе Ковуромъ; то я и не считаю долгомъ говорить о нихъ, а расскажу лучше послѣдовательное развитіе этихъ основныхъ началъ самимъ Маниномъ въ журналахъ того времени. Прибавлю, что Манинъ былъ почти единственный тогда итальянскій публицистъ и что все, имъ тогда высказанное и теперь уже приведенное въ исполненіе — было новостью для Италіи въ то время.

Манинъ помѣстилъ большое число отдѣльныхъ политическихъ статей во французскихъ, англійскихъ и итальянскихъ журналахъ. Чтобы дать въ немногихъ словахъ понятіе о его публицистской дѣятельности, достаточно сказать, что онъ проповѣдывалъ то, что дѣлалъ Кавуръ. Въ Италіи вообще очень распространено мнѣніе, что *Кавуръ содѣлалъ Италію* — въ этомъ и разгадка популярности Манина....

Вотъ нѣсколько образцовъ его краснорѣчія:

Парижская «*Presse*» помѣстила его отвѣтъ Джову Росселю (22 марта 1854 г.), въ которомъ Манинъ говоритъ слѣдующее по поводу либерализма Австріи и предлагаемаго примиренія: «Мы хотимъ только одного — чтобы Австрія оставила насъ въ покоѣ и со своимъ либе-

«рализмомъ и съ гуманностью; мы хотимъ сами быть хозяевами въ «нашемъ домѣ... Это одинъ вопросъ, занимающій итальянцевъ — все «остальное мелочи, которыя мы охотно принесемъ въ жертву главному.» Послѣ 49 г., когда именно нежеланіе подчиниться Пьемонтской администраціи съ одной стороны, и страхъ передъ триумвирами съ другой, погубили Италію—это было слишкомъ смѣло. Явно, Манинъ сперва хотѣлъ заставить своихъ соотечественниковъ забыть всѣ внутренніе вопросы въ виду одного самаго главнаго—внѣшняго единства Италіи, чтобы потомъ удобнѣе привести ихъ къ необходимости сдѣлать итальянскимъ пьемонтское правительство.

Онъ довольно долго продолжаетъ играть эту индифферентную роль, и только годъ спустя начинаетъ высказываться опредѣлительнѣе:

«Сдѣлайте Италію», говоритъ онъ пьемонтскому правительству отъ лица, будто бы, всей итальянской партіи, — «и мы будемъ за васъ. Если же нѣтъ—нѣтъ».

Манинъ очень робко подвигался впередъ, и нужно было бы прочесть всѣ его журнальныя статьи, чтобы увидѣть, какъ мало по малу онъ приводитъ своихъ соотечественниковъ къ необходимости признать королями Италіи королей Савойскаго дома.

Съ другой стороны, онъ успокоиваетъ иностранныя правительства на счетъ Италіи. И едва ему удалось провозгласить заранѣе Пьемонтъ будущимъ центромъ Италіи, высказать слабость всѣхъ другихъ политическихъ партій на полуостровѣ—онъ приступилъ къ подпискѣ на *приобрѣтеніе 100 пушекъ для Италіи*, и французское правительство не только не помѣшало ему въ этомъ, но даже само приняло участіе въ ней. Затѣмъ — прямо слѣдовали событія 1859 г. — Вотъ что сдѣлалъ для Италіи Манинъ.

Опредѣлить точнѣе его настоящее значеніе трудно. По отношенію его къ Кавуру, можно сказать, что онъ поставлялъ матеріалы этому министру; онъ начиналъ то, что оканчивалъ Кавуръ; но онъ не былъ обыкновеннымъ *абоцаторомъ*, обтесывающимъ глыбу мрамора, изъ которой потомъ художникъ вырубилъ прекрасную статую; скорѣе, онъ самъ былъ художникъ, хорошо задумавшій большую картину, но неимѣющій возможности самъ выполнить ее. Кавуръ пополнялъ Манина, переводилъ его на практику. Манинъ первый составилъ проектъ того зданія, которое создалъ Кавуръ (у Манина оно было только на бумагѣ), и которое теперь благословляетъ оба эти имена, которымъ оно обязано своимъ существованіемъ. Зданіе это — теперешняя конституціонная Италія, опирающаяся на національную гвардію, на избирательный ценсъ, на пушки—Cavalli регулярной арміи и на пьемонтскихъ карабинеровъ съ либеральными бородками. Многіе великодушно хотѣли приписать и Гарибальди долю участія въ этомъ

сооруженіи. Они ошибаются: Гарibaldi никогда не былъ сотрудникомъ Маниновъ и Кавуровъ — онъ трудится и теперь, но надъ другимъ великимъ предпріятіемъ....

Въ заключеніе этого очерка, привожу программу, данную Маниномъ итальянскому національному обществу, такъ какъ въ ней въ самой полной формѣ высказались стремленія эксъ-диктатора.

«Итальянское національное общество признаетъ необходимымъ поставить единственною своею цѣлю—*единство и независимость Италіи*, отложивъ въ сторону всѣ вопросы касательно внутренняго политическаго устройства муниципальных и провинціальныхъ интересовъ».

«Оно будетъ держать свято сторону королей Савойскаго дома—какъ самыхъ вѣрныхъ защитниковъ итальянскаго дѣла (Causa Italiana)—и поддерживать безъ различія личнаго состава всякое сардинское министерство, которое въ виду выгодъ Италіи—готово будетъ забыть чисто пьемонтскіе вопросы».

«Для достиженія цѣли своей—единства Италіи—оно считаетъ необходимымъ содѣйствіе народа, и весьма полезнымъ содѣйствіе пьемонтскаго правительства».

Эта программа—политическое духовное завѣщаніе Манина. Онъ умеръ очень скоро по выходѣ ея въ свѣтъ (22 сентября 1857 года).

По освобожденіи Милана, трупъ Манина былъ перевезенъ туда изъ Парижа. Когда снова освободится, наконецъ, Венеція—если только теперешняя Италія, — Италія Риказоли и Ратацци — способна освободить ее—въ первомъ порывѣ восторга венеціанцы можетъ быть забудутъ диктатора-Манина и снова побезпокоютъ бранные остатки Манина-публициста; крики Viva Manin! можетъ быть снова раздадутся на площади св Марка. Но Манинъ не былъ достаточно богатъ, чтобы подкупить даже судъ исторіи. Вообще мало надеждъ, чтобы въ Венеціи кто либо сумѣлъ отдѣлать въ немъ публициста отъ диктатора,—да и искупаютъ ли его послѣдніе уснѣхи прѣмахи диктаторства?...

Сьена, 16 апрѣля 1862 г.

ЛЕОНЪ БРАНДИ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ДУХЪ «ВРЕМЕНИ» И О Г. КОСИЦ., КАКЪ НАИЛУЧ- ШЕМЪ ЕГО ВЫРАЖЕНІИ.

«Мы и сами-то для себя загадка и
себя». «Время» 1861 г., № 1. Крит.
стр. 7.

Вотъ ужъ нѣсколько разъ приставала ко мнѣ какая-то маска во «Времени», и каждый разъ все больше и больше приподнимала кокетливо свое покрывало. Подъ первой своей статьей маска подписалась такъ: Н. К., подъ второй — Н. Ко., подъ третьей — Н. Кос., далѣе — Н. Коси. и наконецъ Н. Косиц. Теперь маска начинаетъ вышлетать себѣ новую маску, наоборотъ, то есть начинаетъ съ К. Н. Не правда ли, какъ все это мило и замысловато? Что же будетъ дальше, — вотъ вопросъ, который занимаетъ въ настоящую минуту всѣ умы и разрѣшенія котораго всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ. Я предполагаю, что будетъ — *кѣй*, а мой пріятель увѣряетъ, что выйдетъ — *ылъ*. — Не ставляйте насъ, прекрасная маска, долго томиться ожиданіемъ и положите предѣлъ нашимъ недоумѣніямъ; подъ отвѣтомъ на мою настоящую статью прибавьте къ вашей маскированной фамилии не одну букву, а ужъ всѣ, какія тамъ у васъ остались, будьте такъ добры. Въ ожиданіи отвѣта на нашъ покорнѣйшій вопросъ, мы займемся пока разсмотрѣніемъ маскарада, въ которомъ участвуетъ наша маска, — разъясненіемъ духа самого «Времени».

«Время» издается вотъ ужъ больше года; въ такой срокъ ему можно было высказаться если не вполне, по крайней мѣрѣ въ общихъ

чертахъ; была полная возможность заявить хоть главныя свои тенденціи и намѣренія, выяснить свой характеръ и индивидуальную эвизию. Оно давало много самыхъ лестныхъ обѣщаній, возбуждало много надеждъ; во все продолженіе своей годичной дѣятельности отличалось самоувѣренностью, похожею на заносчивость, удивительнымъ самохвальствомъ, рѣзкостью, которая во многихъ случаяхъ переходила въ бранчивость; оно всегда говорило какъ «власть имѣющее», увѣряло, что оно только одно поняло истинныя потребности нашего времени и стоитъ на твердой, непоколебимой почвѣ, а всѣ другіе журналы безпощадно разило за то, что они оторвались отъ почвы и летаютъ въ облакахъ. Что бы ни говорили о недоброжелательствѣ нашихъ журналовъ другъ-къ-другу, однако нужно къ чести ихъ сказать, что они обращались съ «Временемъ» очень снисходительно, не обращали вниманія на его выходки, не вступали съ нимъ въ строгую и серьезную полемику, не смотря на то, что критическій отдѣлъ «Времени» почти весь исключительно посвященъ былъ полемикѣ. Это обстоятельство придавало еще больше духу и смѣлости «Времени» и оно становилось еще заносчивѣе и рѣзче. Я думаю, позволительно же наконецъ подвести итогъ годичной дѣятельности «Времени», посмотреть, что оно успѣло сдѣлать, что сказало новаго, какимъ особеннымъ подвигомъ отличилось, который бы давалъ ему законное право гордо и свысока посматривать на своихъ собратій. Въ статьѣ о «Почвѣ» я старался указать на нѣкоторыя темныя и совершенно непонятныя стороны принциповъ «Времени», въ надеждѣ, что оно воспользуется моими указаніями, хоть сколько нибудь разъяснить темноту и приведетъ въ порядокъ неурядицу своего образа мыслей. Но вмѣсто этого «Время» отвѣчало на мою статью съ обыкновенною своею заносчивостью, сказало, что если бы оно и разъяснило свои принципы, то я, по ограниченности моего разумѣнія, не понялъ бы ихъ, и тѣмъ очевидно показало, что оно не намѣрено давать никакихъ объясненій, не находитъ нужнымъ характеризовать свои идеи яснѣе и точнѣе, считая ихъ вполне развитыми и разъясненными; оно увѣрено такимъ образомъ, что сказало уже послѣднее самое важное слово и даетъ понять, что отъ него нечего ждать чего нибудь новаго, что оно будетъ и впредь дѣйствовать въ предѣлахъ тѣхъ воззрѣній, какія высказаны имъ въ прошломъ году. Очень жаль; а я, признаюсь, ждалъ, что «Время» выскажется яснѣе; и былъ увѣренъ, что у него дѣйствительно есть какая нибудь опредѣленная и отчетливая мысль.

Самое важное дѣло во всякомъ журналѣ — это его направленіе, та совокупность характеристическихъ воззрѣній его на міръ и жизнь, которыя свойственны ему и отличаютъ его отъ другихъ журналовъ.

Направленіе такая вещь, что формулировать его и выразить въ нѣсколькихъ положеніяхъ довольно трудно, да при нашемъ положеніи неудобно, пожалуй даже невозможно. Да оно, собственно говоря, и не нужно; направленіе, если оно есть, непременно обнаружится само собою въ статьяхъ журнала; если журналъ имѣетъ опредѣленную систему міровоззрѣнія, она необходимо будетъ проглядывать во всѣхъ его отдѣлахъ, въ каждой статьѣ, даже въ самой небольшой замѣткѣ и рецензій; это жизнь и духъ, которые проникаютъ и оживляютъ какъ большія, такъ и самыя малыя части организма. Не формулируйте вашего направленія, не характеризуйте его принятыми словами и терминами, а только выскажите вашъ взглядъ на ту или другую науку, или на какой нибудь частный вопросъ ея, на то или другое явленіе жизни, и понимающій дѣло читатель сразу узнаетъ, каково ваше направленіе, каковъ характеръ вашихъ воззрѣній и какимъ именемъ васъ нужно назвать; не рекомендуйте и не хвалите себя, — онъ самъ оцѣнитъ васъ. Но въ томъ-то и бѣда наша, что не всѣ читатели и даже писатели понимаютъ дѣло, не всѣ имѣютъ возможность и способность сопоставить двѣ-три различныя статьи въ журналѣ и увидѣть, что онѣ выражаютъ одну общую мысль и приводятъ къ одному результату; если статьи имѣютъ отрицательную форму, потому что положительная неудобна, то опять-таки не всѣ читатели въ состояніи сдѣлать изъ нихъ непосредственное прямое умозаключеніе и вывести положительный результатъ, увидѣть то положеніе, въ силу котораго дѣлается отрицаніе. Такимъ читателямъ и писателямъ естественно можетъ показаться, что журналъ или вовсе не имѣетъ направленія, или ограничивается одними только отрицаніями: все-де разрушаетъ, да разрушаетъ, а положительнаго ничего не даетъ. А потому подобные журналы могутъ рассчитывать на сочувствіе только одной части публики, но за то самой сообразительной и способной понимать дѣло; такъ что вообще о степени развитія того или другаго читателя смѣло можно судить по тому, въ какой мѣрѣ онъ способенъ понимать журналы подобнаго разбора. Другая часть публики, которая послабѣе, идетъ на журналы сами себя рекомендующіе и характеризующіе; хоть они не выражаютъ никакого направленія въ своихъ статьяхъ, но за то постоянно говорятъ о своемъ направленіи, называютъ его какимъ нибудь общепотребительнымъ именемъ. Но это названное направленіе само по себѣ, а статьи сами по себѣ; журналъ, напримѣръ, говоритъ о себѣ: «я прогрессистъ, я не слѣдую ни той, ни другой крайности, а во всемъ держусь средины, или: я ни подъ какимъ видомъ не приставу ни къ какой партіи, я безпристрастенъ до абсолютности.» Несообразительные читатели вѣрятъ ему, говорятъ, что журналъ имѣетъ направленіе, тогда какъ въ самомъ журналѣ одна статья

дается въ одну крайность, другая — въ другую, совершенно противоположную, третья дѣйствительно какъ будто держится срединѣ, а четвертая и виду—то прогрессивнаго не имѣетъ; абсолютный же безпристрастникъ оказывается самымъ фанатическимъ партизаномъ исключительной партіи. Другой журналъ проповѣдуетъ: «я люблю народность и уважаю ее, для меня народность дороже всего на свѣтѣ и я буду совершеннымъ отраженіемъ ея»; читатели и писатели известнаго сорта восхищаются журналомъ, какъ имѣющимъ прекрасное, свѣжее народное направленіе, хоть въ самомъ журналѣ и помяну нѣтъ о народности, и любовь къ ней больше словесная. — Выступая на поприще литературной дѣятельности, «Время» захотѣло чѣмъ нибудь отличиться отъ всѣхъ другихъ журналовъ, хотѣло выдумать себѣ какое нибудь направленіе, не похожее на всѣ доселѣ существовавшія; и во что бы ни стало рѣшилось формулировать его, чтобы изъ направленія вышелъ какой-то обязательный предметъ, на который постоянно можно было бы указывать пальцемъ, какъ на свое отличительное достоинство и преимущество, подобно тому, какъ некогда чиновники въ доказательство своей чести указывали на «безпорочную пряжку».

Какъ известно всякому, и какъ говорено было уже миллионы разъ, у насъ въ литературѣ существуетъ будто бы два направленія — славянофильство и западничество; то и другое, конечно, составляютъ крайность, а истина, какъ это обыкновенно ведется споконъ вѣку, заключается въ срединѣ. «Время» взялось примирить эти два направленія и рѣшилось идти среднимъ, истиннымъ путемъ. Разрѣшеніемъ этой задачи занимался во «Времени» исключительно одинъ только г. А. Григорьевъ, котораго, кажется, сама природа назначила для всевозможныхъ примиреній; въ его головѣ сошлись и какимъ-то непостижимымъ образомъ соединились всевозможныя литературныя направленія, начиная отъ стараго «Москвитянина» и оканчивая новейшимъ «Времениемъ». Онъ примирилъ въ себѣ Бѣлинскаго съ отцомъ архимандритомъ Феодоромъ; Пушкина съ Шекспиромъ, Тургенева съ Гегелемъ, драмы Погодина съ драмами Мей и Островскаго, русскія народныя пѣсни съ нѣмецкими и испанскими. Немудрено поэтому, что онъ успѣлъ установить совершеннѣйшее согласіе между славянофилами и западниками; — каково это согласіе, мы говорить не будемъ, также точно не будемъ говорить и о статьяхъ его, помѣщенныхыхъ во «Времени». Любопытная вещь вышла бы, если бы кто нибудь изъ нашихъ критиковъ спеціально занялся г. Григорьевымъ и разсмотрѣлъ всѣ его статьи, напечатанныя въ разныхъ мѣстахъ, сколько бы онъ вывелъ изъ нихъ заключеній, весьма интересныхъ въ психологическомъ и въ литературномъ отношеніи! Даже манера и

методъ изложенія у него чрезвычайно своеобразны и нителъ, но Г. Григорьевъ, подобно г. Бестужеву-Рюмину, въ своихъ статьяхъ, все только собирается сказать что-то, устанавливаетъ точки зрѣнія, приводитъ чужіе взгляды, современныя и существовавшіе прежде, разбираетъ ихъ какъ будто съ тѣмъ, чтобы высказать свое собственное мнѣніе и вдругъ оканчиваетъ статью именно въ томъ самомъ мѣстѣ, когда вы ожидали услышать отъ него его собственное слово; общей руководящей мысли въ статьяхъ вы не найдете, все какія-то авторитетическія и эпизодическія замѣчанія, которыя съ трудомъ влѣзутъ между собою. — Помимо г. А. Григорьева, само «Время» никакъ не можетъ примирить славянофиловъ съ западниками; оно воображаетъ, что идетъ посрединой между ними, а на самомъ дѣлѣ оно «выводитъ мысли» и дѣлаетъ зигзаги, ударяясь то въ ту, то въ другую сторону. Славянофильство и западничество, — это сцилла и харибда; избѣжавши одной, немѣлжно попадемъ въ другую. Чтобы избавиться отъ нихъ, нужно идти не посрединой между ними, а обогнуть ихъ и оставить совершенно всторонѣ. Какъ только одинъ разъ станешь на ту общую точку зрѣнія, изъ которой выходятъ и славянофилы и западники, какъ только признаешь положительнымъ, или отрицательнымъ критеріемъ народность, непременно придешь или къ тѣмъ или къ другимъ, или будешь слоняться туда и сюда. Если вы признаете вашимъ критеріемъ не народность, а другое какое нибудь понятіе, тогда только могутъ установиться самыя естественныя отношенія и къ славянофиламъ, и къ западникамъ. «Время» же, установившись на почвѣ, думаетъ сохранять между ними средину; это дѣло невозможное, какъ показываетъ неудачный опытъ самого же «Времени».

Далѣе, «Время» обѣщало не щадить авторитетовъ; мы думали, что оно въ самомъ дѣлѣ будетъ стремиться къ мысленной самостоятельности и самодѣтельности, признающей для себя закономъ и правиломъ не чужія мысли, не мнѣнія авторитетовъ, принимаемая слѣпо, на вѣру, а свое собственное убѣжденіе. Но «Время» объяснилось и сказала, что авторитеты для него раздѣляются на общіе и частныя; что оно не щадитъ только послѣднихъ, а передъ первыми благоговѣетъ. Такимъ образомъ, Гегеля и Куно Фишера, Мей и Полонскаго «Время», должно быть, относимо къ общимъ авторитетамъ, потому что питало и питаетъ къ нимъ благоговѣйныя чувства; «Отечественныя Записки», фельетоны «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», статьи г. Писарева оно считало частными авторитетами, потому что дѣйствительно не щадило ихъ и возставало противъ нихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Вашему покорнѣйшему слугѣ также порядочно доставалось отъ «Времени»; видно, и онъ попалъ въ число част-

владеет авторитетом. На самомъ же дѣлѣ «Время» обнаружилось мало волюнтаристичности и самодѣтельности; съ голоса «Свистка» оно осечество надъ покойною гласностью и обличительной литературой; съ приста славянофиловъ ораторствовало о народности и почвѣ; и наконецъ теперь, тоже съ чужаго голоса, начинаетъ пускаться въ разсужденія о земствѣ; въ послѣднихъ статьяхъ «Времени» земство является рядомъ съ почвою и будетъ, конечно, играть такую же роль, какъ послѣдняя. А черезъ нѣсколько времени «Время» будетъ уже съ гордостью и самодовольствомъ говорить о томъ, что оно первое подняло и провозгласило вопросъ о земствѣ.

Но до сихъ поръ главное украшеніе и гордость «Времени» составляетъ «почва», изъ-за которой мы уже имѣли дѣло съ «Временемъ». Оно сильно обидѣлось на насъ за то, что мы его почву назвали фразой, и не замѣтили глубокаго смысла, который будто бы кроется въ этой фразѣ. Что за чудо, гдѣ жъ этотъ смыслъ? Поищемъ его еще разъ.

«Не въ похвалу себѣ говоримъ», объявляетъ «Время», «что поддержка, оказанная намъ публикой, была въ размѣрахъ, давно уже неслыханныхъ въ нашей журналистикѣ» (неслыханная поддержка, то есть неслыханное число подписчиковъ не можетъ быть вмѣнено въ похвалу вашему журналу и ничего не говорить въ его пользу. Извѣстно, что поддержка «Сына Отечества» еще неслыханнѣе; но что же изъ этого слѣдуетъ? Значить, «Время» умѣетъ только ловко прилекать и заманивать къ себѣ подписчиковъ и не имѣетъ у себя всякаго оброта, который бы пришелся по вкусу самымъ разнокалибернымъ читателямъ. Не взыщите за такое объясненіе: долгъ платежей красенъ; а мы только платимъ долгъ). «Всѣ объявляютъ, что они за прогрессъ. Но что за прогрессъ, когда мы на самомъ дѣлѣ все еще сидимъ на европейскихъ учебникахъ» (ну, конечно, какой же прогрессъ съ европейскими учебниками,—это ясно). «Движеніе впередъ—явленіе нормальное, законное, и Боже насъ сохрани противорѣчить ему! Но отказавшись оттого, что было безплоднаго и губительнаго въ явленіяхъ нашей прежней жизни, мы унеслись на воздухъ и отказались чуть ли не отъ самой почвы. Безъ почвы ничего не выростетъ и никакого плода не будетъ. А для всякаго плода нужна своя почва, свой климатъ, свое воспитаніе. Безъ мягкой почвы подъ ногами и движеніе впередъ невозможно: еще, пожалуй, пойдешь назадъ или свалишься съ облаковъ. Какъ не согласиться, что многія явленія, даже прошедшей, отжившей жизни нашей, мы мѣрили слишкомъ узкой мѣркой? Мы ко всему сплошь прикидывали нашъ новый аршинчикъ торопливо, съ заранѣе готовымъ взглядомъ. Но у насъ, у насъ! какая у насъ новая почва? Мы просто поднялись на воздухъ. Въ самомъ дѣлѣ, наше внутреннее ощущеніе часто бываетъ теперь похоже на ощущеніе воздухоплавателя, поднимающагося на 7,000 футовъ отъ земли. Онъ, конечно, съ такой высоты можетъ сдѣлать много пре-

любопытѣйшихъ наблюдений; разумеется, слишкомъ отвѣченныя, но совсѣмъ близкія, и главное—какъ-то нестерпимо *сысочка*; а все-таки, какую бы любовь онъ ни питалъ къ наукѣ, ему все хочется на землю. Даже *труситъ* немножко одинъ-то... *дышать трудно, упасть можно*... Вѣдь воздушный шаръ-то, пожалуй, можетъ и лопнуть, какъ мыльный пузырь....» (Точки въ подлинникѣ).

Всякій видитъ, что и почва, и плодъ, и воздухъ, и шаръ, и даже аршинчикъ,—все это аллегоріи и метафоры, не дающія ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ; то есть просто «фразы». «Время» рѣшилось наконецъ разъяснить ихъ, и думало урезонить меня такими комментаріями на почву. «Почва подразумеваетъ (?) то, что растетъ на ней. Что растетъ, то имѣетъ жизнь. Все живое — *развивается*, имѣетъ *возрасты*, достигаетъ *зрѣлости* и проч. Живое существо имѣетъ *члены*. Между членами живаго тѣла существуетъ *органическая связь*. Вообще живыя существа суть *организмы*. Только организмы имѣютъ *больныя мѣста*; только они *вырождаются*, *заражаются*, *болѣютъ* и *выздоровливаютъ* и т. д. и т. д.» (такъ въ подлинникѣ). («Время», 1862 г. № I, стр. 62). Итакъ, почва есть то, на чемъ растетъ живое тѣло, организмъ съ больными мѣстами. Опять-таки, это почва агрономическая, какъ вамъ угодно. Притомъ, это дѣло совершенно случайное, что у васъ съ словомъ «почва» явилась ассоціація представленій о растеніи и жизни; а другой имѣетъ полное право на такую ассоціацію мыслей: почва подразумеваетъ органическіе разложившіяся и истлѣвшіе остатки, то, что называется тукомъ и удобрениемъ, то есть помесь смѣшанный съ соломой, мочу, волосы, рога, обрѣзки кожи и старыя подошвы. Все это должно истлѣть и перегнить, чтобы сдѣлаться питательнымъ и живительнымъ элементомъ почвы. Итакъ почва подразумеваетъ смерть и разрушеніе мертвыхъ организмовъ. Вотъ видите, почва можетъ подразумевать весьма многое.—А если такъ, говорить критикъ «Времени», то «для ясности я долженъ прибавить замѣчаніе, требующее нѣкотораго усилія уха и потому не совсѣмъ удобное для печати» (вотъ бѣда-то!). «Когда о народѣ говорятъ по аналогіи, какъ о почвѣ, то почва здѣсь разумеется не въ геологическомъ и не въ агрономическомъ смыслѣ, а въ смыслѣ органической географіи. Въ смыслѣ этой географіи почва означаетъ часть земной поверхности, отличающуюся извѣстнымъ характеромъ своихъ растеній» (это еще яснѣе; географія и растенія! что же это растительная географія, или просто флора мѣстная? отчего жъ въ органическую географію вы не включили фауны?). «Все это тонкости (и путаница), я согласенъ; но я держусь того правила, что нужно понимать смыслъ тѣхъ словъ, которыя употребляешь» («Время», 1862 г. № I, стр. 66). Къ сожалѣнію, и я держусь этого же правила

и потому-то хочу добиться отъ «Времени», какой смыслъ оно соединяетъ съ словомъ «почва». «Время» говоритъ о почвѣ агрономической; геологической; географической, а все-таки не можетъ дать объясненія на *свою* почву, отъ которой мы оторвались. Свою досаду, являющуюся у него вслѣдствіе безуспѣшности усилій и натугу объяснить почву, оно переноситъ на меня. Не скажите, чѣмъ же я виноватъ, что вы въ такомъ несчастномъ положеніи, напрягаете умъ, разводите словами, барахтаетесь съ разными терминнами и все-таки не можете объяснить смыслъ словъ, которыя употребляете? Напротивъ, я самъ искренно желаю помочь «Времени» въ объясненіи его почвы; съ этой-то цѣлью я и дѣлалъ ему разные вопросы. «Время» обращается ко мнѣ съ такимъ требованіемъ: «зачѣмъ говорить о фразѣхъ? Берите мое слово, а мысль своихъ противниковъ». Ахъ! съ величайшимъ удовольствіемъ взялъ бы ее; но въ томъ-то и штука, и бѣда моя, что этой мысли у васъ нѣту, а есть одні только фразы и метафоры. «Время» называетъ меня теоретикомъ, параллельнымъ славянофиламъ, отрицателемъ народности, противникомъ почвы, не любящимъ народъ, потерявшимъ всякую надежду на него, и проч. и проч.; и всѣ эти поносныя названія даны мнѣ за то, что я почву «Времени» называю фразой. Помыслите; выслушайте меня спокойно, безъ досады и поймите хорошенько мои намѣренія. Я ничего не говорю ни противъ почвы, ни противъ народности, я даже не возражаю «Времени» относительно этихъ пунктовъ; я говорю только, что его воззрѣнія на почву неясны, туманны до того, что въ нихъ нельзя ничего разобрать, что вмѣсто мыслей оно говоритъ только метафорическія фразы; больше этого я ничего не хочу сказать. Какъ знать, можетъ быть я и когда-нѣ согласился бы съ «Временемъ» и съ его воззрѣніями, сталъ бы на его почву и полюбилъ ее, еслибъ оно только ясно, отчетливо и послѣдовательно высказало свои мысли, и разъяснило намъ, что такое его почва. Вообще, я не спорю съ «Временемъ», а только хочу добиться отъ него ясности и разрѣшенія тѣхъ противорѣчій и антиномій, которыя обнаруживаются въ его принципахъ и направленіи. Славянофилы тоже говорятъ о народной почвѣ; но за то ясно и опредѣленно указываютъ, въ чемъ она состоитъ. Съ ними можно не соглашаться; но все-таки они имѣютъ и высказываютъ опредѣленные мысли. «Время» же не имѣетъ такой опредѣленности, а просто только фразируетъ о томъ, что мы не похожи на Европу, что у насъ должно быть все свое не такое, какъ на Западѣ, что европейская цивилизація для насъ узка, что мы сдѣлаемъ изъ себя что-то такое, чего и не понять Западу, что и мы сами хорошенько не понимаемъ. «Время» дѣлаетъ такой приговоръ надо мною: «очевидно, г. Антоновичъ незнакомъ съ нашей литературой вообще и съ «Временемъ» въ особен-

ности. А именно во «Времени» и были помѣщены основательныя и обстоятельныя статьи, посвященныя вопросу о народности». Да гдѣ же они, эти основательныя статьи? указать, пожалуйста. Не въ похвалѣбу себѣ скажу, что я читалъ двѣ критическія статьи «Времени»; но относительно народности я не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ сдѣланныхъ дипломатъ, которыми я и сижу подѣлаться съ читателями.

«Есть ли на свѣтѣ страна», говоритъ «Время», «которая была бы для другихъ, отдаленныхъ или сопряженныхъ съ нею странъ болѣе неизвѣстною, неизслѣдованною, болѣе всѣхъ другихъ, непомнимою и непонятною, та эта страна есть безспорно Россія для западныхъ сосѣдей своихъ. Никакой Китай, никакая Японія не могутъ быть открыты такой тайной для европейской пытливости, какъ Россія. Для Европы Россія — одна изъ загадокъ Сизифова. Скорѣе изобрѣтется regretium mobile или жизненный элексиръ, чѣмъ постигнется Западомъ русская истина» (а вѣдѣнная истина скоро постигнется Русью?). «русскій духъ, характеръ и его направление. Въ этомъ отношеніи даже душа теперь изслѣдована гораздо подробнѣе, чѣмъ Россія» (то есть мы знаемъ, но изслѣдованіемъ г. Страхова, лунную истину, лунный духъ и характеръ. Можно еще сказать, что скорѣе рѣки потекутъ назадъ, скорѣе земля останется и солнце померидуетъ, скорѣе звѣзды уладутъ съ неба, чѣмъ постигнется русская истина; но отъ этого самая мысль не сдѣлается вѣрнѣе и левѣе, хоть фразъ прибавится какъ разъ на половину). «Когда дѣло доходитъ до Россіи, какое-то необыкновенное тупоуміе нападаетъ на тѣхъ самыхъ людей, которые выдумали порохъ и сосчитали столько звѣздъ на небѣ, что даже увѣрились наконецъ, что могутъ ихъ и хватать съ неба» (что это основательная мысль, или просто фраза?). «Гдѣ жь было имъ разгадать насъ русскихъ, когда мы и сами-то для себя загадка, по крайней мѣрѣ постоянно задавали другъ-другу а себѣ загадки. Развѣ славянофилы не задавали загадокъ западникамъ, а западники славянофиламъ? У насъ даже до сихъ поръ любятъ ребусы. Читайте объявленія объ изданіи журналовъ и вы въ этомъ совершенно убѣдитесь» (вогъ это правда; приведенное выше объявленіе объ изданіи «Времени» дѣйствительно есть ребусъ, состоящій изъ пчелы, облаковъ шара и аршинчика). — «Въ томъ-то и дѣло, что мы такой народъ, что до сихъ поръ ни подъ какую науку не подходимъ. Вотъ почему, господа» (то есть европейцы), «вы до сихъ поръ не знаете, что еслибъ и была у насъ только-что одна ваша цивилизація, такъ для насъ это было бы ужъ слишкомъ жидко и даже обидно» (вома какіе мы изыскательныя!). «Мы ужъ это испробовали» (что? и когда?) «и теперь знаемъ все это (?) на опытъ. Цивилизація уже совершила у насъ весь свой кругъ» (неужели?); «мы уже

или можетъ быть имѣло мысль вовсе не ту, какая заключается въ его словахъ; когда же въ самомъ дѣлѣ мы успѣли выучить и испробовать на опытѣ европейскую цивилизацію? Она намъ не нужна, какъ старыи учебникъ; мы должны придумать что-то новое, собственно русскую цивилизацію. Но на какомъ же основаніи русскую цивилизацію вы противопоставляете европейской и думаете, что она должна исключать послѣднюю? Русская цивилизація есть цивилизація частная, національная и въ параллель съ нею вы должны взять цивилизаціи національныя, напримеръ австрійскую, французскую, англійскую и т. д. Рассмотрѣвши послѣднія, вы нашли бы, что одна изъ нихъ не походитъ на другую, и цивилизація одной націи не годится вполнѣ для другой; французы говорятъ, что англійская цивилизація имѣетъ не по вкусу, что она для нихъ тѣсна, узка, вообще неудобна. Они смѣются надъ своими доктринарами, желающими пересаживать все съ англійской почвы на французскую, подобно тому, какъ у насъ, напримеръ, издѣваются надъ «Русскимъ Вѣстникомъ», имѣющимъ такія же намѣренія относительно русской почвы. Нѣмцы то же самое говорятъ, что французская цивилизація не годится для нихъ, что французы не могутъ даже понять глубины нѣмецкаго духа, который для нихъ сонникъ и загадка. Каждая нація въ западной Европѣ, при извѣстной степени патріотическаго воодушевленія, могла бы говорить насчетъ себя и другихъ націй то же самое, что вы говорите о неостижимости русскаго духа и объ европейской цивилизаціи. Каждый народъ имѣетъ свои характеристическія черты и индивидуальныя особенности, соотвѣтственно которымъ и видоизмѣняется у него ходъ цивилизаціи и исторіи; у каждаго свой вкусъ, по которому онъ и устраняетъ свою жизнь. Въслѣдствіе этого и нельзя навязывать одному народу формы жизни другаго; испанскія формы неудовлетворительны для англичанъ, англійскія для французовъ и т. д. И если вы подъ «европейской» цивилизаціей разумѣете какую нибудь частную цивилизацію какого нибудь западнаго народа, тогда ваши слова могутъ еще имѣть нѣкоторый смыслъ, и такая цивилизація дѣйствительно не подойдетъ къ намъ и навязывать ее русскимъ — дѣло не хорошее, а главное бесполезное. И ваши толки о русской народности, ваши опасенія за русскую почву совершенно напрасны. Какую бы частную національную цивилизацію не пересадили на русскую почву, она не будетъ расти на ней; въ этомъ смѣемъ насъ увѣрить. Вы же сами говорите, что русскіе въслѣдствіе вліянія нѣмецкой цивилизаціи не сдѣлались же нѣмцами. Конечно возможны искусственныя безплодныя пересадки съ чужихъ почвъ и прививки съ чужестранныхъ деревьевъ, которыя могутъ мѣшать нашему развитію и нашей самостоятельности. А, если вы такъ понимаете дѣло, то оставьте въ покоѣ европейскую цивилизацію; она

нисколько не виновата въ томъ, что ее переносятъ въ чуждую для ней сферу, а говорите только противъ искусственныхъ и насильственныхъ пересадокъ и прививокъ, откуда бы онѣ не брались—отъ европейской ли цивилизаціи, или отъ азіатской и американской. Еслибъ кому нибудь вздумалось пересадить въ Великороссію малороссійскую цивилизацію, вы и объ малороссахъ должны сказать то же самое, что говорите о европейцахъ, т. е. великоруссы для малоросса офидіксъ, они никогда не поймутъ другъ друга, малороссійская цивилизація не годится для великоруссовъ. Съ этой точки зрѣнія даже русская цивилизація, то, что выросло на русской почвѣ, можетъ быть негоднымъ, узкимъ и непотребнымъ для насъ и можетъ быть съ пользою замѣнено тѣмъ, что даетъ намъ европейская цивилизація, что выросло на чужой почвѣ. Въ послѣднемъ случаѣ вамъ пришлось бы бранить русскую цивилизацію и восхвалять европейскую. Понимаете, къ чему ведутъ эти разсужденія? А къ тому, что не русскую цивилизацію должно противопоставлять европейской, а вообще естественное и свободное развитіе противопоставлять неестественному и насильственному. Средства развитія могутъ быть различны; ихъ можно заимствовать и отъ запада, и отъ востока, отъ юга и сѣвера; откуда бы они ни вывозились, это все равно, только бы самое развитіе было естественно и не стѣснено искусственностью. Когда дѣло идетъ о пищѣ, вы не смотрите на то, откуда она привезена съ запада, или съ востока, и гдѣ она выросла въ Петербургѣ или Лондонѣ, для васъ важно только то, чтобы она была удобоварима и здорова для вашего организма; картофель вывезенъ изъ-за тридцати земель, однако онъ лучше и полезнѣе для насъ, чѣмъ туземные мухоморы, или бодяки благословенныя. Вопросъ идетъ не о мѣстѣ происхожденія нравственной пищи и цивилизаціи, а только о качествахъ ея. А вы знай-себѣ все толкуете: «мы, народъ русскій, особый, таинственный; для насъ не годится то, что растетъ на Западѣ».

Всѣ приведенныя соображенія имѣютъ мѣсто только въ томъ случаѣ, если «Время» подъ европейской цивилизаціей разумѣетъ частныя національныя цивилизаціи западныхъ народовъ; но разумѣетъ ли оно ихъ именно, — это еще богъ-вѣсть и изъ словъ его разобрать это трудно. Изъ нѣкоторыхъ его разсужденій можно видѣть, что подъ европейской цивилизаціей оно разумѣетъ вообще цивилизацію всѣхъ европейскихъ народовъ; въ такомъ случаѣ его бравурныя выходы противъ цивилизаціи и ея узкости, и неудобствъ для русскаго духа свидѣтельствуютъ только объ его ограниченномъ пониманіи и узкомъ взглядѣ на цивилизацію. — Цивилизація, кромѣ мѣстныхъ продуктовъ, являющихся только у извѣстнаго народа, производитъ еще много общихъ, которые годны не для одного какого нибудь мѣста или народа, а составляютъ общее достояніе всего человѣчества, безъ различія

национальностей; этим достоянием пользуются все народы, стоящие на известной степени развития; оно для них полезно, удобно и разумно; отказываться от него может только народ отсталый, неидущий в уровень с ходом цивилизации. Такие общие продукты цивилизации суть: наука, искусство, высшая культура, разные удобства жизни; отвергать их, не имея ничего лучшего, было бы бессмысленно и бесполезно. «Время» для опровержения формулирует эту мысль об общих элементах цивилизации таким образом: «Все, что приобретено человеком общечеловеческого, смело давайте всякому другому народу, вносите общечеловеческие элементы во всякую среду, какова бы она ни была». Кажется, что тут худо во этой мысли; само же «Время» переводит статью, выросшую на Вацаде, и смело дает их своим читателям. Однако же «Время» из всех сил старается опровергать эту мысль; раздвигая ее называет теоретиками; стремящимися «сдирать из всех народов и что весьма безличное, какой-то стертый грош»; говорить, что нет ничего общечеловеческого, «что человечество еще не выработало общечеловеческого идеала, что у каждого народа должно быть свое мироощущение, свой склад мысли». Таким образом русскому народу, не похожему ни на одну европейскую нацию, нечего пользоваться от западной цивилизации, он должен сосать все из своей собственной почвы. «У нас до того все особенно», заявляет «Время»; «что европейских результатов невозможно добыть на нашей почве». Так рассуждает «Время» только тогда, когда оно спорит с «Современником» и старается выставить его теоретиком, т. е. когда находится в беспокойном и раздраженном состоянии. Но когда на него найдется другой стих, оно начинает говорить совершенно иначе о европейской цивилизации. Припомните, как «Время» восхваляло в русском народ инстинкт общечеловеческости и говорило, что русский угадывает общечеловеческие черты даже в национальных исключительностях. И так, смело давайте русскому европейскую цивилизацию; давайте даже национальную цивилизацию, он сразу инстинктом угадает в них общечеловеческое; т. е. годное и для него, и не превратится в стертый грош. За что же вы, «Время», после этого браните «Современника» и других по-вашему теоретиков, рассуждающих об общечеловеческих элементах цивилизации? Вы отрицаете эти элементы и говорите, что у каждого народа должно быть все свое; местное и национальное. Да зачем вам речивиться, прочитайте со вниманием то, что вы сами же написали, и вы убедитесь в провизии «Разных различий», как вы говорите вы же сами, «в народных задачах нет, потому что в основе каждой народности лежит один общий человеческий идеал» (который вы

за минуту предъ этимъ отрицали), «только отгнанный мѣстными красками». Ну вотъ и прекрасно; стало быть задачи, рѣшенные западною Европою, могутъ пригодиться и для русской народности, такъ какъ въ основѣ ея тотъ же идеалъ, что и у другихъ европейскіихъ народовъ. «Тогда только», говорите вы же, «человѣчество будетъ жить полною жизнью, когда вселенный народъ принесетъ отъ себя въ общую сумму жизни какую нибудь особенно развитую сторону». И такъ, общая жизнь есть; каждый народъ вноситъ въ нее что нибудь, можетъ также и выносить; стало быть и русская почва можетъ выносить изъ общей европейской жизни какія нибудь стороны, особенно развитыя западными народами. Опять вы должны придти къ опровергнутому вами требованію вашихъ теоретиковъ.

Вообще «Время» возстаетъ противъ европейской цивилизаціи только по недоразумѣнію; оно считаетъ ее фактомъ уже завершившимся, отжившимъ свой вѣкъ, чѣмъ-то мертвымъ и неподвижнымъ; она дошла до известной точки и дальше идти ей нѣтъ мочи. Мы узнали ее и испытали въ этомъ состояніи; она оказывается для насъ негодною и нужно ее бросить. Понятіе совершенно ложное; цивилизація есть дѣло живое, постоянно развивающееся и идущее впередъ. Положимъ даже, что дѣйствительно она въ настоящемъ видѣ неудовлетворительна для насъ, «мы ее выжили всю» и она не стоитъ для насъ въ бѣдвеннаго янца; но мы все-таки не должны бросать камень въ цивилизацію; она намъ пригодится, выработаетъ что нибудь годное и для насъ, особенно если еще и мы сами будемъ помогать ей въ ея работѣ. Но присмотритесь короче, точно ли всю цивилизацію мы выжили и испробовали? «Мы были у гѣмцевъ», говоритъ «Время», «и въ цѣлыхъ полтора ста лѣтъ, не поддались же европейскому вліянію (ужели?), не сдѣлались гѣмцами». Ну ужъ это совершенный вадоръ, что мы не поддались европейскому вліянію. Были у гѣмцевъ, поддались гѣмцескому вліянію, и стало быть выжили, если только выжили, не всю цивилизацію, а только гѣмцескую; французской же и англійской мы и не пробовали, а знаемъ ихъ только по слухамъ; намъ и въ голову никогда не приходило испытывать ихъ на опытѣ. Можетъ быть онѣ намъ и не нужны; да къ чему же такое безсовестное хвастовство и самохвальство? Напротивъ, насъ можно было бы назвать счастливыми, еслибъ намъ удалось вкусить хоть полешкутѣхъ благодѣйствъ, которыя выработаны европейской цивилизаціей. Она, империаль, провозгласитъ слово и дѣло гуманности; но пользуемся ли мы, пользуемся ли вся наша почва плодами гуманности? Не говоримъ уже о другихъ сторонахъ цивилизаціи, которыя совершенно неизвестны намъ по опыту и суть не что иное для насъ, какъ сонинъ или *rien decidé*; каждаго можно считать сотню та-

никъ стороны. Что же за пустяки вы проповѣдуете? Мы не только не выжили всю цивилизацію, не только не выросли изъ нея, напротивъ, мы даже не доросли до ней, не успѣли еще стать въ уровень съ нею. Впрочемъ, позвольте; для большаго эффекта, для потѣхи себя и публики, я заставлю само «Время» сдѣлать удивительный salto mortale и произвести такой чудесный фокусъ, отъ котораго сразу разлетятся въ прахъ, съ усиліемъ и трудами воздвигнутыя имъ дѣла и зданія фразы. «Время» говоритъ: «предоставленный самому себѣ, нашъ простой народъ коснѣетъ въ невежествѣ, совершенно лишенный всякаго участія въ тѣхъ общечеловѣческихъ результатахъ европейской цивилизаціи, которыми, впрочемъ, только въ некоторой мѣрѣ, обладаетъ образованное общество. Онъ и прозванъ себя горемыкой». («Время» 1862 г. № 2, стр. 158). Ну, не смѣшно ли это, окажите пожалуйста? Отъ одного замаха все перевернулось вверхъ дномъ. Наша почва страдаетъ отъ того, что не удобрена общечеловѣческими результатами европейской цивилизаціи. И такъ, теперь нужно похерить всѣ прежніе фразы о томъ, что нѣтъ ничего общечеловѣческаго, что западная цивилизація для насъ ужасъ, что на нашей почвѣ невозможно добыть европейскихъ результатовъ, что мы явленіе необыкновенное, сѣньсь, не подходящий ни подъ какую науку и проч. и проч. Теперь ужъ «Время» скромно сознается, что мы выжили не всю цивилизацію, что не говоря уже о почвѣ, даже образованное общество пользуется результатами цивилизаціи не вполне, а «только въ некоторой мѣрѣ». А что же теоретики-то, теоретики? гдѣ вы должны извиниться передъ нами; говорили же вамъ впередъ: давайте смѣло русскому народу общечеловѣчные результаты европейской цивилизаціи. Вы не послушали насъ; вотъ теперь и плачетесь надъ своей горемычной почвой. То-то, не шло въ колодець!

Вотъ видите, вы совершенно спутались въ понятіяхъ; вы сами оказывались отчаянными и издорными теоретиками. Слѣдуя своей теоріи, вы и стали свысока смотрѣть на европейскую цивилизацію, стали хвастаться, что выжили ее всю; знаніе и ученіе вы приняли за самую жизнь и исторію. «Цивилизація», говоритъ «Время», «совершила у насъ весь свой кругъ. Не велика масса людей цивилизованнѣе. Не въ величій дѣло, а въ томъ, что уже исторически закончилось у насъ переворотъ европейской цивилизаціи, наступаетъ другой, и это уже сознали у насъ». Посмотрите, пожалуйста, какая нелѣпость! Небольшая масса людей знаетъ европейскую цивилизацію, то есть столько же читала обьней, пожалуй усвоила и некоторые результаты ея; эти люди «свернулись въ комокъ», «встали въ обивакъ» и стало быть лично, не могли сдѣлать изъ своего знанія. А между тѣмъ говорятъ, что эти люди закончили историческій переворотъ.

А что же дѣлала остальная масса, тысячи и миллионы людей? Что они знали о цивилизации, и какъ относились къ ней, и какъ хотѣли совершиться историческій переворотъ безъ ея участія? А главное дѣло, узнать и изучить что выбудетъ, не значить еще пережить и испытать узнанное. Положимъ, небольшая кучка людей преосновательно изучила европейскую цивилизацію; слѣдуетъ ли изъ этого, что эта кучка закончила переворотъ цивилизаціи? Положимъ, вы прочитали и изучили исторію Греціи и Рима; значитъ ли это, что вы закончили исторически греческую и римскую жизнь? Но небольшая масса людей, а всѣ почти люди знаютъ въ настоящее время, что будетъ конецъ міра, знаютъ даже, что послѣдуетъ за кончиной міра; слѣдуетъ ли изъ этого, что уже исторически закончилось существованіе міра, что наступаетъ другой, новый переворотъ, потому что это уже сознали у насъ. Такъ же точно, мы знаемъ, напримеръ, исторію Англій въ XVII вѣкѣ и исторію Франціи въ XVIII вѣкѣ; но это не значитъ, что мы совершили и пережили тѣ перевороты, которыми ознаменовались эти вѣка. Нужно ли намъ переживать на дѣлѣ подобныя перевороты, или нѣтъ, — это другой вопросъ; на него отвѣтитъ жизнь. Но во всякомъ случаѣ мы не должны хвастаться, что мы исторически закончили эти перевороты, потому что знаемъ объ нихъ; пусть даже они не нужны и бесполезны для насъ, все-таки исторически, въ жизни мы не переживали ихъ. Зачѣмъ говорить пустяки и шебляндцы, что мы испробовали все?

Итакъ, пусть пойметъ «Время», что мы говоримъ только противъ непрощаемости и туманности его возрѣній, которые для него самого составляютъ сѣнникъ и загадку, и пусть не безнужно называетъ насъ теоритиками. Мы не строимъ никакихъ теорій, противоположныхъ его теоріямъ, мы даже не споримъ съ ними; потому что и споръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока оно не высказается ясно и опредѣленно, — что едва ли возможно для него, если оно не отъяснется отъ полноты своихъ теоритическихъ раздѣлствованій. Туманность «Времени»: произошла отъ того, что оно захотѣло чѣмъ-нибудь отличиться и задумало стать въ ореднѣ между славянофилами и западниками и примирить ихъ между собою. Притирание оказалось невозможнымъ, и «Время» сдѣлалось шибствѣ и славянофильскѣ и западникомъ. У славянофиловъ оно заимствовало только слова о народности и о современности западной цивилизаціи. Связывая словами славянофильскѣ соединяютъ опредѣленную идею; подъ народностью они разумѣютъ православіе и основанное на любви и великодушномъ согласіи отношеніе между властью и подчиненными, противоположное духу рабства и авторитарнаго господствующаго на Западѣ; главный же недостатокъ и негодность европейской цивилизаціи она видитъ въ изобиліи ея и евро-

тестамствѣ. Слова-то «Время» взяло, а эти понятія, соединенныя съ ними, отбросило, по крайней мѣрѣ видѣть не говорило и не упоминало объ нихъ. Г. Григорьевъ относится поведенному безчувственно и къ самымъ понятіямъ; но мы не думаемъ, чтобъ редакція «Времени» соглашалась со всѣми статьями и мыслями своего почтеннаго сотрудника. У западниковъ же «Время» позаимствовано имело и воззрѣнія; такими образомъ и выходятъ у него слова славнофильскія, а мысли западническія; или одна половина мыслей тамъ; а другая совершенно иная. Забавнѣе всего обнаруживается это въ отношеніяхъ «Времени» къ «Дню». Какъ только послѣдній начинаетъ ораторствовать о всеобщей линіи, о злободѣи Запада, о томъ, что мы оставили все родное, народное и одѣлись въ узкіе и тѣсные иголки, «Время» рожкается возгласить «Дня», и говоритъ, что онъ идетъ въ глубь, поднимаетъ такъ-скажи самое нутро вопроса. Но если онъ отмочитъ какую-нибудь правду, чисто въ народномъ русскомъ духѣ, «Время» синоходительно-осторожно противорѣчитъ ему и становится на точку зрѣнія западниковъ. «Дня» говоритъ напр., что евреи народъ проклятый, что ихъ нельзя сравнить въ правахъ съ христианами; это мнѣніе чисто русское, такъ смотритъ на жидовъ вся наша почва. «Время» защищаетъ права евреевъ, т. е. идетъ по слѣдамъ европейской цивилизаціи, которая уже давно объявила полноправность евреевъ и дѣйствительно защищаетъ ихъ человѣческія и гражданскія права. «Дня» бранитъ всю славнофильскую литературу, говоритъ, что она преподавала ложь, развратъ и желѣзность. «Время» вступаетъ за литературу, и утверждаетъ, что она говорила дѣло и дѣйствовала разумно. Помыслите, что же разумнаго и дѣльнаго могли сказать люди, оторвавшіеся отъ почвы и летавшіе въ облакахъ и оттуда ничего не видѣвшіе; или сморѣвшіе «истерично свысока»? Съ какой точки зрѣнія вы вондѣ должны согласиться съ «Днемъ». Дѣйствительно, подтверждаетъ «Время», «разрозненныя съ народомъ, разсѣяныя и не подновляющія новыми силами — оттого чуждые, ничего не зарабатывающіе (т. е. работа ихъ = 0)». Но не смотря на это, во все самое «Время» находится главное достоинство и заслуга литературы: въ томъ, что она знакомитъ насъ съ общечеловѣческими элементами западной цивилизаціи. Просто не въришь глазамъ, встрѣчая эту мысль во «Времени», которое вѣчно утверждало, что нѣтъ ничего общечеловѣческаго, что западная цивилизація не годится для насъ, что дѣльнее на западѣ новостиско на какой почвѣ, что у насъ должно быть все свое, даже своя ютлина свѣрсоверданіе; стало быть литература, надъ справедливо утверждаетъ «Дня», вольно вредитъ намъ; сидѣла на европейскія учебники и переносила ихъ на насъ, а Западъ развил инопребства. «Искусство», говоритъ «Время», «общечеловѣческое искусство», провод-

никомъ которыхъ съ Запада въ русскую жизнь всегда по возможности была литература—мы должны признать источникомъ лжи и фальши, разъединяющей общество (конечно, литература разъединяла общество; она рвалась къ Западу, а потому отрывала и насъ и себя отъ почвы)? «Неужели, говорить «Время», Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Островскій, Гоголь — все чѣмъ гордится литература наша, всѣ имена, которыя дали намъ право на фактическое участіе въ общевропейской жизни, все что свѣжило русскую жизнь — все это равняется нулю» (а то какъ же? вы сами же говорили, что высшіе, образованные классы чахнутъ, ничего не вырабатываютъ)? Вотъ опять новое сознание «Времени», что общая жизнь возможна, что мы участвуемъ въ ней, что ея элементы переводимъ въ свою жизнь, не смотря на то, что мы сонникъ и загадка, явленіе необыкновенное, что у насъ невозможны европейскіе результаты и т. д. И опять мы повторяемъ, что «Время» должно извиниться предъ теоретиками, которые говорятъ, чтобъ литература смѣло давала намъ общечеловѣческіе элементы европейской цивилизаціи, или должно сознаться, что и оно хочетъ сдѣлать изъ насъ «истертый грошъ». — Подобную непослѣдовательность «Время» обнаруживаетъ на каждомъ шагу. Напримѣръ насъ лично оно считаетъ теоретикомъ, безусловнымъ поклонникомъ Запада и всего западнаго, а себя выставляетъ оберегателемъ народности, хранителемъ русскаго духа и защитникомъ всего русскаго. И что же выходитъ на дѣль? «Время» горой стоитъ за философію Гегеля, т. е. рабски слѣдуетъ западникамъ, которые благоговѣли передъ Гегелемъ, и считаетъ его философію послѣднимъ словомъ человѣческой премудрости; объ этомъ «Время», если захочетъ, можетъ узнать отъ г. Григорьева. Также точно «Время» защищаетъ и послѣдователя Гегеля Куно-Фишера и печатаетъ на своихъ страницахъ отрывки изъ его исторіи философіи. Гегель и Фишеръ — это продукты европейской цивилизаціи, негодные для нашей почвы. Мы же, съ своей стороны, не признаемъ философіи Гегеля, подобно славянофиламъ, и будучи безусловными поклонниками Запада, отрицаемъ западнаго Фишера, не поклоняемся ему, а утверждаемъ, что онъ плохой философъ, хуже самого Гегеля, какъ бы ни старалось защищать его «Время». Скажите теперь, кто въ этомъ случаѣ походитъ болѣе на теоретика-западника: мы или «Время»? Потому, «Время» обличаетъ Добролюбова за то, что «онъ не стремился къ святымъ чудесамъ Запада, и ни одинъ изъ западныхъ властителей человѣческихъ думъ не властвовалъ надъ его умомъ». Но какія же могутъ быть для насъ святаго чуда Запада? Мы сами для него явленіе необыкновенное, чудо, сонникъ и загадка; а онъ для насъ вещь обыкновенная и извѣстная; мы выжили и испробовали на опытѣ все западное. Притомъ всѣ западные люди, изобрѣ-

татели, выдумавшіе пороухъ, великіе астрономы, сосчитавшіе сколько вѣздъ на небѣ, относительно насъ, русскіхъ, обнаруживаютъ, какъ вы говорите, «какое-то необыкновенное тушеуміе». Согласитесь же, что позволить комунибудь изъ этихъ людей властвовать надъ собою «было бы для насъ ужь слишкомъ жидко и даже обидно», какъ выражается «Время». Значить съ вашей точки зрѣнія Добролюбовъ былъ совершенно правъ. Приведенные факты должны убѣдить «Время» въ томъ, что мы вовсе не принадлежимъ къ лагерю теоретиковъ-западниковъ; мы смотримъ на все не съ западной и не съ народной точки зрѣнія, а просто, съ точки зрѣнія здраваго смысла и житейскихъ требованій и потребностей; что соответствуетъ этому двойному критерию, то мы и признаемъ. Народность же — критерій весьма неопредѣленный, обивчивый и часто фальшивый. Извольте-ко съ вашей народной точки зрѣнія опредѣлить достоинство философіи Гегеля; вы и скажете, что она годится для нашей почвы.

Такая же непрозрачная туманность господствуетъ и въ спеціальныхъ воззрѣніяхъ «Времени» на почву и на отрываніе отъ почвы. Я, не добротъ своей, хотѣлъ помочь ему, выбраться на свѣтъ божій изъ этого тумана и съ этою цѣлью предложилъ ему нѣсколько вопросовъ: что такое почва, что значить отрываніе отъ почвы, какими признаками она характеризуется? и т. д. И посмотрите, какъ «Время» отвѣчало на мои вопросы. «Трудные вопросы», милостивый государь, говоритъ оно мнѣ, «и отвѣчать на нихъ мудрено. Странно однакоже, что г. Антоновичъ повидимому даетъ большой вѣсъ своимъ вопросамъ; подумайте! вѣдь это уже давно извѣстно, что задавать вопросы ничего не стоитъ (полно, такъ ли?), и что *гораздо труднѣе отвечать на нихъ*. Легко, поворотъ, бросить камень въ колодець, да вытаскать его мудрено». И затѣмъ «Время» прибавляетъ: «г. Антоновичъ, какъ человекъ молодой, вѣроятно еще не знаетъ, какъ *трудно достичь до истины*; трудно достигнуть истиннаго понятія о вещахъ. Г. Антоновичъ еще легко смотритъ на жизнь; для него *лице скрываетъ всѣ таинственныя глубины*». Вотъ чудакъ, правъ! Хлещутся рѣшеніемъ, вопросамъ, обстоятельными и ослепательными статьями о народности и въ то же время говорятъ, что не могутъ отвѣчать на вопросы о почвѣ; трудные-де и мудреные вопросы, они намъ не подъ силу. Дѣйствительно, милостивые государди, если бы я зналъ, какъ вамъ трудно достигнуть истины, съ какими трудами вы достигаете истинныхъ дознаній о жидкѣ, и какъ мудрены для насъ мои вопросы, я бы непремѣнно помилословилъ васъ, съ чувствомъ состраданія къ вамъ, не сдѣлавъ бы ни одного вопроса относительно почвы, право. А вѣдь я этого ничего не зналъ и въ своемъ престоупномъ воображеніи, что вы понимаете смыслъ этихъ словъ, которая употребляетъ, и вамъ не такъ трудно объяснить

этотъ смыслъ. Притомъ о почвѣ вы говорите такъ самоуверенно и такимъ диктаторскимъ тономъ, что я невольно подумаю, что вы исполнѣ обсудили и понимаете этотъ предметъ и въ состояніи отвѣчать на всѣ вопросы относительно его. Еслибъ я васъ спрашивалъ о чемъ нибудь постороннемъ, вы бы имѣли право есмьтаться на трудность и мудреность отвѣтовъ. А вѣдь почва—ваша спеціальность, составляетъ направленіе вашего журнала и вѣдь поэтому не должны смущать никакіе вопросы о почвѣ. Кто понимаетъ предметъ ясно и всесторонне, тотъ будетъ смѣло отвѣчать на всѣ наши недоумѣнія относительно его; если же и не рѣшить какого нибудь вопроса, то во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ вамъ точное и подробное опредѣленіе предмета. А вы отказываетесь даже отъ опредѣленія. Вы на каждомъ шагѣ кричите: мы оторвались отъ почвы; я и спрашиваю у васъ: что значитъ оторваться отъ почвы? А вы говорите, что это вопросъ для васъ трудный и отвѣчать на него мудрено, и утверждаете, что я легко смотрю на жизнь и отъ меня скрыта ея таинственная глубина. Если въ самомъ дѣлѣ бывають такіа трудности въ жизни, что вамъ приходится говорить и писать большія статьи о предметахъ, о которыхъ вы сами не имѣете яснаго понятія, и если въ этомъ состоитъ таинственная глубина жизни, то признаюсь вамъ, эта глубина была для меня скрыта. Теперь же, благодаря откровенности «Времени», она открылась и для меня; и я, несмотря на мою молодость, буду знать, что трудности жизни могутъ заставить человека «разировать» о почвѣ и объ отрываніи отъ нея, хотя онъ не понимаетъ этихъ вещей даже на столько, чтобы сдѣлать имъ хоть какое нибудь опредѣленіе. — Чтобы отвязаться какъ нибудь отъ моихъ вопросовъ «Времени» для благовидности дѣлаетъ такой маневръ. Оно говоритъ, что я, предлагающій ему вопросы, не въ состояніи понимать ничего, что я вообще ничего не понимаю и потому не пойму его отвѣтовъ на почву, а потому оно и не отвѣчаетъ на мои мудреные вопросы, — маневръ, какъ видите, очень яловскій, но удобно прикрывающій незнаніе и неуменіе. «Очевидно», говоритъ «Время»; «г. Антоновичъ просить: поучитесь же. А если кто публично просить: поучитесь сами». Умасно-ѣдно! у меня отъ этого даже смѣхъ подымается. Эхъ, вы! да опомнитесь же наконецъ. Развѣ вы свои статьи пишете исключительно только для меня; и развѣ я одну читаю ихъ? Если дакъ, то вѣдь напрасно изволите беспокоиться; подумайте лучше о своихъ бѣдныхъ читателяхъ. Неужели; я человекъ отбитый; ну, а если кому нибудь почтенныхъ придутъ въ голову тѣ же вопросы, что и мнѣ, что тогда будутъ, и что читатели подумаютъ объ васъ? Да съ нашей стороны совершенно даже отказываться поучить и меня; вѣдь я вашъ подданный, въписываю

«Время» и за мой 16 рублей вы должны же научить меня чемунибудь, хоть растолковать мнѣ, что такое почва и что значитъ оторваться отъ нея. Вы воть возстаєте противъ литературнаго генеральства и аристократизма, а сами—то что дѣлаете? Мы—де мудрецы богоподобные, пишемъ для летающихъ въ облакахъ и живущихъ на Олимпѣ, а вы—тогда, вы даже и не поймете, когда мы заговоримъ съ вами... Потому—то воть мнѣ и хочется, чтобы такіе мудрецы, какъ вы, спустились съ облаковъ, снизились и поучили меня смертнаго и грѣшнаго. И къ чему вы прикидываетесь таинными гордецами? Вѣдь вы же отвѣчали на мои вопросы двумя статьями даже, въ которыхъ утверждались рѣшить ихъ. Значить, я же замеселилъ ваши мысли и заставилъ васъ поработать надъ дочкой. Я и этимъ доволенъ, потому что все кое-что сдѣлалъ.

Однакожь, въ самомъ дѣлѣ, какъ же намъ быть съ вами, «Время», насчетъ почвы—то? Или вы великодушно откажитесь отъ всѣхъ вашихъ краснорѣчивыхъ фразъ о почвѣ, о летаніи по воздуху, о томъ, чтобы не свалиться съ облаковъ и о другихъ остроумныхъ описанствѣхъ, придуманныхъ вами для людей оторвавшихся чуть ли не отъ самой почвы; или ужъ потрудитесь придумать для фразъ какіянибудь опредѣленные мысли, и непременно приведете эти мысли въ порядокъ хоть для благовидности; нельзя же, вѣдь онѣ выражаютъ направленіе вашего журнала. Въ такомъ случаѣ я къ вашимъ услугамъ; вы не думайте, что я человекъ злой и не желаю вамъ добра; нѣтъ, я теперь понимаю, какъ трудно жить на свѣтѣ, какъ трудно достается вамъ ясность статей и какъ трудно придумывать направленіе для журнала. А то прежде я думалъ, что ясность въ статьяхъ ничего не стоитъ, что она достигается легко при ясности мыслей, что направленіе въ журналѣ является само собою, безъ всякихъ придумываній, если только оно есть въ мысляхъ дѣятелей и сотрудниковъ журнала; такъ—то ошибается молодость! Когда вы будете приводить свои мысли въ порядокъ и выставлять ихъ на показъ и смотреть, какъ ваше направленіе, обратите вниманіе воть на что. Подъ почвою вы иногда разумѣете народность, русскій духъ, все коренное нисто русское. «Подъ именемъ почвы», говоритъ «Время», «разумѣются тѣ коренныя и своеобразныя силы народа, въ которыхъ заключаются зародыши всѣхъ его органическихъ проявленій.» Но потомъ въ другихъ мѣстахъ подъ почвою вы разумѣете простой народъ и противопоставляете почвѣ небольшую массу людей цивилизованныхъ, которые отстали отъ народа, оторвались отъ почвы, летаютъ въ облакахъ, чалнутъ тамъ и ничего не вырабатываютъ. Поэтому вы требуете, чтобы эта небольшая масса возвратилась къ родной почвѣ, сблизилась съ народомъ и црѣноклась народностью; тогда какъ теперь эта масса, по вашимъ

словамъ, «перестала не квасъ пить, а вѣсть съ квасомъ и мыслить о Руси, и составляетъ общество, измѣняющее народнымъ интересамъ.» Такихъ образомъ вы увѣрены, что коренныя русскія силы сохраняются только въ простомъ народѣ, что въ немъ русская народность и русскій духъ обнаруживаются полнѣе; ищите, чище и непо-врежденнѣе, что они никогда не измѣняли, подобно образованному обществу, чисто русскимъ интересамъ и никогда не переставая пить квасъ и мыслить о Руси: Все это прекрасно и имѣетъ приличный видъ. Но, какъ будто на это вамъ, «Отечественныя Записки» подняли вопросъ о народности Пушкина и спросили: почему Пушкинъ народный поэтъ? Вѣдь его знаетъ и читаетъ только небольшая масса людей образованныхъ; оторвавшихся отъ почвы и измѣнившихъ народности; онъ вышелъ изъ этой ненародной массы, былъ проникнутъ ея духомъ; слышалъ выраженія ея идей и стремленій; собственно же почва и народъ не имѣетъ объ немъ ни малѣйшаго понятія и имени его никогда не слышала; какой же онъ народный поэтъ? онъ тоже, какъ и воѣ, поэтъ облачный, беспочвенный. На это «Время» отвѣчаетъ такъ: «явленіе Пушкина есть доказательство, что дерево цивилизаціи уже дозрѣло до плодовъ и что плоды его не гнилые, а великолѣпные, золотые плоды. Все, что только могла уяснить намъ цивилизація, — мы уяснили себѣ, и это знаніе самымъ полнымъ, самымъ гармоническимъ образомъ явилось намъ въ Пушкинѣ. Мы поняли въ немъ, что русскій идеалъ — всецѣлость, всепримиримость (например, «о чемъ шумите вы, народные витѣи), всецеловѣчность. Въ явленіи Пушкина уясняется намъ даже будущая наша дѣятельность (скажите!). Духъ русскій, мысль русская только въ одномъ Пушкинѣ жились намъ во всей полнотѣ, явились, какъ фактъ, законченный и цѣлый...» (хорошо, но не ясно). Какъ вамъ угодно, а съ вашей точ-ли зрѣнія «Отечественныя Записки» правы; вы же противорѣчите себѣ. Помните, мы оторвались отъ почвы, чахнемъ, ничего не дѣлаемъ; и вдругъ принесли великолѣпные плоды цивилизаціи. Какъ же это такъ? вы же сами говорили, что безъ почвы никакого плода не будетъ. А вотъ же выросли даже золотые плоды и еще въ то время, когда мы и не думали возвращаться къ родной почвѣ. «Вѣдь народъ-то», говоритъ «Время», «не сознаетъ въ насъ нужды: онъ будетъ крѣпокъ и безъ насъ. Онъ не исчахнетъ, какъ чахнемъ мы, не чувствуя подъ ногами точки опоры. Онъ твердъ самъ собою. Не крѣпки силами, безжизненны вѣдь собственно мы сами, имѣющие честь называться образованнымъ обществомъ.» Да ужъ тамъ что хотите говорите объ образованномъ обществѣ, а все-таки Пушкинъ, принадлежавшій къ нему, во всей полнотѣ выразилъ намъ русскій духъ и русскую мысль; даже разъяснилъ намъ русскій идеалъ, по ко-

тому построится ваша будущая дѣятельность. И странное дѣло, какъ это онъ ухитрился одѣлать, не имѣя точки опоры; и откуда онъ взялъ русскую мысль и русскій идеалъ полный, когда въ созданіи этого идеала не участвовала почва, истинная хранительница всего русскаго? И какъ мы можемъ знать, что этотъ идеалъ дѣйствительно русскій; мы не судимъ въ народномъ дѣлѣ; «подождемъ что скажетъ намъ народъ», выражаясь вашими же словами. Помните, что вы отвѣчали не на эти возраженія, а на приведенный вопросъ «Отечественныхъ Записокъ». Пушкинъ, говорили вы, поэтъ народный; но не простонародный; цивилизованные люди; которыхъ удовлетворялъ онъ, такъ же точно, даже еще болѣе составляютъ русскій народъ; въ нихъ живетъ и выражается русскій духъ и идеалъ правильно и нормально, лучше даже, чѣмъ въ простомъ народѣ; они созрѣли и принесли великолѣпные плоды. Видите, эта ваша новая тѣсня совершенно противорѣчитъ прежнимъ. На основаніи вашихъ словъ о Пушкинѣ можно утверждать совершенно послѣдовательно, что мы не сознаемъ нужды въ народѣ, мы рѣшки и безъ него; мы не исчахнемъ, какъ чахнетъ онъ; мы не безжизненны, какъ онъ; мы и безъ него жили нормально и успешно, принесли великолѣпные и золотые плоды. Оказывается такимъ образомъ, что образованные люди не только не оторвались отъ почвы, но сами составляютъ собою настоящую русскую почву, удобряемую посредствомъ литературы общечеловѣческими результатами западной цивилизаціи, «въ которыхъ народъ лишонъ всякаго участія»; не люди образованные оторвались отъ почвы; а простой народъ оторвался отъ ней и не летаетъ въ облакахъ, не сидитъ на европейскихъ учебникахъ, «а космится въ подземныхъ пещерахъ». — Какъ видите, противорѣчіе въ вашихъ взглядахъ оказывается радикальное; вы ужъ постарайтесь какънибудь заглушить его; введите въ ваши разсужденія еще третью народность, придуманную г. Костомаровымъ, то есть народность опѣгнскую; авось либо дѣло пойдетъ лучше. Не упускайте изъ виду и того, что собственно цивилизованные люди всегда желали сблизиться съ народомъ; прежде чѣмъ вы «провозгласили сближеніе», сочувствовали его страданіямъ и старались облегчить ихъ; но имъ мѣшали другіе люди получивилизованные или вовсе нецивилизованные. — Кроме того, вы имѣете слишкомъ поверхностное понятіе о средствахъ сближенія двухъ разорвавшихся частей нашего общества и воображаете, что пропасть, раздѣляющая ихъ, можетъ быть засыпана случайно «по щучьему повелѣнію, по иванушкину прошенію»; слишкомъ большое значеніе вы придаете «щучьему повелѣнію» и слишкомъ много отъ него надѣетесь.

А не то, знаете ли что? не лучше ли вамъ, безъ всякихъ хлопотъ, трудовъ и запыливанья противорѣчій, просто отказаться отъ разглагольствованій о почвѣ, облакахъ и т. п., и говорить дѣло прямо, безъ всякихъ теоретическихъ околичностей; можетъ быть и безъ этого у васъ выйдетъ какое нибудь направленіе. Вы, кажется, сами распорядились къ такому рѣшенію дѣла. Въ одномъ изъ отвѣтовъ на мою статью «О почвѣ» «Время» напрямки, вмѣсто всякой почвы, облаковъ, аршинчиковъ и народностей, сказала вотъ что: «для объединенія съ народомъ образованныхъ классовъ нужно: 1) распространить грамотность въ народѣ; 2) облегчить общественное положеніе нашего мужика; 3) нужно *нѣсколько* преобразоваться нравственно и намъ самимъ». Ну вотъ, такъ-то гораздо лучше, право. Съ этими положеніями и я согласенъ; они не фразы, а настоящія мысли; я противъ нихъ ни слова, замѣчу только, что, по моему мнѣнію, 2-й пунктъ нужно поставить на первое мѣсто. Такъ бы и давно сказать вамъ; а то вы говорили богъ-знаетъ что; мы оторвались отъ почвы; летаемъ въ облакахъ, выжили всю цивилизацію и она намъ не родится больше; мы задыхаемся, чахнемъ, заражаемъ воздухъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ намъ нужно только *нѣсколько* преобразовать себя.

До сихъ поръ мы все говорили о направленіи, которымъ хотѣли охарактеризовать себя «Время» въ своихъ программахъ и, такъ сказать, передовыхъ статьяхъ. Это направленіе такъ и осталось только въ программахъ и руководящихъ статьяхъ; а въ самый журналъ не вошло рѣдко. Многія статьи въ немъ не только не соответствуютъ заявленному направленію, но даже не подходятъ одна къ другой. Въ одной статьѣ говорится одно, въ другой — о томъ же самомъ предметѣ говорится другое почти совершенно наоборотъ, какъ это мы видимъ въ статьяхъ о почвѣ и народности. Сличите статьи и отрывки о разныхъ литературныхъ произведеніяхъ г. Григорьева съ мнѣніями самой редакціи, то есть съ статьями никѣмъ не подписанными, и вы просто изумитесь, какъ это въ одномъ и томъ же журналѣ могутъ мириться такіе различные взгляды. Впрочемъ значительное количество противорѣчій «Времени» было уже указано гдѣ-то, въ «Отчетственныхъ Запискахъ» или въ «Русскомъ Словѣ»; и потому я не считаю нужнымъ указывать ихъ здѣсь снова и увеличивать списковъ ихъ. — Капитальныя статьи во «Времени» всѣ переводныя; этому такъ и слѣдуетъ быть въ журналѣ, посвященномъ разъясненію русской почвы и разъясненію русской народности и жизни. Содержаніе этихъ статей весьма интересно, до того интересно, что даже духъ захватываетъ при чтеніи ихъ и волосъ становится дыбомъ. Въ нихъ все изображаются чудесныя приключенія и странныя похождения, описываются ловкіе мошенники, таинственныя и страшныя убійства, необъяс-

полонезы, уголовныя процессы, прилоденіе въ содраніе чувствительнаго сердца. Безъ подобныя статей не обходится ни одна книжка «Времени», точно это поставило для себя задачей настраивать читателей и настраивать ихъ на таинственно-чуждый ладъ. Въ 1 № 1861 г. напечатано: «Задочное и. нулевое бѣгство Казановы»; во 2 № — «Процессъ знаменитаго разбойника Ласевера»; въ 3 № — «Таинственный и фантастическій похищенія Цейма»; въ 4 № — «Дезюнкъ», уголовное дѣло французское; въ 5 № — «Мадамъ Лаваржъ», уголовное дѣло французское; въ 6 № — «Свѣжее драпанье г. Полоцкаго»; въ 7. № — «Каролина англійская и Бергамин»; въ 8. № — «Разсказы о темныхъ предметахъ»; въ 10 № — «Мадамъ Лавостъ»; въ 1 № 1862 г. — «Таинственное убійство», французское уголовное дѣло; во 2 № — «Убійцы Пещара», французское уголовное дѣло. Конечно, всѣ подобныя статьи очень интересны въ извѣстномъ смыслѣ и на нихъ очень падли читатели извѣстнаго рода, которыхъ не можетъ заинтересовать что либо серьёзное, дѣйствительно интересное, но простое, ... Но согласитесь, эти статьи только разжигаютъ любопытство, и не могутъ удовлетворить здоровой и серьёзной потребности андія; онѣ тоже для ума, что горчица и перецъ для вкуса и желудка, онѣ только раздражаютъ, а не питаютъ. Попробуйте корчить человека горчицей и перцемъ, или дрімѣивайте ихъ ко всякой его пищѣ, что изъ этого выйдетъ? Избалованный подобными статьями читатель едва ли охотно возьмется за простую серьёзную статью, гдѣ нельзя разыграть фантазіи; онъ всадъ станетъ искать занимательнаго, искусственныхъ возбужденій и раздраженій, дѣйствующихъ на чувство и фантазію; предметъ, требующій вниманія и напряженія мысли, онъ броситъ въ сторону, какъ утомительный и скучный, дермѣющій перду, который бы раздражалъ его вкусъ, придушенный частымъ употребленіемъ возбуждающихъ средствъ. Воспитанному вами читателю и слова нельзя сказать просто, онъ сейчас же потребуетъ чего либо для таинственно туманнаго, или трепетно ужаснаго. Вотъ такими-то раздражительными статьями мы въ буквальный смыслъ отучаете мыслить нашихъ читателей; мы заботе работу не уму ихъ, а фантазіи, и располагаете ихъ не къ мышленію, а къ мечтательности и фантастическимъ образамъ; не въ этомъ ли заключается разгадка нашихъ «неслыханныхъ» успѣховъ, которыми вы хвастаетесь въ своемъ объявленіи? Конечно одна, двѣ подобныя статьи еще ничего, какъ щепотка перду; но пересыпать ими весь журналъ, — это ни на что не похоже, это просто спекуляція на легкомысліе и раздражительность читателей; хоть статьи, дескать, и не читательны, но ничего, ихъ будутъ читать и ѣсть, вѣдь онѣ сильно раздражаютъ вкусъ и щекотаютъ любопытство. Вы скажете, что всѣ

эти страшные процессы и приключенія много живють въ общѣ психологическаго и юридическаго интереса: Сомнительно, видите, чтобы читатель, прикованный вниманіемъ къ страшному и странному ходу событий, могъ предаваться въ то же время психологическимъ и юридическимъ наблюденіямъ. А главное все-таки въ томъ, что эти процессы западные, веденные судомъ, выработаннымъ европейской цивилизаціей, которую мы выжили и изжевали всю; зачѣмъ же намъ теперь перешевывать западные процессы? Развѣ у насъ нѣтъ своихъ; просмотрите «Полицейскія Вѣдомости», сколько тамъ разнаго рода убійствъ, кражъ и мошенничества; вотъ и дѣлайте изъ нихъ раздражительныя статьи. А не то прямо изъ родной немотытой почвы зачерпните страшнаго и чудеснаго матеріалу, напримѣръ; рассказовъ о домовыхъ, вѣдьмахъ, оборотняхъ, колдунахъ, странныхъ почкахъ за Дибиромъ и т. п. Въ интересѣ и фантастичности они нисколько не уступаютъ иждженіямъ многоhibудь Нойна. Вотъ видите, на дѣлѣ-то вы сами плохо придерживаетесь почвы. — Къ числу такихъ же раздражительныхъ, но неинтересныхъ и беспочвенныхъ статей, принадлежитъ и статья г. Стракова «Жители планетъ». Она такой же курьёзъ, какъ «Бѣгство Казановы»; въ ней доказывается, что на планетахъ нѣтъ жителей; но какъ доказывается, это просто прелесть! На 48 страницахъ приводятся самые разнообразныя аргументы въ пользу того, что на планетахъ есть жители, именно люди, нибуде такіе же носы, какіе есть и у насъ земнородныхъ; и эта мысль возводится такимъ образомъ на степень несомнѣнной истины, и становится основаніемъ, изъ котораго на 8 страницахъ выводится заключеніе, что на планетахъ нѣтъ и не должно быть жителей; на планетахъ есть жители такіе, какъ мы, — следовательно на планетахъ нѣтъ никакихъ жителей. Такая аргументація всякому, кто не читалъ статьи, покажется новѣйшинею, и многие усумнятся въ возможности ея возникновенія въ человеческой головѣ; а между тѣмъ она не только возможна, но и дѣйствительна. Посмотрите сами: Для большей кѣрности пусть говоритъ самъ г. Страковъ и, оставая подробностями, пусть выказываетъ только заключенія, — въ нихъ все дѣло.

«Слѣдовательно», заключаетъ г. Страковъ, «почти около каждой звѣзды мы можемъ вообразить себѣ планету, находящуюся совершенно въ тѣхъ же условіяхъ, какъ земля; на такой планетѣ необходимо долженъ явиться человѣкъ». — Итакъ, мы приходимъ наконецъ къ самому легкому и ясному міросозерцанію. До безконечности идутъ системы планетъ; на нихъ развивается органическая жизнь и во главѣ ея являетя человѣкъ. Вездѣ, до самой глубины небесъ, таже геометрія, астрономія и музыка, такіе же глаза и такіе же носы. — Что же намъ дѣлать? остается одно — уничтожить всѣхъ жителей планетъ.

Это: нас всегда шибко сѣбѣ, и это единственное перемѣна въ міровладѣніи, которая остается въ нашей власти. Въ самомъ дѣлѣ предполагать нилы существа, есди дѣло всегда трудно; но предполагать отсутствіе какихъ бы то ни было существъ всегда легко. Что же мы имъ ведемъ изъ всего этого? Очевидно то, что человѣкъ можетъ и даже необходимо долженъ смотрѣть на свою жизнь такъ, какъ будто весь остальной міръ пустъ..»

А какъ же 48 страницъ—то, гдѣ доказано, что на планетахъ есть такіе же жители, съ такими же носами? Ну, какіе вы, говорите г. Страховъ, «отправлялись на планеты?» вы именно искали иной жизни. Если же этого нѣтъ, есди тамъ такіе же люди, то разубѣдитесь для насъ совершенно все равно, живутъ ли они или нѣтъ. Поэтому если на планетахъ то же, что и на землѣ, намъ и нелибыднѣбно и не нужно знакомиться съ ними. Оно конечно знакомиться не нужно; да зачѣмъ же уничтожать жителей планетъ? за то только, что они бѣднѣе насъ? Или несчастіе родиться съ такими же носами? Подобныя статьи ужъ дѣйствительно оторвались отъ почвы, буквально летаютъ въ облакахъ и суть не что иное, какъ «лай на лулу», по прекрасному выраженію самого «Времени».

Критика «Времени» не руководится никакими опредѣленными и установившимися принципами; оттого критическія статьи ея какъ-то не вяжутся одна съ другою, выражаютъ только личныя расположенія и сужденія авторовъ разномыслящихъ и различно настроенныхъ; мало того, онѣ часто не имѣютъ солидарности даже съ взглядами самой редакціи. Многія критическія статьи появляются въ формѣ писемъ въ редакцію то съ Васильевскаго острова, то отъ «ненужныхъ» людей, то отъ какихъ-то «постороннихъ» критиковъ. Редакція видимо не желаетъ печатать ихъ прямо отъ своего имени и старается свалить съ себя отвѣтственность за инвѣиа, высказываемыя въ этихъ статьяхъ. Иногда какія нибудь полемическія статейки видимо приходится по вусу редакціи, но, боясь отвѣтственности за ихъ землѣшную дѣль, она дѣлаетъ осторожныя и глухія замѣчанія, что мы-де «во многомъ не сходимся съ неизвѣстными какъ авторомъ». Случайность и беспорядочность критическихъ порывовъ «Времени» видна также и изъ того, что оно иногда упражняетъ свои критическія способности на разборъ фельетоновъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Добро бы еще, есдибъ фельетоны говорили о чемъ нибудь важномъ и серьезномъ, или само «Время» по поводу ихъ сказало бы что нибудь дѣльное. А то бѣдный фельетонистъ, за недостаткомъ сюжета, начнетъ мечтать о чемъ нибудь, сочиняетъ какія нибудь пустѣйшія и несмыслѣнныя фантазіи, — «Время» тотчасъ же возводитъ эти фантазирования бѣднаго фельетониста въ общій литературный фактъ и въ важное современное

явленіе; вы думаете, говорить оно, что теперь въ нашей литературѣ уже нѣтъ такихъ статей, какія писались прежде Сеньковскимъ или Булгаринскимъ, а посмотрите такой-то номеръ «Вѣдомостей», что за прискорбное явленіе вы увидите тамъ; и затѣмъ начинаются разсужденія о «слѣтонѣ», или о какой нибудь статикѣ Я. Грота. — Впрочемъ «Время» пыталось выяснитъ начала своей эстетической критики, и съ этой цѣлью написало большую статью «Бовъ, (т. е. Добролюбовъ) и вопросъ объ искусствѣ», въ которой объявило, что наша русская критика въ настоящее время «пошлѣетъ и мельчаетъ», что ее нужно возвысить и углубить. Въ видахъ такого возвышенія и углубленія, оно, во сврему обыкновенію, рѣшилось провести средину между двумя противоположными взглядами на искусство, поставило и разрѣшило вопросъ объ искусствѣ на новыхъ основаніяхъ. Къ сожалѣнію, примиреніе вышло такъ же неудачно, какъ и всѣ другія примиренія «Времени»; прекрасная цѣль возвышенія критики такъ и осталась цѣлю, и сама статья представила только замѣчательный примѣръ самоуничтоженія; двѣ строки въ ней, напечатанныя курсивомъ, уничтожили совершенно всю статью и дитя, такъ сказать, пожрало свою родительницу. Добролюбовъ, изволите ли видѣть, во понятіяхъ «Времени» былъ утилитаристъ, поработалъ искусство житейскимъ, расущнымъ цѣлямъ и поступалъ, конечно, совершенно неосновательно. Отъ всѣхъ эстетическихъ произведеній онъ требовалъ, чтобъ они вѣрно изображали дѣйствительность и удовлетворяли современнымъ потребностямъ общества. Все это вздоръ, говоритъ «Время», «вопросъ не такъ поставленъ», «а дѣло все состоитъ вотъ въ чемъ: искусство всегда современно и дѣйствительно, никогда не существовало иначе и, главное, не можетъ существовать.» Вотъ и прекрасно; стало быть современность и дѣйствительность, безъ которыхъ невозможно искусство, могутъ быть несомнѣнными критеріями искусства. Стало быть Добролюбовъ, ища современности и дѣйствительности въ произведеніяхъ, искалъ искусства; въ чемъ нѣтъ этихъ двухъ качествъ, то и не искусство; стало быть критика Добролюбова была основательна и вѣрна, по крайней мѣрѣ вы сами признаете ея принципы. Стало быть, наконецъ, два печатныхъ листа, написанныхъ противъ Добролюбова, должны обратиться въ небытіе, разлетѣться и лопнуть какъ мыльный пузырь. — Вообще критическій отдѣлъ во «Времени» самый слабый и лучше выходить тѣ статьи, которыя, оставая въ сторонѣ народность, почву и всѣ примирительныя тенденціи, говорятъ о предметахъ просто, безъ всякихъ претензій на оригинальность и безъ всякаго желанія отличиться чѣмъ нибудь во вкусъ «Времени». Впрочемъ я еще возвращусь къ этому отдѣлу, когда буду заниматься моей мылою маской, которая есть первая критиканша во «Времени».

Самый лучший отдѣлъ во «Времени» беллетристическій и самый замѣчательный произведенія въ немъ романъ г. Достоевскаго «Униженные и оскорбленные» и «Записки изъ мертваго дома», его же. Романъ былъ уже подробно разсмотрѣнъ и одѣиенъ въ «Современникѣ», «Записки» же, по своему содержанию, возбуждаютъ живѣйшій интересъ, даютъ много пищи уму и чувству; онѣ лучшее украшеніе «Времени» и самый лучший приговоръ нашему времени вообще. Небольшія же повѣсти и романы во «Времени» — такія же, какъ и въ другихъ журналахъ; особенно рѣзко выдающихся и замѣчательныхъ въ какомъ нибудь отношеніи нѣтъ. Но довольно уже о духѣ «Времени»; надоѣло мнѣ самому возиться съ нимъ, обращаюсь къ конкретному выраженію этого духа, къ моей маскѣ.

Вы, г. Н. Косиц., довольно таки написали статейку противъ «Современника» вообще и противъ меня въ частности; вы, можетъ быть, воображаете, что ваше дѣло кончено и грѣшки ваши не поманутся. Нѣтъ-съ, позвольте; пожалуйста-ко сюда и дайте отчетецъ въ вашей полемикѣ. Любо было вамъ громить «Современникъ» и издѣваться надо мною; я все спускалъ вамъ и долготерпѣлъ вашимъ грѣхомъ, ожидая вашего исправленія; но не всегда же коту масляница, должны же вы наконецъ явиться и предъ лицо правосудія и повергнуть на судъ критики ваши собственные критическіе опыты; — любви кататься, любви и савочки возить. Подождите же немножко, сдѣлайте одолженіе; я слова два скажу съ читателями, а потомъ займусь и вами. — Всякому извѣстно, что «Современникъ» журналъ самый бранчивый, самый дерзкій и рѣзкій; онъ только и занимается что полемикой и въ этой полемикѣ позволяетъ себѣ оскорбительныя выраженія, унижающія человеческое достоинство и заставляющія краснѣть за него его собратьевъ, т. е. другіе журналы, которые и укоряли въ этомъ «Современникъ» многократно. Такое мнѣніе о «Современникѣ» составлено и съ замѣчательнымъ единодушіемъ признано всѣми печатными органами русской мысли, начиная отъ «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ» и оканчивая «Трудами кіевской академіи» и «Сѣверными — Почтой и Пчелой». Другіе же журналы почти вовсе не занимаются полемикой; если въ нихъ и явится иной разъ, по самой крайней необходимости, полемическая статья, то она всегда бываетъ прилична, деликатна, въ высшей степени умѣренна, безъ всякихъ рѣзкихъ и оскорбительныхъ выраженій; а ужъ тѣ статьи, въ которыхъ обличается рѣзкость и бранчивость «Современника»; бывають написаны такъ мягко и нѣжно, такъ осторожно и деликатно, какъ можетъ написать только дема, «прятывая во всѣхъ отношеніяхъ». Далѣе, «Современникъ» всегда нападаетъ на личности; онъ не обращаетъ на малѣйшаго вниманія на личность и ублаженія, потому что онъ нѣтъ

у него самого; главная его цѣль всегда — осифять личность и поглотиться надъ человекомъ. Тогда какъ другіе журналы ни подъ какимъ видомъ не позволяли себѣ личностей, они въ полемикѣ всегда шли въ виду мыслей, однихъ мыслей, и больше ничего; личности для нихъ священны и ни однимъ словечкомъ они не задѣваютъ лица, съ которыми принуждены бываютъ, наперекоръ своему широкостию, вести полемику. Такия убѣжденія всѣхъ журналовъ относительно «Современника» раздѣляли и я, несмотря даже на то, что, по какому-то злому капризу судьбы, въ обращеніи со мною и съ моими статьями журналы, какъ нарочно, отступали отъ тѣхъ преиспостыхъ правилъ деликатности, умѣренности и безличія, которыя они строго соблюдали во всѣхъ случаяхъ. Русскіе критики и полемикъ, обыкновенно такіе спокойные и умѣренные, какъ только дѣло доходило до моихъ статей сейчасъ же приходили въ ярость, начинали зантяться на меня и не иначе говорили обо мнѣ, какъ съ пѣною во рту; мои мысли и убѣжденія отходили на задній планъ и начинала страдать моя несчастная личность. И самъ не знаю, тѣмъ я прогнѣвала другіе журналы, что я имъ сдѣлала такое, что только для меня одного они дѣлають исключеніе изъ своихъ правилъ обращенія, которыми они гордятся и въ отсутствіи которыхъ укоряютъ «Современника»? «Русскій Вѣстникъ», напримѣръ, аллегорически назвалъ меня сумасшедшимъ, поставивъ меня на одну доску съ Иваномъ Яковлевичемъ и назвавъ мои статьи колодецами знаменитаго московскаго пророка. «Отечественныя Записки» прямо назвали меня сумасшедшимъ, нуждающимся въ медицинской помощи. «Время», наконецъ, воо всѣхъ силъ умѣрять, «что я не умѣю мыслить», что я даже и «понятія не имѣю о томъ, что значить мыслить», что я до того обижень природою, что со мною и разсудать незачѣмъ, что «Время» считаетъ «безполезнымъ и напраснымъ» убѣждать меня въ чемъ-нибудь, что и вообще статьи «Современника» «совершенноѣйшая дичь». Я все это выслушивалъ молча, съ терпѣніемъ и смиреніемъ, надѣясь, что журналы оцѣнятъ мое молчаніе, и шаругавились вдоволь, отстануть отъ меня. Въ этой же сладкой надеждѣ я уклонялся и отъ полемики вообще. Написалъ, бывало, противъ меня г. Кошкц. одну статью; я молчу; — другую; и тоже молчу, и т. д. до пятой. А г. Кошкц. отъ этого храбрится еще больше и съ каждой своей новой статьей приближаетъ новую букву къ своему всевладию. Написалъ я рецензію на Кунно-Финнера и пустилъ ее безъ подписи, авось, думая, пройдетъ, не возбудивши полемики; но «Время» какъ будто не выслушаву прощало, что это моя рецензія, и заставило дожили быть того же г. Кошкц. написать самое сильное и поразительное возраженіе противъ ней. Не добившись отъ него съобратія, прибавилъ всего ширеши и широкости я къ шести полемиче-

список статей пишу востъ одну, и спрашиваю у читателей: кто бо дѣе любить великому — написанный ли шесть статей, или одну? И тождь и другой; скажутъ читатели. И: правда. «Отъчужденныя Записки» до-варман, что я «раздѣлъ и дерзость»; я захотѣлъ варкоммодоваться срод-ностию и почтительностью; въ каждой донти статьѣ, я касался чужихъ имѣній, и нигдѣ не указываю кому они принадлежатъ, а ограничи-вался выражавшими: въ некоторомъ: говорятъ, въ некоторомъ думаютъ, одинъ журналъ сказалъ, наши туземные критики утверждали, и т. д.; до вѣтъ: «звукъ слышалъ я слылъ въ виду личности, но не называю нкъ. Нѣсколько разъ я говорилъ даже и о моей маскѣ, но ни однимъ словомъ не указывалъ на то, что она называется: себя. г. Коосиц. и личность во: «Времени». Такими дѣйствіями я надѣялся, застраховать свою личность отъ оскорблений и поруганій; но тщетно: оказалась моя надежда. И вотъ та же моя любовная маска такъ беззащитна и наивна, что въ каждой своей статьѣ прямо глѣзетъ мнѣ въ лицо и въ глаза, притрапая къ моей личности, въ моей описаніи. Г., Антоновичъ не сходитъ у ней съ языка: «г. Антоновичъ зоркій публицистъ», «г. Антоновичъ не умѣетъ мыслить», «г. Антоновичъ не знаетъ глубины жизни», «убѣждать г. Антоновича бесполезно» и т. д. Послѣ этого конечно и мнѣ любовнице было взглянуть на окаянную моего противника; а онъ между тѣмъ резнине: прлаетъ ее подъ маской, за-краиваетъ свое лицо забранами, цытами и двойной вуалью псевдонима, да еще неумолимо во всѣмъ буквами; такъ что я никакъ не могу разглядѣть, кто сирьшается подъ маской, — юное ли лицо публициста, или старческая рѣха какого нибудь зомка, и что написано на этомъ лицѣ — юношеская ли игривость и улыбка, или остарѣлая власть и кидлая гримаса? А притомъ свое либо разглядитъ это и оклюсъ ма-ску. — Изъ такого поведенія журналовъ я вывожу слѣдующее замѣ-чаніе; «Современникъ» находится къ исключительности псевдонима, онъ журналъ оцальній, лишенный тѣхъ нравъ, которыми пользуются другіе журналы. Если кто нибудь назоветъ «Современникъ» пусто-го-ловымъ и пустоозвоннымъ прогрессистомъ, онъ долженъ принимать это названіе, какъ лютый комплиментъ; съ величайшею благодар-ностью; если же онъ назоветъ кого нибудь узкоголовымъ, то это на-званіе, должно считаться величайшимъ оскорбленіемъ человеческой личности. Если «Современникъ» назоветъ дуракомъ некийбто и кого, допредѣленную величину X, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ дуракъ, тогда всѣ должны возмодовель на «Современникъ» за это потерян-ную дерзость и дерзство; если же другіе правы за лично озовутъ нибудь нкъ къ «Современникъ» сумасшедшимъ, босомаселаннымъ, и т. д. — то они должны оветъ это почтеномъ для своихъ личностей, и любить друку, паразитую нкъ. Если: каждая личность своего журна

возрастъ и бравурствуетъ прозвище «Современникъ», то это принимается за доказательство ниродимой скурловости и ихъ свирепости отъ поленкии. Если же «Современникъ» соберется отъѣздить на канавки, то это значитъ только, что онъ бравадишь и дерзокъ и безъ возможности жить не можетъ, что онъ безъ ругательстваго не, что рѣба божь воды, и образованное общество безъ пошлости.

Ну—съ, г. Москв., теперь пожалуйте сюда, сюда поближе; да не угодно ли вамъ снять вашу маску; что вы прячетесь? Вѣдь и не вѣтъ безъ маски; и Антоновичъ, а вы что таковой? Дайте весте бой честный, открытій; снимайте маску и говорите, что за персона скрывается подъ ней. Что вы крутите и режете, какъ вамъ совѣстно? Если вы увѣрены въ себя и въ правоту своего дѣла, то вамъ боится ничего, а ребяческій комозуть нейдетъ въ вашей смелости. И такъ, снимите маску, или я васъ назову трусомъ, такъ и буду говорить — задорилъ, но трусливая шкура! Вы помните подвиги г. Войскобойшикова, подобнее вашимъ; но онъ тоже не скрывался, а шелъ дѣло на рыцарски, прямо и открыто; и вы обязаны поступать такъ же. Но мой почтенный противникъ все плотнее и плотнее надвигаетъ свою маску и прячетъ свою физиономію. Чтѣбъ ослабить подозрѣніе себя въ трусости, онъ дѣлаетъ видъ, будто онъ презираетъ меня и считаетъ меня недостойнымъ созерцать его лицо, сіяющее такимъ блескомъ, котораго не внесетъ мой слабый глазъ: «Негодовать на г. Антоновича», говорить трусливая маска, «я считаю излишнимъ; убивать его — бесполезнымъ; тутъ остается только наблюдать его». Ну, полноте, что вы принижаетесь такимъ гордецомъ, вѣдь это, право, сибирское и къ чему это затнутое презрѣніе? Вы думаете, изъ-за него не предлагать вамъ настоящія чувства ко мнѣ и наши современныя мысли о мораль отагать? Отчего вы исключительно мнинулись на меня и на «Современникъ» вообще? Ужени моя статья такъ злобредна, что онъ требуютъ немедленнаго и сильнаго обличенія, соответствующаго истощеній ядъ, иному вы думаете служить произволеніемъ? Пересмотрите «Самозабурбуринскія Вѣдомости» и другіе газеты, переберите другіе журналы, развѣ тамъ не найдется ничего такого, что заслужило бы болѣе сильнаго опроверженія и болѣе безпощаднаго обличенія, чѣмъ мысль, закопанная мною? А если ужъ нигдѣ нѣтъ статей хуже моей, то во всякомъ случаѣ есть такіе худыя, какъ моя; отчего же вы оставляете меня безъ вниманія, а съ яростію и съ нахмуръ то озлобленіемъ бросаетесь именно на мою статью; чѣмъ я буду да заслужилъ же онъ ваше преимущественное вниманіе. Очевидно, что моя статья сильно надѣлала дѣла; вамъ никакъ не удерживать ее, чтѣбъ не опознать насина; а сильно повестетъ вамъ удержать ее, чтѣбъ не повестетъ мубанин. Да ужъ чего тутъ спрашивать, и поту-

наша борьба со мною, вы надиктуете шрифтовую машинку) одиозность из таинственных матер, значить вы не уверены въ своихъ силахъ, про- это друзья! И я не откажусь отъ этого мнѣнія до тѣхъ поръ, пока вы не сможете мнѣ своего настоящаго имени. «Время» говоритъ: «этой микроскопической фактъ нашего литературнаго міра. Не болтъя «Свѣточа», не болтъя «Инвалида» или «Русскаго Міра», и «Искры» или «Современника» болтъя! Между тѣмъ не всѣ ли члвчвнн равны? Не всякій ли органъ равно достоинъ уваженія? Давно одному юристу предъ другимъ большее значеніе, — не значить ли много, передъ всею публикою появляться авторитетамъ; принести жертвы идеаламъ? Видите, какія прекрасныя правоченія умѣютъ составлять «Время» для другихъ. А между тѣмъ на его же собственныхъ страницахъ что-то стоило конферентовъ этого микроскопической фактъ; и это для себя должно-приверочъ приводило прекрасное правоченіе. Протвнъ «Свѣточа», «Инвалида»; «Русскаго Міра»; «Время» не написало ни одной статьи, а протвнъ «Современника» она напечатала или шестнадцать, не только въшедшихъ книжкахъ; въ иной книжкѣ болтъя даже не двѣ статьи, не говоря уже о томъ, что каждая критическая статья «Вре- мени» хоть мнѣхолодомъ непремѣнно садѣвала «Современнику». Не значить ли это передъ всею публикою покланяться авторитетамъ и принести жертвы «Современнику», своему идолу? Какъ вы отъбѣжите на этотъ вопросъ? Въ томъ-то и дѣло; что не всѣ мнѣнія и органы равны; одно мнѣніе бываетъ живое и умное, а другое-идиотское и глу- бое; тѣмъ такъ различны бываютъ и органы. Иной повеситъ такую ахилесу, что ее и опровергать не стоить; разбавить ее вась, но ее бранить и на зоруву у вась не конюнетъ. А другой скажетъ объ вась только нѣсколько словъ, и эти слова впечатлѣтъ въ вани мозгъ и уведѣтъ вась въ самое сердце. Вотъ почему вы и поставили для себя спеціальную задачу ратовать протвнъ «Современника», и жарено вы это называете идеолопомонствомъ. — Тутъ констаетъ только на- бледать его», т. е. г. Антоновича. Подумайте; ну стоить ли наблю- денія такой ничтожной члвчвнн, какимъ вы хотите выставить мнѣя; зачѣмъ утруждать вашъ умѣнціи-малытъ умъ и вани драгоценное вниманіе такими мелочами; какъ вашъ статья? Вы бы могли выбрать предметъ для вашихъ наблюденій, болтъя достойный вашихъ высокнхъ способностей; отчего бы вамъ не заняться наблюденіями, хоть бы на- примѣръ, надъ г. Страховымъ; — это субъектъ дѣйствительно интерес- ный; согласитесь, вѣдь любопытно было бы узнать, какъ устроена го- лова и до какой степени искусно работаетъ мысль у члвчвнн, который существованіемъ житедей на двдцатѣхъ лѣтахъ доказываетъ те, что они живы не-существованіемъ. Подобаякъ-курбавать вы нѣ за что не отыщете въ моихъ статьяхъ, ручаюсь вамъ. Члвчвнн, не умѣющій мыслить, вы-

сказываетъ по вашему вздорныя мысли, и охота же вамъ опровергать ихъ, вы бы просто прошли ихъ молчаніемъ и наказали презрѣніемъ. А вы, напротивъ, пишете реплики не только противъ его большихъ статей, но даже не оставляете безъ вниманія его рецензій и замѣтокъ. Стало быть, что нибудь же да значать онъ и для васъ, и порядочную работу задаютъ вашему мозгу, такъ что вы наконецъ начинаете жаловаться на трудность жизни и трудность яснаго и вѣрнаго понятія о вещахъ. Тутъ ужь плохо надѣвать на себя личицу презрѣнія; вы въ ней смѣшны; снимите ее, да ужь снимите и маску: не бойтесь, я не буду касаться вашей личности и бранить ваши способности не стану, напротивъ я даже расхвалю ихъ.

Г. Косицъ, моя прекрасная, хоть и трусливая маска, человѣкъ замѣчательнаго ума и необыкновенныхъ способностей; онъ обладаетъ обширнымъ философскимъ образованіемъ, знаетъ исторію философіи, принадлежитъ къ числу послѣдователей послѣдняго представителя человѣческой мысли, знаетъ даже нѣмецкій языкъ до того хорошо, что можетъ переводить съ него самъ. Въ концѣ одного изъ его критическихъ писемъ припечатано слѣдующее: «P. S. Мѣста изъ Гайма не заимствованы мною изъ перевода г. Соляникова, а переведены мною самимъ». Вонъ какая голова мой противникъ! Онъ самый даровитый и лучший изъ всѣхъ критиковъ, пишущихъ во «Времени»; онъ украшеніе, опора, надежда и тяжелая артиллерія «Времени», которое выдвигаетъ ее во всѣхъ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ и стрѣляетъ изъ нея по «Современнику» и по моимъ статьямъ (какая честь для меня!);—а остроумія у моего противника столько, сколько, кажется, еще ни у кого не бывало. Что мои отзывы о моемъ противникѣ нисколько не преувеличены, это покажетъ разборъ его статей. — На мою статью о Гегелѣ г. Косицъ напечаталъ въ 9 № «Времени» критику, подъ заглавіемъ «Объ индюшкахъ и о Гегелѣ». Каково остроуміе! Но погодите, дальше будетъ еще не то; тамъ пойдетъ глубокомысліе. Я издѣвался, видите ли, надъ примѣчаніями редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» къ переводу книги Гайма о Гегелѣ; эти примѣчанія были въ самомъ дѣлѣ безтолковы. По этому случаю моя маска говорить вотъ что:

«Г. Антоновичъ съ такимъ высокоуміемъ и поношеніемъ отзывается о замѣчаніяхъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», которая осмѣлилась прибавить нѣсколько своихъ строкъ къ переводу Гайма. Къ сожалѣнію, возраженіе г. Антоновича такъ же темно, какъ побѣда Гайма надъ Гегелемъ (уже ли и она темна для васъ?). Г. Антоновичъ различаетъ то, что смѣшала редакція, именно *какіе-то два рода категорій*: одніе, какъ онъ выражается, *обыкновенныя*, а другія *выродят-*

не необыкновенны; одинъ у него категоріи въ смыслѣ Канта, а другія оригинальны гегелевскія; послѣднія онъ раздѣляетъ мнимо самостоятельными, такъ что первыя будутъ действительно самостоятельными. Очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка — различить два рода категорій! Конечно, г. Антоновичъ полагается на довѣріе читателей къ своему авторитету, но намъ очень жаль, что онъ не счелъ нужнымъ объясниться обстоятельнѣе.

Вы видите, какъ все это умно и осторожно! Г. Косицъ думалъ про себя: «какое же можетъ быть различіе между категоріями? Ужъ коли они категоріи, такъ должны быть одинаковы и у Канта, и у Гегеля; на то они и называются одинаково. Различіе ихъ есть вѣрнѣе оригинальная выходка Антоновича; онъ же не знаетъ философіи, какъ говорятъ «Русскій Вѣстникъ» и «Отечественныя Записки» — журналы ученые. Дай-ка я опровергну это различіе между категоріями и докажу, что Антоновичъ не знаетъ философіи». Но глубокий умъ моего противника не остановился на этой мысли; ему тотчасъ же пришло въ голову другое соображеніе: «ну, а что если это различіе действительно, если оно составляетъ философскую азбуку и вѣрно всякому, кто хоть мало-мальски знакомъ съ логикой, тогда дѣло выйдетъ скверно. Нѣтъ, лучше пуститься на хитрости; я поколеблю въ читателяхъ довѣріе къ словамъ Антоновича и брошу тѣмъ на нихъ, какъ будто бы они не вѣрны. Если меня и уличатъ въ хитрости, не бѣда; вѣдь меня никто не узнаетъ, я подъ маской». Вслѣдствіе всѣхъ такихъ соображеній мой противникъ пошелъ ощущею, боюсь каждую минуту провалиться, и свою критику на мои слова формулировалъ такимъ образомъ: «очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка — различить два рода категорій!» А вы ихъ не различаете, для васъ онъ *какія-то неизлѣчимыя вещи?* Жаль. Когда я предлагалъ вамъ вопросы о «почвѣ», вы отвѣчали мнѣ: «поучитесь сами». Я же буду любезнѣе васъ, не такъ отвѣчу вамъ насчетъ категорій; а поучу васъ и объясню вамъ то, чего вы не знаете. Различіе между кантовскими и гегелевскими категоріями есть, и очень большое. Но понятія Канта категоріи субъективны и формальны, а по понятіямъ Гегеля онѣ объективны и реальны. Вы скажете, что это недостаточно и требуетъ обстоятельныхъ объясненій; — извольте. Слушайте. Если вашъ носъ, напримѣръ, сидитъ на вашемъ лицѣ и растетъ тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, то онъ носъ обыкновенный; онъ принадлежитъ вашему субъекту, онъ не имѣетъ самостоятельнаго бытія, жизнь его зависитъ отъ общей жизни вашего организма. Но если оторвать этотъ носъ и посадить его на мечъ, идѣ нибудь въ горнищѣ, и онъ тамъ будетъ расти, то, согласитесь сами, все будетъ носъ необыкновен-

ный, оригинальный; онъ самъ есть субъектъ, имѣеть дѣйствительное самостоятельное бытіе; онъ живетъ своею жизнью, независащею отъ вашего организма, и потому онъ самостоятеленъ; но его самостоятельность мнимая, потому что на самомъ дѣлѣ ность никогда не можетъ расти въ горшкѣ, безъ организма. Такое же различіе, какъ между этими двумя носами, существуетъ и между кантовскими и гегелевскими категоріями. По Канту, категоріи существуютъ въ головѣ чловѣка, какъ ность на вашемъ лицѣ; онѣ принадлежать чловѣку, какъ субъекту, составляютъ формы его мышленія, при посредствѣ ихъ онѣ мыслить о предметахъ; не будь чловѣка, не было бы и категорій. Какъ видите, это категоріи *обыкновенныя*, какъ обыкновененъ ность на лицѣ; онѣ *не самостоятельны*, живутъ жизнью, зависащею отъ общей психической жизни чловѣка. По Гегелю же, категоріи принадлежать не чловѣку, не чловѣческому мышленію; онѣ существуютъ не въ головѣ чловѣка, а внѣ ея, гдѣ-то вообще въ области абсолютнаго бытія, какъ ность въ горшкѣ; и слѣдовательно, также какъ послѣдній, онѣ *необыкновенны и оригинальны*. Онѣ не имѣютъ никакого отношенія къ чловѣку, живутъ до него и безъ него, не зависятъ отъ его психической жизни; посредствомъ этихъ категорій не чловѣкъ мыслить о предметахъ, а такъ-сказать сами предметы мыслятъ о себѣ (*Selbstreflexion der Sache*), или мышленіе мыслить само себя (*die Reflexion sich selbst beschreibe*, какъ выражается Гегель, — вы понимаете по-нѣмецки). Это мышленіе не чловѣческое, а свое собственное, *самостоятельное*; и категоріи его поэтому *самостоятельны*, какъ увѣряетъ Гегель. Но эта ихъ самостоятельность *мнимая*, потому что на самомъ дѣлѣ мышленіе невозможно безъ мыслящаго субъекта, какъ ность не можетъ расти въ горшкѣ, безъ организма чловѣческаго. Очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка — смѣшивать такіа два различныа рода категорій! Теперь повали? ну и на здоровье; вамъ, какъ послѣдователю Гегеля, это нужно знать. — Въ другомъ мѣстѣ моей статьи я, чтобъ разъяснить гегелевское понятіе о реальности мысли, привелъ сравненіе: если вы въ карманѣ мысленно положите сто рублей, то по обыкновенному понятію вы ничего не положите, онѣ абсолютно пусть; а по Гегелю въ немъ находится мысль, которая, по его понятіямъ, реальна и дѣйствительна, составляетъ предметъ самостоятельный. Г. Косицъ находитъ это сравненіе оскорбительнымъ для Гегеля и говоритъ, «что г. Антоновичъ еще не годится для того, чтобы писать о Гегелѣ». Вотъ те-то и есть: если бы вы внимательно прочли, не говорю ужъ самого Гегеля, а хоть только мою статью объ немъ, вы бы узнали, что самъ Гегель употребляетъ подобныа сравненія. Онъ говоритъ, цитируя: «шир-

ничья сама по себѣ не можетъ убить человѣка, но онъ производитъ это дѣйствіе только вслѣдствіе полученной имъ скорости, то есть человѣка убиваетъ пространство и время» (der Mensch wird durch Raum und Zeit todtesgeschlagen. Encyclopedie. 1845. s. 218). Пространство и время—это формы мысли; а если мысль можетъ убить человѣка, то, конечно, ее можно положить и въ карманъ, особенно еще въ сравненіи, приведенномъ для ясности. Какъ по поводу категорій, такъ и въ этомъ случаѣ, г. Косицъ обнаружилъ незнаніе самой оригинальной и характеристической черты въ ученіи своего учителя, его понятія о реальности и объективности мысли. Такое же незнаніе обнаружилъ и нашъ философъ, г. Страховъ, говоря: «мы находимся здѣсь (ужь не знаю гдѣ) въ области мысли, а не въ области дѣйствительности». Г. Лавровъ замѣтилъ: «неужели гегельянецъ могъ дерзнуть пронаести эту фразу? И тѣнь Гегеля не предстала во гнѣвѣ предъ сретникомъ, оскорбляющимъ самую святыню гегелизма? И не стокнулъ строгій учитель своего ученика на низшія ступени своей діалектической дѣятельности?» Замѣчаніе совершенно вѣрное; съ точки зрѣнія гегелизма мысль такъ же дѣйствительна и реальна, какъ и все на свѣтѣ, даже еще дѣйствительнѣе того, что мы называемъ дѣйствительностью, которую такимъ образомъ никакъ нельзя противопоставлять мысли. И вы, г. Косицъ, страдаете недугомъ г. Страхова: вы оба не поняли своего учителя. — Вотъ видите, моя прекрасная маска, не разобравши дѣла, вы приврались къ моей статьѣ, не сказали ничего дѣльнаго противъ нея, кромѣ бездѣльныхъ фразъ, и затѣмъ читаете мнѣ назиданіе, «что никакъ не позволительно писать о философіи, когда ее не знаешь»; зарубите же теперь вы себѣ на носу это замѣчаніе и, не зная дѣла, не позволяйте себѣ фразировать объ немъ. Вы говорите, что я не гожусь для того, чтобы писать о Гегелѣ. Теперь я имѣлъ бы полное право сказать вамъ, что вы не только не годитесь для того, чтобы писать о Гегелѣ, но даже и для того, чтобы писать обо мнѣ. Но я этого не скажу, а говорю вамъ: пишите, пишите противъ меня; статьи, подобныя вашимъ, будутъ всегда напоминать мнѣ, что есть господа даже между пишущей братіей, которымъ нужно все не только разжевать, но еще и въ ротъ положить, что я и ихъ долженъ имѣть въ виду.

Теперь посмотримъ-те, что сказалъ г. Косицъ противъ моей статьи о «почтѣ». Прежде всего онъ занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, съ жаромъ или безъ жару написана моя статья? Что за вопросъ такой, вѣдь это смѣшно, право; вы бы еще спросили, гусинымъ, или стальнымъ перомъ она написана? Вотъ я бы поставилъ вопросъ относительно вашихъ статей: со смысломъ, или безъ смысла онѣ напи-

самы? Это было бы гораздо лучше; но я не ставлю такого вопроса и не буду его рѣшать. Г. Косиц. на дѣльце полнѣта рѣшился о жарѣ: «Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, вы теперь уже догадаетесь, какой злодейскій упрекъ я намѣренъ сдѣлать статьѣ г. Антоновича: именно, что я хочу упрекнуть ее въ отсутствіи жара». Удивительный упрекъ! я онъ еще самый злодейскій. И затѣвъ на двухъ страницахъ идеть пресерьбное разсужденіе о томъ, что такое жаръ «и нѣтъ доказательствъ отсутствіе его». Затѣвъ снова поднимается вопросъ: «можетъ быть вы воображаете, милостивый государь, что г. Антоновичъ обругиваетъ нѣкоторый жаръ». И опять отрицаніе во мнѣ жара и разсужденія о томъ, что я еще молодъ, что отъ меня скрыта таинственная глубина жизни и т. д. Тогдаже на половинѣ статьи маска наконецъ опонилась, собразила свою неловкость и назойливость съ жаромъ и откровенно сказала: «очень жаль, что нѣтъ такимъ образомъ все приходится говорить о г. Антоновичѣ, а не о самомъ дѣлѣ». Вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, жалости достойно, въ томъ-то и несчастіе мое, что «самое дѣло» для васъ предметъ второстепенный, вамъ хочется «все говорить» обо мнѣ. Антоновичъ и «Современникъ» вообще стѣтъ у васъ поперегъ въ горлѣ, безъ него въ ничего не можете сказать и онъ самъ не сходитъ у васъ съ языка. «Современникъ» для васъ стекло, сквозь которое вы смотрите на міръ; заколдованный кругъ, изъ котораго вы никакъ не можете выбиться. О чемъ бы ни зашла у васъ рѣчь—о наукѣ, объ искусствѣ, о житейскихъ вопросахъ, о бантиристическихъ произведеніяхъ, вы тотчасъ же бросаетесь на «Современникъ» и начинаете колесить вокругъ мыслей и возрѣній изъ высказанныхъ; почти къ каждой статьѣ вашей вы приплѣтаете «Современникъ». Если вы вздумаете заператься въ этомъ, я въ слѣдующей статьѣ докажу все это выписками. Вычеркните ваши раздражительныя статьи и потомъ статьи написанныя противъ и по поводу «Современника», и вы увидите, какъ бѣдно содержаніе вашего журнала. Явился, напримѣръ, послѣдній романъ г. Тургенева; вы и не знаете, что подумать и что сказать объ немъ; сидите си ждете. Наконецъ явилась моя статья объ немъ; она послужила для васъ калейдоскопомъ и задава тонъ вашей статьѣ; не самый романъ, а моя статья была тѣмою вашихъ разсужденій о романѣ; вы говорили не о самомъ дѣлѣ, а «все» обо мнѣ; вы возлились съ мыслями, высказанными мною, и никакъ не могли выбиться изъ сферы понятій, очерченныхъ мною; помимо и внѣ «Современника» вы не могли взглянуть на романъ и найти на него другой точки зрѣнія, кромѣ той, которая была указана; вы отрицали ее, но все-таки исключительно возлились съ нею и чего нибудь новаго сказать не могли. Кромѣ меня, о романѣ

г. Тургенева писала, напримѣръ, г-жа Евгенія Туръ; отчего же вы не обратили вниманія на ея статью, хоть бы изъ уваженія къ тому, что авторъ ея — дама. Такъ нѣтъ же, вы бросились прямо на меня и занялись моею статьею. Не есть ли и это «микроскопическій фактъ литературнаго міра», надъ которымъ вы сами же остряли. «Не значить ли это явно, передъ всею публикою, поклоняться авторитетамъ, приносить жертвы идоламъ?» «Время» воображаетъ, что и весь міръ также благоговѣетъ предъ «Современникомъ», какъ оно, и увѣряетъ, что и г. Тургеневъ написалъ свой романъ для «Современника», изобразилъ въ немъ «Современникъ» въ видѣ Базарова, и изобразилъ для того, чтобы показать «Современнику», что онъ понимаетъ «Современникъ» даже лучше самого «Современника». «Современникъ» для «Времени» какой-то всеобщій центръ мысленнаго тяготѣнія; это, конечно, мѣсто для «Современника», но невѣрно и преувеличено. Ужь если пошло дѣло на изображенія, то въ романѣ изображенъ не одинъ «Современникъ», но изображено и «Время» въ видѣ старой дѣвицы, княжны Х...ой, которой все существованіе ограничивалось тѣмъ, что она сидѣла на креслѣ, злилась на Базарова до того, что у нея дрожали чепцы или ленты на головѣ — не помню что; злость свою на Базарова она изливала передъ своими служанками, и брань ея выражалась только въ одномъ безсмысленномъ словѣ: «оголтѣлый». Подобно своей представительницѣ Х...ой, и «Время» существуетъ только тѣмъ, что бранить «Современникъ», то есть Базарова, и свою злостную брань выражаетъ фразой: «оторвавшійся отъ почвы», которая имѣетъ столько же значенія, вѣрности и смысла, какъ «оголтѣлый». — Даже вотъ о «почвѣ», своей специальности, вы стали разсуждать только вслѣдствіе побужденій отъ «Современника». Какъ бы презрительно вы ни отзывались о моей статьѣ о «почвѣ, но дѣло говоритъ само за себя; вы написали по поводу ея двѣ статьи, были надъ рѣшеніемъ моихъ вопросовъ и по моей милости задумались надъ «почвою» такъ, какъ никогда не думали прежде до моей статьи; агрономія и органическая географія видно и въ голову вамъ не приходили. Какой же еще упрекъ дѣлаетъ г. Косиц. моей статьѣ, кромѣ главнаго — отсутствія жара? Онъ напалъ еще на слѣдующее мѣсто ея, которое онъ приводитъ съ курсивными заплатами своей выдѣлки.

«Наша почва дѣвственна, первобытна и наивна (вы хотите сказать: глупа?) въ своихъ воззрѣніяхъ; она когда-то случайно заимствовала большую часть ихъ на сторонѣ, нѣкоторыя (немногія?) придумала сама по своему вкусу (трубому?), да такъ и остается съ ними неподвижно (давно ли же она потеряла производительности?), потому что никогда не

имѣла случая (ну какъ не быть случаями!) сознательно испытать и разобрать ихъ. Народъ не задумывался надъ своими убѣжденіями (впрямую по тупости), ничто ихъ не колебало, сомнѣніе собственное или возбужденное со стороны никогда не закрадывалось въ его голову (а расколе?). На нашей почвѣ не было и нѣтъ тѣхъ колебаній и движеній, которыя пережили европейскіе народы. Незначительное большинство образованныхъ людей успѣло усвоить себѣ результаты, добытые Европою. Наша же почва находится въ совершенномъ невѣдѣніи этихъ результатовъ (следовательно — ~~она~~ же въ ней есть?).»

Эти слова онъ хотѣлъ опровергнути такимъ манеромъ:

«Коротко и ясно», говоритъ маска. «На нашей почвѣ не выросло ничего; она осталась первобытною. А въ Европѣ выросло кое-что. И следовательно тамъ, гдѣ у насъ не посажено и не посажено что-нибудь европейское, тамъ уже ровно ничего нѣтъ, голая земля. Замѣтьте, съ какимъ убійственнымъ равнодушіемъ говоритъ это г. Антоновичъ; признаюсь, еслибы я имѣлъ подобныя мысли, я пришелъ бы въ совершенное отчаянье. Вѣдь что онъ говоритъ? Чтобы показать, что на нашей почвѣ ровно ничего нѣтъ (что вполне равняется отсутствію почвы), онъ выставляетъ на видъ, что «наша почва находится въ совершенномъ невѣдѣніи результатовъ, добытыхъ Европою». А я васъ спрашиваю, кто же знакомъ съ этими результатами? По моему мнѣнію, на примѣръ, г. Антоновичъ находится въ совершенномъ невѣдѣніи большей части результатовъ, добытыхъ Европою. Следовательно и онъ далеко отъ степени плодородной почвы. А что же такое передъ нимъ мужикъ, простой мужикъ? Бесплодный камень, песокъ, на которомъ не растутъ ни былинки. Чувствуете ли вы теперь, въ какой пустынь вы живете? (А я скажу вамъ: мы выжили всю цивилизацію, испробовали ее опытъ, она узка для насъ: имѣть ее — для насъ слишкомъ жидко даже обидно).

«Не вѣрить г. Антоновичъ въ почву, не признаетъ онъ ея законовъ. Эти печальныя убѣжденія онъ излагаетъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ.»

И, изъ-за чего человекъ поднимаетъ шумъ и гамъ, рожаетъ плачь? «Убийственное равнодушіе, невозмутимое равнодушіе!» Я предлагаю убивать людей, подобно тому, какъ г. Страховъ галъ уничтожить всѣхъ жителей планеты. Вникните хорошенько въ смыслъ моихъ словъ; я вѣдь употребляю ихъ не безъ разбора. Для характеристики «почвы» я употребилъ выраженія, чающія качества, которыя допускаютъ измѣненіе и развитіе силъ. вставилъ сюда свои слова, выражающія качества, неспособныя къ развитію, и на основаніи своихъ словъ началъ опровергать мои слова. Ну, не нахальство ли это? Я говорю: «почва» первобытна, с

быть она может выйти из первобытнаго состоянія и развиться; изъ наивной она может сдѣлаться серьезною и умною. Г. Косицъ говоритъ за меня: «почва» глупа, стало быть она неспособна къ развитію; мысль моя отъ его прибавки совершенно измѣняется. Я говорю, народъ не задумывался надъ своими убѣжденіями, потому что еще не развился до сомнѣнія; стало быть, когда онъ разовьется, непременно задумается. Г. Косицъ прибавляетъ, не задумывался по тупости; оный мой смыслъ измѣненъ; потому что тупость никогда не разовьется до сомнѣнія. Поймите же, что мои слова не то, что были фразы о жизненномъ эликсирѣ, *regretuum mobile* и т. д.; вмѣсто послѣднихъ можно поставить десятки фразъ, какъ я и сдѣлалъ; но отъ этого ваша странная мысль не измѣнилась ни на волосъ. Мои же слова о «почвѣ» точны; вы не имѣли права замѣнять ихъ другими; а вы замѣнили, и совершенно извратили смыслъ отрывка моей статьи. Какъ васъ называть за это? А какъ васъ еще назвать за то, что вы опровергаете мысль, заключающуюся въ моемъ отрывкѣ, и въ то же время сами высказываете такую же мысль? Я говорю: «наша почва первобытна и наивна, она не задумывалась надъ своими убѣжденіями, остается неподвижно съ ними»;—мои слова возмутительны и убійственны. «Время» же говоритъ: «предоставленный самому себѣ, нашъ народъ космилость отъ невѣжества»; развѣ эта мысль не походитъ на ту, которая только подробнѣе развита мною? опредѣлите качества коснѣнія въ невѣжествѣ и вы должны будете повторить мои слова о «почвѣ»; стало быть и «Время» возмутительно и убійственно, какъ я. Далѣе, я говорилъ: «наша почва находится въ совершенномъ невѣдѣніи результатовъ добытыхъ Европою»; мои слова равняются полному отсутствію «почвы». «Время» почти буквально повторяетъ мою мысль: «нашъ народъ, говоритъ оно, совершенно лишень всякаго участія въ общечеловѣческихъ результатахъ европейской цивилизаціи»; это ужъ, видите, равняется полному присутствію «почвы!» И вы не краснѣете? видите же, что это называется безсмысліемъ и совершеннѣйшъ непониманіемъ — опровергать въ другихъ мысль, которую самъ раздѣляешь, и приходитъ въ ужасъ отъ словъ другаго, которыя потомъ въ какомъ же смыслѣ произносишь самъ.—Наконецъ у васъ, г. Косицъ, хватило совѣстливости или сообразительности на то, чтобы воть смыслъ моей статьи, и судить по цѣлой статьѣ, а не по одному отрывку. Въ концѣ статьи я писалъ воть что:

«Говорятъ, крестьяне очень неохотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школу и даже умоляютъ распространителей грамотности, чтобы они брали ихъ изъ себѣ, а оставляли у нихъ дома безъ всякаго ученія, чѣмъ и обнаруживаютъ грубое непониманіе пользы и важности ученія. Еще бы; очень понятно, что посылая мальчика въ школу,

крестьянинъ лишается рабочаго и помощника въ работѣ, и ему угрожаетъ опасность добыть хлѣба въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ какое требуется для его продовольствія и пропитанія, — значить, ему угрожаетъ болѣе или менѣе сильный голодъ. Крестьяне не имѣютъ никакихъ особенныхъ предубѣжденій противъ школъ и ученія, они лучше нашего понимаютъ пользу грамотности и ученія; они просто боятся, что дѣти ихъ, учась премудрости въ школахъ, будутъ ѣсть хлѣбъ, не добывая его, и такимъ образомъ всю семью повергнуть въ голодъ. Дайте крестьянину рабочаго, который бы дѣлалъ то, чѣмъ обыкновенно занимаются дѣти, или же уменьшите количество требуемой отъ него работы настолько, чтобы онъ вовсе не нуждался въ лишнемъ рабочемъ, тогда онъ съ большимъ удовольствіемъ и готовностью станетъ посылать дѣтей въ школу. — Если бы каждый членъ почвы имѣлъ порядочный капиталецъ, повѣрьте, онъ не поспешилъ бы для того, чтобы научить дѣдей своихъ уму-разуму и даже, пожалуй, разнымъ заморскимъ и господскимъ наукамъ; онъ охотно покупалъ бы и книжки и картины, въ свободное время позанимался и полюбовался ими, что онъ и теперь дѣлаетъ по мѣрѣ возможности; и тогда образованіе почвы пошло бы гораздо скорѣе, и сближеніе съ почвою было бы гораздо успѣшнѣе. — Когда сообразишь все это, то становится какъ-то особенно и безовоко требовать отъ народа усиленной грамотности и усиленнаго образованія, особенно еще когда слышишь, что отъ него въ тоже время требуютъ усиленнаго труда и работы механической; и даже приходится удивляться, что въ народѣ, при теперешнемъ его положеніи и многочислыхъ средствахъ, все-таки есть грамотные люди. Должно быть, ужъ очень сильна была у нихъ охота къ грамотѣ и чтобы научиться ей, они употребляли сверхъестественныя, нечеловѣческія усилія. Верхній слой нашего общества находится въ относительно лучшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ почва, и болѣе обезпеченъ, чѣмъ она: естественное дѣло, что сытый голоднаго не разумѣетъ. Мы требуемъ отъ народа грамотности и образованія, воображая, что это требованіе также удобоисполнимо для него, какъ и для насъ, что ему, такъ же точно, какъ и намъ, нужно только имѣть для этого добрую волю и прилежаніе; но мы упускаемъ изъ виду то, что народъ находится совершенно въ другихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, что ему частенько приходится страдать отъ голоду и холоду, что для его образованія недостаточно еще одной охоты и прилежанія.»

Спрашиваемъ послѣ этого, не г. Косиц., а читателей, гдѣ же у меня убійственность, равнодушіе, невѣріе въ «почву», вѣра въ ту-пость народа и другія беззаконія, взведенныя на меня г-мъ Косиц.? Посмотрите въ «Современникѣ» статью о бюджетѣ; въ ней доказано, что вся тяжесть податей и повинностей лежитъ на простомъ народѣ, а пользуются ими высшіе классы. Я и говорилъ, что народъ въ матеріальномъ отношеніи хуже поставленъ, чѣмъ образованные классы; оттого ему и учиться труднѣе. (Видите, г. Косиц., двѣ разных

статьи о самыхъ разнородныхъ предметахъ, а мысль одна). На это «Время» возражаетъ, что у насъ много матеріальныхъ благъ, а если гдѣ и мало, то народъ долженъ довольствоваться малымъ, а все-таки долженъ учиться и стремиться къ идеальнымъ благамъ: «вы говорите о нуждахъ, упрекаетъ насъ «Время», но люди всегда показывали способность терпѣть, не жадничать и быть довольными малымъ». Отчего же народъ невѣжественъ, отчего онъ не развитъ? Я говорю оттого, что онъ находится въ невыгодныхъ вѣдшихъ и матеріальныхъ условіяхъ; вы опровергаете мою мысль, даете понять, что онъ невѣжественъ по собственной волѣ и по собственному невѣжеству. Отчего же вы образованны, отчего у васъ явилась потребность и возможность развитія? Я говорю, опять-таки оттого, что ваше матеріальное положеніе лучше, оттого, что вы имѣли средства къ образованію, какихъ нѣтъ у народа. Будь вы въ такомъ же матеріальномъ положеніи, какъ народъ, вы были бы такъ же невѣжественны, какъ онъ, не знали бы нѣмецкаго языка и не могли бы переводить съ него сами. И съ другой стороны, будь у народа такія средства, какъ у васъ, онъ былъ бы еще образованнѣе васъ, онъ переводилъ бы самъ съ китайскаго даже. Сколько денегъ потрачено на ваше образованіе, и есть ли ихъ столько у каждаго члена «почвы»? Вы учились премудрости въ святилищахъ наукъ; но что сказали бы сиволапому мужику, еслибъ онъ явился къ этимъ святилищамъ? Его вытолкали бы оттуда. Да пусть не сиволапый мужикъ, а какойнибудь приличный господинъ явится въ то святилище, гдѣ вы были,—и его вытолкаютъ, если онъ не обладаетъ извѣстными исключительными условіями. Вотъ почему вашъ 2-й пунктъ мы ставимъ на первое мѣсто и требуемъ прежде всего матеріальнаго благосостоянія. А вы возражаете мнѣ и говорите: «вопросъ о матеріальномъ благосостояніи поднятъ уже давно; о немъ говорится въ евангеліи, и сказано тамъ именно слѣдующее: *ищите прежде царствія Божія, и вся сія приложатся вамъ*. Мнѣ кажется, и нынѣ нѣтъ нужды измѣнять этого рѣшенія». Совершенно справедливо; но я опять-таки спрашиваю васъ: что же, — вы какіе нибудь счастливицы, щедро надѣленные природой, или избранники и первенцы природы, — что вы ищете и нашли царствіе Божіе? отчего же народъ не ищетъ и не искалъ его? Если у него были всѣ вѣдшія условія для этого, то вина должна пасть на ограниченную и несчастную натуру народа. Вотъ видите ли, вашъ-то взглядъ въ существѣ дѣла очень оскорбителенъ для народа, а на словахъ вы распинаетесь за народъ и приходите въ ужасъ отъ моего убійственнаго взгляда, который вовсе неубійствененъ. — Затѣмъ г. Косиц. самъ ищетъ всеобщую причину человѣческихъ бѣдствій и средствъ къ ея устра-

нению. И посмотрите, что у него за лень, отчетливость и вѣрность мыслей!

«Люди», говоритъ онъ, «всегда были, есть и будутъ идеалистами (т. е. гегельянцами, или фишеристами?). Идеализмъ (вы хотите сказать: ерунда?) составляетъ весь корень (нѣтъ, половину) человѣческихъ бѣдствій. Въ этомъ взглядѣ заключается одно изъ глубочайшихъ открытій нашего времени (бѣдное время!). Если же корень за въ этомъ, то и излеченіе этого зла должно начаться съ этого корня. Отсюда понятно, почему многіе пришли къ мысли, что нужно разрушить идеализмъ. Но его разрушать не нужно. Большой идеализмъ долженъ быть не уничтоженъ, а превращенъ въ здоровый. — Міръ управляется идеализмомъ; какъ бы ни были крѣпки различныя силы, входящія въ игру жизни, власть и господство принадлежитъ той силѣ, которая всѣхъ крѣпче и одна непобѣдима, — идеализму. Уже изъ того, что величайшее зло, какимъ страдаютъ люди, происходитъ отъ идеализма, противники идеализма должны были бы понять, что идеализмъ есть величайшая сила, какая дѣйствуетъ въ человѣческой жизни. Въ этой силѣ заключается самое могущественное и единственное средство исцѣленія и возрожденія. Какъ прежде, такъ и нынѣ исцѣлить и спасти міръ нельзя ни хлѣбомъ, ни порохомъ и ничѣмъ другимъ, кромиъ благой вѣсти (а безъ хлѣба можно?).»

Все это хорошо, но мало; вы бы могли сказать еще: идеализмъ есть пружина, управляющая человѣческими дѣйствіями, рычагъ, движущій міромъ, всеобщее тяготѣніе нравственнаго міра, связь, объемлющая разумныхъ существъ. Онъ есть большой корень, источникъ, начало, почва, исходный пунктъ, точка опоры и инициатива всѣхъ золъ. Онъ же вмѣстѣ съ тѣмъ есть вѣрнѣйшее средство, дѣйствительнѣйшее лекарство, всеобщее врачество, панацея, жизненный эликсиръ и *perpetuum mobile* всѣхъ золъ. Но всѣ ваши ораторскія рѣчи объ идеализмѣ суть не что иное, какъ пустыя фразы, потому что вы не сказали самаго главнаго, именно: что это за птица такая, вашъ идеализмъ? Съ идеализмомъ у васъ случилась исторія еще хуже, чѣмъ съ почвой. Теперь я спрашиваю васъ, что такое идеализмъ? — и другіе вопросы не предложу; посмотримъ, какъ-то вы справитесь съ идеализмомъ безъ моихъ разъясняющихъ вопросовъ. Огвѣчайте пожалуйста безъ метафоръ и аллегорій, а просто; не отговаривайтесь тѣмъ, что я не пойму вашихъ отвѣтовъ; не вздумайте ссылаться на какія нибудь обстоятельныя статьи объ идеализмѣ; если онъ у васъ есть, приведите въ другой разъ мѣста изъ нихъ и сдѣлайте ясное и точное опредѣленіе идеализма. А до тѣхъ поръ я имѣю полное право называть вашъ идеализмъ ерундою, потому что дѣйствительно въ ерундѣ можетъ заключаться «весь корень человѣческихъ бѣдствій».

И такія—то статьи пишетъ первый, самый лучший критикъ «Времени»! Онъ самъ, бѣдняжка, стыдится своихъ статей и боится компрометировать ими свое имя, прячется подъ псевдонимомъ и надеваетъ маски. Ужъ это плохой воинъ и боецъ, который прячется за угломъ и боится открытаго боя. Вы, конечно, сошлетесь на примѣры другихъ; посмотрите, какъ основательна будетъ ваша ссылка. Съ этого времени я буду отвѣчать на каждую вашу статью, трусливая маска. А впрочемъ, вѣдь вамъ трудно жить на свѣтѣ и трудно достигать истиннаго понятія о вещахъ и яснаго ихъ изложенія: что же вы станете дѣлать въ такихъ горькихъ обстоятельствахъ? Ну, ужъ Богъ съ вами, даю вамъ индульгенцію на пятокъ статей; пишите ихъ смѣло, какъ можете. А тамъ ужъ когда нибудь послѣ я выберу свободное время и отвѣчу на нихъ гуртомъ.—Теперь же, пусть знаетъ «Время», что я бы имѣлъ возможность написать противъ него десятки статей и, подобно ему, придумалъ бы для нихъ игривыя заглавія; а главное—мои статьи были бы точнымъ изображеніемъ воззрѣній «Времени»; мнѣ стоило бы только приводить отрывки изъ его статей. Даже мою настоящую статью я могъ бы разбить такимъ образомъ: 1) «Философская невѣжественность «Времени», которое, будучи поддразниваемо свистомъ «Современника», болтаетъ о философіи, какъ индюшка, которая, какъ извѣстно, на свистъ отвѣчаетъ болтаніемъ»; сюда вошли бы разсужденія г. Косиц. о категоріяхъ. 2) «Комическая драма, изображающая, какъ «Время» запуталось и бьется въ тентахъ, пмъ самимъ разставленныхъ»; тутъ приведены были бы жалобы на мудреность отиѣтовъ и трудность жизни. 3) «Время» въ видѣ Сатурна, пожирающаго не только своихъ дѣтей, но и самого себя»; указаны были бы мѣста въ статьяхъ «Времени», радикально противорѣчащія одно другому. 4) «Время» въ видѣ сѣнника, который самъ для себя служитъ загадкой; см. эпиграфъ въ началѣ моей статьи. 5) «Гомеопатическое средство, или «Время», врачующее ерундою все человѣчество»; слѣдуютъ разсужденія объ идеализмѣ. 6) «Время», оторвавшись отъ почвы, летаетъ *въ облакахъ* съ гордостью и аршинчикомъ въ рукѣ. Комедія (подражаніе Аристофану);—мѣста о томъ, что я не въ состояніи понимать «Время» и хвалы западной цивилизаціи. 7) «Явленіе, пропущенное нашей астрономіей: русскій философъ г. Страховъ путешествуетъ по планетамъ и уничтожаетъ на нихъ всѣхъ жителей съ «такими носами» за то, что они не соглашаются съ его «легкимъ міросозерцаніемъ»; статья «Жители планетъ». 8) «Время», поклоняющееся авторитетамъ, Мею и Полонскому, и приносящее жертвы отъ почвенныхъ русскихъ плодовъ западнымъ идоламъ Гегелю и Фишеру; статья въ защиту того и другаго; 9) «Живая картина: «Время» кокетничаетъ съ «Днемъ»; статья pro и contra «Дня». 10) Княжна

Х...ая бранить Базарова, или «Время» какъ антагонистъ «Современника»; критика на «Отцы и Дѣти». 11) Въ жаркое время «Время» шлетъ «жара» и говоритъ обо «всемъ», кромѣ «дѣла»; статья г. Кесслера противъ меня. 12) «Время», притекающее за помощію къ «тупымъ и святымъ чудесамъ Запада»; статья противъ Добролюбова. — Вотъ видите, можно было бы сдѣлать цѣлыхъ двѣнадцать статей противъ «Времени», какъ разъ на годъ, по статьѣ въ каждую книгу «Современника»; но я не сдѣлалъ ихъ изъ соображенія и уваженія къ нему; да и времени жалъ тратить на это.

М. АНТОНОВИЧЪ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НА СЛАВОСТЬ — *бесѣдовать* И ПРИСТРАСТІЕ «ВРЕМЕНИ» КЪ *философствованію* — СОЮЗЪ МОЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ СОЛІДАРНЫМИ СО МНОЮ ПИСАТЕЛИ УРОВЕНЬ Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. — ДѢЙСТВІА НѢКОТОРЫХЪ ИЗЪ НАШИХЪ ВЫШКОВЪ, КАКЪ-ТО: Г. ВЛАДИМИРА ЗАОЧНАГО, КРИТИКА «СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» . Д. — ПРИЧИНЫ НАШЕЙ ВРАЖДЫ КЪ ЧЕРНЫШЕВСКОМУ. — КОЙ ЧТО О ВЕРХЪ СТОЛБЦАХЪ «СЪВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ» И ВООБЩЕ О ЛІТЕРАТУРѢ. — ОБЪЯСНЕНІЕ Н. И. КОСТОМАРОВА. — НЕУСТРОЙСТВО СОВРЕМЕННЫХЪ ОБЩЕСТВЪ. — ПРИЧИНЫ ЭТОГО НЕУСТРОЙСТВА. — СТРЕМЛЕНІЕ КЪ ЦИВИЛИЗАЦІИ ОДНИХЪ ВЕРХНИХЪ СЛОЕВЪ ОБЩЕСТВА, ПОЧТИ БЕЗЪ ВСЯКАГО УЧАСТІА ВЪ ТОМЪ МАССѢ. — ФИЛОСОФСКОЕ РАССУЖДЕНІЕ Н. Ф. ПАВЛОВА О СВЯЖЕНІИ СЪ НАРОДОМЪ. — ОТЗЫВЪ РИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ О ПАРТІАХЪ ВЪ РОССІИ. — ОТСУТСТВІЕ ЕДИНСТВА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗЕРЦАНІА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ И АПАТІА ПЕТЕРБУРГСКАГО ОБЩЕСТВА КЪ ДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ. — ГДѢ ИСКАТЬ СПАСЕНІА ПЕТЕРБУРГУ? — КРЕСТЬЯНСТВО.

Вы, благосклонный читатель мой, можетъ быть скажете, можетъ быть въ претензіи на меня за то, что въ прошедшій мѣсяцъ я не явился бесѣдовать съ вами. Вѣрите, что я самъ скучаю отъ этого не больше васъ. У меня есть страсть бесѣдовать съ читателемъ, и именно *бесѣдовать*, хотя «Время» *злостно* и продергиваетъ это слово, подбиваясь надъ мною. Само «Время» считаетъ унижительнымъ для себя бесѣдовать съ читателемъ, оно хочетъ учить, оно *философствуетъ* надъ нимъ. Боже! какъ оно философствуетъ-то! Отчего, говорить, не все семинаристы пишутъ? Оттого, говорить, что нынѣ такой ужасъ развился у общества, чтобъ все отрицать, — а ужъ семинаристы къ воспитанъ, чтобы все отрицать. Дворянинъ на почвѣ отрицанія само самое, дескать, ненадежное; онъ какъ разъ понесется къ *святымъ*

чудесамъ Запада, и увлекшись этими святыми чудесами, какъ разъ забудеть чудеса своей родины. А ужь семинаристъ — итъ — не забудеть... И никакія *святыхъ чудеса Запада* не прельстятъ его до того, чтобы погрузить въ такое забвеніе.

Вотъ, «Добролюбовъ», — говоритъ «Время», — «зналъ и по французски и по нѣмецки, но ни въ чемъ не было видно, чтобы кто нибудь изъ *властителей думъ* челоуѣчества властвовалъ и надъ его думами. Онъ писалъ легче, яснѣе, понятнѣе, чѣмъ всѣ его противники и соперники, и не употреблялъ никакихъ хитрыхъ словъ. Онъ рѣдко ссылался на высшіе авторитеты науки, философіи и т. п., да и въ этихъ ссылкахъ не было ничего важнаго. Главное же дѣло Добролюбова состояло въ такихъ разсужденіяхъ, при которыхъ всѣ авторитеты оказывались лишними и ненужными». «Никакія оболещенія идеализма, никакія красоты поэзіи, никакія глубины науки не могли соблазнить Добролюбова, не могли заслонить предъ нимъ цѣль, къ которой была устремлена его мысль. Философія, поэзія, наука казались ему чѣмъ-то все-таки аристократическимъ, барскимъ, слишкомъ роскошнымъ и сладкимъ для того, чтобы ставить ихъ главнымъ дѣломъ. Такой суровый, трезвый взглядъ по своей силѣ и сосредоточенности, даже по своему характеру, напоминаетъ взглядъ отшельниковъ и аскетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, такой взглядъ развѣ не подобенъ тому настроенію духа, въ которомъ все мірское величіе есть прахъ и суета и для каждаго челоуѣка только *едино есть по потребу*».

Поистинѣ справедливо! — Вѣдь вотъ Добролюбовъ вмѣсто того, чтобы разсуждать о Гѣте, Байронѣ, Шекспирѣ, Гомерѣ и тому подобныхъ великихъ людяхъ, надъ чѣмъ убивалъ время и талантъ свой? Надъ пустяками... Смытется себѣ надъ русскими подрядчиками, которые нанявъ тысячи работниковъ, не кормятъ ихъ, надъ барами и барынями, которые бьютъ своихъ лакеевъ и горничныхъ, и т. п. То ли дѣло наше дворянство? Со времени Петра ѣздило оно за границу, и *созерцая святыхъ чудеса*, никакъ не унизало себя до подобныхъ предметовъ. Когда правительство само освободило крестьянъ, такъ и то еще находятся господа, которые не только говорятъ, но иногда и подписываютъ, что, дескать, крестьяне безъ баръ сами по себѣ едва-ли и смогутъ жить, что они, дескать, до этого еще не дозрѣли и т. п. А нѣкоторые хотя и покормили мысль свою *факту освобожденія неотразимому*, все-таки не перестаютъ молить о томъ, чтобы хотя *перекородки-то сословия* были сохранены: въ нихъ-то, дескать, въ этихъ *перекородахъ* и есть сила Россіи, а безъ нихъ она погибнетъ. И во всемъ такъ. Нынѣ вотъ правительство хочетъ дать болѣе простора печатному слову. Кажется, кто бы болѣе долженъ былъ сочувствовать этому намѣренію, какъ же люди, *услаждающіеся святыми чудесами Запада*? — Казалось бы такъ;

ангъ на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. На Западѣ-то—говорять они, пусть будетъ свобода слова, — а мы, — говорятъ, — т. е. наше общество до этого еще недоросло. Нашей мысли, говорятъ, — нужно еще пріучиться сначала къ воздержности и трезвости и какимъ-то еще добродѣтелямъ, неупомянутымъ, — такъ проповѣдуетъ Мельгуновъ въ «Нашемъ Времени». А потому, говорятъ, предварительная цензура для нашей журналистики необходима.

Вотъ до чего можно увлекаться святыми чудесами Запада, — до того, чтобы хотѣть видѣть ихъ только на Западѣ, а въ своемъ любезномъ отечествѣ не хотѣть видѣть этихъ чудесъ. А съ семинаристами этого никогда не бываетъ! — Они хотя изучаютъ и Гёте, и Шиллера, и Байрона, и Гейне et caetera et caetera, и иногда изучаютъ ничуть не хуже другихъ, — а объ отечествѣ никакъ не забываютъ, помнятъ, что тутъ и барщина есть, не очень удобная для милліоновъ, помнятъ, что отъ разныхъ причинъ, положимъ случайныхъ, но тѣмъ не менѣе очень дѣйствительныхъ и чувствительныхъ, многимъ жить плохо, и забывавъ святыя чудеса Запада, глѣзуютъ въ дымъ отечества, вкушая его съ большою сладостію и пріятствомъ, чѣмъ какія получили бы они, прельстившись оболъщителями идеализма, наслаждаясь красотою поэзіи и погружившись въ глубины наукъ. Отрицаніе это? Должно быть, отрицаніе. Мы когда нибудь, впрочемъ, поговоримъ еще о замѣчательной способности «Времени» къ философствованіямъ, т. е. къ построеніямъ карточныхъ теоріекъ de omnibus et quibusdam. Теперь мы коснулись этого предмета только мимоходомъ, именно потому, что не могли вынести обиды, какую учинило намъ «Время», замѣтивъ, что мы любимъ бесѣдовать съ читателемъ, а не философствовать, какъ оно «Время» философствуетъ.

И такъ, читатель, хотя «Время» и укоряетъ насъ за страсть къ бесѣдѣ, а мы побесѣдовать съ вами все-таки любимъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ я приготовилъ вамъ прекраснѣйшее обозрѣніе, въ которомъ самымъ неопровержимымъ образомъ были доказаны три мысли: 1) что всѣ мы идемъ впередъ; что 2) брыкается, нехочетъ идти со всѣми только одинъ «Современникъ», выбѣгая изъ рядовъ общаго церемоніальнаго шествія Россіи впередъ, — и подсмѣиваясь то надъ нашей малоспособностію идти впередъ, безъ поощреній съ тылу, то надъ нашею походкою, то надъ нашимъ самохвальствомъ и довольствомъ; что 3) причина этихъ нестроений и всѣхъ вообще зломъ на свѣтѣ — г. Чернышевскій. Когда обозрѣніе было кончено и я съ восторгомъ прочитывалъ блестящія страницы моего краснорѣчія, мнѣ вдругъ припомнилось, что будто гдѣ-то я читалъ что-то подобное. Я сталъ пересматривать книжки нашихъ журналовъ, тѣхъ журналовъ, изъ которыхъ я почерпнулъ мою мудрость, и нашелъ, что дѣйствительно я глумился на-

правно. Что мы идемъ всё впередъ, это постоянно доказываетъ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ», и если окончательно доселѣ это имъ еще не доказано, то вѣдь и «Отечественныя Записки» еще не кончились. Современемъ, конечно, вполне утвердился эта истина. Что «Современникъ» все отрицаетъ и надъ всѣмъ слѣпымъ насмѣхается, это не только многими и многократно было доказываемо, но доказано окончательно и признано даже за аксіому. Со мной повторилась такимъ образомъ та же исторія, которая была и съ Еёіопомъ, недавно дебутировавшимъ въ «Свѣсткѣ». Мои открытія предвосхитили другіе. Оставалась, значитъ, одна часть, и самая незначительная, въ обзорѣниі — именно о г. Чернышевскомъ, которую я могъ представить публикѣ. Но эта часть была слишкомъ мала для того, чтобы составить обзорѣніе, — и я вопреки своему желанію долженъ былъ отказаться въ прошедшемъ мѣсяцѣ отъ удовольствія бесѣдовать съ читателемъ.

Но отказавшись отъ удовольствія бесѣдовать съ читателемъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по моимъ экономическимъ расчетамъ, и по сердечному влеченію, и по многимъ другимъ обстоятельствамъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи хотя когда нибудь побесѣдовать о г. Чернышевскомъ. Какое мнѣ дѣло, что я пишу съ г. Чернышевскимъ въ одномъ журналѣ? Я уже заявлялъ и прежде, что сижу въ особенномъ отдѣлѣ и могу имѣть свое особенное мнѣніе о всѣхъ предметахъ міра видимаго и невидимаго. А вторыхъ, когда такимъ прекраснымъ матеріаломъ, какъ г. Чернышевскій, пользуются въ настоящее время всѣ критики, всѣ публицисты, всѣ хроникеры, — однимъ словомъ, вся литература; когда г. Чернышевскій составляетъ въ настоящее время животрепещущій интересъ, — какинъ бы образомъ я, обзорѣватель «Современника», могъ обойти современный предметъ и говорить вмѣсто того богъ-знаетъ о чемъ, о томъ, что никого не интересуетъ. Ясное дѣло, что я долженъ, не могу не говорить о г. Чернышевскомъ.

Разработка г. Чернышевскаго (разумѣется, въ абстрактѣ) производится литературою уже довольно долгое время. Въ особенности ревностно этимъ дѣломъ занята «Сѣверная Пчела». Поговаривали, что тамъ предполагается учредить даже особенный ежедневный литературный отдѣлъ подъ названіемъ «Чернышевщина». Послѣ долгихъ неутомимыхъ розысканій нынѣ литературою дозволено, не скажу окончательно, ибо изысканія эти еще не кончены, а почти окончательно, что всё зла, какія только содѣваются въ мірѣ, непременно содѣваются по злоумышленію Чернышевскаго или при его несомнѣнномъ участіи, видимомъ или невидимомъ содѣйствіи, вліяніи и т. п. Мы слышали, что недавно въ какихъ-то губернскихъ вѣдомостяхъ два помѣ-

щика завели споръ о причинахъ неурожая гречихи или овса по губерніи. Къ концу спора дѣло объяснилось совершенно. Оказалось, что причиною неурожая по губерніи былъ г. Чернышевскій. Въ томъ, что все зло въ мірѣ происходитъ отъ Чернышевскаго, согласны всѣ наши лучшія газеты и журналы, какъ то: «Сѣверная Почта», «Наше Время», «Сѣверная Пчела», «Санктпетербургскія Вѣдомости», «Отечественныя Записки», «Русскій Міръ». Гласъ народа—гласъ Божій, и мы сами вполне, разумѣется, согласны съ мнѣніемъ поименованныхъ нами достопочтенныхъ газетъ и журналовъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣмъ людямъ, въ особенности же нашему брату сочинителямъ, жить было бы гораздо лучше, если бы не было его, Чернышевскаго.... Потому, видите ли, было бы лучше, что всякій изъ насъ свободно и безпрепятственно могъ бы высказывать свое искреннее мнѣніе.... Согласенъ ли кто изъ насъ съ «Сѣверною Почтою», съ «Нашимъ Временемъ», съ «Сѣверною Пчелою», такъ бы и говорилъ онъ. Теперь же многихъ изъ насъ беретъ робость высказываться открыто. Чернышевскій конечно не болѣе, какъ баши-бузукъ, не имѣющій ни талантовъ, ни свѣдѣній, ни убѣжденій, но своєю неслыханною дерзостію и нахальствомъ онъ успѣлъ запугать болѣе робкихъ изъ насъ, сдѣлать изъ нихъ преданныхъ себѣ рабовъ и образовать вмѣстѣ съ ними шайку, съ которою и нападаетъ на всякаго, несогласнаго съ его воззрѣніями. Публика наша неразвита, незнакома съ истинной наукой, не понимающая силы нашихъ талантовъ и глубины нашихъ знаній, къ удивленію всѣхъ насъ, т. е. меня, обозрѣвателя, и достопочтенныхъ въппепоименованныхъ мною газетъ и журналовъ, т. е. «Сѣверной Почты», «Нашего Времени», «Сѣверной Пчелы», «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», «Отечественныхъ Записокъ», «Русскаго Міра», нашихъ умныхъ рѣчей не слушаетъ, а слушаетъ глупыя рѣчи Чернышевскаго. Въ видахъ развитія нашей несозрѣлой публики, въ видахъ безпрепятственнаго воспитанія ея въ тѣхъ прекрасныхъ началахъ и убѣжденіяхъ, въ которыхъ дѣйствуемъ мы,—мы и рѣшились уничтожить Чернышевскаго и избрали, нисколько впрочемъ предварительно въ этомъ между собою не условливаясь, а просто *tacito modo*, слѣдующій для уничтоженія его, Чернышевскаго, способъ. А прогнозъ: чтобъ разрѣшить здѣсь недоумѣніе, какимъ образомъ я, сотрудникъ «Современника», могу такъ дѣйствовать противъ Чернышевскаго, я долженъ предупредить моего читателя, что я пишу не въ одномъ «Современникѣ», а въ нѣсколькихъ журпалахъ и газетахъ и нигдѣ своего имени не подписываю. Что я пишу въ другихъ газетахъ о «Современникѣ», о Чернышевскомъ, этого ни «Современникъ», ни Чернышевскій никогда не проноухаютъ. Да и такъ дѣлаю не я одинъ, а и многіе изъ нашихъ литераторовъ. Литераторъ трудится лѣтъ пять

или шесть въ извѣстномъ журналѣ, напримѣръ, въ «Современникѣ», а потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего мачинаетъ на шестой голъ бранить «Современникъ». «Это, говоритъ, чортъ знаетъ что за журналъ, — тамъ могутъ писать развѣ только невѣжды. А я, говоритъ, человекъ умный и буду писать въ «Сѣверной Почтѣ» или «Сѣверной Пчелѣ». Однимъ словомъ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, что я, внутренній обозрѣватель «Современника», соединился вмѣстѣ съ другими литераторами дѣйствовать противъ Чернышевскаго заодно, по слѣдующему способу. Когда дѣлается чтонибудь дурное, по нашему, разумѣется, мнѣнію дурное, въ литературѣ ли, вообще ли на бѣломъ свѣтѣ, мы, не пускаясь ни въ какое отысканіе причинъ, отчего это произошло, утверждаемъ прямо, что это сдѣлано Чернышевскимъ или непосредственно, или при его несомнѣнномъ участіи и вліяніи. Мы здѣсь придерживаемся такого соображенія, — разумѣется, мы этого никому не сказываемъ, — что вѣдь не вслѣдствіе изъ читателей будетъ конечно разбирать, кто правъ, кто виноватъ; найдется много и такихъ, которые прямо, прочитавши наши слова, скажутъ: «Чернышевскій виноватъ!» А намъ это уже и хорошо. Эти, согласившіеся съ нами, что Чернышевскій виноватъ, будутъ, значить, уже и наши. Чѣмъ болѣе будетъ набираться число такихъ нашихъ, тѣмъ болѣе будетъ уменьшаться вліяніе Чернышевскаго, и слѣдовательно будетъ расчищаться дорога для нашихъ идей и дѣйствій. Кажется, путь для уничтоженія Чернышевскаго вѣрный. По крайней мѣрѣ мы такъ убѣждены и согласно съ этимъ и дѣйствуемъ. Такъ дѣйствовалъ и покойной памяти Фаддей Венедиктовичъ Булгаринъ и стяжалъ себѣ неувладеемую славу. Представимъ нѣкоторые примѣры нашихъ работъ въ этомъ родѣ.

Недавно одинъ изъ нашихъ, Владиміръ Заочный, обозрѣвая въ 45 № «Сѣверной Почты» литературные журналы съ тою главнымъ образомъ цѣлью, чтобы доказать, что «Современникъ» — журналъ самый плохой, а Чернышевскій писатель самый жалостный, вкленгъ между прочимъ о Чернышевскомъ такую коротенькую замѣтку: «люди высоко стоящіе, какъ г. Чернышевскій, рѣдко бываютъ благодарны, и длинное, хотя и скучное изъясненіе признательности умершему послѣдователю (Добролюбову) дѣлаетъ честь благородству души Чернышевскаго. Хотя Чернышевскій», — продолжаетъ онъ, г. Владиміръ Заочный, — «можетъ и обидѣться, что *предъ его фамилією мы поставили существительное, дѣйствительность существованія котораго онъ отрицаетъ*, но мы это сдѣлали вслѣдствіе крайней необходимости и единственно по неимѣнію въ нашемъ языкѣ, зараженномъ отсталыми понятіями, другаго слова, которымъ бы можно было выразить принципъ, побуждающій Чернышевскаго. Нельзя же объ-

снять его поступка и сопряженнаго съ нимъ труда тѣмъ способомъ, которымъ онъ самъ объясняетъ свою дѣятельность, то есть однимъ удовлетвореніемъ потребности мускуловъ сидѣнія». Хотя достопочтенный другъ нашъ г. Владиміръ Заочный очень хорошо знаетъ, что Чернышевскій не отвергалъ не только дѣйствительнаго существованія существительнаго *душа*, но не отвергалъ и совокупности тѣхъ проявленій и дѣйствій въ дѣятельности человѣка, которыя люди называютъ этимъ именемъ, ибо и матеріалисты — если предположить, что Чернышевскій матеріалистъ, — объясняя духовную дѣятельность человѣка изъ другаго начала, чѣмъ не-матеріалисты, отличаютъ при этомъ проявленія этой дѣятельности отъ дѣйствій чиста физическихъ и меланическихъ нашего организма и никакъ не утверждаютъ того, чтобы мы мыслили, совершали подвиги благородства и т. д. черезъ мускулы сидѣнія; — хотя, далѣе, достопочтенному другу нашему Владиміру Зоочному, по связи рѣчи, не было никакой нужды говорить о томъ, какъ думаетъ г. Чернышевскій о душѣ, тѣмъ не менѣе онъ, г. Владиміръ Заочный, не упустилъ удобнаго случая заявить, что, дескать, Чернышевскій вольтеріанецъ, не признающій въ человѣкѣ души. За что всѣ мы, солидарные съ г. Владиміромъ Заочнымъ сочинители, рѣшившіеся истребить Чернышевскаго во что бы то ни стало, душевно ему, г. Зоочному, признательны, ибо заявленіе о такомъ образѣ мыслей г. Чернышевскаго, что мы совершаемъ подвиги благородства черезъ мускулы сидѣнія, ясно показываетъ всѣмъ, какъ очевидную тупость повиманія Чернышевскаго, такъ съ другой стороны и крайнюю его неблагонамѣренность.

Въ 67 № «Сѣверной Пчелы» неизвѣстный, но солидарный съ нами сочинитель, говоря о русской беллетристикѣ, въ статьѣ: «Наши журналы», вставилъ о Чернышевскомъ между прочимъ такое замѣчаніе: «рѣдко случается, чтобы можно было сказать: эта повѣсть или эта драма соотвѣтствуетъ направленію такого-то журнала, хотя у насъ есть извѣстнаго рода *литературные цѣточки*, выросшіе на *окурнальной почвѣ*, напримѣръ, рассказы и повѣсти г. Успенскаго; *сырлатно и ятодокъ на почвѣ, воздѣланной г. Чернышевскимъ съ брашней дождемъ*». Гм! Очень милое, а главнымъ образомъ ловко пушищенное замѣчаніе. Всѣ мы, солидарные съ неизвѣстнымъ сочинителемъ литераторы, читая это замѣчаніе, душевно радовались, что между нами есть такіе бойцы, не уступающіе въ искусствѣ инсинуаціи безсмертному Фадею. Вѣдь что сказано въ замѣчаніи? Кажется ничего яснаго, опредѣленнаго. А между тѣмъ именно въ этой-то неясности, неопредѣленности замѣчанія и заключается его сила. Представляется какая-то особая почва, воздѣланная г. Чернышевскимъ, производящая скверные цѣточки, и имѣющая произвести еще болѣе

скверныя ягодки! Какая эта почва, какія цвѣточки, какія ягодики — какъ хотите, понимайте! Людямъ съ испорченнымъ вкусомъ, людямъ брюзгливымъ, не терпящимъ запаха и вкуса извѣстныхъ цвѣточковъ и ягодокъ, неизвѣстный сочинитель даетъ нѣкоторое средство уразумѣть, что это за цвѣточки и ягодки беллетристики, воздѣлываемые на почвѣ Чернышевскаго. «Это», говоритъ, «идеи и идейки, проводимыя въ руководящихъ статьяхъ журнала». Какія изъ идей и идеекъ, проводимыхъ въ руководящихъ статьяхъ журнала, разумѣть сочинитель — не опредѣлено. Но въ неопредѣленности, подумавъ заключается, какъ мы уже сказали, вся сила, вся лживость замѣчанія. Въ какомъ объемѣ и смыслѣ ни понимайте вы замѣчаніе, все-таки видно, что г. Чернышевскій творить что-то скверное, и скверное не мгновенно, а *потомственно*. И хотя всѣ мы, въ томъ числѣ и нежизненный сочинитель, знаемъ очень хорошо, что въ настоящее время нѣтъ дарованія въ нашей литературѣ болѣе *немосредственно*, болѣе изолированнаго и обезпеченнаго самой природой своей отъ чуждаго вліянія, какъ дарованіе Успенскаго, что скорѣе можно заподозрить Чернышевскаго во вліяніи на впечатлительное къ разнымъ вліяніямъ *мимума* дарованіе Андрея Печерскаго, чѣмъ на безжитрое, чисто самородное дарованіе г. Успенскаго, — но въ томъ-то и состоитъ дѣль нашей работы, чтобъ дѣлать Чернышевскаго при всякомъ случаѣ виноватымъ, даже тамъ, гдѣ бы никому не пришло и на умъ заподозривать его въ какомъ нибудь участіи.

Мы представили только два примѣра нашего искусства въ проведеніи разныхъ инсинуацій относительно г. Чернышевскаго. Мы могли бы представить ихъ безчисленное множество. Изъ всѣхъ насъ съ особенною ревностію подвизается «Пчелка», — и дѣлаетъ это дѣло съ особеннымъ искусствомъ, — у! съ какимъ искусствомъ. А вѣдь недавно она вступила на этотъ путь! По смерти Фаддея Венедиктовича она была, какъ извѣстно, долгое время на покаяніи, сокрушалась о прошедшихъ грѣхахъ. Теперь снова вступила, — дай ей богъ уснѣха! — на тотъ же путь, и въ нижнихъ столбцахъ ея помѣстился такой Соломонъ инсинуаціи, который не уступитъ самому Фаддею. Вотъ верхніе столбцы не то. Тамъ нѣтъ этой ловкости, этого искусства. Такъ, на примѣръ, не помнимъ въ какомъ-то №, верхній столбецъ «Пчелы» говорить: «все недоученое и самонадѣльное — партія «Современника», все «апостолы невѣжества». Ну, какъ можно высказываться такъ опрометчиво. Вѣдь имена пишущихъ въ «Современникѣ» болѣею частію обозначаются подъ статьями, — и имела эти все болѣе или менѣе извѣстныя въ литературѣ? Тамъ участвуютъ профессора университета, о которыхъ конечно нельзя сказать, что они недоученые и апостолы невѣжества, — другіе

хотя и не профессора университета, но тоже люди, о которыхъ известно всѣмъ, что они кой-чему выучились и начали писать. Нѣтъ, хотя нельзя не отдать должной чести «Пчелкѣ» въ содѣйствіи общему нашему дѣлу противъ Чернышевскаго, — а нельзя не сознать и того, что она дѣйствуетъ не всегда осторожно въ верхнихъ своихъ столбцахъ. Вѣдь что грѣха таять? Всѣ мы, пишущіе противъ «Чернышевскаго», не приобрѣли особенной известности нашими литературными, или учеными трудами, да едва ли даже и по официальнымъ документамъ это скажется. Вѣдь и сотрудники «Сѣверной Пчелы» не подписываютъ своихъ именъ. А если бы разоблачить имена всѣхъ насъ, писателей, то по всей вѣроятности оказалось бы, что скорѣе недоученые люди пишутъ въ «Пчелѣ», чѣмъ въ «Современникѣ». Если же «Сѣверная Пчела» разумѣетъ недоученость не по официальнымъ дипломамъ, а по содержательности знанія, обнаруживаемаго каждымъ писателемъ, то и тутъ опять едва ли перевѣсъ знанія окажется на сторонѣ сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы». Всякій читающій верхній столбецъ, гдѣ помѣщаются передовыя статьи, и нижній, гдѣ помѣщается критика, знаетъ, что бранятся тамъ хорошо, а знаютъ не то, чтобы очень много. Конечно, всѣмъ известно, что въ «Пчелѣ», среди другихъ сотрудниковъ, какъ нѣкій многоцѣнный алмазъ, блеститъ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, помѣстившійся съ бывшимъ «Русскимъ Дневникомъ» въ ульѣ «Пчелы». Но вѣдь Павелъ Ивановичъ Мельниковъ участвовалъ много лѣтъ и не далѣе, какъ въ прошломъ году, какъ известно всѣмъ, и въ «Современникѣ» подъ именемъ Андрея Печерскаго. Неужели и онъ недоученый и апостоль невѣжества? — Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, конечно, составляетъ украшеніе «Пчелы», и когда известно имя одного только его, какъ сотрудника «Пчелы», то уже нельзя сказать, что въ «Сѣверной Пчелѣ» сотрудники все недоученые. Отпоръ читателю, который бы усумнился въ доучености сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы», значитъ, есть. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ человекъ очень доученый, а по расколу даже специалистъ, да еще и специалистъ-то какой! у! у! Но вѣдь вотъ что: взглядъ Павла Ивановича на расколъ сильно поизносился... Павелъ Ивановичъ все еще смотритъ на расколъ точно такъ же, какъ смотрѣлъ патріархъ Іоакимъ, и какъ изложено въ исторіи Устрялова!... А это куда какъ нейдетъ къ современному знанію. Хотя редакція «Библиографическихъ Записокъ», оправдываясь по поводу изданія сочиненій «Павла Любопытнаго», недавно замѣтила, что П. И. Мельниковъ судья самый компетентный въ дѣлѣ раскола, — но эта замѣтка можетъ скорѣе повалить редакцію «Библиографическихъ Записокъ», чѣмъ поднять славу Павла Ивановича Мель-

никова, какъ разумнаго знатока раскола. — Впрочемъ все это частности, до которыхъ намъ нѣтъ дѣла. Намъ, солидарнымъ противъ Чернышевскаго сочинителямъ, непріятно одно: зачѣмъ говорить такъ опрометчиво? Такъ вѣдь мы его, пожалуй, и не уронимъ.

А уронить его очень и очень хотѣлось бы всѣмъ намъ — по разнымъ, но тѣмъ не менѣе важнымъ побужденіямъ, къ разъясненію которыхъ я сейчасъ и приступаю. Я вѣдь ничего не скрываю отъ читателя. Начну съ себя.

Читателю давно уже извѣстно, сколько внутреннихъ скорбей и мукъ претерпѣлъ я отъ своей безвѣстности. Чего я не предпринималъ, чтобы выдти изъ этой безвѣстности?—Я не пропускалъ никому ни одного грѣха, ни одной замѣченной мною ошибки. Даже съ литераторами, этимъ самолюбивѣйшимъ и задорнѣйшимъ народомъ изъ всѣхъ смертныхъ, — я нисколько не женировался. И чтожь? При всѣхъ своихъ усиліяхъ, я успѣлъ нажить себѣ только трехъ враговъ, — да и тѣ теперь, какъ я уже извѣстилъ въ своемъ прошедшемъ обзорѣни, исчезли. И опять настаетъ прежнее ужасное положеніе *незнаемости*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при моемъ положеніи я ненавижу все извѣстное. Я понимаю очень хорошо вѣдь, что все дѣлающееся извѣстнымъ, что обращаетъ на себя вниманіе, — этимъ самымъ дѣлаетъ болѣе неизвѣстнымъ меня, отвращаетъ отъ меня дозу и того вниманія ко мнѣ, которое есть, если только есть. Вотъ почему я ненавижу г. Чернышевскаго, о которомъ почти цѣлый годъ кричатъ наши журналы, говоритъ публика; я ненавижу даже г. Илью Арсеньева, приобрѣвшаго такую лестную извѣстность въ публикѣ своимъ сочувствіемъ къ Мадзини, ненавижу Чичерина сдѣлавшагося своей теоріей о перегородкахъ извѣстнымъ по всей Россіи, ненавижу г. Милашевича, новаго писателя, въ первый разъ дебютировавшаго въ «Сѣверной Почтѣ» *о ревности по закону*, г. Дм—скаго, также въ «Сѣверной Почтѣ», неопровержимо доказавшаго, что у русскаго народа есть пристрастіе къ платежу налоговъ, что чувствуя незначительность лежащихъ на немъ налоговъ, онъ самъ изыскиваетъ способы, какъ бы ихъ увеличить; ненавижу даже секретаря Лебедева за то, что онъ имѣетъ возможность подписаться секретаремъ, и тѣмъ отличиться отъ нашего брата, рядовыхъ сочинителей. Да и мало ли кого я ненавижу изъ писателей, стяжавшихъ извѣстность? Могли ли я не ненавидѣть Чернышевскаго? Понятно, почему я желаю и стремлюсь уронить его.

Почему стремится уронить его Владиміръ Заочный — этого не могу сказать, немогу потому что незнаю, —кто такой Владиміръ Заочный?—Писателя Владиміра Заочнаго у насъ доселѣ не было. Онъ въ первый разъ дебютировалъ въ нынѣшнемъ же году и съ перваго, кажется, разъ

сталъ бранить «Современникъ» и г. Чернышевскаго. И бранить очень усердно. Пробѣгая обзорніе журналовъ, которое дѣлаетъ г. Заочный, видишь, что онъ цѣлое обзорніе пишетъ вовсе не для того, чтобы обзорить журналы, а дойти «Современникъ» и Чернышевскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что корни антипатій къ «Современнику» и Чернышевскому засѣли въ душѣ его очень глубоко. Не принадлежитъ ли г. Владиміръ Заочный къ числу тѣхъ многихъ, которыхъ обидѣлъ «Свистокъ», обидѣвшій когда-то по 56 человекъ вдругъ писателей разнаго рода и достоинства? — А можетъ быть и то: не принадлежитъ г. Владиміръ Заочный къ числу политико-экономистовъ, вступавшихъ въ ратоборство съ г. Чернышевскимъ?

А такіа возвышенныя побужденія сильно вліяютъ на образъ мыслей писателей относительно достоинства разныхъ журналовъ. Мы предполагаемъ, что едва ли не подобное возвышенное побужденіе руководило «Пчелою» въ ея нападеніяхъ на «Современникъ» и г. Чернышевскаго. Ибо предположимъ, что то мнѣніе, которое высказываетъ «Пчела» о «Современникѣ» и Чернышевскомъ, дѣйствительно ея искреннее, задушевное мнѣніе. Но вѣдь «Современникъ» издается не съ нынѣшняго года; «Свистокъ» при немъ существуетъ не съ нынѣшняго только года, равно какъ и «Пчела» существуетъ не съ нынѣшняго года. Отчего же она доселѣ не высказывала того мнѣнія о «Современникѣ», какое имѣла? — Странно. Тутъ что-то не такъ. Да что я говорю: не высказывала своего мнѣнія? — Мало того: одинъ изъ главныхъ столповъ «Пчелы», Павелъ Ивановичъ Мельниковъ помѣщалъ иногда свои статьи въ «Современникѣ». Надобно думать, что онъ почиталъ этотъ журналъ лучшимъ. Вѣдь не понесъ же бы онъ своихъ беллетристическихъ трудовъ, во всякомъ случаѣ въ нашей литературѣ замѣчательныхъ, въ такой журналъ, какимъ считаетъ «Современникъ» въ настоящее время «Сѣверная Пчела»! Тутъ что нибудь да не такъ. — Долго мы доискивались, какія могли бы быть причины такого крутого поворота въ образѣ воззрѣнія «Пчелы» на «Современникъ»? Что возмутило покой души этого маленькаго трудолюбиваго насѣкомаго? — Мы думали сначала: ужь не встала ли изъ гроба тѣнь Фаддея Венедиктовича Булгакина и не поселилась ли въ его ульѣ? — Покойнику, который при жизни не жаловалъ все живое, такъ натурально вѣять тлѣніемъ по смерти. — Но это предположеніе намъ, мало вѣрующимъ, показалось слишкомъ истинскимъ. Мы стали искать основаній болѣе существенныхъ, такъ сказать осязательныхъ. Не задѣлъ-ли, — думали мы, — гдѣ нибудь «Современникъ» или «Свистокъ» «Пчелку»? — Долго мы трудились напрасно въ этомъ занятіи, — но наконецъ нашли.... Оказалось, дѣйствительно «Свистокъ» уронилъ репутацію «Современника» въ глазахъ «Пчелы», и уронилъ слѣдующимъ образомъ.

Повѣствуя о томъ, почему онъ долго не хотѣлъ начинать свистъ по поводу тысячелѣтія Россіи, «Свистокъ» между прочимъ рассказываетъ, что онъ долго затруднялся въ выборѣ метода самого свиста о такомъ великомъ событіи, — колебался: какимъ свистомъ выразить ему свои задушевные думы о тысячелѣтіи Россіи? — Держалъ ли ему стили *серьезно-важественнаго*, какимъ пишеть обыкновенно г. Громека и о полиціи, и о неисполненіи Положеній торопецкимъ и ровымъ съѣздомъ, и о шаромыжничьей какой-то воскресной школѣ, существовавшей въ Иркутскѣ назавъ тому полтора вѣка, — или *бурно-догматическаго*, которымъ разятъ враговъ своихъ «Литературныя Замятки» и «Элегія» «Русскаго Вѣстника», или *мъжно-историческаго* и *обличительно-сочувственнаго*, какимъ говоритъ публицистъ «Сѣверной Пчелы» о явленіяхъ жизни общественной, къ особености же государственной?»

Короткое замѣчаніе о публицистѣ «Пчелы», — а обидное, — и обидное тѣмъ болѣе, что слишкомъ вѣрно угадано. Историческая нѣжность или, точнѣе сказать, *мъжная историчность* и обличительность, всегда сочувственная къ извѣстному разряду явленій. всегда примѣчается въ публицистѣ «Сѣверной Пчелы». Отчего это такъ, — сказать не умѣемъ. Не перешла ли она по наслѣдству изъ «Русскаго Дневника»? Мы по крайней мѣрѣ тѣхъ мыслей, что «Свистокъ» былъ непременно такого убѣжденія, что извѣстная нѣжность и сочувственность «Сѣверной Пчелы» — есть отдѣленіе, производимое бывшимъ «Дневникомъ», и потому сдѣлала свою замѣтку. Ибо, сами по себѣ, нѣжность и сочувственность, даже и *извѣстная*, могутъ быть и слабостію, но нисколько не порокомъ. Пѣжесть и сочувственъ бываетъ и г. Громека, но всякій знаетъ, что это происходитъ у него отъ слабости сердца, отъ теплоты чувствъ. Онъ и самъ знаетъ это, и разъ какъ-то горько жаловался, что при всемъ обиліи любви въ своемъ сердцѣ, никакъ не можетъ умирить въ немъ оффиціального съ общественнымъ. И потому г. Громека и не сердится глубоко, когда замѣчаютъ ему о его излишней, во многихъ случаяхъ, нѣжности и сочувственности. Природа такая! Тутъ ничего не подѣлаешь! Ну, а въ «Сѣверной Пчелѣ» — тамъ не то. Тамъ любовь и нѣжность ни чуть не *неискусственныя*.... Оттого тамъ такое скромное, но жѣткое замѣчаніе «Свистка», производитъ бурю....

Но вотъ въ чемъ дѣло-то. «Свистокъ» вѣдь не Чернышевскій. — и не «Современникъ». Сколько разъ «Свистокъ» объявлялъ о себѣ, что хотя и присосѣдился къ «Современнику», но сохранилъ самостоятельность своихъ воззрѣній и не вліялъ, тѣмъ болѣе, на самостоятельность воззрѣній «Современника». Зачѣмъ же нападать нынѣ за «Свистка» на «Современникъ» и Чернышевскаго? — Зачѣмъ, могутъ опитить намъ, что трудно къ кому нибудь навсегда присосѣдиться, и

подѣлились другъ съ другомъ взглядами, что, вѣроятно, и содѣяство «Русскаго Дневника» досталось «Пчелѣ» не даромъ.

Мы вполне согласны съ этимъ, и будемъ теперь говорить серьезно. Если бы мы были увѣрены, что желчныя и грязныя статьи противъ «Современника» и Чернышевскаго принадлежатъ Павлу Ивановичу Мельникову, котораго статьи дѣйствительно имѣли въ виду «Свистокъ», говоря о гнѣбномъ и сочувственномъ стилѣ публицистическихъ статей «Пчелы», то мы не сказали бы ни слова. Павелъ Ивановичъ — человекъ съ дарованіемъ, но съ дарованіемъ много сложившимся и зловѣщъ высказавшимся. Последнія письма его о расколѣ доказываютъ, что отъ него ждать болѣе нечего. Не то, чтобы внутренняя сила была истощена, а она пошла въ известное направленіе; отъ котораго отщепениться невозможно, точно такъ же, какъ невозможно выпрямиться старому кривому дереву. Павелъ Ивановичъ Мельниковъ можетъ подарить ученѣйшимъ сочиненіемъ о расколѣ, отъ котораго придутъ въ восторгъ «Библиографическія Записки», по множеству помѣщенныхъ въ немъ драгоценныхъ библиографическихъ свѣдѣній. Но сочиненіе это все-таки будетъ по своему штандпункту и тенденціямъ стоять ничѣмъ не выше «Жезла Правленія», «Увѣта Духовнаго» или «Пращицы Пятирима». Намъ жаль верхнихъ столбцовъ «Пчелы». Тамъ тратится напрасно сила не только не высказавшаяся, и не исчерпавшая себя, а можетъ быть, еще и не нашедшая своего настоящаго пути. Мы думаемъ по крайней мѣрѣ, что при большей сосредоточенности и устойчивости своей дѣятельности, при большемъ вниманіи къ своимъ трудамъ, она найдетъ свой настоящій путь и сдѣлается когда нибудь силою замѣчательною, быть можетъ совсѣмъ въ другомъ родѣ, а не въ томъ, въ которомъ она теперь подвизается. И тогда она будетъ краснѣть за свои верхніе столбцы и за свои безпардонные приговоры *de omnibus et quibusdam*. Вѣяніе кружка, интересы минуты настраиваютъ часто вопреки нашей волѣ какимъ-то страннымъ образомъ наши взгляды. Особенно вредно въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ петербургскій климатъ. Говорятъ, стоитъ только переменить климатъ, уѣхать за границу, особенно въ Лондонъ, — и можно въ мѣсяцъ, даже мѣяе, получить совсѣмъ другое настроеніе и воззрѣнія. Были, дескать, и опыты такіе.

Вотъ первая причина, по которой мы заговорили о тайныхъ пружинахъ нашей журналистики. Есть еще и другая.

Намъ жаль силъ литературы, которыхъ такъ не много, которыя такъ нужны въ настоящее время для лучшихъ дѣлъ и которыя тратятся такъ безплодно. Не то, чтобы мы возставали противъ литературныхъ перебранокъ. Вольтеріанцы напрасно возстаютъ противъ этого. Литература состоитъ изъ человеконъ же, которые могутъ расходиться

ся въ своихъ мѣсяцѣхъ, — и горячо, и сильно, и ярѣко, — болѣе или менѣе *кряко* — это зависитъ уже отъ того или другаго развитія всего общества; — поговорить между собою. Но мы полагаемъ, что для всякихъ распрей, ссоръ, перебранокъ долженъ быть какой-нибудь опредѣленный предметъ. Такиъ бываетъ вѣдь и въ жизни. Какъ бы мы ни думали о содержаніи отвѣта г. Зарина на письмо г. Чернышевскаго о содержаніи отвѣта г. Героголицева «Июль», какъ бы мы ни думали о полемическихъ приемахъ этикъ двухъ сочинителей, — но мы входимъ, что они выражъ были браниться. У нихъ были подъ руками опредѣленные статьи, на которыхъ они сѣвѣчали, какъ кризисныи пужнымъ и какъ могли. Но мы не понимаемъ брани безъ предмета, *оулами*. Это въ своемъ родѣ искусство для искусства, которое въ обыкновенной жизни можно встрѣчать развѣ только между нѣкими людьми и на торговыхъ площадяхъ, и которое въ сущности есть то самое, что *лай на луну*.

Когда мы дописывали эти строки, мы находились въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Намъ казалось, что необходимо серьезно заняться дѣломъ о литературной брани, что надобно учредить какое-нибудь общество или комитетъ, изъ оборонительныхъ литераторовъ, какъ кажется и предлагалъ уже г. Героголицевъ, комитетъ, который бы наблюдалъ, чтобъ всѣ литераторы вели себя нинно, прилично, какъ вдругъ въ это время принесли намъ 88 № «Сѣверной Почты». Мы прочли тамъ статейку подъ заглавіемъ *Объясненіе*, и все забыли и общество, и комитетъ для истребленія брани, и перешли изъ мрачнаго въ самое веселое настроеніе духа. Теперь мы не только не *крячимъ брани*, но *за брань*. Бранитесь, господа, сколько душе угодн. Не всегда брань порождаетъ дурное, — да и порождаетъ ли она когда-нибудь дурное для общества, — лично — это другое дѣло, но ли общества порождаетъ ли, — это еще вопросъ. Какъ бы то ни было, но *Объясненіе* насъ сильно возвеселило и мы снѣшныи вѣдѣлись нашимъ удовольствіемъ съ читателемъ, выписывая объясненіе цѣлкомъ изъ «Сѣверной Почты», даже и съ придѣланнымъ къ нему самою «Почтою» радостнымъ введеніемъ:

«*Объясненіе*. Мы съ удовольствіемъ прочли въ 86 № «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» подъ этикъ заглавіемъ весьма дѣльный и основательный отвѣтъ профессора Кростомарова на весьма недѣльное и неосновательное замѣчаніе «Библиотекки для Чтенія» и спѣшимъ передать его читателямъ нашей газеты.

«Въ мартовской книжкѣ «Библиотекки для Чтенія», — пишетъ г. Кростомарокъ, — во внутреннемъ обзорѣнии, напечатано замѣчаніе о происшествіи, случившемся въ залѣ городской думы, на моей лекціи, 8-го марта, съ нѣкоторымъ искаженіемъ фактовъ. Считаю неизлишнимъ

сказать по этому поводу нѣсколько словъ, для возстановленія истины.

«Библиотека для Чтенія» говоритъ:

«Г. Костомаровъ, столь-долго ратовавшій, пашель, что прекращеніе лекцій не соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Разойдись, такимъ-образомъ, съ комитетомъ, г. Костомаровъ, сколько нажестя, долженъ былъ объявить, что покидаетъ своихъ товарищей и открыть продолженію курса вѣтъ ихъ дѣйствій.»

«Библиотека для Чтенія» выше поясняетъ, что комитетъ этотъ составленъ былъ изъ профессоровъ и нѣкоторыхъ слушателей, и занималъ дѣлами лекцій.»

«Ни о какомъ подобномъ комитетѣ я не слыхалъ. Профессоры между-собою, безъ участія слушателей, также не составляли комитета, которому каждый изъ читающихъ долженъ былъ подчиняться. На-людается только, чтобъ лекціи не сталкивались между-собою въ одно и то-же время; но для этого разъ навсегда сдѣлано было распредѣленіе часовъ. Другаго рода взаимныхъ отношеній между профессорами, о чтеніи публичныхъ лекцій, не было. Что касается до слушателей, о такъ-какъ почти всѣ изъ читающихъ согласились отдать сборъ съ осѣтителей въ пользу студентовъ, то нѣсколько студентовъ завѣдали выдачею и повлркою билетовъ. Можетъ-быть, этихъ господъ Библиотека для Чтенія» разумѣетъ подъ именемъ комитета. Не вхожу въ разсмотрѣніе: составляли ли они комитетъ, или нѣтъ, но если бы и составляли, то подобный комитетъ имѣлъ отношеніе только къ студентамъ, въ-пользу которыхъ предоставляется сборъ, а никакъ не къ читающимъ лекціи. Единственной точкой соприкосновенія моего съ этими господами была добровольная съ моей стороны услуга — по-сертвованіе въ-пользу тѣхъ, которыхъ интересы они приняли на себя. Но соразмѣрять свои поступки съ ихъ нежеланіемъ, чтобы лекціи продолжались, я не считалъ себя обязаннымъ.

«Далѣе «Библиотека для Чтенія» говоритъ:

«Г. Костомаровъ поступилъ иначе. Уже разоидясь во мнѣніяхъ съ комитетомъ, онъ пришелъ читать свою лекцію въ прежнемъ мѣстѣ, подъ именемъ комитета, и по окончаніи ея обратился къ публикѣ съ вопросомъ: желаетъ ли она продолженія лекцій?»

«Выше я сказалъ, что комитета никакого не зналъ и не знаю, а потому ни-склониться, ни расхотиться съ нимъ во мнѣніяхъ мнѣ не предстала необходимости. Зада городской думы была — нѣсто, подвѣдомой не-какому-то комитету, а городскому обществу, которое усугубило для чтеній, также не-какому-то комитету, а профессорамъ, въ томъ-жизль мѣстѣ. «Библиотека для Чтенія», поистствуи, что я обратился къ публикѣ съ вопросомъ: желаетъ ли она продолженія лек-

цій, должна была бы привести и новодъ, побудившій меня къ этому. Это произошло послѣ того, какъ одинъ господинъ возвѣстилъ, будто-бы профессора прекращаютъ свои лекціи, по случаю высказанія Павлова. Разсматривать справедливость этого объявленія я не считалъ умѣстнымъ, потому-что «Библіотека для Чтенія» о немъ молчитъ.

«Далѣе «Библіотека для Чтенія» спрашиваетъ:

«Для чего это сдѣлалъ г. Костомаровъ? Думалъ ли онъ подчиниться приговору слушателей, еслибы онъ былъ единогласенъ, и какъ бы «онъ сталъ собирать голоса въ противномъ случаѣ.»

«Странный вопросъ! Для чего мнѣ нужно собирать голоса? Довольно было услышать, что есть жалающіе. Неужели, по понятію г. рецензента, такое дѣло можно рѣшать голосами? Неужели, еслибы кто-то девять сказали, что они слушать лекцій не хотятъ, то это означало бы созаго не слушать ихъ, а профессора не читать ему омовіе! Но, кромѣ желанія узнать, есть ли желающіе слушать меня, я долженъ былъ обратиться къ публикѣ преимущественно для того, чтобы вмѣсто тѣхъ распорядителей, которые тогда отказывались отъ принятой, впрочемъ, на себя обязанности, нашлись другіе, желающіе взять на себя выдачу и повѣрку билетовъ для входа на лекціи.

«Библіотека для Чтенія» объясняетъ:

«Кто-то отвѣчалъ изъ толпы, что отчего же не продолжать? Г. Костомаровъ объявилъ, что онъ будетъ продолжать.»

«Я слышалъ не голосъ *кого-то* изъ толпы, а можетъ быть болѣе сотни голосовъ: читайте, читайте! «Библіотека для Чтенія» удивительно выражается *кто-то*, для того, чтобы представить фактъ въ таинственномъ свѣтѣ, будто бы желаніе прекращенія лекцій было общимъ, а хотѣли ихъ продолженія немногіе.... даже, быть можетъ, одинъ человекъ не болѣе.... Кто-то! Понятно!

«Далѣе «Библіотека для Чтенія» говоритъ:

«Онъ объявилъ, что не намѣренъ потакать «попылку либерализму», говорилъ что-то о гасетѣхъ и проч. Наконецъ г. Костомаровъ «сказалъ, что какіе-то Репетиловы кончатъ Расплюевыми. А дано и «г. Костомаровъ увѣрялъ печатно, что его слушатели предавы *онѣ* «наукѣ. Сколько извѣстно, Репетиловы наукой не занимались, а Расплюевъ — извѣстно кто!»

«Я никогда не увѣрялъ, ни печатно, ни письменно, ни словомъ, что мои слушатели предавы одной наукѣ. У самыхъ-разностныхъ труженниковъ-науки есть, конечно, свои семейныя и домашнія дѣла, составляющія для нихъ отдѣльную отъ занятія науки сферу. Я знаю, что были и есть слушатели, искренно-преданные занятію наукою — это я теперь и повторю; но какое же отношеніе между ними и тѣми, по поводу которыхъ я упомянулъ о Репетиловѣ и Расплюевѣ?»

свѣдѣнія слова исключительно касались тѣхъ, которые своими дикими выходками хотѣли, во что бы то ни стало, стѣлать невозможнымъ выборъ новыхъ распорядителей и наносили оскорбленія многочисленной публикѣ; ясно-заявившей, въ то время, желаніе, чтобъ лекціи продолжались; а не прекращались!...» — —

Что такое представляютъ собою современные общества?

Кто присматривался внимательно къ современнымъ обществамъ, — мы разумѣемъ здѣсь не только наше общество, но и всѣ вообще такъ называемыя цивилизованныя общества Европы, — тотъ знаетъ, что трудно представить общества, которыя были бы сложены изъ болѣе нескладныхъ стихій и въ которыхъ самыя стихіи эти были уложены болѣе нескладнымъ образомъ; какъ это примѣчается въ обществахъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ. Гдѣ вы найдете, кромѣ обществъ цивилизованныхъ, такія противоположности, крайности знанія и невежества, богатства и бѣдности, силы и безсилія? И между тѣмъ устройство обществъ таково, что на каждомъ шагу должны зависѣть другъ отъ друга, сталкиваться другъ съ другомъ крайнее невежество съ возвышеннѣйшимъ знаніемъ, миллионное богатство съ еле пропитывающеюся бѣдностью и нищетою, неограниченная сила съ существованіемъ иногда кой-какъ, съ грубомъ пополамъ, отстаивающимъ самое право существованія. Развѣ при соединеніи въ одно цѣлое такихъ противоположныхъ элементовъ и при такомъ ихъ сопоставленіи можно ожидать чего нибудь, кромѣ личной ненависти, вражды однихъ элементовъ къ другимъ и нескончаемой борьбы? И мы дѣйствительно видимъ, на примѣрѣ цивилизованнѣйшихъ изъ современныхъ европейскихъ обществъ, что эта ненависть, вражда, борьба принимаетъ въ нихъ только болѣе мягкія и приличныя формы, но въ сущности она не только не прекращается, но еще болѣе усиливается. Потому что по мѣрѣ развитія общественнаго сознанія тѣ малѣйшія точки взаимнаго оскорбленія, взаимнаго правонарушенія, которыя прежде оставались для обѣихъ сторонъ непримѣтными, дѣлаются очень чувствительными для чувства сознательнаго и составляютъ вѣчные поводы къ усиленію вражды, что самая прочность и острота вражды увеличивается по мѣрѣ развитія сознанія, потому что она становится на прочномъ основаніи, является не какъ моментально вспыхнувшее чувство вследствие даннаго оскорбленія, но какъ сила принципа, не прекращающаяся никогда, для которой частный случай служитъ только поводомъ обнаружить свою соединенную во имя извѣстнаго принципа ярость; привести въ исполненіе давно обдуманной и приготовленной планъ. Это не борьба непосредственнаго чувства, быстро и легко вспыхивающаго и также скоро и безслѣдно потухающаго, а борьба холоднаго, твердаго во всѣхъ дѣйствіяхъ ума, который и при

самомъ пораженіи остается необъятнымъ... А при оставіи общества изъ стихій, не слагаемыхъ между собой, или не подлежащихъ сложению по известному принятому способу ихъ сложения, когда же кончится, борьба принциповъ? — или, лучше сказать, развѣ можетъ она когда нибудь кончиться? — Смотри на все это, невольно думаешь: «зачѣмъ же люди сходились въ общества, когда они вмѣстѣ не могутъ жить мирно, или зачѣмъ слагались такъ, чтобы жить не мирно?»

Говорятъ: такое состояніе обществъ, временное. Будетъ дескать время, когда цивилизація равномерно распределитъ между всѣми дары знанія, доколовства, свободы? — Гм! Можетъ быть. Когда жъ, однако это будетъ? — Родъ человѣческой, по христіанскому счисленію просуществовалъ уже болѣе 7000 лѣтъ. А вѣдь мало примѣтно въ того времени благъ, которыя бы равномерно распределались между родомъ, человѣческимъ. Глубокое невѣжество, досадъ существуетъ между массами въ государствахъ самыхъ цивилизованныхъ; рабство въ Европѣ de jure хотя и уничтожилось, но de facto существуетъ въ видоизмѣненной формѣ едва ли не въ той степени, въ какой существовало и въ древности, по крайней мѣрѣ во многихъ еще европейскихъ государствахъ. — Мы разумѣемъ беззащитность слабого предъ произволомъ, насиліемъ, угнетеніемъ при всѣхъ законныхъ гарантіяхъ. Что касается до неравномерности распределенія матеріальнаго благосостоянія, то въ этомъ отношеніи наше время далеко оставило за собою древній міръ. Едва ли напнталы стагнивались когда нибудь въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, въ однихъ рукахъ, въ какихъ они стагнируются въ настоящее время, и едва ли когда нибудь пролетаріаты, бѣдности, и нищета развивались до такихъ крайностей, и развивались такъ широко, какъ мы видимъ въ наше время. И нѣтъ никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы было ожидать, чтобы когда нибудь все это кончилось, и даже нѣтъ никакихъ оснований, судя по современному устройству обществъ, думать, чтобы это могло кончиться. Не задумалъ ли народовѣчество, идякомъ совершенна для него недостижимымъ, который никогда не будетъ выполнятъ, на дѣлѣ, и все наслажденія жизни человѣчества во все вѣка будетъ состоятъ изъ одного только стремленія, исканія чего-то, однимъ словомъ, въ вѣчной суетѣ, или можетъ быть идеалъ и достижимъ, но достижимъ, когда всякое человѣческое общество будетъ идти къ нему дружно, общими массами, а не такъ какъ идутъ общества теперь, — когда массы обществъ едва начнутся по долию исторіи, а авангарды обществъ обогнали ихъ на нѣсколько тысячелѣтій. При такомъ недружномъ движеніи, авангарды не могутъ ничего, общаго съ массами, и самыхъ высокихъ благъ цивилизаціи, добываемыхъ первыми, остаются чуждыми для послѣднихъ и не приносятъ

нимаются ими или навязываются имъ насильственно, составляя не по этому самому въ ихъ жизни, и безъ того горестной, новую отраву.

Но по этому же самому и въ жизни самихъ авангардовъ, т. е. людей истинно передовыхъ въ цивилизованныхъ обществахъ, блага цивилизации составляютъ не меньшую горечь. Жизнь, какъ наслаждение, давно потеряла смыслъ въ обществахъ, устроенныхъ на европейскій ладъ, т. е. цивилизующихся по принятому въ нихъ способу. Она представляеть собою постоянный, непрерываемый, утомительный процессъ нескончаемаго труда, суеты, борьбы, въ видахъ благодѣтельности ради потомковъ, потому; дескать, что блага, добываемыя авангардами обществъ; современными массами не могутъ быть поняты и приняты.

— Вы, положимъ, гениальнѣйшій ученый экономистъ, статистикъ, техникъ — вы написали великолѣпный проектъ желѣзной дороги отъ Одессы до Читы, самый удобный къ исполненію по дешезвинѣ. Для васъ лишь, какъ для дельца, выгоды, вамъ пріобрѣтеть общество отъ выполнения этого проекта къ своему развитію во всѣхъ отношеніяхъ. Стоитъ обществу съ вами на одинаковой или близкой къ вамъ высотѣ знанія и разумія, своихъ выгодъ, и будь оно болѣе или менѣе уравнено въ нравственномъ благосостояніи, ему ничего не стоило бы привести вашъ проектъ въ исполненіе. Какимъ нибудь три рубля въ годъ съ души, и черезъ нѣсколько лѣтъ проектъ былъ бы приведенъ въ исполненіе — дорога была бы готова. Теперь вы пишете вашъ проектъ съ надеждою, что его бытъ можетъ оцѣнить и поймутъ ваши внуки, а можете быть и то, что внукъ, одѣлавшись дѣдомъ, будетъ передавать это тѣмъ только въ надеждѣ, что авось проектъ будетъ понять и оцѣнить его внуками. А вѣдь если вы истинно образованный, передовой человѣкъ, если смотрите на мысль какъ средство для дѣла, то не можете же вы наслаждаться тѣмъ, что вы написали нѣсколько листовъ очень хорошихъ вещей, связаннымъ и положенныхъ и блестяще выраженныхъ. Итогомъ вашей работы будетъ горькое сознание, что все, что вы написали, неисполнимо, неприложимо въ настоящее время, а если и исполнимо, и приложимо, то способами вовсе для васъ не желательными, черезъ какія нибудь эксплуатирующія компаніи, въ родѣ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, одна мысль о которыхъ убиваетъ въ зародкѣ всякое желаніе сообщать массамъ какія бы то ни было блага цивилизации... Значитъ, все наслажденіе, которое вы получаете отъ вашего труда, — это надежда, что внуки и правнуки, могутъ быть внуки, правнуки этихъ правнуковъ, — однимъ словомъ, отдаленная отъ васъ поколѣнія поймутъ, примутъ и исполнятъ вашу мысль. Но для нихъ нужно ли было вамъ трудиться? Если они будутъ стоять на той высотѣ, что мысль ваша будетъ очень высока даже масса, которая будутъ составлять тогдашнее общество, то имъ вѣдь

и добыть эту мысль не будетъ ничего стоить. Не напрасно ли вы суетились, заботясь о нихъ? — Трудиться полезно только тому, кто трудится для удовлетворенія современныхъ нуждъ, для разрѣшенія современныхъ вопросовъ, указываемыхъ даннымъ состояніемъ общества, потому что этимъ трудомъ поднимается уровень пониманія и благосостоянія массъ, и тѣмъ приготовляются лучше всякихъ самыхъ блестящихъ прожитковъ тѣ дешевыя средства, при помощи которыхъ потомки сдумаютъ построить отличныя, хорошія дороги. Да не подумасть кто нибудь, что, говоря это, мы возстаемъ противъ преждевременности у насъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Найдутся, пожалуй, вѣдь чего добраго, и такіе толковники! Въ государствѣ, гдѣ передовое общество оторвалось отъ народныхъ массъ цѣной бездѣи — безъ преждевременностей быть невозможно, и тѣмъ болѣе было бы безразсудно возставать противъ такихъ преждевременностей, которыя несомнѣнно благодѣтельны для развитія народнаго; хотя и не остаются безъ частнаго зла, которое было бы немислимо при другомъ составѣ народныхъ массъ. Если главное общество желѣзныхъ дорогъ, вмѣсто 5000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, едва усилю отъ начала своего существованія окончить принятую нинѣ въ свое вѣдѣніе петербургско-варшавскую желѣзную дорогу, истративъ на это суммы, которыхъ безъ-малаго хватило бы на постройку всей предполагавшейся сѣти дорогъ, при другихъ, разумѣется, приѣмахъ постройки; если русская рѣка Нерль никакъ не можетъ поладить съ французскими инженерными, разрывъ мостъ и мачтину. созданныя гениемъ французскаго народа и причинивъ тѣмъ убытку тысячъ на 500 рублей; если козды, управляемые составомъ французскаго персонажа не хотятъ остановиться, чтобы оказать помощь русскому человѣку, раздавленному поѣздомъ; если русскихъ мужиковъ, съ поѣзда которыхъ получаетъ главный доходъ своей желѣзной дорога, доселѣ очень нерѣдко отправляютъ въ загонъ, устроенныхъ для перевозки быковъ, а управляющій поѣздомъ персонажъ обращается съ ними не какъ съ пассажирами, а какъ будто съ людьми, попавшими въ русское тюремное заключеніе, — то вѣдь все это такія мелочи, на которыя, конечно, не стоить обращать вниманія. Но истинно передовой человѣкъ, который ищетъ, положивъ, проектъ о желѣзныхъ дорогахъ, не можетъ не помнить, что все это могло бы и не быть при другихъ условіяхъ жизни, и въ пошъ не можетъ сознаніе добра, которое онъ хочетъ сдѣлать, не отражаться нѣкоторою горечью при представленіи сомнительныхъ выиграній и безмысленнаго множества другихъ подобныхъ мелочей, которыя несомнѣнно заглушаютъ собою это добро; — следовательно, въ настоящихъ для него полное наслажденіе состоитъ трудомъ потерянномъ. Наслажденіе

будущимъ, т. е. надеждой, что трудъ когда нибудь будетъ оцененъ, подрывается, какъ мы уже сказали, тѣмъ весьма вѣроятнымъ предположеніемъ, что для потомства такой трудъ будетъ вовсе безполезенъ. Есть ли наслажденіе трудиться, ускокивая отъ пониманья, развитія массы на цѣлыя тысячелѣтія?

Положимъ, вы законодатель. Вы составили нукъ великолѣпнѣйшихъ законовъ по какой нибудь отрасли управленія, держась неуклонно при ихъ составленіи уровня современной науки. Вы убѣждены твердо, что законы эти, понятые и принятые къ сердцу, исполняемые твердо, охраняемые бдительно, составили бы счастье пользующихся ими. Какой источникъ наслажденія въ сознаніи такой плодотворности труда? Но вы знаете вѣдь очень хорошо, что массы не поймутъ широты и глубины воззрѣній, руководившихъ васъ при составленіи законовъ, монолиты ихъ съ первыхъ инстанцій постараются сдѣлать изъ нихъ спекуляцію или будутъ такъ вводить ихъ въ практику жизни, что къ нимъ получителъ общее отвращеніе. Значить, для васъ наслажденіе потеряно. Расчетъ опять на потомство... Но потомство, въ которомъ будутъ развиты массы, съумѣетъ написать законы лучше вашихъ. Какая польза въ томъ, что вы усакали отъ народа?

Положимъ, наконецъ, вы купецъ, изучившій коммерческое дѣло по наставленіямъ современной науки до послѣдней тонкости и современною же наукою безукоризненно нравственно развитый. Вы заводите хорошую лавку съ цѣлю основать разумную и честную торговлю, не обманывая покупателей. Вы отправляетесь къ фабриканту за покупкой, положимъ, ситцу, даете ему за товаръ наличныя деньги, вслѣдствіе чего, такъ какъ подобныя случаи рѣдкость, фабрикантъ даетъ вамъ свой товаръ на выборъ, дѣлаетъ уступку въ цѣнѣ. Тотъ самый ситецъ, который другой купецъ выстѣ съ вами и притомъ безъ выбора покупаетъ въ долгъ по 25 к., вы покупаете по 20 к. Возвращаясь съ хорошо отобраннѣмъ и дешево купленнымъ товаромъ, вы продаете свой ситецъ, положимъ 25 аршинъ. Барышъ, кажется, несомнѣнный; другимъ трудно съ вами соперничать. Смѣтрите, а купецъ, который покупалъ ситцы выстѣ съ вами у фабриканта, за 25 к. аршинъ, тотъ же самый ситецъ продаетъ по 15 к. сер., и вѣроятно находитъ такую продажу выгодной для себя. Тутъ только вы видите, что есть вещи, противъ которыхъ не поможетъ никакая наука... Какая польза изъ того, что вы личнымъ вашимъ образованіемъ опередили массы?

— Что же дѣлать, спросятъ насъ? Какимъ образомъ уничтожить зло въ его корнѣ? — Массы, какъ показываетъ исторія всей Европы, движутся такъ медленно, что идти съ ними въ уровень—значить почти тоже, что остановить историческое развитіе человѣчества. Въ частности, по отношенію къ нашему отечеству, невозможно же намъ отка-

заться отъ своего образованія, отъ идей добытыхъ и добываемыхъ европейскою наукою, и стать въ уровень съ массами, коснѣющими къ невѣжествѣ.

На это нашъ отвѣтъ слѣдующій.

Когда мы говоримъ, что всякое общество должно развиваться дружно, въ совокупности всѣхъ своихъ членовъ, то этимъ не хотимъ высказать того, что въ обществѣ не должно быть передовыхъ дѣятелей. Они всегда будутъ. Но истинно передовые дѣятели, тѣсно связанные съ народомъ, не будутъ отрѣшаться отъ его коренныхъ понятій, не будутъ утекать отъ него на тысячелѣтія впередъ, оставивъ его безъ всякаго вниманія, а будутъ, напротивъ, обращать всю заботливость; чтобы не давать ему далеко отставать за собою. Исторія Европы страдаетъ именно тѣмъ недостаткомъ, что массы остаются въ ней безъ призрачія, и о движеніи ихъ впередъ никто не заботится. Что касается до нашего собственно отечества, то нельзя бросить ни образованіе и идеи науки, а нужно подвинуть къ себѣ массы, обратить на это въ настоящее время все наше вниманіе.

Мы прищипы, какъ видитъ читатель, къ вопросу о сближеніи съ народомъ.

Воображаемъ, съ какою улыбкою Н. Ф. Павловъ прочтетъ эти строки, если только онъ удостоиваетъ своимъ вниманіемъ нашъ обзоръ. Онъ написалъ нѣсколько юмористическихъ статей въ насмѣшку надъ тѣми, которые толкуютъ надъ слитіемъ съ народомъ. Н. Ф. Павлову забота о томъ, чтобы слиться съ народомъ представляется нелѣпостію, — дескать, нужно бы было слиться, смилиться бы сами собою безъ хлопотъ, значить дескать, въ духѣ народномъ нѣтъ смлы, когда онъ подавленъ образованными классами, и философствуетъ обо всемъ этомъ Н. Ф. Павловъ такимъ образомъ:

«Намъ говорятъ, что тотчасъ, какъ только сольемся, то уже никто болѣе не охметъ и не будетъ даже такихъ морозовъ, какъ въ пынѣиную зиму. Точно, должно быть пріятно видѣть себя въ кругу единомышленниковъ. Взглянешь въ окно, увидишь на улицѣ восточнаго пѣшехода съ зашнѣвѣвшей бородой, съ отмороженными носомъ. Кажется, есть разница: тотъ дрогнетъ отъ стужи, а ты сидишь въ теплой комнатѣ. Разница страшная, разрывъ ужасный. Горько становится, приходишь въ отчаяніе; но какъ получишь убѣжденіе, что душа прохожаго и ваша душа находятся въ самыхъ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ, то, конечно, и вамъ, и ему сдѣлается стремительно легче: тотъ перестанетъ заблутъ, а вы горевать. Услѣдительно сближеніе человека съ кѣмъ-нибудь, даже съ однимъ изъ себя подобныхъ. Что-же, какое чувство должно посѣтить его сердце, когда мысль забрѣтѣтъ въ его мозгъ, ссан онъ живетъ за шнѣвѣвая съ масса-

ни, съ миллионами, понимаятъ ихъ, а они понимаютъ его, если какой-бы вздоръ не долетѣлъ ему въ голову, то этотъ-же самый вздоръ въ ту-же минуту займетъ умы бесчисленнаго, нескончаемаго народа? Съ чего-же, повторимъ, начать, чтобы водворить миръ и согласие въ раздѣленной селѣ, чтобы придти къ единству съ этой доброй Россіей, съ этой родимой почвой, ветрала, нѣрѣдка, тамъ и слѣзь короля плескающая шумоювной, неслодотворной, ни на что негодной цивилизаціи? Разумѣется — съ сущности, съ корня. Если поселиться съ народомъ подъ одну кровлю, снѣжная можетъ и не прогайдти. Видѣть живутъ-же шибетскія мушкетеры съ шеной, а между-тѣмъ бываютъ положены на друге лагера, который смотритъ въ двѣ противоположныя стороны. Слѣдательно, надо повести дѣло такъ, чтобы точно захватить всею душою въ душу, и захватить такимъ универсальнымъ, чтобы цѣлый миръ загнулъ уши отъ месельханской гармоніи. Таинствъ образомъ, когда малое соединяется съ народомъ въ основѣ, въ главномъ, то конечно, владѣетъ и въ подробностяхъ. Для разнохарактернаго балета не будетъ бѣды шибета. Основу эту, какъ волнѣй согласится, составляетъ народный духъ, тотъ умъ зрѣдїя, надъ которымъ смотритъ ома на мирѣ, какъ общественный, такъ и духовный, и надъ которымъ представляется ему все дѣленіе этихъ двухъ различныхъ формъ бытія. И такъ, чтобы достигнуть предположенной намъ цѣли, мы должны усвоить себѣ этотъ духъ, проникнуться имъ до меду костей, подчиниться ему безпрекословно. Но, предположивъ, что у насъ не сберелась селѣмля народный свѣрхній, что Петръ Великій, не шуля, обратилъ русенна въ мѣлмекъ, какъ-оно допуститъ, чтобы придти въ первобытное состояніе? На словахъ это легко, но что дѣлать на практикѣ, за что приниматься тому, кто надумаетъ, какъ мы въ настоящую минуту, съ шибетскимъ сердцемъ, съ утунчивымъ умомъ, приобщиться къ этой истой, вѣрнопной, завесной Россіи? Духу нельзя учиться съ указкой въ рукахъ, какъ азбуку; духъ что-то неуловимое, неопредѣляемое, неосвѣтальное. Мы можемъ проецировать цѣлую жлапъ надъ народными наметниками, затвердить наизусть все мелочи народнаго быта, какъ сдѣлали это гѣмцы съ греками и индусами, и остаться непричастными народному духу, сохранить въ неприкосновенности свои собственные возрѣнія, или, пожалуй, передразниваемъ свое обезьянство. Нѣмцы не сдѣлались ни греками, ни индусами. Потому, что жезво заварданный духъ, который требуетъ отъ насъ старій, усмій, какихъ-то подвиговъ для возможности общенія съ нимъ? Это общеніе должно, кажется, приходитъ само собой, неволью. По настоящему, еслибъ мы съ шибетской стойкостью уперлись противъ вліянія народнаго духа, то все-таки должно бы вернуться въ нашу грудь, завладѣть нашей плотью и кровью. Господство народнаго духа распространяется непо-

слишимъ для человека образомъ, безъ всякаго учета его воли. Это своего рода шакство. Народный духъ налагается деспотически, безъ прений, безъ правой и лѣвой стороны. Тутъ передъ нами антискій властелинъ, который говоритъ: какъ ни разсуждайте, а будетъ по моему. Безочетный, безграничный, безосмысленный деспотизмомъ имѣруется живизнность, могущество и плодотворность народнаго духа. Это не онъ, если ему нужно переписать вамъ подкрѣпленіе журнала. Народный духъ не станетъ просить, чтобъ его приняли въ соображеніе, и изъ милости не притѣняются его. Когда дѣлается упрекъ образованнымъ классамъ, что они оторвались отъ народа и подавили народный духъ, то это упрекъ духу, а не классамъ, потому что признается въ одномъ началѣ силы, въ другомъ — слабость. Должно всегда становиться на сторону слабыхъ, но когда идетъ рѣчь объ идеяхъ, то найдется ли возможность отрицать, что идея болѣе сильная есть въ то же время и болѣе справедливая?»

Какъ это все красиво! Читая тираду, не вѣрится, что это пишетъ русскій литераторъ-публицистъ. Точно будто какой нибудь dissimulus уравнивается въ словосочетаніи на заданную ему трудную тему — *о сліянніи съ народомъ*....

Вотъ что прочли мы недавно въ «Рижскихъ Вѣдомостяхъ».

Рига 24 апрѣля. (Партія въ Россіи). «Во вчерашнемъ № мы сдѣлали кой-какія замѣтки на статью «Сѣверной Пчелы», враждебно для нѣмцевъ; если бы у насъ была охота пускаться въ полемику, мы могли бы еще недавно, по поводу письма Гильфердинга, подвергнуть разсмотрѣнію программу славянофиловъ, содержащуюся въ томъ письмѣ. Но мы избѣгаемъ всякой полемики, чтобы не подать повода думать, будто мы сами хотимъ возбудить вражду къ себѣ, хотя вражда эта и давно уже существуетъ (по крайней мѣрѣ въ известныя партіяхъ). Кой-какія выходы русской прессы показываютъ однакожъ, что пора намъ прервать молчаніе, пора дѣйствовать не только оборонительно, но и наступательно. Программа славянофиловъ состоитъ вотъ въ чемъ: возвратити древне-славянскій составъ общества (Altslavische Zustände), стѣснить нѣмецкій элементъ и быть въ оппозиціи противу правительства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно будетъ показывать наклонность къ западнымъ идеямъ. Мы видимъ, что эта партія самая опасная, потому что она легко можетъ возвѣчь національную ненависть въ грубыхъ классахъ. Только немногія (русскія) газеты не впадаютъ въ этотъ (враждебный нѣмцамъ) тонъ, а именно: «Сѣверная Почта» «Петербургскія Биржевыя Вѣдомости» и «Наше Время». Къ этимъ либеральнымъ русскимъ органамъ въ русской литературѣ мы не можемъ не относиться съ привѣтствіемъ и благожелан-

ниси, съ нами по-американски; ибо партия съзнаваетъ съ нами общій интересъ заботиться о поддержкѣ правительства во всѣхъ его резервахъ; протѣивудѣйствовать всякому одностороннему повороту (Вотопен) национальности, будь-то ли по русской, польской, нѣмецкой, латышской или финской, и преслѣдовать общія гуманныя цѣли. Тогда левъ «Инвалидъ» выказываетъ то же самое желаніе, чтобы Россія слѣдовала по американскому востановленію государствамъ съ страстію къ завоеваніямъ; эта парція провозглашаетъ интереса: экономическія и народнаго образованія. Намъ нѣтъ нужды говорить, что защитники этого направленія, а именно «Наше Время» национально-прогрессивной партію (которая во многихъ случаяхъ, не нашему мнѣнію, партія реализаціонна) преслѣдуется грубѣйшими насмѣшками, намъ это еще недавно встрѣтили мы въ одной статьѣ «Сибирской Почты». Такъ какъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что объ эти партіи существовать, то не надобно забывать старинной нѣмецкой поговорки: (выбравъ) или молодежь или нивозальце. Или побѣдѣ западной партія, къ приверженцамъ которой, выхотѣ съ германскими элементами ослѣпшихъ провинцій и столицей, мы причисляемъ и вышеупомянутые органы русской литературы, или побѣдѣ та партія, которая хочетъ возврата древне-славянскаго состава государства—и тогда послѣдствіемъ послѣдовательно проведеннаго принципа национальности будетъ распаденіе царства. Побѣдѣ или умереть! Средины почти не можетъ быть въ этой борьбѣ.»

Г-жа Rigasche Zeitung! Was ist das?

Такое единіе съ народомъ, какое проповѣдуемъ мы, кромѣ того, что вообще возгонить нѣмецкія воззрѣнія на русскую жизнь въ образованномъ обществѣ, существенную и главную услугу окажетъ ему то, что дастъ ему единство политическаго взгляда, т. е. единство взгляда на общественное устройство. Въ настоящее время, среди разнаго рода теорій общественного устройства происхожденія не русскаго, не знаемое совершенно съ народнымъ общественнымъ устройствомъ, наше общество совершенно растерялось и можно сказать, какъ общество, совершенно не существуетъ, что впрочемъ ему нисколько не мѣшаетъ быть ученымъ, образованнымъ, гуманнымъ и т. д. Дѣло въ томъ, что наука есть только питаніе для готоваго организма, а организмъ общественный создается нѣковою жизнью народа. Отдѣлившись отъ народа кружкомъ, воспитавши этотъ кружокъ въ воззрѣніяхъ чуждыхъ народнымъ, вы можете отказаться отъ народа во духу, но создать своего общества не можете, потому что на дѣлѣ-то вы должны дѣйствовать все-таки въ томъ же народѣ, который не примыкаетъ къ вашимъ воззрѣніямъ. И такимъ образомъ надъ образованнымъ обществомъ необходимо повторяется въ этомъ случаѣ исторія о воронѣ,

одышнейся съ гнилыми жерями, которая отъ веревки отстала, а къ туману не пристала.

«Чтобы пояснить это припрямъ, я обращаюсь въ Петербургъ. Петербургъ самый образованнѣйшій изъ воѣхъ нашихъ городовъ и болѣе всѣхъ по общему воззрѣнью приближавшійся къ Европѣ. Что же такое представляетъ собою петербургское общество?»

«Когда я говорю о Петербургѣ въ сравненіи съ Москвою, то всегда отдаю предпочтеніе Петербургу; это, конечно, не разъ уже замѣчано вы, благословенный мой читатель. Дѣлать я это не потому, чтобы болѣе любить въ Петербургѣ, видѣвъ въ немъ какія нибудь особенныя достоинства, а именно потому отдаю предпочтеніе Петербургу предъ Москвою, что Петербургъ представляетъ собою нечто неизлечившееся, неустановившееся, неопредѣленное, изъ чего при известныхъ условіяхъ еще можно что-то сдѣлать, а Москва уже очень сурьдлена, слѣпнромъ окрѣпла въ известныхъ позахъ, привыкъ, привыкннхъ же всё stinkt, такъ что запаха, въ ней существующаго, не выкурннхъ никакими благоуханннхъ, не истребишь никакими излеченннхъ.

Когда же я начинаю думать о Петербургѣ относительно къ Москвѣ, я прихожу въ ужасъ отъ созерцанія Петербурга. Въ петербургскомъ обществѣ вы нигдѣ не встрѣчаете мысли. На церквахъ, казенныхъ и общественныхъ зданіяхъ, частныхъ домахъ, улицахъ и проч. вездѣ болѣе или менѣе видно подражаніе иностранца; кухня, мебель, платье, даже нравы и обычаи, — все привезено изъ за границы. Населяютъ Петербургъ хотя болѣею частію и русскіе люди, но какъ они пришліи въ Петербургъ народъ и притомъ стелннхъ сюда изъ разныхъ угловъ Россіи, то они не имѣютъ ничего между собою солидарнаго ни въ образѣ мыслей, ни въ образѣ дѣйствій. Каждый изъ нихъ, что называется, стравнннхъ лометь отъ короля, — т. е. человекъ, сторванннхъ отъ міросозерцанія той среды, въ которой онъ родился, воспитанъ, провелъ значительную и часно большую часть жизни, и затѣмъ въ Петербургѣ по отсутствію здѣсь не только единства; но и какой нибудь значительной общности опредѣленныхъ міросозерцаній, не имѣющей точки опоры, къ которой онъ могъ бы прикрѣпить себя для внутренняго общественнаго развитія въ одномъ известномъ направленіи, болѣе ему сронномъ. Однимъ словомъ, каждый пришліи человекъ въ Петербургѣ — человекъ въ некоторомъ образѣ растерянннхъ. Въ этомъ отношеніи каждый самый незначительный городъ въ Россіи, кака нибудь Тараща, кака нибудь Малмыжъ стонгъ безмолжно выше Петербурга. Потому что каждый городинко имѣеть свою мысль обо всемъ, те есть, имѣетъ міросозерцаніе религіозное, политическое, общественное, болѣе или менѣе общее всему населенію. Сообразно съ этимъ міросозерцаніемъ

и мыслимы, и дѣйствуютъ все населеніе или самая значительная часть его. Но не домашнѣе составное члене нація, имперія, полонія; хотя въ Красноуфинскѣ, что она существуетъ, во такъ иномъ и стоитъ все красновинское население. Или если тамъ пожелано за правило младшихъ не говорить при старшихъ, то все население и почитаетъ это правило за нарушенное. Въ Петербургѣ совсѣмъ не то. Здѣсь въ одномъ и томъ же домѣ, въ квартиркѣ расположившись въ одной корридорѣ одинъ вѣруетъ въ домового, а другой въ Бога не вѣруетъ, одинъ думаетъ, что надо всѣмъ являться, другой думаетъ, что не только не надо никому являться, но надо даже забыть тѣхъ, кто явится, — и такъ во всемъ прочемъ. Нѣтъ не только никакого единства въ воззрѣніяхъ, но нѣтъ никакого даже болѣе общаго центра, къ которому могли бы тяготѣть разныя единичныя воззрѣнія. Оттого каждый городъ непремѣнно болѣе или менѣе ассимилируетъ себя ирѣзжаго въ него человека, исключая развѣ ужъ такихъ; убѣжденія которыхъ диаметрально противоположны убѣжденіямъ города. Петербургъ никого не ассимилируетъ, здѣсь каждый самъ по себѣ.

Поэтому отъ такого положенія петербургскаго общества здѣсь должны бы были выработываться все люди съ самостоятелною мыслью, съ самостоятельнымъ характеромъ. На дѣлѣ выходитъ совершенно противное: образуется болѣею частью люди растеряныя, безъ всякой самостоятельности во взглядѣ и образѣ дѣйствій. Такъ оно и должно быть. Мысль человѣческая можетъ правильно развиваться только въ обществѣ, то есть при известномъ сложившемся общественномъ міросозерцаніи, будетъ ли она развиваться солидарно съ этимъ міросозерцаніемъ или какъ отрицаніе его. Въ первомъ случаѣ облегчается работа ея саморазвитія; ибо развитію ея помогаютъ тѣлечи другихъ, дружно дѣйствующихъ съ нею мыслей, изъ которыхъ каждая разрабатываетъ частныя вопросы общаго міросозерцанія, въ известномъ опредѣленномъ его направленіи; во второмъ случаѣ самая неправоуверенность развитія общаго міросозерцанія, заставляя винять въ совершающіхся фактахъ, въ причинахъ ложнаго пониманія дѣла, указываетъ правильную дорогу единичной мысли для собственнаго саморазвитія. Дѣйствуя въ одиночку, частная мысль necessarily дѣлается односторонней, бѣдной содержаніемъ, а главное шаткой; какъ неимѣющая опоры въ практикѣ жизни. Отъ этого мы видимъ слонъ и рядомъ то повидному странное, но въ самомъ дѣлѣ весьма логическое явленіе, что люди весьма умныя и весьма ученые, но изолированныя себя отъ общества въ своихъ кабинетахъ, на дѣлѣ часто оказываются никуда негодными, людьми безъ мысли, робкими, способными поддаваться всякому стороннему вліянію. Отъ этого и

Петербургъ—блестящій Петербургъ, образованный, интеллигентный, умный, учивый, въ сущности дѣла городъ безъ всякой мысли. Иванъ Ивановичъ здѣсь думаетъ такъ, а не иначе потому, что такъ думаетъ Федоръ Петровичъ, его начальникъ; Петра Троицкаго думаетъ такъ, а не иначе потому, что такъ написано въ газетныхъ книжкахъ или вѣсть въ вѣсть книжкахъ и журналовъ; Павелъ Александровичъ ничего не думаетъ никогда, а соглашается вѣдь съ образомъ мысли ближайшаго его сосѣда; Кузьма Васильичъ совершенно одичалъ и думаетъ такое странное, что было бы гораздо лучше, если бы онъ ничего не думалъ. Общественной мысли руководящей нѣтъ никакой. Оттого въ Петербургѣ существуетъ такая политическая анагія къ общественнымъ дѣламъ, какую трудно встрѣтить въ самомъ послѣднемъ ничтожномъ русскомъ городишкѣ. Въ доказательство напихалъ словъ позволимъ себѣ привести выдержку изъ статьи г. Серно-Соловьевича о петербургскихъ городскихъ выборахъ нынѣшняго года, напечатанной въ 13—14 номерѣ «Вѣка».

«Въ странахъ образованныхъ, гдѣ развиты общественная жизнь и гражданственность, выборы—государственные, городскіе, общинные — составляютъ событіе для всего государства. За нѣсколько недѣль до выборовъ, начинается избирательное движеніе. Журналы всѣхъ цѣтвъ готовятъ и настраиваютъ общественное мнѣніе, клубы и политическія ассоціаціи усиленно проваганду: партіи сдѣлываются о кандидатахъ. Вся страна съ нетерпѣніемъ ждетъ списковъ, потому что каждое имя — программа. Общественный пульсъ бьется до того сильно, общее вниманіе до того напряжено, что всѣ другія дѣла отходятъ на второй планъ. Это весьма естественно. Результатъ выборовъ опредѣляетъ систему управленія на весь избирательный періодъ, представляетъ торжество въ данной мѣстности извѣстныхъ началъ, пораженіе началъ противоположныхъ. А какъ начала борющіяся въ каждой мѣстности тѣ же, которыя раздѣляютъ жителей всей страны на противоположные лагеря, то побѣда или пораженіе на одномъ пунктѣ ощущается одинаково сильно повсюду. Чѣмъ развитѣе и самостоятельнѣе общество, тѣмъ менѣе зависитъ результатъ выборовъ отъ случайностей. Тамъ, гдѣ сознательно пользуются своими правами, тамъ каждый избиратель является на выборы съ тѣмъ, чтобы положить бѣлый шаръ кандидатамъ своей партіи, черный кандидатамъ противниковъ. Начала имѣющія наиболѣе сторонниковъ непременно возьмутъ перевѣсъ, — и это почти всегда напередъ извѣстно. Бываетъ конечно, что отсутствіе массы избирателей дастъ перевѣсъ партіи въ дѣйствительности менѣе сильной, но это только доказываетъ, что сила энергіи и дѣятельности можетъ брать верхъ надъ числительной силой. Бываютъ случаи, что подку-

ны, мошенничества, административная насилія рѣшаютъ судьбу выборовъ, — но оцѣтъ-таки, чѣмъ развитѣе народъ, и чѣмъ выше его благосостояніе, тѣмъ развитѣе онъ охраняетъ свои права, тѣмъ оцѣ безопаснѣе отъ подобныхъ злоупотребленій. Тамъ, гдѣ гражданственность развита — въ Швейцаріи, напримѣръ — всеобщій интересъ, возбуждаемый выборами, до того силенъ, что въ день баллотировки все населеніе, не выключая и иностранцевъ, съ утра до вечера толпится въ избирательномъ залѣ. Тутъ уже, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о диктовкѣ и нашептываньи именъ, передергиваньи лициковъ, фальшивомъ счетѣ балловъ и тому подобныхъ фокусахъ.

«Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ выборы у насъ. Даже и тѣмъ участія или интереса не возбуждаютъ они въ самой средѣ, участвующей въ выборахъ. О лицахъ не заинтересованныхъ непосредственно и говорить нечего. Кому, напримѣръ, не говоримъ въ Россіи, — но въ Петербургѣ, было заранѣе извѣстно, что 17 марта начнутся выборы въ с.-петербургской городской общей думѣ? Исключая домовладѣльцевъ-избирателей, увѣдомленныхъ повѣстками о наступленіи срока выборовъ для возобновленія личнаго состава с.-петербургской городской общей думы на трехлѣтіе съ 1862—1864, да журнальныхъ въстаниковъ, обязанныхъ ех officio, знать всѣ городскія новости и сметки, — едва ли кто подозревалъ объ этомъ событіи; мало того, лишь самая незначительная часть столичнаго населенія имѣетъ ясное понятіе о томъ, что за учрежденіе с.-петербургская общая Дума, что она дѣлаетъ, что можетъ сдѣлать для общественнаго благосостоянія?»

«А между тѣмъ этой думѣ по законамъ ввѣрено главное наблюденіе за правильнымъ движеніемъ городскихъ доходовъ и расходавъ, попеченіе объ охраненіи порядка въ городскомъ хозяйствѣ и право сѣдательства о пользахъ и нуждахъ общественныхъ. Другими словами, отъ думы зависитъ сдѣлать нашу городскую жизнь безопасною, удобнымъ, и пріятною, или наоборотъ. Личная и имущественная безопасность, дешевизна, удобства и пріятности жизни — кажется, въ этомъ сосредоточено все, что наиболѣе интересуетъ каждое отдѣльное лицо и цѣлое общество, чего человекъ, по природѣ своей, долженъ домогаться...

«Не подлежитъ сомнѣнію, что самое учрежденіе с.-петербургской думы въ настоящемъ видѣ несовершенно. Оно могло считаться крайне прогрессивнымъ и либеральнымъ въ эпоху своего возникновенія, въ 1846 году, но въ теченіе 15 лѣтъ и понятія и требованія жизни не оставались неподвижными. Либеральное въ то время, будетъ отсталымъ теперь, если осталось на прежней точкѣ развитія. Составъ уполномоченныхъ отъ домовладѣльцевъ 5-ти сословіій (дворянъ, потомственныхъ, дворянъ личныхъ и почетныхъ гражданъ, куп-

цовъ, шпандъ и ремесленниковъ), избравшихъ своихъ представителей по-сословно, разделивъ на общую и распорядительную, с.-петербургская городская дума соединяетъ въ себѣ всѣ недостатки, всю рутину сословно-капиталистскаго учрежденія и, вмѣсто представительнаго установленія, становится почти канцелярскимъ мѣстомъ. Не если дума имѣетъ всѣ эти недостатки, если они не исправилась въ теченіе 15 лѣтъ, кто виновъ тому? Невоссредственно, несостоятельность самаго общества; — въ сущности общія причины, обуславливающія эту несостоятельность. Петербургскіе домовладѣльцы составляютъ числомъ тысячи, — въ средѣ ихъ можно считать сотнями лицъ принадлежащихъ къ такъ-называемымъ высшимъ классамъ, лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности, лицъ, независимыхъ по своему положенію, — они владѣютъ, въ совокупности, десятинами, быть можетъ, сотнями милліоновъ; они имѣютъ въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность пункта, управляющаго торговымъ и промышленнымъ движеніемъ цѣлаго государства. Какіхъ же еще пужно элементовъ, чтобъ составить действительную силу? И что же, не только ни разу, ни единого разу с.-петербургскіе домовладѣльцы не проявили себя какъ корпорція, но они, повидимому, и не подозреваютъ, что могутъ что-либо сдѣлать. Административно-бюрократическая опека ни мало не тяготила ихъ. Они, повидимому, были весьма рады, чтобъ опекуны дѣлали за нихъ сколько можно болѣе. При такомъ расположеніи городского общества, нисколько неудивительно, что городское хозяйство велось по рутинѣ и что С.-Петербургъ отсталъ, относительно удобства жизни, даже отъ второстепенныхъ городовъ западной и средней Европы. Въ любомъ городѣ Англій, Бельгій, Германій, Пруссій вы найдете прекрасное газево освѣщеніе, хоронія мостовыя, удобныя и дешевыя экипажи, опрятныя гостиницы и café, дешевый столъ. Всего этого у насъ нѣтъ. Взамѣнъ того, мы обладаемъ — масляными и свиртельными фонарями, съ трудомъ освѣщающими овою собственнай стѣлянный колпакъ; мостовыя, — вѣда по которымъ сопряжена съ опасностью для здоровья и жизни; гостиницами въ которыхъ приходится терпѣть грязь, отравлять себя или разорваться. — Но слишкомъ долго было бы перечислять всѣ предѣлы нашего столичнаго хозяйства. Классъ бѣдный и малодостаточный не имѣетъ здѣсь ровно никакихъ жизненныхъ удобствъ; ежегодно возрастающая дороговизна непомерно гнететъ его, ставя въ вопросъ самое его существованіе. Но и достаточнымъ людямъ столица не представляетъ ничего, кромѣ скуки, разорительной дороговизны и всевозможныхъ неудобствъ. Городской думѣ все это отлично извѣстно: ея члены сами не избѣгаютъ общихъ неудобствъ, — только какъ люди достаточные, они,

лично, имѣють болѣе способъ переносить ихъ, а стоны тѣхъ, которые дѣйствительно страдаютъ, отъ нихъ давленн. Что же сдѣлала дума въ теченіе 15-лѣтняго существованія для улучшенія городского хозяйства? Какимъ общественнымъ нуждамъ помогла она? улучшила ли на сколько нибудь общественное благосостояніе? На все это приходится дать отрицательный отвѣтъ. Но затѣмъ наступила пора *возрожденія*: тысячи вопросовъ могли и должны были возникнуть; многіе дѣйствительно возникали. Въ какомъ изъ нихъ инициатива принадлежала с.-петербургской думѣ? Которому высказала она дѣйствительное сочувствіе и содѣйствіе? Ни въ какомъ, никакому. Въ ней постоянно господствовало неизбѣжное, невозмутимое канцелярское затишье.

«Одну, дѣйствительно существенную, мѣру привела дума въ исполненіе—учрежденіе городского кредитнаго общества. Хотя и въ этомъ дѣлѣ инициатива мысли принадлежала литературѣ, — инициатива составленія примѣрнаго проекта комиссіи о земскихъ банкахъ, но, даже отдавая честь этого учрежденія думѣ, нельзя не принять въ соображеніе, что оно служитъ единственно интересамъ домовладѣльцевъ, а не всего населенія столицы.

«Въ послѣднее время почти до пресыщенія говорилось и писалось объ апатіи общества, о хладнокровіи его къ своимъ собственнымъ интересамъ, о необходимости серьезнѣе пользоваться своими правами и т. п. Были и болѣе вразумительныя указанія — акціонерныя разгромы. Нынѣшніе выборы покажутъ, насколько все это подѣйствовало на общество. А пока, вотъ нѣкоторыя данныя, по которымъ можно судить, чего слѣдуетъ ждать отъ этихъ выборовъ. Выборы въ общественныя городскія должности совершаются слѣдующимъ порядкомъ: домовладѣльцы, соединяющіе въ себѣ условія, требуемыя закономъ для того, чтобъ быть избирателями (то есть достигшіе 25 лѣтняго возраста, неопороченные судомъ и т. д.) собираются въ назначенный день и часъ въ думѣ, по сословіямъ, для выбора на трехлѣтіе представителей или, по оффиціальному термину, гласныхъ. Каждое изъ 5 сословій избираетъ отъ 100 до 150 гласныхъ. Эти гласные составляютъ общую думу и выбираютъ членовъ распорядительной думы депутатскаго собранія, старшинъ, городского голову и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ. Такимъ образомъ участіе всѣхъ домовладѣльцевъ въ городскомъ управленіи проявляется только въ выборѣ гласныхъ. Дѣло, какъ видно, необременительное, по канцелярской важности. У насъ оно сводится на чистую формальность. Списки кандидатовъ въ гласные составляются депутатскимъ собраніемъ, то есть тѣми самыми лицами, срокъ представительства которыхъ оконченъ, эти списки рассылаются домовладѣльцамъ, при повѣсткахъ

о собраніи — за три дня до собранія. Въ повѣсткѣ сказано, что каждый домовладѣлецъ можетъ предлагать отъ себя кандидатовъ, съ тѣмъ что имена ихъ должны быть доставлены въ канцелярію думы непременно за два дня до собранія, — стало, на другой день по получеши повѣстки. Правило это не соблюдается и кандидаты предлагаются даже въ самый день выборовъ. Въ кандидаты могутъ быть предлагаемы и лица уполномоченныя отъ домовладѣльцевъ — это тоже сказано въ повѣсткѣ. Но въ разсылаемомъ при повѣсткѣ списокѣ домовладѣльцевъ не поименованы ни домовладѣльцы, ни ихъ уполномоченные. Списокъ послѣднимъ составляется только въ самый день выборовъ. Спрашивается: какимъ же образомъ можно предложить ихъ въ гласныя, если *непремьнымъ* условіемъ ихъ кандидатура ставится сообщеніе ихъ именъ въ канцелярію за два дня до собранія? Положимъ, на дѣлѣ и это *непремьное условіе* не соблюдается: предложенія въ кандидаты дѣлаются въ самый день выборовъ, до начала собранія; но не подтверждаетъ ли все это, что выборы — такъ какъ они производятся теперь, — не болѣе, какъ излишняя формальность. Вся сила въ кандидатскомъ списокѣ, составленномъ депутатскимъ собраніемъ. Кто попалъ въ этотъ списокъ, тому и быть гласнымъ; такъ что, въ сущности, домовладѣльцамъ не зачѣмъ бы и тревожиться събѣжаться на выборы. Большинство ихъ, повидимому, и придерживается этого мнѣнія. Въ списокѣ потомственныхъ дворянъ-домовладѣльцевъ значится 544 имени. Сколько именно домовладѣльцевъ-дворянокъ мы не знаемъ, но, судя по писанному списку, который намъ случилось видѣть въ думѣ, — ихъ значительное количество. Для состоятельности собранія, закономъ требуется присутствіе не менѣе одной трети лицъ, имѣющихъ право голоса. Городской секретарь, при открытіи выборовъ, объявилъ, что для состоятельности собранія нужно присутствіе 188 лицъ, а что явилось на выборы 189. Цифра 189 говоритъ краснорѣчивѣе всего о значеніи, придаваемомъ домовладѣльцами выборамъ. Не забудемъ притомъ, что здѣсь идетъ рѣчь о сословіи потомственныхъ дворянъ, сословіи *передовомъ*, наиболѣе понимающемъ важность выборовъ, и составляющемъ въ думѣ *первое* отдѣленіе, заправляющее всею думой. Эта цифра 189 тѣмъ замѣчательнѣе, что въ списокѣ кандидатовъ депутатскаго собранія значится 124 имени, да предложено въ кандидаты избирателями 24 лица. Итого 148. Изъ этихъ 148, на лицо было при выборахъ вѣрныхъ 120, такимъ образомъ избирателей-некандидатовъ могло быть на выборахъ не болѣе 70 лицъ. Но будь вмѣсто предполагаемыхъ нами 70, семь или семьсотъ — для дѣла это было бы рѣшительно все равно. Преніе гласныя, безъ сомнѣнія, знаютъ другъ-друга. Имъ, стало быть, известно хотя въ лицо большинство вновь предлагаемыхъ кандида-

товъ (большая половина ихъ — прежніе гласные). Но большинству остальныхъ избирателей приходится, положительно, класть шары на угадъ. При совершенномъ отсутствіи у насъ общественной жизни, мы рѣшительно не знаемъ другъ-друга. Исключая двухъ, трехъ литературныхъ дѣятелей, у насъ нѣтъ именъ, которые служили бы программой — да вообще и программъ-то у насъ нѣтъ: по крайней мѣрѣ программъ, положительно высказанныхъ, примѣнимыхъ въ практическихъ вопросахъ и соединяющихъ около себя извѣстную силу. Поэтому личными свойствами, при выборахъ, мы не имѣемъ возможности руководиться. Главнымъ руководствомъ, пока, могутъ быть только соображенія, въ родѣ слѣдующихъ: «вы кому дадите свой голосъ: Андрею Александровичу, или Петру Петровичу?» — «Разумѣется, Андрею Александровичу: прекраснѣйшій человѣкъ — какіе у него два дома, да къ тому же дѣйствительный статскій совѣтникъ. А Петръ Петровичъ — это что такое — помиуйте, титулярный совѣтникъ, да еще, кажется, службу бросилъ». — «Ну, такъ и я ужъ за Андрея Александровича. Должно быть, хорошій человѣкъ». Этими самыми соображеніями руководилось и депутатское собраніе, составляя кандидатскіе списки, и избиратели, балотируя кандидатовъ. Въ числѣ 124 кандидатовъ, предложенныхъ отъ думы, 60 военныхъ, морскихъ, придворныхъ и штатскихъ генераловъ, не считая 16 статскихъ совѣтниковъ, которые, дастъ Богъ, въ теченіе трехъ лѣтъ тоже сдѣлаются генералами. Лицъ неслужащихъ всего 8 — и то отставные генералы и штабъ-офицеры военной и гражданской службы. Это тѣмъ болѣе характеристично, что нѣсколько молодыхъ людей, какимъ-то чудомъ, вѣроятно, въ видѣ опыта, попавшіе въ гласные въ предшествовавшее трехлѣтіе, не вошли въ кандидатскій списокъ думы, а были предложены избирателями.

«Безъ сомнѣнія, лица служащія скорѣе всѣхъ удовлетворяютъ условію, «опытности въ дѣлахъ», требуемому закономъ отъ гласнаго. Но вѣдь нельзя же не согласиться и съ тѣмъ, что всякое дѣло, а тѣмъ болѣе общественное хозяйство, можетъ идти успѣшно только тогда, когда завѣдующіе имъ посвящаютъ ему, если не исключительно, то преимущественно, свой трудъ и время. А вѣдь всякому извѣстно, что у насъ всѣ служащіе вообще, до того обременены дѣлами, что имъ рѣшительно некогда думать о городскомъ хозяйствѣ. По крайней мѣрѣ, настоящее положеніе его даетъ право сдѣлать подобное заключеніе. Въ предложеніи с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора на имя исправляющаго должность городского головы, прочтенномъ при открытіи выборовъ, ясно высказаны результаты пятнадцатилѣтней дѣятельности думы. Похваливъ вначалѣ дѣятельность думы, г. военный генералъ-губернаторъ пишетъ: «впрочемъ, удовле-

творительное развитие общественнаго управления, на которое я сейчас указалъ, не доказываетъ еще, что управление это достигло совершенства, за которымъ не остается ничего болѣе желать... Городскіе доходы, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ увеличились, но увеличение это во многомъ произошло отъ установленія *идеаль кассовыхъ налоговъ*, которые *тяжелымъ иномъ ложатся на многочисленный немущій классъ населенія*; прежнія же доходныя статьи остаются во многомъ безъ улучшеній, сообразно съ текущимъ измѣняющимся порядкомъ вещей и не даютъ въ городскую казну того, что при нѣкоторомъ измѣненіи могли бы дать. Многочисленныя должности въ разныхъ правительственныхъ мѣстахъ, замѣщаемыя выборными отъ городского общества, не имѣютъ того полезнаго значенія, которое, по существу, должны бы имѣть. Очень рѣдко эти члены заявляютъ о своемъ существованіи... Вица этого *неудовлетворительнаго порядка* лежитъ главнѣйше въ томъ, что при назначеніи въ должности по выборамъ, дѣятельные и способные члены нерѣдко уклоняются подъ разными предлогами отъ городской службы, предоставляя замѣщеніе ихъ людьми, менѣе способными и понятными. Вредъ оттого не подлежитъ сомнѣнію».

«Послѣ этой выписки, намъ уже нечего прибавлять отъ себя о состояніи городского хозяйства. Скажемъ только, что по теоріи вѣроятностей, весьма мало шансовъ, чтобы оно велось въ предстоющемъ трехлѣтніи на иныхъ основаніяхъ, какъ прежде. Не смотря на то, что г. генералъ-губернаторъ указываетъ избирателямъ на важность городского самоуправленія и убѣждаетъ ихъ говорить и дѣйствовать правдиво, прямо, съ сознаниемъ своего гражданскаго долга, — избирательные выборы гласныхъ были обычнымъ механическимъ шарлоттанствомъ. Безпрестанно слышались разговоры такого рода: «Я никого не знаю, а потому всѣмъ кладу направо», — «Я никого не знаю, а потому кладу всѣмъ налево». — «Рѣшительно не знаешь, кому какой шаръ класть».

«Множество избирателей разѣхалось, не дожидаясь конца собранія, передавъ шары кому нибудь изъ пріятелей. По правдѣ, благоразуміе трудно было поступить тому, кто пріѣхалъ въ собраніе, имѣя въ тотъ день какія либо дѣла. Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ дня, по бывшимъ примѣрамъ, былъ завтракъ».

Единственное достоинство Петербурга состоитъ въ томъ, что онъ ни къ чему не пристрастился, всѣмъ своимъ сердцемъ и всѣмъ существомъ своимъ. Не имѣя никакой не только *idée fixe*, но даже, какъ мы уже сказали, никакой мысли, равнодушный, безначный, онъ, какъ ребенокъ, легко бросаетъ ту игрушку, безъ которой не могъ жить вчера, и съ такою же легкостью на другой день при-

стаетъ къ новой игрушкѣ. Онъ еще не аматоръ въ ни въ чемъ, не закисть, er stinkt noch nicht. Для него еще возможна будущность, если онъ броситъ главное франтовство чужими мыслями, приметъ въ себя начала народной жизни, когда-то неразумно имъ брошенные, и будетъ продолжать ихъ разработку.

Читатель видитъ изъ этого, что мы начало спасенія для Петербурга полагаемъ въ томъ, чтобы онъ въ своихъ возрѣвѣхъ, тенденціяхъ слылся съ провинціализмомъ, провинціализмомъ народнымъ, въ которомъ хранятся доселѣ начала чисто народной жизни, выработанныя исторією, и тайными полныхъ жизни силъ, способныхъ къ дальнѣйшему развитію этихъ началъ. Здѣсь заключена наша будущая исторія... Напрасно Борисъ Чичеринъ утверждаетъ, что все наше вниманіе въ настоящее время должно быть обращено на *сохраненіе сословныхъ перегородокъ*, что *юридическая опредѣленность сословій есть смыла...* Умный хозяинъ обращаетъ все вниманіе на прочность, удобство, сохранность въ порядкѣ капитальныхъ основъ зданія... А такія основы въ нашемъ государствѣ, по особеннымъ условіямъ его историческаго развитія, составляетъ земство....

Представляемъ здѣсь мнѣніе нѣмецкаго писателя о томъ, что такое крестьянинъ для государства, хорошо поставленный въ немъ, то есть при хорошемъ государственномъ устройствѣ.

Несокрушимая консервативная сила скрыта въ германскомъ народѣ, крѣпкое, зерно устоявшее противъ всѣхъ переворотовъ; сила эта — наши крестьяне. Они представляютъ истинно оригинальное явление, подобнаго которому вы не встрѣтите ни у какого другаго народа. Консерватизмъ образованнаго человѣка можетъ быть теоретическимъ убѣжденіемъ, консерватизмъ крестьянина есть весь его бытъ. Во время социальныхъ кризисовъ новѣйшаго времени крестьянинъ игралъ болѣе важную роль, чѣмъ большая часть думаютъ, ибо онъ былъ естественной плотью, арендаторомъ вторженію французскаго революціоннаго ученія въ низшіе слои народа. Только пассивность крестьянъ спасла въ мартѣ 1848 года германскіе троны. Но эта пассивность была не случайная, она коренилась въ самой натурѣ германскаго крестьянина. Крестьянинъ въ нашемъ отечествѣ имѣетъ болѣе политическое значеніе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы; въ крестьянинѣ заключена будущность германской націи. Внутреннее освѣщеніе и обновленіе нашей народной жизни можетъ изойти только изъ крестьянскаго сословія. Если мы не дадимъ развитія крестьянскому пролетаріату, тогда намъ нечего сильно пугаться промѣщеннаго и умеленскаго пролетаріата. Въ крестьянскомъ сословіи находится та точка, гдѣ политика и національная экономія совпадаютъ, гдѣ болѣе политика можетъ быть включена въ національно-экономію.

ческими средствами. Корень величайшихъ ошибокъ, которыя бюрократическое государство совершило въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, кроется въ томъ, что оно совершенно ложно поняло натуру германскаго крестьянина и забыло самую важную истину, а именно, что *консервативная сила государства заключается въ крестьянскомъ сословіи*. Событія послѣднихъ лѣтъ показали намъ на дѣлѣ, до какой степени ложно было такое воззрѣніе. Но и революціонная партія не создала политическаго и соціальнаго значенія крестьянина и не дала себѣ труда изучить его характеръ. Агитаторъ, который бы служилъ овладѣть умами крестьянъ, былъ бы истинно страшнымъ агитаторомъ, ибо онъ имѣлъ бы дѣйствительное большинство шаровъ на своей сторонѣ, не только по числу, но и по матеріальной и нравственной силѣ.

«Только въ крестьянскомъ сословіи исторія древней германской народности тѣсно связана съ новѣйшимъ временемъ. Крестьянинъ и изучалъ исторію, но самъ онъ — историческій типъ. Всѣ прочія сословія выступили изъ своего первоначальнаго круга; у нихъ живыя особенности типа сглажены общей для всѣхъ, такъ-называемой, цивилизаціей; одно крестьянство существуетъ еще какъ нетронутое, органически самостоятельное сословіе. Изучать крестьянскій бытъ, значитъ изучать исторію; нравы крестьянина есть живой архивъ историческое собраніе неточниковъ, неоцѣнимое по своей важности.

«Уже глазу натуралиста истинный германскій крестьянинъ представляется историческимъ типомъ германскаго племени. Въ городѣ оригинальность въ строеніи какъ тѣла, такъ и духа и обычаевъ перешла съ одной стороны въ типы индивидуальныя, но крайней мѣрѣ фамильныя, а съ другой стороны улетучилась. Особенности въ строеніи тѣла крестьянина разнятся по мѣстностямъ и деревнямъ. Такъ, въ одной мѣстности мы находимъ высокую длинноногую, въ другой болѣе широкоплечую, приземистую породу, сохранившуюся во всей чистотѣ черезъ дѣльный рядъ вѣковъ. Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ можно найти, исключительно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ гессенскаго курфиршества, тѣ продолговатые прощипаннаго лица, съ высокимъ, сверху нѣсколько расширеннымъ лбомъ, длинными, прямыми носомъ и небольшими глазами съ сильно согнутыми бровями и большими рѣсницами, которые мы постоянно встрѣчаемъ у жанриста Якоба Беккера и его многочисленныхъ учениковъ въ ихъ картинахъ изъ сельскаго быта. Если сравнить крестьянскія фizioноміи съ изваяніями, находящимися въ Марбургской церкви св. Елизаветы (сохранившіяся отъ XIII столѣтія), то отиротелъ, что почти черезъ шесть вѣковъ сохранился во всей чистотѣ тотъ же древне-гессенскій типъ лица, съ тѣмъ только ра-

личіемъ, что на этихъ статуяхъ изваяны головы князей, господъ и благородныхъ женщинъ, на чертахъ коихъ отражается неискаженный племенный отпечатокъ, тогда какъ теперь послѣдній можно найти только у крестьянъ. Тотъ кто хочетъ изобразить средневѣковья фигуры согласно съ исторіей, долженъ искать себѣ образцовъ между крестьянами. Причина, почему у древнихъ германскихъ художниковъ типъ головъ вообще такъ однообразенъ, заключается въ томъ, что весь человѣческій типъ не выработался еще въ то время до такой степени, чтобы придать рѣзкую индивидуальность чертамъ лица, встрѣчаемую въ наше время. Обстоятельство же, что это самое однообразіе въ фizioноміяхъ мы находимъ и нынѣ у крестьянъ, приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію. Въ такъ-называемомъ образованномъ свѣтѣ человѣкъ живетъ, дѣйствуетъ скорѣе какъ индивидуумъ; крестьянинъ, напротивъ, живетъ и дѣйствуетъ какъ группа, какъ совокупность сословія. Гансъ пашетъ, живетъ и мыслить, какъ Кундъ; но въ томъ, что въ суммѣ нѣсколькихъ тысячъ одинъ человѣкъ пашетъ такъ же, какъ другой, живетъ и мыслить какъ другой, и заключается все ихъ всемірно-историческое дѣло, которое ложится такой сильной тяжестью на вѣсы всего нашего политическаго и соціального развитія.

Въ образованномъ свѣтѣ у всякаго есть свой стиль, и этотъ стиль обрисовываетъ человѣка. У крестьянина имѣютъ свой стиль страна, родъ, мѣстность, т. е. они имѣютъ свое нарѣчіе, свои обороты рѣчи, свои поговорки, свои пѣсни и этотъ стиль обрисовываетъ большія группы народа. Но этотъ мѣстный стиль крестьянина опять-таки составляетъ часть его исторіи, за которую онъ держится съ величайшимъ упорствомъ. Въ нѣкоторыхъ округахъ Венгріи, напр. въ Нейтрасскомъ комитатѣ крестьяне, потомки германскихъ колонистовъ XII и XIII столѣтій, до сихъ поръ въ качествѣ жнецовъ, обходятъ страну, напѣвая древне-саксонскія пѣсни, тогда какъ образованные германскіе переселенцы въ самомъ скоромъ времени забываютъ свой отечественный языкъ и принимаютъ венгерскій. Также и въ Америкѣ у переселившихся крестьянъ очень долго сохраняется употребленіе ихъ областного нарѣчія, въ то время какъ горожане слишкомъ скоро забываютъ свой родной языкъ. И даже тогда, когда всякая почти память о прежней родинѣ замираетъ въ германскихъ крестьянахъ-колонистахъ, германскія библія и молитвенники поддерживаютъ для грядущихъ поколѣній, на долгое время, преданіе о древнемъ родномъ языкѣ. Кто нѣсколько наблюдалъ крестьянскія нарѣчія, тотъ знаетъ, что рядомъ съ исчезновеніемъ древнихъ способовъ выраженія, народная рѣчь все еще очень сильно освѣжается на этихъ книгахъ и слѣдовательно и здѣсь опять пускаетъ корни въ весьма твердую историческую почву. Ка

голландскимъ крестьянамъ, поселившимъ на датскомъ островѣ Ангерѣ, черезъ множество поколѣній сряду съ изумительнымъ упорствомъ сохранявшимъ свое родное нарѣчіе, можно было принять датскій языкъ только тѣмъ, что имъ черезъ датскихъ проповѣдниковъ мало-по-малу навязали датскія библіи и молитвенники.

Съ другой стороны, достаточно будетъ двухъ-трехъ чертъ, чтобы доказать, что и не-германское крестьянское племя, поселенное между германцами, упорно оберегаетъ свою народность. Въ Лаузицѣ живутъ около 200,000 вендовъ, разбѣянныхъ между германскимъ населеніемъ, или же особыми общинами. У нихъ есть свои школы и церкви; ученіе и проповѣди происходятъ на славянскомъ языкѣ. Изъ нихъ, которые принадлежатъ къ католической церкви, многи преданы папѣ, точно также, какъ протестанты—Лютеру.

Крестьянинъ-славянинъ разсердился бы, если бы кто прокивелъ при немъ имя реформатора, безъ придачи докторскаго титула; онъ говоритъ всегда почтительно только о докторѣ Лютерѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, то же было и во всей протестантской Германіи. Съ величайшей строгостью придерживается вендъ обычаевъ своей церкви, и это не мало способствуетъ тому, что онъ вообще такъ чисто сохранилъ свою народность. Преподаваніе на германскомъ языкѣ, германское судопроизводство и управленіе, военная служба и многое другое разрушительно дѣйствуетъ на національную замкнутость; но, какъ мы это часто видимъ у народовъ, стѣсненныхъ въ своемъ племенномъ развитіи, — жены и матери устраняютъ отъ мужчинъ то чуждое вліяніе, которое случайно въ нихъ проникнетъ. Сидя у своего очага, женщины легко охраняютъ свою наследованную отъ предковъ народность, тогда какъ мужчина, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми, утрачиваетъ рѣзкую особенность своего племени. Изъ вендовъ составлены особые, весьма годные къ военной службѣ полки въ саксонской арміи; они извѣстны за прилежныхъ работниковъ и честныхъ слугъ, и не одинъ болѣзненный ребенокъ лейпцигскаго или дрезденскаго жителя вскормленъ и вскормленъ вендской нянькой. Въ своихъ деревняхъ они трудолюбивые работники; по всѣмъ ихъ обычаямъ замѣтно, что они отъ вѣка были народомъ земледѣльческимъ. Такъ, напримѣръ, они обращаютъ большое вниманіе на вращъ и породистую животныхъ, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ. У вендской коровы есть свое древнее имя, которое по большей части тщательно избирается смотря по качествамъ животнаго, и ищутъ постоянно «соблюдать» въ важнейшихъ семейныхъ событіяхъ. (Последнее обыкновеніе существуетъ и въ Востодіи). Но потому и земледѣльце вендъ пользовалось всегда благословеніемъ неба. Состѣлы ихъ чехи съ завистию смотрятъ на болѣе идъ отдельныхъ вен-

довъ; которые въ каждое воскресенье и праздникъ могутъ быть пропущены вдоволь. Когда у бѣднаго чешскаго крестьянина рождается сынъ, то онъ привязываетъ его къ веревкѣ длиннаго шеста и обращиваетъ его лицомъ къ Лаузику, заговя, чтобы и онъ извогда былъ такъ же счастливъ, какъ венды, живущіе тамъ.

Вся оригинальность крестьянскаго языка состоитъ почти только въ томъ, что онъ удерживаетъ историческія особенности, слѣдившіяся въ кружкахъ образованныхъ людей. Такъ, напримѣръ, крестьянинъ до сихъ поръ для означенія для употребленія охотнѣе или святаго, значащагося въ календарѣ, чѣмъ отвлеченную цѣну числа. Въ именехъ, которыя онъ даетъ овиимъ дѣтиимъ при крещеніи, онъ строго придерживается древняго обычая страны, тогда какъ образованный человекъ дѣйствуетъ при этомъ обыкновенно по своему напрузу и прихоти. Многія извѣстныя употребительныя имена вѣроятно бы сохранились, если бы они не сохранились между крестьянами, особенно въ сѣверной Германіи, и можно было бы даже составить родъ топографической статистики крестьянскихъ именъ для различныхъ мѣстностей. Постоянная преимуществованность черезъ цѣлый рядъ поколѣній извѣстныхъ любимыхъ христіанскихъ именъ, бывшая прежде въ обычаяхъ у германскаго дворянства, а теперь встрѣчающаяся все рѣже и сохранявшаяся только въ нѣкоторыхъ княжескихъ фамиліяхъ, существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ между крестьянами. Въ случаѣ же, если члены нѣсколькихъ поколѣній сряду еще живы, то для различія ихъ прибѣгаютъ, совершенно также, какъ въ княжескихъ домахъ, къ цифрамъ. Такъ, напримѣръ, говорятъ Гавсъ I, II, III и т. д. или, какъ называли нѣкогда: «старшій, средній, младшій».

Народныя преданія сохранились по большей части въ устахъ народа во всей чистотѣ, а между тѣмъ какъ скоро они дѣлались достояніемъ образованныхъ классовъ, они тотчасъ искажались и произвольно изукрашивались, то есть обезображивались. Итакъ, съ одной стороны, мы видимъ благоговѣніе къ преданію, съ другой—тщеславіе улучшить все своими прибавками. Если что дошло до насъ изъ древнихъ суевѣрій, и относящихся къ нимъ поговорокъ и обычаевъ, то историкъ обязанъ этии почти исключительно крестьянамъ. Отъ эпохъ, недоступныхъ для историческаго изслѣдованія, мы имѣемъ опять—таки темныя преданія, которыя сохранили намъ крестьяне. Чѣмъ древнѣе сказанія, тѣмъ нужнѣе изслѣдователю старинны обращаться къ крестьянамъ. Крестьянинъ придерживается историческихъ обычаевъ даже тамъ, гдѣ было бы благоразуміе повинууть ихъ. Въ Шварцвальдѣ и Гюттонбергѣ въ самые жаркіе лѣтніе дни онъ носитъ толстую мѣховую шапку, потому что это историческая шапка, которую носилъ его прапрадѣдъ. Въ Веттерау, въ Гросенлинденской сто-

— оцѣ, самой красивой крестьянской девушкой считается та, на которой надѣто набожье платье, одно поверхъ другаго. Идти въ семи надѣтыхъ одно на другомъ платьяхъ на полевую работу, часто въ мокрую траву или въ высокую росу, конечно, неблагоразумно, — но это историческій обычай. Ради всѣхъ гигиеническихъ удобствъ, крестьянство въ некоторыхъ мѣстностяхъ не рѣшится стаянуть своимъ платьемъ губительнымъ, давящимъ желудокъ, кожанымъ полсомъ; скорее ему можно навязать новое общинное устройство, чѣмъ неисторическое изобрѣтеніе немцевъ. Въ XVIII столѣтіи вестервальдскій крестьянинъ, несмотря на всѣ филантропическія проповѣди о пользѣ картофеля, долгое время кормилъ картофелемъ только свиней и овецъ, прежде чѣмъ онъ могъ рѣшиться, хотя бы въ видѣ опытки, допустить къ своему столу это новомодное растеніе. Для того, чтобы дать доступъ между крестьянами кормовымъ травамъ, потребны были многолѣтнія изустныя и письменныя утѣшанія и поощренія. Между многими деревнями существуетъ историческая вражда, первоначальный источникъ которой невозможно теперь отыскать, но которая во всякомъ случаѣ кроется въ существовавшемъ издревле, но теперь уже давно потерявшемъ смыслъ соперничествѣ. Что прежде было серьезнымъ враждованіемъ, то теперь ограничивается случающимися порою драками и оставшимися отъ давнихъ временъ бражными словами. Такая историческая вражда существуетъ, напримѣръ, еще до сихъ поръ между многими прирейнскими деревнями и сосѣдними мѣстечками. Ненависть между ними глубоко укоренена, ибо она передана по наслѣдству, и если бы Ромео изъ прирейнскихъ Монтекловъ вздумалъ бы жениться на Юліи изъ Капулеттовъ, сосѣдняго мѣстечка, то это могло бы повести къ неменьшимъ столкновѣніямъ, какъ и у благородныхъ родовъ Вероны, хотя ни одна изъ обѣихъ партій не можетъ указать на настоящую причину такой вражды. Многія деревни или даже группы деревень не рѣдко отличаются существующими съ незамятныхъ временъ качествами, напримѣръ, грубостью, страстью къ дракамъ, сутяжничествомъ и т. п. Въ одной деревнѣ, лежащей близъ Таунуса, жители которой съ первобытныхъ временъ славятся двумя первыми изъ вышеозначенныхъ качествъ, у деревенскихъ старостъ было обыновеніе при дракахъ заперать самыхъ неукротимыхъ бойцовъ не въ деревенскую тюрьму, но въ свой свиной хлѣвъ. Въ новѣйшее же время, правительство, въ видахъ смягченія грубости этой общины, поручило должность старосты одному «просвѣщенному» челоуѣку, который тотчасъ же отиѣнилъ это оригинальное наказаніе. Но такое непрощенное преобразованіе въ тюремномъ заключеніи такъ не понравилось всей деревнѣ, что они обратились къ начальству съ просьбой — назначить имъ въ старосты

слово человека «твердаго», который бы не боялся наказывать по праву и справедливости, «какъ то было прежде». И деревенскій староста, отыскившій заключеніе въ свиномъ хлѣбѣ, никогда не пользовался полнымъ уваженіемъ деревни, ибо свиной хлѣвъ былъ въ ней столь же историческимъ явленіемъ, какъ и грубость и сварливость жителей. Случай этотъ происходилъ не далѣе, какъ въ началѣ XIX столѣтія.

Внутренняя организація крестьянскихъ общинъ развивалась чрезвычайно медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ организація городской жизни.

Скажемъ болѣе: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населеніе остановилось на одной изъ низшихъ ступеней развитія. Потребны были цѣлыя вѣка для того, чтобы отдѣльныя поселенія распространились въ марки (marken), и опять цѣлыя вѣка, пока марки слились въ деревни. Такой медленный прогрессъ свидѣтельствуетъ о великой исторической косности. Но, какъ уже сказано, не всюду оказался возможнымъ и такой прогрессъ. Система отдѣльныхъ дворовъ вмѣсто деревенскій существуетъ, какъ извѣстно, еще во многихъ мѣстностяхъ Германіи, и столь же извѣстно, что крестьянскій-однодворецъ есть самый вѣрный хранитель отеческихъ нравовъ, истинный историческій крестьянинъ. Въ другихъ мѣстахъ крестьянинъ остановился на томъ переходномъ состояніи, когда марки сливались въ чрезвычайное количество самыхъ маленькихъ деревень. Это мы видимъ въ Вестервальдѣ. Встрѣчая тамъ деревни о 6—9 домахъ и съ 40—50 жителями, но такъ тѣсно сгруппированныхъ, что для дюжины такихъ деревень достаточно одного прихода, мы можемъ понять описанія древнихъ летописцевъ, подобныхъ тому, какъ рассказываетъ Германіи Контрактусъ, что въ 875 году 3 іюля деревня Аснабрунно (Энборнъ) въ Нижнегауѣ, вслѣдствіе внезапно поднявшейся грозы, была разрушена и совершенно уничтожена, такъ что всѣ крестьяне погибли и никакого слѣда отъ деревни не осталось. Но соединеніе многихъ близлежащихъ небольшихъ деревень въ небольшое количество большихъ общинъ, было вообще произведено силою внѣшнихъ событій, а вовсе не собственной инициативой жителей. Почти всюду, гдѣ прежнія селенія слились въ болѣе значительныя мѣстечки, исторія или преданіе указываетъ намъ на большое число «исчезнувшихъ» деревень, но о которыхъ почти вполнѣ извѣстно, что онѣ уничтожены во время средневѣковыхъ неурядицъ, во время крестьянской или же тридцатилѣтней войны, или моровыми повѣтріями. Жители и до настоящаго времени не совершили бы перехода въ большія общины, если бы ихъ не принудила къ тому сила событій. Даже къ простымъ преобразованіямъ въ системѣ обработки земли крестьянина часто могла побудить только война и разореніе. Такъ во многихъ областяхъ Гер-

жени до самаго XVII столѣтія непра, несмотря на то, годна ли она была или нѣтъ, преимущественно приготовлялась для винодѣлія. Только тогда, когда тридцатилѣтняя война опустошила страну и нужно было снова распределять почву для обработки, винодѣліе ограничили нѣсколько благопріятными мѣстностями. Это принадлежит къ однимъ изъ немногихъ благодѣній этой бѣдственной войны. Но нужно сказать и то, что только война въ силахъ была распорядиться какъ практической сельской козливой, и познакомить цѣлыя области съ теоріей «раздѣленія труда» съ одной стороны, и съ «теоріей соединенія производительныхъ силъ» съ другой. Крестьянинъ долже всего медлить съдѣлать шагъ отъ жизни семейной къ жизни въ общинахъ, и даже и по настоящее время онъ не могъ вполне возвыситься отъ идеи общины къ идеѣ государства. Такъ германскій крестьянинъ народенъ и тѣломъ, и умомъ, и сердцемъ, и правами, но сознательная идея народности еще не носилась его. Его положеніе относительно государства и нации есть какъ бы состояніе невнимности, онъ еще не высидѣлъ отъ плода древа познанія, его историческіе обычаи составляютъ для него политическій катихизисъ.

Говоря о благоговѣніи къ старинѣ, замѣчаемо въ германскомъ крестьянствѣ, не слѣдуетъ забывать, что благоговѣніе это весьма односторонне и вообще ограничивается только тѣмъ, что касается непосредственно самаго крестьянина. Онъ шатаетъ величайшее благоговѣніе къ старому полуразрушенному дому, который выстроилъ его дѣдъ и который онъ не рѣшится ни похрупать, ни перестроить; но передъ историческими развалинами крѣпости, возвышающейся надъ его деревней, онъ не найдетъ ни малѣйшаго благоговѣнія и совершенно спокойно выламываетъ изъ нея камни, чтобы огородить ими свой садъ, или же стравляетъ искусно облесанныя плиты отъ готическаго монастыря, новарый воево «чуждѣ ему», для того, чтобы починить или полевую дорогу. Ибо жь не изучалъ исторіи, онъ вообще не любитель исторіи или древностей; исторіи для него заключаются въ его обычаяхъ, а онъ самъ и все близкое ему есть единственная древность, которую онъ уважаетъ. То же можно сказать объ изустныхъ преданіяхъ крестьянина. Они сохранились слѣпо къ памяти его настолько, насколько они его касаются. Въ мѣстностяхъ, гдѣ несмотря на все перевороты, сохранился истинный крестьянскій типъ, отголоски средневѣковыхъ крѣпостныхъ отношеній живутъ еще въ безчисленныхъ обычаяхъ и поговоркахъ, но за преданіями изъ исторіи германской имперіи или даже изъ исторіи его собственнаго княжескаго дома, вы вообще напрасно станете обращаться къ крестьянину. Онъ до сихъ поръ можетъ вамъ объяснить, что такое были «люди и полулюди», что такое были цѣлыя и раздѣленные губы; въ Гессенѣ до сихъ поръ еще жива поговорка, что «четыре

лошади составляютъ цѣлаго крестьянина». и въ преданіяхъ о про-
нихъ барщинныхъ работахъ сохранились выраженія: «трехдневные,
четырёхдневные крестьяне»; но кто такое были Киръ и Великій
Фридрихъ Барбаросса, объ этомъ вы напрасно будете спрашивать у
крестьянина; развѣ только въ послѣднее время онъ случайно узналъ
объ этомъ отъ школьнаго учителя.

Древняя крѣпостная зависимость, которая въ странѣ, по больша-
части незаселенной, съ народонаселеніемъ, разбросаннымъ на значи-
тельную пространствѣ, была истиннымъ благодѣяніемъ, — не мало
способствовала къ тому, чтобы удержать крестьянина отъ бродяж-
ничества и привить къ нему то неподвижное постоянство для буду-
щихъ поколѣній, которыя гораздо легче могли податься бродяж-
ничеству. Долгая исторія крестьянской зависимости не вызвала по
крайней мѣрѣ у крестьянина идеи пролетаріата, ибо пока онъ былъ
крѣпостнымъ, ему все же былъ обеспеченъ отъ господина вѣрный
кусочекъ хлѣба. Германскіе крестьяне-невольники вовсе не были движи-
мой собственностью, какъ пынѣшній невольникъ негръ, который по
желанію господина привозится на рынокъ и продается тому, кто боль-
ше дастъ. Они считались крѣпкими извѣстному помѣстью и семейст-
ву владѣльца его, и обрабатывали заселенный ими участокъ часто
какъ самостоятельные хозяева, платя только проценты и неся служ-
бу своему господину. Свободное и самостоятельное германское кре-
стьянское сословіе принадлежитъ конечно къ новѣйшему времени; но
все же отъ своего ираждѣа, который былъ крѣпостнымъ, а въ бо-
лье отдаленное время и совершеннымъ рабомъ, наследовалъ крестья-
нинъ лучшее основаніе независимости — устойчивую натуру. Исторія
нашего крестьянства представляетъ множество по истинѣ удивитель-
ныхъ явленій. Въ средніе вѣка крестьяне по большей части жестоко
терпѣли отъ тогдашнихъ войнъ и неурядиць. Рыцарь проигралъ, а
крестьянинъ платилъ за него. Онъ былъ беззащитенъ, лишонъ вся-
кихъ правъ, безоруженъ въ то время, когда всякій споръ по большей
части рѣшалю оружіе. «Сожмись и Богъ поможетъ тебѣ», говоритъ
одна старинная крестьянская поговорка, въ которой выражается вся
политика беззащитнаго крестьянина. И при всемъ томъ онъ не по-
гибъ нравственно и социально отъ всей этой нужды и бѣдствій. На-
противъ, средневѣковой гнетъ былъ житейской школой для крестья-
нина, и ей онъ обязанъ однимъ изъ своихъ драгоценнѣйшихъ ка-
чествъ — своимъ безконечнымъ упорствомъ. Но если бы кто вздумалъ
изъ этого факта вывести то слѣдствіе, — а такое слѣдствіе не далѣе
какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, къ сожалѣнію, пользовалось попу-
лярностью въ публикѣ, — что крестьянина нужно только хорошенько
жать для того, чтобы онъ не испортился, тотъ сильно ошибся бы. Ко-
Т. ХСII. Отд. II.

нечно, для правителей весьма покойно имѣть подданныхъ, съ такимъ политическимъ profession de foi: «сожмись и Богъ поможетъ тебѣ!». Но не должно забывать, что самые лучшіе крестьяне, самые великодушные образцы германскаго крестьянства, какъ напримѣръ классическіе вестфальскіе однодворцы, пользовались наибольшей свободой въ средніе вѣка. Они занимали положеніе какъ бы имперскихъ патриціевъ относительно прочихъ крестьянъ, имѣли свободное, основанное на древнихъ обычаяхъ общинное устройство, свой собственный судъ; платили умѣренные налоги. И эти искони свободные крестьяне являются теперь самыми упорными консерваторами, такъ сказать первообразами историческаго германскаго крестьянина. По нимъ можно судить, чѣмъ могло бы быть наше крестьянское сословіе, если бы ему повсюду было предоставлено свободное, собственное развитіе. Такъ въ Пруссіи германскій орденъ посредствомъ дарованія такъ-называемаго «культурскаго права» создалъ свободное крестьянское сословіе, совершенно неизвѣстное въ прочихъ странахъ Германіи, и потомки этихъ счастливыхъ крестьянъ, извѣстныхъ до новѣйшаго времени подъ именемъ «кѣльмцевъ» или «прусскихъ вольныхъ крестьянъ», было въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ образцомъ дѣльнаго крестьянина древняго закала. Герои исторіи германскихъ крестьянъ, штедшигеры и дотмарцы были свободными крестьянами, они не сжимались, ожидая, чтобы имъ Богъ помогъ, но шли въ бой и на смерть за свою свободу и свое древнее право; свойственное крестьянину упрямство возвысилось у нихъ до героизма. Въ странахъ, гдѣ они жили, и до сихъ поръ обитаетъ въ высшей степени полезное для государства строго консервативное крестьянское племя.

Истинный крестьянинъ не можетъ понять филантропіи новѣйшаго права наследованія, на основаніи котораго все имѣніе раздѣляется между всѣми дѣтьми, а между тѣмъ ни одному изъ нихъ не достается порядочнаго куска. Тамъ, гдѣ не существуетъ болѣе крестьянскихъ майоратовъ, имѣніе часто достается по жребію одному изъ дѣтей. Для того, чтобы отцовская собственность была соединена въ однихъ рукахъ. Кто вздумалъ бы дѣйствовать путемъ закона противъ этихъ жеребьевыхъ рѣшеній или майоратовъ, тотъ скоро убѣдился бы, что для крестьянина обычай важнѣе закона, и даже, въ случаѣ нужды, онъ готовъ отстаивать его вопреки всѣмъ требованіямъ нравственности. Такъ, напримѣръ, близъ Майна, гдѣ дробность земельныхъ участковъ уже давно существуетъ въ полной силѣ, есть двѣ одинокія деревни, которыя изо всѣхъ силъ ратуютъ противъ дробленія имѣній. Нужно сказать, что въ этихъ деревняхъ никогда не бываетъ случая, чтобъ отъ одного брака произошло болѣе двухъ дѣтей. Для сохраненія обычая принесена въ жертву нравственность; общины эти бога-

ты и цвѣтущи, а пастыри проповѣдуютъ—противъ уничтоженія женщинами зародыша.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще господствуютъ древніе крестьянскіе обычаи, браки, заключенные по ихъ личной или сословной политикѣ, относительно такъ же часты между крестьянами, какъ и политическіе браки между высшей аристократіей. Сперва слѣдуетъ союзъ имѣній, а затѣмъ союзъ сердець. Въ Вестфаліи крестьянинъ, женись на дѣвушкѣ съ наслѣдствомъ, (cobtochter) принимаетъ на будущее время фамилію жены, принесшей ему наслѣдство (что нерѣдко случалось и у древнихъ владѣтельныхъ родовъ), напримѣръ: Іостъ Миллеръ, урожденный Шмидтъ.

Если крестьянинъ неохотно соглашается на нововведенія, то самая простая причина тому заключается уже въ томъ, что ему вообще не приходится дѣлать теоретическихъ опытовъ, которые очень дешево стоютъ, но только практическіе, за которые онъ расплачивается своимъ кошелькомъ. Наши теоретики сельскіе хозяева слишкомъ часто забываютъ эту разницу, жалуясь на тупоголовость крестьянина. Если потому неподвижный крестьянинъ не придаетъ большой важности теоретическому ученію, — объяснить не трудно. Одна нижнерейнская пословица весьма характеристична и наглядно изображаетъ страхъ крестьянина передъ опасностью, заключающеюся въ ученіи. Она говоритъ: «никогда не поздно учигься, сказала старуха, и принялась учигься колдовать.»

О томъ, какъ излишняя неподвижность переходитъ въ губительное упрямство, свидѣтельствуетъ господствующая въ деревняхъ страсть къ сутяжничеству. Сутяга смотритъ на свою тяжбу, какъ на дѣло чести, за которое онъ часто принимается единственно изъ упрямства, хотя онъ въ первый же день уже видитъ, что оно не принесетъ ему ни малѣйшей пользы. Истинъ сутяга, — а цѣлыя области заражены этою сельскою язвой, — часто заводитъ тяжбу только для того, чтобы показать своему противнику, что онъ умнѣе его и знакомѣе съ правами. Онъ счелъ бы для себя такимъ же позоромъ утрашиться того, что издержки процесса должны далеко превзойти стоимость спорнаго предмета, какъ дуэлистъ, дерущійся по ничтожному поводу, испугаться смерти и ранъ. Итакъ не должно отвергать, что въ основаніи сутяжничества, рядомъ съ упрямствомъ и тупоголовостью крестьянина, лежитъ часто честолюбіе пріобрѣсти славу знатока правъ народа. Право представляется ему обычаемъ, а онъ гордится знаніемъ каждый обычай. Въ этомъ заключается важное указаніе для законодателей, которые однако до сихъ поръ мало обращали вниманія на чувство права, живущее въ крестьянинѣ. Если бы наше тяжбное законодательство было народнѣе и практичнѣе, тогда бы страсть къ сутяжни-

честву, замѣчаемая у крестьянъ, не казалась бы донкихотствомъ, изъ котораго можно создать весьма забавную фигуру въ какомъ нибудь юмористическомъ романѣ изъ народной жизни, тогда какъ онъ играетъ тѣмъ болѣе печальную роль въ исторіи нашихъ нравовъ.

Крестьянинъ тупо придерживается формъ, изъ которыхъ разложилась его жизнь. Такъ онъ начинаетъ свои процессы не весной, но зимой, влюбляется, обручается, женится зимой, ибо лѣтомъ шъ всего нѣтъ времени.

Уже давно въ нассаускомъ городѣ Вейльбургѣ былъ принятъ и рекруты крестьянскій паренъ, взятый изъ самаго бѣднаго и отдаленнаго округа Вестервильдской области, гдѣ дѣйствительно и по настоящее время образованіе стоить на самой низкой ступени. Паренъ никогда въ жизни не спалъ на кровати, и когда въ казармахъ ему пришлось въ первый разъ лечь на нее, то онъ принялся плакать, какъ малый ребенокъ, и два раза бѣгалъ изъ полка, ибо никакъ не могъ привыкнуть къ мысли спать на кровати и вообще съ слишкомъ роскошью для него казарменной жизнью, и ощущалъ жестокою тоску по родной бѣдности, крытой соломой мазанкѣ. Подобный деревенскій бѣдга представляетъ довольно сильный контрастъ съ городскимъ пролетаріемъ, который, конечно, не сдѣлается дезертеромъ потому, что улучшать его матеріальное положеніе.

Нигдѣ религіозныя противорѣчія не пустили такихъ глубокихъ корней, какъ у крестьянина, да и самая религія для него не достигла обычай. Она отразилась на всѣхъ его привычкахъ; направленіе религіозныхъ убѣжденій отзывается даже на его праздникахъ, пѣсняхъ и поговоркахъ, и даже на его одеждѣ, такъ какъ въ протестантскихъ областяхъ истый крестьянинъ предпочитаетъ оденуть темную одежду; въ католическихъ же болѣе свѣтлую и яркую. Подобно тому, какъ религіозный индифферентизмъ нашелъ доступъ къ образованнымъ классамъ, точно также духъ сектаторства свойственъ крестьянскому сословію. Только новѣйшему времени предоставлено было «просвѣтить» крестьянина въ томъ отношеніи, что религія не есть обычай, но убѣжденіе.

Будучи тверды въ сохраненіи своихъ старинныхъ обычаевъ, крестьяне вмѣстѣ съ тѣмъ твердо сознаютъ свое собственное достоинство. Неспорченый крестьянинъ стыдится быть не крестьяниномъ, напротивъ, всего скорѣе не очень-то цѣнитъ всякаго другаго, не носитъ зипуна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ во Франціи есть обычай, по которому крестьяне въ извѣстные праздники одѣваются въ изображенія своихъ святыхъ въ крестьянскія платья; значить, крестьянинъ такъ дорого цѣнитъ свое платье, что онъ считаетъ его украшеніемъ даже и для святаго.

Крестьянинъ на достоинство умственнаго образованія смотритъ

очень легко: трудъ умственный представляется ему самымъ легкимъ и не очень важнымъ. Во время правительственныхъ и государственныхъ кризисовъ 1848 года тирольскіе крестьяне думали, что они могутъ обойтись легко и безъ «господъ», если только это будетъ нужно. Крестьянинъ настоящаго крестьянскаго закала никогда не позавидуетъ знатному господину, — напротивъ, онъ всегда почти считаетъ его чѣмъ-то вѣтрянымъ и не имѣющимъ солидности. Исторія повѣствуя о разнаго рода крестьянскихъ движеніяхъ, имѣвшихъ цѣлю высвобожденіе крестьянъ изъ-подъ гнета и грабежа, не говоритъ, чтобы когда нибудь крестьяне стремились къ тому, *чтобы выйдти изъ своего состоянія и званія, сдѣлаться людьми знатными, бросить плугъ, жить только доходами съ имѣнія, безъ всякаго труда, — такія стремленія вовсе неслыханныя дѣла между нѣмецкими крестьянами.* Напротивъ, ядро соціальныхъ движеній лежитъ всегда въ низшихъ классахъ городского общества, въ томъ, что менѣе значительное званіе и состояніе завидуетъ болѣе высшему и старается стать на его мѣсто, что незначительный работникъ стыдится своего званія. Фабричный работникъ, ремесленникъ не только хочетъ возвышенія платы за свой трудъ — этого добивается и крестьянинъ, — нѣтъ, онъ хочетъ перестать быть фабричнымъ рабочимъ, ремесленникомъ, онъ стыдится этого, онъ желалъ бы самъ сдѣлаться большимъ господиномъ. Въ этой жалкой зависти, которая проникаетъ всѣ классы общества до самыхъ высшихъ, лежатъ недостойныя безнравственныя причины соціальныхъ движеній (*). Крестьянинъ не знаетъ этой зависти, онъ еще одушевленъ благородною гордостію того корпоративнаго духа, который прежде одушевлялъ ремесленника и который дѣлалъ его гораздо почетнѣе и достойнѣе, чѣмъ какимъ онъ представляется въ настоящее время. Когда господинъ въ сюртукѣ смотритъ свысока на человѣка въ зипунѣ, то у послѣдняго всегда готовъ самый вѣскій отвѣтъ: «если бъ мы не были крестьяне, то вамъ нечего было бѣѣсть». И на этомъ словѣ крестьянинъ останавливается, — гордѣе этого отвѣта онъ не можетъ себѣ и вообразить.

Въ новѣйшее время нѣмецкій крестьянинъ сдѣлался моднымъ сюжетомъ изящной литературы. На это явленіе можно смотрѣть съ двухъ сторонъ: или въ литературѣ инстинктивно предугадывается, прежде нежели поняли это практическіе государственные мужи, политическая, богатая будущимъ, сила крестьянъ. Такимъ образомъ можно сказать, что крестьяне потому стали часто появляться въ разсказахъ и романахъ, что наступило время, когда они заявятъ полномѣс-

(*) Ну, въ этомъ случаѣ мы не совсѣмъ согласны съ авторомъ. Причиной соціальныхъ движеній бываетъ болѣею частію то же, что было причиною и движеній крестьянскихъ, то есть гнетъ и грабежъ, которому они подвергаются и на который нигдѣ не могутъ отыскать суда.

ность своего политическаго значенія въ дѣйствительности. Или пропасть, отдѣляющая людей образованныхъ отъ крестьянъ сдѣлалась слишкомъ огромною, и особенности крестьянскаго быта представляются такъ новы и оригинальны, что онѣ въ привыкшей къ крѣпкимъ приправамъ романической литературѣ составляютъ самую пикантную приправу. Въ этихъ деревенскихъ разсказахъ, кромѣ нѣсколькихъ чертъ, вѣрно схваченныхъ съ натуры, усвоенъ совершенно ложный приѣмъ въ изображеніи сердечныхъ чувствованій крестьянина. Крестьянинъ чуждъ всякой сантиментальности и романической чувствительности; онъ сформированъ изъ элементовъ слишкомъ жесткихъ и въ дѣлахъ сердечныхъ представляется очень грубымъ. Для крестьянина семейство святая вещь, но напрасно бы вы стали искать у него нѣжной любви родительской, супружеской, братской. въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли представлять себѣ эту любовь у людей образованныхъ. Къ сожалѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безпримѣрное неуваженіе взрослыхъ дѣтей къ престарѣлымъ родителямъ въ деревняхъ—дѣло самое обыкновенное. Начинается это неуваженіе тогда, когда родители достигнувъ глубокой старости, передаютъ свое имѣніе дѣтямъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе кормили ихъ и заботились о нихъ до смерти. Какъ дѣти въ этомъ случаѣ хорошо заботятся объ родителяхъ, показываетъ слѣдующая крестьянская поговорка: «не раздѣвайся прежде, нежели ты ляжешь спать». Это неуваженіе происходитъ впрочемъ болѣе изъ грубости чувствъ, нежели изъ нравственной испорченности.

Замѣчательно, что изъ множества притчей и нравственныхъ разсказовъ, ходячихъ между крестьянами, ни одинъ болѣе не распространенъ и не передается въ столь безчисленныхъ вариантахъ, какъ разсказъ о неблагодарныхъ дѣтяхъ, которые заставили своего престарѣлаго отца, отъ котораго получили все имущество, ѣсть изъ деревяннаго корыта, за то, что онъ своими трясущимися руками разрывалъ пищу. Когда разъ родители замѣтили, что ихъ родной сынъ дѣлаетъ изъ дерева маленькое корыто и спросили его, для чего онъ его дѣлаетъ, то парень отвѣчалъ: для того, чтобы было изъ чего кормить своихъ родителей, когда они придутъ въ старость и будутъ отъ него получать пропитаніе.

Точно также не въ блестящемъ свѣтѣ обнаруживается у крестьянъ и любовь къ сестрамъ во время и послѣ раздѣла отческаго имущества. Въ супружескихъ отношеніяхъ въ крестьянскомъ быту также не примѣчается особенной нѣжности. Дѣвки въ деревняхъ выходятъ замужъ обыкновенно рано. Первые годы брака — для нихъ годы лишеній и мученій; такъ что онѣ очень скоро старятся и дѣлаются безобразными. Тутъ нѣтъ и слѣда тѣхъ романическихъ идиллій, которыя рисуютъ нувеллисты, изображающіе крестьянскій бытъ. Ошиб-

ка въ томъ, что наши поэты перенесли жизнь собственнаго чувства на крестьянина, опустивъ изъ виду, что къ числу самыхъ рѣзкихъ и характеристическихъ особенностей крестьянскаго быта именно и относится то, что для крестьянина всеобщій обычай заступать мѣсто индивидуальнаго чувства. Кромѣ того, въ нашей литературѣ вошло въ моду изображать крестьянина въ его болѣзненномъ проявленіи, какимъ-то изуродованнымъ полу-пролетаріемъ, находящимся въ отрицательномъ отношеніи къ государству, къ обществу, къ церкви. Въ литературѣ, очевидно, не забываются прежнія тенденціи видѣть и въ крестьянскомъ быту общественныя основанія подорванными, обычая, на которыхъ утверждёнъ этотъ бытъ, испорченными, охранительную силу государства и здѣсь стремящуюся къ паденію. Но происшествія послѣднихъ лѣтъ доказали, что въ подобныхъ произведеніяхъ изображёнъ не нѣмецкій крестьянинъ, а отщепенецъ отъ настоящаго, дѣйствительнаго крестьянства, выходецъ изъ него. Іеремія Готтгельфъ изобразилъ бернскаго крестьянина съ поразительною вѣрностію. Какъ натуро-историческіе очерки, его изображенія стоятъ очень высоко. Но въ духъ крестьянства, какъ *крестьянства*, ни одинъ изъ новѣйшихъ писателей не проникъ такъ глубоко, какъ старикъ Осъ Мёзеръ, который въ своемъ прямомъ, жесткомъ, сложившемся на крѣпостной почвѣ обычая характерѣ имѣлъ много сроднаго съ крестьянами, который изучалъ ихъ не по литературнымъ эскизамъ, но какъ Готтгельфъ самъ жилъ и дѣйствовалъ среди нихъ.

Если крестьянинъ по развитію своего ума и чувства стоитъ ниже такъ-называемыхъ людей образованныхъ, то онъ во всякомъ случаѣ превосходитъ ихъ *силою нервовъ*, а въ этомъ и заключается, по нашему мнѣнію, его духовное превосходство надъ нами.

При разсмотрѣніи умственной культуры нашего времени обыкновенно опускаютъ изъ виду значеніе *силы нервовъ* (Nervenkraft). А между тѣмъ въ этой-то силѣ нервовъ, въ томъ, что она имѣла прежде другую свѣжесть и полноту, заключается причина, почему древніе поэты, живописцы, скульптуры далеко превосходятъ нынѣшнихъ. Наше очищенное критическое сознаніе, наша возвышенная духовная жизнь не въ состояніи замѣнить для насъ этой силы. Геніальность Шекспира, Микель-Анджело, Генделя, Себастьяна Баха происходила отъ *полносодержанія* неиспорченной силы нервовъ; даже у Гёте мы встрѣчаемъ все еще свѣжую мысль, чувствуемъ, какіе здоровые нервы имѣлъ этотъ мужъ, — между тѣмъ какъ нынѣшняя геніальность часто не болѣе, какъ болѣзненная раздражительность нервной системы. Даже социальныя несбыточныя фантазіи имѣютъ свое основаніе, отчасти, конечно, въ разрушающейся системѣ нервовъ нашего городскаго населенія, дошедшаго до пролетаріата. Въмѣсто этихъ слабонервныхъ усмія нашихъ социалистическихъ тружениковъ, очевидно, отчаяв-

шихся поднять когда нибудь въ человѣчествѣ уровеньъ гуманности, крестьянская поговорка говоритъ просто: «я самъ съ усами». Это говоритъ сила нервовъ. Нашимъ отцамъ и дѣдамъ жить было несравненно хуже, чѣмъ намъ, они жили во времена гораздо безутѣшнѣйшія, чѣмъ мы, но имъ никогда не приходило на мысль отчаяваться въ себѣ (ученіе социальной демократіи есть не что иное, какъ отчаяніе частныхъ лицъ въ своемъ собственномъ мужествѣ, силѣ, приведенное въ систему) — они имѣли еще здоровые нервы, какъ и крестьяне, и надѣялись съ Божіею помощію добиться, чего хотѣли, какъ и послѣдніе. Крестьянинъ вовсе не такъ крѣпокъ мускулами, какъ обыкновенно думаютъ, онъ не имѣетъ и особенной эластичности мускуловъ: онъ, напротивъ, имѣетъ грубую кость, онъ неповоротливъ, но у него неиспорченные нервы, оттого онъ имѣетъ несокрушимую твердость. Крестьянинъ не можетъ понять, зачѣмъ идетъ прогуливаться городской житель, и на прогулку онъ смотритъ, какъ на величайшую глупость. Ему, для нервовъ котораго трудъ служитъ самымъ лучшимъ укрѣпленіемъ, непостижимо, чтобы городской житель могъ имѣть нужду въ прогулкѣ, какъ средствѣ для освѣженія своихъ уснувшихъ нервовъ. Какъ счастливо поставленъ въ этомъ случаѣ крестьянинъ въ сравненіи съ истощеннымъ городскимъ работникомъ! Очень полезная вещь, что многіе изъ младшихъ крестьянскихъ сыновей переходятъ въ ремесленники, потому что такимъ образомъ въ городское населеніе вводится новая сила, а сельская община предохраняется отъ чрезмѣрнаго раздробленія имущества и неразрывно съ нимъ связаннаго пропитыванія однимъ картофелемъ, которое ослабляетъ нервы. Одинъ отличный юристъ, находившійся въ живыхъ еще доселѣ, былъ, какъ младшій сынъ, назначенъ своимъ отцомъ въ мясники. Но такъ какъ нѣжно сложенный юноша не могъ видѣть крови, то старикъ объявилъ ему, что находится вынужденнымъ отдать его для изученія правъ, потому что онъ слишкомъ «плохъ», чтобы изучать что нибудь порядочное. Въ этомъ взглядѣ есть своя доля истины. Сила нервовъ есть дѣйствительно лучшее достоинство простаго неиспорченнаго человѣка, есть основа его духовнаго превосходства надъ высшими сословіями, хотя и очень можетъ быть, что изъ молодаго человѣка вмѣсто превосходнаго юриста вышелъ бы мясникъ весьма посредственный.

Нѣмецкій крестьянинъ имѣетъ, какъ извѣстно, отъ природы малую толику остроумія, соединеннаго съ хитростію и уклончивостію въ дѣлахъ практическихъ, которыми онъ нерѣдко приводитъ въ изумленіе опытнѣйшихъ адвокатовъ. Но замѣчательно, что эта хитрость и остроуміе покидаютъ крестьянина, какъ скоро онъ вступаетъ въ отношенія доселѣ ему незнакомыя. Даже его упорная недовѣрчивость и обычная его медленность въ сужденіи и рѣшеніи на что нибудь, въ

такихъ случаяхъ часто совершенно исчезаютъ. Тотъ самый крестьянинъ, который не приметъ ни одного крѣйдера, не повертѣвъ его разъ шесть въ рукѣ, который не доверитъ своихъ матеріальныхъ выгодъ ни одному человѣку, если онъ не съѣлъ съ нимъ пуда соли, съ баснословнымъ легкомысліемъ отдается въ руки пройдохамъ, какъ скоро онъ разъ рѣшился покончить съ своими прежними отношеніями и задумалъ во что бы ни стало отправиться въ Новый Свѣтъ. Какъ будто увлекаемый какимъ-то рокомъ, онъ бросается очертя голову къ толпѣ переселенцевъ и бродитъ здѣсь оцупью, слѣпо, въ непривычномъ для него свѣтѣ новыхъ отношеній, какъ слѣпая отъ снѣжнаго блеска курица. Но тотчасъ, какъ онъ опять почувствуетъ подъ своими ногами твердую землю, тотчасъ какъ онъ начнетъ вводить старые обычаи въ своемъ новомъ отечествѣ, къ нему возвращается и прежній практическій взглядъ, и остроуміе, и спасительная недоверчивость. Переселенцы изъ крестьянъ погибаютъ очень часто во время переселенія; переселенцы изъ горожанъ въ то время, когда начинаютъ заводить новую осѣдлость. Сносливость и упрямство дѣлаютъ нѣмецкаго крестьянина урожденнымъ колонистомъ, что дало ему всемірное историческое значеніе быть знаменосцемъ нѣмецкаго духа, нѣмецкихъ нравовъ во всѣхъ странахъ свѣта. Между тѣмъ какъ нѣмецкіе переселенцы изъ высшихъ сословій у неумоимо дѣятельныхъ американцевъ большею частію играютъ роль непригодныхъ ни къ чему франтовъ, нѣмецкій крестьянинъ всюду, гдѣ только онъ проводитъ плугъ въ чужихъ земляхъ, пользуется уваженіемъ туземцевъ.

Исторія колонизаціи чужихъ земель нѣмецкими выходцами представляетъ намъ и еще весьма замѣчательный фактъ для нашихъ выводовъ. Потерпѣвшій несчастье, разстроенный, потерявшій свою карьеру, отечество, человѣкъ изъ высшихъ классовъ общества находитъ наконецъ спасеніе въ томъ, что дѣлается крестьяниномъ. У него быть можетъ есть еще довольно средствъ, чтобъ пріобрѣсти себѣ землю въ Германіи, но въ Германіи онъ не могъ бы сдѣлаться крестьяниномъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; понятія, въ которыхъ онъ здѣсь выросъ и которыхъ онъ хотеть избѣгать, стали бы преслѣдовать его и за плугомъ, здѣсь онъ бы стыдился своего званія. Въ Новомъ Свѣтѣ жизнь колониста, то есть жизнь крестьянская, дѣлается для него истиннымъ врачевствомъ—врачевствомъ воздуха и воды, которое радикально исцѣляетъ его больной организмъ. Кто нигдѣ не находитъ себѣ мира, тотъ находитъ его въ первобытныхъ лѣсахъ, дѣлаясь крестьяниномъ, но крестьяниномъ не по названію только, а въ истинномъ смыслѣ этого слова, трудясь до мозолей на рукахъ и снѣдая кыслый хлѣбъ своей въ потъ лица. Для мужа государственнаго въ этомъ фактѣ ясное указаніе, что испорченныя части общества найдутъ наконецъ снова свое освѣженіе въ крестьянской жизни и обычаяхъ крестьянскаго быта.

Мы говорили доселѣ о нѣмецкомъ крестьянинѣ только вообще. Намъ могутъ возразить, что обиліе тѣхъ характеристическихъ особенностей, которыя мы усвоаемъ вообще крестьянину, только фиктивное, что на самомъ дѣлѣ нѣмецкій крестьянинъ созданіе чисто коллективное, и было съ давнихъ временъ только этнографической формулой, такъ какъ и «Германія» есть формула только чисто географическая. Мы съ своей стороны прибавимъ къ этому, что у крестьянъ кромѣ того есть самый упорный партикуляризмъ мѣстности. Но то и удивительно, что нѣмецкій крестьянинъ, несмотря на рѣзкія различія въ главныхъ характеристическихъ чертахъ, въ основномъ тонѣ обычая остается повсюду одинъ и тотъ же. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулся его быта процессъ разложенія, онъ еще долго не потеряетъ болѣе общихъ чертъ крестьянскаго характера. На широко раскинувшихся участкахъ земли поселился крестьянинъ въ Мекленбургѣ, Помераніи, Бранденбургѣ; большими, отдѣленными одинъ отъ другаго дворами при пашняхъ (замками) живетъ онъ въ Вестфаліи; группами небольшихъ деревень и починковъ построился онъ въ Вестервалдѣ и Зодерлендѣ; безконечная раздробленность земель, при общемъ житьѣ въ большихъ деревняхъ, составляетъ главный характеръ крестьянскаго быта на Рейнѣ; отъ такого различнаго образа жизни происходятъ большія особенности въ нравахъ и характерѣ, и однакожь нигдѣ не сглаживаются основныя черты нѣмецкаго крестьянства, не сглаживаются даже тогда, когда нѣмецкій крестьянинъ основываетъ свою осѣдность среди варварскаго поселенія, какъ въ Грузіи, или въ отдаленныхъ лѣсахъ Америки. Пріятная, чистенькая деревня на вершинѣ горы на первый взглядъ, кажется, рѣзко отличается отъ мрачной, грязной рыбацкѣй деревни на берегу моря, и однакожь въ обѣихъ деревняхъ живетъ одинъ и тотъ же нѣмецкій крестьянинъ, сохраняя однѣ и тѣ же главныя черты жизни и дѣятельности, тѣ же обычаи, которые приняли только другую одежду, говорятъ на другомъ нарѣчій. Самые разнообразныя способы земледѣлія, скотоводства, садоводства и такъ далѣе, условливаемые безконечно разнообразнымъ составомъ почвы и горныхъ формаций, смѣняются другъ друга на каждомъ шагу, такъ что для національнаго политико-эконома цѣлое представляетъ собою какъ будто образцовую карту, сложенную по инструкціи (къ сожалѣнію, инструкція дѣйствительно проглядываетъ верѣдко!). И однакожь нѣмецкій крестьянинъ повсюду остается все-таки одинъ и тотъ же! Есть невидимая связь, связывающая всѣхъ, о которой самъ крестьянинъ едва ли когда прибудъ и мечтаетъ: *повсюду выше всего виднѣется характеръ, начертанный исторіею, повсюду обычай составляетъ верховный законъ; идѣ религіи и патриотизмъ составляютъ только еще наивный инстинктъ, только обычай, тамъ и нѣмецкій крестьянинъ.*

НАУЧИЛИСЬ ЛИ?

Въ «С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ» напечатана и перепечатана въ «Сѣверной Пчелѣ», а быть можетъ еще и въ другихъ газетахъ, статья подъ заглавіемъ: «Учиться или не учиться?» Она обрадовала людей, имѣющихъ привычку всякую вину во всякихъ неприятныхъ дѣлахъ приписывать исключительно молодому поколѣнію, да литераторамъ. Эти люди обрадовались потому, что вздумали увидѣть въ статьѣ выраженіе взгляда министерства народнаго просвѣщенія. Но мы полагаемъ, что они ошибаются и что статья эта выражаетъ собою только ихъ собственное мнѣніе, и что министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ никакой солидарности съ подобными обскурантами.

Начинается она тѣмъ, что «и смѣшно и грустно, а приходится сдѣлать вопросъ: хотимъ мы учиться или нѣтъ?» Кто это «мы»? По грамматическому смыслу ближе всего тутъ разумѣть автора статьи и людей, составляющихъ одно съ нимъ. Если бы онъ предлагалъ свой вопросъ въ этомъ смыслѣ, было бы, пожалуй, «и смѣшно и грустно» для общества, но полезно для этихъ «мы», что они пришли наконецъ къ сознанію, не нужно ли имъ хоть немножко поучиться. Смѣшно и грустно было бы для общества узнать отъ самихъ этихъ «мы», что они еще не знаютъ, полезно ли учиться; но для самихъ этихъ «мы» было бы ужь очень большимъ шагомъ впередъ то, что отъ прежней увѣренности въ ненужности и вредѣ ученія, они перешли къ сомнѣнію объ этомъ предметѣ и начинаютъ подумывать, что можетъ быть и нужно имъ учиться; это служило бы для общества предвѣстіемъ тому, что когда нибудь и убѣдятся въ надобности учиться.

Но авторъ статьи, очевидно, относитъ не къ себѣ и къ своимъ единомышленникамъ, а къ русскому обществу свое сомнѣніе о существованіи охоты учиться. Онъ говоритъ, что повидимому кажется, будто общество хочетъ учиться. Признаками тому, какъ будто, служатъ «сотни новыхъ журналовъ, десятки воскресныхъ школъ». — Сотни новыхъ журналовъ, да гдѣ же это авторъ насчиталъ сотни? А нужны были бы дѣйствительно сотни. И хочетъ ли авторъ знать, почему не основываются сотни новыхъ журналовъ (вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: газетъ), какъ было бы нужно? Потому, что по нашимъ цензурнымъ условіямъ невозможно существовать сколько нибудь живому періодическому изданію нигдѣ, кромѣ нѣсколькихъ большихъ городовъ. Каждому богатому торговому городу было бы нужно имѣть нѣсколько хотя маленькихъ газетъ; въ каждой губерніи нужно было бы издаваться нѣсколькимъ мѣстнымъ листкамъ. Ихъ нѣтъ, потому что имъ нельзя быть. Говорятъ, что это скоро переимѣнится; — дай Богъ.

«Десятки воскресныхъ школъ». — Вотъ это не преувеличено, не то что «сотни новыхъ журналовъ»: воскресныя школы въ имперіи, имѣющей болѣе 60 милл. населенія, дѣйствительно считаются только десятками. А ихъ нужны были бы десятки тысячъ, и скоро могли бы точно устроиться десятки тысячъ, и теперь же существовать по крайней мѣрѣ много тысячъ. Отчего же ихъ только десятки? Оттого, что онѣ подозрѣваются, стѣсняются, пеленаются, такъ что у самыхъ преданныхъ дѣлу преподаванія въ нихъ людей отбивается охота преподавать.

Если это неправда, потрудитесь доказать противное и попробуйте въ доказательство обнародовать нѣкоторыя записки и совѣщанія, результатомъ которыхъ были разныя правила и инструкціи относительно воскресныхъ школъ.

Но по мнѣнію автора статьи, эти признаки желанія общества учиться, то есть небывалыя сотни новыхъ журналовъ и дѣйствительныя десятки (удивительное число!) воскресныхъ школъ — признаки обманчивые: «послушаешь крики на улицахъ, скажутъ, что вотъ тамъ-то случилось то-то, и поневолѣ повѣсишь голову, и разочаруешься...» Позвольте, г. авторъ статьи: какіе крики слышите вы на улицахъ? Крики городскихъ и квартальныхъ, — эти крики и мы слышимъ. Про нихъ ли вы говорите? — «Скажутъ, что вотъ тамъ случилось то-то, а здѣсь вотъ то-то» — что же такое, напримѣръ? Тамъ случилось воровство, здѣсь превышена власть, тамъ сдѣлаво притѣсненіе слабому, здѣсь оказано потворство сильному, — объ этомъ безпрестанно говорятъ.

Отъ этихъ криковъ, слышныхъ всѣмъ, и отъ этихъ ежедневныхъ разговоровъ въ самомъ дѣлѣ «поневолѣ повѣсишь голову и разоча-

руешся». Но авторъ статьи ведетъ рѣчь не о томъ. Онъ толкуетъ о такъ-называемыхъ исторiяхъ со студентами. Что жъ, и объ этихъ исторiяхъ мы умѣли бы рассказать много любопытнаго. Напримеръ, захватывались всѣ люди, которыхъ заставляла полицейская или другая команда на известномъ пространствѣ набережной, служащей единственнымъ путемъ сообщенiя между двумя частями города, и всѣ эти люди держались не одинъ мѣсяцъ въ заключенiи, безъ разбора даже того, какимъ образомъ кто изъ нихъ находился на ональномъ пространствѣ въ несчастную минуту, — не проходилъ ли кто нибудь изъ нихъ черезъ это пространство съ Васильевского острова въ гостинный дворъ для покупки сукна или сапогъ; не проходилъ ли другой съ этой стороны города на бывшую тогда выставку картинъ въ академiи художествъ, — не только безъ всякаго отношенiя къ студенческой исторiи, но быть можетъ и безъ понятiя о томъ, что существуютъ на бѣломъ свѣтѣ люди, называемые студентами. Если угодно, можно будетъ указать сотни подобныхъ сторонъ въ дѣлахъ, называемыхъ студенческими исторiями. Но авторъ статьи говоритъ не объ этихъ многочисленныхъ сторонахъ, но только объ одной той, которая, по его мнѣнiю, можетъ быть обращена въ порицанiе студентамъ. По его словамъ, «поколѣнiе», которое нынѣ должно кончать свое образованiе, отказалось отъ ученья, оно можетъ обойтись и безъ науки: это поколѣнiе косвеннымъ образомъ содѣйствовало закрытiю петербургскаго университета и прямо прекращенiю публичныхъ лекцiй. Будемъ говорить о дѣлѣ даже только въ тѣхъ слишкомъ узкихъ границахъ, въ которыхъ угодно разсуждать о немъ автору статьи.

Первымъ доказательствомъ тому, что молодое поколѣнiе, представляемое студентами здѣшняго университета, отказалось отъ ученья, онъ выставляетъ событiя, вслѣдствiе которыхъ былъ закрытъ университетъ. Чѣмъ были вызваны эти событiя? Тѣми «правилами», которыя сдѣлались известны подъ именемъ матрикулъ. Чѣмъ были недовольны студенты въ этихъ правилахъ? Общiй духъ правилъ состоялъ въ томъ, что студентовъ, людей, вообще имѣющихъ тѣмъ возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперiи, мужчина можетъ жениться и становиться отцомъ семейства, возрастъ, въ которомъ, по законамъ нашей же имперiи, человекъ принимается на государственную службу, можетъ быть командиромъ военнаго отряда, можетъ быть товарищемъ предсѣдателя гражданской или уголовной палаты, — студентовъ, людей этого возраста, «правила» хотѣли поставить въ положенiе маленькихъ ребятъ. Удобно ли это вообще? — Пусть разсудитъ авторъ статьи. Мы ограничимся только тою стороною дѣла, о которой угодно разсуждать ему. Если люди признаны недостойными или неспособными находиться въ иномъ по-

леженіи, чѣмъ маленькіе ребята, значить эти люди признаны неспособными и науку слушать въ такомъ видѣ, въ какомъ сообщается она взрослымъ людямъ и въ какомъ должна преподаваться въ университетѣ; значить, общій духъ «правилъ» необходимо велѣть къ обращенію университетовъ со стороны преподаванія въ училище малолѣтнихъ ребятъ, въ низшіе классы гимназій, въ уѣздныя училища. Значить ли, что взрослый человекъ отказывается отъ ученія, когда недоволенъ тѣмъ, что его хотятъ учить какъ маленькаго ребенка? Это пусть знаетъ авторъ статьи относительно общаго духа «правилъ». Кроме того были въ нихъ два отдѣльныя постановленія, въ особенности возбудившія неудовольствіе студентовъ. Эти два постановленія были: во-первыхъ, отнятіе права у университетскаго начальства освобождать недостаточныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій, и воспрещеніе студенческихъ сходокъ. Разъяснимъ автору статьи значеніе этихъ постановленій.

Плата за слушаніе лекцій составляетъ 50 р. въ годъ. Большинство студентовъ люди, не имѣющіе совершенно ничего и живущіе самыми скудными и невѣрными доходами, изъ-за пріобрѣтенія которыхъ они бьются богъ-знаетъ-какъ. Кто изъ этихъ бѣдняковъ имѣетъ какіе нибудь уроки, тотъ уже счастливецъ. Не имѣя вѣрнаго рубля серебромъ на чай и сахаръ, не имѣя никогда хотя бы 20 р. свободныхъ денегъ, какимъ образомъ могли бы эти люди вносить по полугодіямъ 25 р., требуемые въ началѣ cadaго семестра? Прекращеніе права университетскаго начальства освобождать бѣдныхъ студентовъ отъ взноса платы за слушаніе лекцій равнялось отнятію у большинства студентовъ права слушать лекціи. Если они почувствовали неудовольствіе на такое распоряженіе, значить ли, что они не имѣли охоты учиться?

Людямъ, перебивающимся такими малыми и невѣрными доходами, какъ большинство студентовъ, безпрестанно бываютъ очень важны какіе нибудь 10 или 20 рублей. Черезъ мѣсяцъ, черезъ два студентъ какъ нибудь перевернется, — получитъ уроки, достанетъ нѣсколько листовъ перевода, и будетъ удѣлять рубли на уплату долга; черезъ три, четыре мѣсяца доходы опять изсякнутъ и опять придется занимать. Понятна важность кассы взаимнаго вспоможенія для общества людей, живущихъ въ такомъ положеніи. Понятно также, что этою кассою никто не можетъ управлять кромѣ товарищей тѣхъ людей, которымъ она должна помогать. Тутъ нужно до мельчайшихъ точностей знать дѣла и характеръ cadaго просящаго денегъ. Въ обезпеченія въ уплатѣ нѣтъ никакого, кромѣ личнаго характера; а видимое положеніе почти всей массы таково, что кромѣ близкихъ знакомыхъ никто не можетъ различить, дѣйствительно ли нужно пособіе

требующему его, или требованіе неосновательно. Ни профессора, ни какое начальство не можетъ замѣнить студентовъ въ управленіи ихъ кассой. Также никто кромѣ студентовъ не въ состояніи и провѣрять добросовѣстность или безпристрастіе распорядителей кассы. Значитъ, при существованіи кассы необходимы сходки студентовъ для выбора депутатовъ, распоряжающихся кассой, для повѣрки ихъ отчетовъ, для обсужденія многочисленныхъ случаевъ, въ которыхъ сами распорядители кассы будутъ чувствовать надобность спрашивать совѣтовъ. Значитъ, запрещеніе студенческихъ сходокъ равнялось уничтоженію студенческой кассы, столь необходимой.

Понятно ли теперь автору статьи и его единомышленникамъ, какой смыслъ имѣло недовольство студентовъ воспрещеніемъ сходокъ и непремѣнною обязанностью платы за слушаніе лекцій съ каждаго студента? Тутъ дѣло шло не о какихъ нибудь политическихъ замыслахъ, а просто о кускѣ хлѣба и о возможности слушать лекціи. Этотъ хлѣбъ, эта возможность отнимались.

Или это не такъ? Попробуйте доказать противное; попробуйте напечатать документы, относящіеся къ этому періоду дѣла.

Продолжать ли изложеніе дальнѣйшаго хода осенней студенческой исторіи, слѣдствіемъ которой было закрытіе здѣшняго университета? Если угодно будетъ автору статьи и его единомышленникамъ, мы готовы будемъ сдѣлать это для пополненія ихъ свѣдѣній о ней. Но для нашей цѣли довольно изложенныхъ фактовъ. Авторъ статьи выставляетъ закрытіе здѣшняго университета слѣдствіемъ или признакомъ нежеланія студентовъ учиться. Мы доказали, что событія, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ закрытіе университета, произошли отъ недовольства студентовъ «правилами», отнимавшими у большинства ихъ возможность учиться.

Разсматривать ли вопросъ, до какой степени имѣлась въ виду при составленіи «правилъ» эта цѣль,—отнятіе возможности учиться у большинства людей, поступавшихъ въ студенты университета. Мы не будемъ разсматривать этого вопроса теперь; но если авторъ статьи или его единомышленники считаютъ нужнымъ доказать, что эта цѣль нисколько не имѣлась въ виду при составленіи правилъ, пусть они напечатаютъ документы, относящіеся къ тѣмъ совѣщаніямъ, изъ которыхъ произошли «правила».

Но во всякомъ случаѣ, какую бы цѣль ни полагали себѣ лица, занимавшіяся составленіемъ «правилъ», правила вышли таковы, что необходимымъ ихъ послѣдствіемъ было бы именно отнятіе возможности учиться у большинства студентовъ и возбужденіе недовольства въ студентахъ этимъ отнятіемъ. Таково было мнѣніе не однихъ сту-

дентовъ, а также и большинства профессоровъ здѣшняго университета и многихъ другихъ лицъ, занимавшихся этимъ дѣломъ.

Если авторъ статьи и его единомышленники хотятъ опровергнуть это наше свидѣтельство, пусть попробуютъ они напечатать документы, относящіеся къ засѣданіямъ совѣта здѣшняго университета по вопросу о тогдашнихъ университетскихъ «правилахъ» и другіе документы, связанные съ этимъ вопросомъ.

Если же они захотятъ утверждать, что раздѣляемое нами мнѣніе этихъ лицъ о тогдашнихъ «правилахъ» неосновательно, то пусть они докажутъ, что мы ссылаемся на факты, выдуманные нами, когда говоримъ, что въ скоромъ времени послѣ закрытія здѣшняго университета правительство учредило комиссію для пересмотра этихъ «правилъ»; что предсѣдателемъ этой комиссіи было назначено лицо, формально осудившее эти «правила» при самомъ же ихъ обнародованіи и отказавшееся приводить ихъ въ исполненіе въ своемъ университетѣ; что теперь эти «правила» совершенно отвергнуты правительствомъ.

Когда будетъ доказано, что мы лжемъ, указывая на эти факты, только тогда будетъ доказано и то, что ошибочно было впечатлѣніе, произведенное этими правилами на студентовъ здѣшняго университета и что причиною закрытія здѣшняго университета были не именно эти «правила», а нежеланіе студентовъ учиться.

Переходимъ къ другому факту, выставяемому у автора статьи вторымъ доказательствомъ нежеланія студентовъ учиться. Этотъ фактъ — прекращеніе публичныхъ лекцій весною нынѣшняго года. Мы думаемъ, что авторъ статьи и его единомышленники не найдутъ вредящимъ убѣдительности своего мнѣнія объ этомъ происшествіи то, что мы не дѣлаемъ попытки къ изложенію обстоятельства, за нѣсколько дней передъ прекращеніемъ лекцій возбуждавшаго очень сильные толки въ цѣломъ городѣ; надѣясь на то, мы не будемъ жаться этого предварительнаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на прекращеніе лекцій. Но какимъ образомъ произошло самое прекращеніе ихъ? Объяснять это печатнымъ образомъ мы не хотимъ, потому что иначе пришлось бы поименовать множество лицъ, не имѣющихъ никакой претензіи пародировать передъ публикою въ качествѣ интересныхъ для нея дѣятелей. Уважая ихъ скромность, я не стану здѣсь излагать подробности, къ нимъ относящіяся. Но у меня все таки есть средство заставить автора статьи отказаться отъ обвиненія студентовъ по дѣлу прекращенія публичныхъ лекцій. Этимъ средствомъ я уже пользовался съ успѣхомъ по тому же самому дѣлу. Вотъ оно. Я предлагаю безыменному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ (мой адресъ онъ можетъ узнать въ конторѣ «Со-

временна») — или сообщить мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла изустнымъ споромъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели возлагаютъ въ сорогѣ протокола свое заключеніе. Если авторъ статьи не приметъ этого моего формально заявляемаго здѣсь приглашенія, я приобретаю право утверждать, что онъ самымъ непринятіемъ его засвидѣтельствовалъ невозможность доказать основательность своего мнѣнія.

Мы посвятили нѣсколько страницъ разбору нѣсколькихъ строгихъ, которыми начинается статья «Учиться или не учиться». Теперь можемъ идти быстрѣе.

Авторъ статьи «разочаровавшись» въ нынѣшнихъ студентахъ, спрашиваетъ себя, каковы будутъ будущіе студенты: «будутъ ли они грозить кафедрѣ свистками, мочоными яблоками и т. п. уличными орудіями протестующихъ», т. е. нынѣшнихъ студентовъ. Свистки и мочоные яблоки употребляются не какъ «уличные орудія»: уличными орудіями служатъ штыки, приклады, палаша; пусть вспомнитъ авторъ статьи, студентами ли употреблялись эти уличные орудія противъ него ибудь, или употреблялись они противъ студентовъ, и пусть скажетъ, если можетъ, была ли нужда употреблять ихъ противъ студентовъ. И такъ отлагаемъ рѣчь объ употребленіи уличныхъ орудій во время студенческой исторіи до той поры, когда авторъ статьи покажетъ намъ возможность подробнѣе заняться этимъ предметомъ. — Что же касается свистковъ и мочоныхъ яблокъ, эти орудія протеста употребляются за границею въ театральныхъ и концертныхъ залахъ, а не на улицахъ; но находился ли хотя одинъ свистокъ въ рукахъ у кого ибудь изъ студентовъ и было ли хотя одно мочоное яблоко брошено въ кого ибудь на какой ибудь лекціи или студенческой сходкѣ? Мы не слышали ничего подобнаго, и будемъ полагать, что ничего подобнаго не было, пока авторъ статьи не докажетъ противнаго. Впрочемъ, мы, вѣроятно только не умѣли выразиться съ точностью или увлекся крайнорѣчіемъ, а въ сущности намѣренъ былъ сказать только, что 8 марта въ залѣ городской думы было шиканье и свистъ. Кто свисталъ и шикалъ? По однимъ рассказамъ большая половина присутствовавшихъ, по другимъ рассказамъ меньшинство, но очень многочисленное. Между тѣмъ извѣстно, что студенты составляли лишь небольшую часть публики, находившейся въ залѣ. И если бы не хотѣла свистать и шикать публика, то голоса студентовъ были бы заглушены ея англодиссидентами, если бы и всѣ до одного студенты шикали. А при томъ извѣстно, что многіе изъ нихъ не свистали и не шикали. Слѣдовательно многочисленность свиставшихъ и шикавшихъ показываетъ, что шикала и сви-

стала публична. Это положительно утверждают и всё слышанное нами рассказы: часть публики аплодировала, другая часть шикала. Если шиканье было тутъ дурное или неосновательное, то извольте обращать свои укоры: за него на публику, а не на студентовъ. Пропуская късьмько: тирада, содержащихъ въ себѣ вариации на строки, или разобранная, замѣтимъ слова, относящіяся также къ прокрапанно публицистикъ лекцій: студенты «стали требовать» отъ профессоровъ, чтобы они пристали къ нимъ протестациямъ и демонстрациямъ». Когда это было? Сколько мы знаемъ, этого никогда не было. «Конечно, послѣдніе отказались». Какъ они могли «отказываться» отъ того, къ чему ихъ никогда не приглашали и чего никогда не предлагали дѣлать сами студенты. «Это вызвало со стороны учащихся рядъ непримиримыхъ выходовъ» — какихъ это выходовъ? Когда они были?

Далѣе авторъ статьи рассуждаетъ о «свободѣ» человека «жить въ религіи, политикѣ и т. д. такія убѣжденія, какія почитаетъ лучшими», и порицаетъ нашихъ «либераловъ» за то, что они стѣсняютъ эту свободу во всѣхъ другихъ людяхъ. Въ доказательство тому приведена фраза изъ одной моей статьи; впрочемъ она совершенно напрасно выставляется уликой противъ либераловъ, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чѣмъ авторъ статьи порицаетъ студентовъ. А главное дѣло въ томъ, что чѣмъ же студенты—то виноваты въ моихъ статьяхъ или въ неблагонамѣренности либераловъ? Развѣ я сѣмѣтуюсь съ студентами, когда пишу свои статьи? Или развѣ пишу «либералы», — или, подъ которымъ разумѣются люди болѣе или менѣе не молодые и чиновные и ужъ ни въ какомъ случаѣ не студенты, — развѣ они набираются своихъ мнѣній отъ студентовъ? Впрочемъ авторъ только не умѣлъ начать рѣчь такъ, чтобы понятно было, къ чему онъ ведетъ ее, — а онъ ведетъ ее не къ тому, чтобы винить студентовъ за неблагонамѣренность нашихъ «либераловъ», каковыхъ онъ обвиняетъ совершенно напрасно, выставляя ихъ солидарными со мною, съ которыми не хотятъ они имѣть ничего общаго, а къ тому, чтобы убѣдить студентовъ перестать вѣрить этимъ «либераламъ», которыхъ онъ выставляетъ похожими на «турецкихъ пашей» и имѣющими привычку «грозить побоями» людямъ другихъ мнѣній. Но, во-первыхъ, студенты никогда и не вѣрили нашимъ «либераламъ», всегда считали ихъ людьми пустыми, даже и не турецкими пашами, а просто пустозвонами; во-вторыхъ, если статья имѣетъ цѣлью подольститься къ студентамъ и разочаровать ихъ насчетъ «либераловъ» (забота совершенно излишняя), то статья не должна была бы такъ несправедливо винить

смысли студентом и тѣмъ означить у нихъ возможность къ изво-
лѣнью, въ ней изложеннымъ.

Потомъ идетъ рѣчь о нашихъ-то «десвоткахъ» и «инвикиторахъ»,
подъ которыми авторъ статьи разумѣетъ все тѣхъ же нашихъ «сту-
рѣдкихъ нашихъ», то есть по его мнѣнію «либераловъ». Они между
прочимъ сравниваются съ двумя Нанолсонами, — тѣмъ, который хо-
дилъ въ Москву, и тѣмъ, который управляетъ теперь Франціею, и
которые «оба были республиканцами». Но это послѣднее слово ужъ
никакъ неприменимо къ нашимъ «либераламъ», которые отъ рес-
публиканскихъ понятій гораздо дальше, чѣмъ отъ понятій, свойствен-
ныхъ автору статьи. Вотъ удивятся они, что успѣли прослыть рес-
публиканцами!

Затѣмъ авторъ «отъ души жалѣетъ тѣхъ молодыхъ людей, кото-
рые, еще не искушенные опытомъ жизни, увлекаются обманчивой и
ласковой наружностью лжелибераловъ», — успокойтесь, почтенный ав-
торъ: ни лжелибералами, ни просто либералами молодые люди ни-
когда и не увлекались. Затѣмъ опять идетъ рѣчь о «миньютюрныхъ
бонапартикахъ и кромвельчикахъ», которые были будто бы «коно-
водами» студентовъ. Любопытно было бы знать, на какихъ осно-
ваніяхъ авторъ статьи полагаетъ, что во время, предшествовавшее
закрытію здѣшняго университета или во время, предшествовавшее
прекращенію публичныхъ лекцій, у студентовъ были «ководы»
изъ людей, не принадлежавшихъ къ студенческому обществу? Мы
положительно говоримъ, что никакихъ такихъ «ководовъ» студен-
ты не имѣли. Если же авторъ статьи желаетъ опровергнуть это, то
пусть попробуетъ напечатать слѣдственные дѣла, производившіяся
по поводу осенней студенческой исторіи или по другимъ процессамъ,
въ которыхъ падало подозрѣніе на какихъ нибудь студентовъ, — тогда
мы увидимъ, подтверждается или опровергается этими документами
мнѣніе автора о какихъ-то будто бы существовавшихъ тогда связяхъ
между студентами и какими-то «ководами». Пока не будутъ объ-
родованы документальныя доказательства подобныхъ отношеній, мы
будемъ утверждать, что ни въ какихъ документахъ ничего подобнаго
отыскать нельзя, а во множествѣ документовъ должно находиться
множество фактовъ, положительно уничтожающихъ всякую возмож-
ность хотя сколько нибудь основательнаго предположенія о суще-
ствованіи этихъ минныхъ связей.

Но вслѣдъ за обличеніемъ «миньютюрныхъ бонапартиковъ и кром-
вельчиковъ», которые губили студентовъ, мы читаемъ успокоитель-
ное увѣреніе, что теперь студенты уже отвергли этихъ прежнихъ
своихъ зловерныхъ ководовъ: «высказались слишкомъ рано, они

(миниатюрные бонапартики и крошечники) во время оттолкнувшись от себя тѣхъ, которые сначала повѣрили было искренности ихъ стремлений», т. е. оттолкнули отъ себя студентовъ. Ну вотъ и слава богу. Далѣе слѣдуетъ увѣреніе, еще болѣе отрадное: по словамъ автора, скоро и вовсе провалится въ общественномъ мнѣніи миниатюрные бонапартики или крошечники. Вотъ въ подлинникѣ это чрезвычайно утѣшительное предувѣдомленіе:

«До сихъ поръ еще впрочемъ условія цензуры нѣсколько затрудняютъ общественное разочарованіе; если же (какъ носятъ слухи) печатъ будетъ, въ скоромъ времени, болѣе облегченъ, тогда мыльные пузыри или миражи разсѣются сами собою, и тогда врядъ ли будутъ увлекаться даже наивѣйшіе изъ самыхъ наивныхъ людей. Это будетъ первой и огромной пользой, которую принесетъ за собою облегченіе печати.

«Когда можно будетъ говорить свободнѣе, тогда же-либералы встрѣтятъ себѣ сильный отпоръ въ людяхъ, истинно преданныхъ какойнибудь мысли; тогда никто не будетъ стѣсненъ: на одинъ полунасмѣхъ, темный, неясный, обманчивый и двусмысленный, отвѣтитъ десять ясными и здравыми словами. Внутренняя пустота, срывающаяся теперь подъ наружными формами какихъ-то убѣжденій, должна будетъ уступить полнотѣ убѣжденій истинныхъ.»

Дай Богъ, дай Богъ, чтобы поскорѣе пришло такое хорошее время!

Но далѣе авторъ статьи какъ будто нѣсколько сбивается въ словахъ: «обществу», говоритъ онъ, «нужны коноводы»; ну, на что же это похоже, что онъ желаетъ всему обществу стать въ послушаніе «коноводовъ», когда самъ же такъ сильно напустился на студентовъ по одному неосновательному подозрѣнію, что они имѣли «коноводовъ». Ай, ай, ай, вѣдь это ужъ вовсе не хорошо! Да то ли еще превозглашаетъ авторъ статью: мало того, говоритъ, что обществу нужны «коноводы», — «народу нужны полководцы», — съ нами крестьянская сила, что это такое значитъ? какіе это полководцы нужны народу? Развѣ народъ надобно поднимать противъ когонибудь, вооружая? вести въ какіянибудь битвы? Странно, страшно читать такіе вещи, нанечатанныя въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и перепечатанныя оттуда въ «Сѣверной Пчелѣ». Ну, договорился благонамѣренный авторъ статьи, до того, что оставалось бы ему только тутъ же закончить статью восклицаньемъ про себя: «языкъ мой — врагъ мой!» Но онъ, немало не конфузясь, продолжаетъ: «довольно мы слышимъ вслѣдствіе возгласовъ; намъ, теперь нужны дѣла и люди дѣла». Я совершенно разочаровываюсь въ благонамѣренности автора и кричу:

«слово и дѣло!» Что же это, въ самомъ дѣлѣ, авторъ хочетъ, чтобы у насъ образовалось то, что въ Италіи называется «парти дѣйствія?»

Хорошо, хорошо, слушаемъ, что будетъ дальше.

Дальше авторъ говоритъ, что столичные университеты безмалозны, погубили себя безвозвратно (или онъ не то хочетъ сказать? Вѣдь у него не разберешь, — вѣдь можетъ быть онъ только обмолвился, все равно какъ тогда, когда вышло изъ его словъ, будто онъ хочетъ вести народъ на борьбу противъ какихъ-то враговъ), и что «остается надежда» только «на провинціальныя университеты» — что это значитъ? Предположено уничтожить здѣшній и московскій университеты? Или это только неумѣнье автора выразаться? Должно быть, только неумѣнье выразаться, потому что вслѣдъ затѣмъ статья оканчивается увѣдомленіемъ о возобновеніи лекцій въ здѣшнемъ университетѣ, и вопросомъ: «какіе слушатели соберутся» въ здѣшній университетъ, когда онъ снова откроется, и будутъ или не будутъ они «учиться»? На эти вопросы отвѣчать очень легко: соберутся въ университетъ всѣ тѣ, не успѣвшіе кончить курса слушатели его, которые будутъ имѣть средства и получать дозволеніе собраться; а учиться они будутъ, пока имъ не помѣшаютъ учиться.

Но авторъ статьи вѣроятно только не умѣлъ выразить свою настоящую мысль, и хотѣлъ спросить вовсе не объ этомъ, а о томъ, будутъ ли новыя демонстраціи со стороны студентовъ при открытіи или по открытіи университета? И на это можно отвѣчать очень опредѣленно: студенты рѣшили до послѣдней крайности воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій, и на сколько дѣланіе или недѣланіе демонстрацій зависитъ отъ воли студентовъ, демонстрацій не будетъ. Но вѣдь не всеильны же студенты — мало ли что дѣлается противъ ихъ желанія? Вотъ, напримѣръ, публичныя лекціи они устраивали съ мыслью держать себя совершенно спокойно, и удерживали спокойствіе въ залахъ лекцій, пока могли; а все-таки произошла демонстрація 8 марта. Студенты ваканунѣ рѣшали, что не нужно дѣлать демонстрацій; но обстоятельства сложились противъ ихъ воли такъ, что она была произведена публикою.

Прошедшія событія должны служить урокомъ для людей, которые думаютъ, что демонстраціи вредны. Эти люди должны предотвращать такія обстоятельства, изъ которыхъ рождаются демонстраціи.

О, если бы эти люди приобрѣли хотя на половину столько самообладанія и благоразумія, сколько имѣютъ студенты — тогда конечно не было бы никакихъ демонстрацій.

Посмотримъ, какъ эти люди будутъ держать себя при открытiи и по открытiи университета и тогда увидимъ, научились ли они разсудительности. А мало было бы надежды на это, если бы люди, о которыхъ мы говоримъ, раздѣляли взглядъ, выразившійся въ статьѣ, нами разобранной, — чего мы не хотимъ думать.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

ПОЛИТИКА.

ВЫБОРЫ ВЪ ПРУССІИ. — ПУСТАЯ МОЛВА О РИМѢ. — БИТВА ПРИ ПИТТСБУРГЪ-ЛАНДИНГЪ И ВЪЯТІЕ НОВОГО ОРЛЕАНА.

Пруссія рѣшительно не хочетъ отказываться отъ внезапно овладѣннаго ею честолюбія служить предметомъ всеобщаго любопытства. Лѣтъ двѣнадцать, съ 1859 г., существовала она такимъ смиреннымъ манеромъ, что самые рьяные публицисты и газетные корреспонденты, умѣющіе находить себѣ пищу и въ Португаліи, и въ Голландіи, и въ Бельгіи, не умѣли отыскать въ Пруссіи предмета, о которомъ написать бы двѣ-три колонны. Бесплодность почвы довела корреспондентовъ до отчаянной рѣшимости: они бѣжали изъ Берлина. Какимъ же способомъ произошло, что Пруссія вдругъ превзошла даже свою вѣчную соперницу Австрію обиліемъ матеріала, доставляемаго для газетъ? Этимъ она обязана своему правительству.

Съ возшествіемъ нынѣшняго короля на престолъ, пруссаки, не извѣстно на какомъ основаніи, связывали надежду, что сама водворится у нихъ система истинно конституціоннаго правленія. До той поры, видите ли, Пруссія только на бумагѣ называлась конституціонною страной, а въ дѣйствительности управлялась точно такимъ же порядкомъ, какъ во времена до-конституціонныя. Ждали пруссаки годъ, два, три — нѣтъ, все она сама собою не водворится. Вотъ, прошлой осенью они сдѣлали попытку позаботиться о ея водвореніи, совершивъ необыкновенно мудреное открытіе, что если они хотятъ имѣть палату депутатовъ, желающую дѣйствительно ввести въ государство конституціонный порядокъ, то надобно выбирать въ депутаты людей, которые дѣйствительно имѣли бы конституціонныя убѣжденія. Прежде, видите ли, пруссаки не знали этого и выбирали въ депутаты тѣхъ людей, которыхъ рекомендовали имъ мандаты, то есть провинціальныя начальники. Одиннадцать или двѣ-

надать лѣтъ нужно было пруссакамъ, чтобы понять, что какъ бы хороши ни были ландраты, но имѣютъ своею обязанностью и своимъ желаніемъ вовсе не введеніе истинно конституціоннаго правленія въ Пруссіи, а только то, чтобы добросовѣстно исполнять приказанія министерства; и что поэтому, люди, рекомендуемые ландратами въ депутаты, никакъ не способны стремиться къ тому, чтобы поставить министровъ въ зависимость отъ палаты депутатовъ. Одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ опыта нужно было пруссакамъ для уразумѣнія такой трансцендентальной истины, — но неужели это много времени, какъ бынибудь съ небольшимъ десятокъ лѣтъ, на обученіе націи первому приему новой для нея жизни? Въ первый приемъ тяжелее всего. Итакъ въ прошлую осень пруссаки выбрали депутатовъ, хотѣвшихъ ввести на самомъ дѣлѣ конституціонное управленіе. Новая палата потребовала, чтобы на ея разсмотрѣніе представлялся подробный бюджетъ вмѣсто краткаго перечня государственныхъ доходовъ и расходовъ, которымъ довольствовались прежнія палаты, но изъ котораго ничего не было видно. Кромѣ того она требовала, чтобы уменьшены были издержки на войско, нарушавшія равновѣсіе расхода съ приходомъ. Еслибы само правительство вздумало сдѣлать то, что требовала палата, отъ этихъ перемѣнъ не выходило бы еще никакой особенной разницы въ системѣ управленія. Представленіе палатѣ короткаго, а не подробнаго бюджета было только дѣломъ формы. А уменьшеніе издержекъ на военныя силы палата требовала въ размѣрѣ не очень большомъ, такъ что составъ военныхъ силъ мало измѣнялся бы этою убавкою. Собственно говоря, еслибы требуемыя перемѣны не были требуемы депутатами, а были сдѣланы самимъ правительствомъ, правительство и не сочло бы ихъ важною уступкою съ своей стороны. Но большая разница въ томъ, по независимому изрѣшенію правительства, или по формальному требованію общества дѣлается какая-нибудь перемѣна. Реформа, не имѣющая ни малѣйшей важности въ первомъ случаѣ, можетъ оказываться переломомъ всей системы управленія во второмъ, потому что она тутъ уже будетъ признакомъ, что отношеніе между правительствомъ и обществомъ измѣнилось, что общественное мнѣніе взяло господство надъ правительствомъ.

Разсматривая дѣло съ этой вѣрной точки зрѣнія, мы никакъ не можемъ согласиться съ поверхностными порицателями, упрекающими прусское правительство за то, что оно поссорилось съ палатою депутатовъ изъ-за такихъ вопросовъ, которые сами по себѣ маловажны. Напрасно удивляются либералы тому, что оно не сдѣлало дѣлать удовольствія, а предпочло волновать страну распущеніемъ палаты и предложеніемъ обществу прямого вопроса: на чьей сторонѣ дѣлать

стоятъ пруссаки, на сторонѣ правительства или на сторонѣ конституціонистовъ. Мы находимъ, что прусскому правительству такъ и слѣдовало поступить. Дѣйствительно, ходъ исторіи пододвинулъ рѣшеніе вопроса, на какой ступени конституціоннаго настроенія стоитъ прусское общество: ограничивается ли оно тѣмъ, что приобрѣло знаніе надобности въ людяхъ съ конституціонными убѣжденіями для конституціоннаго управленія государствомъ, или уже приготовлено и ко второму шагу конституціоннаго пути, къ рѣшимости поддерживать людей конституціоннаго направленія въ ихъ спорахъ съ правительствомъ. Чѣмъ скорѣ ставился этотъ вопросъ, тѣмъ скорѣ и разъяснялось дѣло.

Такимъ образомъ прусское правительство дѣйствовало какъ нельзя лучше въ пользу національнаго прогресса, распуская палату, съ убѣжденіями которой была не согласна прежняя система, и предлагая націи средство испытать, каковы на самомъ дѣлѣ ея мысли: хочетъ ли она только того, чтобы палата депутатовъ ораторствовала о конституціонномъ порядкѣ, не имѣя средства установить его, или хочетъ поддерживать этихъ депутатовъ, чтобы они, опираясь на націю, могли осуществить свои убѣжденія.

Чтобы не оставить обществу никакого сомнѣнія объ истинномъ положеніи вопроса, правительство приняло два рѣшенія, столь же основательно порицаемые поверхностными либералами, какъ и распусченіе палаты. Объ одномъ изъ нихъ мы говорили въ предыдущемъ мѣсяцѣ: всѣмъ чиновникамъ и зависящимъ отъ правительства корпораціямъ, было предписано употребить всевозможныя усилія для поддержки правительственныхъ кандидатовъ на новыхъ выборахъ и вслѣдствіе отклонять публику отъ выбора депутатовъ, не одобряемыхъ министерствомъ. Въ прошлый разъ мы защищали эту мѣру со стороны ея естественности и необходимости, доказывая, что напрасно обвинялись прусскіе министры за дѣйствованіе въ пользу своихъ интересовъ, потому что ни отъ кого нельзя ждать или требовать чего либо иного. Теперь мы пойдемъ дальше въ защищеніи прусскаго правительства и скажемъ, что это его дѣйствіе было не только естественно, но и совершенно благоразумно, политично и законно. Надобно помнить, о чемъ шла дѣло. вовсе не о замѣнѣ одного министерства, принадлежащаго къ известной политической системѣ, другимъ министерствомъ, признающимъ ту же систему и различившимся отъ перваго только болѣею или меньшею степенью либерализма или консерватизма. Случайъ былъ совершенно не такой, какъ замѣненіе тори лангана, или консерторы, въ Англій: Пальмерстонъ и Дарби, Росовъ и д'Израиль, подобно Кобдену и Брайту, всѣ признаютъ одинаковое правительственное устройство и спорятъ между собою только о полнотѣ или вре-

дѣ, своевременности или несвоевременности той или другой практической мѣры, которую каждый изъ нихъ станетъ проводить или задерживать совершенно тѣми же сподобами, какини пользуется и его противникъ. Принципы государственнаго управленія не подвергаются опору: онъ идетъ только о его подробностяхъ. Конечно, тутъ было бы недобросовѣстие, еслибы для торжества на выборахъ министры воспользовались тою силою, какую даетъ имъ правительственная власть, потому что, какъ мы сиевали, правительственная власть сама по себѣ не подвергается никакому измѣненію отъ заимѣны одного министерства другимъ или оттого, какой партіи будетъ дано выборомъ большинство въ палатѣ депутатовъ. Правительственная власть при всѣхъ этихъ перемѣнахъ остается неопосредованна: значить, и не приходится ей вѣдываться въ борьбу партій.

Въ Пруссіи совсѣмъ не то. Еслибы выборы дали въ палатѣ большинство министрамъ, это значило бы, что нація хочетъ подчиниться прежней правительственной власти; если же большинство новыхъ депутатовъ будетъ противъ министровъ, это будетъ значить, что нація хочетъ сама взять въ свои руки правительственную власть, будучи недовольна прежними принципами правленія, ставшими властью въ общества. Очевидно, что не одни министры были заинтересованы ходомъ выборовъ, а зависѣла отъ нихъ и судьба самой власти, существовавшей до тѣхъ поръ. Изъ этого видно, что правительственная власть имѣла достаточное основаніе вѣдываться въ избирательную борьбу и что никакъ не слѣдуетъ упрекать министровъ за это.

При ихъ посредствѣ правительственная власть приняла и другую мѣру, окончательное разъяснявшую вопросъ. Формальное причиною несогласія между министрами и палатою депутатовъ были дѣла о представленіи палатѣ подробнаго бюджета и о дефицитѣ. Власть почла нужнымъ отстранить эти мелкія дѣла, чтобы существенный смыслъ борьбы не затемнился ими. Передъ выборами было напечатано письмо министра финансовъ къ военному министру, которому его товарищъ предлагалъ позаботиться о сокращеніи военныхъ издержекъ, чтобы не было дефицита и чтобы можно было отменить сборъ экстренной прибавки къ одному изъ прямыхъ налоговъ, служившей для уменьшенія дефицита. Черезъ нѣсколько времени напечатано было документъ, объявлявшій, что эти предложенія министра финансовъ будутъ исполнены и что отнынѣ будетъ представляться палатѣ депутатовъ подробный бюджетъ. Поверхностно либералы видѣли въ тутъ недобросовѣстность. Они говорили: вотъ правительство дѣлаетъ то, чего требовала прежняя палата депутатовъ и за что она была распушена. Имъ объявилъ, что она требовала противнаго государственному благоустройству и недобросовѣстность. Но теперь палатѣ

же ихъ безвредными для государства и возможными. Если такъ, то незначѣмъ было порицать прежнюю палату и распустить ее. — Мы опять не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, потому что оно разсуждаетъ только объ отдѣльныхъ фактахъ, выбрасывая изъ нихъ смыслъ ихъ. Дѣла, по которымъ обнаружилось разнорѣчіе между палатою и правительствомъ, были сами по себѣ не важны, какъ мы уже говорили, и то или другое рѣшеніе этихъ дѣлъ не приносило государству ни большого вреда, ни особенной пользы. Но вѣдь прежняя палата, высказывая свои требованія, имѣла не ту только мысль, чтобы имѣть вотъ лишь эти дѣла были рѣшены такъ, а не иначе, — она черезъ эти дѣла хотѣла внести въ государственное устройство тотъ совершенно новый для Пруссіи принципъ, чтобы воля палаты депутатовъ вообще была закономъ для правительства; а это уже вовсе не то, что требованіе какой нибудь мѣры, по какому нибудь частному вопросу.

Пруссіе правительство распустило прежнюю палату не изъ-за важности частныхъ предметовъ спора съ нею, а потому, что не признавало за нею права приказывать ему.

Благодаря такому хорошему разъясненію вопроса самимъ правительствомъ, результатъ выборовъ не имѣетъ уже никакой двусмысленности. Тѣ депутаты прежней палаты, которые рѣшительно желали введенія конституціонной системы, выбраны въ новую палату всѣ, безъ исключенія. Во многихъ округахъ замѣнены людьми этой партіи прежніе депутаты нерѣшительнаго образа мыслей; большая часть тѣхъ депутатовъ, которые поддерживали нынѣшнюю систему правленія, потерпѣли поражение на выборахъ, точно такъ же, какъ и всѣ министры. Это послѣднее обстоятельство очень замѣчательно въ своемъ родѣ: въ цѣлой Пруссіи не нашлось городского или сельскаго округа, который согласился бы имѣть своимъ представителемъ кого нибудь изъ нынѣшнихъ министровъ.

Теперь новая палата собралась, и тронная рѣчь при ея открытіи была написана тономъ очень уклончивымъ, совершенно непохожимъ на прежнія заявленія правительства. Но этотъ мягкій приступъ къ дѣлу выразитъ собою только желаніе прусскаго правительства до возможности удерживаться отъ рѣзкихъ столкновеній, — желанія раздѣлаемаго и прогрессистами, — а нимало не свидѣтельствуетъ, что дѣло обойдется безъ такого столкновенія. Оно можетъ пойти двумя путями.

Во-первыхъ, прежняя система можетъ находить, что еще не поздно всѣхъ своихъ средствъ сопротивленія обществу; если правительство держится такого мнѣнія теперь, оно думаетъ совершенно справедливо. Въ такомъ случаѣ новая палата будетъ распущена подобно старой. Когда она будетъ распущена, это зависитъ уже отъ нея са-

мой. Правительство приглашает ее въ начинающуюся непродолжительную сессию заняться только удовлетвореніемъ текущихъ надобностей администраціи, отлагая политическій споръ о принципахъ управленія до слѣдующей сессіи, которая начнется зимою. Быть можетъ палата такъ и поступитъ, чтобы не затягивать нынѣшнюю сессию долѣ обыкновеннаго срока парламентскихъ засѣданій, до котораго остается лишь нѣсколько недѣль. А быть можетъ она найдетъ нужнымъ теперь же предъявить свои политическія требованія. Если такъ, она будетъ распущена теперь же и опять будутъ назначены новые выборы, результатъ которыхъ не подлежитъ сомнѣнію: они будутъ прогрессистамъ еще сильнѣйшій перевѣсъ въ палатѣ.

Какъ ни поступитъ палата: отложить ли по приглашенію правительства политическую борьбу до слѣдующей сессіи, или начнется ее теперь же, все-таки при нынѣшнемъ настроеніи публики — эта борьба неизбежна, если правительство не почитетъ нужнымъ сдѣлать видимую уступку; а уступка, хотя по формѣ сколько нибудь удовлетворительная, можетъ состоять только въ замѣнѣ нынѣшняго министерства людьми болѣе либеральнаго образа мыслей. Намъ кажется, что избравъ этотъ второй способъ дѣйствія, путь уступокъ, прусское правительство поступило бы неосновательно, потому что, какъ мы сказали, оно еще не истощило своихъ средствъ сопротивленія и, слѣдовательно, еще не имѣетъ необходимости отказываться отъ борьбы. Но въ сущности будетъ все равно. Ходъ исторіи неуклонно опредѣляется реальными отношеніями силъ, и ошибки, дѣлаемые людьми, имѣютъ вліяніе только на форму, а никакъ не на сущность вещей. Напримѣръ, если бы прусское правительство и вздумало теперь уже сдѣлать уступку, надобности въ которой еще нѣтъ для него при силахъ, остающихся у него въ резервѣ, то всякія нынѣшнія уступки съ его стороны оказались бы чистою формальностью, лишенною всякаго реального значенія, хотя бы оно и само искренно желало дѣлать уступки не кажущіяся, а дѣйствительныя. Попробуемъ всмотрѣться въ дѣло, и мы увидимъ, что иначе быть не можетъ. Если бы прусское правительство вздумало уступить теперь палатѣ депутатовъ, то есть замѣнить нынѣшнихъ министровъ людьми конституціоннаго образа мыслей, оно сдѣлало бы это по доброй волѣ, — не потому, чтобы уже лишено было возможности сопротивляться или надежды на успѣхъ сопротивленія, а только по снисходительному добродетельству, чтобы пощадить страну, не подвергать ее тяжелымъ симптомамъ гражданскихъ смуть. Но кто дѣлаетъ что нибудь по снисходительности, для пощадки, тотъ сохраняетъ за собою сознание силы и никакъ не въ состояніи избавиться отъ мысли, что власть все-таки за нимъ и что противникъ, пощаженный его снисходитель-

востію.
 къ зав
 воцал
 на сос
 змию
 образо
 ни счи
 образн
 лисим
 ится н
 уступк
 деть б
 иется
 икъ с
 сталъ
 продик
 ческіе
 лишь т
 вое по
 велико
 По
 неосно
 ни, к
 ры н
 истр
 ошиб
 образ
 прот
 нымъ
 путат
 нымъ
 ивст
 проэ
 може
 Такн
 не м
 дуть
 желан
 дуть
 шить
 бы с
 расн

ностию, обязанъ быть признательнымъ къ нему, то есть держать себя къ вассаломъ отъ него положеніи; если же окажется и послѣ этой пощамы неблагодарнымъ и дерзкимъ, то уже лишится всякаго права на состраданіе и долженъ будетъ подвергнуться справедливому наказанію отъ силъ, остающихся въ резервѣ у великодушнаго. Такимъ образомъ великодушный обладатель силъ, сдѣлавшій уступку, все-таки считаетъ себя сохраняющимъ власть и могущимъ дѣйствовать сообразно тому, а пощаженный противникъ остается въ положеніи, зависящемъ отъ него; слѣдовательно, дѣйствительныя отношенія остаются и послѣ уступки совершенно таковы же, какъ были до ней, и уступка имѣетъ лишь формальное значеніе: если она дѣлается, то придаетъ блескъ великодушія снисходительному сильному, и если принимается его противникомъ, то свидѣтельствуетъ, что этотъ противникъ считаетъ себя слабѣе его, — вѣдь иначе этотъ противникъ не сталъ бы и ждать уступокъ, не только что принимать ихъ, а самъ предиктовалъ бы условія новаго порядка вещей. Стало быть историческіе вопросы нисколько не рѣшаются уступками, которыя имѣютъ лишь те вліяніе, что на нѣсколько времени замаскировываютъ реальное положеніе дѣлъ формальной благовидностью снисходительнаго великодушія.

Потому мы полагаемъ, что прусское правительство поступило бы неосновательно, еслибы замѣнило нынѣшнихъ министровъ прежними, которые вышли въ отставку по несогласію на рѣшительныя мѣры и считаются за либераловъ сравнительно съ нынѣшними министрами. Да оно, повидимому, и не расположено дѣлать такую ошибку. Мы считаемъ совершенно ложнымъ разнесшійся слухъ объ образованіи новаго либеральнаго кабинета. Гораздо правдоподобнѣе противоположный слухъ, что прусское правительство нашло возможнымъ продолжать администрацію, обходясь безъ согласія палаты депутатовъ. Положимъ, что она будетъ выражать недовѣріе къ нынѣшнимъ министрамъ и просить о назначеніи новыхъ, — нынѣшніе министры будутъ сохранять свои мѣста; палата будетъ отвергать всѣ проекты законовъ, вносимые министерствомъ, — но правительство можетъ обходиться и безъ всякихъ улучшеній въ законодательствѣ. Такимъ образомъ дѣло можетъ тянуться до тѣхъ поръ, пока нынѣшніе министры утомятся непопулярностью своего положенія и подадутъ въ отставку: они, при всей своей преданности прежней системѣ, желаютъ сохранять конституціонныя формы. Тогда на ихъ мѣсто будутъ назначены люди болѣе рѣшительные, которые согласятся скрѣпить своими подписями акты, измѣняющіе конституцію, такъ, чтобы общество имѣло менѣе простора выбирать въ депутаты людей, не расположенныхъ къ прежней системѣ. Для этого нужны двѣ перемѣ-

ны въ конституціи; во-первыхъ, надобно передѣлать законы о выборахъ въ такомъ духѣ, чтобы администрація получила больше силы надъ ними; во-вторыхъ, надобно уменьшить свободу печати. Такое намѣреніе уже было у правительства и отложено потому, что влиятѣльнѣе министры нашли его или преждевременнымъ, или несогласнымъ съ своими убѣжденіями.

Во всякомъ случаѣ, послѣ выбора новой палаты, прусскій вопросъ подвинулся шагомъ впередъ къ окончательному разъясненію. Прѣжними выборами прусское общество показало, какъ мы говорили, что оно желаетъ имѣть денутатами людей, расположенныхъ ввести въ государство конституціонное правленіе на самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ прежде это правленіе существовало только по имени; новыми выборами прусское общество показало, что оно готово поддерживать этихъ людей въ борьбѣ противъ гражданскихъ средствъ прежней системы. Теперь остается видѣть, будетъ ли оно готово поддерживать ихъ и при употребленіи другихъ средствъ прежнею системою. Гражданскія средства составляютъ только меньшую часть силъ, находящихся въ распоряженіи прежней системы. Коренная сила ея заключается въ военныхъ мѣрахъ, которыми постоянно держатся въ резервѣ при всякихъ важныхъ историческихъ вопросахъ. Какъ споры между различными государствами ведутся сначала дипломатическимъ путемъ, точно такъ же и борьба изъ-за принциповъ внутри самого государства ведется сначала средствами гражданского вліянія или такъ-называемымъ законнымъ путемъ. Но какъ между различными государствами споръ, если имѣетъ достаточную важность, всегда приходитъ къ военнымъ угрозамъ, точно такъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства, если дѣло немаловажно. Если споряція государства слишкомъ неравносильны, дѣло обыкновенно рѣшается уже одними военными угрозами: слабое государство исполняетъ волю сильнаго и этимъ отвращается дѣйствительная война. Точно такъ же и въ важныхъ внутреннихъ дѣлахъ война отвращается только тѣмъ, если одна изъ спорящихъ сторонъ чувствуетъ себя слишкомъ слабою, сравнительно съ другой: тогда она смиряется, лишь только увидитъ, что противная партія дѣйствительно рѣшилась прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Но если два споряція государства не такъ неравносильны, чтобы слабѣйшее изъ нихъ не могло надѣяться отразить нападеніе, то отъ угрозъ доходитъ дѣло и до войны. Обороняющійся имѣетъ на своей сторонѣ очень большую выгоду, и потому если онъ уже не слишкомъ слабъ, онъ не падаетъ духомъ отъ рѣшимости болѣе сильнаго противника напасть на него. Посмотримъ, какое понятіе о своихъ силахъ имѣютъ партіи, ведущія между собою борьбу въ Пруссіи. Тутъ, конечно, все зависитъ отъ настроенія общественнаго мнѣнія.

Та сторона, которая имѣла громадѣйшую силу, можетъ увидѣть себя совершенно ослабѣвшею въ нѣсколько мѣсяцевъ или даже недѣль. На судя по нынѣшнему настроенію общественнаго мнѣнія въ Пруссіи, надобно полагать, что противники нынѣшней системы находятъ себя слишкомъ слабыми для военной борьбы и готовы смириться по первой рѣшительной угрозѣ правительства, что оно прибѣгаетъ къ военнымъ мѣрамъ. Разумѣется, это отношеніе очень шатко, какъ мы уже и говорили, и можетъ совершенно измѣниться отъ всякаго событія, вторымъ измѣнялось бы настроеніе общества. Внутри Пруссіи незамѣтно матеріаловъ, отъ которыхъ могли бы возникнуть такіа событія, и опасность чего нибудь подобнаго можетъ грозить нынѣшней прусской системѣ только отъ хода исторіи въ другія землѣ; да и нынѣшнее настроеніе общественнаго мнѣнія, изъ котораго возникъ происходившій теперь въ Пруссіи споръ, навѣяно на Пруссію заграничными событіями, итальянскими дѣлами, видимою шаткостью нынѣшняго положенія во Франціи и вообще тревожнымъ, возбуждающимъ нервы состояніемъ всего континента западной Европы. Эта сторона самая любопытная и важная въ нынѣшнемъ прусскомъ движеніи. Будучи не болѣе, какъ отголоскомъ глухаго шума, усиливающегося на западно-европейскомъ континентѣ, оно служитъ признакомъ готовящихся событій, отъ которыхъ зависитъ и его собственная судьба. Если ихъ наступленіе замедлится, конституціонная партія въ Пруссіи снова подвергнется летаргической безнадежности, въ которой лежала столько лѣтъ почти безъ всякаго признака жизни. Но только начнись ураганъ на Западѣ, онъ захватитъ и Пруссію, и въ ней произведетъ ломку.

А Франція, какъ мы уже много разъ замѣчали, обнаруживаетъ признаки расположенія подновить свою старинную репутацію, гласящую, что она вулканъ, изъ котораго льется лава и т. д. Два мѣсяца тому назадъ, мы говорили о препіяхъ законодательнаго корпуса по поводу адреса, и замѣчали въ нихъ черту, очень двусмысленную относительно прочности нынѣшней системы: законодательный корпусъ сталъ почтительно слушать рѣзкія рѣчи ничтожной по числу оппозиціи, которую прежде презиралъ и осмѣивалъ. Мы замѣчали, какъ уступчивъ и любезенъ былъ президентъ законодательнаго корпуса графъ Морни съ Жюлемъ Фавромъ, какъ въ любезности графа Морни и сконфуженномъ вниманіи всего законодательнаго корпуса обнаруживалось затаенное опасеніе, что, пожалуй, — чего добраго, — придется судьбѣ людей нынѣшней системы зависѣть отъ снисходительности партіи Жюля Фавра.

Но то были еще только слова и манеры обращенія. Вотъ уже начинаются и дѣйствія, въ которыхъ преглядываетъ сознаніе людей нынѣшней системы, что ей полезно избѣгать столкновеній съ новыми

претензіями: Мѣсяца полтора, а можетъ быть и болѣе, черезъ какіе два-три дня являются въ газетахъ предсказанія, что французы отдадутъ Римъ Виктору Эммануэлю. Поводомъ къ этой молвѣ послужила распря между генераломъ Гойономъ, командующимъ французскими войсками въ Римѣ, и французскимъ посланникомъ въ Римѣ Лавалеттомъ. Гойонъ, усердный приверженецъ папы, утверждаетъ, что выводить французскихъ войскъ изъ Рима нельзя. Что такое говоритъ Лавалеттъ, мы хорошенько не знаемъ, но должно быть что-то несогласное съ мнѣніемъ Гойона, потому что оба они объявили, что имъ обоимъ вмѣстѣ нельзя оставаться въ Римѣ. Спорили, спорили. Лавалеттъ то ли былъ вызванъ, то ли самъ поѣхалъ въ Парижъ, за тѣмъ ли, чтобы убѣдить правительство отозвать Гойона изъ Рима и самому возвратиться туда, или безъ надежды возвратиться, рѣшился оставить поле дѣйствія за Гойономъ. Начались въ Парижѣ какіе-то аудіенціи, въ которыхъ что-то разсуждали съ Лавалеттомъ о римскомъ вопросѣ, стали чаще прежняго посылаться изъ Парижа какіе-то денешни Гойону, а отъ него какіе-то отвѣты на депеши, и напоследокъ дѣло чѣмъ-то кончилось: то ли Гойонъ остается въ Римѣ, а Лавалеттъ удаляется, то ли Лавалеттъ остается, а Гойонъ удаляется, то ли оба они остаются, то ли оба они удаляются, — въ точности не помнимъ, чѣмъ именно кончилось, но помнимъ, что именно чѣмъ-то въ этомъ родѣ; а можетъ быть и то, что дѣло еще и не кончено, — но правдѣ сказать, не помнимъ хорошенько. — Кажется, кончилось; — нѣтъ, опять кажется, будто не кончилось. А впрочемъ все равно. Французскія войска до поры до времени остаются въ Римѣ, какъ и слѣдовало ожидать. Въ чемъ же тутъ важность, что Лавалеттъ попусту спорилъ о чемъ-то съ Гойономъ? А вотъ въ чемъ важность, — въ соображеніи, по которому надѣлано было столько шума изъ-за этого спора. Нынѣшняя сессія — послѣдняя сессія настоящаго законодательнаго корпуса. Законный срокъ его кончается въ концѣ года, и зимою должны быть новыя выборы. По свѣдѣніямъ, собраннымъ черезъ полицію, министры увидѣли, что положеніе правительства при выборахъ будетъ невыгодно, если не сдѣлать уступокъ итальянцамъ по римскому вопросу, и что въ новый законодательный корпусъ войдетъ много оппозиціонныхъ депутатовъ. Министры такъ провклились этимъ опасеніемъ, что даже увѣрили императора, будто оппозиціонная партія пріобрѣтетъ перевѣсъ, — ну, это пока еще неправдоподобно при нынѣшнемъ колебаніи общественнаго мнѣнія между конституціонистами и республиканцами, которые сходятся только во враждѣ къ существующему порядку, а между собою не успѣли еще устроить никакого перемирія и силы которыхъ кажутся одинаковы, такъ что нація не знаетъ, къ какой изъ этихъ двухъ партій лучше пристать людямъ, не увлеченнымъ полити-

ческими убѣжденіями, а желающимъ только спокойнаго и умѣреннаго правительства. При этой невозможности опредѣлить, которая изъ двухъ оппозиционныхъ партій сильнѣе, каждая изъ нихъ имѣетъ претензію не уступить безъ вооруженной борьбы власть своей противницѣ при паденіи нынѣшней системы, и эта перспектива междоусобія удерживаетъ французское общество отъ серьезныхъ попытокъ устроить нынѣшнюю систему, которая собственно только этимъ и держится, какъ мы много разъ говорили. Пока существующее равновѣсіе силъ республиканской и конституціонно-монархической партій не измѣнится въ очевидный перевѣсъ которой нибудь изъ нихъ надъ другою, нынѣшнее правительство будетъ существовать. Но мы только опровергали чрезмѣрныя опасенія нынѣшнихъ французскихъ министровъ, а вѣроятно, что положеніе дѣлъ во Франціи на самомъ дѣлѣ уже пошатывается, если министры прониклись такими опасеніями. Тревогою министровъ объясняется, какъ мы говорили, шумъ, поднятый о римскомъ вопросѣ, а то, что изъ этого шума пока еще ничего не выходитъ, объясняется тѣмъ, что опасенія министровъ нѣсколько преждевременны и овладѣли только воображеніемъ, еще не успѣвъ совершенно овладѣть ихъ разсудкомъ.

Въ Сѣверной Америкѣ, какъ мы объясняли въ прошлый разъ, театръ войны постепенно стѣсняется наступленіемъ союзныхъ силъ со всѣхъ сторонъ круга. Мы говорили прошлый разъ, что рѣшительныхъ битвъ надобно будетъ ожидать тогда, когда кругъ этотъ уменьшится на столько, что арміи инсургентовъ приобрѣтутъ выгоду концентрическаго положенія. Большая битва, произошедшая въ началѣ апрѣля на западной окраинѣ сѣверной стороны театра военныхъ дѣйствій, въ окрестностяхъ Коринѳа, у мѣстечка Питтсбургъ—Ландинга, объясняется тѣмъ, что генералы, командовавшіе западною арміею инсургентовъ, уже почли себя получившими выгоду такого положенія. Ихъ рѣшимости дать битву много помогла удивительная неосторожность союзнаго генерала Гранта (того самого, корпусомъ котораго былъ взятъ фортъ Довнельсонъ). Читатель знаетъ, что союзныя войска движутся главнымъ образомъ по долинамъ рѣкъ, чтобы удобнѣе былъ подвозъ провіанта (сухопутныя дороги въ южныхъ штатахъ вообще плохи). Овладѣвъ теченіемъ рѣки Кумберланда (на которой лежатъ фортъ Довнельсонъ и главный городъ штата Геннесси, Нашвилль), сѣверныя войска стали двигаться по рѣкѣ Геннесси, которая отъ своего устья до половины теченія открываетъ дорогу этимъ войскамъ прямо на югъ. Верхняя половина рѣки составляетъ почти прямой уголъ съ нижнею. Вдоль по верхней половинѣ ея теченія идетъ главная желѣзная дорога южныхъ

штатовъ, начинающаяся на Миссиссиппи у Мемфиса и пролегающая черезъ весь материкъ до самаго атлантическаго прибрежья, близь котораго проходитъ она черезъ главный городъ Виржиннъ, Ричмондъ. Эта дорога служитъ единственнымъ путемъ сообщенія между западными и восточными штатами Юга. По западной части ея расположилась западная армія инсургентовъ, когда была вытѣснена изъ штатовъ Кентукки и Теннесси. Защищать дорогу надобно было ей для того, чтобы не были отрѣзаны одни отъ другихъ возставшіе штаты. Центральнымъ пунктомъ инсургентовъ была очень крѣпкая позиція при Коринѣ, лежащемъ верстахъ въ 30 отъ того мѣста, гдѣ рѣка Теннесси дѣлаетъ изгибъ и гдѣ надобно было переходить черезъ нее сѣвернымъ войскамъ, если они хотѣли подвигнуться далѣе на югъ. Сѣверныя войска шли тремя большими корпусами, на разстояніи четырехъ или пяти переходовъ одинъ отъ другаго. Тѣмъ корпусомъ, который шелъ впереди другихъ, командовалъ генералъ Грантъ, имѣвшій отъ 30 до 35 тысячъ войска. Пока онъ не переходилъ съ праваго (сѣверовосточнаго) берега рѣки Теннесси на лѣвый (югозападный), онъ былъ закрытъ рѣкою отъ непріятеля, и потому-то главнокомандующій западной союзной арміи Галлекъ достигъ такое большое разстояніе, какъ пять переходовъ, между корпусомъ Гранта и слѣдовавшимъ за нимъ корпусомъ Бьюлла. Дошедши до мѣста, гдѣ надобно переходить на непріятельскую сторону рѣки, Грантъ зналъ, что центръ арміи инсургентовъ находится очень близко къ этому мѣсту и что непріятель, владѣющій желѣзною дорогою, можетъ очень быстро собрать въ этомъ пунктѣ тысячъ до 100 войска. Тѣмъ не менѣе Грантъ, не останавливаясь, перешелъ черезъ рѣку, оставивъ за собою Бьюлла въ четырехъ дняхъ пути. Увидѣвъ такую опрометчивость, Борегаръ, командовавшій западною арміею инсургентовъ, успѣшилъ собрать всѣ свои силы, чтобы опрокинуть Гранта въ рѣку. Къ счастью, онъ не могъ управиться съ своими сборами раньше трехъ сутокъ, и это поколебало военную репутацію Борегара въ глазахъ самыхъ жаркихъ его панегиристовъ. На четвертый день инсургенты штурмовали позицію Гранта, котораго вдвое превосходили силами, и совсѣмъ было смяли его въ рѣку. Но отчаянное сопротивленіе сѣверныхъ солдатъ и огонь канонирскихъ лодокъ съ рѣки успѣли задержать непріятеля, пока на другой день битвы пришелъ на выручку Гранта Бьюллъ. Тогда инсургенты въ свою очередь потерпѣли поражение и возвратились на прежнюю позицію къ Коринѣ, почти не преслѣдуемые сѣверными войсками, изъ которыхъ одна часть изнурена была двухъ-дневнымъ боемъ, а другая форсированнымъ маршемъ. Это была самая кровопролитная битва во всю шестилѣтнюю войну. Потеря сѣверныхъ войскъ убитыми и ранеными простиралась тысячъ до десяти, а у инсургентовъ тысячъ до пят-

наддати. Въ первый день битвы инсургенты взяли до 4 тысяч пленных, на второй день сами потеряли тысячъ восемь. Но въ то самое время, когда происходила эта кровопролитная битва, послѣ которой обѣ оражавшіяся арміи остались въ прежнихъ своихъ позиціяхъ, сѣверный генералъ Митчелъ съ незначительнымъ отрядомъ сдѣлалъ смѣлое движеніе, имѣвшее гораздо больше вліянія на ходъ войны. Онъ бросился на желѣзную дорогу, о которой мы говоримъ, въ такомъ пунктѣ, гдѣ она оставалась не защищена (въ Гентсвиллѣ, дагѣ на востокъ отъ той части дороги, которую охранялъ Борегаръ); овладѣвъ этой станціей, онъ посадилъ солдатъ въ вагоны, и они захватили желѣзную дорогу на разстояніи верстѣ полутора, между прочимъ овладѣли и тѣмъ пунктомъ, гдѣ съ этою главною дорогою, идущею отъ Миссиссиппи на западъ, соединяется другая желѣзная дорога, идущая съ юга на сѣверо-западъ, отъ Чарльстона, вовнутрь материка. Овладѣвъ этимъ главнымъ узломъ путей сообщенія между южною и сѣверною, западною и восточною половинами южныхъ штатовъ, сѣверныя войска разорвали теперь связь между восточною и западною арміями инсургентовъ и отрѣзали юго-восточные штаты отъ обѣихъ этихъ армій. Такимъ образомъ, кругъ дѣйствія инсургентовъ раздробленъ на три куска. Очень вѣроятно, что это удачное дѣло Митчеля значительно ускоритъ развязку войны.

Всѣми кричавшими о невозможности побѣдить Югъ, признава близость этой развязки, когда узнали въ Европѣ о занятіи Нового Орлеана сѣверными войсками. Городъ этотъ, лежащій верстахъ въ двухъ стахъ отъ моря, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣющій всѣ выгоды приморской гавани (Миссиссиппи до самаго Нового Орлеана имѣетъ глубину, допускающую морскія суда), считался неприступнымъ со стороны моря. Верстахъ въ ста ниже его, построены по обѣимъ берегамъ рѣки два очень сильныя форта, одинъ противъ другаго, такъ что огонь ихъ перекрещивается. Кромѣ того, было настроено много береговыхъ баттарей, а черезъ рѣку, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, были повѣшены толстыя желѣзныя цѣпи. Очень много говорили инсургенты и о своихъ пловучихъ баттаряхъ, и о подводныхъ минахъ, такъ что европейскіе партизаны ихъ впередъ предавали носмѣянню экспедицію, отправленную съ сѣвера моремъ противъ Нового Орлеана. Но въ числѣ судовъ этой экспедиціи, было нѣсколько канонирскихъ лодокъ, одѣтыхъ желѣзомъ. Поднявшись по Миссиссиппи до фортъ, они стали между ними, два дня занимались ихъ разрушеніемъ, разрушили. Заставивъ молчать форта, они стали подниматься выше, и подъ выстрѣлами непріятельскихъ баттарей рвать нерегораживавшія рѣку цѣпи. Такимъ манеромъ поднялись они до Нового

Орлеана, и ставъ противъ города, послали требованіе, чтобы онъ сдался. Береговыя батареи не могли вредить имъ, и защищать противъ нихъ городъ—значило бы только подвергать его разрушенію. Поэтому 20-тысячный гарнизонъ города удался во внутрь страны, и торговая столица Юга, имѣющая до 150 тысячъ жителей, была поворена флотиліею изъ нѣсколькихъ (кажется, всего только изъ двухъ) лодокъ, съ нѣсколькими пушками и нѣсколькими десятками человекъ экипажа. Съ недѣлю ждала покорившаяся этимъ лодкамъ столица Юга, пока придуть сѣверныя войска, чтобы занять ее. Канонерскія лодки отправились дальше вверхъ по Миссиссиппи, такъ что теперь почти все теченіе этой рѣки находится во власти сѣвернаго правительства. Взятіе Новаго Орлеана наноситъ Югу почти такой же ударъ, какой наносило бы Англій взятіе Ливерпуля. А потерять Миссиссиппи для него то же самое, что было бы для Австрійской имперіи занятіе всей долины Дуная непріятельскими силами.

На сѣверовосточной части театра войны произошло нѣчто любопытное паденію Новаго Орлеана на югозападъ. Послѣ того какъ генералъ Макъ Келланъ, по оплошности или предательству, далъ инсургентамъ спокойно отступить съ Потомака на Раппаганнокъ, инсургенты успѣли устроить себѣ очень сильный укрѣпленный лагерь на этой рѣкѣ города Йорктона. Европейскіе партизаны южныхъ штатовъ провозгласили эту позицію неприступной и предрекали, что сѣверная армія будетъ счастлива, если только будетъ до безконечности удерживаемая йорктонскими укрѣпленіями, а что по всей вѣроятности она будетъ истреблена подъ ними. Были печатаемы отзывы европейскихъ офицеровъ, увѣрявшихъ, что взять Йорктонъ труднѣе Севастополя. Были уже извѣстія и о томъ, что сѣверная армія разбита подъ нимъ. Но послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ схватокъ инсургенты отступили изъ своей непобѣдимой позиціи; сѣверная армія, преслѣдуя ихъ, смела ихъ аррьергардъ и теперь идетъ къ Ричмонду.

Повидимому, война почти кончена. Такъ говорятъ теперь Times и его нью-йоркскій корреспондентъ, съ голоса которыхъ твердилось въ Европѣ, что война никогда не кончится. Но у инсургентовъ еще остаются двѣ арміи, каждая силою до 150 тысячъ человекъ. Трудно волагать, чтобы они не сдѣлали попытокъ повернуть ходъ войны отчаянными битвами. Повернуть его они не могутъ: перевѣсъ силъ Сѣвера слишкомъ очевиденъ; но нѣтъ ничего невозможнаго, что они пріобрѣтутъ два три успѣха, какъ едва не пріобрѣли побѣды подъ Коринтономъ; только можно знать, что никакіе частныя выигрыши не спасутъ теперь Югъ отъ необходимости смириться, и онъ будетъ побѣжденъ, если тайныя партизаны плантаторовъ въ Нью-Йоркѣ и Вашингтонѣ не успѣютъ склонить сѣвернаго правительства къ уступкамъ, которыя теперь уже были бы очевидною ошибкою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ВТОРАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.	
Взглядъ на русскіе гражданскіе законы. Часть вторая. <i>М. А. Филиппова</i>	5 и 458	✓
Женская доля. Романъ. Часть первая. <i>Н. Станицкаго</i>	41	✓
Журналистика во Франціи во времена консульства и имперіи. <i>П. И. Цокаревскаго</i>	177	✓
Переводы изъ Барбье и Гюго. — 1) Минотавръ. — 2) «Ночь чернымъ покровомъ лежала кругомъ». — 3) Совѣсть. — 4) Маргаритка. — 5) «Земля кремнистая, холодная, скушая». Стихотв. <i>С. Дурова</i>	213	
Литературная собственность. (Фантазія).	221	✓
Отрывки изъ посмертныхъ записокъ. <i>Пл. В. П—л—ва</i>	243	✓
Изъ наблюденій наставника семинаріи.	277	✓
Изъ стихотворенія: «Деревня». <i>Ө. Н. Берга</i>	289	
Житейскія сцены. Счастливая чета. Сцены <i>А. Н. Плещеева</i>	293	✓
Отчизна. Стихотв. <i>А. Н. Плещеева</i>	321	
Изъ Барбье. Стихотв. <i>П. М. Коо</i>	323	
Свадьба Чирибоса. Комедія въ 1 ^{забоо} _{ванья} ^{ку} дѣйствіяхъ. <i>Н. С. П—ова</i>	325	✓

	Стр.
✓ Женская доля. Романъ. Часть вторая. <i>Н. Сталицкаго</i>	503
Послѣдняя пѣсня Шенье. Стихотв. <i>П. М. Ковалевскаго</i>	562
«О юность, юность, гдѣ же ты?» Стихотв. <i>А. Н. Плещеева</i>	563
✓ Происшествiя на Яикѣ въ 1772 году. <i>Д. Анучина</i>	565
✓ Несчастные. Романъ Виктора Гюго. Часть первая. — Фантима. (Рассказъ).	607
Изъ Томаса Гудъ. — Изъ Фелисиа Гименсъ. Стихотв. <i>Мил. Плещекаго</i>	707

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ.

✓ Капрера. <i>Джона Бранди</i>	1
✓ Самозванные старѣйшины. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	47
По дѣлу о преобразованіи цензуры. (Письмо въ редакцію). <i>Н. —сла</i>	59
✓ Русская литература. — Асмодей нашего времени. (Отцы и дѣти. Романъ <i>И. Тургенева</i> . «Русскій Вѣстникъ» 1862 г. № 2). <i>М. А. Антоновича</i>	65
Новыя книги: Естественное Право, или Философія Права. <i>Ф. А. Шиллинга</i> . Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Капустина (115). — Ясная Поляна. Школа. Журналъ педагогическій, издаваемый гр. <i>Л. Н. Толстымъ</i> . — Ясная Поляна. Книжки для дѣтей. Книжки 1-я и 2-я.	122
✓ Французскіе законы по дѣламъ книгопечатанiя. <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	141
Политика. (Сѣверо-американская война. — Дѣло въ англійскомъ парламентѣ о деревянныхъ корабляхъ и каменныхъ прибрежныхъ укрѣпленiяхъ. — Прусскія дѣла).	177

АПРѢЛЬ.

✓ Послѣдній венеціанскій дождь. (Даниилъ Манинъ. 1848 годъ). <i>Леона Бранди</i>	191
✓ Русская литература. — О духѣ «Времени» и о г. Косиц., какъ наилучшемъ его выраженіи. <i>М. А. Антоновича</i>	247
Внутреннее обозрѣніе. (Наша с ^л — <i>бесѣдовать</i> и пристрастiе «Времени» къ философи ^{ході} щамъ. — Союзъ мой съ нѣко ^{ань} торыми солидарными со мно ^ь писателями уровня г. Черны-	

шевскаго. — Дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нашихъ союзниковъ, какъ-то: г. Владиміра Заочнаго, критика «Сѣверной Пчелы» и т. д. — Причины нашей вражды къ Чернышевскому. — Кой-что о верхнихъ столбцахъ «Сѣверной Пчелы» и вообще о литературѣ. — Объясненіе Н. И. Костомарова. — Неустройство современныхъ обществъ. — Причина этого неустройства — стремленіе къ цивилизаціи однихъ верхнихъ слоевъ общества, почти безъ всякаго участія въ томъ массъ. — Философствованіе Н. Ф. Павлова о сближеніи съ народомъ. — Отзывъ рижской газеты о партіяхъ въ Россіи — Отсутствіе единства общественнаго міросозерцанія въ Петербургѣ и апатія петербургскаго общества къ дѣламъ общественнымъ. — Гдѣ искать спасенія Петербургу? — Крестьянство).	293
Научились ли? <i>Н. Г. Чернышевскаго</i>	345
Политика. (Выборы въ Пруссіи. — Пустая молва о Римѣ. — Битва при Плтсбургъ-Ландингъ и взятіе Новаго Орлеана).	357

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Мая 11 дня 1862 года.

Ценсоръ *Θ. Еленевъ.*

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,
№ 40.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, для одного голоса, съ аккомпанементомъ фортепіано, собранныя и аранжированныя *М. Бернардомъ* (6 р.).

СОБРАНИЕ МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одного голоса, съ аккомпанементомъ фортепіано *А. Едличкою*. 2 части, каждая содержитъ въ себѣ 50 избранныхъ пѣсенъ, съ красивымъ заглавнымъ листомъ. (Цѣна за каждую часть 4 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одного фортепіано *М. Бернардомъ*. Часть I. Новое, передѣланное и 25-ю вновь аранжированными цыганскими пѣснями умноженное, изданіе (3 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одного фортепіано *М. Бернардомъ*. Часть II (3 р.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, собранныхъ *А. Едличкою* и аранжированныхъ для одного фортепіано *М. Бернардомъ*. 2 части (каждая 2 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одной скрипки *М. Бернардомъ* (2 р.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одной скрипки *А. Киндигеромъ*. Часть I (2 р.).

СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ РУССКИХЪ и ЦЫГАНСКИХЪ ПѢСЕНЪ, аранжированныхъ для одной флейты *Ц. Чарди* (3 р.).

НОВОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, переложенныхъ на 4 голоса съ аккомпанементомъ фортепіано *П. Вортычковымъ*. 2 тетради (каждая 3 р.).

АЛЬБОМЪ САМЫХЪ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНСОВЪ Булахова, Варламова, Глинки, Гуршлева, Даргомыжскаго и др., переложенныхъ для одного фортепіано *М. Бернардомъ*. Тетрадь I (1 р.).

BERNARD. Hommage à la jeunesse. Six romances russes transcrites: № 1. «Скажите ей!» № 2. «Магущка голубушка!» № 3. «Нѣтъ онъ меня не любитъ!» № 4. «Хочешь, что ли, моя радость». № 5. «Онъ меня разлюбилъ». № 6. «Ты не повѣришь» (каждый 50 к.). Любимые романсы Варламова, переложенные для фортепіано. 3 тетради (каждая 1 р.). Любимые русскіе романсы для фортепіано: «Два прощанья» (75 к.). «Скажите ей» (75 к.). «Онъ меня разлюбилъ» (75 к.).

- GORIA.** Chants du nord. *Airs russes transcrits et variés: № 1.* «Вотъ на пути село большое». № 2. Тріо изъ оперы «Жизнь за царя». № 3. «Отгадай, моя родная» (каждый 1 р.).
- KONTSKI.** Воспоминаніе о Москвѣ. Импровизація на романсъ «Соловей» (1 р. 50 к.). Grande fantaisies sur des airs russes (1 р. 50 к.). «Чародѣйка моя». Любимый романсъ-вальсъ (85 к.).
- NAEKE.** «Album russe». 12 fantaisies élégantes sur des airs favoris russes et bohemiens pour le piano. 12 тетрадей (каждая 60 к.); Deux fantaisies élégantes: № 1. «Любушка». № 2. «Ангель» (каждый 1 р.).
- MAYER.** Deux chansons bohemiennes-russes de Boulahoff transcrites. № 1 и 2 (каждый 1 р.).
- VOSS.** *Airs russes transcrits et variés op. 232.* № 1. Арія изъ оперы «Жизнь за царя». № 2. «Шестнадцать лѣтъ». № 3. «Матушка голубушка». № 4. «Пѣснь цыганки». № 5. «Хуторокъ». № 6. «Ахъ ты время времячко» (каждый 1 р.); «Скажите ей!» Romance de la P-cesse Kotschoubey (75 к.); «Онъ меня разлюбилъ» Romance favorite de Paschkoff (75 к.).
- SCHILLER.** Fantaisies: № 1. «Матушка голубушка». № 2. «Тяжело, не стало силы». № 3. «Не бѣлы снѣги» (каждый 1 р.).
- TSCHERLITZKY.** «Ты скоро меня позабудешь» de Warlamoff transcrite (60 к.). «Матушка голубушка». Petite fantaisie (75 к.).
- SCHADEK.** «Осѣдлаю коня». Ballade de Warlamoff transcrite (85 к.).
- KULLAK.** Illustrations russes: № 1. «Мнѣ грустно потому» (75 к.). № 2. «Я помню чудное мгновенье» (1 р.). № 3. «Благодарность» (75 к.).
- LANGER.** «Для чего ты лучъ востока». Transcription (1 р.). «Сладко пѣлъ душа соловушка» (1 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей серебромъ, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го мая 5-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллисть» (годъ XXIII), которая содержитъ въ себѣ сочиненія: *Энарда, Капри, Майера, Контскато, Страуса, Спиндлера* и др., всего 11 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая пѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на «Нувеллисть» на 1862 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Печатать позволается. С.-Петербургъ, 9 мая 1862 года.

Ценсоръ. *Ф. Келлеръ.*

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССИОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ: на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домъ Лихачева,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КАРТЫ ПЯТИ ЧАСТЕЙ СВѢТА, какъ то: Европы, Азiи, Африки, Америки, Австрiи и изображенiе Земнаго Глобуса, по новѣйшимъ свѣдѣнiямъ и учебнымъ географiямъ составленныя И. С. Рыбниковымъ, съ дозволенiя военно-топографическаго депо изданныя, на шести листахъ, мѣрою каждый въ полтора аршина, отлично иллюминированныя. Спб. 1860 г. Цѣна за шесть картъ 5 р. съ пер. 6 р., наклеенныя на полотнѣ и въ футлярѣ 8 р., съ пер. 10 р. Отдѣльно каждая карта на листѣ 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Наклеенная на полотнѣ, и въ футлярѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА ЕВРОПЫ, по новѣйшимъ свѣдѣнiямъ составленная И. С. Рыбниковымъ, съ дозволенiя военно-топографическаго депо изданная, на одномъ большомъ листѣ, отлично иллюминированная Спб. 1860 г. Ц. на листѣ 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. наклеенная на полотнѣ въ футлярѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА Сѣверной и Южной Америки. По новѣйшимъ свѣдѣнiямъ составленная И. С. Рыбниковымъ, съ дозволенiя военно-топографическаго депо изданная, на одномъ большомъ листѣ отлично иллюминированная, весьма удобная при чтенiи извѣстiй для слѣдующихъ за ходомъ тамошнихъ военныхъ дѣйствiй. Спб. 1860 г. Ц. на листѣ 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Наклеенная на полотнѣ и въ футлярѣ 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

О ТРАВΟΣѢЯНII. Съ присовокупленiемъ собранiя народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ сѣна, о паханiи и удобренiи земли, то есть въ какое время должно начинать и оканчивать всѣ работы по сельскому хозяйству. Изд. второе. М. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО. О разведенiи и воспитанiи комнатныхъ какъ луковичныхъ, такъ древесныхъ и травянистыхъ растений. Спб. 1860 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ТАБЛИЦЫ КАЧЕСТВЕННАГО ХИМИЧЕСКАГО АНАЛИЗА. Состав. В. Бекомъ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО ИЛИ ФИЛОСОФIЯ Ф. А. Шеллинга. Перев. съ нѣмецк. М. Капустинъ. М. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1. руб.

ПИСАНIЯ МУЖЕЙ АПОСТОЛЬСКИХЪ. Изданы въ русскомъ переводѣ, съ введѣнiями и примѣчанiями къ нимъ, свящ. П. Преображенскимъ. М. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

- ДВНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ**, съ историческимъ ихъ изслѣдованіемъ, краткимъ подраздѣленіемъ прочихъ праздниковъ и толкованіемъ дней **Нового Года**; съ русскимъ переводомъ акафиста Божіей Матери и праздничныхъ молитвъ, съ обзоромъ Вселенныхъ Соборовъ; описаніемъ Чудотворной Иконы Успенія Пресвятыя Богородицы; указаніями на Апостолъ и Евангеліе, читаемыя въ дни Дванадцатыхъ праздниковъ и таблицами сихъ послѣднихъ на текущее столѣтіе. Состав. Г. Лаврентьевъ. съ 13 литографированными картинами въ два тона, изъ которыхъ первыхъ — 12 копій съ Образовъ Исакиевскаго Кафедральнаго Собора въ Сиб., а послѣдняя копія съ чудотворнаго образа Успенія Пресвятыя Богородицы находящагося въ Успенскомъ Соборѣ Кіево Печерской Лавры. Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.
- ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ**. Бокля. Т. I. Часть I. перев. А. Буйницкій и Ѳ. Ненарокомовъ, Спб- 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.
- ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ СИСТЕМЪ**. Соч. Бруно-Гильдебранта. Перев. подъ редакцію В. Безобразова. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- О ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. Добролюбова**. П. А. Вишкова. Спб. 1862. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.
- РУКОВОДСТВО** къ исторіи новой русской литературы. Соч. Э. Вульфа. Сиб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.
- СОБРАНІЕ** литературно-педагогическихъ статей, Н. И. Пирогова, вышедшихъ въ управленіе его Кіевскимъ учебнымъ округомъ (1858-1861 г.) съ портретомъ автора. Кіевъ, 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- КАВКАЗЪ**. Путешествіе А. Дюма. Перев. съ франц. П. Робаровскій. 2 части. Тифлисъ. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.
- ПУТЕШЕСТВІЕ** съ зоологическою цѣлью, къ сѣверному берегу Чернаго моря и въ Крымъ, въ 1858 году, К. Кеслера, съ рисунками. Кіевъ. 1860 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.
- МАТЕРІАЛЫ** для географіи и статистики Россіи. Собранныя офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Состав. капитанъ А. Коревъ, съ планами. Спб. 1861 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.
- Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова, въ Спб.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ:

СВ. ВЛАДИМИРА, ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ
КОММИССИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библиотеки, въ домъ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПОСЛОВИЦЫ РУССКАГО НАРОДА. Сборникъ пословицъ, погово-
рокъ, реченій, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ,
повѣрій и проч. В. Даля. Большой томъ въ 8 д. листа 1100
стран. М. 1862 г. Ц. 3 р. 60 к., съ пер. 5 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ. Томъ IX. Никонов-
ская лѣтопись Спб. 1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 руб. Того же из-
данія отдѣльно томы IV, V, VI, VII и VIII. Ц. по 2 р. за томъ,
съ пер. 2 р. 75 к. Всѣ 9 томовъ (3 экземпляра) 27 руб. съ пер.
35 руб.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ. Томъ VIII. Спб.
1862 г. Ц. 2 р., съ пер. 3 руб. Того-же изданія: I, II, III, IV,
V, VI, VII, Ц. по 2 р. за томъ, съ пер. 2 руб. 75 к. Всѣ 8 то-
мовъ 16 р., съ пер. 21 руб.

НОВГОРОДСКІЯ ПИСЦОВЫЯ КНИГИ. Томъ II. Спб. 1862 г. Ц. 2 р.,
съ пер. 3 р. Того-же изданія томъ I. Ц. 2 руб., съ пер. 2 р.
75 к.

ПИСЦОВЫЯ КНИГИ ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛИ. Тома I-го отдѣлъ II
Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 25 к. Того же изданія от-
дѣлъ I. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 25 к.

**АКТЫ ОТЯОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ
РОССІИ.** ТОМЪ III. (Малороссійскія дѣла временъ Богдана
Хмельницкаго), изд. подъ редакцію Н. И. Костомарова и П. А.
Кулиша. Большой томъ, болѣе 100 печатныхъ листовъ. Спб.
1862 г. Ц. 3 руб., съ пер. 4 руб. 50 к. (I и II томы готовятся
къ изданію.)

**ЛѢТОПИСИ ЗАНЯТІЙ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ. ВЫ-
ПУСКЪ I-й).** Изслѣдованіе о ложныхъ книгахъ. Житіе Преподобнаго Мартиніана Бѣлозерскаго. Посланіе къ старицѣ Алек-
сандрѣ Волоколамскаго инока Фотія. Легенда объ Иванѣ большомъ колпакѣ. О владѣніи нѣкотораго мужа. О омраченномъ
пьянствѣ и проч.) Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

О РОССІИ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА. Со-
временное сочиненіе Григорія Кошихина. Издан. 2-е съ предис-
ловіемъ и спискомъ. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

- АКТЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.** Четыре тома. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.
- АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.** Пять томовъ. Ц. 10 р., съ пер. 13 руб.
- АКТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ РОССИИ.** Пять томовъ. Ц. по 2 р. за томъ, съ пер. 2 р. 75 к.
- АКТЫ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ,** относящихся къ Россіи, 2 тома. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- ДОПОЛНЕНІЯ КЪ АКТАМЪ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.** Одинъ томъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.
- СКАЗАНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РОССИИ.** Томъ I. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.
- ГРАМОТЫ,** касающіяся до уможеній съверо западной Россіи съ Рогомъ и Ганзейскими городами. Ц. 4 р., съ пер. 5 р. 50 к.
- ЧТЕНІЕ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.** Съ исхода XVII вѣка. П. Щербальскаго; выпускъ III. Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.; тожъ выпуски I и II. Ц. по 50 к. за выпускъ, съ пер. по 75 к.
- ПИСЬМА О РОСКОЛѢ П. Мельникова.** Спб. 1862 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.
- НЕИЗДАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА Н. М. КАРАМЗИНА.** Часть I. Мнѣніе русскаго гражданина о манифестѣ 12 декабря 1825 г. Письма къ царственнымъ особамъ и другимъ лицамъ. Мысли, стихи, и выписки литературнаго содержанія и проч. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- ДРУЖЕСКІЯ ПИСЬМА ГРАФА СПЕРАНСКАГО КЪ П. Г. МАСАЛЬСКОМУ;** изданы по высочайшему повелѣнію. Спб. 1862 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 10 к.
- ВСЕМІРНАЯ ИСТОРИЯ ШЛОССЕРА.** Томъ III. Спб. 1852 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. Тожъ томы I и II. Ц. по 1 р. 50 к. за томъ, съ пер. по 2 р.
- ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.** Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- ПИСЬМО А. И. ГЕРЦЕНА** къ Русскому послу въ Лондонѣ съ отзывомъ и примѣчаніями Д. К. Шело-Ферротти, изд. III. Берлинъ, 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- ГОРЕ ОТЪ УМА.** Комед. въ 4 дѣйств., въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоедова. Первое полное изданіе Спб. 1862 г. Ц. 10 к., съ пер. 40 коп.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 3 мая 1862 года.

Цесарь Ф. Емлевъ.

**МАГАЗИНЪ ЧАСОВЪ,
ЗОЛОТЫХЪ И БРИЛЛАНТОВЫХЪ ВЕЩЕЙ.**

И. ШПЕРГАЗЕ.

*Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домъ Армянской
церкви № 42, напротивъ Гостиннаго двора.*

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 8 камняхъ,
отъ 12 до 18 руб. сер.**

**СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, на 13 камняхъ
отъ 14 до 50 руб. сер.**

ЗА ПОЗОЛОЧЕНІЕ прилагается; за открытые 2 руб. сер., за
глухіе 3 руб. сер.

**ДАМСКІЕ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ, ОТКРЫТЫЕ и ГЛУХІЕ, также
съ эмалью и брилліантами, отъ 35 до 150 руб. сер. и до-
роже.**

**ЗОЛОТЫЕ на 8 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 35 до 60 руб.
сер.**

**ЗОЛОТЫЕ на 13 камняхъ, открытые и глухіе, отъ 45 до 300
руб. сер.**

**ХРОНОМЕТРЫ, часы съ секундными стрѣлками (Secondes Insi-
pendants), съ репетиціею, съ заводами безъ ключа (Remon-
toir на pendant) и пр. отъ 150 до 600 руб. сер.**

ЗОЛОТЫЕ БРАСЛЕТЫ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 800 руб. сер.

БРОШКИ СЪ СЕРЬГАМИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 15 до 500 руб. сер.

БРОШКИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ, отъ 8 до 500 руб. сер.

СЕРЬГИ 56 пробы, съ драгоцѣнными камнями и безъ оныхъ: отъ 3 до 600 руб. сер.

ЗАПОНКИ мужскія, отъ 3 до 50 руб. сер.

Тоже дамскія, отъ 7 до 60 руб. сер.

БУЛАВКИ, отъ 2 до 200 руб. и дороже.

ЦѢПОЧКИ разныя, отъ 12 до 125 руб. сер.

Тоже дамскія длинныя, отъ 20 до 200 руб. сер.

КОЛЬЦА разныя, отъ 3 до 500 руб. сер.

МЕДАЛЬОНЫ, КРЕСТИКИ съ цѣпочками и безъ оныхъ.

ВСѢ ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ, ЗОЛОТЫЕ КЛЮЧИКИ, БРЕЛОКИ и проч.

Всѣ заказы, также починки часовъ и золотыхъ вещей будутъ исполнены съ ручательствомъ, и въ точности.

Господь иногородныхъ прошу адресоваться въ контору **Ивана Федоровича Шпергазе**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви № 18, гдѣ и производится оптовая торговля часами.

- XII. — НАУЧИЛИСЬ ЛИ? Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. 345
- XIII. — ПОЛИТИКА. (Выборы въ Пруссіи. — Пустая молва о Римѣ. — Битва при Питтсбургъ-Ландингъ и взятіе Новаго Орлеана). . . . . 357 ✓

ВЪ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННОГО ПРОДАЮТСЯ ОСТАЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ:

СТИХОТВОРЕНІЙ И. НЕКРАСОВА.

(Съ изданія 1856 года, съ прибавленіемъ стихотвореній, написанныхъ послѣ этого года. — Двѣ части, до 500 стр., въ 12 долю листа.)

Цѣна въ Петербургѣ и Москвѣ за книгу въ красивомъ переплетѣ 3 р., съ пересылкою въ другіе города 3 р. 50 к. Непереплетенные экземпляры всѣ уже распроданы.

Объявленія: 1) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 2) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 3) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*, 4) отъ магазина часовъ, золотыхъ и брилліантовыхъ вещей *И. Шпергазе*.

Печатать дозволяется. Мая 11-го дня 1862 года.

Цензоры: *Ө. Еленевъ*. — *Ө. Рахманниковъ*.

СОВРЕМЕННОКЪ выходитъ въ 1862 году еже-
мѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ ли-
стовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургъ безъ доставки:
15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкою:
16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ:

Въ конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Заграж-
скаго, при книжномъ магазинѣ Н. В.
Баунова.

**Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ
Контору Современника въ С. Петербургъ.**

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

4 тома Цѣна 5 р., съ перес. 6 р.

Поступили въ продажу (въ магазинѣ Серно-Соловьевича, на
Невскомъ проспектѣ, близъ Казанскаго собора, и у всѣхъ извѣст-
ныхъ книгопродавцевъ) первые два тома. Третій томъ выйдетъ
въ концѣ мая, четвертый въ концѣ іюня.

FEB 16 1929

СОВРЕМЕННОЕ ВЫХОДИТЬ ВЪ 1862 ГОДУ ЕЖЕ-
МѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 25 ДО 30 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИ-
СТОВЪ И БОЛѢЕ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургъ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Нев-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Загряж-
скаго, при книжномъ магазинѣ Н. В.
Баунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать
своими требованіями къ **КЛЮЧИ**
Контору Современника въ С. Пе

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ПУШКИНА **ЛЮБОВЬ**

4 тома Цѣна 5 р., 6 р.

Поступили въ продажу (въ мага-
зинѣ Современника) въ С.-
Невскомъ проспектѣ, близъ Казанскаго
университетскаго здания (въ книж-
ныхъ книгопродавцевъ) первые два тома
въ концѣ мая, четвертый въ концѣ іюня.

FEB 16 1929

